5/158
V.

S 64M 5/158

S 65/158

Сборникъ Военныхъ Разсказовъ

Содержаніе V тома:

1. Разсказъ солдата. С. Крамаренко.—2. Воспоминанія изъ походовъ въ Азіатской Турціи 1877—1878. N. N.—3. Изъ воспоминаній сотеннаго командира. Ржевускаго.—4. Дѣло Кутаисскаго полка 24-го октября.*** — 5. Изъ писемъ врача съ Кавказа.—6. На батареѣ и въ траншеяхъ Мих. Пеземскаго. — 7. Воспоминанія со времени раненія. Мингрельца.—8. О смерти полковника Бѣлинскаго. N.—9. Воспоминанія участника минувшей войны. П. К.—10. Ночное нападеніе на г. Бардакъ.—11. Изъ походныхъ записокъ. А. Платонова.—12. Сраженіе при Горномъ Дубнякѣ. (Изъ записокъ офицера). — 13. Шипка. Штабсъ-капитана Поликарпова.—14. На Балканахъ, въ обходномъ отрядѣ генерала Рауха. Разсказъ сапера. Участника.—15. Приложеніе. Кавказская Казачья Бригада въ Болгаріи 1877—1878 гг. (Походный Дневникъ). И. Тутолмина. Ч. VI.

С. ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Кн. В. Мещерскаго

Хромолитографія и Типографія А. Траншеля, Стремянная, 12.

Сборникъ

ВОЕННЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ

1877—1878

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ
БАХРУШИНЪ

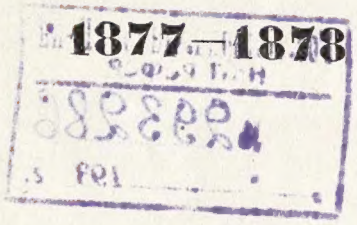
СБОРНИКЪ

ВОЕННЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ

СОСТАВЛЕННЫХЪ

ОФИЦЕРАМИ-УЧАСТНИКАМИ ВОЙНЫ

1877—1878



Томъ V

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Кн. В. Мещерскаго
1879.

Гос. Историч. Музей. Б-ка
НКП РСФСР
№ 293286
193 г.

Типографія (бывшая) А. М. Котомина, у Обуховскаго моста, д. № 93.

РАЗСКАЗЪ СОЛДАТА.

Походъ къ Сухуму.

Числился я въ 3-й ротѣ 2-го линейнаго кавказскаго батальона, который вошелъ въ составъ отряда полковника Шелковникова. Цѣль отряда, какъ извѣстно, была весьма трудная. Турки говорятъ,—плевое дѣло; главное взбунтовавшіеся абхазцы, которые имѣютъ дурную привычку стрѣлять изъ-за кустовъ; слѣдовательно, мы войну вели больше не съ непріятелями, а съ природой. Но какъ на насъ возложена священно-отечественная обязанность,—мы постарались показать себя на дѣлѣ. Наша рота стояла въ г. Сочи (Даховскій пос.), лихорадки тамъ ужасныя. Не было того дня, чтобы обошелся безъ заболѣванія. Сочи, мѣсто для жизни, весьма неутѣшительное, а тѣмъ болѣе въ военное время; дѣла никакого. Развѣ когда нибудь отправишься на охоту, убьешь дикаго кабана, все же развлеченіе и притомъ-же знаешь, что и другимъ доставишь удовольствіе,—по крайней мѣрѣ желудокъ не пустой. Но что про скуку толковать солдату, да еще въ военное время, вездѣ скучно, а тѣмъ болѣе если находишься въ бездѣйствіи. Иной разъ сердечко забьется до того, что такъ и хочется пойдти куда нибудь въ самое кровопролитное дѣло, да только это не въ нашемъ распоряженіи. Кажется, человѣкъ такой-же какъ и другой,—могъ-бы дѣлать по своему? да нѣтъ, не приказано. Жителей по берегу не было ни души; всѣ повыселились и уѣхали куда-то. Нѣкоторые побросали собакъ, отъ которыхъ намъ не было отбою,—всѣ они были на казенныхъ харчахъ. Да что собаки; послѣ объявленія войны, каждый спѣшилъ и каждый радъ былъ убраться по добру по здорову, потому что неизвѣстно было гдѣ высадятся турки, а удоб-

ныхъ-то мѣстъ для десанта очень много. Притомъ-же время дождливое; дороги неудобныя и тѣ идутъ только по берегу. Такъ что если-бы напримѣръ турокъ высадился гдѣ нибудь между Сочи и Туапсе, тогда житель что хочешь, то и дѣлай? Проѣхать дорогой нельзя; горами съ хозяйствомъ и семействомъ далеко не уйдешь; летать по воздуху—не умѣемъ. Моремъ развѣ поѣхать? тоже неприходится, потому что по морю мы ѣздили только въ мирное время; а въ военное-же—того.... опасно немного. Говорятъ, будто есть какія-то поповки, которыя могутъ разбивать броненосцевъ,—да только, это что-то уже очень сомнительно,—случая такого не было. Вотъ пароходъ Константинъ, это другое дѣло—по крайней мѣрѣ молодецъ, поддалъ имъ пару. Поповки-же можетъ быть и отличались—незнаю. Я ихъ и въ глаза невидалъ. Броненосцы-же на долго останутся у меня въ памяти; это морское страшилище, не пароходъ, а пароходище. По моему, его трудно разбить какимъ-нибудь такимъ-же чудовищемъ? Миноноски, это другая статья,—подвелъ торпеду и квитъ:—свое дѣло сдѣлаетъ.... Да что намъ темнымъ людямъ разсуждать про такія замысловатыя вещи? не наше дѣло; судите кто поумнѣе. Но все таки скажу, что выселявшіеся перенесли большія лишенія и набрались много страха; вотъ, вотъ молъ сейчасъ турокъ откуда не возьмется и будетъ стрѣлять по насъ,—давай бѣжать. Напримѣръ Туапсинскіе жители (Веліаминовское) собрались на скорую руку и отъѣхали верстъ за пятнадцать отъ посада на Маикопскую дорогу. Курей, гусей и другую мелкую живность побросали въ своихъ жилищахъ на хозяйствѣ. Дня черезъ два, три, когда пришли немного въ себя, почувствовали недостатокъ въ провизіи, сознали свою ошибку и начали дѣлать набѣги на свои-же дворы. Слышишь—раздаются выстрѣлы, такъ и думаешь, что вотъ турокъ пришелъ,—у другаго даже волосъ ежится, а что-же оказывается, смотришь черезъ нѣкоторое время, тащитъ кто-нибудь вязанку курей,—ну, конечно, сейчасъ ликованье и пиръ горой.

Да, въ Сочи мы стояли почти безъ всякаго дѣйствія; вдругъ, въ одинъ день, такъ въ полдень, послышались пушечные выстрѣлы. У нашего брата солдатства сильно взволновалась кровь, и какъ-то даже непріятно сдѣлалось—жутко; по всему тѣлу дрожь, будто тебя холодной водой обдали. Узнаемъ, турки бомбардируютъ Адлеръ, (П. Св. Духа); ну, думаемъ, не спастись и намъ отъ этой участи. Турки незаставили себя долго ждать, разрѣшили наше недоумѣніе. Въ это время между нами происходили частые споры: одинъ увѣрялъ, что будутъ турки, другой—что нѣтъ; третій говорилъ, что это у нихъ такой маневръ, и поступаютъ такимъ образомъ для того, чтобы оттягивать наши силы изъ подъ Сухума; слѣдующій говорилъ другое... Однимъ словомъ, каждый обладающій языкомъ, приводилъ свои доводы и свои политическія соображенія. Находились даже такіе дальновидные солдатики, которые заранѣе

опредѣляли—кто отличится изъ начальства и кто—изъ солдатства; впослѣдствіи эти предсказанія дѣйствительно оправдывались. Намъ отдано приказаніе идти въ набѣгъ къ Адлеру. Вамъ, читатели, должно быть мало извѣстенъ, что такое набѣгъ. Это—движеніе скорымъ шагомъ къ извѣстному пункту; мученіе людей, выбиваешься изъ силъ, но медленно подвигаешься впередъ. Кавказская природа сильна всевозможными препятствіями. Берегомъ, дорогой, идти невозможно было, изъ боязни быть замѣченными турецкими броненосцами. Намъ пришлось шествовать лѣсомъ, въ которомъ много цѣпкихъ, вьющихся кустарниковъ, загромождающихъ своимъ сильнымъ ростомъ путь; то и дѣло, что эти азіатскія растѣнія цѣпляются тебѣ то за ногу, то за полу; или же, наконецъ, совершенно впутаешься, споткнешься на камень и полетѣлъ... Несмотря на все это, мы преодолѣвали путь,—переходили овраги, горныя рѣчки и горы. Наконецъ достигли своего назначенія, — пришли въ Адлеръ къ Вонючей рѣчкѣ (Мзыфта); вода въ ней отзывается гнилью—отвратительная. Отъ Сочи до Адлера разстоянія верстъ сорокъ, — мы же на худой конецъ сдѣлали верстъ шестьдесятъ. Въ Адлерѣ оказалось убитыми броненосными выстрѣлами восемь человѣкъ. На утро броненосецъ бомбардировалъ Сочи. Намъ приказано скорымъ шагомъ идти обратно. Пришли въ Сочи и соединились съ отрядомъ полковника Шелковникова, который назначенъ въ Сухумъ-Кале. Тогда въ виду Сочи стояли три броненосца, угрожавшихъ намъ ежеминутно опасностью. Мы принуждены были выступить въ походъ по наступленіи вечера; чтобы отвлечь вниманіе непріятеля, не быть замѣченными въ нашемъ отсутствіи, — въ нѣсколькихъ мѣстахъ разложили костры и зажгли ихъ. Путь избрали окольный, и теперь всему отряду, состоявшему изъ пяти батальоновъ, пришлось идти по неблагопріятной ночной дорогѣ. Мы шли впередъ ночь и день безпрерывно до Станицы-Веселой, гдѣ имѣли трехдневный отдыхъ. Веселая была оставлена жителями и представлялась пустырь-пустыремъ, безъ всякихъ почти признаковъ жизни, исключая нѣсколькихъ исхудалыхъ собакъ—еле движущихся. Шакалы, повидимому, были полные хозяева и выказывали свое къ намъ неудовольствіе пронзительнымъ, шумнымъ раздирающимъ душу лаемъ. Изъ Веселой двинулись въ Ісандрыпшъ (аулъ оставленный абхазцами), тамъ имѣли полтора-дневный отдыхъ. Въ провіантѣ обнаружился недостатокъ. Но благодаря абхазцамъ, которые неуспѣли забрать съ собою всѣхъ своихъ пожитковъ, мы нашли извѣстное количество кукурузной муки. Это намъ было на руку; мы занялись приготовленіемъ извѣстной каши — именуемой мамалыгой, которая отъ употребленія безъ привычки сильно отозвалась на наши желудки. Изъ Ісандрыпша направились къ Пицундѣ. По пути встрѣтили очень быструю рѣчку, не шире трехъ саж.: казалось не трудно ея перейдти, сунулись— не тутъ-то было, сшибаетъ съ ногъ. Рѣка не глубокая, всего аршинъ,—

*

но до того быстрая, что даже лошадь съ ногъ сносило. Переправляться черезъ рѣку помогали татары, которые перетянули канатъ, и мы человѣкъ по двадцати брались рука за руку—за плечевую кость; вся партія имѣла наклонное положеніе противъ теченія воды. Но все таки, не смотря на всѣ эти хитрости,—съ трудомъ переходили на противоположный берегъ. Вода холодная, уносящая Богъ вѣсть откуда камни, которые дали себя почувствовать. Одинъ казакъ уронилъ въ воду сапоги, погнался за ними и чуть было не поплатился жизнью. Его отнесло, камкомъ, на нѣсколько саженъ внизъ. Когда вытащили его на берегъ, онъ сказалъ: ну братцы, сапоги этого нестоятъ, другой разъ ни зачто не полѣзу; присловица оправдывается, не суйся въ воду—коли не знаешь броду. Пицунда бомбардировалась двумя броненосцами. Ядра, то и дѣло, тяжело въ воздухѣ вздыхали и далеко за горой разрывались, на которыхъ отдавалось повторительное эхо,—какъ бы вызывающее въ открытый бой. Сердце у меня было не на мѣстѣ, да и укаждаго изъ насъ. Хотѣлось бы дѣлать что нибудь, но опредѣлительнаго ничего не имѣлъ и ничего не могъ создать, — состояніе души было смутное; стремишься самъ не знаешь къ чему. Разговоры вообще между солдатствомъ не клеились; каждый думалъ про себя, — но что думалъ? неизвѣстно. Видимо, личности были заняты исключительно собою. Отъ времени до времени молча направляли взоры въ ту сторону, откуда слышался грохотъ пушекъ и также молча провожали шумъ летящаго ядра. По временамъ, изрѣдка вскрикивалъ кто нибудь: ишь ты, какъ его разобрало!... Но это слово „разобрало“ напоминало каждому, можетъ быть о близкой смерти самаго или же его друга и притомъ же внушало сильную жажду мести къ врагу. Каждый, судя по себѣ, имѣлъ нетерпѣливое желаніе отправить нѣсколькихъ непріятелей на тотъ свѣтъ; съ гордостью посматривалъ на игольчатое ружье, перекидывалъ его съ плеча на плечо и думалъ про себя: отъ тебя, моя тяжесть, зависитъ жизнь людей, а можетъ быть и моя; и въ это же время посматривалъ вопросительно на своего сосѣда, какъ бы боясь, чтобы тотъ не угадалъ его мысли и не сказалъ бы: не трусь братъ, какой же ты послѣ этого солдатъ? Смерть, хотя у каждаго была неотъемлема въ головѣ, но за то и каждый совѣстился ея. Нашу стрѣлковую роту послали въ набѣгъ.

Отрядъ немного перевелъ духъ и вечеромъ двинулся къ Гаграмъ; здѣсь дорога была еще хуже прежде пройденной нами. Передъ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, мы дошли до большой Гагринской щели и были замѣчены двумя турецкими броненосцами, которые подходили то ближе, то дальше отъ берега; повидимому они имѣли желаніе сдѣлать по насъ нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ. Какъ только отрядъ замѣтилъ, что турки открыли наше присутствіе и имѣютъ не доброе въ головѣ, полковникъ Шелковниковъ распорядился, чтобы отрядъ принялъ немедленно враща-

тельное движеніе по всѣмъ возвышенностямъ; щели же не переходить, потому что въ ней навѣрное можно получить смерть, такъ какъ броненосцы придерживались не далеко отъ щели и имѣли борта противъ нея, зная, что обойти невозможно, — а другого пути къ Гаграмъ не было. Такъ мы двигались по одному и тому же направленію до самаго вечера. За день мы своимъ круговымъ движеніемъ внушили туркамъ, что у насъ не 5 батальоновъ, а 20; однимъ словомъ, хотя измучились до послѣдняго запаса силъ,—за то же и его сильно надули. Шелковниковъ молодецъ былъ, царство ему небесное, умѣлъ развернуть свои войска; какъ же, изъ одного человѣка сдѣлать пять и десять, шутка-ли? А все-таки, какъ мы не крутились, какъ не вертѣлись, какъ не мудрили—не пришлось перешагнуть щели,—тамъ и заночевали. Слѣдующій день отозвался тоже очень непріятно; жара невыносимая,—сильная жажда, а воды нѣтъ; положимъ была вода, грѣшно лгать, да только трудно доставалась, нужно было спускаться въ щель за нею. Человѣка по два по три, то и дѣло, что сновали съ котелками въ щель и изъ щели, и приносили воду для сильно изнемогшихъ и жаждущихъ. Броненосцы же дѣлали свое дѣло,—выстрѣлъ за выстрѣломъ. Одинъ водоноситель палъ мертвымъ отъ разрывнаго ядра, за всю нашу братію, — царство ему небесное. Въ этотъ день въ отрядѣ много солдатъ заболѣло лихорадкою. Въ слѣдующую темную ночь во время дождя, мы спускались съ горъ, по вьючной дорогѣ, къ берегу; темно хоть глазъ выколи, ни зги не видно, а тутъ нужно еще брать крѣпость Гагры, въ которой засѣли абхазцы и турки. Коекакъ спустились на берегъ, окружили крѣпость и пошла перепалка съ обѣихъ сторонъ; броненосцы же принимали живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ; они сыпали картечью, какъ горохомъ, да только безъ толку,—перелетало. На наше счастье, откуда не возьмись—пароходъ „Константинъ“, и началъ пускать ракеты. Броненосцы погнались за нимъ, а мы въ это время успѣли выбить азіатовъ изъ крѣпости и пробѣжали Гагринскую равнину. „Константинъ“ молодецъ, ловко дѣло обдѣлалъ, политично поступилъ, безъ него намъ бы плохо пришлось бѣжать черезъ равнину, пожалуй много было бы убитыхъ съ нашей стороны, потому что мы пробѣгали бы почти подъ носомъ у нихъ. Стало свѣтать. Мы подходили къ аулу Гагрыпшу, кажется такъ его называли, навѣрно незапомнилъ,—тамъ была горячая перестрѣлка съ возстанцами. Но, что меня бѣсило и хуже нѣтъ,—это имѣть дѣло съ такими людьми, которые прячутся за кустами и оттуда шлютъ неожиданные выстрѣлы,—другое дѣло, выходи въ открытое, а то, вишь, прячется; чортъ его знаетъ гдѣ онъ сидитъ? и потому незнаешь куда стрѣлять. Броненосцы же вернулись, имъ неудалось совладать съ „Константиномъ“, и опять давай жарить по нашимъ войскамъ. Но какъ то Богъ миловалъ, заряды мимо пролетали.

На сколько прежде катанье ядеръ было страшнымъ, на столько те-

перь сдѣлалось оно пріятнымъ. Повѣрьте господа, когда ядра не слышно, то кажется будто чего-то недостаетъ — нехватаетъ; а какъ услышишь протяжно-отрывистое ко-о! ко! словно масломъ по душѣ, забываешь все горе. Черкесы были выбиты изъ аула и разсѣяны. Броненосцы пошли къ Сухуму. Въ этомъ дѣлѣ, въ отрядѣ оказалось четыре человѣка убитыхъ и пять раненыхъ. По взятіи аула, въ одной саклѣ, въ трубѣ, нашли черкеса, который нехотѣлъ вылѣзать оттуда, не смотря ни на какія увѣщанія; ему прострѣлили ногу, онъ упалъ. Хотя этотъ поступокъ кажется жестокимъ, но что же дѣлать, когда онъ по добру не сдавался и между тѣмъ успѣлъ ранить одного солдата кинжаломъ, который хотѣлъ вытащить его изъ трубы. Въ другой саклѣ засѣли два черкеса на чердакѣ и тоже неподдавались ни на какія просьбы. Имъ, черезъ переводчика, обѣщали даровать жизнь, но они это отвергли и предпочли быть сожженными вмѣстѣ съ саклей. Въ аулѣ отбили до четырехъ тысячъ барановъ и до шестисотъ рогатаго скота, которыхъ отправили въ Маікопъ или Екатеринодаръ — не знаю. Въ это время, мы въ говядинѣ недостатка неимѣли, самый любой кусокъ вырѣжешь и сжаришь. Простоявши полдня въ аулѣ — направились дальше. Почти всю дорогу, мѣстами шла перестрѣлка съ немирными абхазцами по теперешнему времени. На другой день къ разсвѣту пришли въ Гудауты. Начальникъ отряда полковникъ Шелковниковъ остановилъ отрядъ и сказалъ: вотъ братцы, теперь дѣло завязывается очень серьезное. Прежде были цвѣтки, а теперь мухи полетятъ. Братцы, говоритъ, не робѣйте! штыкъ молодецъ! Только вышли изъ Гудаутовъ, мы увидѣли турецкіе пикеты и тутъ пошла потасовка, все-жь таки изъ-за кустовъ. При отрядѣ было два горныхъ орудія; у одного послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ сломался лафетъ и его отправили въ Гудауты. Намъ пришлось орудовать однимъ, за то-же молодцовато. Отрядъ остановился по сю сторону щели, по другую же были на горѣ турецкія укрѣпленія; часовой при орудіяхъ ходилъ очень скорымъ шагомъ, просто, издали если смотрѣть, онъ только мелькалъ; должно быть каналья замѣтилъ насъ и отъ того такъ суетился? Орудія укрѣпленія противъ солнца такъ и блестятъ, такъ и блестятъ,—а сердце мое бѣдное чуть не надрывается. Каждый изъ насъ предчувствовалъ близкую жаркую работу. Стрѣлковая рота пошла правымъ флангомъ, а 3-я рота лѣвымъ флангомъ. Солдаты разсыпались по кустамъ, какъ пчелы, ищущія цвѣтка; во всей ротѣ царило безмолвіе. При ротѣ были два переводчика, которые все время шли впереди съ солдатами и постоянно говорили, айда, айда—уже близко. Пули же непріятельскія то и дѣло что жужжатъ. Вышедши на поляну, увидѣли ложементы, въ которыхъ сидѣли турки. Они стрѣляли очень жестоко — сильно; у нихъ были ружья шестнадцати зарядныя — магазинки, но только понапрасну они горячились выпускать заряды, пули

летѣли въ небо. Да какъ же они могутъ приносить значительный вредъ своими выстрѣлами, коли сами попрятались, а дула торчатъ по такому направленію, будто мы спускаемся съ небесъ? Смѣшно, ей Богу, на такихъ стрѣлковъ. Мы, послѣ непродолжительной перестрѣлки, бросились на ура; взяли первый ложементъ, въ которомъ убили двухъ турокъ. Съ слѣдующимъ ложементомъ поступили такимъ же образомъ; здѣсь у насъ убили унтеръ-офицера, пуля влетѣла прямо въ сердце; хорошій былъ человѣкъ, да нечего дѣлать... Непріятель побросалъ все и скрылся. Трофеями достались четыре ящика патроновъ, ружья, пальто, ранцы, въ которыхъ былъ табакъ и попадались деньженки и куча галетъ. Генералъ Шелковниковъ приказалъ играть отступленіе, но мы сильно заняты — не слышали; шумъ ядеръ, пуль, крикъ—все это перемѣшалось, ничего не разберешь. Мы кое-какъ донесли начальству черезъ одного солдатика, что намъ дѣлать съ забраннымъ? Тогда явился офицеръ Маншининъ и приказалъ забрать все, что только возможно. Мы все сподручное въ охапку и ушли. Нѣсколько человѣкъ несли убитаго унтеръ-офицера на турецкихъ плащахъ. Когда пришли къ отряду, онъ уже стоялъ въ полномъ сборѣ. Шелковниковъ слѣзъ съ лошади и благодарилъ нашу роту. Отрядъ двинулся обратно въ Гудауты и расположился на плацу, возлѣ церкви, подъ тремя громаднѣйшими греческими орѣхами. Жители окрестныхъ ауловъ, абхазцы, поздравляли отрядъ съ славнымъ дѣломъ, высказывали самое дружественное отношеніе. Разговоръ былъ хотя мало понятнымъ, но за то такъ дружественъ, такъ искренень, будто родные разговариваютъ, и тѣни не было непріятельскаго; каждый чувствовалъ особенное душевное настроеніе и былъ, какъ говорится, въ своей тарелкѣ. Начальникъ отряда былъ въ самомъ веселомъ духѣ, шутилъ съ офицерами,—а намъ сказалъ: всѣхъ бы, говоритъ, поцѣловалъ въ макушку, да только время теперь не такое. Крещенные и не крещенные абхазцы пригнали къ отряду собственнаго своего скота, тутъ же на плацу рѣзали его, тутъ и жарили. Вино тащили въ кувшинахъ, ведрахъ—въ чемъ попало; пиръ разразился горой—всего вдоволь. Потомъ приглашали насъ къ себѣ въ гости, въ свои сады и дома; разбрелась наша братія на всѣ четыре стороны. Въ садахъ было фруктовъ такое изобиліе—ѣшь, не хочу. Въ сакляхъ насъ сажали на самыхъ лучшихъ коврахъ и старики заставляли своихъ дочерей играть на тарѣ (родъ балалайки), чтобы больше доставлять намъ удовольствія—это чисто по восточному; въ другихъ домахъ гдѣ имѣлось двѣ, три дочери, то обыкновенно одна играетъ, а тѣ пляшутъ. Кстати замѣтить, что между ними есть такія красавицы, что прелесть, прелесть! заглядѣться можно. Тѣмъ только походная жизнь и хороша, что насмотришься на все,—увидишь виды... Но что замѣчательнѣе всего—это то, что если кому пришлось остаться ночевать, то непремѣнно отцы распоряжались и присылали

въ кунацкую (комната для друзей и знакомыхъ) одну изъ дочерей, конечно если таковыя имѣются, которая обязана раздѣвать гостя; это хотя и стѣснительно, смѣшно даже, за тоже очень поэтично.

На слѣдующее утро сдѣлали кличь, вызывали охотниковъ на берегъ къ пристани, — мы стояли въ пяти верстахъ отъ аула Гудауты. Насъ изъ третьей роты набралось человѣкъ полтораста. Мы отправились во главѣ гудаутскаго священника и всю дорогу, до самаго берега, пѣли молитвы. Два броненосца, стоявшіе противъ аула, удалились къ Сухуму. На пристани и берегу застали много абхазскаго добра, котораго выселявшіеся не успѣли забрать съ собою въ Турцію; тамъ находилось вино, медъ, подушки, одѣяла, и прочій скарбъ. Когда все это разсмотрѣли, привели такъ сказать въ порядокъ, соединили подъ одну группу все съѣстное, тогда кутнули на всю ивановскую,—однимъ словомъ дѣйствовали какъ бы дома, непріятеля въ разсчетъ непринимали. Командиръ Олекси приказалъ строить палатки; но какъ у насъ не было казенныхъ палатокъ, то мы для этой цѣли съ пользой употребляли абхазскія одѣяла. Да, послѣ труднаго перехода мы барствовали и роскошествовали; солдату, да еще въ военное время, спать на подушкахъ—шикъ!... это едвали позволительно,—ну ничего, вѣдь бываетъ же плохо, должно же быть и хорошо. Остальная полурота пришла на другой день къ обѣду,—наше солдатство очень доброе, угостили свою собратію чужимъ добромъ, какъ своимъ собственнымъ. Смотримъ, такъ часу во второмъ дня, направляется къ берегу турецкая филюга,—должно быть имѣла забрать пожитки. Командиръ приказалъ: картузы долой; понадѣвали фески, а у кого фески не было тотъ окутывалъ голову платкомъ; все равно, чтобы не было на головѣ, лишь бы только поддѣлаться подъ турецкую башку. Филюга приблизилась къ берегу сажень на двѣсти, — командиръ скомандовалъ въ ружье. Выстроились, выдвинулись задніе ряды къ берегу и дали залпъ. Филюгу продыравили въ разныхъ мѣстахъ и убили пять человѣкъ турокъ—ихъ только и было. Командиръ сказалъ, кто можетъ плавать? въ воду. Насъ бросилось въ плавъ пять человѣкъ, но до мѣста доплыли только два я, Старовѣровъ и Стариковъ, который пріобрѣлъ серебряные часы, а я прихватилъ пистолетъ съ серебряной оправой. Филюгу привели къ берегу,—одинъ изъ турокъ былъ чуть живъ; едва успѣли снесть его и положить на берегъ—умеръ. Замѣчательно крѣпкій былъ старикъ,—онъ имѣлъ болѣе двадцати ранъ, а все таки прожилъ съ ними навѣрно часъ. На другой день такимъ же образомъ раздѣлались съ другой филюгой; на ней было четыре человѣка. Послѣ нѣсколькихъ нашихъ выстрѣловъ, люди, находящіеся на филюгѣ, бросились въ воду — смерть страшна, и хотѣли плыть въ глубь моря; правда, что утопающій хватается и за первую попавшуюся соломенку — такъ и они, вмѣсто того чтобы выходить на берегъ, гдѣ навѣрно остались бы живыми, но они

по своей глупости конечно, предпочли спасаться бѣгствомъ и куда же? въ безпредѣльную синеву моря. Само собой, имъ это неудалось, неуспѣли отплыть и нѣсколькихъ саж. были убиты. Филюга выброшена зыбью на берегъ. На слѣдующій день къ берегу приближался транбакъ (двухъ мачтовая кочерма) и бросилъ якорь, такъ саженяхъ въ трехстахъ отъ берега; паруса же были на готовѣ. Мы высыпали на берегъ и давай валять, выстрѣлъ за выстрѣломъ. Турки во избѣжаніе большой непріятности хотѣли поднять якорь и тягу, дай Богъ ноги. Имъ это неудалось потому что на передней мачтѣ, — перебили ванты и рейку — парусъ упалъ. Намъ съиграли отбой, такъ какъ на кочермѣ невидно было ни души. Четверть часа спустя, замѣтили трехъ человѣкъ, суетившихся возлѣ якоря; они все таки не теряли надежды выпутаться изъ пренепріятнаго положенія. Мы давай опять ихъ щелкать, но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ на кочермѣ не видно было ни души. Явился на мѣсто дѣйствія начальникъ отряда съ ротой и однимъ орудіемъ, и приказалъ починить прежде взятую филюгу. Филюгу законопатили, на скорую руку, ватой изъ абхазскихъ одѣялъ. Сѣли въ нее тѣ изъ солдатъ, которые знали матроскую службу, но такихъ было только два — я и Гладченко, а потому взяли еще унтеръ-офицера Бѣлякина и семь человѣкъ солдатъ; съ нами былъ офицеръ Манчининъ и переводчикъ. Не доѣзжая саж. двадцати до транбака, переводчикъ закричалъ что то на турецкомъ языкѣ,—отвѣта не послѣдовало; подъѣхали къ борту, отвѣта опять небыло. Мы всѣ закричали въ одинъ голосъ: кто живой? выходи!... опять молчокъ... Спустя нѣкоторое время, показался старикъ и произнесъ, алла, алла. Влѣзши на кочерму, мы увидѣли четыре трупа. Старика взяли; онъ спасся только, благодаря своей предпріимчивости и разсудительности; онъ во время выстрѣловъ лежалъ закутавшись въ парусахъ. Въ трюмѣ нашли красный товаръ въ тюкахъ. Подняли якорь и поплыли къ берегу на кливерахъ. Послѣ осмотра товаровъ, при которомъ присутствовалъ начальникъ отряда и офицера, приступили къ выгрузкѣ и опечатыванію всего товара. Плѣненнаго старика отправили въ Гудауты. Ген. Шелковниковъ благодарилъ роту и послѣ того отрядъ двинулся къ Сухуму. Я и Гладченко съ другими солдатами остались при кочермѣ. Наша третья рота ушла въ Сухумъ, а на мѣсто ея осталась въ Гудаутахъ 7-я рота 1-го батальона. Офицеръ то и дѣло говорилъ чтобы мы снялись съ якоря. Ну, думаемъ, нечего дѣлать; намъ съ нимъ не приходится спорить? Гладченко и говоритъ, онъ былъ шкиперомъ, эй, братцы, давай отчаливать, — начальство приказываетъ. Натянули паруса и маршъ; дѣло было такъ послѣ обѣда. Только выѣхали за мысъ, а тутъ передъ носомъ броненосецъ—вотъ онъ. Мы задкомъ, задкомъ и тягу назадъ. Съ нами въ то время были больные, которыхъ нужно было везти въ госпиталь; они бѣдняжки просятъ до слезъ, чтобы выса-

дить ихъ на берегъ,—смерть, извѣстное дѣло, каждому страшна; но какъ тутъ горю помочь, когда остальные пять солдатишекъ, исполнявшіе теперь матроскую службу, прежде еще, при подозрѣваемой опасности, сѣли въ филюгу, выѣхали на берегъ и убѣжали въ лѣсъ. На кочермѣ остался я и Гладченко, что хочешь то и дѣлай! А тутъ еще какъ на бѣду, неподалеку отъ пристани, наскочили на мель. Фу, ты пропасть! одно съ однимъ такъ и связывается: это выходитъ,—ты его крести, а онъ кричитъ пусти. Съ этой непріятностью мы еле раздѣлались. Намъ ничего больше не оставалось, какъ раздѣться и лѣзть въ воду по самую шею. Но чтобъ ей этой самой кочермѣ ни дна, ни покрышки... Задала намъ работы, просто глаза, какъ говорится вылѣзли, наконецъ, какъ то сдвинули,—подъѣхали къ берегу, а рота вытащила къ пристани. Тогда, когда мы были уже на пристани, подошли и остальные наши бѣглецы матросы. Хороши ребята. Ночью больныхъ отнесли въ Гудауты.

Мы просили ротнаго командира, чтобы онъ позволилъ не разгружать кочермы. Командиръ, прикрикнулъ на насъ,—тѣмъ и кончилось дѣло: приступили къ выгрузкѣ. На другой и на третій день мы только и знали, что нагружать да выгружать кочерму; потому что только выѣдемъ за мысъ а тутъ броненосецъ, ну само собой мы на попятный. Да, неутѣшительно было намъ матроствовать; товаръ по случаю выгрузки и нагрузки былъ расхищенъ, а такъ какъ мы его принимали на свои руки, то намъ пришлось и отвѣчать. Отрядъ вернулся изъ Сухума и меня съ Гладченко—рабовъ божьихъ подъ арестъ, значитъ поздравили съ окончаніемъ похода; люди веселятся, а ты сиди подъ надзоромъ часоваго, а за что? такъ себѣ—по милости другихъ... видите—не съумѣли сохранить и уберечь его. Когда же нашли кое-какія вещи въ 3-й ротѣ 1-го батальона насъ освободили. Все что было, нагрузили съизнова и отправились въ путь. Но и путь не безъ приключеній; мы такъ были напуганы турецкими броненосцами, что даже скрывались нѣсколько разъ и отъ своихъ пароходовъ. Въ то время ходили всѣмъ извѣстные, „Константинъ“ и „Владиміръ“, которые взяли насъ на буксиръ и доставили въ Туапсе.

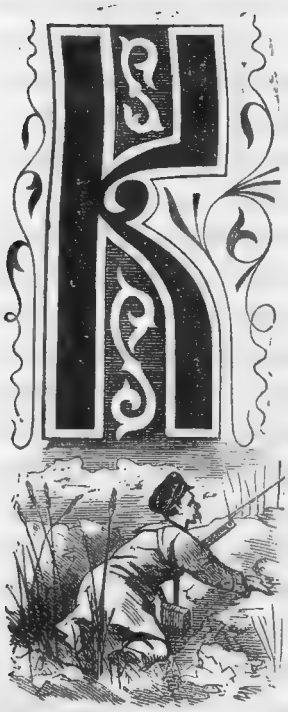
Этотъ самый транбакъ, на которомъ изволили мы прогуливатся, находится теперь въ г. Новороссійскѣ. На немъ мы доставили въ Новороссійскъ порядочное количество шестнадцати-зарядныхъ ружей, — но не знаю гдѣ онѣ теперь? Знаю, что я не досталъ ни одного. Но за то, слава Богу, я живъ и невредимъ, а нѣсколько разъ жизнь моя висѣла на волоскѣ: одинъ разъ пуля пролетѣла мимо уха; другой—мимо колѣна, а третій—когда цѣлился—пролетѣла прямо подъ мышкой лѣвой руки,—а все же Богъ меня спасъ.

С. Крамаренко.

ВОСПОМИНАНІЯ
ИЗЪ ПОХОДОВЪ ВЪ АЗІАТСКОЙ ТУРЦІИ.
1877—1878.

„Эхъ, наша слава пропала!
Подвиговъ нашихъ молва
Сказкой казарменной стала!
. . . . . .“

Беранже.



Къ концу іюля 1877 года нашъ полкъ, перейдя границу — рѣку Арпачай, вступилъ въ составъ дѣйствующаго корпуса на кавказско-турецкой границѣ. Не стану вспоминать о тѣхъ чувствахъ, которыя волновали каждаго переступающаго черту, отдѣлявшую мирную жизнь отъ боевой; всякій, бывавшій въ военныхъ походахъ, самъ испытывалъ ихъ, не бывалый же — слышалъ и читалъ. Шли мы весело съ пѣснями, не смотря на то, что еще не успѣли привыкнуть къ тѣмъ страшнымъ жарамъ, которые обыкновенно бываютъ въ этой мѣстности. Горевать пока было не о чемъ. Болѣзней еще не было, оставались назади или слишкомъ слабые отъ природы, или со стертыми ногами: составъ нижнихъ чиновъ въ ротахъ былъ до 200 человѣкъ и болѣе; все это шло весело и охотно въ бой, наэлектризованное разсказами о молодецкихъ битвахъ, долетавшими до насъ во все продолженіе нашего похода.

Еще во Владикавказѣ всѣмъ офицерамъ было разрѣшено пріобрѣсти верховыхъ лошадей, такъ что пока походъ для насъ офицеровъ былъ пріятной прогулкой: мы любовались новой мѣстностью, нѣкоторыя мѣста насъ рѣшительно поражали, на станціяхъ всегда можно было достать

съѣстное,—весело было. Не думаю, чтобы тоже сказали солдаты; во всякомъ случаѣ тащить ранецъ съ полной укладкой и двѣнадцатифунтовое ружье нельзя назвать пріятнымъ трудомъ, тѣмъ болѣе, если принять въ соображеніе невообразимую пыль по всему шоссе военно-грузинской дороги. Но все это были игрушки сравнительно съ тѣмъ, что пришлось испытать въ послѣдствіи.

Вступая въ отрядъ, мы проходили мимо лагерей войскъ уже бывавшихъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ; офицеры и солдаты выходили толпами изъ палатокъ и съ любопытствомъ осматривали насъ. На многихъ изъ этихъ солдатъ бѣлѣлись уже знаки военнаго отличія за Ардаганъ и Зивинъ.

Нельзя сказать, чтобы мы не позавидовали, глядя на этихъ загорѣлыхъ молодцовъ, успѣвшихъ уже показать себя, какъ прекрасныя войска, поддержавшіе старую кавказскую славу.

Подходя къ Башкадыкляру, гдѣ мы должны были стоять, подтянули солдатъ и вступили въ составъ отряда стройно, съ пѣснями, съ мокрыми отъ поту рубашками, но съ полной увѣренностью въ первомъ же дѣлѣ показать себя достойными нашихъ новыхъ товарищей.

За походъ солдаты поразительно быстро выучились разбивать палатки: не прошло и минуты, какъ уже забѣлѣлъ правильными рядами палатокъ нашъ новый лагерь; пустынная, мрачная мѣстность оживилась: загремѣли человѣческіе голоса, заскрипѣли повозки, раздались звуки забиваемыхъ колышковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ засинѣлъ дымокъ разложенныхъ огоньковъ и началась наша боевая жизнь.

Немного отдохнувъ и прохладившись отъ нестерпимаго жара, я отправился на высившійся немного впереди нашего лагеря небольшой холмикъ, откуда хорошо должны быть видны окрестности.

Природа вообще здѣсь неприглядна: растительность, дающая жизнь и такъ украшающая мѣстность, была въ самомъ жалкомъ состояніи: вся трава спалена солнцемъ, о деревьяхъ и кустикахъ и намеку не было; нѣтъ ни одного уголка, гдѣ-бы глазъ могъ отдохнуть; великое это лишеніе для насъ россіянъ, привыкшихъ къ раздольнымъ зеленымъ степямъ, да кудрявымъ тѣнистымъ лѣсамъ. А между тѣмъ, говорятъ, прежде всѣ эти горы были покрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ, но теперь не видно нигдѣ и пеньковъ, такъ что не вѣрится въ эти разсказы.

Взобрался я на холмъ и дѣйствительно передо мной, какъ на скатерти, разстилалась почти вся позиція Анатолійской арміи и та долина, которая раздѣляла нашу и турецкую позиціи.

Почти въ самой срединѣ этой долины торчала прославившаяся впослѣдствіи Кизиль-тапа (красная гора), сплошь покрытая мелкими камнями.

Прямо передъ Башкадыкляромъ возвышалась самая большая гора, носившая названіе Аладжи. Простымъ глазомъ было видно, какъ вся она

изрыта батареями и завалами; палатки частыми группами покрывали весь ея скатъ; правѣе Аладжи, какъ фортъ ея, стояла Инахъ-тапеси, имѣвшая коническую форму, на самой вершинѣ ея помѣщалась батарея, у подошвы разстилался большой лагерь (это были единственныя палатки, находящіяся на ровномъ мѣстѣ). Вправо высились Большія и Малыя Ягны, Визинкевъ и другія вершины. Все это вмѣстѣ взятое дѣйствовало внушительно и производило сильное впечатлѣніе: неприступны казались эти крутобокія горы, усиленныя ложементами, траншеями и батареями.

Самая Аладжа составляла какъ бы главный опорный пунктъ, всѣ же остальныя высоты: Инахъ-тапеси, Ягны и проч., служили фортами, такъ что аладжинская позиція являлась скорѣе хорошей крѣпостью, нежели полевой наскоро укрѣпленной позиціей.

Страшно было посмотрѣть на эти вершины горъ, уходившія въ облака въ ненастную погоду; казалось физически невозможнымъ брать открытою силою эти твердыни. Надо отдать справедливость Мухтаръ-пашѣ: онъ мастерски расположилъ свою армію, и будь турецкія войска не такъ безпечны и имѣй хорошихъ офицеровъ, — навряд-ли удалось разбить ихъ на такой почти идеальной позиціи.

Это не мое личное мнѣніе, а общій голосъ; но всѣ эти трудности только больше и больше разжигали въ насъ воинственный пылъ: всѣ страстно жаждали помѣряться съ непріятелемъ и употребить всѣ силы и средства, чтобы сломить эту силу.

Тишина глубокая царствовала повсюду; все кругомъ было спокойно, такъ что не вѣрилось въ близость непріятеля; совсѣмъ не было похоже на то, что другъ противъ друга, въ какихъ нибудь пятнадцати верстахъ стоятъ двѣ враждебныя арміи, только и помышляющія о томъ, какъ-бы уничтожить другъ друга. Все это не соотвѣтствовало тому, что мы себѣ представляли во время похода.

Я сѣлъ на камень, продолжая разсматривать позицію турокъ; чѣмъ дольше я смотрѣлъ на нее, тѣмъ болѣе и болѣе странныхъ и новыхъ мыслей, возбужденныхъ новизной обстановки, тѣснились въ моей головѣ. Я и не замѣтилъ, какъ солнце спряталось за вершинами; надъ долиной пронесся прохладный вѣтерокъ и въ небѣ загорѣлись звѣздочки, а надъ турецкой позиціей одинъ за другимъ замерцали костры. Что то я медленно поднялся и направился къ своей палаткѣ; тишина спокойствія все больше и больше разливалась въ воздухѣ и совсѣмъ не гармонировала съ боевой обстановкой.

Мимо меня прошли двѣ роты занимать аванпосты и баталіонъ въ дежурство на Кизиль-тапу.

Въ лагерѣ тоже было тихо; утомленные солдаты отдыхали; только около офицерскихъ палатокъ трещали костры и суетились деньщики.

Одна палатка сквозила яркимъ свѣтомъ, оттуда раздавались громкіе голоса.

— Готово, господа, кричалъ банкометъ, кому что угодно?

— Я—пять рублей!

— Хорошо-съ; вы?

— У меня записано.

— Я—на пэ.

— Уголъ!

— Транспортъ съ кушемъ!

— Кушъ подъ картой!

Тррахъ! Треснули объ столъ карты.

— Король битъ! пришлите. Двойка имѣетъ.

Снова шлепали карты.

— Это что! Вотъ у Ѳедьки интересная карта: если она будетъ дана,—банкъ треснетъ.

— Бита! послышался голосъ банкомета.

— Чертъ! Такъ и зналъ: ни разу трехъ картъ недалъ!

Было слышно, какъ говорившій разорвалъ карту.

Я не хотѣлъ играть и, чтобы не соблазняться, пошелъ въ свою палатку, написалъ письма домой и легъ спать на свое убогое ложе: состояло оно изъ бурки, разостланной на голой землѣ, краснаго байковаго одѣяла и сѣдла вмѣсто подушки. — Надо здѣсь замѣтить, что офицеру позволялось брать съ собой только маленькій чемоданчикъ извѣстныхъ размѣровъ, такъ что почти никто изъ насъ не имѣлъ постели.

На другой день меня разбудили очень рано: я былъ назначенъ въ дневной пикетъ. Напившись чаю (этотъ чай, какъ въ жизни, такъ и въ повѣствованіяхъ неизбѣжно фигурируетъ на каждомъ шагу, безъ него русскій человѣкъ жить не можетъ) я сѣлъ на лошадь и отправился къ мѣсту своего назначенія, ведя за собой команду.

Пѣшіе пикеты выставлялись только днемъ, верстахъ въ 3-хъ отъ нашего лагеря; какую пользу они могли приносить — я рѣшительно не понимаю, такъ какъ верстѣ въ полуторы отъ нихъ впереди, — стояли конные аванпосты, которые, въ случаѣ наступленія непріятеля, всегда могли дать знать въ отрядъ во время. Но пѣшіе пикеты все-таки ставились.

Я запасся хорошимъ морскимъ биноклемъ и, разставивъ пикеты, сталъ опять разглядывать турокъ; въ бинокль совершенно ясно было видно каждую палатку отдѣльно; но скоро это занятіе надоѣло: не то, что скука — тоска взяла; сѣлъ я на лошадь и поѣхалъ развлечься къ кавалерійской цѣпи.

На поляхъ, по которымъ я проѣзжалъ, хлѣбъ былъ уже скошенъ и сложенъ въ копенки; теперь жители, съ разрѣшенія нашего началь-

ства, занимались уборкой хлѣба на тѣхъ поляхъ, которыя лежали между нашими и турецкими аванпостами.

Не смотря на то, что строго было запрещено обижать жителей, частенько приходилось видѣть казака, возвращающагося съ громадными вязанками пшеницы, переброшенными черезъ сѣдло; но ихъ никто не винилъ: лошади ихъ много работали, а корма были плохіе.—Подъѣхалъ я къ казакамъ, они сразу произвели на меня пріятное впечатлѣніе и впослѣдствіи чѣмъ я больше ихъ узнавалъ, тѣмъ больше они мнѣ нравились: ловкіе, красивые, храбрые и расторопные, въ живописномъ костюмѣ, съ ружьемъ въ мохнатомъ чехлѣ за плечами, они дѣйствительно поражаютъ съ перваго взгляда; хорошо стрѣляютъ, отлично ѣздятъ и прекрасно ходятъ въ шашки (это все я говорю о линейныхъ казакахъ). Жаль только, что ихъ въ громадномъ числѣ расходуютъ въ конвои, ординарцы и т. п., разбивая этимъ части.

Старшій на посту подскочилъ ко мнѣ и отрапортовалъ о благополучіи.

— Дай мнѣ казака: я проѣду немного впередъ, сказалъ я ему.

Въ мигъ одинъ изъ казаковъ вскочилъ на лошадь и, вынувъ на всякій случай винтовку, поѣхалъ за мной.

— Что турки не подъѣзжаютъ близко? Спросилъ я.

— Подъѣзжаютъ, ваше благородіе, отвѣчалъ онъ, безпрестанно наскакиваютъ: выстрѣлитъ раза три и — назадъ. Вотъ третьяго дня мы одного поймали: наскочилъ близко — мы за нимъ, нашъ урядникъ нагналъ его и срубилъ; не желаете ли взглянуть, ваше благородіе, онъ тутъ недалеко валяется.

Я поѣхалъ за казакомъ; на днѣ оврага между камнями валялся молодой турокъ; куртка на немъ была разстегнута; сквозь черные, какъ смоль, короткіе волосы, на самомъ затылкѣ зіяла глубокая сабельная рана, пальцы на правой рукѣ были срублены, онъ страшно распухъ и весь былъ покрытъ мухами.

Съ непривычки зрѣлище это показалось мнѣ отвратительнымъ, а отъ запаха разложившагося трупа меня стало тошнить.

Трудно передать чувства, волнующія человѣка, въ первый разъ видящаго человѣческій трупъ, валяющійся въ качествѣ падали; потомъ, дѣйствительно, къ этому привыкаешь и смотришь на мертваго, какъ на вещь.

— Что же вы его не зарыли? Спросилъ я.

— А когда ихъ—собакъ—зарывать, ваше благородіе, отвѣтилъ казакъ, какъ то недоумѣвающе.

Мы переѣхали на другой берегъ оврага.

— Вонъ ихніе посты! Изволите видѣть, ваше благородіе?

Дѣйствительно передъ нами верстахъ 2-хъ стояло нѣсколько конныхъ пикетовъ, состоявшій каждый человѣкъ изъ пяти.

— А вонъ тамъ, сказалъ казакъ, указывая на лагерь у подошвы Инахъ-тапеси, стоитъ ихняя кавалерія, говорятъ, надъ ними женщина начальствуетъ.

— Какая женщина? Изумился я.

— А кто ее знаетъ; говорятъ, разбойница здѣшняя; мудрено больно прозывается.

Впослѣдствіи сколько я ни старался, не могъ добиться истины: нѣкоторые говорили утвердительно, другіе отрицательно, такъ я и неузналъ ничего особеннаго; разсказывали мнѣ, что дѣйствительно между Карсомъ и Багдадомъ была разбойница по имени Фатьма, женщина лѣтъ сорока; ходила она всегда въ мужской одеждѣ и, содержа большую шайку, наводила страхъ на мирныхъ жителей, но учавствовала ли она въ войнѣ— положительно никто не зналъ, возможность же этого факта допускали многіе.

Вдругъ влѣво и впереди насъ раздались выстрѣлы; я оглянулся въ ту сторону: кучка казаковъ человѣкъ въ пятьдесятъ отстрѣливаясь, медленно отступала къ аванпостамъ, турки преслѣдовали ихъ частымъ огнемъ.

— Кто это? Обратился я къ своему провожатому.

— Это охотники наши, ваше благородіе, они почитай каждую ночь набѣгаютъ на усмановъ.

Я съ любопытствомъ слѣдилъ за горстью удальцовъ.

Скоро они были уже на одной линіи съ нами, турки прекратили преслѣдованіе и казаки, построившись въ колону, поѣхали домой съ пѣснями; впереди гарцовали два молодыхъ офицера.

— Кто эти офицеры?

— А князья какіе то.

— Какіе князья?

— А кто ихъ знаетъ: недавно прибыли и сейчасъ въ охотники вышли.

Впослѣдствіи подъ Карсомъ я познакомился съ ними: это были князья Х. и О. оба конно-гвардейцы, прикомандировавшіеся на время кампаніи къ казачьимъ полкамъ, такъ какъ думали, что ихъ полкъ не будетъ учавствовать въ кампаніи. Оба отличные товарищи и храбрые офицеры.

Я поѣхалъ назадъ къ своимъ пикетамъ и проскучалъ тамъ остатокъ дня.

Прошло еще дня два; впродолженіи этого времени было нѣсколько тревогъ, но дѣлъ ещс не было. Первая тревога сопровождалась легкимъ курьезомъ: солдаты пошли на обѣдъ и только было разобрали пищу по котелкамъ, какъ вдругъ—тревога. Воображая, что непріятель уже близко, они выплеснули пищу и бросились къ ружьямъ; черезъ десять минутъ оказалось, что тревога была ложная; варить пищу снова было уже поздно: такъ и остался весь полкъ безъ обѣда.

— Поспѣшишь—людей насмѣшишь! Замѣтилъ какой то фельдфебель, дѣлая солдатамъ выговоръ.

На слѣдующую ночь мнѣ въ первый разъ пришлось быть на аванпостахъ. Еще съ вечера, когда мы вышли изъ лагеря, начали собираться тучки и дулъ сильный холодный вѣтеръ, предвѣщая дождливую ночь.

Отошли отъ лагеря версты три, разставили цѣпь, соединились съ разставленными аванпостами вправо и влѣво и вмѣстѣ съ ротнымъ командиромъ отошли къ главному караулу.

Впереди насъ стояли кавалерійскіе аванпосты, благодаря которымъ, мы могли быть не особенно бдительны; но караульная служба, какъ одна изъ самыхъ главныхъ статей войны, неслась у насъ всегда усердно — по всѣмъ правиламъ.

Ночи здѣсь всегда очень холодны, сегодня же въ добавокъ сильными порывами проносился вѣтеръ, со свистомъ разсѣкаясь объ штыки; я до того прозябъ, что зубъ на зубъ не попадалъ, прозябли и солдатики; начали согрѣваться пляской и быстрымъ хожденіемъ взадъ и впередъ. Впрочемъ, все это дѣлалось по возможности въ тишинѣ. Вскорѣ пошелъ и дождь—частый крупный; въ одну минуту меня промочило до костей, о солдатахъ ужь и говорить нечего.

А между тѣмъ у турокъ горѣли костры...

Намъ же разводить огни строго воспрещалось, такъ какъ по нимъ турки могли узнать расположеніе нашей сторожевой цѣпи.

Съ чѣмъ могутъ сравниться эти мученія? думаешь иной разъ, лежа въ грязи подъ мокрой буркой и, трясясь, какъ осиновый листъ. — Да, по правдѣ надо сказать, много приходилось испытывать: и голодъ, и жажду, и вьюги, и неспанье по цѣлымъ суткамъ, но холодъ—это скверная вещь; теперь, конечно, все это забыто, никто не придаетъ всему этому никакаго значенія, а переносить подобныя невзгоды—было ой, ой, какъ не легко! Всѣ увлекаются славными битвами, громкими побѣдами, но никто не удивляется тѣмъ пыткамъ, какія войска переносили въ осенніе походы, въ осеннія и зимнія стоянки въ палаткахъ; если описать все это съ мастерствомъ великаго писателя такъ, чтобы передать всѣ мельчайшія чувства, мучащія въ такомъ положеніи, то у читателя волосы станутъ дыбомъ.

Да, по совѣсти можно сказать:—русскому солдату нужно удивляться, не за то, что онъ храбро дерется, смѣло идетъ впередъ, а за то, что онъ стоически переноситъ всевозможныя лишенія: съ шутками мерзнетъ по цѣлымъ ночамъ подъ дождемъ, съ шутками босикомъ ходитъ по обледенѣвшей грязи, по суткамъ ничего не ѣстъ и всетаки выволакиваетъ на страшныя горы 20-ти пудовыя орудія. Въ этомъ то, по моему, и проявляется героизмъ русскаго солдата, этимъ то качествомъ онъ и не побѣдимъ.

Къ счастію дождь скоро кончился; вѣтеръ разогналъ тучи, на небѣ засіяли звѣздочки, впрочемъ теплѣе отъ этого не сдѣлалось: вѣтеръ про-

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№
193 г.

низывалъ насквозь промоченныхъ людей, положеніе дѣлалось невыносимымъ. — Мы рѣшили послать за чаемъ. Побѣжалъ солдатикъ и черезъ часъ мы уже сидѣли около горячаго чайника.

— Вотъ первыя прелести! Пробурчалъ ротный.

— Намъ то что, у насъ вотъ хоть горячій чай есть, а вы на солдатъ посмотрите! Отвѣчалъ я.

— Да, скверно!

Чай мы нарочно пили съ прохладцей, чтобы продлить наслажденіе; но чай плохо согрѣвалъ, послали за водкой; выпили рюмку, другую и какая то сладкая истома овладѣла всѣмъ существомъ: на утомленный организмъ водка всегда дѣйствуетъ сильнѣе; мокрая одежда согрѣлась и въ пріятной теплотѣ стало клонить ко сну, но мы не поддавались дремотѣ.

Нѣсколько разъ ходили провѣрять цѣпь, что было почти безполезно, такъ какъ при такой погодѣ каждый солдатъ поневолѣ не спалъ и былъ бдителенъ.

Медленно тянулись часы — нескончаемо долго; наконецъ забѣлѣлся востокъ, первые лучи солнца живительно подѣйствовали на утомленныхъ людей: всѣ пріободрились; еще часъ и можно снимать сторожевую цѣпь.

Никогда не ложился я спать съ такимъ наслажденіемъ, какъ возвратясь съ аванпостовъ; моя бурка показалась мнѣ роскошнымъ ложемъ.

Думалось, что испыталъ Богъ знаетъ что, а между тѣмъ потомъ приходилось въ лѣтнемъ пальто лежать на заиндивѣвшей травѣ по цѣлымъ ночамъ и все это переносилось легко. Правда пословица, что на людяхъ и смерть красна; да и привычка много значитъ.

Часа въ 2 пришло приказаніе, чтобы завтра къ 3-мъ часамъ вечера быть готовыми къ выступленію.

— Что такое? куда? какъ? зачѣмъ? и т. д.

Пошли предположенія и догадки. Оказалось, что просто вслѣдствіи какихъ-то высшихъ соображеній, нашъ полкъ передвигался въ Ани.

Ани, древняя столица Арменіи, отстоитъ отъ Башкадыкляра верстъ на 25-ть, почти напротивъ праваго фланга турокъ.

Мы двинулись безъ проводниковъ, такъ какъ во первыхъ, намъ указали направленіе, а во вторыхъ, на одной изъ вершинъ, окружающихъ развалины Ани, торчала какая то полуразрушенная башня, благодаря которой мы не могли заблудиться. Шли напрямикъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось проходить не болѣе, какъ верстахъ въ пяти отъ турецкихъ позицій, но къ нашему удивленію турки ни разу не соблазнились пустить въ насъ гранату.

Уже смеркалось, когда мы прибыли къ Ани; войска, занимавшія эту позицію, тоже куда то уходили: чуть ли не на усиленіе Эриванскаго от-

ряда; оставался одинъ пѣхотный полкъ, ожидавшій только нашего прибыванія, чтобы снять свои аванпосты и догонять ушедшихъ.

Наша рота, несмотря на то, что только прошлую ночь занимала аванпосты, снова была назначена въ сторожевую цѣпь, ротный мой заболѣлъ и мнѣ самому пришлось вести роту на смѣну. Всего въ аванпосты пошло 2 роты. Пока лагерь разбивался тѣми, которые оставались, люди немного отдохнули и мы отправились по указанному намъ направленію. Вечеръ предвѣщалъ дождливую ночь.

Сдѣлалось уже совершенно темно, когда насъ окликнулъ часовой:

— Стой! кто идетъ?

— Свои! Развѣ не видишь съ какой стороны подходятъ? Гдѣ офицеры?

— Тамъ! Часовой показалъ рукой направленіе, въ какомъ находился главный караулъ; я повернулъ роту и пошелъ туда.

Люди, проведя ночь на аванпостахъ, а день въ походѣ, были очень утомлены, а между тѣмъ, теперь впереди насъ не было кавалерійской цѣпи и слѣдовало быть особенно осторожными и бдительными.

Офицеры встрѣтили насъ съ восторгомъ: больно ужъ обрадовались они, что наконецъ ихъ смѣняютъ.

— Вы не повѣрите, говорилъ одинъ изъ нихъ,—третьи сутки стоимъ здѣсь безъ смѣны.

Насъ повели показывать, гдѣ слѣдуетъ разставить цѣпь. Здѣсь уже для звеньевъ были вырыты ложементы, а для главныхъ карауловъ — траншеи; я шелъ впереди, разставляя звенья; темь была страшная: хоть глазъ выколи; вдругъ я споткнулся на что то мягкое и упалъ; ощупываю—распухшій человѣческій трупъ; какое-то чувство гадливости охватило меня: я вспомнилъ разложившагося турка, котораго мнѣ показывалъ казакъ.

— Вы, батенька, осторожнѣе, предупредилъ меня во время офицеръ, роту котораго я смѣнялъ: — здѣсь валяется съ десятокъ черкесовъ: мы ихъ третьяго дня подстрѣлили, да все времени не было убрать.

Разставивъ цѣпь, я простился со своими новыми знакомыми и отправился въ траншею, въ которой помѣщался главный караулъ.

Въ траншеѣ была навалена солома; благодаря ей, я провелъ ночь довольно спокойно, слушая солдатскія сказки:

...Вотъ онъ ее и спрашиваетъ, братецъ ты мой, а гдѣ же, говоритъ, найти мнѣ эту самую калдовую? А, иди, говоритъ, все прямо, мимо острова Буяна, потомъ возьми налѣво, тутъ будутъ три древа, ты залезь на середнее и увидишь эту калдовую самую. Хорошо. Пошелъ нашъ солдатъ; долго ли, коротко ли шелъ—не знаю; только приходитъ къ тремъ древамъ, залезъ на середнее и увидѣлъ эту калдовую; а въ самой эфтой калдовой двѣнадцать дверей, каждая двѣнадцатью замками замкнута и двѣнадцатью печатями припечатана; у каждой двери на ча-

сахъ по енаралу стоитъ; а денегъ въ эфтой калдовой, можетъ, тыщи рублевъ!...

На разсвѣтѣ начали наѣзжать баши-бузуки и стрѣлять изъ своихъ магазинокъ; пульки изрѣдка посвистывали, но такъ какъ турки близко не подъѣзжали, то мы и не отвѣчали имъ. Патроны беречь намъ было заказано строго-на-строго.

Къ 12-ти часамъ насъ смѣнили. Придя въ лагерь, я крѣпко выспался и отправился осматривать развалины бывшей столицы Арменіи.

Ани построено на крутомъ берегу Арпачая, на самомъ лучшемъ мѣстѣ изъ всей окрестности; частныя постройки, понятно, стерты съ лица земли, но за то очень хорошо сохранилась часть городской стѣны, прекрасно отдѣланной, имѣющей сажени четыре вышины, нѣсколько церквей и развалины дворца. Всѣ постройки изящно украшены рѣзной, лѣпной и мозаичной работами. Стѣны сложены изъ мелкихъ камней, соединенныхъ между собою цементомъ; снаружи же и снутри обложены большими искусно обтесанными каменными плитами; на церковныхъ стѣнахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сохранилась даже живопись и армянскія надписи. Кромѣ церквей и стѣны замѣчательны двѣ или три башни удивительной высоты, но входить въ нихъ уже нельзя, такъ какъ лѣстницы, бывшія въ срединѣ, обрушились и загромоздили входъ. Я долго бы пробродилъ здѣсь, если бы до моего слуха не долетѣлъ сигналъ—„сборъ“; я заторопился назадъ и хорошо сдѣлалъ, потому что лагерь уже снимался, когда я пришелъ; безъ меня получено было приказаніе возвращаться назадъ, въ Башкадыкляръ.

Такимъ образомъ Ани окончательно очищалось и покидалось на благоусмотрѣніе турокъ.

Пока приготовлялись къ походу, спустились сумерки, полилъ дождь. Наконецъ все готово: палатки уложены, обозъ вытянулся, солдаты построились, а команды двигаться—нѣтъ. Холодныя струйки дождя пробираются за воротникъ и текутъ по спинѣ, заставляя нервы вздрагивать. Лошадь, хотя и прикрытая буркой, тоже начинаетъ ежиться. Начинаешь терять терпѣніе:

— Отчего нейдемъ? спрашиваютъ другъ друга.

Оказывается, что дожидаются ротъ, находящихся въ аванпостахъ; посланные за ними заблудились и насилу отыскали ихъ; долго еще мы ихъ ждали; но какъ и всему на свѣтѣ, такъ и нашимъ ожиданіямъ пришелъ конецъ: пришли роты и мы тронулись.

Господи, что это была за ночь! Темная, темная—ни зги не видать; дождь такъ ливмя и льетъ, земля распустилась въ жидкую грязь, ноги у людей вязли выше щеколки. Сначала было еще двигались шагъ за шагомъ, слышно было только шлепанье да вытаскиванье изъ вязкой грязи ногъ; но едва вытянулся обозъ, этотъ вѣчный мучитель войскъ, какъ

одна за другой повозки начали вязнуть и обозъ остановился. Потребовали рабочихъ; началось битье лошадей, крики; но это мало помогало: уцѣпится человѣкъ двадцать солдатъ: кто за постромки, кто за колеса и съ пѣсней „дубинушка“ волокутъ фуру шаговъ десять, а потомъ опять—стой!

Вскорѣ и къ батареѣ, шедшей за нами, позвали на подмогу, но въ такой грязи ничего сдѣлать было нельзя; не прошло и полчаса, а уже и люди, и лошади, измученные и вспотѣвшіе, пронизанные сверху холоднымъ дождемъ, а снизу облѣпленные грязью, окончательно выбились изъ силъ. Весь полкъ уже былъ въ рабочихъ: одни тащили, другіе отдыхали; всѣ батальоны и роты перемѣшались; вмѣсто тишины наступилъ какой-то хаосъ: здѣсь съ крикомъ тащатъ повозку, тутъ упала лошадь—ее хлещутъ, тамъ сердится офицеръ около завязнувшаго орудія.

Ближе, чѣмъ на двадцать верстъ, никакихъ русскихъ войскъ, кромѣ нашего полка, не было; будь турки попредпріимчивѣе, они безъ всякаго риска могли бы подкрасться къ намъ и буквально уничтожить.

Такимъ образомъ пробились мы цѣлую ночь. Это для меня была третья безсонная ночь, проведенная подъ дождемъ; къ утру я впалъ въ какое-то забытье: уже не чувствовалось ни холода, ни того, что весь мокрый: насталъ періодъ какого-то одервенѣнія и апатіи. На солдатъ и лошадей жалко было глядѣть; на счастье утро было ясное: солнце обогрѣло и оживило всѣхъ.

Когда мы оглядѣлись, то оказалось, что въ цѣлую ночь не прошли и 3-хъ верстъ; изъ этого можно было заключить, какова была дорога.

Между тѣмъ, въ отрядѣ обезпокоились нашимъ исчезновеніемъ и выслали помощь; но днемъ, подъ обогрѣвшимъ насъ солнышкомъ, мы и сами справились: дали отдохнуть людямъ и лошадямъ и къ вечеру прибыли въ нашъ Башкадыкларъ.

Башкадыкларъ это тотъ самый аулъ, при которомъ въ прошлую турецкую кампанію такъ отличились наши войска. Въ его окрестностяхъ еще до сихъ поръ часто попадаются сферическія чугунныя ядра — память прошлой кампаніи. Но наружностью Башкадыкларъ ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ другихъ ауловъ этой мѣстности и вовсе не наводитъ на мысль о случившемся здѣсь великомъ событіи.

Теперь нашли себѣ въ немъ пріютъ многочисленные маркитанты, высасывавшіе кровь изъ офицеровъ и солдатъ.

Особенной извѣстностью пользовался нѣкто monsieur Пьеръ, бывшій тифлисскій парикмахеръ, армянинъ по происхожденію. Онъ, разсчитавъ, что маркитантствомъ добудетъ больше, явился въ отрядъ и, разбивъ наметъ, устроилъ что-то въ родѣ общаго стола; такъ какъ это было единственное пристанище, то этотъ общій столъ скоро обратился въ какой-то клубъ: всѣ свободные отъ службы офицеры собирались здѣсь:

обѣдали, ужинали, пили кофе, вино и сообщали другъ другу новости. Всѣ эти удовольствія стоили дорого; да кромѣ того, разсчитываясь, жена monsieur Пьера сдачи никогда не имѣла.

Деньги сыпались золотымъ дождемъ къ этимъ милымъ супругамъ, старавшимся наперерывъ любезничать и угощать своихъ щедрыхъ посѣтителей. Почти все содержаніе офицеровъ оставалось здѣсь. Пьеру такъ понравилась его дѣятельность, что онъ все время сопровождалъ войска и даже по заключеніи мира остался въ Карсѣ, устроивъ какую-то „ротонду". Въ августѣ 1878 года, какъ говорили, онъ уже имѣлъ тысячъ сорокъ чистаго капитала.

Вообще ловкіе люди легко наживались въ это тяжелое для насъ время.

. . . . . .

Солнце опускалось за остроконечныя вершины горъ, снѣжные шпицы Алагеря сверкали на послѣднихъ лучахъ; величественный Араратъ бѣлѣлся какой-то легкой дымкой. Все было тихо. Я сидѣлъ у палатки и любовался на горы: дики онѣ и мрачны; но чѣмъ дольше живешь въ нихъ, тѣмъ больше онѣ нравятся.

— Слышали? спросилъ меня подошедшій офицеръ нашего полка.

— Что такое?

— Завтра рекогносцировка всей позиціи Мухтара-паши, а въ случаѣ удачи и штурмъ.

— Вотъ какъ! Слава Богу! Наконецъ-то побываемъ въ бою!

Офицеръ отошелъ отъ меня. Я задумался: завтра бой; наконецъ увидимъ, что это такое. Можетъ быть, завтра мы будемъ на этихъ горахъ, гдѣ ходятъ теперь турки.

На другой день (это было 6-е августа), часа за два, зашевелился лагерь, загудѣли солдаты какъ шмели, вылезая изъ палатокъ; каждый особенно внимательно осматривалъ ружье, протиралъ его въ послѣдній разъ, набожно крестился, обращаясь къ востоку, и шелъ на свое мѣсто.

Фельдфебеля суетились, дѣлая разсчетъ. Еще прошло нѣсколько времени и къ ротамъ, здороваясь, начали подходить офицеры.

Я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ своей ротѣ. Проѣзжаю мимо какого-то батальона, слышу ротный командиръ густымъ басомъ говоритъ своимъ солдатамъ:

— Ну, смотри, ребята, молодцами! да главное, чтобы паники не было, паники!

— И-и, ваше б—іе, отвѣчалъ старикъ-фельдфебель,—какая у нихъ паника!

Этотъ фельдфебель пользовался общей любовью офицеровъ; онъ былъ такъ давно въ полку, что почти всѣхъ офицеровъ помнилъ юнкерами. Большая часть офицерства звали его Антонъ Петровичъ, но старикъ никогда и ни передъ кѣмъ не позволялъ себѣ забываться, или, какъ

говорится у насъ, „лимонировать“. Въ эту кампанію онъ получилъ всѣ четыре солдатскихъ креста.

Подъѣхалъ командиръ полка, раздалась команда и мы двинулись впередъ. Еще разъ снялись шапки и замелькали руки, творя крестное знаменіе. Поровнявшись съ Кизиль-тапой, перестроились въ боевой порядокъ: по-ротно въ двѣ линіи. Стрѣлковая рота, въ которой служилъ я, выслана въ цѣпь. Еще прошли въ такомъ порядкѣ версты три. Совсѣмъ уже разсвѣло, а турки не стрѣляютъ.

Вправо и влѣво отъ насъ тоже двигались наши войска. Еще прошли съ версту и остановились по всей линіи. Турки все молчатъ.

— Ишь, проклятые, притаились! слышались замѣчанія солдатъ.

Но такъ какъ предполагалась только рекогносцировка, а не серьезный штурмъ, то это таинственное молчаніе насъ мало безпокоило.

Вдругъ съ вершины Аладжи раздался сигнальный выстрѣлъ. Оказалось, что турки вовсе не лукавили, а просто спали и только теперь замѣтили наше движеніе.

— Артиллерія, на позицію! пронеслось по воздуху.

Грозно загремѣли бронзовыя орудія и въ карьеръ вынеслись на холмъ. Мгновенно передки и лошади отошли назадъ; остались только орудія съ высоко-задранными носами и суетящейся вокругъ прислугой.

— Первое, пли!

Грянулъ выстрѣлъ, зарокотала первая граната, пущенная въ турокъ.

— Въ кого, въ кого выпалили-то? заговорили солдаты, лежа въ цѣпи.

— А, вонъ она, вонъ колонна-то!

Дѣйствительно, у подошвы Аладжи двигалась густая колона кавалеріи. Наша граната лопнула, немного не долетѣвъ и подняла столбъ пыли; колонна шарахнулась въ сторону.

— Ха, ха, ха! загоготали солдаты,—не любишь.

Другая, третья пронеслись гранаты; одна хлопнулась въ средину колонны. Колонна разсѣялась: очевидно это была иррегулярная кавалерія. Солдаты загоготали еще пуще; остроты сыпались со всѣхъ сторонъ.

— Чего хохочешь? замѣтилъ солидный усачъ, обращаясь къ хохотавшему молодому солдатику. — Хорошо теперь глядѣть да глотку-то драть, а вотъ постой—сюда бросать будутъ, ты тогда посмѣйся—я тебя похвалю.

Не успѣлъ онъ окончить своей рѣчи, какъ на скатѣ Аладжи показался красивенькій бѣлый клубочекъ дыму; нѣсколько мгновеній спустя долетѣлъ звукъ выстрѣла и шипѣнье снаряда.

— Въ насъ летитъ, въ меня! показалось каждому.

Пока не привыкнешь къ полету гранатъ, шипѣнье ихъ сильно обманываетъ; кажется, что она летитъ прямо въ тебя, а глядишь — падаетъ шагахъ во ста. Такъ и теперь; всѣ невольно плотнѣе прилегли къ землѣ;

а оказалось, что она разорвалась между орудіями, т. е. шагахъ въ полутороста отъ насъ; къ тому же, мы имѣли преувеличенное понятіе о дѣйствіи снарядовъ. Мы воображали, что если граната упадетъ и въ 20-ти шагахъ, то рѣдко кто уцѣлѣетъ отъ осколковъ; но на дѣлѣ оказалось совсѣмъ не то: случалось очень часто, что снарядъ падалъ въ сомкнутую колонну, обсыпалъ ближайшихъ людей землей и все-таки не приносилъ вреда, такъ что впослѣдствіи никто не обращалъ на него вниманія. Наши артиллеристы объясняли недѣйствительность турецкихъ снарядовъ тѣмъ, что они разрывались не тотчасъ по прикосновеніи къ землѣ, а по углубленіи въ нее; почва же, кстати, была мягкая, рыхлая; во-вторыхъ—слабостью разрывнаго снаряда и чрезмѣрной толстотой стѣнокъ и свинцовой оболочки.

Во всякомъ случаѣ артиллерія имѣетъ большое моральное вліяніе на войска, подверженныя ея выстрѣламъ; но вредъ, наносимый ею, относительно весьма незначителенъ.

За первой гранатой послѣдовала другая, третья и пошло писать; жарили и въ насъ порядочно, но раненыхъ пока еще не было; а между тѣмъ мы стояли на мѣстѣ: ни взадъ, ни впередъ.

Вправо отъ насъ, подъ Большими Ягнами, кипѣлъ серьезный бой; ружейная трескотня по временамъ доносилась по вѣтру даже до насъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что генералъ Комаровъ, шедшій откуда-то со своимъ отрядомъ, услышавъ выстрѣлы, и зная, что у насъ только рекогносцировка, направился къ мѣсту боя, взялъ Большія Ягны, но потомъ принужденъ былъ ихъ покинуть.

. . . . . .

Передъ нашей цѣпью возвышался холмикъ съ кучей камней наверху; мы и не замѣтили, какъ, отдѣлившись отъ толпы баши-бузуковъ, стоявшихъ около Инахъ-тапеси, нѣсколько человѣкъ заскакали за него и теперь, спѣшившись, открыли по насъ частый огонь; пульки такъ и зацыкали, шлепаясь въ землю; но турки горячились и плохо цѣлились; однако солдатики плотнѣе прилегли къ землѣ. Такое нахальство со стороны баши-бузуковъ объяснялось тѣмъ, что они замѣтили отсутствіе кавалеріи въ нашемъ отрядѣ: вся она была раздѣлена по флангамъ.

Стрѣлять въ смѣльчаковъ намъ было нельзя, такъ какъ они, засѣвъ за камни, были совершенно невидимы, между тѣмъ какъ мы, находясь на открытой мѣстности и притомъ лежащей ниже холма, могли нести большія потери.

Вскорѣ я замѣтилъ, что на поддержку имъ направлялось еще нѣсколько человѣкъ; дѣло могло принять непріятный оборотъ; надо было поторопиться занимать горку, которую, въ началѣ, мы оплошали занять; я взялъ десять человѣкъ и бѣгомъ бросился на возвышеніе, занятое турецкими наѣздниками; они дали по насъ еще нѣсколько выстрѣловъ и

замолчали; когда мы вскочили на гребень, то увидали ихъ шагахъ въ полутороста, мчавшихся въ карьеръ.

Фельдфебель, побѣжавшій со мной, опустился на колѣно, грянулъ выстрѣлъ и одинъ изъ баши-бузуковъ, схватившись за шею, упалъ на сѣдло, но, скакавшій рядомъ съ нимъ товарищъ, подхватилъ его и умчалъ къ своимъ.

— Убилъ, ей Богу, убилъ, ваше б—діе! закричалъ фельдфебель, вскакивая и махая руками.

— Ай-да Андрей Егорычъ! Ловко! замѣтили солдаты.

Это былъ первый выстрѣлъ въ нашемъ полку и такой удачный; я тогда-же подумалъ, что онъ предвѣщаетъ доброе; и, дѣйствительно, въ концѣ кампаніи мы получили георгіевскія знамена и отличіе на головной уборъ.

Я приказалъ дать по убѣгающимъ еще нѣсколько выстрѣловъ, но они только поддали бѣгу лошадямъ, не принеся никакого вреда.

Прогнавъ турокъ, я уже остался на холмѣ, чтобы его не заняли опять.

Между тѣмъ впереди и влѣво отъ насъ засѣли спѣшившіеся турки и открыли по насъ довольно сильный огонь. Бѣлые дымки то и дѣло вспыхивали изъ-подъ камней и пули посвистывали вокругъ; но мы не отвѣчали, такъ какъ турки стрѣляли съ 1000 шаговъ, а для того, чтобы стрѣлять въ одиночныхъ людей на такую дистанцію, необходимо имѣть большой запасъ патроновъ, чѣмъ мы не могли похвастаться.

Въ это время другой полкъ нашей дивизіи медленно двигался къ Инахъ-тапеси, ведя съ непріятелемъ перестрѣлку. На правомъ флангѣ Комаровъ тоже наступалъ по немногу. Оставался неподвижнымъ только нашъ центръ. По ходу дѣла можно было предполагать, что наша рекогносцировка кончится рѣшительнымъ наступленіемъ.

Впереди насъ, верстахъ въ 2-хъ разстоянія, былъ какой-то аулъ; въ началѣ дѣла въ немъ засѣли баши-бузуки, но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ нашей артиллеріи, они оттуда повыскакали и въ аулѣ не было больше замѣтно никакого движенія. Шагахъ во ста отъ аула паслись два буйвола; мнѣ пришло въ голову попробовать захватить ихъ; я сказалъ объ этомъ солдатамъ, трое изъ нихъ вызвались сопровождать меня; остальнымъ я приказалъ не спускать съ насъ глазъ и, въ случаѣ, если къ намъ бросятся конные, бѣжать на выручку и дать знать въ роту. Мы спустились съ холма и пошли къ буйволамъ. Уже оставалось до нихъ не болѣе 200 шаговъ, когда одинъ изъ солдатъ замѣтилъ въ аулѣ движеніе и предупредилъ объ этомъ меня; я остановился и сталъ всматриваться; дѣйствительно, тамъ были и лошади, и вооруженные люди. Но разсуждать было нѣкогда; мы побѣжали къ буйволамъ бѣгомъ. Вдругъ въ аулѣ вспыхнуло нѣсколько дымковъ и вслѣдъ за ними завизжали пули.

— Назадъ! скомандовалъ я.

Въ аулѣ были турки и рисковать изъ-за 2-хъ буйволовъ не стоило, тѣмъ болѣе, что насъ было только четверо и рань изъ насъ одного мы были-бы въ скверномъ положеніи, а двухъ такъ тогда-бы пришлось бросать товарища. Я уже не говорю о томъ, что отрѣзать насъ ничего не стоило: я удивляюсь, какъ турки не попытались сдѣлать это. Я приказалъ отстрѣливаться и мы благополучно вернулись назадъ. Одинъ изъ моихъ спутниковъ солдатъ получилъ за эту шалость знакъ военнаго отличія.

Наша батарея, замѣтивъ, что по насъ стрѣляли изъ аула, пустила туда нѣсколько гранатъ и на этотъ разъ, вѣроятно, выгнала уже всѣхъ. Но прежде, чѣмъ ускакать двое всадниковъ отогнали буйволовъ въ аулъ, боясь, вѣроятно, чтобы мы не повторили своей попытки.

Вернувшись на свой холмъ, мы онять засѣли за камни и перестали отвѣчать на надоѣдливую турецкую стрѣльбу. Еще прошло съ часъ времени, дѣло клонилось уже къ вечеру; наши уже почти подходили къ Инахъ-тапеси, какъ вдругъ пришло приказаніе отступать. Правый и лѣвый фланги нашей линіи тотчасъ-же начали движеніе назадъ; мы, пока, стояли на мѣстѣ, чтобы дать имъ поровняться съ нами.

Тутъ только оживилась турецкая позиція: горы ея задымились; гранаты понеслись съ дикимъ ревомъ, точно разсвирѣпили и боялись, что добыча ускользнетъ отъ нихъ; они начали падать и въ артиллерію, и въ колоны, и даже въ цѣпь. Башибузуки нахально насѣдали, такъ что пришлось стрѣлять и намъ: я самъ взялъ ружье и сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ.

Очевидно—турки не поняли, что мы дѣлали рекогносцировку, а что не рѣшились остановить ихъ и теперь, они старались нагнать на насъ страху.

Нашъ начальникъ дивизіи, старый боевой генералъ, самъ разъѣзжалъ по цѣпи и колонамъ, лично распоряжаясь. Командиръ полка, надѣвъ pensenez, хладнокровно разсматривалъ турокъ, ни на минуту не покидая стрѣлковой цѣпи.

Такъ какъ башибузуки горячо преслѣдовали насъ, то командиръ приказалъ мнѣ со взводомъ остаться за холмикомъ въ засадѣ; мы подпустили ихъ шаговъ на 100 и дали залпъ, нѣсколько человѣкъ свалилось, другіе повернули назадъ, а мы въ это время догнали роту.

Гранаты непрерывно свистѣли и лопались около насъ. Отступивъ къ Кизиль-тапѣ, мы встрѣтили Лорисъ-Меликова, который поздравлялъ насъ съ первымъ для насъ дѣломъ и спрашивалъ солдатъ: страшны-ли турецкія гранаты? на что солдаты отвѣчали:

— Никакъ нѣтъ, ваше высокопревосходительство!

И дѣйствительно, чѣмъ больше ихъ летѣло, тѣмъ меньше боялись ихъ, такъ какъ потерь отъ нихъ почти небыло.

За Кизиль-тапой остановились, составили ружья и принялись разбивать палатки, несмотря на то, что нѣтъ, нѣтъ, да и хлопнется гдѣ-нибудь граната.

Позабавившись еще немного, турки отступили и оставили насъ въ покоѣ.

Такъ кончилась рекогносцировка 6-го августа, раскрывшая намъ силы и расположеніе турокъ.

Войдя въ палатку и, сбросивъ съ себя саблю и револьверъ, я потянулся, сознавая съ удовольствіемъ, что вполнѣ цѣлъ и здоровъ.

Хотя дѣло 6-го августа и не было серьезнымъ, но все-таки мы послушали свистъ пуль и гранатъ, и имѣли теперь нѣкоторое понятіе о боѣ, а—главное—вынесли убѣжденіе, что не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ.

Слѣдствіемъ этой рекогносцировки было то, что нѣкоторыя части были передвинуты, такъ: всѣ войска, стоявшія въ Башкадыклярѣ, перешли къ Кюльверану, лежащему правѣе Кизиль-тапы.

Впрочемъ при Кюльверанѣ мы пробыли только нѣсколько дней, такъ какъ здѣсь чувствовался сильный недостатокъ въ водѣ: единственный источникъ, протекавшій черезъ Кюльверанъ, былъ очень малъ и вода въ немъ была весьма дурнаго качества; кромѣ того, онъ бралъ свое начало на Аладжѣ и опасались, чтобы турки не испортили воды. Такимъ образомъ, несмотря на всѣ тактическія выгоды расположенія войскъ около Кизиль-тапы, по прошествіи нѣсколькихъ дней, первый полкъ и нашъ отвели въ Башкадыкляръ, а остальныя войска, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Девеля, къ Кигачу. Но и въ Башкадыклярѣ простояли мы очень недолго и 12-го августа выступили на Кюрюкъ-Дара; аулъ этотъ находится вблизи Караяла. Какъ теперь помню, едва пришли мы на мѣсто, сейчасъ-же засѣли за карты и проиграли всю ночь. Къ разсвѣту вдругъ слышимъ выстрѣлъ, другой, третій и пошла пальба, наконецъ поднялась такая трескотня, что ружейная пальба заглушала орудійную. Такую стрѣльбу мнѣ потомъ удалось слышать еще только одинъ разъ: это при штурмѣ Карса.

Мы бросили карты и повыскакали изъ палатокъ; но Кюрюкъ-Дара расположена въ лощинѣ и отсюда ничего не было видно; между тѣмъ, вокругъ все спокойно, стрѣльба раздается впереди, съ лѣвой стороны.

— Что такое, что случилось? Вѣрно, наши атаковали турокъ? Да чтоже насъ никуда не ведутъ? посыпалось со всѣхъ сторонъ.

Но всѣ эти вопросы остались безъ отвѣта: никто самъ не зналъ, что творится.

Только въ 8-мъ часовъ утра раздалась команда: Въ ружье! И насъ повели впередъ.

Между тѣмъ, съ лѣвой стороны стрѣльба начала стихать, за то зарокотала вправо и по всей линіи.

Какъ только выбрались мы изъ-за Караяла, я осмотрѣлся. Гляжу—вся Кизиль-тапа покрыта клубами пушечнаго дыма. Что это значитъ? задалъ я самъ себѣ вопросъ. Я зналъ, что на Кизиль-тапѣ у насъ не было орудій, такъ какъ ввозить ихъ туда по крутымъ скатамъ было очень затруднительно. Неужели-же это турецкія, неужели тамъ турки? Значитъ, они взяли ее у насъ, или, можетъ быть, наши въ продолженіи ночи ввезли орудія? Но все-таки сильно болѣло сердце отъ предположеній и неизвѣстности.

Въ это время мимо меня проѣзжалъ нашъ бригадный генералъ, я не удержался и обратился къ нему съ вопросомъ:

— Ваше превосходительство, извините меня, что безпокою васъ вопросомъ! Чьи орудія на Кизиль-тапѣ?

— Турецкія.

— Какъ, развѣ турки....

— Еще до разсвѣта взяли ея у насъ! Отвѣчалъ съ горечью сѣдой генералъ и поѣхалъ впередъ.

Точно холодной водой окатили меня; и такъ сомнѣній нѣтъ: турки взяли Кизиль-тапу. Горе это было такъ сильно, что его можно сравнить только съ потерей близкаго человѣка. На солдатъ это извѣстіе подѣйствовало приблизительно также, какъ и на меня.

Вскорѣ мы вошли въ боевую линію; на встрѣчу попадались раненые: нѣкоторые шли сами, нѣкоторыхъ несли на носилкахъ.

Турки отчаянно лѣзли намъ въ правый флангъ, намѣреваясь обойти его, но до этого ихъ не допустили и отогнали назадъ.

Опять пускали пули, лопались гранаты, падали люди и опять ничего ссобенно важнаго не было сдѣлано.

. . . . . .

Передъ закатомъ солнца стрѣльба по всей линіи смолкла.

Я поѣхалъ черезъ Кюльверанъ къ имеретинцамъ, тамъ у меня были товарищи, а до насъ дошли слухи, что многіе офицеры перебиты; когда я подъѣзжалъ къ нимъ, турки сдѣлали по мнѣ нѣсколько выстрѣловъ; Имеретинцы пріютились невдалекѣ отъ Кизиль-тапы подъ обрывомъ и не двигались ни взадъ, ни впередъ: впередъ—по причинѣ своей малочисленности, а назадъ потому, что турки сейчасъ-же открыли-бы сильнѣйшій огонь.

Поболтавъ съ ними немного и, узнавъ подробности дѣла, о которыхъ здѣсь не буду говорить, такъ какъ всѣ онѣ хорошо уже извѣстны, я возвратился къ своимъ, но уже не засталъ ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ

оставилъ, такъ какъ войска собрались въ колоны и отходили на свои мѣста.

Только въ 12-ть часовъ ночи пришли мы къ тому мѣсту, гдѣ оставили свои палатки; измученные отъ проведеннаго въ бою дня подъ палящими лучами солнца, ничего не пивъ и не ѣвъ съ самаго утра, съ тяжестью на душѣ по поводу потери Кизиль-тапы. Въ довершеніе несчастья палатки были сняты, вещи уложены въ фуры, такъ что долго еще пришлось отыскивать деньщиковъ и вещи, и прежде чѣмъ пришлось съѣсть чего нибудь и лечь спать,—прошло еще нѣсколько часовъ.

Да, физическія мученія ничто въ сравненіи съ нравственными.

. . . . . .

На другой или на третій день мы покинули Кюрюкъ-Дара и отошли въ Огузлы, лежащій немного позади Башкадыкляра.

Бѣдный Башкадыкляръ былъ совсѣмъ раззоренъ нашими-же милиціонерами и войсками, выламывавшими на топливо балки изъ зданій.

Я былъ тамъ дней черезъ десять послѣ потери Кизиль-тапы: двери домовъ выбиты, многія сакли совершенно разрушены. Въ улицахъ, если такъ можно назвать узкіе, кривые переулочки, валялись убитыя лошади. Повсюду разбросаны разбитые ящики и бочки, оставленные маркитантами во время ихъ бѣгства въ Александрополь 13-го августа. Теперь по этой линіи стояли наши кавалерійскіе аванпосты. Послѣ дѣла 13-го августа на Учь-тапу (три горы) было обращено большее вниманіе, такъ какъ носились слухи, что турки хотятъ завладѣть и ею. На ней были воздвигнуты батареи, вырыты траншеи. Ежедневно отправлялись туда, кромѣ войскъ стоявшихъ на ней, дежурныя части по очереди отъ всѣхъ полковъ Байрахтарскаго отряда. И вообще вся линія, занимаемая нашими войсками, была усилена полевыми укрѣпленіями. Ежедневно, кромѣ аванпостовъ изъ каждаго частнаго отряда на цѣлыя сутки высылался въ дежурную часть батальонъ съ двумя или болѣе орудіями. 13-е число принесло намъ пользу въ томъ отношеніи, что мы сдѣлались осторожнѣе и осмотрительнѣе.

Мухтаръ-паша, взявши Кизиль-тапу (что и было собственно его цѣлью, такъ какъ пока Кизиль-тапа была въ нашихъ рукахъ, онъ не могъ спуститься съ горъ, а стоять на горахъ было холодно и невозможно), почилъ на лаврахъ и болѣе насъ не безпокоилъ.

Хотя потеря Кизиль-тапы и подѣйствовала на всѣхъ непріятно, но тѣмъ не менѣе, войска не унывали: тѣ-же пѣсни и пляски по вечерамъ, тѣ-же сказки, прибаутки и остроты на аванпостахъ и въ походѣ.

Въ полномъ бездѣйствіи мы провели нѣсколько дней, ничего новаго не случалось. Офицерство скучало страшно, отъ скуки играли въ карты, игра велась крупная. Въ видѣ развлеченія ѣздили въ кавалерійскіе аванпосты и, захвативъ нѣсколько казаковъ, дразнили турокъ. Какъ бы-

вало выйдешь куда нибудь на возвышенность, да увидишь турецкій лагерь, спустившійся съ горъ въ долину, такъ и заскрежещешь зубами. Помню въ это время появилось страшное количество мухъ, вѣроятно, ихъ привлекли трупы и нечистоты. Такого громаднаго количества ихъ мнѣ нигдѣ ни прежде, ни послѣ неприходилось видѣть; они залѣпляли лицо, туловище, руки—все; лѣзли въ носъ, ротъ, глаза; по вѣтру рѣшительно нельзя было ни ходить, ни ѣздить: облѣпютъ физіономію и не даютъ ни говорить, ни дышать.... Страшная масса ихъ набивалась въ палатку, такъ что весь потолокъ покрывался ими слоемъ, по крайней мѣрѣ, толщиною въ вершокъ. Отъ нихъ положительно незнали куда дѣваться.

. . . . . .

Въ концѣ августа пришло приказаніе собрать охотничьи команды численностью по тридцати человѣкъ нижнихъ чиновъ и по одному офицеру съ полка. Въ нашемъ полку вызвалось много офицеровъ, но командиръ полка назначилъ меня.

Въ нашемъ отрядѣ собралось до ста нижнихъ чиновъ и четыре офицера; начальникомъ команды былъ назначенъ поручикъ Л. Я и два другихъ офицера К. и М. были помощниками въ качествѣ субалтернъ-офицеровъ. Участь всѣхъ ихъ, кромѣ меня, очень печальна! К. убитъ пулей въ ротъ 20-го сентября, Л. раненъ въ ногу во время обходнаго движенія и до сихъ поръ ходитъ на костыляхъ, М. раненъ легко въ руку при штурмѣ Карса, и вскорѣ послѣ блокады Эрзерума умеръ отъ тифа.

Охотники у насъ на Кавказѣ составляли отдѣльныя команды и непосредственно подчинялись начальнику отряда. Палатки наши стояли отдѣльно; службы никакой мы не несли, да и то правду сказать, нѣкогда было: мы почти каждую ночь ходили тревожить непріятеля, то одни, то соединяли всѣ охотничьи команды, то дѣйствовали совмѣстно съ конными охотниками. Ходили по ночамъ, спали днемъ; сперва это было тяжело, а потомъ такъ привыкли, что рѣшительно не тяготились этимъ.

Первое охотничье дѣло, въ которомъ мы учавствовали, было, если не ошибаюсь, въ ночь съ 27-го на 28-е августа. Часамъ къ 12-ти намъ было приказано придти въ Байрахтаръ къ ставкѣ начальника отряда, тамъ мы соединились съ другой пѣшей командой, подъ общимъ начальствомъ поручика Х. и съ конными охотниками, подъ командой Самата Косумова. Объ этой интересной личности я буду говорить ниже.

На первый разъ намъ дали легкую задачу; заключалась она въ слѣдующемъ: мы—пѣхота должны себѣ отыскать такое мѣсто, гдѣ было-бы удобно залечь въ засаду, кавалерія же поутру наскочитъ на аванпосты и наведетъ на насъ турокъ.

Выслушавъ приказаніе, тронулись въ путь; луна только что сѣла,

ночь была темная, предметы неясными, туманными силуэтами рисовались въ темнотѣ, принимая фантастическіе и уродливые образы; но заблудиться было нельзя: на темномъ фонѣ неба всетаки рельефно рисовались контуры-вершинъ Аладжи, Учь-тапы и Кизиль-тапы и служили намъ оріентировочными пунктами.

Медленно шагъ за шагомъ подвигались мы впередъ, пробираясь между безчисленными камнями, усѣивавшими всю мѣстность.

— Стой! кто идетъ? окликаютъ часовые на аванпостахъ.

— Охотники!

Прошли аванпосты; теперь нужно быть осторожнѣе; Саматъ высылаетъ нѣсколькихъ своихъ охотниковъ въ патрули: быстро, какъ тѣни, мелькаютъ взадники, закутанные въ широкіе косматые бурки.

Отошли мы верстъ шесть, предосторожности удваиваются. Осторожнѣе ступаешь, чтобы подъ ногою не покатился камень, разговариваютъ шепотомъ, курить строго воспрещается, чтобы, увидя огонь, турки не догадались о грозящей имъ опасности. Кто знаетъ, можетъ быть, они и не далеко?

Отойдя еще версты три, натыкаемся на длинный оврагъ или скорѣе природную канаву, прорытою водой, идущую параллельно турецкой позиціи. Глубина ея фута четыре съ половиной, ширина почти такая-же.

Шепотомъ останавливается колона, офицеры собираются въ головѣ ея.

— Прелестное мѣсто!? говоритъ поручикъ Х., обращаясь къ намъ.

— Великолѣпное! соглашаемся мы единогласно.

— Въ такомъ случаѣ, господа, я выстрою роту, а вы каждый объясните вашимъ людямъ въ чемъ задача.

— Позвольте: прежде надо условиться мнѣ съ вами, прерываетъ Саматъ, слѣзая съ лошади.

— Прекрасно. Говорите!

— На разсвѣтѣ я налечу на турецкіе аванпосты, а если можно, то и на передовой лагерь. Потомъ начну отступать, они увяжутся за нами...

— Виноватъ! перебилъ Х. Самата, я боюсь, что мы еще далеко отъ турокъ: пожалуй, они побоятся преслѣдовать васъ такъ далеко.

— Не безпокойтесь, я ручаюсь, что увяжутся, а такого прекраснаго мѣста, какъ это намъ не найти. Я буду отстрѣливаться и отступать, вы не показывайтесь и молчите; потомъ я переѣду черезъ оврагъ и, перестрѣливаясь черезъ ваши головы, буду продолжать отступленіе; вы ихъ подпустите, какъ можно ближе и тогда—стрѣляйте. Послѣ перваго залпа я поведу своихъ въ шашки. Хорошо?

— Очень было-бы хорошо, еслибъ такъ случилось!

— Все такъ будетъ, только скажите солдатамъ, чтобы прятались хорошенько.

— Ну, такъ до свиданія!

— До свиданія, господа, отвѣчалъ Саматъ, пожимая намъ по очередно руки, утромъ увидимся. Теперь я поѣду со своими назадъ ожидать разсвѣта.

Саматъ сѣлъ на лошадь и скрылся въ темнотѣ со своими удальцами. (Саматъ говоритъ по русски не совсѣмъ правильно: съ мѣстнымъ акцентомъ, но я не передаю его выговора).

— Рота, стройся влѣво! шепотомъ скомандовалъ Х.

Въ величайшей тишинѣ развернулись охотники.

— На руку дистанціи разомкнись, опять шепотомъ раздается команда.

— Теперь, господа, по своимъ мѣстамъ! Предупредите людей; намъ ждать придется недолго: до разсвѣта остается не больше часа.

Мы разошлись, пожелавъ другъ другу успѣха. Солдатъ ввели въ канаву, приказали даже спрятать ружья, чтобы они не заблестѣли на солнце. Незамѣтно пролетѣлъ часъ. Охотники Самата, закутанные въ бурки съ замотанными вокругъ шеи башлыками, какъ видѣнія, стройно торопливымъ проѣздомъ пронеслись мимо насъ, легко, безъ малѣйшаго шума.

— Экіе молодцы! подумалъ я невольно.

— Поѣхали! пронеслось шепотомъ по солдатамъ.

Скрылись молодцы въ сумракѣ утра; всѣ напрягли слухъ: скоро ли раздастся первый выстрѣлъ. Вниманіе такъ напряжено, что возстановилась почти абсолютная тишина: не слышно даже дыханія. Прошло съ четверть часа, вдругъ—дымъ!

— Наскочили, пошли наши! Пронеслось опять по оврагу.

Кто нибудь уже болѣе не существуетъ! Подумалъ я.

За первымъ выстрѣломъ, затрещала частая пальба; я выглянулъ изъ своей канавы, но еще ничего не было видно; прошло еще минутъ пятнадцать, изъ за волнистой мѣстности показались наши кавалеристы: они медленно отступали, отстрѣливаясь. Вотъ они уже поровнялись съ нами, спустились въ оврагъ, переѣхали и продолжаютъ отступать; послѣднимъ отъѣзжалъ Саматъ; онъ, какъ нарочно, проѣзжалъ мимо меня и взглянулъ мнѣ въ глаза: насмѣшливая, торжествующая улыбка играла на его губахъ, въ рукахъ онъ держалъ винтовку. Напряженіе достигаетъ высшаго предѣла; изъ за ближайшаго перевальчика, шаговъ за двѣсти отъ нашего оврага, показались одинъ за другимъ баши-бузуки. Слово Самата сбылось: увязались таки они за нашими; хорошо зналъ онъ ихъ повадки.

Наши отступаютъ, а турки все ближе и ближе къ намъ.

— Заряжай! Шепотомъ передалъ я ближайшему солдату.

Безъ малѣйшаго шума, въ одну минуту зарядились ружья, ни одинъ курокъ не щелкнулъ.

Красива была баши-бузучья цѣпь: разнохарактерныя одежды, пестрые цвѣта, такъ и блестѣли на утреннемъ солнцѣ.

Наши и баши-бузуки, кромѣ стрѣльбы—переругивались.

Вотъ уже не болѣе пятидесяти шаговъ отдѣляетъ насъ отъ непріятеля: можно различать физіономію каждаго; вдругъ въ центрѣ нашей цѣпи, гдѣ былъ Х., грянулъ залпъ.

— Тррахъ, тррахъ! посыпались какъ горохъ выстрѣлы изъ нашего оврага; засверкали ружья, солдаты повыскакали изъ канавы; какая-то невидимая сила выталкивала впередъ; воодушевленіе было всеобщее: я тоже выскочилъ изъ канавы и съ кикимъ-то дикимъ крикомъ, ничѣмъ необъяснимымъ, сдѣлалъ выстрѣлъ въ какого-то красавца въ черкескѣ и бѣлой папахѣ. Раздались стоны въ баши-бузуцкой цѣпи! Тамъ валится человѣкъ, здѣсь падаетъ лошадь, другіе, выронивъ оружіе, успокоиваютъ раненыхъ, тутъ, освободившись изъ подъ упавшей лошади, съ дикимъ ужасомъ бѣгаетъ черкесъ, просясь къ кому нибудь на крупъ...

— Тррахъ, тррахъ! трещали выстрѣлы.

Урра! невытерпѣли солдаты и бросились въ штыки.

Вдругъ, какъ степной ураганъ, съ дикимъ гиканьемъ и воплями съ быстротою молніи промелкнули охотники Самата.

Послѣ первыхъ нашихъ выстрѣловъ онъ раздѣлилъ ихъ на двѣ части и пустилъ съ обоихъ фланговъ.

Хороша была картина: лошади, обрызганныя пѣной, храпя летѣли впередъ, почти не касаясь земли, шашки блестѣли на солнцѣ въ рукахъ наѣздниковъ, винтовки уже мотались за плечами; самъ Саматъ впереди, со сдвинутой на затылокъ папахой опередилъ шаговъ на сто своихъ и первый наскочилъ на отставшаго черкеса, тотъ даже и сопротивляться не посмѣлъ, сверкнула страшная шашка Самата и голова бѣднаго горца, отдѣлясь отъ туловища, упала на землю и откатилась въ сторону; языкъ на цѣлую четверть высунулся изъ глотки и затрясся въ воздухѣ, а Саматъ мчался уже дальше. Еще мгновенье и турки и наши скрылись за волнистою мѣстностію. Мы подбѣжали къ тому мѣсту, гдѣ валялись убитые баши-бузуки, нарвавшіеся на нашу засаду. Тамъ уже хозяйничали нѣсколько охотниковъ Самата: раненыхъ не было... Все убитые! Въ живописныхъ позахъ валялись наѣздники въ крови, кое гдѣ еще храпѣлъ умирающій съ кровавой пѣной у рта, да бились раненыя лошади, повсюду лужицы крови. Все это я съ любопытствомъ разглядывалъ, любуясь новой картиной; щеки еще горѣли отъ недавняго возбужденія, сердце билось усиленно.

А солнце между тѣмъ поднималось все выше и выше.....

Становилось уже довольно жарко.

Черезъ полъ-часа вернулись наши молодцы—конные охотники, ведя въ поводу отбитыхъ лошадей, кое кто везъ турецкое оружіе.

У насъ изъ всего отряда легко раненыхъ было 7 человѣкъ, у Самата человѣкъ десять.

— Съ добрымъ утромъ, господа, подъѣхалъ къ намъ Саматъ. Мы поболтали съ нимъ немного; онъ разсказалъ, какъ онъ наскочилъ на аванпосты и мы разстались.

— Дай Богъ намъ почаще вмѣстѣ ходить! сказалъ Саматъ при прощаньи.

Мы тоже простились другъ съ другомъ и отправились по домамъ. Нашъ отрядъ повернулъ полъ-оборота налѣво, Х.—на право, а Саматъ поѣхалъ прямо.

Преслѣдованья опасаться было нечего: турки были запуганы, и мы, построившись справа во взводную колону, съ пѣснями, крупнымъ, веселымъ шагомъ шли къ себѣ. Солдаты, непринимавшіе участія въ пѣсняхъ, вели между собой шумный разговоръ о своихъ впечатлѣніяхъ, офицеры тоже.

Мы и не замѣтили, какъ дошли до Огузловъ. Офицеры нашего полка высыпали на встрѣчу и забросали меня вопросами, но разсказывать было некогда: мы не спали всю ночь и торопились на отдыхъ.

— Спасибо вамъ, ребята, обратился Л. къ солдатамъ, когда мы пришли къ своимъ палаткамъ.

— Молодцами вели себя сегодня!

— Рады стараться, в—діе, отвѣчали они весело.

— Вотъ вамъ, купите себѣ водки. Онъ подалъ имъ десятирублевую бумажку.

— Покорнѣйше благодаримъ, в—діе!

Черезъ сутки насъ опять куда-то послали, не помню теперь—куда. Но дѣло было неудачное.

Въ ночь на 1-е сентября было одно изъ самыхъ крупныхъ нашихъ дѣлъ въ періодъ Аладжинской кампаніи.

Опять потребовали насъ къ 12-ти часамъ въ Байрахтаръ. Соединили нашу команду съ командой Х., но вмѣсто Самата прислали другую охотничью команду изъ казаковъ; я теперь забылъ фамилію молодца-начальника ихъ.

Какъ только всѣ собрались, мы немедленно выступили: путь нашъ былъ далекъ; надо было до разсвѣта забраться въ аулъ Джалы и, захвативъ живьемъ турокъ, если таковые тамъ окажутся, держаться въ селеніи до тѣхъ поръ, пока не получимъ приказанія отступать; а до Джалы по прямому направленію было верстъ 15; нашъ полкъ, еще какая то пѣхота и небольшая часть артиллеріи, расположившись около Учь-тапы, должны были насъ поддерживать.

Ночь была пасмурная, холодная, моросилъ мелкій осенній дождичекъ. Впереди двигались охотники казаки, выславъ впередъ патрули; позади ихъ мы.

Долго шли, начинало уже разсвѣтать, а мы еще не пришли на мѣсто; приказано прибавить шагу; бѣжимъ почти бѣгомъ: не успѣй мы до свѣту, аулъ намъ придется брать штурмомъ.

Бѣжимъ, спѣшимъ; жарко стало, потъ заструился по лицамъ, несмотря на свѣжее осеннее утро; вдругъ какой-то обрывъ, прямо подъ самыми ногами: точно изъ подъ земли выросъ. Довольно глубоко: сажени двѣ; чего долго думать:

— Прыгай!

Начались прыжки; кто удачно отдѣлался, кто ушибся; но ужь гдѣ тутъ было разсуждать отъ этомъ; всякій только и думалъ о томъ, какъ бы попасть во время—не опоздать.

Здѣсь надо замѣтить, что мы всегда предупреждали солдатъ о томъ, что намъ предстоитъ и объясняли задачу; такъ что, каждый изъ нихъ, дѣйствовалъ разумно и старался объ успѣхѣ дѣла.

Стало уже на столько свѣтло, что шагахъ въ пятнадцати предметы вполнѣ сдѣлались ясны. Вдругъ впереди остановились.

— Что такое?

Оказалось, что патрули вернулись назадъ: Джалы шагахъ въ двухстахъ не болѣе; мы раздѣляемся на двѣ части и, оцѣпивъ аулъ, вступаемъ въ него; не успѣли пройти и пяти шаговъ, наступая цѣпью, вдругъ изъ за сакли мелкнула конная фигура, сдѣлала выстрѣлъ и скрылась, черезъ минуту—другая.

— Урусъ, Уррусъ! раздались вопли въ аулѣ.

— Уррусъ, урусъ! раздалось вдоль цѣпи турецкихъ аванпостовъ, расположеннаго шагахъ во ста отъ Джаловъ, которыхъ мы и не замѣчали до тѣхъ поръ въ темнотѣ утра.

Между тѣмъ окруженные въ аулѣ человѣкъ шесть баши-бузуковъ метались, какъ угорѣлые, ихъ скоро прикончили, такъ они сдѣлали по насъ нѣсколько выстрѣловъ.

Джалы былъ совершенно раззоренный аулъ, оставленный жителями.

Нѣкоторые сакли были разрушены нашей артиллеріей во время рекогносцировки 1-го августа, стрѣлявшей по засѣвшей за ними кавалеріи, другіе были разрушены самими турками, добывавшими на топливо брусья и балки. Мы сейчасъ-же разсыпались по окраинѣ всего аула и ждали, что будетъ.

Турецкіе аванпосты снялись и поскакали въ свой лагерь, находившійся отъ насъ всего въ какой нибудь версты, а пожалуй и того менѣе.

Наша кавалерія отошла назадъ и скрылась за какой-то гребень: въ

аулѣ ей негдѣ было укрыться. Мы остались одни, притаившись за изгородями, стѣнами разрушенныхъ сакель и кучами казаковъ.

Наступила на нѣсколько минутъ мертвая тишина: мы ждали съ минуты на минуту появленія турецкихъ войскъ, чтобы встрѣтить ихъ залпами.

Я забылъ сказать, что на этотъ разъ мы ходили подъ начальствомъ молодаго, но опытнаго офицера поручика С. Онъ объѣхалъ всю нашу цѣпь, охватившую аулъ кругомъ, чтобы встрѣтить непріятеля со всѣхъ сторонъ, такъ какъ мы были въ изолированномъ положеніи и неминуемо должны были быть окружены.

Первая турецкая батарея осталась позади и вправо отъ насъ верстахъ въ трехъ. С. предупредилъ, чтобы не открывали огня, пока онъ самъ не выстрѣлитъ.

Я осмотрѣлся кругомъ: за неровностями мѣстности только чуть, чуть виднѣлась вершина Учь-тапы; ну, подумалъ я, добраться то мы благополучно добрались сюда, а какъ выберемся—Богъ знаетъ. Въ этотъ моментъ показались передовые башибузучьи джигиты, преимущественно черкесы, за ними двигалась довольно густая кавалерійская цѣпь; осторожно шли они; по всѣмъ движеніямъ было видно, что они не увѣрены: дѣйствительно-ли въ Джалахъ русскіе; вотъ уже насъ раздѣляетъ разстояніе не болѣе двухсотъ шаговъ; опять напряженно слѣдимъ за передовыми наѣздниками; одинъ остановился, взвился дымокъ, визгнула пулька, мы не отвѣчали, словно дѣйствительно въ аулѣ нѣтъ никого; всѣ притаились: пошевельнуться боятся; подъѣхали пріятели опять шаговъ на сто, опять нѣсколько разъ выстрѣлы; нѣтъ отвѣта; рѣшились наконецъ узнать въ чемъ дѣло: бросилось двое молодцовъ къ аулу въ карьеръ; вдругъ изъ-за камня замѣтилъ одинъ изъ нихъ русскую кепку, съ дикимъ крикомъ повернули они коней круто назадъ и, перевернувшись на сѣдлѣ, на всемъ скаку открыли огонь.

Скрываться долѣе было нечего, все равно открыты; затрещали наши берданки и крынки, посылая массу свинца на встрѣчу наѣздникамъ, но подъѣхали они не близко, да кромѣ того, послѣ первыхъ же выстрѣловъ, въ карьеръ повернули назадъ, поэтому и потери ихъ были незначительны; они бы успѣли подхватить своихъ раненныхъ и убитыхъ, еслибы наши казаки, спрятавшіеся недалеко отъ аула, не бросились въ шашки. Порубить имъ тоже удалось немного, такъ какъ для этого надо гнаться, а далеко гнаться было нельзя горсточкѣ удальцовъ въ такомъ близкомъ разстояніи отъ лагеря; все это произошло въ двѣ или три минуты. Аулъ нашъ оживился; за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ молчавшій какъ мертвый, онъ наполнился разговоромъ, шутками и пороховымъ дымомъ. Раненныхъ у насъ пока еще не было. Казаки, произведя свою стремительную аттаку, поѣхали назадъ къ Учь-тапѣ, болѣе имъ нечего было

дѣлать. Башибузуки, частью спѣшившись, частью оставшись на лошадяхъ, завели съ нами перестрѣлку.

Между тѣмъ тревога уже распространилась по всему турецкому лагерю; со стороны Кизиль-тапы отдѣлялись партіи башибузуковъ и направлялись намъ въ тылъ, съ цѣлью отрѣзать намъ путь отступленія.

Въ это время, влѣво отъ насъ, появились наши пѣхотныя части, но, вѣроятно, нарвались на завалы, потому что минутъ черезъ десять отступали съ сильнѣйшей пальбой.

Стало уже совершенно свѣтло. Турки осмотрѣлись и, оправившись, замѣтили, что было слишкомъ много шуму изъ пустяковъ: вблизи ихъ стоялъ только нашъ маленькій отрядъ, засѣвшій въ аулѣ, но засѣвшій пока крѣпко. Началось съ того, что съ вершины Ипахъ-тапеси, отдѣлявшейся отъ Джалы всего какой-нибудь верстой и того менѣе, начали бросать гранаты прямо въ аулъ.

Гранаты, падая на множество разбросанныхъ камней раззореннаго аула, лопались съ трескомъ, разсыпая во множествѣ, воющіе, какъ голодныя кошки, осколки; но мы занимали аулъ тонкою цѣпью, были хорошо прикрыты и почти не несли потерь.

Башибузуки, какъ стали на мѣсто шагахъ въ пятистахъ отъ насъ, такъ и не двигались—ни взадъ, ни впередъ. Солдатамъ это надоѣло, захотѣлось поближе подойти къ бритоголовымъ; вылѣзло изъ за кизиковъ человѣкъ десять и, перебѣжавъ шаговъ на сто, залегли за камушки. Поглядѣлъ я на нихъ и подумалъ: а въ самомъ дѣлѣ, поближе—лучше.

— Ребята, обратился я къ своему взводу, пойдемте впередъ.

Ребята съ удовольствіемъ вскочили и побѣжали впередъ; за нами полѣзли еще и еще, перестрѣлка оживилась. Лихіе наѣздники подались назадъ, не любятъ они близкой дистанціи. Мы еще впередъ, они еще назадъ, такимъ образомъ мы оттѣснили ихъ шаговъ на пятьсотъ; это насъ ободрило и увлекло; незамѣтно для самихъ себя, мы вдавались въ преслѣдованіе. Вдругъ раздался громкій голосъ:

— Куда вы, куда, господа? Оглянитесь назадъ! Отступать въ аулъ повзводно бѣгомъ!

Я оглянулся. Увлекшись преслѣдованіемъ, всѣ наши охотники покинули аулъ; замѣтивъ это, башибузуки, толпившіеся въ сторонѣ Кизильтапы, бросились въ карьеръ, чтобы занять оставленный нами аулъ; удайся имъ это и мы, прижатые съ двухъ сторонъ, были бы, вѣроятно, уничтожены. Опасность дѣйствительно была серьезна, но благодаря осторожности С., время не было еще потеряно; башибузукамъ надо было проскакать, по крайней мѣрѣ, съ полторы версты, а намъ пробѣжать шаговъ пятьсотъ. Отступая по-взводно бѣгомъ, мы своевременно возвратились въ аулъ и заняли старую позицію.

Въ промежутокъ этого времени, турки вывезли на бугоръ полевую

батарею, которая, совмѣстно съ Инахъ-тапой, забрасывала насъ гранатами.

Къ счастью, вскорѣ вниманіе Инахъ-тапы привлекъ нашъ полкъ, стоявшій подъ Учь-тапой, готовый въ критическій моментъ подать намъ помощь. Инахъ обратила всѣ орудія противъ него, такимъ образомъ положеніе наше улучшилось.

Прошло еще съ четверть часа и съ нашей стороны зарокотала граната.

— Наша, наша! пролетѣло по солдатамъ; дѣйствительно, прошипѣвъ надъ самыми головами, граната хлопнулась въ скатъ Инахъ-тапеси.

Между нашей и турецкими батареями завязалась перестрѣлка, это обстоятельство еще улучшило наше положеніе.

Мы все это время вели съ турками оживленную перестрѣлку, они нѣсколько разъ пробовали наступать, но всякій разъ не выдерживали и отступали на старыя мѣста.

Такъ дѣло продолжалось до двухъ часовъ; въ два часа пришло приказаніе отступать.

Насталъ самый трудный періодъ нашего набѣга: пока мы сидѣли въ аулѣ, мы несли очень мало потерь, но какъ только покидали аулъ, мы оставались на совершенно открытой мѣстности, а въ это время турки могли, не давъ намъ отойти и пятидесяти шаговъ, заскакать въ аулъ и изъ за закрытій на выборъ поражать насъ, пока мы отойдемъ на достаточную дистанцію; вспомнился мнѣ и оврагъ, въ который мы прыгали, приближаясь къ Джалы: далеко-ли придется его обходить!

Какъ бы тамъ ни было, начали отступать, стараясь смаскировать отъ турокъ наше движеніе; для этого мы выступили изъ аула двумя частями: сперва одна и, когда она отошла отъ аула шаговъ на 200, тогда выступила вторая, куда попалъ и я съ своимъ взводомъ. Цѣпь по возможности растянули и загнули правый ея флангъ фронтомъ къ Кизиль-тапѣ, такъ какъ башибузуки обскакали насъ съ фланговъ; батарея находившаяся у насъ въ тылу съ правой стороны, до сихъ поръ молчавшая, открыла по нашей цѣпи пальбу картечными гранатами; въ воздухѣ стонъ стоялъ: гранаты ежеминутно рѣзали воздухъ, лопались вверху, падали на землю, поднимая пыль, не смотря на то, что съ вечера былъ дождикъ, рвались въ куски, которые, визжа, разсыпались во всѣ стороны; ружейный трескъ, свистъ и вой пуль, крики, насмѣшливыя восклицанія, изрѣдка стоны,—все это смѣшалось въ общій гулъ.

Прошло минутъ пятнадцать, мы отошли уже шаговъ на четыреста, а турки еще не заняли аула; вѣроятно они боялись засады и упустили моментъ, которымъ мы великолѣпно воспользовались.

Вдругъ солдатъ, одинъ изъ моихъ любимцевъ, шедшій рядомъ со мной, заоралъ во всю глотку:

— Ваше б—діе, нашихъ ловятъ, нашихъ!

— Я оглянулся назадъ: изъ аула выбѣгали два стрѣлка, опасность для нихъ была дѣйствительно велика.

— Ребята, выручай своихъ! закричалъ я и побѣжалъ къ аулу, за мною бросилось человѣкъ десять солдатъ.

— Не успѣли мы сдѣлать и пятидесяти шаговъ, какъ изъ аула выскочили двое башибузуковъ, къ счастью на плохихъ лошадяхъ.

Какъ теперь помню, одинъ изъ нихъ былъ старикъ, одѣтый въ красный халатъ, бѣлая сѣдая борода его развѣвалось вѣтромъ, онъ скакалъ труской впереди, за нимъ—молодой, въ голубой курткѣ.

Впереди меня бѣжалъ тотъ самый солдатъ, который первый замѣтилъ критическое положеніе нашихъ, на бѣгу онъ неуклюже размахивалъ свободной лѣвой рукой и ругалъ турокъ во всю глотку.

Видя, что мы не подоспѣемъ во время, я началъ кричать бѣгущимъ:

— Стрѣляйте, стрѣляйте!

Бѣжавшій назади, на бѣгу зарядилъ ружье, старикъ въ красномъ халатѣ былъ отъ него въ этотъ моментъ не далѣе двадцати шаговъ; раздался выстрѣлъ.

— Промахъ! вскрикнулъ я невольно.

По всѣмъ движеніямъ нашихъ стрѣлковъ было видно, что они страшно перетрусили: ноги у нихъ подкашивались, на каждомъ шагу спотыкались. Башибузукъ въ свою очередь выстрѣлилъ, тоже промахъ, но еще минута и онъ догонитъ бѣднягу.

Не знаю почему, но подобные одиночные бои, производятъ не только тяжелое, а буквально омерзительное впечатлѣніе, какъ-то гадко смотрѣть на такой бой....

Между тѣмъ, отъ насъ до башибузуковъ оставалось не болѣе ста шаговъ.

— Стрѣляй, ребята! приказалъ я, и самъ пустилъ пулю.

Грянуло нѣсколько выстрѣловъ, старикъ схватился за бокъ и сморгнулъ съ лошади, какъ выразился одинъ солдатъ, заряжая снова свое ружье. Молодой повернулъ назадъ и, несмотря на сдѣланные нами еще нѣсколько выстрѣловъ, благополучно улизнулъ.

Отставшіе были спасены; они подбѣжали къ намъ блѣдные, запыхавшіеся.

— Зачѣмъ вы отстали? строго спросилъ я.

— Виноваты, ваше б—діе, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ; наши, значитъ, отступили, а мы думали: ушли молъ да не всѣ, лежимъ да пострѣливаемъ, больно ужъ, в. б—діе, ловко стрѣлять было; близко наѣзжать зачали, а тутъ оглянулись, хвать — никого и нѣтъ, мы бѣжать, а тутъ и дороги-то изъ аула не найдешь: сюда сунешься — стѣна, туда—сакля; больно ужъ испугались в. б—діе, покорнѣйше благодаримъ

за выручку в. б—діе, и вамъ, ребята, спасибо, кланялись они моимъ солдатамъ.

Живо мы догнали своихъ и заняли мѣста. Часамъ къ четыремъ, мы уже отошли отъ Джалы верстъ восемь. Нѣсколько разъ башибузуки собирались въ кучки и пытались атаковать, но, встрѣчаемые мѣткимъ огнемъ, не выдерживали и поворачивали назадъ. Дружныхъ атакъ они не умѣютъ дѣлать.

Патроны уже у насъ стали подходить къ концу, когда на смѣну намъ явилась кавалерія. Совершенно измученные, мы построились въ колонну и, сдавъ раненыхъ и убитыхъ въ лазаретныя фуры, отправились по домамъ.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось читать въ газетахъ телеграмму Мухтара-паши объ этомъ дѣлѣ; онъ извѣщалъ, что на него напало шестнадцать батальоновъ пѣхоты, но были прогнаны съ большимъ урономъ.

Потеря же у насъ въ этотъ день простиралась до 23-хъ человѣкъ.

Такимъ образомъ мы продолжали тревожить турокъ почти каждую ночь. Описывать всѣ эти стычки и набѣги крайне не интересно, такъ какъ они всѣ болѣе или менѣе схожи и даже у меня—участника—перепутались въ головѣ.

До 20-го сентября замѣчательнаго ничего не было, мы такъ привыкли къ своей жизни, что рѣшительно не тяготились превращать день въ ночь и ночь въ день; намъ нравилась наша дѣятельность и мы съ удовольствіемъ отдавались ей.

19-го сентября, когда мы вернулись изъ нашего ночного поиска, намъ по секрету сообщили товарищи, что къ чему-то приготовляются.

Къ вечеру стали ходить слухи, что завтра мы атакуемъ Мухтара, дѣло-де будетъ рѣшительное, безъ отступленія.

Все это передавалось другъ другу шепотомъ, какъ великая тайна.

Войска начали почему-то передвигаться съ мѣста на мѣсто, такъ напримѣръ, нашъ полкъ ушелъ на Караялъ, а на мѣсто его пришелъ какой-то другой и помѣстился въ палаткахъ нашего полка.

Часа за три до заката солнца, потребовали нашего Л. къ начальнику отряда и почему-то приказали распустить охотниковъ по полкамъ. Мнѣ, такъ какъ нашъ полкъ ушелъ, приказано присоединиться къ другому полку, но я выпросилъ разрѣшеніе догнать свой полкъ.

Такъ какъ времени оставалось немного, я не далъ своимъ охотникамъ запастись порціями, которыя еще не были готовы и пошелъ на Караялъ, въ томъ разсчетѣ, что часа черезъ три разыщу свою часть, и солдаты получатъ порціи тамъ на мѣстѣ.

Солнце уже сѣло, когда я со своими солдатами забрался на вершину Караяла; наткнулись на какой-то лагерь, спрашиваемъ:

— Не видали такого-то полка?

Отвѣчаютъ—нѣтъ.

Пошли наудачу къ Кирюкъ-Дара. Тутъ я началъ безпокоиться: что если полкъ совсѣмъ въ другой сторонѣ, когда мы дойдемъ тогда до него; люди и я самъ сильно уже приморились.

Когда мы спустились съ высотъ въ долину, стало уже совершенно темно; судорожная дѣятельность царила здѣсь и непріятно раздражала нервы; суетня, шумъ и говоръ такъ и стояли въ воздухѣ; во всѣхъ палаткахъ свѣтились огни и оттуда несся сдержанный гулъ приготовлявшихся къ битвѣ войскъ; взадъ и впередъ двигались обозы, цѣпляясь колесами, сталкиваясь и спѣша куда-то, тяжко двигались орудія, грозно и мрачно гремя своими громадными колесами. Все это куда-то спѣшило, путалось, ругалось и хорошенько не знало къ чему такъ суетится.

Вѣроятно и на всѣхъ подобная обстановка производитъ непріятное впечатлѣніе, но на меня она сильно подѣйствовала, я и безъ того былъ встревоженъ тѣмъ, что на всѣ вопросы мои относительно мѣстопребыванія нашего полка, мнѣ отвѣчали всѣ, къ кому я ни обращался: не знаемъ! а такая безпорядочная суетня окончательно испортила расположеніе духа.

Теперь лучшей моей мечтой было поскорѣе найти полкъ и отдохнуть, если не физически, то нравственно, въ кругу товарищей.

Я продолжалъ идти на удачу, разспрашивая всѣхъ попадавшихся мнѣ на встрѣчу:

— Гдѣ *** полкъ.

— Не знаю, не знаемъ, было вѣчнымъ отвѣтомъ.

Ѣдутъ нѣсколько всадниковъ, вижу офицеры.

— Извините, обратился я къ переднему, гдѣ *** полкъ?

— А ты какимъ образомъ отсталъ отъ полка?

Я объяснилъ, догадавшись, что это начальство и прибавилъ даже ваше превосходительство.

— Т***, обратился онъ къ одному изъ свиты, скажи ему, гдѣ его полкъ.

— Названный Т—мъ, остановился со мной, а другіе поѣхали далѣе.

Т. разсказалъ мнѣ, наконецъ, мѣсто стоянки нашего полка и уѣзжая прибавилъ:

— Теперь вамъ не далеко; а знаете съ кѣмъ вы говорили сейчасъ?

— Нѣтъ, а съ кѣмъ?

— Съ Его Высочествомъ!

Я даже ротъ разинулъ отъ удивленія.

. . . . . .

Вотъ наконецъ и то мѣсто, гдѣ долженъ быть нашъ полкъ.

— Вонъ, въ этихъ палаткахъ, в. б—діе, показалъ мнѣ проходившій мимо солдатъ.

Но что-то темно, не видно огней въ лагерѣ; сердце у меня такъ и заколонуло: что если наши уже ушли! Опять придется искать ихъ, пожалуй, и къ дѣлу опоздаешь, а люди еле передвигаютъ ноги.

Подходимъ, подозрительная тишина еще болѣе усиливаетъ мои опасенія. Стой! что такое? лежатъ груды какихъ-то предметовъ и около нихъ копошатся человѣческія фигуры; нагнулся, гляжу, ранцы.

— Ты какого полка? спрашиваю солдата, возящагося въ кучѣ.

— ***, ваше б—діе.

— Гдѣ же наши?

— А ушли, ваше б—діе.

— Куда?

— А не могу знать, ваше б—діе, туда! и онъ показалъ направленіе.

— Давно? съ затаеннымъ дыханіемъ предлагаю я послѣдній вопросъ, какъ утопающій, хватаясь за соломенку.

— Да, болѣе часу будетъ, ваше б—діе.

Руки у меня опустились. Что теперь дѣлать? Куда идти?

— Офицеровъ здѣсь нѣчто нашихъ нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше б—діе.

Послѣдняя надежда рухнула! Что если опоздаемъ къ дѣлу: вѣдь товарищи могутъ подумать, что просто не хотѣлъ учавствовать въ бою, а между тѣмъ я готовъ былъ отдать сейчасъ же полъ-жизни, только бы попасть въ полкъ во время.

Идти сейчасъ искать полкъ было невозможно: мало того, что люди провели цѣлыя почти сутки на ногахъ, но луна еще не всходила и легко было совсѣмъ заблудиться.

Отошли мы шаговъ сто отъ ранцевъ, наткнулись на земляную батарею, я свелъ людей въ ровъ, чтобы имѣть хоть маленькое укрытіе отъ холоднаго рѣзкаго вѣтра, выставилъ часоваго караулить луну, а остальные и я самъ легли спать, дрожа отъ холода.

Утомленіе было такъ велико, что не прошло и пяти минутъ, какъ я уже крѣпко спалъ.

— Ваше б—діе, разбудилъ меня часовой: мѣсяцъ вышелъ!

Я поднялъ голову: часовой уже выпрямился и держалъ на плечо. Я проснулся съ тѣмъ смутнымъ чувствомъ безпокойства, которое является по утру, если вечеромъ легъ спать съ тяжелой думой: проснешься и чувствуешь, что на душѣ что-то не ладно, а отчего—незнаешь: начинаешь припоминать, что вчера меня безпокоило. И вдругъ вспомнишь!

Тоже самое испытывалъ я и теперь. Хотя сонъ сильно клонилъ и его трудно было побороть, но я мгновенно вскочилъ и поднялъ людей, но куда идти? Я вылезъ на брустверъ и началъ осматриваться: вѣтеръ утихъ, луна тихо горѣла, разсыпая свои яркіе бѣлесоватые лучи; мѣ-

стность на далекое разстояніе была превосходно видна, турецкая позиція, окутанная туманомъ, мрачно чернѣлась.

Догадываются-ли они, мелькнуло у меня въ головѣ, что сегодня будетъ сдѣлано на нихъ нападеніе. Однако куда-же могъ пойти нашъ полкъ? Солдатъ показалъ направленіе къ Большимъ Ягнамъ, въ той сторонѣ есть еще два укрѣпленныхъ пункта Малыя Ягны и Визинцевъ, значитъ полкъ будетъ дѣйствовать противъ одного изъ этихъ пунктовъ: надо пока идти по направленію къ Большимъ Ягнамъ, а тамъ кого-нибудь встрѣчу и спрошу еще.

Рѣшивъ такимъ образомъ, я скомандовалъ: ружья вольно! и повелъ впередъ свою команду.

Пройдя шаговъ пятьсотъ, я примѣтилъ тоненькіе столбики походнаго телеграфа, тянущіеся по одному со мной направленію; правѣе Карааля войскъ у насъ не было, слѣдовательно, подумалъ я, эта нить протянута за назначенными въ дѣло частями; если мы пойдемъ по ней, то ужь навѣрно наткнемся на какую нибудь часть, гдѣ узнаю о нашемъ полкѣ, а въ крайнемъ случаѣ можно будетъ присоединиться и къ тому полку, который попадется. Я такъ и сдѣлалъ. До разсвѣта мы сдѣлали небольше двѣнадцати верстъ: люди были такъ утомлены, что каждыя три, четыре версты приходилось дѣлать маленькіе привалы. По дорогѣ никто не попадался, если не считать маркитанта-армянина со сломавшейся арбой. Я все-таки и къ нему обращался съ вопросомъ, но онъ или не понималъ ничего по русски, или не хотѣлъ отвѣчать, потому что на всѣ наши вопросы только и отвѣчалъ:

— Моя незнай! и продолжалъ безцѣльно ходить вокругъ арбы съ товаромъ безнадежно всплескивая руками. Вѣроятно, эта сломавшаяся арба разрушила лучшія его мечты.

. . . . . .

Съ первыми лучами солнца раздались и первые выстрѣлы: задымились вершины турецкой позиціи, особенно бушевалъ огонь около Кизильтапы и на Малыхъ Ягнахъ, дымъ не разсѣявался, а стлался по долинѣ въ сыромъ утреннемъ воздухѣ. Турецкія орудія палили и палили, не переставая; противъ Субботана шла оживленная ружейная перестрѣлка.

Отчаяніе овладѣло мной:

— Опоздалъ!

Солдаты тоже повѣсили носы.

Долго никого не попадалось на встрѣчу, наконецъ ѣдетъ казакъ; я обрадовался:

— Незнаешь, гдѣ *** полкъ?

— Знаю, ваше б—діе, вонъ подъ тѣмъ шиханомъ! онъ показалъ на Малыя Ягны.

— А, вонъ тотъ шиханъ взяли уже, неудержался казакъ, чтобы не подѣлиться радостью, указывая на Большія Ягны, человѣкъ 200 въ плѣнъ забрали.

— Правда-ли?

— Ей Богу, ваше б—діе, самъ видѣлъ, до свѣту еще взяли: турки спали, а наши-то и подошли.

Съ трудомъ вѣрилось въ такую радостную новость: Большая Ягна была большая гора съ крутыми скатами и по виду казалась неприступнѣе многихъ другихъ, и вдругъ взята прежде всѣхъ; эта побѣда въ самомъ началѣ—предвѣщала успѣхъ всего дѣла. Но это еще болѣе обезпокоило меня, сегодня одно изъ самыхъ славныхъ дѣлъ нашей арміи и я опоздалъ!

— Ну, ребята, подбодрись! обратился я къ своимъ, теперь я знаю гдѣ наши, надо поторопиться, безъ приваловъ идти.

— Постараемся, ваше б—діе, дойдемъ!

Мы прибавили шагу; въ это время насъ обгонялъ конный отрядъ карапапаховъ, начальникъ ихъ—урядникъ, снявъ папаху, раскачивался въ сѣдлѣ и ломаннымъ русскимъ языкомъ кричалъ съ одушевленіемъ:

— Пойдонъ, пойдонъ! Русскій на гора будитъ! Вечеръ турки Гамысымъ пропаль!

Мнѣ почему-то стало легче при видѣ веселости этого человѣка.

Черезъ полъ часа подходили ужь къ Малымъ Ягнамъ. Ягны палили изъ всѣхъ орудій, наши окружили ихъ и вели перестрѣлку орудійную и ружейную; каждая граната падала въ валъ, траншею или батарею, буквально засыпая турокъ и недавая имъ опомниться; только надъ батареей показывался дымокъ, какъ въ него уже летѣла граната; иногда это орудіе не стрѣляло болѣе, очевидно подбитое.

Вообще артиллерія дѣйствовала молодецки, подъѣзжала она на картечный выстрѣлъ и буквально громила турецкія укрѣпленія.

Я подошелъ къ резервамъ: въ ногу, стройно. Проѣзжаетъ какой-то адъютантъ, я его спрашиваю:

— Незнаете-ли, капитанъ, гдѣ *** полкъ? я вотъ съ охотниками ищу его со вчерашняго вечера.

— Право, незнаю. Отвѣтилъ онъ торопливо и хотѣлъ уже скакать дальше; вообще было видно, по его озабоченному лицу, что онъ чѣмъ-то занятъ.

— Что же мнѣ дѣлать теперь—посовѣтуйте.

— А присоединитесь пока къ этому отряду, а потомъ, если узнаете, гдѣ вашъ полкъ, отправляйтесь къ нему.

Я былъ ужь доволенъ и тѣмъ, что хоть гдѣ нибудь удалось приткнуться; разсыпалъ я свою команду и повелъ въ цѣпь; поровнявшись съ цѣпью какого-то полка, мы залегли и открыли огонь.

Нѣсколько разъ всей цѣпью подавались по немногу впередъ и одинъ разъ перешли было въ рѣшительное наступленіе, но были остановлены: вѣроятно предполагали, что Малыя Ягны сами сдадутся къ вечеру и не желали безполезно терять людей; дѣйствительно, положеніе Ягновъ было очень скверно; большая часть орудій была подбита, другія плохо отвѣчали, вѣроятно, число прислуги было тоже поубавлено нашими картечными гранатами, то и дѣло лопавшимися надъ батареями. Общимъ мнѣніемъ было то, что Ягны неминуемо должны пасть, оставался только вопросъ:—скоро-ли? И опять таки всѣ сходились на томъ, что никакъ не далѣе заката солнца.

Мы уже пробыли подъ Малыми Ягнами болѣе двухъ съ половиной часовъ; раненыхъ за все время у меня было только двое и то на столько легко, что они не пожелали даже идти на перевязочный пунктъ и остались въ строю.

Вдругъ я замѣтилъ адъютанта, подъѣхавшаго отъ Большихъ Ягновъ. Сейчасъ же я послалъ къ нему за свѣдѣніями одного изъ охотниковъ. Черезъ десять минутъ онъ уже бѣжалъ назадъ.

— Ваше б—діе, нашъ полкъ подъ той горой, онъ показалъ на Большія Ягны, командира полка и человѣкъ семь господъ офицеровъ поранили, сообщилъ онъ мнѣ.

Въ туже минуту я отправился къ командиру того батальона, къ которому прикомандировался на время и сказавъ ему, что узналъ гдѣ полкъ и ухожу, повелъ свою команду на прямикъ къ Большимъ Ягнамъ.

Кто именно раненъ изъ нашихъ офицеровъ меня сильно интересовало, такъ какъ со многими я былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Скверныя думы лезли въ голову, вообще за эту ночь и день я сильно изстрадался нравственно.

. . . . . .

Вотъ наконецъ ужь и Большія Ягны не далеко. По дорогѣ шли, ползли и неслись санитарами на носилкахъ раненые, нѣкоторые наскоро перевязанные, другіе вовсе безъ перевязки... Непріятное впечатлѣніе производили они; правда многіе держали себя молодцами, не подавая вида о тѣхъ страданіяхъ, которыя они переносили, но большая часть стонала, хныкала и корчила жалобныя рожи. Нѣкоторыя сцены до сихъ поръ свѣжи въ моей памяти, напримѣръ: несутъ солдата съ пробитымъ пулею лбомъ, онъ лежалъ весь залитый кровью, безсознательно воя и обмахивая рукой рану; правая нога, почему-то разутая, судорожно дрожала...

Шаговъ пятьсотъ не дошли еще мы до резервовъ, а пули начали уже посвистывать, но я бы никакъ не повѣрилъ своему слуху, такъ далеко мы были отъ линіи огня, если-бы у меня не ранило одного охотника въ ногу и, несмотря на такую громадную дистанцію, пуля пробила ему икру на вылетъ, къ счастію не задѣвъ кости.

— Гдѣ *** полкъ? спросилъ я санитаровъ нашего полка, тащившихъ тяжело раненаго.

— Вотъ здѣсь подъ горкой, недалеко, ваше б—діе, наши теперь въ резервъ отошли, ихъ смѣнили, больно ужь сегодня много народу попортили, ваше б—діе.

Я направился къ указанной горкѣ. Наконецъ я у цѣли; наконецъ—въ своей семьѣ. О, какъ я счастливъ въ этомъ мигъ. Еще шаговъ сто и я увидѣлъ офицеровъ, пріютившихся подъ обломкомъ скалы. Я бросился къ нимъ съ распростертыми объятіями, они мнѣ тоже обрадовались. Начались взаимные разспросы и разсказы: того-то убили, того-то ранили.

Охотниковъ своихъ я сейчасъ же распустилъ по ротамъ, самъ же былъ назначенъ командовать одной изъ ротъ, лишившихся командировъ,

Огонь еще былъ очень силенъ, пули легѣли и шлепались вокругъ безпрерывно. Съ правой стороны высились Большія Ягны и вблизи были еще могущественнѣе и грознѣе.

— Т., обратился я къ одному товарищу, выйдемъ, пожалуйста, на какой нибудь холмикъ, покажи мнѣ, гдѣ дѣйствовалъ нашъ полкъ.

Т. охотно согласился и мы пошли. Вдругъ вижу на самой вершинѣ Аладжи нѣтъ, нѣтъ, да и вспыхнетъ орудійный дымокъ.

— Что это? обратился я къ товарищу, гляди, турки стрѣляютъ съ самаго верха, въ кого это?

— Да, это, милый другъ, не турки, а Шелковниковъ; мы сами сперва не знали и тоже думали на турокъ, а на дѣлѣ оказалось—наши.

— Да быть не можетъ! Вѣдь это значитъ Аладжа взята!

— Ну, нѣтъ, не совсѣмъ такъ, еслибы у Шелковникова была больше часть, то тогда, конечно, Аладжа была-бы наша, а теперь не то; у него всего пять батальоновъ, поддержать его наврядъ-ли успѣютъ, а теперь опасаются даже, чтобы положеніе его не сдѣлалось критическимъ. Онъ уже давно забрался туда; нашъ командиръ, какъ увидѣлъ это сейчасъ же и повелъ насъ напрямикъ черезъ Суботанъ, чтобы поддержать Шелковникова снизу. Ну, разумѣется, по обыкновенію самъ впереди верхомъ, сперва подъ нимъ лошадь убили, а потомъ и его ранили. Мы было продолжали наступать, но тутъ пальба сдѣлалась адская, остановились, но скоро патроны подошли къ концу, пришлось отступать вотъ за этотъ бугоръ. Много, братъ, нашихъ тутъ легло!

Мы простояли здѣсь еще съ полъ часа. Т. разсказалъ мнѣ весь ходъ дѣла, объясняя на мѣстности всѣ движенія, потомъ присоединились къ товарищамъ.

. . . . . .

Солнце клонилось къ закату, пальба смолкала. Жажда мучила всѣхъ ужасно, никто съ самаго утра ничего не пилъ и не ѣлъ.

Отъ скуки, у кого еще оставалось, жевали сухари, да изрѣдка перебрасывались словами.

Вдругъ впереди раздается слабое ура! Но растетъ, растетъ оно, какъ бурный горный потокъ во время сильнаго дождя, разливается по долинѣ, отдается въ горахъ и наконецъ охватываетъ всѣ войска.

Мы выскочили на бугоръ, вся наша линія бѣжала впередъ, даже резервы тронулись, побѣжали и мы, увлекаемые общимъ движеніемъ. Турки повыскакали изъ своихъ ложементовъ и улепетываютъ; который отстанетъ, тотъ уже больше и не встаетъ...

Но добѣжали мы только до Субботанскаго оврага и сейчасъ же бросились къ водѣ, прекративъ преслѣдованіе; съ какимъ наслажденіемъ каждый, уткнувъ лице въ воду, тянулъ въ себя освѣщающую жидкость. А тутъ ужь скачутъ адъютанты, ординарцы, возвращаютъ назадъ. Оказалось, что на ура пошли самовольно, просто не вытерпѣло ретивое; приказанія же атаковать не было, да и быть не могло, такъ какъ линіи наши для этого были слишкомъ тонки, да еслибы мы и захватили что нибудь, то удержать все-таки не могли.

Отступили на старыя позиціи. Между тѣмъ солнце сѣло, дѣлалось все темнѣе и темнѣе, стрѣльба тише и тише и наконецъ совсѣмъ смолкла.

„...Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...“

Многихъ не досчитывались... Но живой думаетъ о живомъ, говоритъ пословица, всѣ стали заботиться о томъ, какъ бы чего съѣсть и выпить, такъ какъ утомленная на мгновенье жажда въ Суботанскомъ оврагѣ разгорѣлась съ ужасающей силой.

Насъ передвинули впередъ, такъ что пришлось выставить аванпосты; пока я разставлялъ ихъ сдѣлалось уже совершенно темно; шумъ, гамъ и трескъ смѣнились невозмутимой тишиной. Пространство между Малыми Ягнами и Кабахъ-тапой пылало, зажженное турецкими гранатами, гигантское зарево охватывало небосклонъ, придавая дикій и воинственный видъ обстановкѣ. Величественна была картина! Не часто приходится видѣть что нибудь подобное.

Разставивъ цѣпь и поручивъ ее на время своему субалтернъ-офицеру, я отправился розыскивать воды; я надѣялся, что можетъ быть подъѣхали маркитанты. Отошелъ шаговъ пятьдесятъ, смотрю солдаты тащатъ что-то.

— Не бурдюкъ-ли съ водой, мелькнуло у меня въ головѣ.

— Что тащите, ребята?

— Покойника, ваше б—діе, отвѣчали они угрюмо.

Смотрю вправо, подъ самыми почти Ягнами мелкаетъ костеръ, отправился туда. Подхожу: сидятъ въ кружкѣ наши офицеры и пьютъ чай,

дали и мнѣ стаканчикъ. Господи, какъ былъ вкусенъ этотъ провонявшій дымомъ стаканъ чая; я чувствовалъ, какъ по мѣрѣ того, какъ я пилъ, что-то пріятное разливалось у меня по всему тѣлу, горячій напитокъ успокоивалъ нервы и утолялъ жажду. Стаканъ чая оживилъ меня: силы и бодрость вернулись. Я вернулся въ цѣпь и послалъ своего субалтерна тоже промочить горло.

Прошло съ часъ, я было началъ дремать, вдругъ правѣе раздается ура и ррахъ, ррахъ! два выстрѣла изъ орудій.

— Что это значитъ? Задаешь себѣ вопросъ, наши-ли пошли впередъ или турки напали. Помогай имъ, Господи, думаешь мысленно.

Оказалось, что на наши аванпосты накинулись башибузуки, но сейчасъ же ускакали.

Нервы у всѣхъ были возбуждены и напряжены до крайнихъ предѣловъ; это объяснялось тѣмъ, что мы были вполнѣ въ изолированномъ положеніи, находясь чуть-ли не въ срединѣ турецкой позиціи и должны были быть крайне осторожны, чтобы не позволить непріятелю окружить себя и напасть въ расплохъ. Солдаты понимали это и держали ухо востро: каждый малѣйшій шумъ впереди аванпостовъ сейчасъ же разслѣдовался.

Среди ночи насъ еще продвинули впередъ шаговъ на пятьсотъ. Нескончаемо долго тянулась эта ночь, къ утру я впалъ въ какое то полузабытье; наконецъ давно ожидаемый разсвѣтъ насталъ. Мы готовились снова возобновить бой.

Съ первыми лучами солнца заблестѣли стволы въ турецкой цѣпи, вытянувшейся параллельно субатанскому оврагу, но она не двигалась впередъ, мы тоже не получали никакихъ приказаній. Изрѣдка завязывалась перестрѣлка, но сейчасъ же смолкала; очевидно войска обѣихъ сторонъ были утомлены вчерашнимъ боемъ. Каменная грядка, за которой вчера лежала наша цѣпь, была устлана гильзами, окровавленными тряпками и санитарными косынками; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стояли уже свернувшіяся лужицы крови.

А воды между тѣмъ не было; сухари тоже сглодали. Скверно было.

Часамъ къ двѣнадцати нѣкоторые до того измучились жаждой, что начали впадать въ забытье, со стономъ ломали руки; нѣкоторые въ ужасныхъ корчахъ умирали; страдавшихъ раздѣвали и обсыпали землей, чтобы хоть немного облегчить страданія. Хорошо, что ко всѣмъ этимъ картинамъ скоро привыкаешь; бывало идешь мимо страдальца и даже вниманія не обратишь: что же будете дѣлать, если помочь нечѣмъ?

Часа въ три привезли въ бурдюкахъ воду, роздали по крушкѣ на брата, но не всѣмъ хватило... Надо было видѣть отчаяніе тѣхъ, кому не досталось выпить теплой, провонявшей бурдюкомъ водицы, привезенной за 20-ть верстъ. Мнѣ пришлось видить такую сцену.

Ѣдетъ казакъ, везетъ куда-то котелокъ съ водой; къ нему подбѣгаетъ солдатъ.

— Братъ, обращается онъ съ мольбой, дай за гривенникъ ложку воды! И бѣдняга вынимаетъ изъ кармана два завѣтныхъ пятака, можетъ быть, давно сберегаемыхъ имъ про черный день, и вотъ этотъ черный день наступилъ...

Но не взялъ казакъ гривенника, да не далъ и ложки воды...

И онъ былъ правъ, потому что дай онъ этому, къ нему бросились бы еще и еще и пришлось бы отдать всю, а ему тоже, вѣроятно, она была нужна для кого нибудь.

Къ счастью черезъ полчаса подвезли воды еще.

Къ вечеру пріѣхалъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ, отвозившій вчера раненаго командира, объявилъ намъ, что командиръ въ неопасности и привезъ намъ водки, сардинокъ, сыру и хлѣба. Пока мы наслаждались всѣми этими благами, турки нѣтъ, нѣтъ, да и пустятъ гранату, но мы и подъ пулями закусывали, а ужь на эдакіе пустяки и вниманія никто не обращалъ.—Солдатамъ тоже привезли порціи.

Такъ провели мы день 21-го сентября.

Вечеромъ, когда стемнѣло, передъ Кизиль-тапой замерцали двойнымъ рядомъ ружейные огоньки и изрѣдка орудійные; звуки выстрѣловъ недолетали до насъ.

— А вѣдь это Кизиль-тапу штурмуютъ, ай да молодцы, начались догадки.

Дѣйствительно, турецкіе огни начали подаваться назадъ, назадъ, вотъ уже замелькали на срединѣ Аладжи; потомъ вдругъ и у насъ и у турокъ огонь прекратился.

— Что это значитъ? Неужели взяли? Конечно взяли: это ясно! Еще пуще посыпалось со всѣхъ сторонъ.

. . . . . .

Часамъ къ двѣнадцати ночи пришелъ приказъ сниматься и двигаться по направленію разведеннаго на Кабахъ-тапѣ костра.

— Зачѣмъ идемъ? Куда идемъ? Опять заволновались всѣ.

Но и опять таки, какъ водится, никто ничего незналъ.

Рѣшили, что идемъ брать Малыя-Ягны.

Навсегда будетъ мнѣ памятна эта ночь: силы физическія совсѣмъ меня оставили, тѣло за эти дни и безсонныя ночи почти совсѣмъ израсходовалось: остались кости, да кожа. Лѣтнее суконное пальтишко не укрывало отъ холода, а трава покрылась густымъ бѣлымъ инеемъ; къ счастію со мной было красное байковое одѣяло, въ которое я укутывался вмѣсто плэда. Двигались медленно, на каждомъ шагу остановки: то орудіе завязнетъ въ оврагѣ, то люди растянутся. На каждой остановкѣ, изъ которыхъ ни одна не продолжалась долѣе десяти минутъ, я ложился и

засыпалъ, только полкъ начиналъ двигаться, я вставалъ и шелъ дальше вполнѣ безсознательно: большею частью съ закрытыми глазами,—все таки было какъ то легче, будто спишь.

Костеръ, большой костеръ, служившій намъ маякомъ, горѣлъ еще очень далеко. Но зачѣмъ идемъ мы туда? Вѣдь Малыя Ягны остаются влѣво, пробовала всетаки разсуждать слабая голова, почти потерявшая способность мыслить, все въ ней какъ то путалось, путалось..

Лучше прямо бы шли къ Малымъ Ягнамъ, тогда ночью же успѣли бы ихъ взять...

А жаль бѣднягу К.... Господи, какъ скверно! А какъ хорошо было жить въ Россіи! И не умѣли цѣнить этого... Вѣдь, днемъ мы не можемъ теперь драться, мы слишкомъ утомлены... Теперь мы годимся только для короткаго боя, хотя бы и самаго жаркаго!...

Такимъ образомъ протащились мы всю ночь; передъ разсвѣтомъ дошли наконецъ до костра.

— Ба, что это? вѣдь это Кабахъ-тапа! удивился я.

Тутъ уже стояли какія-то войска: и пѣхота, и кавалерія, и артиллерія.

Насъ завели за кабахъ, остановили и приказали составить ружья и отдыхать. Тутъ и вода гдѣ то нашлась, стали пить, умываться, переобуваться и грѣться на лучахъ восходящаго солнца; оживились всѣ, какъ мухи весной. У одного офицера нашлась щепотка чая, откуда то достали турецкій телеграфный походный шестъ, развели огонь, вскипятили воду въ котелкѣ и, всыпавъ туда драгоцѣнную щепоть чая, начали хлѣбать горячую жидкость, по которой плавали сальныя блестки—остатки солдатскаго обѣда; досталось на брата глотка по два, по три небольше; но и эти глотки подѣйствовали на насъ благотворно. Всѣ наслаждались отдыхомъ.

Подъѣзжаетъ нашъ дивизіонный адъютантъ; всѣ бросились къ нему за новостями.

— Что новаго? Отчего прямо насъ не повели на Малыя Ягны? Взята Кизилка?

— Нѣтъ, мы теперь отступили по всей линіи.

— Какъ вездѣ? А Большія Ягны!

— Ихъ бросили!

— Бро-с-и-ли? зачѣмъ?

— Да, вѣдь, воды тамъ не было: вы же сами видѣли.

— А Шелковниковъ?

— Былъ окруженъ и едва пробился!

Всѣ эти новости, такія печальныя, такія неожиданныя, обрушившіяся одна за другой, какъ громомъ поразили насъ; руки такъ и упали. Итакъ вотъ плоды двухдневнаго боя, двухдневныхъ лишеній.... Это ужасно!

Я посмотрѣлъ на товарищей; они стояли съ раскрытыми ртами, недоумѣніе и горе выражалось на этихъ загорѣлыхъ, исхудалыхъ лицахъ.

Отъѣхалъ адъютантъ сообщать новости къ другой кучкѣ, а мы опять сѣли вокругъ полупотухшаго огня и, повѣсивъ головы, думали горькія думы.

На войнѣ радуешься каждому шагу земли отбитой у непріятеля, потому что каждая пядь земли обагрена кровью товарищей, друзей; самъ ежеминутно, ежесекундно готовъ пролить свою кровь, отдать свою жизнь; изъ-за этой пяди рискуешь сдѣлаться калѣкой и пустить по міру семью, которую поддерживаешь своимъ трудомъ; отрекаешься отъ всѣхъ мірскихъ радостей, за то и съ гордостью подымаешь голову, обзирая землю отбитую кровью; но отдавать ее, отдавать назадъ безъ боя, безъ сопротивленія! О, какъ это тяжело!

Забыли мы и голодъ и холодъ, погрузившись въ свои мысли. Намъ приказали отступить, потому что воды не было, а мы бы согласились пить свою собственную кровь, только бы не отступать!

. . . . . .

Прошло нѣсколько часовъ; наѣхали маркитанты, навезли всякой всячины и принялись драть послѣдніе гроши съ офицеровъ и солдатъ.

„Моментомъ пользовались: дѣло коммерческое“.

Между тѣмъ, турки еще раннимъ утромъ провѣдали объ очищеніи Б. Ягновъ и полѣзли за нами. Они, въ этомъ случаѣ, ужасно похожи на шавокъ; только начнешь отступать, такъ и бросятся по пятамъ, а въ рѣшительное наступленіе не переходятъ; двинешься впередъ, они сейчасъ назадъ. Злоба какая-то беретъ!!!

Вскорѣ насъ потребовали на усиленіе лѣваго фланга.

Опять пошла трескотня на цѣлый день; вечеромъ, какъ водится прекратилась. Турки ушли назадъ, мы имъ не мѣшали.

По окончаніи дѣла, насъ опять повели назадъ, на старое мѣсто.

Пришлось проходить мимо перевязочнаго пункта, пахнетъ разлагающейся кровью, кой-откуда слышатся еще стоны; гремитъ, проѣзжая мимо, артиллерія, шагахъ въ сотнѣ отъ наметовъ краснаго креста, свѣтятся восковыя свѣчи и несется въ высь терзающее душу: „Со святыми упокой“...

— Шапки долой! Покрестись ребята! Раздается голосъ командира. Усердно молятся солдаты за солдатскія и командирскія души.

Что ни говори о сладости смерти на полѣ битвы, а на самомъ дѣлѣ оно не такъ выходитъ: вдали отъ семьи, вдали отъ всѣхъ близкихъ, на чужихъ рукахъ, настолько привыкшихъ къ смерти, что равнодушно смотрятъ на страдальческую кончину юноши, раненнаго въ грудь на вылетъ, тяжело умирать. Да и то правда, некогда тутъ сентиментальничать; тамъ еще многіе не перевязанные ожидаютъ своей очереди и съ

ужасными стонами умоляютъ о помощи. А какъ хочется ласки, сострадательнаго взгляда, въ эти мгновенія....

Много случалось мнѣ видѣть смертей, но въ бою это совсѣмъ не то, тамъ увлекаешься..... а на перевязочномъ пунктѣ увлекаться уже нечѣмъ; тутъ не видимъ веселыхъ лицъ, довольныхъ удачею, разгоряченныхъ глазъ молодежи, сдвинутыхъ на затылокъ шапокъ, не слышишь восторженныхъ кликовъ—здѣсь видишь только печальные результаты боя. Смотришь, смотришь на эти жертвы и невольно приходитъ въ голову: а вѣдь и меня бы могли, и меня бы никто не пожалѣлъ: „молодецъ былъ", вспоминали бы товарищи за попойкой и конецъ. Самому становилось жалко своей молодой жизни. Хорошо, что такое малодушіе волнуетъ только на перевязочномъ пунктѣ, вдали отъ него и помину нѣтъ ни о чемъ подобномъ. Забываешь о ранахъ, о смерти, только и думаешь о молодецкихъ битвахъ, а вспомнишь перевязочный пунктъ, такъ презрительно улыбнешься и шабашъ!

Покрестились солдаты. Много, вѣроятно, истинно теплыхъ, прямо отъ души, немудреныхъ молитвъ, понеслось къ Богу. Другой крестился и шапки даже не снималъ, а залѣзъ ему въ душу: что онъ думалъ, что чувствовалъ?....

Вернулись мы на старое мѣсто и залегли спать. Хорошо спалось въ эту ночь, ничѣмъ не тревожимые; всѣ лежали въ повалку, какъ убитые, не чувствуя ни холоднаго пронизывающаго вѣтра, ни инея, покрывшаго и траву, и солдатскія шинели.

Поутру привезли солдатамъ горячую пищу. Стрѣльба вездѣ смолкла, только подъ Кизиль-тапой бой, кажется, еще продолжался. Къ вечеру мы прибыли къ Караялу, а ночью добрались и до Огузловъ.

Въ аванпосты опять таки попалъ я. Со мной была коробка сардинокъ, но хлѣба не было, разрубилъ я эту коробку саблей по полямъ, да такъ и съѣлъ, какъ кашу.

. . . . . .

Послѣ этой битвы, схоронивъ убитыхъ и, исключивъ съ довольствія раненыхъ, мы опять стали ждать погоды.

Правый флангъ нашей позиціи былъ удлиненъ до Кабахъ-тапы.

На другой же день, послѣ прихода на мѣсто, стали носиться слухи, что наступательныхъ дѣйствій больше не будетъ, а такъ-де мы и застрянемъ на зимовку на этихъ позиціяхъ.

Неутѣшительны были эти извѣстія. Что будемъ мы разсказывать своимъ дѣтямъ, сможемъ-ли мы ставить себя имъ въ примѣръ.

Были мы въ дѣлахъ, честно сражались, а что сдѣлали?

Не хотѣлось вѣрить въ эти слухи!

Къ счастью, они опровергнись сами собой.

Иду одинъ разъ куда-то, вдругъ встрѣчаю нѣсколькихъ офицеровъ,

они еще издали начали звать меня и махать руками, очевидно, была какая нибудь пріятная новость.

— Здраствуйте, господа, что хорошенькаго скажете?

— А ты еще ничего не слыхалъ?

— Нѣтъ, а что случилось?

— Сейчасъ казакъ съ аванпостовъ прискакалъ, турки оставили Кизиль-тапу, вмѣсто орудій въ амбразуры бревна было выставили, но казаки смекнули, что, что-то больно тихо, поѣхали и разузнали. Туда ужь и войска наши пошли. Да и мы сегодня же выступимъ.

— Урра! закричалъ я вмѣсто отвѣта и побѣжалъ на батарею.

Дѣйствительно, по направленію Кизиль-тапы уже двигались наши колонны. Итакъ Кизиль-тапа, стоившая намъ столько крови, безъ боя досталась въ наши руки. Но что же это значитъ, что сдѣлалось съ Мухтаръ-пашой? Онъ, такъ страстно добивавшійся этой горы, теперь самъ добровольно отдаетъ ее намъ въ руки.

Причину эту нужно искать въ страшно большихъ потеряхъ, понесенныхъ имъ въ послѣднихъ бояхъ; кромѣ того, Шелковниковъ показалъ ему, что его позицію легко можно обойти. И теперь, Мухтаръ, укрѣпивъ Базарджикъ, отводилъ назадъ свой правый флангъ.

Если теперь поведутъ насъ, мы разобьемъ Мухтара, думалось мнѣ, больно ужь народъ озлобился.

. . . . . .

Слова офицеровъ сбылись, какъ только стемнѣло, приказали выступать. Всѣ тяжести оставлялись, съ собой брали только по двѣ палатки на роту, для нижнихъ чиновъ, и по одной на батальонъ, для офицеровъ. Я приторочилъ къ сѣдлу, кромѣ бурки, байковое одѣяло.

Солдаты зажгли, передъ отходомъ, хламъ, оставшійся въ палаткахъ и теперь, при свѣтѣ этихъ костровъ, казначей раздавалъ намъ жалованье.

Двинулись въ дорогу. По обыкновенію, никто нечего не зналъ—куда идемъ и съ какой именно цѣлью. Къ нашему всеобщему удивленію, мы шли по направленію къ Учь-тапѣ; всѣ терялись въ догадкахъ: что это можетъ означать; ужъ не измѣнились ли обстоятельства? Часамъ къ двѣнадцати ночи добрались до Учь-тапы; здѣсь сдѣлали маленькій привалъ, чтобы войска успѣли подтянуться, и отправились дальше. Этотъ привалъ только сильнѣе утомилъ людей, втянувшихся было уже въ походъ: они теперь раскисли, продремавъ четверть часа; сначала одолѣвалъ только холодъ, а теперь еще напала сильная дремота. Нѣтъ ничего мучительнѣе, когда на походѣ клонитъ сонъ: безпрестанно спотыкаешься, падаешь, ничего не видишь и не понимаешь; мысли отрывочными вереницами несутся въ головѣ, но главная изъ нихъ: ахъ, какъ хорошо бы уснуть! Чего бы я не далъ, чтобы поспать! и т. п. варіаціи на ту же тэму: скверное состояніе! Къ свѣту добрались до Арпа-чая,

близъ селенія Кигачъ. Никто не могъ понять, зачѣмъ мы сюда попали: ужъ не схитрилъ ли какъ нибудь Мухтаръ? Не пробрался ли къ Александрополю?

У рѣки мы расположились бивуакомъ, пока войска, пришедшія прежде насъ, переправлялись въ бродъ на нашу сторону. Всѣ сейчасъ же въ повалку заснули; нашъ начальникъ дивизіи самъ спалъ на землѣ на подосланной буркѣ. Я завернулся въ одѣяло, подложилъ подъ голову сѣдло и черезъ пять минутъ спалъ уже непробуднымъ сномъ. Только часовъ въ двѣнадцать дошла очередь до насъ. Войска, переправясь, сворачивали направо, вдоль берега Арпа-чая. Тутъ только всѣмъ стало ясно, что мы обходимъ Аладжу. Шли весь день; къ вечеру немного отдохнули, а ночь опять шли.

Среди ночи прискакалъ какой-то адъютантъ съ конвоемъ и привезъ приказаніе торопиться.

Всю ночь я проспалъ и продремалъ на сѣдлѣ, но, такъ какъ ежеминутно пробуждался, сваливаясь съ сѣдла, то этотъ сонъ только утомилъ еще болѣе, нисколько не освѣживъ силъ.

Къ утру мы добрались до Камбинскаго поста. Тамъ уже былъ устроенъ черезъ Арпа-чай мостъ, широкій и очень удобный. Войска переходили по немъ черезъ шумящую, пѣнящуюся рѣку, чрезвычайно быструю въ этомъ мѣстѣ.

Мы снова очутились на непріятельскомъ берегу. Тутъ начались наши мученія: мы шли безъ дороги — напрямикъ, стараясь избѣгать только ужъ черезчуръ крутобокихъ горъ; а между тѣмъ артиллерійскія и обозныя лошади, надорванныя еще въ прошлыхъ походахъ и утомленныя настоящимъ, были до того слабы, что застрявали съ тяжестями на каждомъ бугоркѣ, на каждомъ холмикѣ. Пришлось назначить къ каждому орудію, къ каждой повозкѣ человѣкъ по двѣнадцати рабочихъ. Много тутъ горя приняли солдаты. Трудно рѣшить, кто везъ тяжести — люди или лошади.

Начало смеркаться. Подходимъ къ какому-то раззоренному аулу, — насъ остановили; вѣроятно, здѣсь ночлегъ будетъ, рѣшили мы и стали устраиваться на отдыхъ. Не захвативъ съ собою изъ Огузловъ ничего съѣстнаго, я всю дорогу почти ничего не ѣлъ, а маркитантовъ съ нами не было.

Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, пожилой уже человѣкъ, котораго всѣ звали Макарычъ, разложилъ уже огонекъ и самъ варилъ „кавардачокъ“. Приготовлялся этотъ кавардачокъ такимъ образомъ: въ котелокъ крошились солдатскіе сухари, клался кусочекъ курдючнаго сала, эта смѣсь доливалась водой, кипятилась въ продолженіи четверти часа и кушанье было готово. Макарычъ почти всю свою молодость провелъ въ кавказскихъ походахъ и научился тамъ возить съ собой всегда припасы.

Котелокъ скоро вскипѣлъ; но къ соблазнительной закускѣ были приглашены очень немногіе; между приглашенными былъ и командиръ нашего батальона; онъ убиралъ „кавардачокъ“ за обѣ щеки съ удивительнымъ аппетитомъ; но какъ только послѣдняя ложка была съѣдена, онъ поднялся и, сплюнувъ въ сторону, сказалъ:

— Фу, какая мерзость! И какъ это ты, Макарычъ. жрешь эдакую гадость?! И выдумаетъ же — кавардачокъ!

Макарычъ разсердился; всѣ захохотали.

— Я тебя больше никогда ничѣмъ подчивать не буду... Съѣлъ, а потомъ ругается!

— А, врешь, Макарычъ, ей-Богу, врешь! Я вѣдь знаю: ты безъ меня куска проглотить не можешь.

— Ну, да, какже... ворчалъ Макарычъ.

Они были великіе друзья еще по старымъ кавказскимъ походамъ; но какъ только сходились, сейчасъ же начинали трунить другъ надъ другомъ, что, впрочемъ, вовсе не разстраивало ихъ хорошихъ отношеній.

Такъ какъ я не былъ въ числѣ счастливцевъ, приглашенныхъ къ обѣду, то запахъ и видъ кавардачка разтравили мой аппетитъ и безъ того сильный до-нельзя. Я рѣшилъ во чтобы то ни стало раздобыть съѣдобнаго. Съ этой цѣлью я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ аулу. Въ брошенномъ жителями селеніи шла уже работа: солдаты разтаскивали бревна для костровъ, фурштаты запасались сѣномъ для своихъ лошадей; отвсюду несся веселый говоръ, крики, смѣхъ и звуки разворачиваемыхъ сакель.

— Ну, здѣсь многимъ не поживешься! подумалъ я.

Дѣйствительно, въ аулѣ ничего не было. Не знаю ужъ, что меня побудило, но я переправился черезъ рѣчку и поѣхалъ къ мельницѣ, виднѣвшейся верстахъ въ двухъ въ сторонѣ. Надежды найти тамъ что нибудь у меня совсѣмъ не было, но я рѣшилъ успокоиться только тогда, когда ужъ рѣшительно негдѣ будетъ искать.

Не доѣхалъ я до мельницы шаговъ пятьсотъ, смотрю въ сторонѣ баранъ ходитъ; я такъ обрадовался, такъ подобное счастье показалось мнѣ невозможнымъ, что у меня дыханіе захватило; я глазамъ сперва не повѣрилъ, прищурился, смотрю—баранъ дѣйствительно. Влѣпилъ я лошади плеть и въ карьеръ бросился къ находкѣ. Баранъ подпустилъ меня довольно близко и отбѣжалъ въ сторону. Съ лошади схватить его было нельзя; дѣлать нечего,—слѣзъ я съ нее, отвязалъ отъ сѣдла волосяную веревку, которую всегда возилъ съ собой, и началъ гоняться за добычей.

Еслибъ кто нибудь въ это время могъ видѣть картину, которую мы представляли, то навѣрно покатился бы со смѣху: баранъ дѣлалъ отчаянные скачки, чтобы избавиться отъ моего преслѣдованія, а я съ еще бо-

лѣе отчаянной рѣшимостью гонялся за нимъ; нѣсколько разъ, стараясь схватить его, я со всего размаху летѣлъ на землю; въ концѣ концовъ, запыхавшись самъ и замучивъ до полусмерти барана, я поймалъ-таки его за заднюю ногу. Привязать его за рога веревкой и подтащить къ лошади было дѣломъ одной минуты. Прикрѣпивъ другой конецъ веревки къ сѣдлу, я, довольный удачей, направился-было уже въ обратный путь; на тутъ-то и явилось неожиданное препятствіе: сначала баранъ только упирался, но шаговъ черезъ двадцать онъ легъ и совсѣмъ отказался идти; тащить его волокомъ было нельзя, такъ какъ вся дорога была усѣяна камнями и я бы привезъ только окровавленные остатки. Что было дѣлать? Вдругъ смотрю, шагахъ въ трехъстахъ отъ меня движется какая-то конная фигура.

— Эй, кто это? Ѣзжай сюда! закричалъ я во всю глотку.

— Сейчасъ! отвѣчалъ знакомый голосъ.

Оказалось, что это мой другъ Т.; онъ тоже ѣхалъ искать чего нибудь съѣстнаго.

Т. пришелъ въ восторгъ отъ моей добычи:

— Вотъ прелесть-то! Гдѣ ты его досталъ?

Я на-скоро разсказалъ.

— Это ужасно! воскликнулъ онъ: у него такая поговорка была.

Соединенными силами мы взвалили барана ко мнѣ на сѣдло; самъ я вскочилъ на крупъ и придерживалъ барана, а Т. повелъ мою лошадь въ поводу. По дорогѣ встрѣтили еще одного офицера, тоже отправлявшагося на поиски; онъ подъѣхалъ къ намъ.

— А! поздравляю, господа! Только вамъ еще не скоро придется насладиться вашими трудами.

— Отчего это?

— Наши снялись ужъ и идутъ впередъ.

Это извѣстіе сильно насъ опечалило. Но плетью обуха не перешибешь. Встрѣтившій насъ офицеръ зналъ направленіе, по которому пошелъ нашъ полкъ, и повелъ насъ на-прямикъ. Мы поѣхали рысью и скоро догнали своихъ. Товарищи встрѣтили нашу процессію громкимъ смѣхомъ.

Долго мы двигались. Ни разговоровъ, ни шутокъ; тихо, угрюмо шли люди впередъ, напрягая послѣднія силы. Только часа въ два ночи засверкало впереди зарево.

— Это отъ костровъ! Вѣрно, впереди наши! Значитъ, привалъ скоро!

Дѣйствительно, поднявшись на гору, мы увидѣли внизу, въ долинѣ, разложенные костры. Это былъ Дигоръ. „Слава Богу: наконецъ отдыхъ“, подумалъ каждый.

Черезъ четверть часа уже всѣ офицеры нашего батальона сидѣли

вокругъ костра: кто жарилъ куски баранины на концахъ сабель, кто въ котелкахъ варилъ.

— Соли! У кого есть соль, хлѣбъ? раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Но соли и хлѣба ни у кого не оказалось. Надежда на запасливость Макарыча съ его прибытіемъ тоже рухнула: онъ потерялъ свои переметныя сумы съ припасами. Офицерство такъ проголодалось, что никто не имѣлъ терпѣнія дождаться, пока мясо поспѣетъ; всѣ съѣли полусырое. О баранѣ осталось только воспоминаніе въ видѣ обглоданныхъ косточекъ и кусковъ шкуры. Сначала я ѣлъ эту непосоленную сыроятину съ аппетитомъ, но когда наѣлся до-сыта, то стало какъ-то гадко и я почувствовалъ даже тошноту. Офицеры, утоливъ голодъ, улеглись кто какъ попало, протянувъ ноги къ костру. Солдаты давно уже успокоились, сглодавъ на сонъ грядущій по нѣскольку сухариковъ. Чуть свѣтъ отрядъ поднялся на работу. Какъ разъ на дорогѣ у насъ высилась громадная гора; надо было неминуемо переваливать черезъ нее. Съ ранняго утра до самаго вечера солдаты вытаскивали повозки и орудія. Здѣсь ужъ откуда-то появились маркитанты, но цѣны на все достигли ужасающихъ размѣровъ; напримѣръ, сахаръ продавался полтора рубля фунтъ. Въ этомъ мѣстечкѣ—Дигоръ—оставлялся маленькій отрядъ на случай, если турки попытаются прорваться; а остальныя войска, въ томъ числѣ и мы, пошли дальше. На половинѣ дороги пришло приказаніе усилить шагъ, вслѣдствіе того, какъ я узналъ потомъ, что генералъ Лазаревъ получилъ свѣденія, что турки только теперь замѣтили нашъ обходъ и спѣшатъ на Базарджикскую позицію, которая у нихъ не была еще занята войсками, хотя укрѣпленія и были уже возведены. Къ вечеру мы почти бѣгомъ добѣжали до Базарджика; позиція была занята почти безъ боя; теперь стоило только удержать ее, чтобы не дать непріятелю прорваться. На отдаленныхъ вершинахъ выхватывались орудійные дымки: это наши лѣзли къ туркамъ съ той стороны.

Сейчасъ по приходѣ на мѣсто мы построились; генералъ Лазаревъ объѣзжалъ войска, поздравляя съ побѣдой. Мы такъ и ночевали въ боевомъ порядкѣ, все опасались прорыва; вмѣсто аванпостовъ была разсыпана стрѣлковая, боевая цѣпь.

На другой день одно за другимъ начали приходить радостныя извѣстія: Большія Ягны, вновь перешедшія въ наши руки, были атакованы турками, но наши отбили ихъ и гнали штыками до самаго лагеря, Авліяръ взятъ, самъ Мухтаръ окруженъ и сдается, Визинкевъ также въ нашихъ рукахъ и т. д. Правда, мы еще въ теченіи ночи были приготовлены къ этому, такъ какъ бѣжавшіе всю ночь отдѣльными группами и перехватываемые нами турки говорили, что вся армія ихъ разбита, Мухтаръ въ отчаяніи, паника всеобщая и т. д.

Всѣ радовались, всѣ были счастливы; Мухтаръ сломленъ! Наши товарищи отомщены! Мы можемъ подступить къ Карсу.

Наконецъ пришло рѣшительное извѣстіе: все кончено! Анатолійской арміи болѣе не существуетъ, вся грандіозная позиція Мухтара занята нашими, мы вездѣ имѣли полный успѣхъ.

. . . . . .

Солнце весело вставало, обдавая золотистымъ осеннимъ свѣтомъ всѣ предметы, кое-гдѣ курились дымки потухающихъ костровъ. Нашъ полкъ стоялъ подъ ружьемъ, готовясь къ выступленію. Лицо каждаго офицера, каждаго солдата сіяло счастьемъ, чувство удовлетворенной мести за прежнія неудачи пробивалось наружу.

За вчерашній день, проведенный на мѣстѣ, солдаты подкрѣпились и теперь мы бодро и весело пошли впередъ.

Къ вечеру дошли до Визинкева, здѣсь насъ уже ожидалъ нашъ обозъ; моментально были разбиты палатки; кому было тѣсно, разбивалъ турецкія.

Солдаты перемѣнили бѣлье, пообмылись и пообчистились.

Его Высочество Главнокомандующій объѣзжалъ войска и благодарилъ за молодецкую службу, его провожали громкими, восторженными ура

. . . . . .

Съ этого славнаго дня начались для войскъ бѣдствія; погода круто перемѣнилась: начались проливные осенніе дожди, наступили холода; дождь пробивалъ палатки и разводилъ землю въ жидкую грязь; солдаты пообносились, шинели поистрепались, сапоги порвались, подошвы отвалились; бѣлья мыть было негдѣ: паразиты грызли тѣло. Въ добавокъ на Визинкевѣ не было никакой воды, кромѣ маленькаго прудика, съ грязной густой жидкостью вмѣсто воды, оттуда дня черезъ два послѣ нашего прибытія вытащили двоихъ убитыхъ турокъ и дохлую лошадь.

Войска страдали, но болѣзни еще не начинались; боролась еще со всѣми этими невзгодами крѣпкая русская натура, но слабѣть люди стали замѣтно.

. . . . . .

Съ Визинкева въ бинокль Карсъ былъ видѣнъ очень хорошо, можно было легко различать отдѣльныя зданія, а цитадель была видна, какъ на ладони. Вокругъ Карса уже воздвигались осадныя батареи, но орудій еще не было.

Подъ Визинкевомъ простояли мы около пяти дней, когда нашъ батальонъ получилъ приказаніе отправиться въ Мацру.

Мацра находилась въ тылу Карса, верстахъ въ пятнадцати отъ нагорныхъ фортовъ Карадага, Араба и Мухлиса. Шли мы по дорогѣ черезъ Малыя Ягны. Изъ любопытства я поѣхалъ ее осмотрѣть. Вся площадь этой горы была усѣяна осколками гранатъ, повсюду валялись раз-

битые артиллерійскіе ящики, обломки ружей, цинковые ящики изъ-подъ патроновъ и т. п. предметы, напоминающіе о недавномъ горячемъ боѣ. У подошвы горы валялся совершенно высохшій нагой человѣческій трупъ: мясо присохло и обтянуло кости, ротъ ощерился въ какую-то отвратительно-ужасную улыбку, носъ крошечнымъ заостреннымъ бугоркомъ торчалъ вверхъ, волосы растрепанными прядями падали на лице. По наружности это былъ казакъ, вѣроятно давно уже убитый. Чего-бы не дала твоя мать, подумалъ я, останавливаясь надъ трупомъ, чтобы видѣть тебя, схоронить и плакать на твоей могилѣ! Она бы не побрезгала твоимъ отвратительнымъ видомъ. Почти по всей дорогѣ валялись еще турецкіе трупы, жертвы послѣдняго боя, но благодаря холодной погодѣ они еще не начинали разлагаться. Два казака-проводника, ѣхавшіе впередъ, не пропускали ни одного трупа; они сейчасъ-же поднимали лошадь въ карьеръ и бросались на трупъ, заставляя лошадей топтать ихъ, если лошади перепрыгивали черезъ него, то они поворачивали назадъ, и, наказавъ нагайками, снова заставляли топтать.

Оказалось, что это они пріучали лошадей въ атакѣ мять противника.

Безъ всякихъ приключеній часа въ четыре вечера мы прибыли въ Мацру, здѣсь уже стояли наши войска.

Въ весеннюю осаду Карса наши осадныя батареи помѣщались впереди Мацры, противъ фортовъ Карса, Карадага и Араба, теперь-же планъ осады измѣнился: всѣ осадныя орудія сосредоточились въ Магараджихѣ и Караджуранѣ, такъ что для войскъ Мацринскаго отряда было гораздо легче вести осаду, нежели остальнымъ; мы знали только свои аванпосты, тогда какъ тѣ сверхъ того ходили въ траншеи въ прикрытіе батарей.

Нашъ пѣхотный лагерь расположился на правомъ нагорномъ, чрезвычайно обрывистомъ берегу Карсъ-чая; на противоположномъ низменномъ въ с. Мелинкевѣ стояла кавалерія; еще правѣе на Чалгаурскихъ высотахъ помѣстился пѣхотный полкъ, но вскорѣ, по причинѣ выпавшаго снѣга, былъ сведенъ оттуда и посланъ въ Магараджихъ.

Послѣ судорожной дѣятельности подъ Аладжой, для меня наступилъ періодъ бездѣйствія; сначало это радовало, но когда вся усталость и утомленіе прошли, сидѣть, ничего не дѣлая въ палаткѣ, сдѣлалось невыносимо. Единственнымъ развлеченіемъ было выходить на бугоръ смотрѣть, какъ наши осадныя батареи перестрѣливались съ карскими фортами. Въ палаткѣ жило по двое офицеровъ, солдаты помѣщались человѣкъ по пятнадцати. Холодъ былъ такой, что почти весь день приходилось лежать въ постели, т. е. въ санитарныхъ носилкахъ насквозь пропитанныхъ кровью, кутаясь во все, что только могло грѣть, теплой одежды достать было негдѣ.

Вскорѣ послѣ прибытія нашего полка въ Мацру, одинъ изъ стояв-

шихъ здѣсь полковъ началъ пристрѣливать ружья съ длинными щитиками; предполагалось сформировать въ каждомъ батальонѣ по другой стрѣлковой ротѣ. Пользуясь шумомъ выстрѣловъ, мы съ моимъ сожителемъ брали по ружью Пибоди и, выйдя за нашу цѣпь, заводили перестрѣлку съ турецкими пикетами, не опасаясь произвести въ лагерѣ тревогу. Непріятельскіе пикеты днемъ выѣзжали очень далеко, но за то ночью они считали неблагоразумнымъ удаляться отъ своихъ укрѣпленій далѣе, чѣмъ на 200—300 шаговъ.

Такъ проходили дни. Однажды сижу въ палаткѣ, вдругъ вбѣгаетъ мой сожитель.

— Поздравляю тебя! закричалъ онъ, ты назначенъ начальникомъ охотниковъ.

— Какъ, развѣ опять собираютъ команды? обрадовался я.

— На, смотри приказъ.

Въ приказѣ дѣйствительно значилось, что въ виду пользы приносимой охотниками, доказанной прошлыми примѣрами, найдено необходимымъ въ каждомъ отрядѣ собрать команды охотниковъ. Въ нашемъ отрядѣ начальникомъ охотниковъ былъ назначенъ я.

Команду составили, кромѣ меня, еще два офицера М. и Х.; число нижнихъ чиновъ превышало 200 человѣкъ.

Выдали намъ палатки и отвели мѣсто для нашего лагеря, какъ разъ надъ самымъ обрывомъ къ Карсъ-чаю. М. помѣщался со мной въ одной палаткѣ или скорѣе землянкѣ, потому-что вся палатка помѣщалась вплоть до крыши въ нарочно-вырытой для этого ямѣ, ходъ былъ прорытъ въ землѣ, сверху все завалено сѣномъ, внутри палатки, вдоль двухъ стѣнъ, стояли дерновые диванчики, на которыхъ мы спали, въ серединѣ дерновый-же столъ. Полъ и диванчики завалили мягкимъ сѣномъ, по крайней мѣрѣ, вершковъ на шесть. Въ одной изъ стѣнъ устроили нѣчто въ родѣ камина, въ другой шкапчикъ. Однимъ словомъ, мы устроили свое помѣщеніе на столько уютно, что въ немъ безъ особеннаго горя можно было прожить цѣлую зиму; единственный недостатокъ нашей палатки-землянки былъ тотъ, что въ ней такъ было темно, что приходилось даже днемъ зажигать свѣчи. Охотники тоже достали сѣна и навалили въ палатки, устроившись относительно очень комфортабельно. Первые дни мы ничего не дѣлали, наслаждаясь уютностью землянки и грѣньемъ у камина. Изрѣдка ходили на бугоръ смотрѣть на дѣйствіе нашей осадной артиллеріи.

Мѣстность въ Азіатской Турціи вообще обманчива, а подъ Карсомъ это свойство особенно сильно, вѣроятно, вслѣдствіе пересѣченности; форты, казалось, отстояли отъ нашего лагеря не болѣе, какъ версты на три. Въ солнечные дни всѣ орудія фортовъ блестѣли и были такъ замѣтны, что ихъ почти можно было пересчитать.

По вечерамъ, для сближенія съ людьми, мы устраивали пѣсни, пляски и сами принимали въ нихъ участіе; пребывая постоянно среди солдатъ, мы обращались всегда съ ними ласково, душевно, за малѣйшій-же проступокъ карали немилосердно; такимъ образомъ черезъ нѣсколько дней мы пріобрѣли любовь солдатъ, сами приблизительно узнали характеръ почти каждаго, а между тѣмъ дисциплина водворилась самая строгая.

. . . . . .

Однажды я и М. ходимъ около своей палатки, глядимъ, бригадный генералъ Р. тоже прогуливается; замѣтивъ насъ, онъ махнулъ мнѣ рукой, я подбѣжалъ.

— Вы назначены начальникомъ охотниковъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— И вы уже вступили въ командованіе?

— Вступилъ, ваше превосходительство.

— Снимать планы вы умѣете?

— Умѣю, ваше превосходительство.

— Ну такъ слушайте-же меня внимательно, начальникъ отряда поручилъ мнѣ распоряжаться вами. Подъ Аладжею васъ посылали только тревожить непріятеля, теперь-же въ однихъ мѣстахъ вы будете безпокоить турокъ, а въ другихъ только изслѣдовать мѣстность, но изслѣдовать такъ, чтобы турки и не подозрѣвали о вашихъ посѣщеніяхъ. Вы знакомы съ названіями фортовъ?

— Знакомъ, ваше превосходительство.

— Прекрасно, но все-таки ваше знаніе надо провѣрить, пойдемте ко мнѣ.

Генералъ повелъ меня къ себѣ въ палатку, разложилъ планы и началъ объяснять мнѣ расположеніе карскихъ укрѣпленій; убѣдившись, что я понялъ, онъ повелъ меня на бугоръ, служившій намъ обсерваторіей, и на мѣстности провѣрилъ мои знанія.

— Ну теперь слушайте дальше со всѣмъ вниманіемъ, на какое вы способны; видите Карадагъ и Арабъ отдѣляются отъ прочихъ нагорныхъ фортовъ глубокимъ, обрывистымъ Карсъ-чайскимъ оврагомъ, такъ что поддержаны дѣйствительной помощью съ той стороны быть не могутъ. Въ случаѣ штурма нашему отряду, вѣроятно, придется брать ихъ, они составляютъ ключъ позиціи, если они будутъ въ нашихъ рукахъ, то, надо полагать, карскому гарнизону придется, ой, ой, какъ плохо! Поэтому намъ важно знать подступы къ этимъ фортамъ, мы будемъ ходить по ночамъ и высматривать, на сколько возможно, мѣстность, но это надо дѣлать такъ, чтобы турки ничего не могли подозрѣвать, надо, чтобы ни одного выстрѣла не раздавалось около этихъ фортовъ. Противъ-же находящихся по ту сторону рѣки—надо какъ можно больше

производить шуму. Такимъ образомъ, если это дѣло повести съ умѣньемъ, то турокъ можно заставить думать, что мы намѣрены штурмовать Мухлисъ, Лазъ-тапеси и т. д. Поняли вы меня?

— Понялъ, ваше пр—ство.

— Если не поняли, то спросите.

— Понялъ, ваше пр—ство.

— Ну такъ сейчасъ же отправляйтесь на тотъ холмъ,—генералъ показалъ на горку, высившуюся впереди верстахъ въ двухъ,—она также, какъ и та, что противъ Б. Ягнъ, называется Кабахъ-тапа. Возьмите съ собою офицера и унтеръ-офицера и, если оттуда будетъ видно, снимите на глазъ дорогу къ Арабу. Да умѣете ли вы чертить-то? Правду скажите.

— Конечно умѣю, ваше пр—ство, какой же офицеръ не умѣетъ?

— Это что за „конечно!“ Если я спрашиваю—значитъ не „конечно“. Да, а сколько вамъ лѣтъ?

— Девятнадцать, ваше пр—ство.

— Что? Девятнадцать? Поручикъ и начальникъ охотниковъ! И генералъ, взглянулъ на меня недовѣрчиво, разсердился.

— Посмотримъ, посмотримъ, каковъ вы начальникъ будете... Мы сегодня же ночью отправимся на рекогносцировку къ Арабу; луна садится въ $9^1/_2$ часовъ, чтобъ къ десяти вы со своей командой были у меня. Да, по скольку патроновъ брали вы съ собой обыкновенно?

— По сотнѣ на человѣка, ваше пр—ство.

— Гмъ! я вамъ говорилъ, что я не желалъ-бы, чтобы подъ этими фортами раздался хоть одинъ выстрѣлъ; лучше было-бы, еслибъ съ собой вовсе не брать патроновъ, а то, пожалуй, въ случаѣ чего, какой нибудь с... с... и выстрѣлитъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше пр—ство, безъ моего приказанія никто не выстрѣлитъ—я ручаюсь.

— А все-таки лучше бы не брать, да скажите людямъ, чтобы шуму никакого. А теперь ступайте съ Богомъ.

— Слушаю, ваше пр—ство.

Я повернулся и пошелъ къ себѣ. М. видѣлъ, что генералъ мнѣ что-то приказывалъ, водилъ съ картами на бугоръ, и, догадавшись, что мнѣ даютъ порученіе, съ нетерпѣніемъ ожидалъ моего возвращенія.

Я наскоро разсказалъ ему въ чемъ дѣло и, захвативъ бумагу, компасъ и карандашъ, скорымъ шагомъ, чтобы поспѣть къ вечеру окончить планъ, направился въ сопровожденіи М. и фельдфебеля къ Кабахъ-тапѣ.

Взобравшись на вершину Кабахъ, я разложилъ бумагу на плоскомъ камнѣ и съ помощью М. принялся за работу.

Съ Кабахъ-тапы вся дорога къ Арабу была видна, какъ на ладони, со всѣми развѣтвленіями, такъ что работа была очень легка: менѣе чѣмъ въ часъ все было окончено.

— Замѣтьте хорошенько дорогу, сказалъ я своимъ спутникамъ.

Было ровно восемь часовъ, когда мы вернулись домой, я собралъ команду, объяснилъ имъ, что намъ предстоитъ и приказалъ сдать всѣ патроны; кромѣ того я распорядился отомкнуть штыки, такъ какъ, задѣвая штыкъ о штыкъ на походѣ, происходитъ шумъ. Кончивъ съ этимъ, я отправился къ генералу.

У генерала въ палаткѣ сидѣлъ какой-то молоденькій казачій офицеръ въ pincenez съ гвардейскими погонами. Это былъ князь Х., начальникъ конныхъ охотниковъ, стоявшихъ въ Мелинкевѣ.

— Познакомтесь, господа, сказалъ генералъ, вамъ часто придется ходить вмѣстѣ.

Мы отрекомендовались другъ другу.

Мы, армейцы, вообще имѣемъ предубѣжденіе противъ гвардейцевъ, по этому и мнѣ мое новое знакомство не понравилось, pensnez же окончательно убило Х. въ моемъ мнѣніи; но эта же ночь доказала мнѣ противное, я убѣдился, что Х. не бѣлоручка, а молодецъ-офицеръ и хорошій товарищъ.

— Покажите мнѣ вашу работу, сказалъ генералъ, взявъ у меня изъ рукъ бумагу.

Х. тоже разсматривалъ снятый мною маршрутъ; я пополнялъ его объясненіями.

— Хорошо на бумагѣ, сказалъ Р., но боюсь все-таки, что вы заведете насъ. Увѣрены ли вы, что незаблудитесь и приведете насъ къ Арабъ-таби.

— Твердо увѣренъ, ваше пр—ство.

— Во всякомъ случаѣ, ваше пр—ство, добавилъ Х., я взялъ съ собой трехъ казаковъ; одинъ изъ нихъ хорошо знаетъ эту мѣстность: онъ былъ здѣсь въ весеннюю осаду.

Мы проговорили до половины десятаго.

— Ступайте, ведите вашихъ, приказалъ генералъ.

Я отправился.

Считаю нелишнимъ описать здѣсь личность генерала Р. хотя въ краткихъ чертахъ. Онъ былъ еще молодой человѣкъ, средняго роста, симпатичной наружности. Въ началѣ нашего знакомства онъ сказалъ мнѣ:

— Я слѣпъ и глухъ; сами вы мнѣ вовсе ненужны, мнѣ нужны только ваши глаза и уши, вы должны быть моими глазами и ушами... А васъ мнѣ ненадо.

Эта близорукость и глухота много вредила ему. Эта же близорукость дѣлала его въ высшей степени недовѣрчивымъ: онъ никогда не вѣрилъ на слово, а всегда провѣрялъ свѣдѣнія доставленныя однимъ, свѣдѣніями другаго, посылая въ одно и тоже мѣсто двоихъ — порознь. О храбрости его говорить нечего: онъ былъ однимъ изъ тѣхъ кавказ-

скихъ генераловъ, которые не только сами не понимаютъ боязни опасности, но не допускаютъ ее и въ другихъ. Горячъ онъ былъ страшно; напримѣръ, ночью въ походѣ позоветъ кого нибудь, тотъ сейчасъ же откликнется, но Р. продолжаетъ громко въ одинъ тонъ кричать:

— Капитанъ Зиновецкій! Капитанъ Зиновецкій! Капитанъ Зиновецкій!..

— Сейчасъ, сейчасъ ваше пр—ство тотъ отзывается, на бѣгу.

— Капитанъ Зиновецкій! Капит.....

— Идетъ, бѣжитъ, сейчасъ ваше пр—ство кричатъ другіе.

Зиновецкій уже давно стоитъ около него, вытянувшись, а генералъ все-таки еще нѣсколько разъ тѣмъ же голосомъ, въ тотъ же тонъ прокричитъ—капитанъ Зиновецкій, чтобы показать, что онъ его долго не могъ дозваться.

Бывало ни за что, ни про что распечетъ такъ, что не знаешь куда дѣться. Вообще же онъ намъ полюбился очень; его предположенія о нашихъ дѣйствіяхъ очень намъ нравились. Задача, поставленная намъ на все время осады, заинтересовала насъ. Мы по собственной иниціативѣ старались добывать свѣдѣнія относительно карскихъ укрѣпленій отъ жителей и другими путями. Выдумывали способы для болѣе близкаго ознакомленія съ подступами и т. д.

Храбрость, откровенный характеръ и честное отношеніе къ дѣлу генерала въ очень скоромъ времени привязали насъ къ нему; мы его крѣпко полюбили.

Охотники мои были уже готовы, я повелъ ихъ къ ставкѣ генерала. Онъ вышелъ, поздоровался съ ними и похвалилъ меня, что я приказалъ отомкнуть штыки.

— А по скольку патроновъ вы приказали взять? обратился ко мнѣ генералъ.

— Я приказалъ всѣ оставить въ палаткахъ, ваше пр—ство.

Онъ недовѣрчиво и сердито взглянулъ на меня.

— Открой подсумки, подошелъ онъ къ одному, тотъ открылъ — пустые. Покажи башлыкъ, карманы. Посмотрѣлъ у другихъ: патроновъ нѣтъ нигдѣ. Лице генерала прояснилось. Онъ подошелъ ко мнѣ:

— Приказанія исполнять вы умѣете, и, если вы дѣйствительно ручаетесь за вашихъ людей, такъ прикажите взять сколько вы знаете, а то въ самомъ дѣлѣ могутъ понадобиться: не ровенъ часъ!

Сбѣгали за патронами и мы тронулись въ путь.

Я съ М. и фельдфебелемъ шли впередъ, за нами ѣхалъ генералъ, Х. и казаки, а за ними мои охотники.

Вышли къ своимъ аванпостамъ. Вершина Кабахъ-тапы чуть-чуть виднѣлась на темномъ фонѣ неба. Минутъ черезъ двадцать пять мы были уже у ея подошвы, но въ какомъ мѣстѣ подошли мы къ ней, я

рѣшительно не зналъ, такъ какъ справа и слѣва въ темнотѣ ничего не было видно. Я помнилъ, что надо забраться на правую вершину (ихъ было кажется три) и потомъ спускаться по правому скату; посовѣтовавшись съ М. я рѣшился идти прямо; какъ нарочно весь бокъ, по которому мы поднимались, былъ усѣянъ массой различной величины камней, къ тому же подъемъ былъ очень крутъ: лошади насилу лѣзли вверхъ, безпрестанно обрываясь и спотыкаясь. Генералъ начиналъ сердиться.

Я досадовалъ на себя и до крови кусалъ губы; — ну какъ выше будетъ еще хуже, думалъ я, если придется спускаться опять назадъ; вѣдь мы тогда осрамимся на первомъ же шагѣ; что подумаетъ о насъ генералъ? Какое мнѣніе составитъ о насъ! Но, благодареніе Богу—выше дорога пошла лучше и скоро мы забрались на вершину. Оказалось дѣйствительно я взялъ немного въ сторону: надо было идти правѣе—по лощинѣ. Пройдя по гребню, мы спустились въ долину. У меня камень свалился съ плечъ.

— Теперь сейчасъ дорога, ваше пр—ство.

— Х., обратился я къ князю, пошлите казака, чтобъ намъ опять не залѣсть куда нибудь, дорога вотъ въ этомъ направленіи и не болѣе какъ въ 1000 шагахъ.

Казакъ поскакалъ, а мы остановились. Черезъ пятнадцать минутъ, посланный воротился и повелъ къ дорогѣ. Славу Богу на первый разъ мы были спасены: порученіе выполнено удачно, на дорогѣ я не боялся сбиться: снята она была прекрасно. Двигались мы въ глубокой тишинѣ; генералъ ѣхалъ впереди, понуривъ голову, очевидно онъ что то соображалъ.

Часа черезъ полтора нашего похода, мы начали принимать мѣры предосторожности, такъ какъ бугорокъ съ двумя вершинками, находившійся передъ Карадагомъ и Арабомъ, уже виднѣлся не вдалекѣ.

Я самъ съ патрулемъ пошелъ впередъ, ежеминутно останавливаясь и прислушиваясь, чтобы не наткнуться на аванпосты, наткнись мы на нихъ и тревога произошла бы неминуемо, а тогда прощай доброе къ намъ расположеніе генерала.

Я шелъ съ патрулемъ шагахъ въ двухстахъ впереди охотниковъ; вдругъ совершенно явственно, не далѣе какъ въ 100—200 шагахъ, заржала лошадь, я мгновенно остановился.

— Слышали? спросилъ я двухъ солдатъ, сопровождавшихъ меня. Это были старые охотники, бывшіе со мной еще подъ Аладжой.

— Такъ точно, ваше благородіе, они не далеко: сейчасъ и поймать ихъ можно.

— Стой, ты! прервалъ я его, безъ моего приказанія пальцемъ никого трогать не смѣй. Я присѣлъ со своими людьми изъ предосторожности къ землѣ и дождался охотниковъ.

Генералъ, Х и казаки шли уже пѣшкомъ, отославъ лошадей въ

хвостъ колоны, чтобы стукомъ копытъ не дать знать непріятелю о нашемъ приближеніи.

Я махнулъ рукой: тихо, тихо остановились люди.

— Ваше превосходительство, тутъ лошадь недалеко, должно быть это аванпосты, прикажете узнать?

— Конечно узнайте, да возьмите съ собой еще казака. Я буду васъ здѣсь ждать. Скорѣе!

— Слушаю, ваше превосходительство.

Я подошелъ къ переднимъ охотникамъ.

— Передай, ребята, шепотомъ, что шагахъ во ста турецкіе аванпосты: чтобъ никто не смѣлъ ни кашлять, ни сморкаться.

Приказаніе передалось другъ другу шепотомъ. Приказавъ солдатамъ шедшимъ со мной разуться, чтобъ они не зашумѣли и, захвативъ казака, котораго избавилъ отъ разуванья, такъ какъ онъ былъ въ чевякахъ, я пошелъ, крадясь по направленію слышаннаго шума.

Мы не шли, а скорѣе ползли, пригнувшись къ землѣ; черезъ каждые пять, десять шаговъ я останавливался, прислушивался и вглядывался въ темноту.

Опять заржала лошадь; напряженному слуху кажется, что ржанье раздается надъ самымъ ухомъ, а между тѣмъ зрѣніе ничего не различаетъ. Одинъ солдатъ безцеремонно потянулъ меня за полу:

— Ваше благородіе, Христа ради, не лѣзьте впередъ: я пойду.

И онъ протиснулся впередъ.

— Пошелъ назадъ! строго прошепталъ я и, оттолкнувъ преданнаго товарища, поползъ снова впередъ, но надо сознаться, вынулъ уже револьверъ, готовясь въ крайнемъ случаѣ выстрѣлить. Это было простительно: при такой темнотѣ не было ничего легче, какъ прямо лицемъ къ лицу столкнуться съ непріятельскимъ пикетомъ...

Звякнула шпора. Шаговъ десять, вѣдь не больше, подумалъ я, а ни черта не видно, экая проклятая ночь! Еще пять шаговъ и мы увидѣли группу: человѣкъ пять сидѣло и лежало въ разнообразныхъ позахъ; одинъ держалъ въ поводу лошадь, лошадь подняла морду и, фыркая ноздрями, обнюхивала воздухъ въ нашемъ направленіи. Я замеръ, разглядывая группу.

Вдругъ державшій лошадь поднялся и сталъ всматриваться въ нашу сторону, потомъ что-то сказалъ сидѣвшимъ.

Я мгновенно обернулся назадъ и машинально сжалъ револьверъ; на казакѣ была бѣлая папаха, это обстоятельство мы всѣ упустили изъ виду.

— Папаха! шепнулъ я казаку и погрозилъ отъ злости револьверомъ.

Онъ мгновенно сорвалъ ее. Мы прижались къ землѣ и замерли въ ожиданіи. Но все обошлось благополучно: державшій лошадь снова опустился на землю, очевидно онъ подумалъ, что ошибся. Увѣрившись, что

мы не были замѣчены, я сдѣлалъ своимъ спутникамъ знакъ и мы поползли назадъ. По всему было видно, что группа, къ которой мы подползали, составляла одно изъ звеньевъ аванпостовъ. Теперь надо узнать, подумалъ я, какъ велики у нихъ интервалы между звеньями. Рѣшивъ такимъ образомъ, я, отползши назадъ шаговъ двадцать, повернулъ на лѣво и полѣзъ параллельно бугорку, такъ какъ сторожевая цѣпь, по моимъ соображеніямъ, должна была быть вытянута въ этомъ направленіи. Мнѣ показалось, что вершина бугорка обнесена траншеей.

— Ваше благородіе, шепталъ мнѣ солдатъ, что-же мы ихъ не забрали? Дозвольте, мы ихъ сейчасъ прикончимъ.

— Отстань! значитъ не надо, если я не приказалъ.

Солдаты и казакъ были въ недоумѣніи отъ такой гуманности, да и то правду сказать, соблазнъ былъ очень великъ, мнѣ самому было досадно, что мнѣ было запрещено производить шумъ.

Подаваясь впередъ съ такою же осторожностью, мы шаговъ черезъ шестьдесятъ, наткнулись на второе звѣно изъ четверыхъ пѣшихъ; но мы взяли нѣсколько влѣво, такъ что звѣно было съ правой стороны насъ, т. е. другими словами, мы были за непріятельской цѣпью.

— Ну теперь назадъ, ребята, скомандовалъ я шепотомъ.

Черезъ 15—20 минутъ я уже докладывалъ генералу о всемъ мною замѣченномъ.

— Ваше превосходительство, обратился Х. къ генералу, позвольте снять эти посты.

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь нельзя! вѣдь я же говорилъ вамъ, что надо дѣйствовать такъ, чтобъ они и не подозрѣвали, что мы здѣсь бываемъ.

— М., обратился онъ къ моему офицеру, возьмите этихъ же солдатъ, съ которыми вотъ онъ сейчасъ ходилъ, залѣзте на тотъ бугоръ и узнайте, что тамъ.

— Слушаю, ваше п—во.

— Позвольте и мнѣ, ваше п—во, попросился я.

— Вы останетесь здѣсь.

М. отправился, а я покорившись своей участи, подсѣлъ къ Х. Всѣ мои солдаты размѣстились, кто какъ могъ, тишина царствовала полнѣйшая; генералъ расхаживалъ по маленькой площадкѣ, покусывая усы.

— Я совсѣмъ пѣшкомъ не умѣю ходить, жаловался мнѣ Х., а теперь ночью и по такимъ камнямъ едва не падаю на каждомъ шагу, я удивляюсь, какъ это вы безъ шума могли подкрасться къ нимъ такъ близко; да еще вотъ бѣда, у меня нога болитъ—ушибъ!

Я разсказалъ ему, какъ бѣлая папаха его казака чуть было не выдала насъ.

— Да, отвѣчалъ онъ, что вы не дѣлайте, что не говорите, а никогда казакъ не пойметъ, что бѣлая одежда въ военное время большая

*

помѣха. Да, знаете что, завтра день моихъ имянинъ и рожденіе моего друга и товарища О., вы еще съ нимъ незнакомы, но это ничего, ручаюсь, что какъ только вы съ нимъ увидѣтесь, такъ и полюбите. Пріѣзжайте съ М. къ намъ завтра, мы славно проведемъ день.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Разговоръ на этомъ порвался. Каждый погрузился въ свои мысли. Прошло уже болѣе получаса, а М. не возвращался, но мы не безпокоились о немъ, такъ какъ знали, что еслибы, что нибудь случилось, то поднялся бы уже шумъ. Пока нѣтъ тревоги, значитъ все обстоитъ благополучно.

Прошло еще минутъ пятнадцать, вдругъ слышу легкій дрожащій свистъ. Это былъ нашъ сигналъ, условленный еще подъ Аладжой.

— Что это? спросилъ Х.

Вмѣсто отвѣта я тихо засвисталъ, такъ что звукъ не былъ слышенъ далѣе пятидесяти шаговъ.

Изъ темноты показался М.

— А я сбился съ направленія, думалъ, что не найду васъ, и засвисталъ, сказалъ онъ подходя къ нашей группѣ и отирая ладонью вспотѣвшее лице.

Онъ хотѣлъ было уже докладывать генералу, какъ вдругъ тотъ прервалъ его и обратился ко мнѣ.

— Теперь вы возьмите двухъ другихъ солдатъ и отправляйтесь на эту же горку.

Генералъ хотѣлъ провѣрить доставляемыя нами свѣдѣнія.

Для того, чтобы попасть на горку, надо было пройти непріятельскую цѣпь. Я уже зналъ, гдѣ стоятъ два звена и направился въ интервалъ, образованный ими.

Мы ползли довольно быстро; въ правой рукѣ, на всякій случай, я держалъ револьверъ. Вотъ уже и подошва холма; даже отсюда на темномъ фонѣ неба довольно ясно обрисовывалась траншея, вѣнчавшая вершину, но этого было мало, надо, рѣшилъ я, разузнать поподробнѣе. Мы полѣзли вверхъ съ величайшими предосторожностями; прежде, чѣмъ ступить, руками ощупывали мѣсто, чтобы какой нибудь оторвавшійся камень не надѣлалъ шуму. Мнѣ хотѣлось узнать, что дѣлается на вершинѣ; какъ это сдѣлать я самъ еще не зналъ, такъ какъ лѣзть до самаго верха было крайне неблагоразумно, малѣйшая оплошность могла погубить все дѣло.

— Можетъ быть, подумалъ я, траншея не совсѣхъ скатовъ и тогда можно будетъ увидѣть внутренность укрѣпленьица и не подымаясь до верха; поднявшись шаговъ на сто, я остановился.

— Ты ступай вправо, приказалъ я одному, а ты влѣво и посмотрите

вездѣ-ли есть траншея, сдѣлайте не болѣе, какъ шаговъ по триста и возвращайтесь назадъ, я васъ буду ждать здѣсь.

Солдатики поползли, а я, затая дыханіе, присѣлъ на камень. Я ждалъ, что вотъ-вотъ кто нибудь изъ нихъ зашумитъ. Черезъ нѣсколько минутъ пошедшій съ лѣвой стороны вернулся, онъ прошелъ бы мимо меня, но я увидѣлъ его и остановилъ, вдругъ у него изъ подъ ноги покатился камень, я вздрогнулъ и сжалъ револьверъ, солдатъ присѣлъ, а камень, прыгая, катился внизъ...

— Ну, что?

— Оттэда, должно, видно будетъ, ваше б—діе, потому верхушка скосомъ суда, и траншеи должно нѣтъ—невидать, только повыше подняться нады-ть.

Въ этотъ моментъ подошелъ и другой.

— Я бы васъ не нашель, ваше б—діе, да вотъ камень покатился.

— Ну, что тамъ, видѣлъ что нибудь?

— Все тоже, ваше б—діе, ничего не видать.

Мы поползли влѣво, зайдя на сторону, обращенную къ Арабу, я полѣзъ на верхъ, а солдатъ оставилъ внизу, чтобы уменьшить шансы на шумъ.

Солдатъ сказалъ правду, едва я немного поднялся, какъ увидѣлъ всю вершину; она была обращена всей покатостью въ мою сторону, траншеи здѣсь не было, на самой вершинѣ стояло нѣсколько палатокъ, не помню ужь теперь сколько именно, орудій не было, очевидно это былъ просто наблюдательный постъ.

Разсмотрѣвъ все это, я спустился къ моимъ солдатикамъ и мы съ тѣми же предосторожностями вернулись назадъ.

Я доложилъ о всемъ видѣнномъ генералу. Свѣдѣнія, доставленныя мной, были вполнѣ тождественны съ собранными М. Онъ также, какъ и я, лазилъ на задній фасъ холма. Генералъ крѣпко съ чувствомъ пожалъ намъ обоимъ руки

Оставивъ дорогу вправо, мы со всей командой доходили почти до самаго Араба и убѣдились, что препятствій мѣстныхъ нѣтъ; потомъ снова вернулись на дорогу и возвратились въ лагерь. Генералъ былъ доволенъ всѣми и цѣлую дорогу разговаривалъ съ нами.

И такъ въ эту первую ночную рекогносцировку мы узнали, что до самаго Арабъ-табіэ нѣтъ ни мѣстныхъ, ни искусственныхъ препятствій, но что дорога къ нему очень неудобна, узка и камениста, такъ что безъ шума идти по ней очень трудно; во вторыхъ, что аванпосты турокъ держатся такъ близко отъ укрѣпленій, что можно напасть на форты въ расплохъ.

Прощаясь, генералъ приказалъ Х. на другой день къ 10-ти часамъ утра явиться къ нему со всей командой.

— Надо будетъ, сказалъ онъ, провѣрить планы и поискать другой дороги къ туркамъ, эта не совсѣмъ удобна.

Начинало уже свѣтать. Въ палаткѣ насъ съ М. ждалъ уже горячій чай и мы, согрѣвшись немного, легли спать.

. . . . . .

Я замѣтилъ, что солдаты были въ недоумѣніи по поводу нашихъ ночныхъ поисковъ, да къ тому же, ходившіе со мной и М., разсказали, какъ мы были близко отъ турокъ, какъ могли перебить ихъ, или захватить и ничего этого не сдѣлали.

Я счелъ необходимымъ объяснить имъ наши поступки и съ этой цѣлью, какъ только проснулся, собралъ команду.

Часовъ въ 10 генералъ прислалъ за мной.

При моемъ входѣ, мнѣ на встрѣчу всталъ красавецъ казачій офицеръ, также, какъ и Х., съ гвардейскими погонами.

— Князь О., сказалъ онъ, подавая мнѣ руку.

Х. былъ тутъ же. Мы встрѣтились, какъ старые друзья.

— Мы сейчасъ поѣдемъ провѣрить по плану тѣ мѣста, въ которыхъ мы вчера были. Я для васъ приказалъ осѣдлать лошадь, обратился ко мнѣ генералъ.

Черезъ десять минутъ мы уже ѣхали въ сопровожденіи конныхъ охотниковъ.

Турецкіе пикеты днемъ выѣзжали очень далеко. Чтобы они намъ не помѣшали, Х. разсыпалъ одинъ взводъ. Казаки съ гикомъ, джигитуя, завязали съ турками перестрѣлку. Мы невольно нѣсколько мгновеній любовались этой картиной.

Кромѣ провѣрки нашихъ ночныхъ изслѣдованій, мы открыли новую дорогу въ Карсъ, проходящую по подошвѣ Карадага. Она имѣла повидимому массу преимуществъ передъ той, по которой мы ходили вчера ночью. Во-первыхъ, она шла по ровному мѣсту: ни одного бугорка не было на всемъ ея протяженіи; во-вторыхъ, почва здѣсь была мягкая; по ней даже артиллерія могла двигаться безъ шуму, а слѣдовательно и къ непріятелю подойти было легче; наконецъ, она не пересѣкалась ни одной дорогой и тянулась безъ всякихъ извилинъ, такъ что сбиться съ нея было невозможно. Генералъ рѣшилъ въ скоромъ времени изслѣдовать ее. Казаки между тѣмъ, спѣшившись, вели съ пикетами перестрѣлку. Турки съ фортовъ замѣтили нашъ маленькій отрядикъ и, сообразивъ, что это конвой какого нибудь начальника, бросали въ насъ съ Карадага и Араба гранаты, но потерь намъ никакихъ не принесли. Пробывъ въ полѣ часа три, мы возвратились назадъ. Откланявшись генералу, я и М., не заѣзжая домой, прямо вмѣстѣ съ Х. и О. поѣхали къ нимъ въ Мелинкевъ.

Мелинкевъ былъ недалеко, надо было спуститься съ нашего кру-

таго берега. Казаки запѣли пѣсни, и не успѣли мы оглянуться, какъ были уже въ палаткѣ нашихъ новыхъ друзей. Они жили вмѣстѣ въ офицерской турецкой палаткѣ.

Едва мы успѣли снять оружіе, какъ взошелъ вахмистръ и доложилъ, что казаки просятъ позволенія поздравить „своихъ князей“ съ днемъ ангела и рожденія. Казаки, построившись, ждали нашего выхода. Передъ ними на землѣ стояло ведерко мѣстной водки, подносъ съ нарѣзанными кусками чернаго хлѣба и чарка. Начались тосты, поздравленія и „ура!“

Выпили водку и, по приказанію О., началась джигитовка. Мы наслаждались этимъ зрѣлищемъ вплоть до обѣда. Любо было смотрѣть, какъ эти красивые, статные молодцы дѣлали самыя отчаянныя штуки и съ такимъ же спокойствіемъ и простотой, какъ будто они занимались комнатной гимнастикой. Само собою разумѣется, не обошлось безъ ушибовъ, къ счастью, легкихъ.

Обѣдъ, принимая во вниманіе боевую обстановку, былъ роскошный, съ винами; обѣдали подъ открытымъ воздухомъ на буркѣ. Кромѣ насъ четверыхъ, къ обѣду явился еще князь Д. и есаулъ Г. Этотъ Г. былъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ былъ однимъ изъ любимцевъ Шамиля и когда-то взялъ въ плѣнъ все семейство князей О., въ томъ числѣ и моего новаго знакомаго, который тогда былъ еще ребенкомъ; теперь же они были друзьями, забывъ старую вражду. Обѣдъ прошелъ шумно и весело, среди тостовъ, разговоровъ и разсказовъ; послѣ обѣда подали черный кофе. Казаки, собравшись въ группу, пѣли пѣсни и отплясывали лезгинку. О. и Г., художественно исполняющіе этотъ танецъ, сами сдѣлали нѣсколько круговъ къ всеобщему удовольствію.

Въ самый разгаръ веселья, изъ-за палатокъ выѣхалъ нашъ партизанъ С. съ своими охотниками. Казаки какъ увидѣли его, такъ и бросились; сняли его съ лошади и подняли на ура!

— Здравствуйте! Поздравляю васъ съ праздникомъ! началъ С., какъ только освободился отъ казаковъ.

— Очень радъ, что ты пріѣхалъ; садись; вотъ вино.

С. сѣлъ, выпилъ стаканъ вина.

— Я къ вамъ по дѣлу, обратился онъ къ Х. и О.,—Лазаревъ Чахмахъ приказалъ наказать.

— За что? спросило нѣсколько голосовъ.

— А онъ посылалъ имъ сказать, чтобъ они выселялись за наши линіи со всѣмъ имуществомъ и скотомъ; они отвѣтили, что ихъ начальство въ Карсѣ и они будутъ исполнять только ихъ приказанія; вотъ Лазаревъ и приказалъ мнѣ взять васъ, сотню милиціи и наказать.

— Вотъ бѣда-то! А мы было хотѣли сегодня попировать. Ну, да что дѣлать!

Я рѣшился ѣхать съ конными охотниками въ качествѣ любителя, М. же я отправилъ домой, попросивъ его, въ случаѣ если меня зачѣмъ нибудь потребуютъ, сходить за меня. О. обѣщалъ мнѣ дать лошадь и оружіе, такъ какъ со мной была только шашка. М. вскорѣ уѣхалъ, а мы сѣли допивать вино.

Я считаю небезъинтереснымъ описать личность С. А. К. Его повѣсть такъ невѣроятна, что скорѣе похожа на легенду, нежели на правдивую исторію. То, что я собираюсь разсказать, слышано мною частью отъ самого С., частью отъ его друзей и очевидцевъ. Такъ что если встрѣтятся какія нибудь погрѣшности, то это не моя вина. С. средняго роста, статенъ, съ симпатичнымъ лицомъ; сложенъ онъ необыкновенно крѣпко; лѣта его на видъ трудно опредѣлить: когда онъ веселъ и шутитъ, то ему кажется не болѣе 23—24-хъ лѣтъ, какъ и на самомъ дѣлѣ; если онъ сердится, вы ему дадите не менѣе сорока. Родомъ онъ барчалинскій татаринъ. Отецъ его былъ знаменитый разбойникъ; имя его гремѣло далеко, и онъ крѣпко гордился своей славой. Когда у него родился сынъ, котораго назвали С., то онъ сперва хотѣлъ убить его изъ опасенія, что онъ не съумѣетъ поддержать грозную славу ихъ фамиліи, — такъ онъ былъ славолюбивъ; но мать бросилась въ ноги и умолила отца отмѣнить его суровое рѣшеніе.

— Кто знаетъ, говорила она сквозь слезы, обнимая колѣна своего грознаго мужа,—быть можетъ, изъ него выйдетъ лихой джигитъ, который не осрамитъ тебя.

Отецъ согласился подождать и С. оправдалъ ожиданія матери.

Наслушавшись про подвиги отца, слушая разговоры отцовскихъ товарищей, которые только и вертѣлись на набѣгахъ, шашечныхъ и кинжальныхъ ударахъ и т. п., онъ горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣе принять во всемъ этомъ личное участіе.

Однажды, когда отца не было дома, восьми-лѣтній С. снялъ со стѣны винтовку и отправился въ горы. Къ вечеру онъ возвратился, таща за собою оружіе и одежду убитаго имъ человѣка. Отецъ уже былъ дома. Узнавъ о всемъ случившемся, онъ взялъ сына на руки, поцѣловалъ его и благословилъ.

— Теперь я умру спокойно, говорилъ онъ своимъ друзьямъ, поглядывая на сына.

Въ концѣ концовъ отецъ былъ пойманъ и сосланъ въ Сибирь.

С. принялъ начальство надъ шайкой.

Случалось, что онъ со своими удальцами доходилъ до Багдада и турки высылали противъ него регулярныя войска. Но С. все сходило съ рукъ: подъ счастливой ужъ больно звѣздой онъ родился. Все населеніе между нашей границей и Багдадомъ знало его, чувствовало къ нему суевѣрный страхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ любило его. Если онъ и оби-

жалъ жителей, то за то и добра много дѣлалъ. Пріѣдетъ бывало въ аулъ, потребуетъ старшину и говоритъ, что ему надо и въ какомъ количествѣ; тутъ же выходитъ байгушъ (бѣднякъ) и жалуется на бѣдность. С. надѣляетъ его деньгами; другой жалуется на притѣсненіе, С. разбираетъ жалобу и наказываетъ обидчика.

Не все коту масленица—придетъ и великій постъ. Попался-таки С. на нашей границѣ; товарищи его бѣжали, увидѣвъ, что нападающихъ было въ десятеро болѣе, чѣмъ ихъ. Долго сопротивлялся С., будучи окруженъ, но сильный ударъ проломилъ ему голову и онъ упалъ безъ чувствъ.

Очнулся онъ уже въ тюрьмѣ; онъ сидѣлъ одинъ въ маленькой комнатѣ. Сквозь окно, переплетенное желѣзными болтами, проникали лучи заходящаго солнца. Сразу все понялъ С.; но не таковъ онъ былъ, чтобы падать духомъ, при какихъ бы обстоятельствахъ то не было. Подошелъ онъ къ окну, потянулъ слегка одинъ изъ переплетовъ окна,—подается.

— Сегодня же ночью убѣгу! рѣшилъ онъ и легъ спать.

Ночью онъ дѣйствительно выломалъ рѣшетку; его гигантская сила не уменьшилась отъ полученной имъ раны, и спрыгнулъ въ Куру съ десяти-саженной высоты. Но этотъ подвигъ не много принесъ ему пользы: дня черезъ два его снова поймали и на этотъ разъ уже заковали въ кандалы. Вскорѣ онъ былъ осужденъ и сосланъ въ Сибирь; вмѣстѣ съ нимъ былъ осужденъ и его братъ, хотя, какъ говорятъ, ни въ чемъ и неповинный.

С. несъ съ собой въ турецкой подушкѣ, имѣющей форму валика, кинжалъ и золото. Между прочими арестантами, шедшими въ одной партіи съ С., былъ какой-то студентъ. Онъ почему-то пробудилъ въ С. сочувствіе къ себѣ и С. открылъ ему тайну подушки, предлагая вмѣстѣ бѣжать. Но ошибся С. въ выборѣ товарища: въ Ростовѣ студента или помиловали, или перевели въ другую партію; но только онъ, отдѣлившись отъ партіи, въ которой былъ С., выдалъ его. У С. отобрали подушку.

Но не въ характерѣ С. было прощать измѣну, онъ рѣшился отмстить предателю. Для этого онъ просилъ позволенія проститься съ своимъ бывшимъ товарищемъ. Просьбу его уважили; студентъ, ничего не подозрѣвавшій, явился въ его камеру, въ сопровожденіи ключника; С. подошелъ къ нему.

— Самъ ты очень хорошъ, сказалъ онъ, но у тебя плохой языкъ, я избавлю тебя отъ него.

И прежде, чѣмъ несчастный успѣлъ вскрикнуть, С. схватилъ его своими желѣзными пальцами за глотку и вырвалъ языкъ вмѣстѣ съ гортанью.

. . . . . .

Изъ Сибири С. скоро бѣжалъ, но заблудился, попалъ въ Китай и

черезъ Афганистанъ пробрался наконецъ на Кавказъ, это было какъ разъ передъ войной. Какова должна быть энергія у человѣка, который, зная только русскій и татарскій языкъ, неимѣя никакихъ средствъ, незная географіи, бѣжитъ съ Сахалина, блуждаетъ и добирается таки до своей родины.

Прибывъ въ Тифлисъ, онъ явился къ князю О., который его зналъ еще прежде.

— Докладываютъ, вдругъ, разсказывалъ мнѣ князь, что меня спрашиваетъ какой-то татаринъ, выхожу; глядь передо мной С., я даже ротъ разинулъ, сказать по правдѣ.

— Это ты? какимъ образомъ?!

Онъ нисколько не смутясь, поклонился мнѣ и отвѣчалъ:

— Я бѣжалъ и пришелъ просить твоего гостепріимства и покровительства.

Я былъ пораженъ! Ну, войдите сами въ мое положеніе, что я долженъ дѣлать? Отказать ему въ гостепріимствѣ я не могъ, такъ какъ у насъ отказать просящему крова, хотя бы онъ былъ вашъ заклятый врагъ, считается великимъ позоромъ; съ другой стороны, принять его—значило укрывать завѣдомо бѣглаго преступника.

— Что же ты думаешь дѣлать теперь? спросилъ я его, когда первое удивленіе прошло.

— Я слышалъ, скоро война будетъ, проси за меня прощенья, я заслужу. Я и Карсъ и Эрзерумъ и Трапезондъ и др. города знаю и народа много знаю.

Я согласился на его просьбу и сейчасъ же отправился хлопотать за него, мнѣ обѣщали устроить это дѣло въ виду той пользы, какую могъ принести на войнѣ подобный человѣкъ. А пока было приказано арестовать его. С. былъ доволенъ моей миссіей и самъ отправился на гауптвахту, давъ слово, что не будетъ пытаться бѣжать.

Прощенье ему скоро было выхлопотано; и сейчасъ же дано первое порученіе отправиться въ Карсъ, Ерзерумъ и Трапезондъ; что ему тамъ было приказано сдѣлать, я не знаю, но знаю, что онъ все выполнилъ, выдавая себя за бѣглаго.

Въ началѣ кампаніи онъ былъ зачисленъ въ милицію нижнимъ чиномъ; вскорѣ онъ вызвался въ охотники и былъ назначенъ начальникомъ команды. Дрался онъ всегда какъ левъ, каждое его дѣло было подвигомъ; на открытой мѣстности онъ не могъ видѣть турокъ равнодушно, и несмотря ни на какую разницу въ числѣ, командовалъ:

— Атака!

За его заслуги былъ прощенъ его отецъ и братъ. Въ продолженіи кампаніи подъ С. было убито восемнадцать лошадей, самъ же онъ былъ

два раза легко раненъ, но на эти раны онъ смотрѣлъ съ такимъ презрѣніемъ, что даже не позволялъ себя перевязывать.

Подчиненные страшно боялись С., неисключая и родственниковъ.

— Пой! приказываетъ, напримѣръ, С. человѣку, завѣдомо неумѣющему пѣть.

— Пой! повторяетъ С.

И несчастный начинаетъ извлекать какіе-то звуки, скорѣе похожіе на вой, нежели на пѣніе.

— Зачѣмъ ты запѣлъ, если не умѣешь? спросили мы, когда С. зачѣмъ-то вышелъ.

— Онъ убьетъ, если кто его не послушаетъ, отвѣчалъ тотъ коротко.

У С. нѣсколько разъ перемѣнялся составъ команды за выбытіемъ убитыми и ранеными, держались только: онъ самъ, братъ его и четырнадцатилѣтній племянникъ, но при штурмѣ Карса брата его тяжело ранили въ колѣно, а племянникъ былъ убитъ. Но и въ суровости своей С. часто проявлялъ врожденную доброту сердца. Въ кругу своихъ онъ былъ веселымъ собесѣдникомъ, любилъ разсказывать свои приключенія, которыя такъ интересны, что хоть романъ пиши.

Однажды приходитъ онъ къ намъ въ палатку, печальный, садится и не говоритъ ни слова.

— Что съ тобой, С.?

— Я сегодня очень огорченъ, у меня ночью любимую лошадь убили.

— Ха, ха, ха, вотъ бѣда! это которая, пятнадцатая?

— Не говори такъ, эта лошадь лучше человѣка была—неизмѣняла; она два раза была тяжело, очень тяжело ранена и выносила; вчера убили! она лучше человѣка, я поѣду ее хоронить сегодня.

И чудакъ въ эту же ночь оттѣснилъ турокъ изъ передовыхъ ложементовъ, такъ какъ лошадь упала невдалекѣ отъ нихъ, такъ что турки могли помѣшать, и пока часть охотниковъ вела съ ними перестрѣлку, онъ съ другими обернулъ лошадь въ полотно и похоронилъ ее, какъ человѣка.

Иногда онъ дѣлалъ безумныя по отвагѣ вещи безъ всякой цѣли. И когда его спрашивали: зачѣмъ онъ по напрасну рискуетъ, отвѣчалъ:

— Пусть знаютъ, на то русскіе, ничего не боятся.

Когда турки взяли у насъ Кизиль-тапу, ему было приказано взять съ нее живаго турка. Онъ отправился съ двумя своими любимцами и черезъ часъ тащилъ уже несчастнаго.

Въ весеннюю осаду Карса ему было приказано съѣздить въ одинъ изъ окружающихъ городъ ауловъ и передать жителямъ, чтобъ они выселялись за наши линіи, а если молъ не выселитесь, то будете разграблены. Въ это время голова С. была уже оцѣнена. Чтобы не производить лишняго шума, С. взялъ съ собой только двоихъ своихъ любимцевъ и ма-

ленькаго племянника. Выѣхалъ онъ довольно поздно, такъ что въ аулъ попалъ только къ свѣту. Взойдя въ саклю старшины, онъ передалъ ему приказаніе и началъ его убѣждать повиноваться. Между тѣмъ вѣсть, что что С. въ аулѣ, какъ электрическая искра облетѣла всѣ сакли. Мулла рѣшился поймать С. Онъ собралъ народъ къ саклѣ юзбаша и уговаривалъ схватить С., какъ только тотъ покажется у входа; нѣкоторые не соглашались, говоря что отъ него пули отскакиваютъ и клинки ломаются, другіе же пришли съ оружіемъ. Начинало разсвѣтать, когда изъ сакли показался С., онъ сразу понялъ въ чемъ дѣло, но нисколько непотерявшись, онъ спокойно поклонился народу, всѣ отвѣтили на поклонъ; твердымъ, спокойнымъ шагомъ подошелъ нашъ удалецъ къ лошади, отвязалъ поводъ и вскочилъ на сѣдло.

Тогда выступилъ впередъ сѣдой мулла.

— С., сказалъ онъ.

— Что тебѣ нужно, мулла?

— Васъ здѣсь четверо, насъ много, брось оружіе и сдайся намъ.

— Вотъ оно что!... Ну хорошо, я согласенъ, берите меня! И онъ протянулъ руки.

Мулла засуетился, толкая впередъ народъ, но никто не рѣшался поднять на С. руку.

— Да чего ты боишься, возразилъ С. съ улыбкой, ты самъ бери.

Мулла приблизился, но едва онъ поровнялся съ нимъ, какъ могучій ударъ С. свалилъ его съ ногъ.

— Зарѣжь! хладнокровно приказалъ С. своему племяннику.

И черезъ секунду дѣтская рука вонзила въ горло стараго муллы весь кинжалъ по самую рукоятку.

— Ну берите же меня, обратился С. къ народу, что вы стоите? Или вы не хотѣли меня брать, васъ только этотъ старикъ заставлялъ и онъ показалъ на храпѣвшаго, корчащагося муллу; сѣдая борода его покраснѣла отъ крови, лице искривилось.

Всѣ молчали, въ ужасѣ.

— Я пріѣзжалъ къ вамъ по дѣлу, продолжалъ С., юзбашъ передастъ вамъ по какому, а теперь прощайте, мнѣ пора.

Саматъ повернулъ лошадь и неторопливымъ шагомъ выѣхалъ изъ аула, въ которомъ онъ чуть было не погибъ и избавился отъ бѣды, единственно благодаря своей находчивости

У турокъ роль С. игралъ нѣкій Михеръ-Али, онъ, кажется командовалъ всѣми баши-бузуками. Но далеко ему было до С. Прежде этотъ самый Михеръ-Али былъ въ шайкѣ С., но однажды С., разсердившись, отхлесталъ его плетью; Михеръ-Али ушелъ изъ шайки, но отомстить боялся. С. характеризовалъ его такъ:

— Михеръ-Али хорошій проводникъ, но распоряжаться какъ мущина не можетъ.

Онъ и теперь исполнялъ желанія С. Мнѣ разсказывалъ одинъ мой знакомый такой случай:

— Подъ Зивиномъ былъ смертельно раненъ одинъ мой лучшій другъ, онъ, со слезами на глазахъ, умолялъ меня отправить его въ Тифлисъ къ роднымъ.

— Не хочется умирать на чужой сторонѣ, говорилъ онъ, облегчи мою смерть, отправь меня къ роднымъ.

Не смотря на то, что сердце мое надрывалось, глядя на его слезы, я не могъ исполнить его просьбы; дорога была мимо Карса, наши войска уже сняли въ это время осаду и отступили, цѣлымъ отрядомъ мы могли пройти, но отдѣльныхъ людей турки непремѣнно перехватили-бы. Что было дѣлать? Вдругъ входитъ С.; узнавъ въ чемъ дѣло, онъ взялся помочь бѣдѣ. Привели вьючную лошадь, уложили на сѣдло раненаго, С. самъ хлоноталъ тутъ-же.

— Вотъ вамъ два проводника, сказалъ С., обращаясь къ раненому, ни о чемъ не безпокойтесь, если васъ и захватятъ турки, такъ я сдѣлалъ распоряженія, чтобы васъ пропустили.

— Какъ-же ты это устроилъ? спросилъ я съ любопытствомъ.

— А тамъ есть Михеръ-Али, онъ меня знаетъ; если ихъ поймаютъ, такъ я приказалъ имъ спросить его и показать мой платокъ въ подтвержденіе, что они посланы мной, онъ ихъ и проводитъ.

Признаться я не вѣрилъ, чтобы Михеръ-Али исполнилъ желаніе С., но на дѣлѣ вышло такъ, какъ говорилъ С. Мой товарищъ съ своимъ конвоемъ наткнулись на самаго Али, ему показали платокъ и передали желаніе С.; онъ поморщился, но тутъ-же назначилъ конвой, который проводилъ ихъ до нашихъ аванпостовъ.

По заключеніи мира мнѣ случилось говорить съ раненымъ Михеръ-Али.

— Зачѣмъ вы исполняли требованія С.? спросилъ я.

— Ты мало знаешь С., отвѣчалъ онъ, если спрашиваешь; пока продолжалась война, я дѣйствительно былъ въ безопасности, если-бы и не исполнялъ его желанія, но какъ только война кончилась-бы, онъ непремѣнно отомстилъ-бы мнѣ.

Таковъ былъ С., съ которымъ мы теперь пили вино. Сегодня онъ былъ необыкновенно веселъ, шутилъ, хохоталъ и разсказывалъ „исторіи“. Праздникъ продолжался часовъ до девяти вечера.

— Ну теперь, господа, надо спать ложиться, до двѣнадцати часовъ успѣемъ еще выспаться, а то вѣдь всю ночь придется провести на лошади.

Начали укладываться. С. уступили койку, я и О. легли на полу на буркѣ и т. д.; не прошло и пяти минутъ, какъ въ палаткѣ раздался богатырскій храпъ; всѣ сразу уснули.

. . . . . .

Ровно въ двѣнадцать часовъ С. проснулся и разбудилъ насъ.

О. приказалъ осѣдлать для меня лошадь, дали мнѣ длинный, острый кинжалъ, необходимое оружіе для входа въ саклю, и смитовскій револьверъ.

Мы съ О. замѣшкались что-то въ палаткѣ, и вышли тогда, когда уже охотники и сотня милиціонеровъ, назначенныхъ въ прикрытіе, тронулись въ походъ.

— Знаете, почему я вышелъ въ охотники? спросилъ меня вдругъ О.

— Почему?

— Въ прошлую турецкую кампанію, мой отецъ и дядя были убиты турками, я мщу. И онъ погрузился въ глубокую задумчивость.

Дорога была хорошая, лошади шли мелкимъ, частымъ проѣздомъ, отбивая тактъ по укатанной дорогѣ. Мы скоро догнали Х. и С., ѣхавшихъ впереди отряда. Ночную тишину прерывалъ только топотъ лошадей, да звукъ бубенчиковъ, подвязанныхъ къ уздамъ лошадей наѣздниковъ. С. не унимался; онъ продолжалъ смѣшить насъ всю дорогу.

. . . . . .

— Ну, теперь недалеко, сказалъ онъ наконецъ, стой! покури, кто хочетъ, дальше уже нельзя будетъ.

Отрядикъ остановился, покурили, подтянули потуже подпруги, въ послѣдній разъ осмотрѣли оружіе, дѣйствуетъ-ли затворъ у ружья; вынимается-ли клинокъ изъ ноженъ.

Черезъ полчаса по вѣтру донесся собачій вой, это собаки въ аулѣ почуяли насъ и предупреждали своихъ хозяевъ о приближающейся опасности. Турецкія собаки никогда ни лаютъ, но за то ужасно воятъ; этотъ вой наводитъ страшную тоску; мнѣ приходилось видѣть людей, которые хладнокровно слушаютъ свистъ пуль и не выдерживаютъ этого протяжнаго, заунывнаго, тянущаго душу вытья.

Вдругъ впереди блеснула вода, это рѣчка маленькая.

— Вотъ и аулъ! прошепталъ С.

Переѣхали мы черезъ рѣку; мнѣ такъ и казалось, что вотъ, вотъ турки проснутся въ своихъ траншеяхъ, но все было спокойно, только собаки сильнѣе завыли. Передъ нами въ неясныхъ контурахъ обрисовались сакли, мечеть съ плоской крышей, стоявшая на возвышеніи, рельефно выдавалась своими бѣлыми стѣнами. Съ лѣвой и правой стороны аула возвышались горы, прорѣзанныя лощиной, ведшей въ Карсъ; на передней горѣ, скатъ которой опоясывался траншеей, находился фортъ Лазъ-тапеси. На самой верхушкѣ лѣвой, на фонѣ неба обрисовывалось какое-то зданіе, оказавшееся впослѣдствіи редутомъ, сложеннымъ изъ камней.

— Не теряйте времени, спѣшивайте людей и идите въ аулъ, торопилъ

С. Х—а и О., турки скоро услышатъ шумъ, надо успѣть разбить, хоть нѣсколько сакель; въ аулѣ пропасть скота, здѣсь кромѣ обывательскаго, сохраняется и казенный.

— Я прикажу милиціи окружить аулъ, поэтому не безпокойтесь, смѣло входите въ сакли; въ расплохъ не нападутъ.

Х. спѣшилъ казаковъ и раздѣлилъ ихъ на двѣ части, съ одной пошелъ самъ, съ другой О.; я примкнулъ къ О. Мы вступили въ аулъ. Теперь нужно было торопиться выбрать сакли побогаче, съ которой-бы начать. Сперва мы попали на кладбище, потомъ къ какимъ-то сараямъ, и наконецъ наткнулись на большую саклю повидимому зажиточнаго крестьянина. Сперва постучались въ дверь и предложили отворить, отвѣта не послѣдовало.

— Ломай! приказалъ О.

Откуда-то притащили дышло и начали имъ, какъ тараномъ бить въ дверь, другіе помогали камнями, вывороченными изъ забора-стѣнки. Пошла работа!

Странную картину представляли мы: ночь; сверкаютъ револьверы, обнаженные кинжалы, собаки воятъ, раздается трескъ выламываемыхъ дверей, слова произносятся полушепотомъ; живописные дикіе костюмы казаковъ, развѣвающіеся при всякомъ движеніи, усиливаютъ впечатлѣніе. Всякій принялъ-бы насъ за разбойниковъ.

Дверь трещала, но не подавалась, онѣ дѣлаются чрезвычайно прочно, но послѣ двухъ или трехъ минутъ работы не выдержала, накренилась и наконецъ сорвалась съ петель; О. и я, а за нами и казаки, ринулись внутрь зданія, открыли потайной фонарикъ.

— Остаться двоимъ часовыми, принимай скотъ! крикнулъ О.

Два казака, обнаживъ шашки, остались при входѣ.

Мы очутились въ маленькой комнаткѣ, въ родѣ сѣней, изъ которой было три двери; онѣ оказались запертыми, ломать начали всѣ три сразу. Двери были тоненькіе и быстро разсыпались подъ напоромъ казаковъ. Одна вела въ какой-то просторной чуланъ, наполненный арбами, плугами, корзинами и т. п. принадлежностями хозяйства. Другая—въ кунацкую и хлѣвъ; скота было дѣйствительно много: одного крупнаго, т. е. быковъ, коровъ и буйволовъ можно было насчитать до пятидесяти головъ.

Казаки начали выгонять скотъ.

Та комната, въ которую ворвался О. и я, была семейной. Бабы и мужики упали на колѣни и принялись выть и стонать, дѣти кричали и обнимали наши колѣна: насъ приняли за русскихъ баши-бузуковъ, и думали, что мы ихъ примемся сейчасъ бить и терзать. Тяжелое положеніе!

Вдругъ донесся до насъ звукъ выстрѣла.

Мы замерли въ ожиданіи и поглядывали другъ на друга: не обманъли это настроеннаго воображенія. Но вотъ другой, въ самомъ аулѣ, недалеко отъ насъ, третій, и пошла трескотня, точно весенній дождь ни съ того, ни съ сего хлынувшій.

— Скорѣе, скорѣе! вскричалъ О.

Казаки бросились изъ сакли, мы за ними; въ дверяхъ насъ нѣсколько задержалъ столпившійся скотъ; но мы скоро протиснулись къ выходу при помощи кинжаловъ. У дверей оставались только казаки оставленные часовыми, они подскочили къ О. какъ только онъ показался у дверей:

— Сюда, сюда, пожалуйте, ваше сіятельство!

Въ аулѣ шло ужасное смятеніе: горы, окружавшіе аулъ, покрылись ружейными огнями, какъ плошками при иллюминаціи, пули неслись съ воемъ вѣтра, щелкаясь въ сакли и землю. Съ форта пустили гранату, но она, прошипѣвъ высоко надъ головами, упала далеко впереди. Скотина непривыкшая къ ночнымъ прогулкамъ и напуганная выстрѣлами и криками, жалобно ревѣла и бросалась изъ стороны въ сторону; въ довершеніе всего этого, милиціонеры, разставленные С—омъ вокругъ аула, послѣ первыхъ же выстрѣловъ бросились назадъ, наскочили на скотину, столпившуюся на улицахъ, испуганный скотъ бросился къ выходу изъ аула, гдѣ стояли коноводы, наткнулся на нихъ и смялъ. Теперь казаки съ дикими криками ловили разбѣжавшихся коней. Мы съ О. едва протискивались между скотомъ къ выходу. Голосъ С. царилъ надъ всѣмъ этимъ хаосомъ, онъ успокоивалъ людей, возстановлялъ порядокъ.

Послѣ нечеловѣческихъ усилій мы добрались до коноводовъ. Х. уже былъ здѣсь.

Очутившись на лошадяхъ Х. и О. сейчасъ-же начали распоряжаться и успокаивать людей.

Турки, что-то кричали намъ, но изъ траншей невылѣзали, С. имъ отвѣчалъ. Потомъ онъ намъ говорилъ, что они кричали, чтобъ мы сдавались, а то молъ всѣхъ перерѣжемъ; на что С. отвѣчалъ имъ приглашеніемъ спуститься внизъ и испытать на дѣлѣ: кто кого перерѣжетъ.

Турки вели частый огонь, а мы отвѣчали имъ самымъ рѣдкимъ.

Казаки уже построились, когда урядникъ К., подскакавъ ко мнѣ, подалъ мою лошадь. Пропустивъ скотину впередъ и, убѣдившись, что всѣ на лице, мы начали отступать. Потери ранеными были незначительны.

Придя на мѣсто, крупную скотину сосчитали: оказалось болѣе 200 головъ, не считая лошадей, овецъ, козъ и ишаковъ.

Позавтракали всѣ вмѣстѣ и разъѣхались.

. . . . . .

Послѣ этого приходилось ходить еще нѣсколько разъ съ разными

порученіями противъ фортовъ, находящихся на лѣвомъ берегу Карсъ-Чая, т. е. Мухлиса, Лазъ-Тапеси и проч.

Всякій разъ, если „нашъ генералъ", такъ мы и солдаты звали Р., самъ не ходилъ съ нами, то требовалъ меня и разспрашивалъ о дѣлѣ.

Такъ шло незамѣтно время среди трудовъ. Скучать было некогда. Иногда только становилось грустно, когда вспоминалось о своихъ; что-то они подѣлываютъ теперь? Удастся ли ихъ, когда нибудь увидѣть? Чѣмъ кончатся мои тасканья: сегодня благополучно, завтра тоже, но вѣдь когда же нибудь, да подвернешься, и такъ уже почти всѣ мои товарищи по охотничеству, вышедшіе со мной въ августѣ мѣсяцѣ, почти всѣ перебиты и переранены.

О лишеніяхъ говорить нечего: мы такъ къ нимъ привыкли, что и за лишенія ихъ не считали.

Дорогу, проходящую по подножію Карадага мы разслѣдовали, она оказалась прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ.

Ночи 3-го, 4-го и 5-го ноября мы провели въ открытомъ полѣ, выполняя порученія.

Какъ теперь помню: пришли мы 5-го утромъ домой и завалились спать не раздѣваясь и не напившись чаю, такъ мы были утомлены. Проснулись только вечеромъ, пообѣдали и только было принялись за чай, какъ вбѣгаетъ деньщикъ:

— Пожалуйте, ваше благородіе, начальникъ отряда васъ требуютъ, ординарецъ прибѣжалъ.

Я вскочилъ, наскоро одѣлся и вышелъ изъ палатки. Неужели, думалъ я по дорогѣ, сегодня опять пошлютъ: быть не можетъ, люди страшно утомлены.

Прибѣгаю къ ставкѣ, докладываютъ, вхожу.

— Здравствуйте, встрѣтилъ меня нашъ начальникъ отряда.

Я поклонился.

— Хорошо вы помните дорогу къ фортамъ: сегодня штурмъ.

— Какъ свои пять пальцевъ, ваше пр—ство.

— Ну, такъ ступайте:

Генералъ приказалъ мнѣ стать съ охотниками въ головѣ колонны и вести отрядъ по дорогѣ къ Карадагскимъ высотамъ и недоходя до нихъ версты полторы, остановиться. Нашъ отрядъ по диспозиціи долженъ былъ демонстрировать и только въ случаѣ успѣха штурмовъ юго-восточныхъ фортовъ, переходить въ наступленіе.

Возвратившись домой я крикнулъ фельдфебеля и приказалъ построить людей, самъ же схватилъ бумагу и написалъ къ матери коротенькое письмо, которое приказалъ деньщику. въ случаѣ моей смерти, отправить домой. Надо сознаться, не разсчитывалъ я остаться въ живыхъ. Штурмъ Карса казался намъ чудовищно-грандіозной битвой. Мы

помнили, что при Муравьевѣ, когда оружіе еще далеко не было такъ усовершенствовано, пало что-то, кажется, около двадцати тысячъ, чего же надо было ожидать теперь.

— Охотники готовы, ваше благородіе,—доложилъ фельдфебель сквозь палатку.

Мы начали одѣваться: надѣлъ я свое неизмѣнное пальто, начавшее уже приходить въ вѣтхость, подтянулся ремнемъ съ револьверомъ, попробовалъ спускъ курка, внимательно зарядилъ пять стволовъ и шагнулъ изъ палатки.

Славная была ночь, морозная, ясная: земля, палатки такъ и блестѣли инеемъ, луна высоко горѣла: свѣтло, тихо, покойно; изрѣдка набѣгали на нее облачка и тогда мѣстность разомъ окутывалась въ непроницаемый мракъ, а тамъ вдали все таки было свѣтло. Славная ночь для битвы; наступающій много выигрываетъ: во-первыхъ, сверху, съ укрѣпленій, внизъ плохо видно, такъ что цѣлить нельзя, а снизу вверхъ превосходно; во-вторыхъ заблудиться нельзя, а подкрасться къ сонному непріятелю можно такъ близко, къ и въ самую темную.

Мои охотники, построившись развернутымъ фронтомъ, ожидали моего выхода въ глубокой тишинѣ, держа ружья на плечѣ; никакого волненія не было.

Многіе-ли изъ васъ вернутся назадъ? думалось мнѣ и какъ любилъ я ихъ въ такія минуты!

— Здорово, братцы!

— Здравія желаемъ, ваше благородіе!

— Поздравляю со штурмомъ.

— Покорнѣйше благодаримъ.

— Желаю вамъ завтра въ Карсѣ турецкимъ пловомъ обѣдать.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе! кричали одни.— Постараемся!—другіе.

— Направо, ряды вздвой, шагомъ маршъ!

Шагъ звонко отдавался по промерзлой землѣ; войска уже построились впереди лагеря, я занялъ со своей командой мѣсто въ головѣ колоны, пріѣхалъ начальникъ отряда и мы тронулись.

Дорога, разслѣдованная нами, по которой мы теперь шли, и на практикѣ оказалась прекрасной: мы двигались быстро, стройно, безъ всякаго шума.

Черезъ часъ мы были уже не далѣе, какъ въ $1^1/_2$ верстѣ отъ фортовъ; отрядъ остановили, построили въ боевой порядокъ, но дѣйствій еще не начинали, такъ какъ повсюду было еще тихо: наши войска еще не подступали, а турки наслаждались безмятежнымъ сномъ, не подозрѣвая о висѣвшей надъ ними грозовой тучѣ.

Прошло съ полчаса въ томительномъ ожиданіи; вдругъ откуда-то

справа, повидимому съ Сувари, раздались выстрѣлы, затѣмъ съ Канловъ, Хафиза и забарабанила сухая ружейная пальба, весь Хафизъ одѣлся огоньками; изрѣдка вспыхивало зарево отъ орудійнаго выстрѣла, но за ружейной пальбой пушечныхъ выстрѣловъ не было слышно. Заговорили и Карадагъ съ Арабомъ, поддерживая нижніе форты артиллерійскимъ огнемъ.

— Помогай, господи, нашимъ! говорили солдатики;—крестясь, ишь вѣдь, какъ стараются! Господи, страсти какія!

Замѣчательна та черта въ нашемъ солдатѣ, что онъ всегда удивляется подвигамъ другихъ, не ставя въ грошъ свои собственные.

Съ первыми же выстрѣлами, раздавшимися на юго-восточныхъ фортахъ, нашъ отрядъ открылъ артиллерійскій огонь по Карадагу и Арабу; турки начали отвѣчать, но по ихъ безпорядочной стрѣльбѣ, сразу было видно, что они совсѣмъ растерялись, замѣтивъ, что атакованы одновременно со всѣхъ сторонъ. Демонстрація была ведена такъ удачно, благодаря личнымъ распоряженіямъ подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ нашего боеваго, опытнаго начальника отряда генералъ-лейтенанта Ш., что когда наши орудія мгновенно смолкали, турки, принимая это за начало атаки, открывали усиленнѣйшій ружейный и артиллерійскій огонь, но убѣдившись въ своей ошибкѣ, переставали. Этотъ ловкій маневръ повторялся нѣсколько разъ и всякій разъ возбуждалъ въ нашихъ рядахъ смѣхъ.

Ночь была очень холодная, я сильно промерзъ; чтобы согрѣться, я завернулся въ бурку и прилегъ на землю. Не прошло, я думаю, и десяти минутъ, а я уже спалъ крѣпкимъ непробуднымъ сномъ праведника. Не знаю долго-ли я спалъ.

— Вставай, вставай! теребилъ меня М.,—тебя Р. требуетъ.

Я вскочилъ, оправился и подбѣжалъ къ генералу.

Около него стоялъ командиръ одного изъ батальоновъ отряда.

— Куда вы пропали? вспылилъ по обыкновенію Р., я васъ цѣлый часъ зову и не могу дозваться.—Карадагъ взятъ кутаиссцами, намъ надо взять Арабъ.

— Слушаю, ваше пр—ство.

— Постойте вы, не перебивайте меня! Вы поведете его батальонъ,—онъ показалъ на офицера, стоявшаго около него,—доведете до траншеи, соединяющей Карадагъ съ Арабомъ, въ томъ мѣстѣ гдѣ рогатки, и останетесь ждать своихъ охотниковъ, я ихъ самъ поведу. Когда онъ вамъ покажетъ траншею,—обратился Р. къ батальонному,—вы пройдете ее и станете съ вашимъ батальономъ къ сторонѣ города такъ, чтобы турки съ той стороны не могли поддерживать своихъ на Арабѣ; въ этой траншеѣ турокъ не будетъ: кутаиссцы навѣрное прогнали ихъ оттуда, но во всякомъ случаѣ ура не кричите и не стрѣляйте. А мы съ вашими охот-

*

никами, обратился онъ снова ко мнѣ, пройдя траншею, зайдемъ въ тылъ Араба, онъ вѣдь съ горки открытъ, и бросимся на ура; остальные батальоны, какъ я уже распорядился, услышавъ наше ура, атакуютъ фортъ съ фронта. Поняли вы меня?

— Поняли! отвѣчали мы оба.

— Ну такъ съ Богомъ! А то скоро разсвѣтъ: можно опоздать.

Я передалъ, на время моего отсутствія, начальство надъ охотниками моему помощнику Х. и повелъ батальонъ.

Только дошли мы до подошвы ската, подскакиваетъ адъютантъ.

— Генералъ васъ требуетъ!

Я попросилъ батальоннаго командира остановить людей и дождался Р., который шелъ впереди охотниковъ.

— Я боюсь, что Карадагъ не взятъ, сказалъ онъ, можетъ быть просто переврали названія фортовъ; надо послать туда троихъ; выберите надежныхъ изъ вашихъ людей.

Я вызвалъ троихъ и приказалъ лѣзть на Карадагъ.

— Если тамъ наши, приказалъ имъ генералъ, то вы скажите имъ, что мы сейчасъ пойдемъ, чтобъ насъ за турокъ не приняли, а если тамъ турки, то три раза выстрѣлите.

— Слушаемъ, ваше пр—ство,—и молодцы, вскинувъ ружья вольно, легкимъ, привычнымъ проворнымъ шагомъ полѣзли наверхъ.

Мы тоже начали подниматься по середнему скату, проходящему между вершинами Карадага и Араба. Весь скатъ былъ усѣянъ камнями, которые то и дѣло катились изъ подъ ногъ, такъ что мы, не смотря на всю осторожность, производили порядочный шумъ. Мы уже были на полу-горѣ, а турки не открывали огня; должно быть они все вниманіе сосредоточили на Карадагѣ, ожидая нападенія съ той стороны и не замѣчали насъ.

Профили укрѣпленій начали ясно обрисовываться на свѣтло-сѣромъ фонѣ, мы были отъ нихъ не далѣе шести сотъ шаговъ. Меня поразило удивительное спокойствіе обоихъ фортовъ: никакого движенія на нихъ не было замѣтно, ни одного выстрѣла не раздалось съ нихъ; признаюсь, я началъ сомнѣваться въ томъ: наши ли на Карадагѣ: больно ужь не похожъ онъ былъ на только что взятое укрѣпленіе, да и то странно, что будь наши на Карадагѣ, а турки въ Арабѣ, какъ послѣдніе не попытаются согнать кутаиссцевъ оттуда артиллерійскимъ огнемъ; на такомъ близкомъ разстояніи это легко сдѣлать? Это все были необъяснимыя загадки.

Между тѣмъ начинался тотъ неясный полусвѣтъ, который предвѣщаетъ восходъ солнца. Вдругъ съ Мухлиса сверкнулъ огонь, вслѣдъ за нимъ поднялась со свистомъ бомба, описывая страшно кривую дугу, загорѣвшійся фитиль указывалъ ея путь. Куда упадетъ, ужь не на

Карадагъ ли? мелкнула у меня мысль. Какъ бы отвѣчая на нее, бомба съ страшнымъ трескомъ ударилась въ башню Зіаретъ на Карадагѣ.

— Ишь, видно плохо пришлось: въ свою крѣпость палитъ! замѣтилъ шепотомъ позади меня солдатъ.

И такъ сомнѣній больше не могло быть: на Карадагѣ наши. Но что же значитъ, что молчитъ Арабъ? Ужь не бѣжали-ли его защитники, или быть можетъ они замѣтили насъ и хотятъ подпустить поближе, чтобы сразу огорошить?

Между тѣмъ мы все ближе и ближе подходили къ траншеѣ.

Трудно передать чувства, волнующія въ подобныя минуты: знаешь, что въ эти полъ-часа рѣшится для тебя „быть или не быть“, можешь сдѣлаться героемъ, можешь сдѣлаться калѣкой, можешь просто быть убитымъ и въ спискахъ покажутъ: „при штурмѣ Карса убито офицеровъ: 16“... и ты будешь именно только тѣмъ, отчего цифра 15 измѣнится въ 16; знаешь, что Рубиконъ перейденъ: отступать уже немыслимо: пока отойдешь,—всѣхъ перебьютъ, остается одно: или взять укрѣпленіе, или погибнуть и сдѣлаться тѣмъ, что измѣнитъ 15 на 16. Все это сознаешь, и какъ страшно это сознаніе и какъ сладко вмѣстѣ съ тѣмъ, какую энергію чувствуешь въ себѣ. Воспоминается и домъ родной и близкіе сердцу: не знаютъ они, что я на волоскѣ отъ смерти; какъ хотѣлось бы ихъ обнять теперь, а потомъ, хоть и умереть! Тогда бы легко было проститься съ жизнью. Мелкаютъ и сцены изъ далекаго дѣтства и какимъ всѣ эти воспоминанія мягкимъ, нѣжнымъ колеромъ покрываются, какъ они милы, какъ дороги; какъ хочется все это опять пережить, переиспытать... И масса подобныхъ мыслей какъ бурный осенній вѣтеръ несется въ головѣ. Образы смѣняются образами, картины картинами. А за то если я переживу это дѣло... какъ пріятно будетъ вспоминать о немъ, когда позднимъ вечеромъ, подъ зимнюю страшную вьюгу, буду я разсказывать о нашихъ подвигахъ въ теплой, свѣтлой столовой: маленькія сестренки со страхомъ и любопытствомъ насторожили ушки, сѣдой дядя, серьезно наклонивъ голову, внимательно слушаетъ, тетка опустила на колѣна чулокъ и боится проронить слово кровавой повѣсти, старшая сестра съ нѣжной улыбкой глядитъ въ глаза, а старушка мать вся цвѣтетъ счастіемъ и глазъ не спускаетъ съ сына, вся ея фигура олицетвореніе любви: она не слышитъ ни слова изъ разсказа; да и не къ чему ей: она счастлива! Она счастлива, что сынъ живъ, что онъ съ ней; она боится оторвать взглядъ отъ него..... А въ окна бьетъ мятель, вѣтеръ заунывно воетъ въ трубѣ. О, Россія, какъ люблю я тебя! Какъ любятъ тебя твои дѣти! Для тебя, для тебя одной приношу я въ жертву всѣ свое счастье, свою жизнь.....

Но вотъ и траншея. Я махнулъ рукой, батальонъ остановился. Подошелъ къ командиру:

— Вотъ траншея, сказалъ я, ступайте съ Богомъ! Дай Богъ всего хорошаго. Мы пожали другъ другу руки. Батальонъ пошелъ впередъ, а я остался ждать охотниковъ. Они шли всего въ шагахъ 200 позади насъ; генералъ шелъ впереди, понуря голову, засунувъ рука въ руку, шлепая большими калошами.

Только поровнялись они со мной, вдругъ темный, молчаливый доселѣ брустверъ Араба вспыхнулъ, какъ зажженный фейерверкъ, треснулъ залпъ, пули съ воемъ понеслись надъ головой, нѣсколько человѣкъ повалилось со стономъ. Обходить въ тылъ было уже нѣкогда; ударъ, разсчитанный на неожиданность, теперь уже не могъ быть нанесенъ.

— Ваше превосходительство, позвольте на ура! обратился я къ генералу.

Онъ съ полъ-минуты подумалъ.

— Ну, на ура, такъ на ура! съ Богомъ!

— Ура, ребята, бей турокъ, закричалъ я, выхвативъ револьверъ, урра!

— Урра, урра! Го-о-го-го! фью! ура! заревѣли солдаты.

Кутаиссцы съ Карадага и шедшіе сзади насъ батальоны тоже закричали ура. Боевое ура, какъ небо отъ земли, разнится отъ того, что бываетъ на ученьяхъ. Это не крикъ, а ревъ; точно стаю демоновъ спустили съ цѣпей; свистъ, крики, гиканье; это что-то такое грандіозно ужасное, что я думаю у противника кровь стынетъ въ жилахъ; не даромъ турки боялись нашего ура!

Много писали о томъ, что при нынѣшнемъ усовершенствованномъ оружіи суворовскія правила о „штыкѣ“ и „ура“ не примѣнимы, но практика доказываетъ противное, и какъ тамъ себѣ не совершенствуй оружіе, а рѣшающее значеніе все-таки будетъ имѣть штыкъ, а русское „ура“ всегда будетъ леденить кровь въ противникахъ Россіи и Бѣлаго Царя.

Пули съ молодецкимъ посвистомъ рѣзали воздухъ.

— Первый взводъ отвѣчать! крикнулъ я на бѣгу.

Одинъ солдатъ убѣжалъ впередъ, я догонялъ его, вдругъ слышу позади меня крики стали тише, за то пальба усилилась, оглянулся: охотники не выдержали огня и залегли.

Дѣлать нечего, повернулъ назадъ, поднялъ ихъ, побѣжали снова.

До бруствера осталось шаговъ десять; онъ весь въ огнѣ, словно брилліантовую корону на него надѣли. Вотъ и валъ; я попалъ, какъ разъ на уголъ. Славу Богу, донесъ до бруствера, должно быть живъ останусь, мелькаетъ въ головѣ. На наружной крутости бруствера лежалъ, прижавшись къ землѣ, тотъ солдатъ, который убѣжалъ впередъ. Я полѣзъ по ребру вверхъ, но оборвался и скатился внизъ.

— Ранены, ваше благородіе, спрашиваетъ солдатъ съ бруствера.

— Нѣтъ, нѣтъ! Давай ружье.

Онъ протянулъ винтовку и я по ней вскарабкался до гребня. Мы стали вдвоемъ втаскивать подбѣгающихъ; я оборвался еще разъ, больно ужь крутъ былъ брустверъ. Только было полѣзъ опять кверху, смотрю подбѣгаютъ ко мнѣ мои офицеры М. и Х.

— Зачѣмъ вы вмѣстѣ? Разойдитесь! крикнулъ я имъ, они побѣжали вправо и изсчезли во рву. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ залѣзъ я—рва небыло.

Забравшись снова наверхъ, я заглянулъ внутрь укрѣпленія; турки присѣли за валъ, видно были только ружья, да руки, и палили себѣ; понятно, пули летѣли черезъ головы далеко назадъ; солдатики сообразили, что ружья тутъ безполезны, начали выворачивать изъ бруствера камни, дернъ и перебрасывали туркамъ на голову. Какъ разъ надо мною, задравъ носъ, торчало крупповское орудіе, ага, голубушка! думалъ я почему-то злобно поглядывая на нее. Замѣтивъ, что насъ собралось на брустверѣ человѣкъ сорокъ, я въ послѣдній разъ крикнулъ ура и во весь ростъ вскочилъ на покатость бруствера, солдаты стѣной рванулись впередъ; турки, какъ дождь, хлынули отъ насъ, они какъ школьники, испуганные появленіемъ учителя, бѣжали толкая другъ друга. Стрѣлять или нѣтъ? мелькнуло у меня въ головѣ. Нѣтъ, пожалуй промахнешься, лучше догоню, рѣшилъ я вспрыгнулъ внутри укрѣпленія. Мы бѣжали шагахъ въ 2—3-хъ за турками, я кричалъ солдатамъ:

— Бей ихъ, бей!

Но солдаты бѣжали, кричали и не били; чтобы показать имъ примѣръ, я выстрѣлилъ одному въ спину почти въ упоръ, несчастный даже и не крикнулъ. Тутъ началась бойня: били турокъ пулями, штыкомъ и прикладами. Я еще свалилъ одного, вдругъ передъ самымъ носомъ еще валъ, потомъ оказалось, что это просто изгибъ и его можно было миновать, но тутъ я этого не зналъ и полѣзъ на него: сверху стрѣляютъ. Только докарабкался я до половины, вдругъ меня тянутъ за ногу, смотрю солдатъ:

— Ваше благородіе, не лѣзьте тутъ, тамъ обойти можно.

— Убирайся къ черту! Закричалъ я на него, думая, что онъ вретъ и опять началъ взбираться кверху, но сейчасъ же оборвался; солдатъ, только что звавшій меня, стоитъ и держится за бокъ.

— Что съ тобой?

— А куда я звалъ-то васъ, ваше благородіе, я думалъ тамъ наши, а это турки, меня въ бокъ то и ранили.

Значитъ, онъ не совралъ, подумалъ я и, захвативъ человѣкъ десять солдатъ, побѣжалъ вдоль бруствера: дѣйствительно, онъ скоро кончился и за нимъ мы увидѣли кучку турокъ, которую ободрялъ офицеръ, сидѣвшій на бѣлой лошади; я очутился отъ него не далѣе какъ шагахъ въ двухъ; я выстрѣлилъ, цѣлясь ему въ бокъ, онъ вскрикнулъ „Алла“

и брякнулся на землю, солдаты съ крикомъ набросились на турокъ. Лошадь, выскакавъ на брустверъ, надъ оврагомъ остановилась, я подбѣжалъ къ ней и вскочилъ на сѣдло. Внутри укрѣпленія турокъ не было, они было бросились къ городу, но наткнулись на наши войска и въ паническомъ ужасѣ начали спускаться въ оврагъ почти по отвѣснымъ скатамъ; ихъ всѣхъ почти перебили пулями.

Я поѣхалъ осмотрѣть укрѣпленіе; турокъ, бывшихъ во рву, въ качествѣ стрѣлковъ, прижали въ одну кучу, они побросали ружья и сдались. Вдругъ вижу „нашъ генералъ", я подскакалъ къ нему и, поздравилъ со взятіемъ форта, бросилъ къ верху шапку, закричалъ ура. Онъ обнялъ меня.

Между тѣмъ съ Мухлиса насъ засыпали пулями и снарядами, но никто уже не обращалъ ни на то, ни на другое вниманія; казалось, что ужь если пережилъ рукопашный бой, то теперь уже опасаться нечего. Но не долго шумѣлъ Мухлисъ. Онъ былъ открытъ къ сторонѣ Араба, такъ что скоро турки бросили его; выстроенъ такимъ образомъ онъ потому, что турки ни какъ не подозрѣвали штурма на Карадагъ и Арабъ, а предполагали, что также, какъ и въ прошлую кампанію, будутъ штурмовать Ласъ, Инглизъ, Мухлисъ и т. д., но они ошиблись въ разсчетѣ и сами попали въ западню.

Странный видъ представляла внутренность взятаго нами укрѣпленія: повсюду убитые и раненые, разорванныя палатки, разстрепанное имущество, разбросанные ружья, снаряды; живые и мертвые перемѣшались между собою. Взятыхъ вновь плѣнныхъ заставили хоронить турокъ, а наши солдаты хоронили своихъ. Въ нашемъ отрядѣ въ одномъ изъ полковъ былъ старшій священникъ, бывавшій во всѣхъ битвахъ съ передними войсками. Такъ и теперь: онъ предположилъ, что батальонъ, который я провожалъ до траншеи, будетъ въ самомъ горячемъ мѣстѣ, пошелъ съ нимъ, теперь онъ еще подъ пулями причащалъ и исповѣдовалъ тяжело раненыхъ.

М. былъ легко раненъ въ руку; мы какъ съ нимъ встрѣтились, сейчасъ-же обнялись, поцѣловались и поздравили другъ друга съ тѣмъ, что остались въ живыхъ.

Къ вечеру, когда все успокоилось, мы съ М. поѣхали въ городъ. Интересно было посмотрѣть то, что мы завоевали, то, вокругъ чего мы такъ долго ходили, прежде, чѣмъ попасть туда.

Городъ не представлялъ собой ничего интереснаго. Онъ насъ только поразилъ своей грязью и узкими переулочками. Ретирадныя мѣста казармъ и госпиталей выходили прямо на улицу, такъ что вонь была невообразимая, изъ лазаретовъ нашими санитарами была повытаскана масса турецкихъ труповъ, почему-то непогребенныхъ; теперь они симметрично лежали рядами, ожидая очереди для преданія землѣ. Мосто-

выя были въ самомъ ужасномъ состояніи. Хорошихъ построекъ почти не было, многіе были разрушены нашей осадной артиллеріей. Базаръ, состоящій изъ ряда скверныхъ лавченокъ, забитъ. Жители сидѣли на крышахъ и при проѣздѣ офицеровъ вставали, стаскивали фески и низко кланялись. Трупы турецкихъ солдатъ валялись почти на каждомъ шагу. Мы объѣхали весь городъ и не встрѣтили почти ничего интереснаго, исключая развѣ того чувства, съ какимъ ѣздишь по только что взятому съ боя города. Встрѣтили мы ѣдущаго подъ конвоемъ турецкаго полковника, коменданта Мухлиса. Онъ былъ родомъ венгерецъ и довольно порядочно говорилъ по-французски. Мы поболтали съ нимъ; я былъ на отбитой мною лошади, онъ призналъ ее и спросилъ меня какимъ образомъ она досталась мнѣ, я разсказалъ, онъ съ сожалѣніемъ покачалъ головой и сказалъ:

— А какой это былъ славный товарищъ, еслибъ вы знали!

Между прочимъ онъ высказалъ такое мнѣніе о нашемъ солдатѣ:

Турецкій солдатъ, говорилъ онъ, хорошъ за закрытіемъ, онъ будетъ твердо стоять, но на ровномъ мѣстѣ онъ пропалъ, а русскій солдатъ беретъ всегда грудью.

Распростившись съ полковникомъ, мы поѣхали на верхъ, а оттуда вскорѣ отправились домой.

Черезъ нѣсколько дней послѣ штурма Карса, я отпросился на два дня въ Александрополь. Во-первыхъ, сильно хотѣлось побывать въ городѣ, хотя бы и въ такомъ дрянномъ, какъ крѣпость Александрополь, посмотрѣть на людей мирныхъ, а во-вторыхъ—носились слухи, что наша дивизія скоро выступитъ подъ Эрзерумъ и надо было запастись чѣмъ-нибудь теплымъ.

Съ какимъ-то восторгомъ въѣхалъ я въ этотъ грязненькій пограничный городишко: больно ужь чужое-то надоѣло, а это все-таки было свое, хотя и не родное.

Движеніе по улицамъ—поражало своими размѣрами: фуры, зарядные ящики, лазаретныя линейки, возы нагруженные провіантомъ и фуражемъ, офицеры и солдаты, раненые и нераненые, больные и выздоравливающіе, санитары и доктора съ значками Краснаго креста на рукахъ, поставщики, маркитанты, интенданты, армяне съ ишаками, персіяне съ верблюдами, все это суетилось, шумѣло и куда-то спѣшило. На каждомъ шагу чувствовалось, что это ближайшій пунктъ нашей территоріи къ мѣсту военныхъ дѣйствій, куда все, что нуждается въ помощи или отдохновеніи, стремилось изъ отряда.

Сестры милосердія въ своихъ скромныхъ коричневыхъ платьяхъ съ бѣлыми передниками, заслужившихъ такое уваженіе солдатъ и офицеровъ, смягчали грубый колоритъ военнаго города.

Пыль вездѣ стояла столбомъ, несмотря на то, что начались уже

сильные холода. Я подъѣхалъ къ гостинницѣ, названіе которой теперь не могу вспомнить. Прежде всего я позаботился о своей верховой лошади; отведя ее самъ въ стойло и приказавъ задать при себѣ корму, я поднялся по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ собственно и помѣщалась гостинница.

Общая зала была переполнена офицерами и докторами; изрѣдка торчали фигуры купцовъ-маркитантовъ и подрядчиковъ. Шумъ въ столовой, благодаря массѣ посѣтителей, былъ невообразимый: разговаривать было положительно трудно.

Мое, разорванное во многихъ мѣстахъ пальто и папаха, показывавшіе, что я только что прибылъ изъ отряда, привлекли вниманіе очень многихъ; но я, не обращая ни на кого вниманія, прошелъ въ грязненькую комнату, носившую названіе гостинной и съ наслажденіемъ опустился въ мягкое кресло. Несмотря на всю непрезентабельность обстановки мнѣ не вѣрилось, что все это происходитъ на яву, такъ за нѣсколько мѣсяцевъ боевой походной жизни отвыкаешь отъ удобствъ мирной, не скажу даже цивилизованной жизни.

На мое счастье оказался свободный номеръ: маленькая конура, ходившая по пяти рублей въ сутки. Отдохнувъ немного, я заказалъ себѣ обѣдъ изъ шести блюдъ съ полбутылкой вина. Хотя кушанья не были приготовлены даже порядочно, но всѣ они показались мнѣ чрезвычайно вкусными; давно уже я не ѣлъ ничего кромѣ плохаго супа, да изрѣдка жаренаго мяса; а выпадали и такіе дни, когда горѣлый сухарь казался роскошью. Само собою, что обѣдъ былъ съѣденъ до крошки, послѣ чего я почувствовалъ себя чуть-ли не на седьмомъ небѣ.

Въ толпѣ посѣтителей я встрѣтилъ нѣсколько знакомыхъ офицеровъ, съ которыми послѣ обѣда мы засѣли за отдѣльный столъ пить шампанское. Едва хлопнула первая пробка, какъ въ залѣ появился турецкій полковникъ, взятый въ плѣнъ при штурмѣ Карса, съ которымъ мнѣ уже случалось разговаривать; мы его пригласили выпить съ нами стаканъ вина; онъ сейчасъ же согласился и провозгласилъ даже тостъ за здоровье нашей арміи, при чемъ кричалъ вмѣстѣ съ нами—ура!

Вечеромъ я гулялъ по городу. На каждомъ шагу военные, военные и военные. Всѣ гостинницы были переполнены проѣзжающими, достать номеръ было очень трудно; но ни одной изъ нихъ не было мало-мальски порядочной, лучшія изъ нихъ смахивали на наши рестораны средней руки. Грязь, мерзость вездѣ поражающія. Развлеченій въ Александрополѣ никакихъ, такъ что по неволѣ, офицеры, пріѣзжавшіе туда или жившіе здѣсь, проводили цѣлые дни въ гостинницахъ, проводя время въ питьѣ и ѣдѣ.

Раненыхъ и больныхъ была масса. Всѣ болѣе или менѣе крупныя частныя зданія были заняты подъ госпиталя; я былъ только въ одномъ;

находившемся на главной улицѣ, чуть-ли не въ помѣщеніи городскаго клуба, хотѣлось навѣстить раненыхъ товарищей; чистота, хорошій воздухъ, миръ и тишина царствовали повсюду; сестры милосердія, когда я взошелъ, перемѣняли повязки на ранахъ, какъ они дѣлали это осторожно, нѣжно, точно сестры родныя за братьями ухаживали. Больные были всѣмъ довольны, все хвалили, а это бываетъ чрезвычайно рѣдко, такъ какъ больные народъ капризный.

На другой день къ вечеру я выѣхалъ изъ Александрополя.

Часовъ въ двѣнадцать ночи я былъ уже въ отрядѣ; Т* встрѣтилъ меня поздравленіемъ съ походомъ подъ Эрзерумъ.

. . . . . .

Я думаю, никакіе труды, никакія лишенія, никакія опасности не могутъ сравниться съ тѣмъ, что мы испытали въ горахъ Саганлуга, что мы перенесли за эту зимнюю блокаду Эрзерума и главное, что помочь бѣдѣ было не чѣмъ. Упрекать кого бы-то ни было и за чтобы то ни было, было бы крайне несправедливо, если и вырывались иногда въ тяжелыя минуты горькія слова, то это было просто слѣдствіемъ слабости человѣческой облегчать свои страданія, обвиняя кого нибудь. Для того, чтобы бороться нужны средства, а доставлять эти средства, было нельзя въ достаточномъ количествѣ, такъ какъ дороги были почти непроходимы, несмотря на то, что ежедневно разчищались командами квартировавшими въ придорожныхъ аулахъ; разчищаютъ цѣлый день, поднимется мятель и черезъ десять минутъ отъ дороги и слѣда не остается; а вьюги и мятели были почти каждый день. Дѣлалось все, что только было возможно; но этого возможнаго-то и было къ несчастію слишкомъ мало, слишкомъ недостаточно. Всѣ начальники, начиная съ самыхъ высшихъ и кончая младшими были всегда на своихъ мѣстахъ и, не щадя ничего, принимали всевозможныя мѣры, находящіяся отъ нихъ въ зависимости, чтобы улучшить обстановку войскъ, но гибли солдаты, гибли, какъ трава подъ рукой косаря; свирѣпствовавшій тифъ уносилъ ихъ сотнями, гибли и начальники, трудно было отыскать человѣка не бывшаго больнымъ этой страшной болѣзнью, требующей старательнаго ухода, а ухаживать опять-таки было некому: сегодня пришлютъ команду прислуги, а черезъ сутки они сами въ повалку лежатъ. Гейманъ, начальникъ Засаганлугскаго отряда), бывало самъ ежедневно посѣщалъ больныхъ до тѣхъ поръ, пока не заразился и не умеръ.

Подвозъ провіанта и войлочныхъ кибитокъ, въ которыхъ чувствовалась настоятельная необходимость, такъ какъ нѣкоторыя войска стояли на снѣгу въ палаткахъ, напримѣръ, занимавшія девебоининскую позицію, совершался на верблюдахъ и вьючныхъ лошадяхъ. Массы этихъ животныхъ падали по дорогѣ отъ безмѣрной работы, отъ безкормицы, отъ холодовъ и т. п.

Понятное дѣло, что мы и не воображали ничего подобнаго, когда, послѣ взятія Карса, выступили на Эрзерумъ. Мы предполагали, что просто станемъ вокругъ Эрзерума или въ его окрестностяхъ и такимъ образомъ дождемся весны для продолженія кампаніи военныхъ дѣйствій; и шли мы впередъ беззаботно, незамѣчая висѣвшей надъ нами грозовой тучи, разразившейся впослѣдствіи тысячами смертей, унесшими изъ нашихъ рядовъ массу героевъ, массу лучшихъ молодыхъ силъ.

— Зимняя кампанія—вещь ужасная! говорили намъ старые-бывалые офицеры.

Но мы не вѣрили имъ, думали, что они преувеличиваютъ и подсмѣивались надъ ними.

Передъ походомъ солдатамъ выдали совершенно новые, теплые полушубки, о которыхъ такъ давно уже говорили: то что ихъ выдадутъ, то не выдадутъ. Многіе, правда, запаслись уже турецкими полушубками при штурмѣ Карса, снятыми съ убитыхъ, такъ какъ карскій гарнизонъ оказался уже снабженнымъ этимъ добромъ. Но надо было видѣть теперь радость тѣхъ, на которыхъ не хватило у турокъ полушубковъ и остававшихся по этой причинѣ въ дырявыхъ шинеляхъ. Съ какимъ наслажденіемъ примѣривали они свои обновки! Но обувь у большинства совсѣмъ отказывалась служить; многіе ходили буквально безъ подошвъ; встрѣтить вполнѣ исправные сапоги было почти невозможно; солдаты чинили ихъ домашними средствами: одни подвязывали къ голенищамъ турецкіе чевяки, другіе просто навертывали побольше тряпокъ, а сапоги связывали веревочками и ремешками. Чего не выдумаетъ нужда! Офицеровъ тоже узнать было нельзя: сюртуки, мундиры оборваны, обтрепаны; вмѣсто верхней одежды—полушубки, тулупы, чуйки, архалуки... другой и въ форменномъ пальто, да за то въ папахѣ и буркѣ. Только оружіе, да отчасти лошади отличались исправностью. Лошадей имѣли теперь уже всѣ безъ исключенія; впрочемъ, онѣ были преимущественно отбиты въ бояхъ.

. . . . . .

Долго ходили слухи, то идемъ, то не идемъ, то завтра выступаемъ, то черезъ недѣлю, то вотъ верблюдовъ надо дождаться, верблюды придутъ, еще чего нибудь не хватаетъ.

Только въ концѣ ноября сняли мы лагерь и потянулись по дорогѣ къ Эрзеруму, удаляясь отъ Карса. Немногимъ пришлось его снова увидѣть, но никто этого не предчувствовалъ, да никто и не задумывался о будущемъ, гдѣ тутъ думать объ этомъ, когда ежеминутно можешь разстаться съ жизнью! Живи, пока живется! Наслаждайся, если можешь и если есть чѣмъ, а тамъ будь, что будетъ! Поэтому, мы, по своему обыкновенію, шли съ пѣснями. Даже нашъ родной инструментъ гармоника, которую Богъ знаетъ откуда достали солдаты, задорно издавала рѣзкіе звуки „барыни“ и „камаринскаго“. Удовольствіе она всѣмъ до-

ставляла громадное, даже офицеры прислушивались къ ея раздирающимъ звукамъ: она была другомъ, встрѣтившимся въ чужихъ краяхъ, среди массы чуждыхъ лицъ, предметовъ и обычаевъ; она напоминала намъ родину....

Первая станція была очень велика, мы только къ вечеру добрались до ночлега, но и то только люди, а весь обозъ, безпрестанно застревавшій въ ручейкахъ и болотцахъ, покрывшихся уже тонкимъ льдомъ, отсталъ со своими рабочими верстъ на шесть, т. е. другими словами съ нимъ пробились еще часа четыре, причемъ рабочіе были принуждены въ дырявыхъ сапогахъ по нѣскольку минутъ стоять въ водѣ.

Но и пришедшимъ впередъ тоже было не особенно сладко; всѣ сакли оказались переполнены войсками, занимавшими этотъ аулъ, такъ что нашимъ солдатикамъ пришлось переночевать подъ открытымъ небомъ на заиндивѣвшей травѣ при порядочномъ морозѣ, а ноги между тѣмъ были почти у всѣхъ промочены, но это было бы не горе, если-бы можно было разложить костры въ достаточномъ количествѣ, а то на весь эшелонъ достали дровъ костровъ на шесть. Нѣкоторые офицеры остались съ солдатами наслаждаться прелестями морозной ночи, а другая группа выхлопотала таки себѣ въ концѣ концевъ какой-то саманникъ, до половины еще наполненный саманомъ. Хотя въ немъ было и очень тѣсно, но все-таки мы были въ восторгѣ отъ нашего помѣщенія; оно защищало насъ до нѣкоторой степени, отъ холода, снѣга и вѣтра. Деньщики подали горячіе чайники и самовары, появилась водка, нѣсколько кусковъ холодной говядины, и офицерство, хохоча и шутя усѣлось кружками; цѣль сегодняшняго дня наконецъ была достигнута, и никто уже не вспоминалъ о бѣдахъ дня и, не думалъ о завтра.

До сихъ поръ полкъ нашъ не раздѣлялся, мы были и въ дѣлахъ и въ походахъ всегда вмѣстѣ (исключая дѣла 24-го октября), теперь намъ предстояло разойтись по ауламъ, чуть-ли не по ротно. Эта разлука сильно всѣхъ огорчала; за нѣсколько мѣсяцевъ походной боевой жизни мы такъ привыкли другъ къ другу, такъ сблизились, что составили какъ-бы одну большую семью, и разставаться теперь было очень и очень тяжело.

. . . . . .

На второй или на третій день мы пришли въ Сорокамышъ, осетинскій аулъ, населенный бѣжавшими отъ насъ осетинами, изъ которыхъ очень многіе хорошо говорили по-русски, даже имѣли много русской утвари, купленной еще во Владикавказѣ. Всѣ они служили въ турецкихъ войскахъ баши-бузуками, но вскорѣ послѣ 13-го августа, они, поссорившись съ Мухтаръ-пашей, возвратились домой. Причиной ихъ ссоры, какъ они объясняли намъ, былъ неплатежъ жалованья.

У Сорокамыша собственно начинался перевалъ черезъ Саганлугскій

хребетъ. Горы обросшія густымъ хвойнымъ лѣсомъ, ласкали глазъ, отвыкшій отъ подобной роскоши; съ самаго перехода черезъ границу, мы не видали деревьевъ, если не считать десятка жалкихъ ветелъ въ Карсѣ и Ани. Горы и ущелья покрылись уже довольно глубокимъ снѣгомъ, мы прямо изъ царства осени попадали въ объятія зимы-матушки. Сакли осетинъ построенныя изъ лѣса, сравнительно съ армянскими и куртинскими норами, съ дырой въ потолкѣ вмѣсто окна, казались просто дворцами. Эту ночь мы провели въ очень хорошенькой саклѣ старшины, съ дощатымъ поломъ; поужинали отличнымъ мяснымъ супомъ и жареной индѣйкой. Такого помѣщенія и такого ужина мы еще ни разу не имѣли съ тѣхъ поръ, какъ вступили въ эту „счастливую Арменію“, какъ называютъ ее путешественники, а мы попросту прозвали ее „ишачьей губерніей“.

Сегодняшній ночлегъ точно нарочно былъ со всѣми удобствами, чтобы дать намъ силы для завтрашняго труднаго перевала.

Дорогу черезъ перевалъ разработывали саперныя команды наскоро, такъ что мостики въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были очень ненадежны; сплошной подъемъ въ десять, двѣнадцать верстъ, извивавшійся по ущелью и по скатамъ горъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ущелье заросло лѣсомъ, или слишкомъ съуживалось, былъ очень труденъ. Лошади по обыкновенію стали на первой-же верстѣ, а вѣдь когда мы выступали въ походъ, то это были не лошади, а львы. Непрактичность нашего форменнаго обоза доказывалась въ каждомъ походѣ: фуры, напримѣръ, были до того тяжелы, что наши, надорванныя въ походахъ лошади, еле-еле двигали пустую фуру; конструкція упряжи была очень красива и оригинальна, но къ дѣлу совсѣмъ негодилась. Обозъ былъ всегда сущимъ наказаніемъ для войскъ.

Духоборскіе и нѣмецкіе фургоны, приданные въ помощь нашему обозу положительно изумляли; духоборъ почти никогда не бьетъ лошадь, онѣ слушаются его голоса; тамъ, гдѣ наши фуры вытаскивались единственно съ помощью криковъ, гиканья, „дубинушки“ и массы ударовъ кнута, тамъ духоборъ только прикрикнетъ въ полголоса—ге, ге! и лошади такъ и выпрутъ фургонъ.

Дорога, только что разработанная саперами была узка на столько, что между крайними колесами фургона и обрывомъ, оставался промежутокъ не болѣе четверти аршина; отъ крутизны у нѣкоторыхъ голова кружилась.

Пришлось назначить рабочихъ для оттягиванья повозокъ отъ обрыва, отдѣльно отъ тѣхъ, которые помогали лошадямъ; не прими мы этой мѣры и половина обоза неминуемо слетѣла бы внизъ; даже и теперь, несмотря на всѣ мѣры предосторожности, аптечная одноколка и зарядный ящикъ кувырнулись въ обрывъ.

Ежеминутныя остановки утомили весь отрядъ до крайнихъ предѣловъ. Начинало уже смеркаться, когда мы перевалили черезъ главный хребетъ. Теперь дорога вплоть до мѣста ночлега почти вся должна была идти подъ гору. При обозѣ оставались только люди, назначенные для оттягиванья повозокъ, но и то узкой дороги, говорили, оставалось не болѣе двухъ верстъ.

Батальонъ давно уже ушелъ впередъ, а обозъ и рабочіе, бывшіе при немъ, остановились для привала. Лошадямъ дали корму; солдаты разбрелись по окраинѣ лѣса и, разложивъ костры, принялись жевать свои сухари; офицеры тоже повытаскивали, кто засохшую колбасу, кто старый сыръ, яйца и т. п. Разложили огни.

И вотъ, передъ моими глазами открылась дивная картина: гигантскія вѣковыя сосны, освѣщенныя пламенемъ костровъ, приняли какой-то новый, чрезвычайно красивый, таинственно-фантастическій видъ; вѣтви, покрытыя снѣгомъ, при малѣйшемъ колебаніи, блестѣли разноцвѣтными огнями, усиливая впечатлѣніе волшебности обстановки; солдаты вокругъ костровъ въ самыхъ живописно-непринужденныхъ позахъ, съ ружьями въ рукахъ, обдаваемые красноватымъ свѣтомъ горящихъ съ трескомъ сосновыхъ сучьевъ, размѣстившись подъ этими могучими титанами, вѣроятно видѣвшими еще отцовъ и дѣдовъ нашихъ во время прошлыхъ турецкихъ кампаній, были великолѣпны. Иногда костеръ поправляли и тогда высоко, высоко къ верху вылеталъ цѣлый столбъ огненныхъ искръ. Картина, дѣйствительно, была такъ хороша, пожалуй, величественна, да къ тому же и нова (мы первый разъ стояли бивуакомъ въ лѣсу), что даже я, профанъ во всѣхъ прелестяхъ и красотахъ природы, долго, долго любовался на нее. До нѣкоторой степени картина эта была даже аллегоріей: тёмь, вставшая стѣной сейчасъ же позади костровъ, олицетворяла наше неизвѣстное будущее, а свѣтлые огни — характеръ и душевное состояніе нашихъ войскъ, всегда веселыхъ, смѣющихся и острящихъ во всякомъ положеніи, какъ бы оно тяжело не было; никогда не задумывающихся о томъ, что съ ними можетъ случиться,—они живутъ настоящимъ, а это неоцѣненное качество войскъ.

Не смотря на всѣ труды и непріятности дня, въ видѣ купанья въ ручьяхъ, на которыхъ подломился ледъ, со стороны костровъ несся беззаботный смѣхъ, какъ это бываетъ обыкновенно на привалахъ: здѣсь трунили надъ „дядькой Митяшинымъ“, который, „когда брали Большой Шиханъ“, замѣтилъ, что онъ раненъ въ трехъ мѣстахъ только тогда, когда кто-то ему это сказалъ, замѣтивъ струившуюся по немъ кровь: „у те, дядька, сказываютъ, тѣло-то не свое, покупное...“ изощрялся кто-то. „По чемъ за фунтъ-отъ платилъ?“ приставалъ другой. Но на всѣ эти приставанья „дядька Митяшинъ“ только болталъ головой, лежа на

животѣ, и изрѣдка огрызался: „Чяво привязались, лѣшіе; кабы въ кость, а то въ мякоть!...“

Тамъ дразнили молодаго малаго съ георгіевскимъ крестомъ, который что-то призадумался: „Что, Ваня, не веселъ, что головушку повѣсилъ?“ — „Онъ, робята, жану, гляди, вспомнилъ, а она, слышь, другаго безъ няво сына яму въ супризъ приподносить!“

— Чаво вы къ няму пристали, лѣшіе! Вотъ, говорятъ, новый приказъ будетъ, вступился въ разговоръ лихой усачъ съ серьгой въ ухѣ.

Это была личность замѣчательная въ своемъ родѣ. Бывало, цѣлый походъ идетъ впереди и запѣваетъ пѣсни; а если хватятъ плясовую, такъ онъ, не обращая вниманія на то, что ранецъ за плечами, пожалуй, больше пуда вытянетъ, такого разухабистаго трепака задавать начнетъ, что только глядятъ на него да дивуются: „ни одинъ супротивъ него не можетъ“. Шапка на самый затылокъ всегда задрана; одинъ Богъ только знаетъ, какъ она держится. Водки лихъ выпить столько, сколько поднесутъ добрые люди. Ну, ужъ за то „насчетъ ли сказки, пѣсни, аль прибаутки какой, такъ ужъ другаго не найдешь: какъ по книжкѣ... да складно какъ; другой и грамотный, да супротивъ него ничего не стоитъ“.

— Стой, стой, робята! Карга, приказъ слыхалъ новый?

— Сказывай!

— А вы, стой, чаво шумите-та?! послышалось вокругъ, какъ только раздался голосъ ротнаго остряка. Всѣ предчувствовали, или, вѣрнѣе, поняли, что онъ хочетъ что нибудь „отмочить“.

— Говорятъ, говядину бросать велѣно, а турку варить станемъ. Что-жъ? По мнѣ турка-то много скуснѣе буйлы-то *) будетъ!

Всѣ захохотали.

— Съ чего же это, дяденька, нюжли вправду? спросилъ простоватый, веснущатый солдатикъ, почти ребенокъ на видъ.

Новый взрывъ хохота привѣтствовалъ наивный вопросъ.

— А вотъ съ чего, парень, отвѣчалъ ему Карга, нисколько не задумываясь: — когда этта турокъ съ нами войну вздумалъ зачинать, давай съ нашимъ царемъ ссориться, да и описываетъ ему: ежели, говоритъ, таперича, я своимъ солдатамъ кажинный день бѣлый хлѣбъ отпущать буду, такъ они всю вашу Рассею наскрозь пройдутъ...

— Ишь ты, свиное ухо!...

— Ловокъ тоже!...

— Тссь, бѣлымъ?!...

— Ну а нашъ-то, нашъ что же ему?

— А нашъ и отписалъ: это, говоритъ, ты хорошо придумалъ; а я

*) „Буйломъ“ солдаты называли буйвола.

тады своимъ солдатамъ возьму, да три дни ничаво ѣсть не дозволю, такъ они всѣхъ твоихъ одровъ живьемъ слопаютъ.

Дружный, продолжительный хохотъ наградилъ разсказчика и долго еще всѣ удивлялись и повторяли отвѣтъ „нашава царя".

— Ловко отляпортовалъ!...

— А то не съѣли бы, што ли!

— Знамо бы съѣли, только, значитъ, прикажи.

. . . . . .

Дослушавъ эту исторію, я побрелъ къ другой группѣ. Вдругъ слышу кто-то меня зоветъ; гляжу, это—больной Л., котораго везли за нами въ фургонѣ по причинѣ слабости, такъ какъ ѣхать въ госпиталь онъ и слышать не хотѣлъ. Онъ пригласилъ меня закусить, я, понятно, согласился. Обозъ вскорѣ тронулся, а мы остались еще пить чай. Свою верховую лошадь я отправилъ впередъ съ солдатикомъ, рѣшивъ ѣхать съ Л. въ фургонѣ. Къ намъ подошелъ еще одинъ офицеръ.

Мы довольно долго поблагодушествовали; такъ что, когда тронулись, то объ обозѣ ужъ и помину не было. Нашъ Алексѣй (фургонщикъ) погналъ рысью.

— Тише, тише, свалишь!

— Никакъ нѣтъ, тутъ дорога ровная.

Но едва онъ произнесъ эти успокоительныя слова, какъ нашъ экипажъ накренился, покачнулся, и я почувствовалъ, что мы летимъ внизъ. Господи, что-то будетъ? Глубоко ли? Разбившійся зарядный ящикъ съ поразительной ясностью нарисовался у меня въ головѣ и въ то же мгновеніе я ощутилъ, что вещи, бывшія въ фургонѣ, навалились на меня, что-то твердое сильно надавило лицо и грудь. Должно быть, чемоданъ, подумалъ я. Одну руку загнуло за спину. Фургонъ, треща, сдѣлалъ еще одинъ оборотъ. Я попробовалъ вздохнуть; слава Богу, дышать еще было можно. Наконецъ, оборотъ еще, опять благополучно, и фура остановилась колесами вверхъ.

Выкарабкался наружу первый я. Лошади, перепутавшись въ постромкахъ и возжахъ, образовали какую-то неопредѣленную массу ногъ, веревокъ, ремней... Изъ фургона доносился сапъ и усиленное дыханіе. Я принялся выбрасывать вещи, крича въ то же время на помощь. Минутъ черезъ пять сбѣжались люди и всѣ были освобождены. Паденіе случилось замѣчательно счастливо: всѣ отдѣлались только ушибами и ломотой въ тѣлѣ.

Нашъ больной товарищъ остался ночевать на мѣстѣ происшествія и просилъ меня прислать за нимъ утромъ подводу; а я съ другимъ товарищемъ вылѣзли наверхъ и отправились впередъ. Солдатъ, которому я поручилъ свою лошадь, узнавъ о паденіи фургона, догадался привести ее назадъ. При кувырканіи фургона, съ меня слетѣла шапка и башлыкъ,

наброшенный на плечи; не смотря на всѣ поиски, они не отыскивались; такъ и пришлось ѣхать съ непокрытой головой, а оставалось еще добрыхъ верстъ двѣнадцать. Обозъ, не нуждаясь больше въ помощи, такъ какъ дорога шла подъ гору, уѣхалъ впередъ, а рабочіе, бывшіе при немъ, измученные трудами цѣлаго дня, плелись одинъ за другимъ, растянувшись по всей дорогѣ; нѣкоторые окончательно выбивались изъ силъ, садились подъ деревья и разводили огни. Не будь здѣсь лѣсу, многихъ бы мы не досчитались на другой день; но разведенные огни спасли насъ и все обошлось благополучно.

Часамъ къ двумъ ночи мы наткнулись наконецъ на нашу артиллерію и обозъ, стоявшіе бивуакомъ у спуска въ оврагъ, на днѣ котораго находился Сербасанъ — мѣсто нашего ночлега. Спускать орудія теперь по этому обледенѣвшему скату, крутостью градусовъ 45, было немыслимо.

Мы, съ моимъ товарищемъ, съ грѣхомъ пополамъ спустились-таки внизъ, причемъ моя лошадь нѣсколько разъ кувыркалась.

Всѣ сакли и здѣсь были переполнены. Намъ указали полуразвалившійся саманникъ, отведенный подъ офицеровъ. Господи! что это была за гадость! Маленькій сарай, съ дырявой земляной крышей, былъ биткомъ набитъ офицерами; тутъ же, вдоль одной изъ стѣнъ, стояли лошади, поминутно визжа и порываясь сцѣпиться. Въ переднемъ уголкѣ, поближе къ двери, деньщики развели костеръ, на которомъ варился ужинъ. Ѣдкій дымокъ до того наполнялъ помѣщеніе, что хорошенько нельзя было разглядѣть присутствующихъ. Меня, вошедшаго со свѣжаго воздуха, такъ и отшибло копотью, вонью, гарью. Наскоро разсказалъ я офицерамъ наше приключеніе и принялся за поиски свободнаго мѣстечка; послѣ большихъ трудовъ я выхлопоталъ-таки себѣ маленькое пространство, попросивъ раздвинуться двухъ товарищей. Завернулся я въ бурку и черезъ пять минутъ спалъ уже глубокимъ сномъ. Вода, отъ растаявшаго снѣгу, просачиваясь сквозь крышу, увлекала частицы земли, сыпавшіяся въ лицо, волоса. . . . . .

Утромъ выслали рабочихъ для спуска повозокъ на веревкахъ, а артиллерія получила приказаніе возвратиться въ Карсъ, какъ потому, что дороги далѣе были ужь слишкомъ непроходимы, такъ и потому, что доставка фуража была сопряжена съ большими затрудненіями. Въ Сарбасанѣ мы должны были разстаться: часть оставалась въ Сарбасанѣ, часть шла въ Еникевъ, а часть, въ томъ числѣ и моя рота, въ Зіякъ.

Зіякъ и Еникевъ находились оба въ окрестностяхъ Сарбасана, на разстояніи не болѣе трехъ, четырехъ верстъ.

Мы выступили на свои квартиры часовъ въ 12, давъ людямъ хорошенько отдохнуть. Черезъ часъ мы были уже на мѣстѣ. Зіякъ—это маленькій аульчикъ, въ которомъ до нашего прихода еще ни разу не стояли войска. Нашъ приходъ былъ сюрпризомъ для жителей, всѣ они вы-

сыпали смотрѣть на насъ. Старшина вышелъ впередъ и узнавъ, что мы будемъ стоять здѣсь, повелъ показывать сакли. Людей размѣстили, хотя и не особенно „вольготно“, но за то просторно. Для себя выбрали двѣ лучшихъ сакли, но всетаки онѣ были изъ рукъ вонъ плохи. Кто не видалъ этихъ норъ, носящихъ названіе сакель, тотъ не можетъ представить себѣ, что это за гадость. Наша русская изба—дворецъ въ сравненіи съ ними. Строятъ ихъ такимъ образомъ: вырывается яма, стѣны которой обкладываются дикимъ камнемъ, надъ этой ямой насыпается, подпираемая балками, земляная крыша, такъ что все зданіе снаружи имѣетъ видъ землянаго бугорка. Непривычному глазу трудно различить въ скалахъ присутствіе даже большаго селенія. Внутренность сакли, не считая чуланчиковъ, дѣлится на двѣ половины, въ одной, меньшей – помѣщается семейство хозяина, а въ другой—болѣе обширной—кунацкая и вся домашняя скотина. Кунацкая состоитъ изъ угла скотника, отдѣленнаго перекладинами и нѣсколько возвышающагося надъ общимъ уровнемъ пола; у болѣе зажиточныхъ, перекладины замѣняются перегородкой, недоходящей, впрочемъ, и на половину до потолка; тутъ же въ стѣнѣ устроенъ каминъ (печей турки не знаютъ). Въ отдѣленіи, въ которомъ помѣщается семья хозяина, тянутся по стѣнамъ полки для утвари; на полу, вдоль стѣнъ, рядкомъ стоятъ громадные глиняные горшки для домашнихъ припасовъ, замѣняющихъ лари; у насъ въ Россіи и понятія не имѣютъ о такихъ размѣрахъ горшковъ. Среди пола вырыта яма, въ которую вставленъ такой же громадный горшокъ, служащій для вмѣщенія горящихъ углей, вынимаемыхъ изъ камина, въ немъ пекутъ хлѣбныя лепешки, называемыя чурепами или лавашами (à propos: армяне, всегда льстившіе намъ, говорили такую штуку, въ видѣ любезности: Османъ-яманъ: кушай саманъ; урусъ-якши: кушай лаваши). Приготовленіе чуреповъ весьма оригинально: приготовляется на водѣ тѣсто, которое раскатываютъ въ тонкія лепешки, когда горшокъ достаточно накалился, къ нему прихлопываютъ эти блины; пекутъ ихъ такимъ образомъ чрезвычайно быстро.

Когда печенье окончено, надъ ямой ставится столъ и все семейство усаживается вокругъ него, свѣсивъ ноги въ яму, это необходимо, такъ какъ въ комнатѣ всегда довольно холодно; въ кунацкой всегда довольно тепло, такъ какъ скотъ своими испареніями нагрѣваетъ атмосферу, за то воздухъ!...

. . . . . .

Доставлять за Саганлугъ провіантъ было очень затруднительно, такъ что былъ отданъ приказъ, чтобы войска сами покупали его у мѣстныхъ жителей. Какъ только мы немного осмотрѣлись на новомъ мѣстѣ, то сейчасъ же принялись за розыски муки или зерна; всѣмъ хотѣлось поскорѣе полакомиться мягкимъ хлѣбомъ, за все боевое время довольство-

*

вались сухарями, изрѣдка перепадали лаваши. Когда принялись за поиски муки, то вдругъ явилось неожиданное препятствіе: жители ни за что не хотѣли продавать его намъ и на всѣ спросы отвѣчали, что у нихъ у самихъ ничего нѣтъ; юзбашъ (старшина) рѣшительно отказался намъ содѣйствовать, отговариваясь невѣденіемъ и тѣмъ, что жители его не слушаютъ. Положеніе дѣйствительно было критическое: провіантъ, взятый съ собой въ походъ, подходилъ къ концу, а достать на мѣстѣ, повидимому, было нельзя, впереди предстоялъ голодъ. Донесли объ этомъ кому слѣдуетъ, но въ отвѣтъ на это получили „строжайшее приказаніе" „найти".

Рѣшились мы испробовать послѣднее средство, именно: призвали юзбаша и влѣпили ему 25 плетей. О, чудо! послѣ нѣсколькихъ же ударовъ, онъ вспомнилъ у кого есть хлѣбъ и обѣщалъ доставлять его столько, сколько потребуется. Мы сейчасъ же освободили его, а онъ указалъ намъ мѣста, гдѣ было скрыто зерно, сейчасъ же появились и владѣльцы его, которые за часъ до этого божились и увѣряли, что у нихъ ничего нѣтъ.

Сохраняютъ турки зерно въ землѣ, выкапывая для этого ямы. Вырытую пшеницу (ржи и овса турки не сѣютъ) сейчасъ же перемѣрили при хозяевахъ и заплатили деньги по справочной цѣнѣ, которая чуть-ли не въ четверо превышала нормальную. Кончили съ этой исторіей, началась другая: въ аулѣ было двѣ водяныхъ мельницы, каждая на два постава и обѣ оказались испорченными, а поправить, будто бы, никто не умѣлъ; пригрозили снова старшинѣ и мастеръ нашелся.

Доставанье хлѣба для людей и ячменя для лошадей всегда сопровождалось большими затрудненіями; добровольно жители продавали все неохотно; всегда приходилось прибѣгать или къ угрозамъ, или самимъ отыскивать склады; и чѣмъ ближе время клонилось къ веснѣ, тѣмъ все дѣлалось дороже и дороже: я помню, что саманъ, не имѣвшій до войны никакой цѣны, какъ говорили люди знавшіе эти мѣста, возвысился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 2-хъ руб. за пудъ; ячмень, продававшійся по 9-ти коп., дошелъ до 4-хъ руб. Курица стоила рубль, яйца отъ 5-ти до 10-ти коп. за штуку, мясо, послѣ сдачи Эрзерума, въ самомъ городѣ—16 руб. пудъ. Чему можно было приписать эти цѣны, я рѣшительно не понимаю: или наши бумажныя деньги, ходившія здѣсь, очень мало цѣнились турками (надо замѣтить, что жители ни за что не брали мало-мальски старой бумажки, а непремѣнно требовали новыхъ съ глянцемъ), или турки хотѣли нажиться на нашъ счетъ, считая насъ всѣхъ почему-то страшными богачами; чуть только бывало зайдетъ объ этомъ разговоръ, турокъ зачавкаетъ губами, что означаетъ изумленіе (иногда отрицаніе) и говоритъ: „урусъ акча чахъ юфь, юфь; урусъ падишахъ якши: акча чахъ варъ!" т. е. у русскихъ денегъ много, ой, ой, много; русскій царь хорошій: денегъ много имѣетъ!

О маркитантахъ ужь и говорить нечего: драли такъ, что небу жарко было: водка 4 руб. бутылка, колбаса, подъ именемъ сальтисона, 1 р. 20 к. за фунтъ, свѣчи 1 руб. и т. д. Какъ только офицеры прожили при такихъ цѣнахъ—удивительно!

. . . . . .

Покончивъ со всѣми хозяйственными хлопотами, мы начали страшно скучать: газетъ не было, книгъ тоже, охотиться не на что, дичи вблизи не водилось, кататься верхомъ тоже было негдѣ, вездѣ горы; нашлось единственное развлеченіе: ловля рыбы въ рѣченкѣ, протекавшей по близости. По вечерамъ играли въ карты. Изрѣдка до насъ доходили извѣстія изъ дома, къ скукѣ прибавилась тоска. Эта тоска, соединенная со скукой, отъ абсолютнаго бездѣйствія, едва-едва не переходила въ душевную болѣзнь. Особенно это положеніе было тяжело сначала, пока не привыкли къ нему. До чего можно дойти, если пробыть въ эдакомъ состояніи съ годъ или полтора? Мнѣ кажется, или сойдешь съума, или окончательно затупѣешь. Все, что кто зналъ, уже разсказано, все переговорено, новыхъ впечатлѣній нѣтъ, такъ и застылъ въ одномъ положеніи. Сперва обрадовавшіеся, что наконецъ пришли на мѣсто и можемъ успокоиться, мы страстно начали желать новаго похода; лучше по суткамъ ничего не ѣсть и мерзнуть въ горахъ, чѣмъ сидѣть въ четырехъ стѣнахъ, ничего не дѣлая. Если къ этому прибавить еще увѣренность, что никогда не увидишь своихъ близкихъ, а въ концѣ концовъ погибнешь, если не отъ пули или штыка, такъ отъ эпидеміи, то получится состояніе нашей души во время зимней кампаніи.

Есть два средства избавиться отъ этого тяжелаго состоянія: первое—сказаться больнымъ и ѣхать домой въ отпускъ, на что, впрочемъ, не у многихъ хватаетъ рѣшимости, чтобы, бросить службу въ самый критическій моментъ и скакать подъ кровъ семейный, когда страдаютъ товарищи, страдаютъ солдаты. Другое средство—это напиваться, напиваться не до положенія ризъ, эдакъ вѣдь и недѣли нельзя было бы протянуть, а такъ, чтобы въ головѣ вертѣлось слегка, въ ушахъ шумѣло, всякія мысли отлетали бы въ сторону и было бы интересно слушать, чуть-ли не въ сотый разъ, разсказы объ ударахъ, гранатахъ, ранахъ и т. п. и самому, въ сотый же разъ, разсказывать тоже...

Вспоминая о Россіи всегда съ какимъ-то сладостнымъ трепетомъ, начнешь говорить о ней матушкѣ, а сердце такъ и прыгаетъ, прыгаетъ, улыбка раздвигаетъ губы, а на глаза слезы навертываются.... И рисовки тутъ никакой не было, да и рисоваться то было не передъ кѣмъ. Но рѣдко мы говорили о нашей „Рассеюшкѣ“, избѣгали мы этихъ разговоровъ, больно ужъ послѣ нихъ тяжело становилось.

Единственнымъ спасеніемъ для войскъ были частые переходы съ мѣста на мѣсто, по долгу мы нигдѣ не стояли.

Недѣли черезъ три, изъ Зіяка насъ перевели въ Зивинъ, въ окрестностяхъ котораго, въ іюлѣ, разыгралась знаменитая драма. Аулъ былъ почти раззоренъ; уцѣлѣвшихъ сакель было самое незначительное количество. Офицеры на время помѣстились въ мечети на хорахъ, а деньщики и лошади внизу, но долго оставаться мы здѣсь не могли, такъ какъ, во первыхъ, было очень холодно, а во вторыхъ, потолокъ ежеминутно угрожалъ обваломъ. Жителей въ аулѣ никого не было; для покупки хлѣба и мяса приходилось ѣздить, по крайней мѣрѣ, верстъ за пятнадцать, за двадцать. Иногда изъ окрестныхъ деревень сами жители пригоняли на продажу барановъ; сперва цѣны на нихъ были умѣренныя: хорошаго можно было купить за рубль, но вскорѣ онѣ возросли до шести рублей за штуку. Здѣсь мы скучали еще болѣе, чѣмъ въ Зіякѣ, тутъ и рыбы даже негдѣ было ловить. Цѣлый день офицеры сидѣли въ саклѣ, и если не играли въ карты, то ѣли, пили, спали, сами готовили кушанье, кормили лошадей, барановъ и вообще предавались подобнымъ этому невиннымъ занятіямъ.

Кому-то пришло въ голову устроить баню; эта счастливая мысль сейчасъ же была приведена въ исполненіе. Никто не былъ такъ радъ этой выдумкѣ, какъ солдаты: русскому человѣку, привыкшему париться въ банѣ чуть ли не каждую субботу, было громаднымъ лишеніемъ цѣлый годъ не видать въ глаза горячей воды, да, впрочемъ, и въ холодной-то рѣдко приходилось купаться; въ Турціи нѣтъ большихъ рѣкъ, или скорѣе—рѣкъ нѣтъ вовсе, а есть только ручейки. Холода къ тому же начались уже давно—болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ, такъ что солдатамъ, имѣющимъ большею частью по одной перемѣнѣ бѣлья, было очень неудобно снимать съ себя на морозѣ рубашку, чтобы хоть нѣсколько помыть ее. Баня, кромѣ удовольствія, имѣла громадное гигіеническое значеніе: будь у насъ возможность пользоваться банями постоянно, никогда бы тифъ, свирѣпствовавшій у насъ во всѣхъ видахъ, не развился до тѣхъ ужасающихъ размѣровъ, до какихъ онъ дошелъ.

. . . . . .

Черезъ очень непродолжительный промежутокъ времени, часть насъ, въ томъ числѣ и меня съ ротой, потребовали назадъ, верстъ на пять въ селеніе Караурганъ. Это былъ такой-же раззоренный аулъ, какъ и Зивинъ, съ той только разницей, что нѣкоторые изъ бѣжавшихъ жителей уже возвратились назадъ и, исправивъ свои сакли, снова водворились на мѣстѣ своего жительства. Мы было сперва обрадовались ихъ сосѣдству, такъ какъ этимъ облегчалась покупка домашнихъ припасовъ, какъ то: яицъ, масла, молока, которыя между прочимъ, были ужъ очень и очень плохи; достать чистаго масла, безъ примѣси курдючнаго сала, было почти невозможно, а сало въ особенности въ соединеніи съ масломъ всегда придаетъ какой-то особенный отвратительный вкусъ всему, что

на немъ приготовлено. Чистаго молока, несмотря на всѣ просьбы, соблазны большой платы и даже угрозы, тоже нельзя было найти; жители обыкновенно доятъ въ одну посуду козъ, коровъ, овецъ, буйволицъ; молока похожаго даже на наше снятое, было мало; о сливкахъ, понятно, и помину небыло; вслѣдствіе чего это происходитъ, я незнаю, вѣроятно на это обстоятельство имѣютъ вліяніе плохіе корма. Но радость наша, возбужденная сосѣдствомъ жителей, продолжалась недолго: отъ жалобъ, большею частью безъосновательныхъ, или возбужденныхъ обидой сдѣланной не нашими, а проходящими войсками, не было отбою; то солдатъ укралъ, то сломалъ, то побилъ кого нибудь. Да вѣдь до какого нахальства доходили наши милые сосѣди: были случаи, что у него вовсе ничего не пропало, а онъ приходитъ и говоритъ, что у него украли пятьдесятъ пудовъ пшеницы, требуетъ уплаты за нихъ по двойной цѣнѣ, а если откажешь, то начинаетъ плакать, бить себя въ грудь и кричать.

— Я бѣдный человѣкъ, у меня ничего нѣтъ, меня обокрали, я долженъ идти по міру; но я пойду жаловаться, я къ пашамъ пойду, я до самого Лорисъ пойду (генерала Лорисъ-Меликова всѣ они знали).

Или другой примѣръ, является съ жалобой на кражу; при разборѣ оказывается, что у него дѣйствительно украли, ему платятъ по стоимости пропавшаго, онъ даетъ росписку, что его претензія удовлетворена, и затѣмъ идетъ жаловаться на тоже еще кому нибудь.

Наконецъ противъ всего этого пришлось принять мѣры, т. е. за всякую жалобу, оказавшуюся неосновательной—пороть. Это средство оказалось спасительнымъ, жалобы уменьшились, а тѣ, которые приносились, имѣли дѣйствительно основанія.

. . . . . .

Въ эти тяжелыя времена пища солдатская была значительно улучшена, въ котелъ клалось по полтора фунта мяса на человѣка, если была крупа (пшеничная или ячменная), то варилась каша, отпускали деньги на чай и сахаръ, а передъ обѣдомъ давалась чарка водки. Улучшенная пища, водка и чай значительно поддерживали здоровье войскъ, но силы были уже надорваны, тѣло застужено, и теперь всякая болѣзнь легко прививалась къ разслабленному организму. На видъ это были тѣже солдаты, но на самомъ дѣлѣ эти люди уже разшатались и, если продолжали дѣлать изумительные переходы, то это уже такъ по инерціи; для того, чтобы они опять сдѣлались такими львами, какими были прежде, нужно было по крайней мѣрѣ годъ тихой, мирной жизни въ здоровой мѣстности.

До насъ уже начали долетать слухи, хотя еще и смутные, что въ войскахъ, расположенныхъ ближе къ Эрзеруму, появилась какая-то заразительная болѣзнь, которая сильно валитъ народъ; но у насъ еще не было случаевъ заболѣванія ею, хотя тѣсное размѣщеніе и должно было

способствовать появленію этого врага; благодаря этому тѣсному размѣщенію, за частую въ перемѣжку со скотомъ, масса паразитовъ напала не только на солдатъ, но даже и на офицеровъ, которые, понятно, пользовались бо́льшими удобствами; эти насѣкомыя наполняли наше бѣлье, верхнее платье, постель, и тысячами гнѣздились въ полушубкахъ и буркахъ...

. . . . . .

Безъ работы солдаты оставались недолго: линія турецкаго телеграфа, протянутаго отъ Карса къ Эрзеруму, была сорвана нашими передовыми войсками, а столбы шли на топливо. Для возобновленія ея былъ присланъ чиновникъ Э. Но такъ какъ отъ непріятельской линіи почти и слѣда не оставалось, то пришлось возстановлять ее вновь. Э. понадобились рабочіе для установки столбовъ, ввинчиванья изоляторовъ и натягиванья проволоки, плату онъ предлагалъ хорошую, такъ что солдаты наперерывъ старались попасть въ его команду. Вслѣдъ за Э. прибылъ саперный офицеръ для прокладыванія дороги къ Эрзеруму; приказано было ему тоже давать рабочихъ, но за это платы уже не полагалось.

Только было мы опять начали сходить отъ скуки съ ума, какъ вдругъ узнали, что нашъ полкъ придвигается ближе къ Эрзеруму. Часть шла въ Дели-Баба, часть еще куда-то, а мы въ Яганъ. Сперва мы должны были пропустить тѣхъ, которые оставались въ Сарбасанѣ, а потомъ уже слѣдовать сами.

Понятно, что при проходѣ черезъ нашъ аулъ, всѣ офицеры зашли къ намъ закусить и отдохнуть, въ числѣ ихъ находился и нашъ уважаемый командиръ полка, слѣдовавшій при эшелонѣ, но и для такого дорогаго гостя у насъ нашлось только десятка полтора яицъ, кусокъ сухой колбасы и бутылка водки; чаю впрочемъ было въ волю.

Дня черезъ два послѣ прохода нашихъ, тронулись и мы. Путь намъ былъ недалекъ, но все-таки очень труденъ: приходилось идти безъ привало́въ; отдыхать на снѣгу было-бы вредно, да и непріятно; ночевали по дымнымъ, грязнымъ саклямъ съ обсыпавшейся съ потолка землей, похожимъ скорѣе на какіе то курятники, нежели на человѣческія жилища.

Теперь къ нашему обозу были приданы еще вьючные верблюды, таскавшіе всѣ главныя тяжести, такъ что обозъ меньше мучилъ насъ.

. . . . . .

При приближеніи къ Ягану, еще невидимому за горами, я, съ однимъ изъ нашихъ офицеровъ, поѣхалъ впередъ. Дорога наша проходила мимо аула Кеприкея, въ которомъ помѣщался госпиталь, и гдѣ, по слухамъ, доходившимъ до насъ, и было самое гнѣздилище заразы; былъ даже приказъ проходящимъ войскамъ отнюдь ни на минуту не останавливаться въ немъ. Хотя и можно было миновать этотъ аулъ, но мы нарочно изъ любопытства завернули въ него. При въѣздѣ въ селеніе, мы

наткнулись на кладбище; среди турецкихъ памятниковъ, состоящихъ изъ двухъ плитъ, поставленныхъ ребромъ, параллельно одна другой, или просто изъ камня, увѣнчаннаго каменной-же чалмой, торчали уже православные кресты, которые, какъ роскошь въ этой безлѣсной странѣ, ставились только надъ офицерскими могилками. Едва мы въѣхали въ селеніе, къ намъ бросились съ воемъ жалкія, общипанныя собаки; на улицахъ никого не видно, только какая-то турчанка, въ обтрепанныхъ шальварахъ, старалась загнать въ саклю гуся, употреблявшаго всѣ усилія, чтобы спасти свою свободу. По всему аулу стоялъ какой-то тяжелый запахъ, жизни совсѣмъ не было замѣтно, всѣ обитатели видимо впали въ уныніе; мы невольно зажали носъ и хотѣли было повернуть назадъ, когда увидѣли вышедшаго изъ сакли солдата.

— Подъѣдемъ къ нему, предложилъ я товарищу, спросимъ нѣтъ-ли здѣсь кого-нибудь изъ нашихъ.

Мы подъѣхали, оказалось, что въ аулѣ дѣйствительно живетъ бывшій нашъ однополчанинъ К. завѣдующій здѣшнимъ магазиномъ. Мы рѣшили проѣхать къ нему закусить.

— Гдѣ-же у васъ помѣщаются больные? спросилъ я солдата.

— Да всѣ сакли, в. б., набиты; класть некуда.

— Зачѣмъ-же вездѣ грязь эдакая, вонь страшная?

— Убирать, в. б., некому: сегодня пришлютъ прислугу, а дня черезъ два всѣ въ повалку лежатъ, рѣдко кто выдерживаетъ. А въ сакляхъ что дѣлается, поглядѣть страшно! Ужъ начальство незнаетъ, что и дѣлать. Духтора, фершала тоже всѣ немогутъ. Чистая бѣда, в. б., таперича ужь и въ другихъ аулахъ почитай все полно. Вонъ въ Яганѣ (онъ показалъ на виднѣвшійся аулъ) тамъ тоже сказываютъ, страсть что народу лежитъ, въ Харасанѣ тоже, въ Гасанъ-Калѣ тоже....

— Неужто и въ Яганѣ есть госпиталь?

— Такъ точно, в. б., вездѣ!

Мы разпростились съ солдатомъ и проѣхали къ бывшему сослуживцу; онъ намъ страшно обрадовался.

— Вѣдь я мѣсяца полтора никого не видалъ! голубчики мои, какъ я вамъ радъ!

У проѣзжавшаго маркитанта онъ закупилъ на дняхъ всего, что только у того было: различныхъ закусокъ, штритеровской водки, вина, кофе, сдобныхъ сухарей и т. п. Мы на славу закусили, поблагодарили гостепріимнаго хозяина, успѣвшаго намъ разсказать ужасы тифа, проявлявшагося во всѣхъ видахъ: пятнистый, брюшной, сыпной..... и поѣхали въ нашу новую резиденцію Яганъ.

Пришлось переѣзжать Араксъ. Насъ поразилъ грандіозный каменный мостъ, переброшенный черезъ эту рѣку; это была капитальная каменная постройка, сдѣланная, вѣроятно, очень и очень давно. Мостъ

этотъ совсѣмъ не гармонируетъ съ окружающей обстановкой: онъ такъ великъ, что изъ камня, пошедшаго на его постройку, можно было-бы сдѣлать препорядочный аулъ, кромѣ того онъ отличался прочностью и красотой отдѣлки, онъ не испортилъ-бы собой и любаго столичнаго города. Очень жаль, что отъ жителей, несмотря на всѣ мои старанія, я ничего не могъ добиться относительно его исторіи. На всѣ мои вопросы они только мнѣ отвѣчали, что онъ построенъ „очень, очень давно, очень, юфь, юфь!“ причемъ разводили руками. Отъ моста до Ягана оставалось не больше двухъ верстъ. Съ пригорка весь аулъ былъ видѣнъ, какъ на ладони, намъ онъ очень понравился и по наружному виду, и по мѣстоположенію; это былъ неоспоримо одинъ изъ лучшихъ ауловъ въ окрестности, построенный на бугоркѣ, находившимся среди долины, шириною верстъ въ шестнадцать, окруженной цѣпью горъ, синѣющей на горизонтѣ въ дымкѣ дали. Уже одно то обстоятельство, что мы выбрались изъ горъ, гдѣ дальше своего носа ничего не видишь, наполняло наши сердца удовольствіемъ и радостью. Кромѣ того вокругъ аула виднѣлись деревья, о которыхъ мы тоже стосковались порядочно. Аулъ оказался армянскимъ, при въѣздѣ въ него, насъ встрѣтили квартирьеры, прибывшіе съ вечера, и толпы жителей; они смѣялись, кланялись и каждый тащилъ къ себѣ; насъ такъ поразило такое радушіе и гостепріимство, встрѣчаемое нами въ первый разъ, что мы разтрогались, чуть не до слезъ. Солдаты тоже хвалили жителей.

— Ужь такіе хорошіе, в. б.; вчера мы пришли, сейчасъ къ себѣ позвали: мы, говоритъ, тоже христіане, угощать начали.

Проходя черезъ площадь, мы обратили вниманіе на довольно большую постройку, невольно бросившуюся въ глаза. Оказалось, что это былъ „дворецъ“ турецкаго бека, бѣжавшаго при приближеніи русскихъ со всѣмъ своимъ семействомъ; мы изъ любопытства зашли осмотрѣть это зданіе, предназначенное теперь для больныхъ офицеровъ, пока еще была занята только одна комната подъ больнаго доктора В., который вскорѣ умеръ.

Домъ былъ двухъэтажный съ мезониномъ, со стеклянными рамами (это замѣчаніе необходимо, такъ какъ здѣсь повсемѣстно даже въ порядочныхъ домахъ окна заклеиваются бумагой), комнаты изукрашены въ турецкомъ вкусѣ: потолокъ, шкапчики по стѣнамъ и въ углахъ, карнизы, ставни.... все это было рѣзное и, вѣроятно, не мало поглотило труда и денегъ. Но и въ этомъ домѣ, какъ и во всѣхъ турецкихъ, ни одна комната не имѣла сообщеній съ другой. На осмотръ „дворца“ пошло по крайней мѣрѣ съ полчаса времени. Когда мы вышли изъ него, то нашъ эшелонъ уже подошелъ къ аулу. Жители побѣжали къ обозу и вмѣстѣ съ солдатами вытаскивали фуры и патронные ящики, застрявшіе въ ручейкѣ; эдакую любезность намъ оказывали тоже въ первый разъ. Сакли,

занятыя нами, тоже были не въ примѣръ лучше тѣхъ, въ которыхъ мы обыкновенно жили.

Едва вошли въ саклю, какъ явился хозяинъ въ сопровожденіи своей жены и принесли намъ молока, чуреповъ и какого-то жареннаго; мы ихъ, въ свою очередь, напоили сладкимъ чаемъ. Такимъ образомъ мы остались довольны другъ другомъ.

Турки и армяне великіе охотники до всего сладкаго, они даже водку закусываютъ сахаромъ; отъ сладкаго чая, о которомъ многіе изъ нихъ понятія не имѣютъ, наши хозяева пришли въ восторгъ.

. . . . . .

Прошло нѣсколько дней, въ этотъ короткій промежутокъ времени, солдаты успѣли передружиться съ жителями и называли другъ друга „братъ“. Какъ то мы гуляли по аулу, проходимъ мимо армянской церкви украшенной уже колоколами, зашли: полна церковь усердно молящихся солдатъ. Это насъ крайне удивило, оказалось, что солдаты уже давно ходятъ сюда молиться; армяне ужасно гордились этимъ.

Вообще это селеніе производило крайне пріятное впечатлѣніе; впослѣдствіи оно было обращено въ сплошной госпиталь, но теперь больныхъ было еще немного, хотя уже присутствіе ихъ было замѣтно...

Въ Яганѣ въ первый разъ мнѣ случилось видѣть настоящій гаремъ, случай былъ прекурьезный: стою однажды около своей сакли и курю папиросу, а надо сказать, мы страшно затруднялись добываніемъ дровъ; вдругъ, вижу идетъ ко мнѣ толпа армянъ, впереди солдатъ-переводчикъ и фельфебель моей роты.

— Что такое?

— Да, вотъ, они, в. б., доказываютъ здѣсь есть сарай турецкій, хозяева убѣжали, такъ онъ, значитъ, ничей теперь, такъ на дрова его дозволяютъ ломать.

— Гдѣ юзбашъ?

— Вотъ онъ, в. б.

Я допросилъ его черезъ переводчика дѣйствительно-ли сарай турецкій и дѣйствительно-ли его хозяева бѣжали, онъ отвѣчалъ утвердительно.

Я приказалъ сейчасъ же приняться за работу; не прошло и четверти часа, бѣжитъ ко мнѣ маленькій человѣчекъ въ чалмѣ, глаза бѣгаютъ, лице ехидное, за нимъ толпа народу.

— Что еще?

Человѣчекъ черезъ переводчика объясняетъ, что сарай, который ломаютъ, его.

— Ты османъ?

— Османъ, османъ!

Я было, не зная мѣстныхъ порядковъ, хотѣлъ его отпустить и приказать прекратить разборку сарая, но всѣ армяне твердили хоромъ:

— Вретъ, вретъ не его!

Кому было вѣрить? Наконецъ впередъ выступилъ юзбашъ и вывелъ меня изъ затруднительнаго положенія:

— Пусть бумагу покажетъ, что это его сарай: если онъ его, у него бумага есть.

— Есть у тебя бумага? спросилъ я.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ мой человѣчекъ и пренахально смотритъ прямо въ глаза.

— А сарай твой?

— Мой.

— Какже всѣ говорятъ, что не твой?

— Эти собаки врутъ.

Меня взорвало; я рѣшился прибѣгнуть къ угрозѣ:

— Дайте сюда веревку!

Принесли веревку. Турокъ поблѣднѣлъ, догадавшись, что это для него. Я приказалъ сдѣлать петлю и сказать ему, что если онъ сейчасъ не скажетъ всей правды, подтвержденной доказательствами, то я повѣшу его.

Мой человѣчекъ затрясся и, заикаясь и запинаясь, забормоталъ, что у него бумаги на владѣніе сараемъ дѣйствительно нѣтъ, а есть у его дѣдушки.

— А дѣдушка твой здѣсь?

— Здѣсь, дома.

Я приказалъ ему идти и принести бумагу сюда; а чтобы онъ не скрылся, послалъ съ нимъ солдатика. Но солдатикъ оказался плохенькимъ: не прошло и десяти минутъ, какъ онъ уже бѣжитъ назадъ одинъ.

— Куда турка дѣлъ?

— Виноватъ, в. б., не досмотрѣлъ: онъ дошелъ со мной до сакли, торконулся въ дверь, оттеда старикъ на встрѣчь вышелъ; онъ яму болтнулъ чаво-то, да и шмыгъ въ дверь; я было толкнулся, а она ужъ запёрта; я стучалъ, стучалъ — не отпираютъ.

— А замѣтилъ ты саклю-то эту?

— Такъ точно, в. б.

Я взялъ съ собой двухъ солдатъ, въ томъ числѣ одного за переводчика, и направился къ саклѣ. Такое нахальство страшно взбѣсило меня. Подходимъ, начинаемъ стучать: никакого отвѣта; тишина такая, какъ будто всѣ вымерли. Я приказалъ крикнуть, что если не отопрутъ сами, то я выломаю дверь. Отвѣта нѣтъ.

— Ломай, приказалъ я, разсердившись наконецъ до послѣдней степени.

Едва раздались первые удары въ дверь, отъ которыхъ она затре-

щала, доказывая, что я дѣйствительно приведу свою угрозу въ исполненіе, какъ она растворилась и на порогѣ показался сѣдой старикъ.

— Ты отчего не отпиралъ? подступилъ я къ нему.

— Не слышно было, отвѣчалъ онъ.—А что вамъ нужно отъ насъ?

— Ты спряталъ здѣсь человѣка, котораго мы ищемъ; скажи, гдѣ онъ, или я самъ буду искать.

— Какого человѣка вамъ нужно? Я не знаю.

Ему описали наружность нашего бѣглеца.

— Такого человѣка здѣсь нѣтъ, отвѣчалъ онъ совершенно спокойно.

— Ну, такъ отпирай двери: я самъ буду искать.

Оставивъ одного солдата при входѣ, я съ двумя другими вошелъ въ сѣни, если можно такъ назвать эту часть дома; изъ нихъ было три двери. Старикъ послѣдовательно отперъ двѣ первыхъ, за которыми ничего не оказалось, но третьей отпирать не захотѣлъ; когда я пригрозилъ, онъ отперъ; но едва я всунулся, чтобы войти, какъ онъ сталъ на дорогѣ и загородилъ входъ. Солдатъ, сопровождавшій меня, схватилъ его за шиворотъ и оттащилъ въ сторону. Какъ только я переступилъ черезъ порогъ, какъ поднялся страшный визгъ: человѣкъ двадцать женщинъ всевозможныхъ возрастовъ вскочили и бросились къ дверямъ, которыхъ было вдоль стѣнъ штукъ до двѣнадцати, и скрылись за ними. Изъ-за дверей раздавались стоны и вопли; но сквозь щели мелькали плутовскіе глазки; и едва скрывшіяся за дверями замѣтили, что я взошелъ безъ старика, какъ стоны мало по малу прекратились, а нѣкоторыя двери даже пріотворились; но какъ только старикъ появился, стоны возобновились съ прежней силой.

Оказалось, что это былъ гаремъ бѣжавшаго бека; онъ его тайно скрылъ въ этой саклѣ и оставилъ подъ надзоромъ своего брата. Между тѣмъ, турка, котораго мы искали, нигдѣ не оказывалось.

— Бѣжавшаго спряталъ ты, сказалъ я старику;—я это знаю навѣрное. Такъ ты ему скажи: если онъ не явится черезъ полчаса, то я снова прикажу ломать сарай и ужъ денегъ тогда не заплачу, если даже онъ и дѣйствительно окажется принадлежащимъ ему.

Этимъ и окончилась исторія съ сараемъ.

Дни шли за днями; скучали мы здѣсь менѣе, чѣмъ въ другихъ аулахъ. Радушіе ли, гостепріимство ли жителей или что нибудь другое было этому причиной, но только это фактъ.

Иногда это доброе расположеніе проявлялось въ уморительныхъ формахъ; напримѣръ, какъ теперь помню: наступилъ день Крещенія; сидимъ мы всѣ въ сборѣ въ саклѣ и пьемъ чай; вдругъ въ комнату вваливаетъ толпа армянъ и въ одинъ голосъ просятъ одного изъ нашихъ ротныхъ командировъ, котораго они, благодаря его большой бородѣ, сочли за старшаго, принять участіе въ праздничной церемоніи. Мы сперва ни-

чего не поняли, но потомъ, послѣ долгихъ вопросовъ, повтореній и объясненій, оказалось, что у нихъ есть обычай, чтобы самое почетное лицо изъ присутствующихъ въ аулѣ шло впереди процессіи къ Іордану въ бѣломъ балахонѣ (въ видѣ стихаря) съ крестомъ въ рукѣ. Нашъ бѣдный товарищъ еле-еле отдѣлался отъ этой чести, увѣривъ, кажется, что его фельдфебель гораздо старше его, такъ какъ имѣетъ три креста.

Въ другой разъ праздновалась свадьба; одинъ изъ офицеровъ долженъ былъ играть роль чего-то въ родѣ шафера. Между прочими его обязанностями лежало подъ громъ зурны водить невѣсту подъ руку по всему аулу. Женщины этого аула были замѣчательно красивы, въ особенности дѣвушки. Мнѣ ни разу, ни прежде, ни послѣ, не случалось видѣть такихъ идеальныхъ красавицъ: высокая, стройная, какъ тополь, румяная, чернобровая... Но, впрочемъ, что́ слова, развѣ словами можно описать прелесть красавицы.

Все это, конечно, было очень пріятно, но между тѣмъ болѣзнь, хотя еще и не особенно сильная, начала развиваться въ рядахъ и нашихъ солдатъ.

. . . . . .

Прошелъ нѣкоторый промежутокъ времени, мы все еще стояли въ нашемъ миломъ Яганѣ.

Деньги на продовольствіе нижнихъ чиновъ стали подходить къ концу, явилась необходимость командировать кого нибудь въ штабъ полка, стоявшій въ Дели-Баба. Жеребій палъ на меня. Дороги туда, понятно, никто не зналъ, но у командира батальона была топографическая карта всей этой мѣстности, по которой мы съ нимъ вдвоемъ и составили маршрутъ моего путешествія; на другой день утромъ, я долженъ былъ выѣхать на парныхъ саняхъ „домашняго приготовленія“.

Еще съ вечера подулъ сильный вѣтеръ, разыгравшійся къ полночи въ сильнѣйшую мятель и вьюгу.

Благоразуміе требовало остаться и ожидать болѣе благопріятной погоды, но я давно уже не получалъ изъ дома писемъ, которыя, по моимъ соображеніямъ, должны были находиться въ штабѣ; вслѣдствіе-то такой побудительной причины я и не могъ дожидаться конца непогоды, разчистки дорогъ, и, какъ только проснулся, приказалъ закладывать лошадей.

Разспросивъ хорошенько дорогу до перваго аула, значущагося въ моемъ маршрутѣ, я выѣхалъ въ штабъ-квартиру полка. Морозъ былъ сильный, вьюга еще продолжалась, но замѣтно стихала, за то дорогу занесло подъ общій уровень снѣжнаго пласта и распознавать ее можно было только по тому признаку, что если сбивались съ дороги, то закрѣпшій верхній снѣгъ, обратившійся въ довольно крѣпкій настъ трещалъ и ломался подъ копытами у лошадей, тогда какъ наметенный вьюгой

вновь, наста не имѣлъ и былъ рыхлъ какъ пухъ, сани загребали его цѣлые вороха и, понятно, страшно затрудняли ѣзду; приходилось безпрестанно останавливаться, чтобы дать лошадямъ вздохнуть.

Сбившись все-таки, несмотря на такую примѣту, какъ трескъ наста, съ дороги раза два; попавъ сперва въ оврагъ, изъ котораго еле вылѣзли, потомъ въ занесенный снѣгомъ ручей, гдѣ подмочили сидѣнье и платье, мы добрались, наконецъ, до перваго аула; назывался онъ, кажется, Омракомъ.

Турки, вылѣзшіе поглядѣть на насъ, на всѣ наши просьбы объ указаніи продолженія дороги, отрицательно качали головами, какъ гипсовыя кошки и отвѣчали:

— Моя незнай.

Пришлось пригрозить револьверомъ, схвативъ одного изъ толпы за шиворотъ; благодаря такому обороту, обращеніе ихъ съ нами мгновенно измѣнилось: изъ довольно грубаго оно перешло въ высшей степени вѣжливое и даже заискивающее; наша жертва, любезно улыбаясь, впрыгнула въ сани и начала указывать дорогу.

Тутъ разыгралась комическая сценка: едва лошади выказывали поползновеніе остановиться, нашъ проводникъ начиналъ ихъ погонять крикомъ—тпрру, тпрру! (турки обыкновенно погоняютъ скотину этимъ звукомъ) само собою разумѣется, что утомленныя животныя при первой—тпрру, останавливались, какъ вкопанныя, а строгивать ихъ съ мѣста было чрезвычайно трудно; мы насилу растолковали ему, чтобъ онъ сидѣлъ смирно и молча.

И смѣхъ и горе!

Къ вечеру, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, мы все-таки сдѣлали половину дороги, и остановились покормить лошадей въ аулѣ Комациръ или Юзверанъ, не помню хорошенько; въ немъ стояла какая-то маленькая команда даже безъ офицера; солдаты, узнавъ, что въ аулъ пріѣхалъ офицеръ, пришли просить меня къ себѣ въ гости.

— Не побрезгуйте, ваше благородіе, осчастливьте, пожалуйте къ намъ кашки горяченькой отвѣдать.

Я поблагодарилъ ихъ и безъ дальнихъ околичностей согласился на ихъ предложеніе, тѣмъ болѣе, что горяченькая кашка имѣла для меня въ этотъ моментъ непреодолимую прелесть. Обогрѣли они меня, накормили кашей и супомъ, чаемъ напоили; подчуютъ меня, а сами стоятъ на вытяжку, насилу усадилъ ихъ. Кавказскіе солдаты — идеальные солдаты, надо правду сказать, высшаго совершенства войска достигнуть не могутъ. Хотѣлъ было при разставаньи дать своимъ хозяевамъ на водку, да какъ-то неловко стало за такое радушіе платить деньгами, мнѣ кажется, они обидѣлись бы.

Взошла луна, погода сдѣлалась прекрасной, только морозъ былъ не-

много силенъ. Мои новые знакомые уговаривали остаться ночевать у нихъ:

— Дорога и безъ того, ваше благородіе, опаслива, надъ самой кручей въ другихъ мѣстахъ идетъ, а таперича яё снѣгомъ замяло: сохрани Богъ, съ дороги собьетесь—пропадете! А ужь мы бы вамъ здѣсь постельку изготовили за первый сортъ, а утромъ и въ дорожку съ Богомъ.

Но, несмотря на всѣ эти сердечныя уговариванья я уѣхалъ, мнѣ поскорѣе, поскорѣе хотѣлось прочесть письма съ родины.

Долго, долго ѣхали мы, то подымаясь на гору, то спускаясь внизъ, то лѣпясь по краю скалыне болѣе двухъ аршинъ ширины, то утопая въ оврагѣ и наконецъ пришли къ печальному заключенію, что окончательно сбились съ дороги, къ счастію еще небо было вполнѣ безоблачное и луна освѣщала всю мѣстность своимъ мертвеннымъ бѣлесоватымъ свѣтомъ; передъ нами разстилался, какой-то громадный, крутобокій оврагъ, справа и слѣва горы, нигдѣ ни малѣйшаго звука не раздается отъ лошадей, ставшихъ въ полномъ смыслѣ слова, несмотря на сильный морозъ, паръ валилъ столбомъ.

Положеніе некрасивое, особенно, если принять во вниманіе, что мѣстность для насъ была вполнѣ незнакомая,—мы не знали даже теперь въ какой сторонѣ Эрзерумъ. Заблудиться у себя, т. е. въ своей сторонѣ, совсѣмъ дѣло другое: поѣзжай прямо, куда-нибудь выѣдешь, а тутъ легко можно было попасть прямо къ туркамъ въ ихъ нѣжныя объятія; по правдѣ сказать, я таки и опасался этого. Въ добавокъ, подъ снѣгомъ могли скрываться кручи, обрывы, въ которые ничего не стоило слетѣть вмѣстѣ съ лошадьми и санями.

Въ виду такого критическаго положенія, мы съ моимъ возницей (солдатъ татаринъ) составили военный совѣтъ, какъ и слѣдуетъ порядочнымъ воинамъ:

— Что, Хасанъ, мы должно быть заблудились?

— Такъ точно, в. б.

— Что же намъ дѣлать теперь?

— Не могу знать, в. б.

— Мнѣ кажется, мы слишкомъ влѣво забрали, надо бы теперь вправо своротить.

— Такъ точно, в. б.

— Да вправо то не проѣдешь, видишь оврагъ какой, въ него и не спустишься, нѣтъ, влѣво должно быть.

— Такъ точно, в. б.

— Такъ куда же, вправо или влѣво?

— Не могу знать, в. б.

— Тьфу! дуракъ! плюнулъ я наконецъ и мы разошлись отыскивать дорогу.

Не знаю, чѣмъ бы это кончилось, еслибы не странный случай, выведшій насъ изъ затруднительнаго положенія: со мной была моя охотничья собака, сопровождавшая меня весь походъ, пока мы блуждали съ моимъ мудрымъ совѣтникомъ, то въ ложбинѣ по поясъ въ снѣгу, то на бугоркѣ, совершенно обнаженномъ съ торчащими камнями, отыскивая дорогу, она тоже бѣгала по сторонамъ, какъ будто помогая намъ; вдругъ, откуда не возьмись, громадная собака; началась драка, я побѣжалъ на помощь и, вынувъ шашку, началъ наносить врагу удары, сперва тупой стороной, но когда онъ всетаки продолжалъ грызться, я ударилъ его остріемъ; собака завыла и черезъ пять минутъ скрылась изъ вида, но порѣзъ, должно быть, былъ довольно сильный, судя по струйкѣ крови на снѣгу, лившейся по всему пространству, гдѣ пробѣжала собака, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она, повидимому, встряхивалась, кровавыя брызги виднѣлись на снѣгу на пространствѣ, по крайней мѣрѣ $1^1/_2$ квадратнаго аршина. Вглядываюсь въ кровь, вдругъ мнѣ приходитъ въ голову счастливая мысль: куда могла бѣжать собака?

— Разумѣется—въ аулъ! закричалъ я въ восторгѣ во все горло.

Разсчетъ оказался вѣренъ: не прошло и получаса, какъ мы уже въѣзжали въ аулъ, привѣтствуемые воемъ собакъ. Оказалось, что въ сторону мы заѣхали, по крайней мѣрѣ, верстъ на десять, но ужь радовало и то, что хоть куда нибудь попали.

Войскъ нашихъ въ этомъ аулѣ еще не разу не было, какъ это мы узнали изъ разспросовъ жителей, которые встрѣтили насъ очень холодно и недружелюбно, но, замѣтя за поясомъ наши громадные смиттовскіе револьверы, дали ночлегъ и ужинъ, понятно, за плату.

На другой день, заблудившись еще нѣсколько разъ и, надломивъ о камни связки саней, такъ что онѣ едва-едва лепились и ежеминутно грозили развалиться, мы еле-еле къ вечеру добрались до Дели-Баба.

Трудно описать ту радость, которая овладѣваетъ вами, когда вы послѣ долгихъ блужданій, голода, обморозившіеся, потерявшіе уже всякую надежду розыскать своихъ, вдругъ видите солдатскую шапку съ околышемъ вашего полка.

Я прямо проѣхалъ къ казначею; первымъ моимъ словомъ было—здравствуй, вторымъ—есть ли ко мнѣ письма. И, увы! Письма давно уже были отосланы съ казакомъ къ намъ въ Зивинъ, такъ какъ предполагали, что мы еще тамъ.

Черезъ три дня я возвратился въ Яганъ; обратный путь прошелъ безъ всякихъ приключеній, безъ всякихъ блужданій. Въ Яганѣ наши собирались уже въ новый экстренный походъ.

N. N.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СОТЕННАГО КОМАНДИРА.

ода 1877 22-го мая вышелъ приказъ, о моемъ переводѣ въ Кизляро-гребенскій конный полкъ Терскаго казачьяго войска, а 23-го — то-есть на другой день по выходѣ приказа, покинулъ я Петербургъ, напутствуемый пожеланіями счастья и успѣха, со стороны пріѣхавшихъ на станцію Николаевской желѣзной дороги, добрыхъ знакомыхъ и родственниковъ. Въ поѣздѣ оказалось очень много, ѣхавшихъ въ дѣйствующую армію, и изъ разспросовъ, да и по формамъ одежды можно было узнать, кто ѣдетъ „на Дунай“, а кто „на Кавказъ“. Впрочемъ, послѣднихъ было сравнительно незначительное число, а именно: Его Высочество принцъ Константинъ Петровичъ Ольденбургскій, ѣхавшій въ распоряженіе Великаго Князя Главнокомандующаго, молодые поручики лейбъ-гусарскаго Его Величества полка князья Хилковъ, Орбельяни и я. Князь Орбельяни ѣхалъ на войну и торопился, желая какъ можно скорѣе попасть въ дѣло съ врагомъ, убившимъ въ прошлую кампанію его отца. Князь Хилковъ, совершенное дитя по лицу и годамъ, слѣдовалъ за своимъ другомъ княземъ Орбельяни, и не разу не участвовавъ въ

бояхъ, горѣлъ нетерпѣніемъ, подогрѣтымъ всѣмъ пыломъ девятнадцатилѣтняго увлеченія, достигнуть скорѣй театра военныхъ дѣйствій. Вообще, какъ ѣхавшіе въ дунайскую армію, такъ и отправлявшіеся въ дѣйствующій корпусъ на кавказской границѣ, находились въ какомъ-то судорожно-суетливомъ настроеніи, боясь непоспѣть первые къ переходу черезъ Дунай, а послѣдніе къ штурму, или взятію обложеннаго нами Карса. Вотъ почему весь путь нашъ, вплоть до Тифлиса, былъ совершенъ безъ малѣйшей остановки, и даже Москва несоблазнила насъ и незадержала нашего стремленія къ конечной цѣли нашего путешествія. Четырехмѣстный открытый экипажъ, запряженный шестеркой лучшихъ почтовыхъ лошадей, понесъ насъ по военно-грузинской дорогѣ и мчалъ такъ быстро, что двухсотъ-верстная дистанція, отдѣляющая Владикавказъ отъ Тифлиса, была совершена въ семнадцать часовъ времени. Эту быстроту передвиженія, можетъ оцѣнить по достоинству въ особенности тотъ, кто проѣзжавъ когда-либо по этой дорогѣ, знаетъ вышину ее подъемовъ и спусковъ. Кромѣ насъ, наше путешествіе отчасти раздѣляла мать князя Орбельяни, княгиня Варвара Ильинишна, урожденная княжна Чавчавадзе, симпатичнѣйшая и милѣйшая, уже пожилая женщина, когда-то заставившая всю Россію поговорить о ней, вслѣдствіе взятія ее съ сыномъ и сестрою въ плѣнъ Шамилемъ. Попавшись въ плѣнъ и, проведя у горцевъ нѣсколько мѣсяцевъ въ самой тяжелой неволѣ, княгиня была освобождена только обмѣномъ на сына Шамиля, съ прибавленіемъ крупной суммы денегъ. Тяжкій плѣнъ до сихъ поръ не изгладился изъ ея памяти, оставивъ тяжелое впечатлѣніе. Княгиня не любитъ вспоминать эту грустную эпоху ея жизни.

Теперь княгиня ѣхала изъ Петербурга провожать на войну своего единственнаго горячо-любимаго сына князя Георгія, когда-то еще грудным ребенкомъ, раздѣлявшаго съ ней плѣнъ у грознаго имама. Я говорю раздѣляла съ нами путешествіе отчасти, такъ какъ княгиня разумѣется ѣхала по желѣзной дорогѣ въ отдѣльномъ купэ, а на почтовыхъ въ каретѣ, впрочемъ нигдѣ отъ насъ не отстававшей. По пріѣздѣ въ Тифлисъ, мы нашли приготовленное для насъ помѣщенія въ домѣ генералъ-адъютанта князя Григорія Дмитріевича Орбельяни, дяди нашего спутника, отдавшаго весь верхній этажъ своего дома въ наше полное распоряженіе. Все время нашего пребыванія въ Тифлисѣ, мы были окружены такимъ радушіемъ и вниманіемъ, со стороны какъ князя-хозяина, уважаемаго всѣмъ Тифлисомъ и, надѣюсь, что не ошибусь, сказавъ всѣмъ Кавказомъ, такъ и со стороны остальныхъ родственниковъ и домочадцевъ, что память объ этихъ достойныхъ людяхъ и благодарность къ нимъ, никогда не изгладятся изъ моей памяти. Закупивъ въ столицѣ

Кавказа все, что казалось намъ необходимымъ въ походной жизни, Его Высочество предложилъ мнѣ дальнѣйшій путь продолжать вдвоемъ, такъ какъ нѣкоторые неоконченные дѣла, заставляли остальныхъ нашихъ спутниковъ, продолжить на нѣсколько дней ихъ пребываніе въ Тифлисѣ. Въ темную ночь въѣхали мы въ объятый сномъ Александрополь и долго плутали по немъ, не находя ни въ одной гостинницѣ свободнаго номера. Наконецъ намъ отворили двери комнаты, единственной свободной въ гостинницѣ „Бѣлградъ“. Но Господи, какой печальный видъ представляла изъ себя эта комната, съ одной кроватью, покрытою какимъ-то жалкимъ подобіемъ тюфяка, съ вылѣзавшей изъ разныхъ отверстій полусгнившею соломою. До полу этой комнаты повидимому, давно-давно не прикасалась половая щетка, такъ какъ полъ буквально былъ усыпанъ папиросными окурками, пробками, какими-то бумажками и всевозможною дрянью, перемѣшанными съ густымъ слоемъ пыли. Дѣлать было нечего, пришлось довольствоваться тѣмъ, что нашли, тѣмъ болѣе, что хозяинъ гостинницы увѣрялъ, что лучше этого номера нѣтъ въ цѣломъ городѣ. Разставивъ свои походныя постели, утоливъ свой голодъ, отвратительной „чихиртьмой“ и, успокоивъ себя фразой „a la guerre comme a la guerre“, легли мы спать съ твердымъ намѣреніемъ на утро покинуть грязное гнѣздо, именуемое гостинницей „Бѣлградъ“. Утромъ на другой день, я явился къ коменданту въ 11-ть часовъ утра, мы сѣли въ нанятый нами извощичій фаэтонъ и двинулись по направленію къ Карсу, къ селенію Мацра, гдѣ была расположена главная квартира Главнокомандующаго.

При выѣздѣ изъ Александрополя, насъ провожалъ генералъ Проскуряковъ, обратившійся къ намъ съ вопросомъ, есть-ли у насъ что-нибудь изъ теплой одежды и узнавъ, что у меня кромѣ бурки и лѣтняго пальто ничего не имѣется, заявилъ мнѣ, что иначе меня не отпуститъ, какъ давъ мнѣ теплый полушубокъ. Никакъ не ожидая, чтобы въ началѣ іюня въ такой южной полосѣ, какъ Карскій пашалыкъ, могли быть холода, я сначала отнесся къ этому предложенію съ нѣкоторой долею скептицизма, но, по пріѣздѣ къ мѣсту моей боевой службы, не разъ мысленно благодарилъ добраго старичка генерала, спасшаго меня неопытнаго, отъ ночныхъ стужъ суровой Арменіи, и теперь, пользуюсь случаемъ печатно благодарить за вниманіе. 5-го іюня часовъ въ 8-мь вечера, подъѣхали мы къ ставкѣ Великаго Князя. Его Высочество принцъ Ольденбургскій выйдя изъ экипажа, поцаловался съ гулявшимъ въ то время передъ своей палаткой Великимъ Княземъ и ушелъ въ палатку, и я остался съ вещами, въ полномъ невѣденіи, что мнѣ дѣлать, наконецъ рѣшился обратиться къ коменданту дѣйствующаго корпуса полковнику Арцишевскому за совѣтомъ.

Полковникъ Арцишевскій принялъ меня очень хорошо, немедленно

приказалъ разбить мнѣ палатку и указалъ на длинный шатеръ, гдѣ-бы я могъ найдти, что нибудь поужинать. Въ гостинницѣ засталъ нѣсколькихъ офицеровъ, съ которыми и вступилъ въ разговоры. Оказалось, что 2-й Кизляро-Гребенскій полкъ, двинулся въ составѣ отряда, шедшаго подъ главнымъ начальствомъ корпуснаго командира генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова къ Зевину, что если я выѣду на другой день утромъ, то имѣю нѣкоторые шансы догнать отрядъ, впрочемъ, рискуя попасть въ турецкія руки, такъ какъ между главнымъ отрядомъ и отрядомъ Лорисъ-Меликова сообщеній нѣтъ, вслѣдствіе неполнаго обложенія Карса.

На другой день я имѣлъ честь явиться къ Главнокомандующему, приказавшему мнѣ передать начальнику штаба генералу Павлову, чтобы меня до прихода полка или до возстановленія съ нимъ сообщеній, прикомандировали въ распоряженіе начальника 1-й сводной кавалерійской дивизіи, генералъ-маіора Шереметьева. Генералъ Шереметьевъ принялъ меня такъ, какъ умѣютъ принимать, только люди съ такой теплой душой какъ онъ. Но съ чьей стороны я встрѣтилъ отвратительный пріемъ, такъ это со стороны малоазіатскаго климата, или, вѣрнѣе, воды Карсъчая, отравленной разлагавшимися въ ней трупами, павшихъ и убитыхъ лошадей, внутренностями зарѣзаннаго скота и всевозможными нечистотами.

Сильная кровавая диссентерія приковала меня къ постели и измучила меня до того, что я даже думалъ отправиться къ праотцамъ. Горячіе припарки, страшныя дозы хины и каломель, а главное неустанный уходъ, ходившаго за мной, какъ за ребенкомъ доктора Кубанскаго полка Якубовича, поставили меня въ восьмидневный срокъ на ноги, но вполнѣ разслабленнаго и истомленнаго. 12-го іюня я лежалъ на кровати съ горячимъ компрессомъ на животѣ, какъ вдругъ въ лагерѣ раздалась тревога. Кавалерійскій лагерь стоялъ сзади пѣхотнаго, высылая только части для занятія аванпостовъ и прикрытія, громившихъ Карсъ батарей. Быстро стали сѣдлать коней бывшіе въ лагерѣ Тверскіе драгуны, 1-й Кубанскій казачій полкъ и сотня или двѣ Владикавказцевъ. Какъ не слабъ еще я былъ и несмотря на формальное запрещеніе доктора вставать, я не хотѣлъ пропустить случая и, приказавъ сѣдлать своего коня, сталъ поспѣшно одѣваться. Присоединившись къ Шереметьеву, поведшему кавалерію на крупныхъ рысяхъ, мимо пѣхотнаго лагеря, по направленію къ Карсу, я чувствовалъ, что еле сижу на лошади.

Оказалось, что турки сдѣлали вылазку изъ Карса и напали на аванпосты, занятые Владикавказскимъ полкомъ; при видѣ довольно значительной массы турецкой пѣхоты, наша цѣпь начала отступать, предварительно пославъ въ лагерь донесеніе.

Появленіе нашей кавалеріи и перестрѣлка спѣшенныхъ драгунъ и

казаковъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими удачно пущенными выстрѣлами нашихъ батарей, заставили вышедшую изъ крѣпости часть Карскаго гарнизона, повернуть обратно въ городъ, подъ прикрытіемъ орудійныхъ выстрѣловъ, направленныхъ въ нихъ съ крѣпостныхъ верковъ. Генералъ Шереметьевъ невозмутимо хладнокровно распоряжался своей дивизіей и проѣхался около, лежавшей стрѣлковою цѣпью, сотни Владикавказцевъ, пріостанавливаясь для наблюденія за непріятелемъ и тѣмъ, привлекая въ свою сторону, усиленный ружейный огонь. Такимъ образомъ въ день 12-го іюня, я впервые услыхалъ на малоазіатскомъ театрѣ войны свистъ турецкихъ пуль и жужжанье гранатъ, съ которыми я уже имѣлъ удовольствіе познакомиться раньше въ Сербіи. Эта вылазка стоила намъ только нѣсколькихъ раненыхъ нижнихъ чиновъ и лошадей, причемъ на долю послѣднихъ пришелся одинъ замѣчательный орудійный выстрѣлъ. Граната попала въ голову лѣвофланговой лошади перваго эскадрона Тверскаго драгунскаго полка, оторвавъ ей и сосѣдней съ ней лошади головы, между вторымъ и третьимъ конемъ передней шеренги упала на землю и, разорвавшись вывела изъ строя еще пять лошадей, не ранивъ ни единаго всадника, впрочемъ оторвавъ одному изъ нихъ подошву сапога съ каблукомъ.

Верховая ѣзда и въ особенности крупная рысь на довольно значительную дистанцію отъ лагеря до мѣста перестрѣлки, кажется принесли пользу моему здоровью, такъ какъ я уже на слѣдующій день чувствовалъ себя на столько бодрымъ, что рѣшилъ встать окончательно и прекратить леченіе, оставившее въ моемъ организмѣ пренепріятныя послѣдствія, а именно отъ хины глухоту и постоянное жужжанье въ ушахъ, а отъ каломеля сильную зубную боль и такое расшатыванье зубовъ, что положительно я не могъ жевать ничего, кромѣ самой мягкой пищи. 13-го іюня храбрая дивизія Кавказскихъ гренадеръ нѣсколько разъ пыталась штурмовать неприступныя Зевинскія высоты и, наконецъ, къ вечеру, измученная ослабленная, понесенными потерями, предприняла отступленіе изумивъ турокъ своимъ геройствомъ до того, что они несмотря на значительное превосходство въ силахъ, не рискнули преслѣдовать отступавшихъ. На другой день послѣ боя, въ нашемъ лагерѣ смутно пронесся слухъ о нашей неудачѣ подъ Зевиномъ, разумѣется съ сильнымъ преувеличеніемъ числа нашихъ потерь. Переходя изъ устъ въ уста, безъ указанія источника происхожденія; слухъ этотъ возвысилъ нашу неудачу до колосальнаго пораженія, съ числомъ убитыхъ и раненыхъ превышающимъ даже численность отряда, съ отданіемъ въ плѣнъ, знаменъ, орудій и генераловъ. Еще нѣсколько дней ожиданій и вернувшійся изъ-подъ Зевина, разстроенный, но не разбитый отрядъ, принесъ съ собой вѣрныя свѣдѣнія о первой неудачѣ, постигшей нашу армію въ эту кампанію, причемъ вся потеря сводилась къ 800 съ лишнимъ

убитыми и ранеными. 20-го іюня, около палатки корпуснаго командира происходила торжественная раздача знаковъ отличія военнаго ордена, нижнимъ чинамъ, отличившимся въ дѣлѣ подъ Зевиномъ. Корпусный командиръ подходилъ къ каждому выбранному командиромъ полка кавалеру и самъ навѣшивалъ кресты, обращался къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ распросами и пожеланіями. За корпуснымъ командиромъ подходилъ къ нимъ старый кавказскій генералъ, съ рукой на черной шелковой повязкѣ, съ сильно загорѣвшимъ лицемъ и большой сѣдой бородою. Этотъ боевой генералъ, по моему мнѣнію, вовсе непохожій на обыкновенно встрѣчающіеся и въ особенности сильно раскупаемые въ Петербургѣ послѣ взятія Ардагана его фотографическія карточки, оказался генераломъ Гейманомъ, за штурмъ Ардагана прозванный героемъ Ардагана въ телеграммѣ Лорисъ-Меликова, облетѣвшей Россію изъ конца въ конецъ и возвѣщавшей о паденіи этой крѣпости.

— Богатыри, желаю вамъ скорѣй заслужить вторые и третьи знаки, обратился онъ къ новымъ кавалерамъ, поздравивъ ихъ съ заслуженными ими наградами.

Громкое „постараемся ваше превосходительство“, весело раздалось въ отвѣтъ на пожеланіе начальника дивизіи.

Посмотрѣлъ я на эти сіяющіе отъ удовольствія лица и грустно стало мнѣ, невольно пробѣжала мысль, многіе-ли изъ тутъ стоящихъ доживутъ до конца войны, многимъ-ли изъ нихъ прійдется показать своимъ роднымъ и землякамъ серебряный крестъ, теперь такъ блестящій на ихъ грудяхъ, многимъ-ли прійдется вернуться въ родные села живыми, да здоровыми. Немедленно послѣ церемоніи раздачи, я представился корпусному командиру, съ которымъ еще познакомился, встрѣтившись на минеральныхъ эмскихъ водахъ.

— И вы, Ржевускій, къ намъ пріѣхали, обратился онъ ко мнѣ. Ну что-жъ милости просимъ, повоюемъ, да что это вы больны что-ли были, что это васъ такъ вытянуло? спросилъ онъ меня.

Я объявилъ причину моей перемѣны.

— Извините, но теперь у меня столько занятій, столько дѣлъ, что просто минуты свободной нѣтъ, докончилъ онъ, входя въ свою палатку.

Прямо отъ корпуснаго командира, направился я къ мѣсту, гдѣ расположился 2-й Кизляро-Гребенскій полкъ и тутъ познакомился, съ командиромъ полка подполковникомъ Климентовымъ, представившимъ меня, въ свою очередь, начальнику 2-й сводной кавалерійской дивизіи, генералъ-маіору Лорисъ-Меликову, пригласившему меня къ себѣ отобѣдать. Такъ какъ полкъ на другой день долженъ былъ идти на новую позицію, вслѣдствіе снятія обложенія Карса, то я рѣшилъ присоединиться къ полку, уже по расположеніи на новомъ мѣстѣ бивуакомъ и догналъ полкъ у селенія Хаджи-Вали. Командиръ полка назначилъ меня коман-

дующимъ 2-й сотней и я приступилъ немедленно къ пріему ввѣренной мнѣ части, отъ сотника Кособрюхова. Опросивъ всѣ претензіи, которыхъ, впрочемъ, и не оказалось, принявъ порціонныя деньги и всевозможные списки, началъ я исподволь знакомиться съ офицерами полка, а черезъ два дня уже велъ сотню на аванпосты. Аванпосты мнѣ пришлось разставить въ первый разъ по линіи, сдѣлавшейся знаменитой впослѣдствіи и обагренной массой турецкой и русской крови. Большія и Малыя Ягны, были заняты постами моей сотни. Мѣстность совершенно открытая, безъ всякой растительности, безводная, съ массою какъ бы нарочно разбросанныхъ повсюду камней. Жара стояла страшная, а между тѣмъ, единственнымъ прикрытіемъ отъ жгучихъ лучей солнца, служили бурки накинутыя на сложенныя въ козлы ружья. Казаки отыскивали выбоины въ большихъ каменьяхъ и тамъ, находя накопившуюся отъ дождей и утренней росы воду, и то въ самомъ незначительномъ количествѣ, съ жадностью упивались ею, иногда съ большимъ трудомъ высасывая ее своими воспаленными губами. Миріады мухъ положительно облепляли какъ людей, такъ и лошадей, съ трудомъ отгоняемыя, для того, чтобы вновь занять прежнее или новое мѣсто. Первые сутки аванпосты прошли у меня благополучно и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ смѣны новою частью, но оказалось, что меня никто не смѣнилъ, а прискакалъ казакъ съ предписаніемъ командира полка, снять посты, собрать сотню и направиться къ Курюкъ-Дара, куда шли всѣ части нашего отряда и гдѣ уже группировались отступившія изъ подъ Карса войска. Около селеній Полдырвана и Курюкъ Дара расположили большой лагерь, устроился базаръ и въ шатрахъ и полотянныхъ навѣсахъ, открыли торговлю армяне, пріѣхавшіе изъ Александрополя со всевозможною дрянью, съ полною увѣренностью въ хорошемъ сбытѣ своихъ товаровъ. Тутъ же пріютились, такъ называемыя, гостинницы, изъ которыхъ, почему-то, лучшею считалась гостинница M-me Pierre, хотя въ ней, какъ и въ другихъ, menü кушаній не шли дальше борща и жареной баранины, съ отвратительнымъ, яко-бы кахетинскимъ, виномъ. Впрочемъ, предпочтеніе отдаваемое M-me Pierre, можно объяснить тѣмъ, что сама хозяйка была единственная во всемъ лагерѣ женщина, хотя красотой не могущая удовлетворить даже самый невзыскательный вкусъ. 3-го іюля, нашъ полкъ, вмѣстѣ съ 1-мъ Горско-Моздокскимъ, двинулся подъ командой флигель-адъютанта свѣтлѣйшаго князя Витгенштейна, по направленію къ селенію Хаджи-Вали, для собранія свѣдѣній о томъ, гдѣ расположены турецкія силы, пришедшія подкрѣпленіемъ къ карскому гарнизону. Вмѣстѣ съ нами отправился французскій генералъ графъ де-Курси, типъ военнаго боевого человѣка. Командированный своимъ правительствомъ для присутствія на красносельскихъ маневрахъ, графъ предпочелъ участвовать въ военныхъ дѣлахъ и просилъ разрѣшенія, но такъ какъ къ штабу

главнокомандующаго дунайской арміей, былъ уже прикомандированъ полковникъ французской службы Гальяръ, то генерала де-Курси послали къ намъ.

Для графа боевая жизнь не была новою, такъ какъ онъ участвовалъ и въ Америкѣ и въ Севастопольской, мексиканской и франко-прусской кампаніяхъ. Остановившись для ночлега у с. Хаджи-Вали, расположивши бивуакомъ полки, около маленькаго костра, устроеннаго изъ съ трудомъ найденныхъ сучковъ и валежника, сѣли мы у огня, закусывая тѣмъ, что у кого нашлось; самымъ богатымъ по части закусокъ оказался командиръ 1-го Горско-Моздокскаго полка, полковникъ Фіерковскій, угощавшій и насъ; де-Курси отвернулъ пробку своей походной фляги и предложилъ намъ по стаканчику коньяку, начались общія разговоры, причемъ мнѣ приходилось исполнять роль переводчика, съ русскаго на французскій и наоборотъ, такъ какъ большинство изъ собесѣдниковъ не говорило по французски. Де-Курси, между прочимъ, разсказалъ слѣдующее:

Во многихъ бояхъ пришлось мнѣ участвовать, много пролитой крови пришлось увидать на моемъ вѣку, но нигдѣ я не видалъ такой бойни и такого количества труповъ, какъ въ день вступленія войскъ въ Парижъ послѣ коммуны. Городъ казался одной сплошной человѣческой бойней. Остервѣненіе солдатъ не имѣло предѣловъ, да оно и понятно, измученные войною, по окончаніи которой каждому изъ нихъ, только и думалось какъ бы скорѣй вернуться домой, а вмѣсто этого, быть задержанными у стѣнъ столицы, своими же однокровными братьями, видѣть раненныхъ и убитыхъ, не вражескими чужеземными пулями, а французскими, все это вывело изъ себя версальцевъ. Ни начальство, никто не могли сдержать разъяренныя жаждой мести войска. Вотъ вамъ примѣръ бывшій со мной. При входѣ въ городъ, я взялъ въ плѣнъ 27 коммунистскихъ артиллеристовъ, въ это время мнѣ сообщили, что на одной улицѣ устроена баррикада, я двинулъ бригаду для штурма баррикады, оставивъ 20 человѣкъ при плѣнныхъ, причемъ строго на строго запретилъ ихъ трогать, объявивъ, что они за нихъ отвѣчаютъ своими головами.. Взявъ баррикаду и вернувшись къ мѣсту, гдѣ были оставлены плѣненные нами, я нашелъ 27 труповъ, застрѣленныхъ и заколотыхъ штыками.

Поздно ночью разошлись мы, предварительно пославъ разъѣзды. Кромѣ того, командиръ нашего полка съ хорунжимъ Борисовымъ и десятью казаками, поѣхали тоже для развѣдокъ, увѣнчавшихся полнымъ успѣхомъ, такъ какъ утромъ на зарѣ былъ приведенъ ими раздѣтый и весь дрожащій отъ холода и страха мѣстный житель, армянинъ, показавшій, что онъ утромъ былъ въ турецкомъ лагерѣ и можетъ сообщить, что турки уже заняли Визинкевъ и укрѣпляютъ его, что войскъ у нихъ много и все прибавляется приходящими изъ-подъ Эрзерума, наконецъ,

что турки на всѣхъ возвышенностяхъ укрѣпляются и окапываются. Оказалось, что этого армянина нашъ разъѣздъ взялъ изъ селенія, рядомъ съ которымъ былъ турецкій бивуакъ. Къ нему взошли въ домъ, подняли съ постели и, не давъ даже одѣться, посадили на коня и привезли. Дѣйствительно, всѣ его показанія оказались, по сдѣланной нами рекогносцировкѣ, вполнѣ вѣрными. Обойдя между Большими и Малыми Ягнами, увидали мы вдали отдѣльныхъ всадниковъ, а за ними и сомкнутыя кавалерійскія части. Выславъ впередъ цѣпь наѣздниковъ, мы чуть было не открыли перестрѣлку, но смѣлость нѣкоторыхъ казаковъ, подъѣхавшихъ на такую дистанцію, что невооруженнымъ глазомъ могли разобрать принадлежность всадниковъ грузинской дружинѣ; смѣлость ихъ спасла насъ отъ стрѣльбы въ своихъ же.

Оказалось, что мнимый непріятель былъ другой кавалерійскій отрядъ, посланный съ одинаковой съ нами цѣлью изъ-подъ Карса и состоящій изъ 1-го Кубанскаго полка, Сѣверскихъ драгунъ, сотни охотниковъ 1-й Терской батареи и сотни грузинской дружины. Наша бригада обошла Большія Ягны съ одной стороны, между тѣмъ какъ тотъ отрядъ—съ другой, и мы соединились противъ возвышенности, на которой копошились люди, устраивающіе земляныя укрѣпленія. Съ нашимъ появленіемъ все плоскогорье стало болѣе и болѣе наполняться людьми.

Но вотъ показался бѣлый клубъ дыма, грянулъ выстрѣлъ и раздалось шипѣнье гранаты, впрочемъ, не долетѣвшей до насъ и при разрывѣ поднявшей цѣлый земляной столбъ. Мы пріостановились и слѣзли съ коней. Уставивъ козелъ изъ трехъ ружей, положилъ я на нихъ, на этотъ искусственный штативъ, мою подзорную трубу и сталъ разсматривать турецкую позицію. На ея правомъ флангѣ было укрѣпленіе, уже вполнѣ законченное, но, повидимому, еще орудія не установлены. Отъ этого укрѣпленія шелъ цѣлый рядъ ложементовъ для стрѣлковъ и масса каменныхъ заваловъ. Кромѣ того, всѣ болѣе или менѣе выдающіяся возвышенности кишѣли роющими землю рабочими. Сперва по всей позиціи замѣтны только были пѣхотныя части, но вскорѣ отъ Визинкева стали показываться значительныя массы конницы, сгруппировавшіяся на самомъ гребнѣ. Съ нашей стороны были посланы охотники и грузинская дружина поближе къ туркамъ, гдѣ, спѣшившись, начали съ ними перестрѣлку. Завязалась довольно частая стрѣльба; орудійные выстрѣлы тоже стали все чаще и чаще повторяться, возбуждая иногда, при сильномъ недолетѣ, взрывъ хохота, сопровождаемый веселыми прибаутками, со стороны казаковъ, стоявшихъ въ резервѣ. Турецкая пѣхота стала собираться въ сомкнутыя части и по всей позиціи начали разъѣзжать одиночные всадники, стрѣлявшіе съ коня въ нашихъ охотниковъ. Съ безумной отвагой приближались наши къ турецкой позиціи; нѣкоторые, сѣвъ на лошадей, даже кинулись въ шашки, причемъ я увидалъ слѣ-

дующую сцену: одинъ изъ охотниковъ, по костюму дагестанецъ, скакалъ за турецкимъ кавалеристомъ. Вдругъ турокъ пріостановился и, будучи очень близко отъ дагестанца, выстрѣлилъ въ него. Нашъ охотникъ слѣзъ съ лошади, сталъ на колѣни и, совершивъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, вновь сѣлъ на коня и началъ пострѣливать. Благодарилъ ли онъ судьбу и Аллаха за то, что въ него не попалъ его противникъ, или просто-на-просто пришла пора совершать молитву, не знаю, сообщаю только фактъ, видѣнный мною. Но вотъ какая-то кучка наѣздниковъ возвращается къ намъ. „Плѣннаго ведутъ“, заговорили казаки. Я сѣлъ на лошадь и поскакалъ на встрѣчу ѣхавшимъ. Человѣкъ шесть конвоировали турка съ большими сѣдыми усами, съ непокрытой головой и лицомъ въ крови; на лбу зіяла рана отъ шашечнаго удара. Его держали за руки, ведя его сѣрую скверную лошадь за поводъ. Лицо его выражало страхъ, да и не удивительно: замучивая всѣхъ своихъ плѣнныхъ, турки и насъ считали способными на такое же звѣрство.

Когда его подвезли къ начальнику отряда и ссадили съ лошади, онъ бросился на колѣни. Начали допрашивать. Оказалось, что онъ заптій, т. е. жандармъ; увѣрялъ, что только на-дняхъ прибылъ изъ Требизонда, свѣдѣній никакихъ дать не можетъ ни о числѣ войскъ, ни подъ чьимъ начальствомъ состоятъ, видѣнныя нами части.

Кровь однако такъ сильно лилась изъ его раны, залѣпляя ему глаза, что князь Витгенштейнъ приказалъ немедленно перевязать его. Началась перевязка: обмыли слипшіеся клоки сѣдыхъ довольно длинныхъ волосъ, причемъ длинные волосы возбудили сомнѣніе въ окружавшихъ въ принадлежности его къ магометанской религіи. Стали увѣрять, что онъ армянинъ, что вызвало съ его стороны сильный протестъ. Въ обмытую рану докторъ впустилъ зондъ и началъ имъ ощупывать черепъ, съ цѣлью убѣдиться, нѣтъ ли въ немъ трещины. Мучительная эта операція, не въ одномъ изъ окружающихъ вызвавшая морозъ по кожѣ, не заставила старика содрогнуться, не вырвала ни единаго стона, ни единаго слова. Докторъ объявилъ, что черепъ устоялъ противъ шашечнаго удара, и докончилъ перевязку.

Между взявшими его въ плѣнъ, началась ссора, все болѣе и болѣе разгоравшаяся. Оказалось, что они начали дѣлить между собою оружіе и лошадь плѣненнаго, причемъ каждый изъ нихъ выражалъ свои права, упрекая другаго въ томъ, что никто кромѣ его и неповиненъ въ взятіи въ плѣнъ. Прикрикнувъ на споривших, князь подѣлилъ по своему усмотрѣнію, причемъ всѣ безропотно повиновались.

А вотъ еще возвращающаяся группа, только причина ея возвращенія болѣе грустная. Это везутъ убитаго нашего татарина охотника. Чтобы скрыть его лицо отъ взоровъ любопытныхъ, товарищи надѣли ему на голову башлыкъ, завязавъ его такъ, что ни одинъ кусочекъ лица не

проглядываетъ. Тяжелое впечатлѣніе производитъ мертвое, безжизненное тѣло, везомое верхомъ съ наклоненною на грудь головою и болтающимися руками.

Чтобъ раскрыть численность турецкой кавалеріи, князь приказалъ 1-му Кубанскому казачьему полку развернуть фронтъ и двинуться по направленію къ Визинкеву. Лихо развернули фронтъ кубанцы и длинной шестисотенной линіей, съ развернутыми значками, раздуваемыми вѣтромъ, направились по указанному направленію. Турки сосредоточили на нихъ орудійный, впрочемъ, вполнѣ безвредный огонь.

Увидя, что турки не намѣрены встрѣтить кубанцевъ своей кавалеріею, а направляютъ на нихъ пѣхоту, приказано было казакамъ начать отступленіе. Цѣль нашей развѣдки была блистательно достигнута. Турки послѣдовательно развернули всѣ свои силы и дали возможность безошибочно опредѣлить ихъ число, а потому, было рѣшено возвратиться къ своимъ стоянкамъ. Но едва мы тронулись, какъ сзади насъ появилась масса черкесовъ, обсыпывающихъ насъ пулями. Пришлось выслать цѣпь для прикрытія отступающихъ, всѣмъ же остальнымъ ежеминутно поворачиваться лицомъ къ непріятелю, когда черкесы черезчуръ назойливонахально насѣдали на цѣпь. Не смотря на усиленную стрѣльбу, перестрѣлка эта оказалась по крайней мѣрѣ съ турецкой стороны безцѣльною тратою зарядовъ, не нанесшей намъ никакого вреда, за исключеніемъ двухъ раненыхъ лошадей. Въ цѣпи, прикрывающей отступленіе, находилась конвойная сотня Его Высочества Главнокомандующаго, подъ командою ротмистра Гватца.

Просто замучили насъ черкесы; не рискуя идти въ бой холоднымъ оружіемъ, они все-таки, приближаясь, заставляли насъ ежеминутно приготовляться для ихъ встрѣчи въ случаѣ аттаки, а потому то и дѣло раздавались команды: „повзводно налѣво кругомъ, стой“, съ слѣдовавшими затѣмъ остановками и выжиданьемъ аттаки. Только вблизи Курюкъ-Дара оставили насъ преслѣдовавшіе въ покоѣ.

Потянулись однообразные скучные дни. Стянулись всѣ наши войска и расположились двумя лагерями: одинъ въ Курюкъ-Дарѣ, другой подъ Башкадыкляромъ, два названія славныхъ для нашихъ войскъ боевъ прошлой кампаніи. Такъ какъ въ Курюкъ-Дарѣ кавалеріи было мало, а между тѣмъ линія аванпостовъ была очень велика, то насъ просто замучили аванпостами, водя аккуратно черезъ два дня въ третій, на сутки занимать, какъ называютъ казаки Иванъ-посты. Да и кромѣ сторожевой службы много трудовъ выпало на нашу долю; не успѣешь вернуться съ постовъ, гонятъ за двадцать верстъ прикрывать фуражировку, съ фуражировки цѣлой сотней въ ночной разъѣздъ, а тамъ и еще и еще. Не даромъ говоритъ пословица: „Служба казачья — доля собачья“.

6-го іюля на аванпостахъ стояла наша 1-я сотня. Вдругъ приска-

киваетъ съ постовъ казакъ и докладываетъ, что какой-то казачій полкъ окружила масса непріятельской кавалеріи и тамъ идетъ страшная перепалка. Въ лагерѣ поднялась тревога. Нашему полку и одному изъ Волжскихъ приказано на рысяхъ двигаться къ мѣсту побоища. Командиръ полка самъ поскакалъ къ нашимъ аванпостамъ, а мнѣ поручилъ вести полкъ. Между тѣмъ вышло слѣдующее: оказалось, что не смотря на полное желаніе вывести полкъ въ какъ можно большемъ составѣ, во фронтъ выѣхало семьдесятъ два человѣка, такъ какъ одна сотня была на аванпостахъ, двѣ же прикрывали фуражировку; дома оставалась только моя сотня, изъ которой и выѣхало во фронтъ семьдесятъ два казака. Нечего дѣлать, повелъ что собралъ.

По дорогѣ встрѣтилъ командира 1-го Волжскаго полка, полковника Крузенштерна, обратившагося ко мнѣ съ вопросомъ:

— Что это вы ведете?

— Кизляро-Гребенскій полкъ, полковникъ, отвѣчалъ я, объясняя въ чемъ дѣло.

— Такъ присоедините вашъ полкъ къ моему, и пойдемъ вмѣстѣ.

Оказалось, что мы уже опоздали, такъ какъ на выручку Владикавказскаго казачьяго полка, бывшаго подъ командою полковника Панина и окруженнаго нѣсколькими тысячами черкесовъ и баши-бузуковъ, пришла кавалерія изъ ближайшаго башкадыклярскаго лагеря, при видѣ которой непріятель счелъ гораздо благоразумнѣе ретироваться. Не прійди помощь во-время, сильно бы досталось владикавказцамъ, да и безъ того они понесли большую потерю, болѣе двадцати человѣкъ потерявъ выбывшими изъ строя. Съ этого дня турки стали все болѣе и болѣе приближаться къ нашимъ аванпостамъ, выбравъ мѣстомъ для своего главнаго лагеря Аладжу, большую гору, сплошь усѣянную конусообразными палатками, и размѣстивши отдѣльные лагеря, по всѣмъ высотамъ вплоть до Карса. Число палатокъ ежедневно видимо росло. Благодаря моей сильно приближающей трубѣ, я, стоя на аванпостахъ, выбралъ себѣ занятіемъ наблюденіе въ нее надъ турецкимъ лагеремъ. Занятіе это пришлось очень по-душѣ казакамъ, и труба никогда до сумерекъ не оставалась свободною. Бывало, другой казакъ болѣе получаса мучается, наводя себѣ по глазамъ, составныя части трубы и, устроивъ, таетъ отъ восторга, видя даже, что дѣлаютъ отдѣльныя личности.

— Ишь вѣдь какъ близко, даже страшно становится; какъ бросится, такъ изъ-подъ трубы и ружья не успѣешь достать, говорилъ одинъ казакъ, у котораго ружье входило въ козлы, составленные для того, чтобъ была подзорной трубѣ точка опоры.

Разъ какъ-то утромъ, увидя какъ вышло десять турецкихъ батальоновъ въ полной готовности и спустились съ горы, я послалъ объ этомъ донесеніе командиру полка. Оказалось, что батальоны вышли на ученье

и, продѣлавъ всевозможныя построенія, вернулись въ лагерь. Впослѣдствіи, на Караялѣ, горѣ, откуда было обширное поле зрѣнія, поставлена была палатка и въ ней великолѣпный телескопъ, въ который постоянно должны были наблюдать спеціально для этого назначенные топографы.

На аванпостахъ пришлось мнѣ познакомиться съ графомъ Михаиломъ Павловичемъ Граббе, еще бывшимъ тогда полковникомъ. Съ постовъ прискакалъ казакъ и заявилъ мнѣ, что меня требуетъ къ себѣ начальникъ аванпостной линіи. Живо вскочивъ на лошадь, поскакалъ я въ полной увѣренности, что встрѣчу бывшаго начальникомъ аванпостовъ, полковника Климентова, и былъ крайне удивленъ, увидѣвъ старичка генерала, ѣхавшаго на буланой лошади, рядомъ съ нимъ полковника и еще нѣсколькихъ офицеровъ. Я было направился къ генералу, но полковникъ обратился ко мнѣ.

— Это я васъ требовалъ, графъ Граббе, очень радъ съ вами познакомится, съ сегоднишняго дня корпусный командиръ назначилъ меня главнымъ начальникомъ аванпостовъ, а потому прошу васъ, покажите мнѣ какъ у васъ расположены посты.

— Ваше превосходительство, позвольте мнѣ представить вамъ маіора Ржевускаго, докончилъ графъ, обращаясь къ генералу, оказавшемуся генераломъ Шульцемъ, всѣми уважаемымъ старичкомъ, несмотря на свои старые годы и разслабленное здоровье, не пожелавшимъ оставаться дома когда была объявлена война, и теперь состоящимъ при Великомъ Князѣ.

Объѣхавъ всѣ посты, выѣхавъ впередъ цѣпи и осмотрѣвъ впереди лежащую мѣстность, вернулись мы къ главному караулу, гдѣ и закусили привезенной графомъ закуской, въ которой главную прелесть составляли давно нами невиданныя пирожки съ капустой. Съ генераломъ Курси былъ во время моей стоянки на аванпостахъ, слѣдующій случай. Такъ какъ путь изъ Кирюкъ-Дара къ Башкадыкляру пролегалъ черезъ нашу линію аванпостовъ, то во избѣжаніе прохода подозрительныхъ личностей, приказано было у всѣхъ незнающихъ пропуска спрашивать записки, выдававшіяся комендантомъ, съ обозначеніемъ цѣли и мѣста отправленія. Генералъ Курси проѣхалъ въ Башкадыкляръ утромъ рано, когда еще не было въ цѣпи моей сотни, притомъ онъ былъ съ офицерами, знавшими пропускъ. Отобѣдавъ и увидавъ, что изліянія Бахуса идутъ все crescendo и crescendo, „нашъ французъ"—какъ его впослѣдствіи называли солдаты—рѣшилъ скрыться незамѣченнымъ. Выйдя потихоньку, онъ сѣлъ на лошадь и направился къ Кирюкъ-Дара; при его приближеніи къ нашей цѣпи, постъ, увидавъ его красную кэпи, окликнулъ его и спросилъ пропускъ; генералъ, ничего не понимая, выругалъ, и тѣмъ разумѣется нисколько неудовлетворилъ казака, пославшаго ко мнѣ подчаска съ заявленіемъ, что должно быть англичанинъ подъѣхалъ къ цѣпи

и незнаетъ пропуска. Ничего не зная и не догадываясь, поѣхалъ я, и на мѣстѣ разъяснилось въ чемъ дѣло.

— Хорошо, что вы на аванпостахъ, а попадись офицеръ, неговорящій по французски, да еще не видѣвшій меня ни разу, пожалуй взяли-бы меня, да подъ конвоемъ отослали въ лагерь, говорилъ онъ, отъ души смѣясь надъ чуть было не постигшемъ его арестомъ.

Не помню котораго числа, назначена была моя сотня въ разъѣздъ, по направленію къ Субботану. Уже казаки сѣдлали лошадей и готовились къ выступленію, когда я увидалъ подъѣзжающимъ къ моей палаткѣ инженеръ-капитана Козлова, состоявшаго въ то время при генералѣ Рербергѣ и пріѣхавшаго навѣстить меня. Я извинился передъ нимъ, что долженъ скоро его покинуть, на основаніи пословицы: „служба службой, а дружба дружбой“.

— Да ты куда ѣдешь, въ ночной разъѣздъ? У тебя нѣтъ субалтернъ-офицера, такъ возьми меня съ собою, въ разъѣздъ пошлешь, куда хочешь, буду какъ твой офицеръ, обратился ко мнѣ Козловъ.

Я принялъ его предложеніе и дѣйствительно, распоряжался имъ, какъ-будто своимъ офицеромъ,ославъ его для развѣдокъ, и проговоривъ о томъ о семъ, вплоть до утра. Нужно замѣтить, что въ нашемъ полку, за исключеніемъ завѣдующаго хозяйствомъ, казначея, дѣлопроизводителя, адъютанта и 4-хъ сотенныхъ командировъ, не было офицеровъ, и потому безъ помощниковъ, на долю сотенныхъ командировъ, пришлась очень тяжелая служба. Надо обладать большимъ запасомъ силъ и здоровья, чтобы вообще вынести всю тяжесть казачьей службы въ военное время. Хотя на войнѣ служба во всѣхъ родахъ войскъ нелегка, но все претерпѣваемое пѣхотою, артиллеріей и даже регулярной кавалеріей, ничто въ сравненіи съ обязанностями, возлагаемыми на казаковъ. Въ артиллеріи, самая покойная, самая завидная служба, за исключеніемъ самаго боя, когда и на долю артиллеристовъ выпадаетъ значительная доля труда, да притомъ несмотря на кажущуюся съ перваго взгляда опасность, артиллерійская служба самая безопасная, какъ показываетъ незначительный процентъ убитыхъ и раненыхъ въ эту войну артиллеристовъ. Всѣ походныя движенія, совершая подъ охраною пѣхоты и кавалеріи, передвигаются орудія съ мѣста на мѣсто, и артиллеристамъ нечего заботится объ ихъ охранѣ. Они твердо увѣрены, что прикрытіе не допуститъ срама—возможности отдать въ непріятельскія руки врученное ему добро и идутъ спокойно, защищенныя со всѣхъ сторонъ. Пришли на мѣсто ночлега, выпрягли лошадей и нѣтъ имъ заботы, отдыхай, спи себѣ въ волю; всего-то хлопотъ, что почистить орудіе да накормить коней. Пѣхотинцу тяжелы бой и самый походъ, иногда несоразмѣрный его силамъ, въ особенности когда ему придется попасть подъ команду начальника, никогда неслужившаго въ пѣхотѣ. Ѣдетъ себѣ генералъ, по-

качиваясь на лошадкѣ, и горя ему мало, что солдатики выбились изъ силъ, истомились въ ожиданіи привала, и некому дать понять его превосходительству, что люди идутъ „на своихъ, на двоихъ", а не ѣдутъ подобно ему верхомъ, что на солдатскихъ спинахъ ранецъ со всѣмъ ихъ имуществомъ, а на плечахъ тяжелое ружье, что обувь, зачастую дурно пригнанная, многимъ уже натерла ноги, причиняя страшную боль при каждомъ шагѣ, наконецъ, что нѣкоторымъ положительно необходимъ хоть самый незначительный отдыхъ для возобновленія утраченныхъ силъ, и что хвостъ отсталыхъ все болѣе и болѣе увеличивается. Но и многострадальный пѣхотный солдатъ, окончивъ свой походъ, является совершенно свободнымъ располагать своимъ временемъ, сообразно его желанію, немедленно по приходѣ на мѣсто бивуака. Сниметъ онъ ранецъ, сложитъ ружья въ козлы и дѣлай что хочешь; усталъ, ложись спать; до новаго похода, или дѣла, никто тебя не побезпокоитъ, а послѣ отдыха дѣлаешься другимъ, съ обновленными силами человѣкомъ. Регулярная кавалерія, по крайней мѣрѣ въ дѣйствующемъ на кавказской границѣ корпусѣ, рѣдко посылалась на аванпосты, да если и посылалась, то для стоянки у главнаго караула въ резервѣ, слѣдовательно несло, сравнительно, легкую службу. На долю-же казаковъ, на ихъ богатырскіе плечи, взвалили тяжесть непомѣрную и несмотря на то, они съ честью вынесли ее. Идутъ казаки походомъ, составляя авангардъ и аррьергардъ колоны, это глаза и уши ея; ничто не должно ускользнуть отъ ихъ вниманія, за все неожиданное являются они отвѣтчиками. Съ боковъ въ саженяхъ 200 отъ колоны, двигаются одиночные казаки, называемые дозорными, плетутся безъ дороги, по пахоти, болоту, выбирая спуски съ обрывовъ, броды рѣчекъ, осматривая каждый овражекъ, всякую неровность земной поверхности. Представилась опасность, оказано сопротивленіе, началась перестрѣлка, первый подвергается опасности тотъ-же передовой казакъ.

Во время боя нашимъ Терцамъ и Кубанцамъ тоже доставалось не мало, неговоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда спѣшивали казаковъ, и они выполняли роль предозначенную пѣхотѣ, осыпая непріятеля мѣткими выстрѣлами берданокъ. Но и стоя въ резервѣ, выжидая удобный моментъ для дѣйствія чисто кавалерійскаго, губительный огонь турецкаго дальнобойнаго оружія выводилъ многихъ изъ рядовъ. При всякомъ отдѣльномъ начальникѣ, есть казачій конвой, отдаваемый въ его полное распоряженіе и надо видѣть, какъ нѣкоторые изъ нихъ пользуются этимъ. Считая, что казакъ неутомимъ, что онъ все вынесетъ, разсылаютъ его въ разныя стороны, цѣлыя сутки не принимая во вниманіе, что лошадь едва плететъ ноги отъ усталости, что казакъ, прежде всего, человѣкъ, и требуетъ хоть немного отдохновенія при утомленіи; объ опасностяхъ

чисто боевыхъ я не говорю, такъ какъ кто-же изъ честныхъ людей, бывшихъ на войнѣ не подвергался имъ.

Распредѣленіе конвоевъ и ординарцевъ, производилось въ эту войну самымъ примитивнымъ и нераціональнымъ способомъ. Такъ, напримѣръ, нуженъ конвой въ 20 человѣкъ, командиръ полка отдаетъ приказаніе сотенному командиру о выборѣ двадцати человѣкъ изъ его сотни; требуется разъѣздъ въ 12 человѣкъ, сейчасъ-же изъ другой сотни; нужно шесть ординарцевъ — изъ третьей, вслѣдствіе чего полкъ ослаблялся этими командировками до того, что иногда во время боя, командиръ полка оставался съ четырьмя сотенными командирами, да съ казаками, изъ которыхъ едва можно было составить сборную сотню, вслѣдствіе чего полкъ, хотя и принималъ участіе въ сраженіи, не представлялъ изъ себя боевой единицы. Въ Пруссіи, въ послѣднюю кампанію, это неудобство избѣгли тѣмъ, что передъ каждымъ дѣломъ назначались дежурные полки, на обязанности которыхъ лежали всѣ подобнаго рода назначенія, такъ что недежурныя части оставались въ полномъ составѣ. Но всѣ эти утомительныя обязанности ничего въ сравненіи съ тяжелой аванпостной службой. Утомилъ-ли васъ бой, устали-ли вы, вслѣдствіе большаго сдѣланнаго вами перехода, но по приходѣ на мѣсто бивуака, очередная часто посылается исполнять сторожевую службу. При этомъ ни время ни погода не принимаются въ разсчетъ—охрана должна быть и казаки безропотно идутъ оберегать спокойствіе отряда. Придешь бывало позднею ночью на незнакомую мѣстность, посылаютъ сотеннаго командира разставлять посты. Ни зги не видать; идешь почти ощупью; лошади спотыкаются о попадающіеся подъ ноги каменья, полное безмолвіе, развѣ что кто нибудь изъ казаковъ зѣваетъ во всеуслышаніе и перекрестясь, полушепотомъ промолвитъ: „Господи прости“, либо конь фыркнетъ, выдувая набившую ноздри пыль.

Разставишь посты, выберешь мѣсто для главнаго караула, укутаешься въ бурку и только и думаешь, какъ бы скорѣй прошло время до смѣны новою частью, а остальныя войска, тѣмъ временемъ, покойно отдыхаютъ на бивуакѣ. Внѣ службы, во время стоянки подъ Курюкъ-Дара наше препровожденіе времени отличалось однообразіемъ и монотонностью; вставали очень рано, потомъ собирались у кого нибудь изъ офицеровъ въ палаткѣ; на разостланную бурку, а у кого былъ коврикъ, такъ на немъ, устанавливалась водка съ закуской, состоящей, въ большинствѣ случаевъ, изъ разваренной баранины, изрѣдка замѣнявшейся свѣжими огурцами, обмакиваемыми въ уксусъ и съ наслажденіемъ уничтожаемыми. Начнутся разговоры; если клонитъ ко сну, пойдешь спать, накрывая лицо отъ назойливо насѣдающихъ мухъ, затѣмъ смотришь и настало время обѣдать, принесетъ казакъ кострюльку съ супомъ, поѣшь запьешь нѣсколькими стаканами бѣлаго кахетинскаго ви-

на, если что нибудь есть читать— почитаешь, а тамъ и опять „на боковую".

Но, повторяю, такихъ дней полнаго отдыха было такъ мало, что естественно, что въ подобные дни, каждый только и думалъ объ отдыхѣ. А то иногда выпьетъ офицерство лишній стаканъ вина, развеселится товарищескій кружокъ, позоветъ пѣсенниковъ, и пойдетъ кутежъ; забыты тяжелая служба, объ опасностяхъ и въ умъ никому не приходитъ, на душѣ станетъ спокойно, веселое настроеніе охватываетъ все ваше существо, не давая мѣста ничему грустному. Запоютъ лезгинку, всѣ мѣрно отбиваютъ въ ладоши тактъ, выйдутъ два лихихъ линейца, плавно выступая въ этомъ характеристичномъ кавказскомъ танцѣ, то погонются одинъ за другимъ, то вдругъ круто повернувъ назадъ, становятся лицомъ къ лицу передъ, въ свою очередь снова уходящимъ отъ преслѣдованія, казакомъ, пляшущимъ за женщину. Одна пара мѣняется другой, охотниковъ много и незамѣтно проходитъ время и наступаетъ поздняя ночь. Между офицерами завязались самыя дружескія отношенія,—никогда ни малѣйшей непріятности, ни одного недоразумѣнія, мы жили одной дружной семьей. Не знаю по какой причинѣ, насъ вдругъ подняли съ нашего мѣста и перевели немного дальше къ рѣкѣ, куда и поставили вмѣстѣ съ 1-мъ Волжскимъ полкомъ. Впрочемъ и на новомъ мѣстѣ насъ не долго держали; въ ночь съ 15-го на 16 іюля, я былъ назначенъ вести сотню по направленію къ с. Паргетъ, въ ночной разъѣздъ. Опрошенные въ пѣхотной цѣпи, двигались мы, соблюдая полную тишину, какъ вдругъ прискакалъ казакъ и привезъ предписаніе командира полка немедленно вернуться къ полку.

По прибытіи на бивуакъ, оказалось, что полку приказано на разсвѣтѣ идти на Огинъ, гдѣ, переправившись черезъ рѣку Арпачай, расположиться бивуакомъ, посылая разъѣзды по нашей границѣ, идущей по теченію этой рѣки. У селенія Огинъ, расположеннаго уже на нашемъ берегу, Арпачай течетъ въ довольно отлогихъ берегахъ и тутъ бродъ очень удобно проходимый. Какъ мы, такъ и 3-й саперный батальонъ были поставлены у этого брода для охраны нашей границы отъ набѣговъ вражескихъ шаекъ, съ цѣлью грабежей армянскихъ ауловъ, кромѣ того и намъ подданные курды не оставляли въ покоѣ мирныхъ армянъ, а потому на насъ легла тоже обязанность защищать ихъ. Черезъ два дня по нашемъ приходѣ въ Огинъ, насъ двинули дальше, по прибрежной, такъ называемой постовой дорогѣ. Постепенно проходя мимо пограничныхъ постовъ и миновавъ большой аулъ съ старинною каменною церковью (армянское селенье именуемое Кизиль-Килисса), что по армянски обозначаетъ красная церковь, остановились мы около Анинскаго поста, противъ развалинъ древней столицы Арменіи. Съ тѣхъ поръ и вплоть до конца сентября мы не покидали береговъ нашей пограничной рѣки

Арпачая. Сперва разставили нашъ полкъ посотенно, около Анинскаго, Абдурахманскаго и Георгіевскаго постовъ, одну же сотню перевели на турецкій берегъ, для содержанія аванпостовъ у поставленнаго около Ани незначительнаго отряда, причемъ на мою долю досталось проскучать на Абдурахманскомъ посту. Стоять около пограничнаго поста отдѣльной сотней не представляетъ ничего заманчиваго, напротивъ отличается страшной скукой, такъ какъ остаешься цѣлые сутки въ полномъ одиночествѣ, не съ кѣмъ слова промолвить, за исключеніемъ казаковъ сотни, между тѣмъ все время надо быть на чеку, вслѣдствіе чего, то и дѣло что разсылались конные разъѣзды въ обѣ стороны, до встрѣчи съ таковыми же другихъ сторонъ.

Кромѣ того на ночь, во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ была хоть малѣйшая возможность спуститься съ обрывистыхъ, почти отвѣсныхъ береговъ Арпачая и перейти на нашу сторону, ставились секреты. Въ случаѣ нашего нападенія, для призыва на выручку остальныхъ сотенъ были устроены деревянные, обвитые соломою, облитой смолою, вѣхи, поставленные въ пунктахъ, видимыхъ съ остальныхъ постовъ.

На другой день, по прибытіи моей сотни на Абдурахманскій постъ, часовой, стоявшій на постовой вышкѣ, заявилъ мнѣ, что какая-то масса людей,—по поднятой ими пыли, можно судить, что кавалерія—показалась на турецкой сторонѣ и направляется къ намъ. Приказавъ сотнѣ быть готовыми на всякій случай, я разглядѣлъ турецкій регулярный кавалерійскій полкъ и убѣдился, что намъ непредстоитъ ни малѣйшей опасности, такъ какъ полкъ сталъ съ очевидною цѣлью расположиться бивуакомъ. При этомъ мнѣ пришлось убѣдиться, до чего сильна у турокъ вкоренившаяся привычка обкапывать, повсюду гдѣ только ихъ войскамъ приходится останавливаться. Неуспѣли слѣзть съ коней турецкіе кавалеристы, какъ рабочіе съ лопатами принялись рыть кругомъ бивуака ровъ и ложементы, что у насъ для кавалеріи, какъ то кажется смѣшнымъ, а у турокъ я видѣлъ собственными глазами. Никогда ни разу, за все время моего нахожденія у Абдурахманскаго поста, не тревожилъ меня какими бы то ни было враждебными нападеніями, стоя другъ противъ друга, впрочемъ на значительную дистанцію и раздѣленныя почти непроходимой рѣкой, отдѣльные всадники этого полка. Въ большинствѣ случаевъ четыре и какъ кажется всегда тѣже самые, ежедневно на разсвѣтѣ подъѣзжали къ берегу Арпачая и поднимали стрѣльбу, по ходящему на вышкѣ часовому. Должно быть стрѣлки не были изъ лучшихъ, такъ какъ ни разу, ни одна пуля ни въ кого не попала. Кончалось дѣло обыкновенно тѣмъ, что нѣсколько пущенныхъ берданочныхъ выстрѣловъ нашихъ казаковъ прогоняли охотниковъ на нашего часоваго.

Однакожъ, ежедневное аккуратное появленіе всадниковъ вывело казаковъ изъ терпѣнія, и они обратились ко мнѣ съ просьбою, ночью пе-

ребраться на турецкій берегъ, залечь за камнями секретомъ и утромъ ихъ убить или взять живьемъ. Охотниковъ на это предпріятіе оказалось много, но я разрѣшилъ только десятерымъ, подъ начальствомъ приказнаго Ханчикова. Взявъ на себя отвѣтственность, никого не спросивъ разрѣшенія, отпуская ихъ, я провелъ въ высшей степени тревожную ночь, боясь за результатъ. Всю ночь я не могъ сомкнуть глазъ, ожидая съ минуты на минуту ружейные выстрѣлы, но вся ночь и наступившее утро прошли спокойно, а въ десять часовъ утра вернулись, измокшіе при переправѣ черезъ Арпачай, мои охотники и объявили мнѣ, что несмотря на то, что всѣ искуссно спрятались, всадники не появлялись и ихъ попытка осталась безъ результатовъ.

Съ того дня никто больше насъ не безпокоилъ, и не смотря на казавшуюся съ перваго взгляда, вслѣдствіе изолированности нашей, опасность, стоянка у Абдурахмана прошла вполнѣ благополучно, что можно объяснить себѣ тѣмъ, что турки, имѣя въ средѣ своей много армянъ, знавшихъ хорошо нашъ берегъ, знали, что отъ Кизиль-Килисса вплоть до Кульпъ, т. е. на разстояніи почти ста верстъ береговой линіи, нѣтъ ни одного селенія, слѣдовательно нѣтъ ничего достойнаго разграбленія, между тѣмъ, переходъ черезъ Арпачай стоилъ бы большихъ потерь и могъ быть даже задержанъ самымъ незначительнымъ отрядомъ, до прихода помощи, что и оказалось впослѣдствіи, при попыткѣ партіи черкесъ поджечь Анинскій постъ.

Отдаленность какого бы то ни было жилья, ставила насъ въ большое затрудненіе по добыванію самыхъ необходимыхъ съѣстныхъ продуктовъ. Ближайшимъ населеннымъ пунктомъ было селенье Кизиль-Килисса, отстоящее отъ Абдурахмана болѣе чѣмъ на двадцать верстъ, но, во первыхъ, это селеніе было болѣе чѣмъ на половину пусто, такъ какъ жители, послѣ нѣсколькихъ одиночныхъ случаевъ нападенія на нихъ курдовъ, и, въ особенности, увидавъ приближеніе турецкаго лагеря къ нашей границѣ, переселились со всѣмъ имуществомъ въ Александрополь и другія, болѣе безопасныя мѣста, а во вторыхъ, тѣ что остались, ни за какія деньги не отдавали продуктовъ посылаемымъ казакамъ, причемъ нѣкоторые злые языки объясняли это нежеланіе продавать, слѣдующимъ. Если намъ они не продадутъ, то мы имъ за это ничего не сдѣлаемъ, если же турки, разбивъ насъ, появятся на нашемъ берегу, то немедленно потребуютъ все даромъ, и тѣмъ, кто окажется ничего не имѣющимъ, безъ всякихъ разговоровъ „секимъ башка“. Вотъ почему лучше было, по ихъ мнѣнію, отказаться отъ выгодной продажи куръ, гусей и тому подобной живности, чѣмъ имѣть въ перспективѣ смерть. Для сотни, получавшей все время войны по полтора фунта говядины въ сутки на каждаго казака, приходилось иногда для закупокъ посылать эконома за сорокъ, пятьдесятъ верстъ, къ горѣ Алагезу, къ кочевьямъ Куртинъ.

По картѣ оказалось, что въ верстахъ двадцати отъ насъ, должно быть какое-то селенье. Желая, чтобъ состоявшій при мнѣ казакъ купилъ мнѣ куриць и хлѣба, послалъ я его съ утра, объяснивъ ему, гдѣ находится это селеніе. Казакъ вернулся на другой день въ полдень, объясняя, что указанное мною селеніе, не болѣе не менѣе какъ куртинскій аулъ, подобно всѣмъ куртинскимъ жильямъ, брошенный на лѣто, кочующими по горамъ и преимущественно по Алагезу, курдами. Не найдя никого въ аулѣ, посланный мною, не желая возвращаться съ пустыми руками, отправился на розыски и сдѣлавъ, по его мнѣнію, болѣе шестидесяти верстъ, нашелъ кочующихъ курдовъ; тутъ явилось новое затрудненіе, никто не понималъ русскаго языка; къ счастью, мой казакъ зналъ какъ по армянски курица, хотя, кажется, этимъ и ограничивался лексиконъ его свѣдѣній по части армянскаго языка. Кое-какъ онъ объяснилъ имъ и купилъ двѣ курицы и нѣсколько лавашей, хотя и за очень высокую плату.

Зданіе Абдурахманскаго поста ничѣмъ не отличалось отъ всѣхъ прочихъ постовъ по р. Арпачаю. Въ мирное время, эти, построенные правильнымъ четырехугольникомъ со дворомъ внутри, каменные дома, имѣютъ двери и стекла въ окнахъ; со времени же объявленія войны брошенные безъ присмотра, они подверглись такому дружному нападенію мѣстныхъ жителей, не страшившихся очень дальнихъ разстояній, для захвата нѣсколькихъ стеколъ и бревенъ, что въ настоящее время представлялись безъ единаго стеклышка, безъ одной двери и даже безъ оконныхъ рамъ. Однимъ словомъ, помѣщеніе въ любой палаткѣ было несравненно удобнѣе и, во всякомъ случаѣ теплѣе, такъ какъ въ оконныя отверстія врывался вѣтеръ, обдававшій, въ особенности ночью, сильнымъ холодомъ все тѣло.

Но всѣ неудобства были ничто, въ сравненіи съ скукою, вслѣдствіи полнаго одиночества и страшнаго однообразія, какъ природы, такъ и обыденной жизни. Правда, у меня была сотня, но каждый знаетъ, какъ разговариваютъ подчиненные съ начальникомъ и въ особенности у казаковъ, гдѣ дисциплина въ крови каждаго изъ нихъ, всосанная вмѣстѣ съ молокомъ матери. Обыкновенно разговоръ ограничивается лаконическими отвѣтами на заданные вопросы, съ стѣсненіемъ сказать что-нибудь лишнее, съ постояннымъ прибавленіемъ титула ваше высокоблагородіе, однимъ словомъ, ни въ какомъ случаѣ не могущій быть большимъ подспорьемъ для разгона одуряющей скуки.

За все время, только одинъ вечеръ удалось провести въ офицерскомъ обществѣ, а именно, при проходѣ къ эриванскому отряду Тверского драгунскаго и 2-го Горско-Моздокскаго казачьяго полковъ, составлявшихъ бригаду, подъ начальствомъ князя Щербатова, сообщившихъ мнѣ нѣкоторыя новости о томъ, что творилось въ главныхъ силахъ.

Между прочимъ, разсказали слѣдующій великодушный поступокъ, совершенный моимъ путевымъ спутникомъ княземъ Орбельяни. Князю Георгію Орбельяни, отправившемуся съ казачьимъ разъѣздомъ, удалось настигнуть нѣсколько непріятельскихъ курдовъ. Видя неизбѣжность плѣна, курды, соскочивъ съ лошадей, бросились на колѣни, прося пощады. Князь запретилъ казакамъ трогать сдающихся и приказалъ только, прежде чѣмъ повести ихъ за собою, предварительно обезоружить. Вдругъ одинъ изъ ползавшихъ на колѣняхъ, выхватываетъ изъ за своего пояса пистолетъ и, почти въ упоръ направивъ въ Орбельяни, спускаетъ курокъ. Вѣроломный поступокъ курда отразило провидѣніе, такъ какъ произошла осѣчка и выстрѣла не послѣдовало. Казаки, видѣвшіе это, бросились съ вынутыми шашками съ цѣлью искрошить куртина, но были остановлены Орбельяни, запретившимъ его трогать, а только обезоружившимъ его и поведшимъ вмѣстѣ съ другими въ лагерь, гдѣ и разнеслась объ этомъ молва, разсказанная сопровождавшими его казаками.

Надо сознать, что необходимъ громадный запасъ самообладанія, чтобъ поступить, какъ поступилъ князь Орбельяни, и смертью не наказать дерзкую попытку человѣка, бывшаго въ полной его власти. Вообще, трудно себѣ представить народъ болѣе подлый и жестокій, чѣмъ курды. При нашей главной квартирѣ была сотня этихъ оригинальныхъ наѣздниковъ, особенное отличіе которыхъ представляютъ длинныя бамбуковыя пики съ большими кистями всевозможныхъ цвѣтовъ подъ самымъ наконечникомъ.

Говорятъ, что нѣкоторые изъ нихъ приносили намъ существенную пользу, доставляя всевозможныя свѣдѣнія изъ турецкаго лагеря, куда они пробирались къ своимъ землякамъ, ничѣмъ не отличаясь по наружному виду, хотя мнѣ кажется никто при этомъ не могъ поручиться, чтобы они не играли и у турокъ ту же роль, что и у насъ. Ихъ оригинальный, чисто восточный костюмъ, въ большинствѣ случаевъ яркихъ цвѣтовъ, съ цѣлымъ арсеналомъ оружія и кривыми саблями въ кожаныхъ ножнахъ, за-частую отдѣланныхъ въ серебро, привлекали всеобщее вниманіе.

У нихъ вообще попадалось много прекрасныхъ лошадей, вообще очень красивыхъ, но небольшаго роста, съ чисто-арабскимъ контуромъ. Про выносливость этихъ лошадей разсказываютъ чудеса. Но замѣтно, что курды случаютъ своихъ жеребцовъ, не выбирая кобылъ и наоборотъ, вслѣдствіе чего за-частую на ряду съ прекрасными нѣкоторыми частями тѣла открываешь крупные недостатки; но почти у всѣхъ прелестныя, чистокровныя, съ оскаломъ и съ ярко-обозначенными жилами и неровностями головы. Я зналъ нѣкоторыхъ офицеровъ, раздобывшихъ себѣ куртинскихъ лошадей, выдержавшихъ на нихъ всю кампанію, и всѣ съ восторгомъ отзываются о нихъ. Во всякомъ случаѣ можно безошибочно

сказать, что въ турецкой кавалеріи только у курдовъ да у Арабистанцевъ были хорошія лошади, пресловутые же черкесы и драгуны ѣздили на ужасныхъ клячахъ, по крайней мѣрѣ какъ можно было судить по видѣннымъ нами примѣрамъ, хотя очень можетъ быть, что и эти кажущіяся по наружному осмотру клячами въ дѣйствительности выносили страшные труды и лишенія.

Въ началѣ войны курды только показывались противъ эриванскаго отряда, гдѣ и совершили цѣлый рядъ жестокостей надъ лишеннымъ всякой воинственности армянскимъ населеніемъ. Въ особенности большія массы ихъ собрались во время осады Баязета, подъ стѣнами этого прославившагося своей геройской защитой города. Противъ же александропольскаго отряда курды начали дѣйствовать тогда, когда большинству изъ нихъ были выданы магазинныя ружья системы Винчестера. Курды, кажется, были единственной турецкой кавалеріей, не имѣвшей палатокъ, такъ какъ даже отрядъ баши-бузуковъ, стоявшій за Инахъ-тапой, имѣлъ цѣлую массу конусообразныхъ турецкихъ, въ высшей степени удобныхъ и непромокаемыхъ палатокъ. Между тѣмъ какъ всѣ наши казаки и иррегулярныя части всю войну пробыли безъ палатокъ, что, въ особенности когда начались дожди и осенніе холода, было довольно неудобно и непріятно. Во 2-мъ же Кизлярогребенскомъ полку всю войну не было ни доктора, ни ветеринарнаго врача и только послѣ подписанія мира были они назначены и явились въ полкъ.

Отчего это происходило и кто тому виною—не знаю. Между тѣмъ отсутствіе врача заставляло зачастую несчастныхъ раненыхъ не только по нѣскольку часовъ, но и по суткамъ оставаться безъ перевязокъ, что не могло не отзываться вредно на ихъ здоровьи. Хорошо еще, когда вблизи оказывалась какая нибудь пѣхотная часть, тогда къ ней обращались за помощью, а то иногда Богъ знаетъ куда ушлютъ казаковъ отъ какой бы то ни было регулярной части, а между тѣмъ оказываются раненые и больные. Впрочемъ, болѣзни появились впослѣдствіи; во время же нашего пребыванія на берегахъ Арпачая, наше санитарное состояніе, не смотря на страшно жаркіе дни, было въ полномъ смыслѣ слова превосходно.

Протекая у Александрополя, почти въ пологихъ берегахъ, Арпачай въ дальнѣйшемъ теченіи, продолжая составлять границу, отдѣляющую наши владѣнія отъ земель турецкихъ, становится все болѣе и болѣе недоступнымъ, вслѣдствіе крутизны береговъ и отсутствія удобо-проходимыхъ бродовъ. Всѣ пункты, въ которыхъ возможно, съ грѣхомъ пополамъ, перебраться съ одной стороны рѣки на другую, ясно обозначены каменными однообразными зданіями казачьихъ постовъ, занятыхъ въ мирное время командами, поставленными для наблюденія за контрабандистами, въ которыхъ нѣтъ недостатка. Противъ нашихъ постовъ, на

турецкомъ берегу, такія-же каменныя зданія, съ тою-же цѣлью выстроенныя, и команды ихъ явились первыми плѣнными наши въ эту войну. Ближайшія къ Александрополю переправы не представляютъ особенныхъ трудностей и даже проходимы, для артиллеріи и колесныхъ экипажей; но послѣднимъ подобнымъ бродомъ можно считать бродъ у селенія Огинъ, въ 45-ти верстахъ отъ Александрополя; дальнѣйшія-же переправы являются въ видѣ горныхъ тропинокъ, страшно крутыхъ, обрывистыхъ, зачастую въ ступенькахъ, образовавшихся изъ одиночныхъ камней, тропинокъ, на столько узкихъ, что приходится идти не иначе, какъ гуськомъ въ одинъ конь. Сама рѣка, силою своего теченія, сбиваетъ коня, непревычнаго къ переходу горныхъ рѣкъ, а каменистый неровный грунтъ ея дна еще болѣе затрудняетъ переправу. Въ эту войну, особенно въ то время, когда мы ожидали подкрѣпленія изъ внутреннихъ губерній Россіи, Арпачай оказалъ намъ неимовѣрную услугу, представляя изъ себя естественное припятствіе, для перехода охотничьихъ партій на нашу сторону, съ цѣлью грабежа и разбоя.

Эта недоступность рѣки и была причиною, что для охраны нашей границы, стоверстное разстояніе оберегалось однимъ казачьимъ полкомъ и только въ самое опасное время полкъ этотъ былъ усиленъ 3-мъ саперным батальономъ и четырьмя осадными орудіями, поставленными на возвышенности между кигачскимъ и кизилкилисинскимъ бродами.

16-го іюля мы перешли изъ турецкихъ владѣній въ предѣлы Россіи и, переходя отъ одного селенія къ другому, дошли до аннинскаго поста у Арпачая, на противоположномъ берегу котораго возвышались грандіозныя развалины древней столицы Арменіи, города Ани, въ 1319 году окончательно разрушеннаго землетрясеніемъ. покончившимъ существованіе города, имѣвшаго слишкомъ десятивѣковую исторію. Одновременно въ наши прибыли и расположились лагеремъ около самой городской стѣны кубанскій пѣхотный полкъ, 3-й саперный батальонъ, батальонъ дербентскаго пѣхотнаго полка, батарея девятифунтовыхъ и батарея четырехфунтовыхъ орудій. Нашъ полкъ входилъ въ составъ отряда, составленнаго изъ вышеуказанныхъ частей и ввѣреннаго генералу Цитовичу. Рѣка Арпачай отдѣляла насъ отъ остальныхъ частей нашего отряда, и мы, отдѣливъ одну сотню, для содержанія аванпостовъ и вообще кавалерійской службы, къ главному лагерю, остались для наблюденія за нашею границею, посылая дальніе и ближніе разъѣзды.

У Ани, Арпачай течетъ въ очень высокихъ, обрывистыхъ берегахъ, представляя въ высшей степени эфектную картину наблюдателю, стоящему на краю берега. Отсюда, текущая по дну оврага рѣка, кажется маленькимъ ручейкомъ, бурлящимъ и покрытымъ бѣлою пѣною, вслѣдствіе быстроты теченія. Лучъ солнца рѣдко достигаетъ до ея поверхности, освѣщая только верхнюю половину сѣрыхъ каменныхъ береговъ.

Ярко-зеленый высокій камышъ, покрывающій оба нижніе берега, съ обѣихъ сторонъ, составляетъ какъ-бы рамку мутнымъ водамъ Арпачая. Освѣщается солнечными лучами рѣка только тогда, когда солнце стоитъ вертикально надъ ея поверхностью; въ остальное-же время внизу всегда тѣнь, и потому вѣчная прохлада.

Несмотря на нашу близость къ остальному отряду, трудные спуски и неудобопроходимый бродъ очень затруднили наше сообщеніе другъ съ другомъ. Недолго, однако, мы оставались разъединенными; намъ приказано было соединиться, оставивъ только одну сотню на нашемъ берегу.

Страшно было смотрѣть на предстоявшую намъ переправу! Непривычному человѣку какъ-то невѣрилось, чтобъ возможно было переправиться съ одного берега на другой цѣлымъ полкомъ безъ несчастныхъ случаевъ. Но кони спускались осторожно, съ чувствомъ самосохраненія, и спускъ окончился благополучно.

Влажная тропинка, подходящая къ рѣкѣ, съ цѣлыми лужами грязи, отъ мокрыхъ копытъ, выходящихъ изъ воды послѣ переправы коней, указывала мѣсто брода.

— Ваше высокоблагородіе, держите прямо на камень, что на томъ берегу; а не то вправо и влѣво больно глыбко! закричалъ намъ одинъ изъ купавшихся пѣхотныхъ солдатъ.

Бродъ былъ не изъ легкихъ, перебраться черезъ него, не промочивъ до колѣнъ ногъ, было невозможно; попадавшіяся ямы представляли изъ себя пренепріятные сюрпризы, заставляя лошадь вдругъ, совершенно неожиданно для сѣдока, окунуться съ головою, попадая въ рытвины передними ногами. По неволѣ каждому изъ насъ приходило на умъ сомнѣніе въ удачномъ переходѣ вьючныхъ лошадей, со всѣмъ нашимъ имуществомъ. Упади лошадь съ вьюкомъ, и всѣ вещи поминай, какъ звали!

Наклонивъ корпусъ впередъ, опустивъ поводья и изрѣдка понукая мокрыхъ коней, стали мы взбираться къ историческимъ развалинамъ, встрѣтивъ на пути своемъ остатки большого каменнаго моста и древняго монастыря Сурбъ-Григорія. Наконецъ, мы вступили въ черту древней столицы Арменіи, красу которой можно видѣть и судить по грандіознымъ остаткамъ.

Армяне клялись и клянутся тысячью одною церковью города Ани. Очень сомнительно, чтобъ число это было хоть приблизительно вѣрно, но во всякомъ случаѣ, столица эта была очень богата монастырями, церквами и дворцами. Въ странѣ, гдѣ вырытыя въ землѣ сакли, въ которыхъ только деревянное бревно отдѣляетъ владѣльцевъ отъ ихъ скота, составляютъ въ настоящее время единственныя обиталища, странно какъ-то видѣть остатки великолѣпныхъ дворцовъ съ прекрасно сохранившимися надписями, артистически высѣченными въ каменныхъ плитахъ стѣнъ, зданій, построенныхъ девять, десять вѣковъ назадъ...

Исторія города Ани неразлучно связана съ исторіей династіи Багратидовъ, при которыхъ онъ процвѣталъ и съ паденіемъ которыхъ потерялъ всякое значеніе. Въ древности, Ани было незначительное мѣстечко въ Араратской провинціи, въ округѣ Ширакъ. Въ 321 году, весь Ширакъ перешелъ во владѣніе князей Камсараканъ, у которыхъ, въ концѣ VIII вѣка, купили его могущественные князья изъ рода Багратуни Ашатъ и Шапухъ. Первые Багратиды, занятые постоянными войнами съ арабами и персами, старались болѣе объ укрѣпленіи, чѣмъ объ украшеніи города.

Ашатъ III, въ 961 году, сдѣлалъ Ани столицею государства и построилъ внутреннюю стѣну, съ башнями и бастіонами. При немъ и его наслѣдникахъ городъ украсился прекрасными церквами, великолѣпными дворцами, монастырями, больницами и другими зданіями. Приводящій въ восторгъ всѣхъ, видѣвшихъ замѣчательно хорошо сохранившіеся его остатки, Аннинской соборъ, начался постройкою въ 979 году, въ царствованіе Стбата II, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись. Благосостояніе Ани продолжалось до половины XI столѣтія. При Гагичѣ II, послѣднемъ изъ царей династіи Багратидовъ въ 1046 году, измѣна и подкупъ погубили Ани. Со взятіемъ города рушилось политическое единство и сила Арменіи. Этимъ вѣроломнымъ поступкомъ греки лишили себя сильнаго оплота противъ турецкихъ племенъ, начинавшихъ въ то время свои вторженія на западъ. Въ 1067 году Ани-Арсланъ приступомъ взялъ Ани и перебилъ нѣсколько тысячъ грековъ и армянъ. Въ 1124 году, грузины съ помощью жителей овладѣли этимъ злополучнымъ городомъ, но вскорѣ были изгнаны Эмиромъ Патлуномъ; впрочемъ, махамедане недолго владычествовали на этотъ разъ, такъ какъ грузины вновь завладѣли имъ въ 1174 году и съ этихъ поръ, до нашествія монголовъ, Ани нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ 1239 году монголы наводнили Арменію и значеніе Ани совсѣмъ уничтожилось, да и городъ окончательно разрушился, вслѣдствіе страшнаго землетрясенія, бывшаго въ 1319 году.

Вотъ краткая исторія мѣста нашей стоянки. Въ настоящее время единственными обитателями дворцовъ и другихъ зданій является масса скорпіоновъ, тарантуловъ и фалангъ, отъ которыхъ просто нѣтъ отбоя. Ближайшими же населенными селеніями преставляются мѣстечко Джана на турецкомъ берегу и селеніе Кизилкилиса на лѣвомъ, оба въ семи или восьмиверстномъ разстояніи отъ городской стѣны.

Выбравъ мѣсто для бивуака, предоставивъ бывшему при мнѣ казаку устроить мое походное хозяйство, я отправился осматривать руины этого интереснаго города. Многочисленныя надписи на армянскомъ, грузинскомъ и турецкомъ языкахъ, всевозможныя арабески и фигуры, какъ будто только что высѣчены въ каменныхъ глыбахъ стѣнъ. Отсутствіе

мха, обыкновенно густымъ слоемъ покрывающаго всякіе остатки каменныхъ строеній, въ перемежку съ кустарниками и всевозможными травами, тоже одна изъ причинъ чистоты, какъ будто новизны древности. Городская стѣна, въ иныхъ мѣстахъ хорошо сохранившаяся, съ прекрасною мозаикою изъ разныхъ оттѣнковъ камней вулканическаго происхожденія, со множествомъ правильной формы крестовъ, въ другихъ совершенно разрушенная, имѣетъ видъ почти трехугольника, въ площади котораго находятся 19 церквей, одна мечеть, минаретъ и дворецъ. Сверхъ того, цитадель башни въ самой стѣнѣ и нѣсколько воротъ.

Наиболѣе сохранившаяся, и, притомъ, замѣчательная по фрескамъ, украшающимъ стѣны и куполъ—греческая церковь въ византійскомъ стилѣ. Фресокъ въ ней много; между прочимъ, входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ, двѣнадцать апостоловъ и другія. На наружномъ портикѣ высѣчены изъ камня фигуры голыхъ женщинъ, обвитыхъ змѣями. Надписей очень много, внутри на греческомъ и грузинскомъ языкахъ, а на наружныхъ стѣнахъ по армянски. Грузинская надпись надъ входными дверями: „тутъ врата Господни для входа праведныхъ“.

Невдалекѣ отъ греческой церкви находится круглая, двухэтажная церковь Спасителя, на наружной стѣнѣ которой длинная армянская надпись гласитъ слѣдующее: „Въ 483 — 1034, я, Марцепанъ Апельгаринъ отправившись въ С. П., вслѣдствіе грамоты Слибатъ-Шаханша, къ греческому императору, съ большими усиліями и огромными издержками досталъ частицу святаго креста. По возвращеніи, я докончилъ сію церковь и возложилъ на церковниковъ обязанность отправлять по воскресеньямъ ночную службу до пришествія Христа. Если священникъ Сурбъ Фркича (церковь Спасителя) умретъ, прочитайте сорокъ молитвъ въ церкви.

Если кто изъ священниковъ похититъ вазы, или книги, мною пожертвованныя, если израсходуетъ, или вслѣдствіе какихъ бы ни было другихъ причинъ, или предавшись скупости, уменшитъ доходы церкви, или отвлечетъ ихъ въ ущербъ Сурбъ-Фркича, тотъ да будетъ проклятъ 318 святителями. Тотъ, кто лишитъ дѣтей священника Григорія мѣста стражи сей церкви, да будетъ вдвойнѣ преданъ проклятію; тѣ-же, кто исполнятъ здѣсь написанное, да будутъ благославены. Незабудьте передъ лицомъ Божіемъ писавшаго сіе Георг. Аминь“.

По грандіознымъ размѣрамъ, первое мѣсто занимаетъ соборъ съ полукруглымъ, въ византійскомъ вкусѣ, входомъ, украшеннымъ мазаикой, съ колоннами готическаго стиля внутри, съ провалившимся куполомъ, и съ массой арабесокъ у оконъ. О времени постройки собора по надписямъ можно заключить, что окончаніе его совершилось въ 1010 году по Рождествѣ Христовомъ. Армянское преданіе гласитъ, что на куполѣ этого собора стоялъ серебряный, въ ростъ человѣческій, крестъ, похищенный турками во время ихъ нашествія. Кромѣ надписей, составляю-

щихъ пишу исторіи Арменіи, внутреннія стѣны испещрены произведеніями прозы и поэзіи, карандша, угля или какого нибудь остраго оружія нашихъ соотечественниковъ и иностранцевъ. Надписи эти иногда очень лаконическія, въ другихъ же случаяхъ съ претензіями на остроуміе, а многія безъ всякаго уваженія къ исторической святынѣ.

Эти произведенія нашихъ современниковъ, случайно попавшихъ въ эти дикіе края, въ рѣдкихъ случаяхъ любителей археологіи. Большинство обозначенныхъ числами надписей относится къ нашей прошлой кампаніи въ Малой Азіи, рядомъ съ каракулями, выведенными углемъ „казакъ Бурловъ", виднѣется „флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества гвардіи капитанъ Рылѣевъ, 1856 годъ", тутъ же „En tout cas, je préfere Paris, Jean Riechard" и какая-то англійская надпись, помѣченная 1876 годомъ.

За исключеніемъ купола, ввалившагося внутрь собора, и несмотря на паденіе свое съ высоты, лежащаго несовсѣмъ разбитымъ, полукругомъ среди церкви, остальныя части собора и особенно масивныя колонны изъ громадныхъ, прекрасно отшлифованныхъ кусковъ плитняка, не подвергались порчѣ, и реставрированіе этого собора едвали стоило бы большихъ трудовъ.

На берегу Арпачая, надъ самымъ его обрывомъ, стоитъ мечеть, внутренность которой, съ полукруглыми арками, поддерживаемыми круглыми колоннами, очень оригинальна и красива. Сверхъ того, наибольшій интересъ возбуждаютъ остатки дворца, бань, цидатели и другихъ, не столь хорошо сохранившихся церквей. Домовъ же частныхъ лицъ не осталось и слѣда.

Окончивъ осмотръ развалинъ, мы вернулись къ своему бивуаку. Служба наша значительно облегчилась вслѣдствіе того, что какъ генералъ Цитовичъ, такъ и замѣнившій его, вслѣдствіе его отправленія въ Эриванскій отрядъ, генералъ Ореусъ заставляли насъ не занимать аванпосты, а лишь выставлять наблюдательные посты; ночью, сверхъ того, посылались разъѣзды и ставилась пѣхотная цѣпь, что значительно сокращало расходъ казаковъ и облегчало офицеровъ, необязанныхъ, вслѣдствіе этого, торчать цѣлыя сутки у главнаго караула своей сотни, а только ѣздить провѣрять бдительность пикетовъ.

Недолго блаженствовали мы, благословляя неутруждающихъ насъ генераловъ: 16-го іюля намъ было приказано очистить анинскую позицію и вновь переправиться къ казачьему посту. Турки съ высотъ Аладжи спокойно глядѣли на нашу переправу черезъ Арпачай и не подумали насъ побезпокоить; но лишь только увидѣли, что мѣсто нашего лагеря очистилось окончательно, немедленно явилось нѣсколько десятковъ турецкихъ кавалеристовъ, слѣзшихъ съ лошадей и начавшихъ рыскать, поднимая съ земли брошенные нами остатки.

На другой день мы были свидѣтелями печальнаго факта. Около двѣнадцати часовъ пополудни, около стѣнъ Ани появилась какая-то конная фигура, очевидно направлявшаяся къ намъ. Вдругъ, откуда не возьмись, показались черкесы, раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, и человѣкъ, ѣхавшій къ намъ, повалился съ коня. Все это случилось на нашихъ глазахъ, а между тѣмъ мы не въ силахъ были предупредить несчастнаго. Уведя съ собою коня, обшаривъ тѣло, валявшееся безъ движенія на землѣ, ускакали черкесы къ своему лагерю. Стыдно было бы оставить тѣло, по всей вѣроятности, нашего соотечественника.

— Ребята, кто хочетъ вынести убитаго и принести сюда его тѣло? обратился командиръ нашего полка къ окружавшимъ его казакамъ.

Охотниковъ оказалось такъ много, что пришлось сдѣлать выборъ. Посылать большую партію нестоило, такъ какъ изъ-за одного человѣка могла затѣяться перестрѣлка, могущая стоить жизни многимъ изъ посланныхъ и разыграться большимъ дѣломъ. Рѣшено было послать восемь человѣкъ, подъ командою урядника Титкина. Медлить было невозможно, а потому, сѣвъ на осѣдланныхъ лошадей дежурной части, бросились лихіе гребенцы къ переправѣ. Стоя у зданія поста, съ лихорадочнымъ вниманіемъ наблюдали мы за ходомъ лихой попытки. Желаніе вырвать тѣло изъ рукъ вражескихъ было такъ велико у отправившихся казаковъ, что трудный спускъ пройденъ ими въ высшей степени быстро, и мы были крайне удивлены, увидѣвъ ихъ такъ скоро на другой сторонѣ. Черкесы все еще вразбросъ шныряли вблизи развалинъ, а потому положеніе нашихъ удальцовъ было въ высшей степени опасно. Урядникъ Титкинъ рѣшилъ постараться исполнить возложенное на него поручені съ осторожностью, а потому, не доѣзжая до верхняго турецкаго берега, приказалъ всѣмъ казакамъ слѣзть съ коней, поручивъ ихъ держать двумъ казакамъ, а самъ съ шестью остальными направился къ мѣсту, гдѣ лежалъ бездыханный трупъ. Впрочемъ, къ тѣлу подошелъ онъ, лишь съ тремя казаками, остальныхъ же оставилъ въ ближайшемъ резервѣ, подъ прикрытіемъ каменныхъ остатковъ городской стѣны. Съ радостью смотрѣли мы, какъ удальцы, взваливъ трупъ на плечи, быстро направлялись къ своимъ лошадямъ, очевидно незамѣченные непріятельскими всадниками. Еще немного ожиданія и передъ нами было положено тѣло убитаго. Несчастный оказался артиллерійскимъ солдатомъ. Впослѣдствіи открылось, что онъ служилъ деньщикомъ у батарейнаго командира, бывшаго въ башкадыкларскомъ лагерѣ; не зная о нашемъ отступленіи отъ Ани, командиръ послалъ его съ запискою къ одному изъ офицеровъ. Три пули спереди въ грудь и одна въ голову покончили его жизнь. Черкесы успѣли снять съ него только сапоги, обшарить карманы и увести его лошадь. Едва лишь положили убитаго и прикрыли его попоной, какъ на мѣстѣ убійства появилась куча всадниковъ, очевидно пріѣхавшихъ

за нимъ и, по всей вѣроятности, крайне удивленныхъ, найдя только лужу крови, вмѣсто трупа. Генералъ Цитовичъ обнялъ, разцаловалъ молодца Титкина, приказавъ немедленно написать донесеніе къ Великому Князю Главнокомандующему и ходатайствовалъ о награжденіи всѣхъ учавствовавшихъ въ этомъ подвигѣ. Пѣхотные офицеры горячо поздравляли удальцовъ за отважную попытку, увѣнчавшуюся полнымъ успѣхомъ, и немедленно устроили въ ихъ пользу сборъ, принесшій нѣсколько десятковъ, потомъ и кровью добытыхъ офицерскихъ рублей.

Великій Князь достойно наградилъ нашихъ казаковъ, принимавшихъ участіе въ вышеописанномъ подвигѣ, прославъ имъ всѣмъ по знаку военнаго ордена четвертой степени, десять руб. уряднику Титкину и по пяти руб. остальнымъ.

Стратегическіе разсчеты заставили нашъ штабъ опять перевести насъ на мѣсто прежней стоянки у развалинъ. Началась мирная, спокойная жизнь, несмотря на близкое сосѣдство съ турками. Чѣмъ объяснить оставленіе нашего маленькаго отряда турецкою арміей въ полномъ покоѣ—не знаю: боялись-ли турки естественныхъ препятствій, почти со всѣхъ сторонъ насъ прикрывавшихъ, подготовлялись-ли къ болѣе грандіознымъ планамъ, разъигравшимся Кизиль-ташой, или бездѣйствовали по обычной безпечности? Вплоть до расформированія нашего отряда, т. е. до 6-го августа, у насъ не было ни малѣйшаго дѣла, за исключеніемъ случайно разъигравшейся перестрѣлки 1-го августа. Перестрѣлка эта, стоившая туркамъ очень дорого, а намъ одного убитаго и девяти раненыхъ, была въ высшей степени интересна и произошла слѣдующимъ образомъ.

Какъ я уже говорилъ, на ночь выставлялась пѣхотная цѣпь и посылались казачьи разъѣзды, ѣздившіе далеко впереди цѣпи. Сверхъ того, въ одномъ пунктѣ всегда стояла готовая батарея, а въ другомъ пѣхотная рота въ секретѣ. Ѣхавшій въ разъѣздъ, въ ночь съ 31-го іюня на 1-е августа урядникъ Москаленко, увидѣлъ сѣно у занятаго турками селенія Джалы, рѣшилъ съ десятью кизляро-гребенцами, составлявшими его разъѣздъ, покормить своихъ лошадокъ турецкимъ сѣнцомъ, да кстати и посмотрѣть поближе, что дѣлается у турокъ. Подъѣзжая къ селенію, натыкается разъѣздъ на слишкомъ полсотню кавалеристовъ, бросившихся на него. Что дѣлать? Вступать въ бой съ такими несоразмѣрными силами у ограды селенія, изъ котораго ежеминутно могло выйти подкрѣпленіе, было-бы не разумно, а потому Москаленко рѣшилъ ускакать, но выбралъ не прежній, только-что пройденный путь, для своего отступленія, а тотъ гдѣ находилась наша спрятанная рота въ секретѣ. Дѣло было на разсвѣтѣ и наши казаки не рисковали быть неузнанными своею пѣхотою. Увлеченные преслѣдованіемъ, кавалеристы, оказавшіеся арабистанцами, еще не участвовавшими ни въ одномъ бою и пришед-

шими всего лишь нѣсколько дней передъ тѣмъ, остановились лишь тогда, когда ружейный залпъ лежащей за прикрытіями роты повалилъ лошадей двадцать, да, сверхъ того, нѣсколькихъ человѣкъ. Живо подхвативъ раненыхъ и убитыхъ, арабистанцы помчались назадъ, нерасчитывавъ на такое неожиданное препятствіе въ своемъ преслѣдованіи. Оправившись отъ нежданнаго сюрприза, всадники, разсыпавшись на большое пространство, подняли учащенную перестрѣлку, зачастую подъѣзжая весьма близко къ нашей цѣпи. Число ихъ стало расти неимовѣрно, да и вообще во всемъ турецкомъ лагерѣ поднялась суматоха. Забившіе тревогу наши барабанщики быстро подняли на ноги весь отрядъ. Состоявшій при генералѣ Ореусѣ въ качествѣ ординарца поручикъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка Мамаевъ, прискакавъ къ нашему полку, передалъ приказаніе генерала на рысяхъ двигаться къ мѣсту перестрѣлки. Моей сотнѣ пришлось прикрывать батарею, немедленно начавшую пальбу по массамъ показавшейся конницы. Между тѣмъ, стали подходить наши пѣхотныя части и становиться въ боевой порядокъ. Турецкая пѣхота суетливо собиралась въ таборы, передъ своимъ лагеремъ, но дальше не двигалась. Все дѣло ограничивалось пока лишь перестрѣлкою съ непріятельскою кавалеріей, вслѣдствіе усерднаго дѣйствія которой магазинные „жучки“ то и дѣло пронизывали воздухъ. Всадниковъ было сотъ восемь или девять, очень смѣло ѣздившихъ въ одиночку или маленькими кучками и стрѣлявшихъ съ коней. Въ одномъ мѣстѣ замѣтна была большая группа, должно быть начальствующихъ лицъ и между ними всадникъ, державшій большое желтое знамя. Въ подзорную трубу я ясно различалъ ихъ костюмы, много прекрасныхъ лошадей; видѣлъ, какъ знаменщикъ слѣзъ съ лошади, чтобъ что-то поправить, и потомъ долго не могъ сѣсть на своего коня, вырывавшагося, становившагося на дыбы, должно быть, испуганнаго шумомъ, производимымъ шуршаньемъ раздуваемаго вѣтромъ полотна знамени. Мы стояли на мѣстѣ и выжидали дѣйствій со стороны турокъ. Уже наши орудія пустили довольно большое число гранатъ, а съ турецкой стороны не оказывалось и признаковъ артиллерійскаго огня. Даже Инахъ-тапа, горка на нашихъ глазахъ постепенными усиленными работами приведенная въ великолѣпное оборонительное укрѣпленіе, безмолствовала. Замолкли и наши девятифунтовки. Вдругъ бѣлый дымъ показался на вершинѣ Инахъ-тапы, раздался выстрѣлъ, и, прорѣзывая воздухъ, пронеслась первая граната надъ нашими головами, далеко перелетѣвъ насъ и упавъ передъ четырьмя солдатами кубанскаго полка. Разорвало гранату и мы всѣ были убѣждены, что она нанесетъ большой вредъ входившимъ въ составъ этой группы, но разсѣялся дымъ, разсѣялась пыль, подбѣжали санитары и убѣдились, что всѣ остались цѣлы и невредимы, даже ни одного не контужено. Съ этой минуты главною цѣлью нашихъ артиллеристовъ сдѣлалась Инахъ-тапа; одна за другою

лопались гранаты, поднимая сѣрый столбъ земли и дыма, между ними были и перелетавшія конусъ Инахъ-тапы, были и недолетавшія, но нерѣдко случались и такія, что разрывались на самой ея вершинкѣ и причиняли, по всей вѣроятности, вслѣдствіе скученности войскъ на незначительномъ пространствѣ укрѣпленія, большой ущербъ его защитникамъ. Турки тоже не скупились на снаряды, непричинявшіе, впрочемъ, намъ никакого вреда, такъ какъ, пущенные съ высоты, они при паденіи зарывались глубоко въ землю и давали мало осколковъ. Но, вотъ противъ нашего праваго фланга, прикрываемаго двумя сотнями кизлярогребенскаго полка, стала группироваться непріятельская конница, собираясь въ сомкнутую часть и шагомъ приближаясь къ нашей боевой линіи. Пущенная изъ нашего девятифунтоваго орудія граната попала въ эту массу и въ ней разорвалась. Стройность, сомкнутость пропали: все разсыпалось въ разныя стороны, большинство ускакало въ село Джалы; кавалерія больше не пыталась собираться, а продолжала одиночную перестрѣлку. Много повалилось коней и людей, вслѣдствіе удачно попавшей гранаты; оставшіеся цѣлыми увезли раненыхъ и убитыхъ.

Въ другомъ мѣстѣ, всетаки, удалось взять въ плѣнъ арабистанца съ рукою, раздробленною пулею. Привели арабистанца Дербенцы, поймавшіе его при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Плѣненный и еще двое успѣвшіе спастись бѣгствомъ, на полномъ карьерѣ подскочили къ нашей цѣпи, на очень близкую дистанцію, прицѣлились, дали залпъ и повернули обратно своихъ коней. На ихъ пропавшіе даромъ выстрѣлы отвѣтили наши солдаты и одинъ изъ троихъ лихихъ наѣздниковъ, повалился съ убитою лошадью и раздробленною рукою. Увидавъ паденіе своего земляка, остальные двое бросились къ нему на выручку, несмотря на усиленную по нимъ пальбу, но вынести его не было никакой возможности, тѣмъ болѣе, что ближайшее звѣно нашей цѣпи, взявъ ружья „на руку“, бросилось къ нимъ, еще ранивъ одного изъ нихъ въ плечо, впрочемъ, успѣвшаго, несмотря на свою рану, удрать. Худой, небольшаго роста съ большими черными глазами, толстыми губами и побѣгами чорныхъ щетинистыхъ волосъ на бритой головѣ, защитникъ ислама стоналъ отъ мучившей его боли. Владѣвшіе восточными языками старались разспросить его, но представлялся-ли онъ, или, въ дѣствительности, не понималъ, кромѣ своего родного, ни одного другого нарѣчія, но только онъ махалъ намъ головою, смотрѣлъ изумленными глазами и изрѣдка бормоталъ: „арабистанъ, арабистанъ“. Костюмъ его не представлялъ ничего оригинальнаго за исключеніемъ того, что вся грудь его была покрыта рядами гнѣздъ для патроновъ, до половины наполненныхъ металическими патронами ружья системы Генри-Мартини-Пибоди. Должно быть, взятый нами арабистанецъ принадлежалъ къ богатымъ въ своемъ отечествѣ, судя по тонкому бѣлью и вообще относительной чистотѣ его одежды.

Мало-по-малу, сталъ умолкать грохотъ ружейныхъ выстрѣловъ и стало уменьшаться число гарцующихъ всадниковъ, а потому войскамъ приказано было вернуться въ лагерь. На долю нашихъ пѣхотинцевъ достались восемнадцать сѣделъ, совершенно одинаковаго, очень оригинальнаго фасона. Покрытыя свѣтлокраснымъ сафьяномъ, сѣдла эти формою были похожи на венгерскія; особенностью сѣделъ были широкія, во всю подошву ноги, восточныя стремена и большое количество веревокъ съ длинными кистями, спускавшихся отъ задней половины сѣдла, по бокамъ лошади, почти до земли.

Встрѣтивъ солдата, несущаго сѣдло, должно быть, офицерское, такъ какъ оно отличалось новизною, хорошимъ качествомъ кожи и густыми разноцвѣтными кистями, я предложилъ ему продать сѣдло.

„Не могу, ваше высокоблагородіе, это сѣдло продать,—отвѣчалъ мнѣ владѣлецъ сѣдла.—Это надо полагать, офицерское сѣдло, такъ я своему родному въ подарокъ несу, а вотъ хотите простое, наше сѣдло, такъ въ ротѣ у насъ много, чего и болѣ“.

Сверхъ того, поднято нѣсколько ружей Пибоди. Ни до, ни послѣ этого дѣла не пришлось намъ видѣть такихъ прекрасныхъ лошадей у турецкихъ кавалеристовъ, какъ во время этой перестрѣлки. Много валялось убитыхъ коней тамъ, гдѣ они наткнулись на нашу пѣхоту; многія изъ тяжело раненыхъ, не будучи въ состояніи встать, только изрѣдка поднимали головы и туманнымъ взоромъ оглядывали кругомъ себя. Одна сѣрая, прекрасная лошадь, съ перебитою спиною, сидѣла по собачьи, подобравъ подъ себя заднія ноги, и, упершись на переднія, спокойно ожидала смерти.

На носилкахъ пронесли мимо насъ единственнаго, лишившагося въ эту перестрѣлку жизни, нашего солдата. Не торопясь, съ снятыми кэпи, шли несшіе носилки съ цѣлою групою шедшихъ имъ на смѣну товарищей по ротѣ. „Куда попала пуля“?—„Въ самую середку лба, прямо надъ носомъ угодила, окаянная“, бойко отвѣчалъ однополчанинъ убитаго. „Всю голову прошла, въ затылокъ вышла; какъ она его шарахнетъ, такъ и не охнулъ, не дохнулъ; а добрый молодой солдатъ былъ, жаль. Добро бы еще въ концѣ боя его хватило, такъ нѣтъ-же, еще не доспѣли въ цѣпи порядкомъ расыпаться, анъ его и не стало. Обидно въ такомъ пустомъ дѣлѣ не токмо убитымъ, раненымъ быть, всего-то, кажись, его одного до смерти пришибло. Ну, да имъ досталось, ваше высокоблагородіе“, докончилъ словоохотливый разскащикъ.

Вотъ и другія носилки, но на нихъ раненый въ правую руку. Раненый, замѣтя безжизненное тѣло, снимаетъ лѣвою рукою кэпи и забывшись, хочетъ перекреститься, но раздробленная рука не дѣйствуетъ, а лишь вырываетъ стонъ у несчастнаго и вмѣстѣ со стономъ крупную ругань: „ишь, проклятые, угораздили, и перекреститься-то нечѣмъ“.

Всѣхъ раненыхъ съ нашей стороны оказалось девять человѣкъ. Едва мы вернулись домой, какъ были вновь потребованы обратно; но оказалось, что мы были даромъ встревожены и потому, вернувшись, отдохнули отъ понесенныхъ треволненій и трудовъ.

Великій Князь прислалъ на роты и батарею по одному георгіевскому кресту; объ урядникѣ же Москаленкѣ былъ сдѣланъ особый докладъ и ему былъ выданъ личный знакъ военнаго ордена 4-й степени. На другой день, звуки похороннаго марша, печально разносившіеся въ развалинахъ Ани, оповѣстили насъ, что жертва перестрѣлки была погребена. Несчастнаго похоронили около собора; землю, засыпавшую его гробъ, сравняли, по ней провели лошадей, накидали щебня—словомъ, сдѣлали такъ, что даже хоронившимъ его было бы очень трудно на другой день въ точности опредѣлить мѣсто погребенія. Сдѣлано это было для того, чтобъ фанатики-мусульмане не откопали и не надругались надъ тѣломъ бѣднаго убитаго, что они зачастую дѣлали. Торжественные звуки похороннаго марша, эхомъ пустыхъ зданій историческихъ руинъ, страшнымъ резонансомъ повторяемые, прекратились. Замеръ послѣдній звукъ, а съ нимъ вмѣстѣ и память объ убитомъ и нѣтъ на его могилѣ ни креста, ни надгробной плиты, увидавъ которую, проходящій когда нибудь впослѣдствіи могъ бы снять шапку и перекрестившись сказать, „миръ праху твоему, безропотно положившій животъ свой за Царя и Отечество, безвѣстный герой“.

Послѣдующіе дни прошли для насъ спокойно. Допекали насъ только страшныя жары, мухи и разные гады, въ видѣ скорпіоновъ, тарантуловъ и фалангъ. Отъ жары мы спасались въ подземельяхъ, продѣланныхъ почти подъ всѣмъ Ани. Командиръ полка выбралъ мѣстомъ отдохновенія отъ зноя цѣлую подземельную залу, вполнѣ правильной четырехугольной формы, съ прилегающею маленькою церковью. Какое назначеніе могло быть этихъ подземныхъ жилищъ—не знаю. Прорытіе или, вѣрнѣе, высѣчка цѣлыхъ анфиладъ комнатъ, идущихъ на нѣсколько верстъ въ эпоху, когда еще незнали о существованіи пороха, требовало громадныхъ работъ, а разныя украшенія—большого искусства. Не могу забыть обѣда, даннаго намъ командиромъ полка въ этомъ подземельи: надолго не изгладится изъ памяти моей эта оригинальная, по своей обстановкѣ, товарищеская пирушка съ казачьими пѣснями, дикою лезгинкой, сквернымъ кахетинскимъ и полумракомъ высокой залы. Меню обѣда не отличилось разнообразіемъ блюдъ и винъ, но дружеская бесѣда, непринужденное веселье сроднившихся въ опасностяхъ боевой жизни полковыхъ товарищей, съ лихвой вознаграждали однообразіе меню.

Едва-ли кто-нибудь когда-нибудь изслѣдовалъ тотъ подземельный городъ, въ которомъ заблудиться весьма легко, но полное изслѣдованіе котораго, можетъ быть, и дало бы интересныя археологическія находки

и открытія. До чего велики и, при обиліи развѣтвленій, сбивчивы эти подземные ходы, видно изъ слѣдующаго примѣра. Хорунжій Борисовъ, посланный въ разъѣздъ къ Ани еще во время стоянки у казачьяго поста, на нашемъ берегу Арпачая, бросился съ казаками преслѣдовать замѣченнаго имъ черкеса. Уже почти настигали его казаки, какъ вдругъ, вскочивъ въ маленькій оврагъ, преслѣдуемый скрылся изъ виду. Оврагъ оказался такъ малъ, что, выйди изъ него черкесъ, его вновь было-бы видно, а между тѣмъ, нигдѣ не замѣчалось ни его, ни его бѣлой лошади. Зіяющее черное отверстіе попалось на глаза Борисова и, какъ ни былъ опасенъ входъ въ невѣдомый подземный міръ, но казавшееся неизбѣжнымъ плѣненіе непріятельскаго всадника недозволило задуматься и, очертя голову, бросились казаки въ темное подземелье. Мало-по-малу, глазъ сталъ привыкать къ окружавшей ихъ темнотѣ, впереди ясно слышался топотъ удалявшейся отъ нихъ лошади, и какъ ни рисковано было ихъ предпріятіе, но они продолжали свою погоню, натыкаясь ежеминутно на куски камней, попадавшихъ подъ конскія копыты. Все ближе и ближе слышался звукъ копытъ; вдругъ показалось, что скакавшая лошадь остановилась. Должно быть, некуда больше скакать, подумали казаки, вынимая свои шашки, чтобъ пустить ихъ въ ходъ, въ случаѣ, если-бы задавшій имъ столько хлопотъ черкесъ вздумалъ защищаться. Мелькнуло что-то бѣлое, яснѣе и яснѣе стала обрисовываться фигура преслѣдованнаго съ такою энергіей коня, стоявшаго теперь на мѣстѣ, но, увы, безъ всадника. Долго шныряли казаки въ поискахъ за владѣльцемъ коня, зажигали спички, обшарили всѣ углы, но, видя безконечность подземелій и убѣдясь въ безуспѣшности своихъ поисковъ, вернулись, стараясь найти выходъ. Страшныя минуты пережили они, убѣдившись, что сбились съ пути; мысль быть заживо погребенными въ этихъ безвыходныхъ корридорахъ и залахъ, леденила и наполняла ужасомъ ихъ сердца. Долго бродили они, ежеминутно возвращаясь, мѣняя направленіе и совершенно усталые, изнеможенные, замѣтили, наконецъ, лучъ свѣта, прорывавшійся въ темень окружавшаго ихъ пространства. Выходъ оказался совершенно съ другой стороны, отъ мѣста ихъ входа и былъ гораздо уже и, притомъ, заваленъ навалившимся у входа мелкимъ камнемъ. Пришлось руками очищать выходъ, чтобъ дать возможность выйти лошадямъ. Трофеемъ, стоившимъ столько труда и непріятнаго чувства, явилась скверная, сѣрая, старая, въ высшей степени худая лошадь и отвратительное сѣдло.

Несмотря на любовь свою къ камнямъ, скорпіоны и другіе ядовитые гады не удостоиваютъ своимъ непріятнымъ посѣщеніемъ эти подземелья, тогда какъ, гоняясь за мухами, забираются на полотно палатки, наволочку подушекъ, одѣяло прикрывающее вашу постель, и въ вашу одежду. Хотя укушенія этихъ животныхъ, въ большинствѣ, не смер-

тельны, но по видѣннымъ мною примѣрамъ, причиняютъ такую страшную физическую боль въ продолженіи сутокъ, что всякое сосѣдство съ ними становится въ высшей степени непріятнымъ. Я никогда не видѣлъ ни одного раненаго, который такъ страшно кричалъ-бы и положительно обезумѣвалъ отъ страданій, какъ тѣ, которые подверглись укушенію скорпіона.

Несмотря на эти неудобства, мы не особенно скучали, проводя время въ разговорахъ и карточной игрѣ. Зайдешь бывало, въ палатку командира кубанскаго пѣхотнаго полка полковника Кабенина, застанешь цѣлое общество офицеровъ и, простого въ обращеніи съ подчиненными, генерала Ореуса; составится партія виста или сибирки; пойдутъ разговоры, воспоминанія и забыты всѣ невзгоды, чернымъ мыслямъ нѣтъ мѣста.

Теперь любимаго и уважаемаго всѣми хозяина палатки, угощавшаго насъ ужинами, послѣ карточной игры, въ которой и самъ принималъ участіе, уже нѣтъ въ живыхъ. Пустая рана въ мягкую часть руки, полученная полковникомъ Кабенинымъ въ одномъ изъ сраженій во время нахожденія его въ составѣ эриванскаго отряда, дала печальные результаты зараженія крови, сведшаго его въ преждевременную могилу. Да и не одного его, многихъ изъ стоявшихъ подъ Ани не пощадила смерть: кого подкосила пуля, кого уложилъ тифъ. Не могу не вспомнить бывшаго у генерала Ореуса адъютантомъ князя Авалова. Молодой, красивый, лихой во всѣхъ отношеніяхъ, князь Аваловъ, при началѣ войны, состоялъ ординарцемъ при бывшемъ въ то время еще полковникомъ, графѣ Граббе. Состоять при графѣ Михаилѣ Граббе, нещадившемъ своей жизни, бывавшемъ всегда въ опасныхъ мѣстахъ, нельзя сказать, чтобъ было безопасно. Понадобился адъютантъ генералу Ореусу, обратившемуся къ графу Граббе за совѣтомъ, кого взять. Не задумался графъ Граббе уступить своего любимаго ординарца, расчитывая, что въ адъютантской должности князю Авалову легче получить больше наградъ. Отдавая его новому начальнику и расхваливая его, графъ Граббе сказалъ.

— Странное у меня предчувствіе, я сознаю, что мое существованіе имѣетъ связь съ жизнею Авалова. Его убьютъ—такъ и меня убьютъ. Въ день, когда я узнаю, что Авалова нѣтъ въ живыхъ, я скажу finis Михаилъ Павловичъ.

Генералъ Ореусъ вспомнилъ эти слова когда, если не ошибаюсь, 28-го октября принесли тѣло убитаго князя Авалова. Черезъ девять дней, герои кавказцы оплакивали храбрѣйшаго своего представителя, рыцаря во всѣхъ отношеніяхъ, въ полномъ и широкомъ смыслѣ этого слова, графа Граббе, убитаго при штурмѣ Карса. Какъ это объяснить: предчувствіемъ-ли или просто стеченіемъ обстоятельствъ, не знаю; знаю только, что это фактъ, разсказанный мнѣ генераломъ Ореусомъ.

Мало чье имя пользуется на Кавказѣ извѣстностью и популярностью подобно фамиліи Граббе. Слава дѣлъ отца Михаила Павловича еще не забыта и долго будетъ памятна тамъ, гдѣ она когда-то гремѣла. Лихой кавалеристъ, умѣвшій съ пользою употреблять конницу, энергическій командиръ прославившагося своею боевою дѣятельностью нижегородскаго драгунскаго полка, имѣющаго всѣ существующія въ русской арміи боевыя награды, храбрый генералъ-лейтенантъ Николай Павловичъ Граббе, братъ убитаго, тоже посвятилъ всю свою боевую дѣятельность Кавказу, и оставилъ по себѣ такую завидную память, подобно которой рѣдко на чью долю выпадаетъ. Михаилъ-же Павловичъ, еще во время командованія куринскимъ полкомъ, снискавшій любовь всѣхъ его знавшихъ, этою-же войною еще болѣе разширилъ кругъ своихъ почитателей. Живо припоминается его симпатичная фигура, съ вѣчно полуоткрытыми губами, открывающими большіе бѣлые передніе зубы, припоминается при разныхъ обстоятельствахъ: ѣдущимъ отъ одной батареи, осаждавшей Карсъ къ другой, въ бытность его, цѣлый мѣсяцъ траншей-майоромъ, на обязанности котораго лежали осмотръ и наблюденіе за всѣми батареями и траншеями. Мѣрно, шагъ за шагомъ, подвигалась его лошадь, покачивая оригинальную саблю въ видѣ меча, во все время войны носимую имъ. Это подарокъ полка, данный обществомъ офицеровъ любимому начальнику. Эфесъ представлялъ изъ себя серебряную фигуру, стоявшаго, опершись на ружье, стараго кавказскаго солдата съ головою, покрытою носимою въ прежнее время всѣми кавказскими войсками папахою. Отличный клинокъ былъ покрытъ фамиліями подносившихъ. Носилъ онъ его всегда въ сафьянномъ чехлѣ, должно быть, желая предохранить ножны отъ порчи, вслѣдствіе лошадинаго пота. Лишь только начинался осмотръ батарей, поднималась пальба съ турецкихъ укрѣпленій, но не пугала она траншей-майора. Вспоминаю его начальникомъ аванпостовъ, отдающимъ приказанія передъ отправкою на смѣну, осматривающимъ, провѣряющимъ посты, выѣзжающимъ далеко впередъ за нашу цѣпь, для осмотра непріятельскихъ аванпостовъ и позицій. Едва-ли есть хоть одинъ человѣкъ въ дѣйствующемъ на кавказско-турецкой границѣ корпусѣ, у котораго нашлось-бы что-нибудь про покойнаго, кромѣ доброй памяти о немъ....

Не долго стояли мы подъ стѣнами древней столицы. 4-го августа прибылъ на смѣну кубинскаго полка и батальона дербентцовъ, только-что пришедшій изъ Россіи кутаисскій пѣхотный полкъ, подъ начальствомъ уже отличавшагося въ прежнее время на Кавказѣ, георгіевскаго кавалера полковника Баранова.

Кубинцы и дербентцы готовились къ походу въ эриванскій отрядъ, кутаиссцы только-что разбили свой лагерь, какъ вдругъ пришло приказаніе сниматься и оставлять Ани. Утромъ 6-го августа двинулись части,

долженствующія войти въ составъ эриванскаго отряда, а вечеромъ кутаисцы вернулись въ Кюрюкъ-Дара. Двумъ сотнямъ кизляро-гребенскаго казачьяго полка приказано вновь переправиться черезъ Арпачай, и присоединивъ къ себѣ уже бывшую тамъ сотню, стать у зданія анинскаго пограничнаго поста; моей-же сотнѣ и третьему кавказскому саперному батальону расположиться для охраны границы у селенія Кизиль-килиса. Отдавшись съ моею сотнею въ полное распоряженіе командира вышеуказаннаго батальона, полковника Баума, распрощался я, по всей вѣроятности навсегда, съ грандіозными остатками прежняго величія Арменіи. Съ утра небо было пасмурно, къ вечеру-же совершенно заволоклось сплошною темною, почти черною тучею. Раздались перекатные удары грома, полилъ проливной дождь, зигзаги молніи вее чаще и чаще пронизывали наступившіе сумерки, освѣщая фантастическимъ свѣтомъ чудныя развалины мертваго города. Укутанные въ бурки съ поднятыми башлыками, соразмѣряя свои движенія съ шагомъ пѣхоты, направились мы къ своей границѣ, дождемъ прикрываемые отъ турецкаго наблюденія и, переправившись у Кигача, вступили въ русскіе предѣлы.

У Кигача застали мы осадныя орудія, запряженныя цѣлою массою воловъ и направлявшіяся къ Кизиль-Килиссѣ, гдѣ мы и должны были служить имъ прикрытіемъ. У самаго входа въ селеніе, нашли мы очень удобное мѣсто на берегу рѣки, и съ возвышенностью, какъ будто нарочно устроенной природою, для установки 4-хъ осадныхъ орудій. Быстро принялись за работу саперы, привычная работа совершалась ими быстро и въ нѣсколько часовъ времени, готовое укрѣпленіе, съ установленными въ амбразурахъ массивными орудіями, вѣнчало вершину горки.

Стоянка съ 3-мъ саперным батальономъ была для казаковъ положительнымъ отдыхомъ, такъ какъ кромѣ ночныхъ разъѣздовъ, да и то только на восьмиверстномъ, отдѣляющемъ насъ отъ Анинскаго поста, разстояніи, другой службы мы не имѣли. Для меня же это время будетъ памятнымъ на всю жизнь, благодаря радушію и любезности всѣхъ офицеровъ этого батальона.

Несмотря на то, что прямо противъ насъ, по всему склону Аладжи, бѣлѣлся турецкій лагерь, все время, пока нашъ отрядъ занималъ Кизиль-Килиссу, непріятель не предпринималъ противъ насъ ни малѣйшихъ враждебныхъ попытокъ. Только разъ какъ-то, показалась изъ-за бугровъ масса кавалеріи и направилась какъ будто къ намъ. Полковникъ Баумъ рѣшилъ образумить непріятеля и приказалъ выстрѣлить одному изъ орудій. Грянулъ выстрѣлъ и, не смотря на очень большую дистанцію, гранату разорвало передъ самой кавалеріей, моментально разлетѣвшейся въ разныя стороны и болѣе не показывавшейся. Я думаю, что дальность полета снаряда озадачила турокъ, никогда не видавшихъ въ полѣ, у насъ, такихъ дальнобойныхъ орудій.

Въ ночь съ 12-го на 13-е августа, сильная ружейная отдаленная пальба, разбудила насъ, но выстрѣлы были такъ глухи, что мы даже не сочли нужнымъ вставать и тревожиться, тѣмъ болѣе, что надѣялись, что въ случаѣ чего, касающагося до насъ, наши секреты не замедлятъ предупредить.

На утро, къ ружейному грохоту присоединилась орудійная пальба, столь сильная, что все слилось въ одинъ общій гулъ. Ясно было, что идетъ большой бой, но кто началъ этотъ бой и въ какомъ пунктѣ разыгрываются главные акты его, мы не знали. Конусообразная гора, прямо возвышавшаяся передъ нами и называемая Кизиль-тапа, была буквально устлана дымомъ. Въ трубу можно было разглядѣть массу пѣхоты, двигавшейся по разнымъ направленіямъ, но которая пѣхота наша, а которая непріятельская, разобрать было невозможно. Съ вершины Кизиль-тапы то и дѣло вырывались клубы бѣлаго дыма отъ орудійныхъ выстрѣловъ. Бой былъ въ самомъ разгарѣ, когда къ нашему лагерю подошелъ, ночевавшій у Кигачской переправы и шедшій на подкрѣпленіе въ эриванскій отрядъ, отрядъ подъ командою генерала Девеля.

Отрядъ этотъ состоялъ изъ двухъ полковъ пѣхоты, 1-го Волжскаго казачьяго полка, батареи 4-хъ-фунтовыхъ и баттареи горныхъ орудій.

Давъ привалъ своимъ войскамъ и слѣзши съ лошади, генералъ Девель, въ бинокль, старался разглядѣть, что дѣлалось на томъ берегу, когда ему была передана телеграмма. Еще передъ полученьемъ депеши у него былъ разговоръ съ полковникомъ Баумъ, въ которомъ генералъ Девель выразилъ свою нерѣшительность, какъ ему поступать.

— Вѣдь вы поймите, мнѣ приказано какъ можно скорѣе направляться на помощь къ Тергукасову, ну что если я теперь сунусь, а во время не поспѣю, куда меня посылаютъ, что думаете, поблагодарятъ меня за это? говорилъ онъ полковнику Бауму.

— Тамъ еще неизвѣстно, можетъ быть ваша помощь и не нужна, а тутъ видимо, что ваше появленіе принесетъ пользу, въ свою очередь, заявлялъ полковникъ.

Телеграмма разрѣшила недоумѣніе. Она была отъ корпуснаго командира и содержаніе ея было, приблизительно, слѣдующее: „Кизиль-тапа въ турецкихъ рукахъ. Переходите Арпачай, идите на помощь. Потери большія“.

Немедленно двинулъ Девель къ Кизиль-Килиссинскому броду свои войска, причемъ, батарею 4-хъ-фунтовокъ, за невозможность переправить, черезъ отвратительный, съ трудомъ переходимый даже одиночными людьми, бродъ, оставили подъ нашимъ прикрытіемъ. Я взобрался на укрѣпленіе и оттуда сталъ наблюдать за движеніемъ переправлявшагося отряда. Медленно совершалась переправа, болѣе двухъ часовъ было употреблено на переходъ рѣчки и крутыхъ береговъ. Тѣмъ временемъ, на

самой вершинѣ Кизиль-тапы, мѣткимъ орудійнымъ выстрѣломъ былъ произведенъ взрывъ заряднаго ящика, невольно вызвавшій у всѣхъ громкое „ура“. Съ страшной быстротой, на значительную вышину, поднялся столбъ дыма и собравшись густымъ облакомъ, постепенно сталъ разсѣеваться. Говорятъ, что наводчикамъ того орудія, которому посчастливилось произвести столь удачный выстрѣлъ, Великій Князь немедленно прислалъ золотые знаки военнаго ордена.

Когда собрались перешедшія бродъ войска, то казаки немедленно двинулись къ мѣсту боя, но вслѣдъ затѣмъ остановились, повидимому, не входя въ сферу выстрѣловъ, нѣхота тоже пріостановила свое движеніе, постояла на мѣстѣ и повернувъ направо, потянулась обратно къ Кигачскому броду. Впослѣдствіи, многіе обвиняли генерала Девеля въ томъ, что онъ не принялъ участія въ бою и даже, въ кавказскихъ газетахъ, появилась по этому поводу полемика, я же сообщаю лишь то, чему былъ очевидцемъ; судить же такого боевого генерала, какъ генералъ Девель, а тѣмъ болѣе, критиковать его дѣйствія, никогда себѣ не позволю. Очень часто, то, что съ перваго взгляда кажется не вполнѣ вѣрнымъ, по логичномъ обсужденіи, да по взвѣшаньи всѣхъ pro и contra, приводитъ къ самымъ противуположнымъ взглядамъ.

Вскорѣ, по приходѣ обратно къ нашему лагерю Девельскаго отряда, по всей линіи прекратился бой, да и сумерки наступали. Накормивъ чѣмъ могъ знакомыхъ офицеровъ Волжскаго полка, я уже собирался лечь спать, какъ былъ потребованъ генераломъ Девелемъ. Надѣвъ шашку, направился я къ палаткѣ генерала и явился ему.

— Вы начальникъ сотни здѣсь расположенной?

— Я, ваше превосходительство.

— Возьмите свою сотню и двѣ роты саперъ, которые поступятъ подъ ваше начальство и немедленно отправляйтесь съ телеграфными повозками, для снятія линіи военнопоходнаго телеграфа, отсюда до Башъ-Кадыкляра, причемъ предупреждаю васъ, дѣйствуйте осторожно, такъ какъ предпріятіе очень опасное, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые столбы проходятъ очень близко къ Кизиль-тапѣ.

Стали собираться, арбы и телеграфная команда заставили себя немного подождать, ко мнѣ подошелъ телеграфный офицеръ и заявилъ, что телеграфъ не дѣйствуетъ, что, по всей вѣроятности, происходитъ отъ того, что часть его уже находится въ турецкихъ рукахъ. Все это мнѣ было сообщено съ таинственнымъ видомъ и шопотомъ.

— Разумѣется, въ случаѣ турецкаго нападенія, повозки со столбами и проволокой надо бросить и начать отступленіе, а не вступать въ бой, училъ меня онъ же.

Успокоивъ его и приказавъ всѣмъ, по переходѣ на тотъ берегъ,

соблюдать возможную тишину, отправились мы въ экспедицію, подобно которой рѣдко кому пришлось участвовать.

Ночь была тихая, лунная, въ воздухѣ не шелохнется, да и нечему шевелится, такъ какъ деревьевъ и въ поминѣ не было, а птицы тоже попадались рѣдко, только изрѣдка завизжитъ колесо, наматывающее проволоку. Двигались мы со всѣми предосторожностями, т. е. съ цѣпью впереди и дозорными по бокамъ. Вдругъ прискакиваетъ урядникъ, шедшій впереди всѣхъ по линіи столбовъ, и заявляетъ мнѣ, что вдали, около столба, замѣтны человѣческія фигуры. Желая лично убѣдиться и не хотѣвъ напрасно тревожить отрядъ, я пріостановилъ его, а самъ, съ урядникомъ и тремя казаками, большимъ шагомъ поѣхалъ впередъ. Вскорѣ дѣйствительно стали обрисовываться человѣческія фигуры около одного изъ столбовъ.

— Сколько ихъ видишь? спросилъ я урядника.

— Какъ будто трое, отвѣчалъ онъ мнѣ, присматриваясь въ даль.

Не успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ тѣни вскочили съ мѣстъ и давай Богъ ноги. Сначала я бросился было за ними, но вспомнивъ свою роль и попавъ съ лошадью въ рыхлую пахотную землю, предоставилъ я казакамъ преслѣдовать бѣгущихъ, а самъ остался выжидать разъясненія.

Вскорѣ прискакали казаки и привели трехъ солдатъ Имеретинскаго пѣхотнаго полка, отставшихъ отъ своей части во время боя и теперь не знавшихъ куда идти. Наткнувшись на телеграфные столбы и не зная, наши они или турецкіе, стояли они въ нерѣшительности, что предпринять, а тутъ еще увидали всадниковъ и рѣшились спасаться бѣгствомъ.

— Совсѣмъ коней изъ за нихъ заморили, бѣгутъ и не догонишь, да тутъ пахоть, такъ по ней пѣшки, лучше чѣмъ на коню бѣжать, жаловался урядникъ.

Опять пошли дальше. Вдругъ страшный, рѣзкій крикъ раздался въ нашей средѣ, оказалось, что одинъ саперъ наступилъ на хорька и тѣмъ вызвалъ съ его стороны страшный визгъ.

— Убилъ таки проклятаго, на память возьму, да и напугалъ же анафема, шопотомъ говорилъ солдатъ, подымая мертвое животное.

— Курить какъ хочется, жаловались офицеры.

Тѣмъ временемъ, столбы все укладывались, да укладывались, а проволока мѣрно наматывалась, на, особенной конструкціи, спеціально для этого назначенныя колеса.

Вдругъ, въ сторонѣ Кизиль-тапы, раздался выстрѣлъ, можетъ быть произведенный вдали, но среди ночной тиши громко раздавшійся. Кто произвелъ этотъ одинокій выстрѣлъ, для насъ такъ и осталось загадкой, такъ какъ за нимъ ничего не послѣдовало.

— Кто идетъ? донесся до насъ окликъ часового нашей цѣпи.

— Свой, отвѣчали мы, довольные, что добрались благополучно до нашихъ войскъ.

— Что пропускъ?

— „Пика“.

— Вертай назадъ, не то вдарю, крикнулъ намъ тотъ же голосъ, съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ.

Въ чемъ дѣло, сейчасъ же намъ стало яснымъ. У насъ, на русскомъ берегу Арпачая, по войскамъ былъ пропускъ „пика“, какой же пропускъ у главнаго отряда, мнѣ никто не сообщилъ, да и не зналъ никто, такъ какъ по телеграфу сообщить не могли, убравъ часть его отъ Башъ-Кадыкляра и не успѣвъ установить его на новомъ мѣстѣ въ Угузлахъ.

Ославъ нѣсколькихъ расторопныхъ казаковъ уговорить посты пропустить насъ, разъяснивъ имъ въ чемъ дѣло, спѣшилъ я казаковъ и сдѣлалъ маленькій привалъ. Вскорѣ вернулись посланные и объявили, что можемъ идти безпрепятственно и для того, чтобъ насъ не остановила вторично пѣхотная цѣпь, дали намъ пропускъ „пуля“.

Но по русской пословицѣ, „пуганная ворона, куста боится“, пѣхотная цѣпь занятая солдатами, того-же батальона, что стоялъ наканунѣ, на горѣ Кизиль-Тапъ и обманутая турецкой кавалеріей, объявившей правильно пропускъ на окликъ цѣпи, ни за что не хотѣла пропустить насъ. На силу уговорилъ я унтеръ-офицера попросить одного изъ офицеровъ и ему объяснить въ чемъ дѣло. Явившійся офицеръ приказалъ немедленно пропустить насъ и мы безпрепятственно добрались до кареты, составлявшей станцію военнопоходнаго телеграфа.

— Что вы сдѣлали? обратился ко мнѣ начальникъ этой кареты, съ тономъ упрека. Вѣдь намъ приказано было только снять на нѣсколько верстъ линію, для того чтобъ перевести станцію изъ брошеннаго нами Бамъ-Кадыкляра сюда въ Угузлы; мы перенесли и уставили столбы, по новой линіи, а вы взяли, да сняли вплоть до Кизилъ-Килисса, прійдется вамъ завтра утромъ конвоировать паркъ для установки вновь, снятой вами линіи, докончилъ свои укоризненныя рѣчи, выглядывавшій въ каретное окно, начальникъ станціи.

Я ему объяснилъ, что исполнилъ согласно данной мнѣ инструкціи, и думаю, что еслибъ мы не сняли линію по этому направленію, то турки бы незамедлили снять ее въ свою пользу и наконецъ, что ни въ какомъ случаѣ не могу сопровождать установку линіи, въ виду того, что получилъ приказаніе, по совершеніи порученнаго мнѣ, давши людямъ отдыхъ, немедленно вернуться обратно въ Кизилъ-Килисса въ виду ослабленія нашей командировкой и безъ того черезъ-чуръ незначительнаго нашего отряда.

На разсвѣтѣ я снова двинулся въ обратный путь, желая какъ можно

скорѣе покинуть Угузлы и тѣмъ избѣжать возможности, вторично сопровождать паркъ, при чемъ зарыванье столбовъ операція еще болѣе медлѣнное, чѣмъ вырываньe, а слѣдовательно еще болѣе скучная, тѣмъ болѣе что уходя, я только выполнялъ приказъ генерала Девеля. Идти по пройденной нами ночью дорогѣ, не представлялось ни малѣйшей возможности, а потому для обратнаго движенія, мы выбрали дорогу на Огинскую переправу, подойдя къ которой застали у вышеназванной переправы отрядъ генерала Девеля, отозванный обратно къ главнымъ силамъ.

Явившись генералу, доложилъ я объ выполненіи приказанія и переведя свой маленькій отрядецъ, въ бродъ черезъ Арпачай, благополучно вернулся въ Кизилъ-Килисса.

16-го августа 3-й саперный батальонъ получилъ предписаніе, покинувъ мѣсто своей стоянки, присоединиться къ главнымъ силамъ, и расположиться на Учъ-Тамѣ, возвышенности наиболѣе приближенной къ Арпачаю и составлявшей крайній опорный пунктъ, новоизбранной линіи обороны, предварительно отославъ осадныя орудія обратно въ Александрополь, объ моей же сотнѣ не упоминалось ни единаго слова. Ушли саперы и снова остался я съ только что пріѣхавшимъ въ полкъ, выпущеннымъ изъ александровскаго военнаго училища, хорунжимъ Черносвитовымъ.

Не успѣли саперы уйдти, какъ я былъ атакованъ армянами, спрашивавшими моего совѣта, уѣхать-ли имъ куда нибудь подальше, бросить-ли имъ ихъ жилища, или можно надѣяться на насъ. Я имъ объяснилъ, что близость новой оборонительной линіи и, слѣдовательно, нашихъ войскъ, ставитъ Кизилъ-Килиссу въ гораздо безопасное положеніе, чѣмъ до ухода саперъ, а потому совѣтовалъ небезпокоиться, преспокойно оставаться на мѣстѣ, а на всякій случай быть всегда готовыми.

Вмѣсто снятыхъ вечеромъ орудій, я въ амбразуры вставилъ по бревну, взятому изъ платформъ, подъ осадныя орудія, что, впрочемъ, было не моимъ личнымъ изобрѣтеніемъ, а вычитанное не помню въ какой газетѣ. Большія бревна, концы которыхъ высовывались сквозь амбразурныя отверстія, положительно съ нѣкоторой дистанціи обманывали видѣвшаго ихъ въ первый разъ.

Уходъ саперъ и снятіе ихъ лагеря не могло остаться незамѣченнымъ турками и вызвало появленіе отдѣльныхъ всадниковъ на противуположномъ берегу Арпачая, причемъ трое, спрятавшись должно быть съ ночи за каменьями, утромъ ранили, раздробивъ ступню лѣвой ноги, ведшаго съ пикета на водопой своего коня казака Малукѣева.

Услыхавъ выстрѣлъ и узнавъ въ чемъ дѣло, бросился я со взводомъ на ту сторону, но пока перешелъ, уже никого не нашелъ, да и оставшіеся на берегу не замѣтили, куда пропали выстрѣлившіе, между тѣмъ раненый говорилъ, что ясно видѣлъ трехъ черкесъ на краю бе-

рега, высунувшихся изъ-за камней, при чемъ одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ. Сообщая это онъ, указывалъ мѣсто, гдѣ онъ ихъ видѣлъ.

Черезъ нѣсколько дней, ночью пріѣхали ко мнѣ два нашихъ офицера и начали мнѣ разсказывать про свое положеніе на Анинскомъ посту, гдѣ турки ихъ держатъ въ положительной засадѣ. Пользуясь находящимися на ихъ берегу развалинами Ани, они пробираются къ берегу и располагаясь за стѣнами и камнями, не допускаютъ нашихъ до воды, немедленно осыпая пулями смѣльчаковъ, пытавшихся, несмотря на ихъ присутствіе, пробраться къ Арпачаю.

Прежде только офицеры жили въ зданіи поста, а полкъ стоялъ бивуакомъ рядомъ съ нимъ, теперь же командиръ полка счелъ за необходимость поставить весь полкъ внутри постового двора, такъ какъ уже нѣсколько лошадей было ранено. Положительно нельзя было показаться за уголъ зданія, безъ того чтобъ нѣсколько пуль не прожужжало около. За водой же посылались охотники и то только въ темную ночь. Постъ, въ виду ему угрожающаго положенія турокъ, привели въ оборонительное положеніе и на дворѣ заготовили кучи камней для устройства, въ случаѣ надобности, завала около неимѣвшихся воротъ.

Командиръ полка сообщалъ по начальству о своемъ критическомъ положеніи и просилъ сообщить, что предпринять ему, результатомъ чего былъ пріѣздъ генерала графа Де-Тулузъ-Лотрека въ Огинъ, откуда я съ моей сотней и конвоировалъ графа до Анинскаго поста.

Къ нашему счастью, неизвѣстно по какой причинѣ турки, обыкновенно непропускавшіе даже одиночныхъ всадниковъ безпрепятственно ѣхать по нашему берегу, въ этотъ день совсѣмъ не показывались у развалинъ Ани.

На основаніи раппорта графа де-Тулузъ-Лотрека, полкъ получилъ предписаніе собраться въ полномъ составѣ у Кизилъ-Килисса, посылая только къ Анинскому посту разъѣзды. Полкъ оставилъ Анинскій постъ ночью, предварительно установивъ чучела на крышѣ поста. Чучела были сдѣланы очень искустно, одѣты въ черкески съ папахами и палками вмѣсто ружей. Что чучела эти привлекали вниманіе непріятеля, вдававшагося въ обманъ, видно изъ того, что разъѣзды, на обязанности которыхъ лежало, между прочимъ, мѣнять ночью положенія чучелъ, разъѣзды эти находили зачастую нѣкоторыя изъ нихъ, пронизанныя пулями. Отъ соединившагося въ полномъ составѣ полка выставлялось къ сторонѣ Ани нѣсколько наблюдательныхъ постовъ и круглыя сутки ходили разъѣзды, причемъ на разсвѣтѣ отправлялся усиленный разъѣздъ въ 45 казаковъ подъ командою офицера.

22-го августа очередь была хорунжему Черносвитову съ людьми моей сотни идти въ разъѣздъ. Едва открылась ихъ взорамъ мѣстность вблизи Анинскаго поста, какъ вниманіе ихъ было привлечено сильнымъ

дымомъ, виднѣвшимся по тому направленію. Ускоривъ аллюръ, сталъ Черносвитовъ приближаться къ зданію поста. Постъ оказался окруженнымъ какими то наѣздниками, кромѣ того, по крышѣ взадъ и впередъ двигались, какіе то люди. Черносвитовъ немедленно послалъ дать знать въ полкъ, а самъ спѣшилъ своихъ казаковъ, разсыпалъ ихъ цѣпью и началъ наступать, открывъ пальбу, войдя въ сферу ружейнаго выстрѣла. Между тѣмъ мнѣ уже было сообщено съ пикета о замѣченномъ на Анинскомъ посту и я собравъ остатокъ моей сотни и 1-ю сотню подъ командою хорунжаго Яицкова, на крупныхъ рысяхъ шелъ на помощь Черносвитову. Да и въ помощи не оказалось нужды, такъ какъ черкесы, переправившіеся съ цѣлью поджечь постъ, въ составѣ 300 человѣкъ, при первыхъ же выстрѣлахъ разъѣзда, должно быть принимая во вниманіе труднопроходимость брода, бросили подожженный ими постъ и въ безпорядкѣ направились къ переправѣ. Тогда Черносвитовъ расположилъ казаковъ по гребню берега Арпачая и открылъ усиленную перестрѣлку, уложивъ какъ убитыми, такъ и ранеными, по крайней мѣрѣ тридцать пять человѣкъ. Все это свершилось такъ быстро, что когда мы пришли, пройдя очень крупною рысью восьмиверстное отдѣляющее два поста разстояніе, то уже нашли всѣхъ переправившимися на турецкій берегъ и уносящихъ своихъ раненыхъ и убитыхъ. Отступленіе совершалось въ полномъ безпорядкѣ и черкесы скакали, даже неотстрѣливаясь. Преслѣдовать ихъ непредставлялось ни малѣйшей возможности, такъ какъ пойди мы къ броду и мы бы перемѣнялись ролями, ставъ относительно непріятеля въ такое же невыгодное положеніе, какъ то, изъ котораго онъ только что вышелъ, а потому мы и приступили къ тушенію пожара.

На обратномъ пути встрѣтили мы офицера, скакавшаго отъ генерала Лазарева, наблюдавшаго въ Учъ-Тапы за ходомъ дѣла и пославшаго ко мнѣ съ приказаніемъ отнюдь не увлекаться преслѣдованіемъ и не переходить съ этою цѣлью на турецкій берегъ, въ виду того, что тамъ еще много кавалеріи. Такимъ образомъ весь августъ мѣсяцъ простояли мы, оберегая нашу границу, отъ прорыва непріятельскаго, на нашу территорію, служа единственной охраной для мѣстныхъ жителей, довѣрившихъ нашей защитѣ настолько, что большинство вернулось по домамъ и съ энергіей принялось за уборку хлѣба.

Вслѣдствіе близости къ Александрополю, офицеры полка изрѣдка отпрашивались у полковаго командира въ городъ, куда отправлялись верхомъ и обыкновенно возвращались съ всевозможными продуктами, главную часть которыхъ составляли закуски, замѣчательно быстро уничтожаемыя.

Въ концѣ августа пріѣзжалъ полковникъ Зеземанъ и въ сопровожденіи конвоя подъ начальствомъ сотника Каобрюхова ѣздилъ осматривать переправы черезъ Арпачай, съ какою цѣлью мы еще тогда не знали, но

впослѣдствіи оказалось, что для выбора удобнаго мѣста для постройки моста. Вниманіе полковника остановилось на Георгіевской и Камбинской переправахъ и съ цѣлью разработки первой изъ нихъ, отряжены были двѣ роты 3-го сапернаго батальона, которыя и направились 2-го сентября съ цѣлью расположиться лагеремъ у мѣста будущихъ работъ.

2-го сентября была темная, осенняя ночь, какъ вдругъ казакъ разбудилъ меня словами: „Ваше высокоблагородіе, вставайте, командиръ полка требуетъ". Нѣсколько минутъ спустя, я стоялъ передъ командиромъ, ожидая распоряженій и приказаній.

Командиръ полка помѣщался въ зданіи пограничнаго поста, гдѣ, заткнувъ выбитыя оконныя стекла газетною бумагой, прибралъ соръ, густымъ слоемъ накопившійся на полу, устроилъ себѣ довольно сносное помѣщеніе, по крайней мѣрѣ закрытое отъ дождя и грозы. Командиръ полка оказался не одинъ: гость его съ окладистою черною бородой, въ черескѣ, съ бѣлою папахою въ рукахъ, наливалъ рюмку водки въ моментъ моего входа.

— Маіоръ, прикажите немедленно собраться первой и второй сотнѣ, какъ можно скорѣе, и вручите себя въ полное распоряженіе князя Чавчавадзе.

Причемъ командиръ представилъ меня князю Арчилу Чавчавадзе, командиру 3-го Дагестанскаго полка.

— Прикажите поскорѣе выѣзжать; сухарей возьмите на восемь дней; сотни постарайтесь вывести съ возможно большимъ числомъ рядовъ; цѣль же нашей экспедиціи я вамъ разъясню на походѣ, обратился ко мнѣ князь Арчилъ.

Трудно собираться ночью, да еще въ темную, сентябрскую ночь,— ничего не находимъ, людей не узнаемъ; всѣ суетятся, и много прошло времени, пока мы вышли и выстроились около эриванской дороги.

Какъ офицеры, такъ и люди были очень недовольны, что на ихъ долю досталась „проклятая кордонная служба" въ то время, какъ другіе полки дѣйствовали въ составѣ корпуса. Мы горѣли нетерпѣніемъ быть отозванными за границу. На кордонѣ служба тяжелая, опасная и неблагодарная: совершите тутъ чудеса храбрости—чудеса ваши пройдутъ незамѣченными и невознагражденными, тогда какъ въ полкахъ, участвовавшихъ въ бояхъ, хотя бы стоя въ резервѣ, все-таки на долю офицеровъ попадаютъ награды, а нижнимъ чинамъ кресты. Вотъ почему вѣсть объ экспедиціи была принята всѣми съ восторгомъ.

Офицеры остающихся двухъ сотенъ завидовали намъ и заранѣе поздравляли съ успѣхомъ, какъ будто иначе и быть не могло.

Когда мы тронулись въ путь, оказалось, что мой дивизіонъ составляетъ дополненіе къ шести-сотенному третьему Дагестанскому полку и сотнѣ Грузинской дворянской дружины. Начальникъ отряда, маіоръ князь

Чавчавадзе, объяснилъ мнѣ, что лазутчики, явясь къ корпусному командиру, заявили, что двѣ тысячи горцевъ, подъ командою Казы-Магомы, сына Шамиля, перешли нашу границу и пошли на Эчміадзинъ для ограбленія славящагося своимъ богатствомъ армянскаго монастыря. Намъ предстояло нагнать ихъ и разбить, отбивъ этимъ разъ навсегда охоту странствовать по нашей землѣ. Пунктъ перехода черезъ Арпачай не былъ указанъ, а потому надо было первоначально искать его и оттуда уже начать энергическое преслѣдованіе; вслѣдствіе чего мы и начали наше движеніе по кордонной дорогѣ, не минующей ни одного сколько нибудь сноснаго брода. Причина нашего похода привела въ восторгъ всѣхъ участвовавшихъ въ немъ; каждый грезилъ о могущемъ произойти лихомъ кавалерійскомъ дѣлѣ, гдѣ ужъ не придется стоять въ цѣпи и отстрѣливаться по едва замѣтному непріятелю, а быстрымъ натискомъ сбить врага, сильнымъ ударомъ доканавъ его.

Внѣшній видъ нашего отряда привелъ бы въ восторгъ каждаго истиннаго художника. Это не кавалерія, стройно парадирующая съ вычищенными лошадьми, прилизанная, разукрашенная, чуть не напомаженная и надушенная; нѣтъ, это орда, въ полномъ смыслѣ этого слова, на разношерстныхъ лошадяхъ, въ разноцвѣтныхъ черкескахъ, со всевозможными системами ружей; людей, готовыхъ на все, съ презрѣніемъ относящихся къ жизни, но требующихъ, чтобъ ихъ велъ человѣкъ, заслуживающій съ ихъ стороны довѣрія. Такимъ, по общихъ отзывамъ, былъ нынѣшній ихъ командиръ, а потому они выражали свое удовольствіе по поводу участія въ экспедиціи. А типы какіе, какая варіація въ творчествѣ природы! Рядомъ съ слугою, почти чорною, воинственною физіономіей, можно было встрѣтить почти дѣтей съ бѣлокурыми волосами и вполнѣ мирнымъ, спокойнымъ выраженіемъ лица. Рядомъ со всадникомъ, вооруженіе котораго сплошь покрыто серебромъ, конскій наборъ, сѣдло, всѣ принадлежности костюма съ прекрасною кавказскою чернью, гарцовалъ дагестанецъ, покрытый какимъ-то рубищемъ, вмѣсто черкески, прикрывающимъ порванный, весь изъ лоскутьевъ бешметъ, съ шашкою, съ высунутымъ концомъ изъ обломанныхъ ноженъ и раздробленною рукояткою! Рядомъ съ прекраснымъ карабахскимъ жеребцомъ шагъ за шагомъ плелась тощая, неопредѣленной породы кляча. Грузинская дворянская сотня, при большомъ однообразіи типовъ, тоже представляла смѣсь одеждъ, вооруженія, лицъ и коней. Наибольшее однообразіе было въ казачьемъ дивизіонѣ; но прошло уже цѣлый годъ, какъ казаки покинули свое жилище и двинулись къ театру войны, а потому одежда ихъ приняла въ высшей степени печальный видъ.

Шумно шла эта толпа; разговоры, смѣхъ не прекращались ни на минуту. Вотъ казаки затянули „Червленскую“, воспѣвая лихаго командира Гребенскаго полка, Волжинскаго, смертью въ неровномъ бою съ

чеченцами покончившаго свою службу царю и отечеству, и удаль дѣдовъ и отцовъ. Мотивъ казачьяго хора перебивается гнусливою дагестанскою мелодіей, обыкновенно начинающеюся очень высокою горловою нотой и состоящей изъ модуляцій и трелей, или родственнымъ съ ней грузинскимъ напѣвомъ. А не то горецъ, вынувъ изъ-за мѣховой опушки бешмета „зурну", это орудіе пытки для музыкальнаго уха, пронзительно завоетъ и безконечно варьируетъ свое завыванье.

Направо и налѣво отъ дороги то и дѣло, не обращая вниманія на массу камней и неровность поверхности, то обгоняя другъ друга, то прямо, ни съ того, ни съ сего скачутъ во всю конскую прыть удалые всадники. Безцѣльная скачка — отличительная черта дагестанца; запретить ему скакать—самое большое для него наказаніе.

Разсказываютъ, что когда князь Бебутовъ командовалъ однимъ изъ дагестанскихъ полковъ, то онъ налагалъ, въ видѣ наказанія за проступки, запрещеніе скакать на болѣе или менѣе продолжительный срокъ и это новое наказаніе дало великолѣпные результаты.

День былъ солнечный, знойный; удушливый воздухъ препятствовалъ свободному дыханію; полное отсутствіе малѣйшаго движенія въ воздухѣ. Лица, съ которыхъ отъ палящихъ лучей южнаго солнца сошла уже не одна кожа, у большинства уже замѣненная темною, грубою, неподвергающеюся атмосферическимъ измѣненіямъ. у новичковъ же изборожденная трещинами, въ видѣ кровавыхъ зигзаговъ, и лоскутками тѣла, отдѣляющагося какъ будто листками бѣлой папиросной бумаги,— вся эта масса шла алюромъ, подобный которому едва ли существуетъ въ какой нибудь иностранной арміи,—средній между шагомъ и рысью. Хода эта соединяетъ быстроту передвиженія съ полнымъ покоемъ для сѣдока, и въ этой ходѣ заключается секретъ, приводящій въ удивленіе каждаго, выслушивающаго разсказы о баснословныхъ дистанціяхъ, проходимыхъ нашими иррегулярными войсками.

У каждаго брода мы останавливались, съ полнымъ вниманіемъ осматривая близь-лежащую мѣстность и по примѣтамъ стараясь узнать, не пробралась ли двухъ-тысячная толпа на нашу территорію. Двѣ тысячи всадниковъ не могли пройти безслѣдно; слѣды копытъ, хотя и трудно-обозначавшіеся на каменистомъ грунтѣ, но, тѣмъ не менѣе, гдѣ нибудь да выдающіе себя, лошадиныя нечистоты, вывалившіяся изъ прорванной или просто развязавшейся саквы зерна ячменя, какіе нибудь брошенные на дорогу объѣдки или тряпки — все это явилось бы признакомъ и послужило компасомъ нашему движенію. Вотъ Абдурахманскій, вотъ Узунконтскій, Камбинскій посты—а слѣдовъ нѣтъ, какъ нѣтъ! Наконецъ, подошли мы и къ лучшей переправѣ у Георгіевскаго поста, куда, какъ ходили слухи, предполагаютъ прислать саперную роту для разработки переправы и даже постройки моста, въ виду обходнаго движенія Алад-

жинскихъ высотъ,—движенія, уже начавшаго созрѣвать въ планахъ нашего штаба дѣйствующаго корпуса...

У Георгіевскаго поста назначенъ былъ привалъ. Мы сошли съ коней, предварительно ставъ въ сотенной колоннѣ, послали по различнымъ направленіямъ разъѣзды, выставили наблюдательные посты.

Гдѣ достать кормъ для утомленныхъ коней? Хотя, по словамъ проводниковъ, и была вблизи, верстахъ въ восьми, на турецкомъ берегу, противъ Багратіоновскаго поста, турецкая деревушка, но жители не продадутъ сѣна, если оно у нихъ и есть, боясь наказанія со стороны турокъ; принудительная же реквизиція была въ нашей арміи строго воспрещена. Хоть околѣвай съ голода кони, въ виду громадныхъ стоговъ сѣна, запасовъ самана или ячменя въ армянскихъ и турецкихъ аулахъ; хоть умирай человѣкъ среди стадъ барановъ, принадлежащихъ непріязненно относящимся къ намъ жителямъ, въ виду пекущихся лавашей и чураковъ; но силой брать не смѣй; возьмешь — такъ раскаешься!

За исключеніемъ турецкаго аула, вблизи, верстъ на 50, не было ни малѣйшаго признака человѣческаго жилья, кромѣ брошенныхъ курдами ауловъ. Курды большею частью перешли къ туркамъ, гдѣ и образовали массу кавалеріи, едва ли принесшей имъ существенную пользу; старики же, дѣти и женщины угнали стада и увезли весь свой скарбъ на гору Алагёзъ. О подножномъ кормѣ не могло быть и рѣчи, такъ какъ кругомъ не было ни малѣйшаго признака растительности. Зеленый сочный камышъ, сплошною массою покрывавшій оба берега рѣки, вывелъ насъ изъ затрудненія, и вскорѣ около каждой лошади возвышалась цѣлая груда этого растенія. Люди не смотрѣли на то, что добывать этотъ кормъ приходилось иному стоя по поясъ въ водѣ,—любовь къ коню прирождена каждому горцу. Камышъ пришелся по вкусу проголодавшимся лошадямъ и онѣ, наклонясь къ разостланнымъ листьямъ, спокойно пережевывали ихъ, изрѣдка отмахиваясь хвостами отъ назойливо насѣдавшихъ мухъ.

Князь Чавчавадзе расположился у полуразрушеннаго каменнаго зданія пограничнаго поста. Его окружали офицеры; передъ ними чисто боевая закуска: холодная баранина, сыръ, кахетинское вино, водка и хлѣбъ.

— Заночуемъ мы тутъ, князь, или двинемся дальше послѣ отдыха?

— Останемся-ли мы тутъ, или пойдемъ дальше — будетъ зависѣть отъ свѣдѣній, какія привезутъ намъ наши разъѣзды и проводники. Пока садитесь—выпейте рюмку водки, закусите чѣмъ Богъ послалъ, да позвольте васъ познакомить съ моими офицерами: князь Чавчавадзе, командиръ Грузинской сотни, обратился ко мнѣ князь Арчилъ, представляя высокаго, худощаваго брюнета, въ сѣрой черкескѣ, бѣлой папахѣ и желтомъ атласномъ башметѣ. Князь Чавчавадзе, офицеръ моего полка, знакомилъ онъ меня съ другимъ, плотнымъ, красивымъ мужчиной.

Князь Чавчавадзе, еще князь Чавчавадзе, еще Чавчавадзе, продолжалъ онъ представленіе, окончившееся тѣмъ, что послѣдніе однофамильцы уже не называли свою фамилію, а только говорили „тоже, тоже".

— Васъ, вѣроятно, поражаетъ, что столько князей Чавчавадзе въ такомъ маленькомъ обществѣ. Наша фамилія въ эту войну выставила на оба театра военныхъ дѣйствій 17 человѣкъ, защитниковъ отечества, и ясно, что мы, насколько возможно, держимся другъ друга, пояснилъ мнѣ князь Арчинъ.

— Семнадцать Чевчавадзе, а сколько нашихъ родственниковъ грузинъ, носящихъ другія фамиліи, пополняютъ ряды нашей арміи, такъ и сосчитать трудно! добавилъ князь Нико.

За стаканомъ кахетинскаго, быстро завязалось знакомство. Я, въ свою очередь, представилъ своихъ офицеровъ.

Наступилъ вечеръ. Вернувшіеся разъѣзды донесли, что нигдѣ ничего незамѣтно. Жители ничего и никого не видали; въ Багратіоновку, ближайшее, хотя и довольно отдаленное поселеніе, турки приходятъ, покупаютъ провизію и, кромѣ убіенія одного армянина, другихъ злодѣйствъ не совершали; на нашу сторону не переходятъ, о движеніи большихъ массъ жители не слыхали. Двигаться на розыски было уже поздно, а потому мы рѣшили заночевать, а на разсвѣтѣ идти дальше.

Пройдя нѣсколько верстъ отъ мѣста нашей ночевки, мы нашли валявшійся конскій потникъ, прострѣленный пулею и весь окровавленный. Подъ нимъ и кругомъ его валялись зерна ячменя, очевидно, выпавшіе изъ саквы въ то время, когда выбрасывался попорченный потникъ. Осмотрѣли находку; рѣшили, что потникъ турецкій и что это первый признакъ правдивости доноса лазутчиковъ, но явилось нежданное разочарованіе и виновникомъ его оказался одинъ изъ казаковъ.

— Это не то что мы ищемъ, потникъ-то уже двѣ или три недѣли тутъ, поглядите-ка, какія ячмень отростки пустилъ, заявилъ казакъ.

И дѣйствительно, тамъ гдѣ земля, хотя самымъ тонкимъ слоемъ прикрывалъ зерна ячменя, ячмень пустилъ ростки, по крайней мѣрѣ двухнедѣльные, между тѣмъ какъ непріятель, котораго мы искали, долженъ былъ перейдти нашу границу, не болѣе 2-хъ—3-хъ дней. Раціональное разсужденіе казака убѣдило насъ въ томъ, что ни въ какомъ случаѣ потникъ не принадлежалъ тѣмъ, кого мы искали, а потому продолжали нашъ путь.

На утро, едва показалось солнце, какъ мы уже были готовы къ выступленію и ждали только приказанія двинуться. Чевчавадзе рѣшилъ слѣдовать по начатому пути, вдоль нашей границы. Арпачай вскорѣ пересталъ составлять нашу границу и замѣнялся быстро текущимъ Араксомъ, въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи омывающимъ подошву Арарата. Долина Аракса уже входитъ въ районъ дѣйствій Эриванскаго отряда, а

потому наше дѣло было только осмотрѣть линію до крайнихъ пунктовъ расположенія войскъ вышеупомянутаго отряда. Долго мы шли по безлюдной пустынѣ, верстъ 50 прошли, но нигдѣ ничего подозрительнаго не замѣтили, ни одной встрѣчной души человѣческой, ни звѣрка, ни птички какой-нибудь, одни фаланги, скорпіоны да тарантулы гнѣздятся подъ каменьями. Но, вотъ на горизонтѣ показались всадники, очевидно высматривавшіе наше движеніе. Мы послали развѣдать, кто эти наѣздники, а пока дѣло не разъяснилось, спокойно подвигались впередъ. Оказалось, что это всадники закатальскаго иррегулярнаго коннаго полка, стоявшаго верстахъ въ восьми отъ пункта нашей встрѣчи, въ селеніи Кульпахъ. Рѣшено было двигаться до Кульпъ, гдѣ и ночевать; одну же Дагестанскую сотню расположить на полпути, между Георгіевскимъ постомъ и Кульпами и разъѣздами поддерживать сообщеніе; въ тоже время,ославъ охотниковъ къ Эчеліадзину, для собранія свѣдѣній, не произошло-ли чего-нибудь тамъ, или въ окрестностяхъ.

Степная дорога замыкалась тутъ каменнымъ кряжемъ, въ которомъ высѣчена узкая и крутая дорожка, почти тропинка. Когда мы прошли эту расщелину, взорамъ нашимъ представилась давно невиданная, живописная картина; при спускѣ съ горы, разстилалась равнина, вся въ зелени, въ деревьяхъ, чистенькіе домики, огороженные заборами дворы и, наконецъ, бурно шумѣвшая рѣка, оказавшаяся Араксомъ. Фономъ для этой картины, служили причудливой формы горы Кульпъ и Араратъ, вершину которой составляетъ правильный овалъ, гора, красивѣе которой едвали найдется въ цѣломъ мірѣ.

— И усталь забудешь, какъ зелень увидишь, говорили казаки, не видѣвшіе нѣсколько мѣсяцевъ ни одного деревца, ни одного кустика.

Правильно вырытыя канавки, искусственное орошеніе, наконецъ, хорошо разработанная дорога—все показывало, что обитатели этой деревни люди трудолюбивые. Оказалось, что населеніе ея, всѣ до единаго—персіяне, народъ очень зажиточный, искусственнымъ удобреніемъ и ирригаціей доведшій каменистый грунтъ до высшей степени плодородія и занимающійся обширною торговлей. Всевозможныя плантаціи, между прочимъ, много хлопка и сады съ персиковыми деревьями—вотъ плоды трудовъ персіянъ.

На той сторонѣ Аракса показались три всадника. Одинъ изъ нихъ, не принимая въ разсчетъ громадную дистанцію, раздѣлявшую насъ, слѣзъ съ коня сталъ на одно колѣно и долго цѣлясь, выстрѣлилъ разъ, потомъ другой, третій; вслѣдъ затѣмъ, вскочивъ на лошадей, умчались всѣ и скрылись изъ глазъ. Ѣхавшіе впереди охотники донесли, что на той сторонѣ Аракса замѣтны какія-то войска, конница и пѣхота. Опять послали охотниковъ. Приближавшіяся войска съ своей стороны, выдвинули кавалерійскую цѣпь. Вскорѣ все дѣло разъяснилось: это батальонъ не

*

помню какого-то пѣхотнаго полка, сотня уманскаго казачьяго и сотня закатальцевъ, вышедшіе съ утра изъ Кульпъ, получивъ свѣдѣніе, что партія курдовъ, довольно значительная, бродитъ у нашей границы. Самая незначительная перестрѣлка разсѣяла куртинскія скопища и войска наши смирно возвращались домой, какъ вдругъ появленіе значительной массы кавалеріи на нашемъ берегу приковало ихъ вниманіе. Незная ничего о томъ, что мы должны были идти на Кульпы, они были убѣждены, что видимая ими конница—турецкая кавалерія. Безпорядочность нашего движенія, неприсущая даже нашимъ казакамъ, еще болѣе укрѣпляла ихъ въ этой мысли и они уже готовились вступить въ дѣло, но смѣлость одного изъ князей Чавчавадзе и нѣсколькихъ грузинъ, для разъясненія подъѣхавшихъ близко къ цѣпи, уничтожила сомнѣніе въ нашей обоюдной принадлежности къ русской арміи, спасла насъ отъ безцѣльной траты людей не вражескими, но своими-же собственными пулями и дозволила спокойно продолжать движеніе.

Пройдя персидскій аулъ, подошли мы къ Араксу. Пріятною свѣжестью потянуло отъ рѣки; заморенные кони, устремившись къ водѣ, опустили въ нее свои морды и жадно глотали холодную влагу. Далеко по береговой линіи рѣки разсыпались желавшіе напоить своихъ коней, напоившіе переправлялись на другой берегъ, гдѣ продолжалась наша эриванская губернія и граница шла уже не по Араксу. Бродъ былъ не изъ мелкихъ, до колѣнъ сѣдоковъ хватала вода; притомъ теченіе было такъ быстро, что положительно сбивало съ ногъ переправлявшихся лошадей. Бывшіе при нѣкоторыхъ офицерахъ и почти въ каждой сотнѣ собаки, начиная переходъ рѣки у пункта переправы, выплывали по крайней мѣрѣ, за полверсты отъ мѣста нашего выхода на берегъ, несмотря на то, что масса коней, запрудившихъ рѣку, образовывала живую плотину, сильно задерживавшую быстроту теченія.

Черезъ полчаса мы уже вступали въ Кульпы, чистенькое красивое мѣстечко, пріютившееся у подошвы горы того-же имени. Жители толпою высыпали на улицы. Плоскія крыши саклей покрылись вышедшими поглазѣть на насъ женщинами и дѣтьми. При всемъ этомъ полное восточное спокойствіе: ни крика даже дѣтскаго, ни поклона, лишь равнодушное тупое оглядываніе съ ногъ до головы каждаго офицера. Расположившись бивуакомъ около маленькой рощицы, уже занятой закатальскимъ полкомъ и уманскою сотнею, я замѣтилъ общее хорошее настроеніе: всѣ были въ восторгѣ отъ начала экспедиціи.

Командиръ Закаталькаго полка, князь Баратовъ, пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Въ тѣни деревъ, на травѣ была разостлана бѣлая длинная скатерть—роскошь, давно невиданная нами, на ней стояли приборы. Хозяинъ, красивый мужчина, съ длинными съ сильною просѣдью волосами, быстрыми черными глазами и маленькою бородкою, очевидно, от-

пущенною только теперь, въ военное время, принялъ меня очень радушно и накормилъ такимъ обѣдомъ, какого мы не ѣдали съ самаго начала войны. Обѣдавшіе были всѣ грузины, за исключеніемъ двухъ Закатальцевъ-лезгинъ и меня. Князья Чавчавадзе со всѣми были знакомы гораздо ранѣе и весело болтали, почти все время по-русски, изъ вѣжливости ко мнѣ. Послѣ обѣда партія виста закончила нашъ день. Лошади получили, вмѣсто сѣна, пучки великолѣпнаго душистаго сѣяннаго клевера, купленнаго у персіянъ, вслѣдствіе большаго спроса, по довольно дорогой цѣнѣ — шесть копѣекъ за пукъ весьма небольшихъ размѣровъ.

На другой день мы остались въ Кульпахъ. Князь Баратовъ устроилъ въ честь насъ праздникъ въ чисто восточномъ вкусѣ. Собрались лучшіе плясуны лезгинки, подняли свою музыку зурначи; на смѣну дагестанцамъ явились лезгины Закатальской дружины. Горская лезгинка отличается отъ казачьей тѣмъ, что танцуется быстро, порывисто, иногда съ акробатическими фокусами, тогда какъ казаки танцуютъ ее плавно, какъ будто плывя одинъ за другимъ. На этомъ праздникѣ мы пили по-грузински: серебряный съ длинною ручкою ковшъ, „азарпешъ“, наливался полный виномъ и подавался выбраннымъ „тулумбашемъ“, распорядителемъ, кому нибудь изъ присутствовавшихъ со словомъ „алаверды“; принимавшій азарпешъ долженъ сказать „якшіолъ“ и выпить до дна. Не выпить считается оскорбленіемъ, а потому вскорѣ всѣ были въ веселомъ настроеніи духа.

Отовсюду явились разъѣзды и у всѣхъ былъ одинъ отвѣтъ: вездѣ все спокойно и непріятеля нигдѣ незамѣтно. Начальникъ отряда послалъ донесеніе къ корпусному командиру и просилъ дальнѣйшихъ распоряженій. Корпусный командиръ приказалъ оставаться въ Кульпахъ, посылая разъѣзды и наблюдая за границею до особаго приказанія. Впрочемъ, особое приказаніе незамедлило явиться—приказано вернуться всѣмъ составлявшимъ отрядъ къ своимъ частямъ. Распростившись съ новыми знакомыми, мы выступили въ обратный путь и, въ одинъ день сдѣлавъ около ста верстъ, вернулись къ Георгіевскому посту, не потерявъ ни одного человѣка нетолько убитымъ или раненымъ, но даже больнымъ. Всѣ участвовавшіе въ поискѣ остались довольны этою экспедиціей, сожалѣя только, что не пришлось сразиться съ врагомъ и что лазутчики выдумали, должно быть для полученія денегъ за донесеніе, набѣгъ въ дѣйствительности никогда не предпринимавшійся Кази-Магомой.

У Георгіевскаго поста мы получили подкрѣпленіе, состоящее изъ 1-го Волжскаго казачьяго полка и дивизіона батареи 2-й Кубанской, подъ начальствомъ сотника Албановича. Командованіе надъ отрядомъ принялъ старшій по чину полковникъ Воробьевъ. Переправа черезъ Арпачай уже была окончена, и вполнѣ удобные спускъ и подъемъ ока-

зались тамъ, гдѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ съ большимъ трудомъ пробирались одиночные всадники.

Теперь цѣль нашего кавалерійскаго отряда была совершенно другая и состояла въ томъ, чтобъ не допустить непріятеля воспользоваться нашей разработанной переправой. Между тѣмъ были посланы охотники къ турецкому расположенію для осмотра ихъ позицій и для разспроса у жителей о числѣ и расположеніи турецкихъ войскъ. Сами же мы всѣмъ отрядомъ за исключеніемъ 2-хъ сотенъ, оставленныхъ прикрытіемъ къ орудіямъ, перешли Арпачай и направились къ помѣстью Куртинскаго хана, гдѣ нами были замѣчены большіе склады сѣна, съ цѣлью пофуражировать. Фуражировка удалась какъ нельзя лучше, безъ выстрѣла совершили мы ее, всѣ до единаго наложивъ на своихъ коней громадные пуки сѣна. Оставшееся же сѣно было предано сожженію съ цѣлью недопустить захвата его турками. Отступили мы какъ разъ во время, такъ какъ при нашемъ приближеніи къ Арпачаю вдали нами была замѣчена турецкая кавалерійская цѣпь. Пока нижніе чины занимались навьючиваньемъ сѣна, я зашелъ въ домъ хана, снаружи изукрашенный какими-то высѣченными въ камнѣ надписями. Внутри весь домъ былъ отдѣланъ рѣзнымъ деревомъ, причемъ убранство комнатъ было очень оригинально. Такъ какъ по показанію проводниковъ владѣлецъ этого дома былъ заклятымъ врагомъ русскихъ и грабилъ армянъ, то при нашемъ уходѣ было приказано поджечь этотъ домъ. Огонь скоро охватилъ сухое дерево внутренней отдѣлки и при отступленіи, мы видѣли огненное море, разстилавшееся надъ имѣньемъ Куртинскаго владѣльца. Кромѣ сѣна, многіе воспользовались разными хозяйственными принадлежностями, какъ-то лопатами, мисками, и т. п. вещами зачастую совсѣмъ не нужными, но представлявшими изъ себя нѣкотораго рода частный трофей. Что касается до меня, то послѣдствія моего посѣщенія этого дома были насколько оригинальны, настолько и непріятны. Массы мелкихъ блохъ, буквально облепили меня всего, всѣ вещи, все платье, бывшее на мнѣ покрыто было ими какъ пылью и все это, несмотря на то, что все мое пребываніе въ этомъ злосчастномъ домѣ длилось много, много если пять минутъ. Нѣсколько дней не давали мнѣ покоя эти незванные гости, несмотря на всѣ предпринятыя мною мѣры, превратили мое тѣло въ какую-то сплошную сыпь. Вечеромъ того же дня сотникъ Албановичъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

При отступленіи изъ-подъ Зевина, мои два орудія очутились въ довольно критическомъ положеніи, такъ какъ снявшись съ позиціи, считались безъ прикрытія. Между тѣмъ черкесы становились все нахальнѣе и нахальнѣе и положительно насѣдали, осыпая насъ пулями. Отогнать ихъ не представлялось ни малѣйшей возможности, такъ какъ у насъ вѣдь ружей нѣтъ. Смотрю, идетъ казакъ и ведетъ въ поводу лошадь.

Выстрѣли хоть разъ, въ этихъ мерзавцевъ, обратился я къ нему, казакъ пріостановился, вынулъ изъ чехла ружье, зарядилъ его, прицѣлился, раздался выстрѣлъ и ближайшій черкесъ повалился съ коня и упалъ безъ движенья на землю. Подхватили убитаго черкесы и ускакали назадъ, болѣе не безпокоя меня. Спросилъ я казака, какого онъ полка, оказалось вашего, спросилъ фамилію: Суховъ. Потомъ я доложилъ батарейному, приписывая Сухову положительно спасеніе моихъ орудій, или, по крайней мѣрѣ, жизни нѣкоторымъ изъ артиллерійской прислуги. Командиръ обѣщалъ ходатайствовать о награжденіи казака знакомъ военнаго ордена, да потомъ такъ и забылъ, не представилъ, а между тѣмъ право слѣдовало бы дать ему крестъ.

По вечерамъ собирались всѣ офицеры побесѣдовать за стаканомъ кахетинскаго, да послушать пѣсенниковъ. Между прочимъ интересно было слушать разсказы, старика Дагестанскаго маіора Али, за преданность свою русскимъ, въ свою долголѣтнюю службу, прозванный Гяуръ-Али. Очень мало говоря по-русски, онъ передавалъ все черезъ другаго офицера. Въ числѣ же офицеровъ былъ и гвардіи штабсъ-ротмистръ Мамоловъ, служившій въ лейбъ-казачьемъ полку, только на время войны прикомандированный къ Дагестанцамъ и впослѣдствіи 2-го октября попавшійся въ плѣнъ къ туркамъ, доведшимъ его до Константинополя, гдѣ, впрочемъ, онъ не долго пробылъ и умеръ въ одномъ изъ госпиталей. Не долго стояли мы въ новомъ составѣ отряда, всего два дня, на третій же получили приказъ, Волжскій, Дагестанскій полки съ артиллеріей вернуться въ главный лагерь, равно какъ и Грузинская сотня; мнѣ же съ дивизіономъ вернуться въ Кидилъ-Килиссо и присоединиться къ полку. Душевно съ истинной грустью распрощались мы съ нашими новыми знакомыми. Когда Кизилъ-Килиссинскій постъ и мѣсто нашего лагеря, было достигнуто нами, послѣ нѣсколькихъ часовъ похода.

Только что я успѣлъ отрапортовать своему полковому командиру о совершенной нами экспедиціи немедленно по нашемъ возвращеніи въ Кизилъ-Килисса, какъ показавшаяся съ нашей стороны пыль дала знать о довольно значительномъ отрядѣ, шедшемъ отъ Кигача къ нашему расположенію. Оказалось, что это Севастопольскій пѣхотный полкъ, одинъ батальонъ Елизаветпольскаго, одинъ Владикавказскаго полка, двѣ роты 3-го сапернаго батальона, батарея девяти-фунтовыхъ и батарея четырехъ-фунтовыхъ орудій.

— Опять придется вамъ идти по тому же направленію, откуда пришли,—обратился ко мнѣ командиръ полка,—такъ какъ къ вновь составляющемуся Камбинскому отряду приказано присоединить двѣ сотни, сегодня отрядъ переночуетъ здѣсь, а завтра на разсвѣтѣ примите подъ свое вѣдѣніе дивизіонъ и двигайтесь начальникомъ кавалеріи отряда, подшучивалъ полковникъ Климентовъ.

Оживился нашъ бивуакъ, вечеромъ заиграла давно неслыханная нами военная музыка Севастопольскаго полка и я провелъ вечеръ среди старыхъ знакомыхъ офицеровъ 3-го сапернаго батальона.

На утро двинулся вновь сформированный отрядъ, причемъ я поручилъ вести дивизіонъ сотнику Яицкову, самъ же остался на часъ въ лагерѣ, такъ какъ мнѣ необходимо было сдѣлать съ полкомъ нѣкоторые хозяйственные разсчеты. Не торопясь догналъ я отрядъ, когда уже Камбинскій постъ былъ въ виду. Голову колонны трудно было разглядѣть, такъ какъ облако пыли скрывало ее изъ глазъ.

— Ваше высокоблагородіе, что это никакъ дымъ валитъ съ Георгіевскаго поста, да и казаки на рысяхъ пошли, должно быть попримѣтили что нибудь,—сказалъ мнѣ ѣхавшій сзади казакъ.

Я поскакалъ къ своему дивизіону и нагналъ уже переправляющихся черезъ Арпачай одну сотню, другую же оставшуюся около Георгіевскаго поста объятаго пламенемъ.

Оказалось, что и тутъ повтореніе Анинской исторіи, турки воспользовались тѣмъ, что постъ никѣмъ не оберегался и по вновь отдѣланной дорогѣ перешли на нашъ берегъ и подожгли зданіе поста. Завидя же наши войска они быстро бросились къ переправѣ и перейдя на свой берегъ, вполнѣ довольные успѣхомъ быстро стали отступать. Видя безплодность преслѣдованія, я послалъ имъ въ догонку нѣсколько выстрѣловъ, вернулъ сотню обратно и расположилъ бивуакомъ. Во время отступленія турки потеряли двѣ сумы, одну наполненную ячменемъ, другую же съ разными вещами.

Послѣ 13-го августа, дня Кизылтапинскаго боя, стоившаго намъ большихъ потерь, вплоть до половины сентября не было серьезнаго дѣла. Бывали рекогносцировки, маленькія стычки, но серьезной битвы по всей боевой линіи не было. Между тѣмъ, нашъ дѣйствующій корпусъ усилился прибытіемъ московской гренадерской дивизіи съ артиллеріей, и въ штабѣ рѣшили приступить къ энергическимъ дѣйствіямъ.

Грозная Аладжа уже не была усыпана бѣлыми палатками, какъ до дѣла 13-го августа, хотя все-таки, большое число войскъ занимало ее и она прикрывала собою тылъ праваго фланга турецкаго расположенія. Главный же турецкій лагерь упирался флангомъ на Кизылтапу и растилался у подошвы Аладжи. Сверхъ того, высоты Большія и Малыя Ягны и другія, послѣдовательно идущія къ Карсу, были сильно укрѣплены, поддерживая одна другую цѣлымъ рядомъ полевыхъ укрѣпленій. Сбивать турокъ съ ихъ аладжинскихъ позицій фронтальною атакой было дѣломъ черезчуръ рискованнымъ, и во всякомъ случаѣ, стоило бы громадныхъ потерь, а потому рѣшено было попытаться сдѣлать обходное движеніе, отрѣзать этимъ путь отступленія турецкой арміи, въ то же время, стараясь прорвать центръ ихъ боеваго расположенія.

Прибывшій, въ первыхъ числахъ сентября, въ нашъ дѣйствующій корпусъ начальникъ Сухумскаго отдѣла, молодой генералъ Шелковниковъ, былъ избранъ Великимъ Княземъ для приведенія въ исполненіе первой половины вышеуказаннаго плана. Пріѣхавъ на нѣсколько часовъ только для донесенія о дѣйствіяхъ своего отряда, онъ былъ оставленъ Его Высочествомъ сперва при штабѣ главнокомандующаго, а потомъ посланъ къ Камбинскому посту для формированія обходнаго отряда. Камбинская переправа была выбрана пунктомъ перехода черезъ нашу границу и тутъ, мало-по-малу, стали сосредоточиваться части, на долю которыхъ пришлось, 19-го и 20-го сентября, первыми совершить обходъ Аладжи съ незначительными силами по почти непроходимой мѣстности. Въ составъ отряда вошли, три батальона Севастопольскаго пѣхотнаго полка, одинъ Владикавказскаго, одинъ Елизаветпольскаго и два Бакинскаго, три сотни Кизляро-гребенскаго, двѣ 2-го Волжскаго, изъ которыхъ одна съ ракетными станками, и одна Кубанскаго казачьихъ полковъ, четыре девятифунтовыхъ, батарея четырехфунтовыхъ орудій и горная батарея; сверхъ того, 2 роты 3-го сапернаго батальона.

Голый каменистый берегъ Арпачая оживился съ прибытіемъ войскъ: разставили палатки, провели телеграфную линію, соединившую Караяльскія высоты, гдѣ находился въ то время штабъ дѣйствующаго корпуса и главнокомандующаго, съ нашимъ расположеніемъ, и пошла лагерная однообразная жизнь. Первоначально пунктомъ переправы былъ назначенъ бродъ у Георгіевскаго поста и для ея разработки спеціально была послана рота саперъ, устроившая спуски и подъемы въ крытыхъ скалистыхъ берегахъ, динамитомъ взрывая каменныя глыбы. Единственно воспользовавшеюся этою работою нашихъ саперъ была партія черкесовъ, на другой же день по оставленіи саперами Георгіевскаго поста и до прихода нашего къ Камбину, перешедшая Арпачай и поджегшая зданіе поста. Саперы и тутъ немедлено приступили къ работамъ, подъ наблюденіемъ своего храбраго и дѣльнаго командира, капитана Кристини. Застучали кирки, заработали лопаты, стали раздаваться взрывы динамита и скоро какъ спускъ, такъ и подъемъ, широкіе и удобные, были готовы къ нашимъ услугамъ. Шумъ ли отъ взрывовъ, донесеніе ли лазутчиковъ, или просто развѣдка открыли туркамъ наше присутствіе на лѣвомъ берегу Арпачая, но вскорѣ мы ихъ увидѣли на двухъ высотахъ, носящихъ названіе Кизинкульскихъ высотъ и находящихся около проходящей мимо нихъ дороги, ведущей на Дигоръ, Хаджи-Халилъ въ Карсъ—дороги впослѣдствіи, при обходномъ движеніи генерала Лазарева—движеніи, окончившимся такъ блистательно дѣломъ 3-го октября и плѣненіемъ 26-ти батальоновъ, игравшей такую важную стратегическую роль. На этихъ высотахъ появились турки и началась энергическая работа по ихъ укрѣпленію. Въ мою трубу ясно были видны ихъ работы, и вскорѣ земляныя

укрѣпленія увѣнчали вершины обоихъ высотъ, а сами высоты были испещрены ложементами для стрѣлковъ. За исключеніемъ одной палатки, находившейся въ укрѣпленіи ближней горы, другихъ не было замѣтно, какъ впослѣдствіи оказалось, лагерь ихъ скрывался отъ насъ самими возвышенностями.

16-го сентября, генералъ Шелковниковъ приказалъ мнѣ, взявъ сотню, стараться подойти, на сколько возможно ближе, къ турецкому расположенію и высмотрѣть число войскъ. Съ своею сотнею перешелъ я границу и направился къ турецкимъ укрѣпленіямъ. Сторожевой кавалерійскій постъ, замѣтивъ мое движеніе, немедленно послалъ помчавшагося во всю конскую прыть всадника, должно быть къ начальнику съ предупрежденіемъ. Желая предупредить поскорѣе, онъ не доѣзжая до высотъ, выстрѣлилъ. Моментально вся гора усѣялась людьми. Остановивъ сотню слѣзъ я съ коня и сталъ смотрѣть въ трубу. Результатъ моего наблюденія былъ слѣдующій: орудій еще не было установлено на высстахъ, такъ какъ, сверхъ того, что ихъ не было видно, турки ни за что не удержались бы не пустить зарядъ въ такую заманчивую цѣль, какъ куча кавалеріи; я же стоялъ въ сферѣ орудійнаго огня, а мнѣ позволяли спокойно смотрѣть на нихъ. Подступы къ Кизилькульскимъ высотамъ не представляли трудностей, войскъ же, пѣхоты, казалось батальона три или четыре. Мои наблюденія были прерваны высыпавшими съ обѣихъ сторонъ высотъ всадниками, съ разноцвѣтными тюрбанами и длинными пиками, показавшими, что они курды. Сверхъ того, въ Сѣдловинѣ появились двѣ сомкнутыя стройныя части, каждая въ размѣрѣ эскадрона, оказавшіеся драгунами, сувари. Драгуны пріостановились, а курды начали въ разсыпную свое наступленіе, поднявъ учащенную стрѣльбу съ дистанціи, недопускавшей долета ни единой пули. Ихъ было по крайней мѣрѣ, сотни три. Посадивъ свою сотню на коней, началъ я отступленіе. Но вотъ стали посвистывать пули и приближаться конные фигуры; все чаще и чаще сдѣлался полетъ пуль. Находя дистанцію, насъ раздѣляющую, уменьшившеюся на столько, что дѣйствіе нашихъ берданокъ могло съ пользою быть испытаннымъ, я вызвалъ цѣпь для прикрытія нашего отступленія, своею стрѣльбою очень скоро остановившую наступавшихъ.

По прибытіи къ отряду, я явился къ генералу Шелковникову, съ берега смотрѣвшему на рекогносцировку, и разсказалъ ему все высмотрѣнное мною. Вечеромъ, зайдя къ командиру Севастопольскаго полка, полковнику Вождакину, въ палатку, я засталъ у него большое общество офицеровъ. Завязались разговоры, разсказы; между прочимъ, полковникъ возлагалъ большія надежды на послѣдствія нашего движенія.

— Когда поведутъ съ фронта атаку на Аладжу, а мы появимся въ тылу и отрѣжемъ туркамъ всякую возможность отступить, конецъ Мух-

тару! Единственнымъ исходомъ для него останется сдача въ плѣнъ со всею арміей и тогда конецъ войнѣ, конецъ кровопролитію.

Всѣмъ пришелся очень по сердцу генералъ Шелковниковъ. Хотя никто не видѣлъ еще его въ бою, но всѣ чувствовали къ нему какое-то невольное довѣріе. Молодость-ли, деликатное-ли обращеніе подкупали всѣхъ въ его пользу, но всѣ симпатизировали ему.

18-го сентября, съ утра, разнесся по бивуаку слухъ о ночномъ движеніи, для сбитія турокъ съ Кизилькулы. Всѣ приготовились, оружіе чистилось, разбирали патроны, вдали устраивали санитарныя приспособленія. Вскорѣ сталъ извѣстенъ планъ, въ общихъ чертахъ слѣдующій:

Пѣхота идетъ, вмѣстѣ съ четырьмя девятифунтовыми орудіями и батареею четырехфунтовокъ, по дорогѣ указываемой проводникомъ, выступивъ въ часъ ночи. Кавалерія постарается занять дорогу соединенія Кизилькулы съ Аладжею и, въ случаѣ бѣгства турокъ, задержать ихъ; я же съ двумя сотнями долженъ былъ обойти ихъ правый флангъ и ставъ у аула Маврики, при переправѣ черезъ рѣку Дигоръ, занять путь отступленія на Карсъ.

Въ 12 часовъ ночи, мы, уже выстроившись, ждали приказанія двинуться. Ночь была темная, довольно прохладная. Генералъ Шелковниковъ призвавъ меня заявилъ, что съ меня достаточно и одной сотни, а такъ какъ мой путь самый короткій, то приказалъ двинуться не ранѣе двухъ часовъ.

Войска тронулись. Опять тишина. Дождавшись указаннаго часа, ровно въ два отправился я въ путь. Оказалось, что у переправы мнѣ пришлось подождать еще съ полчаса, такъ какъ по наведенному капитаномъ гвардейскаго сапернаго батальона Бредовымъ прекрасно устроенному козловому мосту не могли такъ скоро перебраться войска. Въ проводники мнѣ былъ данъ какой-то очень подозрительный курдъ, оборванный, съ кривою саблею у бока, на сѣренькой красивой лошадкѣ. Съ полнымъ безмолвіемъ подвигались мы безъ дороги, прямо полемъ, имѣя дозорныхъ всадниковъ спереди, сзади и съ обоихъ боковъ.

Тишину нарушалъ только мой проводникъ, что-то разсказывавшій, но я не понималъ его, и мой переводчикъ, говорившій на семи восточныхъ нарѣчіяхъ, къ несчастію, не владѣлъ курдинскимъ, а потому разсказъ такъ и остался непонятымъ. Кизилькула стала все яснѣе и яснѣе обрисовываться и, наконецъ, оказалась такъ близка, что я счелъ благоразумнымъ остановиться и выждать, рѣшивъ сообразоваться съ ходомъ дѣла. Посланный мною разъѣздъ, прошелъ благополучно вплоть до рѣки Дигоръ и заявилъ мнѣ, что дорога въ Карсъ и переправа находится около самыхъ высотъ и охраняются конным пикетомъ, преспокойно спавшимъ. Напасть на этотъ пикетъ было легко, но это подняло бы общую тревогу, а такъ какъ я думалъ, что нападеніе и штурмъ будутъ

произведены до разсвѣта, то не желалъ тревожить и приказалъ уряднику совершить развѣдку, какъ можно осторожнѣе и тише, что и было имъ выполнено.

Долго пришлось стоять мнѣ въ выбранной мною лощинкѣ, дожидая перваго выстрѣла. Солнце уже довольно высоко поднялось надъ горизонтомъ, ночная прохлада смѣнилась зноемъ, а между тѣмъ, съ устроеннаго мною изъ наложенной груды камней штатива, на которомъ я помѣстилъ свою подзорную трубу, не было замѣчено ни малѣйшаго движенія ни на высотахъ, ни около нихъ. Вдругъ въ укрѣпленіяхъ началось какое-то лихорадочное движеніе: все засуетилось, забѣгало; съ минуты на минуту ожидалъ я выстрѣла, направленнаго въ мою сторону, считая себя открытымъ нашимъ непріятелемъ, но показавшійся изъ одного изъ орудій (уставленныхъ, какъ оказалось, наканунѣ пришедшими тремя батальонами подкрѣпленія) дымъ выстрѣла, направленнаго не въ мою, а въ другую сторону, убѣдилъ меня, что турки открыли движеніе нашего главнаго отряда. Отвѣтный выстрѣлъ не заставилъ себя ждать; заработали наши девятифунтовки и пошла усиленная канонада. Но вотъ показалась наша цѣпь, медленно наступавшая, стрѣляя, неторопясь, въ отвѣтъ учащенной турецкой стрѣльбѣ. Съ моей стороны изъ-за горъ выѣхали сотни три курдовъ, сперва было начавшихъ наступленіе въ мою сторону, но потомъ, должно быть найдя, что игра не стоитъ свѣчъ, повернувшихъ къ наступавшей пѣхотной цѣпи.

Тутъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ факта, рѣдко встрѣчаемаго въ военныхъ лѣтописяхъ. Когда курды, гарцуя на своихъ коняхъ, стали приближаться къ цѣпи, пѣхотные солдаты, давъ залпъ, въ разсыпную (что въ цѣпи иначе и быть не могло), съ крикомъ „ура!“ взявъ ружья на перевѣсъ, бросились бѣгомъ въ атаку на курдовъ, и этимъ обратили конницу въ полное безпорядочное бѣгство. Курды скрылись за высотами и больше во все время боя не показывались. Выѣхали два эскадрона драгунъ, развернули фронтъ и тронулись шагомъ по мѣстности, только что очищенной курдами, потомъ перешли въ рысь, но паденіе нѣсколькихъ человѣкъ заставило ихъ повернуть и въ порядкѣ скрыться по слѣдамъ курдовъ.

Все ближе и ближе подступала наша цѣпь къ подошвѣ ближней и наиболѣе укрѣпленной горы, осыпаемая цѣлымъ дождемъ пуль, неустанно грохотали орудія, все учащая и учащая пальбу. Съ минуты на минуту ожидалъ я, что съ крикомъ „ура“ бросятся наши герои на ложементы и пойдетъ штыковая работа. Уже ближайшіе ложементы были очищены струсившими турками, какъ вдругъ я увидѣлъ, что всѣ наши войска стали, отстрѣливаясь, шагъ за шагомъ отступать. Отчего мы отступили въ моментъ, когда уже позиція почти была въ нашихъ рукахъ—въ то время я не зналъ. Въ дѣйствительности же причиною отступленія было

слѣдующее: пока происходило дѣло, генералъ Шелковниковъ съ капитаномъ Бредовымъ и казачьимъ конвоемъ, сдѣлалъ рекогносцировку пути, по которому предполагался обходъ Аладжи, чтобъ убѣдиться, не помѣшаютъ ли войска Кизилькульскихъ высотъ нашему наступленію. Найдя путь нетолько безопаснымъ, но и скрытымъ горнымъ хрящемъ отъ наблюденій врага, Шелковниковъ рѣшилъ не занимать высотъ и тѣмъ не привлекать усиленій непріятеля въ данномъ пунктѣ, облегчивъ этимъ самымъ безопасность нашего фланга. Разумѣется, можно было бы приказать отступать, не доводя людей такъ близко къ укрѣпленіямъ, но приказаніе замедлилось во время передачи его, а наступленіе было черезчуръ стремительно.

Съ грустью отступали солдаты; оробѣвшіе было турки, пріободрились и частями перешли въ наступленіе, всякій разъ показывая тылъ, когда наши, для острастки, бросались нѣсколько шаговъ впередъ. Все чаще и чаще стали падать солдаты, раненые, безъ умолка стрѣлявшими турками. Съ ихъ стороны ужъ это не была безрезультатная пальба по людямъ, предвидящимъ опасность, а спокойное, „на выборъ“, битье врага отступающаго. Вотъ, изъ-за горъ опять выѣхала масса кавалеріи и затараторила изъ своихъ магазинокъ, удачно прозванныхъ нашими солдатами, „шарманками“.

Видя, что мое положеніе становится нетолько опаснымъ, но и вполнѣ безполезнымъ, я на рысяхъ, съ трудомъ перебираясь черезъ овраги перерѣзывающіе мѣстность по всѣмъ направленіямъ, присоединился къ прикрывающимъ лѣвый флангъ отступленія нашей боевой линіи, двумъ казачьимъ сотнямъ, 3-й кизляро-гребенской и 2-й волжской. Такимъ образомъ, мнѣ пришлось составить своею сотнею крайній лѣвый флангъ, и, какъ старшему, принять команду надъ тремя сотнями. Не смотря на настойчивое насѣданіе турокъ, на стрѣльбу изъ всѣхъ орудій, сперва картечью, потомъ картечною гранатой и, наконецъ, гранатами, провожавшую насъ на очень далекое разстояніе, отступленіе совершалось въ замѣчательномъ порядкѣ, какъ будто на маневрахъ. Ни малѣйшей суеты, стрѣльба выдержанная, прицѣльная, можно было любоваться нашимъ пѣхотнымъ солдатомъ. Когда нахальство курдовъ, приближавшихся на довольно близкое къ намъ разстояніе, черезчуръ давало себя знать, я спѣшивалъ свою цѣпь для болѣе мѣткой стрѣльбы и спѣшиванье каждый разъ давало хорошіе результаты. Вообще, выстрѣлы, пускаемые съ коня, наносятъ мало вреда, а потому, если хочется, чтобъ заряды не пропадали даромъ, слѣдуетъ спѣшивать людей. За исключеніемъ казаковъ, составлявшихъ цѣпь, остальные отступали тремя взводными колоннами, поминутно останавливаясь, чтобы не обогнать отступавшую пѣхоту.

Вдругъ лѣвофланговые казаки въ цѣпи крикомъ своимъ обратили наше вниманіе въ ихъ сторону.

— Курды отрѣзали отъ насъ хорунжаго Бирюлькина и нѣсколько казаковъ, кричалъ прискакавшій отъ цѣпи казакъ, указывая на появившуюся толпу всадниковъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ.

Повернувъ сотню, бросился я освобождать своего боевого товарища. Не взирая на камни и рытвины, мчались казаки на выручку своихъ одностаничниковъ. Къ крайнему моему удивленію, курды не повернули назадъ, а потрясая своими длинными бамбуковыми пиками, скакали прямо на насъ. Все ближе и ближе становились мы другъ къ другу. Разноцвѣтныя чалмы, обертывающія ихъ головы, фантастическіе костюмы все яснѣе и яснѣе обрисовывались, даже черты лица уже можно было разобрать, какъ вдругъ вся масса, человѣкъ 200, пріостановилась, заколыхалась и бросилась назадъ, въ два раза быстрѣе, чѣмъ наступала. Мы кинулись ихъ преслѣдовать; но заморенныя казачьи лошади не въ силахъ были тягаться съ кровными курдскими, и мы зарубили только троихъ, изъ которыхъ, у одного упала лошадь, а двоихъ догнали. У одного только оказалось магазинное ружье, двое же остальныхъ были вооружены пиками и очень кривыми дамаскированными саблями. Снявъ съ нихъ оружіе и верхнее платье, отступили мы къ остальнымъ сотнямъ и не смотря на довольно сильное посвистываніе пуль, нѣкоторые изъ казаковъ одѣлись на ходу въ разноцвѣтные халаты, только что снятые съ убитыхъ, причемъ, на каждомъ трупѣ было ихъ нѣсколько штукъ. Съ радостью увидѣлъ я Бирюлькина и четырехъ казаковъ, ѣхавшихъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Были мы въ цѣпи, началъ Бирюлькинъ свой разсказъ. Стою себѣ да пострѣливаю, а курды все ближе да ближе подъѣзжаютъ; вдругъ одинъ изъ нихъ бросился на казака Корніенко, я думалъ, что сейчасъ зарубитъ его—не тутъ-то было, курдъ подскочилъ, наклонился, хватилъ рукою за поводъ лошади, вырвалъ его у казака и, повернувъ, помчался къ оврагу. Выстрѣлилъ я въ него, промахнулся, кричу „Корніенко стрѣляй“! а самъ ружье заряжаю, гляжу, ошалѣлъ совсѣмъ мальчишка, стоитъ и не тронется съ мѣста! Только что я оглянулся назадъ, смотрю, а сзади меня изъ оврага вотъ эта сволочь, что вы сейчасъ прогнали, высыпала. Что было дѣлать? Они были между вами и нами. Такъ мы и бросились, куда глаза глядятъ на утекъ. Спасибо вамъ, выручили насъ, какъ только кинулись на нихъ, сейчасъ же перестали меня преслѣдовать, а ужъ совсѣмъ жутко стало.

Интереснѣе всего то, что въ числѣ убитыхъ курдовъ, былъ тотъ, что вырвалъ изъ рукъ казака лошадь. Должно быть, ему грустно было разстаться съ добычей, а добыча замедляла его бѣгство, и онъ былъ убитъ, отдавъ въ наши руки и нашу и свою лошадь. Нужно было видѣть радость казака, при полученіи обратно своего коня.

Молодой, безъусый, почти ребенокъ, онъ не думалъ объ опасности,

которой ему пришлось избѣгать, а растерялся отъ горя потерять добраго коня.

Все рѣже и рѣже становилась стрѣльба непріятеля. Орудія давно уже смолкли, такъ какъ дистанція была черезчуръ велика. Мы приблизились къ берегу Арпачая, казаки не понесли никакихъ потерь, за исключеніемъ трехъ раненыхъ лошадей, одну—осколкомъ гранаты и двухъ—пулями. Пѣхота лишилась 19-ти убитыхъ и 92-хъ раненыхъ, вынесли всѣхъ съ поля сраженія.

Подойдя къ берегу Арпачая, прежде чѣмъ переправиться къ своему бивуаку, начальникъ отряда обратился къ войскамъ съ слѣдующею рѣчью:

„Гг. офицеры, ребята! Знаю, что многіе изъ васъ мысленно станутъ упрекать меня за наше отступленіе въ то время, когда стоило употребить самое незначительное усиліе и вся непріятельская позиція была бы въ нашихъ рукахъ; но это было сдѣлано мною вслѣдствіе того, что взятіе этихъ высотъ не входило въ планъ моихъ дѣйствій. Я хотѣлъ убѣдиться въ возможности совершить завтра дѣло болѣе важное, потребующее отъ васъ усилій и трудовъ, но, въ случаѣ успѣха, покроющее васъ славою. Подъ прикрытіемъ вашего геройскаго наступленія, я выполнилъ свою задачу и теперь, мое вамъ спасибо. Невозможно сомнѣваться въ томъ, что турки не удержались бы въ случаѣ нашего натиска, съ нашими силами и вашимъ геройствомъ, но удачный штурмъ привлекъ бы въ эту сторону турецкія силы, а усиленіе въ этомъ мѣстѣ, для насъ очень не желательно. Сверхъ того, каждый человѣкъ мнѣ дорогъ для завтрашняго дня, а штурмъ стоилъ бы, по крайней мѣрѣ, сотни человѣкамъ жизни. Итакъ, еще разъ спасибо вамъ герои, по чаркѣ водки, и придя домой, ложитесь спать, дабы вечеромъ, свѣжими, бодрыми, отдохнувшими, двинуться снова и прибавить геройскую страницу въ исторіи полковъ, къ которымъ вы имѣете честь принадлежать“.

Рѣчь эта воодушевила, наэлектризовала войска, возвратившіеся къ своимъ палаткамъ съ пѣснями и музыкой, съ полнымъ сознаніемъ исполненія своего долга.

Между тѣмъ, врачи принялись перевязывать на скоро перевязанныхъ на перевязочномъ пунктѣ, повсюду закипѣла работа, тѣмъ болѣе энергическая, что получено было приказаніе, нашему отряду непремѣнно съ вечера выступить для обхода Аладжи. Изъ госпитальныхъ палатокъ все чаще и чаще стали раздаваться стоны жертвъ дѣла, не принесшаго намъ видимыхъ результатовъ; всѣ воодушевлены были злобою къ туркамъ, ожидая съ нетерпѣніемъ случая, вновь сразиться съ непріятелемъ—случая, незамедлившаго представиться, въ дѣлѣ, бывшемъ на другой день, т. е. 20-го сентября, подъ начальствомъ того же храбраго, талантливаго и симпатичнаго генерала Шелковникова. Не будь дано при-

казаніе отступать, приказаніе отданное вслѣдствіе стратегическихъ соображеній, то положительно, одна турецкая горная баттарея, сильно допекавшая въ этотъ день нашъ отрядъ своимъ амфиладнымъ огнемъ, досталась бы въ руки первой сотни нашего полка, при своемъ движеніи, вышедшей во флангъ этой баттареи, на очень близкое разстояніе. Стоило только броситься въ аттаку и, бывшая безъ прикрытія баттарея, была бы въ нашихъ рукахъ, но по всей линіи началось отступленіе и командиръ полка счелъ неблагоразумнымъ попытку захвата орудій. Когда казаки вернулись къ своему лагерю, то въ одинъ голосъ сожалѣли, что отступленіе не совершилось немного позже. Приказаніе отдохнуть, до новаго похода, было довольно трудно выполнимо, такъ какъ принятіе патроновъ, сухарей, обѣдъ и вообще приготовленіе къ слѣдующему дѣлу, заняло достаточно времени и мало на чью долю пришлось выполнить приказъ.

Часы показывали ровно девять, когда всѣ части составлявшія Камбинскій отрядъ, вполнѣ приготовленныя къ движенію, начали спускаться къ переправѣ, для перехода черезъ границу. Сумракъ окуталъ земную поверхность; сыроватый холодъ ночнаго времени, начиналъ давать себя знать; мелькавшіе, тамъ и сямъ, костры освѣщали группы грѣющихся около нихъ людей, образуя гигантскія тѣни на облитой свѣтомъ травѣ. Сквозь полотно нѣкоторыхъ офицерскихъ палатокъ мутно проглядывалъ огонекъ свѣчи, при мерцаніи которой деньщики убирали необходимое для своихъ господъ въ предстоящемъ походѣ. Командиры ротъ, долженствующихъ двигаться въ хвостѣ колоны, зная, что переправа черезъ мостъ головныхъ частей потребуетъ значительнаго времени, спокойно допивали чай и доѣдали закуски. Конные ординарцы то и дѣло мчались, развозя различныя приказанія.

Начальникъ отряда генералъ Шелковниковъ, собралъ командировъ частей, стараясь выяснить планъ предстоящихъ дѣйствій и намѣчая каждому детали. Толково безъ суеты, безъ лишнихъ словъ дѣлалъ онъ свои распоряженія. Каждый изъ слушавшихъ былъ убѣжденъ, что въ исполненіи ихъ лежитъ залогъ успѣха. Всѣ были увѣрены въ своихъ подчиненныхъ, и всѣхъ тревожило только сознаніе въ ихъ утомленіи. Какіе-нибудь четыре часа прошли съ того времени, какъ мы вернулись послѣ дѣла, въ которомъ люди были подъ ружьемъ съ часу ночи до пяти часовъ пополудни; большинство не успѣло даже соснуть, между тѣмъ, путь предстоялъ дальній и очень трудный. Особенно трудно должно было быть Бакинцамъ, пришедшимъ только наканунѣ изъ эриванскаго отряда, сдѣлавъ сто-сорокъ верстъ въ четверо сутокъ. Генералъ Шелковниковъ телеграфировалъ, прося если возможно, въ виду сильнаго утомленія ввѣренныхъ ему войскъ, отложить хотя на день об-

ходное движеніе; но получилъ отказъ, вслѣдствіе отданныхъ уже по другимъ войскамъ распоряженій.

Мало-по-малу стали вытягиваться войска на турецкомъ берегу Арпачая, пройдя по мосту и продолжая вдоль по берегу дальнѣйшее движеніе. Разработанный саперами подъемъ былъ оставленъ въ сторонѣ, отрядъ-же двинулся безъ дороги, по указанію проводниковъ, скрытый на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, крутыми обрывами скалистыхъ береговъ, по размытому весенними разливами прибрежью. Вотъ застучали копыта казачьихъ лошадей по деревянной настилкѣ моста. Казаки, составлявшіе арьергардъ колоны, перешедши Арпачай закончили переправу нашего отряда. Безмолвно подвигалась вытянувшись длинною полосою, наша боевая сила. Приказъ соблюдать полное молчаніе, какъ-бы сковалъ уста. Отсутствіе артиллеріи, и какихъ-бы ни было колесныхъ экипажей, лишало отрядъ грохота, сопутствующаго обыкновенно движенію, каждой походной колоны. Только стукъ подковъ о каменистый грунтъ, да изрѣдка лошадиное ржаніе нарушали ночную тишину. Полная невозможность проѣзда для орудій, или санитарныхъ повозокъ, по пути нашего движенія, заставила взять съ собою только четыре горныя миніатюрныя пушки, какъ извѣстно возимыя на вьюкахъ; санитарныя-же команды, были снабжены носилками.

Съ первой-же версты начали попадаться отсталые. Генералъ Шелковниковъ, то идя во главѣ колоны, то задерживая ходъ своего коня, тихимъ голосомъ подбадривалъ солдатъ, и безъ того наэлектризованныхъ его рѣчью, сказанной передъ выступленіемъ въ путь. Когда войска выстроились передъ своими палатками, генералъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „Ребята! Можетъ быть завтрашнимъ днемъ закончится наша борьба съ непріятелемъ. Завтра двѣ громадныя арміи станутъ другъ противъ друга, лицомъ къ лицу, и, съ Божьею помощью, наши войска разгромятъ врага. Въ погромѣ этомъ на нашу долю достанется немаловажная роль, и хотя насъ немного, но мы качествомъ замѣнимъ количество, чему порукою въ моемъ мнѣніи служитъ выказанное всѣми въ сегодняшнемъ дѣлѣ геройство. Мы должны зайти въ тылъ турецкой арміи, тогда какъ остальныя войска атакуютъ ихъ съ фронта. Удастся выбить турокъ изъ ихъ позицій, въ чемъ никто изъ насъ не сомнѣвается, бросятся турецкія войска отступать, а мы-то ихъ и отрѣжемъ. Ну, тогда Мухтару нѣтъ исхода—клади оружіе, сдавайся! Но на что мы должны употребить усиліе, это на занятіе раннимъ утромъ позицій на вершинѣ горы, что была занята турецкимъ лагеремъ. Мы должны быть тамъ рано, во что-бы ни стало, и будемъ. Знаю что вы устали; но помните отъ васъ зависитъ успѣхъ завтрашняго боя и, побѣдивъ усталость, мы появимся тамъ, гдѣ насъ турки и не ожидаютъ, и появленіемъ нашимъ окончательно рѣшимъ успѣхъ въ нашу пользу,

покрывъ себя славою и заслуживъ благодарность Царя и всѣхъ, кому дорога Россія".

Во время похода генералъ Шелковниковъ подъѣзжалъ къ отсталымъ, ласково, безъ крика, уговаривая постараться не отставать, и его доброе словое оказывало магическое дѣйствіе въ первое время, но впослѣдствіи пришлось прибѣгнуть къ посадкѣ на казачьихъ лошадей тѣхъ, кто не былъ въ состояніи двигаться. А между тѣмъ, самая тяжелая часть похода предстояла впереди по аладжинскимъ кручамъ, тогда какъ теперь мы шли по совершенно ровной мѣстности. Раздумье брало; но увѣренность въ выносливости русскаго солдата не колебала ни въ комъ изъ начальниковъ довѣрія приведенія плана къ окончательному исполненію.

Поминутно останавливаясь для подсаживанія отставшихъ, мы вдругъ потеряли изъ вида нашу пѣхоту. Кто хоть разъ въ жизни оставался одинъ въ полѣ въ ночное время, тотъ знаетъ, какъ трудно оріентироваться ночью. Во всѣ стороны разослали мы разъѣзды, и пока они искали отрядъ, старались, прислушиваясь, опредѣлить его направленіе; но все было тщетно: нигдѣ ни малѣйшаго звука, повсюду полная тишина. Какъ на зло, и одиночные солдаты перестали попадаться! Долго мы шли, сами не зная куда.

Стала заниматься заря. Въ утреннемъ туманѣ обрисовались развалины дворцовъ и церквей Ани; лѣвѣе—грозная Учъ-тапа. Очевидно, мы у подошвы Аладжи. Положеніе наше было небезопасно: съ вершины Кизиль-тапы могли разглядѣть наше движеніе, или-же аванпостная турецкая цѣпь, хотя въ большинствѣ случаевъ и безпечная, могла открыть появленіе впереди ихъ такой массы кавалеріи, и надѣлать тревогу въ турецкомъ лагерѣ. Съ великою радостью увидѣли мы на вершинѣ одного изъ холмовъ урядника Хромова, бывшаго при генералѣ Шелковниковѣ. Оказалось, что съ своей стороны, и начальникъ отряда очень обезпокоился, когда замѣтилъ наше отсутствіе, и немедленно разослалъ людей своего конвоя, для розыска своей кавалеріи. Урядникъ Хромовъ повелъ насъ къ тому мѣсту, гдѣ находился остальной отрядъ.

Отсюда мѣстность уже начала принимать совершенно другой характеръ. То и дѣло стали попадаться крутые подъемы и спуски. Едва влѣземъ на крутую гору безъ дорогъ, натыкаясь ежеминутно на каменныя глыбы, какъ приходится вновь спускаться, двигаясь бокомъ, рискуя оборваться и полетѣть въ пропасть. Камни, обрываясь, съ шумомъ сваливались, поднимая трескъ, на тысячу ладовъ повторяемый эхомъ. Отсутствіе несчастныхъ случаевъ при нашемъ движеніи можно объяснить только крайнею привычкою казачьихъ лошадей къ горамъ. Какъ-бы цѣпляясь своими маленькими копытами за каждый выдающійся камешекъ, за малѣйшую неровность поверхности, кряхтя отъ напряженныхъ уси-

лій, вкарабкивались кабардинки на кручи, чтобъ взобравшись на вершину, вновь спуститься и начать еще болѣе трудный подъемъ.

Но всему есть предѣлъ. Взмыленные, заморенные кони стали приставать. Лошадей пять совершенно отказывались сдѣлать хотя шагъ впередъ; никакія понуканія, ни удары нагаекъ не были въ состояніи сдвинуть съ мѣста выбившихся изъ силъ животныхъ. Жаль было смотрѣть на изнемогающихъ голодныхъ коней, которымъ даже капля воды, вслѣдствіе отсутствія какого-нибудь родника и вообще всякаго признака воды, не могла быть дана, для оживленія и обновленія утраченныхъ силъ. Владѣльцамъ остановившихся лошадей ничего не оставалось дѣлать, какъ бросить ихъ. Между тѣмъ, дать отдыхъ не было ни малѣйшей возможности, такъ какъ то и дѣло являлись гонцы, требовавшіе отъ имени генерала Шелковникова какъ можно скорѣе догнать пѣхоту. Направо и налѣво отъ насъ, въ повалку лежали изнеможенные пѣхотинцы: положитъ ружье, ляжетъ и спитъ, тяжело дыша, не обращая вниманія на то, что палящіе лучи солнца обжигаютъ лицо, что во рту пересохло и нечѣмъ смочить языкъ и горло, что на ногахъ вскочили водяные пузыри и до крови стерлась кожа, что временной сонъ его можетъ смѣниться вѣчнымъ, отъ руки какого-нибудь шляющагося башибузука. А между тѣмъ, сколько еще предстояло впереди трудовъ и усилій людямъ, окончательно потерявшимъ въ данный моментъ всякую возможность двигаться. Но самый короткій сонъ настолько укрѣпляетъ человѣка, что поспавшій солдатъ много еще можетъ вынести: встанетъ, догонитъ свою часть, уже по всей вѣроятности во время дѣла, и съ новою энергіей вступитъ въ свой рядъ.

Наконецъ очутились мы на своихъ, едва волочающихъ ноги лошадяхъ около Куртинскаго аула и продолжали движеніе по тропинкѣ къ ущелью. Старый, весь въ лохмотьяхъ курдъ, испуганно озираясь на насъ, погналъ въ сторону громадное стадо барановъ, ввѣренное его попеченіямъ. Прекрасная бѣлая куртинская кобылица, спокойно пасшаяся, пощипывая скудные отпрыски сухой сожженной солнцемъ травы, быстро помчалась при нашемъ приближеніи, съ раздутыми вѣтромъ гривою и хвостомъ. Родникъ холодный прозрачный, какъ хрусталь воды оживилъ насъ и нашихъ лошадей, опять бодро засѣменившихъ. Около аула настигли мы горную батарею, развьюченною, съ снятыми пушками, остановившуюся для того, чтобъ дать отдыхъ конямъ. Тутъ-же стояли двѣ турецкія палатки совершенно пустыя, но со слѣдами, доказывавшими очень недавное прибываніе въ нихъ живыхъ существъ.

Пройдя ущелье, очутились мы на большой площади, гдѣ насъ остановили по приказанію начальника отряда. Это было плато, именуемое Нахарчай и составляющее высокій пунктъ аладжинскаго хребта. Уже тутъ пули давали себя знать, но протяжный жалобный свистъ показывалъ

*

всю дальность раздѣляющаго насъ разстоянія. Къ счастью, онѣ не нанесли казакамъ никакого вреда, поранивъ только нѣсколько лошадей. Остановились, послѣзали съ коней и стали ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Такъ какъ съ мѣста нашей остановки ничего не было видно, а между тѣмъ, сильная ружейная стрѣльба, непрерывавшаяся ни на одну минуту, показывала, что дѣло уже завязалось, то зная, что кавалеріи еще не время играть роль, я рѣшился поискать выгодный пунктъ для наблюденія за ходомъ боя.

Окраины площади въ сторону турецкаго лагеря были буквально изрыты траншеями, ложементами для стрѣлковъ и другими земляными работами весьма тщательной отдѣлки, занятыми теперь нашими солдатами, то и дѣло пострѣливавшими по покатости Аладжи въ суетившихся турокъ. Особенно сильно были укрѣплены двѣ горки, составляющія крайній лѣвый и правый фасы плато. На лѣвомъ бугоркѣ стоялъ Шелковниковъ съ своимъ конвоемъ и не взирая на массу пуль, прорѣзывавшихъ воздухъ по всѣмъ направленіямъ, совершенно спокойно руководилъ дѣйствіями, быстро подвигавшихся впередъ молодцевъ. Говорятъ, въ моментъ въѣзда начальника отряда на пунктъ, гдѣ я его засталъ, рядомъ съ нимъ стоявшій казакъ былъ убитъ наповалъ, что вызвало со стороны Шелковникова только замѣчаніе: „кажется на насъ начинаютъ обращать вниманіе“.

Какая величественная картина растилалась у нашихъ ногъ съ высоты 6,800 футовъ! По скату Аладжи шелъ рядъ укрѣпленій съ болѣе или менѣе значительными лагерями. Впереди, почти у самой подошвы Аладжи, возвышалась мозолившая намъ глаза, во время пребыванія нашего около Ани, Инахтапеси съ укрѣпленіемъ и съ правильно расположенными рядами конусообразныхъ палатокъ на вершинѣ. Дальше виднѣлся главный большой турецкій лагерь, опиравшійся правымъ флангомъ на злополучную Кизилъ-тапу. Лѣвѣе, въ туманѣ солнечнаго зноя, выдѣлялись Авліаръ, Большія и Малыя Ягны, Орлокъ—высоты, сильно укрѣпленныя, равно какъ и низменность около Суботана и Хадживали, двухъ деревень, тоже занятыхъ турками. Видно, турки не жалѣли рабочихъ рукъ: вся мѣстность, занятая ими, было рядомъ земляныхъ укрѣпленій, въ свое время требовавшихъ значительнаго труда, но теперь представлявшихъ надежный оплотъ противъ храбрости русскаго солдата. А вотъ и русская боевая линія, начинающаяся Учтапой, высотой, опирающейся почти въ самый берегъ Арпачая; дальше Ортапа, Байрахтаръ и, наконецъ, грозныя Караяльскія высоты представляютъ стѣну, защищающую Александрополь и всю страну отъ прорыва варварской арміи. Поле зрѣнія громадное. Еслибъ возможно было фотографу снять, а vol d'oiseau, описанное мною пространство, то никакая рекогносцировка не могла бы

дать болѣе вѣрныхъ свѣдѣній, о числѣ непріятельскихъ войскъ и о мѣрахъ, принятыхъ турками въ фортификаціонномъ отношеніи. Бывшій при отрядѣ юнкеръ корпуса топографовъ, не обращая вниманіе на пули, наносилъ на планъ все имъ замѣченное.

Никакъ неожидавшіе нашего появленія на Нахарчакъ, турки были застигнуты врасплохъ. Турецкій офицеръ и семнадцать драгунъ взяты передовыми казаками въ плѣнъ безъ выстрѣла. Получивъ свѣдѣніе, что отъ Измаила-паши должно прибыть подкрѣпленіе въ нѣсколько баталіоновъ, офицеръ, издали принявъ красный околышъ нашихъ бакинцовъ за фески, стоялъ себѣ покойно, покручивая папиросу и ожидая нашего приближенія. Къ его несчастію, казачій костюмъ ничѣмъ не отличается отъ черкескаго. Обращается къ нему по-татарски урядникъ и говоритъ: „сдайтесь, а не то всѣхъ васъ перебьемъ; васъ мало, а насъ вонъ какая сила; если хоть одинъ изъ васъ выстрѣлитъ, никому пощады не будетъ“. Подумали турки и вынесли оружіе.

Какъ только дошли наши до гребня, генералъ Шелковниковъ отправилъ всѣхъ въ ложементы съ приказаніемъ подвигаться впередъ, насколько возможно сбивая турокъ съ пунктовъ, въ которыхъ они вздумали бы засѣсть. Усталь какъ рукой сняло. Стремительно, какъ лавина, стали спускаться наши герои, выбивая кучки турокъ изъ ложементовъ и въ свою очередь, засѣдая въ нихъ и поддерживая свое наступленіе сильнымъ огнемъ.

— Что, пріѣхали посмотрѣть, что у насъ дѣлается? Все идетъ, какъ нельзя лучше. Кажется, Большія Ягны въ нашихъ рукахъ; горячій тамъ былъ бой. Теперь по всей вѣроятности, пойдутъ на Авліаръ занявшіе Большіе Ягны, а изъ Байрахтара да съ Учъ-тапы двинутъ противъ нашихъ противниковъ и тогда — полное пораженіе турокъ!“ обратился ко мнѣ генералъ Шелковниковъ съ лицомъ, сіявшимъ отъ удовольствія.

Но время шло, а между тѣмъ, на пунктахъ, съ которыхъ мы должны были ожидать атаки, для совмѣстнаго съ нами дѣйствія, царствовало полное спокойствіе. Число турокъ, оказавшихся противъ насъ, росло неимовѣрно. Изъ всѣхъ лагерей выходили команды, направлявшіяся къ войскамъ, имѣвшимъ дѣло съ нашимъ отрядомъ.

Бывшій сильный ружейный огонь увеличился орудійной пальбой, очевидно, направленной противъ предполагаемыхъ у насъ резервовъ и, вслѣдствіе отсутствія ихъ, обсыпавшей гранатами пустую площадь, не нанося намъ никакаго вреда. Укрѣпившіяся въ турецкихъ ложементахъ пѣхота и рота саперъ прекратили наступленіе и съ напряженіемъ ожидали обѣщаннаго общаго наступленія. Грохотъ орудійныхъ выстрѣловъ со стороны Большихъ Ягнъ сталъ отдаленнымъ; очевидно было, что атака ведется не на ближайшій къ нимъ Авліаръ, а на дальнія Малыя Ягны, да и дымъ, застилавшій Малыя Ягны, оправдывалъ такое предположеніе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Аладжи турки бросались въ атаку, стараясь выбить нашихъ съ занятыхъ ими позицій; но ряды ложились за рядами отъ непропадающихъ даромъ выстрѣловъ съ ближней дистанціи и отнимали охоту продолжать попытку. Поставленныя нами на гребнѣ горныя орудія, то и дѣло обдавали свинцомъ и чугуномъ турецкія колоны. Съ того мѣста, гдѣ мы стояли, такъ ясно было видно поле дѣйствія, что паденіе каждаго раненаго или убитаго не проходило для насъ незамѣченнымъ.

Проголодавшись, поѣхалъ я къ полку, чтобъ перекусить что-нибудь. Полкъ стоялъ на томъ же, сравнительно безопасномъ, мѣстѣ. Подъѣзжая къ сотнѣ, я былъ свидѣтелемъ, какъ турецкая граната чуть было не уничтожила группу, принадлежащихъ къ одной націи съ пустившими гранату: вели плѣненный турецкій постъ къ безопасному перевязочному пункту. Конвойные, не зная, что всѣ гранаты ложатся на опредѣленную площадку, повели какъ разъ по тому направленію и двѣ гранаты, одна за другою, разорвались около нихъ, впрочемъ, ни кому не нанеся вреда.

Только-что успѣлъ я пріѣхать, какъ прискакавшій казакъ передалъ приказаніе генерала Шелковникова перевести кавалерію для прикрытія лѣваго фланга и обратить вниманіе на угрожавшую этому флангу турецкую конницу, что и было приведено въ исполненіе командовавшимъ кавалеріей отряда, подполковникомъ Климентовымъ. Внизу собралась довольна значительная масса всадниковъ, которую подполковникъ Климентовъ рѣшилъ попугать, а потому и приказалъ пустить нѣсколько ракетъ. Поставили ракетные станки, навели ихъ, и первая ракета, съ пронзительнымъ свистомъ, шипѣньемъ и длиннымъ хвостомъ дыма, понеслась по направленію непріятеля. Испуганно шарахнулись наши кони; въ первый разъ пришлось имъ слышать этотъ новый инструментъ боеваго оркестра. Какую же суматоху произвелъ выстрѣлъ, хотя и перелетѣвшій надъ головами турокъ, на ихъ лошадей, вообразить себя трудно! Такъ и разсыпались въ разныя стороны лихіе наѣздники, многіе попадавъ съ коней.

— Ползуна пустить, — командовалъ есаулъ Кублицкій, командиръ ракетной команды.

Ползуномъ, какъ оказалось, называется ракета, которою пускаютъ не навѣсно, а прицѣльно, стараясь, чтобъ она шла, какъ можно ближе къ земной поверхности. Такъ какъ вообще очень трудно достигнуть мѣткости при производствѣ стрѣльбы ракетами, то и въ данномъ случаѣ значеніе этихъ выстрѣловъ было болѣе нравственное и заставило отойти турецкую кавалерію на болѣе дальнюю, не досягаемую для ракетъ дистанцію.

Расположились мы завтракать около большихъ камней, хотя съ одной стороны прикрывавшихъ насъ отъ пуль. Каждый вынулъ, что имѣлъ; но

пули черезчуръ стали допекать насъ, и мы выбрали другое мѣсто, казавшееся намъ отчего-то болѣе безопаснымъ; но едва мы сѣли, какъ одна, другая — насчитали мы десять пуль, одна за другою просвиставшихъ очень самоувѣренно между нами. Это ужь не былъ жалобно протяжный звукъ пуль, встрѣтившихъ наше появленіе на Нахерчахъ, а прорѣзывающій рѣзкій свистъ, отрывисто обрывающійся при паденіи въ какоенибудь тѣло, или землю. Находящійся сзади насъ большой камень, преграждая путь вражескимъ пулямъ, представлялъ изъ себя невидимою туркамъ мишень, о которую то и дѣло ударялись, какъ будто со злобою, эти куски свинца и падали обезсиленные, расплющенные на землю.

Опять перемѣнили мѣсто; но вскорѣ убѣдились, что мѣняй, не мѣняй, а безопаснаго пункта нѣтъ, такъ какъ насъ осыпали съ трехъ сторонъ все прибывавшія и прибывавшія турецкія войска, а потому всѣ рѣшили не обращать вниманіе и преспокойно продолжать закусывать.

Мимо насъ то и дѣло проносили на перевязочный пунктъ раненыхъ. Многіе изъ нихъ сильно стонали и кричали, другіе-же безропотно переносили, подавляя страшныя страданія. Легко раненые, перевязавшись, возвращались снова, по охотѣ, къ своимъ частямъ. Уже у казаковъ, еще невыпустившихъ ни одного заряда, насчитывалось три человѣка ранеными и нѣсколько лошадей убитыми и только приходилось удивляться незначительности потери, какъ будто пули, при своемъ полетѣ, искали свободныя мѣста для прохода.

Много интересныхъ сценъ пришлось увидѣть въ этотъ день. Идетъ солдатъ; пуля пробила ему обѣ щеки, выбивъ нѣсколько зубовъ; безъ стона, только поминутно отплевываясь, шолъ раненый къ перевязочному пункту, шелъ, но не дошелъ, догнала его другая свинчатка, и попала въ затылокъ, моментально уложивъ на мѣстѣ. Да и самаго генерала Шелковникова, ѣздившаго по всей боевой линіи на виду, нисколько не щадя себя, смерть сберегла для того, чтобъ, спустя четыре мѣсяца, прекратить тифомъ эту молодую, много обѣщавшую жизнь.

Между тѣмъ, разспрашиваемые наши солдаты, носившіе раненыхъ, или ходившіе за патронами, заявили, что ни откуда съ русской линіи незамѣтно движенія въ нашу сторону, а потроны у насъ почти всѣ вышли. Орудійный гулъ гдѣ-то раздавался вдали. На наше положеніе никто не обращалъ вниманія, и оно начинало становиться критическимъ...

Предоставленные самимъ себѣ, своимъ собственнымъ силамъ, мы и безъ того держались нѣсколько часовъ противъ въ три раза сильнѣйшаго непріятеля; теперь же численная пропорція нашихъ силъ представляла уже черезчуръ большую разницу, вслѣдствіе прихода новыхъ, свѣжихъ войскъ съ Авліяра, съ энергіей начавшихъ наступленіе противъ лѣваго фланга нашей позиціи. Войска эти, увидѣвъ (какъ оказалось впослѣдствіи), что колонна генерала Геймана, взявъ штурмомъ Большія

Ягны, обрушилась не на ближайшую къ намъ Авліярскую высоту, а на дальнюю, Малую Ягну, и зная, что она такъ сильно укрѣплена, что если и сдастся, то, во всякомъ случаѣ, не скоро, предоставили ее собственной оборонѣ и двинулись противъ насъ. Сколько было противъ нихъ непріятеля — они не могли знать; во всякомъ случаѣ предполагали гораздо значительнѣе силы, чѣмъ было въ дѣйствительности, такъ какъ не могли допустить мысли, что всѣ семь батальоновъ посланы въ боевую линію безъ единственнаго человѣка въ резервѣ. Съ гребня все чаще и чаще стали появляться цѣлыя группы нашихъ отступающихъ солдатъ; причина ихъ отступленія могла заставить призадуматься самаго хладнокровнаго, самаго спокойнаго человѣка. „Нѣтъ патроновъ“, а впереди верстъ 40 отступленія, по тому же ужасному пути, утомленнымъ, измученнымъ, голоднымъ войскамъ, шедшимъ въ бой съ славными надеждами и возвращающимся съ полнымъ разочарованіемъ. Хоть бы Богъ далъ выбраться благополучно изъ ущелья, составляющаго единственный выходъ съ Нахарчей,—приходило на умъ каждому изъ насъ.

Съ горы сталъ спускаться съ своимъ конвоемъ генералъ Шелковниковъ, грустный, но не потерявшій ни энергіи, ни присутствія духа. Онъ направлялъ своего коня прямо къ намъ.

— Маіоръ, ведите въ цѣпь казаковъ, благо у васъ есть патроны,— отдалъ онъ мнѣ приказаніе.

— Что они со мною дѣлаютъ, что они дѣлаютъ со мной! вырвалось у него.

— Братцы, казаки, пойдите смѣните пѣхоту, выручите ихъ; задержите хоть настолько, чтобы быть въ состояніи выбраться съ этого прохода, да поскорѣй займите ложементы, обратился онъ къ казакамъ.

Не успѣлъ я еще разсыпать цѣпь, а уже трое раненыхъ повалились. Какъ горстями гороха обдавали насъ пулями. Нахарчи, выдаваясь мыскомъ, были атакованы съ трехъ сторонъ, а потому пули чуть не сталкивались одна съ другою. Съ яростью лѣзли турки, ничто не было въ состояніи остановить ихъ; но, во всякомъ случаѣ, свѣжія силы, въ лицѣ казаковъ, и трудный крутой подъемъ задержалъ ихъ немного. Все ближе и ближе подходили они, постепенно занимая разныя прикрытія. Заработали казачьи берданки неумолчнымъ огнемъ. Пѣхота наша окончательно очистила гребень и спѣшно проходила ущелье. Но вотъ и вершинка, на которой еще такъ недавно стоялъ генералъ Шелковниковъ, усѣялась красными фесками. Лихо шли турки на штурмъ, иногда даже опираясь на штыки, вслѣдствіе крутизны подъемовъ; всякая надежда на выручку насъ нашими войсками исчезла. Видя, что казачьей цѣпи уже начинаетъ грозить опасность рукопашной схватки, что, при отсутствіи штыковъ у нашихъ казачьихъ ружей и при нашей малочисленности, не предвѣщало хорошихъ результатовъ, я приказалъ отступать, разумѣется,

отстрѣливаясь. Шесть казаковъ, должно быть увлекшись стрѣльбою, не замѣтили, не смотря на крики сосѣднихъ съ ними звеньевъ, какъ имъ въ тылъ зашли турецкіе солдаты и, подъ ударами штыковъ, пали жертвами своей беззавѣтной удали.

Энергически стали преслѣдовать насъ турки. Въ узкомъ ущельѣ скучились, столпились наши войска, смѣшавшись одинъ полкъ съ другимъ. Офицеры старались находить солдатъ, у которыхъ еще не были разстрѣляны всѣ патроны, и образовали роты, или, вѣрнѣе, команды, которыя должны были, останавливаясь, задержать наступленіе врага и вслѣдъ затѣмъ, при отступленіи, смѣняться другими. Подъѣзжая къ первой остановившейся для смѣны насъ пѣхотной части, я замѣтилъ въ сторонѣ, въ оврагѣ, группу людей, очевидно не знавшихъ о степени опасности своего положенія. Тамъ былъ командиръ саперной роты, капитанъ Кристини, два сапера и фельдшеръ. Они перевязывали лежащаго на носилкахъ раненаго.

— Капитанъ, уходите скорѣе да уносите раненаго; всѣ уже отступили; впереди васъ только казачья цѣпь. Живѣй, живѣй! торопилъ я его.

— Какъ, отступили? Ну, понесемъ. Извини, братецъ, ужъ безъ перевязки придется остаться, прехладнокровно отвѣчалъ капитанъ, помогая нести раненаго.

Маіоръ Энкель подбадривалъ смѣнившихъ казачью цѣпь пѣхотинцевъ. Маіоръ Дистерло, павшій смертью героя при штурмѣ Карса, все время нашего отступленія шелъ въ хвостѣ колонны, своимъ хладнокровіемъ подавая примѣръ нижнимъ чинамъ. Командиръ Севастопольскаго полка, полковникъ Вождакинъ, убѣжденный наканунѣ въ успѣхѣ нашего дѣла, ѣхалъ теперь съ поникшею головою, со слезами на глазахъ на раненой, истекающей кровью лошади, уговаривая людей не терять присутствія духа. Его слезы были слезами чисто-русскаго до глубины души человѣка, оскорбленнаго бездной геройства, окончившагося неудачею. Малое число оставшихся патроновъ заставляло регулировать стрѣльбу, не дозволяя пустой траты зарядовъ, а потому присутствіе офицеровъ было необходимо. Много я видѣлъ офицеровъ, принадлежащихъ ко всѣмъ частямъ, вошедшимъ въ составъ нашего отряда, исполнившихъ все, что только возможно; при отступленіи помогавшихъ выносить раненыхъ, ободрявшихъ усталыхъ, задерживавшихъ натискъ непріятеля, насколько хватало силъ и благоразумія. Желалъ бы ихъ назвать по фамильямъ, но, къ несчастью, въ военное время часто знакомились съ боевыми товарищами, не зная ихъ фамилій.

Кавалерія была послана впередъ для наблюденія и прикрытія, въ случаѣ надобности, фланговъ отступающей колонны. Мнѣ съ казаками, бывшими въ цѣпи, вслѣдствіе приказанія генерала Шелковникова, слѣдовало присоединиться къ остальной конницѣ. Не такъ-то легко было

привести это соединеніе въ исполненіе. Шагъ за шагомъ приходилось подвигаться въ этой сплошной компактной массѣ отступающихъ.

Ракетная батарея, выѣхавъ на пригорокъ съ правой стороны ущелья, пускала одну ракету за другою въ наступающихъ, нанося имъ значительный вредъ. Увлекшись успѣшнымъ дѣйствіемъ, начальникъ батареи не замѣчалъ, что его обошли съ трехъ сторонъ и что турки, сосредоточивъ на ихъ мѣсторасположеніи страшный огонь, старались закрыть и послѣдній выходъ для соединенія съ остальными войсками отряда. Генералъ Шелковниковъ, увидя критическое положеніе ракетной команды, самъ поскакалъ къ ней и приказалъ отступать. Во время было дано приказаніе: еще немного—и едва ли кто-нибудь изъ этой горсти остался бы въ живыхъ; уже теперь много раненыхъ насчитывалось въ ракетной командѣ. Замѣтя на этомъ, въ высшей степени опасномъ пунктѣ, командующаго горною батареей поручика князя Бектабекова, Шелковниковъ обратился къ нему съ вопросомъ: зачѣмъ онъ тутъ, а не при своей (шедшей во главѣ отступающихъ) части?

— Я ищу смерти, ваше пр—во; предпочитаю быть убитымъ, чѣмъ видѣть наши орудія въ рукахъ непріятеля.

Трудно себѣ вообразить, сколько геройства и личнаго самоотверженія оказывали части, прикрывающія отступленіе, стоя лицомъ къ лицу съ врагомъ, не дающимъ пощады, почти въ упоръ стрѣляя въ назойливо насѣдающихъ низамовъ, съ полнымъ сознаніемъ, что, получивъ рану, не дозволяющую на своихъ ногахъ отступить, нѣтъ надежды на спасеніе, такъ какъ выносить раненыхъ изъ этого ада, при полномъ изнеможеніи людей, не представлялось ни малѣйшей возможности. Этимъ храбрѣйшимъ представителямъ геройскихъ полковъ, не разъ уже бывавшимъ въ бою, сроднившимся съ своими подвигами, принадлежитъ честь, вмѣстѣ съ распоряженіями генерала Шелковникова, спасенія нашего отряда, съумѣвшаго отступить изъ этой мышеловки, увезя всѣ орудія и не оставивъ ни одного трофея въ рукахъ непріятельскихъ.

Биткомъ набитое ущелье, въ которомъ, за тѣснотою, едва возможно было двигаться, засыпалось свинцовымъ дождемъ, причемъ, пулямъ не задѣть кого нибудь было весьма трудно, а потому число раненыхъ и убитыхъ росло неимовѣрно. Раненые во время боя, до отступленія, шли въ головѣ отступающихъ немедленно за арріергардомъ, и ихъ положеніе относительно было опасное, хотя страданія отъ устали, потери крови, у многихъ отсутствія перевязки и у всѣхъ отсутствія воды, были ужасны. Но никакое перо не въ состояніи описать, что́ происходило съ ранеными, входившими въ составъ отступающей толпы и получившими пораненіе въ этой давкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ столпленіе было такъ велико, что положительно раненый не находилъ мѣста, гдѣ бы упасть; убитые выносились этою толпою, чтобъ только при выходѣ на болѣе

просторное мѣсто, упасть свободно на землю. Да и живые-то люди представляли изъ себя страдальцевъ, едва передвигавшихъ ноги отъ утомленія, потерявшихъ голосъ отъ жажды, едва переводящихъ дыханіе отъ сухости въ горлѣ. Много, очень много можетъ перенести русскій солдатъ, но всему есть предѣлъ.

Недопускаъ возможности отступленія, генералъ Шелковниковъ напрягъ всѣ усилія для приведенія въ исполненіе своей задачи и блистательно выполнилъ ее. Отчего же планъ не былъ выполненъ въ другихъ частяхъ—виною отнюдь не нашъ герой-начальникъ. До какой степени была велика усталость, трудно себѣ и представить. Вижу унтеръ-офицеръ остановился, положилъ ружье и самъ легъ.

— Что ты раненъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, не раненъ.

— Нашелъ время отдыхать, вставай скорѣе, развѣ не видишь, что турки на носу, сейчасъ-же приколютъ.

— Пускай убиваютъ, радъ бы идти, да моченьки нѣтъ, шагу не могу сдѣлать, простоналъ несчастный.

Почти въ хвостѣ колонны несутъ на носилкахъ раненаго; пуля догоняетъ одного изъ носильщиковъ и убиваетъ его на повалъ; раненый падаетъ съ носилокъ, чтобъ остаться на мѣстѣ въ ожиданіи великодушія турокъ! Надо было видѣть, что вынесли эти войска, чтобъ всякое слово упрека или укора за не выносъ всѣхъ раненыхъ съ поля сраженія замерло на языкѣ. Поразительно, что еще такъ много было выведенныхъ изъ боя раненыхъ; слишкомъ пятьсотъ человѣкъ пришлось перевязать врачамъ на другой день. Видя невозможность добраться къ остальной конницѣ, я приказалъ своимъ казакамъ сажать на коней тяжело раненыхъ, что казаки охотно исполняли, и многіе изъ раненыхъ обязаны имъ своимъ спасеніемъ.

Уже я добрался до середины колонны, какъ вдругъ стали сзади раздаваться крики, все болѣе и болѣе усиливавшіеся: „кавалерію назадъ, кавалерію назадъ“. Откуда же взять кавалерію? Тѣмъ, что были въ головѣ колонны, и думать нечего возвращаться къ ея хвосту; мои же везли, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ раненыхъ, сбросить которыхъ не представлялось ни малѣйшей возможности и, во всякомъ случаѣ, было бы въ высшей степени безчеловѣчно; остальная же горсть уменьшилась значительно убитыми и ранеными. Приказавъ тѣмъ, кому возможно было повернуть коней назадъ, я попробовалъ сдѣлать тоже, но лошадь положительно отказалась вновь взбираться на только что пройденную кручу, такъ что мнѣ пришлось прибѣгнуть къ единственному средству, подождать, пока хвостъ колонны не сравняется со мною, предварительно пославъ тѣхъ, что были въ состояніи, туда, куда ихъ требовали. Вскорѣ цѣпь поровнялась со мною; оказалось, что насъ призвали потому, что

куча черкесовъ бросилась на нашихъ отступающихъ, прорываясь даже черезъ цѣпь и безпощадно кроша несчастныхъ. Появленіе казаковъ моментально прекратило рѣзню. Лихо врубились Терцы, довольные тѣмъ, что и ихъ шашкамъ досталась работа. Не понравилась, видно, удаль казачья старымъ знакомцамъ, кавказскимъ чеченцамъ: повернули коней и умчались горцы, болѣе уже не появлялись.

Ущелье тѣмъ временемъ было пройдено и отрядъ продолжалъ спускаться по крутой покатости. Круча была такая, что лошади, буквально, сползали на задахъ, не имѣя возможности удерживаться на ногахъ; люди падали, на пути своего паденія сваливая другихъ. Но, все-таки, тутъ дышалось легче, чѣмъ между каменныхъ, грозно нависшихъ стѣнъ.

Увидѣвъ, что, въ свою очередь, турки наполнили собою пройденный нами горный проходъ, поручикъ Бектабековъ развернулъ свою батарею и сталъ жарить картечью по наступающимъ. Свинцовый гостинецъ не понравился преслѣдовавшимъ насъ и сразу охладилъ ихъ горячность, задержавъ наступленіе. Оказалось, что нами былъ выбранъ другой путь при отступленіи, а не пройденный утромъ, и это спасло насъ отъ неминуемой гибели, такъ какъ одна турецкая колонна обошла насъ и ожидала по дорогѣ нашего наступленія. Пойди мы тѣмъ же путемъ, выходъ былъ невозможенъ; да и по тому пути, по которому мы шли теперь, можно было ожидать съ минуты на минуту появленія предъ нами войскъ съ Кизилькулы. Они и пришли, но уже тогда, когда нашъ и слѣдъ простылъ! Геройскій поступокъ горной батареи далъ намъ возможность на минуту пріостановиться, собрать, устроить наши части и ужь тогда продолжать движеніе. Семнадцать плѣнныхъ турокъ съ офицеромъ старались всѣми средствами идти какъ можно тише, надѣясь, что имъ удастся убѣжать къ своимъ или быть ими вооруженными, но сопровождавшіе ихъ зорко слѣдили за ними и приходилось даже пускать входъ кулаки и приклады для принужденія ихъ идти во главѣ колонны, причемъ они, въ своихъ башмакахъ, никакъ не могли удержаться на скользкой поверхности и поминутно падали. Я думаю, они были крайне удивлены, что ихъ не убиваютъ при такой суматохѣ.

Почти всѣ казаки шли пѣшкомъ, ведя въ поводу своихъ лошадей съ посаженными на нихъ ранеными; стонали несчастные, жалобно прося воды, истекая кровью. Больно было смотрѣть на нихъ, тяжело было сознавать безсиліе помочь чѣмъ бы то ни было страдальцамъ; но болѣе сдѣлать, чѣмъ было сдѣлано, представлялось абсолютно невозможнымъ. Полковые врачи пользовались малѣйшею возможностью, минутною остановкою, даже на ходу перевязывая раненыхъ и работали осыпаемые пулями, такъ какъ мѣста, куда недолетали бы пули на всемъ протяженіи нашего отряда не оказывалось. Обойди насъ турки, и врачамъ, и раненымъ пришлось бы однимъ изъ первыхъ принять на себя натискъ не-

пріятеля. Если принять во вниманіе, что весь свой трудъ приходилось имъ совершать при полномъ отсутствіи воды, необходимой при перевязкѣ, не имѣя возможности даже обмыть рану, утолить жажду, обыкновенно сильную у каждаго раненаго, то заслуга этихъ героевъ самопожертвованія, героевъ, имена которыхъ рѣдко попадаютъ въ реляціи, становится еще болѣе выдающеюся. Если не ошибаюсь, главное руководство санитарною частью было возложено на старшаго врача Севастопольскаго полка.

Продолжая нашъ путь, наткнулись мы на горный ручей, журчащій своею прозрачно-серебристою влагою; но сознаніе необходимости выйти какъ можно скорѣе на чистое поле, оставивъ за собою ущелье и скалы Аладжинскаго хребта, заставляло насъ, не останавливаясь, пройти мимо этого лакомства, слегка только, на ходу смочивъ пересохшіе рты. Коней трудно было оторвать отъ воды.

Пройдя ручей, движеніе наше продолжалось гораздо спокойнѣе, преслѣдованіе становилось все слабѣе и слабѣе; стало вечерѣть и сумракъ началъ, мало по малу окутываетъ окрестность.

Каждый чувствовалъ, что наступленіе мрака дастъ намъ полную увѣренность счастливаго исхода изъ нашего критическаго положенія. Наше предположеніе вполнѣ оправдалось. Вскорѣ послѣдній отдаленный выстрѣлъ, направленный въ насъ, а можетъ быть, и покончившій жизнь одного изъ оставленныхъ за нами, гдѣ-то раздался и замеръ. Еще не много, и мы распрощались съ Аладжей, мысленно благодаря Бога, за неспособность турецкихъ военноначальниковъ, выпустившихъ насъ изъ положительно безвыходнаго положенія. Части начали устраиваться. Каждый розыскивалъ свою роту, говоръ сталъ какъ-то оживленнѣе, посыпались солдатскія шуточки и забылось горе, забылось, какая грозная туча висѣла надъ нашими головами.

Новый врагъ — голодъ, сталъ давать себя чувствовать. Надо было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ грызься случайно оставшійся сухарь, возбуждая зависть неимѣвшихъ даже и этого, чтобъ „заморить червячка“. Подходитъ молодой солдатъ къ ѣдущему верхомъ раненому унтеръ-офицеру, приноситъ ему кусокъ чернаго сухаря.

— Сергѣй Ипатьичъ, возьмите! обращается онъ къ раненому, жаль водицы нѣтъ, а то бы принесъ; испить-то, небось хочется.

— Да нешто у тебя еще есть сухари; вѣдь самому, чай, ѣсть хочется?

— Какъ не хотѣть, все нутро изныло; да ничего, благо ноги несутъ, а васъ-то вонъ, проклятый, угораздилъ.

Хотѣлъ съ нимъ подѣлиться унтеръ, уговаривалъ его взять половину, но такъ и не уломалъ упорно отказывавшагося рядового. Между солдатами есть натуры, никогда не теряющія своей веселости, эти лич-

ности—сущій кладъ въ своей части. Шутя относясь ко всему, они поддерживаютъ духъ товарищей въ самыя критическія минуты, возбуждая общее веселье въ окружающей средѣ. Прислушайтесь къ разговорамъ на походѣ или въ лагеряхъ, нерѣдко придется вамъ слышать какого-нибудь молодчика, разсказывающаго окружающимъ сцены, полныя комизма и юмора. Въ одну изъ самыхъ критическихъ минутъ, пережитыхъ нами 20-го сентября, я слышалъ, какъ какой-то солдатикъ, подъ аккомпаниментъ пуль, острилъ, услышавъ, отъ офицеровъ, что мѣсто, съ котораго мы начали наше отступленіе, называлось Нахарчи: „Захотѣлось намъ на харчи къ туркѣ попасть, говорилъ онъ, а голоштаннику британу и самому-то жрать нечего; ну, вотъ честью и проситъ насъ во-свояси убраться".

Меня со всѣхъ сторонъ атаковали усталые, прося посадить ихъ на коней, чтобъ хоть немного да отдохнуть отъ изнеможенія. Несмотря на большое число раненыхъ, посаженныхъ на лошадей, много шло пѣшкомъ и нѣкоторые стоически выдерживали свое положеніе.

Вижу идетъ солдатъ, хромаетъ.

— Куда раненъ?

— Три номера выбили,—браво отвѣчаетъ мнѣ раненый.

— Какъ три номера?

— Три пули у меня въ тѣлѣ, въ подарокъ, турки оставили мнѣ,— объясняетъ мнѣ солдатъ.

Дѣйствительно, онъ былъ раненъ тремя пулями; къ счастью, всѣ раны были легкія. Солдатъ, которому оторвало пулей палецъ на рукѣ, увѣрялъ, что онъ рублемъ дешевле сталъ.

Наступила темнота. Мы все еще шли, или, вѣрнѣе, плелись въ полномъ изнеможеніи; желаніе достигнуть поскорѣе свой лагерь, было у всѣхъ велико и хоть немного поддерживало энергію. Раненые стонали, особенно тѣ, на долю которыхъ пришлось идти пѣшкомъ; а такихъ было много.

Наконецъ, мы достигли берега Арпачая, но никакъ не могли найти спуска съ почти отвѣсныхъ скалъ, прорѣзывая которыя течетъ эта рѣка. Какъ на зло, ночь была темная и даже проводникъ не могъ опредѣлить, около какого пункта мы находимся. Повернули направо и пошли по берегу, очень часто обходя непроходимые, прорѣзывающіе по всѣмъ направленіямъ, нашъ путь, овраги. Терпѣніе начинало лопаться отъ долгаго исканія переправы на нашъ берегъ, а между тѣмъ, необходимо было, особенно для раненыхъ, достигнуть палатокъ, пищи и питья. Вдругъ натыкаемся на оврагъ съ крутыми обрывами; невозможно спуститься. Посылаетъ генералъ казака узнать, гдѣ можно обойти или перейти его; долго ѣздилъ казакъ, вернулся; говоритъ, болѣе пяти верстъ изъѣздилъ, но конца оврагу не нашелъ. Нечего дѣлать, остановили от-

рядъ на ночлегъ среди поля. Намъ же генералъ Шелковниковъ разрѣшилъ, если найдемъ переправу, то ѣхать къ лагерю. Съ нѣсколькими казаками поѣхалъ я отъискивать, гдѣ бы спуститься на дно оврага, разсчитывая по дну добраться до Арпачая. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробовали мы, рискуя ежеминутно сломать себѣ шею, но нигдѣ ничего не находили, иногда такъ приходилось, что спустишься, сдѣлаешь нѣсколько шаговъ и видишь, что дальше двигаться невозможно, а возвратиться назадъ, или, вѣрнѣе, повернуть коня тоже небезопасно, но, опять-таки, цѣпкость и ловкость казачьихъ лошадей выручали насъ.

Наконецъ, кое-какъ спустились мы на дно оврага, гдѣ оказалось что-то въ родѣ тропинки, проторенной, должно быть, водою отъ тающихъ весною снѣговъ. По этой дорожкѣ дошли мы до нижняго берега Арпачая и по немъ продолжали свое движеніе. Путь этотъ сравнительно былъ удобенъ, потому что, образовавшись отъ весенняго размыва быстро текущаго Арпачая, былъ довольно ровенъ и достаточно широкъ. Еще не много, и я, пройдя по мосту, взбирался къ своему лагерю.

На другой день, съ разсвѣтомъ, перешли и остальныя войска черезъ Арпачай утомленные и изнеможенныя отъ понесенныхъ ими трудовъ. Великій Князь Главнокомандующій, прислалъ телеграмму слѣдующаго содержанія: „Появленіе героевъ Камбинскаго отряда на вершинѣ Нахарчай произвело всеобщій восторгъ на Караялъ. Спасибо героямъ. Жалую по десяти крестовъ на роту, сотню и горную батарею. Кромѣ того, пѣхотѣ по парѣ новыхъ сапогъ каждому“.

Это было необходимо, такъ какъ въ эти два дня всѣ сапоги пришли въ негодность. Собравъ весь свой отрядъ, прочелъ генералъ Шелковниковъ Высочайшую телеграмму. Громкое „ура!“ служило отвѣтомъ. А рядомъ съ ликовавшими, стонали раненые, надъ которыми хлопотали врачи пріѣхавшіе наканунѣ въ полномъ составѣ съ палатками и всѣмъ добромъ подвижнаго госпиталя. Зайдя въ длинную палатку, въ которой производили перевязыванія и операціи, я попросилъ врачей осмотрѣть раненыхъ моей сотни, что и было ими весьма обязательно исполнено. Врачи, второй день занимавшіеся перевязками, приходили въ отчаяніе, видя массу остающейся имъ работы. Всѣхъ врачей было четверо и, проработавъ цѣлый день 20-го сентября съ ранеными въ бою 19-го сентября, теперь съ утра, не отдыхая ни на минуту, осматривали, перевязывали, вынимали пули и даже ампутировали! И, несмотря на ихъ старанія, всетаки, многимъ изъ раненыхъ придется не быть осмотрѣнными нѣсколько дней. Нужно четыре-пять дней, чтобъ четыремъ врачамъ перевязать 600 раненыхъ.

Много потеряли мы въ день аладжинскаго боя убитыми, и если вывели благополучно отрядъ, то только благодаря разумнымъ распоряженіямъ талантливаго начальника отряда, мужеству войскъ въ самыя кри-

тическія минуты, недопускавшихъ паникѣ замѣшаться въ своихъ рядахъ, и недостатку энергіи турецкихъ начальниковъ, слишкомъ рано кончившихъ преслѣдованіе и необошедшихъ насъ.

Два дня сраженій подъ начальствомъ генерала Шелковникова расположили всѣхъ его подчиненныхъ въ его пользу и заставили любить и уважать его. Каждый, кому впослѣдствіи въ дѣлахъ 2-го и 3-го октября пришлось вновь попасть къ нему же, шелъ съ полнымъ довѣріемъ и увѣренностію въ успѣхѣ.

Дѣла 19-го и 20-го сентября убѣдили въ возможности обхода Аладжинскихъ позицій и служили прологомъ къ блестящей побѣдѣ 3-го октября, когда обходъ былъ совершенъ не горстью, а десятками батальоновъ, и привелъ къ уничтоженію главныхъ силъ турецкой арміи, разстроивъ и деморализовавъ оставшихся.

Между тѣмъ въ главныхъ силахъ двадцатые числа сентября были днями сильнаго напряженія, геройскихъ усилій и большихъ потерь. Постепенно отнимались турецкія позиціи, во всемъ замѣтно было, что рѣшено нанести окончательный ударъ арміи Мухтара. Нашъ отрядъ стоя у Камбина и оправляясь отъ тяжелыхъ дней 19-го и 20-го сентября, положительно ничего не зналъ, что дѣлается въ главныхъ силахъ. То и дѣло разносилась по лагерю какая нибудь новость, какъ будто исходящая изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, вслѣдъ затѣмъ являлось опроверженіе, или извѣстіе самаго противуположнаго характера. У насъ же слышались только отдаленные орудійные выстрѣлы и передъ глазами произошло очищеніе турками Кизилкульскихъ высотъ, нашей цѣли 19-го сентября. Севастопольскій полкъ отдѣлился отъ нашего отряда и направился въ Байрахтакъ къ главнымъ силамъ. оставшіеся же у насъ части отдыхали и ровно ничего не дѣлали.

27-го сентября командиръ полка попросилъ меня съѣздить на Караялъ за полученіемъ 24-хъ тысячъ, по талонамъ изъ казначейства. Въ Кизилъ-Килиса мнѣ объявили, что въ ночь турки оставили сильно укрѣпленную ими Кизилъ-Тапу, свезли всѣ орудія и неизвѣстно куда скрылись, приведя въ недоумѣніе ближайшія наши войска, замѣтившіе на утро, полное очищеніе, потерянной нами 13-го августа горы. Съ Кизилъ-Килисса перейдя въ бродъ Арпачай направился я черезъ Учъ-Тапу на Байрахтаръ Угузлы на Караялъ къ лагерю ставки Великаго Князя. По всей линіи расположенія турецкихъ войскъ, шла сильная канонада. Очевидно было, что съ нашей стороны ведутся энергическія дѣйствія и, что наши войска постепенно выбиваютъ турокъ изъ ихъ позицій. Въ особенности учащенно дѣйствовала наша артиллерія.

На Караялѣ, куда я пріѣхалъ вечеромъ, еще никого не было. Великій Князь со свитой рѣшилъ ночевать на позиціи и не возвращался въ лагерь, вслѣдствіе чего въ лагерѣ было очень мало народа. Я рѣ-

шилъ на утро получить деньги и вернуться къ полку, какъ вдругъ увидалъ казака остановившагося около меня и вынувшаго изъ, за назухи конвертъ. Пакетъ оказался посланнымъ мнѣ командиромъ полка и заключалъ предписаніе, возвратиться къ полку не дожидая полученія денегъ, такъ какъ полкъ уходитъ съ позиціи у Камбина и неизвѣстно куда направляется. Утомившись отъ 60-ти съ лишнимъ верстнаго перехода верхомъ и утомивъ свою лошадь, я рѣшилъ до зари отдохнуть и накормить коня, а рано утромъ пуститься въ обратный путь, а потому положилъ подъ голову сѣдло, накрылся буркой и заснулъ.

Едва лишь занялась заря, какъ, я проснувшись осѣдлалъ коня и собирался садиться, но дымящійся около одной изъ палатокъ самоваръ, возбудилъ во мнѣ такое страстное желаніе напиться чаю, что я рѣшилъ взойдти въ палатку и кто бы не былъ ея владѣлецъ просить стаканъ чаю. Вхожу въ палатку и къ моему ужасу нахожу ее пустой, только что собираюсь удалится изъ нея, какъ натыкаюсь на артилерійскаго полковника; къ которому, предугадывая въ немъ хозяина палатки, и обращаюсь съ просьбою. Оказалось, что я попалъ въ высшей степени удачно, такъ какъ полковнику предстояла поѣздка по тому же направленію, какъ и мнѣ, вслѣдствіе чего, я нетолько что выпилъ два стакана чаю, но и совершилъ половину пути въ сообществѣ въ высшей степени пріятнаго собесѣдника, полковника, нынѣ генералъ-маіора и Георгіевскаго кавалера Бернгардта. Около Кизилъ-Килисса настигнулъ я Нижегородскій драгунскій полкъ, какъ оказалось входившій въ составъ нашего отряда, цѣль котораго была обойдти турокъ, направляясь на Динеръ, Акрякъ и оттуда, начавъ дѣйствовать въ тылъ турецкимъ позиціямъ, отрѣзавъ имъ всякую возможность отступленія.

Командиръ 1-го эскадрона, капитанъ Тетюцкій, товарищъ мой по воспитанію, задалъ мнѣ вопросъ, желаю ли я скорѣйшаго окончанія войны и на мой утвердительный отвѣтъ возразилъ мнѣ.

— А я такъ не желаю, дай Богъ чтобъ подольше она длилась, мирныя занятія съ эскадрономъ страхъ, какъ надоѣли, а тутъ все-таки разнообразіе, да и содержаніе получаю большое, притомъ же я глубоко убѣжденъ, что выйду изъ этой войны цѣлъ и невредимъ.

Не прошло и мѣсяца послѣ нашего развовора, какъ пуля въ животъ прекратила со страшными мученіями жизнь этого молодого, любимаго всѣми его товарищами, офицера, служившаго единственной поддержкой старушки матери.

Къ Камбинской переправѣ подошли мы уже въ сумерки, но кромѣ обозовъ никого не застали, такъ какъ полкъ двинулся по направленію къ Кизиль-Кулѣ. Не останавливаясь ни на минуту, двинулись мы дальше, и только въ 10-ть часовъ настигли остальную часть отряда, причемъ костры указали намъ мѣсто ихъ бивуака. Оказалось, что всѣ войска

подняты на легкахъ, всѣмъ приказано оставить на берегу обозы, и даже денежные ящики, такъ что нашъ казначей имѣлъ всѣ деньги (около 12-ти тысячъ) въ желтой кожанной сумкѣ, которую онъ и носилъ черезъ плечо.

Слѣдующій день простояли мы около того мѣста, гдѣ 19-го сентября стоялъ турецкій лагерь. Интересно было посмотрѣть укрѣпленія, чуть было недоставшіеся намъ съ бою 19-го. Укрѣпленіе не особенно сильное по профили, но все-таки нелегко атакуемое, такъ какъ гора отъ подошвы до вершины. вся испещрена вырытыми ровиками для стрѣлковъ, прикрытыми кучками камней; подъ самимъ брустверомъ устроены помѣщенія для людей, вообще работа повсюду въ высшей степени тщательная. Валявшіеся повсюду осколки гранатъ показывали, что дѣйствія нашей артиллеріи не пропадали безслѣдно. Тогда-же по разсказамъ мѣстныхъ жителей, былъ убитъ главный начальникъ войскъ, занимавшихъ эти высоты Ададъ-паша. Между прочимъ на землѣ около одной изъ амбразуръ, совершенно отчетливо обозначался кровяной абрисъ человѣка съ распростертыми руками. Съ Кизилъ-Кулы направились по различнымъ направленіямъ казаки охотники, и вернулись съ добычею и плѣнными регулярными солдатами, сопровождавшими отступавшій въ Карсъ турецкій обозъ. Впрочемъ добыча заключалась въ скотѣ, лошадяхъ и куртинскихъ коврахъ. Жители сосѣднихъ ауловъ говорили намъ, что турки мало-по-малу отправляютъ свое имущество въ Карсъ и Эрзерумъ, и что вообще думаютъ вскорѣ оставить свои позиціи, выставляя причиною сильный холодъ на занятыхъ ими возвышенностяхъ. Передъ вечеромъ 29-го сентября, снялись мы съ нашего бивуака и направились къ с. Акряку, переправившись черезъ р. Дигоръ-Чай. Позднею ночью привелъ насъ проводникъ въ Акрякъ, да и то едва нашелъ это селеніе, такъ какъ темень была такая, что хоть глазъ выколи.

Къ несчастью, моей сотнѣ пришлось идти на аванпосты, что на совершенно незнакомой мѣстности, въ темную ночь не представляетъ особенной прелести. Съ трудомъ разставилъ я посты, нѣсколько разъ чуть не сваливаясь въ овраги и спотыкаясь о камни. На зарѣ маленькій морозъ заставилъ меня немного продрогнуть подъ моей буркой.

30-го пришелъ къ намъ стрѣлковый батальонъ, которымъ командовалъ герой князь Меликовъ, съ рукой раненной въ одномъ изъ прежнихъ дѣлъ, а потому теперь на черной шелковой повязкѣ. Смерть не пощадила ни его молодость, ни красоту, ни любовь всѣхъ знавшихъ его, и покончила съ его жизнью при штурмѣ Карса.

Такимъ образомъ нашъ отрядъ, все увеличивался и увеличивался, и уже теперь одной кавалеріи было: 1-й и 2-й Волжскіе казачьи полки, нашъ полкъ, Нижегородскій, Драгунскій и 3-й Дагестанскій. Подробностей предполагаемаго нами движенія, никто изъ насъ не зналъ; гово-

рили только, что мы составляемъ авангардъ главнаго обходнаго отряда, стоящаго въ м. Дигоръ, подъ начальствомъ генерала Лазарева.

1-го октября у насъ устроился маленькій кутежъ, на которомъ, между прочимъ, я предложилъ пожеланіе, черезъ годъ встрѣтиться всѣмъ присутствовавшимъ офицерамъ живыми и здоровыми, и чтобъ къ тому времени окончилась война. Всѣ выпили съ энтузіазмомъ, выпилъ и хорунжій Ушинкинъ въ ту минуту и не воображавшій, что не только году, но и сутокъ не проживетъ послѣ тоста.

А между тѣмъ 2-го числа вечеромъ, его уже не стало,—его, которому менѣе всего представлялось шансовъ быть убитымъ, такъ какъ онъ былъ полковымъ казначеемъ и въ дѣлахъ не принималъ участія.

2-го октября, рано утромъ, тронулся нашъ отрядъ по направленію къ Базарджику; пройдя нѣкоторое разстояніе, командовавшій авангардомъ генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ, племянникъ корпуснаго командира, остановилъ насъ и подозвалъ къ себѣ маіора Витте, командира 3-го эскадрона Нижегородскаго драгунскаго полка. Вслѣдъ затѣмъ вызвалъ меня и обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Маіоръ Ржевускій, возьмите вашу сотню и поступайте подъ начальство маіора Витте, онъ вамъ разскажетъ по дорогѣ съ какою цѣлью посылаю я васъ.

Немедленно вызвалъ я свою сотню, но былъ пріостановленъ командиромъ полка, нашедшимъ, что одного офицера мнѣ мало въ сотню, а потому приказавшему послать за есауломъ Филиповымъ, остававшемся еще въ лагерѣ для хозяйственныхъ распоряженій, какъ завѣдующаго хозяйствомъ полка. Явился есаулъ Филиповъ.

— Нѣтъ Григорій Максимовичъ, вы лучше станьте передъ первою сотнею, а во вторую пусть ѣдетъ хорунжій Ушинкинъ, приказалъ полковникъ Климентовъ.

Пріѣхавшій Ушинкинъ подъѣхалъ къ полковнику и сказалъ ему:

— Полковникъ, позвольте мнѣ не ѣхать со 2-ю сотнею.

— Поѣзжайте немедленно къ сотнѣ, возразилъ полковникъ.

Мы двинулись съ проводникомъ по одной дорогѣ, остальной отрядъ по другой.

— Адамъ Адамовичъ, ей Богу меня убьютъ сегодня, у меня такое предчувствіе и зачѣмъ онъ меня посылаетъ, вѣдь я казначей, у меня свои дѣла есть, да притомъ зачѣмъ меня со 2-ю сотней, этой сотнѣ не везетъ. 20-го сентября пять сотенъ было, ни въ одной ни одного человѣка не убили, а у васъ шестерыхъ. Господи Боже мой! говорилъ всѣми офицерами любимый и безусловно самый веселый офицеръ полка.

Какъ я не убѣждалъ его, что у насъ никакого дѣла быть не можетъ, что при нашей малочисленности мы ничего серьезнаго предпри-

*

нять не можемъ, Ушинкинъ все твердилъ одно, что его непремѣнно убьютъ.

— Вѣдь у меня съ собою сумка, въ которой семь тысячъ казенныхъ да пять собственныхъ, командира полка.

— Такъ отчего же вы это не сказали полковнику, онъ бы тогда васъ оставилъ непремѣнно.

— Да не догадался,—такъ растерялся, что и на умъ не пришло.

Между тѣмъ я подъѣхалъ къ маіору Витте и спросилъ его, съ какою цѣлью насъ отдѣлили отъ остальнаго отряда. Оказалось, что мы посланы съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть селеніе Хаджи-Халиль, оттуда пройти на Магараджикъ и черезъ Орлокъ присоединиться къ своимъ частямъ, повсюду, разумѣется, осматривая, нѣтъ ли вблизи турецкихъ войскъ и разспрашивая жителей. Такимъ образомъ, по картѣ, намъ предстояло сдѣлать около пятидесяти верстъ и притомъ совершенно въ тылу турецкихъ главныхъ силъ. Проводникъ увѣрялъ, что ни въ одномъ изъ вышеуказанныхъ селеній, нѣтъ ни одного турецкаго солдата. Посмотрѣлъ я на проводника, вижу знакомое лицо, сталъ припоминать, гдѣ его видѣлъ, вспомнилъ, что это армянинъ, разсказывавшій при мнѣ командиру 2-го Волжскаго полка князю Орбельяни о порядкахъ въ турецкой арміи, гдѣ онъ былъ поставщикомъ ячменя, при чемъ онъ ужасно превозносилъ образцовое устройство всѣхъ отраслей турецкаго управленія. Рядомъ со мною ѣхалъ на замѣчательно красивомъ золотистомъ жеребцѣ, все время страшно горячившемся, капитанъ Макріевичъ, только что утромъ купившій эту лошадь за 400 р. с.

На мое замѣчаніе о красотѣ лошади, Макріевичъ возразилъ:

— Красива-то красива, только бѣда въ томъ, что носитъ, закуситъ мундштукъ и нѣтъ силъ удержать ее, впрочемъ, я надѣюсь отъѣздить ее въ скоромъ времени.

— А я бы все-таки совѣтовалъ вамъ пересѣсть на вашу другую лошадь, а то, кто знаетъ, можетъ быть сегодня будетъ дѣло и Богъ знаетъ, куда занесетъ васъ, ваша покупка, пожалуй, въ турецкія руки! сказалъ я ему.

Сперва было Макріевичъ не послушалъ моего совѣта, но потомъ подойдя къ Хаджи-Халилю пересѣлъ на другого коня и хорошо сдѣлалъ, такъ какъ въ тотъ же день золотистый жеребецъ попалъ къ туркамъ, пробывъ у новаго владѣльца, всего лишь нѣсколько часовъ. Пожалуй капитану Макріевичу не пришлось бы остаться живымъ и здоровымъ, еслибъ онъ не перемѣнилъ коня.

Подходя къ Хаджи-Халилю наши дозорные увидѣли вдали, тянувшійся обозъ, о чемъ и сообщили намъ; но обозъ этотъ шелъ такъ далеко отъ насъ, что думать объ завладѣніи имъ было неблагоразумно. На горкѣ показался турецкій конный пикетъ, завидя который бросились на

нихъ нѣсколько человѣкъ Дагестанцевъ, въ числѣ 40 человѣкъ дополнявшіе нашъ маленькій отрядецъ. Одинъ изъ нихъ прицѣлился въ поскакавшій пикетъ выстрѣлилъ и свалилъ съ сѣдла всадника. Все это было сдѣлано такъ скоро, что убитаго не успѣли увезти его товарищи и куртинское добро досталось Дагестанцамъ.

У Хаджи-Халиля мы нашли слѣды недавняго расположенія войскъ, даже зола костровъ не успѣла еще охладится.

Призванный старшина селенья заявилъ намъ, что тутъ ночевали 6-ть таборовъ низама, шедшихъ отъ Измаила-паши на подкрѣпленіе къ Мухтару, что таборы числительностью 800 человѣкъ въ каждомъ и, что выступили они въ 5-ть часовъ утра и направились къ Аладжѣ.

— Если мы пойдемъ на Магараджикъ, можемъ ли мы наткнуться на эти батальоны,—спросилъ маіоръ Витте у старшины.

— Ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ черезъ-чуръ много прошло времени съ ихъ ухода, да и направленіе другое, вы идите нижней дорогой по дну оврага, а они пошли по верхней; если на что наткнетесь, такъ это на обозъ, да на больныхъ отсталыхъ, да на стадо барановъ, которое они гонятъ за собою, отвѣтилъ армянинъ.

Не успѣли мы отойдти, какъ казаки, шедшіе дозорными съ боковъ, донесли намъ, что впереди идетъ стадо барановъ и просили разрѣшеніе захватить это стадо. Маіоръ Витте разрѣшилъ и вскорѣ мы оказались владѣльцами нѣсколькихъ тысячъ барановъ и 4-хъ плѣнныхъ турецкихъ солдатъ. Плѣнные подтвердили показаніе старшины и мы пустились снова въ путь, отрядивъ взводъ казаковъ въ авангардъ и нѣсколько дагестанцевъ гнать за нами стадо.

Подойдя къ Магараджику и узнавъ отъ передовыхъ казаковъ, что въ этомъ селеніи нѣтъ турецкихъ войскъ, мы обошли его и по указанію проводника, продолжали путь по дну оврага, съ цѣлью идти къ Базарджику, гдѣ должны были быть наши войска. Мѣстность приходимая нами было глубокое ущелье, такъ называемый Магараджикскій оврагъ, гдѣ уже два раза попадались наши войска и едва вывернулись изъ критическаго положенія, 13-го мая и 28-го іюня. Края этого оврага почти отвѣсныя, такъ что боковымъ дозорнымъ, въ случаѣ чего, очень трудно было спуститься, чтобъ сообщить намъ что нибудь замѣченное, да и замѣтить было трудно что либо, такъ какъ мѣстность была въ высшей степени пересѣченная.

Вдругъ съ лѣвой стороны оврага, раздалось нѣсколько выстрѣловъ сдѣланныхъ по нашему авангарду. Черносвитовъ остановилъ свой взводъ и началъ перестрѣлку. Стрѣлявшіе оказались пѣшіе башибузуки какія то, или мѣстные жители, однимъ словомъ, люди въ обыкновенной сельской одеждѣ. Это было какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога изъ оврага сворачиваетъ направо и идетъ круто на край оврага, выходя на верх-

нюю дорогу. Предоставивъ авангарду раздѣлаться съ стрѣлявшими въ нихъ, Витте повелъ дальше свой отрядъ.

Такимъ образомъ, порядокъ въ которомъ мы поднимались въ гору, былъ слѣдующій: Витте я и проводникъ, затѣмъ казачья сотня, Дагестанскій взводъ и Драгунскій эскадронъ. Проводникъ заявилъ, что взойдя на гребень оврага, мы прямымъ путемъ въ получасовомъ разстояніи отъ Базарджика и, что можемъ идти прямо безъ дороги, такъ какъ мѣстность совершенно ровная. Спокойно разговаривая добрались мы по очень крутому подъему на берегъ оврага и вдругъ сразу увидали длинную ленту идущихъ въ красныхъ фескахъ турецкихъ солдатъ, шедшихъ по верхней дорогѣ. Когда мы ихъ увидали, то крайніе люди, были отъ насъ не болѣе, какъ въ тридцати шагахъ. Причина, отчего мы ихъ не видѣли раньше, была та, что ихъ прикрывалъ маленькій спускъ съ края оврага, такъ что только взойдя на самый край, отстоящій отъ верхней дороги въ тридцати, сорока шагахъ видна дорога.

Турки шли побатальонно, имѣя по бокамъ нѣсколько вьючныхъ катеровъ и лошадей. Что было дѣлать? Поворачивать назадъ, значило дать возможность туркамъ занять край оврага и положительно всѣхъ перестрѣлять, не выпустивъ ни одного изъ насъ выйдти изъ него, тогда какъ по показанію проводника, мы въ получасовомъ разстояніи отъ нашихъ войскъ и стоило только пробиться, сквозь попавшую намъ на пути пѣхоту и, по ровной мѣстности проскакать до соединенія съ нашими войсками. Послѣднее и выбралъ маіоръ Витте и выхвативъ изъ ноженъ шашку крикнулъ: „строй фронтъ!“ и бросился въ карьеръ, за нимъ кинулись всѣ остальныя. Турки такъ оробѣли, что мы наскочили на нихъ раньше, чѣмъ они успѣли опомниться, вслѣдствіе чего раздалось только нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ и батальонъ былъ смятъ моментально.

Къ счастью нашему, у турокъ даже штыки не были примкнуты къ ружьямъ, вслѣдствіе чего большинство изъ нихъ при нашемъ натискѣ бросали ружья и старались поднявши руку избѣгать шашечныхъ ударовъ. Какъ вихрь пронеслись мы и мчались дальше, оправившійся батальонъ послалъ намъ въ догонку залпъ прогудѣвшій надъ нашими головами и, по всей вѣроятности, кое-кого зацѣпившій. Вдругъ, къ нашему ужасу, увидали мы передъ собою пропасть на далекое разстояніе, перерѣзывающую намъ путь.

Съ перваго же взгляда, мы убѣдились въ невозможности ни перейдти это препятствіе, ни даже спуститься въ него. Между тѣмъ мы уже проскакали отъ батальона саженей 300. Положеніе становилось критическимъ и если спаслась хоть часть нашего отряда, то только благодаря тому, что маіоръ Витте не растерялся ни на минуту и, только замѣтилъ оврагъ крикнулъ „братцы кругомъ! Ура!“ и налетѣвъ на ближайшаго отдѣльно стоящаго турка, шашечнымъ ударомъ по головѣ свалилъ его съ ногъ.

Такимъ образомъ приходилось вторично пробивать пѣхотную линію, но уже не ошалѣвшихъ отъ неожиданности, а развернувшихъ фронтъ и, въ порядкѣ ожидающихъ нашей аттаки турокъ. Въ то же время, шедшій впереди батальонъ повернувъ къ намъ лицомъ, растроился зайдя флангомъ, равно какъ и слѣдовавшій за уже испытавшимъ наши шашечные удары и копыта нашихъ коней батальономъ. Стоя, по военному выраженію „покоемъ", дѣйствовали батальоны залпами, но безъисходность нашего положенія сдѣлала то, что мы все-таки вторично шашками очистили себѣ путь. Кутерьма поднялась страшная, на одну убитую лошадь падало нѣсколько другихъ, стукъ оружія, крики ура и Аллахъ, стоны раненыхъ и тучи пуль. Въ минуту, когда мы натолкнулись на пѣхоту, мы всѣ до того столпились, что меня чуть не выжали изъ сѣдла.

Вообще аттака была въ высшей степени сомкнутая. Уже проскакавъ батальонъ, при выходѣ изъ него я вылетѣлъ изъ сѣдла моментально вскочивъ на ноги. Оказалось, что моя лошадь наткнулась на убитую драгунскую и перевернувшись черезъ нее упала. Такимъ образомъ между мной и моей лошадью, лежала лошадь несчастнаго драгуна, старавшагося освободить изъ-подъ сѣдла свою ногу. Перескочить черезъ убитаго коня и побѣжать, за побѣжавшимъ моимъ, было дѣломъ одной секунды, но все-таки я успѣлъ увидѣть, какъ два турка бросились на плечи драгуна.

Совсѣмъ ошалѣлъ я, потерявъ всякую надежду на спасеніе, вижу бѣжитъ мой вахмистръ держа ружье въ правой рукѣ; лошадь моя поравнялась съ нимъ, кричу ему: „Петановъ, ради Бога останови коня"; но Петановъ даже не повернулся и бѣжалъ безъ оглядки. Немного лѣвѣе его бѣжалъ штабсъ-ротмистръ Мамоловъ, безъ папахи и съ окровавленной шашкой въ правой рукѣ.

Эти двое врѣзались мнѣ въ память, но бѣжавшихъ безъ лошадей было много. Главная масса нашего отряда уже проскакала и стремительно спускалась къ дну оврага, а потому залпы прекратились и началась одиночная ловля, разсѣянныхъ тамъ и сямъ драгунъ и казаковъ. Я положительно выбился изъ силъ и едва могъ дышать отъ волненья и усталости. Вдругъ вижу, что моя сѣренькая лошадка остановилась. Подбѣжалъ я къ ней и такъ какъ поводъ свалился съ шеи, то не разбирая его, я старался сѣсть поскорѣй на сѣдло. Пока я употреблялъ усилія взобраться на коня, одинъ турокъ подбѣжалъ съ другой стороны лошади и прицѣлившись выстрѣлилъ въ меня, пуля попала въ папаху, прямо противъ середины лба, прошла по волосамъ и вышла въ шлыкъ, это придало мнѣ энергіи и я ухватившись за обѣ луки, привскочилъ и легъ животомъ на сѣдло, ударивъ висѣвшей на мизинцѣ ногайкой, спасшую меня своей остановкой лошади. Поскакалъ мой конь мимо одиночныхъ, разсыпанныхъ турокъ, стрѣлявшихъ по мнѣ, какъ по зайцу, но,

благодаря Богу, не попавшихъ ни въ меня, ни въ лошадь. Страшно было скакать не имѣя повода въ рукахъ по крутому спуску, спотыкнись о камень лошадь и тогда бы уже положительно не было бы спасенія, но провидѣніе спасло меня и я на ходу взобравшись на сѣдло, какъ слѣдуетъ, настигъ шедшихъ уже крупною рысью, оставшихся въ живыхъ.

„Маіоръ живъ", раздалось нѣсколько голосовъ при моемъ приближеніи, такъ какъ увидѣвъ мое паденіе многіе сочли меня убитымъ.

Капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка Литвиновъ разсказывалъ мнѣ въ послѣдствіи, что подъѣхавъ къ казакамъ, онъ увидалъ одного изъ нихъ плачущимъ. На вопросъ отчего онъ плачетъ, казакъ отвѣтилъ:

— Маіора Ржевускаго убили.

Оказалось, что это былъ состоявшій при мнѣ вѣстовымъ казакъ Пронинъ.

Но вотъ, слава Богу, пройденъ Магараджикскій оврагъ и мы выбрались на чистое мѣсто. У всѣхъ отлегло отъ души. Къ счастью, что при турецкомъ отрядѣ не было ни какой кавалеріи, а не то бы никто изъ насъ не вышелъ бы оттуда. Многіе изъ ѣхавшихъ страшно стонали вслѣдствіе мученій причиняемыхъ ранами, при ѣздѣ рысью. Одинъ драгунъ съ раздробленнымъ локтемъ даже пробовалъ соскочить съ лошади, такъ что капитанъ Литвиновъ приказалъ держать его.

— Ваше благородіе, прикажите бросить меня, ай Господи, Господи, пусть лучше турки добьютъ! умолялъ онъ Литвинова.

Когда мы еще проходили по оврагу, подъѣхалъ ко мнѣ трубачъ моей сотни Колесниковъ и обратился ко мнѣ съ слѣдующею просьбою:

— Ваше высокоблагородіе позвольте взять бѣгущую безъ сѣдока драгунскую лошадь и вернуться съ ней назадъ, вотъ тамъ бѣгутъ два одностаничника со мной, такъ попытаю, авось удастся спасти ихъ!

Возвращаться назадъ, для спасенія своихъ земляковъ, туда гдѣ турки ужъ задавали кровавый пиръ добивая раненыхъ и попавшихся въ ихъ руки, былъ подвигъ въ высшей степени рискованный, хотя и удался ему вполнѣ. За свое мужество поплатился несчастный Колесниковъ, только не отъ турокъ, а отъ своихъ же, а именно: посадивъ двухъ казаковъ на лошадь, онъ благополучно вывезъ ихъ изъ-подъ огня и не будучи въ состояніи догнать насъ, поѣхалъ на удачу искать наши войска, вечеромъ наѣхалъ на нашихъ курдовъ, не опросившихъ его, а прямо выстрѣлившихъ и раздробившихъ ему пулею ногу. У драгунъ большинство ѣхало безъ киверовъ, такъ какъ пули сбивали эти неудобные и неглубоко сидящіе на головѣ головные уборы, при малѣйшемъ толчкѣ. Такъ какъ проводникъ нашъ изчезъ, и мы не рискнули идти изъ Хаджи-Халиля по пройденной нами уже дорогѣ, вслѣдствіе того, что вдали увидѣли, какія-то войска, которыя намъ показались турецкими, то мы и

пошли искать другой путь. Но сумерки прошли, наступила ночь, а мы все еще шли по совершенно незнакомой мѣстности и никакъ не могли оріентироваться.

Въ одномъ мѣстѣ остановились мы на минутку, чтобъ хоть сколько-нибудь дать передохнуть заморившимся конямъ, а главное, перевязать раненыхъ и такъ какъ остановка была минутная, то пришлось перевязывать другъ друга, вслѣдствіе того, что на весь отрядъ былъ всего одинъ фельдшеръ Нижегородскаго драгунскаго полка.

Всѣ офицерскія платки пошли на перевязку, которую тѣмъ болѣе было трудно совершать, что не было ни капли воды. Объ раненыхъ лошадяхъ и говорить нечего, на нихъ никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, и у самаго Витте лошадь истекала кровью, будучи ранена въ животъ. Ночью-же наткнулись мы на массу разложенныхъ костровъ; посланные казаки заявили, что около нихъ слышенъ турецкій говоръ, а потому мы и постарались поскорѣе ихъ миновать. Послѣ нѣсколькихъ часовъ движенія въ ночной темнотѣ, рѣшили мы остановиться,ославъ казаковъ для розыска какого-нибудь селенія и для взятія въ немъ проводника. Только на разсвѣтѣ привели армянина, жителя селенія Зирчи, взявшагося провести насъ къ селенію Акряку. Оказалось, что мы находимся въ верстахъ двадцати отъ выше названнаго селенія. Еще часа три пути, и мы утомленные физически, измученные нравственно, почти сутки ничего не ѣвши, многіе раненые, на едва волочащихъ ноги лошадяхъ, достигли селенія Акрякъ и расположившись бивуакомъ, начали провѣрять понесенные нами потери. Первоначальная провѣрка дала въ высшей степени печальный результатъ, изъ двухсотъ двадцати всадниковъ девяносто слишкомъ не хватало. Хорунжій Ушинкинъ, гвардіи штабъ-ротмистръ Мамоловъ, вахмистръ моей сотни Петановъ и всѣ взводные вахмистры драгунскаго эскадрона, отсутствовали. Считая всѣхъ не прибывшихъ съ нами, убитыми или попавшими въ плѣнъ, маіоръ Витте въ своемъ рапортѣ посланномъ изъ Акряка генералъ-маіору Лорисъ-Меликову доносилъ, что понесъ потерю въ девяносто два человѣка.

Впослѣдствіи оказалось, что многіе казаки и драгуны, лишившись убитыми или тяжело ранеными своихъ лошадей, нашли себѣ спасеніе, спрятавшись за грудами камней, въ большомъ количествѣ разбросанныхъ на мѣстѣ нашего боя. Такимъ образомъ, окончательно, потеря наша сводилась къ слѣдующимъ цифрамъ: казачья сотня лишилась убитыми хорунжаго Ушинкина, вахмистра Петанова, урядника Барискина и десять казаковъ, раненными восемь казаковъ, убитыми тридцать три лошади; въ третьемъ эскадронѣ Нижегородскаго драгунскаго полка убитыми, четыре взводныхъ вахмистра, и двадцать четыре нижнихъ чиновъ, и сорокъ двѣ лошади убитыми; въ дагестанской полусотнѣ пятнадцать человѣкъ убитыми. Тяжело было на душѣ у каждаго изъ насъ, лишиться

своихъ боевыхъ товарищей, не имѣвъ даже возможности вывести ихъ тѣла, и тѣмъ избавить ихъ отъ варварскаго поруганія. Въ особенности жалко было хорунжаго Ушинкина, предчувствіе котораго не обмануло. Сидя около костра, отогрѣвая свои коченѣющіе отъ холода члены, въ ожиданіи того, чтобы посланные раздобыли что-нибудь для утоленія, начинавшаго мучить насъ голода, обдумывали мы всѣ факты минувшаго грустнаго дня. Разговоръ какъ-то неклеился, всѣ сидѣли понурые и грустные.

Оказалось, что почти всѣ офицеры лишились всего своего походнаго имущества, такъ какъ всѣ вьючные лошади попали въ турецкіе руки, что-же касается до меня, то я буквально лишился всего, что составляло мой походный багажъ, начиная американской палаткой и кончая послѣдней парой бѣлья. Какъ на зло, даже пальто мое было передано моимъ вѣстовымъ казаку, который былъ убитъ, и погибло вмѣстѣ съ нимъ. Мало-по-малу стали возвращаться считавшіеся нами убитыми, въ дѣйствительности же чудомъ спасшіяся, и стали разсказывать, что турки добили всѣхъ попавшихся въ ихъ руки, предварительно истязуя самымъ варварскимъ образомъ. Слушая эти разсказы приходило на мысль, каково было положеніе тѣхъ, которые, скрываясь, видѣли, что совершается надъ ихъ земляками, ожидая ежеминутно, что будучи открытыми непріятелемъ подвергнутся сами той же участи.

Отдохнувъ, перевязавъ раненыхъ, утоливъ немного свой голодъ и жажду, направились мы къ Базарджику, расчитывая тамъ найти свои части. Оказалось, что у Базарджика расположены только обозы, лазаретные повозки и вообще тылъ арміи. Въ то время, когда мы разстроенные, павшіе духомъ расположились у Базарджика, наши полки мстили за кровь однополчанъ, пролитую наканунѣ, шашечными ударами уложивъ массу турокъ, выбитыхъ изъ своихъ позицій и направлявшихся въ Карсъ, ища въ бѣгствѣ спасенія. Шашки Нижегородцевъ и Гребенцевъ на дѣлѣ доказали, несмотря на молодость большинства владѣвшихъ ими, что они вполнѣ достойны дѣдовъ и отцовъ. Намъ присоединиться къ своимъ частямъ было положительно невозможно, такъ какъ никто не могъ указать, гдѣ находятся наши полки, вотъ почему мы и не принимали участія въ славномъ бою 3-го октября. Гулъ отъ орудійныхъ выстрѣловъ стоялъ страшный, вся атмосфера была пропитана пороховымъ запахомъ, то и дѣло проносили раненыхъ. Къ вечеру стали приводить большія партіи плѣнныхъ турокъ. При проводѣ одной изъ такихъ партій мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ слѣдующаго факта: одинъ турокъ вдругъ заупрямился, и несмотря на понуканіе конвойнаго солдата, остановился и недвигался съ мѣста; видя упорство турка, уговаривая его сперва словами и видя безуспѣшность уговариванья, солдатъ ударилъ турка прикладомъ по шеѣ; въ это время проѣзжалъ мимо верхомъ на

лошади какой-то нѣхотный подпоручикъ. Увидя, что солдатъ ударилъ турка, подпоручикъ возгорѣлъ негодованіемъ и набросившись на солдата, началъ его колотить, обсыпая его цѣлымъ потокомъ брани. Колотилъ онъ его такъ сильно, что я счелъ за нужное вступиться, и запретилъ трогать несчастнаго солдата, причемъ никакъ не могъ убѣдить разсвирѣпившаго подпоручика, что довольно странно и смѣшно, заступаясь за вынужденный упорствомъ турка ударъ приклада, избить въ кровь своего же солдата, и безъ того уже измученнаго цѣлымъ днемъ боя и столькими мѣсяцами походовъ. Каково-же было наше удивленіе, когда въ средѣ плѣнныхъ увидали мы нашего проводника. На наши упреки и укоры, онъ состроивъ жалкую рожу, началъ клясться, что его самого чуть не убили, захвативши въ плѣнъ турки, чему очень дисгармонировалъ мѣшокъ бывшій у него за плечами, и по осмотрѣ оказавшійся наполненнымъ жареною курицею и кучей лавашей и чурековъ. Маіоръ Витте если не ошибаюсь, просилъ о преданіи проводника суду, но, кажется, ходатайство не привело ни къ какимъ результатамъ.

Вечеромъ стали раздаваться въ лагерѣ радостныя вѣсти, говорили что турецкая армія разбита и всѣ важнѣйшія позиціи заняты нами, что часть турецкой арміи отрѣзана и вынуждена будемъ сдаться. Луна взошла высоко, обливая яркимъ свѣтомъ земную поверхность, вечеръ былъ тихій, но довольно холодный.

— Ваше высокоблагородіе, хорунжаго Ушинкина привезли на перевязочный пунктъ, закричалъ мнѣ казакъ.

Радость охватила все мое существо.

— Что-же сильно раненъ онъ? спросилъ я вѣстника.

— Не ранены, а убиты, только голое тѣло нашли Волжскіе казаки, да замучили ихъ собаки проклятые, все тѣло издырявили, говорятъ отсюда близко всѣ наши лежатъ.

Радость моя оказалась преждевременною; приказавъ осѣдлать коня, поскакалъ я къ перевязочному пункту; въ палаткѣ при свѣтѣ свѣчъ производили доктора перевязки, вырывая стоны у раненыхъ. Встрѣченный мною казакъ 2-го Волжскаго полка указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ на землѣ лежало нѣсколько труповъ. Первымъ лежалъ Ушинкинъ, лицо его, блѣдное, было вполнѣ покойно, и не выражало никакого страданія, полуоткрытый ротъ съ блестѣвшими бѣлыми зубами, какъ будто улыбался. Кто-то изъ чужихъ казаковъ отдалъ можетъ быть свою послѣднюю чистую рубашку, и надѣвъ на мертваго, прикрылъ ею обезображенное тѣло.

Вотъ въ какомъ видѣ нашелъ я его трупъ: правая нога выше колѣна отрѣзана, должно быть шашечнымъ ударомъ, перерубившимъ кость, но недорубившимъ на столько, что нога все-таки держалась маленькимъ кускомъ недорубленнаго тѣла, правая рука ниже кисти перерублена до

половины своей толщины, въ животѣ восемь пуль, всѣ на вылетъ и притомъ, по всей вѣроятности, выпущенныхъ въ упоръ, такъ какъ кругомъ отверстій, причиненныхъ пулями, края были обожжены, кромѣ того тринадцать пулевыхъ ранъ въ остальномъ тѣлѣ. Странное дѣло, какъ иногда смерть дѣлаетъ свой выборъ! Казначей нашъ принадлежалъ къ числу людей, которымъ придается эпитетъ „душа общества“. Веселый, остроумный, всегда въ хорошемъ настроеніи духа, онъ составлялъ большую находку въ кружкѣ офицеровъ. Вслѣдствіе своихъ занятій, въ дѣлахъ онъ не бывалъ, да и не желалъ бывать. „Богъ съ ними, съ наградами. Отечеству я приношу пользу, дѣломъ занятъ, а въ дѣлахъ не желаю бывать, такъ какъ у меня очень развито чувство самосохраненія“, говорилъ онъ постоянно. Миръ праху твоему добрый товарищъ, не даромъ чуяло твое сердце, близость смерти.

Рядомъ съ нимъ лежалъ совершенно раздѣтый, мой вахмистръ Петановъ, еще болѣе обезображенный варварами, на лицѣ его отпечатались предсмертныя муки, его еще не вымыли и онъ весь былъ залитъ кровью. Голова его была разрублена въ двухъ мѣстахъ шашечными ударами; кромѣ того, въ вискѣ зіяла огромная штыковая рана, горло было перерѣзано и кромѣ того на немъ же было пять надрѣзовъ, правая рука переломлена, въ животѣ 9 пулевыхъ сквозныхъ ранъ и 11 ранъ въ остальномъ тѣлѣ. Третій трупъ тоже порядкомъ изуродованный, былъ трупъ казака, за недѣлю передъ тѣмъ пришедшаго изъ дома въ полкъ, на пополненіе убыли. Ночь была такъ свѣтла, что я рѣшилъ немедленно ѣхать къ мѣсту нашего побоища и собрать остальныя тѣла убитыхъ моей сотни, приказавъ на буркахъ отнести тѣла, уже поднятыя, къ сотнѣ. Взявъ съ собою двадцать человѣкъ и проводникомъ Волжскаго казака, поѣхалъ я къ печальному мѣсту. Менѣе часу проѣхалъ я, какъ увидалъ массу убитыхъ лошадей и тамъ и сямъ разбросанныя людскія трупы. Странное впечатлѣніе производили эти голые обезображенные тѣла, при лунномъ свѣтѣ, казавшіеся еще болѣе блѣдными и страшными, чѣмъ въ дѣйствительности. Слѣзши съ коней пошли мы разсматривать и узнавать своихъ. На площадкѣ и на дорогѣ насчитали мы двадцать одинъ трупъ, всѣ болѣе или менѣе обезображенные и положительно всѣ совершенно голые, за исключеніемъ трехъ драгунъ, у которыхъ надѣты мундиры и подожжены были спереди, такъ что обуглили грудь. У нѣкоторыхъ казаковъ, драгунъ и Дагестанцевъ, отрѣзаны головы, а у одного драгуна отрѣзано все, что только можно отрѣзать отъ человѣческаго туловища. Одному Дагестанцу, чѣмъ-то раскаленнымъ вызженъ крестъ на груди.

Поневолѣ пришло на мысль, что слѣдовало бы турецкимъ друзьямъ, англичанамъ, побывать на этой площадкѣ и посмотрѣть, что дѣлаютъ не черкесы, не курды, а регулярные турецкія войска, а что это творили

они, можно судить, во-первыхъ потому, что никто изъ насъ не видалъ ни одного кавалериста, во-вторыхъ, хаджи-халильскій старшина говорилъ, что кавалеріи при отрядѣ нѣтъ и, въ третьихъ тѣ, которые видѣли, какъ добивали турки, прямо заявили, что все дѣлали пѣхотные солдаты. Несмотря на всѣ наши старанія, мы не могли сыскать два трупа, урядника Борискина и казака Григорія Спирина, остальныхъ же подобрали и понесли къ Базарджику.

Положивъ всѣхъ рядомъ на землю, около сотеннаго значка, утомленный улегся я спать, укутавшись въ бурку, сонъ былъ въ высшей степени тревожный, такъ какъ видѣнныя на яву ужасы, черезъ-чуръ подѣйствовали на мою нервную систему. Между прочимъ, для меня лично, въ дѣлѣ 2-го октября, еще была одна грустная утрата. Убили мою собаку, бывшую со мною во всѣхъ дѣлахъ, именуемую кличкой въ то время бывшей въ большой модѣ во всемъ дѣйствующемъ корпусѣ, а именно „Мухтарка“ и составлявшей для меня большое развлеченіе. Бѣдный песъ былъ убитъ пулей въ голову. Полотно сотеннаго значка, было буквально издырявлено пулями изъ коихъ три, даже задѣли древко значка. Въ то время, когда передъ сномъ сидѣли мы въ сообществѣ драгунскихъ офицеровъ и пили у костра чай, подошелъ ко мнѣ рядовой драгунъ и передалъ мнѣ примѣръ высокаго самопожертвованія со стороны одного изъ казаковъ Щедринской станицы Григорія Спирина.

— Ваше высокоблагородіе, вашъ казакъ мнѣ спасъ жизнь. У меня лошадь упала, я вскочилъ и бѣгу по оврагу; внизу у камня сидитъ казакъ и коня въ рукахъ держитъ; у него кровь такъ и льетъ по груди.

— Землякъ, садись на лошадь, спасайся, да поминай въ молитвахъ Григорія Спирина, а мнѣ все равно помирать, крикнулъ мнѣ казакъ. Вскочилъ я, да и время было, чуть за полы не хватали.

Вотъ смерть истинно геройская. Какъ разъ Спиринъ былъ одинъ изъ ненайденныхъ нами между убитыми, а потому разсказъ драгуна съ объясненіемъ мѣста, помогъ посланнымъ мною на другой день, найти его тѣло, лежавшее за камнемъ, съ нѣсколькими пулями въ груди и разрубленнымъ лицемъ.

На другой день, собравъ всѣ трупы до единаго, начали казаки копать три общія могилы, что оказалось дѣломъ вовсе не легкимъ, такъ какъ твердый каменистый грунтъ не поддавался лопатамъ и пришлось сдѣлать могилы не глубокія. Положивъ въ одну могилу Ушинкина и Петанова, въ другую старообрядцевъ, а въ третью православныхъ, прочитали молитву и распростились съ положившими животъ свой за Царя и Отечество. Всѣ бывшія въ резервѣ войска приказано вести на вчерашнее мѣсто главнаго боя, для большого парада или вѣрнѣе объѣзда Великимъ Княземъ всѣхъ войскъ, съ благодарностью и поздравленіемъ съ славною побѣдою 3-го октября.

Дѣйствительно, 2-е и 3-е октября были днями замѣчательныхъ успѣховъ русскаго оружія; 26 батальоновъ сдалось сложивши оружіе, съ своими предводителями, семью пашами.

Радость была всеобщая, всѣ солдаты глядѣли весело, бодро, забывъ тѣ труды, что досталось имъ въ эти дни, со всѣхъ сторонъ цѣлыми массами сгоняли плѣнныхъ турокъ, велись верблюды нагруженные всякимъ добромъ, гнались катера и ишаки. Тамъ и сямъ валялись еще не прибранныя турецкія тѣла. Съ грустнымъ чувствомъ присоединился я къ полку, начались распросы, сожалѣнія, оплакиванье несчастнаго Ушинкина.

Раздалась команда „смирно“ и Главнокомандующій, окруженный свитою началъ свой объѣздъ, благодаря всѣ части, принимавшіе участіе въ бою. Послѣ объѣзда направили насъ къ Визинкеву, тѣмъ путемъ, по которому вчера наша кавалерія гнала бѣгущихъ къ Карсу турокъ Тутъ все поле было положительно усѣяно трупами, со страшными шашечными ударами, окровавленныя лица, сжатые въ предсмертныхъ мукахъ кулаки, повсюду кровь, все вмѣстѣ взятое должно бы было произ ести ужасное отталкивающее впечатлѣніе, на меня же теперь видъ этихъ мертвецовъ производилъ положительно отрадное дѣйствіе и причиною тому были звѣрства турокъ надъ несчастными, попавшими въ ихъ руки 2-го октября. Въ каждомъ лежавшемъ я видѣлъ человѣка, подвергшагося Божьей карѣ за Ушинкина, моего вахмистра и остальныхъ мучениковъ и я наслаждался, чѣмъ больше страданій читалось на ихъ физіономіяхъ. Нѣкоторыя еще были живы, и тѣхъ изъ нихъ кого еще не одолѣли предсмертныя судороги, бережно подымали и усаживали въ лазаретный фургонъ.

Наконецъ мы достигли Визинкевскихъ высотъ и тамъ расположились бивуакомъ. Теперь нашъ бивуакъ принялъ другой видъ, такъ какъ масса отнятыхъ нашими войсками у турокъ конусообразныхъ палатокъ доставила и на нашу долю прикрытіе отъ дождей и непогоды, что и мнѣ было очень кстати, такъ какъ моя палатка съ вьючной лошадью попала къ туркамъ. Ружей системы Пибоди было такъ много, что они продавались солдатами и казаками по полутора рубля за штуку.

Вообще, все матерьяльное устройство въ турецкомъ лагерѣ оказалось несравненно лучше нашего. Не говоря уже о палаткахъ, съ которыми наши не выдерживали никакого сравненія, какъ по неудобству, такъ и по прочности матерьяла, о прекрасныхъ госпитальныхъ и обозныхъ фургонахъ, о массѣ патроновъ, укупоренныхъ въ свинцовые ящики и повсюду находящихся въ изобиліи, все у нихъ было изящно, доходя даже до кокетливости въ отдѣлкѣ. Разумѣется, почти вся англійская работа, даже на одномъ рессорномъ фургонѣ рядомъ съ краснымъ полумѣсяцемъ и турецкою надписью, не много стертый лакъ открывалъ

другую англійскую. Цѣлые ящики всевозможныхъ консервовъ валялись разбросанными, впрочемъ, ни одинъ казакъ не рѣшился дотронуться до нихъ, да оно и понятно, такъ какъ большинство изъ нихъ старовѣры и если не ѣдятъ и не пьютъ изъ одной посуды съ православными, то тѣмъ болѣе не рискнутъ попробовать чужеземнаго. Съѣденный мною консервированный въ жидкомъ видѣ куриный супъ, разбавленный кипяткомъ, оказался замѣчательно вкуснымъ со всевозможными пряностями.

Впослѣдствіи лежа въ госпиталѣ я слышалъ, что въ Александрополѣ находился складъ, въ которомъ хранилось на нѣсколько милліоновъ консервовъ, но за всю войну (не знаю, какъ другія части) нашъ полкъ не видалъ ни разу никакихъ россійскаго приготовленія консервовъ.

На другой день, т. е. 5-го октября, я поѣхалъ съ сотнею по направленію къ Карсу собирать мертвые турецкіе тѣла для преданія ихъ погребенію, во избѣжаніе вредныхъ міазмовъ отъ разложенія труповъ. Проѣзжая черезъ оставленное жителями селеніе я приказалъ двумъ казакамъ поискать саману, для того чтобъ накормить своихъ голодныхъ коней. Возвратившись къ бивуаку, состоявшій при мнѣ казакъ обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ:

— Ваше высокоблагородіе, а Егоровъ-то сегодня турецкаго солдата убилъ, когда мы саманъ набирали. Саманъ былъ въ ямѣ, только стали я да Егоровъ въ мѣшки накладывать, смотримъ, что-то закраснѣлось, видимъ феска, очистили еще не много саману, видимъ голова, а тамъ и весь турокъ выскочилъ. Егоровъ вынь кинжалъ, да его по головѣ, заоралъ турокъ, видитъ Егоровъ, что кинжаломъ многаго не сдѣлаешь, затупился отъ дровъ. Выхватилъ шашку, да какъ по головѣ хватитъ, такъ Богу душу и отдалъ нехристь поганый.

Въ это время подошелъ Егоровъ.

— Какъ тебѣ не стыдно, безоружнаго человѣка убивать, сказалъ я ему.

— Ваше в—діе, а что варвары-то втораго октября съ моимъ роднымъ братомъ сдѣлали, какъ его замучили, вѣдь вы видѣли? А я за брата отплатилъ ему, да не мучилъ, а прямо убилъ, хоть немного на сердцѣ полегчало.

Слово упрека замерло у меня на языкѣ, черезъ-чуръ человѣческое чувство, руководившее имъ обезоружило меня.

6-го октября нашъ полкъ направился къ Хаджи-Халилю, откуда долженъ былъ, въ составѣ отряда, бывшаго подъ начальствомъ князя Щербатова, идти для обложенія Карса. Пришлось ночью, при лунномъ освѣщеніи, проходить по мѣсту бывшаго нашего несчастнаго дѣла 2-го октября. Не прибранные лошадиные трупы заражали воздухъ запахомъ падали; несчастныя, ничѣмъ неповинныя созданія служили теперь пищей

воронамъ и собакамъ сосѣднихъ селеній. Изъ Хаджи-Халиля двинулись мы на Ардостъ мимо Большой Тикмы, селенія, выбраннаго для ставки Великаго Князя, къ Бозгалѣ, откуда мы должны были занимать аванпосты для обложенія Карса.

Опять потянулись скучные, однообразные дни, съ той только разницею, что вмѣсто жары наступили холода, отчего въ особенности пришлось пострадать моей сотнѣ, такъ какъ 2-го октября, во время атаки, у многихъ, при паденіи лошади или прямо зацѣпившись, оторвались бурки, а многіе просто-таки лишились перекидныхъ сумъ со всѣмъ имуществомъ, такъ что жаль было смотрѣть на несчастныхъ. Просто сердце ныло, когда увидишь въ пикетѣ часоваго, стоящаго въ легонькой черкескѣ безъ бурки. Я подалъ рапортъ, прося казакамъ пособіе, но впослѣдствіи получилъ отвѣтъ, отказывающій мнѣ въ моемъ ходатайствѣ. Такой же отказъ получили и всѣ офицеры, лишившіеся въ этомъ дѣлѣ всѣхъ своихъ вещей. Отъ Базгалы до Чохмаура мы занимали аванпостную линію, а тамъ соединялись съ цѣпью, выставленною другимъ отрядомъ. Такимъ образомъ, весь Карсъ былъ окруженъ кольцомъ, сквозь которое развѣ что одиночные люди могли пробраться, а ни въ какомъ случаѣ отряды или транспорты. Для обложенія Карса у насъ было черезчуръ мало кавалеріи, а потому приходилось ходить съ сотней черезъ день или два, что было крайне утомительно. Для лучшаго объясненія прелестей аванпостовъ подъ Карсомъ, помѣщаю описаніе одного дня изъ веденнаго мною дневника.

24-е октября. Ночь была очень холодная. Когда я проснулся, часы уже показывали 7 часовъ. Стаканъ горячаго чая ждалъ меня и хоть немного отогрѣлъ. Господи, какъ не хотѣлось вставать изъ-подъ навваленныхъ на меня одѣяла, бурки и пальто, а между тѣмъ надо: въ девять часовъ смѣна аванпостовъ, а я по опыту знаю, какъ непріятно, когда опаздываютъ смѣнять. Вода для умыванья такъ холодна, что я рѣшилъ сегодня обойтись безъ омовенья своего грѣшнаго тѣла. Въ воздухѣ не то, чтобы морозъ, а какая-то пронизывающая насквозь холодная сырость, что гораздо хуже. Одѣвшись, отправился получать приказанія къ полковнику Батіевскому *). Симпатичная личность. Въ петлицѣ у него болтался Георгій, не даромъ полученный имъ 3-го іюня подъ Ардаганомъ; онъ повелъ драгунъ въ атаку на турецкую пѣхоту и ловко расчесалъ ихъ: турки бѣжали, усѣявъ своими трупами все поле сраженія. Генералъ Гейманъ говорилъ, что такую кавалерійскую атаку можно имѣть счастье видѣть только разъ въ жизни. Повелъ сотню разставлять на посты. Разставлять теперь легко, потому что приходится только смѣнять уже поставленныя наканунѣ, да притомъ всякій пунктъ мнѣ извѣ-

*) Командиръ Сѣверскаго драгунскаго полка.

стенъ. Съ 9-го октября тутъ стоимъ. Туманъ такой, что, вопреки уставу, требующему ставить посты одинъ отъ другаго такъ, чтобъ другъ друга видѣли, это является положительно невозможнымъ, такъ какъ въ десяти шагахъ ничего не видно. Приказалъ поддерживать сообщеніе разъѣздами. Счастливцы драгуны пошли себѣ къ Аравартану; станутъ въ главномъ караулѣ и горя имъ мало, а намъ, пока разставишь всѣ посты, такъ часовъ пять пройдетъ, линія ужъ больно растянута. Жаль бѣдныхъ казаковъ, одѣты не по сезону. У большинства легкія лѣтнія черкески, а теплаго всего лишь бурка, да и то у многихъ въ такомъ видѣ, что дыръ больше, чѣмъ цѣлыхъ мѣстъ. Вѣдь недаромъ же прошелъ годъ, какъ нашъ полкъ покинулъ свои станицы, поизносились; хоть бы поскорѣй дали полушубки. Днемъ-то еще туда сюда, а ужъ ночью больно жутко. Главное, скверно то, что отогрѣться негдѣ и нечѣмъ; только и есть согрѣвательнаго, что подпрыгиваніе на мѣстѣ, съ ножки на ножку, да похлопываніе рука объ руку. Счастливцамъ, на долю которыхъ приходится остаться при главномъ караулѣ, хоть позволяется разводить костры, да и то только днемъ; а вѣдь на посту, какъ поставятъ четырехъ человѣкъ, такъ и стой на мѣстѣ безъ ѣды, безъ тепла. Лѣтомъ еще ничего, а теперь не приведи Богъ. Разставивъ сотню, пріѣхалъ я къ главному караулу, состоящему изъ эскадрона Сѣверскихъ драгунъ и оставшихся нѣсколькихъ казаковъ. Офицеры (шесть человѣкъ) оказались все старые знакомые, не разъ уже раздѣлявшіе со мною горькую участь. Мой Пронинъ раздувалъ тлѣвшіеся куски кизяка, съ намѣреніемъ поставить на нихъ уже приготовленный мѣдный походный чайникъ. Куски оказывали сопротивленіе стараніямъ моего казака и, отсырѣвъ, пускали только очень тонкую струю дыма. Но Пронинъ не унывалъ и, спустя нѣкоторое время, горячій чай явился результатомъ его терпѣнія. За чаемъ завязался общій разговоръ, темами для котораго были сѣтованія на погоду, однообразіе занятій, несправедливое распредѣленіе наградъ и т. д.

Недаромъ говоритъ пословица: „дорого яичко къ Христову дню“,— пріятно получить награду вскорѣ послѣ того, какъ ее заслужилъ. Сегодня дѣло, завтра командиръ полка представилъ тѣхъ, кто, по его мнѣнію, заслужили награды, а послѣ завтра взяли да и роздали отличившимся; вотъ какъ я понимаю смыслъ боевой награды, говорилъ поручикъ Т. „У насъ же происходитъ слѣдующее: послѣ сраженія требуютъ отъ командировъ частей представленіе, наградные списки идутъ по инстанціямъ и въ одной изъ высшихъ инстанцій попадаютъ въ руки генерала, не знающаго почти ни одного изъ офицеровъ нашей арміи, промѣнявшаго мечъ на перо, назначеніе котораго — мѣнять представленіе двумя или тремя степенями ниже: переходъ вашего награднаго списка изъ рукъ въ руки длится зачастую два, три мѣсяца, время болѣе чѣмъ достаточное для того, чтобы умереть или быть убитымъ, не имѣя даже

удовольствія передъ смертью видѣть на своей груди заслуженный вами крестъ. Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ двухъ казаковъ, приведшихъ трехъ оборванныхъ безоружныхъ солдатъ, попавшихъ при переходѣ черезъ цѣпь въ наши руки. Начали они съ того, что стали божиться и клясться, что шли съ цѣлью намъ сдаться, такъ какъ жизнь въ Карсѣ стала имъ невыносимой; четыре дня имъ будто не давали горячей пищи, да и хлѣба мало. Войскъ, по ихъ мнѣнію, въ Карсѣ очень мало и тѣ, что есть, очень деморализованы. Отослалъ я ихъ съ конвойными къ начальнику отряда. На время прекратившійся разговоръ вновь возобновился; заговорили о томъ, что намъ предстоитъ впереди, зимой и весной.

Хоть-бы Карсъ скорѣй сдался, либо штурмомъ его взять, а не то пойдутъ морозы, зимой тутъ страшно холодныя, снѣговыя мятели, говорятъ, прекращаютъ всякое сообщеніе, а въ палаткахъ жить невозможно.

— Вамъ-то еще что, у васъ вотъ хоть палатки есть, а каково намъ, казакамъ, всю войну безъ палатокъ валяющимся подъ открытымъ небомъ, въ дождь да снѣгъ; бурка да башлыкъ, у кого еще есть они, единственное прикрытіе, возразилъ я.

— Землянки будемъ строить, зиму-то какъ-нибудь да проживемъ, а вотъ что Богъ весной дастъ, такъ и подумать страшно. Когда пойдетъ таяніе снѣговъ, верхній слой земли, едва прикрывающій массу труповъ, смоется весенней водой и гніющіе трупы покажутся на земной поверхности, воздухъ переполнится міазмами, тогда смерти будетъ работы въ волю.

— Чтожъ, виноваты мы сами, зачѣмъ хоронимъ такъ небрежно своихъ убитыхъ.

— Легко вамъ говорить, а каково тому, кто роетъ яму, тому кто хоронитъ товарищей. Вѣдь вы посмотрите на этотъ грунтъ, голый камень, заступъ едва въ состояніи прорѣзывать болѣе мягкія мѣста. Утомленный боемъ солдатъ, посылается для закапыванія убитыхъ однополчанъ, еще не отдохнувъ отъ прошедшаго боя. Копаетъ онъ яму, и разумѣется, только и думаетъ, какъ-бы скорѣе окончить работу; вотъ почему ямы недостаточно глубоки, и вотъ въ чемъ надо искать начало тифовъ и другихъ вѣрноподанныхъ смерти. Избѣгнуть этого мы могли-бы, организовавъ на военное время роты погребателей, на обязанности которыхъ лежала-бы отвѣтственность за худое погребеніе убитыхъ и вообще за очистку поля сраженія. Подчините эти роты офицерамъ, втолкуйте имъ, что чѣмъ глубже и старательнѣе хоронятъ они, тѣмъ менѣе шансовъ различнымъ эпидеміямъ, что положивъ какой-нибудь трупъ на сажень глубины, они вмѣстѣ съ этимъ тѣломъ удаляютъ на сажень въ глубь отъ земной поверхности зародышъ болѣзни. Повѣрьте, что эта предупредительная мѣра дастъ блестящіе результаты, эти роты,

находясь въ тылу арміи, составляя арріергардъ, явились-бы авангардомъ гигіеническихъ мѣръ. Ну, еще людей хотя хоронятъ, а животныхъ. Посмотрите не только на поле сраженія, а на дорогу изъ Александрополя; куда ни бросимъ взглядъ, повсюду околѣвшіе быки, верблюды, лошади, бараны, собаки, все это гніетъ, разлагается, и никому до этого нѣтъ дѣла. А между тѣмъ погребальныя роты все-бы это прибрали и зарыли. А я вотъ вамъ что разскажу.

Поѣхалъ я въ Александрополь, ѣду себѣ верхомъ, вижу впереди около дороги сидятъ два армянина и копошатся около чего-то. Приблизившись къ нимъ, я увидалъ, что они, отрѣзавъ каждый по задней ляшкѣ околѣвшаго быка, взвалили отрѣзанные куски на плечи и поплелись въ Александрополь. Быкъ, повидимому, былъ недавно околѣвшій, но, во всякомъ случаѣ, я сомнѣваюсь, чтобы встрѣченные мною армяне приготовляли это лакомство для себя; вѣрнѣе, что духъ наживы руководилъ ими, обѣ ноги были кому-нибудь проданы, и по всей вѣроятности дорого обошлись здоровью, употреблявшихъ ихъ въ пищу. Появленіе еще двухъ турецкихъ солдатъ приковало всеобщее вниманіе, одинъ приземистый коренастый турокъ, очень юркій и суетливый, все время перебивалъ моего переводчика и болталъ безъ умолку. По его словамъ, въ Карсѣ всего было вдоволь, и войска, и продовольствія, только холодъ и служба замучили, и онъ рѣшился бѣжать изъ полка. Другой былъ громаднаго роста негръ, худой, толстомордый, съ необычайно длинными руками, почти до локтя вылѣзавшими изъ очевидно не на него сдѣланной, короткой куртки. Негръ говорилъ очень мало, на какомъ-то непонятномъ языкѣ и только поводилъ своими глазами, бѣлки которыхъ рѣзко выдѣлялись на почти черномъ фонѣ его лица. Такимъ образомъ, изъ одного-же источника самыя противуположенныя свѣдѣнія: у одного въ Карсѣ все обстоитъ благополучно, у другого наоборотъ. Разбирай какъ знаешь. Послалъ я ихъ туда-же, куда и первую партію. Взявъ двухъ казаковъ, я поѣхалъ провѣрять посты, мимо бывшей стоянки отряда генерала Геймана, во время нашей первой осады Карса въ маѣ и іюнѣ этого года, у села Аравартана. Вотъ слѣды палатокъ нашего лагеря, вотъ мѣсто, гдѣ около канцеляріи одного изъ полковъ разорвалась 3-го іюня турецкая граната и едва не убила одного писаря. Это была первая, начавшая бой граната. А вотъ и мѣсто, гдѣ похоронены наши казаки, жертвы того-же аравартинскаго дѣла; между ними и есть остатки казака нашего полка, которому граната попала въ спину, прошла насквозь, оторвала голову лошади и уже вслѣдъ затѣмъ при паденіи на землю разорвалась, не причинивъ болѣе никому вреда. Бѣдный казакъ только успѣлъ крикнуть др.... и превратился въ безобразную груду мяса.

Въ ясную погоду, съ возвышенностей, занимаемыхъ нашими постами, видны невооруженнымъ глазомъ Шорохскія грозныя укрѣпленія, при-

*

крывающія Карсъ. Сегодня же туманъ закрывалъ все и даже посты очень трудно было найти, такъ что зачастую проѣзжалъ мимо и только знаніе мѣстности выручало насъ. Вездѣ все оказалось исправно. Голодъ давалъ себя чувствовать, а потому неизмѣнный бараній бульонъ, поданный въ кострюлѣ немедленно по моемъ возвращеніи, былъ атакованъ нами съ энергіей, достойной лучшаго назначенія. То и дѣло опускались въ кострюлю, руки, вооруженныя разноформенными ложками, и вскорѣ она была очищена какъ отъ бульона, такъ и отъ кусковъ баранины. Дѣятельная мускульная работа, горячій супъ, равно какъ и выпитая рюмка водки представляли изъ себя внутреннюю фуфайку, отогрѣвшую насъ. Время какъ-то необычайно кажется длиннымъ во время пребыванія на аванпостахъ. Полное однообразіе, отсутствіе чего бы то ни было развлекающаго, заставляютъ часы проходить особенно долго, какъ бы вдвойнѣ противъ обыкновеннаго.

Сегодня все-таки появленіе бѣглыхъ солдатъ заняло насъ, а кромѣ того, къ намъ привели еще интересныхъ субъектовъ, которыхъ задержали идущими въ Карсъ. Молодой, съ очень глупой физіономіей, весь оборванный, въ засаленной фескѣ, повидимому, горецъ; красивая, но уже пожилая или рано состарившаяся женщина, державшая на рукахъ грудного малютку, и двое дѣтей, мальчикъ лѣтъ четырехъ и дѣвочка лѣтъ семи,—вотъ приведенные отъ аванпостовъ. Моросившій съ полудня дождь промочилъ до костей легко одѣтую семью, перетрусившую страшно казаковъ. Дѣти плакали навзрыдъ, испуганно прижимались къ матери, бросавшей растерянные взгляды на окружающихъ ее. Отецъ то и дѣло повторялъ: „Дагестанъ, Дагестанъ“. Такъ какъ переводчикъ уѣхалъ за покупкой ловашей *) въ Аравартанъ, другихъ понимающихъ объясненія вновь приведеннаго не было, то я, въ ожиданіи могущаго выяснить причины его появленія у нашей цѣпи, казака Чалова, усадилъ около костра полузамерзшую семью и мы, соединенными усиліями, дали имъ поѣсть, а поручикъ Ткаченко даже подарилъ свое офицерское пальто матери, за исключеніемъ платья, въ которомъ даже грудь не была вполнѣ прикрыта, ничего на себѣ не имѣвшей. Кажется, отецъ очень удивился подобному съ нимъ обращенію; онъ поминутно улыбался, что-то говорилъ и то и дѣло прикладывалъ правую руку то ко лбу, то къ сердцу. Приходъ Чалова разъяснилъ намъ все. Оказалось, что это семья дагестанцевъ. Во время переселенія нашихъ горцевъ, отецъ стоявшаго теперь передъ нами былъ пойманъ около Эрзерума, гдѣ и умеръ; семья покойнаго жила съ грѣхомъ пополамъ, кое-какъ перебиваясь. Когда началась

*) Хлѣбъ въ видѣ тонкаго листа прѣснаго тѣста вмѣстѣ съ чуреками, болѣе толстыми, приготовленными иногда на маслѣ,—единственный хлѣбъ, который возможно достать въ Арменіи.

война, сынъ Шамиля кликнулъ кличъ и, разжигая фанатизмъ, организовалъ шайки изъ переселенцевъ, съ Кавказа чеченцевъ, дагестанцевъ и другихъ. Не воинственный нашъ плѣнникъ не счелъ нужнымъ взяться за оружіе и остался равнодушнымъ зрителемъ всего происходившаго, предпочитая оберегать свое пепелище. Когда деморализованные остатки разбитой у Аладжи арміи Мухтара бросились къ Эрзеруму, то на пути грабили все, попадавшее имъ подъ руку и, къ несчастью, къ числу послѣдняго принадлежалъ домъ и все имущество дагестанца. Тогда онъ рѣшилъ искать покровительства у русскихъ и стараться вернуться въ Дагестанъ, на родину, гдѣ у него еще много родственниковъ. Съ опасностью для жизни пробирался онъ со своею семьею, незная дороги въ Дагестанъ, разспрашивая ее, и только случайно наткнулся на нашу цѣпь. Разсказывая это, онъ вынулъ изъ-за пазухи скомканную старую, совершенно потертую, съ краснымъ верхомъ дагестанскую папаху, говоря, что онъ только теперь рѣшается снова надѣть ее. Постоянно называлъ меня „бимбаши“, умолялъ о моемъ ходатайствѣ объ отсылкѣ его въ Дагестанъ. Не знаю, насколько правдивъ былъ его разсказъ, но дагестанецъ кажется черезъ-чуръ глупымъ для того, чтобы врать. По его словамъ, въ Эрзерумѣ страшный безпорядокъ, а по дорогѣ что дѣлается, такъ и разсказать трудно. Изъ-подъ Эрзерума онъ ушелъ 10-го октября.

Сѣверскіе офицеры собрали семьѣ малую толику денегъ и я, давъ имъ конвойныхъ, отправилъ ихъ въ Бозгалу, приказавъ дѣтей взять казакамъ на сѣдла. Надо было видѣть испугъ ребятишекъ: заливаясь слезами, уцѣпились бѣдняжки рученками за платье матери и, ни убѣжденія отца, ни угрозы матери, не могли заставить ихъ оторваться отъ занятыхъ ими позицій. А между тѣмъ усталость очевидно была велика, такъ что отецъ, взявъ на руки своихъ дѣтей, передалъ ихъ казакамъ. Почувствовавъ себя во власти чужихъ людей, дѣти моментально замолкли и, только вытаращивъ большіе черные глаза, испуганно озирались то на отца, то на мать и закачались на сѣдлахъ, убаюкиваемыя мѣрнымъ шагомъ казачьихъ лошадей. Мнѣ рѣдко приходилось видѣть болѣе красиваго ребенка, чѣмъ старшая дѣвочка съ своими черными, какъ уголь глазами. Жалко было смотрѣть на нее, почти не одѣтую и притомъ съ босыми ногами. Дождь все болѣе и болѣе усиливался. Наступили сумерки и мы совершили такъ-называемый у насъ „опрокидаетъ съ угрызеніемъ“, т. е. опрокинули въ глотку по рюмкѣ водки и погрызли коекакую бывшую у насъ закуску.

Когда мы окончили вечерній чай, кругомъ насъ царила полная темнота, костры потухли, залитые дождемъ, новыхъ же разводить не позволялось; дождь пошелъ какъ изъ ведра, разговоры прекратились и каждый изъ насъ, укутавшись въ бурку и башлыкъ, только и думалъ, какъ бы поменьше промокнуть; но всѣ предосторожности и всѣ старанія были

тщетны; мало-по-малу чувствовались промокшія мѣста; струя холодной воды полилась за шею, по спинному хребту, руки стали мокрыя, ноги промокли насквозь, на мѣстѣ сидѣнія образовалась лужа, и результатъ всего этого—ни одной сухой нитки. Ни гуттаперчевое пальто, ни бурка, ни башлыкъ ничто не защититъ отъ подобнаго дождя. Единственно, чего добиваешься, это сидѣть не двигаясь, чтобъ вода, охватившая уже ваше тѣло, согрѣлась. Сидя на корточкахъ, старался я заснуть, предварительно сдѣлавъ распоряженіе о всѣхъ разъѣздахъ, долженствующихъ отправляться каждые полчаса, по заранѣе указаннымъ направленіямъ. Возвращеніе разъѣздовъ и появленіе старшаго въ каждомъ изъ нихъ, съ сакраментальною фразою: „Ваше высокоблагородіе, въ разъѣздѣ все обстоитъ благополучно, съ непріятельской стороны ничего незамѣтно", недавало заснуть ни на минуту, прерывая дремоту въ моментъ перехода ея въ сонъ. Хотя бы дождь прекратился, мысленно молилъ я Бога. А дождь, какъ бы нарочно, такъ и хлещетъ, такъ и льетъ.

Чувство, охватывающее все ваше существо, становится все непріятнѣе и непріятнѣе, меня стало знобить, какъ въ лихорадкѣ, а ноги такъ положительно окоченѣли. Попробовалъ походить, но липкая скользкая грязь заставила меня бросить хожденіе и снова занять прежнее положеніе. Пришлось съ завистью вспомнить лѣтніе знои и атаки миріадъ мухъ, допекавшихъ насъ на аванпостахъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ. Все безмолвствовало, но никто не спалъ, изрѣдка только срывалось крупное словцо съ языка кого нибудь, — словцо обращенное къ погодѣ и проклятой странѣ. Подъ утро, прошелъ дождь и подъ охраной мѣрно шагающаго часоваго мы, утомленные, промокшіе, хоть не надолго, но уснули. Утромъ явились къ намъ два турка, жители сосѣдняго аула, старикъ и молодой, послѣдній оказался старшиной этого аула и принесли съ собой въ видѣ пешкеша, свѣжихъ чуриковъ, превкусно испеченныхъ на маслѣ. Никакія уговариванія не могли заставить ихъ принять отъ насъ деньги, они отказались наотрѣзъ и сѣвъ на корточки, закуривъ свои трубки, начали насъ распрашивать о возможныхъ предметахъ.

— Что, господа, вѣдь посмотришь на здѣшнихъ оставшихся смирныхъ обитателей ауловъ и не хочется вѣрить, чтобъ это былъ тотъ же варварскій элементъ, что истребляетъ все попадающее имъ въ руки христіанское, недовольствуясь причиненіемъ смерти, а изобрѣтая варварскія пытки и мученія, а между тѣмъ каждый изъ насъ имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ. Вѣдь мѣстные турки показывали намъ гораздо болѣе радушія, чѣмъ остальныя народности, и вотъ мнѣ пишутъ, что за Дунаемъ, наши братья славяне, братушки болгары такъ ужь совсѣмъ недружелюбно относятся къ нашимъ войскамъ,—сказалъ поручикъ Сердаковскій.

— Кстати заговорили о Дунайской арміи, перебилъ капитанъ Ар-

сеньевъ, я не могу понять, отчего намъ выдаютъ содержаніе бумажками, а объ золотѣ и помина нѣтъ, да хоть бы по курсу кредитными выплачивали, такъ нѣтъ еще, прямо по нормальному положенію. Говорятъ, что за Дунаемъ наши бумажки не имѣютъ никакой цѣны, а у насъ ходятъ рубль за рубль, не принимая въ разсчетъ того, что и у насъ страшно ошибаются, думая, что рубль не потерялъ цѣнности. А развѣ два съ полтиной за фунтъ сахару, два рубля двадцать за бутылку водки, девять гривенъ за фунтъ стеариновыхъ свѣчей, не есть тоже пониженіе курса, только въ другой формѣ; результатомъ этой разницы, въ уплатѣ содержанія двумъ арміямъ, борящимся за одинъ и тотъ же принципъ, будетъ то, что съ Дуная офицеры пріѣдутъ съ деньгами, а нашему брату, по приходѣ на постоянныя квартиры, не на что будетъ обзавестись необходимымъ. А между тѣмъ вѣдь, если не ошибаюсь, приказъ относительно выдачи содержанія звонкою монетой относился одинаково, какъ къ Дунайской, такъ и Кавказской арміи.

— Нѣтъ, кажется, что касается до нашей арміи, то была предписана только выдача одной осьмой всего содержанія полуимперьялами.

— Такъ отчего же эту осьмую не выдаютъ, да и вообще Дунайской арміи много преимуществъ передъ нашей. Уже не говоря о томъ, что глаза всей Европы обращены за Дунай, а объ насъ только и вспомнятъ, когда вѣсть о какой нибудь громкой побѣдѣ, одержанной нами, облетитъ міръ, въ этой арміи военные агенты почти всѣхъ державъ, у насъ никого, кромѣ лихого графа де-Курси; у нихъ корреспонденты всей европейской и заатлантической журналистики, у насъ же разъ, два и обочтешься. Все это впослѣдствіи, живымъ голосомъ и перомъ, будетъ повѣствовать міру о геройствѣ русскаго солдата, да и объ насъ офицерахъ едва ли не найдется добраго словечка, но все это будетъ касаться только Дунайской арміи, а наши подвиги забудутся очень скоро. Повѣрьте, про штурмъ Ардагана уже никто не помнитъ, гдѣ ни хитрость, ни голодъ вслѣдствіе правильной осады, а только храбрость, геройство нашего кавказскаго войска, открытою грудью, штыкомъ да прикладомъ, прочищавшихъ себѣ путь, передали крѣпость въ наши руки. Съ какими сравнительно ничтожными силами, мы держались до прихода изъ Россіи сороковой и Московской гренадерской дивизіи, противъ громадной арміи Мухтара, на это никто не обратилъ вниманія. Дѣло втораго и третьяго октября подъ Аладжей, или такъ называемый Авліарскій бой, эта грандіозная побѣда, побѣда военная и стратегическая, еще не забыта потому что черезъ чуръ свѣжа въ памяти; повѣрьте, что названія второстепенныхъ побѣдъ Дунайской арміи будутъ еще у всѣхъ на языкѣ, когда объ Ардаганѣ, Авліарѣ и Деве-Бойну не будетъ и помина. У нихъ образуются компаніи; для доставки предметовъ первой необходимости, у насъ ничего подобнаго; у нихъ санитарная часть гораздо болѣе обезпе-

чена нашей, несмотря на всѣ труды и старанія Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны, личному участію которой всѣ раненые и больные обязаны во многомъ. О томъ, что на всѣхъ начальникахъ Дунайской арміи посылаются всевозможныя награды, румынскія, сербскія, черногорскія и другія, упоминать не стоитъ. Да и сама природа противъ насъ; все время войны не видать ни одного листика, развѣ это не наказаніе, а эти камни съ скорпіонами да фалангами, буйволятники армянскія, развѣ это можетъ сравняться съ природою Балканскаго полуострова, покрытаго садами и лѣсами, да бѣлыми болгарскими мазанками. А впереди, въ будущемъ, что у насъ? Взятіе Карса, да столицы въ Арменіи, Эрзерума; поразспросите бывавшихъ въ этихъ городахъ, говорятъ хуже Александрополя, а Дунайской арміи въ перспективѣ Софія, Адріанополь и кто знаетъ, можетъ быть, Константинополь, побывавъ въ которомъ, поклонившись св. Софіи, позабудешь всѣ горести, всѣ страданія, перенесенныя во время войны. Мы свято исполняли свой долгъ и, дастъ Богъ, такъ же честно доведемъ дѣло до конца, но не можемъ похвастаться, чтобъ видали много интереснаго, во время нашего похода, двадцать верстъ впередъ, тридцать назадъ, пятьдесятъ вправо или влѣво, вездѣ одно и тоже—такое же однообразіе, не на чемъ глазу отдохнуть.

Появленіе прибывшихъ намъ на смѣну эскадрона Нижегородцевъ и Волжскихъ казаковъ прекратило нашу бесѣду и обрадовало насъ несказанно. Слава Богу, сутки прошли благополучно, турки не тревожили насъ, а это главное. Показалось солнышко, своими лучами исподволь просушившее насъ. Счастливые, довольные окончаніемъ нашей очереди аванпостовъ, съ пріятнымъ сознаніемъ впереди предстоящихъ двухъ дней отдыха, вернулись мы домой.

Холода становились все сильнѣй и сильнѣй; утромъ для того, чтобъ открыть двери палатки, приходилось разбивать ледяную кору, покрывающую полотно. Умываться стало положительно мучительно, такъ какъ ледяная вода обжигала лицо и руки.

Наконецъ командиръ полка разрѣшилъ мнѣ ѣхать въ Александрополь для закупки теплыхъ вещей и я незамедлилъ воспользоваться разрѣшеніемъ. Пріятно было переночевать въ теплой комнатѣ, поѣсть хоть и не особенно вкусныя, но разнообразныя кушанья, смыть въ банѣ насѣвшую грязь, однимъ словомъ хоть немного очнуться отъ боевой жизни. Узнавъ, что уполномоченный города Москвы, князь В. Мещерскій, привезъ много теплыхъ вещей для раздачи нуждающимся, я рѣшилъ обратиться къ князю съ просьбою дать мнѣ что нибудь, для того, чтобъ раздать моей сотнѣ. Князь принялъ меня очень любезно и приказалъ мнѣ выдать 27 полушубковъ, столько же паръ валенокъ и теплыхъ носковъ, которые и были мною приняты изъ склада на другой день. Еслибы видѣли жертвователи, сколько радости и искренней благодарности вы-

ражали лица казаковъ, получившихъ эти теплыя вещи, то навѣрное бы никто изъ нихъ не жалѣлъ своей лепты. Къ несчастью, портной, дѣлавшій мнѣ пальто, принесъ мнѣ его 5-го ноября, утромъ, такъ что мнѣ не пришлось участвовать при штурмѣ Карса, а только слышать орудійный гулъ и видѣть окончаніе, такъ сказать, послѣднія страницы геройской исторіи, штурма Карса.

Когда я ночью подъѣзжалъ къ Большой Тикмѣ, уже многіе укрѣпленія были въ нашихъ рукахъ, но еще перестрѣлка была по всей линіи и найти свою часть не представлялось ни малѣйшей возможности, тѣмъ болѣе при отсутствіи верховой лошади. Только вечеромъ 6-го, нашелъ я свой полкъ уже на площади г. Карса, расположившагося бивуакомъ. Досадно было не участвовать при штурмѣ Карса, но штурмъ былъ такъ неожиданно для всѣхъ, что предвидѣть его было трудно. Нашъ полкъ завернувъ нѣсколько тысячъ турокъ, старавшихся пробраться къ Эрзеруму, заставилъ ихъ положить оружіе, при этомъ непотерялъ ни одного человѣка убитыми и ранеными. За штурмъ Карса всѣ офицеры, участвовавшіе въ немъ, были представлены къ наградамъ, мое плохое пальто лишило меня оной.

По пріѣздѣ въ Карсъ, немедленно отправился я осматривать укрѣпленія, еще неубранныя отъ слѣдовъ кровавой расправы.

Трудно себѣ представить болѣе безобразную, болѣе кровавую картину; повсюду массы, цѣлыя груды турецкихъ тѣлъ, въ большинствѣ случаевъ съ зіяющими, отвратительными штыковыми ранами. Всѣ трупы лежали въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, разбросанные, но положительно всѣ одѣтые, у нѣкоторыхъ только были раскрыты шаровары, такъ какъ наши солдатики уже провѣдали, что у турокъ часто были надѣты пояса съ деньгами и иногда справлялись у убитыхъ. Въ особенности много труповъ мнѣ показалось въ Хафизъ-пашѣ. Просто поразительно, глядя на эти сильно укрѣпленныя позиціи, какъ это турки не отстояли ихъ, тѣмъ болѣе, что даже на улицахъ повсюду были поставлены орудія, защищавшія въ нихъ входъ. За тоже какая и масса геройства, сколько личной храбрости, было потрачено на этотъ геройскій подвигъ. Улицы города составляли рѣзкую противуположность съ линіей укрѣпленій, ни одного трупа, полное спокойствіе, нигдѣ и слѣда грабежа.

Побывавшій въ плѣну у турокъ, маркитантъ Нижегородскаго драгунскаго полка, сообщилъ мнѣ слѣдующее про пропавшаго безъ вѣсти штабсъ-ротмистра Мамолова. Оказалось, что его, трехъ драгунъ и нѣсколькихъ Дагестанцевъ, 2-го же октября вечеромъ турки привели въ Карсъ. Двухъ Нижегородцевъ отчего-то немедленно лишили жизни, а Мамолова привели къ коменданту. Комендантъ, узнавши, что Мамоловъ магометанинъ, предложилъ ему перейти на турецкую службу, обѣщая ему всевозможныя милости, но Мамоловъ отказался, затѣмъ ему было

предложено принять командованье надъ всей карской кавалеріей, но честный русскій офицеръ отвѣтилъ:

— Я получилъ воспитаніе на счетъ русскаго Царя, присягнулъ ему и другому служить не намѣренъ.

Ему пригрозили смертною казнью, но и это не устрашило его и онъ на отрѣзъ отказался.

Тогда съ него сорвали черкеску, бешметъ и оставивъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, отправили съ партіей плѣнныхъ, сперва въ Эрзерумъ, а затѣмъ въ Константинополь, гдѣ, по указанію одного изъ вернувшихся послѣ войны изъ плѣна, и умеръ въ госпиталѣ, куда поступилъ по случаю лихорадки и будучи легко болѣнъ, принялъ поданное ему лекарство; выпилъ и сказалъ:—„Подлецы, плѣннаго довели до Константинополя и тутъ отравили“, черезъ нѣсколько часовъ умеръ. Сообщилъ мнѣ подробности, касающіяся пребыванія штабсъ-ротмистра Мамолова въ Константинополѣ, раздѣлявшій съ нимъ плѣнъ, казакъ моей сотни Евтѣевъ, попавшійся въ плѣнъ 20-го сентября, при обходномъ движеніи генерала Шелковникова и такъ какъ нѣкоторые видѣли, какъ на него набросились турки, то и показанъ убитымъ. Между тѣмъ по окончаніи войны онъ вернулся, побывавъ въ Константинополѣ, живъ, но сильно страдающій отъ побоевъ прикладами, во время его плѣненія. При возвращеніи въ полкъ, онъ узналъ грустную новость: жена его вышла замужъ за другаго, сдѣлавшись такимъ образомъ совершенно невольно двумужницею. Интереснѣе всего то, что когда ее спросили, съ кѣмъ она желала бы остаться, то она отвѣтила, что у нея и первый и второй мужъ такіе хорошіе люди, что она не знаетъ, какой дать отвѣтъ.

Девять дагестанцевъ, показанныхъ убитыми 2-го октября, тоже вернулись изъ плѣна, равно какъ и одинъ драгунъ; такимъ образомъ оказалось, что турки въ этотъ злосчастный день не пощадили только казаковъ, не взявъ ни единаго плѣннаго.

Кстати привожу здѣсь пѣсню, сочиненную прапорщикомъ Протопоповымъ:

Ура живымъ и намять павшимъ
За бой не равный, страшный бой!
Когда съ маіоромъ Витте нашимъ
Врубились мы во вражій строй.
Кругомъ насъ турки обступили,
Гремѣли залпы, будто громъ,
Сверкнули шашки, зарубили
И понеслися на проломъ.
Разъ въ двадцать больше вражья сила,
Насъ неумѣла удержать,
Вдругъ пропасть путь загородила
И повернули мы опять,
И тутъ мы снова не сплошали

Опять въ атаку понеслись.
Вторично шашки засверкали,
Вторично кровью напились,
Мѣста тѣ памятны остались
Гдѣ мы втораго октября
Со славой, честью храбро дрались
За Вѣру, родину, Царя.
Начальство насъ неоцѣнило,
Но лишь въ одномъ винить могло,
Что не боялись мы могилы,
Что половина насъ легло.
Хоть много нашего тутъ брата
Себѣ снискали вѣчный сонъ,
Но сохранили долгъ мы свято
Ура же третій эскадронъ.

Объ участи казаковъ не сказано ни слова, да оно и понятно, вспомнитъ-ли офицеръ драгунъ объ казакахъ, стоятъ-ли эти иррегулярныя части вниманія регулярной кавалеріи—хотя бы кровь не разъ проливалась рядомъ за одно дѣло, за одно отечество, преслѣдуя одну и туже цѣль. Пускай же потомство, слушая эту пѣсню думаетъ, что въ этомъ дѣлѣ участвовали лишь Нижегородскіе драгуны, а объ участіи Гребенцовъ не знаетъ; за спиной Гребенцовъ и безъ того трехвѣковая славная исторія, боевыхъ подвиговъ, геройскихъ дѣлъ.

8-го ноября, утромъ, потребовалъ меня къ себѣ съ полусотнею командиръ полка, временно назначенный комендантомъ г. Карса, подполковникъ Климентовъ. Въ воздухѣ стоялъ морозъ, сильный вѣтеръ сдулъ съ почвы снѣгъ, оставивъ лишь скользкую поверхность, однимъ словомъ, была гололедица. Моя подкованная азіатскими подковами лошадь, при поворотѣ не удержалась и упала. Хотѣлъ было я встать, но упалъ вторично, не будучи въ состояніи стать на ногу; боль нестерпимая. Слѣзшіе съ коней нѣсколько человѣкъ казаковъ, на плечахъ своихъ понесли меня и положили въ холодной турецкой казармѣ, служившей пріютомъ нашимъ офицерамъ. Явившійся докторъ освидѣтельствовавъ мою ногу нашелъ, что у меня вывихнута нога въ голенностопномъ суставѣ, съ перерывомъ и поврежденіемъ нѣкоторыхъ наружныхъ связокъ и раздробленіемъ кости, а потому посовѣтовалъ мнѣ немедленно поискать квартиру и подать рапортъ о болѣзни.

На новой квартирѣ осмотрѣлъ меня корпусный врачъ Малининъ, сдѣлалъ страшно мучительную операцію, вставленія ступни на свое мѣсто, наложилъ гипсовую повязку и объявилъ мнѣ, что я раньше четырехъ-пяти мѣсяцевъ не буду въ состояніи продолжать службу, а потому совѣтовалъ, полежавъ недѣли двѣ въ Карсѣ, уѣхать въ Александропольскій госпиталь.

На другой день утромъ пришелъ ко мнѣ нашъ адъютантъ и зая-

вилъ, что полкъ уходитъ въ Ольты. Передъ уходомъ полка пришли ко мнѣ попрощаться офицеры полка и казаки моей сотни. Съ грустью распрощался я съ боевыми товарищами, раздѣлявшими со мною горе и радости походной жизни.

Послѣ ухода полка остался я одинъ одинёшенекъ на квартирѣ у какого-то лизгина, приходившаго ко мнѣ регулярно каждый день, смотрящаго на меня очень сочувственно, но не говорящаго ни слова, за незнаніемъ русскаго языка. Впрочемъ, иногда по вечерамъ заходили ко мнѣ нѣкоторыя изъ служащихъ въ корпусномъ интенданствѣ, помѣщавшемся въ томъ же домѣ и иногда даже устроивалась мушка или рамсъ. Съ нетерпѣніемъ ждалъ я возможности вырваться изъ Карса и попасть въ госпиталь, гдѣ хоть общество больныхъ и нераненыхъ заставило бы хоть не много забыть мучительную боль, еще болѣе раздражающую при полномъ одиночествѣ. Но строгое предписаніе доктора Малинина, уѣхавшаго въ Засаганлугскій отрядъ, не покидать Карса ранѣе двухъ недѣль, заставило меня пролежать до 18-го числа, когда отправлявшійся въ Александрополь интендантскій фургонъ, готовъ былъ принять меня для доставки. Передъ отъѣздомъ опять бѣда, безъ костылей, при помощи одного человѣка, я положительно не могъ двигаться, а между тѣмъ мой казакъ, обѣгавъ весь Карсъ не могъ найти ни одной пары. Что было дѣлать? Я рѣшилъ совершить поступокъ не вполнѣ гуманный, но основанный на пословицѣ „своя рубашка — ближе къ тѣлу“, а именно приказалъ отнять у перваго встрѣчнаго на костыляхъ турка его костыли, что и было приведено въ исполненіе, хотя, къ несчастью, турокъ оказался меньше меня ростомъ. И такъ, запасясь костылями, попрощавшись съ посѣщавшими меня и развлекавшими мое одиночество, улегся я въ духоборскій фургонъ и покинулъ Карсъ.

Мученія, переносимыя ранеными во время переѣзда изъ Карса въ Александрополь, нельзя описать, не дай Богъ никому испытать ихъ! Хорошо еще, кому достанется рессорный экипажъ, а не духоборскій фургонъ, или другая какая телѣга. Каждый камень, попадающій подъ колеса, заставляетъ нерессорный экипажъ подскакивать, и тѣмъ самымъ причиняетъ возмутительную, нестерпимую боль, особенно при поврежденіи кости; всякій ухабъ вырываетъ стоны изъ груди раненаго и, кажется, будто пьяный духоборъ, обдавая васъ клубомъ махорочнаго ѣдкаго дыма, какъ-бы нарочно выбираетъ именно такую колею, гдѣ больше камней и рытвинъ. Везшій меня духоборъ, къ довершенію удовольствія, то и дѣло подталкивалъ мою загипсованную ногу, мѣняя способъ сидѣнья на козлахъ и поправляя наложенные подъ сидѣнье тулупы, какое-то подобіе попоны и какіе-то мѣшки. Какъ на зло, дорога изъ Карса усыпана каменьями!

Я выѣхалъ изъ Карса 18-го ноября, слѣдовательно, тринадцать дней

послѣ штурма, и несмотря на то по пути, по крайней мѣрѣ на 10 верстъ, валялись турецкіе трупы. Отвратительный видъ высохшихъ, почернѣвшихъ мертвецовъ! Возница увѣрялъ меня, что это еще убитые при бѣгствѣ турокъ съ Аладжи 3-го октября, оставшіеся между линіями аванпостовъ турецкихъ и нашихъ, и потому неубранные.

Вслѣдствіе холодовъ, процессъ гніенія не замѣтенъ; трупнаго запаха даже отъ большихъ группъ не слышно. Возлѣ одного убитаго, лежавшаго на мѣстѣ, гдѣ, повидимому, стояла палатка, расположились восемь собакъ: что онѣ дѣлали и зачѣмъ были тутъ—не знаю, но трупъ былъ цѣлъ.

Въ Курюкъ-Дара я прибылъ часовъ въ десять вечера, и, прежде, всего, послалъ отыскивать мѣстечко для отдыха. Холодъ давалъ себя знать, а боль въ ногѣ тѣмъ болѣе; идти въ госпитальныя палатки и ночевать въ одной изъ нихъ при восьмиградусномъ морозѣ не представлялось особенно заманчивымъ, и я послалъ моего казака, найти мнѣ во чтобы ни стало, теплый уголъ. Проблуждавъ съ часъ времени по объятому сномъ и темнотою аулу, казакъ нашелъ-таки для меня теплую комнату, въ каминѣ которой дымились куски кизяка, наполняя комнату дымомъ и вонью.

Преоригинальны комнаты армянскихъ домовъ. Темныя безъ оконъ, съ какимъ-то отверстіемъ въ крышѣ, освѣщающимъ днемъ непроницаемый мракъ ихъ вырытыхъ въ землѣ жилищъ, онѣ раздѣляются не сплошною стѣною, а лишь низенькою перегородкою на двѣ части: одна для скота, другая для людей. Человѣка посѣщающаго впервые армянскій домъ, при входѣ въ него поражаетъ удушливый запахъ.

Оказалось, что кромѣ меня, комнату занималъ капитанъ Имеретинскаго пѣхотнаго полка, столь неудачно дебютировавшаго кизильтапскимъ дѣломъ, и такъ отличавшагося въ послѣдующихъ и особенно при штурмѣ Карса. Воткнутый въ землю штыкъ со всаженною въ него стеариновою свѣчою, освѣщалъ грязную армянскую обстановку. Въ каминѣ кипѣлъ чайникъ; около камина, на корточкахъ сидѣлъ грязный, съ большими черными глазами и преглупою физіономіей армяненокъ, сынъ хозяина, то и дѣло раздувавшій тлѣвшіяся куски кизяка. Знакомство съ капитаномъ завязалось скоро. Я досталъ привезенныя мною закуски, настояли чай, и началась бесѣда, не очень, впрочемъ, продолжительная: усталость клонила ко сну, и я скоро прекратилъ разговоръ и уснулъ, просыпаясь по временамъ отъ сильной боли въ ногѣ, при малѣйшемъ невольномъ движеніи.

На другой день, въ три часа пополудни, я былъ уже въ Александрополѣ и подъѣзжалъ къ офицерскому отдѣленію военнаго гоститаля, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ „отдѣленія надъ аптекой“, прозваннаго такъ вслѣдствіе нахожденія аптеки въ нижнемъ этажѣ дома, заня-

таго госпиталемъ. Госпитальная прислуга помогла мнѣ войти по лѣстницѣ въ верхній этажъ, и вскорѣ я уже лежалъ на покрытой чистымъ бѣльемъ, но очень твердой постели. Явилась сестра Суриновичъ, какъ впослѣдствіи оказалось, ангелъ-хранитель раненыхъ, преданная всею душою дѣлу, за которое она взялась, незнающая устали, вполнѣ почтенная женщина.

— Принести вамъ чистое казенное бѣлье, или въ своемъ останетесь? обратилась она ко мнѣ и, вслѣдъ затѣмъ, съ удивительною предупредительностью позаботилась обо всякой мелочи, успокоившись лишь тогда, когда замѣтила, что я рѣшительно ни въ чемъ не нуждаюсь.

Въ комнатѣ, въ которую меня положили—большой залѣ въ четыре окна, высокой и широкой, съ балконными дверями по срединѣ, помѣщались только 15 кроватей; слѣдовательно, воздуха было болѣе, чѣмъ достаточно. Сѣрыя, довольно легкія шерстяныя одѣяла покрывали постели, возлѣ которыхъ стояли у изголовья, деревянные столики съ шкафчикомъ внизу. Замѣтно было, что въ госпиталѣ чей-нибудь глазъ внимательно слѣдитъ за чистотою и, притомъ слѣдитъ съ успѣхомъ. Скоро годъ, какъ существуетъ это отдѣленіе, а между тѣмъ, чистота повсюду примѣрная: все блеститъ, все какъ будто ново и производитъ пріятное впечатлѣніе.

Въ палатѣ шелъ оживленный разговоръ, на время какъ будто, прерванный моимъ приходомъ. Всѣ взоры устремились въ мою сторону—каждаго интересовало, куда я раненъ, какого я полка, какъ моя фамилія.

Время было обѣденное. Мнѣ подали борщъ и котлеты въ металлической міскѣ. Оба блюда были, нельзя сказать чтобъ очень вкусныя, но, во всякомъ случаѣ, въ военное время гдѣ-нибудь на бивуакѣ, они былибы приняты съ удовольствіемъ. Стаканъ кислаго, яко-бы кахетинскаго вина и громадный кусокъ чернаго хлѣба дополняли меню обѣда.

— Чортъ знаетъ, что за вино намъ подаютъ! пить хочется, и пить нельзя,—кислятина какая-то! жаловался раненый въ мягкую часть ноги пулею на вылетъ поручикъ Эмануэль, во главѣ своей роты 4-го стрѣлковаго батальона, при штурмѣ Карса, ворвавшійся въ одно изъ укрѣпленій, если не ошибаюсь въ Чимъ, и оттуда вынесенный своими солдатами раненый.

— А порціи? нечего сказать, близорукій и незамѣтитъ, есть-ли что на тарелкѣ, поддерживалъ его товарищъ по батальону, поручикъ Развадовскій, раненый пулею въ поясницу при томъ-же штурмѣ.

— Теперь улучшатъ пищу; генералъ Зедергольмъ и графъ Толстой объявили, что „Красный Крестъ“ прибавляетъ 300 руб. въ мѣсяцъ на улучшеніе пищи въ нашемъ отдѣленіи, успокоивалъ недовольныхъ врачъ Туркевичъ, лежащій въ госпиталѣ по случаю зараженія крови попавшимъ въ царапину гноемъ при совершеніи операціи.

Врачъ сильно страдалъ; ему дѣлали восемь разъ прорѣзы нарывовъ, образовавшихся на рукѣ, прижигали ихъ, и ко времени моего прибытія онъ уже сравнительно чувствовалъ себя хорошо.

— Да, но мы-то ужь этого не дождемся. Начнется переписка, поднимутся разсужденія и пройдутъ еще мѣсяцы, пока что нибудь утвердится и будетъ дѣйствительно выдано, сказалъ кто-то, и на этомъ прекратились сѣтованія.

Какъ я убѣдился впослѣдствіи, нареканія были вполнѣ основательны: порціи мяса доведены были до минимума величины и вино до максимума кислоты.

Знакомство съ моими сожителями по комнатѣ завелось очень быстро, такъ скоро, какъ только бываетъ между военными. Мало-по-малу, я узналъ, куда кто раненъ, какого полка, въ какомъ дѣлѣ и, наконецъ, фамиліи раненыхъ. Несмотря на сильныя страданія нѣкоторыхъ, общее настроеніе было веселое, безъ малѣйшихъ признаковъ унынія. Даже лежавшій все время маіоръ Пржеславскій, Несвижскаго пѣхотнаго полка 1-й гренадерской, болѣе извѣстной подъ именемъ московской, дивизіи, съ перебитою ключицею, пулею на вылетъ, очевидно страдавшій, лежалъ безмолвно, безъ стона. Ясно было, что нѣкоторые, сильные духомъ и твердые характеромъ, подавляя свои страданія, дѣлали то, что и нервнымъ, слабымъ натурамъ было совѣстно стонами или жалобами выражать свои мученія.

Правда, наиболѣе тяжело раненые лежали не въ этой большой комнатѣ, а въ сосѣднихъ, маленькихъ. Въ комнатѣ на лѣво—лежалъ артиллеристъ князь Эристовъ, со страшно обожженнымъ лицомъ, вслѣдствіе пороховаго взрыва. Причиняемыя обжогами страданія, заставляли его изрѣдка стонать, особенно ночью; въ комнатѣ направо, лежали: капитанъ Сучковъ съ ампутированною выше колѣна ногою и поручикъ Сухачевъ, съ раздробленною выше локтя рукою, тотъ самый Сухачевъ, что среди бѣлаго дня, съ незначительною кучкою охотниковъ, еще во время весенней осады Карса, бросился на безпокоившую насъ фланговымъ огнемъ турецкую полевую батарею и, заклепавъ всѣ орудія, перебивъ много прислуги, вернулся живъ и здоровъ, съ честью заслуживъ носимый имъ георгіевскій крестъ; штурмъ Карса не обошелся ему столь дешево, но онъ не упалъ духомъ, и если доносились до насъ какіе-нибудь звуки изъ ихъ комнаты, то это были пѣсни, какъ ни въ чемъ ни бывало распѣваемыя двумя тяжелораненными. Такъ, напримѣръ, прапорщикъ Тифлисскаго гренадерскаго полка Антоновъ, съ раздробленною ступнею лѣвой ноги, ему была сдѣлана очень удачная резекція докторомъ Гейфельдеромъ. Молодой, только что „произведенный“ изъ московскаго юнкерскаго училища, безъ малѣйшаго признака усовъ, онъ былъ раненъ въ первомъ же дѣлѣ, въ которомъ ему пришлось участвовать—20-го сен-

тября, когда гренадеры такъ геройски брали упорно обороняемые турками высоты Большія Ягны. Ловейко, прапорщикъ Мингрельскаго гренадерскаго полка, съ раздробленною рукою въ томъ же дѣлѣ. Но и эти, почти дѣти, выносили безропотно свои страданія, и Ловейко, своимъ прелестнымъ теноромъ и умѣньемъ вторить, поддерживалъ съ успѣхомъ составившійся и распѣвавшій, очень стройно и музыкально, хоръ.

Вечеромъ явилась молодая красивая женщина въ костюмѣ сестры милосердія. По почету оказываемому ей всѣми служащими, ясно было, что она занимаетъ какой-нибудь важный постъ въ санитарной іерархіи. Это была княгиня Хилкова, главная начальница надъ сестрами милосердія въ александропольскихъ госпиталяхъ. Она подходила ко всѣмъ раненымъ и сердечно распрашивала каждаго о состояніи здоровья. Добротой своей и ласковымъ обращеніемъ, она вселяла къ себѣ общую любовь и уваженіе.

Врачебный персоналъ госпиталя былъ не великъ. Старшимъ врачемъ былъ внукъ медицинской знаменитости, Пеликанъ, всегда веселый, остроумный, приходившій каждое утро осматривать и перевязывать раненыхъ. Хирургъ Гельфейдеръ, участвовавшій въ франко-прусской войнѣ, опытный хирургъ, увѣшанный иностранными орденами, присланными ему за его сочиненіе „Шалонскій и Красносельскій лагери въ гигіеническомъ отношеніи“. Врачъ Гиршфельдъ, молодой, очень любезный ординаторъ, всегда что-нибудь забывавшій у больнаго, съ которымъ онъ поговоритъ хоть пять минутъ, вслѣдствіе чего его можно было очень часто застать ищущимъ что-нибудь—то инструменты, то фуражку, то взятое у кого-нибудь изъ больныхъ перо, что не мѣшало ему быть очень внимательнымъ къ пацiентамъ.

О госпитальной прислугѣ, къ сожалѣнію, нельзя сказать добраго слова. За исключеніемъ старшаго фельдшера, очень дѣльнаго и хорошаго, остальные какъ будто были выбраны на подборъ изъ дурней. Ихъ тупость, неумѣнье обращаться съ ранеными, раздражали и возмущали каждаго изъ насъ. Возьмется ли одинъ изъ нихъ повернуть раненаго—непремѣнно схватитъ за самое больное мѣсто, возьмется ли исполнить какое-нибудь порученіе—навѣрно навретъ, пошлется ли за покупками—принесетъ или не то, что нужно, или такую гадость, что хоть выбросить за окно. Къ счастью, почти каждый раненный имѣлъ при себѣ деньщика, эти вѣрные слуги ясно доказывали, что при желаніи и любви къ тому, кому служишь, легко и „всякую науку произойти“. Посмотрѣли бы какъ деньщикъ Антонова, полякъ Ломжинской губерніи, промывалъ пригаторомъ рану своему барину и какъ осторожно и акуратно перевязывалъ ее!

Первую ночь я провелъ очень дурно, благодаря мучительной боли въ ногѣ. Утромъ, вскорѣ послѣ чая, мнѣ пришлось подвергнуться осмотру

врачей и наслушаться стоновъ личностей, терпѣнію которыхъ я наканунѣ удивлялся. Перевязка—дѣло черезчуръ мучительное; всякое дотрогиваніе до раны или шевеленіе ломаннаго члена, вырывали крики даже у самыхъ крѣпконервныхъ. Составивъ исторію моей болѣзни, помучивъ меня достаточно своими ковыряньями, врачи осмотрѣли остальныхъ и ушли въ другое отдѣленіе. Вообще уходъ за ранеными, со стороны врачей, былъ самый тщательный, что, надѣюсь, подтвердятъ всѣ бывшіе въ этомъ отдѣленіи, а ухаживанье сестеръ милосердія—чисто материнское.

Второй день прошелъ для меня очень скоро и весь былъ посвященъ ознакомленію съ ранеными. Вечеромъ явились къ намъ новые и притомъ тяжелораненые: Севастопольскаго полка капитанъ Горшковъ, Владикавказскаго полка поручикъ Васильевъ, съ раздробленною рукою ниже локтя, Кубанскаго полка капитанъ Соловьевъ, съ раздробленною рукою у плеча, и, поручикъ того же полка, Рахманиновъ, съ легкою пулевою раною въ мягкую часть руки. На раны Горшкова, Васильева и Соловьева, страшно было даже смотрѣть. Горшковъ, напримѣръ, былъ раненъ двумя пулями, изъ которыхъ, первая, попала сбоку въ спину, прошла между ребрами, вырвавъ приличный кусокъ тѣла, и вышла у спиннаго хребта; вторая же пуля раздробила ему, на вылетъ, лѣвую руку, ниже локтя. Страшно страдая, онъ не терялъ своего веселаго настроенія и его прибытіе еще увеличило веселье нашей палаты; остроты, шуточки, не сходили у него съ языка, въ разсказываніи анекдотовъ онъ былъ коноводомъ; большинство анекдотовъ было нецензурнаго свойства, стоило только начать, а за первымъ шелъ второй анекдотъ и долго не прекращался смѣхъ, ими вызванный. Вечеромъ вновь прибывшихъ перевязывали и мы всѣ слѣдили съ любопытствомъ за трудною перевязкою раздробленнаго члена и восторгались осторожностью, съ которою сестра милосердія Суриновичъ обмывала раны, въ которыхъ, вслѣдствіе дороги, образовалось большое накопленіе матеріи и воспалительное состояніе было очень сильно, а изъ спинной раны Горшкова, спринцованіемъ пригатора вымыли цѣлые куски пальто, сюртука и сорочки, внесенные пулею въ рану.

Съ прибытіемъ новыхъ раненыхъ, наши вокальныя занятія увеличились. Обыкновенно начиналось съ того, что Васильевъ, ни съ того, ни съ сего, затягивалъ „Спрятался мѣсяцъ за тучи“, кто нибудь подхватывалъ, потомъ другой, и вскорѣ составлялся хоръ, съ одной пѣсни переходившій на другую и исполнявшій все очень стройно. Фальшивящихъ не было, такъ что Антонова, не обладающаго музыкальными способностями, послѣ перваго же опыта, попросили не участвовать въ качествѣ исполнителя, а занимать мѣсто публики, на что онъ охотно согласился. Репертуаръ былъ не особенно великъ, самыя любимыя пѣсни были: „Въ бурю во грозу“, „Аллага-Аллагу“, „Мы дружно на враговъ“, „Среди долины ровныя“, „Накинувъ плащъ“ и др. Кромѣ того, насъ

потѣшалъ и развлекалъ своими фокусами командиръ Тіонетско-Тушинской сотни старикъ Натіевъ. Что за оригинальная личность старикъ Натіевъ. Подвигами своими онъ извѣстенъ всему Кавказу; особенно хорошо его знаютъ лезгины и другіе горцы. Когда была объявлена нынѣшняя война, онъ, не смотря на свои 60 лѣтъ, не высидѣлъ дома, организовалъ сотню изъ храбраго христіанскаго племени тушинъ и подвигами своими вновь заставилъ говорить о себѣ. Плотная, здоровая фигура, высокаго росту, усы подбриты по-запорожски — настоящій типъ Тараса Бульбы, только, вмѣсто чуба, лысина и остатки коротко подстриженныхъ сѣдыхъ волосъ. Такова наружность этого героя, получившаго въ нынѣшнюю войну двѣ пулевыя раны: одну въ голову, а другую въ ногу. Рана въ лобъ, служила ему постоянною темою для смѣха.

— Много фокусовъ показывалъ я въ моей жизни, но самый удачный показанъ мною въ эту войну. Пуля попала мнѣ въ лобъ, я не захотѣлъ чтобъ она меня убила, и она, расплющившись о черепъ, упала къ моимъ ногамъ, разсказывалъ онъ.

— Въ жизни моей не знаю двухъ вещей: головной и зубной боли.

И дѣйствительно, бѣлые, ровные зубы, служили лучшимъ доказательствомъ справедливости его словъ.

Нерѣдко собирались мы около Натіева, чтобъ послушать его разсказы изъ многолѣтней боевой жизни,— разсказы, въ большинствѣ случаевъ, очень интересные. Онъ былъ очень высокаго мнѣнія о своихъ фокусахъ и увѣрялъ, что они не разъ успокоивали возмущавшихся лезгинъ.

— Я разъ успокоилъ цѣлый округъ, да, сверхъ того, заработалъ себѣ прозвище шайтана за то только, что съумѣлъ вычитать въ календарѣ, что въ такой-то день, въ такомъ-то часу будетъ лунное затмѣніе. Вотъ какъ было дѣло: въ концѣ января, въ пятидесятыхъ годахъ, когда я былъ окружнымъ начальникомъ, взбунтовались сосѣдніе аулы бывшихъ до сихъ поръ мирныхъ лезгинъ. Я призвалъ къ себѣ выборныхъ, долго увѣщевалъ ихъ, но не могъ ничего подѣлать,— упрямые горцы стояли на своемъ, обвиняя все и вся. Тогда я пустился на хитрость. Послушайте, обратился я къ нимъ: подождите до 2-го февраля, сидите смирно и въ 11 часовъ ночи собирайтесь сюда. Если Аллахъ найдетъ, что требованія ваши законны, что вы справедливы и что возстаніе ваше одобряется имъ, то ночь будетъ свѣтлая и луна чистая; если же онъ гнѣвается на васъ и не одобряетъ вашего бунта, то на вашихъ глазахъ произойдетъ лунное затмѣніе. Суевѣрные лезгины согласились и въ ночь со 2-го на 3-е февраля тѣ же выборные, еще съ вечера пріѣхавшіе въ нашъ аулъ, собрались у крыльца моего дома. Ошибись календарь днемъ или даже часомъ въ предсказаніи затмѣнія, возстаніе было бы неминуемымъ въ цѣломъ округѣ; но, благодареніе Богу, ровно въ 11 часовъ ночи началось затмѣніе. Надо было видѣть испугъ горцевъ, никакъ не

ожидавшихъ затмѣнія и видѣвшихъ въ немъ ясно выраженную Аллахомъ волю полнаго спокойствія. Прося прощенія, ушли отъ меня лезгины и исполнили свое обѣщаніе, не производя ни малѣйшихъ безпорядковъ. Скоро вѣсть о чудѣ разнеслась по цѣлому Кавказу и меня прозвали шайтаномъ. Такимъ образомъ я усмирилъ округъ, не проливъ ни одной капли крови, ни рискнувъ ни одною жизнью. Горцы — дѣти; съ ними и поступать надо иногда какъ съ дѣтьми.

Однако, эти дѣти провели его въ нынѣшнюю войну и надули его такъ, что онъ самъ до сихъ поръ не можетъ себѣ простить.

Посылаетъ меня генералъ Шереметьевъ, въ началѣ іюня, когда мы еще въ первый разъ стояли подъ Карсомъ, въ Мацрѣ, посылаетъ съ моею сотнею на рекогносцировку къ Гахмауру. Подъѣхавъ къ селенію, я оставилъ свою сотню въ оврагѣ, а самъ съ десятью тушинами подъѣхалъ къ аулу. Около самыхъ телеграфныхъ столбовъ натыкаюсь носомъ къ носу съ десятью чеченцами, сперва замѣтно смѣшавшимися, но потомъ вступившими смѣло съ нами въ разговоръ. Какъ тутъ узнать— наши это, или турецкіе? спросилъ ихъ; говорятъ наши.— Зачѣмъ-же вы тутъ?—Послали насъ развѣдать, гдѣ турецкіе аванпосты, отвѣчалъ мнѣ горецъ съ сѣдою бородою.— Кто-же васъ послалъ?— Гази-Бекъ.—Никогда не слыхалъ я этого имени въ нашей арміи, но подумалъ, что между чеченцами есть свои офицеры и, можетъ быть, одинъ изъ нихъ носитъ такую фамилію. Самоувѣренный тонъ стараго чеченца окончательно успокоилъ меня. По всей вѣроятности для того, чтобъ еще болѣе успокоить насъ, они предложили присоединиться къ намъ и сдѣлать развѣдку вмѣстѣ съ нами. Возвращаясь къ своей сотнѣ, я уже не сомнѣвался, что мои спутники служатъ одному со мною Царю. Когда уже оставалось недалеко до оврага, гдѣ отдыхали мои люди, старый чеченецъ подъѣхалъ ко мнѣ и заявилъ, что и его часть стоитъ близко отсюда, и потому началъ прощаться со мною.—Никакъ ты сомнѣваешься, что мы ваши? слушай: ты старъ и я старъ, обманывать намъ другъ друга нечего и стыдно; вѣрь мнѣ, а впрочемъ, если не вѣришь, то поѣдемъ вмѣстѣ; отсюда до нашего полка не болѣе получаса ходьбы, кстати ты скажешъ Гази-Беку, что мы развѣдку сдѣлали, а то намъ пожалуй, онъ и не повѣритъ, а не то самъ не поѣзжай, дай намъ съ собою двухъ или нѣсколькихъ человѣкъ: мы имъ покажемъ гдѣ остальные наши.— Видно старъ я сталъ! Прежде никогда не поддался-бы на эту уловку, теперь-же согласился и отпустилъ съ ними двухъ молодцевъ. Что-же вы думаете? Черезъ полчаса вернулись ѣздившіе съ ними и сообщили мнѣ, что дѣйствительно недалеко отъ насъ находилось человѣкъ сто чеченцовъ, только не нашихъ, а турецкихъ, что пока мы были на виду, нами встрѣченные ѣхали шагомъ, но едва мы скрылись, то всѣ немедленно хлеща нагайками, бросились вскачь, къ счастью для моихъ героевъ,

*

не тронувъ ихъ пальцемъ, по всей вѣроятности довольные, что сами спаслись, да притомъ, еще надувъ меня, стараго воробья! Пріѣхавъ, покаялся я Шереметьеву; посмѣялся онъ надо мною, а я поклялся отомстить обманщикамъ, да неудалось, вскорѣ пуля свалила меня съ коня въ рекогносцировкѣ.

Рана его была не изъ опасныхъ, но онъ выписавшись изъ госпиталя немедленно по ея заживленіи и начавъ опять утомительную боевую жизнь, сдѣлалъ то, что она вновь открылась, и теперь онъ находится въ госпиталѣ по этому случаю.

— Да, сказалъ одинъ изъ слушателей, — это сходство въ обмундированіи нашихъ иррегулярныхъ частей и турецкихъ влечетъ за собою иногда очень печальныя послѣдствія. Сколько разъ доставалось нашимъ казакамъ отъ своихъ же солдатиковъ, принимавшихъ ихъ за черкесовъ, а ужъ о дагестанцахъ, чеченцахъ и другихъ горцахъ и говорить нечего. Иногда эти недоразумѣнія разрѣшались очень комично. Такъ, въ началѣ войны, урядникомъ горскихъ частей, посылаемыхъ съ командами куда бы ни было, давалась бумага съ обозначеніемъ фамиліи урядника, съ подписью посылавшаго начальника и съ приложенною печатью. Кажется, это распоряженіе и до сихъ поръ не отмѣнено. Урядникъ одного изъ дагестанскихъ полковъ, съ нѣсколькими всадниками, зашедши далеко впередъ нашей аванпостной цѣпи, натыкается на одинаковую, по числу, другую группу горцевъ. Принявъ встрѣченныхъ за турокъ, урядникъ рѣшился хитростью взять ихъ въ плѣнъ.

— Не знаешь ли, гдѣ тутъ можно сѣна найти? обратился онъ къ старшему другой группы. — Ищемъ тутъ вблизи нашего расположенія, да ничего не находимъ, а знаемъ, что въ сторонѣ русскихъ аванпостовъ есть много сѣна; вотъ бы намъ вмѣстѣ поѣхать да набрать, а то у меня черезчуръ мало съ собой людей.

— Отлично, поѣдемъ вмѣстѣ, отозвался горецъ.

Урядникъ нашъ заранѣе торжествовалъ, видя, какъ ему легко удается надуть врага, и потихоньку подвигался къ нашимъ аванпостамъ, завлекая разговорами своего родича. Подъѣхавъ къ самымъ аванпостамъ, онъ, предугадывая эффектъ, который должны произвести его слова, предложилъ всадникамъ положить оружіе и сдаться въ плѣнъ.

— Я васъ надулъ, говоря, что служу туркамъ: вотъ и русская бумага, и русская печать, — сдавайтесь, а не то ни одинъ изъ васъ не уйдетъ живымъ. Знайте, какъ васъ обманулъ урядникъ Дагестанскаго полка.

— Тьфу, будь ты проклятъ! отозвался взятый въ плѣнъ, наклоняясь и доставая изъ черкески бумагу.—Я думалъ, что я тебя надулъ, а оказалось, что мы сами себя одурачили!

Приходъ врача Пеликана прервалъ разсказы и вызвалъ крикъ со

стороны Горшкова, не смотря на громадный ростъ и здоровую фигуру, оказавшагося болѣе другихъ нервнымъ.

— Ради Бога, докторъ, не всаживайте сегодня вашего симпатичнаго лезгинца въ мою рану, не ковыряйте имъ въ ней; послѣ вчерашняго боюсь я васъ; а начнете снова мучить, — кричать стану благимъ матомъ. Голубчикъ, докторъ, не мучьте меня! слезно умаливалъ онъ проходившаго мимо врача, въ послѣдній свой обходъ госпиталя ощупывавшаго своимъ пальцемъ раны вновь прибывшихъ для освидѣтельствованія и вынимания осколковъ костей.

— Вчера я вставлялъ одинъ мизинецъ, а сегодня три пальца; а кричать будете, такъ всю руку впущу, подтрунивалъ Пеликанъ.

— Вы не повѣрите, какъ я васъ боюсь теперь. Вотъ вы только въ дверяхъ показались, а у меня уже морозъ по кожѣ пробѣгаетъ. Какъ подумаю, что, можетъ быть, опять вы сперва полѣзете съ пальцемъ, а потомъ щипчиками ухватитесь за кость, кракъ, и вынимаете осколокъ, такъ лучше смерть,—право, лучше!

— Полноте, не бойтесь, ломать тамъ нечего; всѣ осколки вынуты, неровности сравнены и мое приближеніе къ вамъ не должно на васъ производить непріятнаго впечатлѣнія; я васъ мучить не намѣренъ.

Лицо Горшкова просіяло. Онъ спокойно сталъ дожидаться перевязки, хотя тоже чувствительной, но не столь мучительной, какъ осмотръ.

А между тѣмъ, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ тотъ же врачъ, предварительно осмотрѣвъ рану помоченнымъ въ маслѣ мизинцемъ, щипчиками вынулъ изъ нея два куска пули и шесть осколковъ кости, изъ которыхъ четыре пришлось ему отламывать. И все это не вызвало ни одного слова, ни одного стона! Даже лицо, истомленное безсонными ночами, лихорадочнымъ состояніемъ, мучительною болью, оставалось невозмутимо спокойнымъ, — до того была желѣзна натура капитана Кубанскаго полка Соловьева. Онъ раненъ при геройской защитѣ товарища: увидѣвъ, что турецкій штыкъ готовъ вонзиться въ грудь поручика Рахманинова, онъ выстрѣломъ изъ револьвера убилъ низама, грозившаго жизни этого офицера, сабельными ударами покончилъ еще двоихъ, но, въ свою очередь, упалъ отъ пули, раздробившей ему руку у самаго плеча. Врачъ Пеликанъ, видавшій не одинъ десятокъ раненыхъ, самъ заявилъ, что подобное терпѣніе ему удается видѣть впервые; я не повѣрилъ бы возможности подобной выносливости, если-бъ не былъ самъ свидѣтелемъ.

Не помню, въ который день моего пребыванія въ госпиталѣ, вечеромъ, явился какой-то высокій, съ просѣдью, скромно одѣтый пожилой господинъ. Сопутствовавшіе шли за нимъ гурьбою на почтительномъ разстояніи. Это былъ товарищъ главнаго контролера, тайный совѣтникъ Островскій, пріѣхавшій, если не ошибаюсь, контролировать госпитали

нашей арміи. Подходя къ каждому раненому, онъ поочередно разспрашивалъ: всѣмъ ли довольны, не имѣютъ ли какихъ-нибудь претензій, просилъ не скрывать, а помочь раскрыть недостатки и неудобства. Вновь были выражены жалобы на вино и пищу. Сверхъ того, обратили вниманіе на неудобство, уже теперь дававшее себя чувствовать, но, въ случаѣ наступленія холодовъ, грозившее очень печальными послѣдствіями. Это неудобство заключалось въ отсутствіи ретирадныхъ мѣстъ. Собственно говоря, они были, но, чтобъ добраться до нихъ, надо было пройти длинную галлерею, да притомъ еще совершенно открытую, что въ морозы несомнѣнно влекло бы простудныя болѣзни, а для раненыхъ въ нижнія конечности было крайне затруднительно. Слѣдовало, во что бы то ни стало, устроить ихъ рядомъ съ палатками.

Проходя мимо поручика Эмануэля, Островскій замѣтилъ лежавшіе на его кровати костыли, изъ которыхъ одинъ былъ деревянный, крашенный черною краскою, а другой просто бѣлый, не крашенный, кривой, притомъ, одинъ короче другаго по крайней мѣрѣ на два вершка.

— Неужели вы ходите на этихъ костыляхъ? обратился онъ къ сидѣвшему на кровати Эмануэлю.

— Ходимъ, такъ какъ лучшихъ не имѣется.

— Отчего же „Красный Крестъ“ не позаботиться?

— Этого не знаемъ, а только счастье, что послѣдніе раненые все ранены въ руки, а не то пришлось бы безъ костылей имъ побыть, какъ, впрочемъ, досталось мнѣ, заявилъ прапорщикъ Сорнинъ.

— Въ цѣломъ Александрополѣ нѣтъ ни одной пары свободныхъ костылей. Впрочемъ, они заказаны и вскорѣ будутъ готовы, пояснилъ одинъ изъ сопровождавшихъ товарища контролера.

— На нихъ никогда не напасешься костылей, потому что выходя изъ госпиталя, раненые считаютъ ихъ своею собственностію и берутъ съ собою, обиженнымъ тономъ добавлялъ другой,—очевидно, не соображая, что многіе изъ выходящихъ изъ госпиталей для домашняго леченія или транспортирующіеся въ болѣе дальніе госпитали, не будучи въ состояніи ступать на ногу, не имѣли другаго исхода, какъ увезти госпитальные костыли. Оставшіеся костыли были разрозненные, безъ подушечекъ для опоры, ничѣмъ не подбитые снизу; они причиняли сильную боль подъ мышками, натирая до крови; а ходить при сырости не было ни малѣйшей возможности, такъ какъ костыли скользили до невѣроятія. Бывало, утромъ, когда вымоютъ полъ, никто и не рискуетъ сдѣлать хоть нѣсколько шаговъ по мокрымъ доскамъ. Дождались-ли раненые костылей или и послѣдніе увезены, не знаю, такъ какъ коммисія изъ врачей нашла, что для моего исцѣленія требуется продолжительное леченіе, а потому предложили мнѣ уѣхать на родину, чѣмъ я и незамедлилъ воспользоваться.

Первымъ шагомъ къ моей отправкѣ была выдача мнѣ подписаннаго тремя врачами свидѣтельства, въ которомъ значилось, что коммиссія, съ разрѣшенія Великаго Князя Главнокомандующаго кавказскою арміей, признаетъ полезнымъ отпустить меня лечиться на родину, для чего и переводитъ въ петербургскій военный госпиталь, съ правомъ пользованія на частной квартирѣ. Получивъ эту бумагу, я съ нею отправился въ крѣпость, въ канцелярію военнаго госпиталя, гдѣ, проморивъ довольно долго, написавъ цѣлую массу свидѣтельствъ, отношеній и другихъ бумагъ, послали меня въ канцелярію комендантскаго управленія за полученіемъ свидѣтельства на подорожную; изъ этой канцеляріи вернули обратно въ канцелярію госпиталя съ заявленіемъ о неполученіи изъ нея какихъ-то бумагъ, необходимыхъ для выдачи подорожной. Опять пришлось ждать. Наконецъ, получивъ и эту бумагу, отправился я къ уѣздному начальнику за полученіемъ подорожной, въ казначейство за полученіемъ прогонныхъ денегъ до Тифлиса, гдѣ уже должны были выдать деньги на остальной путь. Нельзя сказать, чтобъ вся эта процедура была вполнѣ раціональна, особенно въ виду того, что большинство отправляющихся на родину—люди истомленные, разслабленные болѣзнью, а этотъ рядъ мытарствъ требуетъ страшнаго напряженія силъ. Между тѣмъ, все это могло бы быть устроено гораздо проще, даже не выходя изъ госпиталя, въ нѣсколько минутъ времени, и притомъ однимъ человѣкомъ.

Послѣдній вечеръ проводилъ я въ этомъ домѣ страданій и горя, но славное русское офицерство съумѣло и изъ этого печальнаго мѣста сдѣлать предметъ, покидаемый въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ грустью. Общія-ли мученія или другое что было причиною, но дружба завязывалась въ лазаретной палатѣ какъ-то очень скоро. Каждый выписывавшійся провожался остающимися чуть не со слезами, да и тяжело было покидать такую славную, дружную семью. По крайней мѣрѣ я испыталъ тяжелое чувство, грустно было покидать людей, съ которыми свыкся, а съ другой стороны, съ радостью стремился вырваться изъ дома боли и смерти, для отдыха въ кругу родныхъ отъ устали и лишеній военнаго времени. Выѣхалъ я въ экипажѣ съ прапорщикомъ Пятигорскаго пѣхотнаго полка Боголѣповымъ, раненымъ при штурмѣ Карса въ руку и ногу и торопившимся домой. По дорогѣ встрѣчали массы плѣнныхъ турокъ, подъ конвоемъ направлявшихся внутрь Россіи. Досадно было видѣть на ихъ плечахъ новые русскіе полушубки, а ноги обутые валенками, тогда какъ у своихъ казаковъ почти ни у кого не было полушубковъ, а у многихъ ровно ничего теплаго. Между прочимъ, сидя на крыльцѣ Анакурской почтовой станціи, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ слѣдующей комичной сцены. Отдыхала одна изъ партій плѣнныхъ; когда пришло время продолжать путь, одинъ изъ турокъ, вступивъ съ

другимъ въ какой-то оживленный разговоръ, повидимому споръ, не двигался съ мѣста, несмотря на всѣ понуканья конвойнаго. Тутъ были и „честью просятъ“ и „сдѣлай милость“ и нецензурная брань, но ничто не помогало и турокъ положительно отказывался обращать на солдата вниманіе.

Наконецъ солдатъ не выдержалъ.

— Да что-жь ты проклятый, не понимаешь меня, что-ли, вѣдь кажется русскимъ языкомъ говорю тебѣ иди, ну и ступай.

Страннѣе всего то, что плѣнный послѣ послѣдняго аргумента дѣйствительно поплелся за партіей.

Съ радостью сѣлъ я въ Владикавказѣ въ вагонъ желѣзной дороги, благодаря Всевышняго, что разстался съ колеснымъ экипажемъ, толчки котораго мучительно отзывались въ моемъ организмѣ. Начальники станцій, кондуктора и вообще весь желѣзнодорожный персоналъ относились ко мнѣ замѣчательно любезно и съ большой предупредительностью Нужно замѣтить, что я ѣхалъ не въ санитарномъ, а въ обыкновенномъ поѣздѣ. Въ Петербургѣ я еще разъ убѣдился насколько были лишними всѣ перипетіи выдачи мнѣ свидѣтельствъ въ александропольскомъ госпиталѣ, такъ какъ оказалось, что съ меня потребовали только билетъ и записали въ комендантскомъ правленіи. Проходивъ съ костылями болѣе четырехъ мѣсяцевъ, я только въ іюнѣ поправился настолько, что рѣшилъ отправиться въ полкъ, совершившій въ это время блокаду Эрзерума, побывавшій въ этой столицѣ Арменіи, вынесшій страшные морозы, безкормицу и ужасный тифъ, вырвавшій изъ рядовъ его болѣе двухсотъ казаковъ, командира полка и войсковаго старшину графа Лопацинскаго.

Такимъ образомъ, прибавивъ къ числу умершихъ убитаго хорунжаго Ушинкина и умершаго раньше войсковаго старшину Золотарева, оказывается, что 2-й Кизляро-Гребенской полкъ, въ которомъ за всю войну перебывало всего лишь 14 человѣкъ офицеровъ, включая сюда и тѣхъ, что спущены за болѣзнью домой еще въ началѣ кампаніи, лишился покончившими жизнь трехъ штабъ и одного оберъ-офицера. Засталъ я полкъ, расположеннымъ на отдыхѣ въ Тифлиской губерніи въ урочище Джелалъ-Оглы. Грустно было смотрѣть на остатки полка, про кого изъ казаковъ ни спросишь, все одинъ отвѣтъ, умеръ отъ тифа. Оставшіяся съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія на родину и роспускъ какъ льготнаго полка по домамъ.

Наконецъ 20-го августа, пришелъ приказъ о выступленіи 30-го на линію. Послѣ благодарственнаго молебна на площади, двинулся полкъ обратно домой съ полнымъ сознаніемъ, что каждая единица, въ совокупности, составляющая полкъ, исполнила свой долгъ относительно Царя

и Отечества, съ честью и славой. Пройдя Тифлисъ среди полнаго безмолвія, безъ малѣйшихъ признаковъ торжественной встрѣчи, на которую мы немного надѣялись, 17-го сентября, въ день Вѣры, Надежды и Любви вступали мы въ главный городъ нашей области Владикавказъ. Недоходя двухъ верстъ до города, встрѣченъ былъ полкъ наказнымъ атаманомъ генералъ-адъютантомъ генералъ-лейтенантомъ Свистуновымъ, выѣхавшимъ на встрѣчу верхомъ, и обратившимся къ казакамъ съ рѣчью, которая могла вылиться только изъ устъ человѣка, дѣйствительно отъ глубины души благодарнаго, ввѣреннымъ его управленію молодцамъ Терцамъ. „Порадовали вы мое атаманское сердце“, сказалъ атаманъ въ концѣ рѣчи, снявъ папаху и кланяясь полку.

Городъ приготовилъ полку торжественную встрѣчу. Представители города съ городскимъ головой во главѣ, поднесли командиру полка полполковнику Валуеву, хлѣбъ и соль, и послѣ благодарственнаго молебна, на городской площади, предложили казакамъ обѣдъ, офицеры-же угощались въ отдѣльной палаткѣ. Въ Владикавказѣ казачество уже чувствовало себя дома, еще десять дней похода и Терекъ-Горынычъ предсталъ предъ нашими глазами не узкой бурлящей горной рѣченькой Дарьяльскаго ущелья, не быстрой, не мелкой, какимъ онъ является въ Владикавказѣ, а широкимъ, плавно текущимъ, раздѣляющимъ чеченскія аулы, отъ казачьихъ станицъ, составляющимъ „линію“. Снявъ шапки перекрестились воины, два года невидавшіе своихъ домовъ, родителей, женъ и дѣтей, когда увидали серебристую ленту Терека у Николаевскаго моста. За нѣсколько верстъ до Николаевки, выѣхали арбы съ семьями нѣкоторыхъ казаковъ, маленькіе ребятишки повлѣзали на коней своихъ отцевъ и загорѣлыя лица казаковъ прояснились, все дышало радостью. Еще немного пути и полкъ остановился на Николаевской площади, воздавъ въ послѣдній разъ благодарность Богу въ молебнѣ, передъ Николаевскою церковью. Въ то время, когда все ликовало, все веселилось, изрѣдка раздавались рыданья и стоны, то плакали матери, лишившіеся своихъ дѣтей, жены потерявшія мужей, дѣти оставшіеся безъ отца. Но чтожъ дѣлать, войны безъ жертвъ не мыслимы, а потому не будемъ замѣчать грустныхъ картинъ, а увлечемся общимъ весельемъ. Цѣлыя бочки чихиря (мѣстное названье вина), изливая красную влагу, приглашали желающихъ безплатно выпить въ волю, въ кругу родныхъ, одностаничниковъ и знакомыхъ, а потому цѣлую ночь шло „разливанное море“. На утро 25-го сентября атаманъ 1-го военнаго отдѣла генералъ-маіоръ Федюшкинъ, сдѣлалъ полку послѣдній смотръ и распустилъ его по станицамъ. Уже будучи на льготѣ обрадованъ былъ 2-й Кизляро-Гребенской Терскаго казачьяго войска конный полкъ, Высочайшимъ приказомъ, жаловавшимъ полку серебрянныя трубы за храбрость, съ надписью: „за

штурмъ Карса", и знакъ отличія на папаху, съ надписью: „за боевыя отличія въ войну 1877—1878 годовъ". Такимъ образомъ закончилъ полкъ свою боевую службу въ эту кампанію, вполнѣ готовый по первому призыву вновь идти на защиту своей родины.

Ржевускій.

Терской области, ст. Червленная.

ДѢЛО КУТАИССКАГО ПОЛКА 24-го ОКТЯБРЯ.

Второй батальонъ и три роты перваго берутъ укрѣпленіе Хафизъ-Паша-Табіе, третій отбиваетъ атаку турокъ на наши батареи.

(Посвящается В. Г. Р.)

„Кутаисцамъ Мое особое спасибо за молодецкое дѣло".

Слова Государя.

Импровизированное дѣло кутаисцевъ 24-го октября надѣлало въ свое время не мало шуму въ рядахъ Кавказской арміи, во-первыхъ потому, что оно вышло нежданно-негаданно, точно изъ земли выросло; а во-вторыхъ, взять 8-ю ротами, не имѣя никакой поддержки, сильное укрѣпленіе, защищаемое многочисленнымъ гарнизономъ, съ одной стороны и прогнать блистательно впятеро сильнѣйшаго непріятеля — съ другой, — дѣйствительно, верхъ изумленія и отваги. Будь подкрѣпленіе, Карсъ былъ бы взятъ тогда же: страшная паника, обуявшая всецѣло непріятеля, взятое уже довольно важное укрѣпленіе были серьезными гарантіями успѣха. Это не мое личное мнѣніе, подогрѣтое узкимъ, если такъ можно выразиться, полковымъ патріотизмомъ; нѣтъ, такъ думали высшія, компетентныя лица, но, увы! такъ не случилось... Тѣмъ не менѣе, и безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, Хафизское дѣло имѣло неоспоримо важное значеніе, показавъ, по незабвеннымъ словамъ Его Высочества Главнокомандующаго Кавказской арміи, „дорогу къ штурму Карса" и разоблачивъ всю нравственную слабость и дряблость его гарнизона; оно (дѣло) было необходимымъ прологомъ,

тѣсно связаннымъ съ разразившейся вслѣдъ за нимъ кровавой драмой... И не смотря, однако, на всю знаменательность и важность Хифизскаго дѣла, оно осталось какъ-то въ тѣни, не получивъ заслуженной дани популярности и не бывъ отмѣченнымъ въ нашей спеціально-военной литературѣ. Такъ, позвольте мнѣ, очевидцу-участнику, загладить, какъ говорится, существующій пробѣлъ и дать вѣрное описаніе памятнаго дѣла, позвольте мнѣ этому факту дать должное мѣсто въ ряду блестящихъ подвиговъ нашей славной Кавказской арміи и сдѣлать его, такимъ образомъ, нераздѣльной частицей великой боевой эпопеи. Я далекъ отъ пристрастія всякаго рода. Царское „спасибо“ вполнѣ оцѣниваетъ подвигъ... Однако, къ дѣлу! Начну ab ovo. Послѣ знаменитаго погрома арміи Мухтара-паши, войска наши обложили Карсъ. Первый и второй батальоны Кутаисскаго полка, вмѣстѣ съ батареей 40-й артиллерійской бригады и сотней казаковъ, составивъ колонну, подъ начальствомъ полковника Ѳадѣева, расположились лагеремъ на горѣ Визинкевъ, отстоящей въ 14-ти верстахъ противъ сѣверо-восточной стороны Карса. Третій батальонъ вошелъ сначала въ составъ мацринскаго отряда, а потомъ былъ присоединенъ къ магараджикскому, находившемуся подъ командой сухумскаго героя, генерала Алхазова. Начну съ визинкевской колонны, къ которой принадлежалъ и я. Лагерь нашъ тянулся по скату крутой, изрытой турецкими укрѣпленіями горы; на самой верхней точкѣ ея поставлены были два 9-ти-фунтовыя орудія. Съ горы открывалась прекрасная панорама Карской долины, окаймленной цѣпью сѣро-грязныхъ горъ, на одной изъ которыхъ бѣлѣлъ грозный Карсъ съ его высящимися минаретами и окутанными дымомъ фортами. У подошвы — разваленный аулъ; жители его разбѣжались, оставивъ голодныхъ собакъ. Несчастныя существа, движимыя страшнымъ чувствомъ голода, организовали полезное „санитарное общество“: онѣ съ жадностью уничтожали плохо или вовсе не зарытые трупы и такимъ, чисто инстинктивнымъ путемъ предотвратили неминуемое распространеніе міазмовъ...

Жизнь наша на Визинкевѣ была куда какъ не казиста и преисполнена разнохарактерныхъ лишеній. Главное бѣдствіе заключалось въ недостаткѣ мало-мальски сносной воды: два мутныхъ, едва-едва сочившихся, родника, плохо утомляли жажду, а для варки пищи нужно было возить воду изъ-за 15-ти верстъ, откуда въ дер. Визинкевъ былъ проведенъ турецкій водопроводъ, испорченный турками при бѣгствѣ ихъ 3-го октября. Единственный житель, оставшійся въ этой деревнѣ, старикъ-грекъ, указалъ намъ его, за что, понятно, былъ щедро вознагражденъ. Послѣ неимовѣрныхъ трудовъ и усилій, выпавшихъ, главнымъ образомъ, на долю прапорщика К., водопроводъ былъ возстановленъ, и тогда восторгу нашему не было конца. Не мало терпѣли мы лишеній чисто климатическихъ и атмосферическихъ: леденящій холодъ, обусловленный значитель-

ной высотой мѣстности, насквозь пронизывающій вѣтеръ, отсутствіе теплой обуви и одежды, изнурительные аванпосты, — всѣ эти физическія невзгоды заставляли насъ, какъ манны небесной, ждать паденія Карса,— этого центра тяготѣнія общихъ стремленій и ожиданій. Всѣ мы рвались выйти поскорѣй изъ несносно-обыденной колеи апатичной, мертвящескучной лагерной жизни... Развязки, какой бы то ни было развязки,— вотъ чего мы жаждали!...

Томительное ожиданіе! А время такъ невозмутимо медленно ползло себѣ черепахой, какъ будто бы конца желаннаго не предвидѣлось... Просто досадно!...

Что и говорить, — не красна, вообще, лагерная жизнь съ ея животно-растительными интересами, не разлучными, говоря языкомъ медицины, „отвлекающими средствами“ и другими нравственно пагубными аттрибутами, а военная—въ особенности...

Описываемое время было жгучимъ періодомъ второй осады Карса: нескончаемые транспорты съ орудіями и снарядами тянулись въ Магараджикъ; войска наши размѣщались вокругъ Карса, создавая кольцо, правда, тонкое, но за то прочное. По всему видно было, что генералъ лейтенантъ Лазаревъ, съ свойственной ему энергіей, рѣшился на этотъ разъ покончить съ Карсомъ. Но и турки не дремали: въ ночь съ 21-го на 22-е октября они выстроили впереди Хафиза полевую батарейку и начали наносить ощутительный вредъ нашимъ дальнобойнымъ батареямъ. Батарейка эта пробудила насъ изъ оковавшей спячки, поднявъ цѣлую вереницу животрепещущихъ надеждъ.

Каждый изъ насъ хорошо понималъ и сознавалъ, что рано или поздно придется кому нибудь познакомиться съ ней. Но кому именно и когда?... Лихорадочно ждемъ отвѣтовъ на эти вопросы. Утромъ 23-го октября по лагерю проносится желанная вѣсть о наступленіи... Маленькое недовѣріе, колебаніе: можетъ быть „утка?...“ Приносятъ приказъ по полку; читаю: „завтрашняго числа ротамъ быть готовымъ къ выступленію; людямъ безъ ранцевъ, оставивъ ихъ въ лагерѣ“, и т. д. А, значитъ, вѣрно; сомнѣніе разсѣевается... Всѣми овладѣваетъ смѣшанная радость съ подмывающимъ невѣдѣніемъ будущаго. Хитроумнымъ толкамъ и ожесточеннымъ диспутамъ нѣтъ конца. Нѣкоторые планируютъ о штурмѣ Карса, другіе съ запальчивостью отрицаютъ его, утверждая, что штурмъ, вообще, при современныхъ началахъ теоріи военнаго искусства—полнѣйшій абсурдъ.

— Ну, помилуйте, какой теперь мыслимъ штурмъ!—съ апломбомъ разсуждаетъ противникъ штурма, пропитанный насквозь афоризмами учебниковъ тактики, обращаясь къ его защитнику.—При царѣ Горохѣ, когда, вмѣсто ружей, были пищали да самопалы, понятно, тогда штурмъ практиковался, а въ настоящее время — торпеды, фугасы и все такое... Помилуйте, батинька, до штурма ли теперь!?...

— Что вы, что вы!—горячится поборникъ.—Да вы не знаете военной исторіи...

— Военная исторія, напротивъ того,— перебиваетъ противникъ,— указываетъ, что...

— Ну васъ со всѣми вашими исторіями! — вмѣшивается третій.— Вотъ увидимъ!

— Увидимъ, увидимъ! — пародируетъ противникъ штурма и заливается ироническимъ смѣхомъ.

Отдаются всевозможныя приказанія; тамъ слышится докладъ фельдфебеля о сухаряхъ, здѣсь — приказаніе ротнаго командира, чтобъ было тогда-то, столько-то и столько-то рядовъ.

Все суетится, кричитъ, бѣгаетъ; все озабоченно и взволновано... Шумъ и гамъ страшные стоятъ надъ разшевелившимся лагеремъ. Но вотъ пробита вечерняя заря... Мало по малу все стихаетъ и укладывается спать. Лишь изрѣдка слышится речитативъ неугомоннаго солдатика-разсказчика съ вѣчнымъ и неизмѣннымъ „въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ...“ Прогудитъ очередной выстрѣлъ нашей „бабушки“, зарокочетъ и замретъ въ воздухѣ; тамъ, внизу, зальются жалобнымъ лаемъ собаки,—смолкнутъ, и—снова тишина...

Тоскливое, осеннее утро... Густая мгла стелется по лагерю. Порывистый вѣтеръ разноситъ мокрые хлопья снѣга и лѣпитъ глаза... Лагерь давно сталъ на ноги. Солдатики, на-скоро закусивъ сухариками, выходятъ „къ разсчету“. Фельдфебеля, произведшіе разсчетъ, стоятъ глубоко погруженные въ свои велемудрыя комбинаціи. „Людей выводить!“ раздается голосъ дежурнаго по полку. „Выводить!“ вторятъ ему дневальные. Роты вышли и выстроились по-батальонно. Подъѣзжаетъ командующій полкомъ, полковникъ Θадѣевъ, и, послѣ обычнаго привѣтствія, произноситъ: „Ребята, покажемъ туркамъ кутаисцевъ!... Безъ приказанія не стрѣлять, а доберемся до врага, не жалѣй штыка!! Работай лихо!... Съ Богомъ!...“ Эти простыя, но глубоко прочувствованныя слова гальваническимъ токомъ проникаютъ въ глубь души каждаго слушателя, и всѣми овладѣваетъ тотъ неудержимый энтузіазмъ, который, въ соединеніи съ нравственнымъ убѣжденіемъ, составляетъ могучій рычагъ. Да, счастливъ начальникъ, владѣющій этимъ рычагомъ; онъ всегда, помимо уставнаго „рады стараться“, найдетъ чуткій отголосокъ своихъ мыслей...

Проходитъ патетическая минута. „Ружья вольно! Шагомъ маршъ!...“ командуетъ полковникъ; за нимъ повторяютъ батальонеры. Мы двинулись, но съ первымъ шагомъ всѣ сняли шапки и осѣнили себя крестомъ... Славная была минута! Какой-то сладкій восторгъ разливался по всему тѣлу: и вѣры прибавилось, и въ каждомъ изъ насъ проснулся Илья-Муромецъ... Идемъ молча; каждый думаетъ крѣпкую думу, далеко уходя въ свой внутренній міръ; развѣ кто перекинется словцомъ, прося

покурить, или раздается какая нибудь команда — и только. Безпризорныя, помятыя нивы, растилающіяся по сторонамъ, сумрачная погода какъ нельзя болѣе отвѣчаютъ угрюмому настроенію, рисуя воображенію не веселыя картины, а тутъ еще проклятый заяцъ дорогу перебѣжалъ...

Отойдя верстъ 8 отъ лагеря, располагаемся на позиціи. Туманъ понемногу рѣдѣетъ; выглянувшее изъ-за свинцовыхъ тучъ солнышко обдаетъ снопомъ животворныхъ лучей; все замѣтно оживляется. Солдатики, разлегшись на землѣ, грѣются и группируются около завзятыхъ разсказчиковъ...

— И что это, братецъ, за чудо? спрашиваетъ одинъ,—бьешь, бьешь ихъ проклятыхъ, а все не меньше; и отколь это они берутся?

— Отколь, знамо — изъ Ягипту приставляютъ... Народу-то у него еще хватитъ, да деньги-то больно мало; таперь, чуешь ты? все его оружіе—агличанское и все, понимаешь, въ долгъ взято, — поясняетъ авторитетно унтеръ-офицеръ съ двумя крестами на груди.

— Вонъ оно что... А я думалъ...

— То-то, ты самъ по меньше думай, а то и вовсе погоди: больше слушай, что говорятъ тѣ, которые доподлинно знаютъ,—обрѣзалъ любопытнаго тотъ-же герой.

Между солдатами, на минуту было призатихшими, начинаются толки и предположенія относительно настоящаго, потомъ переходятъ къ будущему, опять возвращаются назадъ, припоминая, какъ „его“ сбивали „съ шихану;“ затѣмъ незамѣтно выступаютъ на сцену воспоминанія о далекой и милой отчизнѣ. Забыта настоящая обстановка—ни мимолетнаго облачка, ни одной грустной нотки! Всѣмъ такъ вальготно, славно! Боже, сколько нравственно-укрѣпляющаго и обновляющаго въ этихъ воспоминаніяхъ! Только и жизнь, такъ бы и дышалъ только ими!...

Отъ нечего дѣлать мы (офицеры) вышли на бугорокъ—посмотрѣть, что дѣлается впереди: далеко, влѣво, не на шутку разгорѣлся бой; бѣлые дымки змѣились, составляя двѣ линіи — нашу и турецкую... Вотъ наша заколыхалась и попятилась... Сердце болѣзненно сжалось... Скорѣй-бы, скорѣй-бы на выручку!!. А можетъ быть наши отступаютъ въ видахъ какихъ нибудь высшихъ соображеній, стараешься утѣшить себя... Можетъ быть, можетъ быть! Дай-то Богъ! А все-таки на душѣ кошки скребутъ... Какъ мучительно долги эти минуты лихорадочнаго ожиданія!!...

И, слава Богу, и до насъ дошла очередь, восклицаютъ радостно голоса. Дѣйствительно, скомандовали „въ ружье“, и мы двинулись по направленію, параллельному фронту Карса. Пройдя версты три, увидѣли лѣвѣе и далеко сзади спускающіяся наши колонны и получили приказаніе остановиться—подождать, пока онѣ поравняются съ нами. Стали. Артиллерія, лихо выѣхавъ на позицію, открываетъ, по приказанію полковника Ѳадѣева, убійственно мѣткій огонь по дымящейся впереди ба-

тарейкѣ. Въ свою очередь мы входимъ въ сферу непріятельскаго огня и перестраиваемся изъ походной колонны „по-ротно въ двѣ линіи“, имѣя въ резервѣ 3 роты 1-го батальона... Гранаты ложатся все чаще и ближе; вотъ одна, прошипѣвъ зловѣще въ воздухѣ, шлепнулась между ногами унтеръ-офицера 2-го батальона... „Убитъ“ уныло проносится въ рядахъ... „Убрать его!“ приказываетъ ротный командиръ. Ничуть не бывало! Мнимая жертва отряхивается отъ засыпавшей его пыли и продолжаетъ курить „собачью ножку“. Вообще, гранаты приносили намъ мало вреда: онѣ, какъ въ тѣсто, внѣдрялись въ рыхлую землю и, если разрывались, то выбрасывали воронкообразный столбъ пыли. Но за то одна удачно разорвавшаяся граната „зашибала“ очень солидно. „Чего гнешься? небось, не тронетъ — кепка казенная!“ острилъ веселый солдатикъ, обращаясь къ „кланяющемуся“ гранатамъ, товарищу...

Какъ только главныя силы вошли съ нами на одну высоту, мы двинулись въ полоборота направо... Черезъ нѣсколько времени къ полковнику Ѳадѣеву подскакиваетъ ординарецъ генерала Лазарева и передаетъ ему приказаніе „обходить“. Но что „обходить“ и гдѣ обходить — покрыто мракомъ неизвѣстности... Смутно догадываемся, что рѣчь тутъ о полевой батарейкѣ... Цѣпь наша, быстро наступая, открыла огонь и потѣснила непріятельскую цѣпь. Командиръ полка приказываетъ первой линіи ротныхъ колоннъ развернуться въ густую цѣпь, а второй — разомкнуть ряды и прибавить шагу. По мѣрѣ отступленія турокъ къ Хафизу, мы отходимъ все болѣе и болѣе вправо и, наконецъ, благодаря волнистой мѣстности и довольно глубокой впадинѣ, скрываемся отъ его докучливыхъ взоровъ; за то Кара-Дагъ ни за что не хочетъ освободить насъ отъ своихъ жаркихъ объятій и только, быстро двигаясь и часто перемѣняя направленіе, мы не даемъ ему хорошенько пристрѣляться... Цѣпь беретъ ружье вольно... Смеркается... Густой дымъ стелется по полю; въ воздухѣ паритъ удушливой гарью... Огонь ружейный смолкъ, лишь однѣ несговорчивыя гранаты прорѣзываютъ отъ времени до времени воздухъ, услаждая ухо металлическимъ тембромъ... На душѣ жутко и мрачно!.. Вы двигались... Вдругъ долетаетъ до насъ слабый отголосокъ „ура“. всѣ встрепенулись. Навѣрное, наши пошли въ атаку, предполагаемъ мы и, дѣйствительно, не ошиблись: потомъ оказалось, что центръ бросился на батарейку; турки не выдержали и, взявъ оружіе на передки, быстро умчали его въ Карсъ, увлекши за собой прикрывавшую пѣхоту. Цѣль была достигнута, или, вѣрнѣе, ускользнула—наши отошли въ лагерь... Генералъ Лазаревъ приказалъ ординарцу вернуть, но ординарецъ не могъ насъ найти... Между тѣмъ, не получая никакого приказанія, продолжаемъ себѣ идти, приближаясь къ восточной сторонѣ Карса и рядомъ оличесскихъ движеній вводимъ непріятеля въ заблужденіе относительно цѣли наступленія. По всей вѣроятности, онъ предполагалъ,

что мы, прогнавъ его къ Хафизу, скромно пропарадируемъ мимо Кара-Дага и вернемся по добру, по здорову домой... Однако-жъ куда идемъ? вѣдь батарейка давно ускакала? а мѣсто, гдѣ она стояла, осталось далеко сзади и влѣво? Невольно спрашиваешь себя, теряясь въ догадкахъ... Но не то волновало Ѳадѣева, устремившаго давно свои взоры на Хафизъ и поставившаго себѣ отважную цѣль—взять его во что бы то ни стало... Рискъ былъ не малый! Направо—слава и почесть, налѣво—позоръ на всю Россію. Два исхода, середины—никакой... Безостановочное движеніе и жажда одолѣваютъ насъ страшно: того и гляди повалишься какъ снопъ. Дѣлаемъ послѣднія усилія—войти въ мертвое пространство Кара-Дага; вотъ мы у его подножія, а онъ-то препальный жаритъ себѣ черезъ головы, нисколько не смущаясь, что гранаты его издаютъ одно безсильно-злобное шипѣніе...

„Правое плечо впередъ“ — раздается громкая команда полковника Ѳадѣева; разомъ объясняя мучительную загадочность движенія: мы подходимъ къ лѣвому фасу Хафиза.

— Г. полковникъ,—докладываетъ завѣдующій стрѣлками: съ лѣвой стороны у насъ нѣтъ русскихъ войскъ, а впереди—укрѣпленіе.

— Тѣмъ больше будетъ намъ чести, если мы одни возьмемъ укрѣпленіе, отвѣчаетъ Ѳадѣевъ и укрѣпленіе не впереди, а слѣва; прикажите цѣпи зайти правымъ плечомъ и молча броситься на него, а я за вами поспѣю. Затѣмъ, указывая на чернѣющееся укрѣпленіе, Ѳадѣевъ обращается къ солдатамъ: „братцы, слава Кутаисцевъ на этихъ орудіяхъ; надо сорвать ее! Прибавь шагу!“ Роты въ грозномъ молчаніи, почти бѣгомъ, двинулись. Энергическія и во время сказанныя слова любимаго командира вливаютъ въ душу каждаго притокъ нравственно-физическихъ силъ. Куда дѣлась усталость и жажда?! Каждый рвется впередъ, сгорая нетерпѣніемъ поскорѣй кинуться на „ура“. Въ нѣсколько минутъ роты 2-го батальона поравнялись со стрѣлками. Одновременно съ движеніемъ 2-го батальона полковникъ Ѳадѣевъ приказываетъ находящемуся при немъ въ качествѣ ординарца, поручику Шергину передать командующему 1-мъ батальономъ, чтобы онъ прикрылъ наступленіе 2-го батальона и занялъ пространство между Хафизомъ и Кара-Дагомъ. 1-й батальонъ занимаетъ указанное ему мѣсто и, вмѣстѣ со 2-мъ натыкается на площадь, усѣянную самодѣйствующими минами; куда ни ступишь—взрывъ; трескотня поднимается страшная. Предательская площадь дѣлается фокусомъ непріятельскаго огня... Темная ночь; непрерывный трескъ минъ; разнотонныя картечныя гранаты, бороздящія ночную темень огненными нитями; вспыхивающія зарева свѣтящихся ядеръ, свистъ, шипѣнье пуль... Какое потрясающее зрѣлище звука и свѣта!!. Какъ схватить и передать на бумагѣ эту чудовищно-дивную картину. Краска и слова тутъ блѣдны: нужно все видѣть и переиспытать на самомъ себѣ... Бывшіе во всѣхъ

дѣлахъ говорили, что не видѣли ни разу такого страшнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, фантастическаго огня... 2-й батальонъ быстро проходитъ это поле огня и витающей надъ нимъ смерти, 1-й же остается здѣсь, выдерживая неоднократныя натиски непріятелей... До укрѣпленія остается шаговъ 50. Роковая минута близка! Напряженное состояніе. Шагъ увеличивается. Движеніе порывистое; ряды смыкаются тѣснѣе. „Сорвемъ, непремѣнно сорвемъ!“ такъ и вырывается у каждаго. Но вотъ не вытерпѣло ретивое, кто-то крикнулъ, за нимъ—другіе, и громкій раскатъ побѣднаго и щемящаго душу „ура!“, того „ура!“, отъ котораго трепещетъ врагъ и у самого забѣгаютъ мурашки,—оглашаетъ воздухъ... Моментально, какъ зажженнымъ бенгальскимъ огнемъ, весь брустверъ вспыхиваетъ огненной полосой отъ ружейной и орудійной пальбы... Мы во рву укрѣпленія... Высота бруствера съ каменнымъ основаніемъ является трудно-преодолимымъ препятствіемъ. Быть или не быть!? Солдатики надсаживаютъ другъ друга, карабкаются, обрываются и снова лѣзутъ, воодушевляемые личными примѣрами офицеровъ. Самъ полковникъ силится влѣзть на брустверъ, но каждый разъ обрывается; солдатики подсаживаютъ его, Ѳадѣевъ на брустверѣ. Рвутся, выбиваются изъ послѣднихъ силъ; наконецъ, влѣзли всѣ и валами разбушевавшагося моря хлынули на передовыхъ... Какъ сильный порывъ вѣтра гонитъ и распространяетъ пламя пожара все дальше, такъ и Кутаисцы рѣшительнымъ ударомъ въ штыки сломили грозныхъ защитниковъ и всерѣшающее „ура!“ сильнѣе и дальше гремитъ въ укрѣпленіи. Побѣда наша!.. Завязывается рукопашный бой, или, точнѣе, грубая, первобытная, безобразная бойня, въ которой только—увы!—сказывается сила и мощь войскъ и которая всегда является концомъ, вѣнчающимъ дѣло. Первымъ дѣломъ, уничтожаемъ артиллерійскую прислугу. У нѣкоторыхъ орудій наводчики оказались прикованными; одинъ изъ такихъ узниковъ, какъ только солдаты вошли на бастіонъ, сорвалъ цѣпь и бросился бѣжать, наткнулся на Ѳадѣева, чуть не сбилъ его съ ногъ; но не успѣлъ онъ, послѣ того и шагу сдѣлать, какъ въ него вонзились два штыка; но, знать, силенка была недюженная — сорвался со штыковъ, да, видно, отъ смерти не уйдешь: пуля свалила молодца...

— Крѣпки у нихъ больно спины-то,—обращается къ офицеру,—какъ хватишь штыкомъ, такъ штыкъ, или пополамъ, или согнется.

— Ничего, братецъ, штыкъ не взялъ—прикладъ возьметъ, утѣшаетъ тотъ.

— Такъ точно! подтверждаетъ солдатикъ казенной фразой.

Уступивъ намъ гребень бруствера, турки упорно держатся внутри укрѣпленія. Минутъ съ десять идетъ страшная рукопашная свалка. Непроглядная ночь. За укрѣпленіемъ громъ и молнія, а въ укрѣпленіи „ура“ и „алла“, стоны да стенанья. И среди этого ада, голосъ коман-

дира: „лихо, кутаисцы! штыки, ребята, штыки!“ Какъ львы, бросались впередъ офицеры и не одинъ турокъ палъ подъ ударами ихъ сабель... Но и здѣсь турки не выдерживаютъ и въ страшной паникѣ разбѣгаются кто куда: нѣкоторые убѣгаютъ въ траншею, соединяющую Хафизъ съ Канлами; большинство скрывается въ оборонительной казармѣ, и наконецъ, меньшинство—въ пороховыхъ погребахъ и подъ орудіями. Наши охотники, обѣжавъ съ лѣвой стороны укрѣпленіе, встрѣчаютъ у воротъ бѣгущихъ въ траншею и дружными залпами, буквально, ихъ уничтожаютъ. Запершіеся въ казармѣ, оправившись отъ паники, открываютъ по насъ страшный огонь. Полковникъ Θадѣевъ, желая поугомонить расходившихся бѣглецовъ, приказываетъ стрѣлять залпами въ окна. Мѣра эта беретъ свое: огонь утихаетъ, хотя иногда, нѣтъ-нѣтъ, да раздастся ружейная трескотня. Изъ погребковъ тоже „попукиваютъ“, солдатики, по своей иниціативѣ, надумываютъ отвѣчать кротамъ, но ихъ (солдатъ) сейчасъ же останавливаютъ, потому что долго ли тутъ до грѣха взлетѣть на воздухъ Полковникъ Θадѣевъ, черезъ нашихъ солдатъ-татаръ, приказываетъ туркамъ сдаться; тѣ выходятъ изъ погребковъ и бросаютъ оружіе. Послѣ этихъ прелюдій, солдатики, предводительствуемые офицерами, разсѣеваются по укрѣпленію и ищутъ „усмановъ“. Темно, хоть глазъ выколи. Турки прячутся всюду. Приходится наудачу пырять штыкомъ въ воздухѣ и имѣть дѣло чуть не съ каждой феской въ отдѣльности. Вотъ почему Хафизское дѣло вовсе не имѣло характера кабинетно-научнаго, систематическаго; напротивъ, оно было типичнымъ образчикомъ боя pur-sang,—боя, по преимуществу штыковаго и въ одиночку, хотя нерѣдко приходилось дѣйствовать группами и стрѣлять залпами,—это былъ ночной бой, въ полномъ значеніи слова. Очень понятно, что такая разрозненность и разбросанность боя дѣлаетъ невозможнымъ дать строго послѣдовательное и цѣльное описаніе: отсутствіе связи и системы дѣйствій—причина отрывочности моей статьи; но я преслѣдую одну цѣль—„дать вѣрное описаніе памятнаго дѣла“, не пропустить ни одного знаменательнаго факта и эпизода: я хочу съ фотографической точностью передать все видѣнное и испытанное; а если такъ, то „художеское воспроизведеніе“, проведеніе этого сырого матеріала черезъ такъ называемое „горнило вдохновенія“—дѣло второстепенное и для меня положительно ненужное. Прежде и выше всего—правда, и она-то не нуждается ни въ какихъ окрашиваніяхъ и румянахъ, разъ только она играетъ главную роль; въ описаніи же былаго дѣла—истина на первомъ планѣ... Виноватъ, немного уклонился отъ разсказа!

— Ваше в—діе, колонна идетъ къ воротамъ! радостно вскрикиваетъ солдатикъ, подбѣгая къ полковнику Θадѣеву.

Увидѣвъ, на самомъ дѣлѣ, приближающуюся къ тылу черную густую колонну, полковникъ приказываетъ не стрѣлять, предполагая, что

*

быть можетъ идутъ наши; но на всякій случай приказываетъ стать полуротѣ у воротъ, зарядить ружья и отворить ворота... Колонна, приближаясь къ намъ, развертывается. Стали опрашивать *). Упорное молчаніе. Вотъ она уже въ 20-ти шагахъ... Мы узнаемъ турецкій таборъ. „Рота пли!“... и только стрѣлявшіе съ банкета солдатики видѣли, какъ отдѣльныя тѣни улепетывали по разнымъ направленіямъ. Колонны не стало...

— Ваше в—діе! за казармой турки прикрылись лошадьми и стрѣляютъ—ничего не подѣлаешь, докладываетъ солдатикъ.

Распредѣливъ офицеровъ и солдатъ по занятымъ фасамъ укрѣпленія, полковникъ съ ротой бросается къ указанному пункту.

„Рота стой!... Рота пли!“ Живая стѣна обрушилась; лошади частью попадали, частью разбѣжались. „Ура!“—и новыя жертвы храброй защиты Хафиза пали подъ ударами кутаисцевъ. Едва покончили здѣсь—глядь, въ томъ же направленіи, надвигается туча; бросаемся къ воротамъ, но солдатики сами отперли ворота и встрѣтили залпомъ турокъ. Результатъ тотъ же.

— Затворить ворота, приказалъ полковникъ Ѳадѣевъ и при этомъ добавилъ:—ребята, штука на разъ хороша, а два, уже много... Стрѣлять чрезъ брустверъ, да береги патроны; разстрѣляешь—негдѣ будетъ взять.

Слова эти не пропали даромъ; не смотря на упорныя атаки турокъ и на продолжительность борьбы, у рѣдкаго солдата не осталось двухъ пачекъ патроновъ, по возвращеніи въ Визинкевъ; зато штыковъ погнутыхъ и поломанныхъ была масса,—досталось, впрочемъ, и прикладамъ... Остался еще одинъ сѣверо-восточный бастіонъ, на которомъ человѣкъ 40—50 турокъ упорно отстрѣливались. Ударъ въ штыки и здѣсь покончилъ дѣло; часть сдалась, остальные разбѣжались. Между тѣмъ, бой внутри укрѣпленія мало-мальски стихаетъ, только кой-гдѣ показываются красные языки, да изрѣдка покрикиваютъ. Спѣшишь залить потухающіе отблески пожара... За то на Хафизъ повели турки атаку за атакой и пытались ворваться въ укрѣпленіе, но каждый разъ, встрѣченные перекрестнымъ огнемъ батальоновъ, уходили „не солоно хлебавши“; передніе дѣлались жертвами отваги и, пронженные штыками, скатывались въ ровъ быстрѣе, нежели взбирались на брустверъ, а задніе только пятки показывали... Пытались еще разъ подойти къ воротамъ, но не понравился имъ русскій обычай, для дорогихъ гостей широко растворять ворота, ну и угощенье пришлось имъ больно не по вкусу: наотрѣзъ отказались отъ своихъ намѣреній. Видя, что съ нами нахрапомъ ничего не подѣлаешь, къ воротамъ стекаются толпы турокъ, желающихъ поотвѣдать русскаго хлѣбосольства. Они продѣлывали всѣ унизительныя манипуляціи восточнаго этикета и набивались побывать у насъ въ плѣну. Но мы

*) Солдатики изъ казанскихъ татаръ служили намъ во всю кампанію отличными и вѣрными переводчиками.

прогоняли ихъ, отказывая въ гостепріимствѣ, во первыхъ, потому, что и безъ нихъ у насъ плѣнныхъ набралось достаточно, а во вторыхъ, намъ нужно было отступать на легкѣ, а плѣнные были бы для насъ только обременительнымъ балластомъ... Однако, какъ ни работаемъ славно, а приходится грустно сознаться, что нужно убираться во свояси, пока непріятель не пришелъ въ себя отъ отуманившей его паники; на утро, замѣтивъ нашу малочисленность, онъ окружилъ бы насъ, и тогда—пиши пропало, вѣдь сила солому ломитъ. Вотъ почему полковникъ Ѳадѣевъ приказываетъ приступить къ заклепкѣ орудій. Начинается муравьиная работа: тотъ сбиваетъ цѣликъ, другой вгоняетъ въ запалъ шомполомъ, третій вытаскиваетъ замокъ,—словомъ, всякій приноситъ посильную помощь общему дѣлу. Большое затрудненіе встрѣчается въ огромномъ, съ дула заряжаемомъ, орудіи, что тутъ дѣлать? рѣшено опрокинуть въ ровъ. Не тутъ-то было! Сколько ни тащимъ его, сколько ни припоминаемъ „дубинушку"—орудіе ни съ мѣста. Солдатики облѣпливаютъ вокругъ него, какъ мухи, и начинается порча съ прибаутками и шуточками... Странное дѣло, солдатики какъ будто бы на вольныхъ работахъ, на саратовской пристани, обстановка нисколько не измѣняетъ характера дружной веселой работы,—такъ все просто и естественно!

Въ концѣ концовъ, заклепываемъ всѣ 16-ть орудій и беремъ съ собой три замка.... Ну, теперь пора и домой... Ребята всѣ въ остолбененіи: какъ, молъ, отступать, когда взято укрѣпленіе? Не ладно что-то.Полковникъ Ѳадѣевъ приказываетъ сигналистамъ стать на разныхъ брустверахъ и сыграть—„всѣ", „сборъ". Собираемся, выстраиваемся и отступаемъ. Турки, вопреки своему обыкновенію, не даютъ намъ прощальнаго фейерверка, и мы, безъ выстрѣла, выходимъ изъ боя, имѣя слѣдующія трофеи: три замка, кавалерійскій штандартъ, 76 плѣнныхъ солдатъ и 7 офицеровъ. Въ дѣлѣ мы потеряли двухъ раненыхъ офицеровъ, и убитыми и ранеными и безъ вѣсти пропавшими 40 человѣкъ нижнихъ чиновъ съ обоихъ батальоновъ. Потеря баснословно-малочисленная, но эта-то малочисленность, въ связи съ удивительными результатами, выдвигаетъ дѣло изъ ряда обыкновенныхъ, и дѣлаетъ его достояніемъ лучшихъ страницъ военной исторіи. Потерю турокъ опредѣлить довольно трудно, но, по показаніямъ плѣнныхъ и по нашимъ соображеніямъ, цифра эта колеблется между 600 и 1000; одно можно сказать, потеря у непріятеля была громадная. Непростительно, мнѣ кажется, умолчать о слѣдующихъ не лишенныхъ интереса эпизодахъ. Арабистанецъ съ дикимъ крикомъ „гяуръ" и съ ятаганомъ въ рукахъ наскакиваетъ на подпоручика Полисадова *), тотъ ловкимъ ударомъ сабли выбиваетъ изъ рукъ ятаганъ,

*) Подпоручикъ Полисадовъ, душа нашего общества, храбрый юный офицеръ, за Хафизское дѣло былъ представленъ къ Георгію 4-й степени, но знать не судьба была ему получить эту награду; онъ былъ убитъ при штурмѣ Карса. Вотъ подробности его

фанатикъ съ быстротой кошки цѣпляется за горло Полисадову и желаетъ схватить его. Начинается отчаянная борьба; оба валятся на землю. Солдатикъ, наткнувшись на эту сцену, замахивается прикладомъ, но тяжеловѣсный ударъ приходится по плечу Полисадову....

— Виноватъ, ваше благородіе, ничего не видать! нѣсколько извиняется солдатикъ, и въ мигъ храбраго турка не стало.

А то вотъ другой фактъ, говорящій несомнѣнно въ пользу защитниковъ укрѣпленія: турокъ, отдѣлившись отъ кучки своихъ, наскакиваетъ на полковника Ѳадѣева. Стоявшіе возлѣ солдаты схватываютъ смѣльчака и впихиваютъ его въ толпу; но смѣльчакъ не унимается и неистово, какъ лютый звѣрь, порывается снова кинуться на Ѳадѣева, который разсердившись замахивается на него кулакомъ (у полковника въ рукахъ не было никакого оружія). Солдатики скрутили молодца, и только приказаніе Ѳадѣева оставить его въ живыхъ, спасло его отъ смерти.

Наконецъ вотъ случай, ярко обрисовывающій нравственныя качества нашего солдата. Я сообщаю фактъ. Трое солдатъ, рыская по укрѣпленію, проходятъ по лагерю, и видя, что въ одной изъ нихъ горитъ свѣчка, входятъ въ нее, глядятъ—сидитъ турецкій офицеръ и считаетъ деньги, (оказалось потомъ, что они набрели на казначейство).

Офицеръ, увидя вошедшихъ солдатъ, берется за револьверъ, но его, офицера, предупреждаютъ и закалываютъ.

Одинъ солдатикъ схватываетъ шкатулку съ деньгами и, подумавъ немного, съ сердцемъ швыряетъ ее о камень.

— Ты зачѣмъ ее бросилъ, съ недоумѣвающимъ любопытствомъ спрашиваетъ другой.

— Зачѣмъ?... Затѣмъ, что меня родитель съ родительницей не благословляли брать чужое добро, оно въ прокъ не пойдетъ!—съ чувствомъ глубоко-нравственнаго раскаянія отвѣчаетъ провинившійся.

— Вѣстимо!... Вотъ наше добро: возьми знамя, замокъ... и спасибо скажутъ и наградятъ—вставляетъ кто-то. Только что описанный случай покажется пожалуй невѣроятно сантиментальнымъ, сильно похожимъ на изображеніе доблести русскаго воина, по шаблону давно минувшихъ дней, но смѣю увѣрить гг. скептиковъ и пессимистовъ, что я не фантазирую и списываю съ дѣйствительности: скажу, безъ боязни впасть въ

трагической смерти: отбившись отъ батальона, Полисадовъ съ горстью солдатъ попалъ въ промежутокъ между Карадагомъ и Арабіемъ. Здѣсь онъ былъ раненъ въ ногу, и поднятъ на шесть штыковъ. Изъ солдатъ остался въ живыхъ одинъ раненый унтеръ-офицеръ. Утромъ, офицеры, отыскивая его, наткнулись на обезображенный и обнаженный трупъ, не имѣвшій ни тѣни сходства съ цвѣтущимъ и красивымъ Полисадовымъ. Долго они приглядывались къ этой массѣ, пока подошедшій докторъ узналъ въ ней по сохранившимся вязаннымъ кальсонамъ подпоручика Полисадова.

преувеличенье, солдатики вели себя рыцарски, честно и безкорыстно; не было замѣтно ни малѣйшей алчности къ наживѣ, которой, къ слову сказать, валялось пропасть... Что и говорить—„въ семьѣ не безъ урода“—попадались случаи мародерства, но эти случаи были только печальными исключеніями. Да и что повело за собой блестящіе результаты дѣла, какъ не это высоко-нравственное настроеніе массы, проникнутой, отъ офицера до послѣдняго солдата, однимъ желаньемъ съ честью побѣдителей выйдти изъ боя.

Фамиліи раненыхъ офицеровъ—Дыньковъ и Шергинъ. Первый штабсъ-капитанъ командовалъ въ бою 2-мъ батальономъ, и не разъ показывалъ примѣръ отваги и безстрашія. Когда Ѳадѣевъ приказалъ ему послать унтеръ-офицера командующему 1-мъ батальономъ и передать, чтобы онъ началъ отступать къ Визинкеву, самъ взялся передать приказаніе и, сбѣгая съ бруствера, былъ раненъ тяжело въ лѣвое легкое. Не видя около себя ни одного солдата, Дыньковъ заткнувъ рану пальцемъ, прошелъ версты $1^1/_2$ по направленію къ Визинкеву; но дальше не могъ идти и упалъ, истекая кровью.... Такъ пролежалъ-бы очень долго, а можетъ быть и вѣчно, если-бы проходившая куча солдатъ не наткнулась на него. Они положили его на шинели и принесли въ лагерь; здѣсь ему сдѣлали перевязку. Утромъ я, съ нѣсколькими офицерами вошли въ палатку Дынькова; на кровати лежалъ раненый герой, прекрасный товарищъ и удалой офицеръ, грудь тяжело поднималась; глаза сильно ввалились, лице страшно опухло. Пахло близкой смертію. Увидѣвъ насъ, Дыньковъ обрадовался и началъ комическими пантомимами (ему было запрещено говорить) передавать вчерашнія впечатлѣнія. Это присутствіе духа и насмѣшливое отношеніе къ смерти уничтожили насъ и намъ еще больше стало жаль такую славную натуру. Въ тотъ-же день его отправили въ Александропольскій госпиталь; но доктора говорили намъ, что онъ не жилецъ на этомъ свѣтѣ, и что дни его сочтены. Слава Богу, пророчества эти не сбылись, и Дыньковъ, къ общей радости нашего общества, остался живъ.

Поручикъ Шергинъ, ординарецъ командира полка, былъ раненъ въ лѣвую кость.

Въ этомъ-же дѣлѣ погибъ извѣстный своими корресподенціями редакціи „Сарат. спр. Листка“, разжалованный изъ поручиковъ, рядовой Богомолецъ; онъ былъ раненъ въ обѣ ноги, но дальнѣйшая судьба осталась въ области предположеній: можетъ быть тамъ-же убитъ, можетъ быть палъ жертвой изувѣрства баши-бузуковъ, а то, можетъ быть, въ плѣну.

Не могу обойти молчаніемъ слѣдующаго трогательнаго случая. При отступленіи, капральный унтеръ-офицеръ 1-го взвода 1-й стрѣлковой роты Скобцовъ былъ тяжело раненъ въ грудь. Трое солдатъ его взвода

подбѣгаютъ къ нему и предлагаютъ дотащить его на шинеляхъ до лагеря.

— Спасибо, ребятушки, спасибо! Вамъ и безъ меня тяжело... А мнѣ все равно; дойду самъ—ладно, не дойду—лягу здѣсь. Спасибо, тяжело задыхаясь, отвѣчаетъ Скобцовъ.

Сколько ни упрашивали, сколько ни умоляли,—Скобцовъ остался вѣренъ своему слову и... погибъ. Да мало-ли подобныхъ примѣровъ стоицизма глохнетъ въ неизвѣстности, затериваясь окончательно въ глубинѣ прошлаго!

Трудно описать, до какой степени изнуренія и жажды дошли мы: мы еле-еле передвигали ноги; пройдешь шаговъ 15—20—привалъ; сейчасъ же начинаешь ползкомъ отыскивать воду, и, если наткнешься на какую нибудь лужицу, то съ жадностью припадаешь къ ней и съ неописаннымъ наслажденіемъ втягиваешь въ себя грязную дождевую влагу, похожую на кофейную гущу. Такихъ приваловъ мы сдѣлали, по крайней мѣрѣ, 50... Вдругъ около насъ раздался ружейный выстрѣлъ *). Мы переполошились. Оказалось, что выстрѣлилъ плѣнный офицеръ, у котораго нашли два револьвера. Капитанъ (о немъ я скажу ниже) увѣрялъ насъ, что выстрѣлъ произошелъ отъ неумышленной неосторожности. Мы ему, понятно, не повѣрили и просили его предупредить его сотоварищей, что если повторится такая же „случайность", то мы, по пословицѣ: „долгъ платежомъ красенъ", отвѣтимъ тѣмъ же. Выстрѣлы не повторялись... Не доходя до лагеря, солдатики сами подтянулись и выстроились по-ротно, грянули молодецкую пѣсню, а при входѣ въ лагерь, полковая музыка встрѣтила насъ гимномъ „Боже, Царя храни", и далеко, далеко неслись эти торжественные, дорогіе русскому сердцу аккорды, сливаясь съ за-душу хватающими взвизгиваніями „ночи темны, тучи грозны..."

Общее ликованіе и радость. Повсюду эпизоды, разсказы, сцены. Герой дня, полковникъ Ѳадѣевъ, получилъ нѣсколько поздравительныхъ телеграммъ отъ генераловъ: Лазарева, Шатилова, Алхазова.

Государь Императоръ осчастливилъ насъ слѣдующей телеграммой къ Его Высочеству главнокомандующему Кавказской арміи:

„Кутаисцамъ Мое особое спасибо за молодецкое дѣло. Ты можешь гордиться славными войсками, находящимися подъ твоей командой. Да будетъ благословеніе Божіе и впредь съ нами".

Александръ.

Плѣнныхъ размѣстили по палаткамъ; офицеровъ отдѣльно. Мы вошли къ послѣднимъ. Между ними находился „капитанъ" (такъ онъ называлъ себя), зоркій, говорливый турокъ, бывшій у насъ въ плѣну въ крымскую кампанію; онъ кое-какъ изъяснялся на русско-турецкомъ на-

*) Очевидно, выстрѣлъ сдѣланъ былъ съ цѣлью дать знать своимъ.

рѣчіи, и мы разговорились съ нимъ; остальные боязливо и дико ожидывали насъ сверкающими глазами. Отъ „капитана“ мы узнали, что его собратовъ такъ опечалило мрачное предчувствіе варварскаго съ ними обращенія...

— Урусъ такой законъ нѣто: урусъ деньга даетъ, экмякъ (хлѣбъ) даетъ... Урусъ сикимъ башка нѣто. Спасибо, мерси... Сорокъ одна съ кистычкой! тараторилъ турокъ, любившій вклеивать выраженія гостинодворскаго остроумія, считая, вѣроятно, ихъ за цвѣты краснорѣчія русскаго языка. Этотъ потѣшный „капитанъ“, любившій пустить пыль въ глаза тонкимъ знаніемъ русскаго языка, относился съ презрительной гордостью къ своимъ соотечественникамъ, знавшимъ два-три будто бы русскихъ слова: „карабщикъ (воръ, разбойникъ), ложка, лошадь и еще два-три крѣпкихъ слова... Мы увѣрили и утѣшили офицеровъ, говоря имъ, что съ ними будутъ обходиться хорошо, что они будутъ получать кормовыя деньги и т. д. Турки оживились, и, съ сожалѣніемъ показывая на языкъ, приговаривали: „урусски бельмесъ“, т. е. по-русски не знаемъ... За всѣхъ говорилъ „капитанъ“. Намъ стоило не малыхъ усилій увѣрить ихъ всѣхъ, что Хафизъ-пашу брали два батальона; они настойчиво утверждали, что насъ было 10 тысячъ...

— Зачѣмъ ваши кричатъ „ура“. Османъ гамузомъ пропалъ. Дуракъ, собакъ... зачастилъ интелигентный турокъ и началъ комически представлять бѣгущаго турецкаго солдата.

Темнота и наше наводящее страхъ „ура“ сбивали ихъ съ толку. Мы полюбопытствовали узнать, сколько они потеряли людей. Узнавъ нашъ вопросъ, всѣ замотали головами, защелкали и затянули въ одинъ голосъ:

— Копь! Чохъ! (очень много). Солдатъ многа, мно-о-ога работалъ,— многозначительно пояснилъ „капитанъ“.

Мы желали узнать хотя приблизительную цифру потери... Долго бились мы надъ нумераціей, пока, при помощи солдата-татарина, докопались дѣла: они показали убитыми 1000 человѣкъ!

Поговоривъ немного, мы пожелали пріятныхъ сновидѣній нашимъ новымъ знакомымъ. Утомленіе взяло свое: скоро весь лагерь заснулъ мертвымъ сномъ...

Утромъ плѣнныхъ и военныя трофеи отправили въ главныя силы *). Мы пошли строить право-фланговыя батареи. Поработавъ два дня, вернулись въ лагерь, перенесенный изъ Визинкева за двѣ версты отъ нашихъ линій. Къ намъ присоединился третій батальонъ нашего полка и владикавказцы, съ которыми мы ходили по очереди прикрывать батареи. Простояли здѣсь недѣлю, а тамъ—штурмъ Карса.

---

*) Изъ числа 3-хъ замковъ, только одинъ еле-еле дотащили до Визинкева; остальные зарыли по-пути, такъ какъ нести ихъ не хватило положительно силъ.

Тутъ я кончаю описаніе Хафизскаго дѣла, но для полноты дѣйствій Кутаисскаго полка, привожу почти дословный разсказъ штабсъ-капитана Ч. объ отраженіи атаки турокъ на наши батареи.

Утромъ 23-го октября генералъ-лейтенантъ Лазаревъ, произведши рекогносцировку карской мѣстности, указалъ пункты для постройки новыхъ батарей въ двухъ верстахъ отъ лагеря Магараджикскаго отряда. Въ 6 часовъ вечера третій батальонъ кутаисцевъ съ отрядомъ саперовъ былъ высланъ произвести работу. Цѣлую ночь кипѣла работа, и къ разсвѣту три батареи, каждая на четыре орудія, были готовы... Для прикрытія батарей, расположился въ ложементахъ батальонъ Севастопольскаго полка; кутаисцы, вмѣстѣ съ владикавказцами, находились въ резервѣ прикрытія.

Утромъ 24-го октября турки, замѣтивъ вновь выстроенныя батареи, выслали изъ Карса черкесовъ. Между ними и нашими казаками, занимавшими аванпосты, завязалась перестрѣлка подъ акомпаниментъ глухихъ орудійныхъ выстрѣловъ...

Позднѣе, часа въ четыре пополудни, поддерживаемая сильнымъ огнемъ фортовъ, выступила пѣхота въ количествѣ семи таборовъ (около трехъ тысячъ) и начала стремительно наступать на батарею; шагахъ въ двухъ-стахъ отъ нихъ турки залегли въ балкѣ и открыли убійственный огонь... Цѣль вылазки стала ясною: взять наши осадныя батареи. Севастопольцы отстрѣливались какъ только могли; но нужно было принять активныя мѣры, отогнать сильно насѣдающаго непріятеля. Въ это время полковникъ Карасевъ, командиръ Имеретинскаго полка, приведшій два батальона своего полка на смѣну кутаисцевъ и владикавказцевъ, приказалъ своему батальону развернуться и открыть огонь. Около часа длилась перестрѣлка, но турки и не думали уступить свою выгодную позицію. Полковникъ Карасевъ, видя безрезультатность одной перестрѣлки, приказалъ кутаисцамъ двинуться впередъ и выбить турокъ изъ закрытія. Кутаисцы, почти съ мѣста, безъ выстрѣла ринулись бѣгомъ (они были въ пол-верстѣ отъ турокъ). Наступленіе принимаетъ ужасающій видъ безпрепятственнаго потока лавы, готоваго уничтожить и смять все, что попадается на пути. Турки, въ предсмертной агоніи, открываютъ неимовѣрно частый огонь,—огонь смерти... Сыплется шумный ливень свинцоваго дождя. Артиллерія вторитъ въ унисонъ, и нѣтъ живаго мѣста, куда бы не попалъ снарядъ. Осколки рвущихся гранатъ, точно стая воронъ, летаютъ въ воздухѣ, ища добычи. Падаютъ раненые, раздаются стоны: „И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ!“

— Помогите, братцы, дотащиться до перевязочнаго пункта! вопитъ солдатикъ, раненый въ ногу.

Четверо носильщиковъ поднимаютъ его; онъ крестится, что такъ дешево отдѣлался. Горькое разочарованіе! Въ носилки попадаетъ гра-

ната, разрывается... и въ клочки разноситъ раненаго и носильщиковъ. Но ничто не смущаетъ кутаисцевъ, рѣшившихся во что бы то ни стало дойти до штыковъ. Вотъ они добѣгаютъ близко,—видно замѣшательство въ рядахъ турокъ. Еще одинъ смѣлый напоръ,—турки бѣгутъ... Турецкіе офицеры кричатъ, воодушевляютъ, бьютъ нагайками правовѣрныхъ, стараясь ихъ остановить, но поздно!... Оторопѣвшій непріятель, съ раздирающими криками „алла", безъ оглядки улепетываетъ; безпорядочное бѣгство—единственное спасеніе...

Полное торжество побѣдителей! Выбивъ турокъ изъ закрытія, кутаисцы провожаютъ ихъ бѣглымъ, мѣткимъ огнемъ. Непріятель блистательно прогнанъ,—побѣдители отступаютъ къ прежнему своему мѣсту—резерву прикрытія, привѣтствуемые восторженнымъ „ура" другихъ частей. Утомленные, голодные они остаются въ прикрытіи до десяти часовъ слѣдующаго дня; утромъ смѣняются и отправляются въ лагерь отдохнуть отъ славныхъ трудовъ.

Теперь, мнѣ кажется, будетъ кстати познакомить читателей въ общихъ чертахъ съ укрѣпленіемъ Хафиза-паши.

Хафизъ-паша-Табіе лежитъ въ юго-восточномъ углу Карса. Представляя издали незамѣтную цѣль и обстрѣливая хорошо какъ впереди лежащую мѣстность, такъ и примыкающіе къ нему форты Карадахъ и Канлы, фортъ этотъ пріобрѣтаетъ несомнѣнную стратегическую важность. По фигурѣ своей онъ принадлежитъ къ новѣйшему типу укрѣпленій Sternschanz (звѣздообразной). Это сомкнутый редутъ долговременной профили, съ фасами бастіоннаго очертанія. Внутри укрѣпленія—каменная оборонительная казарма. Въ фортификаціонномъ укрѣпленіи не оставляетъ желать лучшаго: работа искусная и прочная.

* * *

ИЗЪ ПИСЕМЪ ВРАЧА СЪ КАВКАЗА.

Игдырь, 4-го августа.

Послѣ долгихъ томленій наконецъ я добрался до мѣста нашего назначенія — Эриванскаго отряда; именно я, потому, что въ настоящую минуту я здѣсь одинъ изъ нашего отряда. Вамъ уже извѣстно, что въ Владикавказѣ мы получили предписаніе идти въ Боржомъ; но такъ какъ это назначеніе никакимъ образомъ не соотвѣтствовало цѣлямъ нашимъ, то Бетлингъ и поѣхалъ туда одинъ для разъясненія дѣла. Тамъ онъ получилъ предписаніе скакать на курьерскихъ на встрѣчу отряду, взять троихъ изъ врачебнаго персонала и, бросивъ пока лошадей и обозъ, ѣхать на перекладныхъ съ небольшимъ количествомъ перевязочныхъ средствъ въ Эриванскій отрядъ, въ которомъ каждую минуту ожидаютъ дѣла, а врачебнаго персонала нѣтъ. Мы такъ и сдѣлали. Эриванскій отрядъ стоитъ въ настоящую минуту въ 60-ти верстахъ отъ Эривани, въ селѣ Игдырь, почти у подошвы Арарата. Турки находятся въ нѣсколькихъ верстахъ, на вершинѣ невысокой цѣпи горъ; въ Игдырѣ есть пункты, съ которыхъ даже видны

ихъ палатки. Отрядъ стоитъ здѣсь уже давно, ожидая, что турки спустятся въ долину; но они упорно остаются на горѣ, и не показываютъ никакихъ признаковъ жизни. Въ лагерь мы пріѣхали съ Бетлингомъ вдвоемъ, чтобъ осмотрѣть мѣстность, явиться къ командующему отрядомъ и узнать, на сколько быстро будетъ нужна наша помощь. Оказалось, что еще дня три—четыре, дѣла по всему вѣроятію не будетъ. Это извѣстіе было намъ чрезвычайно пріятно: за эти четыре дня могъ подойти нашъ обозъ, съ отлично снабженнымъ лазаретнымъ хозяйствомъ, а главное: лошади, безъ которыхъ мы здѣсь, какъ безъ рукъ. Докторъ Бетлингъ рѣшилъ ѣхать назадъ въ Эривань, заняться сборкой носилокъ и возвратиться въ лагерь уже вмѣстѣ съ лошадьми. Я же остался въ лагерѣ, такъ какъ въ Эривани лично мнѣ не предстояло никакого дѣла. Одно меня смущало, что со мной, кромѣ маленькаго мѣшка, не было ровно ничего. Но благодаря любезности офицеровъ штаба, я могъ и объ этомъ не безпокоиться: одинъ изъ офицеровъ предложилъ мнѣ раздѣлить съ нимъ палатку, другой далъ мнѣ кровать, и такимъ образомъ мнѣ было отлично; во всякомъ случаѣ гораздо лучше, чѣмъ въ грязной гостинницѣ въ Эривани. Сегодня или завтра ожидаю прибытія остальныхъ членовъ отряда, т. е. студентовъ и фельдшера. Черезъ нѣсколько дней, если турки не соблаговолятъ сами спуститься съ горъ, то мы пойдемъ выбивать ихъ съ позиціи, и тогда намъ придется работать; надѣюсь, что къ этому времени подоспѣетъ весь отрядъ.

Эривань, 31-го августа.

Черезъ три дня будетъ ровно мѣсяцъ какъ мы при Эриванскомъ отрядѣ и, къ сожалѣнію, приносимъ здѣсь мало пользы, если только можно сожалѣть, что до сихъ поръ было только четверо раненыхъ. Жалѣть конечно надо о томъ, что мы попали въ такое мѣсто, гдѣ всѣ военныя дѣйствія ограничиваются незначительными стычками, между тѣмъ какъ есть мѣста, гдѣ раненыхъ много. Вы уже знаете, что я пріѣхалъ сначала одинъ, потомъ ко мнѣ присоединились двое студентовъ съ тремя мѣшками перевязочныхъ средствъ. До 6-го числа мы жили при штабѣ Тергукасова, расположившемся въ одномъ изъ садовъ Игдыря, въ палаткѣ, которою снабдилъ насъ лазаретъ д-ра Арсеньева. 6-го числа Тергукасовъ съ частью войска ушелъ въ горы, съ намѣреніемъ зайти туркамъ въ тылъ. Мы, за неимѣніемъ лошадей, не могли слѣдовать за нимъ, и должны были переселиться въ лагерь полковника Самойлова, который остался въ Игдырѣ, и оставались тамъ до 16-го августа, т. е. до пріѣзда нашего собственнаго генерала, какъ мы прозвали доктора Бетлинга.

Вся мѣстность до переднихъ пикетовъ, выжженная солнцемъ и вытоптанная скотомъ равнина, безъ кустика, безъ малѣйшей тѣни. Лагерь

полковника Самойлова находится какъ разъ на половинѣ дороги между Игдырь и Халфалю, на самомъ солнечномъ припекѣ. Жара страшная! Сколько градусовъ—не знаю, но въ бинокль смотрѣть нельзя, потому что ободокъ его жжетъ вѣки; мнѣ приходилось обжигать руку объ луку сѣдла. Между 10-ю и 4-мя часами дня, только нужда можетъ выгнать изъ палатки: лежишь въ ней въ тѣни и обливаешься пóтомъ. Въ деревняхъ лучше; тамъ есть тѣнь отъ деревьевъ и можно дышать; за то покоя нѣтъ отъ насѣкомыхъ и мухъ, которыя кусаютъ здѣсь до пузырей.

Деревни здѣсь всѣ на одинъ манеръ: вы видите нѣсколько неправильныхъ узкихъ улицъ, окаймленныхъ низенькими заборами, слѣпленными изъ глины; за этими заборами находятся большею частью правильные 4-хъ угольные сады. Середина сада вездѣ засажена виноградомъ; вдоль-же заборовъ, тѣсно одинъ подлѣ другаго, насажены громадные пирамидальные тополи. Низенькія, грязныя, слѣпленныя изъ той-же глины сакли съ плоскими крышами лѣпятся обыкновенно у стѣны, прилегающей къ улицѣ. Жители армяне, татары и курды—грязны, глупы, лѣнивы, уважаютъ только ругань и нагайку: имѣть съ ними дѣло гуманному европейцу—наказаніе Божіе. Виноградъ здѣсь очень хорошъ; я видѣлъ виноградины въ $1^3/_4$ дюймъ величины. Но ѣсть его нельзя: сейчасъ начнется лихорадка; а она здѣсь очень мучительна и тяжела. Вся почва отъ Арарата до Игдыря, и даже далѣе за Эривань, носитъ слѣды когда-то дѣйствовавшаго вулкана.

Нѣтъ сомнѣнія, что Араратъ, теперь покрытый снѣговой шапкой въ нѣсколько сажень толщины, выкидывалъ когда-то массы лавы и камней. Склоны холмовъ отъ Халфалю къ туркамъ усыпаны камнями, по которымъ даже пѣшкомъ трудно идти, а верхомъ нельзя проѣхать совсѣмъ. Деревня Халфалю, какъ первая, въ которую войдутъ турки, если имъ удастся спуститься, покинута жителями. Они всѣ ушли въ Игдырь. Но такъ какъ уборка хлѣба еще не кончена, то рано утромъ они отправляются на своихъ арбахъ, запряженныхъ буйволами, въ свои покинутыя поля: день работаютъ и къ вечеру снова уѣзжаютъ въ Игдырь.

Жизнь въ лагерѣ была крайне однообразна; утромъ встаемъ въ 7-мъ часу; деньщикъ татаринъ Абдулъ Образяковъ, котораго прикомандировалъ къ намъ полковникъ Самойловъ, приноситъ самоваръ и мы принимаемся за чаепитіе, или—какъ мы его называемъ—бурдопитіе, потому что вода здѣсь ужасная. Надо замѣтить, что орошеніе края здѣсь замѣчательно хорошо устроено. Дождей здѣсь нѣтъ совсѣмъ; съ моего отъѣзда изъ Москвы (16-го іюля) я его видѣлъ только одинъ разъ и то нѣсколько капель; поля и сады поливаются искуственно. Источникомъ орошенія служитъ Араксъ, протекающій въ 20-ти верстахъ отъ насъ. Отъ него проведены каналы по всевозможнымъ направленіямъ; отъ каналовъ еще канавы, и т. д.; въ концѣ концевъ вы видите, что въ каждомъ саду

есть канава съ проточной водой; всѣ эти каналы и канавы устроены такъ, что они лежатъ выше уровня сада или поля; если хотятъ полить садъ, то нѣсколькими ударами лопатки прорываютъ дорожки у края канавы, вода устремляется въ садъ и въ какіе нибудь полчаса превращаетъ его чуть не въ озеро. Затѣмъ нѣсколькими кусками здѣшней жирной липкой земли закладываютъ прорытыя дорожки и вода снова течетъ по канавѣ, а жгучее солнце въ одинъ часъ высушиваетъ садъ. Но изъ этихъ канавъ, хоть въ нихъ вода и изъ Аракса, брать воды не очень-то пріятно: она грязна, тепла и пахнетъ навозомъ, потому что въ ней цѣлые дни валяются буйволы, купаются армяшки, и т. д. Мимо лагеря проходитъ большая канава, даже двѣ; но обѣ онѣ служатъ прачешной для солдатъ и мѣстомъ купанья сотенъ лошадей; по этому, чтобъ имѣть воду для питья, роютъ колодцы; вода здѣсь очень близко, не болѣе двухъ аршинъ; но эта вода содержитъ много разныхъ солей, горька, и много надо времени, чтобъ къ ней привыкнуть.

Единственное мѣсто, гдѣ можно достать хорошую воду—это Аргачи, гдѣ есть источникъ, питающійся снѣгомъ Арарата. Но привозить оттуда воду трудно. И такъ мы пьемъ бурду съ чуреками (ячменныя лепешки армянскаго приготовленія—препротивныя). Затѣмъ я иду поздороваться съ полковникомъ и узнать новости. Ихъ впрочемъ бываетъ немного, въ родѣ слѣдующихъ: кажется, какъ будто у турокъ стало больше палатокъ?.. Берутся бинокли и начинаются разсматриванія лагеря; приходятъ къ заключенію, что палатокъ столько-же, сколько и было. Кажется, что къ Хошхабару спускается турецкая колона?... даже видно, какъ она двигается и пылитъ; а вонъ и ружья блестятъ—оказывается просто рядъ камней, на который смотрѣли ужь тысячу разъ и который, только благодаря какому-нибудь случайному освѣщенію (которое здѣсь часто вводитъ въ заблужденіе), измѣнилъ обычную форму.

Иногда бываетъ интереснѣе: приводятъ плѣнныхъ лазутчиковъ или перебѣжчиковъ; начинается допросъ; они врутъ всякія небылицы и турусы на колесахъ; въ концѣ концовъ ихъ отправляютъ въ Игдырь къ уѣздному начальнику. Однако жажда новостей продолжается не болѣе часа; жара усиливается, всякая дѣятельность дѣлается невозможною; съ нетерпѣніемъ ждешь, когда Образяковъ уберетъ палатку, закрываешь ее на глухо, ложишься въ постель и томишься, обливаясь потомъ до 2-хъ часовъ, когда приходитъ деньщикъ полковника звать обѣдать. Идемъ, ѣсть не хочется, съѣдаешь нѣсколько ложекъ супа и кусокъ баранины, и снова лежишь и томишься до 6-ти часовъ. Въ 6-ть часовъ уже можно дышать; погуляешь по лагерю, опять попялишь глаза на турокъ; въ 7-мъ пьемъ чай. А затѣмъ уже наступаетъ рай: луна въ полномъ блескѣ, воздухъ прохладный; вершина Арарата сіяетъ озаренная лучами мѣсяца.... дорого-бы дали многіе, чтобы взглянуть на эту картину.... но

еще больше-бы они дали, чтобъ убраться отсюда, какъ только наступитъ зной.

Со времени нашего прибытія въ лагерь, у насъ было три стычки съ турками; самая серьезная (если ее такъ можно назвать) была 15-го августа и я опишу вамъ ее. Въ 6-мъ часу утра меня разбудили мухи; лежа въ постелѣ съ тщетнымъ намѣреніемъ еще заснуть хоть часокъ, я услыхалъ распоряженіе полковника отправить въ Халфалю артиллерію. Я тотчасъ одѣлся и вышелъ узнать въ чемъ дѣло. Оказалось, что небольшая колона турокъ спускается къ Халфалю. Это впрочемъ случалось и прежде, и никогда ничего изъ этого не выходило. Однако послать артиллерію было не лишнее, чтобъ пугнуть ихъ и помѣшать имъ перестрѣливаться съ нашими казаками. Въ лагерѣ все было спокойно; цѣпи, пикетовъ и посланной артиллеріи сочли достаточнымъ, чтобы помѣшать имъ. Лазаретъ (казенный) не двигался, а слѣдовательно и намъ ѣхать туда было незачѣмъ. Приблизительно черезъ часъ началась перестрѣлка. Стрѣляли, впрочемъ, только турки, которые не жалѣютъ зарядовъ и начинаютъ стрѣлять иногда верстъ за пять. Кромѣ того надо замѣтить, что вооруженіе турокъ позволяетъ имъ начинать стрѣлять раньше нашихъ: они вооружены ружьями системы Генри Мартини, которыя хватаютъ 1500 шаговъ, т. е. почти на три версты. Скоро однако стали пострѣливать и наши казаки, вооруженные бердянками. Перестрѣлка длилась часа два: послали узнать нѣтъ-ли раненыхъ—оказалось нѣтъ. Часовъ около 10-ти перестрѣлка начала стихать; въ бинокль можно было видѣть, какъ турки отдѣльными группами стали подниматься къ себѣ на гору.—Пловъ жрать пошелъ,—проголодался! замѣтилъ нашъ Образяковъ. Въ 11-ть часовъ вернулась назадъ артиллерія, не имѣвъ надобности сдѣлать ни одного выстрѣла. Все успокоилось; офицеры, пообѣдавъ, полегли спать; мы съ Воронцовымъ рѣшили напиться чая ради воды изъ Аргачей и присланныхъ изъ Эривани булокъ, и дремали въ ожиданіи самовара; жаръ былъ палящій, пить хотѣлось до смерти, а вода не утоляла жажды. Яковлева (двое студентовъ со мной) не было, я отправилъ его въ Эривань къ Бетлингу. Былъ 1-й часъ. Скачетъ во весь опоръ казакъ къ полковнику (наши палатки рядомъ): „ваше благородіе! турокъ сила спускается!“ За нимъ подъѣзжаетъ начальникъ кавалеріи, полковникъ Кирьяковъ, пресимпатичный господинъ: „Константинъ Александровичъ! гости идутъ—встрѣчать надобно!“ Пробили тревогу; въ какіе нибудь $^1/_4$ часа весь лагерь поднялся и двинулся въ Халфалю. У насъ лошадей не было и мы, волей-неволей, должны были смотрѣть, какъ постепенно уходятъ: Таманскій полкъ, Ставропольскій полкъ, скачутъ казаки, на рысяхъ ѣдетъ артиллерія; вотъ наконецъ двигаются вьюки съ патронами, лазаретныя повозки и доктомъ верхомъ. Я невытерпѣлъ: „вы, какъ хотите, Воронцовъ! лошадей у насъ нѣтъ, мы

имѣемъ законный предлогъ остаться, но я пойду пѣшкомъ, а не останусь!"—„А я то развѣ отстану"—воскликнулъ онъ, перекидывая черезъ плечо мѣшокъ съ бинтами и коршіей. Я схватилъ свой и мы двинулись. Это было безумное рѣшеніе, вполнѣ понятное въ такую минуту; но мы бы вѣроятно на первой-же верстѣ упали отъ изнеможенія при такой жарѣ подъ нелегкими мѣшками. Не прошли мы 20-ти шаговъ, какъ прискакалъ адъютантъ полковника съ приказаніемъ дать намъ двухъ верховыхъ лошадей Добрый полковникъ не забылъ насъ! Черезъ $^1/_4$ часа мы скакали въ Халфалю, откуда слышалась уже дробная ружейная перестрѣлка и тяжелые выстрѣлы орудій. Не имѣя сами носилокъ и санитаровъ, мы присоединились къ военному лазарету. Поставивъ повозки въ безопасное мѣсто, мы, т. е. военный докторъ, я и Воронцовъ, поѣхали выбрать пунктъ, съ котораго можно было-бы видѣть все поле битвы и замѣтить, гдѣ будутъ раненые. Мы скоро нашли его: это была большая скирда пшеницы на краю деревни. Мы влѣзли на нее и прилегли между снопами. Передъ нами прямо былъ склонъ, по которому спускались турки отдѣльными кучками, образуя полукругъ, и по которому поднимались наши имъ на встрѣчу. Отлично было видно и двѣ наши батареи, поставленныя по флангамъ.

Турки, по обыкновенію, подняли страшную трескотню, не цѣлясь, не соображая разстоянія; наши стрѣлки и казаки, молча, безъ выстрѣла подвигались впередъ, не смотря на градъ пуль, летѣвшихъ черезъ ихъ головы (турки большею частію перестрѣливаютъ черезъ цѣль и пули ихъ ложатся сзади нашихъ, пролетая надъ головами). Артиллерія наша дѣйствовала выше всякой похвалы; она каждой гранатой попадала въ кучку турокъ, и въ бинокль было ясно видно, какъ оставшіеся въ живыхъ какъ зайцы разбѣгались во всѣ стороны отъ того мѣста, гдѣ она лопалась, и едва они собирались вмѣстѣ, какъ повторялась таже исторія. Черезъ полчаса стали стрѣлять и наши; перестрѣлка разыгралась; на правомъ флангѣ турки обошли, прячась за пригорки, конецъ нашей цѣпи и хотѣли ее отрѣзать. Произошла схватка въ рукопашную, подробности которой конечно отъ насъ не было видно. Однако было очевидно, что раненые есть. Мы сѣли на коней и поѣхали на правый флангъ; въ его резервѣ мы узнали, что есть четверо раненыхъ, а проѣхавъ еще далѣе, встрѣтили и перваго раненаго, котораго санитары вынесли изъ цѣпи; онъ былъ раненъ пулей на вылетъ въ правую колѣнку; я перевязалъ ему рану, наложилъ лубокъ и его понесли къ повозкамъ; военный докторъ поѣхалъ проводить его, а мы съ Воронцовымъ поѣхали искать другихъ. Слѣдующій былъ молодой доброволецъ, сражавшійся уже въ Сербіи; онъ былъ раненъ тоже въ ногу пулей на вылетъ. Перевязали его и Воронцовъ повезъ его въ лазаретъ, а я поѣхалъ дальше и нашелъ третьяго. Этотъ былъ раненъ во время рукопашной

схватки кинжаломъ въ бедро, которое турокъ просадилъ ему насквозь; подоспѣвшій товарищъ закололъ турка штыкомъ и спасъ этого. У него было страшное кровотеченіе и онъ сильно страдалъ. Пока я его перевязывалъ, 4-й раненый пришелъ самъ; у него былъ простр҃ленъ палецъ, онъ былъ совершенно въ силахъ и ушелъ къ лазарету пѣшкомъ, а я повезъ того.

Въ это время турки, сбитые нашими, стянулись, отступая въ лѣвую сторону; батареи открыли по нимъ убійственный перекрестный огонь. Но тутъ случился казусъ преуморительный: вдругъ на гребнѣ одного холма со стороны турокъ показался дымъ, какой всегда бываетъ при выстрѣлѣ изъ орудія; раздался выстрѣлъ. Было ясно, что они привели пушку и пустили въ насъ гранату; мы съ замираніемъ сердца стали прислушиваться не свиститъ ли граната, какъ вдругъ въ ихъ лѣвой кучкѣ поднялся столбъ пыли:—они залѣпили ее въ своихъ же. Мало того: они пустили вторую гранату и угодили еще лучше—прямо въ середку. Больше они уже не пробовали и поняли, что ихъ маленькія горныя пушки до насъ не достанутъ. Послѣ этихъ двухъ неудачныхъ пушечныхъ выстрѣловъ, они стали быстро отступать. Наши продолжали подгонять ихъ гранатами; въ 7-мъ часу все кончилось. У насъ одинъ убитъ на повалъ, 4 ранено, 1 контуженъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ была схватка, найдено 80 турецкихъ труповъ; всего же убитыхъ у нихъ около 300. Объѣхать поле битвы, чтобъ перевязать раненыхъ турокъ, если таковые найдутся, намъ не позволили, такъ какъ турки обыкновенно стрѣляютъ въ красный крестъ; бывали даже случаи, что раненые стрѣляли въ перевязывающаго ихъ врача; по этому мы поѣхали прямо въ лагерь, куда еще прежде насъ повезли раненыхъ и ушли всѣ сражавшіяся роты за исключеніемъ дежурныхъ въ Халфалю. Этотъ вечеръ надолго останется у меня въ памяти. Дѣло было хорошее! Два батальона прогнали двѣнадцать батальоновъ! Всѣ роты встрѣчались въ лагерѣ съ музыкой; полковникъ благодарилъ ихъ, крича ли ура!—Сколько толковъ и разсказовъ! Героемъ сраженья былъ молодой солдатъ, который кинулся на турокъ съ пустыми руками и убилъ пятерыхъ человѣкъ. Вотъ какъ это случилось: онъ разстрѣлялъ всѣ патроны; въ это время схватились въ рукопашную; хвать патроновъ—нѣтъ; онъ кинулся со штыкомъ, споткнулся, упалъ и о камень согнулъ штыкъ; оглянулся—за нимъ 6-ть человѣкъ турокъ. Онъ бросилъ въ сторону ружье, сжалъ кулаки, оскалилъ зубы и, щелкая ими, кинулся прямо на нихъ съ крикомъ: „ахъ вы, с..... д... (градъ крѣпкихъ словъ), я васъ, собаки подлыя... у! у! у! у! у!“ (трудно передать буквами звуки, которые онъ испускалъ черезъ оскаленные зубы). Передній турокъ при такомъ неожиданномъ поступкѣ нѣсколько замѣшкался; нашъ молодецъ выхватилъ у него ятаганъ, снесъ ему голову, затѣмъ наскочилъ на другаго, перерѣзалъ ему

горло; 3-й и 4-й наскочили на него разомъ—онъ уложилъ и ихъ; 5-й побѣжалъ онъ догналъ и его. Солдатъ этотъ весь вечеръ былъ точно пьяный; онъ представлялъ въ лицахъ какъ онъ кричалъ и щелкалъ зубами на турокъ. Я уже легъ спать и долго сквозь сонъ слышалъ солдатскіе разговоры и чаще всего вопросъ: „А ну, а ну, какъ ты ихъ зубами-то, зубами-то, а ну!—молодецъ, ей-Богу молодецъ!“

Молодецъ этотъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и получилъ Георгіевскій крестъ.

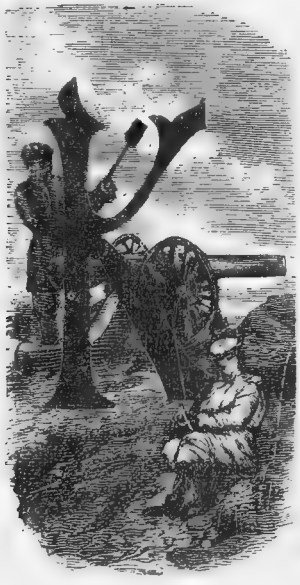
Однако записался я; пора кончить. Здѣсь въ Эривани я посланъ дня на три по дѣлу; завтра опять въ лагерь. Теперь тамъ весь нашъ отрядъ *), и лошади, и носилки.—Боюсь не было ли тамъ безъ меня дѣла.

*) Летучій санитарный отрядъ московскаго маріинскаго комитета Общества краснаго креста, отправленный изъ Москвы 1-го Іюля 1877 года подъ начальствомъ доктора Бетлинга.

НА БАТАРЕѢ И ВЪ ТРАНШЕЯХЪ.

(Картины боевой жизни подъ Карсомъ) *).

I.



ъ 5-му числу іюня 1877 года, началось бомбардированіе крѣпости Карса. Дѣйствія нашей осадной артиллеріи были направлены на укрѣпленія Арабъ, Карадагъ и Мухлисъ. Въ послѣдующихъ строкахъ этого очерка, я постараюсь познакомить читателя съ тѣмъ, какъ проводили наши войска цѣлыя сутки съ началомъ осадныхъ работъ. Скажу безъ преувеличенія, что описаніе мое будетъ достойно вниманія уже потому, что оно нарисуетъ вѣрную картину, съ одной стороны нашихъ чрезмѣрныхъ физическихъ усилій во время ночныхъ работъ по постройкѣ осадныхъ батарей, а съ другой—дастъ возможность читателю составить понятіе о томъ страшно-мучительномъ психическомъ состояніи, которое выпадало на нашу долю на другой день, впродолженіи котораго мы должны были сидѣть въ траншеяхъ, построенныхъ нами же ночью около батарей, слыша ежеминутно надъ своею головою свистъ непріятельскихъ гранатъ и бомбъ, зачастую разрывавшихся въ 10—12-ти шагахъ отъ насъ. Смѣю увѣрить читателя, что совокупность только-что упомянутыхъ факторовъ нашей мускульной и нервной работы подъ Карсомъ въ то время, въ связи съ гнетущими впечатлѣніями отъ изуродованныхъ раненыхъ и убитыхъ, отправляемыхъ съ батарей на перевязочные пункты,—производило на насъ

---

*) Очерки эти своевременно были помѣщены въ газетѣ „Тифлисскій Вѣстникъ“. Авторъ прислалъ намъ ихъ для помѣщенія въ издаваемомъ нами „Сборникѣ“.

Прим. издателя.

къ моменту смѣны новыми частями, какое-то гнетущее и томительное состояніе: мы чувствовали полный упадокъ силъ и какое-то равнодушіе къ окружающимъ насъ явленіямъ и людямъ; словомъ, мы ощущали полнѣйшую помятость и изломанность всего нашего существа.

8-мь часовъ вечера. Ночь мѣсячная, свѣтлая. На блѣдномъ горизонтѣ неба, прямо передъ фронтомъ лагеря, довольно отчетливо вырѣзаются грозныя очертанія Араба и Карадага... Сегодня очередь нашему полку идти на ночную работу осадныхъ батарей, а завтра сидѣть цѣлый день въ траншеяхъ, для прикрытія этихъ батарей... Батальоны тихо выстроились передъ своимъ лагеремъ и готовы уже двинуться дальше; спустившіеся сумерки обрисовали ярче обликъ луны; на землѣ распространился тотъ серебристый свѣтъ, который дѣлаетъ тѣни какими-то неопредѣленными... Батальоны тронулись. Вотъ мы, наконецъ, и на мѣстѣ. Солдаты принялись за работу; слышится стукъ заступа и кирки, и вотъ впродолженіи короткой лѣтней ночи, въ двухъ или трехъ мѣстахъ, выросли къ утру батареи. Солдатъ работаетъ судорожно и усердно. Онъ знаетъ, что ночь коротка и еще лучше сознаетъ, что нужно успѣть какъ можно лучше обрыться самому въ траншеяхъ, такъ какъ вопросъ о жизни и смерти для него завтра, быть можетъ, зависитъ отъ степени прочности того, надъ чѣмъ онъ работаетъ сегодня. Сдержанный разговоръ и смѣхъ слышатся въ группахъ рабочихъ... Грозная тайна того, что ожидаетъ каждаго изъ нихъ завтра, оказывается безсильною передъ свойственною русскому человѣку привычкою позубоскалить подъ носомъ даже у самой смерти... И эта безшабашная веселость замѣчалась въ особенности среди артиллеристовъ. Это народъ, что называется, обстрѣленный. Изо дня въ день онъ стрѣляетъ съ батарей и самъ служитъ главною цѣлью для непріятельскихъ орудій. А потому впечатлительность и нервы его совершенно притупились; онъ радъ, что можетъ хотя ночью отдохнуть, лежа на батареяхъ. Солдатъ-рабочій, занимавшій, быть можетъ, наканунѣ какой-нибудь караулъ въ лагерѣ и пришедшій теперь на батарею для работы, не смотря на проведенныя безъ сна, подчасъ двое и даже трое сутокъ,—склоненъ менѣе къ шутливости: онъ не такъ попривыкъ къ пушечному грому, нервы его не такъ индиферентны къ свистящимъ надъ головами бомбамъ и гранатамъ, и потому въ средѣ его слышатся зачастую сдержанныя разсужденія о томъ, что „должно быть, Карцъ, братцы, страшно крѣпкое учрежденіе“... Наконецъ настаетъ утро. Все спѣшитъ занять свои мѣста и чутко ждетъ открытія канонады. Почти всегда начало стрѣльбы принадлежало нашимъ батареямъ. Карскія верки, обыкновенно, какъ-то упорно молчали до той минуты, когда солнце вполнѣ освѣтитъ наши батареи. Затѣмъ, иниціатива открытія огня со стороны непріятеля почти всегда принадлежала Арабу, вѣроятно, какъ самому ближайшему къ намъ. Масса дыма и потомъ, черезъ нѣсколько минутъ,

глухой, но сильный раскатъ въ воздухѣ давали возможность наблюдателю даже издалека умозаключить, что Арабъ стрѣляетъ въ насъ какимъ-либо исчадіемъ Круппа самыхъ большихъ калибровъ...

Пишущему эти строки выпало на долю, проведя наканунѣ безсонную ночь на работахъ, сидѣть 6-го іюня цѣлый день на батареѣ № 9-й. Такой жаркой канонады я, какъ новичекъ на войнѣ, еще никогда не видѣлъ. Наша батарея въ этотъ день взорвала удачнымъ выстрѣломъ пороховой погребокъ на Карадагѣ. Не знаю, въ отмѣстку ли ей, или же благодаря ея невыгодному положенію, но только, начиная съ полудня, въ эту злополучную батарею стала бросаться масса непріятельскихъ снарядовъ съ крѣпостныхъ верковъ и съ полевыхъ батарей, спустившихся съ Араба и Мухлиса. Почти безъ перерыва турецкія гранаты и бомбы взрывали землю фонтанами кверху и лопались со страшнымъ трескомъ вблизи насъ—спереди, сзади и съ боковъ. Но Богъ насъ миловалъ—день прошелъ благополучно, и, за исключеніемъ одного, раненаго осколкомъ камня въ лицо, солдата, никакого несчастнаго случая не было. На рядомъ же почти расположенной батареѣ № 2-й, однимъ выстрѣломъ убило въ этотъ день одного человѣка и ранило пятерыхъ. Но не въ этомъ дѣло; урокъ, какъ видите, былъ не великъ (на всѣхъ батареяхъ въ этотъ день было выведено изъ строя около 18-ти человѣкъ). Нѣтъ, дѣло въ томъ невыразимо-тяжеломъ психическомъ состояніи, на которое человѣкъ бываетъ обреченъ въ подобныя минуты на цѣлый день, сидя безъ всякой дѣятельности въ траншеяхъ. Артиллерійская прислуга на батареяхъ, въ это адское время, хотя чѣмъ нибудь да занята: она наводитъ орудія, заряжаетъ ихъ, приноситъ снаряды и т. д.,—словомъ имѣетъ развлеченіе;—пѣхотный же солдатъ, проработавшій цѣлую ночь и засѣвшій на утро въ траншею, лишенъ буквально всякой дѣятельности и обреченъ цѣлый день сидѣть сложа руки, невольно сосредоточивая все свое вниманіе на падающихъ возлѣ него и съ шумомъ лопающихся бомбахъ и гранатахъ... Это нѣчто, по истинѣ, вродѣ египетскихъ наказаній: глубокомысленно сидѣть и неподвижно созерцать смерть, носящуюся передъ вами ежеминутно въ тысячѣ видахъ!...

Тутъ, само собою разумѣется, нервная система человѣка испытываетъ такое страшное напряженіе и самъ онъ переполняется такимъ, гнетущимъ все его существо, чувствомъ, о которомъ мое слабое перо, конечно, не даетъ читателю даже и приблизительнаго понятія... Правъ былъ вполнѣ графъ Толстой, выразивъ, въ одномъ изъ своихъ севастопольскихъ очерковъ, кажется, мысль, что бываютъ минуты, когда храбрость человѣка обусловливается всецѣло степенью его безсознательности. И счастливъ же тотъ субъектъ, которому бываетъ присуща эта безсознательность въ подобныя страшныя минуты!...

Если же прибавить ко всему этому еще и то соображеніе, что на-

канунѣ вышеописанныхъ страшныхъ минутъ, вамъ не приходилось сомкнуть ни на минуту глазъ, что завтра снова придется идти въ какой-либо караулъ, а, быть можетъ, и на аванпосты, послѣ чего снова работать на батареи,—то тогда вполнѣ возможно будетъ составить себѣ вѣрное понятіе о степени той истощенности, какъ физической такъ и нравственной, какую подчасъ можетъ выдержать человѣческая натура...

II.

Выше, говоря о трудностяхъ, которыя наступили для насъ съ началомъ осадныхъ работъ подъ Карсомъ, я съ особеннымъ вниманіемъ остановился на обрисовкѣ положенія нашихъ солдатъ. Но въ русской арміи, какъ извѣстно, гдѣ солдатъ—тамъ и его начальникъ, офицеръ. А потому теперь я постараюсь остановиться на этихъ послѣднихъ. Конечно, схватить нѣсколько характерныхъ чертъ изъ походно-боевой жизни и обстановки нашихъ офицеровъ, я могъ только въ той средѣ, въ какой самъ вращался или съ какой мнѣ приходилось такъ или иначе соприкасаться. Среда эта, какъ читатель увидитъ дальше, хотя и не предназначена была къ выполненію особенно блистательныхъ служебныхъ функцій, но тѣмъ не менѣе, была средой самой дѣятельной и, не смотря на свою скромную роль, вполнѣ достойною вниманія.

Сидѣть, ничего не дѣлая, въ траншеяхъ и философски созерцать, какъ съ трескомъ лопаются около васъ бомбы и гранаты,—положеніе въ высшей степени мучительное, какъ я уже говорилъ, и далеко не пріятное. А между тѣмъ, пѣхотному офицеру, въ періодъ осадныхъ работъ и бомбардированія Карса, испытывать неудобства подобнаго положенія приходилось чуть ли не черезъ сутки. Не безъинтересно будетъ прослѣдить за тѣмъ, какъ онъ проводилъ эти томительныя минуты—минуты хроническаго ожиданія смерти или же увѣчья. Время же этого адскаго состоянія, какъ нарочно, протекало съ такою медленностью, что казалось просто цѣлою вѣчностью. Каждый изъ насъ, конечно, послѣ перваго же пребыванія своего въ траншеяхъ, старался на будущее время запастись какимъ-либо занятіемъ, такъ какъ совершенное ничего-не-дѣланіе, при описанныхъ уже мною условіяхъ, походило на какую-то продолжительную агонію. И вотъ этотъ-то выборъ занятій и развлеченій въ минуты нашей траншейной жизни, обусловливался, обыкновенно, нѣкоторыми чисто субъективными данными каждой отдѣльной личности. Какъ извѣстно, въ послѣднее время, въ рядахъ нашей арміи контингентъ офицеровъ почти на половину состоитъ изъ молодежи, для которой настоящая война дѣло совершенно новое. Были лица изъ этой среды, которыя отправились на театръ военныхъ дѣйствій, оставивъ молодую жену, быть можетъ, въ ту торжественную для нихъ минуту, когда тихое счастіе ихъ семейной жизни

было ознаменовано рожденіемъ первенца. Конечно, такой молодой отецъ, не взирая на свистящія надъ его головою гранаты и бомбы, на окружающее его разрушеніе, прехладнокровно писалъ письмо домой. Что же касается до тѣхъ, кто шелъ на войну не семьяниномъ, кто былъ, такъ сказать, тѣмъ бобылемъ, который, проживъ лѣтъ 8—9 въ стѣнахъ заведеній, потерялъ чувство всякой домовитости и семейственности,—такіе господа занимались, обыкновенно, въ траншеяхъ усиленнымъ обсужденіемъ текущей политики или же неглубокомысленнымъ изслѣдованіемъ вопроса о войнѣ по Миллю и Прудону...

Нечего и говорить о томъ, что представители только-что упомянутой категоріи, какъ новички, не успѣли еще проникнуться всецѣло тѣмъ беззавѣтнымъ мужествомъ и безстрашіемъ, которые должны быть присущи истинному воину. Въ нихъ, видите ли, не было той безсознательности, которая, по словамъ графа Толстаго, можетъ служить единственнымъ условіемъ въ подобныя минуты для требуемой храбрости. А потому присущая каждому человѣку, а тѣмъ болѣе молодому, жажда жизни — это лучшее благо человѣка — такъ или иначе сказывалась въ нихъ и измѣняла подчасъ даже напускному хладнокровію. Но былъ въ средѣ офицеровъ контингентъ боевой, испытанный годами прежней боевой жизни, видѣвшій на своемъ вѣку дѣла при Башъ-Кадыклярѣ и Кюрюкъ-Дара, а въ мирное время скучавшій о своихъ походахъ прежняго времени; люди этой категоріи даже и не соглашались слушать вашихъ доводъ о томъ, что тамъ, гдѣ летаютъ такія стихійныя, можно сказать, силы, какъ гранаты и бомбы, личная храбрость не имѣетъ мѣста. Такому старому и закаленному воякѣ бутылка хорошаго кахетинскаго вина въ подобныя адскія минуты могла доставить такое-же наслажденіе, какое испытываетъ меломанъ, напримѣръ, на хорошемъ концертѣ...

Когда же канонада утихала и наступившій вечерній сумракъ прекращалъ, наконецъ, совершенно стрѣльбу какъ съ нашихъ батарей, такъ и съ карскихъ верковъ, и артиллерійская прислуга, уставшая и вся черная отъ пороховыхъ газовъ, пробанивъ въ послѣдній разъ орудія, собиралась на отдыхъ,—мы свободно выпрямляли уставшіе отъ неестественнаго сидѣнія въ траншеяхъ члены и, въ ожиданіи смѣны насъ новыми частями, вылѣзали на свѣтъ Божій, дѣлали визиты другъ другу и дѣлились впечатлѣніями прошедшаго дня. Тутъ зачастую происходили разговоры въ такомъ родѣ:

— Представьте себѣ,—говорилъ пришедшій съ визитомъ къ товарищамъ въ сосѣднюю траншею:—быть позавчера на аванпостахъ, вчера въ караулѣ, а сегодня работать на батареѣ и цѣлый день сидѣть въ траншеяхъ подъ такимъ страшнымъ огнемъ, т. е. не спать подрядъ трое сутокъ, и быть все-жъ-таки въ силахъ двигаться,—это, какъ хотите, господа, такая живучесть, которая можетъ поспорить съ кошачьей!

— За то вы можете разсчитывать на ордена и чины, — замѣчалъ не безъ легкой ироніи другой. Наконецъ, не даромъ же день на войнѣ считается обыкновенно за два при исчисленіи времени вашей службы.

— Ну, ужь нѣтъ, батюшка, что касается чиновъ и орденовъ, то намъ ихъ, какъ говорятъ, получить еще не время; наша очередь, видите-ли, еще впереди: теперь, такъ сказать, періодъ артиллерійскій...

Затѣмъ подоспѣвшій чай, заваренный тутъ же въ походномъ чайникѣ, и тишина наступившаго вечера какъ-то отрадно дѣйствуютъ на ваше измученное существо, и вы, забывъ все пережитое впродолженіи цѣлаго дня, всецѣло проникаетесь только однимъ неизъяснимымъ желаніемъ—какъ можно скорѣе попасть въ палатку и заснуть на своемъ неприхотливомъ походномъ ложѣ...

Иногда умолкнувшій грохотъ канонады и прелесть развернувшихся передъ нами окрестностей Карса, постепенно окутывающихся вечернимъ сумракомъ среди тихой лѣтней погоды, навѣвали на насъ поэтическое настроеніе, и мы, невзирая на усталость и пользуясь досугомъ, устраивали концертъ, если только приходилось сидѣть въ траншеяхъ не одному, а съ нѣсколькими товарищами. Такимъ образомъ пишущій эти строки, сидя 20-го числа іюня мѣсяца на батареѣ № 18, импровизировалъ недурное тріо. Въ виду грозныхъ укрѣпленій Араба, Карадага и Гафисъ-паши, на разстояніи какихъ-либо 800—1200 саженъ отъ ихъ верковъ, изрыгавшихъ цѣлый день въ насъ смерть,—мы съ чувствомъ пропѣли извѣстный дуэтъ изъ „Сонамбулы“ и нѣсколько мотивовъ изъ „Лукреціи“ и „Травіаты“. Быть можетъ, на нашу долю выпала такимъ образомъ честь быть первыми исполнителями мелодичной музыки Беллини и Верди вблизи грозной турецкой твердыни....

Я нарочно передаю здѣсь всѣ эти мелочи для того, чтобы дать читателю всѣ детали общей картины нашей траншейной жизни....

III.

Какъ разъ въ самый разгаръ бомбардированія Карса вышелъ въ свѣтъ 13 № „Иллюстрированной хроники войны“, составлявшей въ то время, какъ извѣстно, еженедѣльное приложеніе ко „Всемірной Иллюстраціи“ г. Германа Гоппе. Въ этомъ номерѣ былъ помѣщенъ рисунокъ (за неимѣніемъ подъ рукою вышеназваннаго №, я не могу вспомнить фамилію художника-корреспондента), имѣющій претензію изобразить бомбардированіе вышеупомянутой крѣпости. Помимо той стереотипности, которая бываетъ, обыкновенно, удѣломъ нашей доморощенной батальной живописи, вышеназванный рисунокъ страдалъ еще самой беззастѣнчивой неправдою. У художника наши батареи, напримѣръ, были изображены изрыгающими страшный огонь по крѣпостнымъ веркамъ, изъ-за кото-

рыхъ виднѣлись какія-то стѣны съ башнями, мечети, и все это было окутано страшнымъ дымомъ съ пламенемъ отъ разрыва гранатъ и бомбъ, попадающихъ непремѣнно въ вышеупомянутыя постройки. Словомъ, картина выходила чрезвычайно страшная въ лубочномъ значеніи этого слова и въ высшей степени комичная по своей абсолютной неправдѣ. Фантазія художника, воспитанная, какъ видно, на образцахъ Суздальской школы, дала такимъ образомъ читателямъ „Всемірной Иллюстраціи“ одинъ изъ тѣхъ эстамповъ, которыми въ изобиліи торгуетъ Никольская улица и толкучій рынокъ въ Москвѣ. Дѣло въ томъ, прежде всего, что ни въ одномъ изъ тѣхъ фортовъ, противъ которыхъ было направлено дѣйствіе нашей осадной артиллеріи, изъ-за брустверовъ не видно ни стѣнъ, ни башенъ, ни минаретовъ. Укрѣпленія Карса оттого-то и имѣютъ значеніе первоклассной крѣпости, что внутренность ихъ совершенно недоступна взору осаждающаго; только однѣ черныя полоски, виднѣющіяся то тамъ, то здѣсь на различныхъ холмахъ, составляющихъ извѣстный массивъ карскаго укрѣпленнаго лагеря, вотъ что представляло единственную цѣль для нашего огня.... Впрочемъ, заговоривъ о рисункѣ спеціальнаго художника-корреспондента „Всемірной Иллюстраціи“, я, такъ сказать, сдѣлалъ невольное отступленіе отъ главнаго предмета своего очерка, а потому снова возвращаюсь къ нему.

Каждая изъ нашихъ осадныхъ батарей имѣла своего командира, артиллерійскаго офицера. Этотъ послѣдній, находясь на батареѣ отъ 3-хъ до 5-ти дней въ среднемъ выводѣ, могъ считаться совершенно изолированнымъ въ это время отъ всего остальнаго лагернаго міра; онъ долженъ былъ оставить всѣ заботы о какомъ-либо личномъ удобствѣ, забыть самые необходимые интересы своего личнаго существованія и изо-дня въ день проживать среди такого страшнаго грохота, отъ котораго по меньшей мѣрѣ къ вечеру можно было получить временную глухоту. Впрочемъ, положеніе его было далеко не такъ тяжело въ нравственномъ отношеніи, какъ офицера, находившагося въ траншеяхъ, потому что оно было далеко не такъ пассивно. Въ то время какъ послѣдній, т. е. пѣхотный офицеръ, выдерживалъ страшную пытку, лежа подъ выстрѣлами непріятельскихъ орудій, безъ всякаго дѣла,—командиръ батареи былъ дѣятельно занятъ каждую минуту: онъ слѣдилъ за паденіемъ снарядовъ, онъ, наконецъ, регулировалъ стрѣльбу своихъ орудій и т. д. Онъ, безъ сомнѣнія, истомился физически больше, но то въ высшей степени гнетущее нравственное состояніе, о которомъ я уже говорилъ прежде, было, конечно, ему чуждо. Только по окончаніи дневной канонады и подвоза на батарею всего нужнаго для будущаго дня, командиръ батареи, разбитый страшнымъ напряженіемъ силъ въ періодъ дня, могъ приступить къ удовлетворенію своего голода и отдыха. Сонъ же подобнаго господина, обязаннаго разъ сто выскочить въ продолженіи дня изъ-

за бруствера своей собственной батареи съ биноклемъ въ рукахъ для опредѣленія степени удачности своихъ выстрѣловъ, могъ быть, безъ всякой натяжки, уподобленъ по своей крѣпости сну совершенно истомленнаго непосильнымъ трудомъ бурлака, прикорнувшаго гдѣ-нибудь на песчанномъ откосѣ Волги. Я уже и не говорю здѣсь о той ежеминутной опасности, которая грозила командиру осадной батареи въ періодъ его постояннаго выбѣганія изъ-за бруствера. Для того, чтобы дать читателю понятіе объ этомъ предметѣ не въ общихъ фразахъ, я позволю себѣ вкратцѣ остановиться здѣсь на томъ печальномъ мартирологѣ, которымъ ознаменовалось наше бомбордированіе Карса въ его первый — лѣтній періодъ.

За брустверами нашихъ осадныхъ батарей, а также около траверсовъ, несмотря на всю видимую опасность, приходилось прятать боченки съ порохомъ. Турецкіе наводчики, какъ показалъ опытъ, знали свое дѣло очень хорошо: два—три выстрѣла и снарядъ ихъ попадаетъ прямо въ брустверъ нашей батареи. Числа 11-го или 12-го, если только не ошибаюсь, турецкая граната пронизала брустверъ одной изъ нашихъ батарей, попала въ боченокъ съ порохомъ и произвела взрывъ, которымъ отбросило сажени на двѣ за батарею ея командира, подпоручика С. Несчастный, еще совершенно молодой человѣкъ, получилъ такое сильное сотрясеніе мозга, отъ котораго дня два не приходилъ въ себя....

6-го іюня, на батареѣ № 9, въ тотъ моментъ, когда артиллерійскій офицеръ Цейдлеръ легъ на брустверъ и слѣдилъ за полетомъ только-что пущенной съ батареи гранаты, осколокъ турецкаго снаряда пролетаетъ у него подъ мышкою, вырываетъ мягкія грудныя части и почти отрываетъ руку.... Офицеръ этотъ черезъ нѣсколько дней умеръ, выдержавъ однако, ампутацію руки.

10-го числа того же мѣсяца артиллерійскій офицеръ Калишевскій, юноша полный жизни, одаренный блестящими способностями и представительной наружности, наконецъ—участникъ сербско-турецкой войны, палъ жертвою своего самоотверженія. Будучи назначенъ наканунѣ командиромъ одной изъ нашихъ осадныхъ батарей, онъ былъ убитъ наповалъ въ первый-же день своего пребыванія на батареѣ въ то время, когда вышелъ за брустверъ и слѣдилъ въ бинокль за паденіемъ снарядовъ.

IV.

Оба фланга общей линіи нашихъ осадныхъ батарей ежесуточно обезпечивались, помимо прикрытія отъ пѣхоты, еще и казачьими пикетами. Слѣдующія нѣсколько строкъ этого очерка я посвящу этимъ послѣднимъ.

Европейскіе корреспонденты, находившіеся при нашей дѣйствующей

арміи, невольно остановили свое вниманіе на нашихъ казакахъ и посвятили, какъ извѣстно, описанію ихъ первыя изъ своихъ писемъ, отправленныхъ ими къ своимъ патронамъ вслѣдъ за переходомъ нашихъ войскъ за р. Прутъ. Предметъ, бросившійся такъ рѣзко въ глаза представителямъ заграничной печати въ нашей арміи, былъ, дѣйствительно, настолько своеобразенъ, что, за неимѣніемъ въ то время другаго матерьяла для своихъ корреспонденцій, они описывали въ нихъ не только нашъ казачій костюмъ, но и молодецко-удалую посадку казаковъ и даже степень крѣпости и выносливости ихъ съ виду тощихъ и заморенныхъ, но на самомъ дѣлѣ выносливыхъ и крѣпкихъ лошадей. И дѣйствительно, при взглядѣ на нашего казака, ѣдущаго на своей лошади, невольно остановишься въ раздумьи—кто изъ нихъ, всадникъ ли, или-же его конь, выноситъ съ большею легкостью и нечувствительностью всю ту страшную массу труда и всевозможныхъ лишеній, изъ которыхъ обыкновенно состоитъ развѣдочная служба?... Но это будетъ только поверхностный выводъ, основанный на зрѣлище неумытаго, запыленнаго, а подъ часъ и драпирующагося въ разорванное до невозможности платье, человѣка—съ одной стороны, и исхудалой до нельзя лошади—съ другой. Нѣтъ, для того, чтобы вполнѣ оцѣнить всю трудность казачьей жизни и службы,—нужно хотя разъ взглянуть на ту обстановку, полную всевозможныхъ лишеній, среди которыхъ эта жизнь и эта служба проходятъ. Тутъ даже такія органическія потребности человѣка, какъ удовлетвореніе его голода, сонъ и возможность согрѣться и высушиться послѣ проведенной подъ страшнымъ дождемъ ночи гдѣ либо на аванпостахъ,—даже такія, повторяю, потребности зачастую игнорируютъ совершенно, благодаря обстоятельствамъ службы.... Если условія мирной службы нашего казака, по разсказамъ знающихъ эту службу лицъ, полны подъ часъ такихъ лишеній, разсказы о которыхъ кажутся баснями,—то чего можно ожидать отъ этой службы въ такое тревожное и трудное время, какъ военное?....

26 е число іюня мѣсяца. Ночь такая темная, что вы не можете разсмотрѣть даже голову коня, на которомъ ѣдете. Сильный, всепроникающій дождь и поминутно вспыхивающая молнія, послѣ которой тьма дѣлается еще кромешнѣе, буквально лишаютъ васъ возможности двигаться куда либо. Мѣстность—самыя ближайшія окрестности Карса, слѣдовательно, далеко не безопасная. За невозможностью оріентироваться, вы начинаете блуждать и, наконецъ, совершенно теряетесь подъ вліяніемъ сознанія той непріятности, которая ожидаетъ васъ, если только вы наткнетесь на непріятельскіе аванпосты.... Въ такомъ отчаянномъ положеніи очутился я въ описанную ночь, выѣхавъ изъ лагеря, по обязанности рунди, въ 9-ть часовъ вечера для повѣрки цѣпи нашихъ аванпостовъ. Я уже начиналъ терять окончательно всякую надежду

выбиться какимъ либо путемъ изъ непріятнаго положенія провести ночь среди поля въ сообщничествѣ только своей лошади,—какъ вдругъ конь мой заржалъ; отвѣтомъ на это ржаніе было такое-же отдаленное ржаніе. Мучимый сомнѣніями относительно дружелюбія того пункта, откуда раздалось это ржаніе, я всетаки пустилъ поводья и вполнѣ довѣрился лошади; минутъ черезъ десять я наткнулся на казачій пикетъ. Въ глубокой тишинѣ, совершенно неподвижно стоялъ конный часовой и чутко прислушивался. Обмѣнявшись „пропускомъ“ и разсказавъ о своемъ непріятномъ путешествіи, я, какъ только очистившися отъ тучъ небо дало возможность сколько нибудь различать окружающіе предметы, былъ препровожденъ на ближайшую „заставу“, гдѣ и провелъ остальную ночь. Здѣсь я, конечно, спать не могъ, такъ какъ окружающія меня грязь и мокрота дѣлали сонъ этотъ положительно невозможнымъ. Во время этого невольнаго бодрствованія я разговорился съ находящимся на „заставѣ“ казачьимъ офицеромъ, повидимому совершенно хладнокровно относившемся къ неудобствамъ холодной и дождливой ночи.

— Часто выпадаетъ вамъ на долю быть въ такомъ поистинѣ отчаянномъ положеніи?—спросилъ я своего собесѣдника.

— Эхъ, батюшка,—отвѣчалъ мнѣ онъ,—это ли положеніе?... Я по крайней мѣрѣ сегодняшній день спалъ часа два и вотъ сейчасъ только закусилъ (при этомъ онъ предложилъ мнѣ стаканъ вина). А вѣдь выпадаетъ иной разъ—и очень часто—такіе деньки, что не спавши и не ѣвши проводить нѣсколько сутокъ подрядъ ничуть ни лучше этого.

— Ну, а ваши казаки?—спросилъ я, услыша беззаботный и не лишенный юмора говоръ въ казачьихъ группахъ, окружающихъ насъ.

— Да и казакамъ ничего сегодня. Вчера они пообѣдали такъ какъ слѣдуетъ. А то вѣдь бываетъ такъ: не смотря на то, что и казакъ нашъ получаетъ въ настоящее время ту же усиленную порцію, какъ и вашъ солдатъ, — ему очень и очень рѣдко приходится воспользоваться ею, потому все въ разъѣздахъ да въ поискахъ..... И не повѣрите-ль,—заключилъ свою рѣчь мой новый знакомый,—удивляешься не тому, что самъ все это переносишь—нѣтъ, удивляешься выносливости своего безотвѣтнаго друга—лошади....

Мих. Поземковскій.

Кюрюкъ-Дара, 1-го іюля 1877 года.

ВОСПОМИНАНІЯ СО ВРЕМЕНИ РАНЕНІЯ ВЪ КАВКАЗСКОЙ АРМІИ.

I.

Это было 20-го сентября. Цѣпь только-что залегла, послѣ долгаго отхода назадъ. Большаго труда стоило удержать моихъ гренадеръ отъ безпорядочной, лихорадочной, если можно такъ выразиться, стрѣльбы: вложилъ патронъ и, почти не цѣлясь, трахъ! тотчасъ же опять. Съ нашими солдатиками это почти всегда бывало при отступленіи, особенно съ только-что недавно поступившими, еще не обстрѣленными.

Лежимъ четверть часа, полчаса, стрѣльба все также тра-та-та... тата-та... до утомленія однообразно. Я лежу рядомъ съ товарищемъ, субалтерномъ ближайшей по цѣпи роты. Стрѣляли и мы, надоѣло. Я встаю, хочу пройтись.

— Лежи, не вставай! Слышишь, какая жарня! предостерегаетъ С—цкій.

Трескотня дѣйствительно все усиливается и усиливается; пули то жужжатъ, то мяучатъ, то, будто градъ, грянетъ залпъ трр... Около раздается: ай! ай! Одинъ схватился за руку и черезъ силу встаетъ, чтобы идти на перевязочный; другой только ахнулъ и тутъ же опустилъ голову; третій... и т. д.

Нѣтъ, надоѣло; я всталъ; иду шагъ, другой... вдругъ кто-то или что-то ударило меня въ спину; я задохнулся будто отъ удара кулакомъ подъ сердце... ахъ! что это? Раненъ я, или нѣтъ? Смотрю, Терсинцевъ, мой унтеръ-офицеръ, подбѣгаетъ.

— Ваше б-іе, вы ранены!

Тутъ только я замѣтилъ кровь изъ рукава правой руки. Сажусь:

больше идти пасъ! Въ бокахъ, въ груди, вездѣ колетъ при каждомъ шагѣ. Терсинцевъ кое-какъ перевязалъ меня, взялъ подъ руки и потащилъ на перевязочный пунктъ. Идемъ 10—15 шаговъ; смотрю, Терсинцева куда-то толкнуло, ружье въ одну сторону, онъ въ другую и не ахнулъ: пуля изъ виска въ високъ... Я, какъ сумасшедшій, отскочилъ отъ него. Вчера еще мы съ нимъ шли ночью рядомъ и онъ собирался напиться пьянъ отъ радости, если разобьемъ турокъ.

Повелъ меня другой. Я съ грустью оглянулся назадъ. Съ нашей стороны, гдѣ были мы, Мингрельскій полкъ, шло отступленіе, цѣлый день неудачнаго боя, послѣ столькихъ неудачъ; грустно и тяжело! Кизиль-Тапа вся въ дыму. Кажется, елисаветпольцы и эриванцы идутъ успѣшно. „Шеганъ“ курится, и выше, и выше идутъ стрѣлки и перновцы. Меня все тащутъ. Жара страшная; хочется пить, хочется отдохнуть, силъ нѣтъ; а гранаты рвутся то спереди, то сбоку, сзади. „Перевязочнаго“ еще не видать, а ползутъ къ нему десятки, сотни. Кровь на травѣ, на камняхъ; сзади пули. Когда-то дойдемъ! Никогда не наберешься такого страха, какъ проходя назадъ, въ самомъ страшномъ огнѣ; не думаешь о томъ, что можетъ задѣть тебя пуля, а тутъ такъ и кажется, что вотъ, вотъ...

На пол-дорогѣ что-то еще стегануло меня въ ногу; плохо, думаю, еще и безъ ноги... Лѣзу въ карманъ брюкъ и вынимаю свой портсигаръ,—исковерканъ и двѣ дыры. Хорошо, хоть этимъ отдѣлался. А вотъ и перевязочный пунктъ: крики, стоны. Одинъ мой знакомый К—аго полка уже умираетъ и, только задыхаясь, проситъ: „воды, воды!“

Меня перевязали, вырѣзали пулю и отправили въ фургонѣ Краснаго креста въ госпиталь на Караялѣ. Не помню, какъ я доѣхалъ,—очнулся я поздно ночью въ госпиталѣ № 3-й.

Лежишь, не двигаясь съ мѣста: подняться нѣтъ силъ. Рядомъ однополчанинъ М—къ, съ другой стороны елисаветполецъ, молодой, красивый мальчикъ прыгаетъ себѣ на одной ногѣ, и веселъ,—ему ничего: раненъ легко. Въ баракѣ, являясь всюду, освѣщаетъ все своей привѣтливой улыбкой старшая сестра, княгиня Х—ва; съ какою любовью, радостью смотрятъ на нее всѣ раненые; всѣ уже знаютъ, что это она,—всѣми любимая „милосердная“ Юлія Васильевна Х—ва. Дѣйствительно, не было во всѣхъ кавказскихъ госпиталяхъ (хотя я не хочу этимъ отнять что-либо отъ другихъ, не менѣе извѣстныхъ сестеръ) сестры, которая бы съ такою любовью, съ такимъ сочувствіемъ ухаживала за ранеными. Она въ знаменитый день 20-го сентября отдала всю свою постель до послѣдней подушки раненымъ, когда ихъ было не на что положить. Цѣлые дни и ночи она просиживала около раненыхъ, не смыкая глазъ иногда въ теченіи нѣсколькихъ сутокъ. Да, Россія можетъ гордиться подобными „милосердными“, какъ недаромъ зовутъ ихъ солдатики...

Лежимъ и разсуждаемъ о дѣлѣ... Оказывается, что опять, какъ послѣ 6-го и 13-го августа, мы ничего не выиграли и не проиграли; нѣсколько разъ отступили, но ночевали все-таки на позиціи передъ врагомъ. Теперь утро, а орудія все еще гремятъ, трещатъ залпы, а раненые безъ конца; много ихъ,—говорятъ, со вчерашнимъ болѣе 2000 нижнихъ чиновъ и до 100 офицеровъ.

Вотъ пришелъ адъютантъ батальона, въ которомъ я былъ, тоже раненъ въ ногу.

— Что же батальонъ?

— Ну, батюшка, раскассировали!

И правда, досталось намъ вчера: Мингрельскій полкъ всю кампанію не имѣлъ большихъ потерь, а 20-го сентября выбыло изъ строя около 20 офицеровъ и 400 слишкомъ солдатъ. Елисаветпольцы у Кизиль-Тапы потеряли 25 офицеровъ, тифлисцы, перновцы—полкъ московской гренадерской дивизіи, въ этотъ день первый разъ крестившійся огнемъ, тоже поплатились. Но досталось и туркамъ. „Шеганъ“ (такъ звали солдаты Большія Ягны) взятъ и много тамъ положено въ траншеяхъ турокъ, даже женщину, говорятъ, нашли убитую. Только воды нѣтъ на этихъ „Ягнахъ“, и плохо приходится московскимъ гренадерамъ: они еще не свыклись съ нуждою такъ, какъ наши кавказцы; не сладко послѣ Москвы; но ничего — обойдутся и такіе же станутъ; вѣдь и 40-я дивизія, пришедшая къ намъ въ августѣ, сначала была неопытна и невынослива, а теперь ничего, —и съ кавказцами можетъ постоять.

Гулъ, трескъ ружейной пальбы вдали, стоны раненыхъ; а дѣло все идетъ и идетъ. Лежишь и думаешь: когда же это кончится? А кончилось оно ровно черезъ два дня — 23-го числа. Мы причемъ были, такъ и остались. Тяжело, но что же? Сдѣлали все, что могли.

II.

Пальба затихла, кончилась. Раненые, которые могли, увезены въ Александрополь; остались одни почти неподвижные. Неутомимая Юлія Васильевна по-прежнему хлопочетъ около несчастныхъ страдальцевъ. Вдругъ раздался громъ оружія и въ баракѣ сразу отчего-то посвѣтлѣло, лица у всѣхъ сіяющія: это вошелъ Его Высочество Великій князь Михаилъ Николаевичъ, отецъ всей арміи. Кто могъ, всталъ на встрѣчу. Его Высочество милостиво здоровался и говорилъ съ каждымъ изъ насъ высокій гость, и невольно билось отчего-то сердце, и хотѣлось бы сдѣлать и пожертвовать еще бо́льшимъ.

Сзади Великаго Князя, адъютантъ его, графъ Толстой, раздавалъ каждому изъ насъ по 100 рублей изъ собственныхъ суммъ Его Высочества. Великій Князь послѣ каждаго дѣла оказывалъ эту милость всѣмъ раненымъ.

Только черезъ недѣлю я могъ отправиться въ Александрополь. Уложили насъ въ двух-колесныя таратайки и, съ аккомпаниментомъ „оховъ", отправили. Я лежу съ поручикомъ К—аго полка, безногимъ. Строимъ мы съ нимъ планы, какъ, полежавши въ Александрополѣ, поѣдемъ въ Тифлисъ, а тамъ—въ Россію, къ роднымъ и т. д. Вдругъ стопъ! и транспортъ ни съ мѣста. Что такое? Оказывается, что наши конвойные не обѣдали и, подъѣхавъ къ своимъ лагерямъ, ускакали не спросясь никого и бросивъ насъ и лошадей, которыя могли бы спустить всѣхъ насъ куда-нибудь въ кручу. Поручикъ мой злится, я еще больше. Зовемъ старшаго унтеръ-офицера,—тотъ тоже ничего не знаетъ,—ускакали и конецъ; ждемъ полчаса, часъ...

— Ну, ужъ я ему задамъ! горячится поручикъ:—Дайте-ка яблоки!

Они у насъ были,—я далъ, не зная зачѣмъ они понадобились; наконецъ вернулся нашъ ѣздовой

— „А, поди-ка сюда, чортова голова, такъ ты уходить безъ спросу? вотъ же тебѣ", разъ! разъ!

Яблоко за яблокомъ летитъ въ ѣздоваго. Хоть этимъ отмстили и поѣхали опять.

Отъ Караяла до Александрополя верстъ 35, дорога плохая, каменистая, таратайка наша постоянно наѣзжаетъ на камни и они раздаются по всему транспорту.

Въ Пирвали и Кириль-Чахъ-Чихъ попутныхъ армянскихъ аулахъ устроены этапные пункты для раненыхъ; здѣсь насъ напоили чаемъ, дали вина и немного отдохнуть. Армяне, тѣснясь кругомъ, разсуждали о насъ и съ нами и каждый чѣмъ нибудь выражалъ свое сочувствіе, особенно къ солдатикамъ.

Наконецъ уже поздно ночью мы пріѣхали въ Александрополь. Куда? какъ? Гдѣ лазаретъ и въ какой насъ везти? Никто не знаетъ—ѣдемъ въ одинъ,—занято все, въ другой—тоже самое. А тутъ уже не въ моготу, всѣ намучились, каждому хочется лечь; Юлія Васильевна всѣхъ успокоиваетъ: „сейчасъ, сейчасъ голубчикъ!" А кругомъ галдятъ армяне и ничего разобрать нельзя:—тотъ тащитъ въ одно мѣсто, другой въ другое и черезъ добрыхъ два часа попали мы наконецъ въ госпиталь, помѣщавшійся въ зданіи городскаго клуба и улеглись.

III.

Пріятно было проснуться на другой день въ мягкой постели, напиться покойно чаю и умыть долго немытое лицо и руки; какъ-то легче чувствовалась на душѣ, не слыша визга пуль и гула гранатъ и только зіяющія отверстія въ тѣлѣ да вся обстановка не позволяла забыть, почему и зачѣмъ мы здѣсь уложены.

Леченіе въ Александрополѣ пошло уже регулярно, хотя на все наше отдѣленіе изъ 30 человѣкъ и было всего одинъ докторъ и двѣ сестры, но нужно было удивляться ихъ дѣятельности: обыкновенно перевязка начиналась часовъ въ 9 утра и къ часу все кончалось; сестры отправлялись за обѣдомъ для насъ, затѣмъ они же къ 6-ти часамъ приготовляли чай и опять перевязка, а потомъ ужинъ; ночью все таки имъ не приходилось успокоиться,—нужно было дежурить около опасныхъ. Вообще въ это время въ Александрополѣ при ужасномъ наплывѣ раненыхъ медицинскій персоналъ былъ въ очень незначительномъ размѣрѣ, такъ что одному доктору иногда приходилось перевязывать въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ. Содержаніе раненыхъ, благодаря помощи краснаго креста, было болѣе чѣмъ удовлетворительно: ежедневно намъ давали хорошій обѣдъ и ужинъ, вино а иногда фрукты, бѣлье перемѣнялось постоянно, такъ что жаловаться было нечего.

Въ началѣ октября пошелъ говоръ, что къ намъ ѣдетъ Ея Высочество Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна; всѣмъ намъ конечно радостно было видѣть нашу попечительницу и супругу нашего Главнокомандующаго тѣмъ болѣе, что пріѣздъ этотъ былъ большимъ знакомъ высокаго къ намъ вниманія и заботливости Ея Высочества, такъ какъ пріѣздъ изъ Тифлисса въ Александрополь былъ очень безпокоенъ и затруднителенъ въ это время.

Около 8-го числа, какъ-то часа въ 4 вечера госпиталь нашъ былъ наконецъ осчастливленъ прибытіемъ Ея Высочества вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ, который всю кампанію пробылъ также въ арміи и за славное дѣло 3-го октября награжденъ Георгіевскимъ крестомъ.

Милостиво переговорила Великая Княгиня со всѣми нами, распросила о всѣхъ нуждахъ. Большая часть изъ насъ, въ томъ числѣ и я, просили объ отправленіи въ Россію, Ея Высочество непремѣнно обѣщала просить Великаго Князя и мы обрадованные стали съ нетерпѣніемъ ждать того дня, когда мы наконецъ отправимся домой, хотя и хотѣлось бы побыть еще на штурмѣ Карса, можетъ быть Эрзерума, но чтоже дѣлать если нельзя!

Въ ожиданіи отправленія домой намъ пришлось однако пробыть въ Александрополѣ еще около 2-хъ мѣсяцевъ; въ это время еще понавезли раненыхъ, еще тѣснѣе стало въ Александропольскихъ госпиталяхъ, тѣмъ болѣе, что изъ громадной массы плѣнныхъ, находившихся въ Алексадрополѣ, значительный процентъ ихъ тоже заболѣвали и помѣщались въ госпиталяхъ.

Наконецъ, въ началѣ ноября составили транспортъ и четверо изъ насъ, уложенные опять въ тѣже двуколесныя таратайки, были отправлены въ Тифлисъ. Мѣрно колыхаясь, покатили наши таратайки часовъ

въ 7 вечера изъ Александрополя; начинало уже морозить и насъ продирала дрожь, хотя и укрыты мы были тепло и таратайки закрыты парусиной, но съ горнымъ вѣтромъ не справиться и не укроешься.

Поздно ночью пріѣхали мы на первую этапную станцію въ Ахъ-Булахѣ. Тамъ уже раньше насъ прибылъ транспортъ, такъ что насилу могли отыскать койки и уложить насъ.

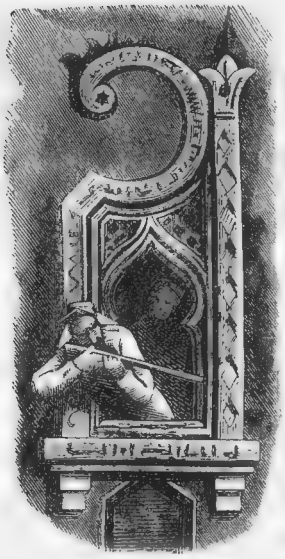
И такъ въ теченіи семи сутокъ тащились мы до Тифлиса, останавливаясь ночевать въ этапныхъ пунктахъ иногда и хорошо устроенныхъ, а иногда и не особенно.

Наконецъ 1-го ноября пріѣхали мы въ Тифлисъ и пролежавши тамъ въ госпиталѣ московскаго дворянства недѣлю, я уже катилъ черезъ Владикавказъ въ санитарномъ поѣздѣ въ Россію.

Мингрелецъ.

30-го марта.

О СМЕРТИ ПОЛКОВНИКА БѢЛИНСКАГО.



виженіе наше изъ Караджурана въ колоннѣ Граббе, происходило въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди вмѣстѣ съ охотниками шла 4-я рота 1-го Кавказскаго стрѣлковаго батальона (капитанъ Бейнардъ); за охотниками команда артиллеристовъ для порчи орудій, и саперовъ съ лѣстницами и досками для перехода черезъ волчьи ямы; за ними, шагахъ въ 25-ти, шла моя рота; на такомъ-же разстояніи за мной 13-я и 15-я роты рядомъ, а потомъ, шагахъ въ 30-ти, 14-я рота со знаменемъ; впереди съ охотниками шелъ проводникъ, армянинъ изъ Карса, одѣтый въ солдатскую шинель, который долженъ былъ, указавъ Бейнарду дорогу на Канлы, осадить потомъ къ генералу Граббе.

Шагахъ въ 300-хъ отъ нашего батальона шли 3 роты 1-го стрѣлковаго батальона (маіоръ Геричъ—убитъ), при нихъ, кажется, находился Граббе, наконецъ также шагахъ въ 300-хъ отъ стрѣлковъ, шелъ Бѣлинскій съ Перновскимъ полкомъ.

Нашему батальону сказали, чтобы правый нашъ флангъ ударилъ на Канлы съ правой стороны, а остальныя—быстро забѣжать съ горжы и захватить желѣзныя ворота.

Не отвѣчая на выстрѣлы, мы подошли очень близко и, мнѣ кажется, не больше, какъ шаговъ за 200-ти отъ укрѣпленія и траншеи, крикнули „ура!“...

Захвативъ съ одного маху соединительную траншею между Канлы и Сувари, мы кинулись на ошалѣвшихъ, выскакивающихъ изъ палатокъ турокъ, часть которыхъ бросилась къ Карсъ-чаю, а часть къ Канламъ.

Охотники бросились за бѣгущими къ Карсу; 13-я и 15-я роты, поворотивъ направо, побѣжали по задней сторонѣ турецкаго лагеря, стрѣляя на огонь въ палатки, и убивая выскакивающихъ и бросающихся во всѣ стороны турокъ, и бросились на правый, открытый съ горжи, редутъ Канловъ.

Я со своей и Михалевичъ съ 14-й ротой, тоже забѣжавъ лѣвымъ плечомъ, пробѣгали передней линейкой палатокъ, гонясь за бѣгущими передъ нами турками, которые, направляясь къ Канламъ, какъ-бы сами указывали намъ дорогу, ибо въ темнотѣ еще нельзя было различить главнаго укрѣпленія. Большая часть турокъ растерялась окончательно: иной до того ошалѣвалъ, что бѣжалъ рядомъ съ нашими солдатами, принявъ вѣроятно ихъ, съ испугу за своихъ, пока кто-нибудь не разбивалъ ему прикладомъ голову; но нѣкоторые храбрые люди выскакивали съ ружьями изъ палатокъ и, бросаясь на насъ, кричали и били своихъ, стараясь ихъ остановить; такихъ мы приказывали, чтобы скорѣе убивали, чтобы не дать имъ возможности прекратить панику и возстановить порядокъ. Лѣвѣе какіе-то солдаты разносили кавалерійскую коновязь съ лошадьми и били несчастныхъ Сувари.

По слѣдамъ бѣгущихъ мы вдругъ увидѣли высокій, темный профиль средняго редута Канлы. Уже возбужденные успѣхомъ перваго удара, люди кинувшись къ редуту, закричали: Канла! Канла! Ваше благородіе, Канла! Го! го! го! го! Какую батарею насыпалъ! И снова крикнувъ „ура!“ не смотря на встрѣтившую насъ съ редута сильнѣйшую ружейную пальбу, въ одно мгновеніе очутились у подножія редута. Укрѣпленіе оказалось замкнутымъ съ горжи каменной казармой съ бойницами, кажется, въ три или четыре ряда; окна у казармы были заложены каменьями, между которыми оставались отверстія для ружей. Лѣвѣе казармы въ каменной стѣнѣ, соединяющей казарму съ правымъ фасомъ люнета, (такъ какъ мнѣ показалось, что среднее укрѣпленіе скорѣе люнетъ, чѣмъ редутъ), были большія, окованныя желѣзомъ ворота. Валъ, соединяющій правый редутъ со среднимъ, не примыкалъ непосредственно къ правому фасу люнета, а между ними былъ оставленъ проходъ, сажени въ двѣ или три шириною, запертый барьерной калиткой, черезъ которую можно было сойти въ ровъ. Сюда потомъ мы сбрасывали своихъ убитыхъ и спускали раненыхъ во время боя на валу.

Самый валъ былъ устроенъ такимъ образомъ: валгангъ въ два уступа, причемъ брустверъ начинался не непосредственно отъ оконечности фланга люнета, т. е. у каменной одежды, но отступая отъ нея сажени на четыре на пять, вѣроятно на ширину соединительнаго вала, дабы возможно было съ крыши казармы, которая нѣсколько командовала этою частью валганга, обстрѣливать какъ самый валгангъ, такъ равно и соединительный валъ вплоть до правофланговаго редута.

Тамъ-же, гдѣ начинался брустверъ, возвышался вторымъ уступомъ и валгангъ; сюда вела небольшая апарель, которая, отлогостью своей правой стороны съ отлогостью 2-го уступа, образовала небольшую, прикрытую съ двухъ сторонъ площадку, куда Виноградовъ на первыхъ порахъ сбросилъ Бѣлинскаго.

Подбѣжавъ къ укрѣпленію, рота очутилась какъ разъ противъ желѣзныхъ воротъ, причемъ первый взводъ моей роты съ Виноградовымъ и со мною пришелся между воротами и угломъ праваго фланга люнета съ каменной стѣнкою горжи. Люди приставляли къ стѣнѣ какія-то доски, но скользили и падали назадъ. Изъ казармы шла сильная стрѣльба; съ фронта люнета, за рвомъ, мы слышали, тоже кричали ура! и съ брустверa трещала перестрѣлка. Это Граббе, обойдя съ правой стороны небольшой, стоящій впереди Канловъ редутъ, играющій какъ-бы роль равелина, атаковывалъ люнетъ съ фронта. Правѣе мы слышали крики и стрѣльбу нашей 13-й и 15-й ротъ, бравшихъ съ Энкелемъ правый редутъ.

Бросивъ доски, мы на четверинькахъ въ одно мгновеніе вскарабкались на валъ.

Вскочивъ на валъ, мы увидѣли внизу казарму, дворъ съ тремя рядами, разбитыхъ на немъ палатокъ, и кучу людей, толпившихся у воротъ. На части волганга, непрекрытой брустверомъ, не было никого. Турки стояли за брустверомъ.

Обѣжавъ оконечность бруствера и, слыша впереди на фасахъ укрѣпленія стрѣльбу, мы вскочили на апарель и я замѣтилъ кучку людей въ башлыкахъ, прижавшихся къ брустверу. Принимая ихъ за своихъ, такъ какъ фесокъ не было видно, а многіе изъ нашихъ надѣли башлыки, я, подбѣгая къ нимъ, закричалъ: „братцы! впередъ, впередъ! Захватимъ у турки орудіе!“

Вдругъ они оборотились ко мнѣ, и я увидѣлъ, что это турки.

Не успѣлъ я выхватить шашку и отпрыгнуть назадъ, какъ они съ крикомъ бросились на насъ и одинъ изъ нихъ, кинувшись на меня, бросилъ ружье и, прыгнувъ съ уступа, схватилъ меня за плечи, но въ тоже время, бѣжавшій за мной Виноградовъ ударилъ его штыкомъ въ грудь и онъ упалъ, скользнувъ по моей груди головой и умирая, слегка сжалъ въ судорогѣ мнѣ ноги.

Турки сбили насъ на старое мѣсто, т. е. за апарель и брустверъ къ горжѣ. Не понимаю, какъ они не догадались поворотить, стоявшее всего въ нѣсколькихъ саженяхъ, орудіе и хватить по насъ картечью!

Раза два мы пробовали снова кидаться изъ-за бруствера по апарели на уступъ волганга къ орудіямъ, но неудачно. Пули турокъ, лежавшихъ впереди насъ на уступѣ за орудіемъ, не наносили къ счастію намъ такого урона, какой можно было-бы ожидать; они лежали на уступѣ и были выше насъ, засѣвшихъ на нижней площадкѣ, и много пуль не-

релетало черезъ головы. Въ это время на крышѣ казармы начали появляться люди; они стали на колѣни, залегли по краю крыши и открыли по насъ стрѣльбу. Хотя всѣ и кричали: „братцы! держись, держись! Чтобъ не сбилъ съ вала!“ Но, тѣмъ не менѣе, часть людей начала постепенно сползать по наружной отлогости: пули съ фланга наносили сильный уронъ, съ фронта съ уступа мы терпѣли не такъ. Люди по сообразительнѣй, сразу управились съ крышей; они тотчасъ-же обратили вниманіе всей толпы на это мѣсто, и показали какъ съ нимъ управиться. „вылѣзъ на крышу! Съ крыши стрѣляетъ! Не пущай его выходить! Бей всѣ по крышѣ!“ Разстояніе было самое ничтожное, нѣсколько саженъ, турокъ не успѣло выйти много, и нѣсколько дружныхъ залповъ цѣлой толпы сразу очистили крышу.

Въ это время, не помню ясно, но кажется къ нашему флангу, къ барьерной калиткѣ, подъѣхало два верховыхъ, одинъ на бѣлой, другой на темной лошади. Они подъѣхали вѣроятно со стороны турецкаго лагеря, т. е. съ горжи, ибо морды лошадей были поворочены къ калиткѣ: Думаю, что можетъ быть одинъ изъ нихъ былъ Бѣлинскій. Они что-то кричали, но что—я не разбиралъ. Черезъ нѣсколько времени на валъ, по той-же дорогѣ по которой взошли мы, влѣзъ какой-то офицеръ Перновскаго полка. Принимая его за капитана, я, взявши его за бортъ мундира, чтобы обратить его вниманіе и, дергая его, закричалъ:

— Капитанъ! капитанъ, собирай вашихъ людей! Пойдемъ въ атаку, тутъ у нихъ орудіе!

Вдругъ онъ отдернулъ мою руку и рѣзкимъ голосомъ сказалъ:

— Во-первыхъ, не капитанъ, а полковникъ, а во-вторыхъ, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Мартыновъ, поручикъ Севастопольскаго полка,—салютовавъ ему азіятской шашкой, сказалъ я. — Полковникъ! пойдемте въ атаку, тутъ у нихъ сейчасъ полевое орудіе, я съ своими людьми тамъ уже былъ!

— Да! отвѣтилъ онъ мнѣ раздраженнымъ голосомъ, — вы говорите въ атаку, въ атаку, а сами не идете!

Я вспыхнулъ и крикнулъ ему:

— Нѣтъ-съ! Я тамъ былъ и опять пойду, а вы велите своимъ людямъ насъ поддержать!

Тутъ окружающіе насъ мои люди тоже закричали:

— Ваше высокоблагородіе! Прикажите вашимъ людямъ дружнѣе дѣйствовать, а то что-жъ этакъ мы его не собьемъ.

Бѣлинскій вдругъ вскочилъ, быстро оборотился къ людямъ и закричалъ:

— Братцы! Впередъ! Впередъ! Поручикъ пойдемъ! Ура!

И, взмахнувъ руками, онъ кинулся впередъ.

Мы взбѣжали на апарель и кинулись къ орудію, которое хорошо

было видно и блестѣло недалеко отъ насъ на лунѣ. Бѣлинскій бѣжалъ локоть о локоть со мной, лѣвѣе меня.

Турки снова вдругъ дали по насъ залпъ и кинулись къ намъ съ криками „Аллахъ!“ По большой апарели, идущей со двора на валъ, вдругъ изъ какого-то блиндажа высыпали люди, которые бросились къ валу и часть ихъ прямо полѣзла по отлогости валанга къ намъ на валъ, мы были снова сбиты на старое мѣсто, но отбились отъ атаки. Турки почему-то, отбивая насъ, не преслѣдовали и оставались на уступѣ, довольствуясь стрѣльбою.

По первому же залпу Бѣлинскій сразу былъ убитъ на повалъ и упалъ внизъ лицомъ, раскинувъ обѣ руки впередъ: пуля ударила его въ голову около волосъ съ правой, кажется, стороны лба.

И такъ, Бѣлинскій былъ убитъ, не атаковывая казарму и ворота, какъ было сказано въ донесеніи, напечатанномъ въ 11 № Военнаго сборника за 1878 годъ, а во время боя на валу праваго фаса средняго редута Канлы и упалъ на серединѣ разстоянія между крайнимъ полевымъ правофланговымъ орудіемъ, стоявшемъ на этомъ фасѣ, и нами, засѣвшими снова на площадкѣ втораго уступа.

Тутъ я узналъ, что этотъ полковникъ былъ Бѣлинскій, ибо сейчасъ же, какъ всегда бываетъ, раздался крикъ:

— Полковника убили! Нашего полка командира убили!

Я крикнулъ: „Перновцы! унесите своего командира!“ Въ это время турки сдѣлали движеніе къ трупу, вѣроятно, желая его ограбить, тогда Виноградовъ съ крикомъ: „отрѣжутъ голову полковнику!“ кинулся на толпу турокъ и, схвативъ трупъ за ноги, быстро вытащилъ его къ намъ и, спрыгнувъ съ уступа, сѣлъ подлѣ меня, сбросивъ трупъ Бѣлинскаго на площадку около апарели, о которой я говорилъ.

Въ этотъ же моментъ Виноградовъ былъ раненъ пулею въ правую ногу выше колѣна.

Бѣлинскаго взяли Перновскіе люди и стащили съ вала внизъ. Мнѣ потомъ говорили, что будто бы трупъ его былъ избитъ турками и вся спина въ синякахъ, какъ отъ плети. Это не правда, Бѣлинскій въ рукахъ турокъ не былъ ни секунды, но лицо его могло быть изцарапано и спина побита, потому что Виноградовъ тащилъ за ноги трупъ, лежавшій внизъ лицомъ и потомъ его спускали вѣроятно на спинѣ по крутому брустверу къ барьерной калиткѣ, куда спускали всѣхъ раненыхъ.

Вотъ и все, что я могу сказать о смерти Бѣлинскаго.

Относительно Виноградова можно прибавить еще нѣсколько словъ. Когда мы наконецъ одолѣли турокъ и оттѣснили ихъ на другой фасъ редута, турки снова атаковали насъ и сдѣлали движеніе впередъ, но въ это время на валъ уже взлѣзли съ лѣвой стороны рота стрѣлковаго

баталіона и Аристотелевъ съ нашей 15 ротой и кинулись на турокъ; уже очевидно было, что мы возьмемъ верхъ. Турокъ били со всѣхъ сторонъ, они перемѣшались съ нами и старались уже о томъ, чтобы съ вала попасть въ казарму.

Въ это время мимо меня пробѣгалъ Аристотелевъ и крикнулъ: „М. В.! Поворачивай людей на дворъ, возьмемъ казарму!“ и кинулся къ апарели, ведущей съ валганги къ казармѣ.

Я уже зналъ, что сбѣжать на дворъ нельзя, изъ казармы растрѣляютъ. Еще въ началѣ дѣла какой-то саперный унтеръ-офицеръ, (жаль не знаю его фамиліи, помню только, что изъ учебной роты, судя по обшивкамъ погонъ, и съ георгіевскимъ крестомъ) и нѣсколько человѣкъ нашихъ людей съ рядовымъ Александинымъ взлѣзли черезъ пробоины въ стѣнѣ, лѣвѣе воротъ, на дворъ, гдѣ притаились за камнями у воротъ и, когда мы кинулись на валу въ атаку, они открыли огонь по палаткамъ, въ которыхъ горѣлъ огонь, и начали отваливать камни, приваленные къ воротамъ, но въ это время изъ амбразуръ открылся такой огонь, что большая часть людей была перебита (особенно желавшіе выскочить обратно въ ворота), а нѣсколько человѣкъ прижались на вытяжку между бойницъ и должны были такимъ образомъ простоять до свѣта, не шевелясь.

Не успѣлъ я ему крикнуть: „Не ходи туда, тамъ даромъ бьютъ!“ какъ услышалъ уже: „Поручика Аристотелева ранили!“ и бѣдный Аристотелевъ упалъ, прострѣленный въ животъ. Виноградовъ бросился къ нему и, взваливъ его на плечи, хотѣлъ бѣжать но въ это время на него кинулся турокъ и, ударивъ снова Аристотелева штыкомъ въ животъ, ранилъ Виноградова въ голову и ухо. Я думалъ, что онъ уже пропалъ, но не успѣлъ еще опомниться, какъ снова услышалъ его голосъ и увидѣлъ его, съ головой обвязаной какой-то тряпкою, опять бѣгущаго къ нашимъ людямъ, сдавши Аристотелева 15-й ротѣ. Потомъ онъ разсказывалъ, что бѣдный Аристотелевъ только прошепталъ: „Не оставь меня!“ и, не будучи въ состояніи держаться руками за шею, такъ схватилъ его зубами, что прокусилъ шинель, мундиръ и плечо до крови.

Наконецъ турки очистили брустверъ и дворъ укрѣпленія, скрывшись въ казарму и открывъ оттуда пальбу и въ тоже время изъ-за лѣваго угла казармы и фланга люнета выстрѣлили картечью, которая, какъ метла, снесла нашихъ людей. Никогда не слышавъ на такой близкой дистанціи картечнаго выстрѣла и странный шумъ, загудѣвшей вдругъ кругомъ, картечи такъ поразили солдатъ, что всѣ какъ бы внезапно остановились и многіе невольно закричали: „Ваше благородіе! Что это такое?..“ Я крикнулъ: „Картечью стрѣляетъ! Ложись всѣ на валу!“ Къ счастію, турки стрѣляли черезъ порядочные промежутки времени, а не непрерывно и мы успѣли лечь по крони бруствера, держа ружья и

наблюдая за дворомъ форта. Времени отъ времени турки били картечью все въ одномъ направленіи, полъ-оборотъ направо отъ лѣваго фланга казармы. Потомъ солдаты мнѣ говорили, что къ орудію, стоявшему на лѣвомъ флангѣ люнета, изъ казармы по одиночкѣ подползали на брюхѣ турки, волоча за собою зарядъ и, зарядивъ орудіе, стоя на колѣняхъ стрѣляли, потому мы и не могли ихъ перебить, хотя и били на выстрѣлъ, они же выпаливали время отъ времени, пользуясь перерывами нашей стрѣльбы.

Увидѣвъ, что большинство людей легло уже на крони и, что вслѣдствіе косвеннаго направленія выстрѣловъ, картечь совсѣмъ не бьетъ по ближайшей къ горжѣ половинѣ праваго фаса, я направился по этому фасу, чтобы посмотрѣть ближе, что происходитъ у казармы и воротъ съ наружной стороны. Въ это время опять ударили изъ орудія и картечь. хотя мы были уже въ безопасномъ мѣстѣ фаса, разбила руку, бывшему у меня въ прикрытіи, рядовому Чалому, а пройдя не много далѣе пуля изъ казармы пробиваетъ руку и бокъ другому человѣку моего прикрытія ефрейтору Ѳедору Марейчеву (умеръ). Тутъ не знаю откуда только взялся около меня снова Виноградовъ, а надо сказать, что, когда мы очищали отъ турокъ наружный фасъ и былъ убитъ Аристотелевъ, я сильно разгорячился и Виноградовъ, боясь чтобы меня не убили бившіеся кругомъ турки, хотя они уже думали не о томъ, чтобы насъ сбить, а какъ бы съ валганга спастись въ казарму, схватилъ меня за поясъ и удерживая закричалъ: „Ваше благородіе! Позвольте! Не ходите,— даромъ убьютъ!“ Я, будучи въ возбужденномъ состояніи крикнулъ на него и пригрозилъ пистолетомъ, что онъ не смѣетъ меня останавливать. Тотъ отскочилъ, но все-таки крикнулъ своему земляку, бывшему у меня въ прикрытіи: „Чалый! Смотри, не пускай впередъ командира!“ а самъ все время вертѣлся тутъ же вблизи, не смотря на потерю крови отъ ранъ, особенно изъ ноги.

Взявши меня за рукавъ, онъ снова началъ говорить, чтобы теперь я ушелъ на крону, тутъ уже никого нѣтъ и могутъ убить молъ попустому, и что онъ собралъ уже на кронѣ праваго фаса всю роту и много нашихъ унтеръ-офицеровъ въ ротѣ побито. Приказавъ ему идти, я, посмотрѣвъ съ горжи внизъ за желѣзныя ворота, пошелъ къ ротѣ, гдѣ сѣлъ между своихъ людей. Турки изрѣдка стрѣляли картечью, но на кронѣ было безопасно лежать, а на валгангѣ не было никого, кромѣ убитыхъ. Вдругъ его люди, лежавшіе на линіи огня, открыли стрѣльбу и ко мнѣ подбѣжали какіе то два солдата съ криками:

— Тамъ справа никого нашихъ нѣтъ! А онъ опять къ орудію подбирается! Орудіе поворотить хочетъ!

Я вскочилъ, но Виноградовъ закричалъ:

— Брешутъ они! Ваше благородіе, не ходите! Я самъ побѣгу, посмотри!

Прибѣжавъ на правый уголъ къ большому крѣпостному орудію, я увидѣлъ, что дѣйствительно пустяки. Часть турокъ во время схватки на валгангѣ у орудій попряталась въ маленькія ниши для снарядовъ, вырытыя въ толщѣ бруствера по сторонамъ пушекъ. Замѣтивъ, что русскихъ нѣтъ на валгангѣ, они хотѣли воспользоваться и начали выскакивать, чтобы сбѣжать въ казарму; часть же нашихъ людей, замѣтивъ ихъ, спрыгивала съ крона и кидалась ихъ колоть, а другіе открывали огонь и убивали и турокъ, и нашихъ.

Когда огонь утихъ, мы услышали, что на небольшомъ редутѣ впереди Канловъ началъ играть турецкій рожокъ. Солдаты тотчасъ обратили на это вниманіе: „Что-то онъ играетъ. Въ атаку должно, прохвостъ, собирается! Надо смотрѣть!“ Я повернулся, хотѣлъ посмотрѣть въ сторону, какъ вдругъ пуля ударила меня въ плечо и я скатился подъ брустверъ.

Уже будучи на перевязочномъ пунктѣ, я узналъ, что послѣ меня Виноградова ранили еще разъ. Два, забылъ фамиліи, солдата моей роты, найдя меня на перевязочномъ пунктѣ, сказали, что они несли Виноградова, онъ сильно раненъ, пуля перебила ему ногу, и они не могли донести, оставивъ въ степи, ибо нѣтъ носилокъ. Я приказалъ снять съ носилокъ одного умершаго и отправилъ ихъ за Виноградовымъ.

Оказалось, что послѣ того какъ меня ранили, турки дѣйствительно произвели наступленіе изъ маленькаго передняго редута, но были отбиты и разсѣялись. Въ это время Виноградовъ былъ раненъ: пуля раздробила ему ногу въ то время, какъ онъ, стоя на валу, стрѣлялъ въ наступающихъ турокъ. Онъ скатился съ валу въ ровъ и люди вынесли его изъ свалки.

Вотъ и все, что я могу разсказать о смерти Бѣлинскаго и боя на валу.

N.

Ст. Владимірская, 30-го марта 1879 года.

ВОСПОМИНАНІЯ
УЧАСТНИКА МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ.

I.

Отъ Нижняго-Новгорода до Дуная.

Мобилизація. — Отъ Нижняго до Луцка. — Лагерь. — Движеніе къ границѣ. — Унгены. — Яссы. — Букарестъ. — Фратешти. - Зимница.

Мы коснемся, въ предлагаемыхъ читателямъ воспоминаніяхъ, преимущественно дѣйствій 3-й пѣхотной дивизіи и тѣхъ событій, въ которыхъ она, совмѣстно съ другими, принимала участіе. Приготовленія къ войнѣ, начавшіяся съ осени 1876 года, застали 3-ю пѣхотную дивизію на постоянной ея стоянкѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и во Владимірской губерніи. Сряду по возвращеніи полковъ изъ московскаго лагеря, гдѣ они провели трехъ-мѣсячный лѣтній сборъ, послѣдовали распоряженія, ясно указывавшія на близость войны. Съ кѣмъ предстояла она, объ этомъ никто не спрашивалъ, потому что всякій внутренно сознавалъ ея неизбѣжность съ тѣмъ правительствомъ, которое истощало терпѣніе Россіи и употребляло во зло миролюбіе ея Государя.

Объявленная 2-го ноября 1876 года мобилизація шести корпусовъ

и сформированіе изъ нихъ дѣйствующей арміи, указывали, что если Турція не приметъ послѣднихъ, болѣе чѣмъ умѣренныхъ предложеній, то война неминуема.

Вся зима прошла для дивизіи въ приведеніи въ полную готовность всего, что полагалось полкамъ имѣть по штатамъ военнаго времени; въ формированіи дивизіоннаго подвижнаго лазарета, въ пополненіи вещей неприкосновеннаго запаса и тѣхъ предметовъ, которые должно было доставить интендантство.

Еще осенью начальникъ дивизіи составилъ, для полковыхъ командировъ, самую подробную инструкцію на случай мобилизаціи. Это потомъ избавило полки отъ массы запросовъ и недоразумѣній. Въ инструкціи ясно и подробно было указано, что обязаны дѣлать чины полковаго управленія, кого и куда отправить, откуда и что потребовать въ первый день мобилизаціи, что во второй, въ третій и т. д. Всѣ матеріальныя приготовленія, пріемъ и пріѣздка лошадей, укладка обоза, сдача дѣлъ и всего остающагося имущества должны были окончиться въ восьмой день. Дальнѣйшее уже зависѣло не отъ дивизіи, а отъ прибытія призывныхъ изъ пунктовъ сбора; но все было подготовлено такъ, чтобы на третій день по приходѣ послѣдней партіи укомплектованія, полки могли бы уже выступить.

Высочайшее повелѣніе о мобилизаціи 3-й дивизіи было получено въ Нижнемъ-Новгородѣ 4-го апрѣля и въ тотъ же день сообщено въ полки, гдѣ моментально закипѣла работа, по указанной инструкціею программѣ. 5-го числа изъ всѣхъ полковъ уже были отправлены офицеры въ запасные батальоны и во всѣ тѣ пункты, куда заранѣе указано распоряженіями главнаго штаба. 6-го числа во всѣхъ полковыхъ штабахъ началась пріемка лошадей. Нельзя при этомъ не сказать, что всѣ распоряженія гражданской администраціи, по части мобилизаціи, шли весьма живо и согласно. Надо было удивляться тому спокойствію и быстротѣ, съ которыми сельская полиція не только повѣщала, но и собирала отпускныхъ и представляла лошадей на пункты пріемки. Что касается правилъ до сдачи лошадей въ войска, то въ нихъ оказалась значительная непрактичность. Между болѣзнями, выставленными основаніемъ брака, многія совершенно пропущены и мѣра для обозныхъ лошадей 2-го разряда назначена до того малая, что эти лошади оказались въ походѣ совершенно безсильными и почти безполезными; между тѣмъ цѣны на нихъ опредѣлены такъ высоко, что явилось барышничество. Нашлись скупщики лошадей у крестьянъ, платившіе имъ по 40 рублей и поставлявшіе въ казну за 80, съ условіемъ, что если лошадь забракуется, то возвращается владѣльцу за прежнюю цѣну. Къ недостаткамъ положенія о пріемкѣ нужно отвести и то, что она производится только по наружному осмотру, безъ права запрягать лошадь, чрезъ что въ войска по-

пало не мало такихъ лошадей, съ которыми пришлось испытать, какъ говорили обозные, не мало горя. Одна оказывалась съ затономъ, другая била, куда бы ее не заложили, третья или слишкомъ горяча, или лѣнива до безполезности.

Въ 16-й день мобилизаціи, 20-го апрѣля, прибыла въ дивизію послѣдняя партія укомплектованія; выступленіе же эшелоновъ, по росписанію главнаго штаба, началось съ 4-го мая. Остававшіяся до этого дня двѣ недѣли были употреблены полками на сведеніе ротъ и батальоновъ и на занятія стрѣльбою. Начальникъ дивизіи осмотрѣлъ повсюду ротныя ученья и стрѣльбу, а равно и готовность всей матеріальной части. Строй, укомплектованный до военнаго состава, представлялъ прекрасный видъ и пріобрѣлъ значительную внушительность. Послѣ 10-ти дней занятій съ призывными, несшими и прежде строевую службу, ихъ нельзя было отличить отъ кадровыхъ. Но было бы еще лучше, если бы вопреки главнаго правила укомплектованія, не поступали бы въ пѣхоту люди изъ артиллеріи и кавалеріи, никогда не державшіе ружья и не попали бы во фронтъ нестроевые, бывшіе служителями госпиталей и сторожами магазиновъ. Смотровая стрѣльба въ цѣль, давшая удовлетворительные результаты, была бы отличною, если бы эти, никогда на службѣ не стрѣлявшіе призывные, не уменьшили процента. Обмундированіе и снаряженіе не встрѣчало никакихъ затрудненій, и всѣ люди на другой день по прибытіи уже были готовы.

4-го мая началась перевозка по желѣзнымъ дорогамъ черезъ Москву, Смоленскъ, Минскъ и Брестъ—въ кіевскій округъ. Города, въ которыхъ постоянно стояли полки: Владиміръ, Вязники, Шуя и Нижній-Новгородъ проводили своихъ постояльцевъ съ большимъ сочувствіемъ. Но особенною сердечностью проводовъ отличался Нижній. Кромѣ прощальнаго угощенія нижнихъ чиновъ на Кремлевской площади и офицеровъ обѣдомъ въ залахъ клуба, городское общество поднесло обоимъ полкамъ бригады образа въ золотыхъ складняхъ: Староингерманландскому полку—св. Николая Чудотворца, а Новоингерманландскому—Преображенія Господня. Преосвященный Іоаникій, бывшій тогда архіепископомъ нижегородскимъ и арзамазскимъ, послѣ торжественнаго молебствія, благословилъ начальника дивизіи иконою и, въ преисполненной патріотизма и сердечнаго сочувствія рѣчи, пожелалъ намъ славныхъ побѣдъ, терпѣнія въ трудахъ и лишеніяхъ и благополучнаго возвращенія. Описаніе военныхъ дѣйствій дивизіи, докажетъ, что полки ея съ честью выполнили наставленія и пожеланія достойнаго архипастыря и осуществили его совѣты.

По прибытіи въ Москву, каждому эшелону дана была дневка, для перегруза тяжестей съ нижегородской на смоленскую дорогу. Къ сожалѣнію, штабъ округа распорядился размѣстить полки для дневки въ деревняхъ, возлѣ нижегородскаго вокзала, т. е. въ 15-ти верстахъ отъ

смоленскаго, такъ что всѣмъ рабочимъ и эшелонамъ доводилось, послѣ 15-ти-верстнаго перехода черезъ весь городъ, представляться начальству. Такъ какъ нѣкоторымъ эшелонамъ было назначено выѣзжать въ 6 часовъ утра, то вся ночь проходила въ переходѣ. Командующій войсками округа лично осматривалъ и провожалъ почти каждый эшелонъ.

Переѣздъ въ кіевскій округъ совершился вполнѣ благополучно. О встрѣченныхъ на желѣзныхъ дорогахъ недостаткахъ и неудобствахъ, было сообщено главному штабу, на бланкахъ заданныхъ имъ вопросовъ.

1-я бригада прибывала въ назначенный ей лагерь подъ Житомиромъ между 14 и 18 мая, а 2-я,—съ дивизіоннымъ штабомъ и подвижнымъ лазаретомъ,—въ Луцкъ, между 13 и 17 числами того же мѣсяца. 3-я артиллерійская бригада распредѣлена была между обоими лагерями: въ Житомиръ пошли 1-я, 2-я и 5-я батареи, а въ Луцкъ 3-я, 4-я и 6-я. Вскорѣ по прибытіи въ Луцкъ, начальникъ дивизіи получилъ депешу о проѣздѣ Государя Императора, по брест-кіевской дорогѣ въ дѣйствующую армію. Начальникамъ частей разрѣшено было представиться Его Величеству на станціяхъ продолжительныхъ остановокъ царскаго поѣзда. Поэтому, начальникъ дивизіи, командиръ 2-й бригады, начальникъ дивизіоннаго штаба и командиръ Псковскаго полка выѣхали на станцію Щепетовку, гдѣ каждый былъ удостоенъ милостиваго вниманія.

Послѣ устройства лагеря, приступлено было къ обычнымъ въ лѣтнее время занятіямъ. Въ началѣ іюня начальникъ дивизіи ѣздилъ въ Кіевъ представиться командующему войсками. Тамъ считали положительно вѣрнымъ, что дивизія на все лѣто останется въ кіевскомъ округѣ, и такъ какъ усиливать дѣйствующую армію не имѣлось въ виду, то было приказано вести занятія систематически, безъ торопливости. На этомъ основаніи, весь іюнь былъ употребленъ на прохожденіе курса стрѣльбы, ротныя и батальонныя ученья и на маневрированіе малыми частями. Кромѣ того, по распоряженію командующаго войсками, изъ каждаго полка были посылаемы, черезъ каждые пять дней, по ротѣ, въ видѣ подвижныхъ колоннъ, для обхода пограничныхъ уѣздовъ: Дубненскаго, Луцкаго и Ковыльскаго. Хотя при бригадахъ, какъ въ Луцкѣ, такъ и въ Житомирѣ, находилось по полку 2-й казачьей дивизіи, но такъ какъ полки эти, по недавнему сформированію, нуждались въ сводкѣ и особенно въ занятіяхъ стрѣльбою, то, въ виду продолжительности лагеря, предполагалось начать ученья съ кавалеріею и артиллеріею, лишь съ августа, а до тѣхъ поръ предоставить каждому роду войскъ заниматься своею спеціальностью. Въ теченіе перваго мѣсяца лагерной стоянки, произведенъ былъ, состоящимъ при инспекторѣ стрѣльбы въ арміи, полковникомъ Давыдовымъ, подробный смотръ. Не смотря на непродолжительность занятій и новый составъ, Великолукскій полкъ далъ отличные, а Псковскій очень хорошіе результаты.

Среди этихъ занятій, рано утромъ 12-го іюля, получена была телеграмма о Высочайшемъ повелѣніи направить дивизію въ составъ дѣйствующей арміи. Нельзя описать того восторга, который выражали всѣ чины дивизіи, при извѣстіи о походѣ. Вмѣсто скучной стоянки въ жидовскомъ городишкѣ, вмѣсто однообразныхъ занятій, по всегда одинаковой программѣ, предстояло испытать то, къ чему каждый готовилъ себя съ дѣтства, что составляетъ стремленія и цѣль военной карьеры. О предстоящихъ опасностяхъ и лишеніяхъ никто и не думалъ. У всѣхъ и на умѣ и на языкѣ только и были—Дунай, Балканы, Константинополь.

Жизнь въ лагерѣ сильно оживилась. Находящимся въ движеніи по уѣздамъ ротамъ, приказано было возвратиться, подъемныя лошади сняты съ луговъ, началась ихъ пріѣздка; солдатики продавали излишнія свои вещи, шили бѣлые чехлы на шапки и черезъ день уже щеголяли въ нихъ. Казалось, что съ окончаніемъ мобилизаціи полки были совершенно готовы, но когда пришлось провѣрить, чѣмъ должны быть снабжены части дѣйствующей арміи, то полетѣли телеграмма за телеграммою, объ отпускѣ однаго, о скорѣйшей присылкѣ другаго. Депеши получались и отправлялись по нѣсколько разъ въ день. Полки не имѣли еще картъ Турціи, палатокъ, сухарныхъ мѣшковъ, многихъ медицинскихъ принадлежностей. Однимъ словомъ, хлопотъ и распоряженій было въ волю.

По плану главнаго штаба, дивизія должна была остановиться въ Кишиневѣ. Планъ былъ полученъ 17-го іюля, а 18-го—казачій полкъ уже долженъ былъ выступить изъ Луцка. Среди кипучей дѣятельности по сборамъ въ походъ, получено было увѣдомленіе, что 18-го іюля командующій войсками прибудетъ въ Луцкъ, для смотра 2-й бригады, а затѣмъ проѣдетъ и къ 1-й—въ Житомиръ. До того времени, никто изъ чиновъ дивизіи, кромѣ ея начальника, не зналъ и не видѣлъ генералъ-адъютанта Дрентельна. Представлять части новому начальнику, всегда тревожно, незная ни его требованій, ни привычекъ, а представлять человѣку слывущему за строгаго и въ высшей степени зоркаго,—еще труднѣе. Но смотръ прошелъ блистательно. Отъѣзжая, генералъ Дрентельнъ сказалъ начальнику дивизіи: „Много дивизій прошло и пропущено мною черезъ мой округъ, но откровенно скажу вамъ, что я не видалъ болѣе устроенной и молодецкой, чѣмъ 3-я“. Обращаясь же къ офицерамъ, онъ прибавилъ: „очень сожалѣю, что мнѣ неудалось познакомиться съ вами поближе. Я предполагалъ въ концѣ лагеря подробно осмотрѣть ваши части, но судя потому, что видѣлъ теперь поверхностно, увѣренъ, что полки вашей дивизіи блистательно покажутъ себя на томъ великомъ и святомъ поприщѣ, къ которому призываются“. Слова сказанныя командующимъ войсками солдатамъ, были до того преисполнены простого, понятнаго сердцу патріотизма, что видимо воодушевили нижнихъ чиновъ и поселили во всѣхъ убѣжденіе, что съ такимъ начальникомъ пріятно

бы было служить постоянно. Казачьему полку непосчастливилось. Въ немъ былъ замѣченъ значительный недостатокъ лошадей, противъ показаннаго въ рапортѣ. Но и этому полку замѣчанія были сказаны безъ всякой придирчивости къ мелочамъ и съ полнымъ пониманіемъ причинъ и обстоятельствъ упущенія. На оправданія полковаго командира, генералъ Дрентельнъ сказалъ ему: „Прекратимте объясненія полковникъ. Что у васъ не всѣ лошади — это я вамъ доказалъ, а что казна отпускаетъ фуражъ на всѣхъ—это доказывать нечего. Вы только что пришли съ Дона и сегодня выступаете въ походъ. Только поэтому я не буду теперь разбирать этого дѣла, но совѣтую немедленно пополнить коней, потому что я напишу, чтобы по присоединеніи полка къ арміи, тамъ провѣрили бы—исполнили ли вы мой совѣтъ. Въ нѣкоторое для васъ утѣшеніе скажу, что и въ другихъ казачьихъ полкахъ я нашелъ тоже самое. Я увѣренъ, впрочемъ, что и ваши донцы-молодцы, не отстанутъ въ боевой славѣ, отъ своихъ товарищей. Желаю успѣха и да благословитъ васъ Богъ".

Послѣдніе дни пребыванія въ Луцкѣ, прошли въ окончательномъ осмотрѣ полковыхъ обозовъ и въ проводахъ эшелоновъ. Каждому изъ нихъ наканунѣ выступленія былъ отслуженъ молебенъ, а самое выступленіе происходило въ присутствіи начальника дивизіи, прощавшагося съ людьми, до свиданья на границѣ. Первымъ выступилъ, 22-го іюля, 11-й Псковской полкъ. Любо было смотрѣть на молодецкій видъ, щеголеватость одежды и полное снаряженіе батальоновъ. Можно-ли было думать, что не пройдетъ и полгода, какъ отъ всего этого не останется и тѣни, и что лишенія войны и неизбѣжныя при ней болѣзни, превратятъ большую часть нашихъ молодцовъ въ изнуренныхъ страдальцевъ. На четвертой верстѣ отъ Луцка, начальникъ дивизіи обнялъ полковника Кусова и поблагодаривъ за отличное состояніе полка, простился словами: „До свиданія въ Кишиневѣ". Но свиданію не суждено было осуществиться. Этотъ лучшій и всѣми любимый полковой командиръ, этотъ рыцарь чести и долга, былъ первою жертвою войны изъ нашей дивизіи.

Всѣ части 2-й бригады грузились на бресто-кіевскую дорогу, на станцію Рожище, до которой 18-ть верстъ шли по шоссе. Штабъ дивизіи, съ подвижнымъ лазаретомъ, пришли туда 26-го іюля, за четыре дня до своего выѣзда, потому что начальникъ дивизіи желалъ лично видѣть нагрузку батарей и посадку эшелоновъ. Еще въ Рожищахъ получена была отъ Кусова депеша, что 2-я бригада не останавливаясь въ Кишиневѣ, двигается въ Яссы. Въ Бердичевѣ, который штабный эшелонъ проѣзжалъ 1-го августа въ 2 часа ночи, мы застали 1-ю бригаду, пришедшую туда для нагрузки, изъ Житомира. Тамъ же разнеслась молва будто Плевна взята. Понятно, какъ это насъ обрадовало и съ какимъ нетерпѣніемъ, на каждой станціи мы ожидали подтвержденія этого со-

бытія. Пассажиры встрѣчныхъ поѣздовъ увѣряли, что сами читали въ Кіевѣ телеграммы объ этомъ. Но вскорѣ настало разочарованіе. Чѣмъ ближе приближались къ границѣ, тѣмъ молва слабѣла, а потомъ уже прямо говорили, что ничего неизвѣстно.

Въ Жмеринкѣ мы встрѣтили санитарный поѣздъ и на немъ первыхъ раненыхъ изъ-подъ Плевны. Тутъ были жертвы 18-го іюля. Насколько отрадно было видѣть заботы о превосходномъ устройствѣ перевозки, въ отличныхъ вагонахъ, на столько грустно было слышать разсказы о плевненскихъ дѣлахъ. Всѣ они сводились къ тому, что 8-го числа 5-я дивизія шла безъ всякой предварительной развѣдки, атаковала безъ плана и наконецъ, попала въ ловушку. Про вторую атаку говорили, что не было ничего общаго въ распоряженіяхъ и что полки дрались отчаянно, но безъ всякой связи. При дальнѣйшемъ слѣдованіи, поѣзда съ ранеными встрѣчались чаще и разсказы послѣднихъ неблагопріятно вліяли на ѣдущихъ къ арміи.

Съ переходомъ границы и съ прибытіемъ въ Яссы, мы очутились въ полномъ смыслѣ въ terra incognito. Въ Унгенахъ, гдѣ каждый ожидалъ писемъ и посылокъ отъ родныхъ, состояніе пограничнаго почтоваго отдѣленія указало, что намъ придется отложить всякую надежду на полученіе извѣстій отъ близкихъ сердцу. Небольшой домикъ, противъ станціи желѣзной дороги, служилъ помѣщеніемъ пограничной почтовой конторы. Весь его дворъ былъ покрытъ втоптанными въ песокъ письмами. Всѣ они были адресованы въ дѣйствующую армію, по преимуществу солдатамъ. Для полученія ожидаемыхъ посылокъ, насъ ввели въ громадный подвалъ, наполненный отъ потолка до половины комнаты ящиками, тюками и связками и предложили самимъ отыскать желаемое, отъ чего пришлось поневолѣ отказаться.

Въ Яссы полки дивизіи пришли ничего незная о будущемъ своемъ довольствіи, не имѣя ни однаго приказа или циркуляра по арміи, не имѣя ни одного рубля звонкой монеты, тогда какъ за все нужно было уже платить серебромъ или золотомъ. Вся предупредительность и забота о вступающихъ въ составъ арміи войскахъ, состояла въ томъ, что въ ясскомъ вокзалѣ мы нашли интендантскаго чиновника, который указалъ адресы казначейства и интенданта. Тамъ же мы впрочемъ узнали, что городъ чрезвычайно внимательно отнесся къ отводу намъ квартиръ; всѣ лица штаба дивизіи получили прекрасные нумера, въ лучшемъ отелѣ, конечно, за плату. На желѣзной дорогѣ, ни завѣдывающій передвиженіемъ офицеръ генеральнаго штаба, ни комендантъ, не могли сказать, когда насъ отправятъ далѣе. Эшелонъ, съ которымъ ѣхалъ нашъ дивизіонный штабъ, слѣдовалъ между бригадами; но 2-я бригада, прошла впередъ, и гдѣ находилась, никто незналъ, а первая отстала. По неисправности подвижнаго состава, еще за станцію до Унгенъ, полки

должны были выгрузиться и идти до Яссъ обыкновеннымъ маршемъ. Въ ожиданіи ихъ штабъ дивизіи пробылъ въ Яссахъ трое сутокъ. Для лицъ штаба это было очень пріятно, а для войскъ даже необходимо. Послѣдовало приказаніе выслать впередъ всѣхъ казначеевъ, квартирмейстровъ и завѣдывающихъ хозяйствомъ. Не мало имъ пришлось, въ теченіи трехъ дней, испытать мытарствъ по разнымъ управленіямъ и конторамъ товарищества продовольствія арміею, съ которымъ намъ впервые пришлось здѣсь познакомиться.

Интендантскихъ и казначейскихъ чиновниковъ мы нашли въ Яссахъ устроившимися какъ дома, на отличныхъ квартирахъ; при всѣхъ множество писарей, вѣстовыхъ, казаковъ для посылокъ. Вечеромъ мы видѣли ихъ въ café chantant, съ дамами и сослуживцами, за бокалами шампанскаго.

Визитъ нашего генерала къ старшему изъ интендантовъ, принесъ ту пользу, что намъ разрѣшено было получить талоны на авансы въ звонкой монетѣ. Кромѣ того, мы узнали, что можно на каждаго рядоваго размѣнять по ассигнаціонному рублю на серебро. Что же касается офицеровъ, для которыхъ подобный размѣнъ былъ нужнѣе, то на это разрѣшенія не дано, а объявлено, что это зависитъ отъ любезности казначея, но что приказать этого нельзя.

Сибаритство и невниманіе къ войскамъ казначейскихъ чиновниковъ было еще замѣтнѣе. Тоже прибытіе къ должности не ранѣе 11-ти часовъ утра, таже рѣзкость въ отвѣтахъ. Одинъ изъ нашихъ штабныхъ, войдя въ казначейство вмѣстѣ съ батарейнымъ командиромъ, засталъ чиновниковъ въ жилеткахъ, безъ сюртуковъ. На просьбу артиллерійскаго полковника, пришедшаго въ походной формѣ при шарфѣ, поспѣшить отпускомъ денегъ, такъ какъ батарея черезъ часъ выступаетъ, чиновникъ отвѣтилъ: „не велика важность и подождать, видите сколько ждутъ“; Тогда полковникъ рѣшился замѣтить, что неприлично такъ отвѣчать, да еще быть въ рубахѣ, когда съ нимъ говорятъ по службѣ: „А вы тутъ что за ревизоръ! Если будете разговаривать, такъ и до завтра не получите“, было отвѣтомъ.

Яссы были не единственнымъ мѣстомъ, гдѣ происходили подобныя явленія. Въ Бухарестѣ, въ Систовѣ, въ интендантствахъ корпусовъ, всякое полученіе слѣдуемаго, сопровождалось такими затрудненіями, которыя могли быть переносимы только въ виду серьезности дѣла. Приходилось или терпѣть, или искать личнаго знакомства съ чиновникомъ и тогда, при его протекціи, желаемое достигалось скоро. Конечно, были и пріятныя исключенія; къ ихъ числу, въ отношеніи нашей дивизіи, принадлежитъ то время, когда она довольствовалась отъ интенданства 4-го корпуса и его казначейства.

Проѣздъ по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ отъ Яссъ до Буха-

*

реста можно назвать мытарствомъ. Ни одной станціи мы не проѣхали въ назначенные часы, нигдѣ не останавливались на опредѣленное время. Все дѣлалось какъ-то случайно, или какъ вздумается начальникамъ станцій, которые даже не давали отвѣта, почему мы стоимъ, или почему насъ отправляютъ, когда назначена продолжительная остановка.

При этомъ роль нашихъ комендантовъ, которые должны были всѣмъ руководить и все знать, была самая пассивная. Чувствуя свое безсиліе, они избѣгали даже выходить на платформы. Приходилось по 10-ти часовъ стоять на запасныхъ путяхъ станцій, въ которыхъ нельзя было достать куска хлѣба.

Чѣмъ ближе подъѣзжали къ Бухаресту, тѣмъ остановки увеличивались, а за 4 станціи, потерявъ терпѣніе, мы пересѣли на почтовый поѣздъ и съ чинами штаба уѣхали впередъ. Непонятно, почему почтовые и курьерскіе поѣзда могли идти по росписанію и имъ не мѣшали встрѣчные, а насъ задерживали? Изъ слышаннаго въ Яссахъ и Бухарестѣ, можно было заключить, что многое происходило отъ излишняго угожденія румынскимъ властямъ. При медленномъ движеніи, казалось, можно-бы было избѣжать несчастій, но выходило обратно. Подъ самымъ Бухарестомъ, эшелонъ подвижнаго лазарета навезли на обратный поѣздъ съ пустыми вагонами, и при столкновеніи поломали 4 повозки и поранили 2 человѣкъ и 4 лошади.

Три дня проведенные въ Бухарестѣ, для чиновъ штаба были очень пріятны. Здѣсь мы увидѣли многихъ знакомыхъ, и вообще отдохнули; но полки, вмѣсто отдыха, при 35-ти градусной жарѣ, должны были выгрузиться и идти два перехода до Фратешти пѣшкомъ. Бухарестъ до того былъ наполненъ русскими офицерами, что совершенно походилъ на русскій городъ. Въ магазинахъ, ресторанахъ и отеляхъ, насъ принимали и обирали отлично.

Три перехода отъ Фратешти до Зимницы были весьма тяжелы, особенно средній, до Бригадира. Онъ тянулся 28 верстъ по безводной степи, безъ селеній. Хотя о безводности перехода и были предупреждены полковые командиры, хотя и приказано было наполнить водою всѣ котелки и боченки фургоновъ, но не все такъ дѣлается, какъ приказывается. 1-я бригада, бывшая на глазахъ начальника дивизіи, прошла благополучно, въ ней былъ только одинъ смертный случай отъ солнечнаго удара; но 2-я бригада, какъ мы узнали впослѣдствіи, поплатилась дороже. Вмѣсто того, чтобы выступать какъ мы, на зарѣ, дѣлать до 8 часовъ утра полъ-перехода, и оставаться всю жаркую пору дня на привалѣ, а затѣмъ пройти вторую половину перехода отъ 5 до 10 часовъ вечера, 2-я бригада шла обыкновенно принятымъ способомъ, т. е. выходила часу въ 6-мъ и затѣмъ весь переходъ подвергалась жарѣ. На-

турально, люди томились, обезсиливали, отставали и кончилось тѣмъ, что она имѣла 11 смертныхъ случаевъ.

На дневкѣ въ Фратешти мы въ первые услышали выстрѣлы. Ночью во время полнолунія, наши батареи у Журжи, открыли канонаду по Рущуку. Это возбудило общую ажитацію на бивуакѣ, особенно между молодыми солдатами и офицерами. Всѣ проснулись, выскочили изъ палатокъ, и взобравшись, кто на дерево, кто на повозку, старались что-либо разглядѣть. Но какъ до Журжи было не ближе 20-ти верстъ, то и видѣли только отблески, подобные зарницѣ и слышали грохотъ выстрѣловъ.

15-го августа штабъ дивизіи съ 1-ю бригадою, вступилъ въ Зимницу и расположился бивуакомъ на осушившемся разливѣ, или, вѣрнѣе, на песчаной отмели, мѣстами еще перерѣзанной ручьями и канавами и покрытой болотистыми площадками.

Передъ этимъ громаднымъ пространствомъ обсохшаго разлива, подымались скалы праваго берега Дуная, съ лѣпившемся на нихъ Систовымъ. Даже смотря издали, трудно было себѣ представить, какимъ образомъ турки, занимая неприступную и самою природою укрѣпленную мѣстность, могли допустить переправу въ этомъ пунктѣ, и какимъ чудомъ она совершена съ такими сравнительно ничтожными потерями.

Зимница, уже въ августѣ, т. е. почти въ началѣ кампаніи, представляла на свѣжаго человѣка, особое, ужасающее по своимъ безобразіямъ зрѣлище. Она имѣла видъ самой грязной, безобразной ярмарки, со всевозможными картинами разгула и произвола. По ея улицамъ трудно было пройти или проѣхать. Онѣ были набиты всѣми отрепьями тыла арміи. Румыны, евреи, цыгане, нестроевые всевозможныхъ вѣдомствъ, погоньщики, маркитанты, уличные плясуны, бродячія арфянки, въ перемежку съ лошадьми, ослами и буйволами, все это бродило по улицамъ чуть не до колѣна въ грязи, кричало, ругалось, покупало и продавало, ѣло и пьянствовало.

II.

Отъ Дуная до Плевны.

Поѣздка въ главную квартиру.—Полевая почта.—Горный Студень.—Бивуакъ у Чуашъ-Махалы.—Взятіе Ловчи.—Отдѣленіе 10-го полка.—Переходъ къ Плевнѣ.—Свѣдѣнія о 2-й бригадѣ.—Ночь на 30-е августа.—Позиція у осадной батареи.—9-й полкъ у Гривицы.—Въ подвижномъ лазаретѣ.

16-го августа, воспользовавшись дневкой, начальникъ дивизіи ѣздилъ за 25 верстъ, въ Горный Студень, гдѣ была главная квартира, представиться Главнокомандующему и узнать о будущемъ назначеніи диви-

зіи. Наканунѣ получена была бумага, что дивизія должна сосредоточиться у дер. Овчей Могилы, и что для указанія къ ней пути, высылается причисленный къ генеральному штабу ротмистръ Арбузовъ. Мы сильно обрадовались, что наконецъ нагонимъ свою 2-ю бригаду. Но ожиданія несбылись.

По возвращеніи генерала, мы узнали, что поѣздка его въ главную квартиру сопряжена была съ затрудненіями. Такъ какъ никто въ дивизіи не могъ знать дороги, то пришлось нанять коляску, за которую взяли 10 полуимперіаловъ, т. е. 80 рублей за 25 верстъ. Подъѣхавъ къ новому мосту черезъ Дунай, надо было употребить особыя усилія, чтобы попасть на него, потому что передъ въѣздомъ, на огромномъ пространствѣ стояла масса обозовъ, транспортовъ и парковъ, и все это ждало очереди, тѣснилось, опережало другъ друга. Съѣхать съ моста на берегъ тоже было не легко. Ѣхавшіе впереди воза, ежеминутно останавливались, вязли въ сыпучемъ пескѣ, или въ вымоинѣ, и тогда приходилось ждать, покуда старшій соберетъ съ илашкоутовъ человѣкъ 5-ть и тѣ, или помогутъ стронуть повозку съ мѣста, или начнутъ закидывать выбоину пескомъ. На обратномъ пути, ночью, еще осязательнѣе довелось убѣдиться въ полномъ произволѣ, царившемъ на мостахъ. Подъѣзжаютъ къ одному: онъ свободенъ, а между тѣмъ непускаютъ. Отчего? Съ той стороны сигналъ данъ, что пущены встрѣчники. Ѣдутъ къ другому мосту—таже исторія. Наконецъ, надо было убѣдить соннаго сапера, что когда отпрягутъ пристяжныхъ, то разъѣздъ возможенъ. Отпрягли и проѣхали, не встрѣтивъ ни одной повозки.

Съ чувствомъ нѣкотораго волненія и сильнаго любопытства, приближался каждый, вновь вступающій въ армію, къ главной квартирѣ. Первое происходило отъ мысли, что вступаешь въ непріятельскую землю, ѣдешь по ней безъ всякаго конвоя, незная дороги, незная еще, что въ нашей арміи, смотрѣли такъ, что все что пройдено, то наше, и что позади насъ не могутъ появиться какіе-либо партизаны, или просто разбойничьи партіи баши-бузуковъ. И какіе подумаешь странные противуположности! Верстахъ въ 5-ти отъ Систова, въ деревнѣ Царевичи, наполненной разными нашими командами, стоитъ казачій караулъ. Старшій его останавливаетъ и требуетъ росписки: кто и куда ѣдетъ; а затѣмъ ѣдешь 20 верстъ и нигдѣ не души. На одномъ изъ перекрестковъ мы обогнали двухъ казаковъ.

— Не знаете-ли ребята, какъ проѣхать въ Горный Студень?

— А вотъ берите вправо, а потомъ держитесь полѣвѣе.

— А вы куда?

— А мы подъ Рущукъ, къ Бѣлой.

Держа дальнѣйшій путь по картѣ, мы заѣхали въ какія-то двѣ брошенныя и сожженныя турецкія деревни, тогда какъ казаки говорили,

что никакихъ деревень до Горнаго Студеня не будетъ. Въ послѣдней деревни солдатики разбирали черепичныя крыши и шарили на пожарище. Отъ нихъ узнали, что Горный Студень остался вправо, куда они и указали дорогу. На ней мы ожидали встрѣтить разъѣзды, видѣть пикеты и вмѣсто этихъ охранительныхъ мѣръ—ничего, а прямо подъѣзжаешь къ бивуаку пѣхотнаго батальона и казачьяго полка, расположенныхъ у самой деревни. Отыскать, гдѣ главная квартира Главнокомандующаго было не трудно. Какой-то штатскій господинъ, вѣроятно изъ корреспондентовъ, указалъ надворъ, гдѣ развивался красный съ чернымъ орломъ флагъ. На этомъ дворѣ цѣлый лабиринтъ палатокъ, шатровъ и юртъ, между которыми ходили офицеры, военная и придворная прислуга. Прежде чѣмъ представиться Главнокомандующему, нужно было видѣть начальника штаба арміи, его помощника, коменданта главной квартиры, интендантства. Оказалось, что начальникъ штаба былъ въ отъѣздѣ на Шипку. Его помощникъ объявилъ, что дивизія не соединяется у Овчей Могилы, такъ какъ 2-я бригада уже ушла дальше, а первая должна прибыть къ Горному Студеню.

На вопросъ о томъ, зачѣмъ 2-ю бригаду послали дальше и куда именно, данъ былъ отвѣтъ: „право незнаю, зачѣмъ и куда, кажется по направленію къ Сельви“. Значитъ, начинаются секреты, о которыхъ мы уже слышали въ Бухарестѣ. На всѣ прочіе вопросы по поводу продовольствія дивизіи, сдачи заболѣвшихъ, положенія о содержаніи, порядкѣ требованій, полученія приказовъ для руководства,—на все это отвѣчали: обратитесь къ интенданту, спросите директора госпиталей, адресуйтесь въ дежурство; а гдѣ все это, предоставлялось искать самому. Такъ какъ интенданта и начальника госпиталей на лице не оказалось, и кто заступаетъ ихъ мѣсто, никто указать не могъ, то всѣ касающіяся ихъ вопросы остались неразрѣшенными. Что-же до руководящихъ приказовъ, безъ которыхъ нельзя было ступить шага, то данъ отвѣтъ, что ихъ нѣтъ, а по напечатаніи пришлютъ. Мы получили ихъ потомъ въ концѣ сентября. Въ оправданіе подобнаго факта приводился такой доводъ: „Помилуйте, вѣдь у насъ въ Кишиневѣ было всего 4 корпуса, ну, мы по числу ихъ и печатали, а вѣдь теперь вдвое“. Объ увеличеніи состава дѣйствующей арміи, въ ея штабѣ знали 12-го іюля, а теперь 16-е августа. Неужели, въ 5-ть недѣль, нельзя было напечатать сотни двѣ экземпляровъ приказовъ, составляющихъ вмѣстѣ небольшую брошюрку.

Узнавъ, что Великій Князь принимаетъ передъ обѣдомъ, т. е. въ 5-ть часовъ, мы отправились отыскивать полевую почту. Она оказалась помѣщенною на окраинѣ деревни, въ сараѣ, въ который можно было пройти не иначе, какъ перепрыгнувъ нѣсколько канавъ и рвовъ. Нѣтъ возможности описать, что представляло собою это помѣщеніе, безъ оконъ

и дверей, которые замѣнялись воротами. Вмѣсто столовъ служили доски, положенныя на пустые ящики и боченки. Цѣлыя кипы писемъ, ворохами лежали въ углахъ, валялись на землѣ. Почтовые чиновники, неимѣли возможности, если-бы и хотѣли, водворить какой-либо порядокъ, потому что разбирать почту приходилось на полу, и кромѣ земли не на что было и разложить пакеты. Срытые въ кучу письма, дозволялось разбирать каждому приходящему за справками, не только офицеру, но и писарю. Само собою разумѣется, что всякій заботился только о себѣ и о своей части, и не принадлежащіе ей пакеты бросались въ сторону. Такимъ образомъ пришлось рыться въ хламѣ, и ползая по землѣ перебрать по крайней мѣрѣ 2 тысячи конвертовъ, чтобы отыскать два или три письма.

При такомъ положеніи полевой почты, мы потомъ уже не удивлялись, когда въ 3-ю дивизію весьма часто присылали цѣлые тюки писемъ и бумагъ, адресованныхъ въ 3-ю гвардейскую дивизію, или въ 3-ю стрѣлковую бригаду.

По представленію Главнокомандующему, начальникъ дивизіи поспѣшилъ возвратиться въ Зимницу. Переправа черезъ Систовскіе мосты ночью, послѣ того, что было испытано днемъ, заставляла желать проѣхать засвѣтло.

На обратномъ пути снова пришлось убѣдиться, какъ многое, по непонятной не предпріимчивости турокъ, проходило безнаказанно. Въ двухъ мѣстахъ видны были расположенные на ночлегъ въ поле транспорты, безъ всякой охраны и безъ всякаго конвоя, точно обозъ чумаковъ въ Полтавской губерніи. Проберись въ треугольникъ между Бѣлой, Тырновомъ и Горнымъ Студенемъ хоть три сотни хорошихъ всадниковъ, съ лихимъ партизаномъ, и чего-бы они не забрали, чего-бы не надѣлали?

Въ Систово мы въѣхали уже при совершенной темнотѣ. Если-бы не добрякъ болгаринъ, вызвавшійся проводить черезъ лабиринтъ закоулковъ, переулковъ и крутыхъ спусковъ, то, конечно, и до свѣта не выбрались-бы оттуда. Ни одного фонаря, нигдѣ ни одного часового, или ночного, который могъ-бы указать дорогу.

17-го августа 1-я бригада перешла Дунай и вступила въ предѣлы Турціи. Первый переходъ былъ назначенъ по маршруту въ Царевицу, всего 12-ть верстъ, но переправа обоза и подъемъ его въ гору задержали на столько, что Новоингерманландскій полкъ пришелъ на ночлежный бивуакъ въ сумерки. 9-й Староингерманландскій и дивизіонный штабъ, чтобы сократить завтрашній переходъ, прошли верстъ на 5-ть дальше. 18-го августа бригада около полудня пришла въ Горный Студень. Вслѣдствіе жары, переходъ и при незначительности своей, былъ крайне тяжелъ. Никакого офицера генеральнаго штаба Арбузова мы не видали, а потому самимъ пришлось отыскивать назначенное комендан-

томъ мѣсто бивуака, гдѣ стояла передъ нами стрѣлковая бригада, и гдѣ были ею устроены довольно прочно шалаши; но они оказались до того засоренными и наполненными насѣкомыми, что начальникъ дивизіи запретилъ занимать ихъ и поставилъ полки въ палаткахъ.

Бивуакъ этотъ былъ расположенъ крайне неправильно, подъ горою, у рѣчки, лицемъ къ ней, тогда какъ тотчасъ за рѣчкою была возвышенность. Расположившись на ней, войска имѣли бы прекрасную позизію для артиллеріи, тогда какъ теперь пришлось поставить паркъ подъ горою и имѣть кухни впереди фронта.

Въ 5 часовъ всѣ командиры частей представлялись Государю, возлѣ Его квартиры, на другой сторонѣ деревни. Только-что они успѣли возвратиться, какъ Его Величество пріѣхалъ на бивуакъ. Онъ весьма милостиво говорилъ съ офицерами и выразилъ надежду, что они поддержатъ боевую славу своихъ полковъ. Проѣхавъ по фронту обоихъ полковъ, Государь остался очень доволенъ бодрымъ и здоровымъ видомъ людей, за что благодарилъ полковыхъ командировъ и начальника дивизіи, а затѣмъ приказалъ ему, съ начальникомъ штаба, полковыми командирами и бригаднымъ артиллерійскимъ пріѣхать къ Нему обѣдать.

О бригадномъ командирѣ Коноплянскомъ при этомъ упомянуто не было. Оказалось, что въ этотъ самый день, по представленію главнокомандующаго, Коноплянскій былъ уже отчисленъ отъ должности въ запасныя войка. Генералъ этотъ дѣйствительно служить уже не могъ. При крайне раздражительномъ и безпокойномъ характерѣ, онъ всегда былъ суетливъ, желченъ, а теперь быстро развивающаяся чахотка съ одышкою, дѣлала его совершенно неспособнымъ къ строю. Много безпокойствъ пришлось начальнику дивизіи перенести еще и въ Нижнемъ изъ-за безпрерывныхъ его столкновеній съ полковыми командирами, много странностей надо было прикрывать, по необходимости поддержать значеніе бригаднаго командира.

Неизвѣстность о 2-й бригадѣ, особенно о томъ, въ какомъ положеніи ея провіантское довольствіе и есть ли у полковъ звонкая монета,— сильно тревожила начальника дивизіи. На другой же день по приходѣ въ Горный-Студень, былъ отправленъ ко 2-й бригадѣ въ Сельви, дивизіонный интендантъ, подполковникъ Исаковъ; ему приказано, во что бы ни стало, обезпечить продовольствіе полковъ.

Не могло не тревожить и то, что полки 2-й бригады посланы были къ Балканамъ безъ картъ и безъ переводчика. Съ картами произошло слѣдующее: еще въ Луцкѣ, какъ только было получено увѣдомленіе о движеніи дивизіи въ дѣйствующую армію, было телеграфировано въ главный штабъ о высылкѣ картъ. Отвѣтили, что дивизія получитъ ихъ въ Бухарестѣ, отъ завѣдывающаго тыломъ арміи, генерала Каталея. Но такъ какъ 2-я бригада безостановочно шла впереди и штабъ дивизіи не засталъ

ее тамъ, гдѣ было назначено соединиться, то карты и оставались у старшаго адъютанта, покуда не явилась возможность отправить ихъ съ интендантомъ.

Въ Горномъ-Студенѣ 1-я бригада пробыла съ 18-го по 24-е августа. Въ одно изъ воскресеній, тамъ былъ церковный парадъ въ присутствіи Государя, во вновь освященной послѣ раззоренія болгарской церкви. Къ параду были приведены по полувзводу отъ каждой части конвоя обѣихъ главныхъ квартиръ и отъ нашей 1-й бригады.

Вокругъ Горнаго-Студеня, какъ и по всей Болгаріи, стояли цѣлыя степи нескошенной великолѣпной травы. Уже тогда, въ августѣ, чувствовалось, что, съ наступленіемъ зимы, мы будемъ бѣдствовать отъ недостатка фуража, а между тѣмъ не было еще и намека о какихъ-либо распоряженіяхъ или о заботливости по этой части. Въ частномъ разговорѣ объ этомъ было заявлено кому слѣдуетъ и полученъ отвѣтъ: „князь Черкасскій увѣряетъ, что онъ распорядится этимъ черезъ свое гражданское управленіе“.

Потомъ мы испытали, что́ значило гражданское управленіе.

Уже въ Горномъ-Студенѣ пришлось встрѣтиться съ затрудненіями интендантскихъ порядковъ. Когда изъ привезеннаго въ обозѣ восьмидневнаго запаса сухарей, половина уже вышла, то начальникъ дивизіи велѣлъ полкамъ обратиться съ требованіемъ къ товариществу, но его даже и при главной квартирѣ не оказалось, а находившійся при ней интендантъ отвѣтилъ, что безъ главнаго полеваго интенданта онъ ничего сдѣлать не можетъ, что у него для войскъ сухарей нѣтъ, а есть только для конвоевъ главной квартиры, и то немного. Къ счастью, на слѣдующій день полки узнали, что неподалеку отъ бивуака остановился интендантскій транспортъ. Начальникъ дивизіи потребовалъ къ себѣ его начальника и спрашиваетъ, не можетъ ли онъ дать бригадѣ сухарей на пополненіе восьми-дневнаго запаса?

— Съ удовольствіемъ, отвѣчаетъ офицеръ:—мнѣ чѣмъ скорѣе опорожнить транспортъ, тѣмъ лучше.

— Да вѣдь вы, вѣроятно, получили приказаніе куда везти сухари и кому ихъ сдать?

— Точно такъ. Мнѣ приказано было доставить въ Овчу-Могилу, да тамъ никого нѣтъ и я на удачу повезъ сюда.

— Ну, такъ это вѣроятно для предполагавшагося тамъ сбора моей же дивизіи,— отвѣчалъ генералъ.

Черезъ два дня является другой транспортный офицеръ и объявляетъ, что онъ привезъ сухари для 3-й дивизіи. Но такъ какъ провіантскія фуры были уже наполнены, то 1-я бригада могла принять изъ этого транспорта сухари только на четыре дня текущаго довольствія. Тогда офицеръ сталъ умолять, чтобы приняли остальное, потому что пустыя

повозки онъ безъ себя отправить назадъ не можетъ и не знаетъ, куда направиться съ остальными. Вспомнивъ о странствующей и, быть можетъ, нуждающейся 2-й бригадѣ, начальникъ дивизіи наудачу далъ ему предписаніе слѣдовать къ ней въ Сельви, хотя и не зналъ, безопасна ли туда дорога. При вопросѣ о безопасности, одинъ изъ штабныхъ отвѣчалъ:

— О, можете быть покойны, туда можно ѣхать хоть ночью, безъ конвоя.

Другой же присутствовавшій, тоже дѣятель, возразилъ:

— Ну, не говорите, тамъ есть шайки баши-бузуковъ.

Кому вѣрить?

Поздно вечеромъ, 20-го августа, получена была изъ главной квартиры слѣдующая записка полеваго штаба:

„20-го августа 1877 года, № 1083. Начальнику 3-й дивизіи:

Его Императорское Высочество, Главнокомандующій, приказалъ: двумъ батальонамъ 9-го пѣхотнаго полка, съ одною 9-ти-фунтовою батареею и дивизіоннымъ подвижнымъ лазаретомъ завтра, 21-го августа, съ разсвѣтомъ, выступить изъ Горнаго-Студеня и перейти вмѣстѣ съ конвойнымъ батальономъ Его Высочества къ мосту на р. Осмѣ у с. Булгарени, въ два перехода: ночлегъ 21-го числа имѣть въ Чуашъ-Махала, 22-го — у означеннаго моста. Сообщаю для распоряженій".

Начальникъ штаба генералъ-адъютантъ

Непокойчицкій.

Предписаніе это, почти вслѣдъ за его полученіемъ, было отмѣнено и выступленіе полка отложено сначала на 22-е, а потомъ и на 23-е августа.

Воспользовавшись остановкою бригады въ Горномъ-Студенѣ, начальникъ дивизіи приказалъ отправить казначеевъ назадъ въ Систово за полученіемъ слѣдуемыхъ полкамъ денегъ. Проходитъ двое сутокъ, они не возвращаются. Мы начинаемъ безпокоиться, потому что въ непріятельской землѣ ихъ могли и ограбить. Проходятъ еще сутки, нѣтъ казначеевъ. Наконецъ на четвертые, утромъ, являются, но съ пустыми руками. Вотъ что съ ними происходило: въ первый же день требованія приняли и объявили, чтобы явились за талонами на слѣдующій. Приходятъ; но чиновникъ интендантства объявляетъ, что еще требованія не разсмотрѣны и чтобы пришли черезъ два часа. Ждутъ казначеи два часа, жарясь на крыльцѣ, на солнцѣ, и возвращаются. Тотъ же чиновникъ объявляетъ, что надо подождать, потому что журналистъ еще не занесъ требованій въ журналъ. Ждутъ еще. Тогда оказывается, что начальникъ отдѣленія уже ушелъ изъ присутствія и сегодня поздно, велятъ придти завтра. На утро та-же исторія, съ тою разницею, что какой-то необходимый чиновникъ уѣхалъ въ Зимницу, а вечеромъ, уже при четвертомъ визитѣ, объявляютъ, что деньги отпущены не будутъ, потому что въ требованіяхъ какая-то графа поставлена ниже другой,

тогда какъ по формамъ, приложеннымъ къ приказу по арміи, ей слѣдовало быть выше. Какъ бѣдные казначеи не упрашивали, какъ не доказывали, что у полковъ нѣтъ звонкой монеты, что во время объявленія формъ полки были еще въ Луцкѣ и никакихъ приказовъ по арміи и не видали—все было напрасно.

Во время пребыванія при главной квартирѣ, чтобы не оставлять людей совершенно праздными, часа полтора по-утру производилась повѣрка прицѣливаній и ротныя ученья. Государь, ежедневно, катаясь передъ обѣдомъ верхомъ или въ экипажѣ, заѣзжалъ на бивуакъ. 23-го августа Его Величество объявилъ намъ, что наканунѣ 2-я наша бригада участвовала во взятіи Ловчи и отлично себя показала. „Со славою окрестилась огнемъ", сказалъ Государь. Въ этотъ же день 9-й Староингерманландскій полкъ, съ батареею, выступилъ по направленію къ Плевнѣ съ тѣмъ, чтобы двумя переходами дойдти до дер. Булгарени и занять тамъ мостъ черозъ рѣку Осму. Вмѣстѣ съ нимъ вышла и главная квартира Главнокомандующаго.

24-го августа, по тому же направленію, тронулся штабъ дивизіи съ 10-мъ Новоингерманландскимъ полкомъ, двумя батареями и подвижнымъ лазаретомъ; съ ними слѣдовала и Императорская главная квартира, при которой намъ приказано было остановиться у селенія Чаушъ-Махала.

Придя туда около полудня, начальникъ дивизіи лично выбралъ мѣсто для бивуака. Только что 10-й полкъ и оставшіеся двѣ батареи (1-я ушла съ 9-мъ полкомъ къ Булгарени) успѣли стать по жолнерамъ, какъ съ находившейся позади бивуака горы, показался конвой Государя и Его коляска. Его Величество ѣхалъ съ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ. Приказавъ остановиться, Государь подозвалъ начальника дивизіи и съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія сказалъ ему: „Представь себѣ, вѣдь подъ Ловчею убитъ твой полковой командиръ Кусовъ". Это извѣстіе о потерѣ лучшаго полковаго командира и превосходнаго товарища, поразило всѣхъ насъ. Во время обѣда и потомъ еще нѣсколько разъ, Государь выражалъ сожалѣніе о смерти Кусова, который, только нѣсколько дней назадъ, проходя Горный Студень, представлялся Его Величеству и завтракалъ у Него. При какихъ условіяхъ и въ какой моментъ боя убитъ этотъ достойнѣйшій человѣкъ, мы еще незнали.

Главная квартира Главнокомандующаго не остановилась въ Чуашъ-Махалѣ, а прошла за Булгарени къ Парадиму. Какъ это, такъ и носившаяся молва указывала, что предпринимается что-то серьезное противъ Плевны. Говорили, что къ ней сосредоточивается и вся румынская армія и что князь Карлъ румынскій назначается командующимъ всѣми войсками, назначенными для предстоящей атаки. Положительнаго-же мы ничего незнали, такъ что приходилось вывѣдывать кое-что отъ лицъ

свиты, а всего чаще отъ корреспондентовъ и отъ иностранныхъ военныхъ агентовъ.

Оставшись за отъѣздомъ Главнокомандующаго впередъ, старшимъ изъ войсковыхъ начальниковъ при главной квартирѣ Государя, начальникъ дивизіи получилъ увѣдомленіе отъ ея коменданта, что охраненіе стоянки возлагается на штабъ дивизіи. Вслѣдствіе сего были немедленно сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) начальнику Собственнаго Его Величества конвоя предложено отправлять разъѣзды до деревень Лежанъ, Родомницы, Весно и Церкало, дабы наблюдать такимъ образомъ всѣ пути къ западу и сѣверо-западу. 2) Командиру 10-го Новоингерманландскаго полка предписано выставить на ночь аванпосты за рѣкою Осмою, по направленію къ сѣверо-западу и западу.

Идя съ бивуака къ завтраку у Государя, начальникъ дивизіи встрѣтилъ офицера Преображенскаго полка Рокасовскаго; онъ просилъ указать, гдѣ квартира Его Величества. „Идите со мною, я иду туда“,—отвѣчалъ генералъ. Изъ разговора съ прибывшимъ оказалось, что Рокасовскій везетъ изъ Ловчи донесеніе Государю, и что онъ, принадлежа къ составу конвойнаго гвардейскаго взвода, участвовалъ въ дѣлѣ. Крайне было интересно узнать подробности о нашей 2-й бригадѣ. Привезенное донесеніе Государь читалъ въ слухъ, на завалинкѣ болгарскаго домика, въ томъ дворѣ, гдѣ стоялъ Его шатеръ. Всѣ думали услышать донесеніе начальника отряда, но оказалось, что привезена записка генерала Добровольскаго, къ бригадѣ котораго былъ приданъ гвардейскій взводъ почетнаго конвоя.

Участіе во взятіи Ловчи 2-я бригада 3-й дивизіи приняла только въ концѣ боя и то однимъ 11 Псковскимъ полкомъ. До полудня она находилась въ резервѣ. Затѣмъ Псковскому полку приказано было спуститься къ Осмѣ, перейти ее въ бродъ и обойдя городъ съ западной части, выйти къ тутовой рощѣ и атаковать редутъ съ западнаго фаса. Въ головѣ полка шелъ 1-й батальонъ подполковника Кобордо. Командиръ полка полковникъ Кусовъ приказалъ ему, выйдя изъ предмѣстья, перестроиться по-ротно и разсыпавъ стрѣлковъ идти на редутъ, а самъ остался у рощи, чтобы выждать подходившія съ переправы 2-й и 3-й батальоны и направить ихъ за 1-мъ. Роты подполковника Кобордо вступили въ огонь въ то время, когда редутъ уже брали полки 2-й дивизіи и турки начали поспѣшное отступленіе. Несмотря на это, Псковцы до того рвались впередъ, что батальонъ въ нѣсколько минутъ потерялъ 5 убитыми и 37 ранеными. Въ числѣ первыхъ былъ и достойнѣйшій полковникъ Кусовъ. Устроивъ 2-й и 3-й батальоны, онъ въѣхалъ на окраину рощи и не видя за возвышеніемъ 1-го батальона, усумнился вѣрно-ли имъ взято направленіе. Въ этотъ моментъ выстрѣлы раздавались уже очень рѣдко; бой кончался. Подозвавъ полковаго адъютанта, Кусовъ,

приказалъ ему ѣхать къ 1-му батальону и подтвердить, чтобы онъ шелъ на редутъ, самъ же велѣлъ штабъ-горнисту взять его лошадь и уже началъ слѣзать, какъ одна изъ 5 послѣднихъ пуль выпущенныхъ турками, ударила его надъ правою бровью и вышла черезъ черепъ, въ наружу, съ частицею мозга. Штабъ-горнистъ подхватилъ его не давъ упасть. Казалось, что смерть должна послѣдовать моментально, а между тѣмъ послѣдняя искра жизни угасла только въ 5-мъ часу слѣдующаго утра *).

Узнавъ потомъ, въ продолженіи трехмѣсячной жизни въ Ловчѣ, всѣ подробности ловчинскаго дѣла, всѣ позиціи турокъ и окрестности города, наслушавшись разсказовъ участниковъ нашей 2-й бригады, мы никакъ не могли понять, какимъ образомъ турки ушли и увезли свои орудія. Ловчу обороняло 6 тысячъ турокъ съ 4-мя пушками, а атаковали ихъ 30 тысячъ и 92 орудія и несмотря на всю возможность окружить непріятеля, дозволили ему драться съ 4 часовъ утра до 6 вечера и увезти свои пушки, причемъ у насъ до 1500 человѣкъ выбыло изъ строя.

Впослѣдствіи привелось слышать, будто начальникъ сражавшихся войскъ не предпринялъ обходнаго движенія потому, что ему не съ кѣмъ было послать обходной колонны, такъ какъ генералъ Скобелевъ былъ необходимъ на правомъ флангѣ, а Разгильдѣевъ раненъ въ началѣ дѣла. Между тѣмъ, обходъ былъ возможенъ: стоило обогнуть не занятый городъ съ западной стороны и пройти по ложбинамъ версты четыре, внѣ выстрѣловъ, чего турки не могли бы и замѣтить, такъ какъ рядъ высокихъ холмовъ совершенно прикрывалъ-бы это движеніе. Нерѣшительность дать отдѣльное порученіе неизвѣстному еще главному начальнику командиру полка, служитъ доказательствомъ, какъ надо избѣгать назначенія начальниками отрядовъ лицъ, которымъ незнакомы войска ими предводительствуемые и ихъ частные командиры.

Коснувшись взятія Ловчи, скажемъ о томъ, что намъ довелось слышать впослѣдствіи, о попыткѣ турокъ вторично занять этотъ городъ.

На другой день по взятіи города, 23-го августа, турки, свѣжими силами, высланными Османомъ-пашою изъ Плевны, пробовали снова овладѣть Ловчею. Въ какомъ числѣ выступили они изъ Плевны, неизвѣстно. Видно было только, что съ сѣверныхъ высотъ, въ 8 часовъ утра

*) Полковникъ Кусовъ видимо предчувствовалъ свою смерть. Со времени выступленія изъ Горнаго Студеня, онъ былъ неузнаваемъ. Вдругъ сдѣлался ко всему равнодушенъ, избѣгалъ всякаго разговора, съ трудомъ добивались отъ него какихъ-либо распоряженій. Въ день боя, рано утромъ, онъ потребовалъ къ себѣ завѣдующаго хозяйствомъ, передалъ ему всѣ бывшія при немъ деньги, прося переслать ихъ брату, назначилъ денежныя награды своимъ деньщикамъ, даже распорядился, какъ поступить съ экипажемъ и верховыми лошадьми.

начали спускаться густыя цѣпи пѣхоты и за ними отъ 3 до 5 таборовъ. Выдвинутая ими батарея открыла огонь по редуту. Наши орудія отвѣчали, но по дальности снаряды не долетали. Этою артиллерійскою перестрѣлкою, продолжавшеюся не болѣе часа, дѣло и кончилось.

Турки безнаказанно отступили къ Плевнѣ.

Объ этомъ движеніи ихъ на Ловчу, вотъ что разсказывалъ очевидецъ, командиръ 9-го казачьяго полка полковникъ Нагибинъ. Высланная изъ Плевны колонна шла не по шоссе, а нѣсколько западнѣе, на Шлково и Баховицы. Въ это время между Видомъ и ловчинскимъ шоссе, ближе къ Плевно, стояла наша кавалерійская дивизія Лошкарева. Слатино и другія деревни, восточнѣе шоссе, тоже были заняты казаками, посты которыхъ, съ шоссе, ясно видѣли движеніе турецкой колонны на Ловчу; видѣли даже, гдѣ ночевала эта колонна. Полковникъ Нагибинъ посылалъ къ генералу Лошкареву свѣдѣнія о всемъ происходящемъ, онъ даже говорилъ, что одна изъ нашихъ конныхъ батарей выѣхала со стороны Вида на возвышеніе, но сдѣлавъ 4 выстрѣла скрылась. Изъ этого ясно, что движеніе турокъ, шедшихъ двумя переходами, было извѣстно. На вопросъ, почему казаки не остановили его? Полковникъ вполнѣ основательно отвѣчалъ: „Что же я могъ сдѣлать съ бывшими при мнѣ двумя сотнями, противъ нѣсколькихъ батальоновъ пѣхоты съ артилеріею“. Турки, видя городъ занятымъ превосходными силами, тѣмъ же путемъ возвратились въ Плевну. Впрочемъ, изъ разсказовъ другихъ значилось, будто-бы на выручку Ловчи, турки пришли изъ Орханіе по Микрѣевской дорогѣ, но это опровергается показаніями очевидцевъ и ихъ записками *).

25-го августа за завтракомъ, изъ разговора Государя съ профессоромъ Боткинымъ, начальникъ дивизіи узналъ, что Его Величество намѣренъ въ 2 часа ѣхать къ расположеннымъ у Булгарени госпиталямъ. Такъ какъ тамъ же у моста находился нашъ дивизіонный лазаретъ и 9-й Староингерманландскій полкъ, то генералъ поѣхалъ впередъ. Покуда готовили лошадей, получена была записка изъ полеваго штаба о томъ, что по повелѣнію Главнокомандующаго, 9-й Староингерманландскій полкъ долженъ передвинуться отъ Булгарени къ Парадиму и занять тамъ укрѣпленную позицію, а для охраненія моста черезъ Осму, у Булгарени, приказано поставить батальонъ 10-го Новоингерманландскаго полка *).

---

*) „Сборникъ военныхъ разсказовъ“, томъ II.

**) Вышеупоминаемая записка приводится въ подлинникѣ:

„Полевой штабъ дѣйствующей арміи. Отд. строевое. 25-го августа 1877 года. Главная квартира, д. Раденица.

„Его Императорское Высочество Главнокомандующій приказалъ: 9-му пѣхотному полку перейти отъ моста на р. Осмѣ на укрѣпленную позицію находящуюся на Плевненскомъ шоссе на линіи Парадимъ, Трестеникъ (съ одною батареею), а одному

Распорядившись о послѣднемъ, начальникъ дивизіи поспѣшилъ застать 9-й полкъ еще до его выступленія по новому назначенію. Версты за двѣ до моста, мы увидѣли громадный лугъ, почти въ сплошную заставленный обозами полковъ, парками, провіантскими и артиллерійскими транспортами. Нашъ подвижной лазаретъ раскинулся на берегу возлѣ моста. Мы уже застали тамъ профессора Боткина осматривающимъ больныхъ, почти исключительно лихорадочныхъ.

Между тѣмъ, 9-й полкъ и находившаяся при немъ 1-я батарея, уже строились для выступленія къ Парадиму. Государь, въ коляскѣ, съ военнымъ министромъ подъѣхалъ къ полку, когда головная часть уже тронулась, а два батальона и батарея, съ музыкою и пѣснями, прошли мимо Его Величества. „Какой молодецкій и развитой взглядъ у людей", сказалъ Государь министру, а потомъ, обратясь къ начальнику дивизіи, прибавилъ: „А ты точно курица высидѣвшая утятъ, видишь какъ они уплываютъ и долженъ оставаться на берегу". Затѣмъ поблагодаривъ и поцѣловавъ командира полка, флигель-адъютанта полковника графа Татищева, Государь поѣхалъ назадъ, въ Чуашъ-Махалу. Начальникъ дивизіи издали слѣдовалъ за свитой.

На половинѣ пути Государь и вся свита сѣли на верховыхъ лошадей, выведенныхъ на встрѣчу. Здѣсь произошелъ довольно курьезный эпизодъ. Передъ пригоркомъ, за которымъ дорога загибала круто въ сторону, встрѣчается солдатъ 10-го полка, верхомъ и съ нимъ на ослѣ болгаринъ. Оба они соскочили и остановились. „Ты куда?" спрашиваетъ Государь.—„Съ проводникомъ Ваше Величество".—„Я вижу, что съ проводникомъ, но куда?"—„Съ проводникомъ Ваше Величество". „Понимаю, возвышаетъ голосъ Государь, но куда посланъ и зачѣмъ?" Уже совершенно растерявшійся солдатъ повторяетъ тотъ же отвѣтъ. Государь приказалъ разузнать, что это за человѣкъ. Мы подъѣхали въ то время, когда многіе изъ свиты, въ томъ числѣ и военный министръ, разспрашивали оторопѣвшаго и испугавшагося солдата. Не успѣлъ Государь подняться на пригорокъ, какъ увидѣлъ 2-й батальонъ 10-го полка, стройно шедшій на смѣну караула у моста. Оказалось, что солдатъ былъ конный вѣстовой батальоннаго командира, приставленный къ взятому изъ деревни проводнику, собственно для того, чтобы послѣдній не убѣжалъ. Передъ обѣдомъ въ главной квартирѣ, военный министръ передалъ начальнику дивизіи эту сцену, прибавивъ, что Государь замѣтилъ, что батальонъ одѣтъ щегольски и люди шли молодцами.

батальону 10-го пѣхотнаго полка (съ одною полубатареею) перейти отъ Чуашъ-Махала къ мосту на р. Осмѣ для его охраны.

Для сбереженія времени, распоряженіе это сообщено прямо командирамъ полковъ".

Начальникъ штаба генералъ-адъютантъ

Непокойчицкій.

26-го августа, въ 6 часовъ утра, донесся до нашего бивуака отдаленный гулъ пальбы у Плевны. Это было начало ея 4-хъ-дневнаго бомбардированія. Въ это же время Государь со всею свитою, окруженный своимъ кавалерійскимъ конвоемъ, проѣхалъ къ Плевнѣ. Обозъ главной квартиры остался въ Чуашъ-Махалѣ и при ней мы съ 2-мя батальонами 10-го полка. Въ 12 часовъ, по случаю дня коронаціи, въ столовой палаткѣ былъ молебенъ, при чемъ представителями главной квартиры были генералъ-адъютантъ князь Суворовъ и генералъ свиты Тучковъ. Во время обѣда, тамъ же, получена была депеша, чтобы главная квартира на слѣдующее утро перешла въ Раденицы. Мы должны были выступить вмѣстѣ съ нею.

Ночью генералу подали записку начальника полеваго штаба, съ слѣдующими повелѣніями Главнокомандующаго: „1 10-й Новоингерманландскій полкъ, со 2-ю и 4-ю батареями направить двумя переходами въ Бѣлу, гдѣ ему поступить въ отрядъ Его Высочества Наслѣдника Цесаревича. 2) Дивизіонному штабу и подвижному дивизіонному лазарету присоединиться къ 9-му полку на позиціи у Парадима". Тотчасъ же были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія и полкъ въ 6 часовъ утра тронулся по той же дорогѣ какъ пришелъ на Горный Студень. Чѣмъ было вызвано это отдѣленіе полка отъ своей дивизіи, въ запискѣ не говорилось, но наканунѣ прошла въ главной квартирѣ молва, будто турки тѣснятъ рущукскій отрядъ и Государь Цесаревичъ проситъ подкрѣпленій. Но что значитъ для 40-тысячнаго отряда одинъ полкъ, который придетъ къ нему на третій день?

Чтобы не задержать какъ нибудь своимъ штабнымъ обозомъ, обоза главной квартиры, начальникъ дивизіи условился съ помощникомъ ея коменданта, что послѣдній велитъ своимъ обозамъ трогаться 27-го августа, въ 6 часовъ утра, а мы выступимъ въ 8 часовъ. Вмѣсто этого пришлось ждать до 10. Громаднымъ каретамъ и фургонамъ шестериками, сряду за бивуакомъ, пришлось спускаться по узкой дорожкѣ съ крутаго ската, затѣмъ при крутомъ поворотѣ проѣзжать узкій мостъ. Передъ спускомъ экипажи и повозки то засѣдали въ узкихъ переулкахъ деревни и въ пескѣ, то налетали другъ на друга. Лошади не сдерживали тяжести и пускались подъ гору во всю прыть; у нѣкоторыхъ повозокъ не оказывалось тормаза, у другихъ ямщики, по русскому „авось", не хотѣли тормозить, полагаясь на свою силу. Въ одномъ мѣстѣ, на половинѣ спуска, была промоина и на ней-то происходила главная задержка; потому что приходилось отпрягать пристяжныхъ. Все это ужасно досаждало. Наконецъ наше терпѣніе истощилось: въ 10 часовъ дивизіонный штабъ пошелъ въ обходъ горы и только этимъ способомъ намъ удалось выбраться на дорогу. Во весь переходъ повозки главной квартиры обгоняли насъ. Къ 3-мъ часамъ дня, въ самую жару, мы присоединились къ 9-му полку

на Парадимской позиціи. Такъ какъ 9-й полкъ съ приходомъ на эту позицію составилъ, согласно полученнаго командиромъ его графомъ Татищевымъ приказанія, резервъ 9-го корпуса, находившагося подъ Плевной, то немедленно были отправлены начальникомъ дивизіи отзывы, командиру этого корпуса барону Криднеру и начальнику штаба западнаго отряда генералу Зотову, о прибытіи штаба дивизіи съ полкомъ и батареею, а равно сообщено и о томъ, гдѣ находятся прочія части дивизіи.

Парадимская позиція была та самая, отъ которой генералъ Зотовъ 18-го августа отбилъ наступленіе Османа-паши, вышедшаго съ 25-ю тысячами изъ плевненскихъ укрѣпленій. Ее правильнѣе было-бы назвать Зголуицкою, потому что бой происходилъ у деревни Згалуицъ. Возлѣ нашего бивуака находилась большая часть укрѣпленій, построенныхъ частями 4-го корпуса. Мы со вниманіемъ осмотрѣли ихъ и надо сознаться, что наши полевыя фортификаціонныя работы представляются чѣмъ-то до крайности мелкимъ, въ сравненіи съ турецкими. Профили тонкія, съ узкими рвами; стрѣлковые ровики кажутся какими-то канавками; батареи безъ траверзовъ и все это безъ всякой отдѣлки, тогда какъ у турокъ чистота отдѣлки и сила профилей поразительны. Въ этомъ намъ пришлось еще болѣе убѣдиться впослѣдствіи, при осмотрѣ плевненскихъ и адріанопольскихъ укрѣпленій. Могутъ сказать, что Адріанополь укрѣплялся цѣлый годъ; но Плевна, гдѣ 8-го іюля не было ничего, 18-го іюля имѣла громадные редуты, а чрезъ мѣсяцъ представляла ихъ десятки, съ траншейными сообщеніями и прикрытыми путями. Наши же укрѣпленія у Згалуица и Парадима, гдѣ войска стояли болѣе трехъ недѣль, походили на сдѣланныя въ теченіи одной ночи. Конечно, это не уменьшаетъ, а напротивъ, увеличиваетъ честь ихъ обороны, но все-таки указываетъ на необходимость улучшенія и развитія саперныхъ работъ въ войскахъ.

28-го августа начальникъ дивизіи, съ старшимъ адъютантомъ штаба, ѣздилъ къ Плевнѣ, бомбардированіе которой продолжалось съ особенной энергіей. Съ высоты, позади деревни Гривицы, были видны всѣ наши батареи до Кришина, кольцомъ обложившія занятыя турками высоты. Противъ ихъ лѣваго фланга и Гривицкаго редута дѣйствовали румынскія батареи, превосходно стрѣлявшія шрапнелями, изъ которыхъ каждая разрывалась надъ непріятельскимъ укрѣпленіемъ.

Въ ночь на 29-е число, на лѣвомъ флангѣ было значительное дѣло. Мы знали только, что участвовавшая въ немъ 2-я дивизія, понесла значительныя потери.

Почему-бы казалось, тотчасъ не сообщать о происходившемъ въ другіе войска? Это избавило бы отъ несправедливыхъ слуховъ и преувеличенія потерь. Подобные слухи и преувеличанія, всегда производятъ невольное уныніе и невыгодно дѣйствуютъ на самоувѣренность и бодрость духа.

Наконецъ, мы получили прямыя свѣдѣнія изъ 2-й бригады, и могли узнать о ней, отъ участниковъ взятія Ловчи. Князь Имеретинскій, слѣдуя къ Ловчѣ, оставилъ всѣ обозы и ранцы въ Сельви, а уходя со 2-ю дивизіею и 3-ю стрѣлковою бригадою подъ Плевну, приказалъ всѣмъ безъ исключенія обозамъ, въ томъ числѣ и оставленной въ Ловчѣ 2-й нашей бригады, отправиться въ Парадимъ окольною дорогою, прямо изъ Сельви. Съ обозами прибыли завѣдывающіе хозяйствами полковъ и квартермистры. Они-то и сообщили тѣ подробности участія бригады въ Ловчинскомъ дѣлѣ, которыя приведены выше. О продовольствіи бригады ничего сказать не могли, кромѣ того, что при полкахъ не осталось ни одной повозки, а о прибытіи интендантскихъ транспортовъ не слыхали. Отправленіе обоза въ Парадимъ, тогда какъ бригада осталась въ Ловчѣ, насъ крайне удивляло. Ихъ заставили даромъ пройти горами, по скверной дорогѣ, 60-ть верстъ, когда можно было придвинуть къ своимъ полкамъ по прекрасному шоссе, прямо изъ Сельви.

На слѣдующій день, 29-го августа, получено было первое официальное донесеніе, командира 2-й бригады генерала Давыдова. Онъ писалъ: 1) что 2-й батальонъ 12-го полка оставленъ въ Сельви, подъ командою маіора Беатра, а въ Ловчѣ находится только 5-ть батальоновъ нашей и батарея 9-й бригады; батареи-же 3-й дивизіи пошли со второй къ Плевнѣ; 2) что полки издержали весь сухарный запасъ, и потому довольствуются отъ жителей, которые могутъ доставлять ежедневно только 185 пудовъ хлѣба, выпекаемаго изъ захваченныхъ турецкихъ складовъ, поэтому нижніе чины получаютъ по полтора фунта, вмѣсто трехъ; 3) что полки, оставшись безъ обозовъ, съ которыми ушли и мастеровые, не могутъ исправить пострадавшіе отъ переходовъ по горамъ патронные ящики, и лишены возможности вести отчетность и переписку, потому, что канцеляріи ихъ при обозахъ.

Все это послѣдствія разбрасыванія дивизіи по разнымъ отрядамъ и того, что значитъ давать части чужимъ начальникамъ, которые, конечно, больше заботятся о своихъ полкахъ, чѣмъ о постороннихъ.

Чтобы исправить изложенное въ донесеніи генерала Давыдова, начальникъ дивизіи немедленно командировалъ въ Ловчу, дивизіоннаго интенданта, приказавъ ему принять мѣры къ устройству продовольствія бригады и предписалъ завѣдывающимъ хозяйствами отправиться съ обозами къ своимъ частямъ.

29-го августа, около 5-ти часовъ пополудни, съ причисленнымъ къ генеральному штабу, ротмистромъ Арбузовымъ, получено было приказаніе Главнокомандующаго, чтобы 9-й Староингерманладскій полкъ, съ 1-ю батареею, былъ немедленно двинутъ впередъ, къ деревнѣ Гривицѣ и поставленъ въ лощинѣ, гдѣ бивуакъ Кіевскаго гусарскаго полка. О штабѣ дивизіи и подвижномъ лазаретѣ не было сказано ни слова. Тѣмъ не мѣ-

*

нѣе начальникъ дивизіи счелъ обязанностью идти лично со всѣми чинами штаба, съ полкомъ, оставивъ дивизіонный лазаретъ на Парадимской позиціи. Черезъ полчаса по полученіи приказанія, полкъ уже тронулся и передъ закатомъ солнца втянулся въ густой кустарникъ; въ сумерки нашли тучи, разразилась сильная гроза съ ливнемъ и насталъ такой мракъ, что въ двухъ шагахъ невозможно было ничего видѣть. Артиллерійскія орудія, зарядные и патронные ящики, лазаретныя кареты, всѣ смѣшалось въ кучу, батальоны и роты перепутались. Наконецъ колоновожатый нашъ объявилъ, что онъ сбился съ дороги и отправился ее розыскивать. До тѣхъ поръ мы его и видали: онъ болѣе не возвращался. По невозможности идти далѣе, начальникъ дивизіи приказалъ полку и батареѣ остановиться и собравъ людей пробивуакировать, тамъ гдѣ стояли, до разсвѣта. Всю эту ночь мы провели подъ дождемъ, до того сильнымъ, что невозможно было развести костровъ и большая часть людей не ложилась. Да и трудно было лечь въ сплошномъ, залитомъ водою, кустарникѣ. Наступившее утро не помогло намъ узнать, гдѣ мы находимся: туманъ былъ до того густъ, что видимый горизонтъ ограничивался 30-ю шагами. Бѣловато-сѣрая пелена покрывала все, а между тѣмъ посланные впередъ разъузнать дорогу офицеры возвращались, говоря, что проселки и разъѣзды между кустарниками безпрерывно пересѣкаются въ разныхъ направленіяхъ, и потому оріентироваться невозможно.

Въ 6-ть часовъ началась канонада у Плевны. Рѣшили идти на выстрѣлы и въ то время, когда батальоны становились въ ружье, явился новый офицеръ генеральнаго штаба—Эссенъ, съ запискою къ командиру 9-го полка, поставить полкъ въ прикрытіе первой осадной батареи. Чтобы не попасть подъ выстрѣлы, пришлось вести полкъ лощинами, мѣстами безъ дороги, по засѣяннымъ скатамъ, что замедляло движеніе, такъ какъ патронные ящики втаскивались на подъемы людьми.

Къ 12-ти часамъ мы прибыли къ осадной батареѣ. Не имѣя ничего подъ своею командою, кромѣ одного полка, и то составлявшаго резервъ 9-го корпуса, начальникъ дивизіи предоставилъ распоряжаться полкомъ полковому командиру и оставался возлѣ полка, простымъ зрителемъ боя. Желая узнать, какія сдѣланы для него распоряженія, генералъ спросилъ гр. Татищева, не получилъ-ли онъ диспозиціи? но ни у него, ни у командира осадной батареи ее не было. Послѣдній могъ только сказать, что ему приказано производить усиленную стрѣльбу до 11-ти часовъ; затѣмъ прекратить ее до часа, потомъ возобновить, и что въ три часа, по слухамъ, предполагается общая атака.

Проѣзжавшіе мимо флигель-адъютанты и ординарцы, на всѣ вопросы о томъ, что предстоитъ?—отвѣчали, что имъ ничего неизвѣстно, и что

все держится въ секретѣ. Мы этому не повѣрили, потому что бой, съ секретами для участниковъ, что-то новое въ военномъ дѣлѣ.

Въ три часа канонада загремѣла по всей линіи, и вслѣдъ затѣмъ выказались изъ-за прикрытій наши стрѣлки, двинувшіеся впередъ. Съ позиціи 9-го полка, занятой лѣвѣе батареи, было видно наступленіе румынъ на Гривицкій редутъ и 5-й нашей дивизіи по лощинѣ, ниже нашихъ батарей. Началась сильнѣйшая ружейная пальба съ обѣихъ сторонъ. Несмотря на 4-й часъ дня, было еще настолько не свѣтло, что вся оборонительная линія турокъ обозначалась огненною линейкою. Вскорѣ долина между возвышеніями покрылась пороховымъ дымомъ, и вмѣстѣ съ туманомъ застлала все бѣлой пеленой. Видно было только то, что румыны, встрѣченные сильнымъ огнемъ изъ редута и траншей, подавались весьма медленно, несмотря на то, что на перекрестные выстрѣлы по редуту 24-хъ орудій, изъ редута отвѣчало всего два. Въ помощь румынамъ, къ ихъ лѣвому флангу, была послана бригада 5-й дивизіи, и 1-му батальону 9-го полка съ 1-ю батареею 3-й артиллерійской бригады, приказано было перейти къ Гривицѣ. Тамъ батальонъ составилъ прикрытіе своей первой батареи. Командующій этою батареею капитанъ Вольвичевъ, лихо вынесся на позицію и открылъ огонь противъ турецкой батареи, находившейся на загибѣ шоссе, въ томъ мѣстѣ гдѣ оно проходитъ возлѣ укрѣпленнаго лагеря турокъ и огибая возвышеніе идетъ къ городу. Несмотря на учащенную стрѣльбу этой батареи, капитанъ Вольвачевъ, отославъ передки и ящики за ближайшую складку мѣстности, отстрѣливался до самой ночи, а къ утру умѣлъ одними своими людьми окопать и прикрыть орудія и прислугу на столько, что въ теченіи 4-хъ дней, при постоянной канонадѣ противника, имѣлъ весьма мало потерь. Спустившись лѣвѣе Гривицы и занявъ позицію впереди этой деревни, 1-я стрѣлковая рота разсыпалась вправо отъ батареи, и могла дѣйствовать во флангъ сражавшимся у редута и по дорогѣ, устроенной турками отъ редута къ находившемуся въ верстѣ за нимъ укрѣпленному лагерю. Выстрѣлы этой роты, два раза заставили отъѣзжать назадъ въ лагерь зарядные ящики, пытавшіеся подвозить снаряды къ редуту. Рота потеряла при этомъ одного убитымъ и 9-ть ранеными. Наступившая темнота прекратила бой, и нашъ штабъ возвратился на позицію у Парадима. Только ночью мы узнали, что Гривицкій редутъ взятъ, и что всѣ прочія части заняли тѣ самыя мѣста, на которыхъ находились до 3-хъ часовъ.

Въ теченіи 31-го числа, начальникъ дивизіи два раза посылалъ къ Староингерманландскому полку узнать, что у него дѣлается. Утромъ ѣздилъ къ Гривицѣ старшій адъютантъ штаба, штабсъ-капитанъ Байковъ, а подъ вечеръ—ординарецъ поручикъ Эрнротъ. Первый привезъ извѣстіе, что полкъ выведенъ передъ деревню Гривицу, гдѣ поставленъ

въ лощинѣ между нею и взятымъ наканунѣ редутомъ; что хотя онъ находится подъ выстрѣлами, но вслѣдствіе прикрытія складкою мѣстности, потеря ограничивается двумя ранеными. Поручикъ Эрнротъ донесъ, что при немъ полкъ переведенъ изъ-подъ выстрѣловъ за шоссе, лѣвѣе деревни, а 2-й батальонъ отдѣленъ версты за 3 назадъ, къ той возвышенности, на которой всѣ эти дни находился Государь и Главнокомандующій, такъ какъ при нихъ не было никакой пѣхоты. Въ этотъ-же день на лѣвомъ флангѣ, въ 4 часа, турки атаковали взятые Скобелевымъ редуты. Нѣсколько разъ остатки 2-й дивизіи и 3-й стрѣлковой бригады отбивали наступленіе 20-ти тысячъ турокъ, но, наконецъ, должны были отдать то, что за день куплено было дорогою цѣною. Какъ въ ночь на 31-е, такъ и въ послѣдующія ночи, турки по нѣскольку разъ пробовали отнять Гривицкій редутъ, но были отбиваемы. Дабы быть ближе къ Староингерманландскому полку, 1-го сентября дивизіонный штабъ перешелъ тоже къ Гривицѣ и расположился въ лощинѣ позади полка.

Неподалеку отъ этого мѣста, въ другой лощинѣ, былъ раскинутъ подвижной лазаретъ 5-й дивизіи. Начальникъ дивизіи пошелъ къ нему, съ цѣлью отыскать раненыхъ 9-го полка.

Чтобы войти въ шатеръ, нужно было пробраться между рядами лежавшихъ вокругъ палатокъ раненыхъ. Внутренность шатра представляла ужасающее зрѣлище. Крики, стоны, хрипѣніе, бредъ—все это смѣшивалось. По серединѣ шатра стояла фигура солдата въ шинели и еще въ амуниціи. По формѣ шапки видно было, что это не русскій. Издали мы приняли его за араба, до того лицо было черно. Подойдя ближе, видимъ рослаго румына. Все лице его было опалено и казалось обугленнымъ; только лѣвая ободранная щека висѣла вмѣстѣ съ выбитымъ глазомъ и имѣла видъ черно-красной ямы. Въ концѣ этого шатра, на двухъ столахъ, нѣсколько докторовъ съ ассистентами производили ампутаціи.

Страшно было оглянуться кругомъ. То число раненыхъ, которое на полѣ битвы было-бы можетъ быть разбросано на двѣ или на три версты, здѣсь было соединено на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ саженъ. Ихъ было, утромъ 1-го сентября, 1600 и всѣ почти изъ частей бывшихъ у Гривицкаго редута и на лѣвомъ флангѣ у Скобелева. Изъ шатровъ ежеминутно выносили умершихъ и клали тутъ-же, такъ что образовались цѣлые ряды носилокъ съ трупами. Мы поспѣшили уйти отъ этого ужаснаго зрѣлища.

Въ 5-ть часовъ вечера, начальникъ дивизіи поѣхалъ на бивуакъ Староингерманландскаго полка, гдѣ нашелъ какъ офицеровъ, такъ и солдатъ, вполнѣ одушевленными. Полкъ былъ расположенъ за горою, вмѣстѣ съ частями 5-й дивизіи и артиллерійскими батареями. Къ нимъ и отъ нихъ, безъ перерыва тянулись ящики за снарядами и наполненные ими. Со всѣхъ высотъ, гдѣ стояли наши орудія, шла усиленная бомбарди-

ровка, а за этими высотами, въ какихъ-нибудь 4-хъ верстахъ отъ Плевны, бивуачная жизнь полковъ ничѣмъ не отличалась отъ той, которая обыкновенно происходитъ въ красносельскомъ или ходынскомъ лагерѣ. За составленными въ козлы ружьями, у ручейка, дымились огни подъ ротными котлами; въ одномъ мѣстѣ выгружали подводы, съ добытою за Дунаемъ капустою; въ другомъ—подвозили къ батальонамъ хлѣбъ изъ обоза, въ третьемъ—шла раздача винной порціи; здѣсь у самоварчика лежало нѣсколько офицеровъ; тамъ офицерская группа окружила проѣзжавшаго мимо штабнаго и осыпала вопросами; говоръ, ходьба, мѣстами пѣсни, перебранка съ маркитантомъ-евреемъ — все это представляло необыкновенно оживленную картину. Возвращаясь къ бивуаку, начальникъ дивизіи опять зашелъ въ подвижной лазаретъ 5-й дивизіи. Онъ представлялъ ту-же, но уже нѣсколько успокоившуюся картину. Важнѣйшія операціи были сдѣланы. Многіе изъ стонавшихъ смолкли на вѣки; доктора уже появлялись внѣ шатровъ; только въ одномъ изъ нихъ шла еще усиленная работа, а изъ него ежеминутно выбрасывалась отнятая рука или нога.

Вечеръ былъ дивный: закатывающееся солнце ярко освѣщало только вершины холмовъ, бросая сильныя, разнообразныя тѣни въ лощины. Съ одной изъ этихъ вершинъ доносились слабые звуки церковнаго пѣнія. Взглянувъ въ ту сторону, мы увидѣли группы солдатъ, роющихъ общія могилы, къ которымъ изъ лазарета тянулась длинная вереница, покрытыхъ бѣлыми простынями носилокъ. Въ сторонѣ отъ общихъ могилъ, на отдѣльномъ холмикѣ, отпѣвали полковника Шлиттера, уже втораго командира Архангелогородскаго полка, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ войны. Въ эту минуту раздалась сильная трескотня ружейной пальбы къ сторонѣ Гривицы. Мы поспѣшили скорѣе къ своему бивуаку и съ первой возвышенности увидѣли, какъ турки вновь пробовали овладѣть редутомъ и снова были отбиты. Часовъ въ 11-ть ночи и въ 3 часа утра, атаки турокъ возобновлялись. Всякій разъ они заставляли насъ выскакивать изъ палатокъ и наскоро сѣдлать коней.

Слѣдующіе три дня никакихъ перемѣнъ въ расположеніи штаба дивизіи и 9-го полка не происходило; днемъ онъ оставался на той же позиціи, а на ночь подвигался ближе къ редуту, для поддержки румынскихъ батальоновъ. Начальство послѣднихъ всегда настаивало, чтобы ночью были у редута и русскіе, что давало поводъ думать, насколько оно мало надѣялось на своихъ.

III.

Въ Ловчѣ до первыхъ поисковъ.

Сформированіе ловче-сельвинскаго отряда.—Румынская атака.—Наши раненые. Вступленіе въ Ловчу.—Состояніе города.—Гражданское управленіе.—Осмотръ позицій.—Водвореніе порядка.—Лица изъ главной квартиры.—9-й полкъ въ Сельви.—Позиціи передовыхъ постовъ.—Какринская позиція.—Первыя свѣдѣнія о непріятелѣ.—Поискъ подполковника барона Кридинера.—Укрѣпленіе Ловчи.

Желая узнать, что будетъ предпринято въ будущемъ съ разбросанною нашею дивизіею, генералъ 4-го сентября поѣхалъ къ Великому Князю въ Парадимъ и засталъ его выходящимъ изъ своей палатки, чтобы вмѣстѣ съ принцемъ Карломъ румынскимъ ѣхать на позиціи. Увидя генерала, Его Высочество сказалъ:

— Я назначаю тебя въ Ловчу, гдѣ соберется твоя дивизія. Ты займешь этотъ городъ и Сельви.

— Слѣдовательно и 10-й полкъ присоединится ко мнѣ?—спросилъ генералъ.

— Ну, это едва ли и я не знаю отпуститъ ли его Наслѣдникъ.

— Когда же прикажете выступать 9-му полку?

— Объ этомъ ты получишь предписаніе. Твоя цѣль будетъ служить связью между Плевною и Шипкой.

Этимъ кончился разговоръ Затѣмъ мы ждали, что немедленно получимъ письменное приказаніе, но прошло 4-е и 5-е сентября—ничего не происходило, а 6-го главная квартира перешла снова въ Горный Студень.

По возвращеніи на бивуакъ, получено было второе донесеніе командира 2-й бригады изъ Ловчи. Онъ жаловался, что получаетъ разнорѣчивыя приказанія, что въ его распоряженіи нѣтъ ни одного казака, такъ какъ генералъ Скобелевъ взялъ всѣхъ съ собою подъ Плевну, что вслѣдствіе значительнаго заболѣванія людей, ощущается недостатокъ въ медикаментахъ, что перевязочныя средства полковъ израсходованы на раненыхъ 2-й дивизіи, что у него нѣтъ ни одного офицера генеральнаго штаба и вообще помощниковъ. Хотя полковые врачи 2-й бригады, приславшіе свои свѣдѣнія дивизіонному доктору, и не доносили объ упоминаемыхъ недостаткахъ, тѣмъ не менѣе начальникъ дивизіи приказалъ немедленно отправить нарочнаго офицера въ Систово за медикаментами и указалъ генералу Давыдову, чтобы въ замѣнъ офицера генеральнао штаба, онъ взялъ себѣ двухъ офицеровъ изъ полковъ, а о приданіи кавалеріи написалъ бы въ полевой штабъ арміи.

Наступило и 7-е число, а никакого предписанія объ исполненіи словеснаго приказанія Главнокомандующаго не получалось. Думая, что вѣроятно произошла какая-либо перемѣна въ намѣреніяхъ Его Высочества,

начальникъ дивизіи рѣшился послать въ Горный Студень офицера съ письмомъ къ помощнику начальника штаба. Въ письмѣ этомъ спрашивалось: не отмѣнено ли распоряженіе о соединеніи дивизіи въ Ловчѣ и Сельви; брать ли туда прибывшіе къ намъ подвижной, летучій и вольнонаемный парки; будетъ ли дано хоть сколько-нибудь кавалеріи и дадутъ-ли средства для найма лазутчиковъ, что необходимо для полученія свѣдѣній о непріятелѣ?

Въ полдень, гуляя возлѣ бивуака, мы встрѣтили группу офицеровъ верхами. Это былъ штабъ 4-го корпуса, стоявшій въ ближайшей деревнѣ. Отъ начальника корпуснаго штаба мы узнали, что около 3-хъ часовъ на правомъ флангѣ румыны предполагаютъ атаковать малый Гривицкій редутъ. Опять, подумалось намъ, никому не сообщили объ этомъ, точно близъ стоящимъ войскамъ и дѣла нѣтъ о томъ, что происходитъ въ сосѣдствѣ. Зная, что 9-й полкъ, находящійся у Гривицы, можетъ быть привлеченъ къ поддержкѣ румынскихъ батальоновъ, генералъ велѣлъ скорѣе сѣдлать и вмѣстѣ съ начальникомъ штаба и ординарцами поспѣшилъ къ Гривицѣ. Подъѣзжая къ ней прямо черезъ виноградники, мы увидѣли въ нихъ не мало прячущихся румынскихъ солдатъ, видимо улизнувшихъ изъ строя. Сильная канонада румынскихъ батарей, дѣйствовавшихъ уже болѣе часа по одному и тому же направленію, не могла не указать туркамъ о намѣреніи ихъ противника. Минуя перевязочный пунктъ, расположенный въ оврагѣ, куда уже сносили раненыхъ, мы поднялись на возвышеніе, гдѣ стояла 6-ти орудійная батарея. Тутъ мы застали прусскаго и австрійскаго военныхъ агентовъ, состоявшихъ при нашей главной квартирѣ; вмѣстѣ съ ними, болѣе часа, мы смотрѣли на ходъ артиллерійскаго боя. Въ теченіи этого времени, нѣсколько разъ слышны были по всей линіи, занимаемой румынами, сигналы наступленія и атаки, но никто не наступалъ. Ружейная пальба то яростно закипала, то стихала, чтобъ загорѣться съ новой силой. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, залегшая за своими валиками цѣпь пробовала по сигналу подниматься; одиночные люди выскакивали шаговъ на 20 впередъ, но, видя, что ихъ не поддерживаютъ, или падали, или возвращались и цѣпь снова ложилась. Между тѣмъ, возлѣ насъ то и дѣло лопались гранаты, но намъ все-таки хотѣлось дождаться атаки. Наконецъ нѣсколько гранатъ упало такъ близко, что прусскій офицеръ замѣтилъ:

— А вѣдь будетъ очень глупо, если насъ здѣсь убьютъ безъ всякой пользы.

Мы разъѣхались въ разныя стороны: нѣмцы отправились къ тылу румынской позиціи, а мы къ Гривицѣ, гдѣ и узнали, что въ 9-мъ полку, находившемся за большимъ редутомъ, ранено 10 человѣкъ гранатами, между ними поручикъ Масловъ—опасно, въ голову, и что всѣ они уже отправлены въ подвижной лазаретъ дивизіи. Возвратясь назадъ, началь-

никъ дивизіи немедленно осмотрѣлъ ихъ и такъ какъ засталъ всѣхъ уже перевязанными, то и распорядился отправкою раненыхъ въ подвижной госпиталь въ Булгарени.

Ожидая скораго выступленія, вечеромъ генералъ съ ординарцемъ своимъ пошелъ къ лазарету 5-й дивизіи узнать о людяхъ 9-го полка. Тамъ было еще много, за неимѣніемъ подводъ, не отправленныхъ раненыхъ. Изъ разговора съ смотрителемъ лазарета мы узнали, что онъ третій день бьется какъ бы получить подводы.

— Да отчего же вы не возьмете нашего подвижнаго лазарета? Вѣдь онъ въ трехъ верстахъ отсюда,—сказалъ генералъ смотрителю.

— Какъ же я распоряжусь безъ своего начальства,—отвѣчаетъ смотритель.

— Да если я, какъ начальникъ дивизіи, даю вамъ мой лазаретъ, конечно временно, то что же до этого за дѣло вашему генералу. Мнѣ кажется, что онъ можетъ только быть благодаренъ.

— Нѣтъ, ваше пр—во, позвольте прежде попросить его разрѣшенія.

— Но вѣдь онъ въ главной квартирѣ и разрѣшеніе придетъ чрезъ три дня, а вамъ нужна помощь сію минуту и всего дня на два. Возьмите хоть мои лазаретныя кареты и линейки, чтобы отправить перевязанныхъ до Булгарени; а то посмотрите, какая масса скучена въ одномъ мѣстѣ; вѣдь уже земля возлѣ вашего лазарета пахнетъ гнилою кровью.

— Вотъ за повозки былъ бы очень благодаренъ,—проговорилъ смотритель.

Тутъ же была написана въ штабъ записка и черезъ два часа, 8 нашихъ лазаретныхъ фургоновъ, повезли 40 человѣкъ тяжело раненыхъ въ Булгарени.

Передъ ихъ отправленіемъ, мы были свидѣтелями такой сцены: лежитъ у шатра солдатъ, съ головою закутавшійся въ шинель. Сестра милосердія приподняла его; на лицѣ и особенно на лбу запекшаяся кровь.

— Ты что же не собираешься? вѣдь видишь, что товарищей увозятъ,—говоритъ сестра.

Солдатъ встаетъ.

— Да ты перевязанъ ли?

— Никакъ нѣтъ.

— А раненъ куда?

— Въ голову.

— Нагнись.

Оказывается, что пуля, пробивъ черепную кость, засѣла въ ней и торчитъ, но не коснулась мозговой оболочки. Поэтому поводу сестра милосердія разсказала, что случаи изумительнаго терпѣнія происходили безпрерывно. Такъ, на другой и на третій день послѣ плевненскаго штурма, къ ихъ лазарету приползъ за 4 версты, съ лѣваго фланга, сол-

датъ 16-й дивизіи съ перебитою гранатой ногою, такъ что она у колѣна держалась на клочкѣ кожи. Когда онъ ползъ, волоча ногу, то кожа нѣсколько разъ переворачивалась и свернулась въ веревку. Другой солдатъ 5-й дивизіи, съ обѣими перебитыми ногами, приползъ на локтяхъ.

Возлѣ одного изъ шатровъ, два раненыхъ помогали другъ другу надѣть скатанныя черезъ плечо шинели.

— Вы куда это шинели надѣваете?—спрашиваетъ ихъ сестра.

— Да къ себѣ идемъ, въ полкъ, на позицію,—отвѣчаетъ тотъ, что постарше.

— Да вѣдь ты раненъ?

— Руку задѣло повыше локтя, да ничего, перевязали, такъ могу дѣвствовать.

— А ты куда раненъ? спрашиваетъ генералъ другаго.

— Я въ плечо, ваше превосходительство,—говоритъ онъ и въ тоже время беретъ ружье правильно въ правую руку, плечо которой именно и ранено.

— Зачѣмъ же на плечо-то берешь больною рукою, вѣдь развередишь рану.

— Да она силу не потеряла, позволяетъ.

— Вамъ бы все-таки лучше дня три отдохнуть здѣсь въ лазаретѣ, а потомъ поправились-бы и пошли въ полкъ, — замѣтила сестра милосердія.

— Нѣтъ, мы лучше на позицію; здѣсь безъ своихъ скучно, да и совѣсть беретъ отдыхать, когда товарищи подъ пулями.

Оба эти солдатика оказались 2-й роты 9-го полка. Когда сестра отошла, одинъ изъ нихъ вполголоса обратился генералу съ словами:

— Ваше превосходительство, осмѣлюсь доложить, нельзя-ли у ихъ милости (указывая на сестру) табачку попросить? Мы видѣли какъ другимъ раненымъ жертвовали.

Генералъ передалъ эту просьбу сестрѣ. Черезъ минуту служитель Краснаго Креста принесъ нѣсколько связокъ махорки. Когда мы тискали ее обоимъ солдатамъ въ мѣшки, то старшій, изъ призывныхъ, говорилъ:

— Я то ваше превосходительство, не курю, а для товарищей. Вѣдь какая будетъ радость на позиціи-то, какъ имъ табачку принесу. Подъ пулями-то другому такая это утѣха — трубочку выкурить. Ужъ оченно благодарны вамъ, сударыня, дай вамъ Богъ здоровья.

Потомъ мы узнали, что оба солдата, явясь на позицію, прямо направились къ батальонному командиру, маіору Иванову, и предложили ему нѣсколько пачекъ, говоря, что это гостинецъ отъ начальника дивизіи.

По возвращеніи на бивуакъ, мы застали тамъ посланнаго въ главную квартиру офицера, возвратившимся; поэтому тотчасъ сдѣланы были

всѣ распоряженія о выступленіи на другой день полка, съ 1-ою батареею и всѣми тремя парками, въ Ловчу. Посланный привезъ предписаніе, согласное съ лично полученнымъ отъ Его Высочества приказаніемъ и кромѣ того, письмо отъ генерала Левицкаго, съ приложеніемъ 1000 рублей на экстраординарные расходы и съ обѣщаніемъ прислать офицера генеральнаго штаба.

8-го сентября мы выступили въ Ловчу въ 10 часовъ утра. Столь позднѣе выступленіе произошло оттого, что долго пришлось ждать присоединенія къ колоннѣ парковъ. Вмѣсто того, чтобъ прійти на сборный пунктъ къ деревнѣ Згалуицы въ 8 часовъ утра, они въ это время не думали еще и запрягать.

Вообще тѣ парки, съ которыми въ теченіи кампаніи приходилось имѣть дѣло нашей дивизіи, не отличались служебною исполнительностью; видимо, что они не были пріучены къ ней, а отъ этого и нижніе чины носили отпечатокъ какой-то вялости, а командиры представляли весьма замѣтную разницу съ офицерами артиллерійскихъ батарей, въ которыхъ мы постоянно видѣли образцы исполненія долга и дисциплины.

Дорога отъ Згалуицъ въ Ловчу шла черезъ Пелишатъ, Владинъ и Павликаны. Переходъ, вслѣдствіе труднаго подъема у Владина и дождливой погоды, былъ такъ тяжелъ, что отрядъ, не доходя 5-ти верстъ до Ловчи, ночевалъ у Павликанъ. Здѣсь намъ пришлось впервые познакомиться съ домашнею жизнью болгаръ. Встрѣтившій генерала, старшина деревни, бравый старикъ лѣтъ 70-ти, указалъ квартиру. Въ ней видимо было все припрятано, тѣмъ не менѣе хозяинъ дома поднесъ намъ двѣ корзины превосходнаго розоваго винограда. На требованіе дровъ для варки пищи и для бивуачныхъ костровъ, у которыхъ солдатики могли-бы обсушиться, старшина указалъ пустой турецкій домъ и окружающіе его плетни.

Какъ только рабочіе отъ полка начали разбирать ихъ, тотчасъ со стороны сосѣдей болгаръ явились претензіи. Одинъ увѣрялъ, будто онъ купилъ этотъ домъ у бѣжавшаго турка, другой доказывалъ, что онъ городилъ турку плетень и еще не получилъ платы и потому плетень его собственность; но когда старшина былъ потребованъ для разъясненій и прикрикнулъ, то всѣ претензіи кончились.

9-го сентября, въ прекрасный ясный день, отрядъ въ 10 часовъ утра подходилъ къ Ловчѣ. Этотъ городъ, лежащій въ узкой долинѣ Осмы, съ трехъ сторонъ окруженный высокими скалистыми горами, и съ восточной виноградниками, казался чрезвычайно красивымъ; но чѣмъ ближе мы подъѣзжали, тѣмъ прелесть его исчезала. На возвышенностяхъ, обращенныхъ къ Плевнѣ, виднѣлся силуэтъ укрѣпленія и бивуаки расположенныхъ за ними палатокъ. Генералъ Давыдовъ, съ бригаднымъ штабомъ, съ полковыми командирами и посланнымъ къ нему дня три

назадъ интендантомъ, встрѣтили начальника дивизіи версты за двѣ. Затѣмъ мы въѣхали въ предмѣстье, состоявшее изъ брошенныхъ, и уже полураззоренныхъ турецкихъ домовъ. Передъ нимъ лежало громадное турецкое кладбище, сплошь покрытое торчащими плитами. Все пространство, лѣвѣе его, по берегу Осмы, было покрыто свѣжими могилами, надъ которыми кое-гдѣ были поставлены кресты. Проѣзжая между этими кладбищами и по предмѣстью, нужно было закрыть платкомъ носъ, до того смрадъ разлагавшихся труповъ наполнялъ воздухъ.

Первые шаги въ городъ уже указали, что въ немъ царитъ хаотическій безпорядокъ, хотя и прошло уже болѣе двухъ недѣль, какъ онъ взятъ. Множество солдатъ, кто въ шинели, кто въ мундирѣ или въ рубашкѣ, шлялись между домами и по узкимъ переулкамъ. Много было пьяненькихъ и принадлежащихъ къ частямъ не занимавшимъ города. Неутѣшительный видъ представляло все это и указывало на то, что предстоитъ много хлопотъ, чтобы водворить порядокъ. Отъ интенданта мы узнали, что бригада довольствуется хлѣбомъ, приготовляемымъ городомъ, изъ турецкаго зерноваго склада; что издержанный 8-ми-дневный запасъ не пополненъ и что имѣющихся въ городѣ запасовъ муки и зерна, хватитъ не болѣе какъ дней на 10-ть. Генералъ Давыдовъ передалъ, что къ бригадѣ только наканунѣ придано двѣ сотни казачьяго № 9-го полка, что мѣстность вокругъ Ловчи, къ западу освѣщена не болѣе 10 верстъ и что за этой линіей еще владычествуютъ партіи баши-бузуковъ и появляются черкесы; что больныхъ въ обоихъ полкахъ очень много, потому что лихорадки и кровавый поносъ развиваются.

Между тѣмъ въ Ловчѣ уже находился гражданскій окружной начальникъ, присланный княземъ Черкасскимъ, вводить въ дѣйствіе гражданское управленіе и начальствовать надъ полиціей. Явившись къ начальнику дивизіи, этотъ водворитель порядка передалъ, что онъ уже получилъ массу предписаній и инструкцій, что ему велѣно немедленно открыть городской и судебный совѣты, учредить больницу, открыть школу и даже прислана программа, по которой около новаго года будетъ производиться экзаменъ въ наукахъ. Кажется одного этого примѣра достаточно, чтобы судить о томъ, что̀ такое гражданское управленіе во время войны. Въ только что занятый съ боя городъ, въ которомъ нѣтъ еще жителей, исключая нѣсколькихъ семей, явившихся изъ лѣсовъ, или изъ другаго занятаго турками селенія, въ городъ—гдѣ не открылось ни одной лавки, гдѣ нѣтъ ни одного дома въ которомъ-бы уцѣлѣли оконныя рамы, является гражданскій окружной начальникъ, съ массою предписаній, исполнить которые нѣтъ естественной возможности. Ему велятъ учреждать совѣты, когда изъ сотни вновь поселившихся жителей, большей половинѣ нечего ѣсть; заводить школы,—когда другихъ дѣтей кромѣ нищихъ неимѣется.

На другой день, по прибытіи въ Ловчу, первымъ дѣломъ начальника отряда было ознакомиться съ позиціями и осмотрѣть полки, которымъ приказано было къ 10-ти часамъ утра находиться на своихъ бивуакахъ. Ключемъ оборонительной позиціи и единственнымъ ея укрѣпленіемъ, былъ большой турецкій редутъ, стоившій столькихъ жертвъ при его взятіи, 22-го августа. На немъ находились теперь 2 роты и 4 орудія. Другія 4 орудія, также съ 2-мя ротами, стояли у сѣвернаго склона того же возвышенія; а за склономъ, обращеннымъ къ городу, бивуакировали 2 батальона. Затѣмъ, уже по распоряженію генерала Давыдова, занято было возвышеніе, въ полутора верстѣ отъ редута, по направленію къ Плевнѣ. Оно названо было Скобелевскою горою, потому что, въ концѣ боя, генералъ Скобелевъ занялъ его кавказскою бригадою, а потомъ говорилъ, что это весьма важный пунктъ для обороны города. По дорогѣ къ Микре, въ трехъ верстахъ отъ города, на командовавшей дорогою высотѣ, поставлена была рота. Эта позиція названа была передовою микреевскою. Позади ее и нѣсколько западнѣе, также на большой горѣ, находилось двѣ роты, да еще къ сторонѣ Траяна, т. е. на югъ, одна рота занимала выдающуюся надъ городомъ скалу. Всѣ прочія части бригады, составляя резервъ, бивуакировали на находившейся между главнымъ редутомъ и микреевскою дорогою, среди плоскости виноградниковъ и тутовыхъ деревьевъ. Связи между этими разбросанными позиціями не было. Всѣ укрѣпленія состояли въ однихъ стрѣлковыхъ ровикахъ. Вотъ все, что мы нашли придя въ Ловчу.

Изъ перваго осмотра позицій начальникъ отряда убѣдился въ ея громадности. Нападеніе на Ловчу могло произойти: съ сѣвера отъ Плевны; съ запада—со стороны рѣки Вида—отъ Микре и съ юга—отъ Траяна. Такимъ образомъ оборонительная линія представляла три фронта; Плевненскій, Микреевскій и Траянскій. Но ожидать атаки, какъ отъ Плевны, такъ и отъ Траяна, генералъ считалъ едва-ли возможнымъ и поэтому, прежде всего, занялся укрѣпленіемъ микреевскаго фронта, для чего приказалъ ординарцу своему, поручику Эрнроту, снять планъ лежащихъ къ западу возвышеній.

Что касается водворенія въ городѣ и въ частяхъ бригады порядка, то это дѣло, по немедленномъ принятіи нижеслѣдующихъ мѣръ, пошло весьма быстро.

Полиціймейстеромъ Ловчи назначенъ, отличавшійся усердіемъ и исполнительностью, маіоръ 9-го полка—Лебединскій и два офицера его помощниками. Каждому изъ нихъ дано по 4 унтеръ-офицера. Городъ раздѣленъ на двѣ части, а каждая часть на три участка. Въ ночное время учреждены патрули по улицамъ и казачьи разъѣзды вокругъ города и по ведущимъ къ нему дорогамъ. На крытомъ мосту чрезъ Осму поставлены часовые, а на главной улицѣ, близъ отряднаго штаба,

устроена гауптвахта. Для водворенія порядка въ войскахъ было приказано: всѣмъ офицерамъ находиться постоянно на позиціяхъ, при своихъ ротахъ и отлучаться въ городъ не иначе, какъ съ разрѣшенія батальоннаго командира. Нижнихъ чиновъ дозволялось увольнять съ позицій, только въ крайней надобности, командою, при унтеръ-офицерѣ и непремѣнно съ оружіемъ. На каждой отдѣльной позиціи приказано имѣть дежурную часть. Дежурнымъ по позиціямъ назначался штабъ-офицеръ, въ распоряженіе котораго, на главный редутъ, присылалось нѣсколько казаковъ.

Въ первые дни по введеніи этихъ мѣръ, было не мало случаевъ ихъ нарушенія. Тогда былъ отданъ приказъ, чтобы на резервномъ бивуакѣ каждаго полка, безотлучно находилась постоянная полковая судная коммиссія, изъ одного штабъ и трехъ оберъ-офицеровъ. Всякій взятый въ городѣ не трезвымъ, продающимъ казенную вещь, похитившій что-либо изъ пустыхъ, брошенныхъ жителями домовъ, всякій отлучившійся съ позиціи безъ дозволенія и вообще нарушившій чѣмъ-нибудь дисциплину или право собственности жителей, былъ отправляемъ полиціймейстеромъ, при описаніи его проступка, къ предсѣдателю коммиссіи, на бивуакъ. Тамъ немедленно снимали допросъ, подводили статьи закона и опредѣляли наказаніе. Затѣмъ приговоръ присылался тотчасъ же къ начальнику отряда, съ однимъ изъ членовъ и смотря по обстоятельствамъ, или утверждался, или облегчался приговоръ. Такимъ образомъ, между совершеніемъ проступка и наказаніемъ за него, никогда не проходило болѣе сутокъ. Это имѣло самое благотворное дѣйствіе. Въ какихъ нибудь 5 — 6 дней, число нарушителей порядка и наказаній уменьшилось втрое, а черезъ двѣ недѣли поведеніе людей и порядокъ въ городѣ сдѣлались до того примѣрными, что безотлучное пребываніе коммиссіи на бивуакѣ резервовъ было уже отмѣнено.

Минувшая война была первою со времени введенія въ нашей арміи военно-судебной реформы. Провѣрка ея на практикѣ, по крайнему нашему разумѣнію, указала на необходимость измѣненія для военнаго времени нѣкоторыхъ правилъ и обрядностей суда. При понятіи нашего народа о томъ, что все, что въ непріятельской землѣ остается безъ хозяина, есть достояніе войска, и что имущество непріятеля, хотя и невооруженнаго, можетъ считаться добычей, — нарушеніе правъ собственности можетъ происходить во время войны безпрестанно. Уничтожить подобныя понятія обыкновенными мѣрами немыслимо, а прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ военныхъ законовъ, значило-бы разстрѣливать, или ссылать въ каторгу, весьма много такихъ людей, которые въ бою былибы первыми храбрецами. Весьма часто солдатъ, по важнымъ обстоятельствамъ терпитъ нужду и переноситъ лишенія. Все, что можетъ облегчить эту нужду и уменьшить лишенія, въ глазахъ солдата вполнѣ за-

конно. Онъ понимаетъ, что не обутымъ или голоднымъ онъ не принесетъ и половины пользы и потому считаетъ, что какимъ-бы путемъ онъ не старался обуться или быть сытымъ, онъ дѣлаетъ это не только для себя, но и для службы. Такой взглядъ производитъ цѣлую сѣть проступковъ и развѣтвляетъ ихъ на безчисленное множество видовъ. Каждый изъ этихъ видовъ, по смыслу полевыхъ военныхъ законовъ, есть тяжкое преступленіе, влекущее за собою карающее наказаніе. Въ сущности же, всѣ эти преступленія совершаются отъ желанія улучшить свое положеніе, или просто отъ неправильности убѣжденій. Нельзя же разстрѣливать людей за отнятаго отъ жителя непріятельской страны барана, или за найденныя въ запертой лавкѣ сапоги, когда эта лавка принадлежитъ врагу; а между тѣмъ и то и другое есть ограбленіе не вооруженнаго непріятеля и по полевымъ военнымъ законамъ наказывается смертью. Можетъ быть скажутъ, что было бы достаточно одного или двухъ примѣровъ, чтобы прекратить подобныя преступленія. Но это мечты, неимѣющія значенія на практикѣ. Пройдетъ недѣля послѣ подобнаго примѣра и онъ забудется даже въ той части, гдѣ совершился, а въ сосѣдней, куда можетъ и не дойти слухъ о казни, проступки, вызываемыя обстоятельствами военнаго времени, и не прекращались. Изъ всего этого отнюдь не слѣдуетъ дѣлать вывода, что на проступки солдатъ на войнѣ можно смотрѣть сквозь пальцы, или допускать свободу преступныхъ дѣйствій. Мы хотимъ только сказать, что для военнаго времени слѣдуетъ расширить власть частныхъ начальниковъ и учредить такой порядокъ суда, который могъ-бы примѣняться въ каждомъ полку немедленно. Для этого необходимо разграничить проступки и къ вѣдѣнію полеваго суда отнести только тѣ, которые касаются измѣны, или такого нарушенія дисциплины, которое обнаруживаетъ явное неповиновеніе и противодѣйствіе распоряженіямъ начальства. Все прочее должно подлежать полковому суду, значеніе и права котораго должны быть увеличены. Самое дѣлопроизводство полковыхъ судовъ, во время войны слѣдовало-бы упростить до крайней степени, такъ, чтобъ никакое дѣло не тянулось бы болѣе сутокъ и приговоръ утверждался-бы старшимъ изъ наличныхъ военныхъ начальниковъ немедленно.

Заставъ Ловчу въ такомъ положеніи, что на нее ежедневно можно было ожидать нападенія съ запада, отъ Орханіе и осмотрѣвъ ея позиціи, начальникъ отряда пришелъ къ заключенію, что въ случаѣ вынужденнаго отступленія, путь котораго шелъ на Сельви или на Горный Студень, невозможно оставлять въ городѣ никакихъ обозовъ. Къ этому еще особенно вынуждало и то, что войскамъ изъ укрѣпленій пришлось-бы отходить по весьма узкимъ улицамъ, на единственный, очень узкій мостъ чрезъ Осму и сряду затѣмъ полторы версты подыматься на громадную гору. Поэтому всѣ полковые обозы и подвижной дивизіонный

лазаретъ были отведены на три версты за городъ и поставлены по обѣимъ сторонамъ сельвинскаго шоссе. При войскахъ, на позиціяхъ, оставлено только по одному патронному ящику на батальонъ и по одному зарядному на орудіе. Впослѣдствіи расположеніе полковыхъ обозовъ съ каждымъ днемъ улучшалось; несмотря на каменистый грунтъ, для людей были построены землянки, для лошадей—навѣсы; появились кузницы и шалаши для мастерскихъ.

На другой-же день по приходѣ въ Ловчу, 9-й полкъ былъ отправленъ въ Сельви, на смѣну находившемуся тамъ 2-му батальону Великолуцкаго полка, которому приказано было прибыть къ своей бригадѣ. Вмѣстѣ съ 9-мъ полкомъ и подъ его прикрытіемъ, посланы были въ Сельви и всѣ три артиллерійскіе парка. Послѣднее было вызвано тѣмъ, что въ Ловчѣ сосредоточилось значительное число лошадей. Кромѣ 4-хъ своихъ батарей, тамъ находились: батарея 9-й артиллерійской бригады, обозы двухъ полковъ, дивизіонный лазаретъ и двѣ сотни, что въ сложности составляло до 1500 коней. Опасаясь истощенія фуражныхъ средствъ окрестностей города, парки и были направлены въ Сельви, гдѣ предстояло находиться только 9-му Староингерманландскому полку и двумъ сотнямъ 30-го казачьяго.

Опасеніе недостатка въ фуражѣ и видимая о заготовленіи его на предстоящую зиму бездѣятельность, заставили начальника отряда тогда-же написать начальнику полеваго штаба, что войска обезпечены по довольствію лошадей мѣстными средствами, не болѣе какъ на двѣ недѣли и потому онъ просилъ, чтобы интенданству было предписано заблаговременно озаботиться заготовкою сѣна и доставкою его въ Ловчу. Впрочемъ, черезъ мѣсяцъ, когда намъ удалось оттѣснить непріятельскія партіи, и очистить мѣстность къ западу до рѣки Вида, между этою рѣкою и Ловчею, открылись такіе запасы сѣна, которыхъ не только нашему отряду довольно было на всю зиму, но изъ которыхъ въ теченіи всей осени пользовались войска изъ-подъ Плевны, а потомъ и гвардія.

12-го сентября прибыли въ Ловчу изъ главной квартиры: генеральнаго штаба полковникъ Сухотинъ и ординарецъ Великаго Князя, Гродненскаго гусарскаго полка, штабсъ-ротмистръ Цуриковъ. Вмѣстѣ съ этими прибывшими лицами, начальникъ отряда еще разъ подробно объѣзжалъ передовыя позиціи, и указалъ на всѣ пункты, которые избралъ при первомъ осмотрѣ, для возведенія на нихъ батарей и укрѣпленій. Полковнику Сухотину было поручено изъ главной квартиры, ознакомиться съ средствами обороны и развѣдываній отряда, а Цурикову приказано лично осмотрѣть подступы къ Ловчѣ съ запада и съ юга. Первый далъ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ, относительно проектированныхъ укрѣпленій, и по просьбѣ генерала, составилъ инструкцію для казачьихъ пикетовъ и разъѣздовъ, которая тогда-же разослана по по-

стамъ. Давать подобныя инструкціи, примѣняясь къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и положенію отряда, весьма необходимо. Какъ-бы не былъ твердъ казачій офицеръ въ развѣдывательной и сторожевой службѣ, никогда онъ не исполнитъ ее съ такою тщательностью и тѣми подробностями, которыя требуются и которыя такъ важны на войнѣ. Когда-же ему ихъ напомнятъ, или укажутъ, что именно желательно отъ занимаемаго имъ поста, то неисполнить трудно. Каждое его донесеніе укажетъ, что сдѣлано и что нѣтъ.

Съ 12 го сентября были выставлены почтовые казачьи посты, чрезъ каждые 5—6 верстъ, по направленіямъ къ Сельви и къ Тученицамъ, гдѣ находился штабъ западнаго отряда, съ которымъ приходилось быть въ постоянныхъ сношеніяхъ, такъ какъ ловче-сельвинскій отрядъ, въ командномъ отношеніи, былъ подчиненъ принцу Карлу румынскому.

Развивающаяся болѣзненность, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тревожила начальника отряда. Ежедневно въ каждомъ полку уже заболѣвало отъ 40 до 50 человѣкъ, такъ что бригада, которой и безъ того было недостаточно для обороны громадной позиціи, видимо уменьшалась въ своемъ составѣ. Не только полковые околодки и подвижной дивизіонный лазаретъ были полны, но пришлось занять дома, находившіеся въ полуразрушенномъ видѣ, безъ дверей, безъ стеколъ, а между тѣмъ вдругъ наступили дожди и совершенно осенніе холода. Кромѣ обыкновенныхъ мѣръ противъ желудочныхъ разстройствъ и простуды, избавиться которой при постоянномъ расположеніи войскъ на позиціяхъ, не легко, начальникъ отряда, командировалъ дивизіоннаго врача въ главную квартиру, просить содѣйствія полеваго медицинскаго инспектора объ отпускѣ въ отрядъ хинины. При громадномъ числѣ заболѣвающихъ лихорадкою, вся находившаяся въ полковыхъ аптекахъ, уже выходила, такъ что врачи прописывали четвертую часть того, чтобы слѣдовало. Несмотря на обѣщанное содѣйствіе, изъ Систова выслали только пятую часть того, что просили. Ни раскладываніе на ночь костровъ, ни выдача по два раза въ день по получаркѣ вина, ни отпускъ мяса, по полтора фунта на человѣка, ничто не останавливало болѣзненности, такъ что о ней было донесено начальнику полевого штаба арміи.

Вслѣдствіе просьбы начальника отряда, 13-го сентября прибыли въ Ловчу остальныя сотни 9-го казачьяго полка. Это дало возможность усилить развѣдывательную службу и получать свѣдѣнія о непріятелѣ, партіи котораго бродили не далѣе 20-ти верстъ къ западу отъ Ловчи. Для этой цѣли сдѣлано было новое распредѣленіе постовъ и разъѣздовъ. Одна сотня была поставлена къ югу въ Дебновѣ, съ приказаніемъ посылать разъѣзды на Душву, Млечево и Добронанъ, гдѣ она должна была войти въ связь съ 30-мъ казачьимъ полкомъ, двѣ сотни котораго занимали эту деревню. Другая сотня выдвинута на юго-западъ—въ

Микре. Она посылала разъѣзды: къ Голема—Желязна, Лесседрѣ и турскому Извору. Полусотня заняла, въ западномъ направленіи, деревню Калиникъ. Ея разъѣздамъ велѣно было ходить къ Огорчину и Пырдалеву, и имѣть постоянную связь съ сотнею занявшею Микре. Наконецъ къ сѣверу, въ Быховицахъ, тоже поставлена сотня, содержавшая разъѣзды вокругъ всѣхъ ловчинскихъ позицій. Кромѣ того отдѣльные казачьи посты были выдвинуты къ деревнямъ Павликаны и Смочанъ. Такимъ образомъ мѣстность была освѣщена на югъ и западъ верстъ на 30-ть, и расположеніе отряда совершенно обезпечено отъ нечаяннаго нападенія. Это дало возможность выставлять пѣхотные аванпосты только на ночь. Здѣсь кстати замѣтить, что 30-й казачій полкъ, имѣвшій свой штабъ въ Сельви, въ районѣ нашего отряда и двѣ сотни въ Доброданѣ, обезпечивавшія насъ съ юга, находился въ распоряженіи генерала Радецкаго. Между тѣмъ, начальнику нашего отряда, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, приходилось давать инструкціи и приказанія, части подчиненной старшему начальнику. По представленіи этихъ неудобствъ, на усмотрѣніе начальника штаба арміи, Главнокомандующій приказалъ включить 30-й казачій полкъ въ составъ нашего отряда.

Въ предписаніи начальника полеваго штаба, присланномъ съ полковникомъ Сухотинымъ, было указано, чтобы отъ полка посланнаго въ Сельви, одинъ батальонъ съ двумя орудіями, былъ поставленъ на ловче-сельвинскомъ шоссе, въ видѣ репли, на позиціи, близъ дер. Какрино, на 14-й верстѣ отъ Ловчи. Не видя цѣли подобнаго распоряженія, разъ что Ловча въ нашихъ рукахъ, начальникъ отряда 14-го сентября, при отвратительной погодѣ, поѣхалъ съ полковникомъ Сухотинымъ, лично осмотрѣть эту позицію и оцѣнить ея значеніе.

Спутникъ генерала дорогою разсказалъ ему, что эту позицію особенно рекомендовалъ генералъ Скобелевъ 2-й и указывалъ на необходимость занять ее.

По личномъ осмотрѣ, какринская позиція, обращенная фронтомъ къ Ловчѣ, оказалась пригодною лишь въ томъ случаѣ, если-бы пришлось отступать на Сельви, что ни въ какомъ случаѣ мы имѣть въ виду не могли. Если-бы до окончательнаго укрѣпленія Ловчи намъ и пришлось отступать отъ нее, то начальникъ отряда имѣлъ въ виду отходить на Смочанъ, Сливны и Горный Студень. Отступать на Сельви, хотя тамъ и находился полкъ могущій подкрѣпить насъ, значило-бы открыть непріятелю прямой путь къ главной квартирѣ, при которой въ то время, кромѣ конвойнаго батальона, не было никакой пѣхотной части. Кромѣ того, отходя къ Сельви, отрядъ прямо удалялся отъ общаго базиса и отъ систовской переправы. Въ виду всего этого какринская позиція оставлена незанятою и, вмѣсто того, чтобы совершенно напрасно держать на ней бивуакомъ, въ осеннія непогоды, батальонъ 9-го полка, начальникъ

отряда перевелъ его въ Ловчу. Это вызывалось тѣмъ, что въ ея гарнизонѣ, отъ болѣзней, было уже 1200 человѣкъ не комплекта.

Отъ сильной убыли людей, положеніе отряда въ Ловчѣ, съ каждымъ дѣлалось серьезнѣе. Эвакуировать больныхъ было некуда, исключая Тырнова, до котораго было 75 верстъ. Посланные съ больными повозки возвращались на 6-й день, въ теченіи которыхъ въ лазареты поступало вдвое больше, чѣмъ отвезено. Въ случаѣ атаки города, наполненнаго околодочными, не легко-бы было спасти ихъ. Видя быстрое уменьшеніе рядовъ, начальникъ отряда просилъ объ усиленіи ловчинскаго гарнизона, хотя тѣмъ, чтобы 10-й Новоингерманландскій полкъ возвратили къ своей дивизіи. Онъ въ это время уже былъ переведенъ изъ рущукскаго отряда, въ распоряженіе генерала Радецкаго и два его батальона, совершенно на отдыхѣ стояли по деревнямъ возлѣ Тырнова, а второй батальонъ находился въ Габровѣ.

Выше было упомянуто, что путемъ нашего отступленія, могла быть дорога на Горный Студень. Хотя объ отступленіи у насъ не было и рѣчи, тѣмъ не менѣе начальникъ отряда, счелъ необходимымъ, подъ видомъ практики для офицеровъ, рекогносцировать дороги, шедшія изъ Ловчи къ Горному Студеню, черезъ деревни Омерликіой, Игловъ, Кара-Оганъ и Катарицу. Для этого были назначены два офицера Великолуцкаго и Псковскаго полковъ. Въ три дня они сдѣлали подробную глазомѣрную съемку, составили маршруты и описанія пути.

Въ ночь на 15-е сентября, съ поста у Микре получено было донесеніе, что у турскаго Извора показались баши-бузуки и черкесы, и что по собраннымъ свѣдѣніямъ, въ Тетевень прибыло нѣсколько ротъ турецкой пѣхоты. Это заставило немедленно послать на подкрѣпленіе поста у Микре, еще сотню, подъ начальствомъ ординардца Главнокомандующаго, штабсъ-ротмистра Цурикова. Еще до прибытія этого подкрѣпленія, посланный къ турскому Извору взводъ, наткнулся на значительную партію черкесовъ. Въ происшедшей при этомъ свалкѣ, раненъ казакъ и убито 3 лошади. Изъ взвода прискакали къ сотнѣ всего 4 человѣка, показавшіе, что остальные окружены. Донося объ этомъ, штабъ-ротмистръ Цуриковъ писалъ, что онъ лично, съ полутора сотнями идетъ къ Извору. Опасаясь, чтобы во время отсутствія съ микреевской позиціи всѣхъ казаковъ, турки не вышли изъ Тетевени, черезъ Голему-Желязну, въ тылъ Цурикову и не отрѣзали-бы ему пути, начальникъ отряда немедленно отправилъ послѣднюю изъ остававшихся въ Ловчѣ сотенъ, къ Микре. Съ нею посланъ войсковой старшина баронъ Криднеръ, которому было приказано: со всѣми посланными къ западу сотнями, произвести тщательное развѣдываніе о непріятелѣ, какъ можно далѣе къ р. Виду и убѣдится, справедливы-ли слухи о занятіи Тетевени, регулярными войсками. Только-что баронъ Криднеръ тронулся по назначенію,

какъ отъ Цурикова пришло вторичное донесеніе, что окруженные черкесами казаки пробились, и по одиночкѣ благополучно присоединились къ своимъ, и что баши-бузуки скрылись изъ окрестностей Микре.

Покуда производился поискъ барона Криднера и въ послѣдующія три недѣли, въ Ловчѣ шли усиленныя работы, по укрѣпленію всѣхъ трехъ фронтовъ обороны. Нарядъ рабочихъ доходилъ до 2-хъ тысячъ, ежедневно, раздѣленныхъ на двѣ смѣны. При одномъ изъ объѣздовъ работъ, начальникомъ отряда было замѣчено, что въ случаѣ обхода западнаго фронта и атаки съ сѣверо-востока, это направленіе оборонено весьма слабо; что при успѣхѣ непріятеля съ этой стороны, не только всѣ наши укрѣпленія къ сѣверу и западу теряютъ значеніе, но и пути отступленія къ Парадиму и Горному Студеню будутъ отрѣзаны. Это заставило принять мѣры къ усиленію сѣверо-восточнаго, такъ называемаго плевненскаго фронта, устройствомъ сильной батареи за р. Осмою, вправо отъ города. Избранная для этого лично генераломъ возвышенность, фланкируя подступы къ редуту и къ Скобелевской горѣ, оказалась превосходною, какъ по громадности обстрѣла, такъ и по недоступности съ фронта. Кромѣ батареи на 8 орудій, здѣсь были сдѣланы ложементы на двѣ роты и вся покатость къ рѣкѣ, покрыта въ нѣсколько ярусовъ ровиками для стрѣлковъ. Для усиленія западнаго, или микреевскаго фронта, тоже избраны пункты для трехъ новыхъ батарей, на высотахъ доходившихъ до 500 футъ.

Постройка батарей и даже ложементовъ, при скалистомъ грунтѣ, представляла неимовѣрныя трудности. Мѣстами земля покрывала скалы не болѣе какъ на вершокъ, такъ что работали исключительно ломами и киркою, а для обсыпки покатостей и гребня брустверовъ, приходилось подносить землю снизу, спускаясь на 300 и 400 футовъ въ ложбины. Но и это было ничто въ сравненіи съ работами по устройству по горамъ дорогъ и въѣздовъ на батареи для орудій. Тутъ вырубали съ скалѣ зигзаги, скалывали цѣлыя глыбы, вели подъемы террасами, съ одной стороны которыхъ шла отвѣсная скала кверху, а съ другой такая же внизъ, къ ущелью. Кромѣ особаго подъема на каждую изъ батарей, необходимо было связать всѣ фронты дорогами для артиллеріи, такъ чтобы орудія, во всякій моментъ боя, могли перенестись съ одного фронта на другой. Этого требовала малочисленность отряда и неизвѣстность, съ которой стороны можетъ быть атака. Всѣ эти громадныя и тяжкія работы и сооруженія, производились съ такимъ усердіемъ и энергіей, какъ со стороны офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, что черезъ четыре недѣли, къ 10-му октября, все было окончено и укрѣпленія Ловчи состояли изъ слѣдующаго:

1. Сѣверо-восточный (плевненскій) фронтъ:

а) Батарея № 1-й, на 8 орудій, съ ложементами и траншеями на 2

роты. Для сообщенія съ этой батареей построено 2 моста черезъ Осму и разработана дорога на полверсты въ гору.

б) Редутъ № 2-й, передѣланный изъ турецкаго, на 4 орудія, съ ложементами на 3 роты.

в) Нижняя (турецкая) батарея, на 4 орудія, съ ложементами на 2 роты.

г) Батареи № 3-й и 4-й —къ сѣверу отъ редута, на той же возвышенности, каждая на 4 орудія, съ ложементами на 2 роты. Батареи эти были такъ построены, что при поворотѣ орудій, могли дѣствовать и къ сѣверу и къ востоку; при чемъ одинъ брустверъ служилъ траверсомъ другому.

д) Батарея № 5 (на Скобелевской горѣ) на 2 орудія, съ ложементами на 2 роты.

Итого сѣверо-восточный фронтъ требовалъ: 26 орудій и 11 ротъ.

2. Западный или микреевскій фронтъ:

а) Новая батарея, на 8 орудій, съ ложементами на 2 роты. Она обстрѣливала сѣверо - западную лощину и лежащія въ ней деревни и получала особое значеніе, при обходѣ праваго фланга позиціи. Въ этомъ случаѣ, по обходящему могли дѣйствовать 3-я и 4-я батареи сѣверо-восточнаго фронта.

б) Батарея № 6-й, къ западу отъ новой, на покрытомъ лѣсомъ возвышеніи, совершенно маскированная, дѣйствующая по микреевской дорогѣ, въ сѣверо-западномъ направленіи и фланкирующая подходъ къ новой батареи. При ней ложементы на 1 роту.

в) Батарея № 7, на полускатѣ высокой скалы, составлявшей ключъ западнаго фронта, на 4 орудія, съ ложементами на 1 роту.

г) Батарея № 8-й, на вершинѣ той-же скалы; она командовала всѣми позиціями и была построена на 8 орудій, съ ложементами на 2 роты. Устройство подъема на эту гору и ввозъ на нее орудій, требовали ужасныхъ усилій.

Въ полутораверстѣ передъ батареею № 8, впереди западнаго фронта, на одномъ изъ возвышеній, были построены ложементы на 2 роты, которыя кромѣ обстрѣла дороги, служили подкрѣпленіемъ аванпостовъ западнаго фронта. Этой-то позиціи и дано было названіе передовой микреевской.

Итого для западнаго фронта требовалось: 24 орудія и 8 ротъ.

3. Южный или Траяновскій фронтъ, къ сторонѣ Траяна, имѣлъ батареи № 9-й и 10-й, на 4 орудія каждая. Первая находилась на той же скалѣ, гдѣ и 8-я батарея, но на фасѣ, обращенномъ къ югу; вторая— уступомъ ниже, на выдающемся къ городу мысѣ, отвѣсно стоявшемъ на 500 футъ надъ Осмою. При обоихъ — ложементы на 2 роты. Обѣ эти батареи обстрѣливали дорогу изъ Траяна, мостъ черезъ ущелье и долину за Осмою, по которой непріятель могъ бы, не доходя до города, обойти его

и подняться прямо на Сельвинское шоссе, къ мѣсту гдѣ стояли обозы и подвижной лазаретъ.

Итакъ, для занятія всѣхъ трехъ фронтовъ ловчинскихъ укрѣпленій, сообразно съ числомъ возводимыхъ батарей и ложементовъ, было необходимо 58 орудій и 21 рота—несчитая резерва. У насъ же только до половины октября было 4 батареи и 2 полка, т. е. 32 орудія и 30 ротъ, а затѣмъ постоянно гораздо менѣе.

Хотя со стороны южнаго фронта атака была менѣе всего вѣроятною, но все-таки, для обезпеченія обозовъ и лазарета, отъ могущей прокрасться банды баши-бузуковъ, на ночь, по лощинѣ къ Осмѣ и на ближайшихъ возвышеніяхъ закладывались секреты.

Сверхъ ложементовъ, для прикрывавшихъ батареи ротъ, подступы къ нимъ были защищены нѣсколькими рядами ровиковъ. Каждый фронтъ обороны имѣлъ еще позицію для главнаго резерва, въ совершенно укрытыхъ мѣстахъ, избранныхъ такъ, чтобы резервъ могъ быстро перейти отъ одного фронта къ другому.

IV.

Изворъ, Торосъ и поиски къ Виду.

Результаты поиска къ западу.—Отношенія отряда къ западному.—Смѣна 9-го казачьяго полка.—Санитарное состояніе.—Занятіе Извора.—Первый поискъ въ Балканы.—Развѣдочная служба.—Ожиданія блокады и осады.—Продовольственные запасы.—Переписка о сухаряхъ.—Занятіе Тороса.

Одновременно съ дѣятельными работами по укрѣпленію позицій, не менѣе дѣятельно собираемы были, различными путями, свѣдѣнія о непріятелѣ. Черезъ посредство главнаго агента, состоявшаго въ вѣдѣніи капитана надъ вожатыми, наняты были изъ болгаръ нѣсколько лазутчиковъ, которые доставляли свѣдѣнія изъ-за р. Вида и съ Балканскихъ переваловъ. Ясныхъ указаній о положеніи непріятеля въ этихъ мѣстностяхъ не было, но сообщаемое сводилось къ тому, что турки стягиваютъ все, что могутъ къ Орханіи и что-то замышляютъ на софійскомъ шоссе. Казаки съ западныхъ передовыхъ постовъ тоже доносили, о частомъ появленіи мелкихъ партій за занятою нами линіею.

Извѣстія о безнаказанномъ проходѣ отъ Орханіи къ Плевнѣ подкрѣпленій и транспортовъ, и донесеніе посланнаго на развѣдки войсковаго старшины, барона Криднера, вполнѣ подтвердили доставляемыя агентами свѣдѣнія и окончательно убѣдили въ томъ, что если и возможно ожидать попытки непріятеля на Ловчу, то только съ запада.

Изъ письменнаго донесенія и словеснаго доклада барона Криднера оказывалось:

1) Что значительныхъ партій, какъ регулярныхъ, такъ и иррегулярныхъ, турецкихъ войскъ, во всемъ пространствѣ до р. Вида нѣтъ, но часто проявляются проходящія партіи и команды.

2) Что въ ночь передъ прибытіемъ Криднера къ Турскому Извору, баши-бузуки зажгли деревни Леседру, Лѣшницу и Малку-Желѣзну и ограбивъ нѣсколько домовъ, ушли за Видъ.

3) Что путь отъ Тетевенскаго прохода въ Балканахъ, черезъ Леседру, Турскій Изворъ и Торосъ, служитъ этапнымъ путемъ для непріятельскихъ партій, идущихъ изъ-за Балканъ къ Плевнѣ. Въ виду трудно-проходимости прохода изъ Златицы въ Тетевень, путь этотъ доступенъ только пѣхотѣ безъ повозокъ, а кавалеріи — въ одинъ конь, въ поводу. Обыкновенно турки проходятъ его отъ Тетевени до Извора произвольно, растянувшись по всей дорогѣ, а въ Изворѣ собираются въ команды и слѣдуютъ на Торосъ, гдѣ въ бродъ переходятъ Видъ. Если бы величина отряда позволяла отдѣлить изъ Ловчи хотя батальонъ при двухъ горныхъ орудіяхъ, на поиски къ Извору и Тетевени, а при возможности и за Видъ—къ Яблоницѣ и Этрополю, то всѣ эти укомплектованія и снабженія Плевны могли бы быть легко уничтожены.

4) Что въ окрестностяхъ Извора проживаетъ много болгаръ, принявшихъ магометанство (помаковъ), которые ничѣмъ неотличаясь отъ мирныхъ христіанъ, гораздо вреднѣе баши-бузуковъ. Свободно проходя по районамъ нашихъ расположеній, они доставляютъ туркамъ свѣдѣнія о русскихъ отрядахъ и безнаказанно служатъ проводниками и лазутчиками непріятелю.

По полученіи этихъ данныхъ, составлена была подробная записка о необходимости уничтоженія пути сообщенія съ Плевною, правымъ берегомъ Вида. Съ занятіемъ нашею кавалеріею софійской дороги, означенный этапный пунктъ отъ Тетевени на Торосъ, могъ пріобрѣсти развитіе и весьма важное значеніе для Плевны. Записка эта была отправлена съ нарочнымъ офицеромъ начальнику штаба арміи, при рапортѣ, въ которомъ было сказано, что для осуществленія предлагаемаго поиска, стоило бы только придать ловче-сельвинскому отряду, еще двѣ сотни казаковъ и 2 эскадрона драгунъ, съ конной батареей, изъ кавалерійской дивизіи генерала Лошкарева, стоявшей тогда въ 23-хъ верстахъ отъ Ловчи, у Богота. Черезъ отдѣленіе этихъ частей, дивизія нисколько бы не ослабла, такъ какъ при ней остались бы еще 2 казачьи полка и 2 батареи. Отвѣта на это представленіе съ возвратившимся офицеромъ не было, но словесно передано, что сообщится въ штабъ западнаго отряда.

Отношенія ловче-сельвинскаго отряда къ западному, названному потомъ отрядомъ обложенія, были крайне неопредѣленны. Сначала мы о

всемъ писали и доносили въ штабъ этого отряда, но такъ какъ онъ ничего не принималъ на себя и ничего не разрѣшалъ, то, во избѣжаніе проволочекъ, часто сильно вредящихъ дѣлу, начальникъ отряда сталъ сноситься прямо съ штабомъ Главнокомандующаго, посылая копіи съ своихъ рапортовъ въ штабъ западнаго отряда, для свѣдѣнія. Это ли, или что другое, было причиною, что помощникъ начальника штаба западнаго отряда, однажды прислалъ длинную руководящую бумагу, доказывавшую, что въ этомъ штабѣ не знали ни мѣстныхъ обстоятельствъ, ни положенія Ловчи и занимающаго городъ отряда. Онъ писалъ: 1) чтобы для устройства укрѣпленій были употребляемы мѣстные жители, турки и болгары, съ ихъ собственнымъ инструментомъ; 2) чтобы подвижной лазаретъ былъ помѣщенъ въ городѣ и чтобы дома отведенные подъ лазаретъ были приведены въ безопасность отъ дѣйствія непріятельскихъ снарядовъ. 3) Чтобы въ городѣ же были устроены склады для артиллерійскихъ припасовъ. 4) Чтобы отнюдь не предпринимать никакихъ самостоятельныхъ дѣйствій и не увлекаться наступательными попытками, а ограничиться охраною позицій и расположенныхъ на нихъ войскъ. Замѣчательнѣе всего то, что въ концѣ предписанія было своеручно приписано помощникомъ начальника штаба, чтобы ловчинскій отрядъ, въ случаѣ выступленія противъ него значительнаго непріятельскаго корпуса изъ Плевны, не разсчитывалъ бы на помощь со стороны западнаго отряда.

Во-первыхъ, въ нашемъ отрядѣ никогда не относились серьезно къ тому, чтобы Османъ могъ что-либо предпринять противъ Ловчи, зная, что въ его тылъ можетъ ударить три дивизіи 4-го корпуса, къ которому въ то время были причислены 2-я дивизія и 3-я стрѣлковая бригада. Во-вторыхъ, — интересно бы было знать, какую роль предоставилъ бы помощникъ начальника штаба западнаго отряда этимъ частямъ въ то время, когда турецкій корпусъ дѣйствительно пошелъ бы, мимо ихъ, атаковать Ловчу?

На вышеприведенный отзывъ даны были отвѣты: 1) что въ Ловчѣ и окрестностяхъ нѣтъ ни одного турка, слѣдовательно и употреблять ихъ для постройки укрѣпленій нельзя; 2) что болгары только что начинаютъ селиться въ городѣ и то, преимущественно, семьи бѣжавшія изъза Балканъ и изъ вызженныхъ деревень, поэтому эти люди не только не имѣютъ никакихъ инструментовъ, но даже насущнаго куска хлѣба, и потому, прежде чѣмъ заставлять ихъ работать, нужно накормить ихъ, а отрядъ самъ нуждается въ сухаряхъ; 3) что переводить дивизіонный лазаретъ въ городъ, прислоненный къ скалѣ, по которой идетъ путь отступленія по крутому полутора-верстному подъему, значитъ, въ случаѣ атаки подвергнуть лазаретъ невозможности быть вывезену, и 4) что для склада артиллерійскихъ снарядовъ устроены пороховые погреба при батареяхъ и нѣтъ никакой надобности устроивать ихъ въ скученномъ го-

родѣ, гдѣ они и безъ непріятеля, не могутъ быть въ безопасности отъ взрыва.

17-го сентября полковникъ Сухотинъ и штабсъ-ротмистръ Цуриковъ отбыли обратно въ главную квартиру. Въ тотъ же день прибылъ къ отряду генералъ-маіоръ Дандевиль, назначенный временно командующимъ 1-ю бригадою 3-й дивизіи.

Вмѣсто просимаго усиленія отряда кавалеріею, 18-го числа получено было распоряженіе объ отправленіи 9-го казачьяго полка къ своей дивизіи и о замѣнѣ его 24-мъ казачьимъ. Перемѣна эта была въ то время крайне невыгодна для отряда. Во-первыхъ, командиры постовъ вездѣ уже ознакомились съ мѣстностью и возложенными на нихъ по условію расположенія обязанностями; во-вторыхъ, обстрѣленный и испытанный въ дѣлахъ полкъ, замѣняли только-что сформированнымъ и прибывшимъ изъ Россіи. Кромѣ того, жаль было разстаться съ командиромъ 9-го полка, полковникомъ Нагибинымъ.

Наступившіе во 2-й половинѣ сентября дожди и холода, сильно отразились, какъ на санитарномъ состояніи, такъ и на средствахъ продовольствія отряда. По невозможности оставлять больныхъ въ шатрахъ, дивизіонный лазаретъ переведенъ въ предмѣстье за Осмою. Подъ него было занято два дома противъ моста. Примѣненіе этихъ домовъ, какъ-то: вставка стеколъ, починка каминовъ, устройство кухни, ванны, — все это вслѣдствіе рѣдкой распорядительности главнаго врача Кухаповича и чиновъ лазарета, было исполнено очень скоро. Полковые околодки пришлось еще расширить, такъ какъ несмотря нс всѣ принятыя мѣры, заболѣванія усиливались. Да и трудно было не заболѣвать, когда всѣ части отряда находились на позиціяхъ, на высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ, если не всегда подъ дождемъ, то въ постоянномъ туманѣ. Для сбереженія людей, при всѣхъ укрѣпленіяхъ и батареяхъ были построены землянки. Нѣкоторыя роты довели ихъ устройство до возможнаго совершенства, не смотря на то, что это было сопряжено съ большими трудностями. Приходилось вырубать въ камнѣ скалъ цѣлые корридоры, которые по прочнымъ стропиламъ покрывались соломою и толстымъ слоемъ земли. Въ большей части землянокъ сложены были печи и сдѣланы отдушники для вентиляціи. Пища нижнихъ чиновъ была улучшена какъ только возможно. Кромѣ положенной фунтовой порціи мяса каждому, роты приправляли варку отличной бараниной, такъ что наваръ былъ превосходный. Единственный недостатокъ состоялъ въ неимѣніи капусты, которой нельзя было купить ни за какія деньги. Въ это время не малую услугу оказали большіе ротные котлы, которые дивизія привезла съ собою. Общая варка въ одномъ котлѣ на всю роту, всегда лучше приготовленной въ малыхъ или десятичныхъ котелкахъ.

Одновременно съ устройствомъ на позиціяхъ помѣщеній для лю-

дей, артиллерія и полковые обозы, устроили навѣсы для лошадей, начинавшихъ терпѣть отъ непогоды.

Съ 20-го сентября начали поступать отъ лазутчиковъ свѣдѣнія, что за Турскимъ Изворомъ и по р. Виду у Тороса, вновь стали появляться баши-бузуки и что въ Тетевени турки возводятъ укрѣпленія. Въ тоже время, наблюдавшій за траянскимъ переваломъ, войсковой старшина Антоновъ доносилъ, что за переваломъ собирается партія черкесовъ, съ частію регулярнаго войска, съ намѣреніемъ напасть на находящійся близь Траяна монастырь Успенія Божіей Матери. Вслѣдствіе этихъ свѣдѣній, немедленно были сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) На усиленіе поста у Микре, послана полусотня и находившемуся тамъ войсковому старшинѣ Тарасову, приказано произвести поискъ на Турскій Изворъ. 2) Старшему на постѣ у Добродана, войсковому старшинѣ Антонову, перейти въ Траянъ и взявъ подъ свое начальство находившуюся тамъ чету болгаръ, усилить наблюденіе за переваломъ. Бывшей же на посту у Дебново сотни, временно перейти въ Добронанъ и составитъ подкрѣпленіе Антонова.

Оба названные офицера вполнѣ выполнили возложенныя на нихъ порученія. Тарасовъ, оставивъ прибывшую на подкрѣпленіе полусотню у Микре, самъ съ своею сотнею и охотниками изъ болгаръ, въ числѣ 20-ти человѣкъ, 21-го сентября, утромъ, выступилъ прямо горами, минуя дороги, къ Извору. Узнавъ, что деревня занята баши-бузуками, онъ въ 2-хъ верстахъ спѣшилъ сотню въ лѣсной лощинѣ и прокравшись съ нею на гору, висѣвшую въ видѣ скалы надъ деревнею, совершенно неожиданно, открылъ по расхаживавшимъ туркамъ учащенный огонь. Это до того ихъ озадачило, что они моментально бросились изъ деревни на югъ, къ лѣсу, а Тарасовъ занялъ Изворъ. Болгары, не смотря на запрещеніе, подожгли его, но пожаръ ограничился тремя домами. Опасаясь, при малочисленности своего отряда, ночевать въ селеніи, Тарасовъ ночевалъ въ лѣсу, а на утро, 22-го сентября, пошелъ по слѣдамъ отступившихъ баши-бузуковъ. Онъ нагналъ ихъ у дер. Галаты. Спѣшенная сотня, послѣ обстрѣла занятой турками ограды, бросившись въ деревню, заставила очистить ее, причемъ баши-бузуки оставили 12 тѣлъ, а казаки захватили 15 ружей, пять подводъ и два вьюка.

Въ другомъ направленіи войсковой старшина Антоновъ, выступилъ 22-го сентября изъ Траяна, къ перевалу. Проводниками его были горные болгары. Онъ въ тотъ же день достигъ половины сѣвернаго подъема, гдѣ вслѣдствіе наступившаго дождя и сильнаго тумана заночевалъ. Ночью онъ получилъ съ южнаго спуска свѣдѣніе, что деревни Теке и Корнари наполнены баши-бузуками и черкесами. Не смотря на это, онъ прошелъ еще версты три впередъ; но какъ дальнѣйшій подъемъ, при хлынувшихъ съ горъ отъ проливныхъ дождей потоковъ, оказался невозмож-

нымъ, то Антоновъ, убѣдившись, что и туркамъ нельзя будетъ пройти къ монастырю, возвратился въ Траянъ. Это была первая наша попытка къ разслѣдованію траянскаго перевала. Результатами же было пріобрѣтеніе слѣдующихъ свѣдѣній: а) что путь ведущій отъ Траяна черезъ Балканы, доступенъ только для пѣшеходовъ и одиночныхъ всадниковъ; колеснаго же пути далѣе Княжевицкихъ Кулибъ не существуетъ; б) что при наступившихъ дождяхъ и пѣшеходныя тропы пересѣкаются горными потоками и дѣлаются вовсе непроходимыми; в) что по собраннымъ свѣдѣніямъ турки дѣйствительно собирались въ числѣ 2000 разнаго сброда, при трехъ горныхъ орудіяхъ, напасть на Успенскій монастырь, но узнавъ о томъ, что у Траяна есть казаки, а монахи монастыря вооружены, отказались отъ своего намѣренія и ушли къ Тетевени.

Такъ какъ мысль о занятіи Тетевени уже тогда занимала начальника отряда, то въ отвѣтъ на донесеніе Антонова, ему было приказано, послѣ необходимаго отдыха, выждавъ непогоду, произвести поискъ отъ Траяна черезъ Шипково, къ Тетевени. Цѣль ему указанная, состояла въ изслѣдованіи пути и въ собраніи свѣдѣній о занимающихъ Тетевень силахъ. Все, что сообщали объ этомъ городѣ лазутчики указывало, что тамъ находится нѣсколько ротъ регулярной пѣхоты, что городъ дѣятельно охраняется передовыми постами и разъѣздами; наконецъ, что баши-бузуки сгоняютъ жителей окрестныхъ деревень, неисключая и женщинъ, на работу, для возведенія укрѣпленій. Эти свѣдѣнія вскорѣ подтвердились перехваченнымъ, нашими разъѣздами, письмомъ одного болгарина къ своему сыну, изъ Тетевени въ Траянъ.

Кстати замѣтимъ, что развѣдочная и сторожевая служба велась въ ловче-сельвинскомъ отрядѣ необыкновенно тщательно. Разъ установленный порядокъ чрезвычайно точно соблюдался, даже и впослѣдствіи, когда Ловча была вполнѣ обезпечена отъ непріятеля. Начальники постовъ въ Дебновѣ, Траянѣ, Микре и Калиникѣ, ежедневно, въ 6 ч. утра и въ 6 ч. вечера, отправляли въ собственныя руки начальника отряда, подробныя записки о всемъ случившемся и замѣченномъ. Такія же свѣдѣнія начальники постовъ сообщали одинъ другому черезъ съѣзжавшіеся въ указанныхъ пунктахъ разъѣзды. Такимъ образомъ, не только въ штабѣ отряда, но по всей линіи постовъ, во всякое время было извѣстно все гдѣ-либо случившееся, или подготовляемое непріятелемъ. Однимъ словомъ, Ловча къ концу сентября, обведена была кольцомъ, начинавшимся отъ Сельви, шедшимъ къ западу, черезъ Острецъ, Траянъ, Турскій Изворъ, Огорчинъ и Турдалево и кончавшимся на плевненскомъ шоссе у Слатина.

Во время производимыхъ развѣдокъ и поисковъ, все болѣе и болѣе гарантировавшихъ спокойствіе отряда и обезпечивавшихъ его расположеніе, полученъ былъ отзывъ начальника полеваго штаба о томъ, чтобы Ловча немедленно была приведена въ недостигаемое для врага

оборонительное положеніе, и чтобы гарнизонъ ея могъ выдержать не только блокаду, но и осаду. Для этого на начальника отряда возлагалась обязанность заготовленія продовольственныхъ и фуражныхъ запасовъ и устройство артиллерійскаго склада снарядовъ и зарядовъ. Что вызвало подобное приказаніе, въ то время, когда все кругомъ казалось спокойнымъ, намъ не было извѣстно. Оставалось предполагать, что или въ главной квартирѣ получены свѣдѣнія о намѣреніи непріятеля идти отъ Орханіи на Ловчу, или опасались прорыва Османа-паши въ южномъ направленіи. Если первое было трудно, то послѣднѣе едва ли возможно. Идя на Ловчу, тогда уже достаточно укрѣпленную, оставлять у себя въ тылу 60-ти тысячную армію обложенія, которая немедленно ринулась-бы за Османомъ и быть потомъ приперту къ Балканамъ, все это не представляло ни малѣйшаго шанса на успѣхъ. Утверждали будто, бывши потомъ въ плѣну, Османъ говорилъ, что у него никогда не было мысли идти на Ловчу.

Но полученное положительное приказаніе не допускало никакихъ разсужденій; надо было исполнить его съ точностью. Начальникъ отряда отвѣчалъ, что оборона ловчинскихъ позицій, постройкою батарей и укрѣпленій обезпечена; но что укрѣпленія вообще, только тогда могутъ имѣть значеніе, когда заняты такимъ числомъ войскъ, которое соотвѣтствуетъ ихъ величинѣ и протяженію. Гарнизонъ-же Ловчи, состоящій всего изъ одной бригады, въ которой уже 1200 человѣкъ не комплекта, не можетъ считаться достаточнымъ. Что-же касается образованія запасовъ и артиллерійскихъ складовъ, то несмотря на неотпускъ для этого какихъ-либо средствъ и денежныхъ суммъ, немедленно были приняты слѣдующія мѣры:

1) Потребовано отъ окружнаго гражданскаго начальника свѣдѣніе: сколько изъ ловчинскаго округа можетъ быть собрано, реквизиціоннымъ способомъ, зерна и сѣна? Окружный начальникъ нашелъ, что нѣтъ надобности прибѣгать къ реквизиціи, потому, что жители округа подлежатъ десятинному сбору въ пользу казны, и потому не только десятая часть урожаевъ, можетъ служить для образованія запаса на случай осады, но и вмѣсто денежной подати можно потребовать взноса зерна и фуража. При этомъ онъ представилъ вѣдомость о количествѣ всего, что можетъ быть свезено съ округа въ Ловчу, въ теченіи мѣсяца. Выставленныя въ вѣдомости цифры обѣщали такъ много, что наводили невольное сомнѣніе. Одной пшеницы было обѣщано 40000 четвертей и до 50 тысячъ пудовъ сѣна.

2) Для склада свозимаго зерна занятъ и отданъ въ распоряженіе дивизіоннаго интенданта, большой общественный магазинъ, принадлежавшій турецкому правительству, а для надзора, командированы къ интенданту 5 унтеръ-офицеровъ.

Въ первые дни, свозъ зерна шелъ довольно успѣшно, но черезъ недѣлю подвозили всего два-три воза въ день. На просьбу о скорѣйшей доставкѣ, гражданскій начальникъ отвѣчалъ, что въ округѣ нѣтъ вовсе средствъ для перевозки; что необходимо воспользоваться массою, всякаго рода неубраннаго съ полей турецкаго хлѣба, но нѣтъ ни подводъ для своза, ни рукъ для молотьбы. Для отстраненія послѣдняго, онъ предлагалъ купить 4 ручныя молотилки, въ румынскомъ городѣ Турнъ-Магурели, стоющія по 25 руб. и вымолачивающія по 400 пудъ зерна въ день, каждая. Такимъ образомъ можно-бы было получать до 1600 пудовъ муки ежедневно. Объ этомъ предложеніи было написано начальнику штаба арміи, но отвѣта не получено. Для подмоги-же жителямъ округа въ перевязочныхъ средствахъ, начальникомъ отряда были вытребованы изъ сельвинскаго округа до 100 подводъ, которыя въ теченіи четырехъ дней, подвезли до 4000 пудъ сѣна, а затѣмъ болѣе не являлись. Замѣчательно, что всѣ эти подводчики были турки, жители деревень, не эмигрировавшихъ при приближеніи русскихъ войскъ.

Потомъ оказалось, по словамъ гражданскаго окружнаго начальника, что завѣдывавшій гражданскою частью въ Болгаріи, воспретилъ высылку подводъ и подъ предлогомъ того, что фуражъ на зиму будетъ заготовленъ, распоряженіемъ гражданскаго управленія, даже недозволялъ болгарамъ продавать войскамъ ячмень и сѣно. Какъ увидимъ впослѣдствіи, воспрещеніе это осталось мертвою буквою.

Весь доставленный вмѣсто десятинной подати запасъ, составилъ къ 5-му октябрю 4000 пудовъ пшеницы, 450 пудовъ овса и 4000 пудовъ сѣна. Все это не составляло и десятой части того, что было обѣщано и громадное количество хлѣба пропало для войскъ. Оставшись въ поляхъ, зерно или обсыпалось, или проросло въ снопахъ.

На дальнѣйшее пополненіе собираемаго собственно на случай осады, начальникъ отряда не настаивалъ. Его гораздо болѣе заботило текущее продовольствіе. Уже въ концѣ сентября доставка сухарей интендантствомъ, съ каждымъ днемъ затруднялась. Пришлось израсходовать не только трех-дневный, находившійся на людяхъ провіантъ, но и 5-тидневный запасъ, перевозимый въ провіантскихъ телѣгахъ. Были дни, что полки, выдавъ послѣдніе сухари, незнали, привезутъ-ли ихъ къ завтрему. Не разъ приходилось отдавать приказы, чтобы сухари выданные на два дня раздѣлить на четыре. Крайне озабоченный подобнымъ положеніемъ провіантскаго довольствія, начальникъ отряда нѣсколько разъ посылалъ дивизіоннаго интенданта, къ интенданту отряда обложенія, обязаннаго продовольствовать войска, расположенные въ Ловчѣ и Сельви. Всѣ эти посылки имѣли самые ничтожные результаты. Вмѣсто требованныхъ 8000 пудъ, на пополненіе 8-ми дневнаго запаса, присылали 500; но и имъ часто радовались, имѣя что выдать людямъ на завтра.

Однажды интендантъ отряда обложенія, телеграфировалъ объ отправкѣ въ Ловчу 23 тысячъ окъ печенаго хлѣба. Проходитъ 5 дней,— нѣтъ транспорта, а на посланный по телеграфу запросъ, получается отвѣтъ, что это была ошибка, и что хлѣбъ поступилъ въ полки стоявшіе у Плевны. Если непродолжительное ненастье могло служить причиною подобныхъ затрудненій, то всѣ невольно подумывали: что-же будетъ зимою, когда дороги Болгаріи на $2^1/_2$ мѣсяца сдѣлаются непроѣзжаемыми?

Не видя возможности чего-либо добиться изъ Парадима и слыша, что въ Тырновѣ много сухарей въ складѣ, начальникъ отряда предлагалъ, для облегченія интендантства, перевозить ихъ полковыми лошадьми. Но на всѣ предложенія, на всѣ вопросы, просьбы и требованія, на всѣ письма и телеграммы полевому интенданту и его помощнику въ Систово, или не было отвѣта, или присылали такіе, которые возбуждали удивленіе. Напримѣръ, въ Систово было телеграфировано, что изъ Парадима, отъ интенданта отряда обложенія, ничего получить невозможно, и потому просится распоряженіе объ отпускѣ сухарей изъ Тырнова. На это получена депеша: „ловче-сельвинскій отрядъ долженъ получать сухари изъ Парадима, отъ интендантства западнаго отряда“.

Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія по части довольствія, начальникъ отряда сдѣлалъ представленіе объ отпускѣ, взамѣнъ сухарей, денегъ на покупку зерна, съ тѣмъ, что оно будетъ обращаемо въ муку и перепекаемо въ хлѣбъ собственнымъ попеченіемъ войскъ. Основаніемъ подобному представленію служилъ приказъ по арміи, разрѣшавшій всѣмъ нештатнымъ командамъ получать взамѣнъ сухарей, деньги, на покупку хлѣба, по 8 коп. въ день на человѣка. На это ходатайство, послѣдовало разрѣшеніе Главнокомандующаго, по которому дивизіонный индендантъ немедленно получилъ авансомъ 8000 металлическихъ рублей. Съ этихъ поръ и до самаго выступленія за Балканы, ловче-сельвинскій отрядъ не зналъ ни малѣйшихъ затрудненій по провіантскому довольствію. Ниже будетъ изложено какимъ способомъ оно производилось.

Обратимся вновь собственно къ военнымъ распоряженіямъ.

Въ 20-хъ числахъ сентября, въ Ловчу пришло до двухъ-сотъ болгаръ изъ села Тороса. Явившаяся отъ нихъ къ начальнику отряда депутація объявила, что на Торосъ, со стороны софійскаго шоссе, напали баши-бузуки, ограбили дома, выгнали изъ села всѣхъ мужчинъ, а ихъ женъ и дѣтей заперли въ сараяхъ, морятъ ихъ голодомъ, производя надъ ними насилія и неистовства. Тогда войсковому старшинѣ Тарасову, послано было въ Микре приказаніе, провѣрить заявленіе депутаціи. Тарасовъ отъ 29-го сентября доносилъ: „свѣдѣніе о занятіи Тороса турками оказалось вѣрнымъ. Болгары неотступно просятъ освободить ихъ женъ и дѣтей. Я совершенно готовъ идти туда, но непроницаемый туманъ и дождь непозволяютъ. Какъ только онъ пройдетъ, немедленно

выступлю, прямо черезъ горы". Онъ выступилъ на другой-же день, а 1-го октября, въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, совершилось взятіе Тороса и освобожденіе отъ турецкихъ тиранствъ 700 душъ женщинъ и дѣтей, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

1-го октября, въ $8^1/_2$ часовъ утра, Тарасовъ подошелъ къ р. Виду. Съ возвышенности, командовавшей противуположнымъ берегомъ, на которомъ расположено село Торосъ, онъ осмотрѣлъ мѣстность и затѣмъ велѣлъ сотнику Сохранову, съ двумя взводами, быстро спуститься съ горы, перейти рѣку и обойдя село съ запада, занять выходы изъ него. Но такъ какъ спускъ оказался весьма крутъ, а р. Видъ отъ дождей разлившеюся и очень быстрою, дно же—покрытымъ большими каменьями, то переправа замедлилась. Это дало туркамъ время собраться и броситься къ мѣсту брода, противъ котораго они открыли огонь. Въ это время Тарасовъ, съ остальною половиною сотни, внесся въ село и рубя выбѣгавшихъ изъ хатъ баши-бузуковъ, очищалъ его. Огонь съ берега не остановилъ Сохранова. Взводы его, выбравшись изъ воды, даже не собираясь, бросились на турокъ, убѣгавшихъ къ кукурузному полю. Заслыша разгорѣвшуюся перестрѣлку за селомъ, Тарасовъ поспѣшилъ туда и тогда вся сотня лавою понеслась въ атаку. Баши-бузуки не устояли противъ налета: большая ихъ часть легла заколытыми. Двѣ версты продолжалось преслѣдованіе, до лѣса къ западу. Въ виду малочисленности казаковъ и возможности прибытія къ туркамъ подкрѣпленія съ софійскаго шоссе, главное же, чтобы имѣть время засвѣтло перевести болгарскія семьи за рѣку,—Тарасовъ, собравъ людей, приступилъ къ подробному осмотру села. При этомъ въ одномъ изъ домовъ, захваченъ начальникъ баши-бузуковъ. Защищаясь, онъ ранилъ въ упоръ казака, но и самъ былъ изрубленъ на мѣстѣ. Присутствіе запертыхъ внутри дворовъ болгарскихъ семей, было узнано по раздававшимся стонамъ и крикамъ дѣтей. „Не могу описать—доносилъ Тарасовъ—той радости, съ которою, истомленныя голодомъ болгарки, бросались къ моимъ ногамъ и цѣловали руки казаковъ". Въ числѣ раненыхъ оказалась женщина, съ полугодовымъ ребенкомъ, прострѣленная въ грудь двумя пулями. Покуда несчастныя семьи выбирались изъ заточенія, баши-бузуки вновь стали показываться изъ лѣса, что заставило Тарасова, подъ прикрытіемъ разсыпанной полусотни, поспѣшить за рѣку, при чемъ дѣтей казаки перевозили на сѣдлахъ. Переночевавъ въ лѣсу, Тарасовъ 2-го октября возвратился, на свой постоянный постъ у Микре. Съ этихъ поръ, бивуакъ его сотни превратился въ станъ болгарскихъ семей, поселившихся въ шалашахъ, возлѣ своихъ спасителей.

Одновременно съ поискомъ на Торосъ, произведена была, отложенная за непогодою, рекогносцировка по сѣвернымъ склонамъ Балканъ, между Траяномъ и Тетевенью. Цѣль рекогносцировки, кромѣ изслѣдова-

нія пути, состояла въ собраніи свѣдѣній объ укрѣпленіяхъ и силѣ гарнизона Тетевени. Для этого войсковому старшинѣ Антонову предписано было выступить 25-го сентября изъ Траяна, черезъ Шипково къ Тетевени. И въ этотъ разъ проливной дождь и непроницаемый туманъ заставили Антонова остановиться въ Шипковѣ и выждать тамъ два дня. 28-го числа, пустивъ впередъ разъѣзды, онъ около полудня подошелъ къ Тетевени съ восточной стороны. Пользуясь тѣмъ, что турки не приняли никакихъ охранительныхъ мѣръ, Антоновъ, оставивъ полсотни въ резервѣ, спѣшилъ другую и пошелъ прямо къ городу, уже имѣвшему съ этой стороны стрѣлковыя траншеи. Они оказались такъ слабо занятыми, что казаки овладѣли ими безъ сопротивленія. Взбѣжавъ на высоту, наши увидѣли другія, болѣе значительныя укрѣпленія, на холмахъ обращенныхъ къ сѣверу. Оттуда значительная колонна регулярнаго низама, спѣшила на помощь отступавшимъ. Видя числительный перевѣсъ непріятеля и имѣя приказанія только рекогносцировать, а не атаковать городъ, Антоновъ отступилъ. Появленіе его было до того неожиданно, что турки не только не преслѣдовали казаковъ, но допустили ихъ, на возвратномъ пути, всего въ трехъ верстахъ отъ города, отбить изъ турецкаго стада: 15 лошадей, 70 головъ скота и болѣе 300 барановъ. Съ этою добычею, Антоновъ, 29-го сентября, возвратился въ Траянъ. Присланное имъ донесеніе разъяснило положеніе Тетевени и указало, что гарнизонъ его не можетъ превышать 500 человѣкъ, что согласовалось съ свѣдѣніями полученными и отъ болгаръ.

О лихихъ дѣйствіяхъ Тарасова и Антонова, было своевременно донесено Главнокомандующему.

Среди распоряженій по возможно большему освѣщенію мѣстности къ западу и юго-западу и оттѣсненія въ этомъ направленіи непріятеля, получено было отъ начальника штаба арміи увѣдомленіе, что Его Высочество Главнокомандующій, принимаетъ личное начальство надъ всѣми войсками западнаго театра войны и приказалъ раздѣлить ихъ на слѣдующіе отряды:

1) Отрядъ обложенія Плевны: 4-й и 9-й корпуса, 3-я гвардейская и 3-я гренадерская дивизіи и румынскія войска. Начальникъ отряда принцъ Карлъ румынскій. Его помощникъ—генералъ-адъютантъ Тотлебенъ; начальникъ штаба—генералъ-лейтенантъ князь Имеретинскій.

2) Отрядъ за р. Видомъ (западный): 1-я и 2-я гвардейскія дивизіи, гвардейская стрѣлковая бригада, гвардейская кавалерія и всѣ армейскіе кавалерійскіе полки за р. Видомъ. Начальникъ отряда генералъ-адъютантъ Гурко.

3) Ловче-сельвинскій отрядъ: 3-я пѣхотная дивизія и казачьи № 24-го и 30-го полки. Начальникъ отряда генералъ-лейтенантъ Карцовъ.

Съ этихъ поръ положеніе отряда сдѣлалось вполнѣ опредѣленнымъ

и самостоятельнымъ, хотя и до этого, отношенія его къ отряду обложенія, со времени вступленія въ должность начальника штаба князя Имеретинскаго, были вполнѣ пріятныя. Прежнія, несогласныя съ мѣстными обстоятельствами распоряженія, прежнія приказанія, доказывавшія незнаніе условій отряда,—все это прекратилось; даже тонъ бумагъ не напоминалъ болѣе начальническихъ замашекъ прежняго штаба.

Чѣмъ болѣе обезпечивалось положеніе Ловчи, тѣмъ большую свободу дѣйствій пріобрѣтали войска отряда. Въ началѣ октября прибыли въ Ловчу два эскадрона Казанскаго драгунскаго полка, со взводомъ казачьей № 19-й батареи и была еще обѣщана присылка горной батареи, съ августа находившейся въ Горномъ Студенѣ. Все это дало возможность, неослабляя поисковъ къ западу, приступить къ разслѣдованію сѣверныхъ спусковъ съ Балканъ, по Разелитскому и Траянскому переваламъ. Но такъ какъ послѣдовательный ходъ этихъ разслѣдованій изложенъ въ статьѣ о взятіи Траянскаго перевала *), то обратимся къ происходившему въ Сельви и ея окрестностяхъ.

До прибытія къ отряду генерала Дандевиля, старшимъ начальникомъ въ Сельви былъ командиръ 9-го пѣхотнаго Староингерманландскаго полка, флигель-адъютантъ полковникъ графъ Татищевъ. Вступивъ въ городъ 12-го сентября, онъ немедленно приступилъ къ его укрѣпленію, съ западной и отчасти съ юго-западной стороны, откуда только и возможно было ожидать какого-либо покушенія. Въ Сельви тогда находились двѣ сотни 30-го казачьяго полка, съ полковымъ штабомъ и 5 орудій 5-й батареи 3-й артиллерійской бригады, отправленной туда для устройства. Эта батарея, находясь подъ Плевною въ отрядѣ Скобелева 2-го, 31-го августа, потеряла три орудія и половину своихъ лошадей. Вмѣстѣ съ 9-мъ полкомъ были посланы въ Сельви три состоявшія при дивизіи парка. Причиною послѣдняго было то, что Сельвинскій округъ, представлялъ не тронутый край, богатый фуражемъ и хлѣбами. Всѣ эти части были подчинены графу Татищеву.

По малому числу орудій, укрѣпленія Сельви были преимущественно построены для пѣхоты. Кромѣ двухъ батарей на 4 орудія каждая, онѣ состояли изъ ложементовъ и стрѣлковыхъ ровиковъ. По окончаніи этихъ построекъ, расположеніе 9-го полка въ Сельви, можно было считать отдыхомъ, который впрочемъ длился не долго. Въ первыхъ числахъ октября, 2-й батальонъ былъ вытребованъ въ Ловчу, для усиленія ея гарнизона. Это было сдѣлано въ то время, когда съ одной стороны штабъ арміи, своимъ распоряженіемъ о приведеніи города въ осадное положеніе, указывалъ на возможность нападенія значительныхъ силъ съ запада, а помощникъ начальника штаба плевенскаго отряда писалъ,

*) „Военный Сборникъ“, 1879 г., № 1.

чтобы въ Ловчѣ не надѣялись на его помощь. Затѣмъ для усиленія надзора за сѣверными спусками съ Балканъ, и для поддержанія оберегавшихъ ихъ сотенъ, изъ Сельви были выдвинуты: 1-я стрѣлковая рота — въ Траянъ, 3-я линейная—въ Успенскій монастырь и 4-я—въ Острецъ. Такимъ образомъ, въ октябрѣ въ Сельви оставалось всего 7 ротъ. Стоянка ихъ въ городѣ, ни разу не бывшемъ въ рукахъ непріятеля, а по распланировкѣ и чистотѣ, составлявшемъ исключеніе между городами Болгаріи, была весьма благопріятна въ санитарномъ отношеніи. Не смотря на размѣщеніе ротъ на позиціи, въ шалашахъ и землянкахъ, число больныхъ въ 9-мъ полку было ничтожно, сравнительно съ частями находившимися въ Ловчѣ. Впрочемъ, отличное состояніе здоровья въ Староингерманландскомъ полку, во многомъ зависѣло отъ заботливости и распорядительности его командира.

Генералъ Дандевиль, сряду по прибытіи къ отряду, произвелъ смотръ своей бригадѣ и донесъ начальнику отряда, что онъ не могъ ожидать, чтобы какая-либо часть, въ военное время, могла представится въ такомъ устроенномъ видѣ, какъ 9-й Староингерманландскій полкъ. Тоже заявляли всѣ видѣвшіе людей этого полка, проѣздомъ черезъ Сельви, называвшіе его, по виду и соблюдаемому порядку, гвардейскимъ. О 10-мъ Новоингерманландскомъ полкѣ, отдѣленномъ отъ дивизіи, какъ выше упомянуто съ 26-го августа, было получено донесеніе генерала Дандевиля, что онъ для осмотра его ѣздилъ въ Тырновъ и нашелъ полкъ въ порядкѣ. Другихъ свѣдѣній объ этомъ полкѣ, благодаря полевой почтѣ, въ отрядѣ не было уже болѣе мѣсяца.

Къ первымъ числамъ октября, укрѣпленія Ловчи приведены были дѣйствительно въ такое состояніе, что никакое нападеніе на отрядъ, занимающій городъ, не было-бы страшно. Для помѣщенія артиллерійскихъ запасовъ и склада снарядовъ, было построено 10 пороховыхъ погребовъ, въ скатѣ горы, лѣвѣе микреевской дороги, на мѣстѣ центральномъ отъ всѣхъ батарей. Къ нимъ, равно какъ и ко всѣмъ другимъ укрѣпленіямъ, были проведены отъ погребовъ дороги. При этомъ въ двухъ пунктахъ пришлось строить большіе мосты черезъ овраги. Необходимые матеріялы для постройки погребовъ и мостовъ были взяты изъ домовъ, необитае-

*) По поводу почтовыхъ сношеній войскъ между собою, приведемъ слѣдующій фактъ: Между Боготомъ и Ловчей 22 версты: на этомъ пространствѣ, находилось отъ нашего отряда 3 казачьихъ поста, черезъ которые наши донесенія доходили въ полевой штабъ въ 3—4 часа. Бумаги же и приказы сдаваемыя полевымъ штабомъ въ почтовое отдѣленіе, приходили къ намъ черезъ 2 недѣли. Жалуясь на подобный порядокъ, въ присутствіи генерала находившагося въ Тученицѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ Богота, начальникъ отряда услышалъ слѣдующее: „Ну, что вы жалуетесь, что за 20 верстъ, получаете приказы черезъ 2 недѣли. Вотъ я за 2 версты получаю ихъ черезъ 5 дней, тогда какъ вѣстовой пѣшкомъ могъ бы принести черезъ полчаса“.

*

мой турецкой части города. Эти же дома были употребляемы на устройство навѣсовъ для конюшенъ, землянокъ для нижнихъ чиновъ и на дрова для варки пищи. Другаго средства добыть дровъ не было, хотя начальникъ отряда и обращался нѣсколько разъ къ окружному гражданскому начальнику, объ отводѣ лѣснаго участка. Болѣе двухъ недѣль тянулась объ этомъ переписка; а потомъ, то отводили участки въ такихъ горахъ и ущельяхъ, куда нельзя провезти пустую повозку; то указывали лѣсъ, принадлежавшій болгарамъ, немедленно заявлявшимъ претензію. Поневолѣ пришлось разборать турецкіе дома. Но чтобы при этомъ не было произвола и соблюдался порядокъ, то подъ сломку брались дома на окраинахъ города, по указанію и распредѣленію полиціймейстера.

Когда постройка погребовъ была окончена, то для наполненія ихъ снарядами, были вытребованы изъ Ловчи всѣ три принадлежащіе дивизіи парка. Это требованіе раскрыло слѣдующее: вмѣсто трехъ парковъ прибылъ одинъ. Вольнонаемный оказался уже расформированнымъ въ Систовѣ, а отдѣленіе подвижнаго артиллерійскаго, вытребовано въ Парадимъ, для подвоза снарядовъ подъ Плевну. Кѣмъ и когда сдѣлано подобное распоряженіе, объ этомъ не было сообщено ни начальнику отряда, ни даже командиру артиллерійской бригады, прямому начальнику парковъ. Что командиры ихъ не донесли о своемъ отозваніи изъ отряда, его начальнику, этому никто не удивился, потому что вездѣ, гдѣ во время кампаніи приходилось имѣть дѣло съ парками, въ нихъ сильно замѣчалась легкость взгляда и незнакомство съ правилами подчиненности.

Дивизіонный летучій паркъ прибылъ въ Ловчу въ составѣ трехъ отдѣленій, вмѣсто пяти. Командующій имъ оправдывался тѣмъ, что у него много больныхъ лошадей, что неуспѣлъ подковать ихъ, потому что ему отпускаются деньги на ковку однихъ передовъ. Въ сущности же, настоящею причиною подобной непростительной въ военное время неисправности, было весьма дурное содержаніе лошадей. При осмотрѣ начальникомъ отряда прибывшихъ отдѣленій, лошади оказались до того тощими, что командиру бригады приказано было сдѣлать парку подробный инспекторскій смотръ и донести о причинахъ дурнаго состоянія парка. Результатъ смотра былъ сообщенъ начальнику артиллеріи арміи.

Въ теченіи сентября мѣсяца было два случая поимки турецкихъ шпіоновъ. Это были оборванцы, изъ числа баши-бузуковъ, отправленные: одинъ изъ Карлова, а другой изъ Орханіи, для того, чтобы высмотрѣть ловчинскія укрѣпленія и развѣдать о силахъ ихъ гарнизона. 3-го октября, съ передовыхъ постовъ отъ Калиника, привели 4-хъ турецкихъ солдатъ, бѣжавшихъ изъ Плевны. При допросѣ, они единогласно показывали, что принадлежатъ албанскимъ таборамъ, что бѣжали вслѣдствіе страшныхъ лишеній и голода въ арміи Османа. Всѣ подобныя личности, вмѣстѣ съ снятыми показаніями, были отправляемы въ комендантское управле-

ніе главной квартиры. Впослѣдствіи, при каждомъ поискѣ, приводили десятками взятыхъ съ оружіемъ баши-бузуковъ, между которыми были и старики съ женами и дѣтьми, заявлявшими желаніе раздѣлять участь ихъ мужей и отцовъ. Видъ этихъ полунагихъ, изнуренныхъ голодомъ мусульманъ, производилъ тяжелое впечатлѣніе. Нужно было имѣть много силы воли, чтобы при допросѣ подобныхъ личностей, не поддаться невольному къ нимъ участію. Только мысль о тѣхъ ужасахъ, какіе творили эти фанатики надъ христіанами, заставляла относиться къ нимъ равнодушно.

Еще болѣе потрясающій нервы и гнетущій сердце видъ представляли семьи болгаръ, цѣлыми караванами приходившія въ Ловчу, изъ-за Балканъ, или изъ-за Вида. Нельзя было выйти въ городъ, чтобы не представлялись картины одна ужаснѣе другой, и чѣмъ ближе наступала осень, чѣмъ болѣе усиливались непогоды, тѣмъ раздирающія душу сцены, встрѣчались чаще. То попадается группа женщинъ, съ дѣтьми на рукахъ и за спиною, за которыми бѣгутъ босикомъ, по грязи, другіе дѣти, блѣдные, изнуренные, въ однихъ рубашенкахъ, дрожащіе отъ холода. На лицѣ матерей нѣтъ слезъ, но видны слѣды всѣхъ перенесенныхъ страданій. Мужчинъ нѣтъ между ними, они зарѣзаны или повѣшены, а если попадаются, то или полуживой остовъ, тоже съ ребенкомъ на рукахъ, или покрытый рубищемъ старикъ, котораго въ ручной телѣжкѣ, тащитъ за собою сестра или дочь. Въ другомъ мѣстѣ, дряхлая старуха ведетъ одною рукою полунагую дѣвочку лѣтъ 6-ти, а другою держитъ поводъ осла, на которомъ еще двое крошечныхъ, окоченѣвшихъ дѣтей. Одинъ изъ нихъ громко плачетъ; другой уже утомился отъ крика и спитъ, качаясь на своей привязи, а между тѣмъ, осенній дождь хлещетъ въ хорошенькіе ихъ личики. Позади осла, обвѣшаннаго собранною дорогою, въ брошенномъ полѣ кукурузою, идетъ другая женщина, пригнутая къ землѣ тяжестью взваленнаго на ея спину короба съ имуществомъ несчастной семьи, уже ни одинъ день не ѣвшей ничего, кромѣ сырой кукурузы. На вопросъ, куда они идутъ? — всегда одинъ отвѣтъ: „идемъ туда, гдѣ Руссы“. А что могли сдѣлать Руссы для тысячъ подобнаго люда? Конечно, ни одинъ изъ насъ не проходилъ не давши монеты, но на долго-ли хватала подобная помощь?

Молодое болгарское населеніе, балканскихъ склоновъ, уцѣлѣвшее отъ турецкихъ неистовствъ и имѣвшее возможность запастись какимъ либо оружіемъ, образовало нѣсколько бандъ, гнѣздившихся возлѣ нашихъ постовъ. Тѣ, которыя образовались у сѣверныхъ склоновъ Траяна и Розелита, имѣли признакъ организаціи и назывались четами. Для водворенія въ четахъ порядка и нѣкоторой системы дѣйствій, начальникъ отряда подчинилъ ихъ предводителей сотеннымъ командирамъ ближайшихъ нашихъ постовъ: Афанасьеву—въ Острецѣ, Антонову—въ Траянѣ,

Тарасову—въ Микре. Четники сопровождали этихъ офицеровъ при поискахъ, помогали казакамъ въ развѣдкахъ и содержали передовые караулы въ горныхъ проходахъ.

Послѣ занятія Извора и Тороса и удачнаго поиска къ Тетевени, первые числа октября прошли безъ всякихъ тревожныхъ извѣстій съ передовыхъ постовъ. Пользуясь этимъ, начальникъ отряда въ эти дни производилъ примѣрное занятіе войсками оборонительныхъ позицій, по заранѣе составленнымъ диспозиціямъ. Ихъ было три: 1) на случай атаки съ сѣвера, со стороны Плевны; 2) для обороны западнаго фронта отъ Микре и 3) на случай наступленія съ юга — отъ Траяна. Въ случаѣ тревоги, всѣ части, получивъ увѣдомленіе, откуда непріятель предпринимаетъ атаку, должны были занять указанные имъ пункты, а для этого знать какимъ путемъ перейти къ нимъ изъ постоянныхъ своихъ помѣщеній. При этомъ было принято во вниманіе, чтобы передвиженій было какъ можно менѣе. Въ приложенныхъ къ диспозиціямъ инструкціяхъ было подробно указано: куда должны быть направлены оставшіяся казачьи сотни, для предварительныхъ развѣдокъ о направленіи и силахъ противника; какъ поступить съ обозами и куда отойти имъ; гдѣ устраиваются перевязочные пункты и кто изъ врачей гдѣ обязанъ находиться; по какимъ частямъ и укрѣпленіямъ распредѣляется рота носильщиковъ и проч. При подобныхъ распоряженіяхъ каждый начальникъ части зналъ, что ему дѣлать, куда вести свою часть и какая ей назначена роль въ общемъ ходѣ обороны *).

---

*) Приводимъ объявленныя по войскамъ диспозиціи въ подлинникѣ:

1. Диспозиція для обороны плевненскаго фронта.

По полученіи приказанія о наступленіи непріятеля съ сѣвера, войскамъ занять слѣдующія позиціи:

Батарею № 1-й. Первой батареѣ 3-й артил. бригады и 1-й стрѣлковой ротѣ 11-го полка. Начальникомъ позиціи назначается командующій батареею капитанъ Вольвачевъ.

Батарею № 2-й. Дивизіону 3-й бат. 3-й бригады и 1-й и 2-й ротамъ 11-го полка, подъ начальствомъ командира 1-й бат.

Круглую турецкую. 5-й батареи 3-й бригады, а вправо лежащія траншеи—2-й и 3-й ротамъ того же полка.

Батарею № 3-й. Дивизіону 3-й бат.; 5-й и 2-й стр. ротамъ 11-го полка. Начальникъ позиціи командиръ батареи полковн. Потапчинъ.

Батарею № 4-й. Дивизіону 3-й батареи 9-й артиллерійской бригады; 6-й, 7-й и 8-й ротамъ 11-го полка. Начальникъ позиціи полковникъ Дыховъ.

Батарею № 5. Взводу той же батареи; 9-й и 10-й ротамъ 11-го полка. Начальникъ—старшій изъ ротныхъ командировъ.

Батарею № 6. Двумъ орудіямъ той-же батареи, 11-й и 12-й ротамъ 11-го Псковскаго полка, при командирѣ 3-го батальона.

Резервъ: 1-й и 3-й батальоны 12-го Великолуцкаго полка и 6-я батарея, подъ начальствомъ командующаго полкомъ, располагаются за горою, позади редута.

V.

Тетевень и изслѣдованіе сѣверныхъ спусковъ съ Балканъ.

Рекогносцировка путей къ Тетевени.—Занятіе Градишницы.—Летучій отрядъ у Телиша.—Приготовленіе экспедиціи. — Дѣйствія Антонова. — Правая колонна флигель-адъютанта Орлова.—Взятіе укрѣпленій.—Вступленія въ городъ.—Отправленіе 2-й бригады за Видъ.—Прибытіе 10-го полка.—Мѣры для обезпеченія продовольствія.—Гражданскія власти.—Богатство края.—Отраженіе турокъ отъ Тетевени.—Изслѣдованіе сѣверныхъ спусковъ съ Балканъ.

Въ концѣ сентября гвардейскіе полки по эшелонно подходили къ театру военныхъ дѣйствій; носилась молва, что Государь Наслѣдникъ вступитъ въ командованіе своимъ корпусомъ. Потомъ мы узнали, что 1-я и 2-я гвардейскія дивизіи остаются, какъ и предполагалось, въ отрядѣ генерала Гурко, и вмѣстѣ съ гвардейскою кавалеріею, сосредоточиваются за лѣвымъ флангомъ линіи обложенія, между ловчинскимъ

Остаются на другихъ фронтахъ обороны:

а) На передовой микреевской позиціи: 2-я стр. и 5-я роты 12-го полка. б) На 7-й батареѣ — 6-я рота; в) на 8-й батареѣ — 7-я рота; г) на 10-й батареи—8-я рота того же полка.

2. Диспозиція для обороны западнаго фронта отъ Микре.

Передовая позиція: постоянно занимающія ее 2-я стр. и 5-я роты 12-го полка, при маіорѣ Беатрѣ.

Батарею № 6-й. Взводъ 3-й бат. 9-й арт. бригады; другой взводъ той же батареи съ № 4-го; 11-я и 12-я роты 11-го полка. Начальникъ маіоръ Штемпель.

Новую батарею и ложементы влѣво: 6-я батарея и весь 1-й бат. 12-го полка, при батальонномъ командирѣ.

Батарею № 7-й. Дивизіонъ 3-й батареи съ № 3-го; 11-я и 12-я роты 12-го полка. Начальникъ полковникъ Потапчинъ.

Батарею № 8-й и ложементы по склону: 1-я батарея, 6-я, 7-я, 9-я и 10-я роты 12-го полка. Начальникъ командиръ батареи.

Остаются на другихъ фронтахъ:

а) На батареѣ № 2-й. Дивизіонъ 3-й батареи и полурота 3-й роты 11-го полка; б) На батареѣ № 4-й. Взводъ 3-я бат. 9-й бригады и другая полурота 3-й роты 11-го полка; в) На батареѣ № 5-й. Девятая рота; г) На батареѣ № 10-й—8-я рота того же полка.

Въ боевой резервъ—въ лощинѣ за № 7-й—2-й батальонъ 11-го полка.

Въ общій резервъ—у выхода изъ города къ Микре, позади тутовой рощи,—всѣ прочія непоименованныя выше части, подъ начальствомъ командующаго 11-мъ полкомъ.

3. Диспозиція обороны траянскаго фронта.

Батарею № 9-й. Первая батарея 3-й бригады, 6-я и 7-я роты 12-го полка. Начальникомъ батарейный командиръ.

Батарею № 10-й. Дивизіонъ 3-й батареи; 1-я стр. и 3-я роты 12-го полка.

Въ частномъ резервѣ: 1-я, 2-я и 4-я роты 12-го полка, при командирѣ 1-го батальона.

3-му батальону 11-го полка, съ 6-ю батарею, быстро обойти городъ съ юга и занять позицію за Осмою, впереди подвижнаго лазарета.

2-му дивизіону 3-й батареи, съ № 2-го, пройдя городомъ черезъ крытый мостъ,

шоссе и р. Видомъ. Было видимо, что вскорѣ должны начаться рѣшительныя дѣйствія по софійскому шоссе, гдѣ, въ сентябрѣ, попытки нашей кавалеріи прервать сообщенія съ Плевною, были неудачны. Ожиданіе этихъ рѣшительныхъ дѣйствій, заставило начальника отряда поспѣшить оказать имъ содѣйствіе движеніемъ къ Яблоницѣ. Но прежде чѣмъ предпринимать его, было необходимо овладѣть Тетевенью, дабы не оставлять укрѣпленнаго пункта на флангѣ и въ тылу колонны направляемой за Видъ.

Составляя планъ экспедиціи къ Тетевени, начальникъ отряда поставилъ себѣ цѣлью, комбинировать движенія колоннъ такъ, чтобы турки не только были разбиты, но и окружены. Для этого надо было лишить ихъ пути отступленія къ западу, по дорогѣ на болгарскій Изворъ и Златицу. Для вѣрнѣйшаго достиженія этой цѣли, необходимо было заранѣе изслѣдовать мѣстность между Тетевенью и Видомъ, и дорогу по правому берегу Бѣлаго Вида. Это было возложено на войсковаго старшину Тарасова и ординарца генерала—поручика Эрнрота. Съ нимъ 4-го октября послано Тарасову предписаніе, съ сотнею и охотниками изъ болгаръ, выступить 5-го изъ Микре, черезъ Малку-Желязну и Галату, и потомъ спускаясь къ югу, осмотрѣть мѣстность до впаденія Бѣлаго Вида и дорогу по его долинѣ, изъ болгарскаго Извора въ Тетевень. По

слѣдовать рысью по шоссе, къ мѣсту расположенія обозовъ, гдѣ занять турецкую батарею, для обстрѣла лощины праваго берега.

Оставаться на прочихъ фронтахъ обороны.

а) На батареѣ № 2: 3-й ротѣ 11-го полка. б) На батареѣ № 4, дивизіону 3-й бат. 9-й бригады и 6-й ротѣ 11-го полка, при маіорѣ Федотовѣ. в) На батареѣ № 5, взводу той же батареи; 9-й и 10-й ротамъ 11-го полка. г) На батареѣ № 6, остальному взводу той же батареи; 11-й и 12-й ротамъ 11-го полка. На передовой микреевской, стоящимъ на ней ротамъ.

Резервъ образуютъ: всѣ не назначенныя на батареи орудія и роты, подъ начальствомъ подполковника Кабордо; онѣ собираются у сломаннаго моста на траянскомъ шоссе,

24-му казачьему полку, во всѣхъ трехъ случаяхъ, выслать полторы сотни, передъ обороняемый фронтъ, для возможно дальнѣйшей развѣдки о силахъ и направленіи противника и послать разъѣзды по всѣмъ ведущимъ къ Ловчѣ дорогамъ. Сотнямъ, остающимся свободными, находиться при резервѣ.

Полковымъ, батальоннымъ и батарейнымъ командирамъ, немедленно ознакомиться съ дорогами, по которымъ придется слѣдовать на позицію, или переходить съ одной батареи на другую; а также вымѣрить разстоянія до видимыхъ въ раіонѣ обстрѣла предметовъ.

Я буду находиться: при атакѣ съ сѣвера—на курганѣ, что возлѣ 3-й батареи; при наступленіи отъ Микре—у батареи № 8-й, а при оборонѣ южнаго (траяновскаго) фронта у 10-й батареи.

Подлинный подписалъ:

Генералъ-лейтенантъ Карцовъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

За старшаго адъютанта, штабсъ-капитанъ Байковъ.

послѣднимъ свѣдѣніямъ, гарнизонъ этого города былъ усиленъ, и укрѣпленія его вооружены горными орудіями. Провѣрка этихъ свѣдѣній, тоже возложена была на Тарасова.

Выступивъ 5-го числа утромъ и пройдя полусозженныя Малку-Желязну и Галату, сотня переночевала въ послѣдней. На утро предполагалось идти на Лесседру, но слухи о томъ, что въ Градишницѣ собралось значительное скопище баши-бузуковъ, заставили направиться къ этой деревнѣ; иначе скопище, пользуясь отсутствіемъ сотни, могло броситься къ Микре и произвести переполохъ, не только въ тылу сотни, но и въ Ловчѣ. Предпріимчивый Тарасовъ, не посылая впередъ разъѣздовъ, въ сумерки, 6-го октября налетѣлъ на Градишницу, какъ снѣгъ на голову. Баши-бузуки успѣли только зажечь крайнюю хату и затѣмъ бросились въ разсыпную. Изрубивъ тѣхъ, которыхъ можно было нагнать и захвативъ нѣсколько вооруженныхъ турокъ въ плѣнъ, Тарасовъ, собралъ утомленную двумя сильными переходами сотню, и обезпечивъ свой ночлегъ сторожевыми постами, остался въ Градишницѣ. 7-го октября на разсвѣтѣ, онъ тронулся долиною Вида къ Тетевени, но пройдя верстъ десять развѣдчики донесли о приближеніи непріятельской кавалеріи. Сотня изготовилась къ бою. Спѣшенная ея половина заняла удобную для обороны позицію, на которой рѣшено было выждать противника. Оказалось, что на выстрѣлы отъ Градишницы, турки выслали изъ Тетевени полуэскадронъ регулярной кавалеріи. Казаки встрѣтили ихъ выстрѣлами, но непріятель непринявъ боя, повернулъ назадъ и скрылся, въ томъ-же направленіи откуда пришелъ. Пересѣченная, гористая, покрытая густымъ лѣсомъ мѣстность, непозволила преслѣдовать уходившихъ турецкихъ драгунъ, поэтому Тарасовъ, пробираясь горами, взялъ направленіе на Лесседру, недоходя которой верстъ 6-ти, оставилъ сотню ночевать въ лѣсу, самъ-же съ урядникомъ и поручикомъ Эрнротомъ, пѣшкомъ сталъ прокрадываться къ Тетевени. Исполнить это днемъ было опасно, поэтому онъ въ ущельѣ выждалъ сумерекъ и ночью, то взбираясь на горы, то спускаясь въ кручи, пробрался съ своими спутниками такъ близко къ городу, что видѣлъ огни въ домахъ; но разсмотрѣть, гдѣ укрѣпленія и какія онѣ, было невозможно. Рѣшили ждать разсвѣта, пріютившись въ гущѣ горы; но утренній туманъ застлалъ долину, что заставило Тарасова возвратиться къ сотнѣ и 8-го числа привести ее въ Микре.

Собранныя поручикомъ Эрнротомъ свѣдѣнія указывали, что въ Тетевени 500 человѣкъ низама, эскадронъ драгунъ, двѣ сотни черкесъ и баши-бузуки, но въ какомъ числѣ неизвѣстно. Это-же самое показывали, захваченные въ Градишницѣ помаки. На основаніи добытыхъ данныхъ, опредѣленъ былъ составъ отряда для экспедиціи противъ Тетевени.

7-го октября прибылъ въ Ловчу флигель-адъютантъ полковникъ

Орловъ, назначенный начальникомъ нашей кавалеріи и казачьей бригады, образованной изъ принадлежавшихъ отряду 24-го и 30-го полковъ. При началѣ кампаніи онъ былъ командиромъ послѣдняго, зналъ всѣхъ его чиновъ и потому его совѣты, при выборѣ изъ 30-го полка офицеровъ въ отдѣльныя командировки, были полезны. Начальникъ отряда рѣшилъ поручить экспедицію на Тетевень полковнику Орлову, такъ какъ его опытность и прежнія отличія представляли ручательство за успѣхъ предпріятія. Но прежде отправленія, генералъ лично ознакомилъ новаго бригаднаго командира со всѣми укрѣпленіями Ловчи и съ составленнымъ имъ планомъ экспедиціи.

Предполагалось, чтобы отрядъ Орлова выступилъ 10-го октября, на слѣдующій день перешелъ-бы отъ Микре къ Лесседрѣ и 12-го атаковалъ-бы Тетевень. Но въ ночь на 10-е, ординарецъ генерала Гурко привезъ отъ него письмо, съ увѣдомленіемъ, что 12-го онъ предполагаетъ атаку турецкихъ укрѣпленій при Горномъ-Дубнякѣ и Телишѣ, и проситъ выслать изъ Ловчи на Радомирцы летучій кавалерійскій отрядъ, который демонстрировалъ-бы къ Телишу, и этимъ облегчилъ-бы дѣйствія гвардіи. Какъ не было неудобно откладывать экспедицію и отмѣнять сдѣланныя распоряженія, тѣмъ не менѣе, немедленно было сообщено объ этомъ въ Траянъ—Антонову, въ Микре—Тарасову и въ Сельви—командиру 30-го полка Грекову, которому предписывалось форсированнымъ маршемъ выслать двѣ сотни въ Ловчу, откуда всѣ наличныя кавалерійскія части назначались въ летучій отрядъ.

10-го октября флигель-адъютантъ Орловъ, съ дивизіономъ драгунъ, тремя сотнями и взводомъ казачьей батареи, послѣ полудня, выступилъ черезъ Калиникъ и Огорчинъ, къ Аглену. Находившіеся тамъ баши-бузуки бѣжали. Перейдя р. Видъ, 11-го онъ прибылъ въ Радомирцы, и 12-го утромъ, какъ желалъ генералъ Гурко, появился въ виду Телиша. Летучій нашъ отрядъ не принималъ участія въ дѣлѣ, но былъ свидѣтелемъ атаки лейбъ-егерей, послѣ чего возвратился въ Ловчу. Всякому долженъ былъ понятенъ тотъ интересъ, съ которымъ мы ожидали возвращенія полковника Орлова. Отъ сопутствующихъ ему мы узнали, что телишскій редутъ защищали 4 табора, что атака однимъ полкомъ была предпринята безъ достаточной подготовки артиллеріею, что на вѣрный пушечный выстрѣлъ отъ редута, находилось возвышеніе, командовавшее укрѣпленіемъ, и между тѣмъ оставшееся незанятымъ.

Послѣдовавшее 12-го октября взятіе Горнаго Дубняка, гдѣ гвардія выказала столько доблести, было омрачено извѣстіемъ о громадныхъ ея потеряхъ и непроизвело того радостнаго впечатлѣнія, которое даетъ всякая побѣда. Смерть генерала Лаврова, опасныя раны генераловъ Розенбаха и Зедлера и другихъ лицъ, а равно и то, что четырехъ тысячный гар-

низонъ, съ 4-мя или 6-ю орудіями, могъ причинить такую убыль, тяжело отозвались на товарищахъ гвардейцевъ въ арміи.

По возвращеніи летучаго отряда въ Ловчу, немедленно было приступлено къ распоряженіямъ объ отправленіи экспедиціи на Тетевень, атака котораго теперь была назначена на 19-е октября. Въ составъ экспедиціи входили: въ лѣвую колонну, изъ Траяна: 1-я стрѣлковая рота Староингерманландскаго полка и полторы сотни 30-го казачьяго, подъ начальствомъ войсковаго старшины Антонова; въ правую — изъ Ловчи: 5-я линейная и 2-я стрѣлковая роты того же 9-го Староингерманландскаго полка, 5, 6, 7 и 2-я стрѣлковыя роты 12-го Великолуцкаго полка, дивизіонъ Казанскаго драгунскаго, сотня 24-го, двѣ сотни 30-го казачьихъ полковъ и 2 орудія казачьей № 19-й батареи; изъ Микре— сотня 24-го казачьяго полка. Итого: 7 ротъ, 2 эскадрона, $5^1/_2$ сотенъ и 2 орудія. Обѣ колонны ввѣрены, по ихъ соединеніи, полковнику Орлову, а пѣхота поручена командованію маіора 12-го полка Беатра. 17-го октября, утромъ, обѣ колонны выступили: Антонова—изъ Траяна къ Шипкову, Орлова — изъ Ловчи къ Микре. Начальникъ отряда провожалъ послѣднюю за линію ловчинскихъ укрѣпленій. На слѣдующій день Антоновъ долженъ былъ подойти къ Тетевени съ восточной стороны и недоходя верстъ трехъ, остановиться въ лѣсу, а Орловъ, пройдя Леседру, приблизиться съ сѣвера. Дабы лишить турокъ возможности уйти, начальникъ отряда приказалъ, по приходѣ въ Леседру, направить драгунъ съ двумя орудіями къ юго-западу, на дорогу изъ Тетевени въ Болгарскій Изворъ. Такимъ образомъ, обойденные съ востока и запада и атакуемые съ сѣвера, турки были бы приперты къ Бѣлому Виду и къ непроходимымъ утесамъ Балканъ, куда могли бы укрыться только одиночные люди. Но для пресѣченія и этой возможности избѣгнуть плѣна, Антонову было приказано перебросить нѣсколько казаковъ за Видъ, чтобы занять горныя тропы южной окраины города. Но не всѣ эти комбинаціи, какъ оказалось потомъ, были исполнены такъ, какъ предполагалъ начальникъ отряда. Измѣненія произошли, какъ почти всегда бываетъ на войнѣ, отъ обстоятельствъ, которыхъ никакимъ образомъ нельзя было предвидѣть заранѣе.

Переночевавъ съ 17-го на 18-е число въ Шипковѣ, Антоновъ прибылъ съ своею колонною подъ вечеръ къ Тетевени, недоходя котораго расположилъ роту и сотни скрыто въ лѣсу. На слѣдующій день, утромъ, онъ ожидалъ начала атаки нашихъ съ сѣвера, но около 10-ти часовъ утра, на выставленную имъ цѣпь неожиданно наткнулся довольно сильный разъѣздъ турокъ. Онъ моментально бросился назадъ и поднялъ тревогу въ лагерѣ и на укрѣпленіяхъ. Тогда Антоновъ, видя себя открытымъ, рѣшился занять оборонительную позицію у выхода изъ лѣса и выжидать на ней начала дѣйствій колонны флигель-адъютанта Орлова.

Но не прошло и часа, какъ нѣсколько турецкихъ ротъ, наступая густою цѣпью, стали обхватывать нашу позицію. Несмотря на это, стрѣлковая рота пользуясь прикрытіями, открыла мѣткій огонь и до 12-ти часовъ держала турокъ въ отдаленіи. Около часу дня Антоновъ получилъ, черезъ болгарина, записку флигель-адъютанта Орлова, объ отступленіи, если до часа не услышитъ его атаки съ сѣвера. Тогда спѣшившаяся сотня и рота, начали по немногу отходить перекатными цѣпями, а турки перешли въ наступленіе. Нѣсколько разъ они пробовали атаковать, но всякій разъ были удерживаемы огнемъ стрѣлковъ. Такимъ образомъ, Антоновъ верстъ 10-ть оттягивалъ за собою большую часть тетевинскаго гарнизона и тѣмъ значительно ослабилъ его сопротивленіе, противъ происходившей въ тотъ же вечеръ атаки укрѣпленій маіоромъ Беатромъ съ сѣвера.

Въ тотъ же день, какъ полковникъ Орловъ выступилъ изъ Ловчи, подъ вечеръ, по городу разнеслась молва, что 20-ти тысячный отрядъ турокъ, наступая отъ Орханіи, по софійскому шоссе, пришелъ въ Яблоницу, что авангардъ его по сю сторону Вида и что цѣль наступленія—взятіе Ловчи. Объ этомъ немедленно доложили генералу, который приказалъ полиціймейстеру, во чтобы ни стало, розыскать источникъ молвы. Оказалось, что молва пущена болгариномъ изъ окрестностей Яблоницы, слышавшимъ это отъ мальчика, бѣжавшаго изъ Орханіи. Часа черезъ два послѣдній былъ отысканъ и приведенъ къ начальнику отряда. Онъ показалъ, что при отступленіи турокъ въ августѣ мѣсяцѣ отъ Ловчи, былъ захваченъ и находился въ Орханіи, въ услуженіи у Шефкетъ-паши, гдѣ постоянно слышалъ о намѣреніи идти на Ловчу. Наканунѣ побѣга онъ видѣлъ, какъ большой отрядъ выступилъ по шоссе, какъ въ Орханіе привезли на множествѣ подводъ какія-то лодки и чугунныя вещи, а по дорогѣ болгары передавали ему, будто передовые таборы уже прошли Яблоницу. Какъ не казались невѣроятными показанія о движеніи на Ловчу, тѣмъ не менѣе, начальникъ отряда счелъ необходимымъ, на всякій случай, предупредить о нихъ полковника Орлова и предписалъ ему немедленно послать изъ Микре сильные разъѣзды черезъ турецкій Изворъ къ Виду и не выступать съ ночлега до ихъ возвращенія. Это было причиною, что 18-го числа колонна Орлова тронулась далѣе только послѣ двухъ часовъ дня.

Впослѣдствіи оказалось, что въ вышеприведенномъ разсказѣ была нѣкоторая доля правды. Турки, дѣйствительно, недѣли полторы назадъ выходили изъ Орханіи, на подкрѣпленіе Плевны, но узнавъ о взятіи Дубняка и о движеніи имъ на встрѣчу гвардейской кавалеріи, отступили. Что же касается лодокъ и чугунныхъ вещей, то послѣ взятія Орханіи, тамъ дѣйствительно захваченъ понтонный мостъ, который заготовляли для Виддина.

Что доставляемыя лазутчиками свѣдѣнія о намѣреніи турокъ дви-

нуться со всѣми сосредоточиваемыми у Орханіи силами на Ловчу—были вѣрны, подтверждается слѣдующими, теперь уже вполнѣ разъясненными фактами. По смѣнѣ главнокомандующаго дунайскою арміею, Мехмета-Али, Сулейманомъ, первый принялъ вновь формируемый отрядъ у Орханіи и составилъ планъ своего наступленія на Ловчу. „Что касается до плана наступленія орханійской арміи на Ловчу,"—писалъ Мехметъ-Али впослѣдствіи,—слѣдовательно, планъ этотъ существовалъ. На этомъ наступленіи, а равно и на томъ, чтобы Османъ-паша тронулся изъ Плевны на Сельви, весь августъ и сентябрь мѣсяцы настаивалъ Сулейманъ. „Для того, чтобы овладѣть дорогой въ Тырново и окончательно окружить противника,—писалъ Сулейманъ своему военному министру,—армія Османа-паши или часть ея, должна какъ можно быстрѣе и энергичнѣе двинуться на Сельви и Габрово" *).

Въ этихъ движеніяхъ онъ видѣлъ единственное средство побороть стойкость русскихъ на Шипкѣ и, вмѣстѣ съ этимъ, овладѣть нашимъ базисомъ у Тырнова.

Въ какой мѣрѣ линія Ловчи-Сельви была важна для турокъ въ общемъ планѣ веденія войны, видно еще изъ того, что еще 1-го іюля 1877 г. генералъ Клапка, въ представленномъ имъ мемуарѣ, совѣтовалъ дѣйствовать на Тырново отъ Ловчи.

Выступивъ изъ Микре въ 2 часа пополудни, колона флигель-адъютанта Орлова, 18-го числа, вечеромъ, при страшныхъ трудностяхъ, заняла 2-мя стрѣлковыми ротами и 2-й сотней 24-го полка, подъ начальствомъ капитана Глѣбъ-Кошанскаго, гору Биволь, въ 5-ти верстахъ отъ Тетевени. Чрезъ эту гору ведетъ единственный перевалъ изъ Леседры, вьющійся по длинному и трудно восходимому ущелью. 19-го числа, въ день, назначенный для совмѣстной атаки укрѣпленій, туманъ былъ такъ густъ, что въ 10-ти шагахъ нельзя было различать предметовъ и потому полковникъ Орловъ счелъ рискованнымъ начинать наступленіе. Не зная будетъ-ли возможность приступить къ нему и позднѣе, онъ послалъ Антонову записку объ отступленіи, если до часа пополудни не услышитъ выстрѣловъ. Но казавшееся неудачей послужило въ пользу. Отсрочка атаки съ сѣвера, была причиною обнаруженія непріятелемъ движенія отъ Траяна, что отвлекло отъ Тетевени значительную часть непріятельскаго отряда и облегчило дальнѣйшія наши дѣйствія. Около часа дня туманъ сталъ нѣсколько рѣдѣть. Прождавъ еще часъ, полковникъ Орловъ собралъ на совѣщаніе ротныхъ командировъ и маіора Беатра и въ виду риска наступленія въ подобную погоду, въ горахъ, когда день уже склонялся къ вечеру, спросилъ ихъ мнѣнія.

Маіоръ Беатръ и ротные командиры настойчиво и единогласно зая-

*) Процессъ Сулеймана-паши. Документы турецкаго суда.

вили, что они просятъ наступать и ручаются за успѣхъ. Было уже около 3-хъ часовъ, когда отрядъ тронулся съ горы въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шли 40 охотниковъ отъ вторыхъ стрѣлковыхъ ротъ 9-го и 12-го полковъ. Когда вызваны были охотники, то обѣ стрѣлковыя роты до единаго человѣка вышли впередъ. За охотниками слѣдовали обѣ названныя роты, имѣя боковые цѣпи и за ними 5-я рота 9-го полка.

Всѣ эти части были поручены начальству маіора Беатра. Ему приказано тогда только атаковать непріятельскія укрѣпленія, если онъ найдетъ возможнымъ взять ихъ безъ большихъ потерь, въ противномъ же случаѣ ограничиться рекогносцировкою.

Для обезпеченія тыла наступающихъ по пересѣченной и лѣсистой мѣстности ротъ, за ихъ флангами были направлены 5-я и 6-я роты Великолуцкаго полка. 7-я же рота того же полка, оставлена была при конно-артиллерійскомъ взводѣ, у деревни Леседры, потому что его орудія не могли быть никакимъ образомъ ввезены на гору Биволь. Одинъ эскадронъ драгунъ былъ двинутъ прямо изъ Леседры на Градишницу, а другой, для обезпеченія лѣваго фланга, занялъ въ пѣшемъ строю перевалъ и тропы отъ Бивеля влѣво. Прочія сотни должны были ихъ поддерживать.

Изъ этого распредѣленія частей видно, что никто не былъ посланъ на дорогу, по которой турки могли уйти къ Этрополю и занять которую было указано еще въ Ловчѣ. Полковникъ Орловъ потомъ объяснялъ, что это произошло вслѣдствіе того, что некому было поручить обходнаго движенія, такъ какъ командиръ 24-го полка полковникъ Шамшевъ, вслѣдствіе паденія съ лошади сильно ушибся.

Для изложенія самаго хода боя, обратимся къ подлиннымъ словамъ флигель-адъютанта Орлова, доносившаго начальнику дивизіи: „Маіоръ Беатръ, которому всецѣло принадлежитъ честь и слава побѣды, спустившись съ горъ, пошелъ съ двумя ротами вправо; не обращая вниманія на первое укрѣпленіе, подъ огнемъ котораго приходилось проходить, онъ оцѣнилъ, что ключъ непріятельской позиціи, составляетъ другое, на горѣ, командующей всею мѣстностью и пошелъ въ обходъ этой горы. Въ продолженіи 2-хъ часовъ люди лѣзли по страшной крутизнѣ, безъ остановки и отсталыхъ. Въ это время охотники, принявшіе лѣвѣе, уже завязали перестрѣлку съ турками, открывшими по нимъ огонь изъ всѣхъ укрѣпленій, что отвлекло ихъ вниманіе отъ движенія стрѣлковъ. Послѣдніе пользуясь туманомъ, передъ сумерками снова покрывшимъ ущелья, подошли безъ выстрѣла къ командующему укрѣпленію почти съ тыла и бросились на штурмъ. Въ одну минуту турки были выбиты и благодаря неожиданности атаки потеря наша заключалась всего въ одномъ убитомъ и трехъ раненыхъ 2-й стрѣлковой роты 9-го полка. Впереди всѣхъ, съ ружьемъ въ рукахъ, вскочилъ на брустверъ командиръ этой роты штабсъ-

капитанъ Яковлевъ, за что, на основаніи статута подлежитъ наградѣ крестомъ св. Георгія 4-й степени" *).

Часть оставшихся въ живыхъ турокъ бросилась изъ взятаго редута въ слѣдующій, но такъ какъ первый господствовалъ надъ всѣми, то выстрѣлами сверху, стрѣлки и 5-я рота заставили непріятеля броситься изъ укрѣпленій къ городу. Къ несчастію, наступившіе сумерки, при густомъ туманѣ, не дозволили продолжать пораженіе противника. Роты, выставивъ къ сторонѣ города охранительныя цѣпи, провели ночь на отбитыхъ укрѣпленіяхъ. На слѣдующій день, 20-го октября, съ разсвѣтомъ, всѣ двинулись впередъ, но непріятеля уже не оказалось. Устрашенные взятіемъ главнаго верхняго редута и видя невозможность бороться съ такими молодцами, какими заявили себя Старoингерманландцы и Великолужцы, турки, хотя и развели съ вечера на своей позиціи костры, но въ 2 часа ночи бѣжали за Бѣлый Видъ, по тропамъ, ведущимъ въ горы къ Этрополю и Златицѣ. По словамъ жителей они увезли своихъ раненыхъ на 100 подводахъ. Бросивъ скотъ, ящики съ патронами и шанцовый инструментъ, турки бѣжали до того поспѣшно, что не успѣли, противъ своего обыкновенія, совершить ни малѣйшаго звѣрства въ городѣ, но сожгли лежавшую на ихъ пути деревню за Видомъ. Общая наша потеря заключается въ одномъ убитомъ, 4-хъ раненыхъ и 17-ти контуженныхъ нижнихъ чинахъ, а въ колоннѣ Антонова—1 раненъ и 2 пропало безъ вѣсти.

Такая малая убыль объясняется лишь тѣмъ, что значительная часть непріятеля была отвлечена преслѣдованіемъ колонны Антонова, затѣмъ сосредоточеніемъ всего огня турокъ противъ 40 охотниковъ, которые укрывшись за камнями не несли никакой потери, а главное тѣмъ, что стрѣлковыя роты, благодаря туману, подойдя безъ выстрѣла, были замѣчены лишь тогда, когда ворвались въ редутъ съ тыла. Многіе были обязаны спасенію отъ ранъ еще тому, что имѣли поверхъ скатанныхъ шинелей полотнища палатокъ, получившіе отъ дождя и тумана до того плотную поверхность, что пули, пробивъ только холстъ, останавливались въ шинеляхъ, или скользили по упруго мокрому полотну. Турокъ убито болѣе 100; ихъ было 600 человѣкъ регулярной пѣхоты и 150 драгунъ и черкесовъ.

„Назвать тѣхъ офицеровъ, которые отличались,—продолжаетъ въ своемъ донесеніи флигель-адъютантъ Орловъ,—значило бы назвать всѣхъ. Всѣ до послѣдняго солдата, рва́лись свято исполнить свой долгъ царю и отечеству. Особую награду заслуживаетъ маіоръ Беатръ, благодаря которому одержана побѣда, взято семь большихъ и малыхъ редутовъ и занятъ городъ".

*) Онъ получилъ потомъ вмѣсто Георгія, орденъ Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ.

На основаніи статута полковникъ Орловъ, ходатайствовалъ о награжденіи этого достойнаго штабъ-офицера орденомъ св. Георгія, какъ взявшаго сильно укрѣпленную позицію *).

20-го октября, въ 10 часовъ утра, роты и сотни, при колокольномъ звонѣ, вступили въ Тетевень. Жители, имѣя духовенство впереди, бросились на встрѣчу войскамъ; нѣсколько болгаръ, бывшихъ въ изгнаніи и заточеніи, вернулись въ свои семьи. Въ соборѣ былъ тотчасъ же отслуженъ молебенъ и съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Тетевень, въ первый разъ своды его православнаго храма огласились молитвами, о благоденствіи нашего Монарха и о дарованіи побѣды нашему войску.

Осмотрѣвъ всѣ позиціи, полковникъ Орловъ передалъ начальство надъ оставленными въ Тетевени 4-мя ротами Великолуцкаго полка и сотнею казаковъ маіору Беатру, 20-го числа, послѣ полудня выступилъ съ остальными кавалерійскими частями къ Турскому Извору.

Донося объ успѣхѣ экспедиціи Великому Князю Главнокомандующему, начальникъ отряда заключилъ свой рапортъ слѣдующимъ: „Донося о взятіи и занятіи Тетевени, смѣю съ своей стороны просить о наградѣ флигель-адъютанта полковника Орлова, за отличное исполненіе возложеннаго на него труднаго порученія, производствомъ его, по занимаемой имъ должности бригаднаго командира, въ генералъ-маіоры и о дозволеніи представить къ наградамъ отличившихся офицеровъ“.

Въ тотъ самый день, когда должна была происходить атака Тетевени, именно 19-го октября вечеромъ, начальникъ отряда получилъ отъ Его Высочества Главнокомандующаго слѣдующую телеграмму: „Немедленно вышли форсированнымъ маршемъ цѣлую бригаду въ Турскій Изворъ и оттуда дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ, къ Яблоницѣ и Луковицамъ. Увѣдомляй меня прямо о всемъ, что будетъ происходить въ отрядахъ“.

Въ моментъ полученія этой телеграммы, т. е. 19-го октября, въ 6 часовъ вечера, въ Ловчѣ цѣлой бригады на лицо не было, такъ какъ изъ Великолуцкаго полка 2-й батальонъ былъ посланъ къ Тетевени, а ожидаемый изъ Тырнова 10-й Новоингерманландскій полкъ еще не прибылъ, хотя и ожидался къ разсвѣту 20-го. Тѣмъ не менѣе, начальникомъ отряда было рѣшено: отправить въ Яблоницу весь Псковскій и два батальона Великолуцкаго полка, а второму его батальону, по прибытіи на его смѣну батальона 10-го полка, идти изъ Тетевени на присоединеніе къ своему полку. Такимъ образомъ вся 2-я бригада, въ полномъ составѣ, какъ и желалъ Великій Князь, направлялась за рѣку Видъ. Всѣхъ принадлежащихъ ей 3-хъ батарей, въ виду свѣдѣній о трудной проходимости горныхъ дорогъ, ей придано не было, а послана только

*) Маіоръ Беатръ вмѣсто Георгія получилъ золотое оружіе.

6-я (4-хъ фунтовая) батарея. При форсированномъ маршѣ, которымъ должны были идти полки, тяжелыя орудія непремѣнно замедлили бы движеніе бригады.

Потребованные въ ту же минуту по полученіи депеши, къ начальнику отряда: командиръ бригады генералъ-маіоръ Давыдовъ и командиры полковъ,—11-го Псковскаго полковникъ Зубатовъ и 12-го Великолуцкаго полковникъ Рыдзевскій, для полученія приказаній и наставленій, заявили, что главное затрудненіе будетъ въ сухаряхъ, такъ какъ 8-ми дневный запасъ интендантствомъ еще не пополненъ.

Дѣйствительно, въ отношеніи провіанта положеніе полковъ было незавидное. Съ 1-го октября въ Ловчу не приходило ни одного транспорта, и войска, какъ было упомянуто выше, довольствовались печенымъ хлѣбомъ собственнаго заготовленія. Его было въ запасѣ всего на 3 дня впередъ, значитъ хватило бы только до прихода въ Яблоницу. Хотя и было ясно, что перейдя Видъ бригада войдетъ въ составъ отряда генерала Гурко, но гдѣ онъ, богатъ ли его отрядъ сухарными запасами, что найдетъ бригада въ Яблоницѣ,—все это было совершенно неизвѣстно. Къ счастію, въ это самое время, явился къ начальнику отряда командиръ 10-го полка полковникъ графъ Комаровскій. На вопросъ, есть ли у полка сухари? Онъ отвѣтилъ, что весь пополненный въ Тырновѣ 8-ми дневный запасъ въ цѣлости, везется за полкомъ. Тогда сдѣлано было распоряженіе: немедленно по прибытіи обоза 10-го полка, передать всѣ его сухари въ полки 2-й бригады, которая такимъ образомъ обезпечивалась провіантскимъ довольствіемъ на 6-ть дней. Что касается другихъ хозяйственныхъ распоряженій, передъ внезапнымъ выступленіемъ, то начальникъ отряда приказалъ: 1) полковые околодки закрыть, передавъ всѣхъ больныхъ, частію въ дивизіонный лазаретъ, частію въ имѣющій прибыть 10-й полкъ. которому немедленно открыть усиленный околодокъ; 2) полковыя мастерскія, уже съ мѣсяцъ начавшія разныя исправленія обоза и оружія, а равно и нестроевыя роты полковъ, оставить въ Ловчѣ впредь до распоряженія; 3) такъ какъ вслѣдствіе распутицы въ горахъ, патронные ящики и лазаретныя кареты предстояло везти шестериками, то провіантскихъ телѣгъ взять лишь половину, вполнѣ достаточную для 4-хъ дневнаго сухарнаго запаса, а лошадей другой половины подпречь подъ ящики; 4) музыкантскіе хоры временно оставить въ Ловчѣ, съ тѣмъ, что они присоединятся къ полкамъ, когда къ нимъ будутъ посланы нестроевыя роты и остальная часть обоза.

20-го октября, въ одно и тоже время, 2-я бригада выступила изъ Ловчи, на западъ, въ Микре, а 10-й полкъ вступалъ въ нее съ юга, изъ Сельви. Съ первою былъ посланъ и начальникъ штаба дивизіи, на особую заботливость котораго возложено было доставленіе начальнику отряда возможно частыхъ свѣдѣній о всемъ, что будетъ происходить въ

бригадѣ. Вступившему полку недолго пришлось пользоваться отдыхомъ. На другой же день 2-й его батальонъ, подъ командою маіора Кобордо 2-го, посланъ былъ въ Тетевень, на смѣну батальона Великолуцкаго полка. Въ то же время начальникъ отряда отправилъ полковнику Орлову предписаніе: по взятіи Тетевени, со всѣми, находившимися въ его распоряженіи кавалерійскими частями, образовать передовой летучій отрядъ 2-й бригады и идти за рѣку Видъ, роты же 9-го полка возвратить въ Ловчу.

По выступленіи выше названныхъ частей, въ Ловчѣ остались: 2-й батальонъ 9-го Староингерманландскаго и 1-й и 3-й батальоны 10-го Новоингерманландскаго полковъ, съ 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю батареями (5-я батарея еще была въ Сельви и 6-я послана съ 2-ю бригадою). Но вскорѣ и этотъ составъ ловчинскаго гарнизона уменьшился.

Среди заботъ о дальнѣйшемъ продовольствіи ушедшихъ частей дивизіи и въ виду предположенія, что къ отряду генерала Гурко интендантскіе транспорты могутъ приходить, по дальности отъ главныхъ складовъ, еще неакуратнѣе чѣмъ въ Ловчу, было узнано, что въ окрестностяхъ Извора, находится масса оставленныхъ въ полякъ турецкихъ хлѣбовъ, поэтому начальникъ отряда счелъ необходимымъ устроить тамъ промежуточный пунктъ хлѣбопеченія, собственно для 2-й бригады. Для этой цѣли 5-я, 6-я и 7-я роты 9-го полка были отправлены въ Турскій Изворъ, подъ командою маіора Духовскаго. Онъ былъ назначенъ комендантомъ этого мѣстечка и на него была возложена операція обмолоченія зерна, его перемолъ и выпечка хлѣба и сухарей. Чтобы не пропали хлѣба съ полей у Тороса, Духовской послалъ туда 7-ю роту. Въ теченіи трехъ недѣль, изъ Извора были отправляемы въ 11-й и 12-й полки, частію на подводахъ, частію на присланныхъ изъ полковъ повозкахъ хлѣбъ, лепешки и сухари. Туда же въ теченіи ноября мѣсяца направлены были два интендантскіе транспорта съ сухарями, съ усиліями вытребованные собственно для Ловчи изъ Систова. Такимъ образомъ начальникъ нашего отряда употреблялъ всѣ средства для того, чтобы 2-я бригада не терпѣла недостатка въ продовольствіи, хотя за причисленіемъ ея къ постороннему отряду, это и не входило въ кругъ его обязанностей.

Какъ только горныя дороги поправились, то были отправлены ко 2-й бригадѣ 2-я и 5-я батареи.

22-го октября начальникъ отряда, вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ изъ Сельви генераломъ Дандевилемъ, ѣздилъ въ главную квартиру, чтобы лично представить Главнокомандующему реляцію о тетевинской экспедиціи. Въ Боготѣ они никого не нашли, потому что въ этотъ самый день весь составъ полеваго штаба сопровождалъ Государя Императора въ Медованъ. Поэтому реляція была передана начальнику строеваго отдѣленія штаба арміи. На другой день, когда Его Величество, на обрат-

номъ пути въ Парадимъ, завтракалъ у Великаго Князя въ Боготѣ, реляція была, при всѣхъ, прочитана Государю Императору и заслужила милостивое одобреніе. Въ слѣдующій же пріѣздъ въ главную квартиру, начальникъ полеваго штаба выразилъ начальнику отряда свое удовольствіе, по поводу яснаго изложенія реляціи, а Великій Князь сказалъ: „Всѣ твои донесенія такъ дѣльны и основательны, какъ только желательно. Такъ всегда и должно быть; спасибо тебѣ за это". Воспользовавшись этимъ, генералъ исходатайствовалъ у Его Высочества пожалованія всѣмъ частямъ, участвовавшимъ во взятіи Тетевени, георгіевскіе кресты. Ихъ было дано по четыре на роту и по два на каждую сотню и эскадронъ. Тогда же были сданы въ наградное отдѣленіе штаба арміи и представленія къ наградамъ отличившихся офицеровъ.

Между тѣмъ 2-я бригада шла къ Яблоницѣ далеко не форсированно. Дойдя въ два дня до Турецкаго Извора, генералъ-маіоръ Давыдовъ остановился тамъ для дневки, не только 22-го, но и 23-го октября, потому, что патронные ящики и другія повозки отстали отъ полковъ и двое сутокъ, не смотря на подпряжку шестериками, промучились въ горахъ. Подобная, невольная остановка, при приказаніи идти форсированно, была тѣмъ досаднѣе, что, при болѣе быстромъ движеніи, бригада, придя въ Яблоницу 22-го, т. е. двумя днями раньше, чѣмъ пришла, вѣроятно могла бы отрѣзать если не всѣ таборы уходившаго отъ Луковицы Шевкета-паши, то его обозы. Генералъ Давыдовъ находилъ необходимымъ остановиться на два дня въ Изворѣ еще для того, чтобы собрать тамъ свѣдѣнія о мѣстныхъ средствахъ продовольствія бригады.

Надо полагать, что промедленіе въ пути было причиною, что, при новой поѣздкѣ начальника отряда 29-го октября въ Боготъ, Его Высочество приказалъ назначить командующимъ 2-ю бригадою генерала Дандевиля, а генерала Давыдова приказалъ отозвать къ 1-й бригадѣ. Перемѣщеніе этихъ генераловъ, одного на мѣсто другаго, не могло совершиться немедленно, потому что посланная къ Дандевилю депеша не застала его. Онъ въ то время производилъ рекогносцировки Розелитскаго и Траянскаго переваловъ и могъ прибыть въ Яблоницу лишь 3-го ноября.

Прежде нежели говорить о перенесеніи дѣйствій ловче-сельвинскаго отряда къ Балканамъ и разслѣдованіи ихъ проходовъ, обратимся снова къ распоряженіямъ по устройству продовольствія. До сихъ поръ для заготовленія хлѣба на $6^1/_2$ тысячъ человѣкъ (бригада пѣхоты 5 тысячъ, 5 батарей артиллеріи — 900 человѣкъ и 5 сотенъ казаковъ—600 человѣкъ) достаточно было 25 полевыхъ печей, устроенныхъ въ концѣ сентября и въ первой половинѣ октября. Хотя 2-я бригада и ушла въ Яблоницу, но довольствіе ея озабочивало начальника отряда, къ которому между тѣмъ прибылъ 10-й полкъ; поэтому пришлось приготовлять хлѣбъ слишкомъ на 9-ть тысячъ, такъ что нужно было прибавить еще 15 пе-

*

чей. Всѣ эти 40 печей помѣщались вмѣстѣ, въ одну линію, въ оврагѣ, находившемся на выходѣ изъ города, къ западу отъ плевнинскаго шоссе. Болѣе 150-ти хлѣбопековъ посмѣнно работали день и ночь. Дабы они не теряли времени на ходьбу въ свои роты къ обѣду, ужину и для ночлега, изъ нихъ составлена была особая команда, съ отдѣльнымъ хозяйствомъ, а для помѣщенія были построены два теплыхъ балагана-землянки и возлѣ нихъ два погреба для склада, одинъ для хлѣба, а другой для сухарей. Всѣ эти постройки, вмѣстѣ съ постоянно дѣйствующими печами, представляли видъ какого-то подземнаго завода. Сначала надзоръ за хлѣбопеченіемъ и веденіе учета было возложено на дивизіоннаго интенданта, но съ увеличеніемъ операціи по закупкѣ зерна и его перемола, къ хлѣбопеченію приставленъ былъ особый офицеръ.

Выше упомянуто, что на закупку зерна отряду отпущены были 8,000 рублей. Въ счетъ этой суммы были наняты интендантомъ два смѣтливыхъ и распорядительныхъ болгарина, изъ знающихъ всѣ окрестныя села. Къ каждому изъ нихъ приданы по два унтеръ-офицера и по два казака и, такимъ образомъ, образовалось двѣ партіи закупщиковъ хлѣба въ зернѣ. Эти агенты, разъѣзжая по окрестнымъ деревнямъ, закупали у болгаръ пшеницу, кукурузу, рожь и ячмень, выдавали за нихъ задатки, а окончательный разсчетъ производился по доставкѣ зерна въ Ловчу. Подвозъ былъ до того успѣшенъ, что интендантъ и его секретарь цѣлый день были заняты то расплатою, то сдачею зерна на мельницы и пріемкою съ нихъ муки. Въ теченіи трехъ недѣль было закуплено и свезено столько, что продовольствіе 5-ти тысячнаго отряда могло уже быть обезпечено по 1-е февраля, и это стоило казнѣ всего 8,000 рублей. Другими словами, провіантское довольствіе человѣка, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, обошлось бы правительству не дороже 1 р. 75 к. металлическихъ. Такъ какъ пшеничный хлѣбъ скоро пріѣдался солдатамъ, то выпекали его, перемѣшивая одинъ пудъ пшеничной съ $^1/_2$ пудомъ кукурузной и $^1/_4$ пудомъ ржаной муки.

Усиленное хлѣбопеченіе и особенно пересушка въ сухари требовали огромнаго количества дровъ, добыть которые представляло большое затрудненіе. Сырые дрова выпекали дурно и, главное, крайне медленно, а время было дорого. Пустые турецкіе дома, отведенные на окраинахъ города въ сломку, исчезали одинъ за другимъ, и хотя такихъ домовъ оставалось еще много въ предмѣстьяхъ, но гражданскій окружный начальникъ упорствовалъ въ отводѣ ихъ на дрова, ссылаясь на то, что ему приказано сберегать ихъ для болгаръ. Сознавая, что слѣдовало бы прежде позаботиться о войскахъ, а потомъ уже о болгарахъ, начальникъ отряда приказалъ полиціймейстеру назначать на сломку дома по его усмотрѣнію, не обращая вниманія на заявленіе гражданскаго начальника. Это

дало возможность прибавлять къ сырымъ, привозимымъ изъ отведеннаго участка дровамъ, треть сухихъ.

Распоряженіе это, почему-то не согласное съ видами нашихъ гражданскихъ дѣятелей, навлекло на отрядъ не мало неудовольствій. Всякій случай столкновенія нижнихъ чиновъ съ жителями, вносился начальникомъ гражданскаго управленія въ срочныя донесенія; о всякомъ захватѣ овцы, или клока сѣна, доносилось какъ о необыкновенномъ происшествіи князю Черкасскому, а князь писалъ начальнику штаба, который, именемъ Главнокомандующаго, объявлялъ замѣчанія. По справкѣ же оказывалось, что или виновный уже понесъ наказаніе, или претензія жалующагося давно удовлетворена.

Насколько провіантское довольствіе было обезпечено, настолько же были сильны опасенія о фуражномъ. До октября мѣсяца артиллерія и полки могли еще, или покупать сѣно у болгаръ, или косить его въ турецкихъ поляхъ, по деревнямъ, отстоявшимъ за шесть и болѣе верстъ отъ Ловчи, куда они отправляли цѣлыя команды. Съ приходомъ гвардейскаго корпуса и массы артиллерійскихъ частей и парковъ подъ Плевну, послѣдній источникъ живо исчезнулъ, но, со взятіемъ Тетевени, очистилась отъ турокъ вся мѣстность между рѣкою Видомъ и траянскимъ шоссе. На этомъ пространствѣ оказалось громадное количество уже собраннаго, отличнаго сѣна, принадлежавшаго бѣжавшимъ изъ деревень туркамъ.

Особеннымъ обиліемъ и качествомъ отличались стоги, находившіеся около деревень Галаты, Леседры, Малки-Желязной и по долинѣ Бѣлаго Вида. Вмѣсто того, чтобы правильно воспользоваться богатствомъ фуража, котораго для всѣхъ достало бы до февраля мѣсяца, большая половина этой драгоцѣнности пропала и для правительства и для войскъ. Масса нахлынувшихъ изъ-подъ Плевны и изъ-за Вида артиллерійскихъ и кавалерійскихъ фуражировъ растаскивала стога, какъ хотѣла. Ловчу запрудили пустые интендантскіе транспорты и наемные парки, заслышавшіе о богатствѣ фуража въ занятомъ до Тетевени пространствѣ. Они какъ саранча налетѣли туда и возвращались нагруженные сѣномъ. Все это доставляло выгоду поставщикамъ погонцевъ и компаніи товарищества, но не казнѣ. Бросавшіеся за фуражомъ увозили сѣно кто куда хотѣлъ, а болгары, видя подобную неурядицу, воспользовались ею и открыли торговлю турецкимъ сѣномъ, называя его своимъ. Тогда начались захваты силою. Такъ, подводы, нанятыя однимъ полкомъ, на половинѣ пути отбивались фуражирами другаго, если были сильнѣе, и часто сѣно, купленное на чистыя деньги, увозилось даромъ. Въ теченіи трехъ съ половиною мѣсяцевъ, въ этотъ, можно сказать, неизчерпаемый и богатый край, гдѣ въ изобиліи находился скотъ, зерно и сѣно, не явилось ни одного интендантскаго чиновника, ни одного агента. Въ то время,

какъ интендантскіе транспорты мучились на непроходимыхъ дорогахъ, везя сухари изъ-за Дуная, и войска терпѣли нужду или платили подъ Плевною за фуражъ страшныя деньги, въ 50-ти верстахъ отъ нея былъ непочатый край для довольствія арміи.

Богатство Болгаріи между Дунаемъ и Балканами было таково, что до октября мѣсяца и плевненская армія и отряды, занимавшіе Ловчу, Сельви, Гаврово, Шипку—не получившіе ни одного фунта мяса изъ-за Дуная, ни одного пуда сѣна отъ интендантства, находили все на мѣстѣ. Да и послѣ октября, только арміи обложенія Плевны и стоявшимъ на Шипкѣ, приходилось фуражировать подальше, верстъ за 30-ть отъ стоянки. Этому богатству края потомъ не вѣрили и не имѣли о немъ понятія до такой степени, что выражали сомнѣніе, довольствовали ли мы солдата полною фунтовою порціею мяса, тогда какъ его отпускалось всегда въ волю, почти безъ вѣса. Къ купленному по положенію, роты и сотни почти постоянно прибавляли даровое, или изъ отбитаго у баши-бузуковъ, или изъ гулявшихъ безъ присмотра стадъ, брошенныхъ турецкихъ деревень. До сихъ поръ принадлежащими интендантству лицами выражается удивленіе, какимъ образомъ 300 тысячъ, состоявшихъ на довольствіи и сосредоточенныхъ на пространствѣ, имѣвшемъ 140 верстъ въ длину, отъ Дуная до Балканъ, и 100 верстъ въ ширину, отъ Лома и Янтры до Вида, могли довольствоваться мясомъ, въ теченіи полугода, не получая ни одного гурта изъ Россіи. Мало того, что мы имѣли мясо въ избыткѣ, но даже не замѣчали, чтобы отъ этого количество скота сокращалось. Не было роты, которая не держала бы 3 или 4 пары воловъ, для перевозки своихъ лопатъ, мѣшковъ, ротнаго котла и проч. Вотъ какъ мало знали о средствахъ края, въ которомъ предстояло вести войну.

Для сохраненія фуража, въ окрестностяхъ Ловчи, отъ расхищенія и для водворенія порядка при его пріобрѣтеніи, начальникъ отряда приказалъ поставить особые казачьи посты въ деревняхъ. Съ тѣхъ поръ почти ежедневно приводили въ Ловчу солдатъ разныхъ частей, особенно же артиллерійскихъ парковъ, арестованныхъ за захватъ чужаго сѣна. Не прошло и трехъ недѣль со взятія Тетевени, какъ его не осталось и половины; впрочемъ и этой половины было достаточно до самаго выступленія отряда за Балканы, не смотря даже на то, что по взятіи Плевны, въ ловчинскій районъ пришла вся 1-я кавалерійская дивизія и 3-я стрѣлковая бригада.

Гражданскія власти спохватились о необходимости сохранить хоть что нибудь, въ то время, когда не осталось и десятой доли. Вѣроятно онѣ жаловались, что военныя власти не содѣйствуютъ имъ, потому что начальникъ отряда получилъ отъ начальника полеваго штаба такую де-

пешу: „Прошу содѣйствовать ловчинскому окружному начальнику въ охраненіи турецкаго сѣна и другихъ припасовъ“ *).

Въ послѣднихъ числахъ октября посѣтилъ Ловчу принцъ Арнульфъ баварскій, съ своимъ адъютантомъ. Въ продолженіи двухъ дневнаго пребыванія въ Ловчѣ, принцъ подробно осматривалъ всѣ наши укрѣпленія и тѣ позиціи, которыя обороняли турки 22 августа. Начальникъ отряда лично объяснялъ его высочеству цѣль и назначеніе каждой батареи; а также—различные фронты обороны и расположеніе на нихъ войскъ въ случаѣ тревоги. Взбираясь по каменистымъ крутизнамъ, принцъ удивлялся трудности произведенныхъ работъ и выражалъ похвалы, какъ избранію позицій, такъ и бодрому виду занимавшихъ ихъ войскъ. Узнавъ, что на-дняхъ предпринимается изъ Сельви поискъ въ горы, его высочество изъявилъ желаніе принять въ немъ участіе и получивъ согласіе начальника отряда, 27-го октября, послѣ ранняго завтрака, выѣхалъ въ Сельви.

1-го ноября, вѣроятно вслѣдствіе представленія генерала Гурко, начальникъ отряда получилъ повелѣніе Главнокомандующаго, усилить тетевенскій гарнизонъ еще однимъ батальономъ. Почему встрѣтилась въ этомъ надобность, осталось неизвѣстнымъ. Что тамъ вполнѣ было достаточно одного батальона, это вскорѣ подтвердилось фактомъ; но во исполненіе воли Главнокомандующаго, туда былъ отправленъ 1-й батальонъ 10-го Новоингерманландскаго полка и такъ какъ большая часть этого полка такимъ образомъ сосредоточивалась въ Тетевени, то вмѣстѣ съ батальномъ отправился полковой командиръ, полковникъ графъ Комаровскій, и съ нимъ 2-я сотня 24-го казачьяго полка. Покуда они шли къ мѣсту назначенія, 4-го ноября турки сдѣлали нападеніе на городъ, но были, какъ окажется ниже, отбиты, занимавшимъ его 2-мъ батальономъ. За день до этого, партія баши-бузуковъ и черкесовъ, пройдя черезъ Балканы отъ Рахманны на Шибково, оттѣснила наши посты, державшіе сообщеніе между Тетевенемъ и Траяномъ. Доносившему объ этомъ войсковому старшинѣ Антонову, начальникъ отряда предписалъ немедленно отправить цѣлую сотню въ Тетевень, на встрѣчу той, которая выступитъ изъ этого города, о чемъ былъ посланъ нарочный къ маіору Коборда 2-му. Обѣ сотни должны были сойтись у Шибкова и затѣмъ возстановить прерванное сообщеніе. Появленіе сотенъ съ обѣихъ фланговъ, заставило турокъ быстро скрыться въ горы и такимъ образомъ 3-го числа сообщеніе было возстановлено.

Демонстрація турокъ между Траяномъ и Тетевенемъ указывала на то, что они замышляютъ что-то, противъ котораго либо изъ этихъ пунктовъ. Предположеніе это оправдалось. 4-го ноября, въ 9 часовъ утра, разъѣзды донесли маіору Коборда, о появленіи непріятеля отъ Златицы.

*) Депеша изъ Богота, № 413.

Вызванныя по тревогѣ роты, быстро заняли, по заранѣе указанной диспозиціи, укрѣпленія и западную сторону города. Съ 10-ти до 12-ти часовъ, турки нѣсколько разъ пробовали подходить къ нашей позиціи и нѣсколько разъ были останавливаемы выстрѣлами изъ берданокъ, залегшей за плетнями, спѣшенной сотни. Послѣ полудня они ввели въ дѣло оба свои табора и подошли настолько близко, что казаки отступили, а роты вооруженныя еще винтовками Крынка, открыли учащенный огонь. Въ тоже время одна изъ ротъ, пройдя садами, стала обходить правый флангъ турокъ. Боясь больше всего обходовъ, они въ 4 часа начали отходить къ тому же Златицкому перевалу, по которому пришли. Потеря наша при отраженіи состояла всего въ одномъ убитомъ и двухъ раненыхъ стрѣлкахъ. Въ этотъ же день вечеромъ, но уже послѣ отбитія нападенія, прибылъ въ Тетевень графъ Комаровскій, съ 1-мъ батальономъ.

Первые дни ноября, по всей линіи сѣвернаго склона Балканъ, входившаго въ раіонъ ловче-сельвинскаго отряда, т. е. отъ Острецa до рѣки Вида, турки обнаруживали частыя демонстраціи. На правомъ флангѣ линіи они явно желали вновь овладѣть Тетевенью; въ центрѣ пробовали прорвать сообщеніе между этимъ городомъ и Траяномъ и на лѣвомъ флангѣ, у Розелитскаго перевала, распускали слухи, что спустятся съ него въ числѣ 2-хъ тысячъ и уничтожатъ всѣ болгарскія селенія сѣвернаго склона. Все это вмѣстѣ заставило начальника отряда подтвердить старшимъ на постахъ, объ усиленіи бдительности и о принятіи мѣръ противъ всякой случайности, а затѣмъ предпринять цѣлый рядъ разслѣдованій и рекогносцировокъ по сѣвернымъ склонамъ.

Хотя всѣ эти изслѣдованія подробно описаны въ статьѣ о дѣйствіяхъ траянскаго отряда и взятія съ боя Траянскаго перевала *), тѣмъ не менѣе, для общей связи событій въ ловче-сельвинскомъ отрядѣ, считаемъ необходимымъ вкратцѣ упомянуть о нихъ.

Починъ разслѣдованій путей на Балканы въ выше указанномъ районѣ, палъ на долю, столь потомъ отличившагося генерала Дандевиля. Въ концѣ октября, по званію командующаго 1-ю бригадою нашей дивизіи, онъ находился въ Сельви. Съ разрѣшенія начальника отряда, 28-го октября онъ съ двумя ротами 9-го Староингерманландскаго полка и сотнею 30-го казачьяго, выступилъ изъ Острица къ Розелитскому перевалу. Прибывшій къ тому дню въ Сельви принцъ Арнульфъ баварскій, принималъ участіе въ этой рекогносцировкѣ. На серединѣ подъема турки встрѣтили нашу цѣпь огнемъ и такъ какъ генералъ Дандевиль не имѣлъ въ виду, съ такими незначительными силами, вдаваться въ бой, то и отошелъ къ Острецу. На слѣдующій день и затѣмъ 31-го октября онъ перешелъ къ Траяну съ цѣлью осмотрѣть тамошній подъемъ, но тамъ за-

*) „Военный Сборникъ“ 1879 года, № 1 и „Сборн. Воен. расказовъ“, томъ III.

стало его приказаніе немедленно отправиться въ Яблоницу и принять 2-ю бригаду.

Въ концѣ октября, прибылъ въ Ловчу изъ главной квартиры, въ распоряженіе начальника отряда, генеральнаго штаба подполковникъ Сухомлиновъ, которому за командировкою полковника Тимрота со 2-ю бригадою, приказано было временно исполнять должность начальника штаба какъ отряда, такъ и 3-й дивизіи. Прибытіе этого штабъ-офицера было весьма кстати. Такъ какъ онъ при первомъ свиданіи передалъ начальнику отряда желаніе Главнокомандующаго, чтобы мы заняли балканскіе перевалы у Траяна и Розелита, то на него и было возложено подробное ихъ разслѣдованіе и изученіе. Но прежде этого онъ былъ отправленъ въ Тырново, уладить дѣло о доставленіи оттуда сухарей въ Ловчу, для отправленія ихъ въ Псковскій и Великолуцкій полки, довольствіе которыхъ сильно озабочивало нашего генерала. Этимъ путемъ удалось получить изъ Тырнова транспортъ съ двумя тысячами пудовъ, которые и были отправлены прямо въ Этрополь, гдѣ въ то время уже находилась 2-я бригада.

2-го ноября войсковой старшина Афанасьевъ получилъ въ Острецѣ, вышеупомянутое свѣдѣніе о занятіи турками, въ числѣ будто бы 2-хъ тысячъ Розелитскаго перевала. Чтобы убѣдиться въ истинѣ, онъ рѣшился съ 4-ю ротою 9-го полка и своею сотнею подняться на высочайшую вершину Балканъ—Мара-Гайдукъ. Когда наши подходили къ вершинѣ, турки открыли огонь съ такого разстоянія, что пули ихъ не причиняли вреда. Когда же рота и спѣшенные казаки стали обходить ихъ укрѣпленіе съ обоихъ фланговъ, то они бѣжали. Оказалось, что ихъ было не болѣе 300. Лагерь ихъ былъ сожженъ и наши смѣльчаки, оставивъ на вершинѣ казачій постъ и болгарскій караулъ, возвратились въ Острецъ. Опасаясь, чтобы турки вновь не заняли перевала, начальникъ отряда поручилъ осмотрѣть его подполковнику Сухомлинову, что было исполнено съ неимовѣрными трудностями и убѣдило въ невозможности предпринять зимою переходъ черезъ Балканы въ этомъ направленіи.

Объ изслѣдованіи Розелитскаго подъема и отбитіе турокъ отъ Тетевени, 7-го ноября было лично доложено начальникомъ отряда главнокомандующему въ Боготѣ. Не смотря на всю непреодолимость пути черезъ Мара-Гайдукъ, Его Высочество выразилъ желаніе, чтобы первая бригада подготовляла себѣ путь черезъ Балканы или въ этомъ направленіи, или черезъ Траянъ и приказалъ продолжать разслѣдованія. Переходъ долженъ былъ совершиться съ цѣлью облегченія генералу Радецкому возможности спуститься къ Казанлыку, такъ какъ стоянка на Шипкѣ, съ каждымъ днемъ дѣлалась невыносимѣе. Во исполненіе повелѣнія Главнокомандующаго, подполковникъ Сухомлиновъ 10-го и 17-го ноября, еще

разъ былъ командированъ съ охотниками изъ ротъ и сотенъ, на перевалы Розелита, и отъ Траяна къ Карлову и Корнари.

Сознавая всю невозможность предпринимать съ 4-мя батальонами, безъ артиллеріи, которую поднять было немыслимо, отдѣльный переходъ за Балканы и зная, что такія ничтожныя силы нисколько не облегчили бы положенія на Шипкѣ, а только дѣлали предпріятіе въ высшей степени рискованнымъ, начальникъ отряда составилъ о положеніи перевала записку слѣдующаго содержанія:

„Изслѣдованіе Балканскихъ проходовъ, отъ Новосела чрезъ Острецъ и Мара-Гайдукъ къ Калоферу и отъ Траяна къ Корнари, начатое мною съ конца сентября, производилось почти еженедѣльно. Для наблюденія за ними, поставлены были у Новосела и Траяна сначала сотни казачьяго № 30-го полка при опытныхъ и распорядительныхъ войсковыхъ старшинахъ, Афанасьевѣ и Антоновѣ, а потомъ къ этимъ сотнямъ придано по ротѣ 9-го Староингерманландскаго полка.

„Въ октябрѣ оба прохода осмотрѣны генералъ-маіоромъ Дандевилемъ, поднимавшимся съ небольшими партіями, къ которымъ былъ приданъ корпуса топографовъ поручикъ Карловичъ, снявшій маршруты путей, ведущихъ къ Траянскому и Розелитскому переваламъ, до мѣстъ, доступныхъ для пѣшихъ командъ. Работа эта представлена въ полевой штабъ арміи.

„Независимо отъ этого, былъ посылаемъ осмотрѣть подъемы генеральнаго штаба подполковникъ Сухомлиновъ, два раза бывшій на Траянскомъ перевалѣ и подымавшійся на Мара-Гайдукъ. Наконецъ, тотъ же Сухомлиновъ прошелъ подъемъ отъ Монастыря къ Карлову.

„Результаты всѣхъ этихъ изслѣдованій и рекогносцировокъ слѣдующіе:

„1. Розелитскій проходъ, идущій ущельями, подходитъ къ горѣ Мара-Гайдукъ такими тропами, которыя въ лѣтнее время проходимы только пѣшими. Теперь же онъ положительно невозможенъ, такъ какъ путь заливается потоками, которые, замерзая, представляютъ ледяныя покатости отъ скалъ къ пропастямъ и никакое по нимъ движеніе не мыслимо.

„2. Траянскій перевалъ: а) отъ Монастыря къ Карлову—почти одинаково невозможенъ для прохода войскъ. Сначала онъ идетъ по ущелью, а потомъ тропа вьется по скалѣ и, поднявшись на хребетъ, идетъ по его вершинѣ, представляющей ребра двухъ сходящихся подъ острымъ угломъ плоскостей. Мѣстами это ребро до того узко, что не имѣетъ и аршина ширины, а теперь совершенно занесено снѣгомъ; б) отъ Траяна къ Корнари и Теке—путь этотъ можно считать сравнительно лучшимъ, но все-таки, по личному удостовѣренію подполковника Сухомлинова и показаніямъ старожиловъ, въ зимнее время, для

обоза онъ не мыслимъ. Пѣхота же и вьюки могутъ пройти только при разработкѣ.

„3. Производить разработку пути хотя бы саперами, безъ динамита и скрытно отъ непріятеля, невозможно, потому что на вершинѣ перевала находится укрѣпленіе, занятое постоянно нѣсколькими ротами. Укрѣпленіе это обстрѣливаетъ подъемъ на двѣ версты. Поэтому, доколѣ турки не будутъ сбиты съ перевала, разработка подъема невозможна. Сбить же ихъ, безъ значительныхъ потерь, нельзя, тѣмъ болѣе, что видѣнные за укрѣпленіемъ огни, ясно доказываютъ, что на южномъ склонѣ горы есть еще войска. По показанію же болгаръ, у Теке и Карлова находится до 5-ти таборовъ.

„Изъ вышеизложеннаго оказывается, что даже теперь, когда морозы еще не такъ сильны, переходъ черезъ Траянскій перевалъ представляетъ едва ли преодолимыя трудности".

Эта записка главнымъ образомъ была вызвана тѣмъ, что въ отрядъ былъ присланъ инженеръ—капитанъ Александровскій, съ приказаніемъ произвести разработку Траянскаго перевала въ такой степени, чтобы черезъ него могла пройти артиллерія; но такъ, чтобы о нашихъ работахъ не узнали турки. Капитанъ, осмотрѣвъ только начало подъема у Княжевицкихъ Кулибъ, пришелъ къ убѣжденію, что выполненіе возложеннаго на него порученія возможно лишь въ томъ случаѣ, если будутъ присланы въ его распоряженіе батальонъ саперъ и бригада пѣхоты, но и при этомъ для разработки потребуется не менѣе шести недѣль.

Начальникъ отряда, зная, что ни то, ни другое исполнено быть не можетъ, такъ какъ въ отрядѣ, собственно въ Ловчѣ, оставалось всего 8 ротъ; что переходить за Балканы безъ артиллеріи крайне рискованно; что для перевоза сухарей черезъ перевалъ въ частяхъ не заготовлено еще вьюковъ; наконецъ, что при могущей случиться мятели, которая иногда длится въ горахъ недѣлю, можно погубить отрядъ, рѣшился отправить вышеприведенную записку къ начальнику штаба арміи при слѣдующемъ письмѣ:

„Представляю на усмотрѣніе вашего превосходительства составленную мною записку, о разслѣдованіи Балканскихъ проходовъ, которую отправляю съ производившимъ послѣднюю рекогносцировку подполковникомъ Сухомлиновымъ.

„При самомъ пламенномъ желаніи сказать объ этихъ проходахъ, согласное съ видами Великаго Князя, я, по долгу присяги, не смѣю вводить Его Императорское Высочество въ заблужденіе и чрезъ это подвергать ту часть, которая мнѣ ввѣрена, гибели въ непроходимыхъ горахъ, покрытыхъ снѣгомъ и гдѣ стужа достигаетъ уже теперь 16-ти градусовъ. Пройти, хотя бы и съ большими усиліями и потерями, сбивая непріятеля, пѣхота, по исправленіи пути, можетъ. Но удержатся ли

четыре батальона, безъ артиллеріи, на высотѣ 7-ми тысячъ футъ? Какъ устроить подвозъ продовольствія, транспортировку раненыхъ и больныхъ? Всѣ эти вопросы дѣлаютъ предположеніе о немедленномъ переходѣ болѣе чѣмъ рискованнымъ.

„Простите мнѣ, ваше высокопревосходительство, если я говорю, быть можетъ, не согласно съ вашимъ мнѣніемъ; но считаю святою обязанностью высказать передъ вами, какъ передъ начальникомъ штаба арміи, мое убѣжденіе, основанное на желаніи исполнять долгъ службы по присягѣ и совѣсти."

Отвозившему письмо, подполковнику Сухомлинову, поручено было лично отклонить идею о предпринятіи немедленнаго отдѣльнаго перехода и объ отмѣнѣ его до тѣхъ поръ, покуда событія не подготовятъ возможности согласовать движеніе съ общими дѣйствіями.

Что турки ждали нашего перехода и все время сторожили его, доказывается слѣдующей телеграммой полковника графа Татищева къ начальнику отряда изъ Сельви: „Афанасьевъ доноситъ: „Старшій болгарскій баши-бузукъ, по фамиліи Стоянъ, съ пятью товарищами, ходилъ за Балканы и видѣлъ турецкій лагерь у Калофера; отрядъ занимался постройкой укрѣпленій противъ спусковъ съ Мара-Гайдука и отъ Монастыря и Траяна. Числомъ турокъ до 2000 пѣхоты и 50 человѣкъ конницы; артиллеріи разсмотрѣть не могъ. Палатокъ насчиталъ до 100 *)".

VI.

Дѣйствія за Видомъ.

Рекогносцировка 31-го октября. — Движеніе къ Этрополю. — Дѣло у Троицкаго монастыря. — Взятіе Этрополя. — Занятіе Врашетскаго перевала. — Дѣйствія маіора Беатра: — Лихая атака Псковцами Шандорника. — Стояніе 2-й бригады на горахъ. — Движеніе 6-ти ротъ изъ Тетевени въ горы. — Ихъ отдѣленіе къ западному отряду.

24-го октября 2-я бригада пришла въ Яблоницу. Занявъ это селеніе, генералъ-маіоръ Давыдовъ избралъ впереди его, по направленію къ Орханіи, оборонительную позицію, на которой расположилъ два батальона 11 Псковскаго полка. Къ югу, заслономъ отъ Этрополя, размѣстился летучій отрядъ флигель-адъютанта полковника Орлова, разъѣзды котораго доходили до деревень Малый Изворъ, Усыковицы, Лупень и Брусенъ. Вскорѣ летучій отрядъ былъ смѣненъ шедшею впереди гвардіи Кавказскою бригадою генерала Черевина, вслѣдствіе чего полковникъ Орловъ счелъ воз-

*) Депеша отъ 14-го ноября, № 69.

ложенное на него порученіе, освѣщенія мѣстности передъ 2-ю бригадою, оконченнымъ. Отрядъ его былъ расформированъ: драгунскій дивизіонъ и взводъ казачьей № 19-й батареи присоединились къ своимъ частямъ, казачьи сотни 30-го и 24-го полковъ возвратились на свои посты въ Сельви и Ловчу; но изъ послѣдняго полка двѣ сотни были неизвѣстно почему задержаны въ западномъ отрядѣ и оставались въ отдѣлѣ отъ полка до самаго конца кампаніи. Между тѣмъ, къ Яблоницѣ подходила отъ Телиша гвардейская пѣхота. Полки Московскій и Лейбъ-Гренадерскій пришли первыми, предшествуемые 3-й бригадою 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи. Еще до ихъ прибытія, явился къ генералу Давыдову парламентеръ, съ письмомъ Шевкета-паши на имя начальника ловче-сельвинскаго отряда. Паша предполагалъ, что нашъ генералъ лично начальствуетъ высланными изъ Ловчи частями. Онъ просилъ объ увольненіи англійскихъ докторовъ, взятыхъ въ плѣнъ у Телиша. Такъ какъ это касалось дѣйствій гвардіи, то письмо это послано было генераломъ Давыдовымъ не въ Ловчу, а къ генералъ-адъютанту Гурко.

Выдвинутые впередъ къ Усыковицѣ батальоны 11-го Псковскаго полка, 30-го октября получили приказаніе, вмѣстѣ съ двумя сотнями, драгунскимъ дивизіономъ и 4-ю батареею, произвести рекогносцировку по направленію къ Этрополю. Начальствовавшій этими частями подполковникъ 11-го полка Коборда 1-й, открылъ непріятеля у Ханъ-Брусена уже послѣ полудня. Онъ атаковалъ его, имѣя 1-й батальонъ, перестроенный по-ротно въ двѣ линіи. Батарея полковника Тизенгаузена заняла позицію между ротами 1-й линіи; драгунамъ поручено было обезпеченіе праваго, а казакамъ лѣваго фланга. Въ началѣ турки оказали нѣкоторое сопротивленіе, но дѣйствія батареи вскорѣ заставили ихъ отступить, а наши энергически преслѣдовали до дороги, идущей изъ Орханіи къ Этрополю, на которой было возведено укрѣпленіе. Не смотря на то, что день уже склонялся къ вечеру, псковской батальонъ быстро занялъ позицію противъ ложементовъ, съ которой былъ видѣнъ турецкій лагерь. Изъ него спѣшило на помощь нѣсколько таборовъ. Что турки не имѣли надежды удержать за собою укрѣпленной ими позиціи, можно заключить изъ того, что они начали снимать свой лагерь и обозы ихъ потянулись къ Этрополю. Но не имѣя резерва и въ виду наступавшихъ сумерекъ, а главное — по смыслу приказаніе только рекогносцировать мѣстность, а не завязывать боя, подполковникъ Кобордо 1-й счелъ рискованнымъ ввязываться въ него только съ двумя батальонами. Поэтому онъ началъ отступать. Турки преслѣдовали довольно вяло. Ихъ пѣхота отошла отъ своихъ ложементовъ не далѣе версты. Черкесы же насѣдали на нашихъ энергично; но псковскія роты, особенно 1-я стрѣлковая, подпускали ихъ на 100 шаговъ, давали дружные залпы и наносили огромныя потери. Это заставило непріятеля прекратить назойливыя попытки преслѣдо-

ванія и въ 8 часовъ вечера подполковникъ Кобордо 1-й возвратился на прежнюю позицію. Произведенная имъ рекогносцировка стоила псковскимъ батальонамъ 12 человѣкъ убитыми и 36 ранеными *).

Съ прибытіемъ генерала Дандевиля въ Яблоницу, генералъ-адъютантъ Гурко назначилъ его начальникомъ передоваго отряда, въ составъ котораго, кромѣ 2-й нашей бригады, вошли 1-я бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, четыре батареи 2-й гвардейской артиллерійской бригады, сводная драгунская бригада (Казанскій и Астраханскій полки), Кавказская и сводная казачья бригады, конная № 16-й и двѣ казачьи батареи. Всего 14-ть батальоновъ, 32 пѣшихъ орудія, 26 эскадроновъ и сотенъ, съ 24 конными орудіями.

Получивъ приказаніе идти на Этрополь, генералъ Дандевиль изъ Усыковицы перешелъ въ Болгарскій Изворъ, гдѣ долженъ былъ избрать оборонительную позицію, съ авангардомъ у Лупени. Такъ какъ турки въ это время занимали укрѣпленное ими ущелье у Ханъ-Лаги, то наступленіе на Этрополь, могло быть произведено, въ обходъ этой позиціи, лишь горною дорогою.

При дальнѣйшемъ описаніи дѣйствій подъ Этрополемъ, будемъ касаться лишь того, что выпало на долю тѣхъ частей, которыя были высланы изъ ловче-сельвинскаго отряда. Генералъ Дандевиль лично произвелъ рекогносцировку предстоящихъ его отряду путей и убѣдившись, что ни у Извора, ни близъ Лупена, нѣтъ выгодныхъ позицій, что старая, и давно заброшенная дорога изъ Болгарскаго Извора въ Этрополь, совершенно непроходима для орудій, которые гораздо легче провести черезъ Ханъ-Брусинъ, долиною р. Искера и рѣчки Лупенки,— избралъ оборонительную позицію у сліянія ихъ, на соединеніи путей, идущихъ прямо на Этрополь, долиною Искера, въ обходъ ущелья Ханъ-Лага. Отданною 9-го числа диспозиціею назначена была на слѣдующій день, т. е. 10-го ноября, усиленная рекогносцировка Этрополя, съ тѣмъ, чтобы при малѣйшемъ колебаніи непріятеля перейдти въ полное наступленіе. Она была произведена двумя колоннами, въ обходъ съ правой и съ лѣвой стороны ущелья. 12-й Великолуцкій полкъ, съ тремя сотнями кубанцевъ и командою гвардейскихъ саперъ, составилъ лѣвый обходный отрядъ, ввѣренный начальству командира полка полковника Рыдзевскаго. Артиллеріи этому отряду не придали потому, что по горамъ между Лупеномъ и Троицкимъ Монастыремъ, нельзя было провести орудій безъ разработки пути. Послѣднее возложили на саперъ, которые вмѣстѣ съ движеніемъ въ горы, должны были прокладывать дорогу для артиллеріи, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій же день усилить ею колонну Рыдзевскаго.

*) Въ этомъ дѣлѣ опасно ранены командиры ротъ: штабсъ-капитаны Люткевичъ, Тарновскій и подпоручикъ Жуковъ.

Миновавъ 10-го ноября, около 2-хъ часовъ по полудни, Лупенъ, полковникъ Рыдзевскій послалъ двѣ стрѣлковыя роты прямо по дорогѣ на Троицкій Монастырь и Этрополь, а съ прочими частями принявъ влѣво, направился по горной тропѣ, въ обходъ позиціи у Монастыря, занятой турками. Для связи между обоими обходными колоннами, генералъ Дандевиль выслалъ двѣ сотни донцовъ, которые въ этотъ день дошли до непріятельскихъ аванпостовъ занимавшихъ высоты, между Лупеномъ и Ханъ-Лагомъ. Въ то время, какъ правая колонна заняла правыя высоты искерскаго ущелья, полковникъ Рыдзевскій, дойдя до непріятельской позиціи у Троицкаго Монастыря, былъ встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, и послѣ неудавшейся атаки долженъ былъ отступить. Присоединившись къ своимъ стрѣлковымъ ротамъ, онъ, недоходя Монастыря, свернулъ вправо и вышелъ на высоты командующія этропольскою долиною, гдѣ и окопался. При неудавшейся атакѣ Великолуцкій полкъ потерялъ: 42 убитыми и 25 ранеными, въ числѣ которыхъ былъ 1 офицеръ.

Въ ночь съ 10-го на 11-е ноября, колонна Рыдзевскаго была усилена 2-мъ батальономъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, подъ командою капитана Засулича.

Въ теченіи 11-го числа, удачныя дѣйствія Преображенцевъ на правомъ флангѣ, заставили турокъ совершенно очистить Искерское ущелье и отступить въ Этропольскую долину, гдѣ они усилились противъ позиціи Великолужцевъ. Въ этотъ же день вечеромъ, генералъ Дандевиль, убѣдившись изъ показаній болгаръ и изъ донесенія капитана Засулича, что на высоты командующія Этропольскою долиною поднять орудія возможно, ночью же приказалъ 4-й батареѣ 3-й артиллерійской бригады, полковника Тизенгаузена, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ лейбъ-гренадеръ, идти изъ Липена къ колоннѣ Рыдзевскаго.

12-го ноября, съ наступленіемъ разсвѣта, болгарская чета Георгія Антонова, при помощи Великолужцевъ, на арбахъ, легко и быстро втащила разобранныя на части орудія Тизенгаузена на позицію Рыдзевскаго, который въ 10 часовъ уже могъ открыть огонь по отходившему съ правыхъ высотъ, въ долину, непріятелю. Устроенные имъ ложементы, неостановили Преображенцевъ занимавшихъ одно укрѣпленіе за другимъ, въ то время, какъ къ Великолуцкому полку подходили остальныя роты лейбъ-гренадеръ. По ихъ прибытіи, лѣвая колонна тоже перешла въ рѣшительное наступленіе, что заставило турокъ отойти къ лагерю, раскинутому на высокомъ холмѣ, посреди Этропольской долины. Затѣмъ, совокупное наступленіе обѣихъ нашихъ колоннъ, принудило непріятеля зажечь свой лагерь и бѣжать по направленію къ Арабъ-Конаку. Преображенскій полкъ неотступно преслѣдовалъ бѣжавшихъ, прошелъ Этрополь и вслѣдствіе наступившей темноты, расположился за нимъ

бивуакомъ; Лейбъ-Гренадеры же, съ двумя Великолуцкими батальонами, заняли лагерь. Другая половина Великолуцкаго полка осталась ночевать при орудіяхъ 4-й своей батареи, спускъ которыхъ съ крутизны и безъ дорогъ, въ темную осеннюю ночь, былъ невозможенъ. Въ рапортѣ своемъ о взятіи Этрополя, генералъ Дандевиль, съ особенною похвалою отзывался объ энергіи и распорядительности командира нашей батареи полковника Тизенгаузена.

Въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ за р. Видомъ оба полка 2-й бригады принимали еще большее участіе. Только 3 дня провели они въ Этрополѣ. 14-го ноября генералъ Дандевиль получилъ приказаніе занять Вратешскій перевалъ. Для исполненія этого порученія, онъ назначилъ: 11-й Псковскій, 12-й Великолуцкій и Екатеринославскій драгунскій полки, съ двумя орудіями 5-й гвардейской и 4-й конной № 16-й батареей, при 2-хъ сотняхъ донцовъ. Этотъ отрядъ выступилъ изъ Этрополя 15-го ноября; въ этотъ день онъ прошелъ только 6 верстъ, до драгунскаго бивуака, съ котораго, 16-го ноября, въ 4½ часа утра, направленъ въ горы двумя колоннами, въ слѣдующемъ порядкѣ: въ правой, подъ личнымъ начальствомъ генерала Дандевиля, шли: 2-й батальонъ Великолуцкаго полка, 2 пѣшія орудія, 1-й батальонъ того же полка и эскадронъ драгунъ. Въ лѣвой — подъ командою командира 11-го Псковскаго полка, полковника Зубатова: 2-й батальонъ 11-го полка, 4 орудія конной батареи, 1-й батальонъ того же полка и эскадронъ драгунъ. Третьи батальоны обоихъ полковъ и дивизіонъ драгунъ оставлены были въ резервѣ, на мѣстѣ ночлега. Наканунѣ выпалъ снѣгъ, дорога была грязная и весьма тяжелая, а 4-хъ градусный морозъ сдѣлалъ ее мѣстами скользкою. Лично убѣдившись, что несмотря на помощь людьми, орудія едва-ли подойдутъ къ перевалу даже къ вечеру и должны будутъ ночевать въ виду турецкихъ укрѣпленій на Шандорникѣ, генералъ Дандевиль, послалъ приказаніе 3-мъ батальонамъ, перейти изъ резерва къ своимъ полкамъ, а 2-й стрѣлковой ротѣ Великолуцкаго полка, при командирѣ 2-го батальона маіорѣ Беатрѣ, идти впередъ и занять перевалъ засвѣтло. Всѣ прочія части этого полка, на лямкахъ и канатахъ, тащили орудія и на рукахъ несли снаряды. „Могу прибавить,—говоритъ генералъ Дандевиль въ своемъ рапортѣ, — что и здѣсь Великолужцы перенесли туже тяжкую работу, которую съ такимъ успѣхомъ выполнили 11-го и 12-го ноября, при обходѣ Этропольскаго ущелья на Искерѣ". Работа эта производилась съ пѣснями и съ веселыми, дружными криками.

Въ половинѣ 2-го, когда орудія были еще въ 2-хъ верстахъ отъ перевала, на самой трудной, каменистой и крутой мѣстности гребня Грехотака, 2-я стрѣлковая рота была встрѣчена выстрѣлами турокъ, засѣвшихъ при выходѣ на каменистую гряду, вѣнчающую гребень. Маіоръ Беатръ доносилъ, что онъ атакованъ значительными силами. Это заста-

вило спѣшно послать къ нему остальныя роты 2-го батальона, которыя оставивъ работу при орудіяхъ, несмотря на сильную усталость, бѣгомъ бросились въ гору. Между тѣмъ, жаркая стрѣльба приближалась. По мѣрѣ подхода ротъ 1-го батальона, онѣ выстраивались и посылались къ подъему, на поддержку 2-го батальона. Туда же направленъ и спѣшенный эскадронъ драгунъ. Былъ моментъ заставлявшій опасаться за участь оставленныхъ въ густомъ лѣсу орудій, при которыхъ находилась всего одна полурота Великолуцкаго полка. Но въ 3 часа, маіоръ Беатръ донесъ, что хотя онъ и „тѣснимъ турками, но держится, съ потерями, хорошо". Въ это время 3-й батальонъ, которому послали приказаніе спѣшить, былъ еще въ 4-хъ верстахъ. Между тѣмъ турки, пріостановясь противъ Беатра, начали обходить правый флангъ и ихъ пули стали уже долетать до перевязочнаго пункта, гдѣ были ранены двѣ лошади драгунскихъ коноводовъ, составлявшихъ единственное его прикрытіе. Тогда всей цѣпи велѣно было принимать въ право, а маіору Беатру послано приказаніе, зайдя лѣвымъ плечомъ, атаковать гребень во флангъ. Вскорѣ на лѣвомъ флангѣ раздалось дружное ура! Бѣгомъ шелъ 3-й батальонъ на эти крики, но подошелъ уже въ то время, когда началось преслѣдованіе бросившихъ гребень турокъ. „Молодцы Великолужцы,—доносилъ генералъ Дандевиль, — выбивали ихъ изъ-за камней штыками и гнали за перевалъ, по направленію главнаго редута, куда они бѣжали, бросивъ на мѣстѣ болѣе 200 тѣлъ". Дѣло кончилось въ сумерки. Великолуцкій полкъ потерялъ въ немъ 33 убитыми, 107 ранеными и 3 безъ вѣсти пропавшими. При этомъ убитъ прапорщикъ Щелканъ, отличившійся еще при Тетевени и теперь безстрашно расхаживавшій впереди своей цѣпи и раненъ подпоручикъ Леонтьевъ. Вмѣсто отдыха, роты полка прямо изъ боя посланы были внизъ къ орудіямъ, за которыя они схватились съ дружнымъ ура! и въ тотъ же вечеръ ввезли на перевалъ.

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ другаго полка, въ правой колоннѣ.

Шедшій въ головѣ колонны 2-й батальонъ Псковскаго полка, вмѣстѣ съ 2-мя орудіями конной № 16 батареи, 17-го ноября вышелъ на опушку лѣса, покрывавшую вершину горы, противъ главнаго турецкаго редута на Шандорникѣ. Подымаясь на гору, начальникъ колонны, командиръ 11-го полка полковникъ Зубатовъ, упалъ съ лошадью въ кручу и вывихнулъ себѣ плечо, вслѣдствіе чего начальство надъ колонною принялъ, командиръ 3-го батальона, подполковникъ фонъ-Штемпель. 2-я стрѣлковая рота, первая вышла изъ лѣса и поднявшись на гребень, увидѣла передъ собою на подъемѣ противуположной высоты батарею, а выше нея громадный редутъ Шандорника, командовавшій всѣми другими позиціями. 1-я стрѣлковая усилила 2-ю, а за ними во 2-й линіи стали 1-я и 2-я линейныя. Едва только было исполнено это перестроеніе, какъ стрѣлки увидѣли, что турки очищаютъ батарею, и по цѣпи пронеслась молва,

будто-бы они снимаютъ свой лагерь и отправляютъ назадъ обозы. Поводомъ къ подобному слуху было то, что съ появленіемъ нашихъ въ 1000 шагахъ отъ батареи, въ лагерѣ произошла суета. Какъ только вѣсть о мнимомъ отступленіи прошла по рядамъ, стрѣлковыя роты, а за ними и бывшія во 2-й линіи, не получа приказанія и не выждавъ подхода остальныхъ 9-ти ротъ полка, растянувшихся по трудному горному подъему, быстро заняли очищенную турками батарею, а оттуда, снова невыждавъ резервовъ, бросились на главный редутъ Шандорника. Несмотря на сильный огонь аттакованнаго фасса, стрѣлки ворвались въ редутъ, успѣли сбросить въ ровъ одно орудіе и схватились въ рукопашную, съ прижавшимися къ противуположному фасу турками, къ которымъ въ это время подошли свѣжіе таборы изъ лагеря. Это заставило удальцовъ нашихъ отступить, причемъ они понесли главныя потери. Такъ кончилась неожиданная, никѣмъ не приказанная, удалая атака 4-мя Псковскими ротами Шандорника. Хотя генералъ Дандевиль и послалъ на помощь Псковцамъ батальонъ Измайловскаго полка, но онъ пришелъ уже при отступленіи и могъ только прикрыть его. Удайся атака, или вѣрнѣе, будь она своевременно поддержана, такъ не только много сберегло бы жертвъ павшихъ противъ этой позиціи впослѣдствіи, но и вся многострадальная стоянка 2-й бригады и гвардіи на вершинахъ, была бы избѣгнута.

Потери Псковскаго полка 17-го ноября составляли: убитыми 19-ть, ранеными 90 и пропавшими безъ вѣсти 30 человѣкъ. Изъ числа офицеровъ ранены: штабсъ-капитанъ Тальновскій—тяжело, и поручикъ Некрасовъ. Послѣдній остался въ строю.

Донося о занятіи Вратешскаго перевала, генералъ Дандевиль писалъ генералъ-адъютанту Гурко. „Отданіе справедливости доблестнымъ качествамъ нашихъ офицеровъ и солдатъ въ бояхъ съ непріятелемъ, сдѣлалось общимъ мѣстомъ и я не буду повторять того, что иначе и быть не можетъ, даже при тѣхъ трудностяхъ и лишеніяхъ, которые испытывали Великолужцы при 7-ми-верстномъ подъемѣ орудій. Считаю долгомъ лишь обратить вниманіе ваше на особенно отличавшагося маіора Великолуцкаго полка Беатра, встрѣтившаго первый напоръ турокъ и затѣмъ атаковавшаго ихъ“.

Послѣ описанныхъ дѣйствій началось шестинедѣльное стояніе полковъ 2-й бригады на высотахъ Арабъ-Конака,—подъ выстрѣлами батарей Шандорника,—стояніе, среди постоянныхъ непогодъ, мороза и мятелей. Дѣлъ, исключая артиллерійской перестрѣлки не было, но убыль людей отъ морозовъ, отъ постоянной аванпостной службы и переносимыхъ лишеній, была громадная. Труды по устройству окоповъ и постоянная ходьба внизъ, за каждымъ пудомъ сухарей или мяса, вмѣстѣ съ напряженною бдительностью и нескончаемою борьбою съ сыростью и

холодомъ, невыразимо изнуряли людей, цѣлыми десятками приходившихъ въ Этрополь въ полковой околодокъ. Хотя начальникъ нашего отряда отправилъ всѣ обозы изъ Ловчи и всѣ хозяйственные принадлежности бригады къ своимъ частямъ, но имъ приказано было остановить все въ Этрополѣ, за 12-ть верстъ отъ позиціи, на которой, довольно долго не дозволялось ни разбивать палатокъ, ни разводить костровъ. Между тѣмъ позиція была на высотѣ 3000 футъ. Тропы, по которымъ ежедневно доставлялись въ роты припасы продовольствія, были до такой степени круты, что самая сильная лошадь едва втаскивала вьюкъ въ 4 пуда. Сильныхъ же лошадей тогда уже было не много. Отъ безкормицы онѣ отощали до крайности. Черезъ двѣ недѣли, въ окрестностяхъ Этрополя, нельзя было достать клока сѣна или соломы, ни за какія деньги. Чтобы кое-какъ прокормить лошадей, приходилось посылать ихъ, или верстъ за 30-ть за Видъ, въ районъ ловче-сельвинскаго отряда, или къ Орханіи. Но за полнымъ распутьемъ, шестерикъ лошадей, по горнымъ дорогамъ, едва могъ поднимать 25 пудовъ, половина которыхъ съѣдалась въ дорогѣ. Такимъ образомъ всѣ подъемныя лошади, постоянно были въ поискахъ за фуражемъ и по неволѣ приходилось сухари, соль и другіе продукты переносить за 12-ть верстъ на людяхъ, въ мѣшкахъ. Полковые врачи доносили, что они не знаютъ что дѣлать съ накопившимся числомъ заболѣвшихъ, и что даже нѣтъ возможности вести имъ контроль, потому что ознобившіеся и изнуренные приходятъ съ горъ безъ всякихъ записокъ и свѣдѣній. Иногда въ одну ночь являлось человѣкъ 100 и болѣе. Что солдаты не пользовались всякою возможностью уйти съ позиціи безпричинно, доказывало то, что многіе изъ нихъ, едва имѣвшіе силу добраться до Этрополя, пробывъ день или два въ теплѣ, такъ сказать, оттаивали, и несмотря на общее свое изнуреніе, дававшее имъ право воспользоваться необходимымъ отдыхомъ, сами уходили на позицію. Изъ отчетовъ полковъ за ноябрь мѣсяцъ было видно, что въ бригадѣ, выступившей 20-го октября изъ Ловчи, въ составѣ 6000, къ 1-му декабря оставалось въ строю всего 4000 штыковъ, а такъ какъ она потеряла въ дѣлахъ не болѣе 300 человѣкъ, то остальные 1700 были жертвами стоянки на горахъ. Впослѣдствіи эти жертвы, съ каждымъ днемъ увеличивались, и дошло до того, что 30-го декабря, бригада присоединилась къ дивизіи всего въ составѣ 2100 человѣкъ. Сапоги уже съ половины ноября, считались рѣдкостью; шинели оборвались и прогорѣли у костровъ. Люди ни одной минуты не обсыхали. Замерзавшія на нихъ онучи, и болгарскіе опанки изъ сырой, снятой съ убитой скотины кожи, къ полудню растаивали на солнцѣ или у костра, для того, чтобы вечеромъ снова обратиться въ ледяную кору.

Сердце ныло отъ слуховъ, доходившихъ до насъ о лишеніяхъ переносимыхъ Псковскимъ и Великолуцкимъ полками. Посланный къ нимъ

дивизіонный врачъ, доносилъ начальнику отряда, что въ строгомъ смыслѣ, нѣтъ почти ни одного неподорваннаго здоровьемъ человѣка. Это вынудило начальника отряда обратиться къ генералъ-адъютанту Гурко съ слѣдующимъ письмомъ:

„Со времени перехода черезъ Дунай, въ теченіи 4½ мѣсяцевъ, ввѣренная мнѣ 3-я пѣхотная дивизія, ни одного дня не была въ сборѣ и разбитая по частямъ, исходила Болгарію съ разными отрядами. Въ настоящее время она занимаетъ 7 пунктовъ, изъ которыхъ 4 находятся у различныхъ переваловъ черезъ Балканы.

2-я бригада и 6-ть ротъ 1-й, находятся подъ начальствомъ вашего превосходительства и вамъ лучше извѣстны служба и нужды этихъ частей. Въ виду тѣхъ трудностей и лишеній, въ виду совершенно уничтожившійся обуви и громаднаго числа заболѣваній, я рѣшаюсь убѣдительно просить ваше превосходительство, во вниманіе къ высказаннымъ 2-ю бригадою заслугамъ и переносимымъ ею лишеніямъ, дать ей возможность хотя сколько-нибудь отдохнуть и устроиться. Вы оказали бы дивизіи великое благодѣяніе, если бы сочли возможнымъ, съ прибытіемъ направленныхъ къ Орханіи трехъ дивизій, возвратить части 3-й дивизіи въ Ловчу и о рѣшеніи вашемъ увѣдомили бы меня телеграммою“.

Письмо это было отправлено съ нарочнымъ офицеромъ. Еще до его возвращенія, получена была отвѣтная телеграмма генерала Гурко изъ Осикова, такого содержанія:

„Въ виду предстоящаго движенія впередъ, отправить части 3-й дивизіи въ Ловчу я не могу. Думаю, что отправка бригады, такъ сказать, съ поля сраженія на отдыхъ, была бы величайшимъ для нее наказаніемъ и большою относительно ее несправедливостью. Доблестное поведеніе бригады и Новоингерманландскаго полка, служитъ залогомъ того, что эти части сочтутъ самымъ большимъ для себя несчастіемъ, если-бы отсылкою ихъ назадъ, я заставилъ бы ихъ, въ самую трудную минуту, покинуть своихъ боевыхъ товарищей. По мимо этихъ соображеній я не могу отпустить части 3-й пѣхотной дивизіи по чисто стратегическимъ причинамъ первой важности. Прошу ваше превосходительство, если окажется возможнымъ, какъ можно скорѣе, прислать остальную часть Новоингерманландскаго полка и генеральнаго штаба подполковника Сухомлинова“.

Такимъ образомъ два отрядныхъ начальника просили другъ друга объ одномъ и томъ-же, но одинъ о возвратѣ того, что принадлежало ему, а другой о полученіи чужаго. Вникая въ поводы, вызвавшіе вышеприведенное письмо и отвѣтъ на него, усматривается: 1) Дать бригадѣ отдыхъ, когда она истаяла отъ лишеній, не было бы несправедливостью, точно также, какъ не считалось же несправедливостью спустить съ Шипки 14-ю дивизію, когда ее смѣнила 24-я. Съ приходомъ къ западному

отряду 9-го корпуса и 3-й гвардейской дивизіи, облегчить тяжелую службу нашей 2-й бригады была полная возможность. 2) Отозваніе Псковскаго и Великолуцкаго полковъ, нельзя было называть ни наказаніемъ для нихъ, ни несчастіемъ, потому что эти полки уже доказали свое доблестное поведеніе въ бояхъ и репутація ихъ была вполнѣ обезпечена. Кромѣ того, во все дальнѣйшее пребываніе бригады на позиціяхъ Арабъ-Конака, она прямаго участія въ дѣлахъ не принимала, а исполняла полевую сторожевую службу. Точно также она не приняла этого участія и впослѣдствіи, при общемъ движеніи колоннъ западнаго отряда за Балканы. 3) Наконецъ, если стратегическія причины первой важности, требовали удержанія двухъ полковъ въ западномъ отрядѣ, то не менѣе важныя причины требовали возвращенія ихъ къ ловче-сельвинскому, которому предстоялъ переходъ черезъ Траянскій перевалъ. Разница была только въ томъ, что отдѣленіе бригады, въ которой въ то время находилось не болѣе 3-хъ тысячъ, отъ 100 тысячнаго отряда, приносило послѣднему гораздо менѣе, почти незамѣтнаго, ущерба, чѣмъ присоединеніе этихъ трехъ тысячъ къ ловче-сельвинскому отряду, предпринимавшему всего съ $5^1/_2$ батальонами, крайне рискованное дѣло, не меньшей важности.

Обратимся вновь къ происходившему въ Ловчѣ. Тамъ весь ноябрь мѣсяцъ прошелъ въ рекогносцировкахъ переваловъ Розелитскаго и Траянскаго, подробно изложенныхъ въ статьѣ „О дѣйствіяхъ траянскаго отряда“ *). Желаніе разслѣдовать всѣ находившіеся въ нашемъ районѣ перевалы, вызвало распоряженіе, чтобы и находившійся въ Тетевени съ двумя своими батальонами, командиръ Новоингерманландскаго полка полковникъ графъ Комаровскій, изслѣдовалъ перевалъ на Златицу. Ему было предписано сначала начать разслѣдованіе партіями изъ казаковъ съ болгарами, а потомъ придавать къ нимъ небольшія части пѣхоты. Вмѣсто этого, полковникъ графъ Комаровскій 16-го ноября тронулся въ горы съ 7-ю ротами, оправдывая это тѣмъ, что онъ получилъ записку отъ начальника штаба западнаго отряда съ предложеніемъ, своимъ появленіемъ на перевалѣ, оказать содѣйствіе генералу Курнакову, предпринимавшему въ то время наступленіе на Златицу. Занимавшіе вершину турки отступили послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ. Не ограничась однимъ появленіемъ своего отряда, графъ Комаровскій спустился въ долину, и такъ какъ тамъ не было никакого слуха о Курнаковѣ, то поднялся обратно на перевалъ и оставался на немъ трое сутокъ безъ воды и даже безъ возможности, за неимѣніемъ топлива, развести костры. Въ какой степени Новоингерманландцы терпѣли при этомъ лишенія, можно судить изъ того, что командиръ ихъ писалъ: „Обувь совершенно уничтожена;

*) „Сборникъ военныхъ разсказовъ“, т. III.

150 человѣкъ заболѣло и, можно сказать, что въ отрядѣ почти нѣтъ ни одного здороваго человѣка“ *).

Узнавъ объ этомъ, совершенно напрасномъ движеніи въ горы съ 7-ю ротами, начальникъ отряда немедленно приказалъ возвратить ихъ въ Тетевень. При этомъ произошло нѣсколько странное недоразумѣніе: части, находившіяся въ Тетевени оказались въ распоряженіи двухъ отрядныхъ начальниковъ. На пути изъ горъ, графъ Комаровскій получилъ приказаніе генералъ-адъютанта Гурко немедленно перейти въ Этрополь, о чемъ не было сообщено въ Ловчу. Такимъ образомъ 6 ротъ первой бригады 3-й дивизіи **), съ двумя бывшими при нихъ сотнями 24-го казачьяго полка, отдѣлясь отъ своего отряда, очутились за р. Видомъ и присоединились потомъ къ дивизіи вмѣстѣ со 2-ю бригадою, только по переходѣ Балканъ. Чрезъ это отдѣленіе, оставшійся старшимъ при трехъ ротахъ въ Тетевени, маіоръ Коборда 2-й, былъ поставленъ въ весьма опасное положеніе. Златица тогда находилась еще въ рукахъ непріятеля и изъ нее могло быть произведено такое покушеніе на Тетевень, которое, три слабыя по составу роты, отразить были бы не въ силахъ. По этому поводу начальникъ отряда доносилъ начальнику штаба арміи: „разъ, что изъ Тетевени 6 ротъ притянуты къ западному отряду и тамъ остались всего три слабыя роты, вмѣсто двухъ батальоновъ, я прошу ваше превосходительство, не считать меня отвѣтственнымъ за могущія произойти послѣдствія“.

Чтобы чѣмъ нибудь поддержать маіора Кобордо 2-го, къ нему послана была сотня изъ Ловчи. Усилить Тетевень пѣхотою не было никакой возможности, такъ какъ въ распоряженіи начальника нашего отряда, на всѣхъ занимаемыхъ имъ 7-ми пунктахъ, оставалось всего 4 батальона.

VII.

Елена и паденіе Плевны.

Отправка подкрѣпленія къ Тырнову.—Разбросанность дивизіи.—Извѣстіе о паденіи Плевны.—Послѣдствія этого событія для Ловчи.—Неизвѣстность о предстоящемъ.—Движеніе къ Балканамъ. — Послѣдняя поѣздка въ Боготъ. — Расформированіе ловче-сельвинскаго отряда.

Отъ 4-хъ оставшихся въ ловче-сельвинскомъ отрядѣ батальоновъ, вскорѣ потребовалось отдѣленіе еще нѣсколькихъ ротъ въ чужой отрядъ. 24-го ноября, вечеромъ, начальникъ отряда получилъ слѣдующую теле-

*) Донесеніе полковника графа Комаровскаго, отъ 19-го ноября.

**) Одну изъ бывшихъ въ горахъ ротъ графъ Комаровскій возвратилъ въ Тетевень.

грамму отъ Великаго Князя Главнокомандующаго: „Турки въ превосходныхъ силахъ атакуютъ наши войска у Елены, пошли немедленно все, что можешь изъ Ловчи и Сельви въ Тырново, въ распоряженіе генерала Деллинзгаузена и увѣдомь его по телеграфу; сообщи мнѣ, что тобою будетъ сдѣлано. Съ войсками, которые пошлешь въ Тырново, отправь Давыдова, а самъ оставайся въ Ловчѣ".

Такое приказаніе было послѣдствіемъ неудачнаго для насъ дѣла у Елены, куда собирали со всѣхъ сторонъ подкрѣпленія.

По полученіи депеши, въ теченіи одного часа сдѣланы были слѣдующія распоряженія:

1) Дано было предписаніе генералъ-маіору Давыдову, выступить на другой день утромъ, съ находившимся въ Ловчѣ третьимъ батальономъ Староингерманландскаго полка, черезъ Сельви, гдѣ присоединивъ къ себѣ 1-й батальонъ того же полка, направиться форсированнымъ маршемъ въ Тырново, въ распоряженіе командовавшаго 11-мъ корпусомъ, генералъ-лейтенанта Деллинзгаузена.

2) Посланы съ нарочными въ Траянъ и Острецъ приказанія: находившимся тамъ 3-й и 4-й ротамъ 9-го полка, немедленно перейти въ Сельви и быть тамъ 25-го числа вечеромъ.

3) Командиру 9-го полка телеграфировано, чтобы онъ, съ собравшимся къ нему 26-го числа 1-мъ батальономъ присоединился къ частямъ, идущимъ съ генераломъ Давыдовымъ.

4) Такъ какъ изъ Сельви выступали всѣ находившіяся тамъ роты, то для занятія этого города и содержанія въ немъ караула, съ разсвѣтомъ 25-го числа, приказано выступить туда изъ Ловчи 2-й стрѣлковой ротѣ 10-го Новоингерманландскаго полка.

Донеся объ этихъ распоряженіяхъ по телеграфу Великому Князю, начальникъ отряда испрашивалъ приказанія: посылать ли въ Тырновъ артиллерію, а между тѣмъ велѣлъ 1-й батареѣ быть готовой. На этотъ вопросъ черезъ два часа послѣдовалъ отвѣтъ генерала Непокойчицкаго: „Великій Князь Главнокомандующій благодаритъ васъ за точныя распоряженія, но Злотарица взята нами, турки отступаютъ на Беброво, ихъ преслѣдуютъ. Со стороны Елены нѣтъ еще позднѣйшихъ извѣстій, поэтому Его Высочеству угодно, чтобы войска ваши не трогались съ занимаемыхъ ими мѣстъ, но были только готовы къ движенію, на всякій случай. Съ Розелитскаго и Траянскаго проходовъ ротъ не снимайте".

Это заставило въ туже ночь послать отмѣну перваго приказанія въ Траянъ и Острецъ. Но едва только конверты были отданы казакамъ, какъ начальнику отряда подали депешу генерала Деллинзгаузена, которою онъ просилъ, какъ можно скорѣе выслать подкрѣпленіе. Вновь было телеграфировано Главнокомандующему и 25-го числа, на разсвѣтѣ, по-

слѣдовалъ отвѣтъ Его Высочества: „Пошли роты, какъ ты предполагалъ, но отъ Траяна и Розелита не снимай, батарею отправь".

Такимъ образомъ отрядъ генерала Давыдова составился изъ 8-ми ротъ 9-го полка, одной батареи и сотни казаковъ 30-го полка изъ Сельви.

27-го числа онъ прошелъ изъ Сельви въ село Болванъ и 28-го, миновавъ Тырновъ, прибылъ поздно вечеромъ къ монастырю св. Николая. Отсюда генералъ Давыдовъ телеграфировалъ начальнику отряда: „Прибылъ согласно марштруту въ Николаевскій монастырь, сдѣлавъ въ послѣдній день 40 верстъ, по отвратительной гористой дорогѣ. Отсталыхъ нѣтъ. Ожидается распоряженіе Главнокомандующаго. Пока отдыхаемъ, но прошу содѣйствія къ возвращенію войскъ 3-й дивизіи, ежели въ нихъ нѣтъ особенной надобности. Большое затрудненіе въ фуражѣ".

До 2-го декабря роты оставались на бивуакѣ у монастыря, а 3-го переведены на позицію у Федебея. Собравшіеся со всѣхъ сторонъ подкрѣпленія къ 11-му корпусу, заставили турокъ, не только отложить намѣреніе атаковать, но и отойти отъ Елены. Вслѣдствіе этого отрядъ генерала Давыдова выступилъ 4-го декабря отъ Федебея и 7-го прибылъ въ Ловчу.

Во время отправки подкрѣпленія къ Еленѣ, въ Ловчѣ оставались только двѣ роты 9-го и четыре 10-го полковъ. Это заставило начальника отряда отозвать 7-ю и 8-ю роты 9-го полка изъ Тороса и Извора, находившіяся тамъ, какъ выше упомянуто, съ маіоромъ Духновскимъ, для заготовленія сухарей во 2-ю бригаду.

Ноябрь мѣсяцъ замѣчателенъ былъ для 3-й дивизіи тѣмъ, что она, съ самаго перехода черезъ Дунай, небывши ни одного дня вмѣстѣ, въ концѣ этого мѣсяца была разбита на десять частей, и занимала слѣдующіе пункты:

1) У Федебея 8 ротъ (1-я, 2-я, 9-я, 10-я, 11-я, 12-я, 1-я и 2-я стрѣлковыя) 9-го полка и 1 батарея.

2) Въ Сельви—2-я стрѣлковая рота 10-го полка.

3) У Розелитскаго перевала—4-я рота 9-го полка.

4) Въ Траянѣ—3-я рота того же полка

5) Въ Ловчѣ: 5-я и 2-я стр. роты 9-го полка и 3-й батальонъ 10-го полка, 3-я и 5-я батареи.

6) Въ Турскомъ Изворѣ: 6-я и 7-я роты 9-го полка.

7) Въ Торосѣ—8-я рота 9-го полка.

8) Въ Тетевени: 7-я и 8-я роты 10-го полка.

9) У Златицкаго перевала: 1-й батальонъ, 5-я и 6-я роты 10-го полка.

10) На позиціяхъ Арабъ-Конака и Шандорника: 2-я бригада, 2-я, 4-я и 6-я батареи.

Такимъ образомъ отъ праваго до лѣваго фланга дивизіи, т. е. отъ Федебея до Златицы было 160 верстъ.

По возвращеніи генерала Давыдова съ ротами 9-го полка на прежнія мѣста, въ Ловчѣ снова образовался гарнизонъ изъ 2-го и 3-го батальоновъ 9-го и трехъ ротъ 10-го полка, съ 1-ю, 3-ю и 5ю- батареями. Жизнь этихъ частей въ землянкахъ, при укрѣпленіяхъ, на высотахъ въ нѣсколько сотъ футовъ, съ наступленіемъ холодовъ, когда не только горы, но и вся окрестность Ловчи покрылась на поларшина снѣгомъ, сдѣлалась весьма тяжелою. Поэтому начальникъ отряда счелъ необходимымъ перевести большую часть ротъ въ городъ, гдѣ для нихъ были очищены бывшіе ханы (заѣзжіе дома турокъ), по возможности примѣненные къ казарменному расположенію. На позиціяхъ при орудіяхъ оставлены были по одному взводу и отмѣнена высылка ротъ на ночь на аванпосты, которые замѣнены казачьими пикетами, въ крайне ограниченномъ размѣрѣ. Хотя въ это время невозможно было уже ожидать ни съ какой стороны какаго-либо покушенія на Ловчу, тѣмъ не менѣе послѣдняя мѣра была необходима, потому что въ концѣ ноября, стали часто повторяться случаи поимки турецкихъ дезертировъ изъ Плевны. Всѣ они подтверждали слухи о крайней нуждѣ и голодѣ въ арміи Османа-паши. Ихъ приводили, въ 10-ти градусный морозъ, въ оборванныхъ мундирахъ и башмакахъ, въ страшно изнуренномъ видѣ. Между тѣмъ дни проходили за днями, а Плевна не сдавалась. Бомбардированіе ея, подобно громовымъ раскатамъ, доносилось до Ловчи и иногда канонада разгоралась до того, что мы были увѣрены въ совершающемся прорывѣ Османа, или въ новомъ штурмѣ съ нашей стороны; но на утро узнавали, что положеніе все тоже. Томительны были наши ожиданія, несмотря на увѣренность въ благопріятномъ исходѣ дѣла.

28-го ноября, часу во второмъ дня, когда лица, составлявшія штабъ нашего отряда, послѣ скромнаго обѣда въ штабной артели, разошлись по своимъ уголкамъ, въ комнату начальника отряда вбѣжалъ, запыхавшись и безъ шапки, начальникъ ловчинской телеграфной станціи, съ словами:

— Ваше превосходительство, Плевна взята!

— Почему вы знаете? Гдѣ депеша? спросилъ генералъ.

— Депеша частная, ко мнѣ, отъ начальника станціи въ Боготѣ.

Одинъ изъ ординарцевъ услыхалъ этотъ разговоръ, не выдержалъ, крикнулъ „ура!“ и въ одинъ мигъ всѣ наши вѣстовые, очередные казаки, деньщики,—все это съ тѣмъ же восклицаніемъ бросилось на улицу. Всякій спѣшилъ сообщить радостную вѣсть первымъ, кому бы то ни было. Не прошло 5 минутъ какъ болгары, мужчины и женщины, солдаты, офицеры—бѣжали изъ лавки въ лавку, изъ дома въ домъ, съ возгласами радости и обуявшаго всѣхъ восторга. Но когда каждый изъ насъ, послѣ перваго впечатлѣнія пришелъ въ себя, то невольно рождался вопросъ: правда-ли? Боязнь разочарованія и желаніе скорѣе узнать подтвержде-

ніе событія, заставило офицеровъ штаба, каждые 5 минутъ, поочередно, бѣгать на телеграфную станцію. Въ 3 часа получена была окружнымъ гражданскимъ начальникомъ депеша о немедленной высылкѣ къ Плевнѣ, возможно большаго числа подводъ. Но и это было только намекомъ на то, что что-то совершилось. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали мы оффиціальной депеши. Только въ 8-мъ часу вечера начальникъ станціи самъ принесъ ее генералу. Тотчасъ по полученіи этой депеши, начальникъ отряда послалъ Его Высочеству Главнокомандующему, отъ имени войскъ поздравительную телеграмму, на которую былъ удостоенъ слѣдующаго отвѣта: „Сердечно благодарю тебя и войска, за поздравленіе и за славную службу".

На утро, совершено было передъ войсками, при громадномъ стеченіи народа, благодарственное молебствіе. Въ числѣ присутствовавшихъ, было уже нѣсколько пріѣхавшихъ изъ Богота; они разсказали намъ подробности различныхъ эпизодовъ разбитія Османа и сдачи его арміи.

Съ этого дня наша жизнь въ Ловчѣ нѣсколько измѣнилась. Орудія и войска съ позицій были сняты и размѣщены въ городѣ. Во всѣхъ частяхъ приказано было заняться осмотромъ оружія, исправленіемъ одежды и особенно обуви, заготовкою вьюковъ. Торговля въ городѣ замѣтно оживилась: въ него съѣзжались за покупками изъ всѣхъ полковъ отряда обложенія. На улицахъ встрѣчались офицеры всѣхъ родовъ оружія, наѣхавшіе запастись: кто сапогами, кто провизіею, кто теплою одеждою, а многіе единственно обмыться въ находившейся въ Ловчѣ, порядочной банѣ. Наоборотъ, офицеры нашего отряда, жаждали увидѣть Плевну и ея гигантскія укрѣпленія. Желающихъ ѣхать туда оказалось такъ много, что разрѣшено было увольнять поочереди. Въ первые дни по плѣненіи Османа, шоссе отъ Ловчи до Плевно, этою ѣздою взадъ и впередъ, было необыкновенно оживлено.

По полученіи извѣстія о пожалованіи Главнокомандующему ордена св. Георгія 1-й степени, начальникъ отряда, 1-го декабря поѣхалъ въ Боготъ, поздравить Его Высочество отъ имени ловче-сельвинскаго отряда. Цѣлью поѣздки была также необходимость узнать, какое назначеніе дано будетъ составляющимъ его войскамъ. Всѣмъ уже было извѣстно, что 2-я дивизія идетъ къ рущукскому отряду, что 9-й корпусъ трогается къ Орханіи, а по пути въ Боготъ начальникъ отряда встрѣтилъ квартирьеровъ 16-й дивизіи, шедшихъ въ Ловчу и Сельви. Несмотря на это, на вопросъ генерала: что предстоитъ ловче-сельвинскому отряду? вопросъ предложенный лицу, которое не могло не знать будущаго назначенія и распредѣленія войскъ, было отвѣчено:

— Съ чего вы взяли, что предполагаются передвиженія? Все остается какъ было.

— Я спрашиваю не изъ любопытства,—возразилъ генералъ,—а по-

тому что въ Ловчѣ много запасовъ продовольствія и складъ снарядовъ. Надо же заранѣе знать кому ихъ сдать, какія принять мѣры для охраны. Можно получить приказаніе выступить немедленно и тогда придется все бросить.

— Въ свое время обо всемъ получите приказанія, а теперь я ничего не знаю.

Къ сожалѣнію, это время не наступило и мы ушли, оставивъ все, что стоило столькихъ трудовъ и денегъ, на произволъ случайностей.

Думая сберечь интересы казны и заинтересовать этимъ другое оффиціальное лицо, генералъ обратился къ нему съ вопросомъ, прямо его касающимся.

— Пожалуйста, не обращайтесь ко мнѣ о томъ, что не отъ меня исходило. Если считаютъ возможнымъ дѣлать по моей спеціальности распоряженія по мимо меня, то пусть и поступаютъ, какъ знаютъ,—я въ сторонѣ.

Итакъ, вторая цѣль поѣздки въ Боготъ осталась неудовлетворенною.

Въ первые дни декабря, наша штабная семья не разъ имѣла удовольствіе принимать лицъ занимавшихъ значительныя должности. Одни ѣхали отъ Елены и Шипки—въ главную квартиру, другіе были командированы изъ главной квартиры въ отряды. По неимѣнію почтовыхъ лошадей, многіе обращались съ просьбою доставить ихъ въ Боготъ или Сельви, и конечно никто не получалъ отказа. Много интереснаго было узнано отъ этихъ лицъ.

12-го декабря, начальникъ отряда былъ потребованъ въ главную квартиру, вмѣстѣ съ подполковникомъ Сухомлиновымъ. Цѣль вызова состояла въ сообщеніи воли Главнокомандующаго, о переходѣ нашего отряда, черезъ Балканы отъ Траяна къ Теке и Корнари, одновременно съ общимъ движеніемъ впередъ генерала Гурко на западѣ и генерала Радецкаго—съ Шипки. Такъ какъ начало движеній положительно еще неопредѣлялось, то и наше выступленіе изъ Ловчи было дѣломъ будущаго. Чтобы воспользоваться остающимся временемъ, начальникъ отряда приказалъ подполковнику Сухомлинову, вмѣстѣ съ вновь прибывшимъ начальникомъ штаба 3-й дивизіи, подполковникомъ Сосновскимъ, еще разъ осмотрѣть сѣверный склонъ того подъема, по которому намъ предстояло взойти на высочайшую вершину Балканъ и съ боя взять ее.

Въ послѣдніе дни нашего пребыванія въ Ловчѣ, городъ былъ переполненъ проходившими черезъ него и располагавшимися въ его окрестностяхъ войсками. Первыми проходили полки 16-й дивизіи. Ея начальникъ генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 2-й, три дня оставался въ Ловчѣ.

Занятая для него квартира имѣла обширный дворъ, представлявшій по вечерамъ весьма привлекательную картину. Огромные костры, горѣвшіе всю ночь, освѣщали ближайшія улицы и отражались заревомъ

на небѣ. Возлѣ огней стояли частію неразсѣдланныя лошади, всевозможныхъ видовъ иррегулярной кавалеріи. Тутъ были и донцы, и кубанцы, и въ черкесской формѣ кавказцы сводной бригады. Кто-то видѣлъ между конвойными даже киргиза, а въ числѣ ординарцевъ находились и офицеры гвардіи. Какимъ образомъ начальникъ армейской дивизіи, такъ эффектно обставилъ свой по штатамъ весьма небольшой штабъ, такой многочисленной и разнообразной свитой, не могло неудивлять насъ.

За 16-й дивизіей проходила 30-я, за нею 9-й казачій полкъ, потомъ гусары и, наконецъ, вся 1-я кавалерійская дивизія. Послѣдняя, вмѣстѣ съ 3-ю стрѣлковою бригадою, размѣстилась въ окрестностяхъ Ловчи. Такое распоряженіе давало намъ надежду, что быть можетъ эти войска, или по крайней мѣрѣ стрѣлки, увеличатъ составъ нашего малочисленнаго отряда, при предстоящей ему боевой роли. Сначала ушла 1-я кавалерійская дивизія къ Сельви, а затѣмъ, 18-го декабря, генералъ-адъютантъ Непокойчицкій телеграфировалъ начальнику отряда: „3-ю стрѣлковую бригаду направьте въ Габрово, въ распоряженіе Радецкаго“ *). За 3 часа до полученія этой телеграммы, была получена такая:

„Генералъ Радецкій увѣдомляетъ, что онъ потребовалъ 3-ю стрѣлковую бригаду въ Габрово. Прошу увѣдомить, направлена-ли туда бригада и по какому маршруту“. Непокойчицкій **). Изъ этого видно, что въ то время, когда бригада была обѣщана начальнику нашего отряда, она была уже отдана другому. Еще ранѣе прибытія въ Ловчу кавалеріи и стрѣлковъ, въ нее 10-го декабря, перешелъ дивизіонъ лейбъ-казаковъ. Поэтому поводу было телеграфировано изъ главной квартиры: „Великій Князь приказалъ отправить дивизіонъ лейбъ-казаковъ въ Ловчу. Дивизіонъ прибудетъ 9-го или 10-го декабря. Прикажите приготовить помѣщеніе. Предупреждаю, что между Микре, Ловчей и Траяномъ расположится 1-я кавалерійская дивизія. Для чего Дохтуровъ командируетъ офицеровъ. Окажите содѣйствіе“ ***).

При подобномъ наплывѣ войскъ, дороговизна жизненныхъ припасовъ и особенно фуража, достигла въ Ловчѣ громадныхъ размѣровъ, что, впрочемъ, не имѣло на части собственно нашего отряда ни малѣйшаго вліянія. У насъ находились еще такіе запасы продовольствія, которые не только были бы достаточны для своихъ войскъ, но можно бы было подѣлиться и съ другими, что, впрочемъ, и дѣлалось. Не было ни одного проѣзжающаго, желавшаго получить сѣно для своихъ лошадей, которому было бы отказано. Что же касается нашихъ собственныхъ лошадей,

*) Депеша, № 1864

**) Телеграмма изъ Богота, № 1609.

***) Телеграмма изъ Богота, 8 го декабря, № 1732.

то и по выступленіи нашемъ, въ складѣ интенданта, остались стоги заготовленнаго сѣна.

Послѣднія три недѣли жизни въ Ловчѣ сильно напоминали Россію. Начавшіеся еще въ первые дни декабря морозы дошли до 10-ти градусовъ, а затѣмъ держались между тремя и семи градусами. Выпалъ снѣгъ; установился прекрасный первопутокъ. Имъ можно бы было воспользоваться для подвоза всякаго рода транспортовъ изъ-за Дуная, если бы заранѣе были припасены полозья. Впрочемъ, наши и особенно артиллерійскіе мастеровые ухитрились устроить нѣсколько розвальней и даже саней, на которыхъ мы обновляли болгарскую зиму. Потомъ мятели образовали даже на шоссе большіе заносы. Въ ожиданіи движенія войскъ изъ Плевны, пришлось расчищать ихъ. 10-го декабря изъ Богота было телеграфировано начальнику отряда: „Необходимо очистить дороги отъ снѣга для транспортовъ. Благоволите приказать выслать, гдѣ возможно, нижнихъ чиновъ для расчистки пути отъ Ловчи на Плевну и Сельви *)". Вслѣдствіе этого, нѣсколько дней сряду, посылаемы были команды при саперныхъ унтеръ-офицерахъ, для расчистки шоссе и для исправленія мостовъ.

По окончаніи послѣдней рекогносцировки Траянскаго подъема, начальникъ отряда, 19-го декабря вновь поѣхалъ къ Главнокомандующему, съ докладомъ о возможности перейти Балканы у Траяна. На просьбу объ усиленіи отряда стрѣлковыми батальонами, сначала послѣдовало согласіе, но потомъ оказалось, какъ и объяснено выше, что стрѣлковая бригада назначена въ колонну генерала Скобелева 2-го, и потому намъ данъ былъ одинъ 10-й стрѣлковый батальонъ, которому немедленно было телеграфировано, чтобы возвратился въ Ловчу. Получивъ послѣднія наставленія и приказанія Его Высочества, кончавшіяся словами: „Я знаю, что это крайне трудно, но ты сдѣлаешь это для меня", — генералъ въ тотъ же день, вечеромъ, возвратился въ Ловчу. Затѣмъ вся ночь прошла въ распоряженіяхъ къ предстоящему походу, въ составленіи предписаній, маршрутовъ, инструкцій, а 20-го декабря, утромъ, былъ отданъ приказъ о расформированіи ловче-сельвинскаго отряда и объ образованіи изъ составлявшихъ его войскъ — Траянскаго.

Въ теченіи четырехъ-мѣсячнаго существованія ловче-сельвинскаго отряда, на его долю не выпало участія, въ полномъ составѣ, въ какихъ-либо большихъ сраженіяхъ и не пришлось ему защищать воздвигнутыхъ его трудами укрѣпленій, чего мы всѣ такъ горячо желали. Но всякій, правдиво относящійся къ дѣлу, оцѣнитъ положеніе отряда въ тяжелые сентябрьскіе дни, когда онъ составлялъ единственную связь между Шипкою и отрядомъ обложенія,—когда, съ самыми небольшими средствами

*) Депеша начальника полеваго штаба.

онъ охранялъ три балканскихъ перевала,—когда въ 10-ти верстахъ отъ него на западъ кишѣли еще баши-бузуки, а въ 30-ти—шелъ этапный путь къ Плевнѣ; наконецъ, когда на софійскомъ шоссе и у Орханіи, собирались со всѣхъ сторонъ значительныя непріятельскія силы, могущія обрушиться на Ловчу. Не должно остаться незамѣченнымъ и то, что̀ сдѣлано для постепеннаго оттѣсненія непріятельскихъ партій къ западу,—для сохраненія за собою сѣверныхъ склоновъ у Розелита и Траяна,—для взятія Тетевени, чѣмъ уничтоженъ побочный путь къ Плевнѣ; затѣмъ произошло занятіе Извора, Тороса и овладѣніе всѣмъ пространствомъ до Вида. О томъ, какъ составлявшія ловче-сельвинскій отрядъ войска заявили себя въ боевомъ отношеніи, видно изъ донесеній о взятіи Этрополя и Траянова перевала.

Прежде описанія втораго періода дѣйствій 3-й пѣхотной дивизіи, по расформированіи образованнаго изъ ловче-сельвинскаго—траянскаго отряда, считаемъ необходимымъ указать на тѣ турецкіе документы, которые убѣдительнѣе всего доказываютъ, какое важное значеніе имѣла Ловча въ глазахъ непріятеля и, съ другой стороны, каково было для насъ значеніе и цѣль ловче-сельвинскаго отряда:

1) Въ императорской запискѣ отъ 18-го августа (20 шабанъ), сообщенной военному министру канцеляріею султана, между прочимъ сказано:

„Предотвратить опасность (перехода русскихъ въ наступленіе у Шипки) можно только выдѣливъ изъ Плевны особый отрядъ, быстро направить его на Ловчу и Сельви къ Габрову, на путь отступленія непріятеля“.

2) Въ донесеніи Сулеймана, отъ 22-го августа (день взятія Ловчи), говорится:

„Сегодня слышится сильный гулъ орудій; не дай Боже, чтобы непріятель захватилъ Ловчу... это вынудитъ дунайскіе корпуса держаться оборонительнаго образа дѣйствій“.

3) Телеграмма Османа-паши Сулейману:

„Пока Ловча не будетъ взята нами обратно, мой путь отступленія (изъ Плевны) будетъ находиться въ постоянной опасности... Какъ только императорскія войска будутъ приведены въ порядокъ, мы снова возьмемъ Ловчу“.

4) Переговоры, веденные 14-го ноября сераскеріатомъ съ начальникомъ дунайскихъ корпусовъ, Сулейманомъ-пашою:

„Освобожденіе Плевны можетъ быть исполнено наступленіемъ Мегмета-Али, а если выкажется превосходство непріятеля въ силахъ и мустафизы окажутся негодными для дѣйствія въ полѣ, то его свѣтлость долженъ овладѣть Ловчею“.

VIII.

Адріанополь и Демотика.

Расформированіе траянскаго отряда. — Отъ Марьицы до Хаскіоя. — Сводные батальоны въ горахъ Германлы. — Неизвѣстность о боковыхъ колоннахъ. — Движеніе съ гвардіею. — Дневка въ Адріанополѣ. — Переходъ въ Демотику. — Охрана мостовъ. — Занятіе Дадеагача. — Вражда населеній. — Экспедиція къ западу. — Исправленіе мостовъ. — Перемиріе. — Обозы, оставленные за Балканами. — Положеніе ихъ и подвижнаго лазарета у Шипки. — Заботы о продовольствіи.

Дѣйствія 3-й пѣхотной дивизіи, съ 20-го декабря 1877 года, т. е. съ того дня, до котораго доведено ихъ описаніе въ предшествовавшихъ главахъ, по 8-е января 1878 года, хотя подробно изложены въ статьѣ „О разслѣдованіи и взятіи съ бою Траянскаго перевала“ *), но для связи двухъ этихъ періодовъ, представимъ въ сжатомъ перечнѣ, происходившее въ дни, составлявшіе рождественскіе праздники.

20-го декабря въ Ловчѣ отданъ былъ приказъ о расформированіи ловче-сельвинскаго отряда и о сформированіи изъ него траянскаго, цѣль котораго была сбить турокъ съ высочайшей изъ балканскихъ вершинъ и, перейдя перевалъ, дѣйствовать въ долинѣ Гіопса. Въ составъ новаго отряда изъ 3-й дивизіи вошли: 9-й Староингерманландскій полкъ и 8 ротъ Новоингерманландскаго, къ которымъ, уже по совершеніи перевала, присоединились и всѣ прочія части дивизіи. Съ 21-го декабря разбросанныя части новаго отряда стягивались къ сборному пункту въ Траянѣ и у Княжевицкихъ Кулибъ, а съ 23-го — начался по-эшелонно подъемъ къ перевалу. Въ ночь на сочельникъ произошло первое столкновеніе съ непріятелемъ, при рекогносцировкѣ главнаго турецкаго укрѣпленія на Орлиномъ гнѣздѣ. Общая же атака всей непріятельской позиціи и бой на перевалѣ происходили 26-го декабря. Они окончились полною побѣдою, взятіемъ всѣхъ укрѣпленій, двухъ знаменъ, орудія и военнаго транспорта. Спускъ орудій, задержанный мятелью, заставилъ части отряда пробыть въ Теке и Корнари три дня, въ теченіи которыхъ произведены были развѣдки къ Клиссурскому и Калоферскому ущельямъ и заняты города Сопотъ и Карлово. 30-го декабря туда уже вступилъ Староингерманландскій полкъ и занято было, по филиппопольскому шоссе, въ Малыхъ Балканахъ Чукурлу. На слѣдующій день, по прибытіи въ Корнари отъ Златицы Псковскаго и Великолуцкаго полковъ, Новоингерманландскій полкъ направился въ Войнягово и, затѣмъ, 1-го января, штабъ отряда перешелъ въ Карлово. Тамъ получено было приказаніе Главнокомандующаго выдѣлить летучій кавалерійскій отрядъ и подаваться къ Филиппополю. Такъ какъ это было уже предпринято ранѣе и передовыя казачьи части

*) Военный Сборникъ, 1879 г., № 1.

дошли до Каротопрака, то 3-го января вся 1-я бригада была направлена къ Филиппополю, а 2-й приказано занять Карлово. Вслѣдствіе ея слабаго состава, изъ нея были сформированы, подъ начальствомъ маіора Федотова, два сводные батальона, составившіе резервъ отряда, а прочіе батальоны оставлены въ Карловѣ, какъ для ихъ устройства, такъ и для сбора брошенныхъ турками запасовъ. Къ этимъ частямъ постепенно присоединялись всѣ отсталые и выздоровѣвшіе изъ Этрополя и Златицы.

4-го января кавалерія отряда вступила въ Филиппополь, уже занятый войсками гвардіи, а голова пѣхотной колонны дошла до Чурлука. На слѣдующій день предполагалось всѣму отряду соединиться въ Филиппополѣ съ войсками генералъ-адъютанта Гурко и дѣйствовать по его указанію, но полученное изъ главной квартиры приказаніе: „въ случаѣ занятія Филиппополя нашими, идти на Чирпанъ",—заставило измѣнить это распоряженіе. 5-го января дивизія, свернувъ на шоссе, рано утромъ тронулась тремя колоннами по указанному Его Высочествомъ направленію. Около 9 ч. утра мы услышали со стороны Филиппополя сильную кононаду. Это заставило остановить движеніе и начальникъ дивизіи отправилъ къ генералу Гурко слѣдующую записку: „Хотя я имѣю положительное приказаніе Главнокомандующаго, въ случаѣ занятія нашими Филиппополя, идти на Чирпанъ, но, слыша канонаду, прошу увѣдомить: не нужно ли мое содѣйствіе. Благоволите сообщить о вашемъ направленіи на 6-е и 7-е января".

Такъ какъ отвѣта на эту записку не было получено до наступленія вечера, а канонада стихла около 4-хъ часовъ, то отрядъ продолжалъ свое движеніе къ Чирпану, куда и вступилъ 6-го января, утромъ. Пополнивъ тамъ сухари изъ турецкихъ складовъ и сдѣлавъ необходимыя распоряженія по сообщеніямъ съ тыломъ, а равно по принятію мѣръ для переправы черезъ Марьицу, дивизія 8-го января была сосредоточена у дер. Іогурчу, противъ станціи желѣзной дороги Іена-Михалеса. Тамъ, при неимовѣрныхъ усиліяхъ, устроена была переправа по мосткамъ, изъ затопленныхъ каруцъ, черезъ разлившуюся и покрытую густымъ ледоходомъ рѣку. Морозъ, доходившій до 11° и порывистый вѣтеръ, затрудняли переходъ до того, что въ теченіи дня перешли на правый берегъ всего три батальона; 10-й Новоингерманландскій полкъ переправился уже при темнотѣ, а Староингерманландскій 9-го числа.

По окончаніи переправы у Іени-Михалесы, расформированный траянскій отрядъ вошелъ въ составъ западнаго отряда генерала отъ кавалеріи Гурко. 3-я пѣхотная дивизія, изъ бывшихъ при ней войскъ, сохранила при себѣ: 10-й стрѣлковый батальонъ, роту 6-го сапернаго батальона и 24-й казачій полкъ. Изъ собственной артиллеріи съ нею перешли Марьицу только два орудія 3-й батареи и остались при ней: 4-я батарея 31-й бригады и взводъ конной № 16-й батареи прибывшіе со 2-ю бригадою изъ

Златицы. 9-го января, дивизія имѣла въ строю всего 6500 штыковъ, потому что изъ присоединившейся 1-го января въ Корнари 2-й бригады можно было взять, какъ сказано выше, только два сводные батальона, въ 600 и 800 человѣкъ.

Ни одной колесной повозки при дивизіи не было. Въ ожиданіи окончательнаго перехода черезъ мостки послѣднихъ ротъ и вьючнаго обоза, начальникъ дивизіи и ея штабъ, остановились на желѣзно-дорожной станціи, въ верстѣ отъ берега. Тамъ мы застали еще трехъ служащихъ: начальника станціи—швейцарца, телеграфиста изъ нѣмцевъ и итальянскаго инженера. Разсыпаясь въ увѣреніяхъ, что рады нашему приходу, они предложили намъ свои квартиры и когда закипѣлъ нашъ артельный самоваръ, другъ передъ другомъ пустились разсказывать о перенесенномъ ими страхѣ, отъ нашествія на станцію массы переселенцевъ. По ихъ словамъ, съ 1-го января, всѣ поѣзда подвозившіе войска къ Филипополю, захватывались эмигрантами силою. Не только вагоны и платформы набивались биткомъ, но женщины и дѣти лѣзли на крыши, прицѣплялись къ подножкамъ, хватались за буфера. Только что уходилъ одинъ поѣздъ, какъ налетала другая толпа бѣглецовъ съ кинжалами и ятаганами въ рукахъ, требовавшая вагоновъ, а ихъ не было. Хотя правленіе дороги и предписывало, чтобы всѣ служащіе оставались на мѣстахъ, но большая ихъ часть ушла въ города занятые нашими войсками. Принявшіе насъ, умоляли начальника дивизіи оставить на станціи хоть роту, или сотню казаковъ, для охраны ихъ отъ набѣга баши-бузуковъ. Покуда переправившіяся роты подходили къ станціи, а мы обогрѣвались чаемъ, послѣ 10-ти часовъ проведенныхъ у переправы на 9-ти градусномъ морозѣ, иностранцы разсказывали, что послѣ боя за Филипополемъ, Сулейманъ ушелъ съ своею разбитою арміею въ Родопскія горы, что сообщеніе по желѣзной дорогѣ съ Адріанополемъ прервано, что отъ начальника турецкихъ войскъ въ Трновѣ, гдѣ мостъ черезъ Тунджу, была депеша о наступленіи сильныхъ русскихъ отрядовъ, и что Сулейманъ велѣлъ туркамъ, отступая все жечь и уничтожать.

Оставивъ у станціи 10-й Новоингерманландскій полкъ, мы въ десятомъ часу вечера выступили съ сводными батальонами 2-й бригады, къ деревни Іени-Михалесы, лежавшей на шоссе. До нее было не болѣе 5-ти верстъ. Этотъ путь, при серьезномъ морозѣ и при лунномъ освѣщеніи покрытыхъ снѣгомъ полей, сильно напомнилъ родину. Посланные впередъ казаки заняли раззоренное, брошенное жителями селеніе. Подъ ночлегъ штаба отведи опустошенный домъ съ большимъ дворомъ, на которомъ валялось нѣсколько палыхъ животныхъ. Переходя изъ одного сарая въ другой, мы безпрестанно натыкались на какіе-то замерзшія, полузанесенныя снѣгомъ тѣла. Съ первыми-же лучами яснаго зимняго утра, намъ представилась страшная картина: на дворѣ, на улицѣ, вну-

три полусгорѣвшихъ домовъ,—вездѣ валялись человѣческіе трупы, преимущественно женщинъ и дѣтей. Чтобы избавиться подобнаго зрѣлища и скорѣе вывести войска изъ этой юдоли смерти, приказано было выступить по шоссе къ Адріанополю, неожидая подхода 10-го полка. По выходѣ изъ селенія, представилось зрѣлище, еще ужаснѣе того, отъ котораго мы уходили. На пространствѣ тридцати-верстнаго перехода до Хаскіоя, по обѣимъ сторонамъ дороги, намъ попадались цѣлыя площади, покрытыя разбитыми транспортами переселенцевъ. Между разгруженными повозками и разбросаннымъ по полю домашнимъ хламомъ, лежали убитые. Во многихъ мѣстахъ, между трупами шевелились въ агоніи еще живые существа, покрытые рубищами. Это были семьи погибшихъ, ихъ матери, жены и дѣти, на половину уже замерзавшія, или израненныя. Никакое перо не въ силахъ описать того впечатлѣнія, какое мы испытали, видя предсмертныя судороги несчастныхъ. Ни поле битвы, ни перевязочные пункты подъ Плевной, ни что, по силѣ впечатлѣнія, не могло сравниться съ тѣмъ, что теперь испытывали наши нервы. Нельзя было взглянуть въ сторону, чтобы не содрогнуться отъ ужаса. Тамъ женщина у обмерзшихъ и уже почернѣвшихъ ногъ которой, лежатъ два трупа малютокъ, прижимаетъ къ голой груди двухъ другихъ, коченѣющихъ. Здѣсь старуха уперла тупой, безсмысленный взоръ, на убитаго старика, съ раскрытою на груди раною. Споткнулся конь,—невольно взглянешь внизъ и видишь голаго, примерзшаго спинкою къ шоссе ребенка, съ поднятыми къ вамъ рученками!... и это на каждомъ шагу, и чѣмъ дальше тѣмъ ужаснѣе, тѣмъ раздирательнѣе. Въ лежавшей на серединѣ перехода деревнѣ, во время привала, нельзя было выбрать дома, у порога, или внутри котораго, не было-бы убитыхъ, или замерзшихъ. Пришлось полтора часа оставаться, на холодномъ вѣтрѣ съ снѣгомъ.

9-го января, уже подъ вечеръ, дивизія пришла въ Хаскіой, гдѣ нашла 3-ю бригаду 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи. Самый городъ, раскинутый на холмахъ, между которыми извивалось нѣсколько ручьевъ, представлялъ полнѣйшій хаосъ, со всѣми слѣдами только-что кончившейся междоусобицы. Турецкіе трупы еще валялись на улицахъ, а болгарскіе сносились къ церкви для отпѣваній. Даже и при насъ, раздавались изъ-за угловъ и изъ пустыхъ домовъ выстрѣлы по проходившимъ.

По распоряженію генерала Гурко, дивизіи приказано было оставаться въ Хаскіоѣ впредь до распоряженія. Вмѣстѣ съ этимъ предписывалось обезпечить городъ отъ нападенія съ юга и юго-запада, куда уже посланы были сильные кавалерійскіе разъѣзды. Для подкрѣпленія ихъ, своднымъ батальонамъ Псковскаго и Великолуцкаго полковъ, приказано занять деревни Кунджаіръ и Османъ-баба, а 10-й Новоингерманландскій полкъ направленъ къ югу въ Аидадей, и 10-й стрѣлковый батальонъ—въ Хасараба. Въ городѣ, вмѣстѣ съ гвардейскою кавалеріею, остались: 9-й

Староингерманландскій полкъ и саперная рота, со взводомъ 3-й батареи 3-й артиллерійской бригады. Батарея-же 31-й бригады и взводъ конной № 16-й батареи, оставались все время при 10-мъ полку и стрѣлковомъ батальонѣ *).

Двое сутокъ (10-го и 11-го января) оставались мы въ Хаскіоѣ. Они были употреблены на заботы и распоряженія по снабженію дивизіи и состоящихъ при ней частей, хлѣбомъ и сухарями. Такъ какъ съ нами не было ни интенданта, ни транспорта, то приходилось самимъ изыскивать средства продовольствія. Къ счастью и здѣсь, какъ во всей Румеліи, турки позаботились, чтобы мы не голодали. На бывшаго полицеймейстера траянскаго отряда, маіора Лебединскаго, возложено было завѣдываніе сборомъ и добываніемъ провіанта. Онъ разузналъ, что въ 12-ти верстахъ отъ Хаскіоя, на желѣзно-дорожной станціи Кечерли (Унджево), находится складъ галетъ. Немедленно набрано и нанято было 20-ть подводъ, которыя привезли до 300 пудовъ отличныхъ галетъ, розданныхъ въ роты 9-го полка и саперамъ. Зная, что еще болѣе могутъ нуждаться въ сухаряхъ части посланныя въ горы, начальникъ дивизіи приказалъ не отпускать подводъ, а рано утромъ 11-го числа подвезти еще галетъ изъ Кечерли. Но тамъ нашли одни остатки, не болѣе 100 пудовъ. Все остальное, въ теченіи ночи было разобрано кавалерійскими полками. Вслѣдствіе этого былъ отданъ слѣдующій приказъ по дивизіи.

Хаскіой, 11-го января 1878 г.—„Съ удаленіемъ частей дивизіи, отъ образованныхъ по моему распоряженію въ Карловѣ складовъ, снабженіе войскъ сухарями съ каждымъ днемъ дѣлается труднѣе. Конфискуемые въ городахъ и по желѣзной дорогѣ турецкіе склады галетъ, хотя и помогаютъ дѣлу, но ихъ надолго хватать не можетъ и при разбросанности частей и движеніи эшелоновъ разными дорогами, доставка галетъ, при неимѣніи обоза, невозможна. Поэтому предписывается: полковымъ, стрѣлковаго и сводныхъ батальоновъ и артиллерійскихъ батарей командирамъ, по приходѣ въ селенія, стараться немедленно обезпечить свою часть хлѣбомъ, хотя на время остановки, или ночлега въ занятой мѣстности. Для этого муку принадлежащую непріятельскому правительству, или эмигрировавшимъ жителямъ,—конфисковать. Буде-же

*) Въ описаніи дѣйствій тѣхъ частей дивизіи, которыя входили въ Траянскій отрядъ, было сказано, что вся, принадлежавшая дивизіи, артиллерія, исключая двухъ орудій 3-й батареи, бывшихъ въ траянскомъ бою, осталась за Балканами. Первая же, 3-я и 5-я батареи, по невозможности перевести ихъ черезъ Траянскій перевалъ, оставлены въ Ловчѣ, а 2-я, 4-я и 6-я батареи, находившіяся съ 20-го октября въ западномъ отрядѣ,—удержаны въ Орханіи. Взамѣнъ ихъ, по какой-то случайности, присоединились къ дивизіи со 2-ю бригадою: 4-я батарея 31-й бригады, и по взводу 16-й конной и 19-й казачей батарей. Послѣдній взводъ, 3-го января отдѣлили отъ дивизіи, вмѣстѣ съ 30-мъ казачьимъ полкомъ, въ летучій отрядъ генерала Скобелева 1-го.

подобной не окажется, то покупать муку у болгаръ и при ихъ содѣйствіи, или своими средствами, выпекать лепешки. Выдаваемые изъ штаба дивизіи галеты, безъ крайней надобности не тратить, а имѣть людямъ въ мѣшкахъ, на экстренную надобность. На особенную заботливость гг. частныхъ начальниковъ возлагаю, чтобы нижніе чины всегда имѣли на себѣ на 3 дня сухарей, или галетъ. Каждой части гораздо легче найти средства, пріобрѣсти продовольствіе на небольшое число людей, нежели штабу дивизіи на 9-ть тысячъ человѣкъ. Сказанное о хлѣбѣ относится и до обезпеченія людей мясными порціями".

11-го января около полудня, прибылъ къ начальнику дивизіи маіоръ Федотовъ, съ докладомъ, что ночью, посланные въ ближайшую отъ его бивуака деревню патрули, были встрѣчены выстрѣлами. Вслѣдствіе этого онъ поднялъ сводные батальоны по тревогѣ и направилъ къ этой деревнѣ. Она оказалась занятою трехъ-тысячнымъ транспортомъ, бѣжавшихъ турокъ. Увидя наступленіе двухъ батальоновъ, они неосмѣлились оказывать дальнѣйшаго сопротивленія; деревня была оцѣплена и находившіеся въ ней турки обезоружены. При ночной перестрѣлкѣ у насъ раненъ рядовой. По полученіи отъ начальника дивизіи указаній на случай дальнѣйшихъ дѣйствій, Федотовъ возвратился въ Кунджаиръ. Сряду по его отъѣздѣ были получены весьма важныя извѣстія съ двухъ сторонъ: съ востока—генералъ Скобелевъ 2-й увѣдомлялъ, что онъ вслѣдъ за полками 1-й кавалерійской дивизіи, вступилъ съ 16-ю дивизіею въ Адріанополь, а съ запада—отъ генерала Гурко, что онъ слѣдуетъ съ гвардіею отъ Филипополя и предписываетъ 3-й дивизіи идти черезъ Германлы къ Адріанополю.

Оставленіе турками безъ боя второй своей столицы, про укрѣпленія которой столько было говорено и писано, а съ другой стороны слухи, что въ главную квартиру прибыли уполномоченные для заключенія перемирія, поселили надежду на скорое окончаніе войны. Какъ то и радостно, и досадно становилось при этой мысли. Радостно, когда думалось, что вотъ конецъ всѣмъ лишеніямъ и близко возвращеніе въ Россію, къ роднымъ и близкимъ сердцу, и досадно, что придется остановиться недоходя до Константинополя, когда тутъ-то бы и добивать турокъ и гнать ихъ въ Азію. Но при этомъ невольно приходило на мысль: а гдѣ сухари? гдѣ патроны? Съ нами было только то, что помѣщалось въ мѣшкѣ и сумкѣ солдата. Все остальное было за Балканами, за стѣной, въ которой одни ворота—шибкинскій перевалъ, проходимый только въ тихую погоду, а чуть мятель и они запирались.

Вечеромъ 11-го января пришла въ Хаскіой 1-я бригада 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, но мы не успѣли свидѣться съ Преображенцами и Семеновцами, потому что на слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, выступили къ Германлы. Передъ выступленіемъ отдана была по дивизіи слѣдующая

диспозиція: „Для назначеннаго на завтра движенія частей дивизіи къ Германлы, войска ее составляющіе раздѣляются на 4 колонны: 1-й колоннѣ, подъ начальствомъ полковника Бородина, состоять изъ 10-го стрѣлковаго батальона, взвода конной № 16-й батареи и 5-й сотни 24-го казачьяго полка; 2-й колоннѣ изъ сводныхъ батальоновъ 2-й бригады и 4-й сотни 24-го казачьяго полка, подъ начальствомъ маіора Федотова; 3-й колоннѣ: Новоингерманландскій полкъ, 4-я батарея 31 артиллерійской бригады и 6-я сотня 24 полка, быть подъ командою полковника графа Комаровскаго. 4-й колоннѣ состоять изъ 9-го Староингерманландскаго полка, саперной роты, взвода 3 батареи и полусотни казаковъ и быть подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника графа Татищева. Штабу дивизіи слѣдовать при 4-й колоннѣ и при немъ находиться конвойной сотнѣ и 4-й ротѣ 9-го полка".

Вмѣстѣ съ отправленіемъ этой диспозиціи къ начальникамъ колоннъ, маіору Федотову и полковникамъ Бородину и графу Комаровскому, предписано перейти изъ мѣста расположенія, ближайшими дорогами къ Германлы и занять къ югу отъ него деревни Дудакляръ, Хыласляръ и Рахманлы, а 13-го числа выдти на Адріанопольское шоссе, по которому дойти до Мустафа-паши, куда въ тотъ же день прибудетъ и штабъ дивизіи.

Движеніе наше съ 9-мъ полкомъ отъ Хаскіоя до Германлы, происходило при той же, если еще не болѣе ужасной обстановкѣ, какъ и отъ Іени-Михалесы. Двадцать верстъ мы шли между разбитыми транспортами бѣжавшаго народонаселенія, но еще съ большимъ числомъ труповъ. Тѣла животныхъ, погибшихъ отъ голода и стужи, лежали группами. Они валялись въ каждой рытвинѣ, въ каждой канавѣ и при начавшейся оттепели, представляли запруды для бѣжавшихъ потоковъ. Особенно ужасно было зрѣлище представившееся на полупереходѣ. Тутъ, версты 4 мы шли по побоищу, съ сотнями жертвъ убійства и мороза. Между трупами виднѣлось нѣсколько тѣлъ казаковъ и солдатъ Углицкаго полка. Все это произошло отъ того, что транспортъ бѣжавшихъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ тысячъ подводъ, ночью былъ принятъ казачьимъ разъѣздомъ за турецкія войска, противъ которыхъ, находившійся въ то время въ Германлы, генералъ Скобелевъ 2-й, выслалъ Углицкій полкъ. Испугавшіеся турки стали стрѣлять, что и вызвало всеобщее избіеніе. Впрочемъ, говорили, будто-бы транспортъ конвоировался нѣсколькими таборами.

Германлы, городокъ лежащій при желѣзной дорогѣ, еще хуже Хаскіоя. При нашемъ вступленіи онъ утопалъ въ грязи. Въ немъ оставались неразрушенными только болгарскіе дома, все же турецкое было разграблено до прихода войскъ. Къ вечеру, когда вступили Преображенцы и Семеновцы, а за ними прибылъ и генералъ Гурко съ своимъ штабомъ, начальникъ дивизіи немедленно явился ему и получилъ подтвержденіе приказанія идти къ Адріанополю. Это же приказаніе послано было съ

нарочными въ боковыя колонны, съ добавленіемъ, чтобы они на утро непремѣнно вышли на шоссе. Генерала очень озабочивало то, что не было свѣдѣнія, перешли-ли 10-й полкъ и сводные батальоны въ окрестности Германлы. Безпокойство усиливало еще и то, что наступившая оттепель образовала сильные разливы ручьевъ и рѣчекъ, которые могли недопустить боковыя колонны къ шоссе и онѣ остались бы въ горахъ, безъ возможности быть поддержанными.

Долго вечеромъ ждали мы возвращенія казаковъ посланныхъ въ боковыя колонны. Одинъ изъ нихъ совсѣмъ не вернулся, а другой привезъ назадъ данную ему записку, говоря, что нигдѣ не могъ розыскать Федотова и графа Комаровскаго. Это заставило утромъ 13-го числа, еще до разсвѣта, послать для розыска оставшихся въ горахъ 6-ти батальоновъ, хорунжаго Грошева 2-го, уже съ цѣлою полусотнею.

Послѣ ощущеній трехъ минувшихъ дней, переходъ до Мустафы, несмотря на значительность разстоянія, показался намъ отдыхомъ. Хотя лежавшіе возлѣ шоссе трупы, по временамъ и заставляли отворачиваться, но это случалось гораздо рѣже. День былъ теплый, весенній. Окрестные холмы, сбросивъ снѣжный покровъ, зеленѣли осеннеею, неуспѣвшею поблекнуть травою. Версты за 4 отъ ночлега, мы пересѣкли рельсы желѣзной дороги, по которой на всѣхъ парахъ летѣлъ намъ на встрѣчу обратный поѣздъ изъ Андріанополя, отвозившій туда части 16-й дивизіи. Одинъ видъ его оживилъ всѣхъ. Вскорѣ штабъ дивизіи нагналъ 10-й стрѣлковый баталіонъ, вышедшій на шоссе проселками. Это нѣсколько успокоило начальника дивизіи на счетъ боковыхъ колоннъ, тѣмъ болѣе, что полковникъ Бородинъ передалъ, что и 10-й полкъ, ночевавшій съ нимъ въ одномъ селеніи, идетъ по тому же пути. Оставалось только неизвѣстнымъ, гдѣ Федотовъ съ своими батальонами. Обгоняя стрѣлковъ шедшихъ поразительно бойко, начальникъ дивизіи спросилъ:

— Насколько дней ребята у васъ сухарей въ мѣшкахъ?

— Вчера послѣдніе догрызли, ваше превосходительство, отвѣчали стрѣлки, а между тѣмъ они шли бодро и лихо, съ пѣсенниками и плясунами передъ ротами. Не менѣе молодцоватый и отрадный видъ представлялъ и 9-й Староингерманландскій полкъ. Далѣе на всемъ переходѣ мы перегоняли батальоны Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. Вмѣстѣ съ послѣднимъ сдѣланъ былъ привалъ, во время котораго принцъ Ольденбургскій сообщилъ начальнику дивизіи, полученное имъ отъ болгаръ свѣдѣніе, будто бы въ ближайшей деревнѣ баши-бузуки грабятъ и убиваютъ жителей. Посланный туда разъѣздъ возвратился съ донесеніемъ, что тамъ никакихъ башибузуковъ не было и что напротивъ, деревня занята гусарскимъ эскадрономъ. Верстахъ въ 4-хъ отъ Мустафы, шоссе пересѣкаетъ желѣзную дорогу, возлѣ самой станціи, у которой передъ нами остановился поѣздъ. Онъ везъ генерала Гурко, со всѣмъ его

штабомъ, конвоемъ и ротою Преображенцевъ. На локомотивѣ стояли наши инженеры. Многіе изъ насъ подходя къ окнамъ вагоновъ, старались узнать отъ знакомыхъ новости. Всѣ имѣли какое то торжественное настроеніе. Кто то изъ проѣзжавшихъ спросилъ, здѣсь начальникъ дивизіи и получивъ утвердительный отвѣтъ, подалъ пакетъ. Въ немъ оказались письма и телеграммы изъ Россіи, отъ въ родныхъ къ офицерамъ дивизіи. Только тотъ кто испыталъ, что значитъ въ подобномъ положеніи, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ родины, получить вѣсточку отъ своихъ, когда и надежды не было,—только тотъ пойметъ нашу радость.

Когда мы подходили къ Мустафѣ, передъ городомъ стоялъ громадный транспортъ съ переселенцами. Старики, женщины и дѣти, закутанные въ лохмотья, дико посматривали на насъ: одни отворачивались, чтобы не увидѣть гяура,—другіе изумлялись, что войска проходя мимо никого не трогаютъ, а напротивъ, эти гяуры смотрятъ на нихъ съ участіемъ. Начальникъ дивизіи приказалъ переводчику подозвать нѣсколько человѣкъ къ нему. На вопросъ, куда они переѣзжаютъ, турки отвѣчали, что сами не знаютъ, что имъ велѣно бросать жилища и бѣжать отъ русскихъ. Опасаясь скопленія въ городѣ бродячаго народа и столкновенія переселенцевъ съ болгарами, остававшимися въ Мустафѣ, генералъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы транспортъ не былъ впущенъ и совѣтовалъ туркамъ возвратиться въ свои деревни.

Вслѣдъ за нами вступила на ночлегъ 1-я бригада 1-й гвардейской дивизіи съ ея артиллеріею. Скопленіе войскъ въ городѣ было такъ велико, что квартиру для нашего штаба отвели за городомъ, въ усадьбѣ богатаго болгарина. Онъ намъ разсказалъ, что надъ возведеніемъ адріанопольскихъ укрѣпленій, цѣлое лѣто и осень, работали безвозмездно тысячи болгаръ, силою сгоняемые отъ Софіи и Филиппополя. Видя потомъ эти укрѣпленія, вооруженные круповскими орудіями большаго калибра, дѣлалось непонятнымъ, какимъ образомъ турки очистили Адріанополь безъ боя.

Въ виду предстоящаго на слѣдующій день, значительнаго перехода до Адріанополя, наше выступленіе 14-го января, было назначено очень рано, несмотря на то, что 10-й полкъ подошелъ къ намъ послѣ полуночи, а о сводныхъ батальонахъ, все еще не было слуха. Тронувшись за полтора часа до разсвѣта, мы остановились для привала на горѣ, съ которой уже были видны высокіе минареты Сулимовской мечети и силуэты окружающихъ городъ фортовъ. Такъ вотъ и казалось, что они брызнутъ огнемъ, хотя мы и знали, что уже три дня, какъ авангардъ арміи занялъ вторую столицу турецкой имперіи. Чѣмъ ближе мы подходили къ ней, тѣмъ болѣе возбуждалось нетерпѣніе увидать первый, большой и вполнѣ турецкій городъ. Но вскорѣ наступило полнѣйшее разочарованіе. Гвардейскіе полки были остановлены передъ предмѣстьями и имъ было

запрещено увольнять кого-либо въ городъ; къ намъ же подобное распоряженіе не доходило и потому мы не останавливаясь вступили въ Адріанополь. Сѣверное его предмѣстье тонуло въ грязи. Раскинутое по рукавамъ Тунджи, оно, по своему неряшеству, ни чѣмъ не отличалось отъ другихъ малыхъ городовъ Румеліи. Хотя въ предмѣстьи и были расположены части 16-й дивизіи, но тамъ же пришлось остановить и наши полки, такъ какъ за мостъ, по приказанію генерала Гурко, не приказано было впускать никакихъ войскъ.

Насколько невзрачными показались намъ узкія и мрачныя, хотя и убранныя флагами и коврами, улицы, настолько великолѣпна была отведенная подъ штабъ дивизіи квартира. Мы ѣхали къ ней среди громаднаго стеченія народа. На главной улицѣ всѣ окна и балконы были открыты и наполнены зрителями. Все болгарское и греческое населеніе ожидало въѣзда Великаго Князя, въ тотъ же день прибывшаго по желѣзной дорогѣ. Наша квартира состояла изъ огромнаго трехъ-этажнаго итальянской архитектуры дома, съ цѣльными зеркальными стеклами; паркетные полы, мраморныя лѣстницы, прекрасная мебель, плафоны лѣпной работы,—все это послѣ двухъ-недѣльнаго странствованія по грязи, послѣ ночлеговъ въ раззоренныхъ хижинахъ, безъ пола и оконъ, казалось намъ чѣмъ-то волшебнымъ. Грекъ, арендовавшій домъ отъ бѣжавшаго паши и семья его были предупредительны до крайности. Въ богатыхъ покояхъ размѣстились не только чины дивизіоннаго штаба, но и управленіе артиллерійской бригады.

Первымъ дѣломъ по прибытіи въ Адріанополь было узнать, что намъ предстоитъ далѣе. Для этого, выждавъ пріѣзда Главнокомандующаго, начальникъ дивизіи отправился въ конакъ (домъ генералъ-губернатора), гдѣ размѣстилась главная квартира. Это большой каменный домъ, съ дворомъ, отдѣленнымъ отъ улицы рѣшеткою. Его казарменная наружность, была немногимъ лучше внутренности. Громадные сѣни и грязная лѣстница, вели во 2-й этажъ, въ серединѣ котораго находилась обширная темная зала, или, вѣрнѣе, широкій корридоръ, съ множествомъ дверей въ отдѣльныя комнаты, съ надписями тѣхъ присутствій, которыми они были заняты, напримѣръ: касса, телеграфъ, канцелярія и проч. Во внутреннихъ комнатахъ во всемъ была видна претензія на убранство, но, начиная съ паркета и кончая драпировками, все было грязно, оборвано.

По случаю происходившаго у Великаго Князя совѣщанія, начальникъ дивизіи не могъ видѣть Его Высочества, но дождался генерала Гурко, отъ котораго получилъ приказаніе, на другой же день выступить съ дивизіею къ г. Демотикѣ, и занять желѣзно-дорожные мосты черезъ Марьицу, у Кулелы-Бургасъ. Приведенные резоны, что эшелоны дивизіи еще не подошли, что въ полкахъ нѣтъ сухарей, что люди, послѣ двухнедѣльныхъ форсированныхъ маршей нуждаются хотя въ одномъ днѣ

отдыха, склонили начальника отряда согласиться оставить дивизію на 15-е января въ Адріанополѣ и обѣщать снабдить ее провіантомъ изъ оставленныхъ турками запасовъ. Послѣднее не сбылось. Потребованному утромъ въ штабъ западнаго отряда, подполковнику Сосновскому было объявлено, что всѣ галеты, найденные въ турецкихъ складахъ, по распоряженію генерала Скобелева 2-го, получили другое назначеніе.

Утромъ, 15-го января, получено было наконецъ свѣдѣніе о сводныхъ батальонахъ 2-й бригады, четыре дня неизвѣстно гдѣ находившихся. Розыскивавшій ихъ хорунжій Грошевъ, по возвращеніи доложилъ, что онъ нашелъ маіора Федотова, пробиравшимся къ Мустафѣ, горами праваго берега Марьицы. За разливами горныхъ рѣчекъ, ему нельзя было выйти на шоссе у Германлы.

Съ извѣстіемъ объ отысканіи батальоновъ, начальникъ дивизіи поѣхалъ къ генералу Гурко, но незаставъ его въ квартирѣ, доложилъ объ этомъ лично Главнокомандующему. При этомъ первомъ свиданіи послѣ перехода Балканъ, Его Высочество выразилъ генералу благодарность за взятіе Траянскаго перевала. Присутствовавшій при этомъ генералъ Гурко передалъ начальнику дивизіи окончательныя приказанія, на счетъ движенія къ Демотикѣ.

Остальное время дневки проведено было нами въ приведеніи себя въ нѣкоторый порядокъ. Каждый спѣшилъ воспользоваться адріанопольскими банями, купить кое-какое бѣлье и запастись чѣмъ-нибудь съѣстнымъ. Казаки конвойной сотни разыскали гдѣ-то нѣсколько легонькихъ фургоновъ, и продали ихъ намъ, что было очень кстати, потому что спины вьючныхъ лошадей штаба, до того были сбиты, что дальнѣйшее движеніе на вьюкахъ, совершенно испортило бы коней.

Выступая изъ Адріанополя, никто изъ насъ не зналъ, что будетъ дальше, куда двинемся изъ Демотики, до которой было всего два перехода. Говорили только, что кавалерія далеко впереди, что авангардъ идетъ на Леле-Бургасъ и что будто англичане ввели свой флотъ въ Дарданеллы.

Въ ночь передъ выступленіемъ, мы были встревожены начавшеюся въ разныхъ частяхъ города пальбою. Первый услыхалъ ее начальникъ дивизіи, изъ комнаты котораго видѣнъ былъ одинъ изъ командующихъ городомъ фортовъ. При ночномъ мракѣ, огоньки выстрѣловъ, вспыхивали сначала у этого форта, а затѣмъ постепенно приближаясь, наконецъ заблестѣли въ предмѣстьяхъ. Мысль о ночномъ нападеніи и о возстаніи турокъ въ городѣ, невольно приходила въ голову. Уже отдано было приказаніе сѣдлать и послать отъ конвойной сотни развѣдчиковъ, какъ домохозяинъ успокоилъ насъ, говоря, что въ городѣ горятъ большія казармы и что у нихъ въ обычаѣ, стрѣльбою извѣщать жителей о пожарѣ. Мы думали, что казармы подожжены умышленно и потому успо-

коились лишь по прекращеніи пальбы. Впослѣдствіи оказалось, что причиною пожара было неосторожное разведеніе костровъ нашими же войсками, при чемъ 40 человѣкъ сдѣлались жертвою огня и увѣчій.

16-го января первая бригада, въ полномъ составѣ выступила изъ Адріанополя къ Демотикѣ. 10-й стрѣлковый батальонъ наканунѣ былъ отдѣленъ отъ дивизіи къ своей бригадѣ, но саперная рота осталась у насъ. Своднымъ батальонамъ, только къ вечеру этого дня приходящимъ въ Адріанополь, послано было приказаніе слѣдовать по нашему пути. Лившій цѣлый день наканунѣ дождь и сегодня провожалъ насъ весь переходъ. Нигдѣ не оставалось и слѣда снѣга, а на еще болѣе разлившейся Марьицѣ, не видно было ни одной льдинки. Недоходя до вокзала желѣзной дороги, насъ обогнали нѣсколько каретъ, весьма изящной, хотя и простой отдѣлки. Сбруя, одежда кучеровъ и ливреи лакеевъ, все было одинаково. Это были загородные придворные экипажи, прибывшихъ изъ Константинополя, для переговоровъ о перемиріи, пашей. Видя это, невольно думалось: гдѣ же то конечное раззореніе Турціи, о которомъ твердятъ и пишутъ уже многіе годы? Тоже самое приходило на умъ, когда мы видѣли залитыхъ золотомъ гайдуковъ пашей въ С.-Стефано, и повсемѣстное обращеніе въ городахъ турецкаго золота. У дебаркадера мы свернули съ шоссе, вдоль полотна желѣзной дороги. Здѣсь насъ поразила удивительная чистота отдѣлки сомкнутаго землянаго укрѣпленія. Мы невольно остановились передъ нимъ. Всѣ покатости и откосы, всѣ малѣйшія детали, представляли верхъ совершенства. У амбразуръ стояли совершенно новыя орудія громаднаго калибра. Гласисъ форта, можно было сравнить только съ газономъ самаго чопорнаго англійскаго парка.

Лившій два дня дождь превратилъ всѣ поля и дороги въ болота. Даже на значительной возвышенности трудно было выбрать сухое мѣстечко для привала; между тѣмъ бригадѣ, въ полномъ составѣ, предстояло ночевать вмѣстѣ, въ деревушкѣ изъ 10—15 дворовъ.

Утро 17-го января, порадовало насъ яснымъ, совершенно весеннимъ днемъ. Возвратившіеся разъѣзды донесли, что нигдѣ нѣтъ и слуховъ о непріятелѣ. Дѣйствительно, турки какъ будто исчезли съ лица земли и трудно было понять, куда разбрелась разбитая армія Сулеймана. Мы шли уже совершенно спокойно, обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ, и въ 12-ть часовъ дня подходили къ Демотикѣ, чрезвычайно красиво раскинутой по склонамъ высокой горы, на скалистой вершинѣ которой, находились величественныя развалины древней, византійской крѣпости. Чистый, уже оживившійся городокъ, мы нашли занятымъ батальономъ 30-й дивизіи и дивизіономъ гвардейскихъ драгунъ, отъ котораго посланы были значительные развѣдочные патрули къ югу и западу. Почти исключительно греческое населеніе города, встрѣтило дивизію весьма сочув-

ственно. Для штаба былъ отведенъ большой турецкій домъ съ садомъ. Тотчасъ по вступленіи, начальнику дивизіи явились члены образовавшагося городскаго управленія: греческій митрополитъ, архимандритъ, его помощникъ, мѣстный докторъ и старшій мулла. Изъ перваго ихъ доклада о положеніи дѣлъ, мы узнали, что городомъ приняты энергическія мѣры къ снабженію войскъ всѣмъ необходимымъ.

Дивизіонный полиціймейстеръ Лебединскій, тотчасъ принялъ роль посредника между войсками и жителями *). Оказалось, что турки оставили въ казармахъ Демотики, нѣсколько сотъ пудовъ галетъ, и большіе запасы разныхъ продуктовъ, что по распоряженію городскаго совѣта конфисковано много скота, принадлежавшаго эмигрировавшему населенію и что въ окрестныхъ мѣстечкахъ находятся склады десятиннаго сбора турецкаго правительства.

19-го января, начальникъ дивизіи назначилъ церковный парадъ у монастыря, расположеннаго на высокой горѣ, тѣсно заселеннаго греческаго квартала. На встрѣчу войскамъ вышелъ изъ монастыря, съ крестнымъ ходомъ, митрополитъ, окруженный многочисленнымъ духовенствомъ и толпами народа, въ праздничной одеждѣ. Сказанная, по-гречески, рѣчь была передана намъ самымъ чистымъ русскимъ языкомъ, архимандритомъ. Оказалось, что послѣдній, 10-ть лѣтъ былъ при греческомъ подворьѣ въ Москвѣ, и затѣмъ въ Тифлисѣ. Хотя собственный его монастырь (Карабунаръ) находился въ 40 верстахъ отъ Демотики, но онъ былъ вызванъ именно для пріема русскихъ войскъ. Церковная служба въ православномъ храмѣ, доставила намъ особую отраду. Ее совершалъ на русскомъ языкѣ архимандритъ, съ священникомъ и пѣвчими 9-го полка. Такого служенія мы не слыхали уже полгода. Сдѣлавъ визитъ митрополиту, принявшему насъ по восточному, на диванахъ и угостившему кофеемъ, сластями и папиросами, мы долго не могли уйти съ монастырской террасы, до того восхитителенъ былъ съ нее видъ на долину Марьицы, съ вьющеюся по ея берегу желѣзною дорогою. По пути изъ монастыря былъ осмотрѣнъ домъ школы, отведенный подъ лазаретъ, въ которомъ была уже большая надобность, потому что въ полкахъ накопилось много серьезно заболѣвшихъ и изнуренныхъ форсированными маршами.

По возвращеніи съ парада, происходило вступленіе затерявшихся сводныхъ батальоновъ 2-й бригады. Для доставленія имъ большаго удобства и отдыха, ихъ помѣстили въ турецкихъ казармахъ, для чего предварительно былъ очищенъ находившійся тамъ складъ. Кромѣ га-

*) Хотя по штатамъ должности дивизіоннаго полиціймейстера и не полагается, но въ виду военнаго времени, и крайней необходимости полицейскаго надзора, начальникъ дивизіи приказалъ маіору Лебединскому, оставаться полиціймейстеромъ и по расформированію траянскаго отряда.

летъ и хлѣба въ зернѣ, тамъ найдено 300 совершенно новыхъ ранцевъ, 250 фуфаекъ, столько же куртокъ, болѣе сотни новыхъ одѣялъ и даже нѣсколько стопъ папиросной бумаги. Все это было распредѣлено въ роты, а ранцы отданы исключительно въ сводные батальоны, на починку обуви.

При отправленіи изъ Адріанополя, главною для дивизіи цѣлью было указано: охраненіе и исправленіе огромнаго желѣзно-дорожнаго моста черезъ Марьицу у Куллы-Бургаса, гдѣ константинопольско-адріанопольская дорога отдѣляетъ вѣтвь къ Егейскому морю до Додеагача. Для этого 10-му Новоингерманландскому полку приказано было перейти изъ Демотики въ Кулеллы, а на его командира возложено наблюденіе за исправленіемъ моста. Туда же послана была и саперная рота. Порча моста произошла отъ излишней ретивости одной изъ нашихъ кавалерійскихъ партій. Къ счастью, подложенный зарядъ динамита оказался слабымъ и уничтожилъ только нѣсколько шпалъ и рельсовъ. Но и безъ всякой порчи, мосты эти, не имѣя деревянной настилки, или подшивки подъ шпалами, недозволяли проходить по нимъ войскамъ, иначе, какъ въ вагонахъ, или на платформахъ. Испорченная часть была исправлена въ однѣ сутки; но устройство по бокамъ пути мостковъ для пѣхоты, или для провода лошадей, требовало по меньшей мѣрѣ недѣлю, потому что длина всѣхъ мостовъ, раздѣленныхъ островами, доходила до версты, а матеріала въ Кулеллахъ не было никакого. Хотя его и оказалось возможнымъ купить въ Демотикѣ, но доставка за 12-ть верстъ, на мѣсто работъ, представляла большія затрудненія.

Независимо распоряженій по примѣненію мостовъ для прохода войскъ, начальникъ дивизіи немедленно принялъ мѣры, къ возможно большему освѣщенію мѣстности. Возвратившійся изъ поисковъ къ западу эскадронъ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго полка, доставилъ свѣдѣнія, что въ пройденной имъ на 50 верстъ мѣстности все спокойно. Хотя такія же свѣдѣнія были получены и отъ лейбъ-гвардіи драгунскаго эскадрона, посланнаго въ Ферре, тѣмъ не менѣе сочтено было необходимымъ послать на подкрѣпленіе драгунъ, командира казачьяго № 24-го полка полковника Кузнецова, съ тремя сотнями. Ему было предписано, соединясь съ драгунами, подаваться къ Дадеагачу и буде окажется возможнымъ, занять этотъ, хотя и новый, но весьма важный портъ, въ которомъ находились большіе склады и гдѣ разбитая Сулеймановская армія могла собраться, или для посадки на суда, или для обратнаго овладѣнія мостами и узломъ желѣзнаго пути у Кулелы-Бургаса. Всѣ эти распоряженія были сдѣланы еще 18-го января, утромъ. Въ тотъ же день, вечеромъ, получена была, отъ помощника начальника штаба западнаго отряда, записка такаго содержанія:

„Начальникъ отряда приказалъ: до особаго распоряженія, никакимъ разъѣздамъ и частямъ войскъ, не переходить линіи Урша-Шаркіой, въ

направленіи къ Галлиполи. Вмѣстѣ съ симъ присовокупляю: 1) Есть слухи о томъ, что къ конечному пункту желѣзной дороги, на берегу моря, собираются остатки арміи Сулеймана-паши. 2) Что начальникъ отряда дожидаетъ донесенія о томъ, какъ вы прибыли въ Демотику, что находится направо, или на лѣво отъ васъ и что впереди. 3) Что было бы необходимо направить усиленную казачью развѣдку до моря, для собранія свѣдѣній о непріятелѣ по желѣзной дорогѣ". Адріанополь, 17-го января. Полковникъ Сухотинъ.

Сказанное объ отправленіи къ югу лейбъ-драгунъ и не усиленной развѣдки, а цѣлыхъ трехъ сотенъ, доказываетъ, что всѣ совѣты полковника Сухотина были исполнены сутками ранѣе полученія его записки.

Движеніе кавалеріи къ морю, оказалось весьма своевременнымъ. 20-го января прибылъ въ Демотику, съ экстреннымъ поѣздомъ, завѣдывавшій занятыми нами участками желѣзной дороги, инженеръ Ивановъ. Онъ обратился къ начальнику дивизіи съ просьбою, дать ему роту, съ тѣмъ, что онъ попробуетъ проѣхать съ нею къ Дадеагачу, куда завезенъ былъ турками подвижной составъ, котораго крайне намъ недоставало. Генералъ нашелъ возможнымъ, отправить съ Ивановымъ 2-ю стрѣлковую роту, а вслѣдъ за нею, на высланномъ изъ Дадеагача другомъ поѣздѣ, весь 2-й батальонъ 9-го Староингерманландскаго полка. Въ то время, когда стрѣлковая рота подъѣзжала къ Дадеагачу, по шоссе подходили къ нему драгуны и 3 сотни казаковъ. Стрѣлки лихаго и распорядительнаго штабсъ-капитана Яковлева, вышли изъ вагоновъ за версту отъ города и быстро заняли сараи и зданія желѣзной дороги. При этомъ было захвачено: 5 локомотивовъ и 170 вагоновъ. Объ этомъ мы тотчасъ же узнали изъ депеши Иванова начальнику дивизіи. Онъ телеграфировалъ: „Мы взяли 5 машинъ и 170 вагоновъ. Турки бѣжали отъ насъ на пароходъ. Сію минуту идетъ поѣздъ въ Демотику. Прошу прислать батальонъ. Здѣсь огромные запасы".

По прибытіи батальона, онъ занялъ городъ въ тотъ моментъ, когда изъ него бѣжали на суда находившіеся въ портѣ, турецкія власти и каймакамъ города. Давъ время стоявшему на рейдѣ военному пароходу принять бѣжавшихъ, командиръ 24-го казачьяго полка полковникъ Кузнецовъ, какъ старшій въ отрядѣ, потребовалъ немедленнаго ухода парохода въ море, что и было имъ исполнено.

По полученіи телеграммы о занятіи Дадеагача, сдѣлано было распоряженіе, чтобы драгуны и казаки остались въ немъ, а 2-й батальонъ 9-го полка возвратился бы въ Демотику. Вмѣстѣ съ этимъ полковнику Кузнецову было предписано: собрать свѣдѣнія о положеніи дѣлъ по прибрежью Егейскаго моря и о сообщеніи между Дадеагачемъ и Еносомъ. Оба эти города, расположенные у самаго устья Марьицы, имѣли для насъ особое значеніе. Въ нихъ находились большіе склады и мно-

жество купеческихъ конторъ. Полковникъ Кузнецовъ отправилъ въ Еносъ моремъ, на нанятой лодкѣ, 20 казаковъ съ войсковымъ старшиной Тарасовымъ. Съ ними поѣхали охотниками нѣсколько казачьихъ и драгунскихъ офицеровъ. Другаго сообщенія съ Еносомъ не было. При попутномъ вѣтрѣ, переѣздъ въ 22 версты, требовалъ не болѣе 3 часовъ; въ противномъ же случаѣ необходимы были почти сутки. Еносъ былъ найденъ въ большой тревогѣ: каймакамъ немедленно бѣжалъ; купцы запирали конторы; телеграфисты спѣшили отправить во всѣ концы депеши о прибытіи русскихъ; изъ порта—одни суда торопились уходить, другіе окончить нагрузку пшеницы и другихъ продуктовъ. Иностранные консулы, по преимуществу мѣстные торговцы изъ грековъ, не замедлили заявлять, что все грузимое ихъ собственность. Несмотря на это, Тарасовъ успѣлъ переписать всѣ неотошедшіе грузившіеся суда, и объявилъ консуламъ и старшинамъ города, что по приходѣ русскихъ войскъ, они отвѣтятъ за всякое присвоеніе или растрату турецкихъ правительственныхъ запасовъ и воспретилъ, впредь до распоряженія русскихъ властей, вывозъ продуктовъ изъ порта. Пробывъ въ Еносѣ часовъ 8, Тарасовъ возвратился въ Дадеагачъ.

О всѣхъ своихъ распоряженіяхъ по освѣщенію мѣстности, по исправленію желѣзно-дорожныхъ мостовъ, по занятію Дадеагача, начальникъ дивизіи подробно доносилъ генералу Гурко.

Приказаніе Главнокомандующаго, чтобы никакіе наши разъѣзды и партіи не проходили на Галлипольскій полуостровъ, далѣе линіи Урша-Шаркіой, заставляло,—съ одной стороны надѣяться на скорое заключеніе перемирія, а съ другой наводило на мысль, что вмѣшательство англичанъ сдѣлалось совершившимся фактомъ. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что между греками уже былъ слухъ, о проходѣ черезъ Дарданеллы англійскихъ броненосцевъ.

Въ промежутокъ времени, между 12-мъ и 20-мъ января, когда передовые наши отряды уже были въ Узунъ-Кепри, Леле-Бургасѣ и Чорлу, т. е. въ 3—4 переходахъ отъ Болеара и Галлиполи,—занять ихъ не представляло особеннаго труда. Въ то время тамъ находилось не болѣе 10 тысячъ изнуреннаго и оборваннаго сброда Сулеймановской арміи, бѣжавшаго къ Гумарджину и потомъ перевезеннаго моремъ. При существовавшей паникѣ и деморализаціи, можно съ увѣренностію сказать, что турки и не попробовали бы тогда защищать свои укрѣпленія, какъ не защищали и адріанопольскихъ.

Великолѣпные, совершенно ясные, весенніе дни, дѣлали нашу стоянку въ Демотикѣ пріятнымъ отдыхомъ. Послѣ перенесенныхъ дивизіею тяжкихъ трудовъ, послѣ лишеній испытанныхъ на вершинахъ Этропольскихъ и Траянскихъ Балканъ, послѣ форсированныхъ маршей отъ Златицы и Корнари до Егейскаго моря — этотъ отдыхъ былъ крайне необходимъ.

Конечно, онъ не касался начальника дивизіи и его штаба, для которыхъ много было заботъ и хлопотъ: по умиротворенію турецкаго населенія съ болгарскимъ и греческимъ, по устройству порядка въ занятомъ дивизіею районѣ, по сбору и охранѣ конфискованныхъ запасовъ. Какъ будетъ сказано ниже, нѣкоторымъ ротамъ и сотнямъ пришлось участвовать въ поискахъ, но въ общей массѣ, дивизія двѣ недѣли отдыхала и устроивалась. Пользуясь дивной погодой, мы между дѣломъ совершали прогулки, то верхами, то пѣшкомъ къ вокзалу желѣзной дороги, или на гору, къ византійскимъ развалинами. Оттуда открывалась великолѣпная картина, не только верстъ на 20 по долинѣ Марьицы къ сѣверу, но и на снѣжныя вершины къ морю и Родопскому хребту. Въ одну изъ подобныхъ прогулокъ мы были удивлены, услыша въ юго-восточномъ направленіи, хотя и отдаленные, но сильные залпы морскихъ орудій. Ясно было, что что-либо происходитъ у Галлиполи. Потомъ оказалось, что въ этотъ день англичане ввели въ Дарданеллы еще нѣсколько мониторовъ и ради заявленія объ этомъ, производили какія-то эволюціи и маневры съ пальбою.

Между тѣмъ примѣненіе мостовъ, къ проходу черезъ нихъ войскъ безъ вагоновъ и платформъ, шло весьма медленно. Доставка купленныхъ въ Демотикѣ досокъ для настилки, была главнымъ затрудненіемъ. Подъемныя лошади находились еще за Балканами, а получить платформы для отправки на нихъ досокъ по рельсамъ, не было возможности. На всѣ депеши объ этомъ начальника дивизіи, отвѣчали, что подвижной составъ занятъ. Такимъ образомъ, дивизія взявъ сама 5 локомотивовъ и 170 вагоновъ, не могла получить десятка ихъ для себя, въ такое время, когда ежеминутно могло послѣдовать приказаніе двинуться за Марьицу. Пѣхота еще могла бы перебраться хоть на одной доскѣ кинутой на шпалы, но какъ бы перешли кавалерія и артиллерія? На всемъ пространствѣ отъ Адріанополя до моря не было ни одного парома. Тѣ, которые, по словамъ грековъ, существуютъ лѣтомъ, у Ферре и въ двухъ другихъ пунктахъ, теперь, за громаднымъ разливомъ, ходить не могли. Два раза начальникъ дивизіи ѣздилъ на дрезинѣ въ Кулелы, для осмотра работъ на мосту и для принятія мѣръ къ ихъ ускоренію. Ежеминутное ожиданіе приказанія о выступленіи и неувѣренность, удастся-ли кончить настилку для провоза орудій, заставили искать возможности переправиться гдѣ-нибудь ниже Демотики. Всѣмъ начальникамъ кавалерійскихъ партій, направленныхъ къ югу, посланы были приказанія, еще разъ тщательно собрать свѣдѣнія и рекогносцировать берега Марьицы. Полученныя отъ нихъ донесенія подтвердили, что до самаго Дадеагача переправиться негдѣ и устроить паромовъ невозможно. Тогда лейбъ-гвардіи драгунскаго полка полковнику Дубовскому было предписано донести: нельзя-ли перевезти войска изъ Дадеагача въ Енось, что изба-

вило бы ихъ, при приказаніи занять этотъ городъ, отъ кружнаго пути черезъ Узунъ-Кепри и Кешанъ, или Ипсалу. Поэтому поводу полковникъ Дубовскій, 22-го января телеграфировалъ:

„По тщательно собраннымъ свѣдѣніямъ, переправа черезъ Марьицу въ Ферре невозможна. Изъ Дадеагача легко перевезти какъ пѣхоту, такъ и артиллерію. Суда находящіеся въ портѣ, могутъ вмѣщать по 200 человѣкъ или 2 орудія и 80 человѣкъ каждое. Лошади перевозятся особо. Для кавалеріи переправа опасна, потому что борты судовъ весьма низки. Переѣздъ отсюда въ Еносъ, при благопріятномъ вѣтрѣ, совершается въ 2 часа. Можно достать отъ 30 до 40 судовъ, по 20 франковъ за каждое".

Около 25-го января, враждебное настроеніе оставшихся на мѣстахъ жительства турокъ, къ христіанамъ и обратно, стало проявляться въ такой степени, что надо было принять мѣры къ водворенію спокойствія въ окрестностяхъ Демотики. Ежедневно поступали свѣдѣнія, то, что греки отняли у турокъ скотъ и ограбили дома, то, что турки собираются въ банды и нападаютъ на христіанскія села. Явились экстренные посланцы изъ деревень, съ мольбою о помощи. Съ другой стороны архимандритъ, нашъ главный помощникъ и администраторъ, сообщалъ, что въ нѣкоторыхъ приходахъ, греческіе священники разжигаютъ племенную вражду и страсти народа; что съ церковной каѳедры, они проповѣдуютъ объ отмщеніи туркамъ, за четырехъ-сотъ-лѣтнія страданія христіанъ и что само небо, прославшее русскихъ, повелѣваетъ безпощадное мщеніе. Одинъ изъ такихъ проповѣдниковъ, получивъ выговоръ митрополита, провозгласилъ его въ церкви измѣнникомъ и другомъ турокъ и ослушался приказанія явиться въ метрополію. Чтобы остановить распространеніе фанатической пропаганды, пришлось арестовать этого священника. Въ самой Демотикѣ, гдѣ находилось при полиціи нѣсколько арестованныхъ за уголовныя преступленія турокъ, народъ требовалъ суда надъ ними. По мѣстнымъ законамъ, виновные, по роду преступленія, подлежали смертной казни. Начальникъ дивизіи потребовалъ главнаго муллу города, приказалъ ему собрать старѣйшихъ изъ оставшихся въ городѣ магометанъ и представить ему ихъ рѣшеніе. Черезъ часъ мулла принесъ смертный вриговоръ, подписанный десятью старшинами. Приговоръ этотъ, вмѣстѣ съ закованными злодѣями, отправленъ былъ на конфирмацію адріанопольскаго генералъ-губернатора Свѣчина.

Слухи о появленіи баши-бузуковъ и о возстаніи турокъ около Ортакіоя и Караджалы, ежедневно усиливались и дошли до того, что въ штабъ дивизіи приводили людей, которые увѣряли, что сами видѣли тысячныя скопища баши-бузуковъ. Это было причиною, что 23-го января послана была къ Ортакіою сотня 24-го казачьяго полка, подъ командою маіора Грошева, а въ Кара-Калисы направлены двѣ роты 9-го

Староингерманландскаго полка, при капитанѣ Глѣбъ-Кашинскомъ. Въ виду экстренности дѣла, обоимъ велѣно было идти форсированно и дойдя до означенныхъ деревень войти между собою въ сношенія. Обоимъ названнымъ офицерамъ предписывалось: при встрѣчѣ скопищъ обезоруживать и разгонять ихъ; во всѣхъ турецкихъ деревняхъ производить тщательные обыски и найденное оружіе раздавать христіанскому населенію; въ виду заключеннаго перемирія, стараться достигать цѣли безъ пролитія крови, но при сопротивленіи водворить порядокъ силою оружія. Все это было исполнено въ точности *).

Мы съ нетерпѣніемъ ожидали исхода экспедиціи и съ удивленіемъ узнали, что ничего подобнаго разсказамъ болгаръ и грековъ не было и никакихъ бандъ не существовало, а ходятъ только въ народѣ слухи, будто въ горахъ бродятъ шайки отсталыхъ и бѣглыхъ турецкихъ солдатъ.

Одновременно съ отправленіемъ экспедиціи къ западу, явилась необходимость отправить цѣлый полкъ за Марьицу, для занятія Узунъ-Кепри. Этотъ городъ, лежащій возлѣ желѣзной дороги, въ 12-ти верстахъ отъ мостовъ, былъ до 22-го января занятъ однимъ изъ полковъ 30-й дивизіи, которая получила приказаніе двинуться къ Четалджи, о

*) Въ какой мѣрѣ дѣйствія нашихъ офицеровъ, для водворенія въ краѣ спокойствія, были цѣлесообразны и благоразумны, доказывается слѣдующимъ адресомъ, присланнымъ жителями Ортакіоя начальнику дивизіи: „Ваше превосходительство! Мы весьма благодарны вамъ за дѣятельное попеченіе о спокойствіи и безопасности христіанъ. Вы благоволили отправить къ намъ маіора Грошева. Онъ быстро и спокойно водворилъ порядокъ, обезоружилъ турокъ и роздалъ ихъ оружіе христіанамъ. Умоляемъ ваше превосходительство, оказывать благое попеченіе о нашей участи и назначать къ намъ такихъ начальниковъ, какъ маіоръ Грошевъ. Назначьте его къ намъ въ постоянные правители нашего округа и мы будемъ вѣчно благодарить васъ. Обращаемъ мольбы къ Всевышнему, дабы онъ даровалъ вамъ здравіе и благоденствіе на многія лѣта. Ортакія, 26-го января 1878 г. Подписано: Игнатій, митрополитъ ортакійскій и 14 подписей. (Переводъ съ греческаго).

Не менѣе замѣчателенъ и другой адресъ поданный жителями Кязялджикіоя, гдѣ водворялъ спокойствіе капитанъ Глѣбъ-Кошанскій. Приводимъ его въ подлинникѣ:

„Вашему превосходительству! Покорніи рабы отъ село Кязялджикіои. Понеже были есма толика лѣта рабы турски, а нынѣ свободили есте насъ, то премного радуемся благодаряще, яко подалъ естъ вамы Господь сылу и вамы благодаримъ, яко избавили есте насъ отъ рукахъ супостатовъ. А нынѣ турцы насъ устрашаютъ глаголюще къ намъ: „нынѣ вашъ день естъ, а подирь малаго времени будетъ нашъ; й нейщемъ быти васъ съ пушками тамо и тамо“; а ми въ сердцехъ вашихъ! А мы боимься да не би отошла руская сила назады й оставитъ насъ въ рукахъ супостатъ нашихъ турскихъ й погублени будемъ. Молимъ ты ся: не остави насъ въ отчаяніе. И да подастъ Господь многа лѣта благочестивому Государю нашему Александру Николаевичу всея Россіи й вашему превосходительству. Аминь! Въ Дідимотикѣ градѣ, 1878 г. Януарія 26 и подписи жительскія:

Хариконъ Анастасовъ, Анастасъ Андоновъ, Василій Логириновъ, Диму Лавреневъ — вси селени отъ село Кали и вси селени отъ село Шарылы.

Константинъ Фучиджи. Христо Константиновъ и прочіи и вси.

чемъ командующій ею сообщилъ телеграммою. Вслѣдствіе этого, начальникъ дивизіи предписалъ командиру 10-го пѣхотнаго Новоингерманландскаго полка, оставивъ двѣ роты подъ начальствомъ капитана Олесова у мостовъ, съ остальными перейти изъ Кулелы-Бургаса въ Узунъ-Кепри, гдѣ и принять мѣры къ продовольствію полка мѣстными средствами и къ водворенію въ окрестностяхъ порядка. Послѣднее было тѣмъ необходимѣе, что впереди Узунъ-Кепри, по ближайшему пути къ Галлиполи, не было никакихъ нашихъ войскъ, а между тѣмъ все населеніе по лѣвому берегу Марьицы и особенно округа Ипсалы, было почти исключительно турецкое. Свѣдѣніе о томъ, что это населеніе совершаетъ различныя звѣрства, могло казаться вѣроятнымъ, потому что по прибытіи въ Узунъ-Кепри, графъ Комаровскій доносилъ, что въ Кешанъ прибыли турецкія войска изъ Галлиполи. Это было опровергнуто лишь тогда, когда онъ послалъ къ Кешану разъѣзды.

Первая полученная отъ графа депеша успокоила начальника дивизіи относительно продовольствія 10-го полка. Онъ телеграфировалъ: „У меня есть хлѣбъ, мука и мясо, и мнѣ нѣтъ надобности присылать ихъ изъ Демотики. Галеты сберегу для марша. Полкъ перешелъ въ Узунъ-Кепри утромъ, а я пріѣхалъ часомъ позже, по желѣзной дорогѣ, съ артиллеріею. Капитанъ Олесовъ остался въ Кулелы съ двумя ротами, онъ снабженъ всѣмъ".

22-го января прибылъ въ Демотику отъ генерала Гурко нарочный офицеръ, съ предписаніемъ о заключеніи перемирія, условія котораго были сообщены начальнику дивизіи на русскомъ и французскомъ языкахъ. По этимъ условіямъ всѣ прибрежья Егейскаго и Мраморнаго морей, отъ Дадеагача до С.-Стефано, должны были быть очищены турками. Вслѣдъ за этимъ послѣдовало распоряженіе о занятіи городовъ: Дадеагача, Еноса, Урши и Шаркіоя полками 3-й дивизіи, съ присоединеніемъ къ ней 24-го казачьяго и Екатеринославскаго драгунскаго полковъ. Всѣ прочія, чужія части войскъ приказано было отправить въ свои дивизіи. Вслѣдствіе этого, эскадроны л.-гв. конно-гренадерскаго и драгунскаго полковъ, направлены въ Родосто, уже занятое гвардейской кавалеріей, а взводъ конной № 16 батареи—въ Леле-Бургасъ. О саперной ротѣ и о 4-й батареѣ 31-й артиллерійской бригады упомянуто не было и потому онѣ остались при дивизіи.

Въ день полученія извѣстія о перемиріи явились къ начальнику дивизіи три агента желѣзно-дорожной компаніи. Одинъ изъ нихъ французъ, объяснилъ, что уполномоченъ правленіемъ общества просить, чтобы всѣ хлѣбные запасы, взятые для продовольствія войскъ и еще неизрасходованные, были сданы агентамъ компаніи, а въ израсходованныхъ полки выдали-бы ему квитанціи. Такое странное заявленіе, по словамъ француза основывалось на томъ, что будто-бы турецкое правительство

еще до перехода русскихъ войскъ черезъ Марьицу, т. е. еще 1-го января, продало всѣ свои запасы желѣзно-дорожной компаніи, въ счетъ уплаты за перевозку войскъ и эмигрировавшаго населенія. Агенты требовали даже того, чтобы войска наложили запрещеніе и охраняли бы и тѣ припасы, которые находятся въ сельскихъ общинахъ. Когда начальникъ дивизіи потребовалъ документальныхъ доказательствъ подобной продажи, то уполномоченный могъ представить только депешу своего правленія. Само собою, что подобная претензія на то, что по условію перемирія, послѣ семидневнаго срока должно было составлять военную нашу добычу, осталось безъ удовлетворенія и уполномоченному данъ совѣтъ ѣхать въ Адріанополь и объяснить свои требованія начальнику полеваго штаба.

Въ виду предстоящаго движенія дивизіи за Марьицу, капитану Олесову приказано было задержать, изъ проходящихъ поѣздовъ, хотя двѣ платформы для перевозки черезъ мосты артиллеріи, по рельсамъ. Для этого бывшіе въ Демотикѣ орудія отправлены въ Кулелы впередъ, для переправы исподволь. Къ задержкѣ платформъ, хотя-бы силою, приходилось прибѣгать по неволѣ, потому что нельзя было узнать отъ кого требовать подвижнаго состава для нуждъ дивизіи. Изъ отряднаго штаба на подобные вопросы отвѣта не было; а инженеръ Ивановъ ссылался, что онъ ничего не можетъ сдѣлать безъ начальника инженеровъ, сноситься-же съ послѣднимъ прямо, не по командѣ, дивизія была не вправѣ. 10-й полкъ захватилъ съ собою артиллерію можно сказать случайно, нагрузивъ ее на пустыя платформы проходившаго изъ Адріанополя къ Леле-Бургасу поѣзда, а черезъ Демотику поѣзда непроходили и подкараулить такой случайности было невозможно.

Новое расквартированіе дивизіи, имѣло то неудобство, что полкъ который долженъ занять Дадеагачъ, былъ-бы совершенно отрѣзанъ отъ дивизіи устьями Марьицы. Сообщеніе съ нимъ могло-бы быть только моремъ, а для соединенія съ дивизіею, пришлось бы пройти 160 верстъ: т. е. 80 верстъ до Кулелы и затѣмъ столько же до Еноса, гдѣ предполагалось имѣть дивизіонный штабъ. Между тѣмъ на наше мѣсто, въ Демотику, должна была придти 3-я гвардейская дивизія, отъ которой гораздо удобнѣе было бы держать часть въ Дадеагачѣ. Все это было представлено генералу Гурко, съ просьбою незанимать этого города. По полученіи согласія, сдѣланы были распоряженія о предстоящемъ передвиженіи и расквартированіи полковъ. Дивизіонному штабу, 9-му Старо-ингерманландскому и Екатеринославскому драгунскому полкамъ предписано расположиться въ Шаркіоѣ; 10-му Новоингерманландскому, съ 4-ю батарею 31 бригады и эскадрономъ драгунъ,—занять Уршу, а своднымъ баталіономъ 2-й бригады, съ штабомъ 24-го казачьяго полка—Еносъ. Для сообщенія полковъ между собою и связи ихъ съ дивизіоннымъ штабомъ, по берегу Егейскаго моря, отъ Еноса къ Уршѣ, должны были

занять посты двѣ казачьи сотни, а отъ Урши до Шаркіоя и далѣе до Чорлу, гдѣ предполагался штабъ отряда,—Екатеринославскіе драгуны. Съ прибытіемъ же остальныхъ баталіоновъ 2-й бригады, находившихся еще въ Карловѣ, начальникъ дивизіи предполагалъ оставить въ Еносѣ 11-й Псковской полкъ, а 12-мъ Великолуцкимъ занять Ипсалу и Кешанъ. Это было необходимо не столько для боевыхъ, сколько для военно-административныхъ цѣлей, а именно для обезпеченія тыльныхъ сообщеній дивизіи и для водворенія спокойствія въ округѣ Ипсалы, гдѣ продолжалась вражда между мусульманскимъ и христіанскими населеніями.

Чѣмъ болѣе дивизія отходила къ югу, тѣмъ болѣе она удалялась отъ оставленныхъ ею за Балканами обозовъ и отъ находившихся при нихъ хозяйственныхъ своихъ управленій, не исключая и полковыхъ канцелярій. Это именно задерживало всѣ внутреннія распоряженія и препятствовало устройству полковъ, хотя на это и было свободное время, какъ въ Демотикѣ, такъ въ послѣдствіи въ Шаркіоѣ и Родосто.—Со времени выступленія къ Филиппополю, т. е. съ 2-го по 20-е января, мы неполучали никакихъ свѣдѣній ни изъ обозовъ, ни отъ оставшихся въ Карловѣ частей 2-й бригады. Тотчасъ по прибытіи въ Демотику, посланъ былъ въ Карлово нарочный офицеръ, къ командующему бригадою подполковнику Кабордо, съ предписаніемъ, по прибытіи къ нему обозовъ и подвижнаго дивизіоннаго лазарета, выступить черезъ Филиппополь и Адріанополь къ дивизіи. Въ то же время другому офицеру приказано было ѣхать къ Шипкѣ, на встрѣчу обозовъ 1-й бригады. По расчету времени, оба посланные могли возвратиться не ранѣе двухъ недѣль; но прежде ихъ возвращенія были получены хотя и запоздалыя донесенія, какъ изъ Карлова отъ Кабордо, такъ отъ главнаго врача подвижнаго лазарета и отъ завѣдывавшаго обозами 1-й бригады, подполковника Чигирина. Первый сообщалъ, что послѣ долгихъ ожиданій, обозы 2-й бригады наконецъ прибыли изъ Этрополя къ Карлову; что изъ числа отсталыхъ и больныхъ многіе присоединились къ полкамъ, и что при улучшенномъ довольствіи и удобномъ размѣщеніи ротъ по квартирамъ, силы людей, подорванные перенесенными лишеніями, видимо укрѣпляются. Что касается до исполненія данныхъ начальникомъ дивизіи предписаній, относительно сбора и охраненія оставленныхъ турками въ долинѣ Гіопса продуктовъ, то все было исполнено съ величайшею точностію. Оставаясь старшимъ въ Карловѣ, Кобордо устроилъ тамъ городское управленіе, мѣстную полицію, открылъ полковые лазареты, учредилъ правильныя сообщенія съ Казанлыкомъ и Филиппополемъ. Пересылка большихъ партій плѣнныхъ, эвакуація больныхъ, все это требовало особенной распорядительности и энергіи. Дѣло шло отлично, до прибытія въ Карлово особаго коменданта, присланнаго изъ Казанлыка. Въ эту должность былъ назначенъ прапорщикъ, неимѣвшій ни служебной, ни житейской опытно-

сти и весьма мало знакомый съ понятіями чинопочитанія. Первымъ его дѣломъ было вмѣшательство въ городское управленіе. Безтактное обращеніе съ членами совѣта, между которыми были священники и почетные лица города, было причиною, что эти лица явились къ подполковнику Кобардо и объявили, что они слагаютъ съ себя обязанности членовъ. Эти обстоятельства вызвали столкновеніе и переписку съ воинскимъ начальникомъ въ Казанлыкѣ, который, къ сожалѣнію, вздумалъ подерживать подчиненнаго ему прапорщика и чрезъ это вынудилъ начальника дивизіи представить вновь переписку въ штабъ арміи.

Неутѣшительныя свѣдѣнія сообщались въ донесеніяхъ дивизіоннаго врача Кунаховича и подполковника Чигирина. Оба они,—одинъ съ подвижнымъ лазаретомъ, а другой съ обозами и нестроевыми командами 1-й бригады,—вышли изъ Ловчи 6-го и 7-го января. Уже проходя Сельви, они узнали о невозможности пройти Шипкинскимъ переваломъ, отъ котораго, вплоть до Габрова, скопилось такое множество артиллеріи, парковъ, транспортовъ и различныхъ воинскихъ повозокъ, что попасть въ очередь, для пропуска къ подъему, считалось недосягаемымъ благополучіемъ. Генералъ Лошкаревъ, назначенный комендантомъ Шипкинскаго перевала, имѣлъ повелѣніе пропустить сначала всю артиллерію обозы 8-го корпуса и частей, вмѣстѣ съ нимъ перешедшихъ Балканы, затѣмъ весь гренадерскій корпусъ съ его обозами, потомъ парки и транспорты и, наконецъ, оставшіяся въ тылу тяжести другихъ частей. Можно вообразить, что происходило въ это время между Габровымъ и подъемомъ, гдѣ масса нестроеваго люда и еще болѣе лошадей, ожидали впуска на перевалъ, какъ входа въ обѣтованную землю. Достать въ этой мѣстности клокъ сѣна, или снопъ соломы, было немыслимо и потому, какъ главный врачъ Кунаховичъ, такъ и подполковникъ Чигиринъ, сочли лучшимъ остановить подвижной лазаретъ и обозы въ Сельви и тамъ ожидать очереди впуска на подъемъ. Чтобы знать когда придетъ очередь, они почти черезъ день ѣздили справляться у генерала Лошкарева. То же самое сдѣлали потомъ и командиры 1-й, 3-й и 5-й батарей нашей бригады, прождавъ передъ тѣмъ недѣли полторы среди габровской безкормицы. Между тѣмъ начальникъ дивизіи нѣсколько разъ получалъ приказанія о скорѣйшемъ присоединеніи артиллеріи. Но что же можно было сдѣлать, если и по депешѣ начальника полеваго штаба арміи генералу Лошкареву, о скорѣйшемъ пропускѣ нашихъ батарей, до нихъ долго не доходила очередь. Если бы можно было предвидѣть подобное затрудненіе на Шипкѣ, то было бы гораздо лучше, направить все оставшееся въ Ловчѣ, черезъ Плевну, Орханію и Филиппополь по безпрерывному шоссе къ Адріанополю. Тронувшись въ этомъ направленіи 6-го января изъ Ловчи, наша артиллерія и обозы безпрепятственно пришли бы 1-го февраля въ Демотику. Теперь же мы даже не могли и предвидѣть срока

ихъ присоединенія къ дивизіи, а командиръ артиллерійской бригады долго даже и не зналъ, гдѣ находятся его батареи, хотя еженедѣльно посылалъ нарочныхъ разыскивать, то оставшихся въ Ловчѣ, то находившихся въ отрядѣ генерала Гурко и, по слухамъ, стоявшихъ еще у Орханіи. Чтобы не удивляться подобной безъизвѣстности начальниковъ о своихъ частяхъ, нужно вспомнить, что отъ Демотики, т. е. отъ штаба дивизіи, до Ловчи и Орханіи было болѣе трехъ-сотъ верстъ, что на этомъ пространствѣ находились Большіе и Малые Балканы и что въ теченіи января и февраля мѣсяцевъ не было устроено ни почтоваго, ни телеграфнаго сообщенія, которое было бы доступно дивизіонному штабу. По крайней мѣрѣ сколько разъ не было пробуемо посылать депеши, не только изъ Демотики, но и черезъ нарочныхъ офицеровъ изъ Адріанополя, въ Сельви и Ловчу, ни одна изъ нихъ не дошла по назначенію, а часто и вовсе не принимали ихъ, ссылаясь на невозстановленіе линіи. Болѣе мѣсяца прошло, что мы не получали ни одного письма и никакой вѣсточки изъ Россіи, а штабъ дивизіи—ни одной изъ выписываемыхъ газетъ. Всѣ наши свѣдѣнія о происходящемъ, внѣ района дивизіи, ограничивались тѣмъ, что разсказывали офицеры, ѣздившіе по службѣ въ Адріанополь. Даже оффиціальныя бумаги изъ отряднаго штаба приходили весьма рѣдко.

Продовольствіе дивизіи, во время предстоявшаго движенія къ югу, при предположеніи, что турки имѣли время вывезти изъ своихъ портовъ всѣ запасы, очень озабочивало начальника дивизіи. Трудно было ожидать, чтобы счастье продолжало благопріятствовать намъ постоянно. Между тѣмъ, ни объ интендантствѣ, ни о товариществѣ продовольствія не было даже слуха; слѣдовательно, вся отвѣтственность за продовольствіе и всѣ заботы о немъ, падали на начальника дивизіи. Можно было надѣяться, что, быть можетъ, въ портахъ Еноса и Шаркіоя найдутся продукты и зерно частныхъ хлѣботорговцевъ, но при полкахъ не было денегъ, такъ какъ денежные ящики остались при обозахъ за Балканами, и не было извѣстно, получили ли казначеи что-либо на январь мѣсяцъ, потому что половыя казначейства еще не прибывали. Все это вмѣстѣ заставило начальника дивизіи обратиться къ начальнику полеваго штаба арміи съ слѣдующимъ рапортомъ:

„Ввѣренная мнѣ 3-я пѣхотная дивизія, съ самаго перехода, въ половинѣ августа, черезъ Дунай, находится въ исключительномъ и крайне невыгодномъ для ея управленія положеніи. Четыре мѣсяца она была разбросана по разнымъ отрядамъ и теперь еще не вполнѣ соединилась, такъ какъ разстроенная 2-я бригада обратилась въ два сводные батальона, а полковые штабы остались въ тылу и мнѣ даже неизвѣстно, перешли ли теперь обозы черезъ Балканы. Полки 2-й бригады третій мѣсяцъ безъ

полковыхъ командировъ, а назначенные, вмѣсто произведенныхъ въ генералы, въ 1-ю бригаду еще не прибыли.

„Не причисленная ни къ какому корпусу, дивизія не имѣетъ ни своего почтоваго отдѣленія, ни казначейства, ни интенданта, такъ какъ бывшій ея интендантъ заболѣлъ при выступленіи за Балканы, а секретаря его перевели въ тылъ арміи. Разлученная два мѣсяца съ органами своихъ полковыхъ хозяйственныхъ управленій, дивизія третій мѣсяцъ не получаетъ содержанія; ротные командиры не имѣютъ денегъ для покупки продуктовъ, а офицеры терпятъ нужду. Они перешли Балканы съ тѣмъ, что было на нихъ и остаются шесть недѣль въ такомъ положеніи, потому что ихъ бѣлье, одежда и обувь остались въ обозахъ. Чтобы сколько-нибудь помочь имъ, я уже роздалъ въ роты 400 полуимперіаловъ, изъ остававшейся у меня экстраординарной суммы траянскаго отряда. Въ виду вышеизложеннаго, прошу ваше высокопревосходительство войти въ положеніе дивизіи и не оставить вашимъ распоряженіемъ о нижеслѣдующемъ: 1) О выдачѣ въ полки, теперь же, до выступленія ихъ изъ Демотики, заимообразно: въ 9-й и 10-й полки—по 3000 рублей, а въ сводные батальоны 11-го и 12-го полковъ—по 1000 рублей звонкою монотою, на покупку хлѣба и продуктовъ. Полагаю, что въ портовыхъ городахъ, гдѣ иностранные консулы, реквизиціонный способъ довольствія не вполнѣ удобенъ. 2) О приказаніи, чтобы обозы дивизіи и подвижной лазаретъ были немедленно пропущены—1-й бригады черезъ Шипку, а 2-й—изъ Этрополя и направлены на присоединеніе къ своимъ частямъ, въ Еносъ, Уршу и Шаркіой. Для встрѣчи ихъ и указанія пути, будутъ высланы мною въ Адріанополь офицеры. 3) О скорѣйшемъ назначеніи и присылкѣ въ дивизію интенданта, такъ какъ при будущей растянутости полковъ по берегу моря, не имѣя полковыхъ командировъ, я одинъ не въ силахъ руководить продовольствія частей. 4) О скорѣйшемъ назначеніи полковыхъ командировъ въ 11-й и 12-й полки.

„Обойтись безъ этихъ мѣръ и безъ вашей помощи, я не вижу возможности, а потому и прошу скорѣе оказать ее. Вашему высокопревосходительству извѣстно, что доколѣ было возможно, я все дѣлалъ по продовольствію полковъ и съ 1-го октября велъ его самъ, ничего не требуя отъ интендантства“.

Съ этимъ рапортомъ былъ посланъ въ главную квартиру, старшій адъютантъ дивизіоннаго штаба, штабсъ-капитанъ Байковъ. Черезъ три дня онъ привезъ просимыя 8000 рублей, которыя и были немедленно розданы въ полки.

IX.

На Егейскомъ и Мраморномъ моряхъ.

Выступленіе изъ Демотики. — Узунъ-Кепри. — Переходъ до Мальтепе. — Кешанъ. — Международный телеграфъ. — Переходъ до Урши. — Егейское море. — Осмотръ Галлипольскаго перешейка. — Приказаніе укрѣпиться. — Вступленіе въ Шаркіой. — Стоянка въ немъ. — Еносъ и консулы. — Административныя распоряженія. — Перемѣна квартиръ. — Отъ Шаркіоя до Родосто. — Соединеніе дивизіи и ея расположеніе. — Жизнь въ Родосто. — Перемѣна полковыхъ командировъ. — Раздача наградъ. — Начало болѣзней. — Съѣздъ командировъ. — Извѣстіе о мирѣ. — Новый Главнокомандующій. — Заключеніе.

29-го января примѣненіе мостовъ, у Кулелы-Бургаса, для прохода пѣхоты и кавалеріи было окончено. На другой же день черезъ нихъ прошли два сводные батальона 2-й бригады, подъ командою командира 11-го Псковскаго полка полковника Зубатова, прибывшаго послѣ шестинедѣльной болѣзни къ своему полку. Въ этотъ же день 10-й Новоингерманландскій полкъ направленъ изъ Узунъ-Кепри къ Кешану съ тѣмъ, чтобы 2-го февраля занять Уршу. Дивизіонный штабъ, 9-й Староингерманландскій полкъ, съ саперною ротою и 1-ю сотнею 24-го казачьяго полка, тронулся изъ Демотики 1-го февраля; но какъ на смѣну дивизіи еще не пришли другія войска, то одна рота 9-го полка временно была оставлена въ Демотикѣ, а другая у мостовъ въ Кулелахъ. Такимъ образомъ, вся дивизія, съ 29-го января по 6-е февраля, была въ движеніи къ Егейскому морю.

Становясь ближе всѣхъ другихъ войскъ къ Галлиполи, наша дивизія считала новую свою стоянку весьма видною въ боевомъ отношеніи. Всѣ понимали, что, въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, мы первые будемъ въ дѣлѣ и смотрѣли на назначеніе дивизіи на позицію противъ Галлиполи, какъ на доказательство довѣрія.

Въ первый же день выступленія погода круто измѣнилась. Ясные и вполнѣ весенніе дни превратились въ холодные и сырые. При вступленіи 1-го февраля въ Узунъ-Кепри, началась буря съ мятелью. Не смотря на это, жители города, съ духовенствомъ во главѣ, встрѣтили насъ за двѣ версты, при началѣ длинной дамбы, устроенной на каменныхъ аркахъ, черезъ болотистый разливъ рѣки Ергене, притока Марьицы. Выслушавъ нѣсколько рѣчей на греческомъ и французскомъ языкахъ, двѣ версты мы шли, при разыгравшейся мятели, съ открытыми головами, предшествуемые хоругвями, подъ пѣніе какихъ-то гимновъ, хорами учениковъ и ученицъ греческой школы. Какъ эти дѣти, такъ и большая часть народа, имѣли въ рукахъ зеленыя миртовыя вѣтви. Шествіе направилось къ церкви. Тамъ мы выслушали длинное молебствіе и снова говорились рѣчи. Все это, послѣ значительнаго перехода въ дурную погоду, сильно утомило насъ. Каждый, уже въ сумерки, спѣшилъ въ отве-

денную квартиру отдохнуть и согрѣться. Но этимъ могли воспользоваться не всѣ. Начальнику дивизіи и чинамъ штаба удалось покончить различныя дѣла и распоряженія не раньше полуночи. Сначала явились чины городскаго совѣта; отъ нихъ надо было узнать о положеніи города, о средствахъ для снабженія войскъ хлѣбомъ, о происходящемъ въ окрестностяхъ. И здѣсь пришлось выслушивать длинные разсказы о турецкихъ звѣрствахъ, о недавнемъ сожженіи христіанскихъ деревень, объ ограбленіи скота. Затѣмъ, начальникъ дивизіи, сознавая всю важность скорѣйшаго занятія богатаго запасами Еноса, нашелъ, что движеніе къ нему пѣхоты (сводные батальоны 2-й бригады) слишкомъ медленно и потому послалъ командиру 24-го казачьяго полка, полковнику Кузнецову, предписаніе: „Взявъ шедшія при пѣхотныхъ эшелонахъ сотни, форсированно идти съ ними къ Еносу". Придя туда, онъ долженъ былъ тотчасъ наложить запрещеніе на всѣ продовольственные запасы турецкаго правительства; привести ихъ въ извѣстность, учредить караулы и выставить почтовые посты по берегу моря до Урши. Съ прибытіемъ же пѣхоты, старшимъ военнымъ начальникомъ Еноса назначался полковникъ Зубатовъ. Въ Узунъ-Кепри присоединился къ дивизіи Екатеринославскій драгунскій полкъ.

Утромъ, 2-го февраля, непогода и мятель усилились. Не смотря на это, драгуны и 9-й полкъ, съ артиллеріею, выступили и должны были ночевать въ Кадыкіоѣ, но и при 20-ти-верстномъ переходѣ, до этой деревни могла дойти только пѣхота и драгуны, орудія же прошли всего 12-ть верстъ. Глинистые подъемы на горы и болота между возвышенностями, до того распустились, что колеса вязли по ступицы и лошади выбивались изъ силъ. Дивизіонный штабъ, съ саперною ротою и конвойною сотнею, оставался 2-го числа на мѣстѣ. Передневать въ Узунъ-Кепри было необходимо, потому что сюда прибыли завѣдывающіе хозяйствомъ полковъ 2-й бригады, которыхъ начальникъ дивизіи не видѣлъ съ октября мѣсяца. Отъ нихъ наконецъ мы узнали, что оставленные въ Карловѣ части и обозы 2-й брагады дошли до Адріанополя. Такъ какъ въ теченіи двухъ-мѣсячнаго стоянія бригады на вершинахъ Арабъ-Конака и Шандорника, а затѣмъ, во время усиленныхъ переходовъ, полки не имѣли возможности представлять какихъ-либо отчетовъ и вести контроль своимъ хозяйственнымъ оборотамъ, то понятно, что при этомъ свиданіи предстояло о многомъ узнать, разспросить, дать разрѣшеніе и отвѣты на множество вопросовъ. Однимъ изъ экстренныхъ было то, чтобы, въ виду разлитія и испорченности дорогъ, не везти всѣхъ обозовъ за линію желѣзной дороги, а присоединить къ полкамъ одни патронные ящики и лазаретныя повозки; все же остальное оставить около Адріанополя, подъ надежнымъ надзоромъ и охраною и притянуть къ полкамъ, когда поправятся дороги. О томъ, гдѣ обозы 1-й бригады, мы еще положи-

тельно не знали; завѣдующіе хозяйствомъ говорили только, что, по слухамъ, они уже прошли Шипку. Что же касается подвижваго дивизіоннаго лазарета, то посланный для отысканія его офицеръ привезъ въ Узунъ-Кепри свѣдѣнія, что лазаретъ пять дней назадъ тронулся изъ Карлова на Черпанъ, въ надеждѣ найти по этому пути возможность пріобрѣтать фуражъ, такъ какъ по шоссе все было уже опустошено.

3-го февраля, рано утромъ, мы тронулись по Кешанской дорогѣ къ Кадыкіою. На первой же половинѣ перехода, всѣ тѣ легкія повозки, которыя кое-кто завелъ къ Демотикѣ, засѣли въ грязи. Довѣрившіе возможности провезти ихъ, радовались, что совершатъ походъ съ комфортомъ, а теперь остались безъ всего. Тѣ же, которые предпочли сохранить вьюки, выиграли, имѣя, по крайней мѣрѣ, необходимое. Въ Кадыкіоѣ, гдѣ предполагался ночлегъ, мы застали наши 10-ть орудій. Пройдя всего 8 верстъ, они должны были сдѣлать привалъ. Оставаться въ этой деревнѣ на ночь не было возможности, потому что она была раззорена до-тла и покинута жителями. Узнавъ изъ распросовъ встрѣчныхъ болгаръ, что верстахъ въ 15-ти находится большое село Мальтепе, начальникъ дивизіи рѣшилъ идти далѣе. Послѣ получаса хода, мы спустились въ долину, тянувшуюся верстъ 12-ть. Вся она представляла едва проходимую топь. Канавы, пересѣкающіе ее ручьи и рытвины, луговыя прогалины,—все было затоплено до такой степени, что мы не шли, а брели, ежеминутно ожидая, что конь завязнетъ или провалится въ яму. Пришлось посылать казаковъ развѣдчиками, уже не для открытія непріятеля, а шаговъ на сто впередъ,—искать брода черезъ ручьи и канавы. Нельзя было и вообразить, чтобы по этой дорогѣ могли пройти наши 9-ти-фунтовыя орудія, а между тѣмъ на другой день они прошли и только сутками позже противъ маршрута дошли до Кешана.

Сдѣлавъ 40 верстный переходъ, мы подъ вечеръ вступили въ болгарское село Мальтепе, гдѣ нашли всего въ изобиліи. Старикъ, хозяинъ дома, отведеннаго начальнику дивизіи, смотрѣлъ на насъ съ умиленіемъ и просилъ позволенія угостить конвойныхъ казаковъ. Оказалось, что онъ былъ проводникомъ казачьяго отряда, занимавшаго Чорлу, въ 1829 году. 4-го февраля, въ ясное, хотя нѣсколько холодное утро, штабъ дивизіи прибылъ въ Кешанъ. На переходѣ былъ встрѣченъ въ первые караванъ верблюдовъ, съ товарами изъ Родосто въ Адріанополь. Видъ незнакомыхъ сѣвернымъ жителямъ животныхъ, занималъ солдатъ.

Въ Кешанѣ мы уже незастали переднихъ эшелоновъ. Полковникъ Зубатовъ за день свернулъ къ Еносу, а графъ Комаровскій, съ 10-мъ полкомъ, еще днемъ раньше направился въ Уршу. Въ Кешанѣ, для сохраненія порядка между смѣшаннымъ населеніемъ и для заготовки полку хлѣба, онъ оставилъ роту. Командиръ ея, капитанъ Гулевичъ, назначенный комендантомъ города, являясь начальнику дивизіи, доложилъ, что

прибывъ впередъ, онъ получилъ свѣдѣніе, что два табора изъ Галлиполи идутъ въ Кешанъ. Гулевичъ выѣхалъ имъ на встрѣчу и сойдясь съ турками, объявилъ ихъ начальнику, что Кешанъ уже занятъ авангардомъ дивизіи и что согласно условіямъ перемирія, турки обязаны очистить всю мѣстность до моря. Начальникъ турецкой колонны, съ своей стороны передалъ, что ему извѣстны условія перемирія и что онъ посланъ лишь потому, что жители города просили губернатора прислать имъ регулярное войско, для защиты отъ грабежей черкесовъ и баши-бузуковъ; но разъ, что русскіе прибыли въ Кешанъ, онъ возвращается въ Галлиполи. Кромѣ того, Гулевичемъ было доложено, что въ городѣ находится станція международнаго телеграфа, имѣющая сообщенія, какъ съ Константинополемъ, такъ и съ Вѣною; что начальникъ станціи турокъ, продолжаетъ получать депеши своего правительства. Это заставило начальникъ дивизіи потребовать его къ себѣ, но онъ сказался больнымъ и прислала своего помощника, француза. Отъ послѣдняго, къ общей нашей радости мы узнали, что уже открыто телеграфное сообщеніе съ Одессою, по подводному кабелю и что мы можемъ телеграфировать въ Россію, какимъ угодно путемъ—и черезъ Одессу, и черезъ Вѣну. Предоставляемъ судить о нашемъ восторгѣ, когда мы на другой день начали получать отвѣты на посланныя телеграммы.

Не смотря на перемиріе, нельзя было оставить за турками права, пользоваться, въ расположеніи нашихъ войскъ, безконтрольною передачею депешъ. Поэтому, начальникъ дивизіи, въ тотъ же день, назначилъ начальникомъ станціи французскаго агента международнаго общества, и предписалъ слѣдующія правила: 1) передача частныхъ депешъ на турецкомъ языкѣ воспрещается; 2) всѣ депеши частныхъ лицъ, на какомъ бы ни было языкѣ, касающіяся расположенія, передвиженія и силы русскихъ войскъ, или распоряженій русскаго правительства—непринимаются; 3) депеши турецкаго правительства, на какомъ бы то ни было языкѣ, прежде ихъ передачи адресанту, или отправленія къ мѣсту назначенія, должны быть предъявлены коменданту; 4) телеграфисты изъ турокъ не имѣютъ права находиться въ помѣщеніи аппаратовъ и допускаются къ нимъ только по приказанію начальника станціи, единственно для принятія правительственной турецкой депеши. Объ этихъ мѣрахъ тогда же было донесено начальнику штаба арміи.

Новый начальникъ станціи очень обрадовался этимъ распоряженіямъ, и словоохотно высказалъ, что радъ отмстить туркамъ за всѣ прежнія притѣсненія, на которыя сильно жаловался, увѣряя, что уже три мѣсяца никто изъ иностранцевъ не получалъ содержанія. Объявленныя правила были причиною, что всѣ турецкіе чиновники на другой же день просили позволенія выѣхать въ Галлиполи, что и было имъ разрѣшено, съ выдачею пропускнаго билета черезъ наши посты.

5-го февраля, 9-й полкъ и штабъ дивизіи имѣли въ Кешанѣ дневку. Она была необходима, чтобы выждать подхода артиллеріи.

Въ этотъ же день прибылъ къ дивизіи, командированный изъ главной квартиры, инженеръ-капитанъ Крюковъ. Являясь начальнику дивизіи, онъ представилъ ему отзывъ начальника инженеровъ арміи, который писалъ, что Крюковъ, по повелѣнію Главнокомандующаго, командируется для избранія и укрѣпленія позиціи между Уршою и Шаркіоемъ, по перешейку Галлипольскаго полуострова и что онъ проситъ дать этому офицеру средства и рабочихъ для выполненія даннаго ему порученія. Какого-либо другаго сообщенія о подобной мѣрѣ, начальникъ дивизіи не получалъ, ни отъ штаба отряда, которому принадлежала дивизія, ни отъ начальника полеваго штаба. Не смотря на это, немедленно были составлены соображенія о сборѣ шанцоваго инструмента со всей дивизіи, о нарядѣ рабочихъ отъ полковъ 1-й бригады, о ихъ расквартированіи вмѣстѣ съ саперною ротою, по близости позиціи и о способѣ ихъ продовольствія. Но, прежде чѣмъ объявить эти распоряженія къ исполненію, начальникъ дивизіи желалъ лично осмотрѣть мѣстность перешейка.

Утромъ 6-го февраля мы тронулись къ Уршѣ. Переходъ этотъ, по характеру мѣстности, можно раздѣлить на двѣ, противоположныя одна другой половины. Послѣ спуска съ Кешанской возвышенности, дорога верстъ 10 идетъ по низменности, болотистой и залитой весенними разливами. На всемъ переходѣ нѣтъ ни одной деревни, исключая села, версты на двѣ вправо отъ дороги. Изъ него доносился до насъ звонъ колокола, раздававшійся не въ обычное время, въ знакъ радости при видѣ русскихъ. Вторая половина перехода начинается подъемомъ въ горы, покрытыя рѣдкимъ лѣсомъ. Верстъ 6 дорога тянется все выше и выше, но на ней не встрѣчается ни особой крутизны, ни препятствій.

Оставивъ 9-й полкъ на привалѣ, штабъ дивизіи, отправился впередъ, чтобы раньше пріѣхать въ Уршу и узнать о происходящемъ у Галлиполи. Къ этому побуждали носившіеся въ Кешанѣ слухи, будто бы англичане уже высадились на полуостровѣ и заняли Болеаръ... Подымаясь на послѣдній перевалъ, произошелъ слѣдующій, характеризирующій русскаго солдата случай. Начальникъ дивизіи, увидя впереди одиночнаго солдата съ ружьемъ, далъ ходъ своему коню. Солдатъ оказался нашей дивизіи, въ шапкѣ съ чернымъ околышемъ, слѣдовательно Великолукскаго полка, направленнаго въ Еносъ.

— Куда ты идешь? спрашиваетъ генералъ.

— Въ полкъ, ваше превосходительство, отвѣчаетъ видимо изнуренный и съ явными признаками на губахъ, послѣдствій лихорадки, солдатикъ.

— А гдѣ твой полкъ?

— Не могу знать.

— Да вѣдь полкъ уже два дня какъ свернулъ изъ Кешана къ Еносу.

— Не могу знать, ваше превосходительство.

— Такъ зачѣмъ же ты идешь впередъ, не зная гдѣ полкъ?

— Да я увидалъ, что по этой дороги пошли люди нашей дивизіи, вотъ я и пробираюсь за ними. Силы-то во мнѣ нѣтъ, такъ я помаленьку.

— Гдѣ же ты отсталъ отъ полка и когда?

— Да еще о Рождествѣ, а иду отъ Этрополя.

Мы были уже въ 350 верстахъ отъ Этрополя и этотъ полубольной, въ непріятельской странѣ, не зная языка, не имѣя гроша денегъ, идетъ за полкомъ все впередъ и впередъ. Чѣмъ онъ питался, какими шелъ путями, что ожидало его при потерѣ послѣднихъ силъ, все это извѣстно одному Богу. И не пошелъ же онъ назадъ, къ сторонѣ родины, по пройденной имъ и занятой русскими мѣстности, а впередъ, единственно для того, чтобы присоединиться къ своему полку, неотстать отъ своей роты.

Черезъ нѣсколько минутъ мы въѣхали на перевалъ и передъ нами, совершенно неожиданно, представилась дивная, поразительная картина: мы увидѣли Егейское море! При яркомъ весеннемъ освѣщеніи, оно походило на громадное зеркало, въ которомъ отражались южные, покрытые зеленью склоны горъ. Влѣво море окаймлялось Галлипольскимъ полуостровомъ; прямо лежалъ островъ Соррось, а вправо шелъ безбрежный Сорросскій заливъ. На немъ, вдали, виднѣлись два парохода и нѣсколько небольшихъ судовъ. Все это вмѣстѣ, послѣ пяти-мѣсячнаго пребыванія и странствій, то по трущобамъ и болотамъ, то по снѣгамъ и лѣсамъ, казалось очарованіемъ и такъ и манило къ себѣ. Но все это только казалось издали, а когда спустились и затѣмъ ближе ознакомились съ происходящимъ у этихъ поэтическихъ береговъ, то пришлось сильно разочароваться. Между моремъ и подножіемъ пройденныхъ нами горъ, была совершенно плоская, пустынная равнина, версты въ четыре шириною. На ней то, противъ начала перешейка, среди песчанныхъ сопокъ, лежитъ несчастный городишко Урша. Вступившій въ него ранѣе насъ, Новоингерманландскій полкъ, нашелъ его совершенно пустымъ. Всѣ жители, исключительно турки, ушли въ Галлиполи, забравъ и скотъ и все имущество, не оставивъ ни одного зерна, ни клочка сѣна. Трудно было представить, какими средствами будетъ продовольствоваться въ Уршѣ полкъ, съ батареею и эскадрономъ драгунъ.

По прибытіи дивизіоннаго штаба, начальнику дивизіи было доложено, что въ упреки условіямъ перемирія, о томъ, чтобы между демаркаціонными линіями обѣихъ сторонъ, было нейтральное пространство въ 5 верстъ шириною, турки занимаютъ деревню Ковакъ, находящуюся всего въ 4 верстахъ отъ Урши. Какъ по этому обстоятельству, такъ и

вслѣдствіе желанія скорѣе лично осмотрѣть мѣстность указанную для выбора позиціи, генералъ, 7-го февраля, рано утромъ выѣхалъ, вмѣстѣ съ начальникомъ штаба, инженеромъ Крюковымъ и командиромъ Новоингерманландскаго полка, сначала по направленію къ деревни Ковакъ, а потомъ къ востоку, черезъ довольно большія горы, поросшіе кустами и лѣсомъ. Въ тоже время, Староингерманландскій полкъ, съ саперною ротою, шелъ къ Шаркіою, черезъ заранѣе занятую двумя ротами 10-го полка, деревню Іени-Кіой.

Достаточно было бѣглаго взгляда на пересѣченную мѣстность перешейка, чтобы убѣдиться въ безполезности укрѣпляться тамъ, гдѣ мы, строго говоря, не имѣли права находится. Выдаваться далѣе трехъ верстъ, впередъ линіи Урша-Шаркіой, значило вступить на полуостровъ, что было строго запрещено. Строить укрѣпленія ближе трехъ верстъ отъ этой линіи было немыслимо, потому что онѣ не имѣли бы никакаго обстрѣла. Впереди ихъ лежали командующія высоты, закрывавшія все, что южнѣе. Кромѣ того, какое значеніе могли имѣть прибрежныя укрѣпленія безъ крѣпостныхъ орудій? Стоило двумъ броненосцамъ стать по сторонамъ перешейка и наши укрѣпленія, съ полевыми орудіями, оказались бы безсильными. Независимо отъ этого, трудно было предполагать, чтобы непріятель пошелъ на насъ перешейкомъ. Имѣя флотъ, ему гораздо выгоднѣе было бы высадиться западнѣе, чему мы не могли бы помѣшать, при растянутости дивизіи на 80 верстъ; а разъ, что высадка совершилась, то единственный нашъ путь отступленія на Кешанъ, очутился бы въ рукахъ непріятеля.

Приказавъ подполковнику Сосновскому и капитану Крюкову осмотрѣть мѣстность возможно южнѣе предполагаемой демаркаціонной линіи, начальникъ дивизіи, съ прочими чинами штаба, догнавъ 9-й полкъ, продолжалъ, во главѣ его, путь къ Шаркіою. Въ это же время, вышеназванные офицеры, направились къ югу; но неуспѣли они проѣхать версты, какъ замѣтили на возвышеніи постъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ пѣхоты и трехъ конныхъ. Двое изъ послѣднихъ, завидя всадниковъ, стремглавъ понеслись назадъ; прочіе начали медленно отступать. Съ оставленнаго ими возвышенія, наши увидѣли небольшую деревню и услышали сигналы тревоги, по которой, моментально, впереди деревни выстроилась рота, а за деревнею собирался таборъ. Видя такую готовность остановить всякую попытку осмотрѣть что-либо на полуостровѣ, начальникъ штаба, направился на востокъ, къ Шаркіою, куда прибылъ часами четырьмя позже насъ.

Вступленіе перваго полка и штаба дивизіи въ Шаркіой, гдѣ по распоряженію полковаго командира уже находился батальонъ Новоингерманландцевъ, сопровождалось церемоніальною встрѣчею всего городскаго населенія, съ архіереемъ и депутаціями во главѣ. Они вышли версты

за двѣ и расположились шпалерами по сторонамъ дороги. Здѣсь повторились тѣже рѣчи, тѣже гимны, что въ Узунъ-Кепри, но въ большемъ размѣрѣ и съ тою прибавкою, что архіерей, послѣ привѣтствія начальника дивизіи, сѣлъ на лошадь и верхомъ въѣхалъ, рядомъ съ нимъ въ городъ. Въ улицахъ толпы народа были до того велики, что полкъ съ трудомъ пробирался между ними.

Возвратясь съ перешейка, подполковникъ Сосновскій и капитанъ Крюковъ, подробно доложили начальнику дивизіи о произведенной ими рекогносцировкѣ мѣстности. Сущность доклада сводилась къ тому, что укрѣплять перешеекъ между Уршою и Шаркіоемъ безполезно, а безъ разрѣшенія, выдвинуть демаркаціонную линію до плоскости, невозможно; что строить батареи на горахъ, противъ лежащихъ въ полуверстѣ другихъ горъ, нѣтъ никакого основанія. Вслѣдствіе этого, начальникъ дивизіи донесъ генералу Гурко, что по его мнѣнію, гораздо правильнѣе, воспользоваться превосходною природною позиціею, именно переваломъ горъ надъ Уршою и возведя на ней батареи противъ подъемовъ, занять ихъ авангардомъ, а главные силы дивизіи расположить во второй линіи, между Кешаномъ и Малгарою, гдѣ новая цѣпь горъ, даетъ естественныя средства обороны. Такое мнѣніе поддерживалось еще и тѣмъ, что дивизія, растянутая на 80 верстъ, не могла бы нигдѣ помѣшать высадкѣ и потому было-бы раціональнѣе, отойдя на одинъ переходъ внутрь страны, сосредоточить ее у Кешана. При этомъ оборона пространства отъ Кешана къ западу до Марьицы, слѣдовало-бы возложить на другую часть войскъ. На сдѣланное въ этомъ смыслѣ представленіе отвѣта не было; но какъ непослѣдовало и положительнаго приказанія приступить къ укрѣпленію перешейка, то заготовленные въ штабѣ дивизіи распоряженія объ этой работѣ, остались въ проектѣ.

Желаніе начальника дивизіи воспользоваться остановкою полковъ на кантониръ-квартирахъ въ Еносѣ, Уршѣ и Шаркіоѣ и хоть немного поправить упущенное и разстроенное при усиленныхъ и боевыхъ движеніяхъ, было причиною, тотчасъ по приходѣ въ Шаркіой, отданія слѣдующаго приказа по дивизіи:

„Съ приходомъ полковъ на кантониръ-квартиры, предписываю командующимъ полками, съ полною энергіею приступить къ устройству своихъ частей. Объ исправленіи одежды и обуви я уже подтверждалъ неоднократно, но не одно это требуетъ исправленія. Послѣ понесенныхъ убылей, необходимѣе всего провѣрить административную часть ротъ: уравнять въ нихъ числительность нижнихъ чиновъ и унтеръ-офицеровъ; съ прибытіемъ-же полковыхъ канцелярій провѣрить прибыль и убыль людей съ 1-го октября. О всѣхъ, кто окажется незачисленнымъ, или неисключеннымъ, отдать въ приказѣ, объявивъ когда, въ какомъ сраженіи убитъ или раненъ, когда заболѣлъ и куда отправленъ на излеченіе. За-

тѣмъ черезъ 8 дней по присоединеніи канцелярій, доставить въ дивизіонный штабъ слѣдующія свѣдѣнія:

1) Списки убитыхъ и раненыхъ, съ означеніемъ когда, въ какомъ дѣлѣ, какой губерніи и уѣзда;

2) Списки получившихъ знаки военнаго ордена, съ означеніемъ, за что полученъ и за какимъ №;

3) Сколько потеряно въ дѣлахъ, или пришло въ совершенную негодность: палатокъ, повозокъ, предметовъ вооруженія и обмундированія".

Отправленный въ главную квартиру съ докладомъ, о вышеприведенномъ мнѣніи начальника дивизіи, относительно укрѣпленія перешейка, подполковникъ Сосновскій, вскорѣ увѣдомилъ, что дивизіи предстоитъ отойти отъ моря во вторую линію и занять Малгару и Айнарджикъ, и что на наши мѣста назначается 2-я гренадерская дивизія. Когда произойдетъ эта смѣна, извѣстно еще не было, а между тѣмъ у насъ, за неприбытіемъ уполномоченныхъ, еще не была проведена демаркаціонная линія. Вслѣдствіе подобнаго замедленія, начальникъ дивизіи писалъ генералу Гурко:

„На основаніи 3-го пункта условій перемирія, опредѣленіе на мѣстѣ границъ демаркаціонной полосы, должно быть произведено комиссіею уполномоченныхъ офицеровъ, ближайшихъ корпусовъ и отрядовъ. Ввѣренная мнѣ дивизія, не бывъ причислена ни къ какому корпусу, состоитъ въ отрядѣ вашего высокопревосходительства, и такъ какъ демаркаціонная линія на перешейкѣ Галлипольскаго полуострова, между Уршею и Шаркіоемъ, до сихъ поръ не опредѣлена, то прошу о присылкѣ довѣреннаго отъ васъ лица, для сношеній съ турецкимъ начальствомъ, о взаимномъ опредѣленіи нейтральной полосы".

И на этотъ рапортъ не получалось отвѣта, поэтому начальникъ дивизіи рѣшилъ принять это дѣло на себя, и поручилъ находившемуся въ Уршѣ полковнику графу Комаровскому, черезъ турецкіе аванпосты войти въ сношеніе съ Галлипольскимъ комендантомъ, о назначеніи довѣреннаго лица, для опредѣленія демаркаціонной линіи. Покуда велась объ этомъ переписка съ турецкими властями, наше расположеніе охранялось обыкновенными аванпостами. Для этого изъ Урши и Шаркіоя, ежедневно выдвигалось по ротѣ, версты на три впередъ, къ перешейку. Они выставляли отъ моря къ горамъ сторожевые посты, а связь между ними черезъ горы, держали драгунскіе пикеты, выдвинутые отъ эскадрона поставленнаго въ Іени-Кіоѣ.

Несмотря на то, что мы прибыли въ Шаркіой черезъ 10-ть дней по заключеніи перемирія, и что тамъ уже находился батальонъ 10-го полка,—въ городѣ не существовало никакого управленія и офицеру, назначенному комендантомъ, было весьма трудно распоряжаться, какъ расквартированіемъ войскъ, такъ и приведеніемъ въ извѣстность турец-

кихъ казенныхъ запасовъ, между тѣмъ какъ войска крайне нуждались въ хлѣбѣ. Стоило коменданту, по указанію кого-либо изъ жителей, приступить къ магазину, какъ другой грекъ уже заявлялъ претензію, что сложенное зерно составляетъ его собственность и закуплено имъ отъ турецкаго правительства заранѣе. Чтобы отстранить подобныя претензіи и облечь пользованіе турецкими складами въ болѣе правильную форму, начальникъ дивизіи рѣшилъ, учредить городской совѣтъ, который долженъ былъ опредѣлить: что принадлежитъ частнымъ лицамъ и что турецкому правительству, и передать послѣднее коменданту. Для избранія членовъ совѣта, приглашены были къ архіерею, до 50-ти негоціантовъ и домовладѣльцевъ, не исключая и оставшихся въ городѣ турокъ. Изъ нихъ, по предложенію начальника дивизіи, предсѣдателемъ былъ избранъ архіерей, его товарищъ, начальникъ полиціи, казначей, дѣлопроизводитель и 6-ть членовъ. Между послѣдними обязательно должны были находиться два турка, какъ представители не эмигрировавшаго населенія. По образованіи совѣта, ему дана была слѣдующая инструкція:

1) Немедленно привести въ извѣстность всѣ продовольственные и военные запасы турецкаго правительства, и передать ихъ въ веденіе коменданта.

2) Установить въ городѣ тарифъ на всѣ жизненные припасы и продукты и опубликовать его.

3) Объявить, что торговля и другія мирныя занятія жителей, совершенно свободны, исключая торговли оружіемъ, порохомъ и другими военными предметами, что строго воспрещается.

4) Учредить мѣстную полицію изъ жителей, на которую возложить, кромѣ наблюденія за внутреннимъ порядкомъ, надзоръ за очищеніемъ города и ближайшихъ его окрестностей отъ падали и всякой нечистоты, для чего раздѣлить городъ на участки.

5) Всякое приказаніе русскаго начальства, исходящее отъ старшаго военнаго лица, или отъ его имени, исполняется совѣтомъ безпрекословно и немедленно.

6) Русское военное начальство не касается: ни таможенныхъ пошлинъ, ни налоговъ для общественныхъ нуждъ города, ни взаимныхъ тяжбъ жителей между собою, и потому совѣтъ завѣдуетъ этимъ самостоятельно.

7) Всѣ подати и налоги, какъ денежные такъ и натуральные, когда либо учрежденные турецкимъ правительствомъ, какъ доходъ его казны, уничтожаются.

Казалось что послѣ введенія этихъ мѣръ, все должно бы устроиться какъ нельзя лучше. Мы уже радовались, что по свѣдѣніямъ полиціймейстера, ежедневная прибыль хлѣбнаго запаса обезпечиваетъ продовольствіе, но непрошло и трехъ дней, какъ члены совѣта начали

ссориться, а начальникъ полиціи, по профессіи докторъ, былъ уличенъ во взяточничествѣ и въ наложеніи произвольныхъ сборовъ съ приходящихъ къ городу лодокъ. Затѣмъ начались всякаго рода кляузы, и масса жалующихся осаждала квартиру начальника дивизіи. Дошло до того, что изъ города Ганоса пріѣзжалъ архіерей, личность въ высшей степени симпатичная, съ просьбою воспретить шаркіойскому архіерею вмѣшиваться въ дѣла его епархіи и собирать въ ней, подъ видомъ контрибуціи для русскихъ, произвольные налоги. Досаднѣе всего было то, что всѣмъ подобнымъ продѣлкамъ давался видъ, какъ будто онѣ дѣлаются по приказанію русскаго начальства.

И здѣсь какъ въ Демотикѣ, не мало безпокойства причиняла вражда между магометанскимъ и христіанскимъ населеніемъ. Не проходило дня, чтобы который нибудь изъ членовъ совѣта неявлялся съ просьбою, послать казаковъ въ ту, или другую деревню. Тоже самое происходило и въ районѣ 2-й бригады, гдѣ преобладаніе магометанскаго населенія давало перевѣсъ туркамъ.

Донесенія изъ Еноса приходили къ начальнику дивизіи на третій день. Изъ нихъ было видно, что полковнику Зубатову, не мало причиняло заботъ, вмѣшательство консуловъ въ отношенія войскъ къ городу. Бывъ членами городскаго управленія, консулы, какъ купцы, при всякой возможности поживиться,—или затягивали дѣло, или рѣшали вопросъ какъ имъ выгоднѣе по личнымъ разсчетамъ. Когда-же полковникъ Зубатовъ требовалъ немедленнаго исполненія, то отговаривались тѣмъ, что при военномъ положеніи страны, находящейся во власти иностранцевъ, они не знаютъ чѣмъ руководствоваться. По подобному поводу, начальникъ дивизіи писалъ начальнику полевого штаба:

„Англійскій, Германскій и Греческій консула въ Еносѣ, обратились съ вопросомъ: какими законами они должны руководствоваться, при исполненіи служебныхъ обязанностей — турецкими-ли, основанными на обычаяхъ и коранѣ, или обще-европейскими? — Хотя я и предписалъ полковнику Зубатову объявить консуламъ, что они, какъ члены городскаго совѣта, должны исполнять требованія нашего военнаго начальства, а въ прочихъ дѣлахъ руководствоваться инструкціями своихъ правительствъ, но считаю необходимымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства“ *).

Количество запасовъ, подлежащихъ поступленію на продовольствіе войскъ, въ Еносѣ, было гораздо больше чѣмъ въ Шаркіоѣ. Тамъ не мало было и такихъ зерновыхъ складовъ, которые не могли идти на продовольствіе и потому были проданы съ аукціона, съ тѣмъ, чтобы одна часть вырученной суммы шла на содержаніе города и его администра-

*) Рапортъ № 282.

ціи, а другая поступила-бы въ экстраординарную сумму. Какъ только полковникъ Зубатовъ приступилъ къ этой мѣрѣ, такъ германскій консулъ (изъ греческихъ купцовъ) заявилъ, что всѣ находящіеся въ складахъ запасы, не казенные, а его. Незаявленіе объ этомъ до тѣхъ поръ, покуда войска неприступили къ расходованію запасовъ, хотя у складовъ давно стояли наши часовые, ясно доказывало несправедливость подобной претензіи. Дабы не возникло по этому поводу недоразумѣнія съ германскимъ правительствомъ, начальникъ дивизіи донесъ объ этомъ начальнику полеваго штаба, слѣдующимъ рапортомъ:

„Германскій консулъ въ Еносѣ, представилъ прошеніе о томъ, чтобы ему было выдано арестованное русскими войсками зерно, на томъ основаніи, что будто-бы оно куплено имъ у турецкаго правительства. Считаю эту просьбу неосновательною, потому во-первыхъ, что до 6-го февраля, консулъ никому не заявлялъ объ этомъ; а во-вторыхъ—какъ лицо офиціальное, долженствующее знать права войскъ вступающихъ въ завоеванную ими страну, онъ имѣлъ полную возможность принять заранѣе мѣры къ уборкѣ и вывозу купленнаго имъ изъ казенныхъ турецкихъ складовъ хлѣба“ *).

Въ тоже время, о справедливости претензіи консула, былъ запрошенъ Галлипольскій губернаторъ. Начальникъ полеваго штаба арміи отвѣчалъ, что неслѣдуетъ обращать вниманія на явно неосновательныя претензіи, а дѣйствовать по условіямъ перемирія; а губернаторъ Дебатъ-паша, недавъ прямого отвѣта на вопросъ, придумалъ новую, уже отъ себя претензію, а именно: чтобы изъ Еноса были выпущены задержанныя, нагруженныя пшеницею суда, такъ какъ эта пшеница куплена турецкимъ правительствомъ, до вступленія русскихъ въ Румелію. И такъ выходило, что частные торговцы покупаютъ запасы отъ правительства, а послѣднее—отъ купцовъ. Въ сущности же каждый, пользуясь неурядицею, старался присвоить себѣ чужое; а такъ какъ дѣло касалось насущной потребности нашихъ войскъ, то, конечно, начальство ихъ и старалось воспользоваться всѣмъ, что служило къ обезпеченію продовольствія полковъ.

Въ Шаркіой прибылъ, послѣ долгаго отсутствія, нашъ дивизіонный врачъ Куноховичъ. Отъ него мы узнали, что подвижной лазаретъ дошелъ наконецъ до Адріанополя и слѣдуетъ на присоединеніе къ дивизіи. Онъ подходилъ очень кстати: въ полкахъ уже начали появляться заболѣвающіе тифомъ. Страшнѣе всего было за части, расположенныя въ Еносѣ, гдѣ каждую весну свирѣпствуетъ злокачественная лихорадка. Въ то же время получено было донесеніе о приближеніи къ Кешану оставшихся въ тылу частей 2-й бригады и артиллерійскихъ батарей. Въ виду предстоявшаго передвиженія полковъ по новой дислокаціи, всѣмъ

*) Рапортъ № 283.

этимъ частямъ послано было приказаніе остановиться въ Кешанѣ и тамъ ожидать дальнѣйшаго распоряженія. Оно не замедлило. 11-го февраля нарочный офицеръ изъ штаба отряда, привезъ приказаніе о занятіи 2-ю бригадою города Малгары и 1-ю—Айнарджика, гдѣ было назначено расположиться и штабу дивизіи.

Для осмотра пути отъ Шаркіоя, черезъ горы, въ Айнарджикъ, туда были посланы впередъ: исправлявшій должность полиціймейстера маіоръ Лебединскій, ординарецъ начальника дивизіи поручикъ Николаевскій и командиръ конвойной сотни маіоръ Грошевъ. Двое первыхъ должны были остаться въ Айнарджикѣ, для устройства и размѣщенія частей, а послѣдній—возвратиться, для доклада о положеніи пути. Послѣднее было необходимо потому, что нѣсколько дней шли дожди и, по словамъ жителей, артиллерія не могла бы пройти черезъ размытыя ущелья и затопленныя луговины. Не смотря на это, Грошевъ заявилъ, что послѣ перехода Траянскаго перевала и болотъ между Узунъ-Кепри и Мальтепе, хотя и съ большимъ трудомъ, но пройти возможно. Неутѣшительныя свѣдѣнія сообщилъ онъ намъ о стоянкѣ въ Айнарджикѣ, гдѣ въ цѣломъ городѣ оказался только одинъ домъ со стеклами.

Наканунѣ выступленія изъ Шаркіоя, мы узнали о переходѣ главной квартиры изъ Адріанополя въ Санъ-Стефано и о занятіи 8-мъ и 4-мъ корпусами Чаталджи и Деркоса, а гвардіею—ближайшихъ окрестностей Константинополя. Сообщая объ этомъ, находившійся еще въ главной квартирѣ, начальникъ нашего штаба, подполковникъ Сосновскій, въ то же время доносилъ начальнику дивизіи, что разрѣшено 1-й полкъ и штабъ дивизіи размѣстись, вмѣсто Айнарджика, въ Родосто, куда онъ и отправляется для устройства расквартированія. Это сильно обрадовало насъ, тѣмъ болѣе, что ходили уже слухи о скоромъ заключеніи мира, а это возбуждало надежды возвращенія на родину.

Трудно было согласовать радостныя вѣсти, приходившія изъ Санъ-Стефано, съ тѣми, которыя сообщали греки изъ Галлиполи. Уже тогда поговаривали, что англичане не допустятъ заключенія отдѣльнаго мира съ Турціею, что ихъ броненосцы пришли къ Принцевымъ островамъ и что они везутъ войска изъ Индіи. И такъ, одно возбуждало мечты о возвращеніи на родину, другое—уничтожало ихъ.

12-го февраля прибылъ въ Шаркіой 2-й полкъ 2-й гренадерской дивизіи, а на другой день мы оставили этотъ городъ *). Но прежде выступленія, начальнику 2-й гренадерской дивизіи были сообщены копіи

*) Въ какой мѣрѣ пребываніе наше въ Шаркіоѣ было полезно и оцѣнено жителями, видно изъ помѣщенной корреспонденціи въ газетѣ „Turquie“, 15-го марта, № 61. Тамъ сказано: „On écrit de Charquioy à un journal de la localité, à la date de 10 mars: „Le général Z....à remplacé le général Kartzoff dans le commendement à Charquioy. Le depart du général Kartzoff, a affligé les habitans, car bien des abus...“

со всѣхъ распоряженій, сдѣланныхъ по устройству управленій въ Еносѣ и Шаркіоѣ, по охраненію квартирнаго расположенія, по сбору продовольственныхъ запасовъ и ихъ передачѣ прибывшимъ на смѣну частямъ, и о сношеніяхъ съ турецкими властями въ Галлиполи. 13-го числа, 9-й полкъ и штабъ дивизіи выступили къ Айнарджику. Въ тотъ день, туда же, выступалъ 10-й полкъ изъ Урши и части 2-й бригады, съ артиллерійскими батареями, изъ Кешана въ Малгару. Сводные батальоны должны были оставаться въ Еносѣ, до смѣны ихъ гренадерами. Екатеринославскій драгунскій полкъ остался на прежнихъ мѣстахъ, въ распоряженіи начальника 2-й гренадерской дивизіи, а 24-й казачій долженъ былъ поступить въ веденіе командира гренадерскаго корпуса. Жаль намъ было разставаться съ этимъ полкомъ. Онъ почти всю кампанію состоялъ при нашей дивизіи и раздѣлялъ съ нею всѣ труды и боевые успѣхи, съ сентября мѣсяца. Состоявшая при штабѣ конвойная сотня была впрочемъ удержана до прихода въ Родосто, гдѣ мы простились съ ея командиромъ, маіоромъ Грошевымъ, неразлучнымъ нашимъ спутникомъ отъ Траяна до Мраморнаго моря.

Командиру 3-й артиллерійской бригады и командирамъ полковъ 2-й бригады было предписано, по прибытіи въ Малгару, руководствоваться слѣдующимъ: 1) Размѣстить въ городѣ оба полковые штаба и по два батальона каждаго полка. 2) Остальные два батальона поставить по деревнямъ, къ югу отъ города. 3) 2-ю, 4-ю и 6-ю батареи расквартировать не далѣе пяти верстъ отъ города и не отдѣльно, а при пѣхотныхъ ротахъ. 4) По приходѣ на мѣста, собрать свѣдѣнія о находящихся въ окрестностяхъ турецкихъ запасахъ и, заарестовавъ принадлежащее турецкому правительству, отнюдь не касаться ничего частнаго. 5) Учредить конные посты, на подъемныхъ лошадяхъ, для связи съ дивизіоннымъ штабомъ и частей полка между собою.

Трехдневный переходъ изъ Шаркіоя въ Родосто, не представлялъ ничего особеннаго. Первый день, пройдя тяжелый горный перевалъ Араплы, мы дошли до турецкой деревни Идемиркіоя, къ удивленію, не покинутой жителями. Замѣчательно, что тѣ изъ турокъ, которые при приближеніи русскихъ войскъ оставались въ своихъ жилищахъ, принимали насъ очень хорошо. Не выражая ни льстивости, ни боязни, они охотно доставляли все требуемое, и были случаи, что даже не хотѣли брать денегъ. Такъ случилось и въ Идемиркіоѣ. Старшина селенія не только не взялъ платы за сѣно, но нагрузилъ четыре воза, съ тѣмъ, чтобы было заплачено за одну перевозку до Родосто, гдѣ, по его словамъ, нельзя будто купить сѣна ни за какія деньги. Въ Айнарджикѣ, тоже населенномъ исключительно турками, готовность ихъ выполнить требованія власти, выразилась не менѣе рельефно. Такъ какъ въ ротахъ оставалось взятаго изъ Шаркіоя хлѣба всего на два дня и не было

извѣстно, какой способъ пріобрѣтенія его встрѣтится въ Родосто, то начальникъ дивизіи приказалъ старшинѣ, къ утру слѣдующаго дня, доставить хлѣбъ отъ жителей, за опредѣленную плату, что и было исполнено въ точности. Когда мы въѣзжали въ Айнарджикъ, всѣ хозяева встрѣтили штабъ, выстроившись въ одну шеренгу. На привѣтствіе генерала, вдругъ раздался русскій отвѣтъ одного изъ стариковъ: „Желаемъ здравія вашему превосходительству!“ Оказалось, что это переселенецъ изъ Крыма. Много разсказывалъ онъ о перенесенныхъ переселенцами бѣдствіяхъ и объ общемъ ихъ сожалѣніи, что имѣли глупость уйти изъ Россіи. Въ теченіи 20-ти лѣтъ, турецкое правительство три раза переселяло ихъ, сначала изъ Добруджи къ Шумлѣ, потомъ къ Ямболи и наконецъ къ берегамъ Мраморнаго моря.

17-го февраля штабъ дивизіи съ 9-мъ полкомъ и саперною ротою вступилъ въ Родосто. 10-й полкъ долженъ былъ оставаться съ 1-ю, 2-ю и 5-ю батареями въ Айнарджикѣ, но начальникъ дивизіи, по личномъ осмотрѣ этого городка, разрѣшилъ поставить два батальона въ деревнѣ Ашаклярѣ, а штабу полка съ однимъ батальономъ вступить тоже въ Родосто. Затѣмъ размѣщеніе дивизіи было слѣдующее: дивизіонный штабъ, управленіе 1-й бригады и ея полковые штабы съ первыми батальонами обоихъ полковъ, саперная рота и подвижной дивизіонный лазаретъ—въ Родосто. 2-й батальонъ 9-го полка—въ Мустарлы и 3-й—въ Мирабелинѣ. 10-го полка 2-й и 3-й батальоны—въ Ашаклярѣ (на 12-ть верстъ къ югу отъ Айнарджика). Управленіе 2-й бригады и оба ея полка, 2-я, 4-я и 6-я батареи—въ Мальгарѣ и ея окрестностяхъ; 1-я, 3-я и 5-я батареи—въ Айнарджикѣ.

Приходъ полка въ городъ, живописно расположенный терассами къ морю, имѣющій консуловъ всѣхъ націй и торговый портъ съ ежедневными пароходами въ Константинополь, былъ для насъ праздникомъ. Въ немъ мы застали пять гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ съ двумя конными гвардейскими батареями, что производило необыкновенное оживленіе. Гвардейцы разгуливали по улицамъ не только совершенно оправившимися отъ лишеній, но уже вполнѣ франтами. Они успѣли закупить себѣ обувь, освѣжить мундиры и выхолить коней. Мы же вступили такими же, какъ были на Балканахъ и какими брели отъ нихъ до моря. Ни въ Демотикѣ, ни въ Шаркіоѣ нельзя было достать куска подошвы для починки сапога. Поэтому, еще недѣлю назадъ посланы были отъ 1-й бригады, впередъ, на лодкахъ, въ Родосто, офицеры для закупки сапожнаго товара, холста и суконъ. Начальникъ дивизіи разрѣшилъ каждому полку затратить на исправленіе одежды и постройку обуви по 3,000 рублей изъ экономическихъ хозяйственныхъ суммъ.

Видъ на Родосто, при спускѣ съ горъ, былъ восхитительный. Городъ широкою терассою окаймлялъ заливъ, покрытый множествомъ су-

довъ разныхъ величинъ и націй. Нѣсколько пароходовъ дымилось передъ отходомъ, другіе входили въ гавань. Высокіе кипарисы, сохраняющіе всегда свою темную зелень, покрывали кладбища. Издали уже виднѣлись, въ различныхъ пунктахъ, разноцвѣтные флаги надъ домами консуловъ, а передъ городомъ, на холмѣ, блестѣли на солнцѣ парки орудій гвардейскихъ батарей. Комендантомъ города мы застали командира лейбъ-гвардіи Гродненскаго полка, принца Альтенбургскаго. По его распоряженію, уже были открыты всѣ административныя учрежденія. Городской совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ персидскаго консула, завѣдывавшаго и русскими подданными во время войны, касался только городскаго управленія; затѣмъ, полицейская часть, расквартированіе войскъ, порядокъ на пристани, надзоръ за таможнею, заготовленіе на частныхъ пекарняхъ хлѣба для войскъ, почтовая часть и телеграфъ—все это было въ веденіи особо назначенныхъ офицеровъ. При такомъ порядкѣ, вновь прибывающія войска не встрѣчали ни малѣйшаго затрудненія. Всякій зналъ, зачѣмъ и къ кому обращаться и всякое требованіе исполнялось безъ малѣйшихъ промедленій.

Въ первые дни, части нашей дивизіи продовольствовались тѣмъ порядкомъ, который былъ принятъ въ гвардейской кавалеріи. Каждая часть съ вечера давала знать завѣдующему хлѣбопекарнями, о числѣ людей и поутру получала хлѣбъ отъ того поставщика, который заключилъ условіе съ городскимъ совѣтомъ. Деньги за забранный хлѣбъ полки уплачивали сами. Такъ продолжалось съ недѣлю. Затѣмъ прибыли агенты товарищества продовольствія арміи съ заявленіями, что они привезли муку изъ Константинополя и Одессы и, согласно распоряженіямъ интендантства, просятъ получать хлѣбъ отъ нихъ. Потомъ оказывалось, что нѣкоторые изъ являвшихся были подложными лицами, агентами аферистовъ. Однажды трое разомъ явились къ начальнику дивизіи оспаривать свои права и каждый увѣрялъ, что онъ-то и есть настоящій, а другіе самозванцы. Были и такіе, которые говорили только по-итальянски. Для войскъ было несравненно удобнѣе имѣть дѣло съ городскими пекарями, чѣмъ съ товариществомъ, уполномоченные котораго всегда надоѣдали какими-нибудь просьбами или жалобами. То они не могли нанять рабочихъ для выгрузки муки и просили наряда солдатъ, то за волненіемъ нельзя было выгружать и оттого роты не получали хлѣбъ во время, то жаловались на придирчивость при пріемкѣ. Всѣ подобныя затрудненія были ничто, въ сравненіи съ испытанными по фуражному довольствію.

Продолжительное пребываніе въ Родосто 5-ти полковъ кавалеріи и двухъ конныхъ батарей, до того уничтожило все сѣно и солому, на 50 верстъ кругомъ города, что болѣе недѣли всѣ подъемныя лошади питались одною мякиною. Для офицерскихъ лошадей приходилось посылать за сѣномъ къ Айроболю и даже къ Узунъ-Кепри и платить баснослов-

ныя цѣны. Товарищество и не думало помочь дѣлу, а между тѣмъ лошади полковъ и прибывшаго подвижнаго лазарета, были отощавши до крайности. Неизвѣстно чѣмъ бы это кончилось, еслибы начальникъ дивизіи не рѣшился, черезъ одинъ торговый греческій домъ, выписать прессованное сѣно изъ Марсели. Черезъ 12-ть дней по заявленіи, прибылъ оттуда въ Родосто громадный пароходъ съ овсомъ, ячменемъ и сѣномъ. Его привезли столько, что можно было подѣлиться съ кавалеріею и артиллеріею и обезпечить себя до іюня мѣсяца. Привезенное изъ Франціи сѣно было превосходно и обошлось по $5^1/_2$ франковъ за пудъ, т. е. дешевле той цѣны, какую отпускала казна.

Въ половинѣ февраля произошли большія перемѣны между начальствующими лицами дивизіи. Почти одновременно назначены были во всѣ полки новые полковые командиры. По случаю производства полковниковъ графовъ Татищева и Комаровскаго въ генералы, командирами ихъ полковъ назначены: 9-го Староингерманландскаго—полковникъ Беклемишевъ и 10-го Новоингерманландскаго—полковникъ Капченковъ. 2-ю бригаду, вмѣсто уволеннаго еще въ декабрѣ въ 11-ти-мѣсячный отпускъ генерала Давыдова, принялъ графъ Комаровскій; 11-й Псковскій полкъ, вмѣсто отчисленнаго по пѣхотѣ полковника Зубатова, данъ полковнику Колзакову, а командиромъ 12-го Великолуцкаго полка, вмѣсто отчисленнаго по болѣзни полковника Рыдзевскаго, назначенъ произведенный въ полковники Кобордо 1-й. Послѣднее особенно радовало начальника дивизіи, потому что это былъ одинъ изъ рѣдкихъ въ арміи примѣровъ, чтобы батальонный командиръ, только что произведенный, получилъ полкъ въ своей дивизіи.

19-го февраля, передъ самымъ парадомъ, по случаю восшествія на престолъ, получены были изъ главной квартиры, на 1-ю бригаду и на прочія части, входившія въ составъ траянскаго отряда, ордена за Тетевень и за взятіе Траянскаго перевала. Они были розданы офицерамъ сряду по выходѣ изъ собора, въ присутствіи всѣхъ бывшихъ на молебствіи. Въ этотъ день всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстія о заключеніи мира, но оно оффиціально было получено черезъ три дня. Вообще, послѣднее время, извѣстія изъ главной квартиры получались все рѣже и рѣже. Хотя ежедневно приходившіе изъ С.-Стефано частные параходы и привозили оттуда разныя вѣсти, но вѣрить противорѣчащимъ одинъ другому слухамъ не приходилось. Изъ отряднаго штаба уже болѣе двухъ недѣль не было отвѣта ни на одну бумагу, что ставило штабъ дивизіи въ большое затрудненіе. Полки не получали утвержденныхъ цѣнъ ни за январь, ни на февраль мѣсяцы, а потому не могли представлять требованій на довольствіе; начальникъ дивизіи, со времени слитія траянскаго отряда съ западнымъ, не имѣлъ уже права утверждать цѣны, а на просьбы о присылкѣ ихъ не получалось отвѣта. Между тѣмъ нѣкоторыя бумаги поступали въ дивизію за подписью начальника штаба арміи. Это заста-

вляло предполагать, что западный отрядъ расформированъ, но приказа объ этомъ не было. Такъ какъ гвардейскіе полки, стоявшіе вмѣстѣ съ нашими въ Родосто, руководствовались цѣнами, утвержденными временно-командовавшимъ гвардейскимъ корпусомъ, то начальникъ дивизіи приказалъ принять эти цѣны къ руководству.

Нельзя сказать, чтобы жизнь наша въ Родосто была особенно скучна, а между тѣмъ, она проходила въ какомъ-то необъяснимомъ томленіи. Казалось-бы, что при такомъ большомъ обществѣ военныхъ, при полной возможности и почтою и телеграфомъ получать извѣстія отъ родныхъ, наконецъ, при дивной весенней погодѣ на берегу южнаго моря, чего бы желать лучшаго,—а всѣ мы только и рвались узнать что-либо опредѣленное о будущемъ. Безъизвѣстность о томъ, предстоитъ-ли скорое возвращеніе въ Россію, или придется начинать новую войну, порождала какую-то безотрадность. Отъ этого, послѣ дѣятельной и полной все возможныхъ ощущеній жизни военнаго времени, праздная стоянка, съ каждымъ днемъ дѣлалась все болѣе и болѣе унылою. Ни ежедневная игра, на берегу, полковыхъ оркестровъ, ни прогулки верхами за городъ, ни катанья на лодкахъ по заливу, ничто не помогало.

Начавшаяся еще въ Шаркіоѣ болѣзненность, съ присоединеніемъ къ дивизіи обозовъ, прошедшихъ черезъ зараженныя тифомъ мѣстности, начала быстро возрастать. Въ первыхъ числахъ марта, съ наступленіемъ теплыхъ дней, уже сдѣлалось несомнѣннымъ, что намъ неизбѣжать эпидеміи. Оставалось принять мѣры противъ ея силы и распространенія. Тифъ обнаружился сыпной, но, къ счастію, не въ упорныхъ формахъ и безъ осложненій. По совѣту главнаго врача дивизіоннаго лазарета Кунаховича, въ числѣ первыхъ мѣръ, было скорѣйшее уничтоженіе скученности людей въ городѣ. Всѣ тифозные, изъ отведенныхъ подъ госпитали домовъ, были переведены за городъ, въ шатры, разбитые на одной изъ ближайшихъ къ морю возвышенностей. Въ городѣ оставлены одни полковые штабы, съ одною или двумя ротами, для необходимыхъ служебныхъ нарядовъ; прочія роты выведены въ ближайшіе чифлыки (фермы). Такъ какъ въ окрестностяхъ города, по всѣмъ дорогамъ и особенно въ оврагахъ и по берегу моря, валялась масса палыхъ животныхъ, которыхъ жители, при существовавшемъ падежѣ, бросали гдѣ попало, неисключая и внутреннихъ дворовъ, то для очистки и санитарнаго надзора, городъ и окрестности были раздѣлены на участки. Въ каждый назначены офицеры, которымъ было дано по нѣскольку унтеръ-офицеровъ, подъ надзоромъ которыхъ, нанятые городомъ рабочіе зарывали падаль. Дивизіонный полиціймейстеръ, ежедневно объѣзжалъ окрестности, слѣдя за работой и каждый вечеръ докладывалъ начальнику дивизіи о числѣ зарытаго скота. Въ началѣ число это доходило до 200 въ день. Несмотря на эти мѣры, число заболѣвающихъ все возрастало, но смерт-

ность была незначительна. Многіе изъ докторовъ заболѣли въ первые дни по приходѣ въ Родосто, а къ концу марта, изъ врачей подвижнаго лазарета и полковъ 1-й бригады, осталось всего два. На нихъ пала обязанность пользовать до 400 больныхъ, разбросанныхъ по разнымъ концамъ города, находившихся въ шатрахъ за городомъ и при этомъ еще обходить заболѣвшихъ на своихъ квартирахъ офицеровъ. Первою жертвою между ними былъ старшій врачъ 10-го полка Богуславскій.

Во 2-й бригадѣ, появленіе эпидемическаго тифа обнаружилось нѣсколько позже. Для условія объ общихъ въ дивизіи противъ нея мѣрахъ, и для того, чтобы обсудить нѣкоторые хозяйственные вопросы, къ 15-му марту были вызваны въ Родосто всѣ полковые и батарейные командиры. Многіе изъ нихъ свидѣлись при этомъ впервые послѣ своего назначенія. Провѣрка наличности людей въ полкахъ, къ общему удивленію указала, что даже во 2-й бригадѣ, присоединившейся въ декабрѣ въ составѣ 2100 человѣкъ, некомплектъ людей простирался не свыше полутора тысячи, тогда какъ три мѣсяца назадъ онъ доходилъ до четырехъ. Между тѣмъ укомплектованія въ это время не было; слѣдовательно все это подошло само собою, изъ числа больныхъ и отсталыхъ.

Во время пребыванія полковыхъ командировъ въ Родосто, туда привезли, такъ давно и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемыя, мундирныя и годовыя вещи изъ Россіи. Ихъ привезли на параходѣ, командированные еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ офицеры. Видъ русскаго парахода еще болѣе дразнилъ разстроенные нервы. Надо было видѣть радость солдатъ, при полученіи новыхъ шинелей и сапогъ. Капитанъ парахода опасался, успѣетъ ли въ теченіи дня выгрузить вещи цѣлой дивизіи и артиллерійской бригады; но рвеніе рабочихъ при выгрузкѣ тюковъ изъ лодокъ и при переноскѣ съ мола, было такъ велико, что вся операція длилась отъ 9-ти часовъ утра до 2-хъ пополудни.

Сряду послѣ встрѣчи торжественнаго дня Свѣтлаго Христова Воскресенія, встрѣчи на чужбинѣ и для большей половины дивизіи въ деревняхъ, гдѣ не было церкви, чтобы помолиться и трудно достать яйцо, чтобы похристосоваться, прошла молва о болѣзни и объ отъѣздѣ Великаго Князя въ Россію. Нѣсколько дней мы не вѣрили этому, полагая, что и этотъ слухъ, какъ многіе, не имѣетъ основанія, но вскорѣ полученный приказъ о назначеніи главнокомандующимъ генералъ-адъютанта Тотлебена и о его прибытіи къ арміи, подтвердилъ молву.

Этимъ фактомъ заканчиваемъ повергаемыя на судъ читателя воспоминанія, предоставляя другимъ участникамъ дальнѣйшаго пребыванія 3-й дивизіи въ Румеліи, довести ихъ до ея возвращенія въ Нижній-Новгородъ. Сколько намъ извѣстно, граждане этого города и при встрѣчѣ полковъ 1-й бригады, остались вѣрны тому радушію, гостепріимству и сочувствію къ полкамъ, съ которыми провожали ихъ полтора года назадъ.

Въ заключеніе бросимъ бѣглый взглядъ на все вышеизложенное и въ краткомъ перечнѣ, напомнимъ о сдѣланномъ дивизіею, въ войну 1877—78 годовъ.

Съ 12-го по 16-е августа полки проходятъ дунайскіе мосты и не останавливаясь, 2-я бригада поступаетъ въ отрядъ идущій къ Ловчѣ.

1-я бригада, съ 17-го по 23-е августа, находится при главной квартирѣ и потомъ идетъ къ Плевнѣ. 2-я бригада 22-го августа, со 2-ю дивизіею, беретъ Ловчу.

Недоходя Плевны, изъ Чуашъ-Махалы, 10-й Новоингерманландскій полкъ, съ 2-ю и 4-ю батареями, 27-го августа, форсированнымъ маршемъ идетъ на усиленіе рущукскаго отряда.

9-й Староингерманландскій полкъ съ 1-ю батареею, съ 30-го августа по 6-е сентября, участвуетъ въ бояхъ у Гривицкаго редута подъ Плевною.

8-го сентября, 9-й полкъ съ 1-ю, 3-ю и 6-ю батареями, съ тремя парками и дивизіоннымъ штабомъ, приходитъ въ Ловчу, гдѣ вмѣстѣ съ находившеюся тамъ 2-ю бригадою и казачьими полками, образуетъ отдѣльный ловче-сельвинскій отрядъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, оба эти города укрѣпляются, при чемъ ловчинскія укрѣпленія требуютъ усиленныхъ трудовъ 2-й бригады, которая приводитъ городъ въ недосягаемое для непріятеля положеніе. Въ это время 10-й полкъ, съ двумя батареями, переводится изъ рущукскаго отряда въ Габрово и составляетъ резервъ 8-го корпуса.

Въ октябрѣ: Роты Староингерманландскаго и Великолуцкаго полковъ, 19-го числа берутъ Тетевень; затѣмъ 20-го вторая бригада уходитъ въ отрядъ генерала Гурко, за р. Видъ. 11-й Псковскій полкъ 31-го числа производитъ рекогносцировку къ Этрополю. 10-й Новоингерманландскій полкъ присоединяется къ дивизіи и направленъ въ Тетевень. Три роты 9-го Староингерманландскаго полка переходятъ въ Траянъ, въ Успенскій монастырь и Острецъ, для охраны сѣверныхъ спусковъ Великаго Балкана.

Въ ноябрѣ: 2-я бригада беретъ 10-го и 11-го числа Троицкій монастырь и Этрополь, и подымается на Арабъ-Конакъ, гдѣ батальонъ 11-го Псковскаго полка геройски бросается на Шандорникъ и временно овладѣваетъ главнымъ его редутомъ. Затѣмъ 6-ть недѣль, Псковскій и Великолуцкій полки стоятъ на вершинахъ, подъ постоянными выстрѣлами турецкихъ батарей и переносятъ всевозможныя труды и лишенія. 4-я рота Староингерманландскаго полка, входитъ съ боемъ на высочайшую вершину Балканъ и занимаетъ Мара-Гайдукъ. Другія двѣ роты участвуютъ въ рекогносцировкѣ Траянскаго перевала. 10-го полка 2-й батальонъ отражаетъ нападеніе турокъ на Тетевень, куда приходитъ и 1-й батальонъ. Затѣмъ полкъ производитъ рекогносцировку Златицкаго

перевала со стороны Тетевени и наконецъ 6-ть его ротъ идутъ за р. Видъ, на усиленіе западнаго отряда. Въ концѣ мѣсяца, 8 ротъ Староингерманландскаго полка, съ 1-ю батареею, форсированнымъ маршемъ посылаются на поддержку къ Тырнову и Еленѣ.

Въ декабрѣ: Староингерманландскій полкъ и 8 ротъ Новоингерманландскаго, въ составѣ траянскаго отряда, совершаютъ съ боемъ переходъ Траянскаго перевала, штурмуютъ турецкія укрѣпленія „Орлинаго гнѣзда", занимаютъ деревни Теке и Корнари, берутъ знамя, орудіе и военный транспортъ. Затѣмъ тѣ же части заставляютъ непріятеля очистить Клиссурское и Калоферское ущелья и занимаютъ Карлово. 2-я бригада переходитъ Златицкій перевалъ и черезъ Клиссуру присоединяется къ 1-й, въ Корнари; при этомъ часть ея преслѣдуетъ бѣжавшихъ турокъ до Капривницы.

Въ январѣ: Дивизія, занявъ Карлово и Чукурлу, слѣдуетъ на Чирпанъ; 8-го числа, во время разлива и ледохода, она переходитъ Марьицу у Іени-Михалесы, гдѣ становится впереди частей западнаго отряда на адріанопольской дорогѣ. Потомъ дивизія проходитъ Хаскіой, Германлы, Адріанополь и занимая двѣ недѣли Демотику, возстановляетъ желѣзнодорожные мосты у Кулелы-Бургаса, водворяетъ спокойствіе отъ Марьицы до Родопскихъ горъ; 2-й батальонъ Староингерманландскаго полка, налетаетъ на Дадеагачъ, что на Егейскомъ морѣ и беретъ 5-ть паровозовъ и 170 вагоновъ.

Въ февралѣ: Дивизія, занявъ Еносъ, Уршу и Шаркіой, становится ближе другихъ войскъ къ Галлиполи, потомъ переходитъ въ Малгару, Айнарджикъ и Родосто, гдѣ и остается по заключеніи С.-Стефанскаго договора.

За совершенные подвиги полки дивизіи получили:

Офицерскихъ наградъ	93 *)
Георгіевскихъ крестовъ для нижнихъ чиновъ:	
9-й Староингерманландскій полкъ	245
10-й Новоингерманландскій	142
11-й Псковской	477
12-й Великолуцкій	381
Итого	1245

Общія награды, данныя цѣлымъ частямъ, состояли въ слѣдующемъ:

9-му полку: 1, 2 и 3 батальонамъ:—Георгіевскія знамена, съ надписью: „За переходъ черезъ Балканы у Траяна въ декабрѣ 1877 года".

*) Награды офицерамъ 2-й бригады, за участіе ихъ въ дѣлахъ западнаго отряда, до сихъ поръ еще не объявлены.

10-му полку: 1, 2 и 3 батальонамъ—Георгіевскія знамена, съ надписью: „За переходъ черезъ Балканы у Тетевеня и Траяна въ декабрѣ 1877 года".

11-му полку: 1 и 2 батальонамъ—Георгіевскія знамена, съ надписью: „За переходъ черезъ Балканы въ декабрѣ 1877 года"; 3-му батальону Георгіевскую серебряную трубу, съ надписью: „За переходъ черезъ Балканы въ 1877 году".

12-му полку: 1, 2 и 3 батальонамъ—Георгіевскія знамена, съ надписью: „За дѣло 16-го ноября и переходъ черезъ Балканы въ 1877 году".

П. К.

Во время печатанія этой статьи, намъ довелось прочесть продолженіе описанія дѣйствій Сулеймановскихъ армій въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, составленное по документамъ турецкаго военнаго суда. Изъ этого описанія дѣлается еще болѣе ясно, въ какой мѣрѣ Ловча была важна для турокъ и сколько стараній прилагалъ Сулейманъ къ тому, чтобы Мехметъ-Али, начальствовавшій въ Орханіи, овладѣлъ Ловчей. Даже послѣ полнаго обложенія Плевны, по взятіи гвардіею Горнаго Дубняка и Телиша, турецкій главнокомандующій видѣлъ въ этомъ единственное спасеніе Османа-паши. Мало этого,—ни взятіе Этрополя и Орханіи, ни грозный заслонъ гвардіи на высотахъ Арабъ-Конака и Шандорника, не заставили Сулеймана отказаться отъ возможности идти на Ловчу. Готовясь атаковать Елену, онъ требовалъ, чтобы Мехметъ-Али, въ то же время шелъ на Ловчу, а Реуфъ-паша предпринялъ-бы переходъ Балканъ, черезъ Мара-Гайдукъ, или Траяновъ перевалъ. Теперь понятно, почему между болгарами неоднократно носились слухи, что турки идутъ на Ловчу, но мы не придавали имъ никакого значенія. Между тѣмъ, кто знаетъ, не были ли вышеописанныя попытки непріятеля,—взять обратно Тетевень, прорваться изъ Рахманлы на Шипково и овладѣть Траянскимъ монастыремъ, — предварительными пробами перехода Балканъ въ этихъ мѣстахъ, для взятія Ловчи и Сельви.

Въ подтвержденіе вышесказаннаго, приводимъ подлинные турецкіе документы:

I. Депеша Сулеймана-паши, его превосходительству исправляющему должность военнаго министра.

„Такъ какъ противникъ уменьшилъ число войскъ у Плевны, то орханійскій отрядъ, съ помощью нѣсколькихъ плевненскихъ батальоновъ,

можетъ весьма легко занять Ловчу и Сельви; тогда балканская армія можетъ пройти черезъ проходъ Мара-Гайдукъ и спуститься въ габровскую долину. Этимъ путемъ достигнется соединеніе балканской арміи съ плевненскою. Въ случаѣ успѣшнаго выполненія этого плана, боямъ на Шипкѣ будетъ положенъ конецъ и противникъ принужденъ будетъ отступить; наступленіе же балканской арміи и вышеназваннаго (орханійскаго) отряда на Тырновъ, поведетъ и къ соединенію ихъ съ османъ-базарскимъ отрядомъ..." 3-го октября 1877 года.

Сулейманъ".

Телеграмма эта доказываетъ, какъ мало знали въ штабѣ Сулеймана о дѣйствительномъ положеніи нашихъ силъ и дѣлъ подъ Плевною и въ Ловчѣ. Во-первыхъ, въ началѣ октября у насъ совершалось полное обложеніе Плевны; во-вторыхъ, никто не только не думалъ уменьшать отряда обложенія, но, напротивъ, съ приходомъ гвардіи и гренадеръ, число нашихъ войскъ ежедневно возрастало; въ третьихъ, 3-го октября Ловча была уже приведена въ такое „недосягаемое для врага положеніе" *), что при семи-тысячномъ гарнизонѣ, ея укрѣпленія, вооруженныя 32-мя орудіями, могли выдержать не одну атаку.

Что же касается до предположенія пройти черезъ Мара-Гадйукъ въ долину Габрово, то это было далеко не такъ возможно, какъ воображалъ Сулейманъ, не попробовавшій, въ августѣ мѣсяцѣ, перейти Балканы черезъ несравненно легчайшіе перевалы у Твардицы и Ханкіоя, когда это было вполнѣ возможно и когда первый, по своей отдаленности, даже не былъ наблюдаемъ. Мара-Гайдукскій же перевалъ положительно недоступенъ для прохода съ артиллеріею, почему и былъ слабо охраняемъ нами только незначительными караулами болгаръ и казачьей сотни, находившейся въ Острецѣ. Части, расположенныя въ Сельви и Габровѣ, при первой попыткѣ турокъ тронуться черезъ Мара-Гайдукъ, всегда имѣли бы время занять перевалъ прежде непріятеля. Гораздо ближе и легче было бы Сулейману перейти въ Габровскую долину отъ Иметли, черезъ Зеленодрево, гдѣ у насъ находилось всего пять болгарскихъ дружинъ, но онъ не рѣшался и на это.

Туркамъ, въ теченіи всей осени, до-того хотѣлось овладѣть Ловчею, что имъ даже видѣлось и слышалось это. Въ то время, когда 2-я гренадерская дивизія смѣняла гвардію у Дольняго Дубняка, когда окончательно сомкнулось кольцо обложенія и когда войска вновь сформированнаго западнаго отряда были уже у Яблоницы, а Шафкетъ-паша быстро уходилъ въ Орханію, Реуфъ-паша доносилъ сераскеріату **), что Османъ вышелъ изъ Плевны и идетъ на Сельви.

---

*) Подлинное выраженіе отзыва начальника штаба арміи.

**) Показаніе Сулеймана на судѣ.

II. Телеграмма Сулеймана-паши, его превосходительству каймакаму сераскеріата.

...„Ваше превосходительство сообщаете, что въ Вѣнѣ ходятъ слухи о томъ, что русскіе предполагаютъ отступить за Дунай. Другая депеша извѣщаетъ меня о донесеніи Реуфъ-паши, относительно того, что со стороны Ловчи и Сельви слышатся пушечные выстрѣлы. Въ случаѣ если окажется, что Османъ-паша дѣйствительно двигается на Ловчу и Сельви, то Реуфъ-паша, съ тридцатью батальонами и съ своей горной артиллеріей, долженъ будетъ немедленно пройти по Мара-Гайдукскому проходу и двинуться на Сельви же. Я, съ своей стороны, съ тридцатью же батальонами, буду оперировать со стороны Османъ-Базара, займу Елену и пойду на Габрово. Если все это удастся, то я ручаюсь за то, что можно будетъ воспользоваться этимъ случаемъ и легко перевести шипкинскую армію на эту сторону Балканъ. Въ случаѣ, если не состоится этотъ проектъ, нужно будетъ найти другое средство для спасенія Османа-паши. Съ этою цѣлью, сильный отрядъ отъ Орханіи долженъ немедленно двинуться впередъ, оттѣснить противника и дойти по крайней мѣрѣ до Радомірца... Необходимыя для исполненія этого плана войска, могутъ быть собраны такимъ образомъ: я лично выберу 15-ть батальоновъ изъ войскъ восточно-дунайской арміи и отправлю ихъ черезъ Варну и Константинополь въ Татаръ-Базарджикъ, куда они могутъ прибыть въ четыре или пять дней. Другіе 15-ть батальоновъ могутъ быть выдѣлены изъ балканской арміи и прибудутъ въ Орханію тоже въ пять дней; еще 10-ть батальоновъ могутъ быть собраны въ Орханію по приказанію вашего превосходительства. Когда такимъ образомъ будетъ сформированъ отрядъ, я самъ приму надъ нимъ начальство и постараюсь, съ Божіею помощью, открыть путь для выхода Османа-паши. Батальоны Мехметъ-Али въ этомъ случаѣ должны будутъ собраться не въ Софіи, а въ Берковицѣ, откуда уже будутъ наступать одновременно съ нами на Врацу". 2-е ноября 1877 года.

Сулейманъ".

Понятно, что сераскеріатъ не принялъ сулеймановскихъ предложеній и остается удивляться, что такой опытный генералъ не могъ сообразить, что по простому разсчету, его 15-ть батальоновъ, изъ Османъ-Базара, не могутъ въ 5-ть дней очутиться не только въ Татаръ-Базарджикѣ, но и въ Адріанополѣ. Еще непонятнѣе, что турецкій главнокомандующій, незналъ, что Враца уже давно взята нашею кавалеріею. Планъ Сулеймана можно назвать вполнѣ бумажнымъ. Въ то время, когда онъ составлялъ его, 50-титысячный отрядъ генерала Гурко уже загораживалъ всѣ пути отъ Орханіи и Этрополя къ Плевнѣ. Покуда Сулейманъ собиралъ бы свои таборы, оба эти города уже были въ нашихъ рукахъ.

III. Показанія Сулеймана-паши военному суда.

„Мехмету-Али поручено было спасти Плевну и армію Османа-паши. На вопросъ мой, подчиняется-ли мнѣ названный генералъ, сераскеріатъ отвѣчалъ утвердительно; вслѣдствіе этого я вошелъ въ сношенія съ Мехметомъ-Али, и между нами было условлено, что мы будемъ дѣйствовать одновременно,—я противъ Елены, онъ—противъ Ловчи. Мехметъ-Али рѣшился идти на Ловчу, съ цѣлью открыть путь отступленія плевненской арміи, но впослѣдствіи, до самаго занятія нами Елены, онъ ограничился только составленіемъ теллеграммъ въ сераскеріатъ, въ которыхъ ссылался на многочисленныя препятствія и указывалъ на невозможность овладѣть Ловчею....

Въ телеграммахъ написанныхъ мною, я все время предписывалъ Мехмету-Али двигаться на Ловчу; изъ Константинополя онъ безпрестанно получалъ такія же приказанія.... Если-бы Мехметъ-Али занялъ Ловчу въ то время, когда я овладѣлъ Еленой, то и балканская армія могла-бы двинуться по проходу Мара-Гайдукъ, или по траяновскому перевалу и перейти на сѣверную сторону Балканъ".

Разбирая эти документы, не вполнѣ знакомый съ дѣломъ, читатель, невольно можетъ остановиться на мысли: что произошло-бы, если-бы предположенія Сулеймана осуществились? Но они ни въ какомъ случаѣ осуществиться не могли, по слѣдующимъ причинамъ: 1) Отъ Орханіи можно было идти на Ловчу только чрезъ Яблоницу, около которой 1-го ноября уже сосредоточились 3 дивизіи одной пѣхоты, при 140 орудіяхъ. 2) Предположимъ что Мехметъ-Али пошелъ-бы Златицо-Этропольскимъ переваломъ, минуя Яблоницу, прямо черезъ Тетевень и Микре. Здѣсь конечно два батальона 10-го полка, стоявшіе въ Тетевени и летучій кавалерійскій отрядъ полковника Орлова, бывшій тогда у болгарскаго Извора, не могли-бы остановить его; но за то, двигаясь на Ловчу, онъ подставлялъ бы свой тылъ и единственный свой путь отступленія, 50-титысячному отряду гвардіи, которая, оставивъ нѣсколько батальоновъ для наблюденія Орханіи, могла-бы въ два перехода придти къ Ловчѣ и тогда все, что пришло атаковать ее, было-бы окружено превосходными силами и Мехметъ-Али очутился-бы въ безвыходномъ положеніи.

Приведенные документы рельефно обрисовываютъ стратегическое значеніе Ловчи и ту цѣль ловче-сельвинскаго отряда, которая была имъ выполняема, въ теченіи трехъ-мѣсячнаго его существованія. Онъ не только связывалъ наши силы между Плевной и Шибкой, но при всей своей малочисленности, служилъ заслономъ отъ наступленія непріятеля съ запада. Укрѣпляя Ловчу въ такой мѣрѣ, чтобы она была недоступна для овладѣнія,—ловче-сельвинскій отрядъ въ тоже время охранялъ пять

высочайшихъ изъ балканскихъ проходовъ: Мара-Гайдукскій, Карловскій, Траянскій, Рахманлыкскій и Тетевенскій; распространялъ свои партизанскія дѣйствія и очистилъ отъ непріятельскихъ партій всю мѣстность до р. Вида, и давалъ на подкрѣпленіе западному отряду цѣлую бригаду и два батальона подъ Елену *).

*) Сила ловче-сельвинскаго отряда, въ различные сроки его существованія, была слѣдующая:

а) По прибытіи, по сформированіи, 8-го сентября въ Ловчу: пѣхоты—8400 человѣкъ 2 сотни казаковъ и 32 орудія.

б) Къ 1-му октября. пѣхоты—7200, 2 казачьи полка и 24 орудія.

в) 20-го октября, по отправленіи 2-й бригады въ западный отрядъ и по прибытіи 10-го Новоингерманландскаго полка: пѣхоты—5400 человѣкъ, дивизіонъ драгунъ, 8 казачьихъ сотенъ, 2 конныхъ и 36 пѣшихъ орудій.

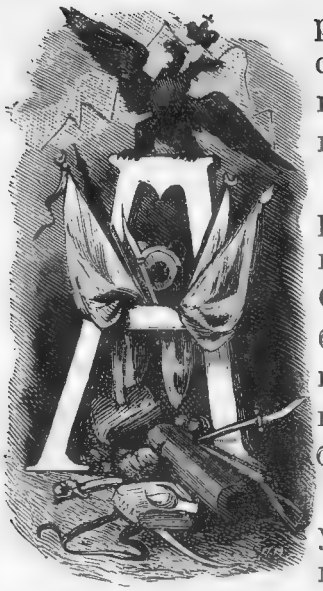
г) 25-го ноября, по отправленіи подкрѣпленія къ Еленѣ: пѣхоты—1750, 8 сотенъ и 16-ть орудій.

д) Передъ расформированіемъ, 20-го декабря: пѣхоты 4620 человѣкъ, 10 сотенъ и 24 орудія.

Необходимо замѣтить, что означенное число находившихся въ распоряженіи начальника отряда войскъ, было постоянно разбросано по слѣдующимъ пунктамъ: въ Сельви, Острецѣ, Траянѣ, у Успенскаго монастыря, въ Тетевени и Турскомъ Изворѣ. Собственно же въ Ловчѣ, весьма часто оставалось не болѣе 2-хъ батальоновъ, 16-ти орудій и сотни казаковъ.

НОЧНОЕ НАПАДЕНІЕ НА Г. БЭРДАКЪ.

5-го іюля 1877 года.



рмейскія части, о дѣйствіяхъ которыхъ я беру на себя смѣлость разсказывать, покрыли себя безсмертной славой.... По всей Руси много разъ изъ конца въ конецъ пронеслось имя Орловскаго полка.

Нѣтъ, я полагаю, русскаго человѣка, которому неизвѣстны были бы дѣла этого славнаго полка. Но ничто не дается даромъ. Свою славу Орловскій полкъ пріобрѣлъ постепенно. И у него были въ началѣ неудачи, и потому-то этотъ полкъ и такъ великъ и славенъ, что неудачи вліяли на него неразлагающимъ образомъ, а, напротивъ, все болѣе и болѣе укрѣпляющимъ.

Чрезвычайно полезно для частей знать о неудачахъ въ бою, знать какъ ихъ слѣдуетъ принимать; а ихъ слѣдуетъ какъ и удачи принимать только какъ фактъ, какъ опытъ, но ничуть не въ обиду. Каждая часть должна помнить, что чѣмъ болѣе у нея было неудачъ и чѣмъ, несмотря на это, она лучше дерется, тѣмъ большей славой она покрывается; это и есть истинная воинская доблесть, чтобы какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи оставаться вѣрнымъ долгу, и не терять воинскаго духа.

Я для того только дѣлаю это отступленіе, чтобы выяснить свою точку зрѣнія и чтобы показать, что я, разсказывая фактъ, какъ онъ былъ, безъ прикрасъ, не имѣю въ виду, да и не могу умалить славы частей, а напротивъ того, имѣю въ виду ее увеличить.

Переправа у Систова со всѣми ея трудностями и ея славой пала на долю 14-й дивизіи. Второй половинѣ 8-го корпуса, 9-й дивизіи, при-

шлось присутствовать въ качествѣ зрителей, съ завистью смотрѣвшихъ на своихъ товарищей, покрывающихся на нашихъ глазахъ неувядаемой славой піонеровъ предстоящаго похода. Всѣ были того мнѣнія, что турки не представятъ намъ серьезнаго сопротивленія, что борьба будетъ коротка, и что счастливые тѣ, которымъ удалось испытать свои доблести на дѣлѣ и поквитаться съ обществомъ. Счастливъ тотъ, кто попалъ въ бой, а на нашу долю, быть можетъ, и не останется ничего. Мы неимѣли никакихъ данныхъ предполагать, что насъ ожидаютъ труды и труды, теперь это можно сказать смѣло, гигантскіе.

Только 1-й, 2-й и 3-й батальоны нашей бригады принимали участіе въ переправѣ съ лѣваго берега, и по свидѣтельству людей, имѣвшихъ возможность наблюдать за ходомъ всего боя, участіе крайне серьезное.

5-я батарея 9-й артиллерійской бригады раздѣляла всегда труды съ Орловскимъ полкомъ.

Переправившись на правый берегъ Дуная уже безъ боя, и простоявъ на берегу на страшномъ іюньскомъ солнопекѣ нѣсколько дней, мы двинулись подъ общимъ начальствомъ князя Святополка-Мирскаго до Тырнова, а затѣмъ 1-го іюля, подъ начальствомъ генерала Дерожинскаго, въ составѣ Орловскаго полка, нашей батареи и нѣсколькихъ сотенъ казаковъ—въ г. Габрово, чтобы принять участіе съ отрядомъ генерала Гурко, перевалившимъ уже Балканы, въ очищеніи Шипкинскаго прохода отъ занимавшихъ его 14-ти таборовъ низама.

Въ Габрово прибыли мы 2-го іюля. Встрѣча, устроенная намъ жителями этого гнѣзда всего болгарскаго, была торжественна и радушна: духовенство съ образами, представители временныхъ властей, и наконецъ масса народа съ цвѣтами, хлѣбомъ-солью и массою разныхъ угощеній... Всѣ лица были обращены къ намъ съ особенною радостью, довѣріемъ и благодарностью. Все это произвело на насъ какое-то торжественное, высокое впечатлѣніе, еще болѣе возбудившее въ насъ желаніе, какъ можно скорѣе, встрѣтиться съ врагомъ, и вырвать изъ его рукъ этихъ несчастныхъ порабощенныхъ нашихъ братьевъ.

Габрово лежитъ въ долинѣ Янтры, у подножія Балканъ.

Городокъ съ живописно окружающими его горами, съ серебристой, быстротекущею, образующею въ серединѣ города водопадъ, Янтрою, все это покрытое роскошною зеленью, представляетъ роскошную картину, еще болѣе приводящую человѣка въ какое-то хорошее состояніе, вызывающее въ свою очередь жажду дать этой странѣ, столь богато одаренной природою, миръ и благоденствіе.

Мы расположились лагеремъ на обширной площади передъ городомъ, на лѣвомъ берегу Янтры. Великій князь Николай Николаевичъ младшій, бывшій нашимъ начальникомъ штаба, съ генераломъ Дерожинскимъ и ихъ штабомъ, расположились у водяной мельницы.

*

Впереди насъ высокою стѣною стояли Балканы, покрытыя роскошною зеленью, а тамъ, вдали, слегка подернутый туманомъ, св. Николай покрытый ровными рядами бѣлыхъ какъ снѣгъ турецкихъ палатокъ.... Думалось: когда-то доберешься до нихъ? когда совьешь себѣ на томъ-же мѣстѣ гнѣздо „орлиное?“ И не убѣгутъ-ли турки, чего Боже сохрани, опять, а мы все будемъ двигаться мирно и мирно?

Казаки наши поймали четырехъ баши-бузуковъ. Весь городъ призналъ въ нихъ самыхъ ревностныхъ послѣдователей идей насилія. Среди нихъ былъ одинъ цыганъ, разъ шесть перемѣнявшій религію, смотря по обстоятельствамъ. Онъ сейчасъ-же сталъ креститься по православному, приговаривать что-то и молить насъ всѣхъ о помилованіи. Одинъ только старикъ сѣдобородый, съ красивымъ мужественнымъ лицомъ, сосредоточенно, задумчиво смотрѣлъ въ даль, не проронивъ ни слова, а на всѣ наши вопросы отвѣчалъ крайне гордо и лаконически. Собравъ достаточно показаній, что эти баши-бузуки на дняхъ еще грабили и жгли окружающія деревни, генералъ Дерожинскій приказалъ разстрѣлять ихъ, что и было сейчасъ исполнено, къ величайшему удовольствію всего города.

Бесѣдуя за стаканомъ хорошаго мѣстнаго вина, съ городскими жителями, тоскливо поглядывая въ даль, и останавливаясь всякій разъ на затуманенной вершинѣ Николая и рядахъ турецкихъ палатокъ, мы провели третье число въ ожиданіи: когда наконецъ раздастся изъ устъ нашего начальника слово „впередъ“.

На слѣдующій день утромъ собрался на площади, по ротно, весь Орловскій полкъ. Генералъ Дерожинскій подъѣхалъ на конѣ къ полку и объявилъ „Орловцамъ“, что вотъ настало время, когда и ихъ труды понадобились, что онъ надѣется на нихъ, что они поддержатъ честь полка, столь много отличавшагося въ прежнія кампаніи, и что такъ какъ онъ считаетъ всѣхъ ихъ одинаково надежными, то для предстоящаго дѣла онъ предлагаетъ назначить первыя по номерамъ роты полка.

Дѣло, которое предстояло исполнить первымъ, было слѣдующее.

На горѣ Бэрдакъ или Бэрдакъ, восточнѣе верстъ на 15-ть горы св. Николая и незначительно сѣвернѣе, запирая весь травненскій проходъ, въ трехъ четырехугольныхъ редутахъ, соединенныхъ между собою ложементами, помѣщалось до 2000 турокъ. Въ верстахъ двухъ отъ этой горы, на обширной сѣдловинѣ расположенъ былъ цѣлый лагерь турецкій, за нимъ другой, далѣе третій и такъ вплоть до горы Николая. Нашъ отрядъ долженъ былъ атаковать шипкинскій проходъ съ фронта, когда генералъ Гурко будетъ атаковывать его съ тыла, съ долины Розъ. Для обезпеченія-же нашей атаки съ лѣваго фланга, и для связи съ отрядомъ генерала Гурко, необходимо было очистить Травненскій проходъ отъ занимавшихъ его турокъ. Атаковать Бэрдакъ днемъ не было ника-

кой возможности: силы наши были слишкомъ незначительны, подготовка артиллеріею немыслима; а слѣдовательно нужно было испытать другое средство, а именно: ночное нападеніе. Для этого не надо большихъ силъ, достаточна горсть, но горсть испытанныхъ, бывалыхъ въ бою солдатъ.

На долю этихъ-то двухъ ротъ и выпала завидная доля—испытать впервые свои силы въ самомъ трудномъ дѣлѣ, въ ночномъ нападеніи.

Разумѣется, никто изъ насъ артиллеристовъ, принять офиціальнаго участія въ этомъ дѣлѣ не могъ, потому-то я и подошелъ къ генералу Дерожинскому, и попросилъ его позволить мнѣ принять участіе въ этомъ дѣлѣ въ качествѣ охотника.

— Артиллеристовъ немного; въ васъ будетъ еще нужда, берегите свои силы; а это дѣло предоставьте пѣхотѣ, отвѣтилъ генералъ.

Огорченный отказомъ, я съ грустію залегъ въ палаткѣ, и уже хотѣлъ предаться нареканіямъ на преслѣдующую меня всегда судьбу, какъ получается записка отъ Дерожинскаго къ командиру батареи, въ которой генералъ приказываетъ назначить одного офицера съ 4-мя нижними чинами для производства рекогносцировки прохода отъ Травны до дер. Янинъ, а такъ какъ рекогносцировка эта произведена быть можетъ только по занятію прохода, то офицеръ этотъ до конца дѣла долженъ находиться при отрядѣ.

По полученіи записки въ батареѣ поднялась борьба: каждый изъ офицеровъ хотѣлъ быть назначеннымъ. Потянули между собою узелки... Судьба, преслѣдующая меня очень часто, на этотъ разъ повернулась ко мнѣ съ улыбкой. Я вытянулъ узелокъ, попалъ въ командировку.

Отрядъ, назначенный для производства ночнаго нападенія, состоялъ: изъ 1-й линейной роты поручика Баляснаго, 1-й стрѣлковой роты капитана Скворковскаго, и 1-й сотни 30-го донскаго полка сотника Галдина, уже болѣе недѣли стоявшаго въ горахъ въ виду Бэрдака. Начальникомъ отряда назначенъ маіоръ Бойно-Родзевичъ, а при немъ капитанъ генеральнаго штаба Андреяновъ.

Ровно въ 11-ть часовъ, собрался нашъ маленькій отрядъ впереди полка и, распрощавшись съ остающимися на бивуакѣ, напутствуемый добрыми пожеланіями потянулся черезъ Габрово.

По выходѣ изъ Габрова, мы шли вверхъ по теченію рѣчки по дорогѣ въ монастырь, и отойдя отъ города версты двѣ, круто поднялись влѣво по скалистой тропинкѣ въ горы, и вышли на горную тропинку, проложенную на гребнѣ, параллельномъ главному хребту. Дорога была отвратительна, зной іюльскій далъ себя чувствовать болѣе чѣмъ когда-нибудь. Мы шли на глазахъ цѣлаго ряда турецкихъ лагерей, расположенныхъ въ большихъ горахъ. Мы боялись, что они обратятъ должное вниманіе на наше движеніе, угадаютъ цѣль нашу и приготовятъ намъ подобающую встрѣчу. Подчасъ едва цѣпляясь обѣими руками за глыбы

камней, раня руки, мы еле-еле взбирались на новые уступы скалъ; только мѣстами, по гребню, дорога становилась болѣе ровной, что было для насъ истиннымъ отдохновеніемъ. Выступили мы въ 11-ть часовъ и только къ 6-ти часамъ вечера, сдѣлали эти 15-ть верстъ.

По дорогѣ мы встрѣтили только двѣ деревушки, жители которыхъ, молча, съ какимъ-то таинственнымъ видомъ, съ выраженіемъ чувства не то радости, не то боязни, выходя на встрѣчу, выносили намъ кувшины, наполненные водою. Какъ-то все: и зной мая, и спокойная природа, и молчаливые жители, все это подготовляло насъ къ столь же таинственному и опасному дѣлу.

Въ часу шестомъ, какъ я уже замѣтилъ, мы добрались наконецъ къ мѣсту расположенія сотни Галдина. За гребнемъ горы, на скатѣ, надъ лѣсистой лощиной и расположенной въ ней деревушкой стояла уже больше недѣли сотня, выставивъ наблюдательные посты вплоть до расположенія турокъ. Казаки пріучили турокъ къ своему присутствію, а сами высмотрѣли ихъ силы, расположеніе и привычки.

Прибывъ къ сотнѣ, подкрѣпивъ свои силы у гостепріимныхъ казаковъ, мы расположились въ шалашѣ Галдина и начали совѣтъ. Мнѣ разрѣшено было участвовать въ совѣтѣ и высказать свое мнѣніе. Изъ разсказовъ Галдина мы заключили, что турки занимаютъ Бэрдакъ въ числѣ около 2000. Отрядъ этотъ смѣняется каждый день и на ночь усиливается, расположенный на ближайшей сѣдловинѣ лагерь служитъ резервомъ этой дежурной части. Ходу изъ лагеря до редутовъ около 1-го часу. Начали совѣщаніе относительно распредѣленія силъ въ бою. Порѣшили: линейную полуроту, 25-ть спѣшенныхъ казаковъ съ нѣсколькими десятками вооруженныхъ болгаръ, подъ общимъ начальствомъ поручика Баляснаго, послать по дорогѣ на дер. Янины, съ цѣлью зайти туркамъ въ тылъ. 1-я стрѣлковая рота, полурота линейная, 75-ть спѣшенныхъ казаковъ и 30-ть вооруженныхъ болгаръ, подъ общимъ начальствомъ маіора Бойно-Родзевичъ, должны были ударить на фронтъ.

Колоннѣ Баляснаго приказано было выступить тотчасъ же, добраться до выхода изъ лѣсу на плѣшь горы и залечь на опушкѣ, а затѣмъ какъ только услышитъ онъ наше „ура“, немедленно броситься на тылъ турокъ и тѣмъ облегчить нашу атаку. Распредѣленіе же силъ и прочія детали отданы въ полное его распоряженіе.

Что касается нашей колонны, то предположено было, что казаки Галдина съ проводниками пойдутъ впереди, за ними Орловцы, за Орловцами вооруженные болгары и наконецъ, полурота линейная подъ командою подпоручика Гарткова, составлявшая общій резервъ. Предполагалось тихонько пробраться до опушки на плѣши горы, захватить и перерѣзать секреты, еслибы таковые оказались, залечь на опушкѣ, выждать пока не начнетъ сѣрѣть и затѣмъ давъ залпъ дружно броситься въ штыки.

Все, за исключеніемъ упомянутой полуроты, назначалось для перваго удара.

Гора Бэрдакъ представляетъ собою остроконечную, совершенно голую вершину. Вершина эта состоитъ, въ свою очередь, изъ двухъ отдѣльныхъ холмовъ, соединенныхъ между собою острой гребнеобразной сѣдловиной. Саженяхъ во 100 вершины, по крутой очень покатости начинается густой лѣсъ, покрывающій сплошь крутые скаты до самой подошвы. Гора Бэрдакъ окружена со всѣхъ сторонъ глубокими, заросшими лѣсомъ, ярами, чрезвычайно крутыми и трудно доступными — и только узкимъ, острымъ гребнемъ соединяется съ южными вершинами, за которыми и былъ расположенъ вышеупомянутый лагерь. На правомъ и на лѣвомъ холмѣ было по одному четыреугольному редуту, на сѣдловинѣ третій; редуты связаны между собою ложементами, сложенными изъ камня. Профиль ложементовъ и редутовъ незначительная, разсчитывая, по всей вѣроятности, на неприступность самого мѣста.

Была тихая, темная, теплая іюльская ночь.

Въ указанномъ порядкѣ, соблюдая величайшую тишину, мы тронулись въ $9^1/_2$ часовъ вечера по узкой, каменистой, лѣсной дорожкѣ Окружающихъ предметовъ нельзя было различать шагахъ въ пяти... Нѣсколько разъ отдыхая, мы, то подымались, то опускались по нашей дорожкѣ. Мы двигались справа не вздвоенными рядами. Когда мы прошли уже половину дороги, за хвостомъ колонны перебѣжалъ дорогу какой-то человѣкъ и скрылся въ лѣсу, въ сторонѣ турокъ... Бросились было отыскивать... Гдѣ-жъ отыскать-то?! По мѣрѣ приближенія, напряженное состояніе все усиливается и усиливается... Сердце такъ и бьется... Кажется, что вотъ-вотъ душа выскочитъ изъ тѣла. Волненіе страшное... Первый бой, да еще при такой обстановкѣ!! Никто не запасъ воды, а жажда страшная. Кто-то нащупалъ родникъ... Всѣ такъ и припали къ нему...

Идущіе впереди свернули вдругъ съ дороги, мы потянулись за ними. Мы шли теперь уже не по дорогѣ, а по лѣсистому крутому скату. Трудно представить себѣ, что намъ пришлось преодолѣть! Крутой, покрытый дѣвственнымъ лѣсомъ скатъ; деревья, переплетенныя вьющимися растеніями, масса обломанныхъ гніющихъ вѣтвей; срубленныя и въ безпорядкѣ сваленныя деревья... Ступишь и проваливаешься... Передовые исчезаютъ... Вылѣзешь, не знаешь куда броситься; крикнуть нельзя. Кое-какъ пробираешься, снова падаешь; на тебя валится сзади идущій. Въ одной рукѣ держишь поднятое вверхъ ружье, другой расчищаешь себѣ кое-какъ дорогу среди вѣтвей и колючекъ. Шопотомъ передаютъ, что передовые уже вышли. Слава Богу!!

Послѣ невѣроятныхъ усилій, въ совершенно изорванной одеждѣ, растерявъ изъ непрактичныхъ нашихъ сумокъ всѣ патроны, всѣ иска-

лѣченные до крови, мы выбрались, наконецъ, на опушку. Большая половина колонны карабкалась еще за нами. Маіоръ Бойно-Родзевичъ, капитанъ Андреяновъ и я усѣлись на сваленномъ деревѣ, еле переводя духъ. Вдругъ выстрѣлъ... Съ ужасомъ взглянули мы другъ на друга; во взглядахъ каждаго видѣнъ былъ вопросъ: что дѣлать? „Немедленно же броситься въ штыки“, сказалъ одинъ изъ насъ. Опять выстрѣлъ... и вся вершина Бэрдака вдругъ засвѣтилась одной сплошной блестящей ниткой. Турки подняли невѣроятную трескотню. По комъ они стрѣляли, трудно себѣ представить. Мы вскочили, крикнули „ура“, бросились впередъ, думая, что всѣ послѣдуютъ за нами, но не тутъ-то было.

Это напряженное состояніе въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, совершенный упадокъ физическихъ силъ, эта компрометированная выстрѣломъ тишина, отъ которой, кажись, все зависѣло, эта страшная трескотня, все это окончательно парализировало волю и сознаніе солдатъ. Они, широко раскрывъ глаза, неистово крича „ура“, какъ-то тупо, вопросительно глядѣли на сверкающую вершину, стояли неподвижно. Изъ передовыхъ, залегшихъ на опушкѣ, кто-то выстрѣлилъ, за нимъ другой... Турки, замѣтя по огонькамъ откуда грозитъ имъ опасность, склонили ружья и на насъ посыпался градъ пуль. Сзади подымающіеся по скату открыли огонь; ранили своихъ... Суматоха поднялась страшная: неистовый крикъ „ура“, трескотня ружей, страхъ быть раненымъ не съ той такъ съ другой стороны и пассивное стояніе на мѣстѣ. Мы бросились среди солдатъ и стали кричать „не стрѣлять“, „не стрѣлять“. Нашъ крикъ, увѣщеванія, нѣсколько даже ударовъ саблями, привели наконецъ окружающихъ въ себя. Галдину, Скворковскому, Бойно-Родзевичу и мнѣ удалось собрать около себя по горсточкѣ и броситься впередъ. Завидя это, всѣ сразу опомнились и съ громкимъ крикомъ „ура“ бросились за нами. Весь отрядъ какъ-бы переродился. Стремительно бросились всѣ на ложементъ, на правый и центральный редутъ и выбивъ непріятеля штыками заняли ихъ. Всѣ такъ и дрались въ безпорядкѣ, вразбродъ; одна только полурота Гарткова вышла въ порядкѣ, сомкнутою, и приняла самое рѣшительное участіе въ бою, образовавъ ядро. Она не переживала тѣхъ страшныхъ мгновеній, которыя пережили мы, и въ рукахъ своего храбраго гражданина-офицера она показала туркамъ болѣе всего, что такое русскій штыкъ. Всѣ мы дрались наравнѣ съ солдатами; около насъ и группировался главнымъ образомъ бой. Солдаты больше били прикладами. Самое опасное вскочить первому, а затѣмъ лѣзли сколько влѣзетъ... Турокъ навалили кучи.

Такимъ образомъ мы заняли только два редута и ложементъ; лѣвый же редутъ, занятый какими-то людьми, не прекращалъ огня: всѣ четыре его фаса такъ и сіяли. Мы были въ недоумѣніи... Мы не знали: кто его занимаетъ, наши-ли или турки? Мы не знали, атаковалъ-ли одно-

временно съ нами отрядъ Баляснаго или нѣтъ? Дошелъ-ли онъ, или нѣтъ? Въ суматохѣ боя, въ темную ночь, мы никакъ не могли дать себѣ отчета. Быть можетъ, онъ взятъ уже нашими и они, не зная о нашемъ успѣхѣ, принимаютъ насъ за турокъ и лупятъ; или, быть можетъ, это горсть турокъ держится пока, разсчитывая, что свои оправятся и вернутся? Однако же надо было разъяснить этотъ вопросъ. Бойно-Родзевичъ предложилъ мнѣ и Гарткову разузнать это. Мы направились туда. Подвигаясь впередъ, мы все кричали: „Орловцы! Вы ли это?“ „Балясный!“ „Балясный!“ „Не стрѣлять; не стрѣлять“. Но отвѣта не было, только градъ пуль обсыпалъ насъ неистово. Мы приблизились, не переставая кричать, шаговъ на двадцать къ редуту. Тутъ мы, вглядѣвшись попристальнѣй, различили турокъ; надо было поскорѣй ворочаться, увѣдомить нашихъ. Не успѣли мы повернуться, какъ вдругъ раздается отрывистое „ура“; дружная толпа вскакиваетъ въ редутъ; нѣсколько мгновеній рукопашная свалка; редутъ замолкъ и черезъ новое мгновеніе поднявъ шапки кто на штыкъ, кто прямо рукою, наши стали кричать неистовое „ура“. Мы побѣжали къ редуту: всѣ защитники лежали кучею съ размозженными прикладами головами.

Оказалось, что колонна Баляснаго, хотя направленная ранѣе, преодолѣвая, подобно намъ, безчисленныя препятствія, подвигалась впередъ разсчитывая дойти во время, какъ вдругъ слышится наше „ура“. Они бросились бѣгомъ и добѣжали только въ то время, когда я съ Гартковымъ подошли къ редуту. У нихъ уже не было никакой задержки; ихъ нравственныя и физическія силы были возстановлены нашимъ „ура“ и начавшимся боемъ. Они напрягли всѣ усилія, чтобы поспѣть и исполнить свою долю.

Потерявъ 50-ть человѣкъ убитыми и ранеными, мы взяли этотъ важный пунктъ, занятый $1^1/_2$ тысячами за закрытьемъ.

Я повѣдалъ фактъ какъ онъ былъ. Каждый пусть дѣлаетъ свои выводы. Ночныя нападенія считаются самымъ труднымъ предпріятіемъ. Мой разсказъ, фактъ для исторіи и лишній листокъ для лавроваго вѣнка нашему молодому гражданину-солдату.

ИЗЪ ПОХОДНЫХЪ ЗАПИСОКЪ *).

Переходъ черезъ Балканы. — Дѣло у дер. Маглишъ. — Занятіе Казанлыка.

(Съ 25-го по 31-е декабря 1877 года).

аньше, чѣмъ я приступлю къ передачѣ своихъ воспоминаній о переходѣ черезъ Балканы, я считаю нужнымъ сдѣлать краткій обзоръ тѣхъ распоряженій, по которымъ совершился исполинскій подвигъ русскихъ войскъ 27-го и 28-го декабря.

Первоначальное занятіе и оборона Шипкинскаго перевала въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ всецѣло принадлежало чести войскъ 8-го армейскаго корпуса. Послѣ отраженія бѣшеныхъ Сулеймановскихъ атакъ 9-го, 10-го и 11-го августа, — наши настолько крѣпко заняли этотъ важный пунктъ, что

---

*) Настоящій отрывокъ изъ моихъ походныхъ записокъ содержитъ въ себѣ описаніе нѣсколькихъ дней, пережитыхъ въ концѣ декабря 1877 года.

Отрывокъ этотъ весьма коротокъ, можетъ быть даже сухъ и вообще не носитъ характера обработаннаго разсказа; но тѣмъ не менѣе я смѣю надѣяться, что онъ, какъ произведеніе очевидца, можетъ также занять мѣсто въ средѣ описаній, относящихся къ событіямъ только что минувшей кампаніи.

Читая нѣсколько описаній декабрьскихъ операцій подъ Шипкой, я вообще замѣтилъ въ нихъ отсутствіе даже самыхъ краткихъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ лѣвой колонны отряда князя Святополкъ-Мирскаго, бывшей тогда подъ начальствомъ генералъ-маіора Шнитникова, а если гдѣ и встрѣчались краткія замѣтки, то и эти не многія были не совсѣмъ вѣрны. Въ силу такого обстоятельства, я рѣшился въ краткихъ чертахъ передать то, чему былъ очевидецъ.

А. Платоновъ.

Д. Кизиль-Агачъ, 25-го марта 1879 года.

дальнѣйшія попытки турокъ перейти къ активнымъ дѣйствіямъ остались совершенно безуспѣшными. За то положеніе защитниковъ перевала было крайне тяжелое. Помимо ежедневныхъ потерь въ людяхъ во время обычныхъ перестрѣлокъ, — войска страшно страдали еще и отъ сильнаго холода. Между тѣмъ, выдти изъ такихъ невыгодныхъ условій и предпринять что-нибудь противъ турокъ, при тогдашнемъ положеніи русскихъ войскъ,—было немыслимо. Плевна, заставившая притянуть къ себѣ всѣ русскія силы, рѣшительно стѣснила кругъ нашихъ операцій на другихъ пунктахъ театра войны и потому неудивительно, что пятимѣсячная стоянка на Шипки, безцѣльно потратившая много людей, была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тогдашняго положенія дѣлъ. Когда же Плевна была взята и до 80 тысячъ, стоявшихъ на западномъ фронтѣ, освободились, то, конечно, представилась полная возможность усилить генерала Радецкаго и перейти въ наступленіе.

Дѣйствительно, подкрѣпленія не замедлили прибыть и въ распоряженіе генерала Радецкаго поступили 16-я и 30-я пѣхотныя дивизіи, 3 батальона 3-й стрѣлковой бригады и 3 полка 1-й кавалерійской дивизіи.

Къ 23-му декабря, всѣ войска, сосредоточенныя около Шипки, занимали слѣдующіе пункты: четыре полка 14-й дивизіи, одинъ полкъ 9-й дивизіи (Брянскій)—на перевалѣ; три полка 9-й дивизіи, четыре полка 30-й дивизіи, 4-я стрѣлковая бригада, горная батарея и 23-й казачій полкъ—въ Травнѣ; четыре полка 16-й дивизіи, 3 батальона 3-й стрѣлковой бригады, нѣсколько болгарскихъ дружинъ, батарея и 1-я кавалерійская дивизія—въ Габровѣ. Планъ атаки Шипки, въ общихъ чертахъ, заключался въ томъ, что князь Святополкъ-Мирскій, съ войсками, стянутыми къ Травнѣ, составитъ лѣвую обходную колонну, перейдетъ Балканы по Травенскому проходу, черезъ Сельцы и Гузово, и атакуетъ турокъ слѣва, а генералъ Скобелевъ, съ отрядомъ, стянутымъ у Габрова, составитъ правую колонну и, перейдя Балканы черезъ Зелено-древо и Иметли, атакуетъ турокъ справа, стараясь своимъ правымъ флангомъ войти въ связь съ отрядомъ Мирскаго и вообще насколько возможно, окружить турокъ. Войска же, стоящія на перевалѣ, подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира будутъ демонстрировать съ фронта.

Въ такомъ смыслѣ была отдана общая диспозиція и, согласно ее, полки нашей дивизіи, стоявшіе въ окрестностяхъ Тырнова, 23-го числа были направлены къ Травнѣ. Въ этотъ день нашъ полкъ перешелъ изъ д. Плакова въ Дрѣново, а на другой день 24-го прибылъ въ Травну.

Здѣсь была получена диспозиція, отданная по отряду князя Мирскаго; она гласила, что отрядъ дѣлится на два эшелона: первый, подъ личнымъ начальствомъ князя, изъ полковъ 9-й дивизіи, Ярославскаго и Серпуховскаго полковъ нашей дивизіи, стрѣлковой бригады, батареи и 4-хъ сотенъ казаковъ и второй, подъ начальствомъ генералъ-маіора

Шнитникова, въ составѣ полковъ Коломенскаго и Шуйскаго и одной сотни казаковъ; для того же, чтобы первый эшелонъ выдвинуть впередъ, ему назначенъ былъ 24-го ночлегъ, частью впереди Травны въ 6-ти верстахъ, частью на Крестцѣ, а второму—въ самомъ городѣ.

Чтобы нить моего разсказа касалась всѣхъ подробностей тѣхъ условій, въ которыхъ мы находились, я долженъ сказать нѣсколько словъ и о матеріальномъ состояніи нашей дивизіи. Насъ стянули къ Травнѣ совершенно неожиданно и когда выяснилось, что мы будемъ форсировать Балканы, то оказалось, — что никакой подготовки къ этому сдѣлано не было: у насъ не было вьючнаго обоза; люди неимѣли не только теплой одежды, но даже какой-нибудь сносной обуви; а что касается запасовъ продовольствія и патроновъ, то таковыхъ при полкахъ было такое ничтожное количество, что сухари, выданныя чуть-ли не въ Плаковѣ, приходили у солдатъ къ концу и пополнить солдатскія торбы было нечѣмъ. Между тѣмъ, въ 9-й дивизіи всѣ люди были снабжены полушубками, а благодаря имѣвшимся у нихъ вьюкамъ, за полками везлись сухари, патроны и даже водка. Однимъ словомъ, контрастъ былъ рѣзкій и матеріальная обстановка нашей дивизіи была въ крайне плачевномъ состояніи; исправить же бѣду было поздно, потому что войска, предоставленныя сами себѣ, ни откуда не могли ожидать помощи. Правда, въ Травнѣ, нашъ полкъ пріобрѣлъ нѣсколько десятковъ полушубковъ, накупилъ на всѣхъ людей теплыхъ портянокъ, но все это было ничтожно и мало удовлетворяло дѣйствительнымъ потребностямъ.

Утро 25-го декабря было прекрасное и день обѣщалъ быть теплымъ, хотя утренній морозъ достигалъ 15°. Я всталъ очень рано и, пользуясь тѣмъ, что выступленіе нашему эшелону изъ Травны назначено въ 9 часовъ, пошелъ въ церковь, гдѣ служилась обѣдня. Я простоялъ тамъ около полчаса. Церковь, залитая свѣчьми и наполненная болгарами, произвела на меня какое-то пріятное впечатлѣніе. Между тѣмъ, полки начали собираться у выхода. Мы поздравили другъ друга съ праздникомъ Рождества Христова и невольно вспомнили, какъ проводятъ этотъ праздникъ наши родные въ Россіи... Впрочемъ, вдаваться въ такія грустныя размышленія было некогда, потому что полкъ двинулся.

Версты четыре пришлось идти, глубокою лощиною, по дорогѣ вдоль рѣчки, черезъ которую въ одномъ мѣстѣ совершили переправу на каруцахъ, поставленныхъ вмѣсто моста; потомъ дорога пошла вверхъ по откосамъ горъ, извиваясь сообразно направленію горнаго кряжа. Этотъ участокъ дороги когда-то повидимому разрабатывался, но доведенъ былъ только до Крестца. Здѣсь могла идти всякая повозка и это-то обстоятельство обмануло насъ. Предположили, что такая дорога будетъ вплоть

до конца и потому направили для усиленія отряда одну 9-ти фунтовую батарею (14-й бригады) и артиллерійскій паркъ; но когда они еле-еле къ вечеру дошли до Крестца и увидѣли, что дальше по тропинкѣ ни подъ какимъ видомъ нельзя двигаться, — остановились и, пропустивъ войска, возвратились обратно въ Травну. Тоже самое случилось и съ нашими артельными и офицерскими повозками. Онѣ также дошли до Крестца, но потомъ вынуждены были повернуть назадъ, а черезъ это мы надолго (до марта) лишились и ротныхъ кухонь и своихъ офицерскихъ вещей. Офицеры, вообще неимѣвшіе вьючныхъ лошадей, остались рѣшительно безъ всего. Я, правда, догадался пріобрѣсть въ Травнѣ осла, на которомъ везлось одѣяло, пальто и самоваръ; но зато болѣе ровно ничего неимѣлъ съ собой.

Ото Травны до урочища „Крестецъ“ болгары считаютъ три часа ходу, т. е. до 15-ти верстъ; но надо сознаться, что не легко прошли мы это разстояніе. Постепенный подъемъ въ гору, не совсѣмъ исправная дорога и ежеминутныя задержки повозокъ и артиллеріи, — дѣйствовали очень утомительно и потому мы подошли къ Крестцу около пяти часовъ вечера. Подъ именемъ Крестца, понимается между мѣстными жителями, да, кажется, и по картѣ, высшая точка Травненскаго перевала *). Мѣстность здѣсь представляетъ совершенно особенный ландшафтъ: куда не посмотришь съ перевала, — кругомъ видны цѣпи горныхъ вершинъ, покрытыхъ снѣгомъ и лѣсомъ. Дальнія вершины, видныя на западѣ, при заходѣ солнца, блестѣли ледяною синевой и отчетливо обрисовывались на красноватомъ фонѣ неба. Пользуясь приваломъ, я съ особеннымъ удовольствіемъ любовался величественною картиною суровой, горной природы. Но удовольствіе было непродолжительно. Солнце начало садится за горнымъ кряжемъ, морозъ началъ щипать уши и ноги и отрядъ двинулся въ дальнѣйшій путь.

По диспозиціи, отданной на этотъ день, эшелону надлежало дойти до д. Сельцы и тамъ ночевать. Такимъ образомъ въ описываемую минуту мы были на полпути, такъ какъ до Сельцовъ оставалось не менѣе 15-ти верстъ.

Отъ Крестца дорога теряетъ всякія признаки культуры и обращается въ узенькую тропинку, болѣе похожую на желобокъ; шедшіе впереди отряда саперы и „братушки“, только съ виду очищали дорогу и снѣгъ всячески былъ по колѣно; мѣстами снѣгъ замѣнялся ледяной массой. Тогда идти становилось еще тяжелѣе, потому что по скользкому откосу горы удержать равновѣсія было невозможно. Не смотря на то, что я съ одной стороны опирался саблей, а съ другой ножнами, — все-таки на переходѣ до Сельцовъ упалъ не менѣе трехсотъ разъ. Разу-

*) Здѣсь стоялъ казачій пикетъ для наблюденія за проходомъ.

мѣется, при такихъ условіяхъ дороги, не обошлось безъ несчастныхъ случаевъ; такъ напримѣръ въ нашемъ эшелонѣ, во время такихъ паденій, двое солдатъ были ранены штыкомъ и одинъ изъ нихъ, кажется, тутъ же на дорогѣ и умеръ. Помимо этой гололедицы, не малымъ препятствіемъ на пути служила и крутизна подъемовъ. Хотя тропинка и старалась, повидимому, избѣгать крутыхъ скатовъ; но, вслѣдствіе взаимнаго расположенія горъ, иногда шла вверхъ или внизъ чуть-ли не подъ угломъ 35° и 40°. Въ такихъ случаяхъ идти было нельзя и мы обыкновенно гуськомъ одинъ за другимъ скатывались на спинѣ и на боку, стараясь только приснаровиться, чтобъ не слетѣть куда-нибудь въ пропасть. Въ общемъ видѣ картина движенія войскъ представляла собой безконечную нить людей и лошадей, двигавшихся по тропѣ гуськомъ одинъ за другимъ. Послѣ этого можно судить, что это было за движеніе?.. Полкъ растянулся буквально на пять верстъ и потому соблюсти какія-нибудь правила походнаго движенія становилось немыслимымъ.

Засвѣтло мы прошли не болѣе трехъ верстъ отъ Крестца; тутъ уже насъ застигла ночь, въ началѣ которой свѣтила луна; но затѣмъ, скоро и она спряталась и отрядъ двигался въ совершенную темень, рискуя или поламать ноги или свалиться въ пропасть. Нечего и говорить, что ночное движеніе, да еще по горамъ, чрезвычайно утомительно; поэтому нисколько неудивительно, что у людей пропадала и обычная бодрость и утомленіе доходило до крайности... Между тѣмъ, мы шли и шли, мечтая о концѣ этого перехода, какъ о чемъ-то безнадежномъ. Часовъ въ 10-ть попадается на встрѣчу казакъ, посланный изъ перваго эшелона.— „Послушай-ка! какъ далеко до Сельцовъ?“ спрашиваемъ его.—„Да версты три или четыре будетъ“.—Значитъ не далеко, часа черезъ два будемъ на мѣстѣ и бодрость снова возвращается изнуренному солдату. Прошли дальше еще версты три; видимъ огоньки. Приближаемся; оказывается— это костры, разведенные солдатами, отставшими отъ перваго эшелона. Оглянувши рощу, освѣщенную этими кострами, — рѣшили сдѣлать небольшой привалъ.

Я направился къ одному костру и присѣлъ. Благодаря услужливости солдата, костеръ горѣлъ отлично и я, напившись теплой воды, добытой изъ снѣга, отъ усталости заснулъ; но къ сожалѣнію не надолго, потому что полкъ двинулся впередъ. Снова поплелся я дальше и навѣрное отсталъ бы, еслибъ не оказалось, что идти осталось съ версту. Дѣйствительно, впереди горѣли громадные костры, разведенные Серпуховцами, принадлежавшими къ 1-му эшелону и мы съ незамѣтною быстротою очутились подлѣ нихъ. Разбивка бивуака продолжалась пять минутъ и люди, составивъ ружья, принялись разводить огни. Нельзя не привести здѣсь курьезный случай, происшедшій по поводу ночлега около Сельцовъ. Не знаю, почему-то утромъ изъ Травны были посланы отъ всѣхъ

полковъ квартирьеры въ Сельцы; вѣроятно, предполагали, что въ этой деревнѣ найдутся квартиры для двухъ полковъ *). Между тѣмъ, квартирьеры пришли къ Сельцамъ незадолго передъ нами и были встрѣчены начальникомъ дивизіи, который обогналъ ихъ раньше.

— Вы съ квартирьерами пришли? спросилъ онъ у офицера.

— Да, ваше превосходительство!

— Прекрасно! Вотъ вамъ квартиры, сказалъ онъ, указывая на ровную площадку, покрытую глубокимъ снѣгомъ;—только выбирайте,—гдѣ снѣгъ помягче.

По мѣрѣ сбора полка на бивуакъ, у насъ явились костры; дѣйствительно, грѣться надо было, потому что морозъ доходилъ до 20°. Тутъ же у всякаго явилось желаніе подкрѣпить свой пустой желудокъ; но увы! оказалось, что во всемъ полку нѣтъ сухарей. Это обстоятельство было бы очень грустно, еслибъ на счастье не подошли вьючныя лошади 9-й дивизіи съ сухарями. Благодаря имъ, мы получили частицу этого транспорта и солдаты, по крайней мѣрѣ, на этотъ вечеръ не остались голодными. Что же касается офицеровъ, то они были въ самомъ плачевномъ положеніи, потому что ровно ничего не имѣли. Мой оселъ, пріобрѣтенный въ Травнѣ, гдѣ-то отсталъ назади и я лишился послѣдняго своего утѣшенія въ походѣ, — это чаю. Но тутъ, правда, одинъ солдатъ вывелъ меня изъ бѣды: у него оказалось въ торбѣ щепотка чаю и кусокъ сахару. Съ необыкновенной быстротой добылъ онъ изъ снѣгу воды, вскипятилъ ее въ солдатскомъ котелкѣ и приготовилъ чай. Что это былъ за чай?.. Вонючій и съ сальными поплавками... но съ какимъ удовольствіемъ мы прихлебывали его послѣ такого утомительнаго перехода?.. Тутъ не могло быть брезгливости... Послѣ этого чая, выпитаго съ сухарями, предложенными солдатами, мы рѣшили заснуть. Для этого нужно было поудобнѣе примоститься къ костру; но не смотря на то, что костеръ горѣлъ прекрасно, морозъ давалъ себя чувствовать и безаппеляціонно прохватывалъ черезъ мой дрянной полушубокъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ неудобства и на морозъ, надвинувъ башлыкъ на голову, я полуприлегъ и заснулъ. Впрочемъ, это былъ не сонъ, а мученье, потому что черезъ каждыя четверть часа, отъ холода, проникавшаго то въ ноги, то въ спину,—просыпался. Такъ проведена была ночь. Когда солнце взошло и нѣсколько обогрѣло, — всѣ сразу оправились и тяжести минувшаго дня—какъ не бывали. Тутъ же, къ моему счастью, явился мой вьючный оселъ и мы съ капитаномъ М. приготовили чай ужъ въ настоящемъ чайникѣ.

Дер. Сельцы, состоявшая до войны изъ нѣсколькихъ болгарскихъ хатъ, въ описываемое время представляла лишь только слѣды деревни.

*) Сельцы въ это время состояли изъ трехъ разрушенныхъ хатъ.

Одна небольшая хата и два сарая въ полуразрушенномъ видѣ уцѣлѣли отъ поджога, произведеннаго черкесами. Расположена она въ глубокой лощинѣ, прорѣзанной горнымъ ручьемъ. Спускъ, по которому идетъ дорога къ деревнѣ, представляетъ собою такую ужасную крутизну, что человѣку нѣтъ никакой возможности идти, а приходится, какъ говорится, „съѣхать“ на боку. Ледяная кора, покрывающая путь, тянется около четверти версты и поэтому можно судить, какъ картинно было движеніе людей, съѣзжавшихъ на своихъ собственныхъ салазкахъ, съ громкими восклицаніями: „держись!“, „бери вправо!“, „берегись!“, „ай! провалился! поддержи землячекъ!“

Пока нашъ эшелонъ спустился къ деревнѣ, прошло около двухъ часовъ. Окело деревни насъ остановили и стали ожидать спуска Шуйскаго полка. Въ 10-ть часовъ выѣхалъ генералъ Шнитниковъ и передалъ сущность приказаній, отданныхъ начальникомъ отряда княземъ Мирскимъ на 26-е декабря. Въ нихъ гласилось слѣдующее:

Первый эшелонъ, т, е. лично его отрядъ, имѣетъ въ этотъ день двинуться на дер. Гузово, а нашему предписывалось идти влѣво, по Маглышскому ущелью на дер. Маглышъ и занять ее. Развивая эти распоряженія, генералъ Шнитниковъ двинулъ сотню казаковъ, команду саперъ и нашъ 1-й батальонъ въ авангардъ и затѣмъ приказалъ отряду выступать, давъ точную инструкцію на случай встрѣчи непріятеля.

Мы двинулись, мысленно соображая, что-то увидимъ въ этотъ день? Такъ или иначе, но при выходѣ изъ Балканъ надо было ожидать боя. За нами тащилось до двухъ сотъ болгаръ, возвращавшихся въ свои забалканскія деревни. Эти несчастные „бѣженцы“, уцѣлѣвшіе отъ ужасной сулеймановской рѣзни, теперь подъ прикрытіемъ войскъ спѣшили въ свои разрушенныя жилища.

— Куда вы, братушки? спрашивали ихъ солдаты.

— Да йдемъ на свои кешты.

— А гдѣ же ваши кешты?

И на этотъ вопросъ сыпались изъ толпы болгаръ названія: Казанлыкъ, Ески-Загра, Маглышъ, Ени-Загра, Хаинкіой и т. д. Все это невольно воспроизводило картины ихъ бѣдствій, порожденныхъ іюльскимъ походомъ генерала Гурко. Просто жалко было смотрѣть на этихъ братушекъ, изъ которыхъ каждый приводилъ разсказы о потерѣ семьи и имущества. Но тѣмъ не менѣе, въ данную минуту они всѣ смотрѣли энергично, а торчавшіе у каждаго за спиной ружья придавали этой толпѣ нѣкотораго рода даже воинственность. Замѣтивъ среди болгаръ одного священника, я подошелъ къ нему и вступилъ въ разговоръ. Кстати онъ довольно сносно изъяснялся по-русски; слѣдовательно, я имѣлъ полную возможность разспросить его кое о чемъ. Между прочимъ, онъ объяснилъ, что отъ Сельцовъ до Маглиша 3 часа ходу (около 15-ти верстъ),

что это село довольно обширно, было когда-то богато, но теперь разорено.

— Азъ самъ има тамъ кѣшта; но турци дойде на Маглишъ и всички блгары рѣзаѣ, пояснялъ онъ и добавилъ, что жена и дѣти его перерѣзаны, а церковь разграблена.

Объяснивъ ему, что нашъ отрядъ долженъ въ этотъ день занять Маглишъ, я спросилъ его: какъ онъ думаетъ — есть ли тамъ турецкія войска или нѣтъ? на это онъ отвѣтилъ, что, по свѣдѣніямъ, доставлявшимся ему „соглядатаями", какъ онъ назвалъ болгарскихъ дозорщиковъ, — турецкія войска въ Маглишѣ есть, но во всякомъ случаѣ немного; потомъ добавилъ, что, по его мнѣнію, Богъ поможетъ русскимъ сегодня разбить турокъ, произнося свои сужденія съ какимъ-то пророческимъ пафосомъ. Я разстался съ нимъ и побѣжалъ догонять роту.

Выступивъ изъ Сельцовъ и перейдя въ бродъ рѣчку (Маглишъ), мы вошли въ ущелье; потомъ по узенькой тропинкѣ начали подниматься вверхъ; здѣсь тропинка шла уже по крутому скату и принимала видъ какого-то карниза, вьющагося змѣйкой, по которому можно было идти не иначе, какъ гуськомъ. Прекрасный теплый день и свѣжій воздухъ производили на насъ самое отрадное вліяніе; при такой погодѣ даже сѣрыя непріятныя скалы Балканъ, казались чѣмъ-то привлекательнымъ; поэтому и въ душѣ царило какое-то веселое настроеніе. Послѣ двухъ часовъ пути авангардъ остановился, чтобы отчасти подтянуться и отчасти отдохнуть. Впереди предвидѣлся еще подъемъ на гору. Забравшіеся между солдатъ братушки пояснили, что это послѣдній подъемъ въ гору, и что далѣе предстоитъ идти внизъ. На привалѣ, къ авангарду подъѣхалъ генералъ Шнитниковъ и приказалъ продолжать путь.

Тронулись. Спустя полчаса, мы стояли на вершинѣ хребта и передъ нами разстилалась знаменитая долина Розъ, а за нею темные контуры Малыхъ Балканъ.

На лицахъ отразилось пріятное впечатлѣніе.

Солдаты бодро шли. У нихъ уже давно истощились сухари, выданные въ Сельцахъ и потому каждый сводилъ свои разсужденія къ тому, чтобъ скорѣе добраться до конца пути.

— Ну, братцы, сегодня придется добывать кусокъ хлѣба. Какъ-то Богъ поможетъ?

— Да ужъ добудемъ, потому, надо полагать, Плевны-то они еще не выстроили, отзывается другой солдатъ.

Дѣйствительно, люди были голодные и черезъ это мысль о сухарикѣ мелькала не только у солдата, но у всякаго офицера, потому что мы также этотъ день ничего не ѣли...

Тропинка опускалась внизъ постепенно; долина и Малыя Балканы скрылись изъ глазъ и по обоимъ сторонамъ торчали тѣ же грозные

обрывы ущелья. Прошло полчаса; тропинка вынырнула изъ прохода и мы очутились на совершенно ровной площадкѣ, съ которой Казанлыкъ и долина были видны какъ на ладони.

Казаки и самъ генералъ Шнитниковъ стояли на краю площадки, и генералъ видимо былъ занятъ рекогносцировкой. Едва мы начали вытягиваться на ровное мѣсто, какъ прискакалъ адъютантъ и передалъ приказаніе: авангардному батальону немедленно стянуться.

— Что слышно? спросилъ я его.

— Да вотъ въ чемъ дѣло: Маглишъ занятъ турками. Деревни самой не видно; видѣнъ только рядъ холмовъ съ укрѣпленіями, въ которыхъ мелькаютъ красныя фески. Когда нашъ разъѣздъ началъ было спускаться внизъ, такъ по немъ стрѣляли.

Послѣ этихъ краткихъ свѣдѣній—перспектива дня обрисовалась у меня вполнѣ; но отдаляя отъ себя, по возможности, мысли о предстоящемъ, я принялся осматривать долину, насколько наблюденіе было доступно глазу: прежде всего, конечно, я сталъ всматриваться на западъ, въ надеждѣ увидѣть отрядъ князя Святополкъ-Мирскаго, который, судя по картѣ, долженъ выйти изъ Балканъ правѣе насъ верстахъ въ шести. Взоръ мой долго бродилъ по снѣговымъ откосамъ и наконецъ наткнулся на черныя подвижныя линіи. Ясно, что это отрядъ Мирскаго и также ясно, что здѣсь мы не одни... А это чувство при боевой обстановкѣ особенно рѣзко. Я отлично сознаю, что случись у насъ неудача, они не могутъ скоро поспѣть къ намъ на выручку, но тѣмъ не менѣе нравственная опора сильнѣе окрѣпла...

Всматриваюсь въ долину... Тишина полная, спокойствіе невозмутимое... Наши, точно у себя дома, устраиваются на южномъ склонѣ Балканъ, и черезъ это въ головѣ невольно рождается вопросъ: что теперь думаютъ турки, а замѣтить-то насъ замѣтили—это ужъ несомнѣнно, и почему такъ спокойно относятся къ нежданнымъ гостямъ? На такой вопросъ въ данный моментъ никто не могъ отвѣтить, но черезъ два дня, какъ увидимъ, онъ разрѣшился самъ собою... Всматриваюсь на югъ и востокъ,—ничего не видно; Маглишъ и турецкія позиціи прикрываются горой. Это, пожалуй, и хорошо, потому что мы вполнѣ скрыты отъ наблюденія противника.

— Однако мы медлимъ, заявляетъ одинъ изъ офицеровъ. Уже съ часъ прошло, какъ стоимъ на одномъ мѣстѣ.

— Ну, это не бѣда, отвѣчаю. Отъ турокъ мы прикрыты, стало быть не уйдутъ.

— Уйти-то не уйдутъ, да скоро солнце закатится; извольте-ка тогда ночью выбивать ихъ.

— За то посмотрите,—указываю на ущелье: видите какъ по одиночкѣ выползаютъ оттуда солдаты; вѣдь надо же подобраться.

Прошло нѣсколько минутъ. Подъѣхалъ начальникъ дивизіи.

— Шуйцевъ дожидаться нечего,—обратился онъ къ полковнику барону фонъ-Гейкингу,—двиньте впередъ Коломенскій полкъ; только предварительно 2-й батальонъ направьте этой лощиной въ обходъ на казанлыкскую дорогу; съ этимъ батальономъ поѣдетъ начальникъ штаба, которому я далъ уже инструкцію: обойти турокъ справа, а если можно—даже съ тыла.

2-му батальону скомандовали „въ ружье“ и повели его по лощинѣ внизъ. 1-й и 3-й батальоны получили слѣдующія назначенія: 1-я и 3-я стрѣлковыя роты и линейныя роты 1-го батальона въ первую линію; 9-я и 10-я линейныя роты въ поддержку первой линіи, а 11-я и 12-я линейныя роты въ общей резервъ, до сосредоточенія Шуйскаго полка. Направленіе атаки—со стороны горъ, т. е. съ фронта.

Чтобы дать время 2-му батальону спуститься въ долину и занять дорогу на Казанлыкъ, мы простояли на мѣстѣ больше полчаса; офицеры пустились, по обыкновенію, въ тактическія соображенія, а солдаты изподлобья посматривали впередъ, съ видимымъ желаніемъ добраться до конца.

Наконецъ раздалось „въ ружье“. Мы выстроились.

— Съ Богомъ!... раздалось приказаніе генерала: ведите, баронъ, свой полкъ.

И полкъ двинулся съ площадки по тропинкѣ, имѣя впереди стрѣлковыя роты. Едва начали спускаться внизъ, какъ уже встрѣтили препятствіе: и безъ того узенькая тропинка была перекопана; по неволѣ пришлось съ трудомъ по одиночкѣ перелѣзать ее. Это начало страшно замедлять движеніе и день видимо клонился къ концу. Пока рота перебиралась, я случайно взглянулъ на небо и замѣтилъ рѣдкое явленіе: около полумѣсяца, съ выпуклой стороны его, была видна блестящая звѣзда. Такое положеніе пололуны и звѣзды было совершенно противуположно расположенію этихъ знаковъ въ турецкомъ гербѣ, гдѣ звѣзда, какъ извѣстно, расположена съ внутренней стороны луны. Всѣ обратили вниманіе на это явленіе и нѣкоторые въ шутку замѣтили, что не служитъ-ли оно символомъ дурнаго исхода для турокъ....

Первымъ перекопомъ затрудненія на пути непрекратились. Когда мы обогнули гору, которая до сихъ поръ прикрывала отъ насъ турецкую позицію,—перекопы снова явились. Мало того: тутъ ужъ и турки насъ замѣтили и несмотря на то, что до нихъ по прямому направленію было не менѣе 2000 шаговъ, открыли по насъ огонь. Пули начали свистать около ушей, и въ нихъ мы узнали своихъ старыхъ знакомыхъ—Пибоди; къ счастію эта безобразная стрѣльба потерь никакихъ непринесла. Движеніе наше, замѣчу снова, было по одиночкѣ, гуськомъ, такъ какъ ширина тропинки недозволяла идти рядами; поэтому можно судить: сколько времени пропадало у насъ даромъ.

Тропинка дѣлаетъ еще одинъ и послѣдній поворотъ, и отлого спускается на ровное мѣсто впереди турецкой позиціи. Попадающаяся на пути скала скрываетъ насъ отъ взоровъ противника; здѣсь начинаютъ собираться головныя роты 1-го батальона. Между тѣмъ совсѣмъ стемнѣло и турки, потерявъ насъ изъ виду, перестали стрѣлять. Наступила полная тишина....

Когда собралось за прикрытіемъ пять ротъ, стрѣлки беззвучно развернулись на полянѣ и разсыпались въ цѣпь: 1-я стрѣлковая рота вправо, а 3-я влѣво; за ними выстроились 1-я и 2-я линейныя роты; прочія-же роты спускались внизъ. Едва эти четыре роты приняли надлежащее положеніе, какъ на лѣвомъ флангѣ цѣпи кто-то выстрѣлилъ. Это выдало наше приближеніе и турки разразились сначала дружнымъ залпомъ, а потомъ открыли самую учащенную стрѣльбу. Такая неожиданность поразила насъ, но когда замѣчено было, что пули летятъ черезъ-чуръ высоко, то недалѣе двухъ минутъ мы принялись выяснять свое положеніе передъ противникомъ. Прежде всего оказалось, что вслѣдствіе темноты мы выстроили фронтъ на югъ, а черезъ это нашъ правый флангъ обстрѣливался съ боку. Поэтому 1-я стрѣлковая рота и 1-я линейная быстро забѣжали впередъ и въ связи съ 3-й стрѣлковой ротою образовали дугу, которая видимо обхватывала фланги противника. Окончивъ перестроеніе, стрѣлки начали отвѣчать туркамъ самымъ рѣдкимъ огнемъ; затѣмъ по прошествіи трехъ минутъ, ротные командиры подняли людей и передвинулись впередъ шаговъ на двѣсти.

Перестрѣлка разгоралась и съ нашей стороны. Въ это время спустившіяся съ горы 3-я и 4-я линейныя роты пристроились къ 1-й и 2-й, и сзади барабанщикъ забилъ къ атакѣ. Незнаю: кѣмъ былъ поданъ этотъ сигналъ; но видѣлъ только, что дѣйствіе его было изумительное. Люди моментально были подняты и вся масса бросилась впередъ. Къ сожалѣнію, темнота, скрывавшая разстоянія, обманула насъ и мы, пробѣжавъ шаговъ 300, убѣдились, что еще до турокъ осталось не менѣе 500. Волей-неволей пришлось остановиться; къ тому-же нужно было обождать прибытія ротъ 3-го батальона и подготовить атаку сильнымъ огнемъ, который, даже при дурной мѣткости, производитъ сильное нравственное впечатлѣніе. Капитанъ М., командиръ 1-й линейной роты (въ которой я состоялъ), вывелъ роту на линіи цѣпи и скомандовалъ залпъ, за которымъ послѣдовалъ другой; въ тоже время и другія роты сдѣлали тоже по нѣсколько залповъ, и стрѣльба съ нашей стороны приняла самый ожесточенный характеръ. По крайней мѣрѣ, когда я взглянулъ по линіи нашей цѣпи, то огонь, разлившійся по ней дугою, представлялъ собою демонскую картину. Такъ прошло минутъ пять; бой къ атакѣ возобновился по всей линіи. Моментъ для турокъ былъ ужасный. Роты всею массою ринулись впередъ. Учащенная стрѣльба замѣнилась раска-

тами грознаго „ура!“ и черезъ двѣ три минуты, поднялась расправа въ турецкихъ редутахъ и траншеяхъ. Неуспѣвшіе уйти турки были выбиты штыками. Всѣ ихъ редуты были въ нашихъ рукахъ, а рядовой 3-й стрѣлковой роты Иванъ Бердецкій, сверхъ того, отбилъ турецкое знамя. Побѣда была полная! Турки поспѣшно бѣжали. Смѣшавшіяся при атакѣ части ротъ бросились за ними; но совершенно пересѣченная и неизвѣстная мѣстность задержала преслѣдователей. Турки бросились по всѣмъ тропинкамъ и выстрѣлы ихъ, раздававшіеся по всѣмъ направленіямъ, положительно сбивали насъ съ толку.

Такъ какъ весь бой былъ изъ-за деревни, то первымъ долгомъ хватились: гдѣ-же Маглышъ? Въ темнотѣ трудно было что-нибудь различить, поэтому принялись розыскивать ее ощупью. Оказалось, что деревня лежитъ въ глубокой лощинѣ, въ тылу турецкой позиціи. Передовыя роты, по страшной крутизнѣ, по камнямъ, начали спускаться въ лощину и влетѣли въ деревню, успѣвъ захватить въ ней нѣсколько плѣнныхъ.

Вся атака и дальнѣйшее движеніе были такъ стремительны, что, ворвавшись въ деревню, офицеры первымъ дѣломъ стали приводить роты въ порядокъ. Стрѣлки, пройдя всю деревню, стали собираться у противуположной окраины, а линейныя роты на улицахъ. Затѣмъ всякая стрѣльба прекратилась.

Таковъ общій видъ дѣйствій 1-го и 3-го батальоновъ; что-же было сдѣлано 2-мъ батальономъ,—я упомяну потомъ особо.

Тѣмъ временемъ, пока полкъ приводился въ порядокъ и голодныхъ солдатъ останавливали отъ рысканья по хатамъ, подъѣхалъ начальникъ дивизіи. Первымъ долгомъ онъ поздравилъ солдатъ съ побѣдой и поблагодарилъ за храбрость. Потомъ, обратясь къ стоявшимъ тутъ офицерамъ, спросилъ о нѣкоторыхъ частностяхъ боя и о потеряхъ. То и другое было доведено до его свѣдѣнія въ краткихъ чертахъ. Впрочемъ о потеряхъ точнаго свѣдѣнія дать никто не могъ. Извѣстно было, что потери вообще не велики, и что изъ офицеровъ раненъ прапорщикъ Бѣгичевъ. Выразивъ удовольствіе свое по поводу такого удачнаго дѣла, генералъ приказалъ отъ Шуйскаго полка назначить на отбитую позицію и въ деревню дежурныя части; а затѣмъ остальныхъ расположить по квартирамъ.

Разстановка ротъ по квартирамъ производилась недолго. Несмотря на темноту и полную невозможность оріентироваться въ незнакомой деревнѣ, квартиры были найдены для обоихъ полковъ. Правда половина домовъ представляла собою развалины; но квартиръ было достаточно. Во многихъ домахъ мы застали огонь, разведенный еще турками. Наши солдаты прежде всего, конечно, бросились по домамъ розыскивать чего-нибудь поѣсть. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи, турки оставили

намъ много запасовъ. Въ каждомъ дворѣ находили въ изобиліи хлѣбъ, галеты, варенье, медъ, крупу, муку и разную живность. Солдаты, неѣвшіе въ этотъ день ровно ничего, принялись наполнять свои желудки турецкимъ добромъ. Однимъ словомъ: мы ожили. Продовольствіе моментально приняло характеръ роскоши.

Веденіе дѣла подъ Маглишемъ требуетъ нѣкотораго поясненія, а потому я долженъ предоставить ему страницу изъ своего разсказа. Во-первыхъ нужно упомянуть о роли, которая была возложена на 2-й батальонъ и какъ она была выполнена; а затѣмъ выяснить, что было причиною скораго и удачнаго исхода всего дѣла.

2-й батальонъ началъ спускаться въ долину въ 4-мъ часу. Такъ какъ ему надлежало обойти лѣвый флангъ турокъ и стать на дорогѣ, идущей изъ Маглиша въ Казанлыкъ, то движеніе вышло на столько продолжительно, что онъ едва къ 5-ти часамъ вышелъ на дорогу. Нѣтъ сомнѣнія, что турецкая кавалерія, стоявшая на ихъ лѣвомъ флангѣ, видѣла это движеніе и поэтому не удивительно, что турки впослѣдствіе рѣшиля отступить не на Казанлыкъ, а на Хаинкіой и Ески-Загру. Также не удивительно и то обстоятельство, что дѣйствія батальона въ тактическомъ отношеніи, не произвели желаннаго результата. Заслышавши перестрѣлку и „ура“ съ фронта, 2-й батальонъ также началъ наступленіе въ боевомъ порядкѣ; но за темнотою ничего не могъ сдѣлать и приблизился съ тылу къ деревнѣ тогда только, когда она было уже въ рукахъ 1-го батальона. Такимъ образомъ вся операція 2-го батальона не привела ни къ чему. На другой день, когда съ мѣстностью мы вполнѣ уже ознакомились,—стало ясно, что совершенно зайти въ тылъ туркамъ и отрѣзать имъ путь на Ески-Загру, этотъ батальонъ тѣмъ болѣе не могъ, что ему пришлось-бы отдѣлиться отъ насъ на четыре версты, что въ свою очередь, при полной неизвѣстности какъ относительно мѣстности, такъ и непріятеля, могло-бы поставить его въ безвыходное положеніе.

Весь бой подъ Маглишемъ продолжался менѣе часа; хотя веденіе его за темнотою принадлежало исключительно иниціативѣ ротныхъ командировъ, но тѣмъ неменѣе въ результатѣ,—оно было блестяще. Это можно прежде всего объяснить безупречною храбростью нашихъ солдатъ, которыя лезли впередъ какъ львы, зная, что если въ этотъ день турки не будутъ выбиты, то на завтра предстоятъ еще худшія условія. Пробывъ въ этомъ бою, подъ огнемъ, отъ перваго до послѣдняго выстрѣла, я имѣлъ всѣ данныя къ тому, чтобы видѣть геройство русскаго человѣка. Меня поражала удивительная энергія моего ротнаго командира, который, управляя ротой, съумѣлъ удержать ее въ своихъ рукахъ настолько, что я потомъ не видѣлъ ни одного отставшаго. Въ теченіи всего боя,

онъ ни разу не присѣлъ, а когда бросились на ура, то не одному служилъ примѣромъ самообладанія и силы характера. Въ бою этотъ человѣкъ былъ неузнаваемъ, и я, бывши съ нимъ во всѣхъ дѣлахъ, положительно считалъ его „боевымъ авторитетомъ“ для себя.

Потери, понесенныя нами въ этомъ дѣлѣ, были ничтожны, (офицеръ 1; нижнихъ чиновъ 26), конечно, благодаря темнотѣ и быстротѣ, съ которой произведена была атака. Случись это дѣло днемъ, — оно могло-бы стоить намъ очень дорого. Потери турокъ не были приведены въ ясность, но вмѣстѣ съ плѣнными, превышали цифру нашихъ потерь *).

Перехожу къ продолженію разсказа.

27-го числа—день былъ ясный и теплый. Проснувшись рано, я прежде всего приказалъ сварить курицу на походъ и, напившись чаю, пошелъ по деревнѣ. По всѣмъ дворамъ, солдаты варили себѣ завтракъ, для котораго недостатка вообще не было. Исколесивъ всю деревню, я возвращался на квартиру. На встрѣчу ѣдетъ казакъ и остановившись спрашиваетъ у меня: гдѣ начальникъ 30-й пѣхотной дивизіи. Я указалъ направленіе, по которому нужно было искать генерала, а самъ тѣмъ временемъ взялъ у казала не запечатанную записку. Оказалось, что это было приказаніе князя Святополкъ-Мирскаго, на 27-е число.

Суть приказанія заключалась въ слѣдующемъ: „въ 8 часовъ утра отряду генерала Шнитникова, оставивъ въ Маглишѣ одинъ батальонъ и взводъ казаковъ, съ остальными частями выступить къ Казанлыку“.

Узнавши такимъ образомъ объ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, я побѣжалъ на квартиру предупредить своихъ сожителей. Дѣйствительно, едва мы успѣли наскоро закусить, какъ раздался „сборъ“ и приказаніе: выводить роты къ выходу на Казанлыкъ. Солдаты, большею частью неуспѣвшія сварить завтракъ, бросили турецкія котелки и только захватили полные мѣшки галетъ и орѣховъ. Пробираясь черезъ деревню, я встрѣтился съ болгарскимъ священникомъ, съ которымъ наканунѣ бесѣдовалъ. Онъ мнѣ, между прочимъ, сказалъ, что беретъ на себя обязанность присматривать за нашими ранеными.

Согласно вышеприведеннаго приказанія на позиціи у Маглиша былъ оставленъ 3-й батальонъ Шуйцевъ. Остальныя же батальоны строились у выхода. Подъѣхалъ начальникъ дивизіи, едва онъ успѣлъ поздороваться съ 1-мъ батальономъ, какъ впереди насъ, шагахъ въ 400, раздались ружейные выстрѣлы. Сначала это показалось чрезвычайно страннымъ; но потомъ разъяснилось, что это была перестрѣлка нашего казачьяго пи-

*) Отъ турецкихъ плѣнныхъ генералъ Шнитниковъ узналъ, что въ Маглишѣ было $3^1/_2$ табора пѣхоты и сотня кавалеріи, а прежде кромѣ того было два орудія, которыя передъ переходомъ нашихъ войскъ были отправлены въ Ески-Загру.

кета съ турецкимъ разъѣздомъ, который подобрался къ казакамъ на 200 шаговъ. Насъ только удивило, почему казачій пикетъ держался такъ близко къ пѣхотѣ, и почему не направился впередъ заблаговременно, чтобъ освѣтить мѣстность вполнѣ....

Поблагодаривъ солдатъ вторично за молодецкое вчерашнѣе дѣло, генералъ Шнитниковъ приказалъ двинуться впередъ, въ томъ-же порядкѣ, какъ и наканунѣ, т. е. въ авангардѣ нашъ батальонъ, а за нимъ два остальныхъ батальона Коломенцевъ и два Шуйцевъ. Невольно каждый изъ насъ, подъ впечатлѣніемъ предыдущаго дня, сотворилъ знаменіе креста, и мы двинулись во взводной колоннѣ *), съ соблюденіемъ всѣхъ мѣръ предосторожности. Когда было пройдено версты три, прискакалъ казакъ изъ отряда князя Мирскаго съ новымъ приказаніемъ, въ которомъ сказано было, что его отрядъ имѣетъ атаковать Шипкинскую позицію, а генералъ Шнитниковъ долженъ, подойдя къ Казанлыку, занять позицію съ такимъ разсчетомъ, что если-бы турки захотѣли изъ Казанлыка ударить князю Мирскому въ тылъ или во флангъ, то не допустить этого и, буде возможно, разбить ихъ. Какъ не ясно было это приказанія, но тѣмъ не менѣе впослѣдствіе выяснилось, что князь неимѣлъ никакихъ свѣдѣній о Казанлыкѣ; впрочемъ объ этомъ рѣчь впереди.

Тѣмъ временемъ мы шли. Дорога, весьма широкая и хорошая, шла долиною, по самой окраинѣ балканскихъ склоновъ. Было уже около девяти часовъ. По направленію къ Шипкѣ раздался пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой, и наконецъ поднялась учащенная стрѣльба, перешедшая и въ ружейную. Значитъ князь Мирскій началъ дѣло...

— Помоги, Боже!... раздалось по рядамъ. Каждый сознавалъ, что отъ дѣйствій подъ Шипкою зависитъ дальнѣйшій ходъ операцій за Балканами; каждый также понималъ, что наши отряды скатились въ долину Тунджи съ большимъ рискомъ; случись неудача и тогда всѣ лягутъ здѣсь, потому что отступленія почти нѣтъ... Масса размышленій начала роиться въ головѣ; но впрочемъ, не на долго, потому что приказано было прибавить шагу и подтянуться.

До Казанлыка оставалось верстъ не болѣе пяти; онъ былъ видѣнъ какъ на ладони; но къ величайшему удивленію, какъ около него, такъ и по всей долинѣ незамѣтно было ни малѣйшаго движенія. Насколько можно было разсмотрѣть его окрестности, взору не представлялось даже ни одного предмета, похожаго на укрѣпленіе. Какъ это не казалось для насъ страннымъ, но тѣмъ не менѣе мы не допускали и мысли, чтобы Казанлыкъ, лежащій въ тылу Шипки, былъ покинутъ турецкими вой-

*) Дорога, надо замѣтить, была очень широка и удобна для движенія широкимъ фронтомъ.

сками. Поэтому, когда 1-й батальонъ подошелъ къ городу на разстояніе 2-хъ верстъ, то было приказано казакамъ направиться вправо и обойти городъ съ сѣверной стороны до шипкинскаго шоссе, а разсыпавшейся стрѣлковой ротѣ произвести наступленіе цѣпью. Цѣпь двинулась, а батальонъ за нею. Прошли версту,—тихо; подошли къ самому городу,—также тихо и не видно ни одного человѣка. Тогда уже начальникъ дивизіи приказалъ стрѣлкамъ пройти городъ на-сквозь до противоположнаго конца и о всемъ случившемся и замѣченномъ донести ему. Стрѣлки пошли, а мы остановились у входа. Такъ прошло около $^1/_2$ часа; въ это время въ городѣ раздалось до десятка выстрѣловъ; наконецъ изъ цѣпи пріѣхалъ офицеръ и доложилъ, что Казанлыкъ оставленъ турками, при этомъ тутъ же представилъ доктора-чеха, съ перевязкой краснаго полумѣсяца, встрѣченнаго имъ въ городѣ, около турецкаго госпиталя. Генералъ Шнитниковъ сейчасъ же обратился къ доктору за разъясненіями. Изъ нихъ видно было, что турки еще наканунѣ покинули городъ и ушли на Шипку; что въ Казанлыкѣ множество госпиталей „краснаго полумѣсяца“, въ которыхъ находится отъ $1^1/_2$ до 2 тысячъ больныхъ и раненыхъ турокъ; что въ городѣ есть большіе склады продовольствія, заготовленнаго турками для шипкинской арміи.

Генералъ, видимо довольный, что въ Казанлыкѣ не пришлось встрѣтить никакого сопротивленія, тотчасъ же послалъ соотвѣтствующее донесеніе князю Мирскому; а нашему авангардному батальону приказаніе—вступать въ городъ; при этомъ опредѣлилъ, чтобы 1-я линейная рота расположилась у выхода на Калоферъ и Филиппополь; прочіе роты у выхода на Шипку. Остальныя батальоны, впредь до разъясненія обстоятельствъ, должны были остаться у входа. Въ это время было около 12-ти часовъ дня.

Наша рота пошла черезъ городъ. Улицы были пусты и дома разорены. Изъ жителей, повидимому, не осталось ни одного человѣка; за то всѣ лучшіе дома были заняты подъ госпиталя „краснаго полумѣсяца“, изъ которыхъ выглядывали жалкія физіономіи больныхъ турокъ. Когда первый русскій солдатъ показался на улицахъ города, всѣ эти больные и госпитальная прислуга начали прятаться; но, увидѣвъ, что ихъ не только не трогаютъ, а напротивъ, снисходительно смотрятъ на нихъ, то они сдѣлались смѣлѣе и, вылезая на улицу, даже отдавали воинскую честь нашимъ офицерамъ. Среди турокъ было видно нѣсколько европейцевъ-докторовъ, съ которыми разговорились. Имъ дали понять, что госпиталя, а также всѣ турки съ перевязками „краснаго полумѣсяца“, не будутъ тронуты и пальцемъ. Пока мы шли отъ Ески-Загрскаго входа до Калоферскаго, я очень внимательно присматривался къ городу. Во-первыхъ, я примѣчалъ его расположеніе и во-вторыхъ, слѣдилъ: не появится ли чего подозрительнаго; къ счастію, хотя ничего въ этомъ

смыслѣ не случилось; но отдѣльныя случаи столкновенія солдатъ съ вооруженными турками были и по городу неоднократно, разносились звуки ружейныхъ выстрѣловъ. Болѣе же крупное было то, что одна изъ ротъ, посланныхъ къ Шипкинскому выходу, нагнала небольшой транспортъ съ продовольствіемъ, который турки везли на Шипку подъ небольшимъ конвоемъ; впрочемъ, этотъ транспортъ сдался безъ всякаго сопротивленія. Въ другомъ же мѣстѣ нашъ патруль нагналъ каруцу, въ которой ѣхали два турецкихъ офицера и взялъ ихъ въ плѣнъ. Въ общемъ видѣ, занятіе Казанлыка совершилось самымъ мирнымъ образомъ.

Въ этотъ день Казанлыкъ занимался русскими войсками вторично. Первый разъ во время забалканскаго похода генерала Гурко, онъ былъ взятъ съ боя въ іюлѣ мѣсяцѣ; затѣмъ, когда былъ очищенъ нашими войсками, то турки, въ отомщеніе болгарамъ, раззорили его, оставивъ только лучшіе дома подъ госпиталя. Послѣ того уже прошло полгода; но признаки нашего присутствія здѣсь остались во множествѣ надписей, которыя дѣлаютъ обыкновенно наши квартирьеры на домахъ. Въ общемъ видѣ, Казанлыкъ довольно большой городъ и стоитъ на ровномъ мѣстѣ; улицы его болѣе или менѣе правильны и не такъ узки, какъ напримѣръ, въ Тырновѣ. Садовъ чрезвычайно много и издали городъ утопаетъ въ зелени, изъ которой видны одни только бѣлыя минареты, число которыхъ навѣрное не менѣе тридцати.

Пройдя вдоль большой улицы, наша рота наконецъ дошла до выхода. Здѣсь мы остановились у православнаго монастыря, обращеннаго турками въ интендантскій складъ. При нашемъ появленіи, оттуда вышло нѣсколько старыхъ болгарокъ и одна молодая дѣвушка, лѣтъ 16-ти. Онѣ со слезами бросились къ солдатамъ и видимо обрадовались приходу русскихъ. Коекакъ добившись отъ нихъ свѣдѣнія: эта ли дорога идетъ на Калоферъ, М. выслалъ впередъ три наблюдательныхъ поста, а роту расположилъ на улицѣ. Пославши донесеніе о своихъ распоряженіяхъ и объ открытіи громаднаго склада, мы вступили съ болгарками въ разговоръ. Какъ не трудно было разговориться съ расплакавшимися бабами, но тѣмъ не менѣе изъ первыхъ словъ узнали, что въ церкви пожаръ, произведенный турками еще наканунѣ. Мы велѣли отворить ее и, дѣйствительно увидѣли, что деревянный полъ тлѣлъ. Поэтому сейчасъ же взяли изъ роты человѣкъ двадцать и разломавъ полъ потушили его снѣгомъ. Такимъ образомъ черезъ полчаса тлѣніе было прекращено. Внутренность церкви представляла картину, очень грустную. Она сполна была завалена мѣшками и бочками, и кромѣ едва сохранившагося иконостаса, никакихъ церковныхъ признаковъ не осталось. Турки, обративъ ее въ складъ, непостѣснялись даже обезобразить иконы, выколовъ у всѣхъ святыхъ глаза. Это ужъ крайне тяжело было видѣть!..

Едва окончилось тушеніе церковнаго пола, какъ по сосѣдству вспых-

нулъ уже серьезный пожаръ; горѣлъ складъ съ галетами, подожженный также наканунѣ. Пришлось послать и туда команду; но пожара не остановили, потому что онъ разросся до громадныхъ размѣровъ. Среди возни съ пожарами и пріемкою складовъ, мы незамѣтно провели три часа. Къ этому времени уже всѣ батальоны нашего отряда вошли въ Казанлыкъ и расположились на сѣверной и восточной окраинѣ города; а въ 5-ть часовъ въ монастырь пріѣхалъ и самъ генералъ Шнитниковъ съ намѣреніемъ избрать въ немъ квартиру.

Тѣмъ временемъ на Шипкѣ ружейный огонь прекратился; кромѣ одиночныхъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ ничего не было слышно. Ясно, что дѣло прекратилось; но какъ прекратилось?.. Взялъ ли Святополкъ-Мирскій Шипку или нѣтъ?... Этотъ вопросъ не вылѣзалъ изъ головы; между тѣмъ никакихъ извѣстій не было. Сколько мы съ М. не судили о положеніи дѣлъ; но по какому-то странному инстинкту догадывались, что атака кн. Мирскаго не удалась. Наши догадки дѣйствительно оправдались; когда генералъ пріѣхалъ въ монастырь, я обратился къ дивизіонному адъютанту, поручику Н., съ вопросомъ: „что слышно?“

— Да вотъ что слышно,—объяснилъ онъ;—атака князя Мирскаго была неудачна.... И представьте себѣ наше положеніе въ Казанлыкѣ: всѣ плѣнные турки заявляютъ, что на завтра ожидается прибытіе на Шипку изъ Ески-Загры десяти тысячъ турокъ! а между тѣмъ у насъ нѣтъ даже кавалеріи, чтобы выслать подальше разъѣзды; куда невзгляни,—отовсюду можно ожидать непріятеля: съ Шипки, изъ Филиппополя, Ески-Загры..... Положеніе отвратительное! Какъ-бы мы не попались между двухъ огней. Начальникъ дивизіи послалъ князю Святополкъ-Мирскому обо всемъ этомъ донесеніе. Правда, хотя прибытіе этихъ десяти тысячъ и сомнительно и одинъ изъ турецкихъ докторовъ и увѣряетъ, что турки въ данную минуту не могутъ выслать къ Шипкѣ на помощь не только 10-ти тысячъ человѣкъ, но даже и десяти барановъ;—но тѣмъ не менѣе: чѣмъ чертъ не шутитъ? Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ кто нибудь идетъ..... Однимъ словомъ, дѣла скверныя... главное кавалеріи у насъ нѣтъ!....

Таковы были свѣдѣнія о положеніи дѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, при насъ въ Казанлыкѣ были только 50 казаковъ. Этого было недостаточно для наблюденія вокругъ города; а послать сильные разъѣзды къ Ески-Загрѣ уже небыло никакихъ средствъ..... Мрачная неизвѣстность производила непріятное ощущеніе.... Приходилось быть на чеку. Генералъ послалъ приказанія, чтобы одинъ баталіонъ расположился къ выходу на Шипку, одинъ—къ сторонѣ Ески-Загры и остальныя въ общемъ резервѣ въ городѣ; при этомъ было предписано выставить сторожевую цѣпь и быть какъ можно бдительнѣе.

Турецкіе запасы продовольствія, найденные въ монастырѣ, были бо-

гатѣйшіе. Когда ихъ начали приводить въ извѣстность, то оказалось, что здѣсь хранится масса бѣлыхъ сухарей, галетъ, рису, овса, ячменя, масла и пр. Кромѣ того найдены запасы бѣлья, табаку, кожи, войлока, подковъ и гвоздей. Все это было для насъ важно; и поэтому генералъ приказалъ немедленно выдать въ полки трехдневную пропорцію продовольствія. Я, съ своей стороны, также не замедлилъ поправить свое незавидное хозяйство; благодаря вьючному ослу, захватилъ сухарей, рису и сахару столько, что этихъ продуктовъ мнѣ потомъ хватило до Адріанополя. Въ бѣлье я также нуждался и потому не побрезгалъ взять турецкую рубашку и дюжину носковъ. Потомъ уже, при дальнѣйшемъ походѣ, оказалось, что моя предусмотрительность была какъ нельзя кстати.

Вечерѣло и на дворѣ стало холодновато. При этомъ невольно приходило въ голову размышленіе о положеніи нашихъ раненыхъ на снѣгу подъ Шипкой... Начальникъ дивизіи разрѣшилъ часть отряда размѣстить на ночь въ крайнихъ хатахъ; поэтому наша рота расположилась въ монастырѣ.

Окончивъ разстановку постовъ, я, съ капитаномъ М., вошелъ на монастырскій дворъ и началъ искать пристанища. Въ это время влетѣлъ въ ворота какой-то верховой офицеръ съ вопросомъ:

— Здѣсь остановился начальникъ 30-й пѣхотной дивизіи?

Ему отвѣтили утвердительно, на что онъ заявилъ, что присланъ отъ князя Мирскаго. Едва мы успѣли задать ему вопросъ, что дѣлается у нихъ, какъ вышелъ генералъ и попросилъ ординарца къ себѣ. Сначала онъ вступилъ-было въ разговоръ въ слухъ, но когда на первый вопросъ ординарецъ довольно рѣзко отчеканилъ: „У князя Мирскаго дѣла очень неудовлетворительны; атака отбита“, то Шнитниковъ счелъ нужнымъ взять его подъ руку и отвести отъ насъ въ сторону. Но не смотря на этотъ маневръ, мы всячески слышали докладъ ординарца: „что подъ Шипкой положеніе Святополкъ-Мирскаго скверное; что онъ вынужденъ будетъ завтра отступить, если Скобелевъ не поспѣетъ на выручку; что у него масса раненыхъ; что нѣтъ ни патроновъ, ни продовольствія, ни даже докторовъ и перевязочныхъ средствъ. Поэтому князь проситъ генерала Шнитникова прислать въ Янину сухарей, предложить найденнымъ въ Казанлыкѣ турецкимъ докторамъ прибыть въ Янину на перевязочный пунктъ; и на завтра утромъ направить изъ Казанлыка къ Шипкѣ одинъ полкъ на помощь“.

Такія неутѣшительныя извѣстія совершенно поколебали въ насъ надежду на успѣхъ... Мы даже мысленно представляли себѣ положеніе, которое будемъ испытывать, если въ самомъ дѣлѣ придется уходить назадъ и турки, какъ черти, облѣпятъ насъ, со всѣхъ сторонъ... Невольно явилось сожалѣніе покидать такую славную операцію на половинѣ... „Неужели мы не возьмемъ Шипку?“ слышалось со всѣхъ сторонъ... „Но

этого не можетъ быть! мы не можемъ уйти назадъ... Тяжелыя размышленія однако не помѣшали намъ предпринять всѣ возможныя мѣры къ облегченію участи отряда Мирскаго. Нашли десятка два каруцъ, нагрузили ихъ сухарями, рисомъ и масломъ и попросили турецкихъ докторовъ отправиться съ перевязочными припасами въ д. Янину. Доктора дѣйствительно оказались очень любезными и нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, подъ прикрытіемъ роты солдатъ, вмѣстѣ съ каруцами поѣхали въ отрядъ Мирскаго. Послѣ этого въ Казанлыкъ пришли вьючныя лошади 9-й дивизіи и ихъ также нагрузили продовольствіемъ. До 12-ти часовъ ночи продолжалась эта нагрузка.

Въ теченіи дня я такъ сильно утомился, что, войдя въ хату и недожидая ужина, который стряпался изъ рису, растянулся на полу и заснулъ, какъ убитый.

28-го, съ самаго ранняго утра, меня разбудила сильная пальба на Шипкѣ.

— Вставайте да вотъ хлебните чаю, обратился ко мнѣ М.

— Что, развѣ случилось что-нибудь?

— Да, пояснилъ онъ; — нашему полку приказано выступить къ Шипкѣ.

Рота наша выстроилась и мы, передавъ складъ ротѣ Шуйскаго полка, пошли на шипкинское шоссе. Здѣсь собирался весь полкъ. Пріѣхалъ генералъ Шнитниковъ и приказалъ двинуться къ Шипкѣ. Но въ этотъ моментъ прискакалъ казакъ, съ приказаніемъ князя Святополкъ-Мирскаго: направить полкъ не на Шипку, а на Гузово *). Полкъ свернулъ вправо и потянулся по узенькой тропинкѣ къ Гузову.

Такимъ образомъ Казанлыкъ поручался всего семи ротамъ Шуйцевъ. Положеніе ихъ казалось намъ незавиднымъ уже потому, что они оставались внѣ всякой помощи, такъ какъ отрѣзать ихъ отъ Гузова несоставляло для турокъ большого затрудненія, если-бы Святополкъ Мирскій задумалъ-бы отступить....

Дорога отъ Казанлыка къ Гузову шла по возвышенной равнинѣ. Собственно говоря дороги никакой не было, и мы шли исключительно по указанію проводника-болгарина, состоявшаго при генералѣ. Вслѣдствіе того, что и самъ проводникъ съ трудомъ могъ опредѣлить занесенную снѣгомъ тропинку, мы шли замѣчательно медленно и вынуждены были часто останавливаться. Къ 11-ти час. дня кое-какъ успѣли пройти двѣ трети пути. Гузово уже было видно. Въ это время, съ западной стороны Шипки раздались залпы, данные какъ будто-бы цѣлыми батальонами. Такое обстоятельство крайне удивило насъ.

*) Эта перемѣна въ направленіи полка произошла, кажется, потому, что князь Мирскій хотѣлъ этимъ полкомъ прикрыть свое отступленіе, если-бы только по ходу дѣла, оно было бы необходимо. Воображаю себѣ положеніе Шуйскихъ ротъ въ Казанлыкѣ?...

— Чтобы это значило? задали нѣкоторые вопросъ.—Вѣдь до сихъ поръ кромѣ обыкновенной стрѣльбы ничего не было. Эти залпы выражаютъ собою что-то очень важное.

— Ужъ не Скобелевъ ли это? замѣтилъ М. Мнѣ кажется, что онъ вышелъ со стороны Иметли, и эти залпы произведены у него.

Кромѣ такихъ несложныхъ предположеній мы ничего не придумали. Но надежда блеснула.... Прошло около четверти часа. Въ сторонѣ Казанлыка раздалась довольно сильная ружейная стрѣльба. Тутъ уже нить нашихъ соображеній окончательно оборвалась. Поднявшаяся у Казанлыка трескотня, ничего хорошаго не могла обѣщать уже потому, что свѣдѣнія о какихъ-то десяти тысячахъ, идущихъ изъ Ески-Загры, казались чуть-ли не справедливыми. Явилось одно предположеніе,—что турки атаковали Шуйцевъ. Начальникъ дивизіи приказалъ повернуть полкъ назадъ и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ въ Казанлыкъ узнать, что тамъ дѣлается? Между тѣмъ перестрѣлка, протянувшись минутъ десять, утихла. Полкъ остановили въ ожиданіи донесенія разъѣзда.... Прискакалъ ординарецъ и доложилъ генералу, что на Казанлыкъ со стороны Шипки налетѣли черкесы и баши-бузуки, ворвались было въ городъ, но Шуйцы встрѣтили ихъ и прогнали. Такимъ образомъ разъяснилось, что опасность для Шуйцевъ миновала. Полкъ двинулся снова на Гузово, но эта тревога задержала насъ на столько, что мы стали подходить къ этой деревнѣ лишь только часа въ три по полудни.

Поразительныя залпы на Шипкѣ и перестрѣлка Шуйцевъ съ башибузуками дали намъ массу пищи для самыхъ разнообразныхъ предположеній о положеніи дѣлъ подъ Шипкой. Этому много помогало еще и то обстоятельство, что сильная стрѣльба, бывшая до того на Шипкѣ, прекратилась. Чѣмъ тамъ дѣло кончилось?—было совершенно неизвѣстно. Между тѣмъ такая неизвѣстность была особенно мучительна.

По дорогѣ изъ Янины въ Гузовъ плелось нѣсколько легко раненыхъ солдатъ. По обыкновеніи перваго же изъ нихъ обступили съ вопросами.

— Что дѣлается на Шипкѣ?

Хотя извѣстія, выносимыя ранеными изъ боя, далеко не вѣрны и очень часто, подъ вліяніемъ нравственнаго потрясенія,—слишкомъ преувеличены въ дурную сторону, но этотъ солдатъ, вопреки всякимъ ожиданіямъ, объявилъ.

— Да таперича дѣла очень хороши. Турокъ сбили съ трехъ позицій и если ихъ всѣхъ не взяли штурмомъ, такъ они сами сдались въ плѣнъ. Потому — ихъ ужъ больно стѣснили.

Веселый отвѣтъ раненаго, такъ мало согласовавшійся съ нашими предположеніями,—поразилъ насъ. Незная ничего о положеніи дѣлъ, подъ впечатлѣніемъ неудачъ минувшаго дня,—сообщенія раненаго были неожиданностью.... Вѣрилось и невѣрилось; но когда это-же подтвердилъ

прибывшій съ позиціи офицеръ 9-й дивизіи, то мы до такой степени обрадовались, что трудно представить. Да и въ самомъ дѣлѣ: что могло насъ ожидать, если бы въ этотъ день Шипка не была взята?... Радостная вѣсть въ одинъ мигъ облетѣла ряды и долина огласилась долгимъ и сильнымъ „ура!“

Такимъ образомъ первое извѣстіе о Шипкѣ мы получили отъ раненаго солдата. Въ сущности это извѣстіе было далеко неполное; но достаточно и его. Начальникъ дивизіи приказалъ расположить полкъ бивуакомъ около деревни, а самъ поѣхалъ къ Шипкѣ. Къ этому времени начало уже темнѣть; но въ воздухѣ чувствовалась такая теплота, что переночевать на землѣ ничего не значило. Черезъ полчаса уже загорѣлись костры и началась варка чаю. Благодаря пріобрѣтеннымъ въ Казанлыкѣ галетамъ и рису явился и ужинъ; въ сѣнѣ недостатка небыло, я устроилъ себѣ прекрасную мягкую постель и ночь проспалъ такъ спокойно, какъ точно гдѣ нибудь въ Россіи.

28-го декабря въ моихъ боевыхъ воспоминаніяхъ — одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дней. Приходилось бывать въ разныхъ непріятныхъ положеніяхъ, но изъ нихъ выходъ всегда былъ открытъ. Здѣсь-же, при переходѣ черезъ Балканы, полная неудача, которая чуть-чуть не случилась, могла бы поставить весь отрядъ въ самое безвыходное положеніе. Но, благодаря провидѣнію,—этого не случилось, и дѣла 27—28 декабря внесли въ исторію русской арміи еще одну свѣтлую страницу. Въ этотъ день не одинъ изъ насъ принесъ горячую молитву Всевышнему за такую блистательную побѣду....

Войска обоихъ обходныхъ отрядовъ мало-по-малу начали стягиваться къ Казанлыку и пустой, полуразрушенный городъ въ одинъ день ожилъ. Улицы были запружены солдатами 9-й, 16-й и 30-й дивизій; все это смотрѣло весело. Явились и братушки. Наши солдатики, найдя въ пустыхъ домахъ разнаго рода жизненные припасы и кое-какія вещицы, принялись пополнять свои недостатки по части продовольствія и одежды. Обувь у нихъ въ особенности была плоха и поэтому несложное шитье опанковъ—было первымъ дѣломъ; недостатокъ бѣлья былъ также, по мѣрѣ возможности, исправленъ. Вообще первые дни пребыванія въ Казанлыкѣ, пользуясь тѣмъ, что не было приказанія выступать впередъ, у насъ обратились исключительно на поправку матеріальной части обносившихся солдатъ.

Я упоминалъ раньше о томъ, что лучшіе дома въ Казанлыкѣ были обращены турками въ госпитали. Такихъ госпиталей я видѣлъ до тридцати и въ нихъ помѣщалась масса больныхъ и раненыхъ турокъ. Между тѣмъ, съ утра 29-го, начали привозить и нашихъ раненыхъ; сначала

ихъ было немного, но когда разжились на подвозы,—по дорогѣ съ Шипки тянулись каруцами съ сотнями несчастныхъ солдатъ. Вслѣдствіе такого скопленія, пришлось потѣснить турокъ; очистили часть занимаемыхъ ими зданій и стали размѣщать своихъ. Но что это было за размѣщеніе?... Правда, помѣщеній было достаточно, но отсутствіе медицинскаго персонала, прислуги и постелей, — было настоящее горе. Топить печей было некому; нашимъ полковымъ докторамъ, пользовавшимъ первое время раненыхъ, приходилось имѣть каждому до 200 страдальцевъ; продовольствіе, по недостатку какой-либо госпитальной организаціи, было въ самомъ жалкомъ видѣ. Посѣщая Бѣгичева, который также былъ перевезенъ въ Казанлыкъ, я просто съ ужасомъ смотрѣлъ на госпитальную обстановку и тутъ невольно вырывались вопросы: гдѣ наши госпиталя, доктора, „Красный крестъ", сестры милосердія?... Разсказывали потомъ, что только послѣ 3-го января въ этихъ жалкихъ госпиталяхъ установился кое-какой порядокъ...

29-го декабря, утромъ, было получено приказаніе: всѣмъ войскамъ выстроиться около шипкинскаго шоссе. Когда всѣ батальоны 9-й и 30-й дивизій выстроились, къ фронту подъѣхалъ командиръ 8-го корпуса, генералъ Радецкій. Поздоровавшись съ каждымъ батальономъ, онъ сказалъ, обращаясь къ солдатамъ:

— Славное вы, братцы, дѣло сдѣлали! Великій Князь Главнокомандующій приказалъ мнѣ благодарить васъ и передать, что онъ жалуетъ на каждую роту по пяти георгіевскихъ крестовъ!...

На эту краткую, но понятную для побѣдителей Балканъ рѣчь, войска грянули неумолкаемое „ура!"

На другой день въ Казанлыкъ въѣхалъ и самъ Главнокомандующій, для встрѣчи котораго войска также выстроились по обѣ стороны шипкинскаго шоссе.

Въ этотъ же день въ городъ начали вступать и прочія части 8-го корпуса, а также и стрѣлки.

Переходъ русскихъ войскъ черезъ Балканы, одновременно у Шипки, черезъ Траянъ и Твардицу, сдѣлалъ сильный поворотъ въ кампаніи. Если нельзя было считать ее оконченной, то, по крайней мѣрѣ, впереди, кромѣ Адріанополя, ничего особеннаго не предвидѣлось.

Наши надежды на миръ смѣлѣе начали рисоваться въ перспективѣ. Кромѣ того, въ главной квартирѣ получено было извѣстіе, что въ Казанлыкъ ѣдутъ турецкіе уполномоченные съ цѣлью мирныхъ предложеній и это еще болѣе подняло надежды.

Но пока надежды рисовали свои фантазіи, мы въ авангардѣ дѣйствующей арміи 3-го января уже двинулись на Адріанополь...

А. Платоновъ.

СРАЖЕНІЕ ПРИ ГОРНОМЪ ДУБНЯКѢ.

(Изъ записокъ офицера).

рянула вѣсть: завтра гвардейскому корпусу предстоитъ сражаться!

Это было вскорѣ по полученіи извѣстія о пораженіи турецкаго главнокомандующаго въ Малой Азіи, Мухтара-паши, на Аладжинскихъ высотахъ и о захватѣ въ плѣнъ трехъ непріятельскихъ дивизій. Незадолго передъ этимъ, генералъ Гурко приказалъ сдать солдатскіе ранцы въ обозъ и объявить офицерамъ, чтобы они, при предстоящихъ передвиженіяхъ, имѣли бы при себѣ лишь столько, сколько могло помѣститься на вьючныхъ лошадяхъ. Весь остальной обозъ былъ отправленъ въ деревню Боготъ.

11-го октября, при дневномъ приказѣ, объявлена диспозиція для предстоящей намъ битвы. До ознакомленія же читателя съ предписанными распоряженіями, необходимо сказать нѣсколько словъ о значеніи предстоявшаго намъ дѣла.

Первыя два неудачныя сраженія подъ Плевной, 30-го іюня и 18-го іюля, обнаружили сосредоточеніе значительныхъ турецкихъ силъ въ этомъ мѣстѣ, подъ начальствомъ Османа-паши. Уничтожить, или, по крайней мѣрѣ, выманить и опрокинуть собранную тамъ армію, которая въ своихъ сильныхъ позиціяхъ, подобно тормазу, препятствовала наступленію нашего праваго фланга и задерживала болѣе ста тысячъ войска, послѣ этого становилось неизбѣжною стратегическою необходимостью. Поэтому, въ видахъ предварительнаго осуществленія сего распоряженія, взяли Ловчу приступомъ 22-го августа. Но послѣдній неудачный штурмъ

самой Плевны не приблизилъ насъ къ настоящей цѣли, не смотря на громадныя жертвы и овладѣніе большимъ Гривицкимъ редутомъ. Послѣ трехдневнаго убійственнаго боя, въ которомъ потери наступающаго простирались отъ 15-ти до 17-ти тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными, турецкій генералъ, Османъ, остался властелиномъ бо́льшей части своихъ укрѣпленныхъ позицій. Тогда убѣдились въ тщетности дальнѣйшаго жертвованія людей тысячами, при штурмованіи позицій, которыя уже сама природа, безъ человѣческой помощи, сдѣлала почти неприступными и изъ коихъ непріятель, посредствомъ своего огнестрѣльнаго оружія усовершенствованной системы Пибоди-Генри, осыпалъ предлежавшую мѣстность неимовѣрнымъ числомъ пуль въ минуту.

Наконецъ приступили къ исполненію плана посредствомъ совершеннаго обложенія Плевны, занятія путей отступленія и сообщеній непріятеля и прекращенія всякой доставки продовольствія,— голодомъ принудить окруженный гарнизонъ къ сдачѣ. Послѣ того, какъ дорога въ Видинъ была заслонена тремя румынскими дивизіями, туркамъ еще оставалось удобное сообщеніе по широкому софійскому шоссе, ведущему черезъ орханійскіе проходы въ Румелію, на южную сторону Балканъ. Эта дорога ими была надлежащимъ образомъ укрѣплена посредствомъ группы редутовъ, находящихся въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга и окруженныхъ системою ложементовъ. На пространствѣ между входами въ горныя ущелья, при Радомирцѣ и Плевнѣ, было устроено три таковыхъ этапныхъ пункта: Телишъ, Горный и Дольный Дубнякъ. Чтобы отрѣзать непріятелю эту послѣднюю линію сообщенія, захватывать приближающіеся транспорты и отражать всѣ подкрѣпленія, которыя захотѣли бы пробиться къ Осману-пашѣ, собранъ былъ, на лѣвой сторонѣ рѣки Вида, цѣлый корпусъ кавалеріи подъ начальствомъ генерала Крылова. Но скоро выяснилось, что ошиблись въ разсчетѣ, когда предполагали, что одна лишь кавалерія, даже въ значительномъ составѣ, будетъ въ состояніи задерживать наступленіе сколько-нибудь сильныхъ отрядовъ пѣхоты.

Десять тысячъ турецкой пѣхоты, которыя подъ командою Шевкета-паши наступили съ Орханіе, послѣ нѣсколькихъ легкихъ схватокъ съ небольшимъ числомъ нашихъ эскадроновъ при Телишѣ, оттѣснили всѣ собранныя силы генерала Крылова, и предоставили громадному транспорту жизненныхъ припасовъ, обмундированія и аммуниціи, возможность безпрепятственно вступить въ Плевну 10-го сентября.

Это событіе вновь подняло нравственный духъ фаталистической турецкой арміи. Невыгодный курсъ русскихъ денегъ упалъ еще ниже, и противники освобожденія славянскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ возликовали. Въ такомъ положеніи дѣла находились, когда гвардейскія войска сосредоточились при селеніяхъ Іени и Эски-Баркачъ, и

всѣ, отъ полководца до рядоваго, чувствовали общественное вниманіе тревожно обращеннымъ на результатъ предстоящаго имъ перваго шага на полѣ брани.

Нѣсколько дней сряду генералъ Гурко предпринималъ рекогносцировки непріятельскихъ позицій при Телишѣ и Горномъ Дубнякѣ, сопровождаемый къ первому пункту тремя эскадронами въ качествѣ конвоя, а къ послѣднему лишь нѣсколькими офицерами. Проѣзжая по софійскому шоссе, онъ лично изучалъ мѣстность, окружающую турецкія укрѣпленія, при этомъ подвергая себя сильному ружейному огню непріятеля. Одновременно посылались отряды гвардейской кавалеріи для рекогносцировки мѣстности по лѣвому берегу рѣки Вида. По собраніи всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній, генералъ Гурко рѣшился приступить къ дѣйствію и для сего овладѣть Горнымъ Дубнякомъ, среднимъ и сильнѣе всѣхъ укрѣпленнымъ изъ упомянутыхъ трехъ этапныхъ пунктовъ. Для вѣрнаго выполненія сей операціи, необходимо было одновременно оградить себя отъ нападенія со стороны Телиша или Орханіе и отъ вылазки изъ Плевны. Для рѣшенія этой задачи и исполненія главнаго натиска, генералъ Гурко имѣлъ въ своемъ распоряженіи довольно значительныя силы.

Кромѣ бо́льшей части гвардейскихъ войскъ, въ его вѣдѣніе поступила находящаяся въ Трестеникѣ кавалерія, подъ командою генерала Арнольди, числомъ 62 эскадрона съ 30-ю орудіями, и 9-я кавалерійская дивизія, также съ 30-ю орудіями, стоявшая по обѣимъ сторонамъ Вида, южнѣе Плевны, подъ начальствомъ Лошкарева. Для достиженія всѣхъ вышеозначенныхъ цѣлей, эти войска были распредѣлены и поставлены въ слѣдующемъ порядкѣ: для непосредственнаго нападенія на Горный Дубнякъ назначены три колонны:

Правая, подъ командою генералъ-маіора Эллиса 1-го, — стрѣлковая бригада, шестыя батареи 1-й и 2-й гвардейскихъ бригадъ, два эскадрона Императорскаго конвоя и одна сотня казаковъ — должны были становиться на дорогѣ въ Крушевацъ, въ двухъ верстахъ отъ Чирикова.

Средняя, подъ начальствомъ генералъ-маіора барона Зедделера, — Московскій и лейбъ-гренадерскій полки 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, двѣ батареи 2-й гвардейской артиллерійской бригады и сотня казаковъ — должны были расположиться по дорогѣ отъ Чирикова въ Чумаковцы, въ полуверстномъ разстояніи отъ послѣдненазванной деревни.

Лѣвая колонна, въ вѣдѣніи генералъ-маіора Розенбаха, — Павловскій и Финляндскій гвардейскіе полки, 4-я и 5-я батареи 2-й гвардейской артиллерійской бригады и двѣ сотни казаковъ — послѣ всѣхъ должна была переходить Видъ и занять позицію на Свинарскихъ высотахъ, въ двухъ съ половиною верстахъ къ западу отъ рѣки.

Вся эта сила вмѣстѣ составляла 20 батальоновъ, 6 эскадроновъ и

48 орудій. Вмѣстѣ съ тѣмъ казачьей бригадѣ полковника Черевина приказано было отрѣзать туркамъ отступленіе къ западу. Для демонстраціи противъ Телиша и для отраженія подкрѣпленій, могущихъ прибыть изъ Орханіе, назначались: лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ 1-й дивизіи, двѣ бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, 3-я батарея 1-й гвардейской артиллерійской бригады и двѣ гвардейскія конныя батареи. Всего 4 батальона, 16 эскадроновъ и 20 орудій. На лѣвую сторону Телиша, вдоль по Искеру, отправлено 8 эскадроновъ каларашей (румынской кавалеріи). Генералъ Арнольди, распоряжаясь 19-ю эскадронами, двумя румынскими батальонами и 16-ю орудіями, долженъ былъ совершить ложное нападеніе на Дольный Дубнякъ, а 9-я кавалерійская дивизія, въ Медованѣ,—вступить въ связь съ нимъ. Наконецъ, генералу Черновзубову, съ семью сотнями казаковъ, пятью румынскими батальонами, шестью орудіями конной и 6-й пѣшей артиллеріи, въ своихъ позиціяхъ при Нетрополѣ, предстояло воспротивиться вылазкѣ изъ Плевны.

Общій резервъ, между Горнымъ и Дольнымъ Дубнякомъ, состоялъ изъ первыхъ трехъ полковъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, двухъ полковъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, 2-хъ эскадроновъ кубанскихъ казаковъ, 1-й, 2-й, 4-й и 5-й батарей 1-й гвардейской артиллерійской бригады и двухъ батарей конной артиллеріи. Всего 12 батальоновъ, 10 эскадроновъ, 44 орудія и сотня казаковъ. Все предпріятіе предполагалось поддержать общимъ бомбардированіемъ Плевны. Дѣйствія генерала Гурко были основаны на вѣрномъ стратегическомъ соображеніи, и мы видимъ, что всѣ распоряженія диспозиціи были разсчитаны на вѣрный и быстрый успѣхъ. Какія же обстоятельства были упущены изъ виду или недостаточно оцѣнены, и что именно сдѣлало предстоявшее сраженіе столь упорнымъ и кровавымъ, находимъ въ описаніи слѣдующихъ событій.

Холодно и туманно пробудилось изъ ночной тьмы утро 10-го октября. Но чѣмъ дальше проходило время, тѣмъ больше прояснялось небо и наконецъ нѣсколько лучей солнца озарили готовящееся при Іени-Бркачѣ къ бою войско. Вотъ двѣ картины, наглядным образомъ высказывающія крайнія стороны жизни и смерти въ судьбѣ воина.

Одна картина представляетъ намъ молодаго офицера, наканунѣ битвы, сидящаго у входа въ свою палатку. Возлѣ нея солдатъ сѣдлаетъ его коня, между тѣмъ какъ самъ онъ занятъ составленіемъ письма. Перо машинально двигается по бумагѣ, а взглядъ его обращенъ на большаго предъ нимъ пса, красивую голову котораго онъ гладитъ лѣвою рукою. Преданное животное печально всматривается въ серьезные, задумчивые глаза своего господина. Другая картина изображаетъ того же офицера, послѣ сраженія, лежащаго убитымъ на полѣ брани, опи-

раясь на свою павшую лошадь, при чемъ его большая собака отчаянно поворачиваетъ свою голову къ сторонѣ проходящихъ санитаровъ. Наклонившись надъ своимъ хозяиномъ, лапою царапая его грудь, она старается воскресить его недвижимое тѣло. Также и на этотъ разъ, между здѣсь собранными войсками, было не мало офицеровъ, которые предъ своими палатками писали послѣднія прощальныя слова своимъ далеко находящимся друзьямъ,—завѣщанія юныхъ, скоро угаснувшихъ жизней.

Постепенно исполнялись окончательныя приготовленія къ скоро предстоящему выступленію. Солдаты укладывали въ свои мѣшечки розданную провизію, а въ каждую сумку по тридцати патроновъ. Отобѣдали обычнымъ порядкомъ и хотя, по наружному виду, всѣ казались въ обыкновенномъ состояніи духа и даже замѣтна была наклонность къ шуткамъ, у большинства, однако, на глубинѣ души, царствовало необыденное настроеніе. По наступленіи сумерекъ сняты были палатки и все наличное топливо собиралось къ тлѣющимъ угольнымъ кучамъ, съ тѣмъ, чтобы зажигать оное при выступленіи; это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы непріятель предполагалъ, что войска остались на своихъ бивуачныхъ мѣстахъ. Въ часъ ночи началось выступленіе. Наша батарея стояла въ готовности вправо отъ дороги, по которой колонна за колонною стали проходить.

Прежде всѣхъ выступилъ отрядъ назначенный къ Телишу, затѣмъ стрѣлковая бригада, потомъ вторая гвардейская дивизія съ своею артилеріею и, наконецъ, первая. Стоя у дороги, между офицерами той батареи, въ которой я служилъ, я имѣлъ случай пожимать руки многимъ проходящимъ финскимъ товарищамъ. Въ особенности я желалъ поговорить нѣсколько словъ съ однимъ молодымъ офицеромъ гренадерскаго полка, но онъ не былъ склоненъ къ разговорамъ, находясь въ необыкновенно скрытомъ душевномъ состояніи. Намѣренно казаться холоднымъ, никому въ эту минуту и въ голову не приходило.

Когда настало время нашей батареѣ выступить, полковникъ поцѣловалъ насъ по-очередно, послѣ чего мы тотчасъ же сѣли на коней. Тяжелыя девятифунтовыя орудія съ грохотомъ понеслись по дорогѣ. Когда мы отъ селенія Іени-Бркача, по наклонной, поросшей рѣдкимъ дубовымъ лѣсомъ мѣстности, спускались къ Виду, луна показалась изъ тучъ и яркимъ блескомъ освѣтила нашъ путь, рѣзко обрисовывая на землѣ движущіяся тѣни. Какъ офицеры, такъ и солдаты двигались молча, каждый тая много думъ про себя. Торжественная минута, когда такимъ образомъ отправляешься сводить счеты, съ неизвѣстною судьбою.

Сегодня же, еще до захожденія солнца, многія сердца перестанутъ биться и многія души угаснутъ въ тѣлахъ, безжизненныя массы коихъ будутъ потоптаны на полѣ. Когда-нибудь настанетъ же послѣдній часъ

для всякаго смертнаго! Но этотъ часъ, котораго никому не миновать, рельефнѣе представляется идущему въ бой, нежели тому, кто въ благоустроенномъ обществѣ занятъ разными заботами своихъ сочтенныхъ дней. Беззвучно, какъ тѣни, проносятся всѣ воспоминанія жизни, хорошія и дурныя ея дѣянія, возвышенныя стремленія и обманутыя надежды, всѣ глумленія судьбы надъ людьми. Провѣрь свою жизнь! Вѣрно-ли ты понялъ ея цѣль? Собралъ-ли ты какой-либо капиталъ, пригодный для загробной жизни? . . . . . .

Когда три колонны, отряженныя для предварительнаго занятія мѣстности между деревнею Чириково и Свинарскими высотами, дошли до своихъ мѣстъ, они около шести часовъ утра начали наступленіе на Горный Дубнякъ: правая колонна съ сѣвера, лѣвая съ юга и средняя съ восточной стороны.

Турецкая позиція состояла изъ большаго и малаго редута, окруженныхъ траншеями и находящихся, малый—вправо отъ шоссе, а большой—въ полуверстѣ къ западу отъ него, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ между дорогою въ Софію и ручейкомъ Дубнякъ, приблизительно въ верстѣ къ югу отъ деревни Горный Дубнякъ. Къ сѣверо-востоку мѣстность спускается едва замѣтно, а къ юго-западу она неровная и крутая. Къ востоку и югу земля покрыта довольно густымъ, молодымъ дубовымъ лѣсомъ, отчего и названіе Дубнякъ; въ послѣднемъ же направленіи, три четверти версты отъ редутовъ, находится холмъ, который турки, повидимому, намѣревались укрѣпить. Часовъ въ девять этотъ холмъ былъ достигнутъ среднею колонною, которая, имѣя пройдти кратчайшее разстояніе, прежде всѣхъ наткнулась на непріятеля. Генералъ Зедделеръ приказалъ своимъ двумъ батареямъ занять позицію и открыть огонь съ разстоянія пятисотъ съ небольшимъ саженей. Гулъ открытаго здѣсь артиллерійскаго огня первый дошелъ до насъ, когда мы—три полка первой дивизіи и четыре батареи первой бригады—послѣ перехода Вида въ бродъ, на разсвѣтѣ, слѣдовали по равнинѣ, по дорогѣ къ Круглевицѣ, съ которой мы однако скоро свернули влѣво, по направленію шоссе къ Дольному Дубняку. Одновременно густыя облака дыма начали подниматься со стороны Телиша и сильные выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ.

Тамъ гвардейскій конно-гренадерскій полкъ, лейбъ-уланы и двѣ батареи гвардейской конной артиллеріи должны были прекратить сообщеніе къ этому, ближе всѣхъ лежащему сѣверному сосѣднему укрѣпленію. Лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ съ двумя орудіями конной артиллеріи остановился при Ракитѣ для обезпеченія лѣваго фланга и тыла, между тѣмъ какъ гусарскій полкъ съ четырьмя орудіями направился въ лощину южнѣе Телиша, а лейбъ-егеря съ третьею батареею первой гвардейской артиллерійской бригады отправились для нападенія съ востока. Кто

впослѣдствіи увидалъ Телишъ, могъ легко понять совершенную невозможность избрать болѣе неудобное и неудачное направленіе для совершенія нападенія на укрѣпленіе. Какія обстоятельства въ совокупности сбили съ дороги несчастный егерскій полкъ съ его артиллеріею, подали поводъ къ безумной атакѣ и допустили полкъ безпомощно истекать кровью на тинистой почвѣ, полагаю извѣстно каждому офицеру, посредственно или непосредственно принявшему участіе въ дѣлахъ 12-го октября.

Мы почти догадывались, что при Телишѣ обстояло не совсѣмъ благополучно, но дѣйствительныя событія этого дѣла мы узнали только впослѣдствіи. Изъ тѣхъ мѣстъ, по которымъ мы проходили и изъ укрѣпленій, нашею бригадою построенныхъ между Горнымъ и Дольнымъ Дубняками, мы могли узнать только общее впечатлѣніе битвы при послѣднемъ пунктѣ.

Впечатлѣніе подобнаго зрѣлища,—когда человѣкъ, убиваніемъ мыслящихъ существъ на землѣ, въ борьбѣ за существованіе, оборачиваетъ одно изъ ужаснѣйшихъ средствъ разрушенія, войну, противъ своего собственнаго рода, едва-ли кто-либо изъ зрителей въ состояніи забыть. Оно глубоко врѣзалось также въ память пишущаго эти замѣтки, бывшаго очевидцемъ битвы, превратности коей онъ теперь постарается сообщить тѣмъ изъ читателей, которые пожелаютъ почтить его своимъ вниманіемъ.

Вскорѣ послѣ открытія среднею колонною орудійной пальбы съ холма южнѣе турецкихъ укрѣпленій, фланговыя колонны также дали почувствовать свое присутствіе. Правая, двумя эскадронами кубанскихъ казаковъ, очистила мѣстность отъ бродящихъ шаекъ черкесовъ, послѣ чего кубанцы отрѣзали телеграфную проволоку, ведущую въ Плевно.

По занятіи Софійской дороги и оставленіи одного батальона противъ Дольняго Дубняка, остальные батальоны подвинулись, по одному съ каждой стороны шоссе, имѣя обѣ батареи въ центрѣ и одинъ батальонъ въ резервѣ, и остановились недоходя шестисотъ саженей до впереди лежащаго редута. Стрѣлки, продолжая наступать, овладѣли бывшими на сѣверной сторонѣ траншеями и изъ нихъ, съ разстоянія двухъсотъ пятидесяти саженей, открыли мѣткій ружейный огонь по непріятелю, между тѣмъ какъ артиллерія, начавъ стрѣльбу съ прежней дистанціи, скоро вынуждена была, подъ жестокимъ огнемъ, подъѣхать на разстояніе трехсотъ саженъ, чтобы своими снарядами не попадать въ собственную пѣхоту. Лѣвая колонна, преодолѣвъ нѣкоторыя препятствія въ пути, одновременно подошла и остановилась въ виду непріятельскихъ позицій, которыя она изъ шестнадцати девятифунтовыхъ орудій начала обстрѣливать съ разстоянія шестисотъ саженей. Въ подкрѣпленіе артиллеріи туда послали еще одну конную батарею.

Въ десять часовъ, генералъ Зедделеръ со своими гренадерами, послѣ

стремительной атаки, взялъ меньшой турецкій редутъ и попытался продолжать наступленіе по пятамъ гарнизона, спасавшагося по направленію къ большому редуту; но вслѣдствіе убійственнаго огня онъ скоро былъ вынужденъ повернуть назадъ. Тѣмъ временемъ первая изъ батарей подъѣхала на триста саженей, но также была оттѣснена къ прежней своей позиціи.

Московскій полкъ подоспѣлъ въ одну линію съ гренадерами и укрылся въ ложементахъ, находившихся на сѣверной сторонѣ взятаго гренадерами редута. Вслѣдъ затѣмъ пѣхота лѣвой колонны, Павловскій полкъ правѣе, а Финляндскій лѣвѣе шоссе, по прохожденіи узкой балки, также пошли на штурмъ большаго редута. Но и здѣсь сильный градъ пуль заставилъ ихъ отступить, чтобы искать прикрытія въ ямахъ и другихъ неровностяхъ почвы.

Стрѣлки же по балкѣ, выходящей къ образованную ручьемъ долинѣ, постепенно подавались впередъ къ лѣвой сторонѣ укрѣпленія. Отъ этого образовался промежутокъ между ними и лѣвою колонною. Въ это самое время первая дивизія со своими четырьмя батареями имѣла краткій привалъ на равнинѣ и три батальона ея, Измайловскаго полка, вступили въ дѣло, два для пополненія вышеупомянутаго промежутка, а третій для подкрѣпленія средняго и лѣваго отрядовъ. Они наступили, развернулись, разсыпались и, наконецъ, какъ будто скрылись подъ землю.

Такъ намъ показалось, потому, что каждая цѣпь ползкомъ должна была совершать свои движенія; если только кто нибудь, для большей скорости, постарался во весь ростъ пробѣжать небольшое пространство, его тотчасъ же осыпали убійственнымъ градомъ пуль. Черезъ четверть часа послѣ этого, остальныя части первой дивизіи — Преображенскій и Семеновскій полки, съ приданною имъ артиллеріею, тронулись и дошли до пункта, находящагося почти по серединѣ между Горнымъ и Дольнымъ Дубняками, гдѣ эти части, по обѣимъ сторонамъ шоссе, противъ послѣдняго селенія, построили четыре батареи и для стрѣлковъ набросили ложементы. Артиллерійскіе зарядные ящики были отосланы на треть версты ближе къ Горному Дубняку, за возвышенность, съ которой черезъ зрительную трубу происходящій бой былъ хорошо виденъ. Безпрерывно слышно было своенравное сильное посвистованіе пуль, по временамъ утихая, чтобы черезъ нѣсколько минутъ опять возобновляться съ удвоенною силою. Въ то же время сильные артиллерійскіе залпы потрясали воздухъ.

Получивъ извѣстіе объ отбитіи атаки также и на лѣвомъ флангѣ, генералъ Гурко, въ два часа, самъ отправился къ артиллеріи средней колонны. Но когда ему здѣсь сообщили о совершенномъ пораженіи Егерскаго полка подъ Телишемъ, онъ, опасаясь, чтобы непріятель не получилъ подкрѣпленій, рѣшился одновременнымъ со всѣхъ сторонъ штурмо-

ваніемъ непріятельскаго редута быстро сломить сопротивленіе турокъ. Сигналомъ для атаки должны были служить девять артиллерійскихъ залповъ, по три съ каждой колонны, начиная съ лѣваго и кончая правымъ флангомъ.

Но, по недоразумѣнію, правая колонна прежде всѣхъ первая произвела свои залпы, и, чтобы не допустить ея наступающимъ войскамъ однимъ выдержать сопротивленіе турокъ, приказано было тотчасъ же начать атаку со всѣхъ сторонъ. Послѣдствіемъ сего были неодновременныя, отрывочныя усилія, которыя, не смотря на неслыханную храбрость войскъ, были отбиты кровавымъ образомъ.

Съ холма, гдѣ онъ стоялъ со своею свитою, генералъ Гурко наблюдалъ за этимъ упорнымъ боемъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ 1-я гвардейская бригада, въ своихъ ложементахъ, также ожидала конца этихъ сверхъестественныхъ усилій. Но развязка еще замедлилась. . . . . .

Нѣсколько верстъ южнѣе, въ деревнѣ Чириково, находился главный перевязочный пунктъ. Переполненныя лазаретныя фуры безпрестанно проѣзжали впередъ и назадъ по дорогѣ. Часто проходили также раненые, которымъ не хватало мѣстъ въ фургонахъ, но у коихъ еще доставало силъ самимъ кое-какъ притащиться. Одинъ съ повязкою на головѣ, другой съ подвязанною рукою, двигались эти блѣдныя, спотыкающіяся существа къ мѣсту отрѣзанныхъ членовъ и измученнаго человѣческаго духа.

Между тѣмъ битва продолжается и къ прежнимъ жертвамъ безпрерывно прибавляются новыя. На время бой будто бы утихаетъ, чтобы черезъ мгновеніе опять возобновиться съ сильнѣйшимъ трескомъ. Громкіе крики, залпы за залпами и затѣмъ минутное затишье—и опять атака отбита!

Смеркается. Генералъ Гурко останавливаетъ войска на ихъ выдвинутыхъ позиціяхъ и рѣшается въ сумеркахъ сдѣлать послѣднее нападеніе. Воздухъ оглашается свистомъ пуль и криками ура штурмующихъ. Нѣсколько минутъ крайняго напряженія! Вдругъ, тамъ вдали, поднимается высокое, яркое пламя, освѣщающее горизонтъ краснымъ заревомъ. Быть можетъ это сигналъ въ Плевно, что послѣдняя атака отбита? Нѣтъ, не то!

Два батальона Измайловскаго полка, пробравшіеся близко къ укрѣпленію, подожгли бывшія тамъ соломенныя избушки. При этомъ заревѣ остальныя войска со всѣхъ сторонъ врываются въ редутъ, гдѣ бѣлое знамя наконецъ поднимается на воздухъ.

. . . . . .

Къ холму, на которомъ стоитъ генералъ Гурко, скачетъ ординарецъ и докладываетъ о паденіи Дубняка. Генералу трудно сразу повѣрить дѣйствительности этого событія. Но когда онъ слышитъ громкія восклицанія, не сопровождаемыя уже стрѣльбой, тяжелый вздохъ наконецъ вы-

рывается изъ груди неустрашимаго полководца! Еще черезъ нѣсколько минутъ другой всадникъ скачетъ стремглавъ по дорогѣ. Онъ подъѣзжаетъ къ бригадѣ принца Ольденбургскаго и сообщаетъ тоже извѣстіе.

Ура, ура! несется по воздуху и звуки мощно распространяются во всѣ стороны окрестности...

Рѣзня на время прекратилась, пули и снаряды уже болѣе не свистятъ по усѣянному трупами полю, гдѣ сотни раненыхъ еще остаются безъ помощи. Взошла луна и багровымъ свѣтомъ озарила равнину.

Таково было сраженіе при Горномъ Дубнякѣ!

Вечеромъ различные отряды собрались въ общій лагерь на полѣ сраженія, вокругъ большаго редута. Здѣсь мы видимъ поле битвы во всей его наготѣ. Изуродованныя человѣческія тѣла повсюду валяются какъ разбитыя игрушки. Изъ многихъ грудей и животовъ зіяютъ открытыя раны. Куда не взглянешь — тебя встрѣчаетъ окровавленный глазъ, разбитый черепъ. Увидишь придавленное къ землѣ, мученіями искаженное лицо страдальца, спина котораго проколота нѣсколькими штыками.

Больше всего разрушеніе внутри редута и въ его траншеяхъ. Тамъ трупы лежатъ грудами другъ на другѣ, раздавленные, кровавые, разстрѣленные. Здѣсь виднѣются дѣйствія снарядовъ, именуемыхъ шрапнелями. Въ траншеяхъ же болѣе всего встрѣчаются слѣды холодной стали.

Но не только убитые валяются разбросанными или въ кучахъ на землѣ. Есть раненые, которые въ послѣднихъ судорогахъ, не имѣя ни капли воды, чтобы промочить свое жгучее горло, умоляютъ, какъ о послѣдней милости, объ ударѣ штыкомъ или выстрѣлѣ изъ револьвера, благодѣяніе страшнаго рода, которое однако трудно выполнить. Животныя сопутствовали человѣку въ его бѣдствіи. Стараясь приподняться на своихъ двухъ или трехъ оставшихся ногахъ, раненыя лошади также борются со своими муками.

Комендантъ Горнаго Дубняка, Ахмедъ-Хивзи-паша, былъ взятъ въ плѣнъ съ 53-мя офицерами и 2250 нижними чинами. Его потери исчислены въ 2000 человѣкъ, по большей части убитыми. Черкескій кавалерійскій полкъ совершенно уничтоженъ.

— Не стыдно сдаваться такимъ храбрымъ войскамъ,— сказалъ турецкій генералъ, передавая свою шпагу генералу Гурко.

— И я,— отвѣтилъ этотъ,—считаю за честь взять въ плѣнъ такого храбраго генерала.

Наши потери были, вмѣстѣ съ убылью подъ Телишемъ: 3 раненыхъ генерала, 27 убитыхъ и 110 раненыхъ офицеровъ и 4100 нижнихъ чиновъ, изъ коихъ около третьей части убитыхъ.

Сравнивая эту цифру потерь съ предыдущею и зная, что противъ

четырехъ-тысячнаго гарнизона турецкаго укрѣпленія дѣйствовали 20,000 свѣжихъ отборныхъ войскъ, что, кромѣ того, имѣлся резервъ въ 10-ть батальоновъ и 32 орудія, что въ турецкомъ редутѣ находились только четыре крупповскихъ стальныхъ, восьми-центиметровыхъ, орудія, между тѣмъ какъ противъ него дѣйствовали 60-ть орудій, 48 *) девяти-фунтовыхъ и 12-ть четырехъ-фунтовыхъ, естественно возникаетъ вопросъ, какія же именно обстоятельства дали непріятелю возможность къ такому упорному сопротивленію и вынудили нападающихъ къ такимъ значительнымъ потерямъ.

Въ самомъ началѣ сдѣлана была ошибка поставить тяжелую артиллерію на слишкомъ близкое разстояніе, именно 300 саженей, тогда какъ нормальное прицѣльное пространство девяти-фунтоваго орудія равняется 7-ми или 800 саженямъ. Затѣмъ, не дали артиллеріи времени основательно обстрѣливать турецкое укрѣпленіе. Ахмедъ-Хивзи, послѣ взятія въ плѣнъ, самъ заявилъ, что продолженное еще нѣсколько часовъ бомбардированіе принудило бы его къ сдачѣ. Правдоподобность сего скоро подтвердилась, когда Телишъ, черезъ четыре дня, окруженный пѣхотою и кавалеріею, сдался послѣ трехъ-часовой пальбы изъ 66-ти орудій, причемъ взяли Измаила-Хаки-пашу съ семью батальонами въ плѣнъ и забрали четыре орудія и значительные запасы патроновъ.

Вторая ошибка заключалась въ тактическомъ выполненіи нападенія. Одни лишь стрѣлки пользовались мѣстностью какъ слѣдуетъ и болѣе продолжительно обстрѣливали непріятеля. Остальныя колонны не проявляли никакой постепенности въ своихъ атакахъ и вообще не имѣлось никакого общаго плана для наступательныхъ движеній всѣхъ отрядовъ. Послѣдній большой штурмъ, поведенный одновременно со всѣхъ сторонъ, былъ причиною, что на перевязочныхъ пунктахъ приходилось изъ нашихъ солдатъ вынимать пули отъ собственныхъ ихъ ружей (второй системы Бердана), не говоря уже о томъ, что въ этомъ отношеніи сдѣлано артиллеріею. Наконецъ, позволительно сомнѣваться въ удобствѣ девяти артиллерійскихъ залповъ въ видѣ сигнала во время общаго грохота сраженія. Можно также упомянуть о томъ, что единственный саперный батальонъ гвардейскаго корпуса тоже былъ посланъ въ атаку.

Атака Егерскаго полка на Телишъ была прежде всего недоразумѣніемъ и пораженіе легко понимается, когда принять во вниманіе, что непріятель былъ въ такомъ же числѣ, какъ и въ Горномъ Дубнякѣ.

Не слѣдуетъ тяжело взваливать бремя громадной отвѣтственности на плечи другихъ, но однако эти факты должны намъ служить напоминаніемъ о тѣхъ серьезныхъ требованіяхъ, которыя жизнь налагаетъ на человѣка, въ порученныхъ ему дѣлахъ.

*) Снарядъ девяти-фунтоваго орудія вѣситъ 27 фунтовъ.

Генерала Гурко довольно критиковали за сраженіе при Горномъ Дубнякѣ. Однако, онъ не одинъ имѣлъ ходъ событій въ своей власти. Нужно также принять въ соображеніе, что гвардейскія войска первый разъ были въ огнѣ, они чувствовали взгляды огромнаго общества обращенными на себя въ минуту опасности и возбужденное состояніе духа у нихъ преодолѣло хладнокровіе.

Тактика, конечно, сберегаетъ людей только въ смыслѣ подвижной физической силы. Но именно эта сила могла бы быть значительно сберегаема посредствомъ большей предусмотрительности и избѣжанія сдѣланныхъ ошибокъ.

ШИПКА.

Еслибъ не ошибка, не была бы дорога намъ „Шипка“.

Русскій солдатъ.

амѣчательно это имя!

Съ кѣмъ ни заговори о „Шипкѣ“, всѣ единогласно утверждаютъ, что она составляетъ предметъ гордости всякаго русскаго гражданина. Съ этимъ названіемъ сопряжены понятія о борьбѣ горсти ангеловъ съ какими-то демонами, въ несмѣтномъ количествѣ нагрянувшими на эти дорогія и роковыя для южныхъ славянъ горы. Съ этимъ названіемъ для каждаго русскаго гражданина сопряжено понятіе о той высокой степени геройства, на которое способенъ русскій многострадальный, многотерпѣливый народъ. Съ этимъ названіемъ, наконецъ, для русскаго военнаго сопряжено воспоминаніе объ одномъ изъ самыхъ высокихъ подвиговъ, когда-либо совершенныхъ русскимъ воинствомъ; воспоминаніе о фактѣ, имѣвшемъ неизмѣримое вліяніе на успѣхъ и исходъ всей кампаніи. Значеніе „Шипки“ безконечно. Не удержись горсть героевъ на Шипкѣ и нашей арміи пришлось бы во второй разъ переходить Дунай, но переходить при другихъ уже политическихъ, нравственныхъ и военныхъ условіяхъ. Только „Шипка“ дала возможность намъ оправиться послѣ нашихъ неудачъ подъ Плевной, она только позволила выждать подкрѣпленія, она только непозволила пасть репутаціи русской арміи. Всѣ неудачи, одновременныя съ ней, она искупала своимъ необычайнымъ успѣхомъ и составила ядро цѣлаго ряда блестящихъ побѣдъ, которыми закончилась эта знаменитая въ исторіи славянъ кампанія.

Но во всѣхъ разсказахъ о „Шипкѣ“, преобладаетъ грандіозность съ какой-то вмѣстѣ неопредѣленностью. Значительная высота, дикость природы, стужа, мятель, цѣлый рядъ бѣшеныхъ атакъ и ихъ отбитіе: все это, вмѣстѣ съ вызываемымъ воображеніемъ громомъ пушекъ и массой падающихъ снарядовъ, уносящихъ массу жертвъ, сопряженный съ этимъ крикъ, стонъ, все это, мы должны согласиться, представляетъ дѣйствительно грандіозную картину; но исторія и время забываетъ о всѣхъ самыхъ великихъ ощущеніяхъ, разъ они не вылились въ какой-нибудь точной опредѣленной формѣ на бумагѣ и холстѣ. Потому-то мы, бывшіе на „Шипкѣ“, на долю которыхъ выпала лучшая участь въ кампаніи, участь быть защитникомъ „Шипки“, мы должны съ крайнею бережливостью собирать всѣ, даже самые мелкіе, факты объ этой знаменитой оборонѣ, дабы въ послѣдствіи составить цѣльную, детальную картину ея, и дать возможность каждому наблюдать въ ней всѣ стороны могучей жизни и геройства всего русскаго воинства.

Наша цѣль разсказать о нѣкоторыхъ фактахъ такъ, какъ они были, предоставляя будущему историку взять изъ нихъ то, что онъ по указанію своего просвѣщеннаго взгляда будетъ считать нужнымъ. Мы надѣемся на безконечную снисходительность. Мы разсчитываемъ, что добрая наша цѣль искупитъ тѣ недостатки, которыми будетъ отличаться нашъ трудъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Отрядъ покойнаго генерала Дерожинскаго въ составѣ Орловскаго пѣхотнаго полка, 5-й батареи 9-й артиллерійской бригады и нѣсколькихъ сотенъ 30-го донскаго полка, двинувшись 1-го іюля 1877 года изъ Тырнова, имѣлъ цѣлью, какъ это извѣстно, атаковать Шипкинскій проходъ со стороны Габрова въ то время, когда отрядъ генерала Гурко будетъ атаковывать его со стороны Казанлыка. Отрядъ нашъ пришелъ въ Габрово 2-го. Третьяго и четвертаго мы провели въ бездѣйствіи. Съ 4-го на пятое число утромъ, ночнымъ нападеніемъ взятъ былъ Бэрдакъ или Бэдакъ, а часу этакъ въ восьмомъ Орловскій полкъ съ 4-мя орудіями направился по дорогѣ къ проходу. Учинялась, собственно говоря, настоящая облава на турокъ. Въ чемъ же должна она была состоять?

Проходъ занимали турки въ количествѣ 14-ти таборовъ низама съ нѣсколькими орудіями. По дорогѣ прохода, обращеннаго къ сторонѣ Габрова, были построены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ батареи, чрезвычайно, тщательно отдѣланныя, но отличавшіяся чрезвычайно малымъ обстрѣломъ. Турки почти всегда въ укрѣпленіяхъ преслѣдуютъ главнымъ образомъ безопасность, а затѣмъ уже удобство обстрѣливанія. Со стороны Казанлыка у нихъ, собственно говоря, не было укрѣпленія, разсчитывая по всей вѣроятности на неприступность мѣстности самой по себѣ и на невѣроятность атаки. Отрядъ генерала Гурко, переваливъ Балканы, долженъ былъ занять проходъ, а нашъ отрядъ долженъ былъ прикрыть Га-

брово и, окруживъ турокъ съ сѣвера и запада, загнать ихъ въ сѣти генерала Гурко: взять ихъ живьемъ.

Съ этою цѣлью нашъ маленькій отрядецъ 5-го іюля въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича младшаго и князя Святополка-Мирскаго, разбившись на три части двинулся въ горы. Двѣ роты пошли по лощинѣ изъ монастыря съ сѣверо-востока. Батальонъ Гоменко съ 4-мя орудіями на Зеленое древо съ запада, а остальныя роты по дорогѣ прохода. Случилось такъ, что отрядъ генерала Гурко еще не вышелъ въ долину Розъ къ Шипкѣ. Турки могли обрушиться всѣми силами на насъ и потрепали насъ изрядно. Изъ двухъ первыхъ ротъ остался цѣлъ только одинъ поручикъ Орловъ да нѣсколько десятковъ солдатъ. Эти двѣ роты, какъ разсказываютъ очевидцы, были измѣннически подведены проводникомъ подъ перекрестный огонь турокъ и понесли такія громадныя потери. Роты отправившіеся по дорогѣ, испытали тоже горькую участь. Дрались онѣ цѣлый день, потеряли людей изрядно, а успѣха неимѣли никакого. Что-же касается отряда Гоменки, то онъ, оставивъ на Зеленомъ древѣ 4 орудія съ одной ротой, самъ съ тремя ротами пошелъ немного западнѣе Лысой горы и сталъ туркамъ съ запада. Что могли сдѣлать эти несчастныя четыре четырех-фунтовыя орудія при тѣхъ условіяхъ? Ничего не могли сдѣлать, и ничего не сдѣлали. До ближайшей турецкой батареи по прямому направленію версты три, впереди ея глубочайшій оврагъ, поросшій лѣсомъ, сзади тоже. Пристрѣляться невозможно, да и безполезно тратить снаряды. Однако, для очищенія совѣсти, батарея, слыша на лѣвомъ флангѣ перестрѣлку и желая подбодрить, такъ сказать пѣхоту, сдѣлала три выстрѣла, но ни паденія снаряда, ни дыма отъ разрыва, никакого признака, по которому можно было бы пристрѣляться, не видно. Бросили стрѣлять. Черезъ нѣсколько часовъ мы увидѣли спускающимися съ перевала по направленіи къ нашимъ нѣсколько таборовъ. Попробовали сдѣлать еще два, три выстрѣла и опять впустую. Пришлось совершенно отказаться отъ своихъ услугъ. Дѣло начало склоняться къ вечеру. Наша полубатарея не получала никакихъ свѣдѣній изъ главнаго отряда; она ничего не знала о судьбѣ частей направленныхъ вправо и влѣво, а между тѣмъ положеніе было крайне критическое. На вершинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ оврагами; позади узкая, скалистая, крутая дорожка, по которой приходилось взбираться въ продолженіи полудня, и съ прикрытіемъ въ одну роту! Но надо было мириться съ обстоятельствами. Батарея несмѣла уйти, вполнѣ однако сознавая свою безполезность и величайшій рискъ потерять орудія. Разставивъ кругомъ густую цѣпь, зарядивъ орудія картечью, батарея такъ и замерла въ ожиданіи исхода. Недалеко отъ цѣпи послышался говоръ по-турецки. Нѣсколько человѣкъ подходило довольно близко къ цѣпи, не пытаясь однако прорвать ее. Чѣмъ бы все это кон-

чилось подъ утро, трудно себѣ представить; но въ часу второмъ ночи какой-то братушка принесъ маленькій клочекъ бумажки, на которомъ карандашемъ было написано приказаніе, немедленно отступить. Легко сказать. Однако, какъ это трудно было исполнить; сколько невѣроятныхъ усилій было потрачено, чтобы пройти это разстояніе по отвратительной тропинкѣ, ночью съ орудіями и ящиками, рискуя всякую минуту провалиться въ бездну! Но то критическое положеніе, въ которомъ мы находились, дало намъ силы. Употребивъ невѣроятныя усилія, мы, наконецъ, изнуренные и нравственно и физически присоединились къ отряду. Такимъ образомъ первый нашъ дебютъ на „Шипкѣ“ окончился полнѣйшимъ фіаско.

Однакожъ положеніе все-таки было критическое. Турки, замѣтя нашу слабость, могутъ сами перейти въ наступленіе и сжечь у насъ подъ носомъ Габрово. Чтобы прикрыть Габрово, мы стали въ ущельи за Чертовымъ мостомъ на отличной позиціи. Орудія поставили на горѣ замаскированными деревьями ложементами такъ, чтобы онѣ могли обстрѣливать вдоль колѣнно ущелье, обращенное къ непріятелю.

Стоя въ такомъ грозномъ ожиданіи мы провели все шестое число, прислушиваясь къ ружейнымъ и орудійнымъ выстрѣламъ въ обиліи раздававшимся въ горахъ, покинутыхъ нами наканунѣ. Мы догадывались, что это генералъ Гурко завязалъ уже дѣло съ турками и недоумѣвали, отчего это мы не куемъ желѣзо пока оно горячо. Намъ казалось самымъ удобнымъ теперь бы двинуться, напугать турокъ и помочь генералу Гурко забрать ихъ живьемъ. Мы такъ думали, а другіе думали иначе....

Всѣмъ извѣстно, что отрядъ генерала Гурко дѣлалъ шестого попытку овладѣть проходомъ съ долины, но по малочисленности отряженныхъ для дѣла войскъ и по причинѣ нашего бездѣйствія не достигъ ничего. Потери однакожъ и въ томъ отрядѣ были значительны.

На слѣдующій день 7-го, намъ всѣмъ стало извѣстно, чуть свѣтъ, что съ минуты на минуту двинемся. Дѣйствительно, часовъ въ 5-ть, мы двинулись по ущелью впередъ къ подъему на проходъ. У караульнаго домика, стоящаго при подъемѣ, нашъ отрядъ остановился, выславъ вторую стрѣлковую роту впередъ, по сторонамъ шоссе къ непріятельской позиціи. Мы скоро узнали, чего мы ждали. На бѣломъ конѣ подъѣхалъ къ намъ генералъ Скобелевъ 2-й.

Уже самъ по себѣ своею мужественною красотою, интеллигентнымъ выраженіемъ лица, чрезвычайно мягкими движеніями, своею мощною фигурою, наконецъ своею мягкостью, счастливый генералъ произвелъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Онъ подъѣхалъ къ рядамъ выстроившихся Орловцевъ и сказалъ имъ, что онъ счастливъ, что ему выпало на долю командовать Орловцами, что ихъ полкъ такъ славенъ былъ своими прошлыми дѣйствіями, что онъ ни на минуту несомнѣвается, что всѣ сол-

датики захотятъ увеличить, а не уменьшить славу полка, и что они это съумѣютъ сдѣлать. Затѣмъ генералъ подошелъ къ офицерамъ Орловскаго полка, познакомился съ каждымъ изъ нихъ лично и сказалъ: „господа, я этихъ азіятовъ отлично знаю (генералъ указалъ на горы), идите только смѣло впередъ и они побѣгутъ“. Далѣе онъ повернулъ къ третьей маленькой группѣ артиллеристовъ, познакомился лично съ каждымъ изъ насъ и высказалъ, что онъ всегда во всѣхъ походахъ особенно дружно жилъ съ артиллеристами. Всѣ какъ-то весело съ любопытствомъ смотрѣли на молодаго генерала и сразу прониклись какимъ-то безконечнымъ къ нему довѣріемъ и убѣжденіемъ, что съ нимъ мы уже не потерпимъ неудачъ.

Генералъ Скобелевъ пригласилъ старшаго артиллерійскаго офицера съ собою и, оставивъ отрядъ на томъ-же мѣстѣ, вмѣстѣ съ своимъ ординарцемъ, въ троемъ, поѣхалъ на перевалъ.

Лишь только стали подниматься, генералъ просилъ артиллерійскаго офицера обратить особенное вниманіе на дорогу и опредѣлить можно-ли будетъ ввезти орудія.

Доѣхавъ до перваго домика (бывшей турецкой караулки), онъ спросилъ:

— Ну, какъ? Ввезете?

— Ввезу, ваше превосходительство, отвѣтилъ артиллеристъ.

— Такъ поѣзжайте назадъ, прикажите всѣмъ двинуться, а я поѣду впередъ.

Трудно себѣ представить, что это была за дорога, по которой пришлось намъ двигаться. Болгаре разсказываютъ, что уже года два или три турки не позволяли исправлять сѣвернаго склона дороги, чтобы сдѣлать ее недоступной. Они достигли многаго. Дорога, размытая дождями и временными ручьями, образующимися отъ таянія снѣговъ, представляла собою груды камней значительной величины, обломки скалъ, массу промоинъ; совершенно потеряла свою форму; образовались невѣроятные мѣстами подъемы, скалистые, скользкіе и чрезвычайно крутые завороты; добавьте къ этому еще справа или слѣва глубокій поросшій лѣсомъ яръ, а съ противоположной крутой уступъ скалы. Это не остановило насъ. Сняли орудія съ передковъ; лошади потащили кое-какъ передокъ, а орудія пришлось тащить лямками и канатами прислугѣ и Орловцамъ. Къ счастію, скоро подоспѣла громаднѣйшая толпа болгаръ, согнанная изъ окрестностей для расчистки дороги; мы воспользовались сейчасъ же ими. Братушки взялись за „топы“ (орудія) и мы уже двигались по этимъ страшнымъ камнямъ хоть медленно, но безостановочно.

Уже прошли мы немного больше половины пути, какъ намъ повстрѣчался генералъ Струковъ, за которымъ ординарцы везли оставленные турками знамена. Генералъ остановилъ насъ, удивлялся, какъ это мы взобрались по такой страшной дорогѣ, обѣщалъ доложить объ этомъ

Е. И. В. Главнокомандующему, объявилъ намъ, что турки бѣжали и что намъ слѣдуетъ спѣшить воспользоваться оставленнымъ ими мясомъ, рисомъ, хлѣбомъ и др. запасами.

Какъ молнія пронеслась весть среди братушекъ, что турки ушли. Они бросили „топове“ и вразбродъ кинулись на позицію. Черезъ нѣсколько мгновеній всѣ окрестныя горы покрылись толпами болгаръ съ наваленнымъ на спину горой турецкимъ добромъ. Чего они только не брали?! Тряпье, старую бумагу, изломанныя манерки, ящики, палатки, ящики патроновъ, ружья, все однимъ словомъ, что только можно было взять. Маленькій какой-нибудь болгаринъ, а смотришь, тащитъ такую гору, что глазамъ не вѣришь.

Добрались наконецъ и мы на позицію, поставили орудія, выпрягли лошадей и скорѣй осматривать турецкій лагерь. Глаза наши скоро остановились на предметахъ, отъ одного вида которыхъ морозъ пробиралъ насъ по кожѣ. Почти у каждой палатки мы натыкались на какую-нибудь часть человѣческаго тѣла. Отдѣльныя: руки, ноги, головы или наконецъ изуродованное туловище. Мы узнали въ этихъ трупахъ многихъ нашихъ, погибшихъ въ предшествовавшихъ этому дню атакахъ. Какъ видно, турки подобрали раненыхъ и на этихъ несчастныхъ дали волю своему звѣрскому инстинкту. Солдатики съ грустью собрали бренные останки мучениковъ за святое дѣло и, удивительная вещь, отнеслись крайне сдержанно, спокойно ко всѣмъ брошеннымъ турками больнымъ и раненымъ. Высшей степени истиннаго геройства трудно представить! Побывавъ въ такой высоконравственной школѣ русскаго солдата, какъ полюбишь его! Какъ полюбишь землю, давшую такихъ героевъ-христіанъ!

Я просилъ позволенія у генерала Скобелева осмотрѣть оставленныя турками орудія и, буде возможность окажется, воспользоваться ими. Я направился къ батареѣ.

На батареѣ тоже самое зрѣлище. Подъ колесами ноги и руки нашихъ героевъ. Тяжело было представить себѣ картину мукъ, перенесенныхъ ими!!

Я осмотрѣлъ орудія. Всѣ они оказались орудіями одного и того-же типа. 8-ми-сантиметровыя, стальныя, крупповскія пушки, хотя и не дальнобойныя, но лучшаго боя, чѣмъ наши полевыя орудія. Припасовъ, какъ въ передкахъ, такъ и зарядныхъ ящикахъ и пороховыхъ погребахъ, оказалось довольно много, хотя всѣ припасы не въ готовомъ видѣ, а отдѣльно каждая составная часть. Повидимому, турки собирали ихъ и составляли изъ нихъ одно цѣлое передъ самымъ боемъ, что, по всей вѣроятности, имѣло не маловажное значеніе на доброкачественность ихъ стрѣльбы.

Едва я успѣлъ осмотрѣть орудія, какъ на батарею (названную нами

впослѣдствіи стальною-турецкою) съ многочисленной свитой въѣхалъ генералъ Гурко.

— А, что? обратился ко мнѣ генералъ.

Я отвѣтилъ, что орудія близко подходятъ къ нашимъ 4-хъ-фунтовымъ, и что количество припасовъ позволяетъ ими воспользоваться противъ турокъ.

— Но есть, добавилъ я, вещь, достойная гораздо бо̀льшаго вниманія: это груда изуродованныхъ тѣлъ и 45 головъ нашихъ, павшихъ наканунѣ, братій.

— Показать-бы англичанину, отвѣтилъ генералъ.

— А гдѣ онъ, ваше превосходительство?

— Тамъ назади.

Я поклонился и побѣжалъ сквозь свиту, постоянно спрашивая: „гдѣ англичанинъ?“

Англичанинъ оказался позади всѣхъ. Я подошелъ къ нему и говорю:

— Неугодно-ли вамъ посмотрѣть на человѣколюбивый поступокъ вашихъ друзей?

Я говорилъ по-французски.

Англичанинъ посмотрѣлъ на меня немного сконфуженно и спросилъ:

— А что?

— Да тамъ увидите груду тѣлъ и 45 изуродованныхъ головъ нашихъ солдатъ.

Свитскіе офицеры стали меня уговаривать, что это великолѣпнѣйшій господинъ, дружный съ нами, и что не слѣдуетъ ему дѣлать непріятности. Я отвѣтилъ, что личности въ немъ корреспондента въ данномъ случаѣ не признаю и что обращаюсь къ нему какъ вообще англичанину, которыхъ дружба съ турками мнѣ хорошо извѣстна. Англичанинъ сунулся-было за мной, да повернулъ и отсталъ какъ-то. Я увидѣлъ еще трехъ какихъ-то статскихъ. Обратился къ нимъ и привелъ ихъ къ этой мрачной грудѣ. Это оказались корреспонденты: французской газеты „Le Temps“, „Испанской иллюстраціи“ и нашъ русскій Немировичъ-Данченко. Они-то первые срисовали эту грустную картину и составили ея описаніе.

Такимъ-то образомъ совершилось первое наше водвореніе на „Шипкѣ“. Это было 7-го іюля.

Весь іюль мѣсяцъ маленькій отрядъ нашъ, состоящій изъ пятой батареи 9-й артиллерійской бригады, двухъ батальоновъ Орловскаго полка (третій батальонъ оставался въ Габровѣ при обозѣ) и нѣсколькихъ десятковъ казаковъ занимался охраненіемъ перевала и приведеніемъ его въ оборонительное состояніе. Разумѣется всѣ силы отряда уходили главнымъ образомъ на первое. Вслѣдствіе того, что отрядъ занималъ всю позицію отъ Круглой батареи до Николая, включительно, районъ охра-

ненія былъ чрезвычайно великъ. Несчастнымъ (или скорѣе счастливымъ, ибо безсмертнымъ) Орловцамъ пришлось ужъ слишкомъ тяжело. Почти каждую ночь приходилось всѣмъ ротамъ уходить въ караулъ, въ цѣпь, а днемъ, изнуренные, брались за лопату и рыли кое-какія укрѣпленія. Нѣсколько разъ сгоняли болгаръ, но они подъ нашимъ руководствомъ работали крайне плохо. Главная-же масса болгаръ, за деньги, работала подъ общимъ наблюденіемъ генерала Кренке на дорогѣ.

Итакъ всѣ наши заботы были направлены главнымъ образомъ къ охраненію перевала, къ укрѣпленію позиціи и, наконецъ, къ улучшенію пути, самаго главнаго пути, сообщенія сѣверной Болгаріи съ южной,— пути, на который мы болѣе всего разсчитывали. Посмотримъ, что нами было сдѣлано во всѣхъ этихъ отношеніяхъ.

Охраненіе перевала для нашего отряда составляло самый главный предметъ заботъ. Всякій солдатъ сознавалъ всю важность этого пути и потому весь отрядъ несъ эту службу дѣйствительно хорошо. Недостатокъ средствъ къ освѣщенію мѣстности на значительное разстояніе, крайняя пересѣченность мѣста съ запада и востока, заставили обратить главное вниманіе на ближайшія мѣры охраненія, которыя и были усилены до послѣдней возможности. Этимъ-то и объясняется тотъ громадный расходъ ротъ, наряжаемыхъ всякую ночь для оцѣпленія позиціи. Важность позиціи, ограниченность свѣдѣній извнѣ даже вовлекли насъ въ крайность: мы слишкомъ много даже тратили силъ на охраненіе. Но съ другой стороны до невѣроятности пересѣченная, лѣсистая мѣстность и страшные туманы, такъ часто покрывавшіе всю позицію, оправдываютъ отчасти эти мѣры. Эта служба цѣликомъ поглощала всѣ силы солдатъ и они положительно были не въ состояніи работать днемъ надъ укрѣпленіями.

Въ силу такихъ-то обстоятельствъ второй вопросъ, вопросъ о раціональномъ укрѣпленіи позиціи не могъ получить особаго развитія.

Всѣми работами по укрѣпленію позиціи завѣдывалъ адъютантъ Е. И. В. Главнокомандующаго капитанъ (нынѣ полковникъ) Ласковскій. Какія средства были въ его рукахъ? Изнеможенныхъ до крайности роты двѣ Орловцевъ, изъ жалости къ которымъ необходимо было смотрѣть сквозь пальцы на ихъ работу и затѣмъ нѣсколько десятковъ болгаръ, отвратительнѣйшихъ рабочихъ, если имъ не платятъ денегъ и кромѣ того не держатъ надъ ними кнута. Съ чѣмъ ему приходилось бороться? Со скалистою почвою гребней и вершинъ и съ дѣвственными буковыми лѣсами скатовъ. И дѣйствительно, вы могли увидѣть этого бѣднаго капитана съ 3-хъ часовъ утра до поздняго вечера, бѣгающимъ изъ угла въ уголъ, распинающимся, а работа все-таки не могла идти успѣшно. Взрывали немного кирками, ломами каменистую почву, сносили, откуда только

можно было, дернъ, и набрасывали кое-какіе окопы. Въ концѣ-концовъ позиція приняла слѣдующій видъ.

Кругомъ всей позиціи, въ незначительномъ разстояніи отъ гребней и вершинъ, набросаны были въ одинъ рядъ, а въ нѣкоторыхъ важныхъ мѣстахъ и въ два ряда, прерывчатые ложементы. Всѣ они были чрезвычайно незначительной профили, такъ что солдатъ могъ укрыться за ними только сидя; никакихъ бойницъ, никакихъ блиндажей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, у круглой батареи, хотя и было три ряда ложементовъ, но они, по условіямъ мѣста, не могли принимать одновременно участія въ оборонѣ. Второй рядъ могъ-бы стрѣлять тогда, когда первый былъ занятъ непріятелемъ. Въ другихъ-же мѣстахъ, гдѣ дѣйствительно можно было-бы устроить нѣсколько ярусную оборону и гдѣ всѣ ярусы могли-бы принять заразъ участіе въ оборонѣ, этого не было сдѣлано. Для затрудненія туркамъ пути наступленія съ Лысой горы по дорогѣ къ ней былъ срубленъ во многихъ мѣстахъ лѣсъ и устроены завалы; передъ нѣкоторыми ложементами былъ вырубленъ лѣсъ, чтобы увеличить пространство, проходимое подъ ближайшимъ огнемъ. Да наконецъ въ одномъ мѣстѣ (подъ Круглой) были вырыты три ряда волчьихъ ямъ, но это были такія странныя по своей формѣ ямы, что препятствовать движенію непріятеля уже никакъ не могли и потому въ разсчетъ препятствій принимать ихъ не слѣдуетъ. Вотъ это все, что было сдѣлано для пѣхоты.

Для артиллеріи были построены слѣдующія батареи: „Круглая“ (построенная капитаномъ артиллеріи Ивановскимъ) состояла изъ горизонтной батареи, для стрѣльбы по верхъ бруствера, пристроенной къ старому турецкому брустверу и составившей вмѣстѣ съ нимъ круглый редутъ. Это была первая батарея при входѣ на главную позицію со стороны Габрова, слѣва отъ шоссе. Батарея эта, вслѣдствіе удачнаго выбора ея фронта, имѣла чрезвычайно важное значеніе: кромѣ того, что она обстрѣливала всѣ скаты и лощины къ востоку отъ дороги, она фланговымъ огнемъ обстрѣливала подступы къ стальной батареѣ, что имѣло громадное вліяніе на успѣхъ обороны этой батареи. Недостаткомъ этой батареи было то, что построенная на холмѣ съ очень крутыми скатами она не могла обстрѣливать ближайшихъ подступовъ иначе, какъ выкативъ орудія на скатъ, что и было очень часто повторяемо во время атаки. Построена она была изъ камня, покрытаго слоемъ земли и дерномъ.

Вторая батарея была „Центральная“, по правой рукѣ отъ шоссе, на крутомъ къ сторонѣ шоссе холмѣ, переходящемъ на западъ въ сѣдловину, соединяющую „перешеекъ“ съ Волынской, Лѣсной и Лысой горами. Батарея построена была штабсъ-капитаномъ артиллеріи Поликарповымъ. Она состояла изъ загнутаго съ юга подковою бруствера, для

стрѣльбы изъ орудія поверхъ, съ бонетами, сложенными изъ дерна. Батарея командовала всѣмъ „перешейкомъ“, соединяющимъ холмъ круглой батареи съ Николаемъ, обстрѣливала всѣ подступы къ этому „перешейку“, обстрѣливала гребень и скаты вершинъ, ведущихъ къ Лысой, и косвеннымъ огнемъ подступы къ „Стальной“, что имѣло, въ свою очередь, очень важное значеніе при оборонѣ этой батареи. Обѣ батареи, какъ круглая, такъ и центральная, имѣли по пороховому погребу, построенному изъ брусьевъ и осыпанныхъ землею съ дерномъ. На „Николаѣ“ были четыре батареи: „Стальная“, иначе „Турецкая“, на такъ-называемомъ „Маломъ Николаѣ“, слѣва отъ шоссе. Это старая турецкая батарея, на гребнѣ возвышенности, круто спускающейся къ востоку и затѣмъ переходящей въ сѣдловину, соединяющую „Николай“ съ „Малымъ Бэдакомъ“. Батарея была горизонтальная, амбразурная, съ ровиками для прислуги. Слѣва отъ этой батареи вырытъ былъ ложементъ на горное орудіе, пріобрѣвшее впослѣдствіи такую славу, вмѣстѣ съ своимъ командиромъ на „Шипкѣ“. „Стальная“ обстрѣливала западные скаты, гребень „Малаго Бэдака“ и сѣдловину, ведущую къ нимъ. Недостатокъ ея былъ тотъ, что она, подобно круглой, была построена надъ очень крутымъ скатомъ, лишена была ближайшей самообороны, да кромѣ того не могла обстрѣливать лощинъ, ведущихъ отъ упомянутой сѣдловины къ Шипкѣ и къ круглой батареѣ. На самомъ Николаѣ было три батареи: двѣ по обѣимъ сторонамъ „Скалы“, обращенныя фронтомъ къ югу и обстрѣливавшія всѣ подступы къ Николаю съ деревни Шипки, и одна на сѣверномъ скатѣ, обращенная фронтомъ къ западу и обстрѣливавшая южные скаты „Волынской“, Лѣсной и Лысой. Всѣ эти три батареи были горизонтальныя, амбразурныя, съ ровиками для прислуги.

Вотъ и всѣ шипкинскія укрѣпленія, названныя въ одномъ мѣстѣ, вѣрно ради смѣха, неприступными ретраншаментами!! Я прошу обратить на нихъ особенное вниманіе, вникнуть въ нихъ, оцѣнить ихъ. Все, что только недоставало этимъ укрѣпленіямъ, все пополнила русская грудь. Придадите имъ слишкомъ много значенія, отнимете у русской груди то, что составляетъ всю ея гордость. Не укрѣпленія, не твердыни неприступныя спасли Шипку, а русская богатырская грудь!

При самомъ поверхностномъ взглядѣ даже на всѣ описанныя мною укрѣпленія, ясно видно, что всѣ они крайне поспѣшны, не могущія представить собою какихъ-либо серьезныхъ преградъ. Строго говоря, въ нихъ не было строго сознаннаго, опредѣленнаго плана, соотвѣтствовавшаго конфигураціи мѣстности. Для большаго отряда онѣ не годились по недостатку вмѣстительности и отсутствію прикрытія для резервовъ и пр. Для маленькаго онѣ были крайне опасны, ибо разбрасывали силы по всей позиціи, не были приспособлены къ упорной оборонѣ позиціи по частямъ: чуть непріятель овладѣвалъ однимъ пунктомъ, обнажалась вся

позиція и, наконецъ, сами укрѣпленія были, до смѣшного уже, незначительныхъ профилей.

Повидимому, причиной такого неудовлетворительнаго состоянія укрѣпленій на „Шипкѣ“ можно считать: во-первыхъ, отсутствіе опредѣленнаго плана обороны, соотвѣтствующаго числительности отряда, который могъ-бы отстоять проходъ, и извѣстному, предполагаемому, плану атаки; а во-вторыхъ, отсутствію средствъ. Намъ кажется крайней ошибкой необращеніе вниманія, должнаго вниманія, на проходъ и средства къ его оборонѣ, проходъ, игравшій очень важную роль во всю кампанію, и спасенный благодаря безконечному ряду ошибокъ непріятеля, безконечной храбрости отряда и, наконецъ, случайности.... Такое стеченіе обстоятельствъ, кромѣ, разумѣется, храбрости солдатъ, наврядъ-ли повторится.

Наконецъ, въ третьемъ отношеніи, въ отношеніи исправленія прохода было сдѣлано болѣе всего. Эта непроходимая дорога, заваленная обломками скалъ, массою камней, изрѣзанная рытвинами, промоинами, узкая, крутая и съ массою прочихъ недостатковъ, дѣлавшихъ ее дѣйствительно непроходимою, благодаря заботамъ генерала Кренке съ его молодежью, превращена была въ прелестнѣйшее шоссе, по которому мы могли свободно двигаться и разъѣзжаться со встрѣчными. Дорога была разработана, подъ руководствомъ нашихъ саперъ, болгарами, нанимаемыми за деньги. Всю эту работу приходилось производить въ скалистой почвѣ динамитомъ, киркою и ломомъ.

Балканскій хребетъ состоитъ изъ цѣлаго ряда (я говорю о части хребта, носящей названіе „Шипка“) параллельныхъ гребней, идущихъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ и раздѣленныхъ между собою лощинами, идущими отъ сѣдловинъ, соединяющихъ высшія точки хребта, на сѣверъ и на югъ. Южный склонъ горъ, чрезвычайно крутой, переходитъ въ ровную, какъ столъ, „долину розъ“. Сѣверный, напротивъ, раза въ четыре отложе, переходитъ въ холмистую мѣстность, составляющую сѣверную Болгарію и оканчивающуюся крутымъ правымъ берегомъ Дуная. Каждый изъ параллельныхъ гребней, составляющихъ главный хребетъ, состоитъ изъ одной высшей точки, помѣщенной ближе къ югу, спускающейся круто, терассообразно, къ югу и переходящей въ холмистый гребень къ сѣверу. Шипкинское шоссе проходитъ по одному изъ такихъ гребней, высшую точку котораго составляетъ гора „Св. Николая“. Всѣ лощины горъ покрыты густымъ буковымъ лѣсомъ, по нимъ обыкновенно текутъ ручьи и во многихъ мѣстахъ расположены на очень плодородныхъ участкахъ горныя деревушки. Чѣмъ выше вы подымаетесь, тѣмъ лѣсъ становится рѣже, затѣмъ переходитъ въ кустарникъ, и наконецъ, вершина горы и самый гребень совершенно обнаженъ и покрытъ только маленькой, рѣдкой, мшистой травой. Собственно говоря, горы проходимы

по всѣмъ направленіямъ; онѣ вдоль и поперекъ пересѣчены массою тропинокъ, по которымъ съ давнихъ поръ жители сѣверной Болгаріи сообщались съ южной. Намъ кажется, что можно найти мѣста для проведенія прекрасныхъ шоссе тамъ, гдѣ теперь проложены ничтожныя тропинки. Со времени послѣдняго нашего знакомства съ Балканами о непроходимости ихъ не можетъ быть и рѣчи, но только онѣ проходимы въ другихъ мѣстахъ, нежели это теперь существуетъ.

Лѣтомъ Балканы представляютъ собою дѣйствительно прелестнѣйшую страну; хотя высшія точки ихъ, очень часто покрываемыя непроницаемыми туманами, превращающимися въ проливной дождь, со страшными, царствующими на нихъ вѣтрами, при которыхъ нельзя удержаться даже на четверенькахъ и съ очень холодными ночами не отличаются гостепріимствомъ. За то въ хорошую погоду, хотя она бываетъ и рѣдко, вы дѣйствительно дышете полною грудью и любуетесь роскошными картинами. Особенно очаровательныя минуты представляютъ собою тѣ, когда подъ вашими ногами въ лощинѣ разыгрывается страшнѣйшая буря съ громомъ, молніею и проливнымъ дождемъ, а вы пользуетесь роскошнѣйшею погодою. Зимою картина перемѣняется. Горы становятся дѣйствительно непроходимыми. Обильные снѣга покрываютъ толстымъ слоемъ всѣ скаты; дороги никакой; обледенѣлые гребни и вершины сурово высовываются изъ-подъ массы, безконечной массы, снѣга. Вьюга, мятель и сильнѣйшая стужа. У болгаръ сложилось положительнѣйшее убѣжденіе, что рѣдкій изъ путешественниковъ перебирается на ту сторону. И это вѣрно. Только подъ вліяніемъ величайшаго сознанія долга, подъ вліяніемъ безконечно воодушевлявшей идеи, могъ русскій только солдатъ преодолѣвать эти горы зимою. Да и что устоитъ передъ русскою грудью, когда она понапретъ понатужась!...

Раннею весною и позднею осенью горы непроходимы, и въ особенности для массъ и тяжестей по другимъ причинамъ. Тающіе снѣга, безконечные дожди, безчисленное множество образующихся временныхъ ручьевъ, размываютъ окончательно всѣ пути сообщенія. Никакія сооруженія здѣсь не устоятъ передъ этою стихіею. Почва скалистая размокаетъ аршина на два, на три въ глубину; образуется толстый слой самыхъ причудливыхъ цвѣтомъ глины, и затѣмъ все это смывается въ пропасть.... Дороги нѣтъ.

Такимъ-то образомъ проводилъ время нашъ отрядецъ въ іюлѣ 1877 года на „Шипкѣ“. Присмотрѣвшись хорошенько къ горамъ, у насъ наконецъ сложилось убѣжденіе, что кто-же пойдетъ на нашу позицію въ атаку, когда есть возможность ее обойти со всѣхъ сторонъ, сжечь у насъ въ тылу Габрово, и запереть насъ на Николаѣ. Мы рады были-бы еслибъ могли предположить, что насъ будутъ атаковывать, а не заставятъ насъ умереть съ голоду окруженными, или умереть пробиваясь штыками, и

отдавши все-таки въ руки врага нашу дорогую „Шипку“. Мы думали, что или насъ не атакуютъ, а обойдутъ, или если атакуютъ, то хотя всѣ ляжемъ костьми, но все-таки позиція попадетъ въ руки врага. Никто изъ насъ и думать даже не могъ, что мы отстоимъ „Шипку“ съ нашими ничтожными силами.

Если взглянуть на позицію нашу вообще, то мы найдемъ, что она представляетъ собою собственно двѣ позиціи соединенныя между собою узкимъ перешейкомъ. Это двѣ позиціи: „Николаевская“ и „Центральная“. Николаевская, командующая, какъ было сказано, всѣмъ проходомъ, на югъ спускалась въ долину Розъ почти отвѣсною скалою съ нѣсколькими терассообразными уступами; на западъ крутымъ, покрытымъ кустарникомъ скатомъ въ лѣсистую лощину. На сѣверъ она переходила въ узкій перешеекъ. На востокъ она образовала небольшой уступъ „малый Николай“, и затѣмъ соединялась сѣдловиною съ малымъ Бэдакомъ. Самымъ удобнымъ пунктомъ атаки на Николай, была лощина съ востока отъ малаго Бэдака, и затѣмъ съ сѣвера съ перешейка. Центральная позиція сжатая въ кулакъ тремя, берущими на ней начало лощинами, изъ которыхъ двѣ идутъ на сѣверъ и одна на югъ, имѣла самымъ доступнымъ пунктомъ дорогу на „Лысую гору“. Вся позиція вообще имѣла тотъ недостатокъ, что, представляя вблизи массу закрытыхъ пространствъ, давала возможность непріятелю, скрытно собираться на любомъ пунктѣ и атаковать превосходными силами. Въ слѣдствіи этого вся позиція должна была быть занята равномѣрно, что вело къ неизбѣжному раздробленію силъ. Правильное занятіе прохода требовало непремѣннаго занятія малаго Бэдака и „Лысой горы“, но для этого у насъ не было средствъ. Разъ эти вершины были свободны, непріятель, занявъ ихъ, могъ обстрѣливать всю нашу позицію въ какомъ угодно направленіи. Войска, занимающія позицію, главнымъ образомъ могли разсчитывать, при оборонѣ, развить свое дѣйствіе въ самой ближайшей сферѣ. Самымъ опаснымъ пунктомъ, какъ пунктъ самаго удобнаго наступленія была дорога съ „Лысой“ на „Центральную“. Она отрѣзывала „Николай“ и отдавала въ руки непріятеля всю дорогу въ Габрово.

Изъ артиллеристовъ самая крупная доля дѣятельности, выпала на долю поручика Кисьнемскаго. Я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о трудахъ этого замѣчательнаго офицера въ теченіи іюля мѣсяца.

Кисьнемскій назначенъ былъ командиромъ взятыхъ у турокъ стальныхъ орудій. Ему дано было четыре фейерверкера, а остальная прислуга составлена была изъ рядовыхъ Орловскаго полка. Благодаря неусыпнымъ заботамъ и ревностнымъ трудамъ этого офицера, къ началу атаки прохода, прислуга эта была въ состояніи безукоризненно нести свои обязанности. Эти пѣхотные солдатики, не изъ лучшихъ по строю въ своемъ полку (ибо кто-жъ изъ ротныхъ командировъ далъ бы лучшихъ), благо-

даря такту и пріемамъ поручика Кисьнемскаго, полюбили орудія и артиллерійское дѣло такъ, какъ это можно встрѣтить среди хорошихъ артиллеристовъ. А дѣла-то было много: не только познакомиться со свойствами орудій и дѣйствіемъ изъ нихъ, но ознакомиться и со всей лабораторной частью, такъ какъ извѣстно, что у турокъ всѣ припасы не въ готовомъ, собранномъ видѣ, а каждый изъ нихъ отдѣльно, и приходиться чуть-ли не подъ огнемъ непріятеля шить мѣшки, насыпать заряды, снаряжать снаряды, собирать трубки и т. д. Самому же Кисьнемскому пришлось изучить орудіе и составить таблицы стрѣльбы для него, ибо таковой не было. Больше бѣды было съ горнымъ орудіемъ, у котораго не было прицѣла и прицѣломъ для котораго служила рука наводчика. Удивительно, этотъ послѣдній изучилъ орудіе и принаровился къ нему. При пробныхъ выстрѣлахъ, которыя производились каждый день въ полдень, онъ замѣтилъ нѣкоторые рубежи на мѣстности и впослѣдствіи, желая поражать ихъ, клалъ обыкновенно бороду на плоскій срѣзъ казенной части, ставилъ впереди на ребро руку и раздвигая пальцы поднималъ верхнюю челюсть, а тѣмъ, разумѣется и глаза; затѣмъ казенная часть опускалась до тѣхъ поръ, пока глазъ въ новомъ положеніи не упирался, скользя по вершинѣ дульной мушки, въ поражаемый предметъ.

Къ концу іюля два факта убѣдили насъ, что непріятель не такъ далеко, какъ мы предполагали. Первое, болгарская дружина и наша 2-я батарея отступили отъ Эски-Загры на южной склонъ Николая. Внизу въ деревнѣ Шипкѣ осталась горсть казаковъ, имѣвшихъ постоянныя стычки съ разъѣздами черкесовъ. Вторымъ явленіемъ, гораздо лучше свидѣтельствующимъ о положеніи дѣла были болгарскіе „бѣженцы“. Предвидя опустошительный набѣгъ арміи Сулеймана, большинство жителей долины Розъ, а также и Эски-Загры, со всѣми своими пожитками убирались черезъ перевалъ въ сѣверную Болгарію. Трудно себѣ представить болѣе раздирающую сердце картину. Безчисленныя вереницы всякихъ возрастовъ: престарѣлыхъ старцевъ, грудныхъ дѣтей, женщинъ, оборванныхъ, босоногихъ, таща на себѣ остатки своихъ пожитковъ, изнеможенныхъ до смерти, бросившихъ мѣста своего рожденія, дома завѣщанные отцами, поля, орошенныя кровавымъ потомъ долголѣтнихъ трудовъ, передвинулись передъ нами съ тѣмъ, чтобы половина изъ нихъ безслѣдно исчезла въ открытомъ полѣ сѣверной Болгаріи, отъ недостатка пищи и стужи. Быть можетъ эта тяжелая картина придала намъ силъ, рѣшимости хоть лечь до послѣдняго, но не пустить врага далѣе.

Приближеніе грознаго врага не повліяло особенно на нашу дѣятельность. Мы поотправили кое-что, вырыли около „Стальной“ еще одинъ ложементъ для пѣхоты, устроили фугасы впереди Стальной и Центральной, да и замерли въ ожиданіи боя. Никто не могъ предвидѣть исхода. Всѣ были проникнуты сознаніемъ необходимости, лечь костьми на этихъ

горахъ, но не отступить; но какъ-то невѣрилось, положительно невѣрилось, въ счастливый исходъ, никто и допустить не могъ, чтобы можно было отстоять перевалъ съ тѣми средствами, которыми мы располагали.

7-го августа долина Розъ покрылась сулеймановской арміею, выходящею изъ Малыхъ Балканъ и выстраивающейся въ долинѣ въ боевой порядокъ. Судя по ширинѣ фронта (верстъ 12) этой сплошной линіи развернутыхъ частей, судя по глубинѣ строя, мы насчитывали турокъ до 40—45 тысячъ. Армія подошла на нѣсколько верстъ къ деревнѣ „Шипкѣ“, и въ томъ-же боевомъ порядкѣ окопалась. Эта армія, безъ сомнѣнія имѣвшая самыя точныя свѣдѣнія о нашей числительности и расположеніи, верстъ на 20-ть отъ насъ построилась въ боевой порядокъ, и такъ двигалась цѣлый переходъ! Въ этотъ же день запылала деревня Шипка. Съ Николая капитанъ Піуновъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ. Снаряды ложились за деревней Шипкой въ рощѣ, но до непріятельскаго лагеря не долетали.

Столь близкое сосѣдство непріятеля, окончательно убѣдило насъ, что онъ будетъ насъ атаковывать на нашей позиціи. Пришлось сдѣлать послѣднія приготовленія къ бою, и ждать.

Длина всей позиціи, какъ она должна была быть занята, была 7-мь тысячъ шаговъ. Всѣ силы наши которыми мы располагали, въ первый моментъ боя состояли изъ Орловскаго полка, пяти дружинъ болгарскаго ополченія; причемъ болгарскія дружины сильно пострадавшія подъ Эски-Загрой, а Орловскій полкъ еще не пополненный послѣ дѣлъ въ началѣ іюля. Орудій было 32: восемь 9-ти-фунтовыхъ, восемь 4-хъ-фунтовыхъ, 6-ть орудій стальныхъ турецкихъ, два горныя турецкія и шесть горныхъ нашихъ. Незначительное количество оренбургскихъ и донскихъ казаковъ съ двумя конными орудіями, занимали крайній тылъ нашей позиціи, по дорогѣ въ Габрово, бывшую турецкую батарею. При орудіяхъ кромѣ всѣхъ зарядныхъ ящиковъ, имѣлось еще отдѣленіе летучаго парка. Орудія были расположены слѣдующимъ образомъ: на „Стальной“ шесть турецкихъ стальныхъ, два 9-ти-фунтовыхъ мѣдныхъ и горныя турецкія. На „Николаѣ“ слѣва скалы, на той батареѣ, на которой погибъ въ послѣдствіи геройскою смертью князь Мещерскій, командиръ 1-й батареи 14-й артиллерійской бригады, два 9-ти-фунтовыхъ справа скалы, два фронтомъ къ югу и два фронтомъ на западъ. На „Центральной“ было четыре 4-хъ-фунтовыхъ орудія, и на „Круглой“ четыре 4-хъ-фунтовыхъ. Горная батарея находилась въ резервѣ у домика, стоявшаго на перешейкѣ у подошвы Николая.

Такъ какъ о дѣйствіяхъ другихъ родовъ оружія на „Шипкѣ“, было уже писано и говорено довольно подробно; то я, какъ артиллеристъ, въ описаніи знаменитаго семидневнаго августовскаго боя, буду придержи-

ваться главнымъ образомъ дѣйствій артиллеріи, дабы познакомить читателя съ заслугами артиллеріи въ этотъ безсмертный бой.

Какъ уже извѣстно, непріятель 7-го августа сталъ у дер. „Шипки". Каждый ожидалъ, что атака будетъ, если не сегодня же ночью, то завтра утромъ навѣрно. Но не тутъ-то было. Непріятель провелъ все 8-е число въ бездѣйствіи. Это ободрило насъ. Нерѣшительность врага, повысила значительно наше расположеніе духа; мы благодарили небо за этотъ день, считая, что подкрѣпленія крайне необходимыя намъ во время подоспѣютъ. Несчастная „Шипка", эта роскошнѣйшая деревушка, такъ гостепріимно принявшая насъ, на нашихъ глазахъ сгорѣла до тла. Зарево ея не мало способствовало возвышенію нашей ненависти къ врагу, и рѣшимости не пустить его далѣе. Все, что только было лишнее, какъ-то: лошади, нѣкоторый обозъ, кухни, маркитанты были отправлены внизъ къ Габрову. Остались только штыки и орудія.... Какіе-то всадники изъ окрестныхъ горъ видимо разсматривали позицію, готовили планы атакъ.

Тихая темная ночь покрыла оба лагеря... Мы не сомкнули глаза. Ждали атаки съ страшнымъ напряженіемъ. Только зарево догорающей Шипки заставляло какъ-то болѣзненно сжиматься сердце.

9-го августа утромъ часовъ въ 7-мь, раздался первый выстрѣлъ съ Николая по непріятельскимъ колоннамъ, подымавшимся по шоссе отъ деревни Шипки въ горы. Черезъ нѣсколько мгновеній густыя толпы турокъ стали спускаться отъ Бэрдака и „Сахарной головы" по сѣдловинѣ, къ стальной батареѣ. Колонны эти еще на скатѣ Бэдака встрѣчены были выстрѣлами стальной батареи, снаряды которой какъ обыкновенные и малаго калибра, не могли нанести имъ особаго вреда, да и замѣшательства въ нихъ не было видно. Но лишь только безпорядочной толпой—массой спустились онѣ на сѣдловину, „Центральная" и „Круглая" батареи открыли огонь картечными гранатами. Три-четыре дѣйствительно удачно разорвавшія гранаты, и изъ всей этой массы, вы видите только горсть бросившихся въ стороны, назадъ.... Мы могли ясно различать дѣйствія нашихъ картечныхъ гранатъ, ближайшіе зрители стальной и прилежащихъ къ ней ложементовъ, подтверждали наши наблюденія.

Обѣ наши батареи держались одной системы при отраженіи атакъ: обѣ ждали, пока колонна не войдетъ на плѣшь сѣдловины, сейчасъ открывали огонь и когда колонна была разсѣяна, разсѣевая выстрѣлы, по одной гранаткѣ, обстрѣливали окружающіе плѣшь кусты. При этомъ „Центральной" приходилось выкатывать орудія на скатъ, чтобы лучше брать во флангъ непріятеля. Одна-двѣ удачно разорвавшіяся гранаты заставляли таборъ разбѣгаться во всѣ стороны, а на плѣши оставляли черное пятно. Турки посылали одну колонну за другою, и судьбы всѣхъ были одинаковы, ни одна изъ нихъ, удерживаемая огнемъ нашихъ кар-

течныхъ гранатъ, не могла подойти къ цѣли ихъ дѣйствія, къ стальной батареѣ.

Всѣ могутъ засвидѣтельствовать тотъ фактъ, что когда раза три или четыре колонны, встрѣченныя нашими картечными гранатами, теряли окончательно возможность штурмовать батарею, съ пятою очередью колоннъ появился въ главѣ ихъ какой-то человѣкъ на бѣломъ конѣ. Ясно видно было, какъ онъ разъѣзжая по рядамъ, подбодрялъ ихъ, увѣщевалъ двинуться впередъ. Ясно видно было, какъ колонна то разсыпаясь, то снова сбиваясь въ кучу, упорствовала подойти къ роковому мѣсту. Наконецъ подъ вліяніемъ его рѣчей, они, окруживъ его дружною толпой, двинулись впередъ... Командиръ Центральной батареи, самъ навелъ свое любимое шестое орудіе... Выстрѣлъ.... Впереди воинственной группы, зловѣщій бѣлый дымокъ и группы нѣтъ; на глазахъ у всѣхъ бѣлый конь бѣшенно описалъ нѣсколько вольтовъ и упалъ вмѣстѣ съ всадникомъ. Турки бѣжали; только груда черно-красноватыхъ тѣлъ съ бѣлымъ пятномъ по серединѣ, свидѣтельствовали о ихъ пребываніи здѣсь. Распространился слухъ, что Сулейманъ убитъ; но впослѣдствіи оказалось, что это былъ мулла.

Совершенно торжественнымъ образомъ, огнемъ артиллеріи отбиты были всѣ атаки на стальную батарею, атаки, которыхъ было безъ числа.

Но все-таки отъ каждой колонны нѣсколько смѣльчаковъ пробиралось впередъ и залегало въ мертвыхъ складкахъ мѣстности, у подошвы кургана батареи. Стемнѣло.... Казалось бой кончился... Какъ вдругъ подымается страшная трескотня на Стальной, и болѣзненно раздражающія уши звуки картечныхъ выстрѣловъ. Это пробравшіяся впередъ за цѣлый день остатки колоннъ, подкрѣпленныя частями, пробравшимися по одиночкѣ по лощинамъ, произвели дружную, стремительную атаку на батарею. Крутые скаты холма батареи дѣлали ее теперь, въ самый критическій моментъ беззащитной. Ея картечь была впустую. Но дружные штыки болгарской дружины, Орловцевъ, масса камней, гранатъ, сваленныхъ руками на головы атакующихъ, отбили атаку. Черезъ полчаса атака была возобновлена, но съ тѣмъ же самымъ успѣхомъ.

На южномъ скатѣ Николая весь день бой былъ также однообразенъ. Нѣсколько движеній въ массѣ, встрѣченныя картечными 9-ти-фунтовыми гранатами съ Николая, отбили охоту повторять ихъ: турки засѣли за безчисленными камнями, рытвинами, буграми, складками, и открыли бѣшеный огонь. Въ этотъ день разстроенные гранатами, они не отважились полѣзть на отвѣсныя скалы Николая. Во все время этихъ атакъ огонь турокъ былъ такъ частъ, что мы были осыпаемы формально градомъ пуль.

Атака велась только на Стальную и Николай, а у насъ, на Круглой, Центральной, и въ особенности въ Брянскомъ полку, прибывшемъ

около полудня и легшимъ за Центральною батареею, на скатѣ, были большія потери. Пули ложились далеко по дорогѣ въ Габрово.

Что дѣлала въ этотъ день турецкая артиллерія? Раннимъ утромъ мы увидѣли на маломъ Бэрдакѣ копошащуюся группу людей; открытъ былъ со Стальной по ней огонь; но не смотря на это, около десяти часовъ, устроенная тамъ батарея открыла сильный огонь по Стальной.

Стальная принялась за нее. Весь день вели они между собою ожесточенную борьбу. Нѣсколько разъ непріятельская батарея замолкала. Но на ней происходила слишкомъ дѣятельная работа. Ясно можно было различать, какъ большія группы людей втаскивали новыя орудія взамѣнъ подбитыхъ, подъ градомъ нашихъ гранатъ батарея являлась снова... Дымокъ, а послѣ мѣткій ударъ по Стальной доказывали о новой жизни на батареѣ. Стальная была засыпана снарядами. Несчастливѣе были попытки турокъ на Сахарной головѣ и Соскѣ. Сколько ни было потрачено усилія непріятелемъ, чтобы установить тамъ орудія, все напрасно. Лишь только ихъ орудіе давало знать о себѣ, какъ мѣткіе выстрѣлы съ Центральной, горной (что у Стальной) и Круглой, сбивали остроконечную вершину со всѣмъ на ней находящимся. Молчаніе. Нѣсколько часовъ работы. Новый выстрѣлъ; но и его встрѣчала та же участь. Въ этотъ день повторялось это три раза и турки отказались совершенно ставить здѣсь батарею. Въ семидневный бой у турокъ на этихъ двухъ вершинахъ болѣе не было орудій.

И такъ, благодаря странному выбору непріятелемъ пункта главной атаки, Стальную, мы могли въ этотъ день сосредоточеннымъ огнемъ 17-ти орудій удерживать его на этомъ опасномъ для насъ пунктѣ, разстраивать его колонны, и тѣмъ уравновѣшивать борьбу его съ нашей пѣхотой. Веденныя же имъ на Николай двѣ второстепенныя атаки были отбиты единственно огнемъ батарей. Борьба же батарей съ непріятельскою артиллеріею имѣла своимъ результатомъ: ограниченіе устройства батареи Бэдакомъ и отвлеченіе огня сей послѣдней по нашей пѣхотѣ привлекши его на Стальную.

Нельзя себѣ представить состоянія нашего въ этотъ день послѣ счастливаго отраженія нападенія. Никакой усталости; восторженное какое-то блаженное состояніе! Наша дорогая „Шипка“ спасена. Казалось, насъ уже отсюда никто не выбьетъ. Довольство всѣмъ: и солдатомъ, этимъ прелестнѣйшимъ другомъ-человѣкомъ, и орудіемъ, на которое такъ мало разсчитывалось, и снарядами и трубками. Мы не могли сдѣлать ни единаго упрека нашей матеріальной части; мы могли смѣло теперь ей довѣриться; мы знали, что теперь у насъ есть надежное средство къ побѣдѣ.

Всѣ успокоились. На одной „Стальной“ шла дѣятельная работа: надо было привести въ порядокъ разрушенную батарею, подумать о луч-

шемъ укрытіи, а главное о зарядахъ. Всѣ заготовленные заряды вышли, а ткани на картузы нѣтъ. Славный Кисьнемскій, чтобы дать вздохнуть солдатикамъ, всю ночь самъ шилъ изъ собственнаго бѣлья картузы и набивалъ ихъ...

10-е число прошло все главнымъ образомъ въ артиллерійскомъ боѣ. Непріятель произвелъ нѣсколько слабыхъ атакъ, не имѣвшихъ никакого успѣха. Засѣвшіе за камнями охотники-черкесы, мѣткимъ огнемъ донимали насъ цѣлый день. Батарея на маломъ Бэдакѣ приняла за ночь совершенно правильный видъ; мы ясно различали въ ней девять амбразурныхъ отверстій, въ слѣдствіе чего и прозвали ее „девятиглазою“. Стальная батарея занялась исключительно борьбою съ девятиглазою и работа ея, не смотря на большое разстояніе, увѣнчалась успѣхомъ: брустверъ ея принялъ неправильную волнообразную форму, взорваны были два раза артиллерійскіе вьюки. Два девятифунтовыя орудія препятствовали починкѣ батареи изрѣдка обстрѣливая ее картечными гранатами. Мы ясно видѣли, что непріятель задумываетъ противъ насъ что-то неладное. Онъ передвигалъ войска по гребню Бэдака на сѣверъ, и по долинѣ Шипки на западъ, но прійдти къ положительному рѣшенію относительно его намѣренія не было возможности. Мѣстность скрывала многое. А что если онъ откажется отъ желанной нами атаки и займется обходомъ, который былъ для насъ такъ страшенъ? Мы желали одного: пусть атакуетъ, но пусть не углубляется на сѣверъ, пока мы не легли до послѣдняго. Атакуетъ, а тамъ, быть можетъ, поспѣетъ обѣщанная давно помощь и мы справимся съ нимъ. Однако, предчувствуя какой-то сюрпризъ, мы, на сколько возможно, приготовлялись къ встрѣчѣ: поправили батареи, углубили ложементы, вырыли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ новые. На центральной батареѣ построили съ восточной стороны 3-хъ футовой дерновой фасъ, чтобы прикрыть прислугу отъ тыльнаго огня. Два донскія орудія помѣстили на „Круглой“, а горныя стали на ихъ мѣстѣ для обезпеченія крайняго тыла.

Ожиданія наши оправдались. 11-го чуть свѣтъ, три роты Орловскаго полка, выдвинутыя къ укрѣпленіямъ Лысой горы, стремительно атакованныя многочисленнымъ непріятелемъ, съ большими потерями отступили къ лѣсному кургану. Турки немедленно заняли укрѣпленія „Лысой“ орудіями и подъ ихъ покровительствомъ двинулись впередъ. Одновременно сосредоточенныя за гребнемъ Соска наканунѣ части перешли лощину и ударили на Круглую. По первому выстрѣлу съ „Лысой“, „девятиглазая“ открыла сильный огонь по Стальной и всему Николаю.

То, чего мы боялись, совершилось: турки атаковали насъ съ самой слабой нашей стороны. Это былъ самый доступный путь на нашу позицію, по немъ можно было двинуть довольно большія массы, пользуясь лѣсомъ и неровностями, разсчитывая безъ особыхъ потерь приблизиться

по „Лѣсной“ горкѣ и затѣмъ стремительно броситься на Центральную, разрѣзать позицію и овладѣть самымъ удобнымъ входомъ на Николай и всею габровскою дорогою. Мы, атакованные на этомъ пунктѣ превосходными силами, не могли разсчитывать на помощь съ Николая, ибо онъ самъ могъ быть атакованъ лежащими за разными мѣстными прикрытіями, кругомъ него таборами. Уже съ утра стало ясно, что если не подоспѣетъ подмога, то исходъ боя будетъ для насъ неблагопріятенъ.

Поставивъ до 10-ти орудій на „Лысой“, они открыли убійственный огонь по Центральной и Круглой. Отвѣчать имъ могли съ нашей стороны только 4 четырехфунтовыя съ Центральной и 2 девятифунтовыя съ Николая. Круглая батарея занята была отбитіемъ атакъ направленныхъ на нее.

Борьба этой батареи была ужасна.

Подъ ударами Лысой и Девятиглазой, не отвѣчая имъ ни на одинъ выстрѣлъ, она прорѣзала нѣсколько сплошныхъ отверстій въ брустверѣ, выкатила орудія на скатъ и отбивала одну атаку за другой картечью и картечными гранатами. Всѣхъ атакъ на нее было пять. Немногочисленные штыки, охранявшіе батарею, вышли изъ строя ранеными и убитыми. Осталась горсть, залегшая подъ орудіями, изнеможенная до крайности, готовая умереть, но не въ силахъ уже бороться. Турки съ неимовѣрнымъ ожесточеніемъ громадными массами лѣзли на батарею. Очевидцы никогда не забудутъ тѣхъ страшныхъ опустошеній, которыя производили въ рядахъ непріятеля наша картечъ и картечная граната. Цѣлыя груды тѣлъ, послѣ каждаго выстрѣла, скатывались по крутой горѣ въ яръ. Но свѣжіе таборы, устраивая лѣстницы изъ тѣлъ павшихъ, съ неописаннымъ ожесточеніемъ и настойчивостью лѣзли впередъ. Нѣсколько разъ они подходили шаговъ до сорока, но залпъ картечью поворачивалъ ихъ назадъ. Около четырехъ часовъ, послѣ безплодныхъ и сопряженныхъ съ страшными усиліями и потерями атакъ, изнеможенный врагъ залегъ у подошвы кургана батареи. Черно-красноватыя груды тѣлъ, сплошь покрывавшія высоту, свидѣтельствовали объ упорствѣ боя, о стойкости защитниковъ и о безсмертномъ самоотверженіи и славномъ дѣйствіи артиллеристовъ.

Не такой оборотъ принимали дѣла на Центральной батареи. Ей предстояло выдержать не ровный бой съ десятью орудійною непріятельскою батареею и удержать страшный напоръ многочисленной пѣхоты.

Сперва батарея направила свой огонь противъ непріятельской батареи, но первые же выстрѣлы ясно показали несостоятельность борьбы съ громадной батареею, на 1200 саж. и значительно притомъ командующею. Батарея, затѣмъ, задалась цѣлью огнемъ картечныхъ гранатъ удерживать напоръ непріятеля и тѣмъ помочь пѣхотѣ противустоять ему. Такъ какъ лѣсной курганъ скрывалъ все, сзади лежащее простран-

ство вплоть до вершины Лысой, то батарея рѣшилась удерживать его на пространствѣ между Лѣсной и Волынской. Это пространство въ 250 саженъ сдѣлалось роковымъ для турокъ; но оно было роковымъ и для насъ. Пройди турки его ранѣе, чѣмъ это имъ удалось и Балканы не были бы въ нашихъ рукахъ. Лишь только непріятельскія массы, преслѣдуя сбитую ими пѣхоту, показались на Лѣсной, какъ батарея встрѣтила ихъ изъ всѣхъ четырехъ орудій картечною гранатою. Разсѣевая выстрѣлы по всему гребню, поддерживая огонь постоянно, встрѣчая залпами всякую попытку непріятеля спуститься массою съ гребня, батарея заставляла непріятеля слишкомъ дорого платить за каждый шагъ уступленнаго пространства и только она одна, по свидѣтельству всей пѣхоты, давала возможность перевести духъ, выждать патроновъ, устроиться и подобрать безчисленныхъ раненыхъ. Замѣтя это, всѣ непріятельскія орудія съ ожесточеніемъ набросились на батарею, засыпавъ ее безконечнымъ числомъ снарядовъ. Батарея находилась въ ужасномъ положеніи. Она не могла отвѣчать непріятелю, должна была бороться съ его пѣхотою, а онъ пользовался этимъ .. Дно батареи, ея брустверъ и окружающее пространство, представляло собою какую-то громадную земляную глыбу, разбитую и разбросанную въ безпорядкѣ. Но не смотря на это, не смотря на значительную убыль, батарея боролась отчаянно. Эта страшная борьба продолжалась до пяти часовъ вечера. Все, что только было, всѣ резервы, каждый свободный человѣкъ, были направлены на этотъ страшный пунктъ и черезъ мгновеніе возвращались ранеными или же испускали духъ за Царя, за вѣру, за Русь на этой безсмертной Волынкѣ.

Страшная трескотня, выстрѣлы орудій слившіеся въ одинъ протяжный гулъ изрѣдка прерывались русскимъ „ура“, на всякое извѣстіе о приближеніи подмоги. Но и эти „ура“ столько разъ уже обманутыя въ этотъ день, и эта ружейная трескотня и гулъ орудій, становились все глуше и глуше...

Къ вышесказанному времени число защитниковъ стало ничтожнымъ, Центральная осталась только съ 36-ю картечными гранатами и 12-ю картечами. Положеніе становилось критическимъ. Подмога не педходила. Непріятель густою, безпорядочною массою высыпалъ на „Волынку“, но тутъ батарея приняла его такимъ огнемъ, что онъ ни шагу не могъ податься впередъ. Въ кустахъ, по обоимъ сторонамъ горки, остатки героевъ Орловцевъ и Брянцевъ штыками и прикладами удерживали непріятеля, въ серединѣ батарея картечными гранатами. Одиночные турки выбѣгали уже къ самымъ фугасамъ и здѣсь съ колѣна въ упоръ били батарею. На Лысой и по дорогѣ къ Лѣсной выстроилась турецкая кавалерія, ожидая съ минуты на минуту удобнаго мгновенія броситься на позицію и довершить побѣду по своему звѣрскому обычаю... Жутко намъ было. Остатки Брянцевъ залегли непосредственно у батареи. Кар-

течью стрѣлять нельзя, а гранатъ уже и нѣтъ. Еще одинъ напоръ и небольшая кучка нашихъ вытѣснена изъ кустовъ и открывая батарею быстро выстраивается по обѣимъ сторонамъ фугасовъ. Вся позиція такъ и замерла. Въ тылу у Круглой мы видимъ какой-то безпорядокъ: какая-то толпа побѣжала по дорогѣ къ Габрову. Круглая совсѣмъ опустѣла; только у перваго орудія человѣкъ шесть артиллеристовъ стоятъ, но и ихъ орудіе не стрѣляетъ. Неужели все пропало?!

— Ваше благородіе! снарядовъ нѣтъ; докладываютъ солдатики...

— Сабли, банники есть, отвѣчаетъ командиръ батареи.

— Ваше благородіе, вѣдь съ Круглой уже отступили. Съ тылу турки выбѣгаютъ на шоссе; куда намъ отступить?!

— Отвязывай банники! Бей, когда придется, отъ души! Да смотрите ребята: меня не оставлять! Вмѣстѣ жили, вмѣстѣ и умремъ! отвѣчаетъ командиръ батареи.

— Не оставимъ; какъ можно!..

Слыша это Брянцы, залегшіе подъ батареею грянули ура.

Въ грозномъ ожиданіи, батарея, съ поднятыми банниками, съ ружьями на-руку остатки пѣхоты простояли минутъ пять. Турки полукругомъ подошли шаговъ на сто. Ни одного выстрѣла. Вся Николаевская позиція съ поднятыми къ небу руками въ гробовомъ молчаніи ожидала драмы, которой предстояло разъиграться у ея ногъ, а затѣмъ и ея очередь. Уже составилась на Николаѣ колонна пробиться послѣ нашего паденія, спуститься въ лощину и лѣсомъ уйти къ монастырю. Все казалось, пропало. Грозное кольцо турокъ волнообразно подавалось то впередъ, то назадъ. Не смотря на страшное превосходство они боялись столкнуться грудь съ грудью съ горстью героевъ. Они ждали, что мы повернемъ. Наконецъ кольцо нерѣшительно подается впередъ. Поздно!

Мы какъ-то инстинктивно оглянулись назадъ. Безпорядочная толпа нашихъ, отступившихъ съ Круглой, бѣжитъ назадъ, занимаетъ свои мѣста. Раздается: „Рота стой!“ „Направо!“ Съ громкой пѣсней, русской, разудалой, вбѣгаетъ на Центральную рота стрѣлковъ, спускается быстро по фугасамъ; все, что только можетъ, болѣе не сомнѣваясь въ успѣхѣ, съ невыразимымъ порывомъ бѣжитъ впередъ и подъ звуки громкаго, безконечнаго, подхваченнаго всей позиціею „ура“ началась штыковая потѣха, русскій бой!!

Не смотря на громадное превосходство непріятеля, эта горсть подоспѣвшихъ товарищей, до безконечности возвысила нашу энергію и парализировала непріятеля. Нашъ натискъ былъ такъ стремителенъ, что непріятель окоченѣлъ положительно. До полуночи продолжался этотъ страшный, кровавый бой.

Нельзя себѣ представить наше нравственное состояніе. Страшныя мýки, отчаяніе, за минуту до того наполнявшія наши души, страшныя

потери, труды, все забыто и одно только отрадное чувство побѣды, безконечнаго довольствія наполняло все наше существо!

Въ этотъ день два 9-ти фунтовыя орудія съ Николая принимали участіе въ борьбѣ Центральной съ Лысой; а Стальная весь день боролась съ Девятиглазой, привлекая ея огонь на себя и не позволяя ей бить по всей центральной позиціи.

Со стрѣлками появился на позиціи генералъ Радецкій, лично осмотрѣвшій поле брани и сдѣлавшій нужныя распоряженія. Съ генераломъ Радецкимъ пріѣхалъ и нашъ командиръ бригады генералъ Аносовъ, осмотрѣвшій всѣ батареи, поблагодарившій и подбодрившій солдатъ, а главное, сдѣлавшій распоряженіе о доставкѣ на позицію пищи, что было для насъ чрезвычайно важно, ибо мы три дня ничего не ѣли, кромѣ незначительнаго количества сухарей. Многіе солдатики, изнеможенные трехъдневнымъ безостановочнымъ боемъ, какъ мертвые, свалились и заснули. Старикъ генералъ, вошедши на батарею, обозрѣвая эту страшную позицію покрытую грудами тѣлъ; взглянувъ на наши лица, черныя какъ сыра земля, измученныя; взглянувъ на спящихъ подъ градомъ свистящихъ пуль, ничѣмъ не прикрытыхъ героевъ-солдатъ, снялъ шапку, поклонился имъ и со слезами на глазахъ могъ выговорить только одно: „Спите, спите, славные герои; Богъ съ вами!“ Его слова относились къ спящимъ героямъ и живымъ и мертвымъ. Въ лицѣ этого старика-командира поклонились имъ наши отцы, наши матери...

Присутствіе любимыхъ начальниковъ, привезшихъ извѣстіе, что завтра же сосредоточится весь корпусъ, возстановило окончательно равновѣсіе по всей позиціи. Мы были увѣрены, что она навсегда наша.

Ночью съ 11-го на 12-е, на Круглой батареѣ поставленъ былъ взводъ 4-хъ фунт. орудій 14-й артилл. бригады, а на Николаѣ 2 орудія девятифунтовыя.

12-го непріятель атаковалъ нѣсколько разъ съ запада Лѣсной курганъ, занятый нами. Курганъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки; но никогда непріятель не могъ подвинуться далѣе этой возвышенности. Центральная батарея опять работала исключительно съ пѣхотой, взводъ съ Круглой, и два девятифунтовые взвода съ Николая боролись съ Лысой; но она несмотря на ихъ огонь неутомимо обстрѣливала Центральную, желая облегчить наступленіе своей пѣхоты.

Снаряды, упавшіе на Центральную батарею и неразорвавшіеся ясно обнаружили, что непріятель перевооружилъ батарею орудіями большаго калибра, приблизительно 12-ти фунтовыми. Стальная опять исключительно боролась съ Девятиглазой. Къ полудню батарея эта замолчала. Двумъ николаевскимъ батареямъ пришлось въ этотъ день снова поработать. Около двѣнадцати часовъ нѣсколько таборовъ бросились на „Скалу“. Они двинулись сперва массою; ихъ встрѣтили картечными грана-

тами. Разстроенные они вразбродъ добѣжали до мертваго пространства, перевели духъ и полѣзли на скалу, но здѣсь почти всѣ нашли смерть на русскихъ штыкахъ.

13-го числа батареямъ неизвѣстны были намѣренія командира корпуса, а между тѣмъ онъ рѣшился атаковать „Лысую“. Батареи были поставлены въ такое положеніе, что только тогда, когда пѣхота наша двинулась въ атаку, мы смекнули въ чемъ дѣло. Круглая, центральная и 4 орудія девятифунтовыя съ Николая набросились на непріятельскую батарею, но громадность разстоянія (1200 саж.) требовала слишкомъ большой траты снарядовъ, а главное, слишкомъ много времени для полученія желаемыхъ результатовъ. Какъ не предупрежденныя, они не могли развить своихъ дѣйствій вполнѣ систематически: разстроить непріятельскую батарею, обезсилить ее къ тому времени, когда наша пѣхота приблизится къ ней съ готовностью атаковать. Результатъ получился какого слѣдовало ожидать. Непріятельская батарея съ сильно поврежденнымъ брустверомъ сохранила однако способность дѣйствовать. Она даже послѣ первыхъ поврежденій въ брустверѣ какъ-то притаилась, показывая видъ, что орудія повреждены, и дѣйствовать она не можетъ. Мы все-таки не оставили ее безъ вниманія; а постоянно обстрѣливали девяти-фунтовыми орудіями съ Николая, всѣ же четырехъ-фунтовыя орудія весь свой огонь направили на турецкую пѣхоту и тѣмъ дали возможность нашей сильно ее потѣснить. Наконецъ, цѣль казалось достигнута: наша пѣхота полукругомъ охватила батарею и уже шагахъ въ 50-ти отъ ней, мы не можемъ стрѣлять боясь поражать своихъ же. Въ это время Лысая залпами картечи производитъ сильныя опустошенія въ нашихъ рядахъ, а сомкнутая масса турецкой пѣхоты выбѣгаетъ на нашъ флангъ и мнетъ всю цѣпь. Все, что было пройдено съ страшными усиліями въ продолженіи десяти часовъ, все съ страшными потерями отдано назадъ. Отчего? У насъ тамъ не было порядка. Все, что только было направлено, втянулось въ первую линію; эта линія, желая охватить непріятеля, слишкомъ растянулась; резерва никакого. Замѣтьте, въ самый критическій моментъ, когда именно и страшна случайность резерва—этого средства противъ случайности — нѣтъ. Непріятельская колонна какъ молотомъ начала мять... Все смяла... Сколько раненыхъ и убитыхъ было на глазахъ нашихъ, отступающихъ, изуродовано, искрошено!! Боже мой! Боже мой! И все одна ошибка!!..

Лишь только наши немного отступили, мы всѣ снова набросились на Лысую и непріятельскіе резервы. Непріятель упорно преслѣдовалъ до Лѣсной; но здѣсь наши картечныя гранаты его остановили.

Итакъ, главною причиною неудачи нашей въ этотъ день было то, что наша пѣхота слишкомъ рано атаковала непріятеля, не давъ времени артиллеріи для дѣйствія по непріятельской батареи и затѣмъ она слиш-

комъ скоро ввела всѣ свои части въ первую линію. Но кромѣ того и въ способѣ атаки, и въ расположеніи резервовъ и во многомъ и многомъ другомъ были сдѣланы ошибки... Errare humanum est!!..

Во весь день ни мы, ни непріятель, не предпринимали ничего на другихъ пунктахъ позиціи. Девятиглазая, по обыкновенію открыла огонь по всей позиціи, но Стальная привела ее черезъ нѣсколько времени въ такое состояніе, что она принуждена была замолчать. Стальная взорвала на ней пороховой погребъ. Изрѣдка поддерживая огонь она не позволила Девятиглазой оправиться уже до вечера.

14-го числа бой перенесенъ былъ снова въ ближайшую рану, а именно: на Лѣсную гору. Атаковалъ непріятель. Батареи Николай и Круглая боролись исключительно съ Лысой, Центральная же поддерживала пѣхоту. Бой продолжался съ перемѣннымъ счастіемъ до четырехъ часовъ пополудни. Страшная трескотня, перестрѣлка батареи была минутами отдыха... Стремительныя атаки съ крикомъ „Алла“, залпы, обратившихся противъ атакующихъ, орудій—минутами дѣла.

Въ четыре часа непріятель овладѣлъ Лѣсной, но далѣе, не смотря на всѣ усилія, не могъ податься, удерживаемый всякій разъ огнемъ картечныхъ гранатъ. Бой, повидимому, кончился. Обѣ стороны, истомленныя ежедневнымъ, безпрерывнымъ боемъ, казалось, проведутъ ночь спокойно. Но не то вышло на дѣлѣ.

Еще вечеромъ, позвавъ къ себѣ командира Центральной батареи, начальникъ позиціи полковникъ Липинскій приказалъ быть на-сторожѣ, такъ какъ у турокъ замѣтно было движеніе войскъ по южному скату Лѣсной горы къ Волынкѣ, а слѣдовательно, быть можетъ они сдѣлаютъ ночное нападеніе въ этомъ направленіи. Мы были на-сторожѣ—приготовились къ встрѣчѣ.

Часу въ двѣнадцатомъ ночи, мы слышимъ выстрѣлъ, другой; и затѣмъ вся Лѣсная освѣтилась какъ бы непрерывнымъ рядомъ газовыхъ рожковъ. Предполагая, что непріятель двинулся по сказанному направленію въ атаку и желая удержать центръ непріятеля и тѣмъ дать возможность нашимъ справиться съ атакою на флангъ, Центральная сдѣлала четыре выстрѣла картечной гранатой по Лѣсной. (Дистанція извѣстна; а свѣтящійся край ложемента позволялъ прицѣлиться). Огонь смолкъ. Раздались страшные крики „Алла“, „Алла“, которые продолжались до разсвѣта.

Съ разсвѣтомъ, непрерывный звукъ рожковъ, водворилъ у непріятеля порядокъ и онъ снова занялъ брошенные имъ ночью ложементы, убѣдившись, что они не заняты нами.

Что-жъ это было?

Замѣченные нами съ вечера таборы, бродя ночью по скату горы, перелѣзая массу сваленныхъ и въ безпорядкѣ разбросанныхъ деревьевъ

вышли, спутавшись, на свои ложементы; тѣ открыли огонь. Нѣсколько нашихъ гранатъ окончательно убѣдили ихъ, что они атакованы нами. Поднялась страшнѣйшая суматоха. Турки бросили свои ложементы; дрались сами съ собою всю ночь и только день, представившій имъ суть дѣла въ настоящемъ свѣтѣ, помогъ имъ опомниться.

Отъ великаго до смѣшнаго только одинъ шагъ. Это вѣрно. Эта страшная драма, разыгравшаяся на Шипкѣ, благодаря упорству турокъ бить лбомъ о стѣну, этотъ рядъ веденныхъ съ остервененіемъ атакъ кончился чѣмъ-же? Тѣмъ, что турки сами себя атаковали.

Такая сложная, такая страшная картина, какъ этотъ безсмертный, семидневный августовскій 1877 года бой на Шипкѣ, по истинѣ составляющій гордость не только русскихъ, но и всего человѣчества, должна быть освѣщаема съ различныхъ сторонъ, чтобы получить о ней самое близкое къ истинѣ понятіе. Наша цѣль была освѣтить ее съ точки зрѣнія участія въ ней артиллеріи.

Подведемъ теперь итоги.

Сущность этого достопамятнаго боя состоитъ въ томъ, что турки сперва повели главную атаку на Стальную, сопровождая ее второстепенными на Николай, а потомъ обративъ вниманіе на преимущества атаки съ Лысой, уже повели атаку на Центральную.

Всѣ эти атаки по единогласному заявленію всей пѣхоты, могли быть отбиты при томъ только содѣйствіи артиллеріи, которое она оказала. При такомъ громадномъ превосходствѣ на сторонѣ непріятеля, при томъ ожесточеніи, съ которымъ велись атаки, при постоянной замѣнѣ и усиленіи атакующихъ новыми частями, горсть нашей пѣхоты при всей ея героической храбрости, все-таки не могла бы отбить ихъ, еслибъ ранѣе непріятель не былъ разстроенъ огнемъ картечныхъ гранатъ. Только благодаря замѣчательному дѣйствію артиллеріи, быстро пристрѣливающейся и разумно сосредоточивавшей огонь, непріятель не могъ устроить въ первые же дни батарей ни на „Сахарной“, ни на „Соскѣ“; батарей, которыя имѣли бы громадное значеніе, такъ какъ онѣ обстрѣливали вдоль и въ тылъ весь Николай и Перешеекъ, гдѣ были наши резервы, перевязочные пункты и единственныя мѣста отдохновенія у домиковъ. Только благодаря стойкости и самоотверженію артиллеріи, какъ Лысая, такъ и Девятиглазая, были удерживаемы всегда въ страхѣ и боясь за себя, часто отказывались отъ огня. Лишь только онѣ вздумали сильно безпокоить нашу позицію, всѣ наши батареи подъ градомъ снарядовъ и пуль обращали свой огонь на нихъ и приводили ихъ въ то безпорядочное состояніе, подъ вліяніемъ котораго онѣ отказывались дѣйствовать. Вся слава борьбы съ Девятиглазой принадлежитъ Стальной. Только благодаря героической стойкости и самоотверженію артиллеріи, то привлекающей на себя огонь и несшей страшныя потери, то выкатывавшей

орудія на'скатъ и отбивавшей атаки картечью, то стоявшей даже безъ снарядовъ, съ голыми руками въ ожиданіи послѣдняго удара и тѣмъ поддерживавшей общій духъ рѣшимости—стоять до послѣдняго, только благодаря этой артиллеріи отбиты атаки въ тѣ критическіе моменты, когда, казалось, все потеряно, когда непріятель сбивъ пѣхоту, готовъ былъ захватить батареи. Батареи были центрами; около нихъ сосредоточивались бои; на нихъ велись только атаки. Непріятель всегда останавливался на батареѣ. Это была преграда, которую онъ не могъ преодолѣть.

Я думаю, никто изъ сражавшихся на Шипкѣ, не откажетъ повторить артиллеріи тѣ похвалы и ту признательность, которую они такъ часто повторяли тамъ — на полѣ брани. Начальники позицій оцѣнивая дѣйствія артиллеріи въ семидневный бой сказали, что всѣ командиры, фактическіе, батарей, достойны георгіевскихъ крестовъ. Это счастіе выпало на долю командировъ Центральной и Круглой батареи.

Разсказъ свой я кончаю этимъ блестящимъ началомъ безсмертной борьбы, продолжавшейся вплоть до 28-го декабря. Мы сослужили русской землѣ большую службу и величайшею признательностью общества считаемъ ту, что встрѣчая насъ говорятъ: „Онъ былъ на Шипкѣ".

5-й батареи 9-й артиллерійской бригады,
штабсъ-капитанъ **Поликарповъ.**

НА БАЛКАНАХЪ,

въ обходномъ отрядѣ генерала Рауха.

Разсказъ сапера.

Около полудня декабря 5-го мнѣ удалось присоединиться къ ротѣ, стоявшей по квартирамъ въ деревнѣ Врачеши. Избы, въ которыхъ расположена была рота, только отчасти напоминали жилыя помѣщенія. Это были просто плетневые сараи, обмазанные глиной съ рубленой соломой. Болгарская штукатурка во многихъ мѣстахъ обвалилась, что позволяло вѣтру довольно свободно гулять тамъ, гдѣ надлежало быть теплу. Въ нѣкоторыхъ избахъ были очень плохенькія печи, а въ другихъ и того не было. На дворѣ было свѣжо; снѣгъ лежалъ уже болѣе недѣли. Все это заставляло обитателей роскошныхъ жилищъ сидѣть, одѣвъ на себя все, что было теплаго. Тотчасъ по приходѣ въ деревню я узналъ, что рота 7-го утромъ выступаетъ для постройки обходной дороги вправо отъ турецкихъ позицій, расположенныхъ на Шандорникѣ и Арабъ-Конакѣ. Сначала выступленіе было назначено 6-го, но потомъ, по случаю ротнаго праздника, разрѣшено было остаться во Врачеши. Праздникъ справили очень не дурно сравнительно со своимъ незавиднымъ положеніемъ. Утромъ былъ отслуженъ молебенъ; солдатамъ выдали спирту (о настоящей очищенной водкѣ и помину не могло быть), насколько было возможно улучшили обѣдъ, значительно увеличивъ мясныя порціи и выдавъ бывшія подъ рукой приправы. Дали также чаю и сахару. Себѣ же ухитрились состряпать обѣдъ въ три блюда, добыли коньяку, былъ даже кофе и табакъ.

Съ разсвѣтомъ 7-го декабря мы покинули Врачеши. Утро было морозное, небо ясное. Ноги вязли въ глубокомъ снѣгу, но, благодаря морозу, снѣгъ не прилипалъ къ ногамъ и не затруднялъ движенія. На сытый желудокъ идти было даже пріятно; солдаты изрѣдка острили и подшучивали надъ попадавшимися на встрѣчу братушками. Увидѣвъ на одномъ изъ подъемовъ замерзшаго буйволенка со снятой шкурой и прислоненнаго къ дереву, кто-то замѣтилъ:

— Трудно пришлось бѣдному, вишь, какъ старался, совсѣмъ изъ кожи вылѣзъ!

Другой, разсуждая съ товарищами о недавно павшей Плевнѣ, находилъ сходство Османа-паши съ балаганнымъ Петрушкой.

— Петрушка, говорилъ солдатъ, увидѣлъ барашка и спрашиваетъ у шарманщика: музыкантъ, можно съ нимъ поиграть?! Можно, только осторожно. Ну, и началъ Петрушка: бяша, бяша! туды-сюды, туды-сюды. Вдругъ вмѣсто барана-то — чортъ, да и хвать его! Взмолился Петрушка: ой, ой! пусти! пусти! музыкантъ, заступись!.. Такъ вотъ—продолжаетъ солдатъ—и Османка началъ съ русскими-то играть. Ходите, молъ, туда и сюда; а какъ прихлопнули, такъ—пусти! Англичанка, заступись!

Часа въ два мы пришли на бивуакъ 1-й роты у начала подъема хребта, черезъ который предполагалось прокладывать дорогу. Всѣ палатки были заледенѣвши и покрыты толстымъ слоемъ снѣга. Между палатками догорали костры. Для роты было отведено мѣсто. Начали отгребать снѣгъ, нѣкоторые пошли за дровами. Въ офицерской палаткѣ была сложена изъ дерна печь. Дымъ и испаренія отъ дерна наполняли палатку, что́ дѣлало пребываніе въ ней не только непріятнымъ, но и не особенно полезнымъ для здоровья. Шелъ снѣгъ, и поневолѣ приходилось тамъ ждать, пока разобьютъ нашу палатку. Наконецъ палатка была поставлена, и мы, промерзши и значительно проголодавшись, съ нетерпѣніемъ стали ожидать скуднаго обѣда (вареная баранина съ очень малой порціей соли). Всѣ кое-какъ поустроились; жаль только было бѣдныхъ лошадокъ, — онѣ должны были стоять подъ открытымъ небомъ и почти безъ корма. Приходилось давать рубленую солому, да и то въ скудномъ количествѣ. Не шевелясь и понуря головы, стояли онѣ, какъ приговоренныя къ смерти. Жаль было, а помочь нечѣмъ!

Съ разсвѣтомъ нужно приняться за работу, поэтому, пообѣдавъ и напившись чаю, мы сочли за лучшее лечь спать.

Разославъ на землю резиновыя пальто, одѣвъ полушубки и завернувшись въ одѣяла, мы легли и скоро крѣпко заснули.

Часовъ въ шесть мы были уже на ногахъ. День былъ морозный. Медленно начали мы подниматься по тропинкѣ, долженствующей обратиться въ дорогу; пригодную для проѣзда артиллеріи.

Проводниковъ у насъ не было. Вмѣсто нихъ служили драгунскіе

посты, разставленные отъ начала подъема до подошвы спуска хребта. Всѣхъ постовъ было шесть, такъ что разстояніе между ними выходило отъ полутора до двухъ верстъ. Послѣдній постъ находился верстахъ въ двухъ-трехъ отъ д. Чуріакъ.

Начало подъема было сносно. Мало-по-малу тропинка, извиваясь, становилась уже, подъемъ круче, снѣгъ глубже.

Наконецъ тропинку замѣнило русло небольшаго ручейка.

Ноги безпрестанно проваливались сквозь тонкій ледъ и завязали въ находившейся подъ нимъ жидкой грязи. Нужно замѣтить, между прочимъ, что, дѣлая огромные переходы, солдаты почти всѣ остались безъ сапогъ. (Да и у офицеровъ обувь была не ахти какая).

Достать же сапогъ было негдѣ. Для того, чтобы хотя сколько нибудь предохранить себя отъ мороза, солдаты обматывали ноги палаточными полотнищами и перевязывали свои импровизированные сапоги палаточными же веревками. Но подобное средство мало приносило пользы, ибо холстъ скоро снашивался, намокая и разматываясь, затрудняя и безъ того трудное движеніе.

Главное же неудобство такого употребленія заключалось въ томъ, что многіе лишали себя чрезъ это послѣдняго крова,—палатки. Въ виду этого впослѣдствіи приказали выдавать имѣющимъ плохую обувь кожи быковъ, буйволовъ и барановъ, закалываемыхъ на съѣденіе. Еще не доходя до второго драгунскаго поста, пришлось уже для подъема пустить въ ходъ и руки. Хорошо когда на такомъ крутомъ подъемѣ были деревья, — цѣпляясь за нихъ, можно было довольно скоро взбираться наверхъ. Но случались кручи, на которыхъ не было ни единаго деревца; тогда подымались, упираясь въ снѣгъ руками и ногами. Мало было такихъ счастливцевъ, которымъ удавалось вскарабкаться сразу, многимъ же приходилось по нѣсколько разъ съ половины спуска съѣзжать внизъ и снова изображать изъ себя четвероногое.

Отъ второго поста рѣшились начать работу. Въ этотъ день рабочихъ отъ полковъ не было, а потому пустили въ дѣло одну только роту саперъ. Нужно было употреблять разныя хитрости, чтобы по крутѣйшимъ скатамъ выстроить дорогу. Ширину ея опредѣлили въ пять шаговъ. Существовавшая же дорога, вившаяся, то въ видѣ тропинки, то переходя въ русло ручья, то совершенно теряясь, въ самыхъ широкихъ мѣстахъ едва достигала двухъ шаговъ. По одну сторону ея возвышался крутой скатъ, покрытый густымъ дубовымъ лѣсомъ, по другую—спускъ внизъ еще болѣе крутой, переходившій мѣстами въ отвѣсный и служившій стѣною непроглядной, чуть не бездонной пропасти.

Чтобы достигнуть надлежащей ширины, врывались въ кручу шага на три, на четыре. Дорога выдѣлывалась зигзагами то въ ту, то въ

другую сторону, чтобы, удлинняя такимъ образомъ подъемъ, сдѣлать его болѣе пологимъ.

Вслѣдствіе недостатка рабочихъ и времени въ первый день былъ разработанъ участокъ дороги всего шаговъ на пятьсотъ отъ второго поста.

Окончивъ работу, пошли во-свояси. Спускаться было несравненно труднѣе, чѣмъ подыматься. Каждый шагъ приходилось разсчитывать и искать упора для ноги, чтобы не оборваться и не поломать себѣ костей.

Вообще, вернувшись съ прогулки, мы вынесли неособенно пріятное впечатлѣніе о предстоящей намъ работѣ. Не даромъ, думали мы, дали намъ четырехъ-дневный отдыхъ и поставили въ деревнѣ, вѣрно знали, какая работа выпадетъ на нашу долю!

Къ слѣдующей прогулкѣ мы позаботились еще съ вечера приготовить себѣ по дубинкѣ съ заостренными концами для того, чтобы легче было карабкаться по горамъ.

Начиная со слѣдующаго дня намъ присылали для работъ по цѣлому баталіону отъ л.-гв. Преображенскаго полка.

Ну и досталась же имъ работа!

Лишь только отгребали снѣгъ на мѣстахъ, предназначенныхъ для проложенія дороги, оказывалась скала, или, врываясь въ кручу, встрѣчались съ перепутанными корнями столѣтнихъ дубовъ. Киркой ничего не сдѣлаешь, а топоръ не беретъ!

О порохѣ и динамитѣ и помину не могло быть,—дорога обходная, слѣдовательно, какъ и при всякомъ другомъ обходномъ движеніи, работа должна была производиться скрытно и съ соблюденіемъ возможной тишины.

Разбивать скалу киркой, или вырубать затвердѣвшіе, какъ желѣзо, корни дубовъ—было почти то-же, что грызть ихъ зубами.

Не разъ случалось видѣть и слышать, какъ какой-нибудь преображенецъ, работая надъ камнемъ или корнемъ и вспотѣвъ уже, несмотря на порядочный морозъ, видѣлъ незначительные плоды своихъ трудовъ, приходилъ въ озлобленное настроеніе и съ укоризною обращался къ наблюдавшему за работой саперу: „мучители вы, гробокопатели! Вотъ что! Здѣсь копни, да тутъ поковыряй! Возьми, вотъ, кирку-то, да и поработай съ мое! А смѣрить-то, да понукать и мы съумѣемъ!“ Саперъ, почти закоченѣвшій отъ морозу, съ удовольствіемъ принимается за работу. „Саперы всѣмъ бы хваты, да вотъ лопаты-то имъ помѣшали!“ замѣчаютъ рабочіе на менѣе трудныхъ участкахъ.

Работа подвигалась, да подвигалась. На мѣстахъ почти непроходимыхъ появлялась дорога очень сносная для пѣхотинцевъ, но все же, конечно, тяжелая для кавалеристовъ и въ особенности для артиллеріи.

О томъ, чтобы провезти орудія до вершины на лошадяхъ, не могло быть и рѣчи. Были, правда, участки настолько пологіе, что орудіе могло

по нимъ проѣхать даже на рысяхъ; но за-то были и такіе, по которымъ можно было втащить орудіе только на рукахъ!

Изъ Балканскихъ горъ стола не сдѣлаешь! Да еще при томъ работая только съ кирками, лопатами, да топорами!

Нисколько не восхваляя себя, каждый изъ работавшихъ, смѣло и не краснѣя, можетъ сказать, что было сдѣлано все, что возможно!..

Отыскивая мѣста для дороги, не разъ приходилось стать въ тупикъ и почесать въ затылкѣ,—куда тутъ зигзагъ выведешь?

Вправо—будетъ еще круче, влѣво же совсѣмъ невозможно!

Въ подобномъ случаѣ, залѣзая выше пояса въ снѣгъ, искали „бродъ".

Нѣсколько расторопныхъ унтеръ-офицеровъ отправлялись розыскивать этотъ бродъ.

Карабкаясь въ снѣгу, цѣпляясь за деревья, они иногда по цѣлымъ часамъ плутали и, если находили подъемъ удобный для проведенія дороги, то немедленно разставлялись рабочіе съ такимъ разсчетомъ, чтобы на трудныхъ участкахъ на каждаго рабочаго пришлось не болѣе трехъ шаговъ по длинѣ.

На нѣкоторые участки ставили двойное число рабочихъ. Какъ только одна смѣна уставала, то передавала инструментъ своимъ товарищамъ, и такимъ образомъ работа шла безъ перерыва. На десять, пятнадцать человѣкъ рабочихъ назначался саперъ для указанія работы. Онъ же и отвѣчалъ за свой участокъ.

Бывало, что, несмотря на всѣ старанія, бродъ не отыскивался. Тогда дорога шла прямо на крутизну. Разработывались такіе подъемы тоже кирками. Камень, сколотый вверху подъема, укладывали у подошвы его, достигая такимъ образомъ большей пологости. Наконецъ, для болѣе удобнаго восхожденія, высѣкались ступени, и подъемъ представлялся въ видѣ лѣстницы.

Такіе участки саперы прозвали „печурками". Дѣйствительно, эти печурки, иногда небольшія, требовали столько времени и такого гигантскаго труда, что не только разработывая ихъ, но даже взбираясь на нихъ два, три раза, приходилось, несмотря на значительный морозъ, париться, какъ будто находишься около настоящей печурки.

На второй день нашихъ работъ одинъ изъ унтеръ-офицеровъ, отправившихся отыскивать мѣсто для проведенія зигзага, набрелъ случайно на скотный загонъ.

Драгуны 3-го поста брали въ этомъ загонѣ дрова. Хотя лѣсу было вдоволь, но онъ былъ сырой и притомъ его нужно было рубить, поэтому они предпочитали брать плетень и остатки навѣса изъ загона, расположеннаго внизу на склонѣ около ручейка и гнѣздившагося совершенно незамѣтно.

Ходить каждый день на работу было и далеко и утомительно, по-

этому мы рѣшились перенестись со всѣмъ своимъ хозяйствомъ на мѣсто работъ. Унтеръ-офицеръ, зная объ этомъ, по возвращеніи съ поисковъ сообщилъ о своей находкѣ. Открытіе не осталось безъ вниманія,—было осмотрѣно, и мы порѣшили на слѣдующій же день пріютиться въ въ этомъ гнѣздышкѣ.

Загонъ оказался сараемъ, построеннымъ въ видѣ двускатной крыши, съ одною входною дверью. Внутреннее пространство было достаточно для разбивки двухъ палатокъ. Около сарая дворъ, на которомъ могла умѣститься рота, обнесенный плетневымъ заборомъ. На дворѣ—нѣсколько хлѣвовъ, въ которые, вѣроятно, загонялись свиньи, волы и буйволы. По всему видно было, что загонъ служилъ лѣтней резиденціей какого-нибудь братушки-пастуха.

Для бивуака мѣсто было прекрасное, — вода подъ рукой, дровъ много отъ вѣтру закрыты и отъ работъ не далеко. На другой день рота со всѣми вещами, лошадьми, буйволами, баранами и быками перешла на новоселье. Въ загонѣ житье стало сноснѣе. Въ глубинѣ сарая разбили палатку, а у входа разложили костеръ, на которомъ деньщики готовили намъ обѣдъ и завтракъ.

И лошадкамъ полегчало! Теперь у нихъ было и сѣно и овесъ съ ячменемъ. Кормъ привозили деньщики, ѣздившіе для этого съ драгунами въ Чуріакъ. Въ этой деревнѣ стоялъ взводъ драгунъ; тамъ-же были огромные запасы сѣна и зерна. Запасами въ Чуріакѣ пользовались и наши и турки. Но дѣло не всегда обходилось мирно,—частенько бывали схватки между нашими драгунами и турецкими черкесами и башибузуками. Конечно, безъ раненыхъ и убитыхъ не обходилось! Разъ какъ-то во время работъ турки затѣяли порядочную перестрѣлку. Вѣроятно, имъ неособенно нравилось пребываніе драгунъ въ Чуріакѣ. Посланный въ подкрѣпленіе Астраханцамъ взводъ уланъ скоро заставилъ турокъ успокоиться.

Разработка дороги шла своимъ чередомъ. День-ото-дня мало разнился: такая-же разработка участковъ, то-же исканіе бродовъ, тѣ-же печурки, та-же срубка деревьевъ, выросшихъ какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ всего удобнѣе было провести дорогу, то-же обрубаніе сучьевъ и вѣтвей, мѣшающихъ свободному движенію по дорогѣ...

Выходя утромъ на работы, часто приходилось невольно любоваться открывавшимися картинами. Сверху—чистое, ясное, голубое небо, кругомъ – самыя причудливыя, разнообразныя формы горъ, освѣщенныя лучами восходящаго солнца, внизу подъ ногами, словно разлившееся волшебное море, разстилались сѣрыя облака, — а влѣво, далеко въ туманѣ виднѣлись вершины Шандорника, увѣнчанныя грозными редутами!..

Хорошо было бы любоваться Балканскими видами, если бы, налюбовавшись, можно было пойти въ теплую комнату, сыто и хорошо поѣсть

и затѣмъ отдохнуть на удобной постели! Но ничего подобнаго у насъ не было, да и не предвидѣлось вскорѣ воспользоваться этимъ и можно было только мечтать и надѣяться! До взятія Плевны, почти у каждаго почему-то копошилась мысль, что вотъ Плевна падетъ, а тамъ и миръ. Но Плевна пала, а миромъ и не запахло, и теперь никто не зналъ, гдѣ и когда дождемся мы столь радостнаго дня, когда онъ будетъ заключенъ. Одно только не подлежало сомнѣнію—это то, что миръ за горами!

Не разъ во время работъ посѣщалъ насъ командиръ батальона, который жилъ на бивуакѣ 1-й роты, разработывавшей первую половину подъема, и генералъ Гурко.

Интересны были путешествія по дорогѣ драгунъ и уланъ, ѣздившихъ въ Чуріакъ. Сидѣть на лошади было возможно и удобно, но это сильно утомляло лошадей. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ верховая лошадь обращалась въ упряжную, — кавалеристы спѣшивались и, чтобы успѣть за лошадью и облегчить себѣ подъемъ, держались за хвосты лошадей и такимъ образомъ подымались. Сильно сердились такіе путешественники, когда кто-нибудь изъ работавшихъ справлялся у нихъ о времени!...

Иногда, возвращаясь съ работы, замѣчали вдали то тутъ, то тамъ огоньки. Были-ли то наши костры или турецкіе, Богъ ихъ знаетъ! Часто, придя въ загонъ, думалось, что если турки замѣтили работу—никто имъ не помѣшаетъ пріѣхать ночью и вырѣзать насъ какъ барановъ. Но, къ счастью, предположенія такъ и остались предположеніями. И дѣйствительно, если бы они и имѣли такое злостное намѣреніе и хорошо знали бы эту пересѣченную мѣстность, то все же не легко было бы ночью добраться до насъ!

Разработка подъема продолжалась до 21-го декабря.

Благодаря непрестанной, трудной работѣ, мы избавились отъ отмораживанія рукъ и ногъ. Больныхъ въ ротѣ было менѣе обыкновеннаго. Только двое нижнихъ чиновъ легко поморозили ноги, тогда какъ въ другихъ частяхъ, особенно несшихъ аванпостную службу, цѣлыя сотни людей гибли отъ морозу! До перевала работать можно былъ днемъ, спускъ же нужно было устроить, во чтобы то ни стало, въ одну ночь, иначе турки могли бы замѣтить и вышло бы не совсѣмъ ловко! 12-го декабря работали, какъ и въ предъидущіе дни,—отдыха не было.

Часа въ два пріѣхалъ командиръ батальона. Съ нимъ привезено было нѣсколько паръ сапогъ, чай и сахаръ.

Въ семь часовъ въ прикрытіе предстоявшей ночной работѣ отправился батальонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, который долженъ былъ занять деревню Чуріакъ.

Послѣ обѣда, собравъ всѣ свои пожитки, мы распрощались съ загономъ и двинулись къ вершинѣ. Много разъ хаживали мы по своей

дорогѣ и изучили ее до тонкости, однако, когда пришлось взбираться вечеромъ, въ совершенной темнотѣ, то это стоило намъ не малыхъ трудовъ.

Добрыхъ два часа карабкались мы до вершины, безпрестанно оступаясь и падая и иногда для подъема пуская въ ходъ и руки!

На узкой дорогѣ у самой вершины столпилось нѣсколько ротъ рабочихъ, деньщики съ вьючными лошадьми нашей роты и всего Преображенскаго полка.

Двигаться дальше было невозможно. Наконецъ деньщиковъ съ вьюками отправили впередъ прямо въ Чуріакъ, съ ними пошли и квартирьеры, водворился порядокъ, и началась разстановка рабочихъ.

Одновременно съ движеніемъ нужно было высматривать мѣста, болѣе удобныя для проведенія дороги, разставлять рабочихъ, назначать число кирокъ, лопатъ и топоровъ соотвѣтственно предстоящей работѣ и назначать саперъ для наблюденія. Дѣло оказалось не легкимъ!

Сначала отъ самой вершины спускъ шелъ довольно полого, но чѣмъ дальше, тѣмъ круче и круче.

Какъ на зло, взошла луна, и своимъ блѣднымъ, обманчивымъ свѣтомъ не мало затрудняла наше движеніе!

Безобразно крутые скаты, покрытые снѣгомъ, казались при лунномъ освѣщеніи довольно пологими. И вотъ, двигаясь осторожно, доходишь до кручи; ничего не подозрѣвая, также осторожно шагаешь дальше и, потерявъ равновѣсіе, падаешь и ѣдешь внизъ, оставляя на снѣгу глубокую борозду; ѣдешь до тѣхъ поръ, пока ноги не упрутся въ какой-нибудь камень или кустъ!... Слѣдующіе поступаютъ уже благоразумнѣе и, подойдя къ краю, усаживаются поудобнѣе и съѣзжаютъ какъ съ ледяной горки.

Разставляя рабочихъ, повторивъ нѣсколько разъ подобное неожиданное пренепріятное скатываніе и посылая невольныя проклятія и Балканамъ, и туркамъ, и своей судьбѣ, мы добрались до пятаго драгунскаго поста. Здѣсь кончался мой участокъ; мѣсто было нѣсколько поровнѣе, дальше же внизъ шла опять круча.

Былъ уже второй часъ ночи. Рѣзкій, холодный вѣтеръ, пронизывалъ до костей. Во время слѣзанія съ вершины, за воротъ, за рукава забрался снѣгъ. Несмотря на движеніе, ноги сильно зябли, а руки окончательно закоченѣли, такъ что не было никакой возможности свернуть папиросу. На посту драгунами былъ построенъ изъ вѣтвей шалашъ. Посреди шалаша догоралъ костеръ; три-четыре драгуна дремали около огня. Пріютившись поближе къ костру, мы стали понемногу приходить въ себя. Отогрѣвъ руки надъ кучей горячей золы и угольевъ, скрутили папиросы. Напала страшная дремота, глаза слипались, всѣ члены ломило, такъ и хотѣлось прикурнуть у потухающаго костра! Но спать было совсѣмъ не

время. Докуривъ папиросы, отправились по своимъ участкамъ. Работа шла довольно успѣшно. Во многихъ мѣстахъ она была окончена, но за то на нѣкоторыхъ участкахъ, крѣпкая какъ сталь, скала съ трудомъ поддавалась киркѣ.

Потеря въ инструментѣ была огромная. Помню, на одномъ небольшомъ скатѣ работало двадцать кирокъ. Часа черезъ два или три, у всѣхъ кирокъ поламались черенки, но это еще бѣда небольшая, такъ какъ ихъ тотчасъ же замѣняли черенками отъ лопатъ, приносившихъ въ данномъ случаѣ весьма мало пользы. Семнадцать кирокъ были совершенно изуродованы,—отъ сильныхъ ударовъ объ крѣпкую скалу, онѣ загнулись въ кольца. И одна кирка изъ двадцати пропала безъ вѣсти. Выбывшія изъ строя кирки были немедленно замѣнены новыми съ тѣхъ участковъ, на которыхъ работа была уже окончена.

Прогулявшись по участкамъ, переставивъ рабочихъ и замѣнивъ испорченный инструментъ другимъ, мы снова вернулись въ шалашикъ. Голодъ давалъ себя чувствовать, да и морозъ не позволялъ себя забыть. А тутъ новая бѣда: табаку нѣтъ, курить нечего!

Обшаривъ карманы, нашелъ остатки разсыпавшагося табаку, скрутилъ что-то въ родѣ папиросы и съ наслажденіемъ закурилъ. И тутъ не повезло! Вмѣстѣ съ разсыпавшимся табакомъ въ карманѣ были и спички. Скручивая папиросу, я не замѣтилъ, что вмѣстѣ съ табакомъ скрутилъ сѣрную головку и, докуривъ до половины, затянулся чистѣйшею сѣрою! Непріятно! Это еще не было бы такъ скверно, еслибъ можно было потомъ закурить другую!

Чтобы сколько нибудь утолить голодъ, мы взяли у одного изъ солдатъ краюшку мерзкаго, сыраго, промерзшаго хлѣба и принялись за ея уничтоженіе съ такимъ апетитомъ, какъ будто ѣли самое лакомое блюдо!

Въ семь часовъ утра работа на всемъ спускѣ была окончена.

Дорога приняла такой видъ, что можно было спускать артиллерію (конечно не на лошадяхъ). Около восьми часовъ мы спустились къ шестому драгунскому посту. Мы были уже за Балканами!

Первое впечатлѣніе было чрезвычайно пріятно. У поста пылалъ костеръ, гдѣ насъ дожидалъ спиртъ, чай и котлеты. Все это приготовили деньщики по приходѣ въ Чуріакъ и принесли намъ навстрѣчу. Нечего и говорить, съ какою жадностью поглотили мы принесенное!

До деревни оставалось версты двѣ, но дорога шла уже по долинѣ одного изъ притоковъ р. Искера.

Въ Чуріакѣ нашли теплую избу и приготовленныя изъ сѣна постели. Въ одномъ изъ вьюковъ оказались два фунта табаку, принадлежавшаго больному офицеру. Тотчасъ одна изъ коробокъ была вскрыта. За всѣ труды и лишенія вознагражденіе было полное, и мы въ самомъ благодушномъ настроеніи заснули, какъ убитые....

А между тѣмъ передовые турецкіе посты были отъ деревни въ какихъ нибудь двухъ, трехъ верстахъ. Но они ничего не знали и не подозрѣвали; а для того, чтобы и впредь не заподозрили, приказано было днемъ печей не топить и изъ избъ никому носа не показывать,—пусть думаютъ, что деревня попрежнему никѣмъ не занята.

Въ ночь съ 13-го на 14-е декабря на дорогѣ, пролегающей въ долинѣ, дѣлали кое-какія починки: мѣстами скалывали ледъ, мѣстами уширяли, строили мостики....

Бѣжавшіе отъ турокъ цыгане несчастные, оборванные, голодные и полузамерзшіе цѣлыми семьями бродили по дорогѣ, желая перебраться на ту сторону Балканъ. Когда кто-нибудь изъ нихъ умиралъ, то остальные бросали его какъ собаку и шли дальше. Два, три такихъ замерзшихъ трупа пришлось убрать съ дороги и закопать.

Въ Чуріакѣ мы получили значительную нравственную поддержку. Были присланы награды за дѣло подъ Горнымъ Дубнякомъ. Намъ этотъ день особенно памятенъ (положимъ и другіе его никогда не забудутъ), изъ саперъ обратились въ пѣхоту, ходили въ цѣпь и въ атаку!...

14-го декабря погода измѣнилась. Сдѣлалась оттепель, пошелъ снѣгъ и дождь. Между тѣмъ артиллерія уже поднялась до вершины и въ ночь съ 14-го на 15-е должна была спуститься къ Чуріаку съ соотвѣтствующимъ числомъ пѣхоты и кавалеріи. Весь же отрядъ 15-го декабря назначался для атаки турокъ, расположенныхъ вблизи Чуріака у деревни Потопъ.

Вечеромъ, напившись чаю, думали уже располагаться на покой. Приходитъ солдатъ и говоритъ, что командиръ батальона требуетъ къ себѣ. Отправился. Думаю, зачѣмъ?

— Помните тотъ спускъ, на которомъ я бранился? было мнѣ вопросомъ.

Мнѣ сразу ясно представились три, четыре такихъ спуска, на которыхъ невозможно было не браниться; но сейчасъ же припомнился одинъ, который особенно трудно поддавался киркамъ и потребовалъ болѣе продолжительной разработки, поэтому я отвѣтилъ, что не помню.

— Ночью будутъ спускаться орудія, поэтому возьмите нѣсколькихъ саперъ, отправьтесь на спускъ, указывайте дорогу и въ случаѣ, если потребуются какія нибудь исправленія, то сдѣлайте.

Сборы и сильно недовольная физіономія адъютанта ясно показывали, что онъ также отправляется на пріятную прогулку.

Взявъ тридцать человѣкъ саперъ, мы пошли къ шестому посту.

Было совершенно темно, въ двухъ шагахъ нельзя было различить предмета. Дулъ порывистый, пронзительный вѣтеръ. Мокрый снѣгъ за-

лѣплялъ глаза и лицо, забивался за воротникъ, въ карманы, въ рукавицы. Дорогу занесло снѣгомъ; пришлось идти на прямикъ. Ноги безпрестанно то проваливались въ глубокій снѣгъ, то скользили и разъѣзжались на льду. А впереди пріятная перспектива взбираться по знакомымъ уже кручамъ!

Пройдя съ версту, мы думали, что прошли добрыхъ пять. Откровенно говоря, мы отъ души желали, чтобы орудія не спускались въ эту ночь. Ну что бы имъ обождать до завтра?! Почему-то намъ казалось, что вотъ-вотъ прискачетъ гонецъ и вернетъ насъ обратно. Но гонецъ не показывался, а мы уже дошли до драгунскаго поста. Съ полчаса простояли мы у костра, отогрѣваясь и собираясь съ духомъ, а сами все думали, не придетъ ли кто сверху, да не сообщитъ ли, что орудія сегодня спускать не будутъ! Постояли, подумали, — дѣлать нечего, надо подыматься! Начали карабкаться на верхъ.

Съ большимъ трудомъ добрались до пятаго поста. Передохнувъ немного, двинулись далѣе. На дорогѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ спали казаки по три, по четыре человѣка, завернувшись въ бурки. Они поджидали артиллерію и были назначены также для указанія дороги.

Дойдя до послѣдняго спуска, мы остановились. Теперь оставалось желать только скорѣйшаго движенія.

Въ два часа ночи раздался шумъ спускавшагося орудія.

Первою ѣхала четырехфунтовая казачья батарея. Позади каждаго орудія шествовала рота Козловскаго полка. Эти маленькіе человѣчки, замерзшіе и голодные, съ накинутыми на плеча палаточными полотнищами, покрытые снѣгомъ, держась за лямки и оттяжные канаты орудія, двигались медленно, молча, таинственно, какъ тѣни! Не было ни брани, ни разговоровъ. Молча, хотя и не рѣдко, падали многіе изъ нихъ, молча подымались, и только изрѣдка раздавался сдержанный голосъ фельдфебеля.

По небольшому пологому участку около вершины еще можно было везти орудія на лошадяхъ, но дальше—немыслимо. Какъ только поровнялось со мной первое орудіе, я обратился къ ѣхавшему впереди командиру батареи съ предложеніемъ отпречь лошадей, перевязать колеса и спускать орудіе на рукахъ.

— Не по такимъ спускамъ ѣзжали, и тутъ проѣдемъ! было мнѣ отвѣтомъ.

Прошло нѣсколько секундъ и орудіе съ грохотомъ покатило внизъ! Тщетно старались солдаты удержать орудіе. Напрасно упирались они ногами въ выдѣланныя ступени; нѣкоторые даже легли. Ничего не помогло! Одинъ изъ оттяжныхъ канатовъ лопнулъ, и орудіе стало быстро увлекать за собою державшихъ другой канатъ. „Держи! держи-и!!“ (съ

прибавленіемъ непечатныхъ русскихъ выраженій) раздались отчаянные крики Козловцевъ и понеслись по горамъ, повторяемые эхомъ на всевозможные тоны. Но держать было немыслимо. Канатъ отпустили и орудіе, попортивъ ноги ѣздовому и двумъ лошадямъ, съ страшнымъ грохотомъ полетѣло съ кручи, перекувырнулось нѣсколько разъ и, къ счастію, ударившись объ скалу, остановилось вверхъ колесами.

Для ѣзжавшихъ и не по „такимъ“ стало совсѣмъ ясно, что по этому спуску на лошадяхъ, да еще ночью, не проѣхать!

Орудіе подняли, сняли съ передка, закрѣпили веревками колеса и начали съ прежней тишиной спускать порознь орудіе и передокъ, удерживая ихъ на нѣсколькихъ прочныхъ канатахъ.

Къ восьми часамъ утра спустили благополучно четыре орудія съ передками и зарядными ящиками. Артиллерія продолжала спускаться и днемъ. Намъ можно было послѣ утомительной ночи вернуться въ Чуріакъ, что мы немедленно и исполнили...

Утромъ, слѣдующаго дня, отрядъ изъ нѣсколькихъ полковъ пѣхоты съ артиллеріею и одиннадцати сотенъ осетинскихъ казаковъ, выступилъ изъ Чуріака, осетины выѣхали съ пѣснями изъ деревни, съ пѣснями и въ бой пошли. Въ бинокль ясно можно было видѣть на горкѣ турецкую кавалерійскую цѣпь.

Раздался выстрѣлъ, другой. Началась перестрѣлка. Минутъ черезъ двадцать турецкая цѣпь скрылась, а вскорѣ прекратилась и перестрѣлка. Къ вечеру мы узнали, что турки, узрѣвъ почтенную величину нашего отряда, благоразумно бѣжали!..

19-го декабря мы выступили изъ Чуріака по направленію къ Софійскому шоссе.

Когда мы подходили къ мѣсту ночлега (не помню названія села), то ясно слышалась знакомая турецкая трескотня, среди которой гулко раздавались орудійные выстрѣлы, доносились и звуки залповъ. Можно было думать, что дѣло шло жаркое. Въ чемъ мы вскорѣ и убѣдились, придя въ село и найдя приведенныхъ съ мѣста битвы многихъ раненыхъ Волынскаго полка, въ числѣ которыхъ былъ и командиръ полка генералъ Мирковичъ. Но о результатахъ Ташкисенскаго боя, еще не было извѣстно. Мы узнали о нихъ къ полудню слѣдующаго дня, придя въ Ташкисены по Софійскому шоссе.

Слѣды вчерашняго побоища были свѣжи. Вправо и влѣво отъ деревни громоздились редуты, какъ и всегда, солидныхъ размѣровъ и сильной профили. Въ деревнѣ помѣщался госпиталь и главный перевязочный пунктъ арміи Шакира-паши (валявшіеся скорбные листы были всѣ на англійскомъ языкѣ).

Вѣроятно, турки не ожидали нападенія съ этой стороны, а то они

*

не упустили-бы изъ виду укрѣпить и самую деревню. Недоконченныя баррикады изъ бочекъ, ящиковъ, бревенъ и разной домашней рухляди, показывали, что отрядъ, занимавшій деревню, былъ застигнутъ врасплохъ. Около деревни хоронили павшихъ въ Ташкисенскомъ бою. Плѣнныхъ турокъ также заставили хоронить своихъ. Нѣсколько домовъ около госпиталя были буквально наполнены мертвецами. Хоронили турки своихъ довольно безцеремонно. Привяжутъ за одну или за обѣ ноги веревкой и волокутъ нагой трупъ къ краю выкопанной ямы; подвезя къ самому краю, отвязываютъ веревку и ударомъ ноги сбрасываютъ мертвеца въ могилу. Бывало, что унтеръ-офицеръ, наблюдавшій за этой работой, возмущался отъ подобнаго обращенія съ мертвыми и говорилъ хоронившимъ: „положимъ, вы нехристи, а все-же вѣдь, онъ тебѣ-то свой братъ, такъ ты его и хорони по-человѣчески, а не такъ!“ Турокъ ничего не понимая, таращилъ только глаза и, конечно, продолжалъ также свою работу. Не всегда сдерживался унтеръ-офицеръ и случалось, что ударившій ногою получалъ ударъ по шеѣ и летѣлъ туда-же!..

Армія Шакира-паши, не дождавшись пока ее обойдутъ со всѣхъ сторонъ, бѣжала, бросивъ Арабъ-Конакскія твердыни.

Теперь намъ предстояло движеніе на Софію. Въ Ташкисенахъ разсчитывали на дневку. Расположившись по избамъ и устроившись коекакъ, мы стали писать письма. Этой возможности мы были лишены уже долгое время.

Часовъ въ двѣнадцать ночи, пришло приказаніе выступать черезъ часъ по Софійскому шоссе. Оказалось, что колонна генерала Вельяминова, шедшая правѣе нашего отряда, находилась уже вблизи Софіи и, занявъ нѣсколько мостовъ черезъ притоки р. Искера, остановилась недалеко отъ огромнаго Искерскаго моста, атакованная турками, — поэтому-то намъ пришлось выступить ночью. Нечего и говорить, что переходъ былъ чрезвычайно трудный. До одиннадцати часовъ утра двигались безъ остановокъ. Когда, благодаря неровностямъ мѣстности, артиллерія то спускалась, то подымалась по скользкой, заледѣневшей дорогѣ, причемъ всегда требовалась помощь людей,—только тогда движеніе замедлялось, и дѣлались остановки минутъ на пять, на шесть.

Солдаты ложились, и черезъ минуту или двѣ уже раздавался храпъ. Многіе засыпали даже на ходу.

Отъ одиннадцати до трехъ часовъ отдыхали. Въ три часа началось наступленіе. Съ удовольствіемъ прошли мы по нѣсколькимъ мостамъ порядочной длины и нисколько не попорченнымъ, а то намъ же пришлось бы ихъ исправлять, а матеріала подъ рукой почти никакого.

Въ пять часовъ началась атака. Мѣсто было совершенно ровное.

Отрядъ нашъ значительно превосходилъ силою противника, и атака походила скорѣе на ученье на Красносельскомъ военномъ полѣ!

Въ передовой линіи находилась стрѣлковая бригада; въ резервѣ за правымъ флангомъ Измайловскій и за лѣвымъ Преображенскій полки съ ротами саперъ. Нашей ротѣ приказано было остаться при перевязочномъ пунктѣ. Турки, обойденные съ фланговъ, бросили позицію, но передъ отступленіемъ подожгли мостъ. Съ перевязочнаго пункта насъ двинули для тушенія моста. Ординарецъ за ординарцемъ пріѣзжали и торопили насъ. Подъ конецъ пришлось съ добрую версту пробѣжать бѣгомъ. Успѣли во время. Деревянный Искерскій мостъ, американской системы, прочно и изящно построенный, крытый крышей, имѣлъ около шестидесяти саженъ длины и четыре сажени ширины. Въ двухъ крайнихъ пролетахъ моста были навалены кучи горючаго матеріала. Одинъ изъ устоевъ былъ въ огнѣ, другой загорался, нижнія переводины горѣли, и огненные языки уже начинали облизывать боковыя стѣнки моста. Усталость была забыта. Составили ружья. Пошли въ ходъ топоры и манерки. Прежде всего нужно было отстоять устой. Мигомъ разобрали надъ нимъ настилку, и нѣсколько человѣкъ саперъ, подвергая свою жизнь опасности, спустились въ горѣвшій быкъ.

Съ помощью присланныхъ еще командъ, удалось довольно скоро остановить пожаръ. Настилку наскоро уложили, и артиллерія отряда переѣхала на другой берегъ. Оставалось прочно уложить настилку и окончательно потушить тлѣвшія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переводины и устои, чтобы не дать пожару возобновиться. Работу на мосту окончили въ часъ ночи.

Еще до конца работъ, думая пріискать какую-нибудь избу для ночлега, я отправился въ деревню Враждебна, расположенную въ полу-верстѣ отъ мѣста.

Деревня съ находившимися въ ней запасами хлѣба, зерна и сѣна, была выжжена турками. Не много избъ уцѣлѣло отъ огня. Я завернулъ въ одну изъ нихъ. Въ ней было нѣсколько человѣкъ солдатъ, а посреди избы лежало двое окровавленныхъ дѣтей (одному около восьми, другому около шести лѣтъ), нѣсколько часовъ тому назадъ зарѣзанныхъ турками.

Убитая горемъ болгарка съ страшными воплями оплакивала несчастныхъ малютокъ. Я поспѣшилъ удалиться отъ этого печальнаго зрѣлища. Идя далѣе, я видѣлъ, что многіе пріютились на ночь около догоравшихъ избъ; въ другомъ мѣстѣ офицеры торжественно выводили изъ хлѣва свинью, чтобы самимъ занять ее квартиру. Наконецъ я нашелъ что-то въ родѣ сарая,—тамъ мы и помѣстились.

На слѣдующій день строили оборонительную позицію къ сторонѣ

Софіи. Во время работъ, показалась турецкая кавалерійская цѣпь, за нею видна была пѣхота. Турки остановились на приличной дистанціи отъ позиціи, а затѣмъ вернулись во-свояси. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того, къ генералу Гурко пріѣхалъ братушко и сообщилъ, что Сулейманъ бѣга́лъ! Посланная впередъ кавалерія убѣдилась, что Софія очищена турками. Въ тотъ же день, 22-го декабря, мы вступали въ Софію съ музыкой и съ распущенными знаменами! При входѣ въ городъ, насъ встрѣтила церковная процессія и огромная толпа народа; въ церкви звонили въ колокола. Пріемъ былъ радушный.

Не дуренъ былъ для насъ подарокъ къ Рождеству!!...

Участникъ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

ТРЕТЬЯ ПЛЕВНА.

Движеніе отъ Ловчи подъ Плевну. — Подъ Плевной съ 24-го Августа по 3-е Сентября.

24-го Августа.

Весь отрядъ князя Имеретинскаго, за исключеніемъ бригады 3-й пѣхотной дивизіи, оставленной, подъ начальствомъ генерала Давыдова, для занятія Ловчи, долженъ былъ выступить на Плевну утромъ 24-го Августа.

Кавказская бригада получила назначеніе находиться въ головѣ авангарда, составленнаго изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, подъ начальствомъ генерала Скобелева.

Всѣ приказанія для предстоящаго выступленія были отданы съ вечера. Сущность ихъ, для отряда генералъ-маіора Скобелева, была выражена въ запискѣ, посланной всѣмъ начальникамъ частей, расположенныхъ впереди Ловчи. Въ ней капитанъ Куропаткинъ писалъ: „По приказанію начальника отряда, покорнѣйше прошу начальниковъ частей разрѣшить людямъ снять аммуницію и раздѣться, оставя въ готовности къ бою только дежурныя части. Ночью сторожевая служба должна быть усилена“.

Далѣе, въ особомъ прибавленіи, было сказано: „Генералъ приказалъ варить мясо отъ 1-го до 2-хъ фунтовъ на человѣка, дабы завтра утромъ люди имѣли по $^1/_2$ фунту мяса“.

Выступленіе назначено: для Кавказской бригады (10 сотенъ и батарея) въ $5^1/_2$ часовъ утра; за нею, черезъ часъ, должна была тронуться передовая часть пѣхотнаго авангарда и т. д. Вмѣстѣ съ Кавказской бригадой выступалъ и Терскій эскадронъ Собственнаго Его Величества конвоя, который и сталъ въ головѣ нашихъ сотенъ, при движеніи ихъ на

Плевну. Дозоры и передовая наша сотня выдвинулись на обычное разстояніе впередъ, разъѣзды охватили юго-западную часть площади, между шоссе и Видомъ, потрепали по пути башибузуковъ, и весь отрядъ слѣдовалъ на Плевну.

Итакъ, мы начинали новую работу подъ Плевной. Не скажу, чтобы мы шли на нее безъ удовольствія. Во-1-хъ, мы выходили уже изъ своей собственной Ловчи, овладѣнія которой такъ упорно и долго добивались; а во-2-хъ, были убѣждены, что на этотъ разъ подойдемъ къ Плевнѣ осязательнѣе, чѣмъ въ первые два приступа. Однимъ изъ основаній этихъ предположеній служилъ чей-то разсказъ о томъ, что начальникъ западнаго отряда убѣжденъ въ безполезности открытаго приступа на Плевну.—Что новаго? спрашивали мы лицъ, пріѣзжавшихъ изъ штаба западнаго отряда. А то, отвѣчали намъ, что изъ Плевны можетъ возродиться Севастополь; такъ, прибавляли они, будто бы высказался Зотовъ, сознававшій, что противъ Османа нужно было бы имѣть больше силъ; тогда часть изъ нихъ могла бы если не обложить, то сторожить его вылазку изъ Плевны, а другая пригодилась бы для самостоятельныхъ дѣйствій у него въ тылу. Я останавливаюсь на этомъ разсказѣ потому, что онъ имѣетъ свою свѣтлую сторону. Эта свѣтлая сторона намъ нравилась, и совершившееся не опровергло справедливости этихъ словъ. Можетъ быть разсказъ этотъ недостовѣренъ, но намъ онъ казался естественнымъ потому, что согласовался съ общими свойствами приказаній, исходившихъ изъ Порадима.

Выступивъ изъ Ловчи, мы благополучно дошли до высоты Богота. Здѣсь нагналъ насъ генералъ Скобелевъ, и сообщилъ новый, только что выпущенный, слухъ объ отступленіи турокъ изъ Плевны. „Представьте себѣ“ — говорилъ онъ съ усмѣшкою, которая выражала: вотъ будетъ потѣха, если этотъ разсказъ подтвердится—„корреспондентъ разсказываетъ, „что турки ушли изъ Плевны и что мы ихъ, вѣроятно, прозѣвали; если же и не ушли, то уйдутъ завтра, и мы можемъ утѣшиться тѣмъ, что займемъ пустые окопы“.

Я не помню, кто именно былъ этотъ корреспондентъ, но знаю, что это былъ иностранецъ и чуть-ли не англичанинъ, но только не Макъ-Гаханъ, который давно уже сдѣлался пріятнымъ и непремѣннымъ нашимъ гостемъ. Въ этотъ день его не было съ нами. Сообщавшій эту вѣсть основывалъ ее, во-1-хъ, на яко-бы достовѣрныхъ для него извѣстіяхъ, а во-2-хъ, на личномъ его предположеніи, что Османъ, для собственныхъ своихъ выгодъ, долженъ уйти изъ Плевны. Не смотря на всю очевидную пользу этого движенія для Османа и на невѣроятность скрытаго отъ насъ его исчезновенія изъ Плевны, предсказаніе англичанина подѣйствовало на насъ непріятно. Генералъ рѣшился лично удостовѣриться въ исчезновеніи турокъ и, взявъ 3 сотни Кавказской

казачьей бригады *) съ 2-мя орудіями 8-й батареи, произвелъ рекогносцировку Плевны. Остальной части бригады, подъ начальствомъ полковника Левиса, приказано отойти къ Боготу, гдѣ и расположиться вблизи бивуака Казанскаго пѣхотнаго полка, т. е. стать въ связи съ отрядомъ князя Имеретинскаго.

Не долго продолжалось наше сомнѣніе въ присутствіи турокъ подъ Плевной. Едва мы перешли боготскій ручей и поднялись на плоскую возвышенность Брестовца, какъ турки открыли по насъ орудійный огонь. Снаряды ихъ перелетали черезъ Брестовецъ и мы увидѣли передъ собою высокіе валы Кришинскаго редута. Слѣдовательно, оправдалось предположеніе генерала Скобелева, выраженное въ ночь съ 18-го на 19-е Іюля, что турки не допустятъ насъ утвердиться подъ Кришиномъ. И дѣйствительно, они оцѣнили всю важность этихъ высотъ, замыкающихъ имъ ворота въ Софію. Нельзя было не сознать и того, что частыя наши рекогносцировки Зеленыхъ горъ открывали глаза туркамъ. Указывая противнику его слабую сторону, онѣ отчасти вредили намъ въ томъ отношеніи, что мы не тотчасъ могли воспользоваться добытыми свѣдѣніями. Не имѣя силъ во-время и твердою ногою стать на этихъ высотахъ, наши войска должны были съ каждымъ новымъ приступомъ встрѣчать новыя преграды, возведенныя по нашему, такъ сказать, указанію. Теперь, находясь подъ Брестовцемъ, мы ясно видѣли лѣвый (западный) Кришинскій редутъ и знакомые намъ окопы на Плевно-Гривицкихъ высотахъ.

Зеленыя горы лежали молчаливо и наѣздники наши продвинулись впередъ до перваго гребня; но изъ опушки горъ они были встрѣчены ружейнымъ огнемъ, а гранаты изъ Кришинскаго редута ложились и разрывались на томъ мѣстѣ, гдѣ мы ночевали послѣ втораго сраженія подъ Плевной.

Итакъ, въ Плевнѣ все обстояло благополучно и намъ приказано начать отступленіе. Разумѣется, оно сопровождалось обычною черкесскою перепалкой. Едва казаки и осетины стали отходить, какъ изъ опушки зеленаго лѣса выскочили черкесы; наши обернулись къ нимъ лицемъ, и черкесы скрылись; такъ, по обыкновенію, повторялось нѣсколько разъ; но, наконецъ, мы отошли за Брестовецъ и, никѣмъ не тревожимые, опять вступили въ долину боготскаго ручья и у Богота соединились съ отрядомъ князя Имеретинскаго.

25-го Августа.

Дневка въ Боготѣ. На 25-е число назначена была дневка. Я воспользуюсь этимъ отдыхомъ и передамъ главныя соображенія начальника

*) Двѣ сотни осетинъ и 2-я Владикавказскаго полка.

западнаго отряда, помѣщенныя въ донесеніи его, представленномъ, при рапортѣ, начальнику штаба арміи *).

Изъ этого донесенія можно видѣть, во что̀ разрослись плевнинскія укрѣпленія со времени своего начала, и опредѣлить количество нашихъ войскъ, собранныхъ передъ ними. Донесеніе говоритъ, что непріятельскій укрѣпленный лагерь окружаетъ Плевну со всѣхъ сторонъ, и что сторона его, обращенная къ нашимъ войскамъ, развертывается на 15-ть верстъ протяженія. Нѣсколько рядовъ, открытыхъ и сомкнутыхъ, укрѣпленій, связанныхъ между собою лабиринтомъ крытыхъ траншей, даютъ многоярусную ружейную оборону **). Принимая въ соображеніе, что за этими валами находится около 80 т. непріятеля, имѣющаго отъ 120 — 150 орудій, нельзя не сказать, что пораженіе противника, при такихъ условіяхъ, составляетъ труднѣйшую задачу этого рода.

Между тѣмъ, числительность западнаго отряда была на столько слаба, что вынуждала его ограничиваться наблюденіемъ за непріятелемъ и отражать его попытки къ наступленію на наши сообщенія. Подобная работа была по силамъ западнаго отряда арміи, и 19-го Августа, 4-й корпусъ, подъ начальствомъ генерала Крылова, блистательно отразилъ 30 тысячъ турокъ, наступавшихъ между Сгалевицею и Пелишатомъ, и вогналъ ихъ обратно въ Плевну. Въ этомъ сраженіи полки 4-й кавалерійской дивизіи дали рѣшительный оборотъ его въ нашу пользу. Не зная подробностей, я не смѣю описывать хода сраженія; но мнѣ положительно извѣстно, что генералъ Крыловъ бросилъ на крылья своего боеваго порядка Маріупольскій гусарскій и Харьковскій уланскій полки. Окрыляющее ихъ появленіе на удобной мѣстности, въ минуту ожесточеннаго боя, заставило дрогнуть турокъ: они начали отходить и русскій боевой порядокъ перешелъ въ наступленіе. Громада турецкихъ войскъ, собранныхъ подъ Плевной, указывала на необходимость увеличить силы западнаго отряда и принять мѣры на случай нашего перехода въ наступленіе.

Поэтому, не смотря на чрезвычайныя затрудненія, произведена была:

1) съемка въ масштабѣ 250 саженъ въ дюймѣ;

2) заготовлены туры, фашины и штурмовыя лѣстницы;

3) исправлены дороги, какъ наступательныя къ Плевнѣ, такъ и поперечныя между ними;

4) расчищены и устроены новые колодцы въ мѣстахъ, предназначенныхъ для перевязки раненыхъ;

5) войска упражнялись въ приступахъ на окопы,—и

*) „Русскій Инвалидъ“ 1877 года, №№ 245 и 246. Дальнѣйшія ссылки на общія дѣйствія войскъ подъ Плевной, въ дополненіе къ разсказу о Кавказской бригадѣ, основанной на отчетахъ отдѣльныхъ начальниковъ, помѣщенныхъ въ №№ 247 — 252 „Русскаго Инвалида“ за 1877 г.

**) Мѣстами двухъ, трехъ и пяти-ярусную.

6) обращено вниманіе на усиленіе войскъ осадною артиллеріею.

Вмѣстѣ съ этими мѣрами увеличивалась и численность западнаго отряда. Такъ:

21-го Августа присоединилась румынская армія и расположилась на правомъ нашемъ крылѣ.

22-го Августа прибыли два драгунскихъ, одинъ гусарскій и два казачьихъ полка *).

23-го—прибыла осадная артиллерія.

24-го—подошелъ отрядъ князя Имеретинскаго изъ Ловчи.

Съ прибытіемъ подкрѣпленій былъ рѣшенъ и переходъ къ наступленію на турокъ, окопавшихся подъ Плевной.

Основаніемъ для перехода къ рѣшительному наступленію открытою силою должны были служить:

а) Продолжительное обстрѣливаніе артиллеріею непріятельскихъ укрѣпленій.

б) Постепенное къ нимъ приближеніе и усиленіе артиллерійскаго огня.

в) Постепенное, возможно укрытое отъ непріятеля, приближеніе къ нему пѣхоты и, наконецъ

г) приступъ открытою силою.

Сообразно съ этими предположеніями, войска наши и должны были расположиться на разстояніи хорошаго пушечнаго выстрѣла отъ плевнинскихъ окоповъ.

Направленіемъ приступа, какъ сказано въ донесеніи, была избрана юго-восточная часть плевнинскаго укрѣпленнаго лагеря и войска должны были занять свои мѣста съ вечера 25-го на 26-е Августа.

Все пространство раздѣлено было на участки, которые должны были быть заняты въ слѣдующемъ порядкѣ:

Пѣхота и артиллерія:

1) 4-я Румынская дивизія составляла крайній правый флангъ нашего расположенія. Она, согласно приказанію князя Румыніи, должна была выступить изъ Вербицы и занять пространство къ сѣверу отъ гривицкаго шоссе. Къ югу отъ нея располагался

2) 9-й корпусъ генерала Крюднера между плевно-булгаренскимъ шоссе и дорогою изъ Пелишата въ Плевну. (Въ составъ 9-го корпуса входили: 31-я пѣхотная дивизія и три полка 5-й пѣхотной дивизіи съ

*) Полки эти прибыли изъ передоваго отряда генерала Гурко, послѣ возвращенія изъ лѣтняго похода за Балканы. Ихъ составляли: Казанскій и Астраханскій драгунскіе, Кіевскій гусарскій и Донская бригада Чернозубова (21-й и 26-й полки Курнакова и Краснова). Но эта послѣдняя бригада прибыла въ составѣ 7-ми сотенъ, остальныя 5 были удержаны подъ Шипкой и на Хаинкіойскомъ перевалѣ. Всѣ означенные полки, собравшись, около 25-го Іюля, у Новаго Никупа (по Руситѣ) отдыхали тамъ до 20-го Августа. Съ этого времени они перешли подъ Плевну.

ихъ артиллеріею. Одинъ изъ полковъ 5-й пѣхотной дивизіи съ 4-хъ фунтовой батареею долженъ былъ поступить въ главный резервъ).

3) 4-й корпусъ, подъ начальствомъ генерала Крылова, примыкалъ къ лѣвому крылу 9-го корпуса и занималъ Радишевскія высоты. (Въ составѣ 4-го корпуса были 16-я и 30-я пѣхотныя дивизіи, но одна бригада отдѣлялась въ главный резервъ).

Слѣдовательно, оба эти корпуса вступали въ боевую линію не въ полномъ своемъ составѣ: вмѣсто двухъ дивизій, каждый изъ нихъ располагалъ только одною съ половиной.

4) Отрядъ князя Имеретинскаго располагался у Тученицы, позади лѣваго крыла 4-го корпуса. (Отрядъ состоялъ изъ 2-й пѣхотной дивизіи, съ ея артиллеріей и тремя батареями 3-й артиллерійской бригады и изъ 3-й стрѣлковой бригады съ 4-хъ-орудійною, дальнобойною батареею).

5) Главный резервъ располагался къ западу отъ Пелишата, у перекрестка дорогъ тученице-гривицкой и плевно-пелишатской. (Онъ состоялъ изъ трехъ полковъ: 2-й бригады 30-й пѣхотной дивизіи и 20-го Галицкаго, съ тремя 4-хъ-фунтовыми пѣшими батареями).

6) Саперы были распредѣлены по корпусамъ, и войска, при ихъ помощи, должны были, занявъ свои мѣста, приняться за возведеніе земляныхъ закрытій.

Конница:

1) Три полка каларашей *) охраняли пространство между правымъ флангомъ румынъ и рѣкою Видомъ.

2) Четыре полка генерала Лошкарева, съ двумя конными батареями, стали на гривицкомъ шоссе, для связи 9-го корпуса съ румынами (8-й Астраханскій и 9-й Казанскій драгунскій, 9-й Бугскій уланскій и 9-й Донской казачій).

3) 1-я бригада 4-й кавалерійской дивизіи, съ конною батареею генерала Леонтьева, расположилась между Радишевымъ и Тученицкимъ оврагомъ. (Бригаду составляли: 4-й Екатеринославскій драгунскій и 4-й Харьковскій уланскій).

4) Донская бригада Чернозубова (т. е. 7 сотенъ) и Кавказская бригада (11 сотенъ) заняли пространство къ западу отъ Тученицкаго оврага, наблюдая плевно-ловчинское шоссе.

Казаки и бригада генерала Леонтьева должны были находиться между собою въ постоянной связи.

5) Въ главный резервъ назначены: Маріупольскій и Кіевскій гусарскіе полки, съ одной конной батареей.

Въ этомъ распредѣленіи силъ заключалось обложеніе турецкихъ укрѣпленій, находившихся на правомъ берегу Вида.

*) Конное ополченіе румынъ.

На основаніи общей диспозиціи, въ отрядѣ князя Имеретинскаго сдѣланы были распоряженія о своевременномъ занятіи указанныхъ мѣстъ. Весь отрядъ его, включая конницу, состоялъ изъ 16-ти батальоновъ, 88 орудій и 4-хъ неполныхъ казачьихъ полковъ: 2-хъ бригады Чернозубова и 2-хъ Кавказской бригады *).

Выступленіе пѣхоты назначено двумя эшелонами, которыми начальствовали: 1-мъ эшелономъ генералъ Скобелевъ, 2-мъ эшелономъ генералъ Добровольскій. Начальникомъ кавалеріи назначенъ полковникъ Чернозубовъ. Начальникомъ штаба отряда, по прежнему, остался полковникъ Паренсовъ **).

Начальникъ отряда обозначилъ свое мѣстопребываніе при 2-мъ эшелонѣ.

Людямъ приказано имѣть при себѣ каждому, по два фунта вареная мяса и по 4 ф. сухарей. Варку пищи произвести и накормить людей возможно раннимъ утромъ 26-го Августа.

Терскій эскадронъ Собственнаго Его Величества конвоя долженъ былъ выступить въ Раденицу, и тамъ ожидать прибытія Государя.

26-го Августа.

Утромъ 26-го Августа Кавказская бригада расположилась между Тученицкимъ оврагомъ и плевно-ловчинскимъ шоссе. Мѣсто выбрано, по возможности, укрытое отъ выстрѣловъ. Разъѣзды вошли въ связь съ 4-мъ корпусомъ, пѣхотою князя Имеретинскаго, и мы соединились съ донцами Чернозубова, которые стояли уже на плевно-ловчинскомъ шоссе, передъ Брестовцемъ. Передовая наша сотня (4-го Кубанскаго полка) подоспѣла къ нимъ въ то время, когда три сотни ихъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины барона Штакельберга, тѣснили черкесовъ. Подъ сильнымъ, но почти безвреднымъ, орудійнымъ огнемъ, донцы вели перестрѣлку съ черкесами и принудили ихъ очистить первый гребень Зеленыхъ горъ. Донцы заняли его отъ ловчинскаго шоссе на протяженіи

*) Казанскій пѣхотный полкъ и 1-й батальонъ Шуйскаго полка, бывшіе подъ Ловчей присоединились къ своему 4-му корпусу.

**) 1-й эшелонъ должны были составлять—Калужскій и Эстляндскій полки, 9-й и 10-й стрѣлковые батальоны, 1-я, 2-я и 3-я батареи 2-й артиллерійской бригады, 3-я батарея 3-й артиллерійской бригады, дальнобойная батарея и 3 сотни изъ бригады Чернозубова. 2-й эшелонъ составляли: Либавскій и Ревельскій пѣхотные полки, 11-й и 12-й стрѣлковые батальоны, 4-я, 5-я и 6-я батареи 2-й артиллерійской бригады, 5-я и 6-я батареи 3-й артиллерійской бригады и одна сотня бригады Чернозубова. (Приказъ по отряду № 5-й). Но какъ оказалось, что бригада Чернозубова состоитъ не изъ 12-ти, а только изъ 7-ми сотенъ, то, для возможнаго сохраненія цѣлости этой бригады, князь Имеретинскій присоединилъ къ пѣхотѣ 2 кавказскихъ сотни (5-ю и 6-ю Кубанскаго полка), не дотребовавъ всѣхъ отъ Чернозубова.

передъ Кришиномъ до Вида; кавказская сотня стала между шоссе и Тученицкимъ оврагомъ, и черезъ него соединилась съ конницею 4-го корпуса. Во весь этотъ день, съ ранняго утра и до поздняго полудня, раздавались раскаты орудійныхъ выстрѣловъ по всему восточному полукружію Плевны. Безъ умолку шушукали въ воздухѣ снаряды, то разрываясь въ дребезги, то захлебываясь въ рыхлой землѣ кукурузы и виноградниковъ. Не скажу, чтобы человѣкъ чувствовалъ особое наслажденіе, когда приходилось ему ѣхать на-встрѣчу этихъ выстрѣловъ; но онъ невольно свыкался съ ними, когда впереди, позади и кругомъ его ложились все тѣ же гранаты. Мы стояли широко и укрыто; поэтому потери были не велики, хотя мы вступили подъ орудійные выстрѣлы 26-го числа и только 2-го Сентября вышли изъ-подъ нихъ. Они на столько пріучили къ себѣ, что, мнѣ кажется, я не ошибусь, если скажу, что люди не обращали на нихъ вниманія: они и въ гранатѣ, и въ собственной своей жизни видѣли что-то чужое, имъ не принадлежащее, и не думали ни о той, ни о другой. Всѣ, кто стояли подъ Плевной, отъ рядоваго до высшаго начальника,—всѣ одинаково поддались этому обаянію смерти; всѣ они жили и служили подъ турецкимъ чугуномъ. Особенно отчетливо врѣзались въ мою память два такихъ случая изъ протекшихъ, сравнительно, покойныхъ дней. Первый изъ нихъ относится къ одному изъ совѣщаній князя Имеретинскаго, генерала Скобелева и полковника Паренсова. Они выбрали уединенное мѣсто подъ деревомъ, въ небольшомъ углубленіи двухъ смежныхъ высотъ, и тѣмъ только защитились отъ выстрѣловъ, что запретили подъѣзжать къ себѣ нѣсколькимъ лицамъ одновременно. Одиночные люди не всегда еще вызывали на себя орудійный огонь турокъ, но три, четыре человѣка постоянно были удостоиваемы гранатой. Мѣсто совѣщанія, передъ первымъ кряжемъ Зеленыхъ горъ, потому только и не очень обстрѣливалось въ описываемый часъ, что донецъ 30-го полка ѣдущихъ издали предупреждалъ словами: „князь просилъ во многомъ числѣ къ нему не ѣздить; если надо, то пѣшему, въ одиночку, можно“ *).

Другой случай относится къ одному изъ тѣхъ гранатныхъ дней, въ который Скобелевъ слѣдилъ за Кришинскимъ редутомъ, находясь на горѣ, что̀ лежитъ между Тученицкимъ оврагомъ и селеніемъ Кришинъ **).

---

*) Въ конвоѣ князя Имеретинскаго находилась сотня 30-го полка подполковника Грекова, взятая изъ Сельви. Подполковникъ Грековъ, участвуя съ княземъ Имеретинскимъ подъ Ловчей, провелъ съ нимъ и всю третью Плевну. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ командиромъ 30-го полка, съ которымъ дрался на Троянѣ, захвативъ 54 пушки, и съ этимъ же полкомъ возвратился на Донъ.

**) На планѣ инструментальной съемки, сдѣланномъ въ осадное время Плевны, эта гора отнесена къ первому кряжу Зеленыхъ горъ. Во 2-ю же и 3-ю Плевну она называлась Кришинскою горой или Кришинскою высотой.

Паденіе снарядовъ было довольно частое; ординарцы получили приказаніе стоять въ разсыпную, и все шло своимъ чередомъ. Но вскорѣ генералъ долженъ былъ отправиться по другому направленію, а нельзя было оставить и Кришинъ безъ наблюденія. Поэтому одному изъ ординарцевъ, хорунжему Дукмасову (изъ бригады Чернозубова), приказано было остаться и слѣдить за редутомъ. Для удобства же наблюденій, Дукмасову былъ поставленъ очень маленькій, складной, возимый въ торокахъ, стулъ. Беззащитное пребываніе подъ выстрѣлами было такъ естественно въ то время, что и самъ Дукмасовъ, я думаю, почувствовалъ развѣ что удовольствіе сидѣть на стулѣ, послѣ долгой привычки лежать на голой землѣ.

Я не помню, долго ли продолжалось его созерцаніе, но какъ теперь вижу сидящаго подъ гранатами, въ то время совсѣмъ еще юнаго Дукмасова. Помню, что какъ будто бы мелькнула у него улыбка въ ту минуту, когда онъ усаживался на стулъ, но въ то же мгновеніе она скрылась и онъ всѣмъ существомъ своимъ отдался исполненію службы. И много дней еще раскатывался гулъ орудійныхъ выстрѣловъ на восточной сторонѣ Плевны; но каждый человѣкъ былъ занятъ своимъ дѣломъ, каждый чувствовалъ, что здѣсь, подъ Плевной, ляжетъ много русскихъ тѣлъ во имя долга, и каждому хотѣлось работать, чтобы оградить другого.

Почти до заката солнца Кавказская бригада и казаки Чернозубова оставались въ боевой линіи, охраняя лѣвое крыло нашихъ войскъ; но въ 7 часовъ пополудни отъ начальника отряда прислано было приказаніе на имя полковника Тутолмина, въ которомъ говорилось:

„Одному полку ввѣренной вамъ бригады съ батареей поступить въ распоряженіе генералъ-маіора Скобелева, другому же охранять пространство между плевнинскимъ отрядомъ и Ловчей.

Свиты Его Величества генералъ-маіоръ
князь Имеретинскій“.

Въ силу этого приказанія, Владикавказскій полкъ назначенъ къ генералу Скобелеву, а Кубанскому приказано расположиться между Плевной и Ловчей.

Привести въ исполненіе это распоряженіе разрѣшено было на разсвѣтѣ слѣдующаго дня. „Сегодня же—сообщалъ князь Имеретинскій запискою отъ 8 час. 5 мин. пополудни—„предлагаю вамъ вернуться съ ввѣренною вамъ бригадою на ночлегъ въ селеніе Боготъ, оставивъ часть, необходимую для охраненія лѣваго фланга 4-го корпуса, по вашему усмотрѣнію“.

Посему, двѣ сотни оставлены на нашихъ мѣстахъ для охраненія лѣваго фланга 4-го корпуса; одна выставлена на шоссе между Ловчей и донцами Чернозубова, которые отошли по шоссе за Боготскій ручей,

а остальныя 8 сотенъ Кавказской бригады были притянуты къ истоку Боготскаго ручья и ночевали западнѣе дороги изъ Богота въ Тученицу.

Ночь прошла спокойно, но по-временамъ раздавались пушечные выстрѣлы вплоть до разсвѣта.

27-го Августа.

Въ силу приказанія, отданнаго отъ вчерашняго числа, Кавказская бригада выставила Владикавказскій полкъ въ отрядъ генерала Скобелева, а Кубанскій къ сторонѣ Ловчи, съ тѣмъ, чтобы, какъ сказано въ приказаніи князя Имеретинскаго, охранять пространство между плевнинскимъ отрядомъ и Ловчей. Поэтому, 2-я, 5-я и 6-я кубанскія сотни заняли Ралево и Зилково, связались съ 1-ю сотнею, оставленною подъ Ловчей; а 3-я и 4-я выдвинулись западнѣе селенія Учинъ-Долъ, къ Каракіойскому ущелью, и замкнули пространство отъ среднихъ кубанскихъ сотенъ до лѣваго крыла плевнинскаго отряда. Владикавказскій полкъ составлялъ его крайнюю, юго-восточную часть и, въ связи съ кубанцами, занялъ пространство къ западу отъ Брестовца. Разъѣзды высланы до Вида. Черкесскіе сторожевые посты стояли передъ Владикавказскимъ полкомъ, отъ Кришина до Трнина. Сотни Чернозубова находились на плевно-ловчинскомъ шоссе.

По общей диспозиціи, всѣ русско-румынскія войска должны были 27-го Августа приблизиться къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ; двѣ дивизіи румынъ *) подошли къ правому крылу боеваго расположенія, а отряду князя Имеретинскаго приказано овладѣть вторымъ кряжемъ Зеленыхъ горъ. Съ этого же дня выдвинутъ въ тылъ непріятелю, а именно—на софійское шоссе и въ селеніе Дольній-Дубнякъ, конный отрядъ, подъ начальствомъ генерала Лошкарева. Назначеніе этого отряда состояло въ томъ, чтобы, какъ сказано въ донесеніи генералъ-лейтенанта Зотова, смѣлыми и рѣшительными дѣйствіями на сообщенія противника—затруднить, если не совсѣмъ прервать ихъ. Въ случаѣ же, если бы непріятель покинулъ свой лагерь и началъ общее отступленіе, то тѣснить и преслѣдовать его.

На усиленіе 4-хъ полковъ генерала Лошкарева назначены четыре конныхъ полка румынъ, а именно: бригада рошіоровъ и бригада калараша **).

Сколько мнѣ извѣстно, какъ русскіе, такъ и румынскіе полки находились не въ полномъ составѣ, и вмѣсто означенныхъ 8-ми полковъ, т. е. двухъ дивизій, въ дѣйствительности едва набиралась одна. По край-

*) 3-я подошла изъ с. Рыбна и примкнула къ правому флангу 4-й, что была правѣе Гривицы, а резервная расположилась у Вербицы въ общемъ резервѣ за 3-ю и 4-ю дивизіями.

**) Рошіоры — какъ было уже сказано — постоянная конница румынъ; калараши — призывная.

ней мѣрѣ румыны, съ которыми мы встрѣтились черезъ нѣсколько дней за Видомъ, положительно находились въ уменьшенномъ числѣ рядовъ. Въ своемъ мѣстѣ я представлю о нихъ болѣе подробный отчетъ; теперь же ограничиваюсь указаніемъ на ихъ назначеніе въ составъ за-видскаго отряда.

Съ этого дня разъѣзды генерала Лошкарева входили съ нами въ связь черезъ селенія Кессель *) и Медевенъ, но общихъ дѣйствій съ ними мы не имѣли. Теченіе дѣлъ подъ Кришиномъ удерживало всѣ наши силы въ сборѣ подъ Брестовцемъ и Зелеными горами, такъ какъ малочисленность нашей пѣхоты принудила князя Имеретинскаго употребить свою конницу на непосредственное обезпеченіе обнаженнаго его лѣваго крыла. Между тѣмъ, отрядъ князя Имеретинскаго получалъ первостепенное назначеніе, какъ это видно изъ общаго донесенія генералъ-лейтенанта Зотова.

Описывая дѣйствія 27-го Августа, онъ говоритъ, что отряду князя Имеретинскаго приказано было: „Для дѣйствія со стороны Ловчи, откуда предполагалось нанесеніе рѣшительнаго удара, перейти изъ Тученицы на ловче-плевнинское шоссе". Слѣдовательно, здѣсь, на ловче-плевнинскомъ шоссе, надо было собрать какъ можно больше силъ. Все, что было у князя Имеретинскаго, онъ и собралъ подъ Брестовцемъ.

Итакъ, 27-го Августа, союзныя войска должны были надвинуться на Плевну. „Отряду князя Имеретинскаго (16 батальоновъ, при 76-ти орудіяхъ), имѣя во главѣ сильный авангардъ, подъ командою генерала Скобелева, въ минуту, какую онъ, князь Имеретинскій",—сказано въ донесеніи—„признаетъ за болѣе благопріятную, попытаться овладѣть вторымъ гребнемъ лѣсистыхъ высотъ, лежащихъ къ югу отъ Плевны".

Раннимъ утромъ выступили мы съ ночлега. Кубанскій полкъ пошелъ по назначенію, а Владикавказскій, находясь въ отрядѣ Скобелева, остановился въ брестовецкой балкѣ, по западную сторону ловчинскаго шоссе. Въ пятый разъ мы приходили на брестовецкія высоты и съ каждымъ разомъ все упорнѣе и упорнѣе непріятель обстрѣливалъ наши подступы. Первымъ дѣйствіемъ генерала Скобелева было занять с. Брестовецъ. Оно было свободно отъ турокъ, и въ него вошелъ 3-й батальонъ Эстляндскаго полка. Первый шагъ отряда Скобелева былъ упроченъ; за заслономъ эстляндцевъ развернулись три батареи, воздвиглись для нихъ невысокія земляныя прикрытія, подъ руководствомъ капитана Куропаткина, и начался поединокъ между батареями и Кришинскимъ редутомъ **).

До трехъ часовъ пополудни только и было, что шуршали да лопались гранаты, на всемъ пространствѣ отъ Кришина до Тученицкаго

*) Русская 10-ти-верстная карта.

**) Во второмъ редутѣ, что́ находился ближе къ Зеленымъ горамъ, не было замѣтно орудій.

оврага. Но въ три часа на-встрѣчу гранатамъ двинулись люди и отрядъ Скобелева пошелъ на Зеленыя горы. 1/2 сотни донцевъ изъ бригады Чернозубова *) обезпечивали правое крыло отряда Скобелева, а 2-я сотня Владикавказскаго полка получила приказаніе не упускать изъ виду лѣвое крыло и въ то же время держать связь съ остальными сотнями полка. Этому послѣднему вмѣнено въ обязанность слѣдить за движеніемъ турокъ изъ Кришинскихъ редутовъ на лѣвое крыло зеленогорскаго отряда.

Въ головѣ отряда Скобелева шли два батальона Калужскаго полка, въ резервѣ за ними третій батальонъ калужцевъ и два батальона Эстляндскаго полка, и скоро Зеленыя горы окутались пеленой пороховаго дыма. Долго раздавалась тамъ ружейная, чрезвычайно частая стрѣльба; наконецъ, она стихла и до насъ долетѣлъ слухъ о большихъ потеряхъ Калужскаго полка, случайно понесенныхъ имъ на третьемъ кряжѣ. Говорили, что неудержимые въ своемъ стремленіи калужцы быстро заняли второй кряжъ Зеленыхъ горъ и очутились передъ турками, лежавшими на третьемъ гребнѣ.

Разстояніе между ними было не далекое, да и не вездѣ, сколько помнится, третій гребень рѣзко отдѣляется отъ втораго. Можетъ быть занявшіе второй гребень и не думали, что они уже исполнили свое дѣло; можетъ быть, какъ говорили, приказаніе занять второй гребень означало только: стать по гребню, ограничиваясь буквальнымъ смысломъ этого выраженія. Говорили и то, что молодецкая отвага калужцевъ не стерпѣла близкаго сосѣдства турокъ и, ставъ по гребню, они произвольно ринулась на тѣ красныя фески, что притаились вдоль третьяго кряжа Зеленыхъ горъ. Но какъ бы то ни было, только движеніе за второй кряжъ не отвѣчало въ этотъ день предположенію начальства. Стремительно рванулись первые два батальона калужцевъ, опрокинули турокъ съ третьяго кряжа и подъ сильнымъ огнемъ засѣли въ ихъ окопахъ. Но турки очнулись и, въ свою очередь, превосходными силами ударили на лѣвое крыло Калужскаго полка.

Сильная контузія вывела изъ строя полковаго командира; жаркое дѣло обильно разрѣжало храбрые ряды; управленіе боемъ терялось въ ураганѣ свинца и нашимъ могло быть плохо: турки заходили имъ въ тылъ и ударили на лѣвое крыло; но въ это время подоспѣлъ Скобелевъ. Оповѣщенный о благополучномъ занятіи втораго гребня, онъ подъѣхалъ туда въ ту минуту, когда бой на третьемъ гребнѣ былъ въ полномъ разгарѣ и клонился на сторону турокъ. Скобелевъ приказалъ начать отступленіе, и батальонъ Калужскаго полка, находившійся въ резервѣ, принялъ на себя отступавшіе батальоны. Поддержанный эстляндцами, онъ остановилъ турокъ на третьемъ гребнѣ и не уступилъ имъ втораго. На

*) Подъ начальствомъ войсковаго старшины барона Штакельберга.

томъ и закончился зеленогорскій бой 27-го Августа: турки остались на третьемъ кряжѣ, русскіе-же стояли на второмъ.

Въ теченіи этого боя, казаки работали вмѣстѣ съ пѣхотой. Быть можетъ, противники соединенія конницы съ пѣхотой возразятъ и на это: Зачѣмъ? Дѣло конницы быть на отдаленныхъ сообщеніяхъ непріятеля и внезапно насѣдать на его крылья!—Всѣ эти возраженія совершенно вѣрны тогда, когда наша сторона богата численнымъ составомъ и когда условія войны не требуютъ отступленія отъ этого правила. Но, смѣю думать, что если начальнику нужны свѣжія силы, то онъ долженъ имѣть подъ рукою все, что можетъ служить ему къ достиженію цѣли на данномъ мѣстѣ. Справимся сегодня здѣсь, управимся завтра и дальше,—было бы только чѣмъ управляться. Если части въ сборѣ, то люди отдыхаютъ, кони не выбиваются изъ силъ, выручка крѣпнетъ и сохраняется самое главное—бодрое настроеніе духа. И въ этотъ день двѣ съ половиною сотни были въ непосредственномъ соединеніи съ пѣхотой, о чемъ и доносилъ генералъ Скобелевъ, говоря: „2-я сотня Владикавказскаго полка, 6-я сотня 26-го и полусотня 21-го Донскаго полковъ, подъ общимъ начальствомъ войсковаго старшины Семирѣченскаго войска, барона Штакельберга, оказали дѣятельную помощь отступавшимъ калужцамъ и особенно при уборкѣ съ поля сраженія раненыхъ".

Давно умолкнулъ бой, а казаки все еще ходили по виноградникамъ, отыскивая раненыхъ. Осетины смѣнили 2-ю сотню Владикавказскаго полка и заняли посты по западному склону Зеленыхъ горъ, а донцы расположились между вторымъ и третьимъ гребнемъ. Остальныя части Владикавказскаго полка оттѣснили непріятельскую конницу на высоту Кришинскаго редута и оградили отъ всякой внезапности лѣвое крыло отряда князя Имеретинскаго.

Въ тотъ часъ, когда сумракъ спустился на землю, зеленогорская пѣхота окопалась на второмъ кряжѣ, и на немъ, какъ видно изъ донесенія Скобелева, твердою уже ногою стояли два батальона Эстляндскаго полка и два стрѣлковыхъ батальона. Въ это же время, за поворотомъ одного изъ подножій Зеленыхъ горъ раздалась военная пѣсня. Доселѣ только выстрѣлы да грохотъ боевыхъ колесъ оглашали эту мѣстность; все рѣзалось и билось во имя святости долга и не было помысловъ о жизни. Безотчетное, тупое чувство овладѣваетъ человѣкомъ послѣ боя; но случается, что, при неудачномъ исходѣ его, многіе тревожно какъ-то всматриваются въ окружающіе предметы. Тогда каждый кустъ, каждая рытвина подозрѣваются въ стачкѣ съ непріятелемъ и мгновенно могутъ вызвать баснословную отвагу, но и столь же внезапно они порождаютъ и безпричинную панику. И вотъ въ такое-то время, когда чувства отряда бродятъ въ неопредѣленномъ настроеніи, тогда и цѣны не найдется тому вліянію, которое вдохновитъ въ отрядѣ увѣренность къ его

силамъ. Источники этой силы бываютъ весьма разнообразны. Въ описываемую минуту сила и порядокъ вылились изъ пѣсни, когда изъ-за поворота горы вышли ряды калужанъ. Въ головѣ ихъ ѣхалъ капитанъ Куропаткинъ. По обязанности начальника штаба, онъ принималъ участіе въ сборѣ батальоновъ Калужскаго полка послѣ боя. Врядъ ли находились они въ веселомъ настроеніи духа послѣ молодецкой, но дорого оплаченной драки. Намъ говорили въ тотъ вечеръ, что у нихъ до шестисотъ человѣкъ выбыло изъ строя *). Турки, при отступленіи полка, сидѣли, какъ говорится, у него на носу. Знакомство съ сердцемъ рядоваго подсказало начальнику штаба о необходимости дать ему нравственную поддержку; и вотъ, послѣ задушевнаго слова въ разговорѣ съ рядовымъ Калужскаго полка, Куропаткинъ, какъ-бы невзначай, сказалъ ему: „а пожалуй и пѣсню запоютъ“.

— Запоютъ, ваше благородіе, отвѣчалъ калужанинъ, и въ размѣръ его неторопливаго шага разлилась русская пѣсня подъ Зелеными горами.

Въ стройномъ порядкѣ, не торопясь, отошелъ этотъ полкъ подъ Брестовецъ и во мракѣ темной ночи разносилась его пѣсня, водворяя порядокъ и вѣру въ успѣхъ. Какъ объ этомъ думаютъ турки? спросили въ нашихъ рядахъ.—Турки молчали и, вѣроятно, слушали пѣсню.

Но 27-е Августа показало, что лѣвое крыло и ближайшій тылъ князя Имеретинскаго остаются беззащитными въ самую трудную минуту боя. Въ силу этого, Кавказская бригада получила приказаніе крѣпко сторожить и, въ крайности, во что бы то ни стало выкинуть турокъ, если они двинутся въ промежутокъ между Зелеными горами и Брестовцемъ. Между тѣмъ, цѣлый полкъ ея находился на полпути до Ловчи, а подъ Плевной не могло оказаться избытка въ свободномъ конѣ или шашкѣ. Поэтому, Кубанскому полку разрѣшено: оставить одну сотню въ Ловчѣ (первую), другою (вторую) наблюдать Сотево, высылая разъѣзды за это селеніе, и связаться отдѣльными постами съ остальными сотнями полка. Эти послѣднія входили уже съ ними въ связь съ одной стороны отъ Учина-Дола, а съ другой наблюдали пространство къ западу отъ Кришина. Владикавказскій полкъ продвинутъ впередъ къ Брестовцу и расположенъ въ балкѣ, по восточную его сторону. Здѣсь учредилось главное мѣстопребываніе Кавказской бригады до 1-го Сентября включительно. Отсюда она ежедневно выдвигалась передъ Кришинскій редутъ, чтобы съ утра обстрѣливать его огнемъ своей батареи, а двѣ очередныя сотни Владикавказскаго полка постоянно стояли на юго-западной половинѣ Зеленыхъ горъ. Другая половина ихъ наблюдалась донцами Чернозубова, которые, сверхъ того, держали разъѣзды на юго-западъ, въ сторону кубанскихъ сотенъ, подъ Ловчу.

*) По донесенію—до 700.

Изъ хозяйственныхъ распоряженій этого дня, достойно вниманія впервые полученное Кавказскою бригадою приказаніе, въ которомъ говорилось:

„Изъ имѣющаго прибыть въ непродолжительномъ времени транспорта принять по два раціона на человѣка чаю и сахару. (Одинъ фунтъ чаю = 100 раціонамъ; три фунта сахару отпускается на 100 человѣкъ). Крупы принять на 7 дней. Водки по 1/2 чарки на человѣка.

Подлинное подписалъ: Начальникъ штаба,

полковникъ Паренсовъ".

Вмѣстѣ съ симъ было приказано отправить всѣхъ больныхъ въ Порадимъ, на опорожненныхъ повозкахъ интендантскаго транспорта.

28-го Августа.

Въ донесеніи генерала Скобелева князю Имеретинскому сказано: „Получивъ въ 2 часа ночи увѣдомленіе о томъ, что атака города Плевны (предполагавшаяся на 28-е Августа) отложена на одинъ день, онъ очистилъ второй гребень, отведя съ него эстляндцевъ на первый гребень Зеленыхъ горъ. Здѣсь онъ укрѣпился, чтобы дать отпоръ противнику, въ случаѣ его наступленія".

Въ 5 часовъ утра, турки въ значительныхъ силахъ двинулись на него отъ Плевны *); сторожевые донцы отошли передъ ними на свою пѣхоту и огонь эстляндцевъ, покровительствуемый тремя съ половиною батареями, остановилъ, а къ 6 1/2 ч. утра принудилъ отойти турокъ въ свои окопы.

Густая черкесская цѣпь усилилась въ это время на высотѣ, къ западу отъ Кришинскаго редута, но тотчасъ же отступила при движеніи на нее сторожевой сотни Владикавказскаго полка. За Учинымъ-Доломъ, къ сторонѣ Вида, и со стороны Ловчи все было въ это время покойно. Командиръ 2-й сотни Кубанскаго полка, отъ 5 1/2 часовъ утра, донесъ оттуда:

„Почта до города Ловчи учреждена; самъ съ сотнею ночевалъ между отрядомъ сотника Вышеславцева и мостомъ подлѣ шоссе. Со стороны непріятеля до сей минуты ничего не замѣчено.

Сотникъ Шишковъ".

Въ 8 часовъ утра турки снова ударили на отрядъ Скобелева, преимущественно на его правое крыло. Его пѣхота подпустила ихъ на 60 шаговъ разстоянія, встрѣтила градомъ пуль, потомъ сама перешла въ наступленіе и отбросила турокъ за Зеленую гору. И на этотъ разъ осетинскія сотни не остались праздными зрителями пѣхотнаго боя. Гдѣ

*) Въ этотъ день, по донесенію генерала Скобелева, онъ имѣлъ противъ себя отъ 6 — 10 таборовъ турокъ.

можно было, тамъ они трепали отбившихся турокъ и, вѣроятно, не безъ пользы для дѣла, такъ какъ участникамъ второй и третьей Плевны извѣстно значеніе всадниковъ, насѣдающихъ на отступающую цѣпь пѣхоты. Но, сравнительно, не долго длился этотъ частный урывокъ изъ общаго дневнаго хода орудійнаго боя. Уже въ 9 часовъ утра, начальникъ зеленогорскаго отряда, вполнѣ довольный отрядомъ и работой осетинъ, прислалъ полковнику Тутолмину приказаніе, въ которомъ говоритъ:

„Соберите и накормите осетинъ. Вмѣсто нихъ, придвиньте къ общему резерву двѣ сотни.

Генералъ Скобелевъ".

Въ часъ этого успѣха отряда князя Имеретинскаго прибылъ съ порученіями къ нему отъ Великаго Князя Главнокомандующаго войсковой старшина Владикавказскаго полка фонъ-Клугенау. Находясь въ распоряженіи генерала Гурко со времени перваго его перехода за Балканы, Клугенау, въ настоящее время, за отсутствіемъ генерала Гурко, находился при Его Высочествѣ Главнокомандующемъ. Въ числѣ порученій къ князю Имеретинскому, Клугенау получилъ приказаніе и въ Кавказскую бригаду. Онъ долженъ былъ передать ей увѣренность Великаго Князя въ томъ, что какъ „въ преслѣдованіи, такъ и при трудномъ отступленіи, Кавказская бригада съумѣетъ показать себя такою же молодецкою частью, какою она выказалась отъ начала похода". Слова эти имѣли высокую цѣну и оказывали хорошую услугу.

По всему остальному протяженію противниковъ, какъ видно изъ донесенія генерала Зотова, обѣ стороны ограничивались орудійною стрѣльбою.

29-го Августа.

По предположенію начальника западнаго отряда, утромъ 29-го Августа войска князя Имеретинскаго должны были атаковать третій гребень Зеленыхъ горъ. Атака поручена генералу Скобелеву, и 1-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи назначена на непосредственное его усиленіе. Для этого она, отдѣляясь отъ 4-го корпуса, должна была перейти черезъ Тученицкій оврагъ и стать на высотѣ праваго крыла отряда князя Имеретинскаго.

Войска генералъ-маіора Добровольскаго должны были находиться позади у Брестовца.

Вмѣстѣ съ этимъ обращалось вниманіе отряда на значительное сосредоточеніе непріятельскихъ силъ на нашемъ лѣвомъ крылѣ. Поэтому полковнику Чернозубову, начальствовавшему всею конницею лѣваго крыла, приказано принять мѣры, на случай наступленія противника со стороны Кришина. Эта обязанность возложена на свободныя сотни

банскаго полка, и командовавшему въ это время полкомъ маіору Сипягину *) было предписано:

1) Всѣмъ наличнымъ его сотнямъ наблюдать за лѣвымъ крыломъ нашего отряда, противъ котораго замѣчено скопленіе непріятеля.

2) Усилить связь передовыхъ постовъ между Кавказской бригадой и донцами Чернозубова, части которыхъ, расположенныя на Зеленыхъ горахъ, примыкаютъ къ нашей цѣпи Владикавказскаго полка, стоящей тамъ же, къ сторонѣ Кришина.

3) Отправить отдѣльный наблюдательный постъ въ 20-ть человѣкъ, при офицерѣ, какъ можно далѣе къ р. Виду. Желательно, чтобы онъ выслѣдилъ передвиженіе турокъ за Кришиномъ.

4) Кромѣ замѣченныхъ имъ особенно важныхъ извѣстій, онъ долженъ доносить и о видимомъ ему ходѣ общаго боя.

5) Въ случаѣ угрожающей опасности, онъ долженъ одновременно послать донесенія: къ генералу Скобелеву, начальнику бригады и въ части Владикавказскаго полка, что́ стоятъ на Зеленой горѣ, въ связи съ донцами.

6) Въ случаѣ нашего движенія, сообразоваться съ нами.

Начальникомъ этого поста былъ назначенъ хорунжій Мѣняевъ.

Что-же касается до занятія третьяго гребня, то, въ виду чрезвычайнаго неравенства силъ, доноситъ генералъ Скобелевъ, „онъ не рѣшился атаковать его въ этотъ день. Продвинувъ свои части впередъ, онъ только и могъ сдѣлать, что занять второй гребень и окопаться на немъ подъ сильнѣйшимъ огнемъ какъ съ кришинскаго редута, такъ и съ редутовъ южной линіи непріятельскихъ укрѣпленій".

Вѣроятно, это видимое для насъ значеніе кришинскаго редута убѣждало князя Имеретинскаго въ необходимости владѣть, какъ онъ доносилъ генералу Зотову, хотя бы одной командующей высотой на южной сторонѣ Плевны. Высоты эти особенно были ему необходимы въ виду близости праваго крыла турокъ къ пути ихъ отступленія на Софію. „Поэтому—писалъ онъ — допускаю возможность перехода турокъ въ наступленіе на меня, хотя-бы съ цѣлью прикрыть ихъ отступленіе. Принявъ надлежащія мѣры, имѣю сильную дежурную часть, и начальники частей осмотрѣли позицію".

Между тѣмъ, хорунжій Мѣняевъ исполнялъ свое дѣло, и въ 8 ч. 15 м. утра доносилъ уже начальнику бригады:

---

*) Командиръ полка подполковникъ Кухаренко опасно заболѣлъ въ это время, и только по настоятельному приказанію уѣхалъ отъ полка, оставаясь при немъ до изнеможенія силъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Старшій при немъ, войсковой старшина Кирсановъ, тяжело былъ контуженъ въ голову, въ дѣлѣ 23-го Августа подъ Ловчей, и маіоръ Сипягинъ замѣнилъ ихъ обоихъ до конца Сентября.

„Выбралъ удобное мѣсто на лѣвомъ флангѣ позиціи. Турецкіе аванпосты стоятъ передо мною, и нѣтъ пока возможности пробраться далѣе къ р. Виду. Верстахъ въ $3^1/_2$ влѣво отъ нашей позиціи видны небольшіе разъѣзды. Сильный туманъ не позволяетъ далеко наблюдать за непріятелемъ".

Вмѣстѣ съ этимъ онъ прислалъ и набросокъ расположенія непріятельскихъ постовъ отъ Кришина до Вида.

Въ 12 ч. 10 м. онъ отправилъ второе донесеніе, въ которомъ говорилъ:

„Проѣхалъ до ближайшаго притока р. Видъ, но далѣе пробраться не могъ, такъ какъ на-встрѣчу намъ выѣхало около полка кавалеріи. Съ сосѣднихъ батарей насъ замѣтили и открыли орудійный огонь. Встрѣтившая насъ кавалерія направлялась отъ Трнина. Все видѣнное сообщилъ полковнику Левису и предупредилъ наши посты. По хребту горы, на которой расположенъ редутъ, видны окопы. Въ редутѣ, по словамъ болгаръ, три орудія".

Въ 2 ч. 55 м. онъ увѣдомилъ, что изъ редута вышло около батальона пѣхоты и стрѣлки разсыпались въ ложементы. Въ виноградникахъ, писалъ онъ, видна непріятельская колонна, а за большимъ редутомъ расположенъ другой, который тоже ведетъ орудійную стрѣльбу *).

Итакъ, 29-го Августа, войска князя Имеретинскаго были усилены 1-ю бригадою 16-й пѣхотной дивизіи **), а къ вечеру пришла къ нему и кавалерійская бригада генерала Леонтьева ***). Общій же выводъ этого дня, основанный, какъ кажется, на обмѣнѣ мыслей, высказанныхъ въ совѣщаніи подъ Брестовцемъ, генераловъ: князя Имеретинскаго, Скобелева и Левицкаго, заключался въ признаніи важнаго значенія южныхъ высотъ Плевны. Я позволяю себѣ высказать это на основаніи тѣхъ распоряженій, которыя, касаясь конницы, были выражены княземъ Имеретинскимъ въ запискѣ его къ генералу Добровольскому о предположеніяхъ на завтрашній день. Въ ней сообщалось генералу Добровольскому: „Завтра, 30-го Августа, генералъ-маіоръ Скобелевъ съ утра начнетъ усиленное обстрѣливаніе непріятельскихъ редутовъ южнаго фронта Плевны. Затѣмъ, около 12-ти часовъ дня, онъ штурмуетъ эти редуты. Для содѣйствія генералу Скобелеву, предлагаю вамъ, со ввѣренными вамъ войсками (1-я бригада 2-й пѣхотной дивизіи, два стрѣлковыхъ батальона, 5-я батарея 3-й артиллерійской бригады и одна 4-хъ-фунтовая батарея

*) Въ донесеніи хорунжаго Мѣняева, подъ редутами слѣдуетъ разумѣть кришинскіе редуты и тѣ, что́ были на южной сторонѣ Плевны, а подъ батареями—тѣ укрѣпленія, которыя были насыпаны по юго-западному склону, между Кришиномъ и Трниномъ.

**) Екатеринославскій драгунскій и Харьковскій уланскій полки, съ 8-ю конною батареею, подъ начальствомъ генерала Леонтьева.

***) Полки Владимірскій и Суздальскій.

2-й артиллерійской бригады, вся кавалерія: Кавказская казачья бригада, бригада Чернозубова и бригада регулярной кавалеріи, три конныхъ батареи), содѣйствовать генералу Скобелеву овладѣніемъ редутомъ, находящимся противъ Кришина и Брестовца. Для сего, раннимъ утромъ, кавалерія должна произвести усиленную рекогносцировку непріятельской позиціи. Затѣмъ, отдѣливъ отрядъ для самостоятельныхъ дѣйстій на лѣвомъ флангѣ, съ цѣлью наблюденія, охраненія и преслѣдованія противника, въ случаѣ его отступленія, около 12-ти часовъ дня, штурмовать редутъ".

Смѣю думать, что въ этой запискѣ заключается вся суть соображеній для овладѣнія турецкими укрѣпленіями подъ Плевной. Она прямо указываетъ на необходимость овладѣть кришинскими высотами. Плевна лежала у ихъ ногъ; утвердясь на этихъ высотахъ, наши батареи могли бить по турецкому тылу, и, при содѣйствіи зеленогорскихъ орудій, наше лѣвое крыло имѣло бы угрожающее значеніе для турокъ.

29-е Августа было уже на исходѣ, а диспозиціи еще не было прислано, но всѣ предчувствовали, что она будетъ получена на 30-е Августа. Стоявшая до сихъ поръ теплая погода перемѣнилась: подернуло холодомъ, дождикъ сочился изъ густаго тумана, и кто помнитъ эти часы, тотъ согласится, что не хорошъ былъ вечеръ 29-го Августа.

30-го Августа.

Въ ночь съ 29-го на 30-е Августа была получена диспозиція для атаки плевнинскихъ укрѣпленій. Общій смыслъ ея совпадалъ съ извѣстными намъ предположеніями вчерашняго дня, но подробности диспозиціи вызвали иныя распоряженія въ отрядѣ князя Имеретинскаго. „Штурмъ", какъ сказано въ донесеніи генералъ-лейтенанта Зотова, „согласно диспозиціи, по волѣ его высочества князя румынскаго, долженъ былъ начаться одновременно на всѣ три избранные для атаки пункта, въ три часа пополудни".

Изъ числа трехъ избранныхъ пунктовъ, поясняетъ то-же донесеніе, два изъ нихъ, гривицкій редутъ и исходящій срединный редутъ, что̀ на плевнинскихъ высотахъ *), должны были быть атакованы только для того, чтобы отвлечь турецкія силы отъ главнаго удара, который шелъ по плевно-ловчинскому шоссе. Здѣсь, доносилъ генералъ Зотовъ, находился стратегическо-тактическій ключъ лагеря.

Битва 30-го Августа должна была начаться орудійною подготовкою приступа.

Для этого предписывалось:

*) Т. е. образующій исходящій уголъ къ сторонѣ Гривицы-Радишево.

Съ разсвѣтомъ открыть со всѣхъ батарей самый усиленный огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ и не прекращать его до 8-ми часовъ утра.

Въ 9 часовъ утра, одновременно и вдругъ, прекратить всякую стрѣльбу по непріятелю до 11 часовъ утра. Отъ 11 до 1 часу пополудни вновь открыть усиленный орудійный огонь.

Съ 1 часа до 2½ опять промежутокъ общаго молчанія.

Въ 2½ часа снова общая орудійная стрѣльба, которая умолкаетъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наступающія войска закроютъ наши батареи.

Въ 3 часа пополудни общее наступленіе.

Гривицкій редутъ отданъ былъ румынской арміи и 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи.

Исходящій редутъ, съ прилегающими къ нему окопами, назначенъ 2-й бригадѣ 16-й и 1-й бригадѣ 30-й дивизій, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Крылова.

Южно-плевнинскія укрѣпленія долженъ былъ взять отрядъ генерала Скобелева, состоявшій изъ 1-й бригады 16-й дивизіи, 3-й стрѣлковой бригады и Ревельскаго полка.

Въ непосредственный резервъ отряда генерала Скобелева назначено три полка, подъ начальствомъ князя Имеретинскаго.

Въ главный резервъ назначено три пѣхотныхъ и одинъ гусарскій полка. Мѣстопребываніе его опредѣлено за среднимъ отрядомъ, т. е. за четырьмя полками генерала Крылова.

Связующими отрядами назначены обѣ бригады 31-й пѣхотной дивизіи; причемъ 1-й ея бригадѣ намѣчено пространство отъ Гривицы до Радишева, а 2-я бригада должна была служить частнымъ резервомъ лѣваго фланга своей 1-й бригады.

Конницѣ генерала Леонтьева (1-я бригада 4-й кавалерійской дивизіи, Донская и Кавказская казачьи бригады) предписано: прикрывая лѣвый флангъ всего боеваго порядка, въ то же время дѣйствовать наступательно на софійское шоссе,—гдѣ и открыть связь съ кавалеріею генерала Лошкарева.

Конницѣ генерала Лошкарева предписано дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ турецкихъ войскъ, могущихъ появиться на лѣвомъ берегу Вида *).

---

*) Въ диспозиціи по войскамъ западнаго отряда арміи, отъ 29-го Августа 1877 года, сказано:

а) Румынская армія атакуетъ сѣверное укрѣпленіе. Для содѣйствія этой атакѣ, должна быть выдвинута бригада пѣхоты 9-го корпуса, съ двумя 4-хъ-фунтовыми батареями, отъ Гривицы, съ тѣмъ, чтобы прикрыть лѣвый флангъ румынской арміи отъ всякихъ

Итакъ, отряду князя Имеретинскаго приказано атаковать укрѣпленный непріятельскій лагерь со стороны ловчинскаго шоссе. Но диспозиція не называла уже эти войска отрядомъ князя Имеретинскаго, а дѣлила ихъ на три самостоятельныя части. Всѣ эти части должны были

попытокъ непріятельскихъ резервовъ. Два батальона этой бригады должны атаковать совмѣстно съ румынами, сѣверное укрѣпленіе съ юго-западной стороны его.

б) Изъ остальныхъ войскъ 9-го армейскаго корпуса,—два полка должны прикрывать линію нашихъ батарей по гребню отъ Гривицы до Радишева, а два полка, съ тремя 4-хъ-фунтовыми батареями, должны составить резервъ и расположиться впереди Радишева, на правомъ берегу оврага. Галицкій пѣхотный полкъ, съ одною батареею, остается въ главномъ резервѣ.

в) Ингерманландскому полку, съ состоящей при немъ батареей, расположиться на лѣвомъ флангѣ двѣнадцати-орудійной осадной батареи.

г) Командующему 4-мъ корпусомъ, генералъ-лейтенанту Крылову, со 2-ю бригадою 16-й дивизіи, поддержанной 1-ю бригадою 30-й дивизіи, атаковать непріятельскія укрѣпленія, находящіяся впереди батарей его лѣваго фланга. За этой колонной будетъ слѣдовать главный резервъ изъ трехъ полковъ пѣхоты, съ тремя батареями.

д) При этомъ главномъ резервѣ будетъ находиться начальникъ западнаго отряда.

е) Отряду генерала Скобелева, состоящему изъ 1-й бригады 16-й дивизіи, стрѣлковой бригады генералъ-маіора Добровольскаго и одного полка 2-й пѣхотной дивизіи, съ тремя 9-ти и одною 4-хъ-фунтовою батареями, атаковать укрѣпленный непріятельскій лагерь, прикрывающій г. Плевну со стороны ловчинскаго шоссе.

ж) Въ резервѣ колонны генерала Скобелева, съ обязанностью поддерживать его атаку и прикрывать лѣвый флангъ его колонны, слѣдуютъ остальные полки 2-й пѣхотной дивизіи съ ихъ батареями, подъ начальствомъ свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіора князя Имеретинскаго.

з) Командиру 1-й бригады 4-й кавалерійской дивизіи, генералъ-маіору Леонтьеву, со ввѣренною ему бригадою и конною батареею, казачьими полками полковника Чернозубова и Кавказскимъ казачьимъ полкомъ (которые генералъ-маіору Леонтьеву принять подъ свое начальство), прикрывать лѣвый флангъ всего боеваго порядка и дѣйствовать наступательно по направленію къ софійскому шоссе, на селеніе Дубнякъ, гдѣ войти въ связь съ кавалеріею генерала Лошкарева.

и) Кавалеріи генерала Лошкарева начать самыя рѣшительныя дѣйствія противъ турецкихъ войскъ, могущихъ появиться на лѣвомъ берегу Вида, и войти въ связь съ кавалеріею генерала Леонтьева.

і) Бригадѣ каларашей полковника Разнована, по прежнему, прикрывать правый флангъ румынской арміи. Кіевскому гусарскому полку оставаться на булгарени-плевнинскомъ шоссе, для связи между 9-мъ корпусомъ и румынской арміей. Маріупольскому гусарскому полку находиться при главномъ резервѣ.

к) Относительно формы одежды, обозовъ, перевязочныхъ пунктовъ, подвижныхъ лазаретовъ и запаса двухдневнаго продовольствія на людяхъ точно руководствоваться указаніями, данными въ диспозиціи передъ началомъ плевнинскаго боя.

л) Перевязочные пункты для войскъ, дѣйствующихъ по ловчинскому шоссе, учредить по распоряженію генералъ-маіора князя Имеретинскаго, въ распоряженіе котораго направленъ подвижной лазаретъ 16-й пѣхотной дивизіи. Всѣ дальнѣйшія приказанія будутъ отданы на полѣ сраженія. Отъ каждаго корпуса прислать ко мнѣ по три конныхъ офицера.

Подлинную подписалъ начальникъ западнаго отряда арміи

генералъ-лейтенантъ Зотовъ.

помогать другъ другу, но по собственной предпріимчивости ихъ начальниковъ. Въ этомъ обстоятельствѣ можно было быть увѣреннымъ, что всѣ три начальника будутъ сходны въ своихъ воззрѣніяхъ и управленіе боемъ не потеряетъ единства на югѣ-восточной сторонѣ Тученицкаго оврага. Но какъ-бы единогласны они ни были, все-таки рѣшающій голосъ былъ нуженъ, т. е. кто-нибудь изъ нихъ долженъ былъ принять на себя старшинство. Сколько намъ было извѣстно, то князь Имеретинскій отдавалъ себя въ полное распоряженіе указанію боя, который долженъ былъ главнымъ образомъ разгорѣться на Зеленой горѣ. На ней стоялъ уже отрядъ генерала Скобелева, который, до начала общей атаки, долженъ былъ взять третій гребень горъ и потомъ уже развивать дальнѣйшія дѣйствія. Князю же Имеретинскому было предписано поддерживать атаку генерала Скобелева, съ обязанностью прикрывать его лѣвый флангъ. Въ этихъ словахъ заключалась вся тягучесть военнаго приказанія. Можно было поддерживать атаку генерала Скобелева и ударомъ на кришинскіе редуты, но, въ такомъ случаѣ, зеленогорскій отрядъ остался-бы безъ резервовъ. Между тѣмъ противъ зеленогорскаго отряда стоялъ сильный противникъ. Онъ долженъ былъ втянуть въ свои окопы генерала Скобелева, котораго обязанъ былъ поддерживать князь Имеретинскій, отдавая ему всѣ свои силы, до послѣдняго человѣка. Не атаковать-же Зеленыхъ горъ, значило—открыть туркамъ промежутокъ между Кришиномъ и 4-мъ корпусомъ. Врядъ-ли я ошибусь, если скажу, что при такихъ условіяхъ самостоятельныя дѣйствія противъ кришинскихъ редутовъ были немыслимы. Тутъ все зависѣло отъ хода боя и отъ дружной поддержки его. Это послѣднее условіе выразилось съ беззавѣтнымъ самоотверженіемъ и началомъ его служило сознаніе необходимости сосредоточивать донесенія въ рукахъ князя Имеретинскаго. Поэтому, всѣ свои частныя распоряженія генералъ Леонтьевъ дѣлалъ, находясь въ средоточіи свѣдѣній, у начальника отряда; мы же, въ свою очередь, знали, что́ гдѣ дѣлается и чего отъ насъ желаютъ.

Что касается конницы, то, по диспозиціи, полкамъ генерала Леонтьева приказано было: прикрывая лѣвый флангъ всего боеваго порядка, въ тоже время дѣйствовать наступательно на софійское шоссе. Совмѣстить эти условія можно было только въ случаѣ безостановочнаго наступленія нашихъ войскъ вплоть до пересѣченія софійскаго шоссе съ р. Видомъ. Тогда мы могли-бы прямымъ путемъ на Десевицу и Трнинъ спуститься къ переправамъ на Видѣ, и вѣ-время перенять турокъ на пути ихъ отступленія въ Софію. Но доколѣ кришинскіе редуты хозяйничали на юго-западныхъ высотахъ Плевны, дотолѣ лѣвое крыло пѣхоты князя Имеретинскаго и Скобелева находилось во власти семи-верстнаго поперечника этихъ высотъ. Слѣдовательно, на конницѣ лежала прежде всего обязанность охраненія промежутка между Видомъ и ловчинскимъ шоссе.

Если-бы наша пѣхота пошла на кришинскіе редуты, то она тѣмъ болѣе нуждалась-бы въ нашемъ содѣйствіи на остальномъ пространствѣ между Кришиномъ и Видомъ.

Рано утромъ 30-го Августа Кавказская бригада *) получила приказаніе огнемъ своей батареи обстрѣливать кришинскій редутъ. Она съ ранняго утра продвинулась къ сѣверо-западу отъ Брестовца, стала на лѣвомъ крылѣ боеваго порядка и завязала артиллерійскій бой съ большимъ кришинскимъ редутомъ.

Въ началѣ этого дня, уступомъ, за Кавказскою бригадою, поближе къ ловчинскому шоссе, стояли бригада Леонтьева и 7-мъ сотенъ Черновзубова.

Пока Скобелевъ не двигался впередъ, кришинскія орудія отвѣчали огню нашихъ пѣшихъ и конныхъ батарей. Редуты казались пустыми, хотя прилетавшія къ намъ гранаты свидѣтельствовали, что они заняты турками. Вся плоская и открытая покатость между редутами и нами казалась беззащитною, и только очень внимательное наблюденіе удостовѣряло, что передъ редутами есть траншеи.

Около 10-ти часовъ утра начальнику Кавказской бригады была прислана записка генерала Леонтьева, въ которой говорилось: „Скобелевъ тотчасъ начинаетъ атаку. Имѣйте въ полной готовности нѣсколько сотенъ и 4 орудія для совмѣстнаго дѣйствія съ уланами и драгунами, въ случаѣ нападенія турокъ съ крайняго редута на флангъ Скобелева“.

Въ 10-ть часовъ утра четыре батальона **) отряда Скобелева двинулись на третій гребень. Три пѣшія батареи, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Суздальскаго полка, обезпечивали это движеніе справа отъ Тученицкаго оврага, а три роты Эстляндскаго полка, взятыя изъ резерва князя Имеретинскаго, поддерживали его лѣвое крыло. Три батареи двигались въ резервѣ за этими полками.

Слѣдовательно, при первомъ шагѣ на третій гребень, три роты изъ отряда князя Имеретинскаго уже были отданы на Зеленыя горы; въ запасѣ у него остались полки: Либавскій и ослабленный боемъ 27-го Августа Калужскій ***), и рота Эстляндскаго полка.

Снова загремѣли Зеленыя горы и снова третій ихъ гребень былъ отнятъ у турокъ. Наши заняли его и, по возможности, окопались подъ страшнымъ огнемъ непріятеля, который, какъ говоритъ донесеніе генерала Скобелева, „самъ перешелъ въ наступленіе и въ большихъ массахъ, особенно на флангахъ, сталъ напирать на нашу первую линію“. Заго-

*) За исключеніемъ двухъ сотенъ, бывшихъ подъ Ловчей, сколько помнится, на этотъ день оставлена на Зеленыхъ горахъ для связи между пѣхотой одна, а не двѣ сотни.

**) Владимірскій полкъ и 10-й стрѣлковый батальонъ.

***) По представленному донесенію, потеря Калужскаго полка состояла изъ 700 человѣкъ; слѣдовательно, въ полку оставалось не три, а съ небольшимъ два батальона.

рѣлся жестокій стрѣлковый бой, продолжавшійся съ 11-ти часовъ утра до втораго часа пополудни. „Оставаться на мѣстѣ—продолжаетъ тоже донесеніе—сдѣлалось невыносимымъ, до такой степени былъ жестокъ огонь непріятеля. Владимірцы начали было отступать; но на помощь имъ тотчасъ былъ придвинутъ Суздальскій полкъ и турки пріостановились. Имѣя въ виду близость общей атаки, я приказалъ Суздальскому пѣхотному полку атаковать непріятеля и сбросить его съ Зеленой горы".

Непріятель не выдержалъ удара Суздальскаго полка, который, молча, безъ крика „ура", ринулся на турокъ и отбросилъ ихъ къ редутамъ. Но и оттуда наши были осыпаны сплошнымъ градомъ свинца. Тѣмъ не менѣе, къ часу, назначенному для приступа, у Скобелева оставались нетронутыми боемъ пять батальоновъ, а именно: Ревельскій полкъ, 11-й и 12-й стрѣлковые батальоны. Однако, всѣ они скоро введены были въ дѣло, и князь Имеретинскій нашелся вынужденнымъ поддержать его собственными силами. Такъ, вскорѣ послѣ начала приступа, былъ отданъ весь Либавскій полкъ, къ вечеру были двинуты два батальона Эстляндскаго полка, а третій батальонъ этого полка, съ батальономъ калужцевъ, вступилъ въ дѣло утромъ 31-го Августа. Итакъ, все, что̀ находилось у князя Имеретинскаго, было отдано на Зеленыя горы, и только въ Брестовцѣ оставался послѣдній батальонъ Калужскаго полка.

Въ назначенный часъ, т. е. въ три пополудни, отрядъ генерала Скобелева двинулся на пригородныя укрѣпленія и взялъ ихъ послѣ невообразимаго кровопролитія. Непосредственнымъ участникамъ этого смѣшенія чугуна, свинца и человѣческаго тѣла трудно разсказать послѣдовательный ходъ происшедшаго боя; тѣмъ менѣе оно возможно для насъ, хотя и стоявшихъ рядомъ, но только слышавшихъ изъ-за лѣса ужасную стрѣльбу. Казалось, что тамъ не было возможности уцѣлѣть живому существу. Кришинскій редутъ, укрѣпленія сѣверо-восточной стороны Плевны и окопы, на которые шли владимірцы, суздальцы, 9-й и 10-й стрѣлковые батальоны, пронизывали съ трехъ сторонъ нашу пѣхоту, и сплошной градъ пуль съ плевнинскихъ окоповъ чуть было не остановилъ приступа на нихъ.

Ревельскій полкъ, говорили очевидцы, пошелъ на выручку нервыхъ восьми батальоновъ, и вмѣстѣ съ ними осадилъ противника; вслѣдъ затѣмъ всѣ одиннадцать батальоновъ какъ-бы нырнули въ приливъ турецкихъ подкрѣпленій и потонули въ ихъ громадѣ; такъ же безслѣдно исчезли въ ней и либавцы, двинутые за Ревельскимъ полкомъ, и дѣло готово было рухнуть при его началѣ. Тогда-то, какъ послѣдняя надежда, были двинуты 11-й и 12-й стрѣлковые батальоны, доселѣ находившіеся въ запасѣ у Скобелева. Къ нимъ примкнули собравшіеся люди предшествовавшихъ полковъ, и Скобелевъ, окруженный ими, ворвался въ первый плевнинскій редутъ.

Во все это время кришинскіе редуты служили цѣлью для дѣйствій нашихъ конныхъ батарей; они выпали на нашу долю, потому что пѣхотѣ некого было поставить противъ нихъ. И въ этомъ случаѣ конница сдѣлала все, что̀ было ей подъ силу.

Одновременно съ движеніемъ Скобелева на третій гребень, 8-я донская батарея участила свой огонь по кришинскому редуту, и оттянула его на себя во время атаки третьяго кряжа.

Часть сотенъ бригады Чернозубова, подъ начальствомъ войсковаго старшины барона Штакельберга, выдвинулась къ с. Кришину; турецкіе сторожевые посты отступили передъ нею и казаки заняли селеніе. Остальныя сотни бригады Чернозубова, прикрывая находившуюся при нихъ 15-ю батарею, смѣло выдвинулись впередъ, а 15-я батарея соединила свои выстрѣлы съ 8-ю донскою батареею; турки же, въ виду появленія казаковъ, открыли ружейный огонь изъ траншей, что́ были передъ кришинскими редутами. Снаряды нашихъ батарей въ двухъ мѣстахъ разрыли валъ редута и попортили амбразуру, но въ часы перерыва орудійнаго огня турки успѣвали исправлять поврежденія. Когда же, при началѣ общаго приступа, орудія кришинскихъ редутовъ направили свой огонь на лѣвое крыло Скобелева, тогда мѣткій огонь донскихъ батарей снова принудилъ ихъ обернуться въ нашу сторону. Раза два турки пробовали свозить свои орудія съ редута и направлять ихъ на Зеленыя горы, но каждый разъ наши батареи учащали свои выстрѣлы и били по туркамъ.

Желая еще болѣе оттянуть на себя огонь кришинскихъ редутовъ и, по возможности, выяснить силу сидѣвшей въ нихъ пѣхоты, генералъ Леонтьевъ приказалъ Екатеринославскому драгунскому полку спѣшиться и угрожать восточному редуту. Драгуны подошли балкою, въ пѣшемъ строѣ поднялись они на гребень, западнѣе нашей батареи, залегли въ кукурузѣ и вызвали на себя сплошной огонь изъ турецкихъ окоповъ, что́ были передъ редутомъ. Въ то же время эти послѣднія были усилены новыми поддержками турокъ, и передъ драгунами, повидимому, залегло не менѣе табора пѣхоты. Почти одновременно съ драгунами, которые притягивали на себя турокъ изъ западнаго редута, донцы бригады Чернозубова предприняли то же самое противъ восточнаго редута, выславъ охотниковъ подъ начальствомъ барона Штакельберга. Задымились и передъ донцами покатые подступы къ редуту, и вниманіе турокъ было отвлечено и отсюда въ нашу сторону.

Но вотъ за противоположнымъ скатомъ кришинскихъ высотъ снова раздались орудійные и ружейные выстрѣлы. По направленію орудійнаго дыма, ясно обозначавшагося съ нашего мѣста, нельзя было сомнѣваться, что свѣжія подкрѣпленія противника вышли отъ юго-запада Плевны, расположились между ею и кришинскими редутами, и продольно обстрѣ-

ливали Скобелева. Тогда 15-я донская батарея сосредоточила свой огонь противъ кришинскихъ редутовъ, а наша 8-я начала бить черезъ пролетъ между ними, по турецкимъ подкрѣпленіямъ. Повидимому, огонь двѣнадцати нашихъ орудій облегчилъ положеніе отряда генерала Скобелева. Кришинскіе редуты всецѣло занялись нами. Лица, непосредственно состоявшія при князѣ Имеретинскомъ, все время находившагося между вторымъ и третьимъ гребнемъ, свидѣтельствовали о чрезвычайномъ содѣйствіи ихъ въ это время лѣвому крылу нашихъ войскъ; генералъ-же Леонтьевъ писалъ оттуда полковнику Тутолмину:

„Скобелева теперь не бьютъ во флангъ; но ежели-бы турки опять начали стрѣлять въ него съ того редута, который вы утромъ обстрѣливали, то отправьте обстрѣливать его 8-ю конную батарею съ уланскимъ полкомъ. Сообщите всѣмъ и моимъ, что дѣла наши поправляются. Гривицкій редутъ взятъ, а Скобелевъ удерживаетъ за собою чуть было не отнятые у него редуты. Только что прошелъ къ нему по шоссе полкъ, на подкрѣпленіе“.

Свидѣтельствовалъ о помощи конницы и генералъ Скобелевъ, говорившій въ своемъ донесеніи, что „отступленіе турокъ, атаковавшихъ насъ со стороны Кришина, было вызвано отчасти появленіемъ нашей кавалеріи близъ редута, открытіемъ огня противъ него нашею конною батареею и, наконецъ, смѣлымъ занятіемъ нашими казаками деревни Кришина“.

Вскорѣ послѣ полученія упомянутой мною записки генерала Леонтьева, снова раздалась усиленная стрѣльба у Скобелева, и 8-я конная батарея, подъ прикрытіемъ уланскаго полка, выдвинулась противъ Кришина. Вслѣдъ за этимъ пріѣхалъ къ намъ генералъ Леонтьевъ, сообщившій, что тамъ закипаетъ новый бой и что противъ кришинскихъ редутовъ онъ выставилъ всѣ три конныя батареи. Онѣ били по редутамъ и по туркамъ, скоплявшимся за ними противъ лѣваго крыла Скобелева, а въ это время, перемѣшавшіяся его войска стойко держались въ первомъ редутѣ, благодаря хладнокровнымъ распоряженіямъ начальниковъ. Между ними главная доля заслуги, по донесенію Скобелева, относилась къ капитану Куропаткину: онъ съумѣлъ собрать подъ редутомъ человѣкъ триста и выставить ихъ къ сторонѣ непріятеля, наступавшаго между Плевной и Кришиномъ. Подъ заслономъ густой цѣпи Куропаткина, подошли свѣжія три роты либавцевъ и сборныя роты отъ частей 12-го стрѣлковаго батальона, Суздальскаго и Ревельскаго полковъ. Эта подмога свѣжей и отдохнувшей горсти людей влила новыя силы оборонявшимся, и общими ихъ усиліями турки были выбиты изъ втораго редута.

Стрѣлки и ревельцы, говоритъ генералъ Скобелевъ, были направлены влѣво, для прикрытія со стороны Кришина, а либавцы и суздальцы были двинуты въ атаку на редутъ № 2 и заняли его.

Итакъ, задача отрядовъ, занимавшихъ 30-го Августа плевно-ловчинское шоссе, была исполнена на столько, что вся ихъ пѣхота стояла въ городскихъ окопахъ Плевны и окапывалась въ нихъ. Однако, за недостаткомъ лопатъ, которыхъ отчасти замѣнили штыки и манерки, и не смотря на то, что тѣла убитыхъ пошли на завалъ, войска все-таки не были укрыты, какъ то было нужно. Непосредственныя и слабыя ихъ подкрѣпленія стояли на Зеленыхъ горахъ и не было возможности двинуть ихъ въ другую сторону, какъ, напр., на кришинскіе редуты. Если-бы и хватило силъ на столько, чтобы занять укрѣпленія, то невозможно было надѣяться съ этою горстью людей удержать ихъ за собою. Слѣдовательно, предстояло-бы новое, безплодное пролитіе крови, и турки безпрепятственно могли-бы двинуться по ней на Брестовецъ и уничтожить отрядъ Скобелева.

Можно было надѣяться получить подкрѣпленія изъ-за Тученицкаго оврага. Тамъ, думалось, есть общій резервъ; оттуда, казалось, должна быть и помощь. Но такъ только думалось и казалось, а на самомъ дѣлѣ и въ главныхъ нашихъ силахъ все было натянуто до послѣдней степени. Въ доказательство этого, я считаю себя въ правѣ привести слова капитана Карамышева *), посланнаго въ главную квартиру съ подробнымъ докладомъ о положеніи дѣлъ и просьбою о подкрѣпленіи. „Тамъ вполнѣ сознавали необходимость подкрѣпить насъ“, говорилъ мнѣ Карамышевъ, но у нихъ не было на это возможности. И потому, какъ единственное для насъ утѣшеніе, мнѣ было сказано: во-1-хъ, у васъ есть Скобелевъ, а во-2-хъ, мнѣ нечего вамъ дать. Въ такомъ положеніи застала насъ ночь на кришинскихъ высотахъ и когда совершенно стемнѣло, то конница была отведена къ Брестовцу. Сторожевыя сотни остались на нашихъ мѣстахъ, а батареи расположились на гребнѣ его, для обстрѣливанія подступовъ на шоссе. Но часу въ десятомъ вечера къ намъ прибылъ ординарецъ Скобелева, хорунжій Дукмасовъ, съ запискою начальника штаба отряда, князя Имеретинскаго, въ которой было сказано: „Скобелевъ требуетъ двѣ сотни; послать скорѣе. Паренсовъ“. И Дукмасовъ провелъ въ темнотѣ на Зеленыя горы 2-ю и 3-ю сотни Владикавказскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Энгельгардта. Итакъ, три сотни Владикавказскаго полка находились въ боевой линіи собственно Зеленыхъ горъ **).

Выдѣленіемъ ихъ закончилось для насъ 30-е Августа. На сѣверо-восточной сторонѣ Плевны въ этотъ день достался въ руки 9-го корпуса и

*) Карамышевъ состоялъ въ распоряженіи генерала Добровольскаго, который былъ убитъ въ первомъ взятомъ редутѣ. Послѣ смерти своего начальника, Карамышевъ оставался при генералѣ Скобелевѣ.

**) Не слѣдуетъ забывать, что три сотни назывались только сотнями; въ сущности не набиралось и двухъ.

румынъ первый гривицкій редутъ, взятый самоотверженнымъ хладнокровіемъ главныхъ начальниковъ частей этого корпуса. Противъ сводной дивизіи 4-го корпуса 30-е Августа ознаменовалось кровопролитнымъ приступомъ 1-й бригады 30-й пѣхотной дивизіи. Много было разнообразныхъ разсказовъ про отчаянную отвагу этой бригады. Конечно, не обошлось и безъ злословія по поводу преждевременнаго ея приступа, такъ какъ она бросилась на окопы гораздо раньше назначеннаго часа. Но на сколько можно судить изо всего сказаннаго про этотъ приступъ, то, какъ кажется, все дѣло заключалось опять-таки въ обстоятельствахъ, не поддающихся разсчету. Густой туманъ застилалъ пространство между турками и нашею пѣхотой. Въ этомъ туманѣ задвигались турки передъ 1-ю бригадой 30-й дивизіи и именно въ то время, когда на Зеленыхъ горахъ шелъ бой изъ-за третьяго кряжа. Головныя части бригады приняли его за общее наступленіе противника, бросились впередъ, овладѣли ближайшими окопами и засѣли въ нихъ подъ страшнымъ огнемъ турокъ. Вся бригада стремительно поддержала переднихъ, но общаго успѣха быть не могло по внезапности происшедшаго случая. Онъ, вѣроятно, былъ слишкомъ порывистъ и единиченъ для того, чтобы увлечь за собою средину боеваго порядка; а по диспозиціи оставалось еще очень много времени до общаго приступа. Отвага покорилась силѣ, и бригада должна была отступить, потерявъ „половину своего состава и почти всѣхъ офицеровъ“. Успѣхъ поднялъ силы противника, а наши ослабѣли, и общій приступъ на турецкія твердыни былъ уже разрозненъ.

31-го Августа.

Ночь на 31-е Августа застигла противниковъ въ неопредѣленномъ положеніи: наши не докончили всего дѣла, турки же потеряли весьма чувствительныя для нихъ мѣста. Впослѣдствіи болгаре говорили: „еще бы часа два и турки ушли бы изъ Плевны“. Слова эти потомъ подтвердились; но въ то время чувствовалось только то, что нужны подкрѣпленія израсходованнымъ силамъ. Кришинъ и Зеленыя горы были важнѣе для насъ и опаснѣе для турокъ, сравнительно съ прочими высотами непріятельской обороны. Очевидность этого положенія поселяла надежду на непремѣнную присылку подкрѣпленій въ соединенные отряды князя Имеретинскаго и Скобелева. Но сѣверо-восточная часть русскаго стана раскинулась на громадномъ пространствѣ, по которому пролегалъ прямой путь изъ Плевны на Систово, а въ запасѣ у генерала Зотова оставалось, какъ онъ говоритъ въ донесеніи, „всего два нетронутыхъ полка“. Ихъ необходимо было удержать тамъ на случай наступленія турокъ. Слѣдовательно, нечѣмъ было и усиливать наши зеленогорскіе отряды; а между тѣмъ, вся бывшая въ бою пѣхота этихъ отрядовъ представляла

собою, по донесенію Скобелева, „сборныя команды полковъ: Владимірскаго, Суздальскаго, Ревельскаго, Либавскаго *), 9-го, 10-го, 11-го и 12-го стрѣлковыхъ батальоновъ. На Зеленыхъ горахъ у князя Имеретинскаго оставались два батальона Эстляндскаго полка и Калужскій полкъ, потерявшіе, какъ уже сказано, 27-го Августа до 700 человѣкъ.

Всѣ эти силы князя Имеретинскаго, за исключеніемъ послѣдняго батальона Калужскаго полка, занимавшаго Брестовецъ, стояли на второмъ гребнѣ съ батареею въ 24 орудія. Сборныя части генерала Скобелева находились въ занятыхъ имъ плевнинскихъ окопахъ.

Оба эти отряда находились другъ отъ друга не менѣе, какъ въ 600 саженяхъ разстоянія. Князь Имеретинскій не могъ спуститься съ горъ, чтобы не отдать ихъ въ руки турокъ; войскамъ же Скобелева нельзя было покинуть редутовъ, доколѣ не принудятъ его къ этому силою.

„Турки поняли опасность такого положенія—говоритъ въ своемъ донесеніи Скобелевъ—и нѣсколько разъ пробовали ударить въ тылъ, какъ съ праваго, такъ и съ лѣваго крыла на защитниковъ редута, но каждый разъ были отброшены съ урономъ". Для возможнаго облегченія своего положенія, генералъ Скобелевъ отвелъ часть отряда къ третьему гребню; Куропаткину онъ поручилъ окопаться къ сторонѣ Кришина, а отъ сотни Владикавказскаго полка и присланныхъ къ нему двухъ взводовъ 34-го Донскаго полка **) выставилъ посты передъ пѣхотною цѣпью.

„Имѣя въ рукахъ 50 — 60 человѣкъ изъ сотни Владикавказскаго полка — говоритъ въ своемъ донесеніи Скобелевъ — я чувствовалъ свое положеніе болѣе обезпеченнымъ, ибо я рѣшился, при переходѣ непріятелемъ ночью въ наступленіе, пожертвовать этими храбрецами и бросить ихъ въ атаку на непріятеля". Всю ночь дрожали Зеленыя горы въ перекатахъ ружейной перестрѣлки. Мгновенно зарождалась она въ безпорядочномъ грохотѣ какого либо участка стрѣлковъ и тотчасъ же замирала въ непроглядной темнотѣ ночи. Ясно было, что обѣ стороны утомились боемъ, и возбужденное ихъ настроеніе разрѣжалось градомъ ружейныхъ выстрѣловъ. Быть можетъ, обѣимъ сторонамъ порою только чудился противникъ, но, тѣмъ не менѣе, не болѣе какъ двѣсти саженъ отдѣляли ихъ другъ отъ друга, послѣ кровавой работы цѣлаго дня. Не мало было причинъ утомиться, послѣ страшной бойни 30-го Августа, и дорого-бы дали и русскіе, и турки за часъ покойнаго отдыха; но боевыя потребности надрывали и остатокъ силъ зеленогорскаго отряда. Патроны были израсходованы; патронные ящики отыскивались и подвозились въ темнотѣ; поэтому заряды берданокъ попадали къ ружьямъ Крынка, и наоборотъ. Являлась новая перевозка заблудившихся ящиковъ и, наконецъ-то, они достигали уже своего назначенія у третьяго гребня.

*) Включая въ послѣдній менѣе другихъ потерявшія людей три роты этого полка.

**) Они обозначены въ донесеніи, но откуда и когда они прибыли—мнѣ неизвѣстно.

Здѣсь разбирались патроны на-руки, переносились и подвозились казаками въ редуты. Словомъ, и въ эту ночь происходила та невѣдомая постороннимъ людямъ изнуряющая людей работа, тягость которой можетъ понять только тотъ, кто испыталъ ее на себѣ. Напряженіе кровопролитнаго боя кажется пріятнымъ удѣломъ, въ сравненіи съ тѣмъ хаосомъ и безсиліемъ, въ которомъ можетъ очутиться человѣкъ, попавшій въ такое положеніе. Чего стоитъ уборка раненыхъ и обязанность хладнокровно чувствовать ихъ стоны, которыхъ не замѣчаешь и не слышишь въ шумѣ боя? Не трудно высказать: подобрать, свезти и сдать всѣхъ раненыхъ на перевязку; но для того, чтобы выполнить эту работу, надо имѣть время и порядокъ, мужество и силу. Наконецъ, наступило затишье, которое далеко не безусловно продолжалось до 6-ти часовъ утра.

Въ теченіи этого времени къ генералу Скобелеву былъ присланъ адъютантъ Великаго Князя Главнокомандующаго, полковникъ Орловъ. Ему тутъ-же, на мѣстѣ, было выяснено положеніе дѣлъ и поручено доложить о необходимости подкрѣпленій. Выше было уже сказано о количествѣ имѣвшихся подкрѣпленій; поэтому, къ утру князю Имеретинскому была доставлена депеша, въ которой говорилось:

„По приказанію Главнокомандующаго, предписываю вамъ и генералу Скобелеву укрѣпиться и держаться на нынѣ занимаемыхъ позиціяхъ впредь до особаго приказанія. Подкрѣпленій не ждите: ихъ у меня нѣтъ. Ожидаю точныхъ свѣдѣній о потеряхъ 30-го Августа.

Генералъ-лейтенантъ Зотовъ“.

Въ силу этого приказанія, 31-е Августа началось у насъ артиллерійскимъ боемъ. Конница генерала Леонтьева съ ранняго утра выдвинулась передъ кришинскіе редуты и стала передъ ними уступами побригадно. Кавказская бригада занимала ближайшій гребень къ редуту; за нею, уступомъ назадъ и ближе къ шоссе, стала Донская бригада; 1-я бригада 4-й кавалерійской дивизіи составляла 3-й уступъ—ближе къ шоссе и къ Брестовцу. Въ то-же время, пѣхота нашего отряда до-нельзя отбивалась въ занятыхъ ею окопахъ. Къ 8-ми часамъ утра она отбила уже два приступа турокъ; они отхлынули на время, но не отступили. Тогда же начальнику Кавказской бригады была прислана записка отъ генерала Леонтьева, находившагося на третьемъ гребнѣ горъ, въ которой было сказано:

„Здѣсь положеніе дѣлъ еще не опредѣлилось. Для свѣдѣнія сообщаю вамъ, что два батальона нашей пѣхоты занимаютъ укрѣпленную позицію правѣе деревни Кришинъ (т. е. отъ васъ правѣе). Посылаю эскадронъ драгунъ для развѣдки на софійское шоссе. Въ какомъ поло-

женіи дѣло у васъ? Считаю необходимымъ оставаться еще здѣсь до выясненія нашихъ дѣлъ.

Генералъ-маіоръ Леонтьевъ".

31-го Августа. Получена въ 8-мъ часовъ утра.

Въ отвѣтъ на эту записку генералу Леонтьеву было донесено, что наши посты связаны съ лѣвымъ крыломъ Зеленыхъ горъ *); что съ утра турки вывели два орудія и двѣ или три роты пѣхоты изъ редутовъ противъ лѣваго крыла Скобелева, но въ настоящую минуту они возвратились на свои мѣста. Можно полагать, что ихъ принудили къ тому наши орудія, которыя бьютъ по кришинскимъ редутамъ и по турецкимъ колоннамъ, скрытымъ въ балкѣ за ними. Силы ихъ опредѣлить не удалось, но достовѣрно, что онѣ состоятъ изъ пѣхоты и конницы.

Въ $10^1/_2$ часовъ утра тотъ-же полковникъ Орловъ привезъ генералу Скобелеву записку, о которой мы узнали впослѣдствіи, но помѣщаю ее здѣсь для послѣдовательности изложенія. Въ запискѣ было сказано:

„По приказанію Великаго Князя Главнокомандующаго, если вы не можете удержаться на занятыхъ вами позиціяхъ, то начните, но, по возможности, отнюдь не ранѣе вечера, медленное отступленіе къ Тученицѣ, прикрываясь конницею Леонтьева. Сообщите это приказаніе Его Императорскаго Высочества князю Имеретинскому. Держите все это въ великомъ секретѣ; а въ томъ, что вы поймете и съумѣете сдѣлать должное—сомнѣнія нѣтъ. Гривицкій редутъ у насъ въ рукахъ; но продолжать наступленіе не съ чѣмъ, а потому рѣшено медленное отступленіе. 31-го Августа, $8^1/_2$ часовъ утра.

Генералъ Зотовъ".

Въ силу этого распоряженія, генералъ Леонтьевъ писалъ, около часу пополудни, полковнику Тутолмину:

„Притяните всю кавалерію вправо къ тому мѣсту, гдѣ стояли драгуны сегодня утромъ. Цѣль этого движенія заключается въ томъ, чтобы не дать отрѣзать нашу пѣхоту отъ шоссе, въ случаѣ отступленія ея на Боготъ. Когда это будетъ исполнено, извѣстите немедленно. Нахожусь на шоссе у виноградниковъ; найдти легко, потому что на этомъ мѣстѣ скучено много повозокъ".

Тѣмъ временемъ турки снова ринулись на Скобелева, и снова были отброшены стрѣлками и ротами Либавскаго полка, поддержанныхъ осетинами, смѣнившими сотни Владикавказскаго полка, стоявшія ночью на Зеленыхъ горахъ. „Дѣятельное содѣйствіе стрѣлкамъ и либавцамъ,—доносилъ Скобелевъ—оказала сотня осетинъ, разсыпанная мною въ цѣпь,

*) Кубанскаго полка юнкеру Стеценко поручено было находиться съ главнымъ постомъ въ промежуткѣ между вторымъ редутомъ и Зелеными горами. Свѣдѣнія, сообщенныя генералу Леонтьеву, присланы Стеценкой.

лѣвѣе цѣпи стрѣлковъ. Вообще, продолжаетъ онъ, поведеніе Осетинскаго дивизіона въ эту кампанію, по безпримѣрному самоотверженію и рыцарской храбрости, выше всякой похвалы".

Около того-же времени въ Кавказскую бригаду сообщено было о двухъ донесеніяхъ, полученныхъ отъ разъѣздовъ регулярной кавалеріи, находившихся на лѣвомъ берегу Вида. Въ донесеніяхъ этихъ, за подписью штабсъ-ротмистра Ласкевича, было сказано, что три эскадрона и столькоже таборовъ турецкой пѣхоты идутъ по плевно-софійскому шоссе, на высотѣ с. Крушевацъ, и что по другому направленію, а именно, версты на три ниже, румыны и драгуны ведутъ перестрѣлку съ турками *).

Между тѣмъ турки собирались обрушиться на зеленогорскій отрядъ, и во второмъ часу пополудни выказали уже явное намѣреніе выбить Скобелева изъ редутовъ. Османъ собралъ противъ него громадное число войскъ, которое должно было раздавить остатки зеленогорскаго отряда. Но въ этотъ-то часъ и подоспѣла къ нему неожиданная помощь: командующій 4-мъ корпусомъ генералъ Крыловъ, узнавъ о грозящей опасности зеленогорскому отряду, не задумался объ отвѣтственности за ослабленіе своихъ силъ и на свой страхъ отправилъ Шуйскій полкъ поддержать генерала Скобелева.

Въ $2^1/_2$ часа Скобелеву было уже извѣстно о прибытіи къ нему Шуйскаго полка; но этотъ полкъ состоялъ не болѣе, какъ изъ 1300 человѣкъ **). Шуйцы послужили оплотомъ скобелевскому отступленію и, развернувшись подъ страшнымъ огнемъ противника, пропустили сквозь себя отступившихъ изъ редутовъ. Въ 5 час. пополудни редуты окончательно были уже во власти турокъ. Общепринятое выраженіе: опрокинутый превосходными силами противника — не можетъ передать въ данномъ случаѣ понятія о томъ, что происходило на скобелевскихъ редутахъ въ то время, когда онъ передавалъ ихъ туркамъ: они завалили громадою своихъ силъ еле замѣтную между ними горсть нашей пѣхоты, не стонала, а словно исчезла окрестность Зеленыхъ горъ въ сплошномъ рокотѣ ружейнаго гула. Тутъ не было обычнаго треска винтовокъ, въ которомъ слышится начало и конецъ; тутъ не было мгновенія, въ которое сознавалось бы—я живъ, а онъ убитъ; тутъ все и всѣ подпали власти смерти, и много храбрыхъ на вѣки осталось въ редутахъ. Тѣмъ не менѣе, 24 орудія и сборныя части зеленогорскаго отряда не отдали втораго гребня и отбросили турокъ.

„Противъ турокъ, прорвавшихся сквозь наши рѣдкія цѣпи—доносилъ Скобелевъ—я послалъ въ атаку сотню донцевъ и 2-ю сотню Владикавказскаго полка. Атака была произведена стремительно и съ полнымъ успѣхомъ. Много турокъ порублено".

*) Т. е. отрядъ генерала Лошкарева имѣлъ перестрѣлку съ турками.

**) Въ пѣхотномъ полку, по спискамъ военнаго времени, считается 3000 человѣкъ

Въ ту минуту, когда турки выбивали нашихъ изъ окоповъ, генералъ Леонтьевъ писалъ полковнику Тутолмину:

„Скобелевъ выбитъ изъ укрѣпленій и отступаетъ. Прикажите прекратить стрѣльбу; стяните свою бригаду; наблюдайте и охраняйте лѣвый флангъ и пришлите князю Имеретинскому одну сотню. Сейчасъ пришлю къ вамъ Донскую бригаду. Распространите разъѣзды ближе къ шоссе, и ежели будете вынуждены прикрывать отступленіе, то старайтесь отрѣзать непріятеля отъ шоссе; охватите его лѣвый флангъ. Отступленіе предполагается на Боготъ".

Бригада изготовилась къ рѣшительному удару, но, вмѣсто прекращенія стрѣльбы, она была усилена до крайней степени. Все ближе и ближе подвигался дымъ на Зеленыя горы; кришинскіе редуты могли пронизывать второй и третій гребень, и туркамъ выгодно было двинуться въ обходъ Зеленыхъ горъ. Прибывшій къ намъ въ эту минуту генералъ Леонтьевъ, видя положеніе дѣлъ, стянулъ всѣ три бригады и выдвинулъ противъ кришинскихъ редутовъ ихъ батареи. Сильнѣйшій огонь открытъ былъ изо всѣхъ нашихъ орудій, и турки остались въ своихъ окопахъ. Позднею ночью конница отошла къ Брестовцу, оставивъ отъ всѣхъ полковъ сторожевыя сотни и эскадроны по направленію возможнаго наступленія турокъ.

Очищеніемъ плевнинскихъ редутовъ закончился третій приступъ на Плевну. И на этотъ разъ отвага младшихъ и мужество старшихъ не помогли сломить количества турокъ, сплотившихся противъ нашего сравнительно тонкаго обхвата. Много подвиговъ личнаго самоотверженія свершилось на Зеленыхъ горахъ, но не многіе изъ совершившихъ эти подвиги пережили свое мужество: 8000 человѣкъ выбыли изъ 15000 зеленогорскаго отряда. Палъ на редутахъ и пылкій генералъ Добровольскій, ринувшійся въ рукопашную свалку; тяжело былъ контуженъ и умеръ генералъ Тебякинъ, хладнокровный защитникъ перваго редута; сдержалъ свое слово и маіоръ Горталовъ, назначенный начальникомъ этихъ редутовъ: не отступилъ онъ, обѣщая отстаивать редутъ, и только черезъ пронзенное штыками его тѣло турки шагнули на валы редута. Безстрашно погибъ и охотникъ Сергѣй Верещагинъ, исполнявшій обязанности добровольнаго ординарца и производившій съемку подъ градомъ турецкихъ пуль. Счастливѣе другихъ былъ Куропаткинъ, во всевозможныхъ положеніяхъ видѣвшій турокъ. Онъ встрѣчалъ ихъ лицемъ къ лицу; онъ провожалъ ихъ съ тылу; онъ видѣлъ ихъ надъ собою, когда вкапывался въ землю у подножія высотъ, и, наконецъ, взглянулъ на нихъ, взлетѣвъ на воздухъ. Это обстоятельство случилось съ нимъ въ промежуткѣ турецкихъ приступовъ на редуты. Помѣстившись подлѣ зарядnаго ящика, онъ записывалъ убыль одного изъ пѣхотныхъ полковъ, со словъ стоявшаго рядомъ съ нимъ офицера. Выбранное имъ мѣсто

считалось укрытымъ, такъ какъ оно находилось между траверзомъ и валомъ редута; а потому, для безопасности отъ выстрѣловъ, здѣсь и былъ поставленъ зарядный ящикъ. Но граната отыскала этотъ ящикъ, ударила въ него и, казалось, что страшный разлетъ его снарядовъ никого не оставитъ въ живыхъ изъ защитниковъ редута. Потрясающее „алла!“ привѣтствовало удачу выстрѣла, и турки, пользуясь мгновеньемъ могильной тишины въ редутѣ, бросились на русскихъ. Въ это-то мгновенье раздался хладнокровный, повелительный возгласъ: „первое—пли!“ Вслѣдъ за нимъ грянулъ и какъ-бы воскресшій редутъ. Сосѣди приписываютъ Куропаткину это громкое, спасительное для нихъ, „первое пли!“ хотя онъ, по свойственной ему скромности, и отрицаетъ это. Какъ-бы тамъ ни было, а на глазахъ всѣхъ Куропаткинъ, будучи откинутъ на воздухъ, не выпустилъ изъ рукъ даже записной своей книжки; отъ стоявшаго подлѣ него офицера почти не осталось и слѣда, ѣздовые и ящичныя лошади были перебиты, а онъ оказался только контуженнымъ въ голову.

Какъ на одинъ изъ счастливыхъ случаевъ укажу и на подвигъ неизвѣстнаго по имени казака Кавказской бригады. Я слышалъ его отъ очевидцевъ и въ томъ числѣ отъ одного изъ крупныхъ начальниковъ, котораго не смѣю назвать, потому что не ручаюсь за свою память. Дѣло заключалось въ томъ, что зарядный ящикъ троечной запряжки спускался по шоссе отъ третьяго гребня по направленію къ редутамъ. Ѣздовой былъ убитъ, лишь только ящикъ выѣхалъ на открытое мѣсто, и лошади помчались прямо въ Плевну. Онѣ находились уже въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ турокъ, какъ въ это время ихъ нагналъ одинъ изъ казаковъ, раскинутыхъ по гребню. Осыпаемый турецкими пулями, онъ успѣлъ поровняться съ лошадьми, ударами нагайки завернулъ ихъ обратно, и многіе видѣли, какъ онъ скрылся съ ними за поворотомъ третьяго гребня. Ящикъ и лошади остались невредимы и многіе видѣли, что казакъ былъ цѣлъ, пока оставался на виду; но затѣмъ всѣ розыски о немъ остались тщетны. Можетъ быть онъ былъ изъ сотенъ Владикавказскаго полка; можетъ быть онъ принадлежалъ къ конвою генерала Скобелева, составленнаго изъ казаковъ обоихъ полковъ бригады; быть можетъ въ кустахъ нагнала его пуля; но изъ живыхъ никто не признался въ совершеніи этого доблестнаго подвига. Подобное самообрѣченіе на неизвѣстность, вытекавшее изъ скромности, какую выказалъ доселѣ быть можетъ живущій казакъ, не могло въ то время считаться за диво:—многое осталось неизвѣстнымъ.

1-го Сентября.

Раннее утро 1-го Сентября выражалось какимъ-то вопрошающимъ настроеніемъ духа. Что-же будетъ? Орудія не умолкаютъ; пѣхота стоитъ

на второмъ гребнѣ Зеленыхъ горъ; ее охраняютъ почти три сотни Владикавказскаго полка подъ начальствомъ Энгельгардта; стоятъ тамъ и донцы изъ бригады Чернозубова.

Передъ разсвѣтомъ вся конница генерала Леонтьева была отведена за Брестовецъ и стала тамъ въ боевомъ порядкѣ по-близости шоссе. Въ случаѣ наступленія турокъ, тутъ, на плоской возвышенности, вполнѣ была возможна хорошая атака. Едва мы выстроились на ней, какъ отъ князя Имеретинскаго прислано было приказаніе всей Кавказской бригадѣ продвинуться на поддержку генерала Скобелева. Охотно выступила бригада; но въ виду усиленнаго артиллерійскаго огня турокъ, генералъ Скобелевъ остановилъ ее подъ самымъ Брестовцемъ; къ тому-же на Зеленыхъ горахъ упрочилась въ это время надежда на болѣе продолжительное спокойствіе, вслѣдствіе новаго отраженія турокъ съ третьяго гребня.

„Объѣзжая работы втораго гребня—говорилъ генералъ Скобелевъ—я взялъ на случай всѣ свои сотни казаковъ, кустами, скрытно подошелъ къ третьему кряжу и увидѣлъ, что на него взбирается турецкая пѣхотная цѣпь. Тогда я выпустилъ казаковъ въ шашки, и турки бѣжали въ редуты".

Своеобразное зрѣлище представляли въ это время Зеленыя горы. За неимѣніемъ лопатъ, манерки и штыки выбрасывали землю для устройства пѣхотныхъ закрытій. Турки роемъ стояли на отбитыхъ ими редутахъ; у нихъ кипѣли земляныя работы. Отчетливо долеталъ до насъ ихъ громкій говоръ и, повидимому, теперь они не обращали вниманія на русскихъ. Чтобы наказать ихъ за эту дерзость, какъ выразился начальникъ отряда, къ третьему гребню было придвинуто два орудія и мѣткіе ихъ выстрѣлы прогнали турокъ за валы окоповъ.

Послѣ суточнаго дождя 30-го Августа и непривѣтливаго дня 31-го числа, 1-го Сентября наступила теплая погода. Солнце сильно грѣло и непогребенныя тѣла стали разлагаться; смрадъ былъ чрезвычайный, въ особенности въ расположеніи сторожевой цѣпи донцевъ. Не смотря на выносливость обонянія въ военное время, оно не выдержало на этотъ разъ, и сторожевые донцы обвязались платками. Не весело было на душѣ, но невольно пришлось улыбнуться при видѣ окутанныхъ носовъ у людей, которые безразлично относились ко всѣмъ испытаніямъ войны. Для возможнаго облегченія отдано было приказаніе зарыть тѣла на мѣстахъ ихъ паденія; однако это не легко было исполнить. Кого успѣли—тѣхъ зарыли; но въ этотъ день оставалось еще не мало своихъ и чужихъ на солнцепекѣ. Къ чести нашихъ противниковъ слѣдуетъ сказать, что на Зеленыхъ горахъ не было замѣтно изуродованныхъ тѣлъ. Правда, что всѣ они лежали безъ сапоговъ, но не мало русскихъ оставалось и въ верхней одеждѣ; между турками попадались тѣла безъ верхняго платья,

въ одномъ очень чистомъ бѣльѣ; были и совершенно нагія. Большинство турокъ отличалось хорошимъ ростомъ, дородностью и вообще силою тѣлосложенія. Особенно выдавались въ этомъ отношеніи чернокожіе люди. И всѣ они, честно павшіе на полѣ брани, лежали рядомъ, какъ друзья; на всѣхъ, на чужихъ и на своихъ, глядѣлось грустно, но покойно. Такъ быть должно, носилось въ мысляхъ; не по своей винѣ пошелъ и турокъ, точно подсказывалъ рядовой; надо зарыть и его, читаешь въ задумчивомъ взорѣ его доброй души, и тутъ-же, на мѣстѣ смерти, самъ не зная почему, глубоко проникаешься сознаніемъ безсмертія и вѣришь въ присутствіе добра на землѣ.

Въ восьмомъ часу вечера въ Кавказской бригадѣ былъ полученъ приказъ по отряду генерала Скобелева. Привожу его въ той выдержкѣ, въ какой онъ остался у меня по прочтеніи подлинника и передачѣ его въ другія части.

Приказъ помѣченъ:

1-го Сентября, 7 часовъ вечера, подъ Плевной.

„Эстляндскому и Шуйскому полкамъ, съ 5-й батареей 3-й бригады, подъ начальствомъ подполковника Эрна, оставаться на своихъ мѣстахъ, влѣво отъ шоссе, на горѣ.

„Подполковнику Эрну распространить свои цѣпи влѣво къ кришинскому редуту, а по фронту—до стрѣлковыхъ ложементовъ, вырытыхъ нами.

„Опытъ показалъ, что непріятель ограничивается усиленнымъ фронтальнымъ и фланговымъ обстрѣливаніемъ атакуемой части. Подполковнику Эрну теперь-же озаботиться подвозомъ патронныхъ ящиковъ. Пустою трескотнею не заниматься; подпускать ближе и стрѣлять залпами. Батареямъ бить по колоннамъ непріятеля картечными гранатами. Резервомъ лѣвому флангу служитъ батальонъ Калужскаго полка, стоящій въ Брестовцѣ. Батальону этому удержаться во что-бы то ни стало; для наступленія же дожидать приказа отъ меня.

„Кавказской казачьей бригадѣ, въ случаѣ вѣроятнаго наступленія непріятеля къ лѣвому флангу войскъ ввѣренныхъ подполковнику Эрну, направиться изъ Брестовца на Зеленую гору, на помощь пѣхотѣ. Батарею она оставитъ при Калужскомъ батальонѣ для обороны деревни. Предлагаю бригадѣ имѣть впереди себя густую цѣпь, спѣшиваться, гдѣ нужно, искать и охватывать флангъ непріятеля; вообще, дѣйствовать по примѣру своихъ славныхъ отцовъ, сражавшихся въ лѣсахъ Чечни и праваго фланга. Если-бы непріятель дрогнулъ, то стремительно его атаковать и преслѣдовать до сферы ружейнаго огня съ укрѣпленій. Бригадѣ стараться не мѣшать огню пѣхоты, распространяясь, по возможности, влѣво. Вообще молодцамъ-кавказцамъ предлагаю дѣйствовать; а ученаго учить—только портить. Полковнику Энгельгардту начать отходить, убѣдившись, что непріятель дѣйствительно наступаетъ въ прево-

сходныхъ силахъ, но удерживать его, по возможности, сильнымъ огнемъ. При отступленіи оттягиваться ему къ шоссе, очищая линію огня Шуйскому полку. Въ общемъ резервѣ находится полкъ пѣхоты, въ балкѣ, что̀ за Зеленою горою, къ Тученицкому оврагу. Полку этому выслать впередъ дежурную роту и расположить ее по указанію начальника штаба отряда. Докторамъ и санитарамъ съ лазаретными фурами, а равно и артельнымъ котламъ, прибыть къ мѣсту расположенія резерва. Въ случаѣ тревоги, всѣ войска, не исключая Кавказской бригады, остаются на своихъ мѣстахъ. Я въ началѣ боя буду при резервѣ; затѣмъ—на позиціи при артиллеріи.

Подписано: генералъ Скобелевъ".

2-го Сентября.

2-е Сентября было днемъ затишья. Чувствовалось, что обѣ стороны устали и полѣзутъ въ новую драку только въ томъ случаѣ, если кто-нибудь вынудитъ къ этому. Раненые тоже не всѣ еще были отправлены; ружья валялись въ такомъ количествѣ, что, напр., вблизи расположенія Кавказской бригады ихъ набрали два полныхъ воза, которые и сданы были начальству сотникомъ Шанаевымъ.

Въ это же время положительно стало извѣстно, что Зеленыя горы и ловчинское шоссе будутъ очищены нашею пѣхотой, которая отступитъ къ Боготу; конница же должна была оставаться на плевно-ловчинскомъ шоссе подъ Брестовцемъ, для охраненія лѣваго крыла нашихъ войскъ.

Отступленіе на Боготъ было вызвано невозможностью удерживать одновременно гривицкій и, со времени третьей Плевны, такъ называемые скобелевскіе редуты силами нашего тонкаго обложенія. Поэтому и рѣшено было стянуть войска на главномъ пути нашего сообщенія, отъ Плевны на Систово, и сохранить за собою находящійся на немъ гривицкій редутъ.

Позднимъ вечеромъ 2-го Сентября совершилось отступленіе нашей пѣхоты,—и три сотни Владикавказскаго полка, подъ начальствомъ Энгельгардта, были послѣднею частью нашихъ войскъ, отступившею съ Зеленыхъ горъ. Въ случаѣ же напора непріятеля на отступающую нашу пѣхоту, сказано было въ словесномъ приказаніи генерала Леонтьева, вся конница должна была броситься на противника и умереть поголовно, если то будетъ нужно, но не выдавать пѣхоты.

Долго мы ждали этой минуты, сохраняя полную готовность боеваго порядка, но турки не вышли изъ окоповъ и не мѣшали отступленію на Боготъ.

Тутолминъ.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
РСФСР
№
193

Содержаніе.

	стран.
Разсказъ солдата. **С. Крамаренко.**	1
Воспоминанія изъ походовъ въ Азіатской Турціи. 1877—1878. **N. N.**	11
Изъ воспоминаній сотеннаго командира. **Ржевускаго**	114
Дѣло Кутаисскаго полка 24-го октября. ***	235
Изъ писемъ врача съ Кавказа.	252
На батареѣ и въ траншеяхъ. **Мих. Пеземковскаго**	260
Воспоминанія со времени раненія. **Мингрельца.**	270
О смерти полковника Бѣлинскаго. **N.**	276
Воспоминанія участника минувшей войны. **П. К.**	284
Ночное нападеніе на г. Бэрдакъ.	434
Изъ походныхъ записокъ. **А. Платонова**	442
Сраженіе при Горномъ Дубнякѣ. (Изъ записокъ офицера).	465
Шипка. Штабсъ-капитана **Поликарпова.**	477
На Балканахъ, въ обходномъ отрядѣ генерала Рауха. Разсказъ сапера. **Участника**	504

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Кавказская Казачья Бригада въ Болгаріи 1877—1878 гг. (Походный Дневникъ). **И. Тутолмина.** Ч. VI.